

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»
ОБОСОБЛЕННОЕ СТРУКТУРНОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ
«ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А.Х.ХАЛИКОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»**

На правах рукописи

Мыц Виктор Леонидович

**КРЫМ В XIII-XV ВЕКАХ:
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Специальность 5.6.3. Археология (исторические науки)

Том 1.

Казань - 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8-14
Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	
1.1.История исследования.....	15-61
1.2. Источники.....	61-69
Глава II. ФОРМИРОВАНИЕ КРЫМСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	
(20-90-е гг. XIII в.).....	70-176
2.1.Позднечечевические памятники степного и предгорного Крыма XII-XIII вв.....	72-76
2.2.Херсон и Крымская Готия в XIII в.....	76-84
2.3. Походы сельджуков на Херсон в первой трети XIII в.	84-96
2.4.Сторожевые укрепления XIII в. Херсакеи и Крымской Готии.....	96-107
2.5.Мнимое княжество Киркельское.....	107-118
2.6.Храм Иоанна Предтечи (Св.Георгия) в Керчи: проблема датировки памятника.....	118-132
2.7. Историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в.....	132-164
2.8.Основные этапы завоевания Таврики монголами: 1223-1278 гг.....	163-175
Глава III. КРЫМСКИЙ ЮРТ УЛУСА ДЖУЧИ, ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ И ГОТИЯ В XIV ВЕКЕ.....	
3.1.Города Крыма в XIV в.....	176-198

3.2.Крымская Готия в 40-60-х гг. XIV в.....	198-202
3.2.1. Битва на Синей Воде 1363 г. в истории и археологии Крыма.....	202-221
3.2.2. Турмарх Хуитани мангупской надписи 1361/62 г.....	222-225
3.2.3. Храм Христа Спасителя почтенной Пойки.....	225-235
3.3. Феодоро 60-90-х гг. XIV в. в составе Крымского улуса Золотой Орды.....	235-238
3.3.1. Богохранимый город Феодоро в надписях второй половины XIV в. и мнимые князья Мангупа.....	238-251
3.4.Таврика в период политического кризиса в Золотой Орде 60-80-х гг. XIV в.....	251-263
3.5. Не состоявшийся Крымский поход Тимура 1395 г.....	263-266
3.5.1.Археологический контекст политических событий 1395 г.....	266-278
3.5.2. В поисках свидетельств письменных источников.....	278-292
3.5.3. Храмы приморской Готии. Монастырь в бухте Панаир...	292-296
3.3.4. Алушта в золотоордынский период.....	297-305
Глава IV. КАФФА, СОЛХАТ И ФЕОДОРО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV ВЕКА.....	306-437
4.1.Начало правления владетеля Феодоро Алексея I: 1411-1421 гг.....	307-309
4.2.Первый вооружённый конфликт между Кафзой и Феодоро в 1422- 1423 гг.....	309-320

4.3.Генуэзская Газария, Готия и Крымский улус Золотой Орды в первой трети XV в.....	320-321
4.3.1.Генуэзская Газария в 20-х – начале 30-х гг. XV в.: признаки экономического кризиса.....	321-330
4.3.2. Генуэзская крепость Чембало в первой трети XV в.....	330-343
4.3.3. Храмы крепости Чембало.....	343-362
4.3.4.Крымский улус Золотой Орды в 20-х гг. XV в.....	362-366
4.4. Строительная деятельность Алексея I и митрополита Дамиана в 1425-1427 гг.....	366
4.4.1.Феодоритские укрепления: Фуна и Каламита в 20-х – начале 30-х гг. XV в.....	366-374
4.4.2.Город Феодоро в 20-е гг. XV в.: оборонительное, культовое, дворцовое строительство.....	374-394
4.4.3.Восстановление в 1427 г. Партенитской базилики митрополитом Дамианом.....	394-401
4.4.4.Границы владений господ Феодоро.....	401-406
4.4.5. Двуглавый орёл в «геральдике» князей Феодоро XV в. ...	406-427
4.4.6. Эмблема двуглавого орла в «геральдике» государств византийского содружества.....	427-437
Глава V. КРЫМ И ГОСУДАРСТВА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В 30-40-х ГОДАХ XV ВЕКА.....	438-530
5.1.Государства Средиземноморья в 20-х - начале 30-х гг. XV в.....	438-446
5.1.1. Мятеж в Чембало 1433 г.....	446-451

5.2. Экспедиция Карло Ломеллини 1434 г.....	451--453
5.2.1. Отвоевание генуэзцами Чембало и прибрежной Готии в 1434 Г.....	453-462
5.2.2. Поход генуэзцев на Солхат и сражение 22 июня 1434 г. у селения Кастадзона.....	462-468
5.2.3. Причины поражения под Солхатом. Дипломатия Карло Ломеллини.....	468-477
5.2.4. Post factum войны 1434 г.....	477-481
5.3.Таврика и Причерноморье в 1430 - 1440-х гг.....	481-482
5.3.1. Достижение мира между Каффой и Феодоро в 1441 г.....	482-486
5.3.2. Замки Готии в 30-40-х гг. XV в.	486-501
5.3.3.Последние годы правления Алексея I (1442-1446 гг.).....	501-508
5.3.4. Миссия Барнабо ди Вивальди в 1446 г. Новый Устав Каффы 1449 г.....	508-512
5.3.5. Начало правления Олобо. Трапезундско-генуэзский конфликт 1446 г.....	512-517
5.3.6.О пребывании адыгов на территории Готии.....	517-530
Глава VI. ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ В ПЕРИОД УПРАВЛЕНИЯ БАНКОМ СВ.ГЕОРГИЯ (1453-1475 гг.).....	531-666
6.1. Падение Константинополя в 1453 г.....	531-534
6.2.Первые признаки «турецкого страха» в генуэзских факториях 1453- 1455 гг.....	534-539

6.2.1.Экспедиция 1454 г. Темир-Кая в Чёрное море.....	539-545
6.3. Малые города и замки Генуэзской Газарии (1453-1475 гг.).....	545
6.3.1.Частная итальянская сеньория XV в. в Северном Причерноморье.....	545-550
6.3.2.Замок Тасили (1459/60-1475 гг.).....	550-575
6.3.3.Генуэзская Луста в 50-70-е гг. XV в.....	575-599
6.3.4. Луста, Чембало и Капитанство Готии в третьей четверти XV в.....	599-612
6.4. Керкер, Каффа и Феодоро в 50-х гг. XV в.....	612
6.4.1. Политические отношения между Каффой и Феодоро в 1453-1455 гг.....	612-618
6.4.2.Торговая война между Каффой, Керкером и Феодоро в 50-е гг. XV в.....	618-624
6.4.3. Крепости правителей Феодоро в третьей четверти XV в.....	624-639
6.4.4. Фунская надпись 1459 г.....	639-645
6.4.5. Правители Феодоро третьей четверти XV в.: Олобо, Кейхиби, Исаак.....	645-666
Глава VII. ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕДЫК-АХМЕТ-ПАШИ 1475 г. ЗАВОЕВАНИЕ ГЕНУЭЗСКИХ ФАКТОРИЙ И ФЕОДОРО ТУРКАМИ-ОСМАНАМИ. КРЫМ В 1470-80-х ГОДАХ.....	667-755
7.1.Завоевание Генуэзской Газарии и Феодоро турками-османами.....	668-670
7.1.1.Каффа и Феодоро накануне турецкого завоевания.....	670-692
7.1.2. Каффинская война (Guerra di Chaffa) 1475 г.....	692-716
7.1.3. О причинах стремительного падения Каффы в войне с турками-османами 1475 г.....	716-734

7.2.Причерноморье во второй половине 70-х - начале 80-х гг. XV в.	734-739
7.2.1.Иософат Барбаро о побеге Менгли I Гирея из османского плена в 1478 г.	739-755
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	756-769
Список литературы	770-935
Список сокращений	935-937

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. XIII–XV вв. занимают особое место в истории Крыма. События этого времени коренным образом изменили политическую карту Причерноморского региона. Разгромленная крестоносцами в 1204 г. Византия утратила господство в бассейне Чёрного моря. В начале XIII в. бывшие византийские владения в Северном Причерноморье представляли собой три автономных региона: 1) Херсон и Климаты Готии; 2) Сугдея с сельскохозяйственной округой; 3) Боспор и Таманский полуостров. На протяжении XI–XV вв. степная часть полуострова находилась во владении кочевников – до 1223 г. половцев, а затем монголов. Половцам оседлое население платило дань. Завоевания монголов на территории Восточной Европы продолжались на протяжении 1230–70-х гг. С 40-х годов XIII в. началось формирование административной системы управления Монгольской империей в форме улусов. В 60-е годы XIII в. самый западный из них – Улус Джучи, состоявший из правого (Ак-Орда) и левого (Кок-Орда) крыльев, стал самостоятельным государством. Его властители начинают чеканить монеты, создавая благоприятные условия для развития международной торговли и развития городов.

Геополитическое положение Крыма играло особую роль в экономической жизни Улуса Джучи (1227–1502 гг.), именуемого в отечественной литературе Золотой Ордой. Здесь оканчивались сухопутные караванные дороги и начинался морской путь в страны Западной Европы, Египет, государства Ближнего Востока. В Крым из Китая вела одна из крупнейших торговых артерий Средневековья. На рынки полуострова с Востока поступали предметы ремесла, роскоши и пряности. Из северных областей (Руси, Волжской Булгарии и Приуралья) сюда везли меха, кожи, мёд, воск, льняные ткани и проч.

В 70–80-е годы XIII в. на побережье Таврики появились первые фактории генуэзцев и венецианцев. Венецианцы обосновались в Сугдее, а

генуэзцы в Каффе, ставшей крупнейшим торговым центром Причерноморья XIV–XV вв. Развитие трансконтинентальной торговли способствовало росту новых городов и стимулировало деятельность старых местных рынков. Поздневизантийские города имели традиционные категории экспорта, состоявшие из продажи рабов, строевого леса, зерна, соли, рыбы, икры, вина, льна, конопли, кож, овощей, фруктов и др.

Процесс торгово-предпринимательской интеграции временами нарушался конфликтами, одной из причин которых была конкурентная борьба его участников. Стремление Генуи монополизировать торговлю в Чёрном море неоднократно приводило к вооружённым столкновениям с Венецией, Улусом Джучи или его Крымским юртом, княжеством Феодоро, Крымским ханством и др. Территория Таврики в XIII–XV вв. становилась эпицентром столкновений средиземноморских и понтийских государств: Византии, Трапезундской империи, Румского султаната, Золотой Орды, Генуи, Венеции, Феодоро, Молдавского княжества, Крымского ханства, Османской империи.

События XIII–XV вв. нашли отражение в культурных отложениях архитектурно-археологических комплексов крымских городов, крепостей, сельских поселений, монастырей, храмов и проч. Обнаруженные в ходе раскопок находки выразительны и свидетельствуют не только о повседневной жизни полиэтничного и поликонфессионального населения, но и о его обширных торгово-экономических связях. Необычайно широка география найденных в Крыму артефактов: они происходят из Китая на востоке и Пиренейского полуострова на западе; Великого Новгорода на севере и городов Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта на юге.

За последние два-три десятилетия исследователями различных научных центров изданы многочисленные работы, освещающие разносторонние аспекты археологии и истории Крыма XIII–XV вв. Современными учёными (А.И.Айбабиным, Е.А.Айбабиной, С.Б.Адаксиной, Х.-Байером, А.Г.Герценом, С.Г.Бочаровым, И.А.Барановым, И.В.Зайцевым,

С.П.Карповым, В.П.Кирилко, М.Г.Крамаровским, Ю.М.Могаричёвым, В.Е.Науменко, В.А.Сидоренко, Э.И.Сейдалиевым и др.), создана научная база, требующая обобщения. В то же время, как отмечал С.В.Громенко, «историография не пополнилась ни одним фундаментальным обобщающим трудом по крымскому средневековью, а посвящённые ему книги Анатолия Якобсона [1964; 1973] отчасти утратили ценность как в фактологическом, так и концептуальном плане» (Громенко, 2015, с.43).

Хронологические рамки ограничены XIII–XV вв. За нижнюю дату принят 1204 г. – время завоевания Константинополя крестоносцами и переход бывших византийских владений Таврики (кроме г. Сугдеи) под протекторат Трапезунда. В качестве верхней хронологической границы установлено начало 1480-х гг., когда правительством Генуи и крымским ханом Менгли I Гиреем предпринимается безуспешная попытка изгнать османов с территории Крыма.

Территориальные рамки исследования ограничены Крымским полуостровом и сопредельными территориями государств Причерноморья (Византийской, Трапезундской, Османской империй, Золотой Орды, Молдавского княжества).

Объектом исследования является материальная и духовная история Восточной Европы, нашедшая своё отражение в истории Крыма XIII–XV вв., где она представлена в трёх формах культурологических парадигм: «византийской», «золотоордынской» и «западноевропейской».

Предметом исследования является история материальной культуры средневекового Крыма XIII–XV вв.

Цель исследования – на основании комплекса археологических и письменных источников раскрыть роль и место Крыма XIII–XV вв. в контексте средневековой истории Европы данного хронологического периода.

Для достижения этой цели решаются следующие **задачи** исследования:

- систематизация и анализ исторических источников и архитектурно-археологических материалов исследования;
- критический обзор существующих в современной медиевистике концепций на различные аспекты темы;
- характеристика этно-культурных традиций, состава населения Крыма XIII–XV вв. и элементов материальной и духовной культуры;
- сопоставление данных, полученных в результате исследования разнохарактерных архитектурно-археологических памятников и синхронных письменных источников.

Источниковой основой исследования стали материалы, накопленные в ходе изучения культурных отложений в укреплениях Алустон, Фуна, Чобан-Куле, Исар-Кая, Пампу-Кая, Чембало и др., на которых исследована территория в 14000 кв.м. и обработана коллекция находок в 27 тыс. единиц хранения с привлечением данных естественнонаучных анализов. Значительную часть исторических источников составляют сведения поздневизантийских и западных (латинских) разнохарактерных документов, хроник и описаний путешествий, восточных (арабо-персидских и тюркских) сочинений, русских летописей и историко-публицистических произведений.

Методология и методика исследования. Основу исследования составили историко-системный и историко-генетический методы, позволившие интерпретировать комплекс исторических фактов, явлений и событий в их взаимосвязи, выявить структурные и функциональные связи между элементами и проследить их развитие в динамике. Решение поставленных задач производилось с использованием историко-типологического метода, заключающегося в выявлении единичного, общего и особенного в явлениях и проведении на основе этих критериев их типологизации, классификации и систематики.

Спецификой предмета исследования было обусловлено применение методов исторической реконструкции и моделирования для формирования

представления об архитектурном облике населённых пунктов средневекового Крыма.

В работе использовались общенаучные методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение и абстракция, гипотеза и др.

Теоретико-методологические подходы, использованные в исследовании при интерпретации конкретно-исторического материала, позволили систематизировать выявленные факты, представить динамику и основные этапы развития на протяжении XIII–XV вв. трёх государственных структур на территории полуострова: Крымского улуса Золотой Орды; Генуэзской Газарии и княжества Феодоро.

Научная новизна. Впервые систематизированы, обобщены и интерпретированы материалы архитектурно-археологического исследования разнохарактерных (города, замки, поселения, монастыри и храмы) памятников Крыма XIII–XV вв., предложена культурно-историческая и общеисторическая периодизация, разработана их типология, рассмотрен демографический и этнокультурный аспект городского и сельского населения Крымского улуса Золотой Орды, Генуэзской Газарии, поздневизантийской «Херсакеи», Готии и княжества Феодоро. Данные археологических раскопок замка Тасили, наряду с привлечением свидетельств письменных источников, позволили проследить начальный этап развития частной итальянской сеньории в Газарии 50–70-х гг. XV в. Введены в научный оборот материалы архитектурно-археологических комплексов с узкой хронологической датой бытования: Исар-Кая (1220-1270-е гг.); Алустона (70-е гг. XIII и 60-е гг. XIV в.; 1463/64-1475 гг.); Фуны (60-80-е гг. XIV в., 1434 г. и 1459-1475 гг.); Чобан-Куле (1459/60-1475 гг.); отдельных объектов Чембало (1345, 1357, 1386-1388, 1425-1432 гг.), Мангуца (1427, 1458-1475 гг.) и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Систематизированы источники и сведения по истории изучения средневекового Крыма XIII–XV вв. Дана характеристика использованных в

работе новых и ранее известных источников, установлены этапы исследования в соответствии со своеобразием привлекаемых письменных и материальных исторических источников в контексте исследуемых проблем.

2. На основе материалов архитектурно-археологических исследований и свидетельств письменных источников представлены реконструкции и динамика основных этапов развития разнохарактерных памятников (городов, замков, культовых строений и проч.) Крыма XIII–XV вв.

3. На территории изучаемых памятников осуществлена реконструкция жилой застройки с уличной планировкой, локализованы наиболее важные архитектурные доминанты – объекты оборонного и культового зодчества. На основе анализа архитектурных, археологических и письменных источников установлено историческое наименование некоторых объектов.

4. На комплексной базе источников осуществляется анализ развития оборонного зодчества полуострова XIII–XV вв., что позволяет по-новому осветить военную историю Крыма и Понтийского региона, эволюцию оборонительных систем, связанную с изменением тактики их защиты под воздействием развития огнестрельной артиллерии.

5. Полученный в ходе архитектурно-археологического исследования материал XIII–XV вв. позволяет определить наличие на территории Крыма двух школ оборонного зодчества: поздневизантийской и западноевропейской (генуэзской), для которых характерны отличия в метрологии, применяемых архитектурно-строительных решениях, а главное в архитектонике самих крепостных сооружений. Со второй половины XV в. феодориты заимствуют некоторые компоненты (машикули и талусы) у генуэзских фортификаторов.

6. Использование введённых в научный оборот нарративных источников (в том числе и эпистолярного жанра) позволило воссоздать или дополнить условные портретные образы наиболее известных и активных участников исторических событий XIII–XV вв. (ордынского бека Ногая, владельцев Феодоро Алексея I, Олобо, Исаака и Александра, генуэзского нобиля Карло

Ломеллини, основателя Крымского ханства Хаджи Гирея и его сына Менгли I Гирея).

7. Архитектурно-археологические материалы, полученные в результате раскопок последних лет в комплексе с анализом письменных свидетельств, позволяют осуществить исторические реконструкции основных этапов становления на полуострове поздневизантийского анклава в форме княжества Феодоро, административно-территориальных владений Генуи (Генуэзской Газарии), улуса Золотой Орды и его трансформации в новое суверенное государство – Крымское ханство.

Практическая значимость работы. Общие выводы и отдельные разработки диссертации могут быть использованы при издании корпусов источников, написании учебников и учебных пособий, монографий, а собранный и систематизированный материал – при подготовке специальных курсов по археологии, архитектуре, градостроительству, конфликтологии, генеалогии, геральдике, нумизматике, топонимике, этнологии, демографии Причерноморских государств XIII–XV вв. Сведения, полученные при изучении архитектурно-археологических комплексов, служат научной основой для подготовки проектов охранного зонирования, консервации, реставрации и экскурсионному экспонированию. Материалы раскопок в настоящее время используются при организации экспозиций крымских музеев (в Алуште, Бахчисарае, Севастополе, Симферополе, Ялте).

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в 71 публикации, в том числе в 2 авторских монографиях, 20 статьях в рецензируемых изданиях. Отдельные положения исследования докладывались и обсуждались на 9 всероссийских, 11 международных, 12 региональных конференциях, чтениях, симпозиумах и конгрессах.

Структура работы обусловлена её целью и задачами. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списка литературы, перечня сокращений. В отдельный том приложений вынесены иллюстрации к тексту. Каждая глава завершается выводами, содержит сноски и примечания.

Глава I.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. История исследования

В XIII-XV вв. в Крыму происходило динамичное взаимодействие трёх цивилизационных парадигм: поздневизантийской, золотоордынской и лигурийской, представленных тремя формами государственных структур. Несмотря на традиционную для средневекового городского населения полуострова полиэтничность и поликонфессиональность, они обладали ярко выраженными различиями. На базе регионального золотоордынского Улуса Джучи (1240-1440-е гг.), административным центром которого являлся город Кырым (Солхат), к 40-м гг. XV в. возникает Крымское ханство (1443-1783 гг.) с первоначальной столицей в Кырк-Йере (*Зайцев, 2012, с.97-101; Гулевич, 2018, с.209*). Лигурийской республике Св.Георгия (Генуе) удаётся на протяжении 1270-1380-х гг. захватить побережье Крыма и создать в Северном Причерноморье систему торговых факторий (состоявшую из городов, крепостей и селений) получивших название Генуэзская Газария со столицей в Каффе (*Бочаров, 2019б, с.741-770*). Именно Каффа станет крупнейшим торговым портом Чёрного моря XIV-XV вв. (*Карпов, 2018, с.316-358*). В 1360-1380-х гг. лапидарные (греческие) и нарративные (латинские) источники свидетельствуют о появлении на территории горного Крыма (исторической Готии) поздневизантийского государства (княжества), со столицей Феодоро (*Мыц, 2009, с.25-37*). Завоевание Мехмедом II в 1475 г. Генуэзской Газарии и Феодоро привело к превращению Чёрного моря в *Турецкое озеро* (*Орешкова, 2005, с.18-35*) и со временем способствовало установлению протектората Османской империи над Крымским ханством.

Причины успехов Османской империи и неудачи государств Европы в борьбе с ней заключались в том, что Турция раньше сформировалась как централизованное полиэтничное государство, в то время как в Центральной и Юго-Восточной Европе тенденцию сохранения и восстановления

моноэтнических государств сменяет тенденция создания многонациональных государственных образований. Именно в результате развития этого направления сложилась новая историческая карта юго-востока Европы, просуществовавшая без больших изменений до конца XVIII в., а в некоторых случаях и до рубежа XIX-XX вв. (Греков, 1984. с.3).

Начало изучения прошлого средневекового Крыма XIII-XV вв. в отечественной историографии было положено в конце XVII в. и связано с появлением *Скифской истории* Андрея Лызлова (1655-1696)¹. При её подготовке автор использовал широкий круг русских (летописи, хронографы, разрядные книги и проч.) и иностранных (в основном польско-литовских и итальянских) источников. Вместе с тем, при ознакомлении с текстом, чувствуется ограниченность информации о средневековой истории Крыма. Автор, следуя за итальянскими историками XVI-XVII вв., явно преувеличивает роль генуэзцев, которые в те времена, были сильными на море, и якобы содержали Таврику. Автор также приписывает генуэзцам создание городов: Мангупа, Керкеля, Крыма, Азова, Каффы, Килии или Ахилии, Монкаструма или Белгорода (Лызлов, 1990. л.13об.).

Вместе с тем Лызлов, опираясь на свидетельство русско-литовской летописи, вносит поправку в дату сражения князя Ольгерда с татарами на реке Синие Воды приводимую М.Стрыйковским – с 1333 г. – на 1362 г. и описывает маршрут литовской армии. Он сообщает, что литовцы, пройдя Черкасы и Канев, достигли речное урочище Синяя Вода, где река Буг в море впадает. Там Ольгерд застал «орды татар, кочующих тамо с тремя цариками, натрое разделённых: первый Кутлубах-солтан, второй Качиберей-солтан, третий Диментер-солтан». Между ними произошло сражение, «идеже мнози татарове избиени быша и оныя царьки их таможе падоша» (Лызлов, 1990, л.26). При этом историку не удаётся избежать преувеличения масштабов

¹ Андрей Иванович Лызлов - русский историк и переводчик, родом из служивых дворян, с 1676 г. стольник, участник двух Крымских войн (1687 и 1689 гг.), а также Азовских походов (1695-1696 гг.). Закончил работу над рукописью «Скифской истории» в 1692 г. Книга издавалась дважды Н.И.Новиковым в 1776 и 1787 гг. Последнее издание – 1990 г. (Лызлов А. Скифская история. М., 1990. 361 с.). Более подробно о становлении историографии Крыма XVIII-XX вв. см. (Непомнящий, 2019, с.21-55).

влияния Синеводской битвы и географии походов русско-литовских войск в 1360-х гг. Результатом этого сражения Лызлов ошибочно считает освобождение от татар обширных территорий «от Путивля к Киеву, и до усть Дону», на левобережье Днепра и даже до Ачакова. Татары якобы были изгнаны «к реке Волге,... к Кафе и ко Азову, и в Крым за самую Перекопь» (Лызлов, 1990, л.26 об.).

Интересно предлагаемое Лызловым изложение одной из летописных версий гибели Мамай. Он пишет, что Мамай с четырьмя своими князьями от великого страха бежал в город Каффу, где утаил своё имя, но «вскоре познанный убиен бысть от фряс и яко злый, зле погибе» (Лызлов, 1990, л.27). Начало формирования Крымского ханства Лызлов относит к концу XIV в. и связывает с политической деятельностью Едигея при правлении Тамерлана. По его версии Едигей «во время Тимир-Аксаково» пришёл «в Таврику за Перекоп» и укрепился там. С этого времени (1395-1396 гг.-В.М.) начала «умножаться и славиться Перекопская, то есть Крымская орда, и царей нача своих оттуда имети» (Лызлов, 1990, л.30). При этом Лызлов добавляет, что этот Едигей многими летописцами называется первым царём «Крымской орды, иже будущи при Темир-Аксаке» (Лызлов, 1990, л.136). Обстоятельства появления на крымском престоле Хаджи Гирея Лызлов описывает по М.Стрыйковскому и относит к 6951 г. (=1443 г. от Р.Х.). Данное событие он связывает со смертью вымышленного хана Девлет-Гирея, а сам процесс прихода к власти Хаджи Гирея представляет в традиции польских источников, которые сообщают, что в Польшу, к королю Казимиру, пришли послы перекопских татар и просили у него себе на ханство «Ачи-Гирея, иже избежав из Крыма в Литве живяще, имеющи во сдержании градок Лиду». Король Казимир выполнил просьбу татар и сделал «Ачи-Гирея ханом, послал ево во Орду с маршалком своим Радивилом» (Лызлов, 1990, л.137об.).

Следует также признать, что об этносе населения средневековых городов Таврики у автора было весьма ограниченное представление. Например, Лызлов писал, что в древних городах (Солдае, Кафе, Херсоне) «жили

немцы-генуенсы и греков немало и доныне яко тамо, так и во иных местах много родов знатных, иже идут от немци от французов живших тамо» (*Лызлов, 1990, л.125 об.*).

Следует особо отметить появление в русской историографии середины – второй половины XVIII в. *Историю Российскую...* В.Н.Татищева (1686-1750)². Татищев, будучи инженером-артиллеристом по специальности, больше известен как государственный деятель, экономист, географ, но особенно - историк, создавший первый капитальный труд по русской истории. Прошлому Крыму интересующего нас периода Татищев не уделяет особого внимания. Он только отмечает, что Херсонес Таврический служил южной границей Киевской Руси. При этом он ссылается на сообщение Вильгельма Рубрука. Когда тот в 1253 году «мимо Крымских пределов плыл», то видел, что эти пределы были укреплены многими замками и «там было много готов, наречие которых есть немецкое» (*Татищев, 2011, с.391, 475*).

Более пристально Татищев обращается как к монгольскому завоеванию Восточной Европы, так и самим монголам. Он отмечает, что «Русские историки, хотя их татарами именуют, но они сами оно не употребляли, а именовались *монгу* и *монгалы* (выделено мной – В.М.), как в грамотах ханов их и князей указано» (*Татищев, 2011, с.270*). В его сочинении находится также место поисков столицы Золотой Орды, которую он локализует на месте Царевского городища. Татищев поясняет свои поиски тем, что этот «Золотой двор русские разумели Золотая орда, но у татар Золотой дом, или Шери орда, разумеется, везде и даже в поле ханская стака» (*Татищев, 2011, с.333*).

В современной историографии начало научного изучения Крыма связывается с именем В.Ф.Зуева (1752-1794) (*Непомнящий, 1998, с.91-96*;

² Автор работал над *Историей* до своей смерти (15 июля 1750 г.) и успел завершить только первые две части изданные в 1768-1769 гг. В дальнейшем поиски и доработка рукописей затянулась на несколько десятилетий и последний - V том - был опубликован только в 1848 г. (*Татищев, 1965, Т.1-5; 2011*). В своей многотомной работе автору впервые удаётся осуществить переход от средневекового летописания к критическому стилю повествования.

Каушлиев, 2008, с.16-20). Молодой³, талантливый учёный (ученик академика П.С.Палласа), получив звание адъюнкта, был направлен в 1782 г. Петербургской Академией наук в Северное Причерноморье. Базой для обследования обширного региона В.Ф.Зуев избрал Херсон. За короткое время, несмотря на прекращение Академией финансирования, Зуеву удалось побывать в Стамбуле, вернуться через Молдавию в Херсон, а затем проникнуть в Крым. На полуострове в то время было не спокойно, т.к. дело шло к свержению хана Шагин-Гирея (первое правление относится к 1777-1782 гг., второе – 1782-1783 гг.).

Экспедиция Зуева приступила к обследованию Крыма 12 апреля 1782 г. В этой поездке Василия Зуева сопровождал рисовальщик Степан Бородулин. Попав на полуостров через Перекоп, путешественники, доехав до Карасубазара, повернули на восток. На их пути были знаменитые средневековые города: Старый Крым, Кефе⁴ и Керчь. Возвращались они на материк через Арабат. Обратный маршрут из Керчи в Херсон был выбран вынужденно, потому что в мае 1782 г. в Крыму началось восстание против Шагин-Гирея⁵.

Несмотря на кратковременность пребывания В.Ф.Зуева в Крыму, им были оставлены важные научные наблюдения не только природной, политической и экономической характеристики края, но также истории, этнографии, демографии и топографии. Следует отметить, что В.Зуев, при подготовке отчётных материалов о поездке в Крым, явно пользовался дополнительными письменными источниками и устной информацией полученной от других людей, знакомых с полуостровом (*Каушлиев*, 2008,с.17).

³ В.Ф.Зуеву во время этой экспедиции было 30 лет.

⁴ Интересно описание Кефе, которое оставил В.Зуев, т.к. именно этот город Шагин-Гирей превратил в свою столицу и не зря. Хан смог спастись со своими приближёнными во время крайней опасности во время восстания 1782 г., сев на корабль, он отправился в Керчь, где находились русские войска (*Ратушняк*, 2013, с.40).

⁵ Восстание возглавили два брата Шагин-Гирея – Батыр-Гирей и Арслан-Гирей. Уже 17 июня в Крым с Таманского п-ва переправился Батыр-Гирей и сопровождавшие его 1500 горцев, захватившие брошенную Шагин-Гиреем столицу (Кефе). Вскоре к мятежному брату присоединился Арслан-Гирей. 29 июня 1782 г. крымские мурзы и беки-старшины четырёх кланов (Ширины, Барыны, Аргыны и Седжуиты) новым ханом избрали Батыр-Гирея (*Ратушняк*,2013,с.39-42).

Это видно из того, что автор пытается представить в развёрнутом виде экономическое, политическое, этнографическое и демографическое состояние всего полуострова на 1782 г. Особенно ценны этнологические наблюдения Зуева, когда он обращает внимание на характер разных жилых и культовых построек, одежду местных жителей, обстановку внутри домов, пищу и проч. В этом отношении его данные точны и интересны, т.к. принадлежат самому учёному.

Иное дело попытка воссоздать историческое полотно с момента появления татар на полуострове. В этом обзоре оказываются не только важнейшие города Восточного Крыма (Керчь, Кефе, Старый Крым, Судак), но и Юго-Западная часть Таврики (Херсон, Мангуп, Инкерман, Балаклава) и Южнобережье (Алушта, Гурзуф и Ялта). Надо признать, что В.Ф.Зуеву не удалось представить внятной исторической картины полуострова. Он явно и сильно преувеличивает роль геновцев, которые, по его мнению, до появления татар и турок являлись хозяевами полуострова. Лигурийцы якобы отстроили здесь самые главные города (в том числе в Юго-Западном Крыму - Херсон, Мангуп и др.), а им, после упорной борьбы с татарами и турками, достались Каффа и Крым (Солхат). Ещё менее исторично выглядит долгий и витиеватый рассказ о восхождении Менгли I Гирея на престол Крымского ханства (конечно, он это делает с помощью турецкого султана Мехмеда II), который Зуев завершает признанием крымскими татарами верховенства над ними османов⁶. До настоящего времени не проделана работа детального анализа (сам Зуев не сообщает откуда почерпнул сведения об истории Крыма) оставленных автором заметок.

В последней трети XVIII – первой половине XIX вв. основной интерес исследователей был сконцентрирован на изучении древностей Северного Причерноморья и, прежде всего, Крымского ханства, а также крупнейших городов построенных латинянами – Каффе и Солдаёе. В 70-х гг. XVIII в., в

⁶О путешествии в Крым основным источником остаются материалы, содержащиеся в «Выписке из путевых заметок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 год» ([Зуев, 1873], с.122-169).

связи с очередной российско-турецкой войной и укреплением позиций России в Причерноморье, дипломаты и учёные Западной Европы особое внимание уделяют истории Крыма (Тункина, 2002, с.38).

В 1784 г. в *Большом землеописании Бюшинга* (1784-1787) появляется раздел *Крымское ханство*, написанный профессором Галльского университета, шведом по происхождению, И.Э.Тунманном (1746-1778) (Тункина, 2002, с.38). Данный очерк был подготовлен на немецком языке и во французском переводе ещё в 1777 г. Издание работы Тунманна явилось важным этапом в изучении прошлого Тавриды. Дело в том, что до этого времени историография средневекового Крыма состояла из отдельных и разрозненных сведений, оставленных путешественниками XVI-XVII вв. (М.Броневским, Д'Асколи, Г.Л.Бопланом, Э.Челеби и др.). И.Э.Тунманн был первым, кто попытался создать систематизированный в хронологическом и тематическом порядке очерк истории Таврии с легендарных догреческих времён и до его дней (Мыц, 1991, с.7). При этом источниковедческая база, на которую опирался Тунманн, достаточно прозрачна (Страбон, Арриан, Плиний Старший, Георгий Пахимер, И.Стелла, А.Джустиниани, У.Фольетта, М.Броневский, Э.Д'Асколи, Г.Л.Боплан и, возможно, др.).

Однако уровень исторических знаний XVIII в. и малочисленность доступных источников явились причиной ряда ошибок и пробелов, не умаляющих значимости проделанной автором работы (Эрнст, 1991, с.7). И.Э.Тунманн никогда не бывал в Крыму и все сведения почерпнул из доступных ему изданий. Автору удаётся создать достаточно полную и объективную картину средневековой истории полуострова и его топонимики. По Тунманну Готией называлась горная часть Таврики, в которой обитали готы. Он также даёт объяснение названия Газария (Хацария, Гацария), появившееся со «времени владычества хазар над Крымом». В то же время автор отмечает, что «платя дань хазарам, готы всё-таки признавали верховную власть византийского двора». Занявшие в середине XI в. Крым

«команы тоже заставили крымских готов и греков платить им дань» (Тунманн, 1991, с.19).

Тунманн иногда допускает преувеличения говоря, что «город Сугдая ... своей торговлей достиг такой славы, что все греческие владения в Крыму получили название...Солдания». Автор предлагает своеобразную картину поздневизантийской истории полуострова. Он считает, что до 1204 г. готы «признавали верховную власть Византийской империи. Затем они сделались независимыми и избирали себе своё собственное начальство, или попадали под власть особых князей. Два таких княжества просуществовали до османского завоевания: княжество Теодори (Ингкирман) и Готское (Мангут)» (Тунманн, 1991, с.19).

Заключение Тунманна о существовании в горном Крыму в XIII-XV вв. двух княжеств (Эрнст, 1991, с.73, прим.48) стало причиной долгих споров исследователей и трансформировалось в столь же ошибочное суждение об аланском княжестве, столицей которого якобы являлся город Кырк-Ер (Мыц, 2019, с.467-474).

Завоевание полуострова монголами Тунманн относит к 1235 г. и связывает с *Бату-Ханом* (1235-1255). По его мнению опустошения *Тимурбега* (Тамерлана, 1395 г. – В.М.) привели к развалу некогда могущественного татарского государства, что способствовало созданию Хаджи Гиреем к 1443 г. в Крыму независимого ханства. Продолжателем государственного строительства Хаджи Гирея стал его сын Менгли Гирай, «однако под османским протекторатом» (Тунманн, 1991, с.15).

В 1788 г. в Киеве издано (в переводе на русский) сочинение польского епископа Адама Нарушевича (1733-1796) (*Нарушевич*, 1788; *Naruszewicz*, 1805, s. 7-139). Автор в повествовании истории Крыма строго придерживается построенной им хронологической схемы, описывая события от времени

обитания в Причерноморье киммерийцев до вхождения полуострова в состав России в 1783 г.⁷

Несмотря на компилятивность сочинения (А.Нарушевич привлек при написании книги свидетельства польского Коронного архива, Литовской Метрики, труды историков XIV-XVII вв.: Григория Пахимера, Лаоника Халкокондила, Яна Длугоша, Матвея Меховского, Мартина Броневского, Михалона Литвина) им высказываются и оригинальные для того времени суждения. Например, татары «сами себя называли могольцами», а как о татарах о них говорили европейские писатели и особенно «греки, кои их в повествованиях своих Тохарами называть начали» (*Нарушевич*, 1788, с.89-90). Вероятно, впервые А.Нарушевичем сформулирован вопрос об оседании татар на завоёванных землях после ранних двух появлений в Крыму (1223 и 1237 гг.).⁸ До настоящего времени на него у археологов нет ясного и убедительного ответа.

Не соответствует реальности суждение А.Нарушевича о том, что генуэзцы первоначально основали торговую факторию а Азаке (Тане), а затем уже получили от татар разрешение на основание Каффы. Но ему известно, что это поселение было защищено валом и рвом, постепенно превратившись в знаменитый, крепкий и богатый город. Интересно замечание автора, что заполнившие *Таврикию* генуэзцы и татары не только вытеснили из торговли на Чёрном море бывших хозяев полуострова – византийских греков, но и способствовали исчезновению их древних селений (*Нарушевич*, 1788, с.100-102).

К числу вымышленной истории относится рассказ о том, что начавшаяся около 1343 г. моровая язва якобы вынудила татар покинуть территорию полуострова и переселиться за Дон (*Нарушевич*, 1788, с.102-103). Не менее фантастически выглядят походы русско-литовскимх войск в Крым во время

⁷ Событиям XIII-XV вв. он посвящает полностью три раздела и частично ещё один: 1) XII – под властью татар Кипчацких; 2) XIII – под властью литовцев; 3) XIV – под властью ханов Перекопских; 4) XV – под властью турков, до времени падения татар (*Нарушевич*, 1788, с.86-163).

⁸ «Неизвестно нам, оставили Татары при первом и втором нападении своём на Европу, какие-нибудь селения единоплемен[ников] своих в нынешней Малой Татарии и в Крыму» (*Нарушевич*, 1788, с.96-97).

правления Ольгерда и Витовта, когда якобы «князя Литовские, ворвавшись в Таврикию, порубили граждан Херсонесских, ограбили тамошние церкви и весьма много сокровищ увезли в Киев». А.Нарушевич считает, что именно эти события явились поводом для приглашения обывателями Таврикии - христианами (итальянцами и греками) для своей защиты *Заволжских Монгольцев*, но в тоже время Заднепровские татары были в подчинении у Ольгерда (*Нарушевич*, 1788, с.108-109).

Первым правителем крымских татар автор называет Темир-Кутлука. Их подъём начинается с приходом к власти Хаджи Гирея, который «утеснив оружием греческие и генуэзские селения подать себе платить принудил» (*Нарушевич*, 1788, с.124). Причиной успешных завоеваний в Крыму турок Нарушевич справедливо считает борьбу за власть между сыновьями Хаджи Гирея. Укрывшийся в Каффе Менгли Гирей с двумя братьями был взят в полон и доставлен в Царьград. Оттуда он уже прибыл обратно «с именем хана». По мнению Нарушевича «с того самого времени турки начали иметь верховную власть над татарами Перекопскими, отправляя в Таврикию свои гарнизоны, и оставлял ханам титул братства и вечного союза» (*Нарушевич*, 1788, с.137-138).

Ещё одной попыткой создания исторического сочинения обобщающего характера является труд Могилёвского католического архиепископа Ст. Богуша-Сестренцевича (1731-1826) – *История Таврии*, сначала написанный и опубликованный на французском языке в 1800 г. и переизданный на русском в 1806 г. в двух томах (*Богуш-Сестренцевич*, 2011). Автору дважды удалось побывать в Крыму в 1780-е гг. (второй раз в 1787 г.) и поэтому он имел наглядное представление об историческом ландшафте полуострова. Гористую часть полуострова Богуш-Сестренцевич называет «настоящей Таврией» и приводит известные ему названия византийского города Херсон или Керсон (Сарсон, Сарикерман), который «был столицей небольшого полуострова...и даже всей Таврии в течение нескольких веков» (*Богуш-Сестренцевич*, 2011, с.25). Развалины Дороса автор размещает в Инкермане

(Каламите-В.М.), где якобы находилась столица княжества Феодоро. В то же время Мангуп – место пребывания готов. Рядом с ним находятся другие горы с высеченными в них пещерами – Эски-Кирым и Черкес-Кирым. Рядом с горой Агармыш находится город Старый Крым или Крым, на вершине горы близ Бахчисарая виден «замок Киркиель, бывший жилищем древних ханов». Иногда автор излишне доверяет рассказам своих проводников о пребывании в горной Таврике генуэзцев и поэтому сообщает, что неподалёку от Бахчисарая расположен Тепекерман, служивший при генуэзцах темницей, потому что «в ней видны ямы, наполненные человеческими костями» (*Богуш-Сестренцевич, 2011, с.30-34*).

Богуш-Сестренцевич допускает преувеличения, когда особое место в истории Крыма отводит генуэзцам. Они якобы ещё в XIV столетии овладели Мангупом, Инкерманом, Судаком и Балаклавою, и начали угнетать Херсон (*Богуш-Сестренцевич, 2011, с.93*). Монголо-татары, появившиеся в Крыму в 1237 г., «обращались с готами, как с рабами» и тоже «самое претерпели князя Феодори, или Инкермана, существовавшие с 1204 г.» (*Богуш-Сестренцевич, 2011, с.281*).

Реальный вклад в изучение средневековых памятников Крыма был сделан в конце XVIII-XIX вв. специалистами Императорской Академии наук, преподавателями университетов, сотрудниками музеев и исторических обществ. Например, в 1793-1794 гг. по Крыму совершил поездку академик П.С.Паллас (1741-1811)⁹. Будучи учёным-естествоиспытателем, Паллас проявлял интерес не только к природе Таврики, но и к её истории. Описание памятников, составленное им, отличается точностью и знанием средневековой западно-европейской и восточной архитектуры. Материалы его экспедиции длительное время не переводились на русский язык, хотя уже

⁹Прибыв в конце 1793 г. в Крым, П.С.Паллас остановился у своего друга К.И.Габлица, который в то время проживал в селении Чоргунь. Здесь Паллас провёл зиму и в марте отправился в путешествие на восток. К.И.Габлиц, будучи, как и П.С.Паллас, естествоиспытателем издал работы по природно-географическому (*Габлиц, 1785*) и историко-географическому (*Габлиц, 1803*) описанию Крыма. Кроме того, им в *Отечественных записках* опубликовано *Изъяснение плана развалин древнего Херсонеса* (*Габлиц, 1822, с.158-163*).

в конце XVIII- начале XIX вв. были изданы на немецком, французском и английском языках, что дало возможность европейским учёным впервые познакомиться с реальными следами строительной деятельности византийских, итальянских, армянских и золотоордынских (восточных) зодчих (*Pallas, 1799, Vd.1, 516 s.; Vd.2.525 s.*)¹⁰. Наряду с описанием развалин Херсонеса, Инкермана, Мангупа, Чуфут-Кале, Балаклавы, Судака, Каффы, Старого Крыма и других средневековых городов, Паллас отмечает наличие мусульманских мавзолеев в Эски-Юрте, Салачике, Кырк-Йере, башню в Чоргуне, греческие монастыри (в Инкермане, Св.Георгия, Майрам-Дере). Не менее ценны изданные автором иллюстрации в виде гравюр.

Специалисты по латинской эпиграфике, посетившие Крым в конце XVIII в., смогли по достоинству оценить важность сохранившихся генуэзских закладных плит, содержащих ценнейшую информацию о строительной деятельности консулов лигурийских торговых факторий. Одним из первых к этой теме обратился аббат Г.Л.Одерико (1725-1803). В 1792 г. им была опубликована небольшая работа, в которой представлено 6 надписей, сопровождаемых изображениями геральдической символики из Каффы и Солдаи (*Oderico, 1792*)¹¹. Иллюстрации дополнялись авторским текстом призванным познакомить читателя с основными событиями из истории генуэзских колоний Газарии. Прежде всего, Одерико обратился к рассказу о драматических событиях войны 1433-1434 гг. закончившейся захватом Чембало и разгромом татарами экспедиционного корпуса Карло Ломеллини у селения Кастадзона¹².

В 1797 и 1798 гг. лейтенант морской артиллерии Л.С.Ваксель (1776-1816), проводя обследование итальянских архитектурных памятников Крыма (Каффы, Солдаи и Чембало), сделал копии с подлинников текстов

¹⁰ Научное издание на русском языке появилось только в конце XX в. (*Паллас, 1999. 249 с.*).

¹¹ В 1842 г. в издательский комитет ООИД А.Б.Ашиком был представлен перевод 19 главы о генуэзских колониях Крыма из труда Г.Л.Одерико *Lettere Ligustiche*, который так и не был опубликован (*Тункина, 2002, с.270*).

¹² В плане информативности труд Г.Л.Одерико значительно уступает опубликованной ранее в Венеции двухтомной монографии Винченцо Формалеони касающейся в основном развитию латинской коммерции XIII-XV вв. в бассейне Чёрного моря (*Formaleoni, 1788-1789. Vol.I-II*).

геральдических плит XIV-XV вв. и издал эти материалы в 1801 г. на русском языке (*Ваксель*, 1801, 8, 44, илл.), а в 1803 и 1805 гг. они были опубликованы с дополнением на немецком и французском (*Тункина*, 2002, с.54, прим.160). Не являясь специалистом по средневековой латинской эпиграфике, Ваксель ограничился ссылками на места сделанных им находок и лаконичным историческим комментарием. В предисловии к русскому изданию автор выразил надежду, что представленные им иллюстрации привлекут внимание просвещённых любителей, обладающих «обширнейшими знаниями...и глубочайшими исследованиями могут гораздо лучше объяснить древнюю историю тех стран, донныне столь тёмную» (*Ваксель*, 1801, с.4)¹³.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. вызвало повышенный интерес к его истории. На территорию полуострова устремился поток дипломатов, миссионеров и просвещённых дилетантов, оставивших после своих вояжей целую серию интересных путевых заметок (*Муравьёв-Апостол*, 1823; *Clarke*, 1817; *Сегюр*, 1865; *Деремедведь-Эрбаш*, 2013; *Сементовский*, 2019; *Луи де Судак*, 2021 и др.)¹⁴. Но большая их часть посвящена разысканию и весьма поверхностному (чаще литературно-поэтическому и романтическому) описанию классических древностей Таврики. Значительно реже предметом их интереса становились памятники поздневизантийского времени (1204-1475 гг.).

Особое место среди записок путешественников конца XVIII- начала XIX в. занимают сочинения П. И. Сумарокова (1767-1846). Он дважды побывал на полуострове и после каждой поездки издал собранные материалы (*Сумароков*, 1800; 1803; 1805). Впервые П.И.Сумароков посетил Тавриду в

¹³ В дальнейшем (уже во второй половине XIX в.) эта работа была продолжена профессором Одесского университета В.Н.Юргевичем, который посвятил исследованию средневековых латинских надписей серию публикаций, сохранив тем самым многие из них для науки (*Юргевич*, 1863, с.157-177; 1875, с.48-55; 1878, с.319-320).

¹⁴ Более подробно о литературно-просветительской деятельности любителей путешествий по Крыму в конце XVIII – первой половине XIX вв. см. серию публикаций Н.И.Храпунова (*Храпунов*, 2014, с.63-101; 2014а, с.141-153; 2015, с.300-310; 2016в, с.116-132; 2017, с.412-432; 2019, с.233-237 и др.). Э.Б.Петровой и Т.А.Прохоровой подготовлены и изданы материалы путешествий Н.Н.Мурзакевича и А.Н.Демидова (*Петрова, Прохорова*, 2011. - 328 с.; *Прохорова*, 2012, с.144-160).

1799 г.¹⁵ Вышедшее в 1800 г. *Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году* представляло собой относительно небольшую книгу, изданную в форме путевых заметок¹⁶. Знакомство с полуостровом и публикация первой книги, явились значимой вехой в творческом и карьерном успехе П.И.Сумарокова: уже в 1801 г. он был направлен в Крым в составе специальной судебной комиссии. В результате более детального знакомства с Тавридой (1801-1802 гг.) в 1803 и 1805 гг. из печати выходят в двух частях *Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду*. Отличительной особенностью этой книги является то, что она богато иллюстрирована, а сам автор выступает в роли «сентиментального путешественника, отечественного чиновника и гражданина» (Фарафонова, 2017. с.70-82).

Важность появления двух ранних работ П.И.Сумарокова состоит в том, что это были первые описания памятников, истории, географии, этнографии, демографии, экономики Крыма, составленные русским путешественником вскоре после присоединения полуострова к России. Будучи военным в отставке, Сумароков, прежде всего, обращает внимание на руины крепостей оставленных турками (Перекоп, Арабат, Керчь, Ени-Кале, Гезлёв, Кефе, Балаклава). Вместе с тем его описания руинированных и относительно целых памятников (Кырк-Йер – Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Мангуп, Эски-Кермен, Черкез-Кермен, Инкерман, Херсонес, Балаклава, Ялта, Гурзуф, Алушта, Чобан-Куле, Судак, Каффа, Пантикапей и проч.) всегда опираются на личные впечатления¹⁷. Он демонстрирует знания трактатов античных географов (особенно часто автор ссылается на Страбона) и исторических

¹⁵ Содействие в осуществлении этой поездки и издание собранных материалов ему оказала княгиня В.В.Голицина (1757-1815).

¹⁶ Относительно недавнее переиздание данной книги (Сумароков П.С. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году /Предисловие и комментарии Т.М.Фадеевой; рецензент док. ист. наук, проф. Э.Б.Петрова. Симферополь; Бизнес-Информ, 2012. -208 с.), к сожалению, изобилует неточностями и ошибками в комментариях. Оказывается распад Золотой Орды в XIV в. привёл к образованию в 1443 г. независимого Крымского ханства (с.69, прим.38); генуэзцы, ещё не успев основать Каффу, с 1261 г. сосредоточили в своих руках черноморскую торговлю (с.98, прим.64); византийский Алустан в 1239 г. разрушили монголо-татары (с.108-109, прим.75), хотя проводившиеся в 1984-1995 гг. на памятнике раскопки не дают оснований для такого суждения и это событие относится к более позднему времени (Мыц, 2016, с. 81-101) и т.д.

¹⁷ Следует признать, что приводимые Сумароковым параметры почти всегда не верны. Примером может служить описание бухты Балаклавы (Сумароков, 1803,С.196-197).

сочинений современных ему авторов (Г.Л.Одерико, В.Формалеони, Ш. де Пейсонеля, Ст.Богуша-Сестренцевича и др.).

Близкой по характеру описания побережья полуострова является книга В.Б. Броневского (1784-1835) *Обозрение южного берега Тавриды. В 1815 году (Броневский, 1822)*¹⁸. Данное сочинение интересно тем, что хотя в центре внимания автора оказывается побережье Крыма (от Севастополя до Феодосии), обследованное им в 1815 г., но общее повествование охватывает почти весь полуостров с кратким описанием особенностей природы и истории за прошедшие две тысячи лет. Вместе с тем о руинах Херсонеса («В двух верстах от города кучи камней показывают место Херсонеса, из остатков которого выстроен Севастополь») Броневский делает всего несколько лаконичных замечаний (Броневский, 1822, с.19-23). Не больше внимания он уделяет и Инкерману: «На правой стороне речки (Чёрной – В.М.) сохранилась христианская церковь, высеченная в горе, на вершине которой видны местами упавшие стены древней крепости Дори» (Броневский, 1822, с.18). Из осмотренных им средневековых памятников наиболее подробно Броневский описывает Чембало: «На месте Балаклавы стоял славный в древности Символон. Остатки крепости ещё и теперь видны на вершине скалы...при входе в залив... Две башни совершенно уцелели: одна из них, стоящая на обрывистом мысу, при входе в залив, служит теперь вместо маяка...Крепость с двух сторон окружена морем...Другая башня, стоящая на самой вершине горы и на краю уцелевшей стены, в середине выштукатурена цементом, смешанным с пуццоканою¹⁹... Мне кажется, башня сия служила для хранения дождевой и привозной воды» (Броневский, 1822, с.26-32). Весьма интересным является и редкое для сочинения этого автора обобщение: «В Средиземном море я видел много генуэзских крепостей, но прочности Символонской удивлялся, тем более, что она построена на

¹⁸ С 1811 по 1818 гг. В.Б.Броневский служил в Севастополе. В 1818 г. вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта.

¹⁹ В.Броневский описывает гидроизолирующий цемянковый раствор, состоящий из извести с толчёной керамикой, используемый для сооружения цистерн.

неприступной крутой скале». Обращает на себя внимание и замечание Броневского относительно времени возведения горных крепостей Таврики. Он полагает, что все «древние укрепления в Крыму, ... как то Мангуп-Кале, Джуфут-Кале и другие, построены на вершинах гор, ... когда ещё огнестрельные орудия не были изобретены то сии обнесённые стеною горы могли служить безопасным убежищем» (*Броневский*, 1822, с.32-33). На всём протяжении дальнейшего маршрута В.Б.Броневский отмечает наличие крепостных руин в Ялте²⁰, Гурзуфе²¹, на Аю-Даге²², Чобан-Куле²³ и в Судаке²⁴. При этом он умалчивает о сохранившихся руинах укрепления в Алуште²⁵.

Развернувшееся на полуострове после его присоединения к России новое строительство привело к массовому разрушению многих памятников, что вызвало озабоченность со стороны учёных и государственных деятелей. В декабре 1819 г. к министру духовных дел и народного просвещения А.Н.Голицину обратился В.В.Капнист (1758-1823) (*Тункина*, 2002, с.77, 617-618), указывавший на недопустимость пренебрежения изучением, охраной и реставрацией древних памятников Крыма, которые, несмотря на их огромный исторический интерес, повсеместно и постоянно подвергаются разрушению (*Юргевич*, 1886, с.50). Голицин передал эту записку президенту Императорской Академии наук, известному археологу графу С.С.Уварову, и она была обсуждена на Конференции 26 января 1820 г.

²⁰В.Б.Броневский оставил не подтверждённые сведения о существовании на горе, у подошвы которой расположена Ялта, развалины крепости, якобы разрушенной в XV в. землетрясением (*Броневский*, 1822, с.68). Характер разрушения и локализация ялтинского средневекового укрепления вызывает сомнения, т.к. крепость находилась у моря на мысе Св.Иоанна.

²¹«Сохранившиеся части стен и бойниц крепости уцелели на обрывистой скале...Смотря на сии величественные руины, не веришь глазам, чтобы могли быть построены здания на таких неприступных местах. От землетрясения часть горы обрушилась...» (*Броневский*, 1822, с.83-84).

²²Сам путешественник не бывал на вершине горы и поэтому заимствует сведения о её древностях у других авторов: «На Аю-Даге... видны остатки крепости и церкви. Между развалинами находят мраморные столбы; учёные полагают они принадлежат славному Партенитскому Минервиному храму» (*Броневский*, 1822, с.83).

²³«В 10 верстах от Ускюта на высоком мысе, видны развалины, татарами Чобан-Кале или пастушья крепость называемая, потому что теперь служит она убежищем пасущимся поблизости стадам» (*Броневский*, 1822, с.116).

²⁴«...мы должны были ехать далее и потому не успели осмотреть развалины замка, стоящего на вершине острой скалы» (*Броневский*, 1822, с.121).

²⁵«Алушта расположена на ровном месте, на берегу быстрой реки, окружена садами... В сей деревне мы только переменили лошадей» (*Броневский*, 1822,с.101-102).

Подготовку плана работ по сохранению памятников старины на Таврическом полуострове решением конференции возложили на Е.Е.Кёлера (1765-1838). Кёлер впервые посетил Крым в 1804 г. в сопровождении художника К.Кюгельхена (*Тункина*, 2002, с.65-67) и был хорошо знаком с его древностями, занимаясь сбором нумизматической коллекции (*Юргович*, 1886, с.51). 29 мая 1821 г. Кёлер отправился из Петербурга в Новороссию. В этой поездке его сопровождал специально прикомандированный и работавший в то время в Москве архитектор Е.Ф.Паскаль (1791-1861?). Из экономических сумм Императорской Академии наук на экспедиционные расходы было выделено 8 тыс. руб. (*Тункина*, 2002, с.78; 2013, с.197-214). Кёлера и Паскаля снабдили наиболее подробной картой Крыма съёмки генерал-майора С.А.Мухина (1817 г.), геодезическими и измерительными приборами (*Тункина*, 2002, с.79; 2013, с.201).

Работы Кёлера и Паскаля продолжались в течение пяти месяцев. За это время ими было обследовано 22 комплексных архитектурно-археологических памятника, выполнены их обмеры, сделаны зарисовки видов и отдельных важных деталей (*Кёлер*, 1872, с.372-396). Исследованные объекты Кёллер разделил по историко-культурному и хронологическому признакам на три группы: 1) постройки греческой архитектуры (к ним был отнесён, прежде всего, византийский Херсон); 2) остатки гетуэзской архитектуры, куда кроме Каффы, Судака, Чембало, Гурзуфа и Инкермана причислен и Мангуп)²⁶; 3) татарские и турецкие памятники (Чуфут-Кале, гробницы и мечети средневековых городов и, прежде всего, Каффы) (*Мыц*, 1991, с.8). О характере и деталях выполняемых экспедицией работ свидетельствует пример с руинами Чембало. Здесь Е.Ф. Паскалем был снят план крепости, сделаны зарисовки общего вида Балаклавы и бухты с развалинами и, что весьма важно, копия надписей, помещённых на двух башнях (*Кёлер*, 1872,

²⁶ Большую часть обследованных крепостей XIII-XV вв. Е.Е.Кёлер считал гетуэзскими постройками (*Кёлер*, 1872, с.372-396; *Мыц*, 1991, с.8)

с.373, 388, 390; *Адаксина, Мыц, 2004, с.86*). Кёлер считал, что первоначально укрепление было возведено греками, а генуэзцы его восстановили в XIV-XV вв. (*Кёлер, 1872, с.373*)²⁷. К сожалению, собранный тогда большой и научно значимый материал остался не обработанным и до настоящего времени не издан (*Тункина, 1988, с.307-308; 2002, с.79; 2013, с.203-214*). Это привело к тому, что ряд средневековых памятников впервые обнаруженных и описанных Кёлером (например, укрепление XIII в. Кокия-Исар на мысе Айя; византийская крепость VI-XV вв. Сюйрень, городище X-XIII вв. и монастырь XIV-XV вв. в среднем течении р.Бельбек на скале Пахкал-Кая, Чоргунский исар - поздневизантийское сторожевое укрепление XIII в. в каньоне р.Чёрной - повторно удалось открыть только во второй половине XIX или даже в XX в. (*Тункина, 2013, с.205*).

Ещё одной важной стороной деятельности экспедиции академии наук под руководством К.К.Кёлера является организация и первое проведение археологических раскопок средневекового памятника на территории Крыма. В декабре 1821 г. Е.Ф.Паскаль организовал археологические исследования близ мыса Фиолент. Раскопки велись на протяжении 22 дней силами 10 матросов 35 флотского экипажа. Хотя реальной целью исследования являлся античный храм Девы (или «храм Ореста»), на самом деле Паскалем на оконечности мыса Безымянного оказались открыты руины византийского храма IX-X вв. (*Тункина, 2013, с.207, прим.34*).

Вскоре после этого были начаты раскопки на территории Херсонеса. Их обычно относят к 1827 г. и связывают с именем Карла [Н.]Крузе, которым в течение года стали частично раскопанными руины трёх храмов. Из них исследователям удаётся локализовать только два: крестообразный храм №28 (по номенклатуре плана ИАК, над ним установлен Владимирский собор) и так называемая базилика Крузе (*Гриневич, 1927, с.9; Тункина, 1988, с.119-121; Романчук, 2000, с.222; Хапаев, 2016, с.6-46; 2017, с.23-35*). Об этом событии,

²⁷ Следует отметить, что в ходе исследования генуэзских оборонительных сооружений Чембало в 2002-2017 гг. не удалось выявить каких-либо признаков существования в их основании более ранней византийской фортификации.

как важном явлении в культурной жизни России, писала столичная пресса. И если учесть, что до установления и строгого соблюдения практики составления археологических отчётов было ещё далеко, то опубликованные тогда в газетах и журналах сообщения являются единственными свидетельствами (Ханаев, 2017, с.23-35).

Важнейшим событием первых двух десятилетий XIX в. в изучении истории России явилось издание в 1819 г. многотомной *Истории государства Российского* Н.М.Карамзина (1766-1826) (Карамзин, 2002). После своего выхода данное произведение несколько десятилетий будет оставаться наиболее ярким событием в историко-культурной и интеллектуальной жизни страны, долгое время, оказывая сильное влияние на формирование патриотического и национального самосознания населения Российской империи.

Не занимаясь предметным изучением истории средневековой Таврики XIII-XV вв. Н.М.Карамзин поместил в своей объёмной работе отдельные ремарки, касающиеся истории полуострова. Он отмечал, что, покупая соль в Тавриде, россияне привозили в Судак горностаевые и другие меха, чтобы обменять их у восточных купцов на бумажные, шелковые ткани и пряные корни. Далее автор высказывает предположение, что половцы, после того как овладели степным Крымом и Таманью, для «собственных выгод не мешали торговле и первые, кажется, впустили генуэзцев в южную часть Тавриды» (Карамзин, 2002, с.241)²⁸. Касаясь событий 1260-70-х гг. он более определённо пишет об основании Каффы генуэзцами, которые на первых порах торговали в Тавриде вместе с венецианцами. При императоре Михаиле Палеологе они пытались пользоваться исключительными правами в этой торговле.

Далее Н.М.Карамзин достаточно точно описывает последовательность действий лигурийцев по укреплению в Тавриде. Сначала, с разрешения

²⁸ Обладание половцами Таманским полуостровом, также, видимо, носило относительный характер, т.к. археологические исследования скорее свидетельствуют о пребывании здесь в XI-XIII вв. (до прихода монголов) византийского населения (Мыц, Соловьёв, 2018, с.97-122; Соловьёв, Мыц, 2022, с.450-457).

моголов генуэзцы начали обустраиваться, возводя гостинные дворы, анбары и лавки. Первоначально они выпросили небольшую частицу земли и окружили её рвом и валом. Затем приступили к возведению высоких домов, расширили отданный им земельный участок, окружив его каменной стеной. Появившийся на берегу моря «укреплённый, прекрасный город» назвали Каффою. Укрепившись в Каффе генуэзцы «овладели Судаком, Балаклавою, нынешним Азовом, или Танаисом, выгнали оттуда своих опасных современников, венециан, и стеснили древний Херсон, где (в 1333 году) находился уже латинский епископ» (Карамзин, 2002, с.300).

Далее Карамзин упоминает о военном конфликте между генуэзцами и монголами в 1343 г. и о том, что они (генуэзцы) «господствовали там до падения Греческой империи (1453 г. – В.М.) и были, наконец истреблены турками» (Карамзин, 2002, с.300)²⁹. Особое внимание уделяется пандемии чумы, когда в 1346 г. «в странах каспийских, черноморских, в Армении, в земле Абазинской, Ясской и Черкесской, в Орде при устье Дона, в Бездеже, в Астрахани и в Сарае», начался мор. Эта болезнь, известная под именем «Черной смерти, началась в Китае, истребила там около тринадцати миллионов людей, достигла Греции, Сирии, Египта». На генуэзских кораблях чума попала в «Италию, где, равно как и во Франции, в Англии, в Германии, целые города опустели» (Карамзин, 2002, с.345).

По Карамзину Ольгерд в 1363 г. «ходил с войском к Синим Водам, или в Подолию, к устью Днепра, где кочевали три орды монгольские; разбив их, гнал за ними до самой Тавриды». Далее он следует заблуждению Михалона Литвина о том, что Ольгерд якобы «опустошил Херсон, умертвил большую часть его жителей и похитил церковные сокровища: с того времени, как, вероятно, опустел сей древний город» (Карамзин, 2002, с.360).

Карамзин отмечает хорошую сохранность созданных некогда генуэзцами строений: «ещё и ныне видим в Тавриде памятники сих образованных

²⁹ Распространённое в литературе XIX и даже XX в. мнение о массовом истреблении генуэзских колонистов турками в момент захвата в 1475 г. Каффы и других их факторий не подтверждено ни одним историческим документом XV в. (Мыц, 2009, с.443).

итальянцев, остатки их зданий и надписи». Он не оставляет без внимания и золотоордынский компонент средневековой культуры населения полуострова, отмечая, что вблизи от Каффы находился «знаменитый монгольский город Крым (коего именем назвали всю Тавриду)». Город этот был настолько великим и пространным, что всадник едва мог на... коне объехать его в половину дня». В описании главной мечети Солхата Карамзин допускает явные преувеличения, когда пишет, что она была украшена «мрамором и порфиром»³⁰. Другие общественные здания, особенно медресе – «заслуживали удивления путешественников». Интересна заключительная ремарка историка: «Жители Крыма славились богатством и скупостью... строили великолепные мечети в знак своей набожности. Нынешнее местечко *Старый Крым* (на реке Чуруксе, близ Кафы) есть бедный остаток сего древнего города» (Карамзин, 2002, с.300).

Карамзин полагает, что в 1380 г. на Куликовом поле в войске Мамаю, в основном состоявшего из татар, находились половцы, хазарские турки, черкесы, ясы», а также крымские генуэзцы: «одни служили ему как подданные, другие как наёмники»³¹. Он предлагает одну из отражённых в летописях версий окончания политической карьеры и гибели Мамаю: «оставленный неверными мурзами, бежал в Кафу и там кончил жизнь свою: генуэзцы обещали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить победителю (Тохтамышу – В.М.) или завладеть Мамаевою казною» (Карамзин, 2002, с.375).

Из всех историко-топографических работ XIX в. наиболее полное и детальное описание средневековых памятников горного Крыма было представлено П.И.Кеппеном (1793-1864) в его *Крымском сборнике* (Кеппен, 1837). В 1833-1834 гг. на средства (1200 руб.), выданные генерал-губернатором Новороссийского края М.С.Воронцовым (1782-1856), Кеппен совершил поездку (осенью 1833 и весной-летом 1834 г.), занимаясь

13 Столь пышно украшенных зданий при археологических раскопках Солхата не выявлено (Крамаровский, 1989, с.141-157; 2014, с.138-152; Кирилко, 2016, 420-496; 2019, с.691-740).

³¹До настоящего времени пребывание в рядах войска Мамаю крымских генуэзцев остаётся не доказанным.

обследованием располагавшихся на территории горного Крыма средневековых памятников (Кеппен, 1834; Мыц, 1999, с.192-200; Тункина, 2002, с.90-97)³². Хорошее знание топографии изучаемых объектов позволило ему создать работу, которая на многие десятилетия являлась единственной в своём роде. Кеппен разделил обследованные им церкви на греческие и армянские, по такому же принципу он фиксировал и эпиграфические находки. Привёл статистические данные по наличию в Юго-Восточном Крыму армянских церквей, составил типологию надгробий караимов, татар и греков. Самый важный раздел в его работе отведён описанию укреплений, обследованных им на территории горного Крыма. На основании свидетельств письменных источников большую часть крепостей Таврики П.И.Кеппен относил к византийской поре и считал их объектами византийского военного строительства в Крыму (Кеппен, 1837, с.44-45). Однако большая часть крепостей датирована им неопределённо – послеюстиниановским (т.е. после 565 г. - В.М) временем³³.

Крымский сборник П.И.Кеппена³⁴ – это, по сути, первое научное описание средневековых древностей горного Крыма и поэтому продолжает оставаться настольной книгой современных исследователей. Сборник содержит не только данные по археологии, топографии и топонимике, но в нём автор приводит и исторические сведения, подчерпнутые им из письменных

³² В 1819 г. (по заданию министра внутренних дел О.П.Козодавлева) П.И.Кеппен проводил ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа. Данную поездку он использовал для сбора сведений об археологических памятниках Северного Причерноморья. Осенью, переправившись с Таманского полуострова в Керчь, Кеппен впервые оказался в Крыму и был поражён его ландшафтным и природным разнообразием, а также многочисленностью разновременных и разнохарактерных памятников. В декабре, вернувшись в Петербург, Кеппен приступил к систематизации собранных во время путешествия на юг материалов, составив к 7 января 1820 г. для государственного канцлера графа Н.П.Румянцева *Краткую записку о поездке к Кавказу и в Крым*. В этом докладе Кеппен сделал замечание, что граф Видуа, путешествовавший сего лета по Крыму и отыскивавший преимущественно генуэзские древности, взял с собою план развалин древней крепости Корсунской. Дабы в собственном своём отечестве предупредить графа Видуа, намеревавшегося тотчас по возвращении в Италию напечатать план сей, я привез снятую с него копию. Книга Видуа была издана в Париже в 1826 г. (Тункина, 2002, с.93,489).

³³ О том, насколько сложным являлось в то время определение датировки памятников, является то, что к средневековой П.И.Кеппен отнёс и некоторые позднеантичные городища (Неаполь скифский, Ай-Тодор-Харакс и др.), а укрепление Сарымамбаш-Кермен XIV-XVII вв. (Мыц, 2018а, с.190-203) считал скифской крепостью, построенной Паллаком (Кеппен, 1837, с.191,325,318).

³⁴ Ю.А.Кулаковский в своём историографическом очерке, помещённом как приложение к его *Прошлому Тавриды*, назвал *Крымский сборник* П.И.Кеппена эпохой в историческом и археологическом изучении Крыма (Кулаковский, 2002, с.213).

источников. П.И.Кеппену удалось, используя накопленный к тому времени научный материал, отразить многогранную сложность исторического процесса эпохи крымского средневековья, где переплетались экономические и политические интересы ряда государств Средиземноморья.

В первой трети XIX в. Новороссия и в особенности Крым по-прежнему привлекали внимание западноевропейских учёных. В 1833-1834 гг. по Крыму и Кавказу совершил путешествие Ф.Дюбуа де Монпере (1798-1850), направленный в южную Россию французской Академией наук. Геолог по специальности, он оставил обширное описание разнообразных исторических памятников Крыма, снабдив его большим числом иллюстраций. Материалы поездки Дюбуа де Монпере были первоначально опубликованы на французском языке в шести томах (1839-1843) со специальным приложением в виде Атласа (1840-1843) (*Dubois de Montpereux, 1839-1843; Дюбуа де Монпере, 2009*). В России эти издания ещё в XIX в. стали библиографической редкостью, но так и не были полностью переведены на русский язык³⁵. Уже после выхода в свет сочинение Ф.Дюбуа де Монпере получило противоречивую оценку со стороны специалистов (*Бертье-Делагард, 1888, с.196, 197, 204-205*)³⁶. Важно то, что благодаря ему до нас дошли изображения древних предметов и зданий Генуэзской Газарии, Готии, Золотой Орды и Крымского ханства, которые в настоящее время исчезли полностью или оказались сильно руинированными. Хотя помещённые в *Атласе* рисунки не во всём и не всегда точны, но из работ первой половины XIX в. это лучшее иллюстрированное издание по истории и археологии Крыма.

В XVIII - начале XIX вв. в Европе и России выходят из печати издания, посвящённые возникновению и развитию на протяжении XIII-XV вв. в Северном Причерноморье латинских (Генуи, Венеции и Пизы) торговых

³⁵ Только сравнительно недавно Т.М.Фадеевой издан перевод с французского 5-го и 6-го томов путешествия Ф.Дюбуа де Монпере по Крыму в 1833-1834 гг. (*Дюбуа де Монпере, 2009, 328 с.*).

³⁶ Дюбуа де Монпере ошибочно приписывал сооружение пещерных городов таврам, которые, по его мнению, не могли сооружать наземных жилищ. Приморские тавры якобы оставили циклопические сооружения, которые служили им жилищами и убежищами (*Dubua de Montpere, 1843, p.23-24*).

факторий (*Formaleoni*, 1788-1789; *Oderico*, 1792 и др.). Их появление стимулировало публикацию в 1828 г. обширной и историографической по своему характеру работы подготовленной молодым талантливым учёным Н.И.Надеждиным (1804-1856)³⁷. Она была опубликована на протяжении года в пяти выпусках журнала *Вестник Европы* (*Надеждин*, 1828, №15, с.161-183; №16, с.241-371; №17, с.3-39; №18, с.81-107; №19, с.161-190).

Являясь поклонником научного творчества и гражданской позиции Н.М.Карамзина, романтично настроенный Н.И.Надеждин начитает своё первое сочинение с патриотической констатации, что Крым «ныне (1820-гг.- В.М.) часть великого государства Российского» (*Надеждин*, 1828, с.161). Обращаясь к крымской теме³⁸, неразрывно включённой в контекст европейской истории, автор опирается на широкий круг опубликованных к тому времени источников, труды средневековых авторов (Константин Багрянородный, Никифор Григора, ест.), работы учёных обобщающего характера (Э.Гиббона (1737-1794), Ж.Ш.Сисмонди (1773-1842), А.Г.Геерена (1760-1842) и др.). Надеждин стремится воссоздать реальную картину исторического процесса, подтверждённую свидетельствами документов (*Нечепорук*, 2016, с.316). Значительная часть работы посвящена предистории появления итальянских факторий в Крыму. Особое внимание обращено на развитие Венеции до начала XIII в., когда она обрела «владычество над тремя восьмью частями Восточной империи», в том числе и в Чёрном море. Однако в Крыму (Газарии) стали господствовать соперники венецианцев – генуэзцы, основавшие здесь крупнейшую факторию – Каффу. Временем расцвета Каффы и генуэзской торговли на Понте Надеждин называет середину XIV в.³⁹

³⁷О данной публикации и её авторе см. (*Нечепорук*, 2016, с.312-319).

³⁸ Н.И.Надеждин смог побывать в Крыму только через несколько лет (1832 г.) после публикации данного очерка. Он был покорён романтическими пейзажами полуострова, приобрёл в селении Кучук-Кой участок земли, где мечтал построить дом, в котором собирался провести остатки своих дней (*Нечепорук*, 2016, с.318-319).

³⁹Это не соответствует действительности, т.к. признание регионального приоритета Каффы относится только к 1398 г.

Утверждение Хаджи Гирея на престоле Крымского ханства Надеждин отнёс к 1428 г. Эта ошибочная дата долгие годы будет фигурировать в публикациях различных авторов. В драматических тонах Надеждин рисует захват турками в июне 1475 г. Каффы, превращённой османами в Кучук-Стамбул. По его мнению, последним убежищем генуэзцев стал Мангуп, где они якобы пытались укрыться совместно с ханом Менгли Гиреем (*Надеждин*, 1828, с. 161-190).

Итоги первых десятилетий целенаправленного изучения итальянской колонизации Северного Причерноморья в России были подведены в обобщающем исследовании Н.Н.Мурзакевича (1806-1883) *История генуэзских поселений в Крыму*, изданном в 1837 г. в Одессе (*Мурзакевич*, 1837)⁴⁰. В нём нашли объективное отражение успехи и недостатки проделанной автором работы (*Непомнящий*, 1999, с.82-87). Поэтому *История генуэзских поселений* Н.Н.Мурзакевича в дальнейшем становится основой для определения путей решения многих важных вопросов изучения колониальной системы Лигурийской республики в бассейне Чёрного моря во взаимодействии с Золотой Ордой, Крымским ханством и Османской империей. В 1836 г. Н.Н.Мурзакевич второй раз побывал в Крыму⁴¹, где им были обследованы руины генуэзских укреплений Каффы, Солдаий, Чембало и др. Результаты этого путешествия легли в основу объёмной статьи *Поездка в Крым в 1836 г.*, изданной в Петербурге (*Мурзакевич*, 1837а, с.635-691).

Важную роль в изучении средневековой археологии и истории Крыма было призвано сыграть созданное в 1839 г. Императорское Одесское общество истории и древностей (ИООИД). Данное научное общество (существовало на протяжении 1839-1922 гг.) ставило перед собой целью всестороннее изучение истории Южной России. Активное участие в его создании принял генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии

⁴⁰ В 1838 г. указанная работа была защищена Н.Н.Мурзакевичем в Московском университете в качестве диссертации на степень магистра философии.

⁴¹ Первую поездку в Крым Н.Н.Мурзакевич совершил в 1835 г. Её итогом стал выход небольшой работы посвящённой истории Херсонеса опубликованной в *Одесском вестнике* (*Мурзакевич*, 1836, 14 с.). Однако данная публикация не получила признания среди научной общественности.

М.С.Воронцов⁴². Общество имело право на производство археологических исследований по всей Южной России: на казённых землях – с разрешения местного начальства, а на частных – с согласия владельцев. Особое внимание Общество обращало на исследование древностей Крыма, хотя в большинстве это были памятники античности. С 1844 г. начали выходить *Записки Одесского общества древностей* (ЗООИД). До 1919 г. было издано 33 тома. В них публиковались статьи по истории, археологии, эпиграфике, этнографии, исторической географии, картографии, документы, освещались результаты полевых исследований. Уже в первом томе ЗООИД появились работы А.Негри, В.Григорьева, А.Гавриила, А.Фабра (*Негри*, 1844, с.379-392; *Григорьев*, 1844, с.301-314; 337-328; *Гавриил*, 1844, с.320-328; *Фабр*, 1844, с.239-242). Учёные проявляют интерес к крымско-татарской культуре (*Спасский*, 1858, с.85-102; *Хартахай*, 1867, с.182-236). В 1888 г., когда Общество отмечало свой 50-летний юбилей, в 14 томе *Записок* была издана аналитическая статья профессора Новороссийского университета и активного члена ИООИД – В.Н.Юргевича (*Юргевич*, 1888, с.52-58).

На рубеже 40-50-х гг. XIX в. ярким событием в истории изучения средневековых памятников Крыма явилась деятельность графа А.С.Уварова (1824-1884) (*Формозов*, 1993, с.228-246). В 1848 г. молодой учёный совершает первую поездку на юг России и завершает её знакомством с памятниками Крыма. Уварова сопровождал выпускник Императорской Академии художеств М.Б.Вебель (1821- после 1870), выполнивший рисунки древностей полуострова. Итогом этого путешествия стали два тома: *Исследования древностей юга России и берегов Чёрного моря* (*Уваров*, 1851, 71 л.; 1851-1856, вып.1, 138 с.; вып.2, с.139-184). В 1853 г. А.С.Уваров вновь отправляется в Северное Причерноморье с целью организации стационарных раскопок на территории античных и средневековых городов (Керменчик,

⁴²Знаковой фигурой при организации Общества явился Н.Н.Мурзакевич, долгие годы занимавшийся сбором и подготовкой к печати разнообразных работ. В ЗООИД выходили и работы Н.Н.Мурзакевича, посвящённые средневековой истории Крыма. Им издан список известных в то время консулов Каффы, медные монеты столицы Генуэзской Газарии, а также *Донесение об осмотре архива Банка Св.Георгия* (*Мурзакевич*, 1853, с.552-553; 1860, с.387-388; 1863, с.982-985).

Херсонес, Мангуп) (*Уваров*, 1854, с.525-537; *Тункина*, 1996, с.163-181). В Херсонесе ему удаётся открыть руины большой базилики (50 х 22 м) с мозаичным полом южного нефа, 24 мраморными колоннами и капителями. Получив известие об этом открытии, Николай I (1825-1855) распорядился переправить мозаику в Санкт-Петербург, где её отреставрировали и поместили в одном из залов Эрмитажа. Помимо ярких находок на городище и некрополе Херсонеса, А.С.Уваров организовывает обследование «пещерных городов» Юго-Западного Крыма (Инкермана, Эски-Кермена, Сюйрени, Мангупа, Чуфут-Кале) (*Мозаричев*, 2019, 344 с.), а осенью 1853 г. начинает раскопки Большой базилики на Мангупе (*Бармина*, 2009, с.409-422). Работы А.С.Уварова были прекращены в связи с началом в сентябре 1854 г. Крымской кампании⁴³.

Во второй половине XIX в. наступает период, когда учёные не столь часто обращаются к истории средневековых памятников Крыма, будучи в значительной степени заняты изучением античных древностей полуострова. Просветительскую роль берут на себя местные краеведы: А.Я.Фабр (1789-1863), Г.Э.Караулов (1824-1883), В.Х.Кондараки (1834-1886), М.А.Сосногорова-Славич (1820-1891) и др. – люди образованные и одержимые стремлением принести пользу в деле сохранения древних памятников. Если Г.Э.Караулов и М.Сосногорова были в основном увлечены идеей Дюбуа де Монпере о древнем (таврском) происхождении мегалитических памятников (*Караулов*, 1872, с.39-108; *Сосногорова*, 1875, с.266-287), то А.Я.Фабр и В.Х.Кондараки внесли свой вклад в поиски и изучение различных средневековых объектов горного Крыма.

А.Я.Фабр (1789-1863)(один из участников ООИД) был близок по своим взглядам к П.И.Кеппену. Он полностью разделял его мнение о том, что горные укрепления Крыма представляли собой единую систему обороны византийской поры (*Фабр*, 1844, с.239-242). Будучи знатоком крымских

⁴³ Краткое сообщение о выполненных работах А.С.Уваров представил 19 сентября 1854 г. министру уделов (1852-1855) Л.А.Перовскому (1792-1856) (*Уваров А.С.* 1910. Т.3. 386 с.)

древностей, он проводил разведки в районах, не затронутых исследованиями Кеппена. В бассейнах рек Зуи и Бурульчи им выявлены три укрепления, построенных по местному преданию *френками* (т.е. генуэзцами – В.М.)⁴⁴.

Многочисленные и разноплановые материалы, опубликованные в трудах В.Х.Кондараки (1834-1886), получили в литературе противоречивую оценку из-за того, что его сочинения наполнены вымыслом, который порой трудно отличить от реально им виденного. Но практика последних десятилетий показывает, что общая направленность деятельности В.Х.Кондараки была весьма полезной, т.к. редкая современная работа обобщающего характера по истории средневекового Крыма обходится без ссылок на те, или иные его сообщения. Вышедшие из под пера Кондараки работы (1867, 1868, 1875, 1883), хотя часто и повторяют друг друга, но содержат важную информацию этнографического характера о быте местного населения, а также о памятниках, обнаруженных во время совершаемых автором путешествий. Им был открыт комплекс памятников и большой храм Христа Спасителя на горном массиве Бойка⁴⁵, укрепления Сююрю-Кая, Дегерменкойский исар, Хапулар, Асаране-Бурун. Полемизируя с П.И.Кеппеном Кондараки возражал против его концепции, что эти крепости образовывали единовременную систематическую оборону (*Кондараки*, 1868, с.291).

Первостепенную роль в изучении письменных и материальных источников в это время играют исследователи, объединённые ООИД: В.Н.Юргевич (1818-1898) (*Юргевич*, 1863, с.157-177; 1868, с.274-282; 1872, с.147-166; 1875, с.307-402; 1878, 319-320; 1888, с.27-51; *Шаманаев*, 2011, с.409-421), М.А.Волков (1799-1882) (*Волков*, 1860, с.151-182; 1872, с.109-144), Ф.К.Брун (1804-1880) (*Брун*, 1860, с.244-260; 1869, с.365-403; 1872, с.141-167; 1874, с.1-60; 1879-1880, с.187-240), Е.Д.Фелицин (1848-1903) (*Фелицин*, 1889, с.503-514; 1899, с.1-29) и др.

⁴⁴В 1950-х гг. эти городища обследовал П.Н.Шульц, который ошибочно отнёс их к эпохе тавров (*Шульц*, 1959, с.241, 244). Впоследствии было установлено, что данные памятники относятся ко II-III вв.н.э.

⁴⁵ К этому сообщению долгое время относились с недоверием, пока оно не было подтверждено разведками 1955-1956 гг. О.И.Домбровского (*Домбровский*, 1956; 1968, с.83-96; *Мыц*, 2016г, С.112-143).

Важным достижением данного периода стало появление капитальных обобщающих работ, в которых особое внимание уделялось и средневековой истории полуострова. Среди них назовём монографическое исследование латинской торговли в Средиземноморье В.Гейда (*Heyd*, 1886, II, 799 p.; *Гейд*, 1915, с.68-185), издание арабских и персидских источников по истории Золотой Орды В.Г.Тизенгаузена (*Тизенгаузен*, 1884, Т. I, 566 с.; 1941, Т II, 308 с.), историю Крымского ханства под верховенством Османской Порты В.Г.Смирнова (*Смирнов*, 1887, 772 с.; *Веселовский*, 1889, с.168-178). Все эти работы не утратили научной значимости до наших дней (*Непомнящий*, 2015а, с.113-142).

Развитие полевой археологии в России стимулирует появление в 70-90-х гг. серии Инструкций методически верному проведению раскопок (*Прокопенко*, 2016, с.349-351). С 1870-х гг. начинаются постоянные вскрышные земляные работы на территории Херсонеса (*Ящуржицкий*, 1888, с.107-114), которые до 1885 г. осуществлялись за счёт средств Синода и Министерства народного просвещения под общим контролем ООИД (*Шаманаев*, 2003, с.413-425), а в 1888 г. их начинает проводить Императорская Археологическая Комиссия (*Кац*, 2014, с.353-354). Руководителем раскопок в 1888 г. назначается К.К.Косцюшко-Валюжинич (1847-1907) создавший в 1892 г. в Карантинной бухте Склад местных древностей - со временем превратившийся в археологический музей Херсонеса Таврического (*Махов*, 1908; *Антонова*, 1997, с.57-67; *Гриненко*, 2003, с.97-101). В целом конец XIX в. знаменателен тем, что в университетах России сформировалось новое поколение учёных обращавшихся к археологии в целях поиска дополнительных источников для исторических реконструкций (*Тихонов*, 2004, с.100).

В 1860-е гг. предпринимаются усилия по сохранению ещё одного крупного средневекового памятника – Судакской крепости, которая в 1868 г.

передаётся на попечение ООИД. Однако в то время у Одесского общества не оказалось средств для проведения консервационных работ⁴⁶.

Наиболее значимым событием периода является учреждение 24 января 1887 г. в Симферополе Таврической губернской учёной архивной комиссии, объединившей культурно-просветительскую и исследовательскую деятельность учёных и краеведов Крыма. Комиссия регулярно проводила заседания, собирала архивы и сведения о древних памятниках, занималась охраной объектов культурного наследия, созданием музея, составляла археологические карты. Комиссией издавались *Известия ТУАК*. С 1887 по 1920 гг. выпущено 57 томов, содержащих более 400 статей, опубликованных исторических документов и археологических артефактов (*Филимонов, 2004*).

Особую роль в изучении археологических памятников Крыма сыграли всероссийские археологические съезды, инициатором проведения которых выступил глава МАО А.С.Уваров (*Уварова, 1902-1905, Т.3, с.409-427*). Первый съезд прошёл в марте 1868 г. в Москве. В дальнейшем эти научные форумы организовывались в различных городах России через каждые три года. До начала первой мировой войны удалось провести 15 съездов (XIV съезд прошёл в Пскове в 1911 г.). Основные вопросы, обсуждавшиеся на съездах, издавались в специальных выпусках *Трудов*. Материалы, касающиеся истории и археологии Крыма, нашли отражение практически во всех опубликованных томах (*Непомнящий, 2002, с.579-590*). Исключение составили Труды трёх съездов: II (проходил в 1871 г. в Санкт-Петербурге), V (1881 г., в Тифлисе) и XIV (1908 г., в Чернигове). Знаковым событием для развития крымской региональной археологии явился VI съезд (в его повестке стояли вопросы изучения классических и византийских древностей полуострова), проходивший в августе 1884 г. в Одессе.

⁴⁶Только в 1890 г. А.Л.Бертъе-Делагард на свои средства (1000 руб.) организовал в Судак спасательные работы. В 1898 г. ООИД направляет в Судак специальную комиссию, которой впервые было составлено детальное описание сохранившихся руин крепости.

С именем А.Л.Бертье-Делагарда (1842-1920) связан новый этап в изучении средневековой Таврики. Крупнейший исследователь истории и археологии Крыма, человек многосторонних интересов (архитектура, фортификация, нумизматика, картография, топография, топонимика и проч.), обладающий значительным запасом знаний, аналитическим умом и широким кругозором, он только заключительную часть своей жизни смог посвятить научной работе⁴⁷. Его труды легли в основу современных знаний о средневековой Таврике и не утратили значимости до настоящего времени (*Бертье-Делагард*, 1888, с.166-279; 1893, с.1-114; 1899,с.1-42; 1918,с.1-44; 1920,с.1-134; 2011,с.139-252; 2012 и др). Бертье-Делагард занимался изучением архитектурных памятников Крыма (Херсонес, Инкерман, Каламита, Чоргунская башня, Фуна, Керчь, Бахчисарай, Солхат и др.). Поэтому особую научную ценность представляет архив А.Л.Бертье-Делагарда, в котором собран важный иконографический материал (планы, фотографии и чертежи средневековых укреплений, отдельных фортификационных и гражданских сооружений, храмов, надписей и проч.) (*Черепанова*, 1968, с. 205-212).

Значительная часть чертежей выполнены Бертье-Делагардом во время поездки по Крыму в 1889 г. Им сделаны обмеры цитадели Мангупа, церкви в крепости у с.Демерджи (Фуна), генуэзского замка Тасили (Чобан-Куле), византийского укрепления Сциварин (Сюйрени), Кырк-Ер (Чуфут-Куле), Учансу-Исара, Чембало, Каламиты, Инкерманского монастыря, Чоргунской башни и др. (*Бертье-Делагард*, 1889, №30-55). До настоящего времени большая часть этого информационно ценного материала не опубликована.

В одной из первых своих работ *Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма* (1888 г.) А.Л.Бертье-Делагард даёт критический анализ написанного за последние десятилетия по истории средневековой Таврики и приходит к выводу, что многое было сказано мимоходом, страдает большими неточностями и носит

⁴⁷ А.Л.Бертье-Делагард являлся военным инженером. Вышел в отставку в чине генерал-майора в 1887 г. после чего смог заняться научной деятельностью. Подробно о его биографии (*Непомянутый*,2004,с.476-494).

противоречивый характер. Даже лучшие из описаний, сделанные Палласом, Кеппеном и Дюбуа де Монпере, не полны, часто не похожи друг на друга и ещё чаще не отвечают действительности (*Бертье-Делагард*, 1888, с.167). По его мнению, каждое, пусть даже самое краткое описание, необходимо снабжать точными планами, рисунками, чертежами, фотографиями. Именно этот подход позволил Бертье-Делагарду перейти на качественно новый уровень исследования памятников. В работах А.Л.Бертье-Делагарда нет и намёка на повторение уже сказанного его предшественниками, как бы ни был высок их научный авторитет. Принцип его исследований – во всём следовать факту.

Вместе с тем в решении некоторых вопросов нельзя согласиться и с рядом категоричных заключений А.Л.Бертье-Делагарда. Это касается пренебрежительных слов о строительных навыках греков-феодоритов и защитных возможностях возводимых ими крепостей (*Бертье-Делагард*, 1888, с.261). Для своего времени (XIV-XV вв.) оборонительные сооружения Херсона, Мангупа, Чембало, Кырк-Ера, Каламиты, Сугдеи, Каффы, Боспоро, Солхата служили надёжным укрытием. Без достаточных на то оснований Бертье-Делагард сделал вывод, что большинство укреплений Горного Крыма использовались эпизодически в случае военной опасности, и в них постоянно не размещались гарнизоны (*Бертье-Делагард*, 1899, с.29-32). В отдельных случаях он преувеличивает размах крепостного строительства, предпринятого турками в XVI-XVII вв., ошибочно полагая, что цитадель Мангупа и Чоргунская башня (XV в.) были возведены османами.

В 1895 г. Императорская археологическая Комиссия направила в Крым Ю.А.Кулаковского⁴⁸ с заданием собрать на месте необходимые сведения для создания археологической карты полуострова. К выполнению этой задачи

⁴⁸ Юлиан Андреевич Кулаковский – русский филолог-классик, историк Римской и Византийской империй, археолог, профессор университета Св.Владимира в Киеве (1884-1919), член-корреспондент Императорской академии наук (с 1906 г.). Первым из русских византистов приступил к написанию и изданию *Истории Византийской империи*. При жизни автора вышло три тома охватывающих время с IV по VIII в. Четвёртый том, над которым Кулаковский работал в 1916-1919 гг. не был опубликован и его местонахождение не известно (*Пучков*, 2004).

Кулаковский привлёк А.И.Маркевича (1855-1942) (*Кулаковский*, 1895, с.8). Являясь византинистом Ю.А.Кулаковский особое внимание уделял археологии и эпиграфике Северного Причерноморья. Им были обследованы средневековые города и храмы Крымской Готии, Сутдея и её окрестности, Керчь, Старый Крым. В Юго-Западном Крыму Он посетил Баклу, Чуфут-Кале (Кырк-Йер), Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Мангуп, Сюйрень, Эски-Кермен, Черкес-Кермен, Инкерман (Каламиту и пещерные монастыри) (*Кулаковский*, 1896, с.22). Этот осмотр привёл его к выводу, что раскопки их могли бы дать «обильный материал для уяснения вопроса о том, какое население в какую пору здесь обитало, а это могло бы содействовать устранению неправильных и очень распространённых представлений о доисторическом начале и характере этих оригинальных памятников» (*Кулаковский*, 1895, с.11).

Из средневековых памятников, расположенных в прибрежной зоне полуострова, Кулаковский обследовал крепости в Оттузах, Алустон, Гурзуф, Кастель (этот объект он предположительно отнёс к позднееримскому времени). Крепость в Оттузах (Кордон-Оба) Кулаковский справедливо считал гетуэзской постройкой (*Боcharов*, 2015а, с.47-98), возражая Кеппену, ошибочно принимавшему его за крайний пункт линий укреплений, возведённых Юстинианом в защиту крымских готов от северных варваров (*Кулаковский*, 1895, с.12).

Одним из важнейших итогов работ Ю.А.Кулаковского на территории Крыма в конце XIX - начале XX в. явился выход из печати в 1906 г. небольшой книги *Прошлое Тавриды*, представляющей по замыслу учёного краткий исторический очерк (*Кулаковский*, 1906)⁴⁹. В начале XX в. была впервые представлена вниманию заинтересованного читателя концепция

⁴⁹При жизни автора в 1914 г. вышло второе дополненное и исправленное издание. Третий раз данная работа Ю.А.Кулаковского была опубликована в 2002 г. под патронажем Института востоковедения имени А.Крымского НАН Украины с вступительной статьёй Л.Матвеевой (*Кулаковский*, 2002, с.3-75). К сожалению, это издание выполнено небрежно и содержит не только опечатки в тексте, но и ошибки в объёмной вступительной статье. Например, Дюк де Ришелье назван *Херсонесским* военным губернатором (*Кулаковский*, 2002, с.6). Оказывается «У.Кёлер» «... всю жизнь посвятил изучению крымских древностей», но автору вступительной статьи ничего не известно о его поездке на полуостров в 1821 г. И т.д. и т.п.

истории Крыма⁵⁰ подчинённая строгой научной логике и хронологии следующей от возникновения греческих поселений в Северном Причерноморье (с VII до н.э.) – до момента присоединения Тавриды к Российской империи в XVIII в. К тому же Ю.А.Кулаковский впервые представил в качестве приложения к своему очерку краткий историографический обзор работ за прошедшие сто лет (*Кулаковский*, 1914; 2002, с.209-222)⁵¹.

Интересующему нас периоду в *Прошлом Тавриды* уделено три главы (XIV-XVI). Хронологически они охватывают поздневизантийский период (с 1204 по 1475 гг.) – от занятия Константинополя крестоносцами и до падения Каффы (*Кулаковский*, 1906, 154 с.; 1914; 2002, с.171-193). За краткостью изложения основных событий скрывается детальная проработка разных по своему характеру источников. Если часть письменных свидетельств Ю.А.Кулаковский использует в переводах (например, патрона Трапезунда Св.Евгения (*Пападопуло-Керамевс*, 1897, с.117), заметки на полях *Судацкого синаксаря* (*Антонин*, 1863, с.495-623)⁵², арабских авторов в переводе В.Г.Тизенгаузена (*Тизенгаузен*, 1884, с.26) и др.), то *Послание епископа Аланского Феодора*, содержащем свидетельства о Херсоне и Боспоре 1240 г. (?) автор представляет в собственном переводе на русский язык (*Кулаковский*, 1899, с.94-168).

В дальнейшем, практически все исследователи, обращавшиеся к созданию обобщающих работ по истории средневековой Таврики в XX – начале XXI вв. (А.А.Васильев, А.Л.Якобсон, Х.-Ф.Байер, А.И.Айбабин, Б.С.Сорочан, Ю.М.Могаричев и др.) следовали концептуальной и хронологической

⁵⁰Сам автор писал, что «Очерк задуман и исполнен не как исследование, а как результат исследования» (*Кулаковский*, 2002, с.81).

⁵¹Отдавая должное внимание научной деятельности К.К.Кёлера по изучению древностей Тавриды, Кулаковский ошибочно полагал, что его (Кёлера-В.М.) поездка в Крым в 1821 г. «не осуществилась, и отпущенные на неё средства нашли себе впоследствии другое назначение» (*Кулаковский*, 2002, с.211; *Тункина*, 2013, с.197-214).

⁵²Автор вносит некоторые уточнения в греческий текст и особенно в перевод, что меняет смысловое содержание источника. Например, Кулаковский уточняет данные переписи населения Сугдеи 1249 г. проведённой севастом города, согласно которой оказалось «восемь тысяч триста человек» (*Кулаковский*, 2002, с.172).

последовательности изложения исторического материала предложенного Ю.А.Кулаковским, внося свои коррективы в интерпретации источников.

Археологические исследования средневековых памятников XIII-XV вв. на территории Крыма были начаты относительно поздно и не крымскими исследователями, а приезжавшими из Москвы или Петербурга специалистами. К тому же эти работы не носили систематический характер.

На протяжении двух сезонов в 1879 и 1880 гг. разведки со вскрытием ограниченных площадей производил студент естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета К.С.Мережковский (1855-1921). Мережковского интересовали памятники первобытной истории. Но в ходе исследований он произвёл небольшие раскопки и на объектах средневекового времени: в Алуште, Эски-Кермене, Бакле, а также в пещерном некрополе Бинбаш-Коба на нижнем плато Чатыр-Дага. На территории трёх средневековых городов им были раскопаны один-два захоронения, но антропологический материал им не изучался и был оставлен на месте (Рувев, 2018, с.248-263).

В это время именно к антропологическим данным учёные проявляли особый интерес. В 1884 г. на VI археологическом съезде, проходившем в Одессе, были представлены черепа с признаками искусственной деформации из раскопок некрополя у с.Бия-Сала. Антрополог Д.Н.Анучин (1843-1923), изучавший эту краниологическую серию, полагал, что черепа не имели полной деформации. После съезда В.И.Сизов (1840-1904) произвёл раскопки на кладбище поселения Бия-Сала. Им были вскрыты два погребения XVIII в. (до 1778 г.).

В 1886 г. в окрестностях Алушты проводит раскопки известный археолог и этнограф В.Ф.Миллер (1848-1913). Им исследовано 16 захоронений в каменных ящиках, датированных предположительно V-VI вв. (реально XIII-XVII вв. – В.М.). Полученные материалы позволяют Миллеру связать открытые захоронения с готами, которые в горном Крыму соседствовали с аланами. На заседании Московского археологического общества, в октябре

1886 г., он выступает с докладом *Раскопки в Алуште*. Тогда же Миллер делает сообщение о старинной церкви у с. Демерджи (Фуна). Материалы исследований 1886 г. близ Алушты были полностью опубликованы в Трудах МАО (Миллер, 1888, с.118-138; 1889, 23 с.).

В 1890 г. по поручению Императорской Археологической Комиссии в Крым прибыл приват-доцент Санкт-Петербургского университета Ф.А.Браун (1862-1942). Перед ним была поставлена задача отыскать следы пребывания готов на территории горного Крыма (исторической Готии) (Braun, 1890). В связи с этим Брауном планировалось проведение раскопок на территории Сюйрени (ныне Малое Садовое), Бия-Салы (современное Верхоречье), в Партените и на Мангупе. Однако работы Ф.А.Брауна ограничились Мангупом, где раскопки затронули руины октагонального храма и Большой базилики (Браун, 1891, 23 л.)⁵³.

В 1894 г. Председатель ИАК граф А.А.Бобринский (1852-1927) провёл визуальное обследование руин Гурзуфской крепости и её ближайших окрестностей, где отмечает наличие обширного, но довольно позднего поселения. На территории крепости, у основания оборонительной стены, им была раскопана плитовая могила с захоронением XVII-XVIII вв. (Бобринский, 1894, с.56-58, рис.1-7; Тихонов, 2004, с.95-117). Но наиболее значимыми для истории Крыма оказались дневниковые записи графа, сделанные им при посещении Херсонеса, начиная с 1855 г. В 1905 г. году из печати вышла книга А.А.Бобринского *Херсонес Таврический*. Монография представляла собой серию научно-популярных очерков (Бобринский, 1905)⁵⁴.

А.Л.Бертье-Делагард внимательно следил за ходом раскопок Херсонеса и в конце XIX – начале XX в. из печати вышли несколько статей, которые

⁵³ Обзор работ Ф.А.Брауна в Северном Причерноморье см. (Тихонов, 2016, с.486-493).

⁵⁴ События 1204-1453 гг. изложены в главе 7 (с.153-167). Появление татар в Крыму относится к 1222 г., после чего сразу последовало нападение на город сельджуков. XIII в. для Херсонеса – время начала упадка, связанного с развитием генуэзской торговли. Признаком упадка также считается споры церковных иерархов XIV в., что нашло отражение в документах Константинопольского патриархата. Из более поздних событий (глава 8, с.168-184) отмечена дата захвата османами в 1475 г. Чембало. Вся работа построена на систематическом изложении письменных источников, но без критического осмысления проведённых исследований по истории Херсонеса.

замыкает его наиболее обстоятельная работа *О Херсонесе (Бертье-Делагард, 1907, с.1-200)*. В этой публикации проявились и слабые стороны изучения поздневизантийского города. Бертье-Делагард ошибочно полагал, что Херсон был разорён сельджуками в 1224 г., в 1300 г. на него напали турки, за которыми гнались татары. И те и другие подвергли город разрушению. В 1363 г. на Херсон напали литовцы, преследовавшие отступающих татар. Эти очевидные недоразумения и анахронизмы проникли в работу Бертье-Делагарда из старой литературы.

В 1912 г. в ИТУАК был издан объёмный (400 стр.) историко-археологический очерк *Херсонес Таврический* подготовленный Е.Э.Ивановым. Автор не был ни историком, ни археологом, но его сочинение долго пользовалось популярностью (*Иванов, 1912*) несмотря на то, что местами повторяет высказанные в работах А.Л.Бертье-Делагарда заблуждения.

Исследования на Мангупе продолжил в 1912-1914 гг. директор Херсонесского музея Р.Х.Лепер (1865-1918). Они касались не только Большой базилики, но и расположенного рядом здания княжеского дворца, на руинах которого была найдена строительная надпись 1425 г. владетеля Феодоро Алексея (*Лепер, 1913, с.73-79; 1914, с.298-299; 1918, с.72-84*).

Отдыхавший в Крыму в 1903 г. В.Е.Данилевич (1872-1936) провёл раскопки на территории мыса Св.Троицы, где им были открыты руины византийского монастыря X-XIII вв. (*Данилевич, 1907, с.56-60*).⁵⁵ Важным событием стало издание в 1906 г. Э.Р.Штерном (1859-1924) каталога керамики обнаруженной ранее во время строительства порта Феодосии (*Штерн, 1906, 91 с., VIII табл.; Кравченко, 1991, с.111-120*).

В 1902 г., при содействии А.Л.Бертье-Делагарда, в Херсонес впервые приезжает Н.И.Репников (1886-1940). С этого момента и до конца 1930-х гг. с его именем будут связаны важнейшие археологические исследования

⁵⁵Следует отметить, что Данилевич удивительно точно для того времени определил время гибели памятника – XIII-XIV вв.

средневекового Крыма. В 1903 г., близ Гурзуфа, Репников начал раскопки готских захоронений могильника Суук-Су, а в 1907 г. он осуществляет доисследование Партенитской базилики, открытой Д.М.Струковым (1828-1899) в 1871 г. (Репников, 1909, с.91-140; Адаксина, Мыц, 2013, с.401-503).

В 1910 г. по поручению Императорского Московского Археологического Общества в Крым направляется Б.Н. фон Эдинг (1889-1919)⁵⁶, который между Судаком и Новым Светом в Тихой бухте (урочище Шайтан-дере) проводит раскопки монастырского храма (Баранов, 2010, с.601-617; Джанов, 2010, с.569-573).

19 августа 1913 г. в Феодосию на яхте *Caffa* прибыла представительная делегация Лигурийского Королевского общества, которую возглавлял маркиз Чезаре Имперiale ди Сант Анжело. Прибывшие из Генуи итальянцы осматривали сохранившиеся в Феодосии (Каффе), Сугдее (Судак) и Балаклаве (Чембало) руины лигурийских памятников. Встречал и сопровождал делегацию директор феодосийского музея Л.П.Колли (1849-1917). Данная экскурсия стала прелюдией масштабной международной выставки, проходившей в Генуе в 1914 г.⁵⁷

Следующий этап - 1920-1970-е гг. – длительный, сложный и противоречивый период в истории средневековой археологии Крыма. Сначала репрессии 1930-х гг., а затем Великая Отечественная война 1941-1945 гг. делят его на два периода⁵⁸.

После завершения гражданской войны в 1920-х гг. получает развитие новая волна национального самосознания народов населявших полуостров. Особое звучание получает тюркская (татарская), латинская и готская проблематики. Продолжается развитие музейного дела (Андросов, 2006, с.8-26; 2011, с.14-37), но на этом фоне значительно отстаёт организация охраны памятников.

⁵⁶ В то время Борис Николаевич фон Эдинг являлся ещё студентом историко-филологического факультета Московского университета, который он закончил в 1912 г.

⁵⁷ История Отечественной археологии за 1700-1917 гг. нашла общее отражение в работе Г.С.Лебедева (Лебедев, 1992, 465 с.).

⁵⁸ Детальный обзор архивов 1920-1945 гг. см. монографию (Непомнящий, 2015).

В 1917 г. создаётся Бахчисарайский музей, в 1921 г. основывается Центральный музей Тавриды, Севастопольский музей краеведения (1923-1939 гг.), Алуштинский музей (1928 г.) и Севастопольское музейное объединение (1928-1940 гг.), при котором в 1937 г. учреждён *Музей пещерных городов* (Селиверстова, 2017, с.147-159) и др. ТУАК преобразовывается в ТОИАЭ, которое существует до 1931 г., сумев издать четыре выпуска.

Помимо местных музеев в 1920-1930-е гг. исследованиями памятников Крыма занимались специалисты из Ленинграда и Москвы (особенно *Российское общество по изучению Крыма* - РОПИК, 1922-1932)⁵⁹. Генеральную роль в организации и контроле археологических исследований на полуострове играла (с 1926 г.) ГАИМК. В 1926 г. (г.Керчь) и в 1927 г. (г.Севастополь) в Крыму проходит две археологические конференции. Среди средневековых объектов особое внимание уделялось Херсонесу (Херсону), группе *пещерных городов* Юго-Западного Крыма, Южнобережья и Судака с его окрестностями, исламским памятникам Бахчисарая и Старого Крыма. С 1925 г. и на протяжении 48 лет методичным изучением северной части Херсонеса занимался Г.Д.Белов (1898-1979). Индивидуальным отличием этого исследователя было то, что ему удалось избежать увлечения вульгарным материализмом и социологизмом. В 1927 г. Главнаука РСФСР (г.Москва) создает специальную экспедицию, в состав которой входят сотрудники государственных реставрационных мастерских. В эпицентре работы экспедиции стали все памятники Крыма, на которых к тому времени были выявлены следы живописи. Руководителем экспедиции назначен И.Э.Грабарь (1871-1960).

Алушкинский дворец-музей под руководством Н.Л.Эрнста (1889-1956) в 1934-1935 гг. проводит два экспедиционных сезона по обследованию, учёту и

⁵⁹ В 1927 г. реорганизовано во *Всесоюзное Общество по изучению Крыма* (ОПИК, 1927-1932). После завершения организационного периода РОПИК основывает и приступает к изданию журнала *Крым* (выходил до 1930 г.), в 1925 г. издаётся объёмный путеводитель *Крым*. Однако на протяжении 1929-1932 гг. происходит постепенное сворачивание краеведческого движения в СССР (см. *Непомятый*, 2019, с.41-43).

описанию памятников Южнобережья (от мыса Айя до Алуштинской долины) (Эрнст, 1937, с.224)⁶⁰. Памятники (от первобытных до современных) были разделены на десять групп. В шестую группу включены руины средневековых греко-готских крепостей. Всего экспедицией обследовано 25 южнобережных укреплений. По мнению Эрнста, исары представляют одну из интереснейших проблем истории южного берега. В отдельную (восьмую) группу выделены развалины генуэзских укреплений. Результаты этих исследований предполагалось издать в виде монографии вместе с историко-археологической картой Южнобережья. Но Эрнст успел опубликовать краткий очерк, помещённый в сборнике *Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма*. Строительство прибрежных крепостей Н.Л.Эрнст приписывал греко-готскому населению. Время существования данных памятников он относил к IX-XII вв. Занявшие в XIII в. Крым татары, по его мнению, мало изменили положение населения Южного берега. По договору с татарами 1380 г. Генуя захватила часть побережья от Балаклавы до Судака (Готию) и «возвела для упрочения своей власти ряд крепостей, например, в Алуште и в Гурзуфе» (Эрнст, 1935, с.425-443).

В 1920-1930-х гг. из печати выходит ряд работ, не утративших своего научного значения до настоящего времени. Среди них назовём свод латинских надписей генуэзских колоний Крыма изданный в 1928 г. в Генуе Е.Ч.Скржинской (1894-1981) (*Skrzinsca*,1928) и монографию А.А.Васильева (1867-1953) *Готы в Крыму* (*Vasiliev*,1936).

В довоенный период (1924-1937 гг.) особую роль сыграли раскопки Эски-Кермена, которыми в разное время руководили В.П.Бабенчиков (1885-1974), Н.Л.Эрнст, Н.И.Репников, Ф.И.Шмидт (1866-1937), В.И.Равдоникас (1894-1976). Эти работы стимулировали появление «Готского сборника», в котором нашли отражение новые материалы изучения средневековых памятников Юго-Западного Крыма. В 1933 г. на Эски-Кермене раскопки велись

⁶⁰ В 1930-е гг. подготовкой археологической карты Южнобережья занимались Н.И.Репников и Ф.И.Шмит (*Шмит, Репников*, 1933, Арх.ИИМК,ф.2,д.118, 94 с.).

совместно с Филадельфийским университетом (США) (*Абрамова*, 2015, с.106-124). В 1938 г. на Мангупе Т.А.Тихановой (1898-1981) и А.Л.Якобсоном (1906-1984) проведены комплексные исследования Большой базилики и княжеского дворца (*Тиханова*, 1953, с.319-389; *Якобсон*, 1953, с.390-418).

Среди городов Восточного Крыма особое внимание уделяется изучению Судака и его окрестностей. В 1925 г. из Москвы в Судак командировается сотрудник ГИМ А.А.Фомин (1868-1929). С этого момента на изучение, охрану и реставрационные мероприятия генуэзской крепости начинают выделяться деньги. В 1926 г. здесь создаётся музей (первым директором стал Р.И.Гафнер). В этом же году специалисты ГИМа и Главнауки приступают к обследованию руин крепости в Судаке. Выходит из печати первый путеводитель А.И.Полканова (1884-1971). В 1927 г. на второй археологической конференции в Херсонесе А.А.Фомин докладывает о результатах выполненных работ. В 1927 г. экспедицию, состоявшую из московских и ленинградских учёных, возглавляет Ю.В.Готье (1873-1943). Исследователи приступают к раскопкам *Георгиевской башни*. Работы в крепости дополняются разведками на территории Судакской долины. В 1928 г. впервые ведётся изучение одного из загородных некрополей (Л.Новикова), цистерны внутри Консульской башни и исследуется церковь. Результаты изучения лапидарных памятников находят отражение в оригинальном издании в виде иллюстрированного путеводителя подготовленного И.Ф.Лапиным (1891-1950). В 1929 г. ареал работ расширяется до Чембало (г.Балаклава). В судакской крепости проводится изучение башни Аставгера. В 1930 г. экспедиция ГАИМК не состоялась, но архитектор Н.Д.Протасов (1886-1940) осуществляет изучение *Храма на консолях*. В 1931 г. сотрудник ГИМа Е.В.Веймарн ведёт раскопки за пределами города на территории ремесленной слободы. Дополнением к работам на территории Судака стали разведки 1927-1931 гг., осуществлённые в Восточном Крыму директором Феодосийского историко-археологического музея Н.С.Барсамовым (1892-

1976) (*Барсамов*, 1929, с.165-169; 1938, 33 л.; *Захаров*, 2019, с.106-114). В 1935 г. на территории Крыма осуществляла архитектурные обмеры и фотофиксацию памятников средневековой фортификации экспедиция Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. Руководил работами, в числе которых была и Судакская крепость, В.В.Данилевский (1898-1960).

В 20-30-е гг. особое звучание получила татарская и мусульманская тематика. В 1924 г. проводится обследование обширного золотоордынского поселения XIII-XV вв. Эски-Юрт, расположенного к северо-западу от Бахчисарая (*Ломакин*, 2021, с.540-570). Разведки позволили выявить хорошо сохранившийся некрополь Кырк-Азизлер (*Сорок святых*) с дюрбе знатных татар и мусульманской святыней Азиз Малик-Аштер. Успехи первой разведочной экспедиции стимулировали разработку и реализацию государственной программы по изучению разнообразных мусульманских памятников Крыма. В число основных объектов входили архитектурно-археологические строения Бахчисарая и его окрестностей (Кырк-Йер), Старого Крыма (Солхата), Отгуз (ныне Щебетовка) и др.

К этим работам были привлечены не только местные сотрудники музеев и преподаватели вузов (А.И.Маркевич, П.И.Голландский (1865-1939), О.Акчокраклы (1878-1938), К.Ф.Богаевский (1872-1943), А.М.Рефатов (1903-1937), У.А.Боданинский (1877-1938), А.И.Полканов и др.), но и столичные специалисты: А.С.Башкиров (1885-1963) и И.Н.Бороздин (1883-1959). С 1925 г. исследованиями на территории Солхата руководил И.Н.Бороздин, регулярно (1925-1929 гг.) освещавший ход работ в местной прессе (*Красный Крым*) и журнале *Новый Восток* (*Бороздин*, 1925,с.17-30; 1926,с.33-38; 1927, с.24-26;1927,21с.;1931,с.3-18 и др.). Бороздиным был анонсирован выход первого выпуска *Древностей Солхата*.

Стационарные работы на важнейших объектах дополнялись разведками, охватывавшими обширные регионы полуострова, включая обследования селений горного и степного Крыма (*Бороздин*, 1927, с.24-26; *Айбабина*, 2021, с.362-373). Знаковой публикацией стало издание в 1925 г. этнографической

работы Б.А.Куфтина (1892-1953) *Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова* (Куфтин, 1925, 78 с.), которая не утратила своего научного значения до настоящего времени.

Существенным препятствием в налаживании дела охраны и исследования памятников Крыма в 1920-1930-е гг. являлись преследования и репрессии специалистов старой школы по надуманным политическим мотивам (*Академическое дело 1929-1931 гг.*). В 1937 г. репрессированы музейные работники и специалисты по тюркской проблематике: У.Боданинский, О.Акчокраклы, А.М.Рефатов и др. В конце 1937 г. (по обвинению в германофильской пропаганде) из музея уволен Н.Л.Эрнст, а 15 февраля 1938 г. он был арестован и осуждён как немецкий шпион (*Непомнящий, 2012*). Ложные обвинения сопровождалось исчезновением богатых научных архивов осуждённых. В большинстве случаев собранный научный материал остался не изданным, хотя частично отложился в архивах научных учреждений (*Сейдалиев, Сейдалиева, 2021, с.282-307*). Одним из примеров являются *Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма*, над которыми Н.И.Репников работал до своей преждевременной кончины в 1940 г. (*Репников, 1939/40, 387 л.*).

После завершения ВОВ крымское историческое пространство ещё на протяжении нескольких десятилетий оставалось полем острых политических споров. Особенно это касалось вопросов появления на территории полуострова готов и славян, роли Византии и латинской колонизации XIII-XV вв. Надолго закрытой оставалась проблема изучения археологических памятников тюркских народов и особенно Золотой Орды. Не менее сложно политизированное сознание государственных управленцев воспринимало христианскую историю византийской Таврики и признание созидательной роли на полуострове латинских колонистов (прежде всего генуэзцев).

В августе 1945 г. свою работу на полуострове начала Тавро-Скифская экспедиция, созданная и возглавляемая П.Н.Шульцем (1900-1983). 23 декабря 1947 г. Президиум АН СССР принял решение о создании Крымской

научно-исследовательской базы (КНИБ). В её состав планировалось включить шесть секторов, среди которых был сектор истории и археологии. В области истории предполагалась разработка ряда проблем, в том числе и *Крым в эпоху средневековья*. Заведующим сектором истории и археологии был утверждён П.Н.Шульц. Сотрудниками сектора стали некоторые участники ТСЭ: Е.В.Веймарн, В.П.Бабенчиков, Г.Д.Белов, О.И.Домбровский, Э.И.Соломоник и др. Активно сотрудничал с археологами сектора ст.н.с. ЛО ИИМК АН СССР А.Л.Якобсон. Группу истории возглавил П.Н. Надинский (1894-1961), подготовивший в 1951 г. к печати первый том *Очерков по истории Крыма (Надинский, 1951, 234с.)*⁶¹. Выход *Очерков* спровоцировал проведение в Крыму в следующем (1952) году *Всесоюзной исторической конференции*⁶², политическое эхо которой долгие годы ощущалось в работах учёных (Ломакин, 2009, с.10-17; Непомнящий, 2019, с.43-46)⁶³.

Новое строительство 1950-60-х гг., развернувшееся на территории Крыма, стимулировало развитие новостроечных экспедиций. В степной зоне исследуются позднекочевнические захоронения, а в Горном Крыму и на Южном берегу средневековые поселения, монастыри, храмы, некрополи, укрепления. В Керчи, помимо раскопок, разворачиваются реставрационные работы церкви Иоанна Предтечи. Во второй половине 50-х гг. начинаются

⁶¹ Второй том вышел в 1957 г. В первом томе две главы (3 и 4) были посвящены *Средневековому Крыму и Татаро-турецкому периоду (Надинский, 1951, с.22-50)*.

⁶² В научном архиве Института археологии Крыма РАН (г.Симферополь) сохранилась стенограмма объединённой научной сессии Отделения истории и философии и крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма 23-25 мая 1952 г. (*Стенограмма, 1952, 346 л.*).

⁶³ Свообразной реакцией на тяжёлые идеологические последствия конференции 1952 г. стало появление в 1966 и 1969 гг. научно-популярной двухтомной книги *Дорогой тысячелетий* изданной под видом экскурсий по древнему и средневековому Крыму. Первоначально (в 1966 г.) вышла книга посвящённая *Экскурсии по средневековому Крыму*. Авторами серии разделов книги выступили археологи: П.В.Бабенчиков, Е.В.Веймарн, Т.Н.Высоцкая, В.К.Гарагуля, О.И.Домбровский, М.Г.Кустова, С.А.Секиринский, М.А.Фронджуло (*Дорогой тысячелетий, 1966*). Нельзя сказать, что авторам удалось избавиться от тяжести идеологической цензуры того времени, но это был шаг к дискуссии по запретным темам. Успех научно-популярного формата изложения сложных вопросов, касающихся длительной истории мультикультурного населения Крыма позволил приступить к изданию серии из 15 книг *Археологические памятники Крыма*, выходящей с 1971 г. по 1993 г. Средневековой тематике посвящено семь книг: 1) Когонашвили К.К., Махнёва О.А. *Алустон и Фуна*.-Симферополь:Крым,1971.-96 с.; 2) Домбровский О.И. *Крепость в Горзувитах*. – Симферополь:Таврия, 1972.-112 с.; 3) Домбровский О.И., Махнёва О.А. *Столица феодоритов*: Таврия,1973. – 104 с.; 4) Домбровский О.И., Столбунов А.А., Баранов И.А. *Аю-Даг – «Святая» гора*. – Симферополь: Тария 1975. – 136 с.; 5) Веймарн Е.В., Чорев М.Я. *«Корабль» на Каче*. –Симферополь: Таврия, 1976. – 88 с.; 6) Домбровский О.И., Сидоренко В.А. *Солхат и Сурб-Хач*. – Симферополь: Таврия, 1978. – 128 с.; 7) Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. *Крепость драгоценностей Кырк-Ер – Чуфут-Кале*. – Симферополь: Таврия, 1993, 128 с.

исследования в Судакской крепости и её округе, богатой разновременными и разнохарактерными памятниками. Постепенно археологические экспедиции возвращаются к изучению *пещерных городов* Юго-Западного Крыма (Бакла, Тепе-Кермен, Кырк-Ер, Сюйрень, Каламита, Эски-Кермен и др.). Некоторые экспедиции, созданные в 60-е гг. продолжают исследования памятников до настоящего времени (например, экспедиция на Мангупе, работающая с 1967 г. – руководители Е.В.Веймарн, А.Г.Герцен) (Герцен, 2008, с.305-326).

Камеральная обработка материалов раскопок 1920-50-х гг. позволила специалистам подготовить и издавать обобщающие работы. В 1948 г. опубликована книга Г.Д.Белова *Херсонес Таврический*, в 1955 г. монография С.А.Секиринского (1914-1990) *Очерки истории Сурожя IX-XV вв.* (Секиринский, 1955). В 1966 г. увидела свет яркая книга *Фрески средневекового Крыма* О.И.Домбровского (Домбровский, 1966) и проч. На протяжении 50-70-х гг. коллективом учёных Крымского отдела ИА АН УССР издаётся ряд сборников, в которых представлены результаты исследований средневековых памятников Крыма.

Важнейшим вкладом в становление и развитие современной археологии средневекового Крыма стала многогранная научная деятельность А.Л.Якобсона (1906-1984), которым на протяжении 50-70-х гг. издана целая серия фундаментальных работ посвящённых не только средневековому Херсонесу, но и всему полуострову. Его монография *Средневековый Крым* (1964 г.) до настоящего времени остаётся настольной книгой каждого медиевиста, работающего на полуострове. Важным переломным этапом в истории средневековой археологии Крыма стало начало работы в 1978 г. экспедиции Государственного Эрмитажа в Старом Крыму (Солхате), которую возглавил и продолжает руководить М.Г.Крамаровский (Крамаровский, 1989, с.141-157; 2010, с.21-26; 2014, с.138-152)⁶⁴.

⁶⁴ На протяжении 1978-2020 гг. Старокрымской экспедицией государственного Эрмитажа в г.Старый Крым и его окрестностях исследованы памятники: 1) комплекс мечети Узбека и медресе Инджи-Бей-Хатун (1978-1984, 2013-2019 гг.); 2) мечеть *Бейбарса* (1979-1980, 1986); 3) караван-сарай (1980, 1987-1994, 2011 гг.); 4) мавзолей, на территории предпортальной площади мечети хана Узбека (1985 г.); 5) мавзолей на гребне юго-восточного отрога Малого Агормышы (1991-1993 гг.); 6) *Свинцовая мечеть* (1984, 1994, 2019, 2020 гг.); 7)

Для современного этапа (1980-2020-е гг.) характерно систематическое изучение основных средневековых памятников полуострова и издание полученных результатов. Поэтому на протяжении последних десятилетий, благодаря раскопкам, проводившимся на территории византийского Херсона: А.И.Романчук, И.А.Антонова, О.И.Домбровский, Е.А.Паршина, Ю.Г.Лосицкий, Н.Богданова, В.Н.Даниленко, Л.П.Ивашута, Н.А.Алексеевко, В.Н.Залесская, Ю.Калашник, М.И.Золотарёв, Д.Коробков, С.В.Ушаков, В.М.Зубарь, С.Б.Сорочан, Л.Г.Колесникова, Л.А.Голофаст, С.Г.Рыжов, Л.В.Седикова и др.); Солхата (М.Г.Крамаровский, Э.И.Сейдалиев); Каффы (Бочаров С.Г., Айбабина Е.А. и др.), Солдайи (М.А.Фронджуло, И.А.Баранов, В.Г.Тур, Е.А.Айбабина, С.Г.Бочаров, В.В.Майко, А.В.Джанов и др.); Мангуца (Е.В.Веймарн, А.Г.Герцен, В.Науменко и др.); Эски-Кермена (Е.А.Паршина, А.И.Айбабин, Э.А.Хайреддинова, И.А.Завадская); Чембало (Н.А.Алексеевко, С.В.Дьячков, С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц и др.); Каламиты (В.Ф.Филиппенко, Е.В.Неделькин); Фуны, Алушты, Пампук-Кая, Исар-Кая (В.Л.Мыц); Сюйрени (Ю.С.Воронин, В.Н.Даниленко); Кырк-Йера (Ю.М.Могаричев, А.Г.Герцен); Чобан-Куле (В.Л.Мыц, В.П.Кирилко); Партенита и Аю-Дага (Е.А.Паршина, С.Б.Адаксина, И.Б.Тесленко, А.В.Лысенко и проч.) получен материал, включающий в себя широкий спектр находок: произведений торевтики, керамических сосудов и изделий из стекла, нумизматики, вооружения, разнообразных орудий труда, латинской, греческой эпиграфики и др. Эти данные, в сочетании с детальным изучением архитектуры зданий и элементов их декоративного убранства, позволяют значительно конкретизировать представления как о бытовой культуре латинских колонистов, проживающих на территории Генуэзской Газарии, так и другого, поликонфессионального, полиэтничного населения полуострова,

Мамаев курган (1994-1997 гг.); 8) христианский храм (1986, 1987, 1989, 1997 гг.); 9) караимская кенасса (2015-2016 гг.); 10) поселение Кринички-II (1997-1999 гг.); 11) ремесленное поселение Бокаташ-II (2000-2008); 12) оборонительная стена на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш (1993, 2009-2012 гг.); 13) комплекс жилых и хозяйственных построек в юго-восточной части Солхата (2016 г.) и др.

подчинённого золотоордынскому Солхату или поздневизантийскому грекоязычному анклаву Феодоро (Крымской Готии).

В тоже время, рядом исследователей, представляющих научные школы различных стран (Дж.Пистарино, М.Баларом, А.Агосто, А.Ассини, Э.Бассо, Л.Балетто, Э.И.Соломоник, В.Гюзелевым, С.П.Карповым, Е.Ч.Скржинской, Л.Г.Климановым, А.Л.Пономарёвым, В.Спинеем, Р.М.Шукуровым и др.) были изданы комплексы документов по истории Причерноморья XIII-XV вв., хранящихся в собраниях государственных архивов Генуи, Венеции и России. Дополнительное обращение к турецким, арабским, персидским (Х.Иналджик, А.Курат), армянским (М.Казаку, К.Кевонян, Т.Саргисян), греческим (М.Нистазопуло, Х.-Ф.Байер, А.В.Виноградов) письменным источникам, по текстам которых имеются критические издания и авторитетные переводы, в их сравнительном анализе со свидетельствами, молдавских, немецких, польских, русских, литовских хроник и летописей, позволяет, по-новому выполнить историко-археологическую реконструкцию важных событий протекавших на полуострове в XIII-XV вв.

За последние годы усилиями исследовательских центров Казани выполнен большой объём работ, нашедших отражение в различных новых изданиях: *Крымское историческое обозрение*, *Золотоордынское обозрение*, *Поволжская археология*, *Археология Евразийских степей* и др. Прежде всего, следует отметить публикацию семи томов *Истории татар с древнейших времён*, среди которых третий том посвящён Улусу Джучи (2009 г.). Впервые введены в научный оборот в трёхтомном издании *Мирас-Наследие (Казань, 2016 г.)* результаты изучения татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923-1929 гг.

1.2. Источники

Для истории Крыма XIII-XV вв. было характерно взаимодействие трёх цивилизационных парадигм: поздневизантийской, золотоордынской и лигурийской, представленных тремя формами государственных структур. Несмотря на традиционную для средневекового городского, а иногда и

сельского, населения полуострова полиэтничность (греки, готы, аланы, генуэзцы, венецианцы, турки, адыги, славяне, евреи, армяне и проч.) и поликонфессиональность (православные христиане, католики, мусульмане, иудеи, караимы, армяне и проч.), они обладали ярко выраженными различиями политического и конфессионального характера. На базе регионального золотоордынского Улуса Джучи (1240-1440-е гг.) с административным центром в городе Кырым (Солхат) к 40-м гг. XV в. возникает Крымское ханство (1443-1783 гг.) со столицей в Кырк-Йере (*Бахрушин*, 1993, с.320-339; *Беспалов*, 2013, с.30-52; *Зайцев*, 2010, с.283-298; 2014, с.130-146; 2018, с.365-438; *Гулевич*, 2018). Республике Генуе удаётся на протяжении 1270-1380-х гг. захватить практически полностью побережье Крыма и создать в Северном Причерноморье систему торговых факторий (состоявшую из девяти городов и около 40 селений) получивших название Генуэзская Газария со столицей в Каффе (*Боcharов*, 2017а, с.57-63; 2019б, с.741-770). Именно Каффа станет крупнейшим торговым портом Чёрного моря XIV-XV вв. (*Карпов*, 2018, с.320-322). С 1360-1380-х гг. лапидарные (греческие) и нарративные (латинские) источники свидетельствуют о появлении на территории горного Крыма (исторической Готии) поздневизантийского государства (названо историографами *княжеством*), столицей которого становится город Феодоро (*Мыц*, 2009, с.25-37). Завоевание Мехмедом II в 1475 г. Генуэзской Газарии и Феодоро привело к превращению Чёрного моря в *турецкое озеро* (*Орешкова*, 2005, с.18-35) и со временем послужило основанием для установления протектората Османской империи над Крымским ханством.

В связи с представленным историко-культурологическим контекстом на протяжении XVII - начала XXI ст. исследователями России, Турции и Западной Европы выявлен значительный комплекс нарративных источников, потребовавший больших усилий для их обработки и издания. Условно письменные источники XIII-XV вв. представлены тремя большими группами: византийские, восточные и латинские. Среди византийских следует отметить

написанные на греческом языке сочинения Михаила Панарета (1320/30-после 1390) *Трапезундская хроника* (Μιχαήλ τὸν Παναρέτον, 1958; *Панарет*, 2019 - с 1204 г. до конца XIV в.), Григория Пахимера (1242-ок.1310) *История о Михаиле и Андронике Палеологах* (*Пахимер*, 2004, с.5-354) - 1255-1282 гг.), Никифора Григоры (1295-ок.1360) *История Ромеев* (*Nicephori Gregorae*, 1829-1830; *Никифор Григора*, 1862; 2013) - 1204-1341 гг.), Псевдо Кодина (XIV в.) *О должностных лицах Константинопольского двора и должностях Великой Церкви* (*Ps.-Kodinos*, 1966) - 1347-1368 гг.), Иоанна Евгеника (1400-1456?) *Монодия на падение Константинополя* (1453 г.) и *Монодия на смерть княжича из Феодоро* (1434/35 гг.) (*Фонкич*, 1999, с.270-292; *Спиридонов*, 1928, с.93-102), Лаоника Халкокондила (1423-1490) *История в 10 книгах* (*Laonici Chalcocandyae* 1848; *Лаоник Халкокондил*, 1953, с.431-443; *Диттен*, 1962, с.51-94; *Мартынюк*, 2015, с.122-143), *Большая хроника* Георгия Франдзи (1401-1478), *Византийская история* Дуки (1400-1462) (*Дука и Сфранзи*, 1953, с.385-430) и др.

Группа восточных источников представлена сочинениями разнообразного характера (летописные, хроникальные, исторические, географические, записки путешественников, биографического характера и проч.) написанных в основном на арабском и персидском языках, свод которых был представлен В.Г.Тизенгаузенем в двух томах (1884 и 1941 гг.) (*Тизенгаузен*, 1884, Т.1; 1941, Т.2), переизданных с комментарием в 2003 г. Р.Ю. Храпачевским. Среди арабских авторов следует назвать Ибн ал-Асира (1160-1233/4), Ибн Василя (1204-1297/8), Рукн-ад-Дина Бейбарса (1245-1325), Ибн-ал-Муфаддаля (1259-1341), Ибн Дукмака (1308-1388), Бадр-ад-Дина ал-Айни (ум. в 1451 г.), Ибн ал-Фората (1334-1405), Ибн Арабшаха (1392- 1450), Ибн Халдуна (1332-1406), ибн Фадлаллаха ал-Омари (1301-1349), Ибн Баттуту (1304-1377) и др.

Персидские источники преимущественно состоят из исторических сочинений широко известных авторов: Ибн Биби (ум. в 1272), Джузджани (1193-ХIII в.), Рашид ад Дина (1247-1318), Хафиза Абру (1430-1451?),

Шереф-ад-дина Йезди (ум. в 1454), Гафари (ум. в 1567/8) и др. К числу восточных относятся османские (*Курат*, 2014, 2015; *Özyetgin, Kemaloglu*, 2017), крымско-татарские: Сейид Мухаммед Риза; Абдулгаффар Кырыми; Абдулла б.Ризван; Мехмед Неджати и др. (*Зайцев*, 2009; *Сейтягьев*, 2009; 2013, с.222-242; *Миргалеев, Пашаоглу*, 2014, с.35-60;) и армянские (*Sazasi, Kevonian*, 1976, p.496-538; *Нерсес*, 2008; *Саргисян*, 2010) сочинения. Важность последних двух состоит в их местном происхождении.

Латинские источники по истории Крыма XIII-XV вв. представляют собой наиболее значительную по информативности и объёму группу письменных памятников. Среди них выделяются дипломатические документы, в число которых входят переводы хрисовулов византийских императоров (*Dölger*, 1960-1965. Т.I-V.), ярлыков и соглашений с ханами Золотой Орды (*Basso*, 1991. P.11-26), дипломатические реляции (*Morozzo della Rocca*, 1962, p.265-295) и послания (*Belgrano*, 1877-1884, Vol. XIII p. 97-336), а также официальные петиции (*Belgrano*, 1896. Vol. XXVIII. Fasc.I. p.339-533). В число публично-правовых актов входят постановления сената Венеции о снаряжении галей Романии (*Thiriet*, 1958-1961, Т.I-III), решения властей Генуи и, прежде всего, Оффиции Газарии (*Sauli*, 1838. Т.II. Col.306-430) и Оффиции попечения Романии (*Bănescu*, 1946; 1966. An.IV. №3-4. p.575-591) об организации деятельности факторий в Азовском и Чёрном морях, финансовые документы (массарии Каффы 1374-1472 гг. (*Iorga*, 1896-1900. Т.IV-VIII; 1897. Vol. III. p.24-60), постановления протекторов Банка Св.Георгия (*Vigna*, VI (1868); VII/1 (1871), VII/2 (1879), статуты Каффы 1316 и 1449 гг. (*Устав 1449 г. 1863*. Т.V. С.629-857; *Statutum Caphae*, 1879. Vol.VII. P.II. p.567-680; *Saraceno*, 1969 – 1970. p. 177 – 266).

Особым колоритом историзма обладают источники эпистолярного жанра (*Agosto*, 1977. Vol. XVII. Fasc. II. p. 509 – 517), сочинения дипломатов и путешественников (Рюи Гонсалеса де Клавихо (†1412) (*Клавихо Руй Гонсалес, де*, 1990), Жильбера де Ланнуа (1386-1462) (*Ланнуа*, 1853, с.433-445), Перо Тафура (1410-1487) (*Tafur*, 1874; *Тафур*, 2006), Иософата Барбаро

(1413-1494), Амброджо Контарини (1429-1499) (*Барбаро, Контарини, 1971, с.188-235*), Афанасия Никитина (†1475) (*Никитин, 1999, с.348-379*), реляции миссионеров в форме трактатов (Плано Карпини (1185-1252) и Гильома Рубрука (1220-1270) (*Рубрук, 1957, с.87-194*), сочинения купцов (Марко Поло – 1254-1324), лингвистические и картографические (*Фоменко, 2011*) материалы и проч.

Несмотря на неослабевающую актуальность изучения письменных свидетельств, важной группой источников, позволяющих выполнить объективную реконструкцию исторических событий, происходивших на территории Крыма в XIII-XV вв. являются материалы комплексных археологических исследований. На протяжении последних 40-50 лет, благодаря раскопкам, проводившимся на территории Херсонеса (*Романчук, 1986; 2000; 2003; Антонова, 1971, с.102-118; 1976, с.3-8; 1997, с.19-24; Домбровский, 1986, с.535-548; Богданова, 1995, с.104-116; Паршина, Лосицкий, 2014, с.565-574; Паршина, 2015, с.17-38; Лосицкий, 2015, с.179-200; Ивашута, 1975, с.14-22; Алексеенко, 1996, с.187-192; Залесская, 1988, с.93-104; 2011; Залесская, Калашиник, 1992, с.69-82; Калашиник, 1989, с.165-187; Колесникова, 2006, с.129-150; Голофаст, Рыжов, 2000, с.251-265; 2003, с.182-261; Голофаст, 2009, с.275-377; Рыжов, 1998, с.168-180; Беляев, 2009, с.150, Даниленко, 1988, с.60-72; Сазанов, 1994, с.124-126; Седикова, 2018, с.402-458; 2019, с.179-180; Яшаева, 2005, с.481-493; 2011; 2017, с.101-132 и др.), Солхата (*Домбровский, Сидоренко, 1978; Крамаровский, 1989, с.141-157; 2009, 436-448*), Каффы (*Айбабина, 1988, с.67-80; 2001; Айбабина, Бочаров, 1997а, с.16-18; 1997б, с.211-233; 2002, 159-169; Бочаров, 1998, с.82-116*), Солдайи (*Баранов, 1988, с.81-96; 1989, 46-61; Баранов, Данилова, 1991, 145-148, Баранов, Климанов, 1997, 99-108; Баранов, 2010, с.601-617; Джанов, 1998, с.82-89*), Мангуца (*Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф, 1974, с.123-179; Герцен, 1990, с.88-165; 2008, 305-326; Герцен, Науменко, 2016, с.247-258; 2019, с.115-176*), Эски-Кермена (*Паршина, 1988, с.36-59; Айбабин, 2007, с.129-150; 2014а, с.240-277; 2014б, с.215-227; Айбабин, Хайреддинова, 2011,**

с.422-457; *Завадская*, 2008, с.291-315; 2010, с.254-268; 2015, с.213-232; 2017а, с.145-164; 2017б, с.160-186), Чембало (*Алексеевко*, 1999, с.371-378; *Дьячков*, *Алексеевко*, 2002, с.28-37; *Дьячков*, 2004, с.246-255; *Адаксина, Мыц*, 2017, с.105-141; 2018, с.206-210 и др.), Каламиты (*Филиппенко*, 1996, с. 143-152; 1997), Фуны, Алушты, Пампук-Кая, Исар-Кая (*Мыц*, 1987, с.228-245; 1988, 97-115; 1991; 1997в, с.187-203; 2002, с.139-189 и др.), Сьюрени (*Воронин*, *Даниленко*, 1978, с.313-315; *Воронин*, *Майко*, *Кутайсов*, 2014, 464-479; *Даниленко*, 2016, с.39-48 и др.), Кырк-Йера (*Могаричев, Герцен*, 2016), Чобан-Куле (*Мыц*, *Кирилко*, 2004, с.205-245), Партенита и Аю-Дага (*Паршина*, 1991, с.64-100; 2002, с.89-109; *Лысенко*, *Тесленко*, 2002, с.59-88; *Тесленко*, *Александрова*, 2019, с.193-198; *Адаксина, Мыц*, 2013, с.401-503) и проч. получен материал, включающий в себя широкий спектр находок: произведений торевтики, керамических сосудов и изделий из стекла, нумизматики, вооружения, разнообразных орудий труда, латинской, греческой эпиграфики и др. Эти данные, в сочетании с детальным изучением архитектуры зданий и элементов их декоративного убранства, позволяют значительно конкретизировать представления как о бытовой культуре латинских колонистов, проживающих на территории Газарии (*Бочаров*, 2004, с.186-204; 2005, с.282-293; 2011, с.137-145; 2017, с.204-223), так и другого, полиэтничного и поликонфессионального населения полуострова, подчинённого золотоордынскому Солхату (*Крамаровский*, 1985, с.152-180; 2000, с.245-263; 2001; 2009, с.395-433; 2012) или поздневизантийскому грекоязычному анклаву Феодоро (Крымской Готии) (*Герцен*, *Науменко*, 2005, с.257-287; 2010, с.387-419; 2016, с.247-258; 2019, с.115-176; *Мыц*, 2009).

В тоже время, рядом исследователей, представляющих научные школы различных стран: Дж.Пистарино (*Pistarino*, 1981, р.43-72; 1990, р.477-518); М.Баларом (*Balard*, 1978; 1979, р.200-217; 1987а, р.223-238; 1987б, р.9-16; 1988, р.67-78; 1991, р.227-245; *Balard*, *Veinstein*, 1981, р.79-131); А.Агосто (*Agosto*, 1977, р.509-517; 1981, р.103-108), А.Ассини (*Assini*, 1999, р.1-19); Э.Бассо (*Basso*, 1998, р.83-96; 1990, р.11-26), Л.Балетто (*Baletto*, 1988, с.280-

297; 1992, p.105-114; 2000, 515 p.); Э.И.Соломоник (*Соломоник*, 1986, с.210-218; 1991, с.172-178), Т.И.Слеповой (*Слепова*, 2006,с.11-21); В.Гюзелев, Лазаровым, Г.Атанасовым, А.Николовым, Лазаровым (*Атанасов*, 2005; *Атанасов, Павлов*, 2011,с.3-32; *Гюзелев*, 1995; 2001; *Лазаров*, 2012,с.25-37; *Павлов*, 1995, с.121-130; *Павлов, Владимиров*, 2009; *Николов*, 2019, с.22-36), С.П.Карповым (*Карпов*, 1986; 1995, p.36-39), Е.Ч.Скржинской (*Скржинская*, 2000; 2006), Л.Г.Климановым (*Климанов*, 2000,с.303-330), А.Л.Пономарёвым (*Пономарёв*, 2000, с.317-443; 2005, с.43-138), В.Спинем (*Spinei*, 2003), Р.М.Шукуровым (*Шукуров*, 2001; *Шукуров, Коробейников*, 1998,с.178-200) и др.) были изданы (или переизданы) комплексы документов по истории Причерноморья XIII-XV вв., хранящихся в собраниях государственных архивов Генуи, Венеции и России. Дополнительное обращение к турецким, арабским, персидским (*Inalčik*, 1944, s.185-229; 1960,408-427; *Kharat*,1978; *Курат*, 2014,Кн.1; 2015, Кн.2), армянским (*Sazasi, Kevonian*, 1976, p.496-538; *Саргисян*, 2010), греческим (*Νυσταζοπουλου*,1965; *Виноградов*, 2004, с.123-130; 2005, с.431-437; 2010, с. 217-253; 2017, с.278-297; 2018, с.223-232) письменным источникам, по текстам которых имеются критические издания и авторитетные переводы, в их сравнительном анализе со свидетельствами, молдавских, немецких, польских, русских, литовских хроник и летописей, позволяет, по-новому выполнить историко-археологическую реконструкцию важных событий, протекавших на полуострове в XIII-XV

Выводы: Для истории Крыма XIII-XV вв. было характерно взаимодействие трёх цивилизационных парадигм: поздневизантийской, золотоордынской и лигурийской, представленных тремя формами государственных структур. На протяжении XVII - начала XXI ст. исследователями России, Турции, Восточной и Западной Европы выявлен значительный комплекс нарративных источников, потребовавший больших усилий для их обработки и издания. Условно письменные источники XIII-XV вв. представлены тремя большими группами: византийские, восточные и латинские.

Формирование историографии Крыма XIII-XV вв. проходило в пять этапов: 1-й - 1690 – 1850 гг.; 2-й – 1850 - 1880-е гг.; 3-й - 1890 - 1920-е гг.; 4-й – 1920-1970-е гг.; 5-й – 1980 - 2020-е гг. Для современного этапа характерно комплексное изучение памятников XIII-XV вв., оперативное издание полученных результатов. Расширение издательских возможностей позволяет вводить в научный оборот новые и переиздавать ранее выявленные источники. До настоящего времени историография средневекового Крыма не получила статус самостоятельной отрасли исторических знаний, т.к. представлена разрозненными разработками, посвящёнными отдельным и хронологически обособленным темам или памятникам.

Основной группой использованных источников являются материалы комплексных археологических исследований. Специфика архитектурно-археологического материала такова, что даже при неплохой обеспеченности письменными источниками, он даёт не заменимые по своей конкретике сведения для реконструкции особенностей духовной и материальной жизни автохтонного населения и европейских колонистов, её органичной связи с культурой местных и пришлых народов (греков, готов, алан, половцев, армян, сельджуков, монголов, иудеев, адыгов, славян и др.).

За последние два десятилетия исследователями изданы работы, освещающие различные аспекты истории и археологии Крыма XIII-XV вв. А.И.Айбабин касался изучения средневековых городов, памятников степи Крыма XIII-XV вв. и особенно византийского города на плато Эски-Кермен А.Г.Герценом и В.Е.Науменко в серии публикаций детально освещается процесс изучения Мангупа (Феодоро). Особое значение имеет комплекс исследований по археологии поздневизантийского Херсона, представленных в работах А.И.Романчук, Л.А.Голофаст, Л.В.Седиковой, Т.Ю.Яшаевой, С.В.Ушакова и др.

Ю.М. Могаричевым в учебном пособии рассматривается широкий контекст истории Крыма – от Золотой Орды к Османской империи (40-е гг.

XIII – 1475 г.), а В.Л.Руевым подробно освещается турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Особое место отведено латинской колонизации полуострова: С.Г.Бочаровым издана подборка статей посвященных исторической географии Генуэзской Газарии XIV-XV вв.; С.П.Карповым в отдельной главе представлена история генуэзских и венецианских факторий, а А.Г.Емановым – роль Каффы в мировой торговле. Монографическому освещению нумизматики Золотой Орды, Трапезунда и ранней чеканки Крымского ханства посвящены монографические работы А.Л.Пономарёва и В.А.Сидоренко. Исследования Солхата позволили М.Г.Крамаровскому достичь детального рассмотрения элементов повседневности обитателей полиэтничного и поликонфессионального города. Краткое представление работ по рассматриваемой теме замыкают новые монографии В.П.Гулевича, в которой представлен путь *От ордынского улуса к ханству Гиреев* в 1399-1502 гг. и С.Ф.Орешковой, освещающей историю Крымского ханства в XV-XVI вв. Таким образом, исследователями создана разносторонняя научная база, требующая своего обобщения. Книга А.Л.Якобсона «Средневековый Крым», в которой был обобщен накопленный учёными к середине XX в. исторический и археологический материал, издана в 1964 г. и к настоящему времени в некоторой степени утратила свою актуальность.

Глава II.

ФОРМИРОВАНИЕ КРЫМСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (20-90-е гг. XIII в.)

Археологический контекст Крымского полуострова XIII в. значительно отличается от всех периодов его средневековой истории. Ни одно другое столетие не оставило такого числа закрытых комплексов, связанных с драматическими событиями, происходившими на полуострове. Территории некоторых византийских городов (Херсона, Эски-Кермена, Сциварина, Тепе-Кермена, Баклы) оказались полностью или частично заброшенными и жизнь на них более не возобновлялась. Историки и археологи на протяжении многих лет пытались установить абсолютные даты череды произошедших в Таврике событий. Но до настоящего времени ими не получены ясные ответы на время и причины катастрофических пожаров, открываемых исследователями на памятниках. Сложности определения датировки событий, отразившихся на характере культурных отложений, носят объективный и субъективный характер. С сожалением следует признать, что именно субъективный фактор до настоящего времени является определяющим в вопросах хронологии поздневизантийского периода Крыма. Современные учёные, по-прежнему, стремятся придерживаться априорных суждений и точек зрения высказанных их предшественниками несколько десятилетий назад.

XIII в. занимает особое место в истории Таврики. Это время, когда полуостров оказался под воздействием четырёх военно-политических и экономических сил: 1) Трапезундской империи; 2) Румского султаната; 3) государства монголов; 4) латинской экспансией (в основном представлена Генуей и Венецией). После распада в 1204 г. Византийской империи, её бывшие владения в Крыму представляли собой три достаточно самостоятельных (практически автономных) района: 1) Херсон и Климаты Готии; 2) Сугдею с сельскохозяйственной округой, в которую входили 18

селений и 3) Боспор с Таманью. Подобная структура, вероятно, отражала более раннее (XI-XII вв.) деление на военно-административные округа (фемы, турмы, катепанаты) (Чхаидзе, 2019, с.175-177; 2020,с.247-251; Айбабин и др., 2018,с. 266-276; Айбабин,2020,с.56-58).

Согласно сложившейся в научной литературе традиции, в 1204 г. данные территории якобы перешли под протекторат Трапезундской империи (Богданова, 1995,с. 95). С Трапезундом, как и всем понтийским побережьем, Таврика была связана давними экономическими и культурными узами, сохранявшимися до момента её завоевания турками-османами в 1461 г.

На протяжении всего этого времени (XI-XV вв.) степная часть полуострова находилась во владении кочевников – до 1223 г. кипчаков (куманов, половцев) (Голден, 2003, с.458-480), а затем монголов (именуемых в историографии монголо-татарами) (Исхаков, 2016, с.420-442; Бочаров, 2021, с.151-165). Половцам оседлое население Таврики платило дань. Причём не совсем ясно – было это системой, установленной в результате какого-либо договора, или же осуществлялось эпизодически в момент возникшей угрозы нападения.

Предложенная схема является в значительной степени условной и не отражает всей сложности политической обстановки динамично меняющейся в бассейне Чёрного моря на протяжении XIII столетия (рис.1). Протоиерей Иоанн Мейендорф назвал XIII век – веком катастроф, специально озаглавив II главу своей монографии *Катастрофы XIII века*. Под катастрофами этого столетия протоиерей Иоанн, прежде всего, понимал захват Константинополя крестоносцами в апреле 1204 г. и завоевание Руси татарами (Мейендорф, 1990, с.13).

Монгольские завоевания и их утверждение на территории Восточной Европы продолжались на протяжении 20-70-х гг. XIII в. и сопровождались катастрофами регионального порядка (Нарожный, 2017, с.825-836; 2018, 393-408). К таким событиям стоит отнести и захват ими Таврики. Появление монголов в 1223 г. приводит к изменению политической обстановки в

Северном Причерноморье, хотя Юго-Западная часть Крыма и Херсон на протяжении нескольких десятилетий оставались в стороне от основных направлений их завоеваний. На протяжении 1240-1260-х гг. проходит процесс формирования институтов власти монгольского государства (Трепавлов, 1993, с.4; Усманов, 2009, с.320-326; Измайлов, Исхаков, 2009, с.310-320) и становление его этноса (Измайлов, 2009, с.349-365).

2.1. Позднекочевнические памятники степного и предгорного Крыма

ХII-ХIII в.

По физико-географическим параметрам Крымский полуостров (его площадь составляет 26945 кв. км) делится на два неравномерных макрорегиона: 1) равнинную часть (Степной Крым) и 2) крымские горы. С материком на севере Крым соединён Перекопским перешейком шириной 8 км, а на востоке отделён Керченским проливом (минимальная ширина 4 км) от Северного Кавказа. Наибольшее расстояние с севера на юг составляет 205 км, с востока (Керченский полуостров) на запад (мыс Тарханкут) – 325 км. Протяжённость береговой линии достигает 2500 км.

Равнинная поверхность (возвышается до 200 м над уровнем моря) занимает 72% (около 18 000 кв. км) площади полуострова, гористая местность – 20% (5389 кв. км); ещё 8% приходится на озёра и другие водные объекты. В связи с этим и заселённость территории полуострова в ХIII в. была различной. Если учесть, что плотность кочевого населения при среднем уровне материального достатка (по 200 голов мелкого рогатого скота) может составлять примерно 1 человек на 1 кв. км (Урланис, 1941, с.88, прим.1), то половецкая орда, кочевавшая по степи Крыма, не превышала 18 тыс. человек⁶⁵. Численность оседлого населения (при наличии относительно крупных византийских городов и поселений вдоль всей прибрежной

⁶⁵ Крымская половецкая орда общей численностью около 18 тыс. человек могла выставить примерно 4500 (около 25% от общего числа населения) вооружённых всадников. Крымские половцы входили в состав объединения (во главе с ханами) т.н. лукоморских половцев, кочевавших по излучинам Азовского, Чёрного морей и низовьев Днепра (Крамаровский, 2022, с.46).

территории) могла превышать 15-20 человек на 1 кв. км, т.е. составлять в XIII в. более 80-100 тыс. человек.

Археологическое изучение позднекочевнических памятников Крыма начато в конце XIX в. Н.И.Веселовским и Ю.А.Кулаковским. Поступавшие из их раскопок и частных коллекций артефакты отлагались в фондах местных музеев и зачастую оставались беспаспортными. В качестве такого примера можно привести три железных шлема из Центрального Музея Тавриды (рис.5,1-3;6,1-3)⁶⁶. Часть памятников была изучена в 1920-1930-х гг. Л.Н.Эрнстом, а также П.Н.Шульцем. Первую попытку обобщить эти материалы в 1960-х гг. предприняли Е.Н.Черепанова и А.А.Щепинский. Им удалось выявить в фондах Центрального Музея Тавриды артефакты из 23 позднекочевнических погребений X-XIV вв. (*Черепанова, Щепинский*, 1968, с.181-201, рис.1-16). Наиболее полную подборку коллекции половецких каменных изваяний (каменных идолов - *балбал*), происходящих с территории Крыма, выполнила С.А.Плетнёва (*Плетнёва*, 1974, с.179-181, табл.63-65)⁶⁷. Впервые краткую характеристику находок из 26 некрополей поздних кочевников представил А.И.Айбабин (*Айбабин*, 2003а, с.74-77, рис.6, табл.49-51; 2003б, с.277-278, рис.1, табл.1-2) (рис.3-5). Исследователь обратил внимание на то, что захоронения половцев в основном совершались в насыпях более ранних курганов и были ориентированы черепом на восток. При этом, рядом с человеческими останками помещались кости коня или его чучело (*Айбабин*, 2003, с.277).

При издании материалов раскопок из Тавельского кургана №5 Э.И.Сейдалиев картографировал 23 могильника XII-XIV вв. (*Сейдалиев*, 2009, с.378, рис.1). На карте, опубликованной В.Н.Чхаидзе, помещено 62

⁶⁶ Отсутствие сведений о месте, условиях и времени находок значительно усложняют вопрос датировки артефактов. И если два шлема (*Горев, Шабанов*, 2017, рис.1,1,3) отнесены публикаторами к XII-XIV вв. (рис.5,1,3; 6,1,3), то ещё один относится ими к позднему средневековью – XV-XVI вв. (*Горев, Шабанов*, 2017, рис.1,2).

⁶⁷ С.А.Плетнёвой отмечено хранение в музеях Крыма 19 каменных половецких изваяний, но это количество далеко не исчерпывает всех памятников. Не учтёнными остаются стеллы из музея в пос.Черноморском, Херсонесском музее и проч. Балбалы (идолы) представлены статуями развитых типов, что характерно для изваяний XII-начала XIII вв. (*Плетнёва*, 1974,с.70-71).

курганых, грунтовых и склеповых могильников поздних кочевников Крыма (рис.2), в которых обнаружено 95 погребений, но 14 из них оказались полностью разрушенными (Чхаидзе, 2016, с.302-304, рис.1). Среди 81 погребения 56 определены как мужские и сопровождалась различными комплексами вооружения, а 25 – женские. Исследователь предложил разделить мужские захоронения на три группы. К первой группе В.Н.Чхаидзе отнёс 9 погребений (16%) представителей тяжеловооружённой конницы с металлическим защитным вооружением, состоящим из кольчуг, шлемов и набором вооружения (сабель, копий, стрел и луков). Вторая группа наиболее многочисленна – 28 погребений (50%) являлась воинами без железного защитного вооружения, которое могли заменять неметаллические доспехи с набором рубящего оружия (сабли) и оружия дальнего боя (луки и стрелы). Третья группа состояла из 19 погребений (34%) лёгкой конницы, вооруженной в основном луками и стрелами, а иногда и саблями (Чхаидзе, 2016, с. 303). По мнению В.Н.Чхаидзе полученные данные отражают военную и социальностратифицированную организацию кочевого общества в Крыму сложившуюся ко времени включения половцев в состав войска Улуса Джучи (Чхаидзе, Дружинина, 2013, с.171-178; Чхаидзе, 2016, с.303). Иное соотношение комплекса вооружения для татарского военно-служилого сословия XIII-XV вв. представляет И.Л.Измайлов (Измайлов, 2009б, с.409-431; 2011, с.23-35). По его наблюдениям полный комплект защитных доспехов (кольчуги, пластинчатые куяки, шлемы, наручи и поножи) и вооружение (стрелковый набор, сабли, копья, булавы, кинжалы) имели профессиональные воины. При этом их число составляло от 10 до 20% от общего количества вооружённых воинов (Измайлов, 2020, с.279-300).

Наиболее изученным (1979-1983 гг.) половецким памятником на сегодняшний день является грунтовый некторополь XIII-XIV вв. у озера Сасык на северо-восточной окраине г.Евпатории. Здесь раскопано 11 погребений в деревянных гробах без надмогильных сооружений. Погребённые ориентированы на север с некоторыми отклонениями, что

может указывать на этнокультурное взаимодействие с появившимся в Крыму во второй половине XIII в. населением Золотой Орды. Обнаруженный при погребённых инвентарь представлен фрагментами железных шлемов, кольчуг, пластинами от нагрудного панциря, шестопёром, наконечниками копий и стрел, предметами конской сбруи, металлической посудой, украшениями. Разнообразие материала выделяет этот некрополь среди других аналогичных объектов поздних кочевников полуострова. Исследователи связывают некрополь с половецким зимовьем (Анохин, Приднев, 2014, с.435-453; Антипина, 2014, с.454-457; Шапцев, 2015, с168).

Часть позднекочевнических древностей, полученных в ходе раскопок 1980-90-х гг. до настоящего времени не опубликовано⁶⁸. В качестве примера можно привести материалы половецкого некрополя и святилища на горе Ак-Кая, а также данные исследований позднекочевнических захоронений из Северного и Центрального Крыма. Здесь В.А.Колотухиным в 1980-х гг. открыты мужские погребения в полном вооружении (железный шлем, кольчуга, сабля, копьё, лук и стрелы)⁶⁹. Особенностью некоторых погребений являлось то, что в области рта находились, в качестве *обола Харона*, золотые византийские монеты. Обола представляли сильно обрезанные иперперы византийских императоров. Показательно в этом отношении захоронение в могиле №2, кургана 10 близ с.Григорьевка Красноперекоского р-на. Погребённый мужчина залегал головой на восток, кости рук вытянуты вдоль туловища. Вооружение состояло из кольчуги, железного шлема с бармицей. На правой руке лежал железный меч (длина клинка 1,06 м). Рядом (на ступеньке) располагались кости коня, сопровождаемые железными удилами и стремями (второе стремя лежало в могиле). Интересной особенностью данного захоронения являлось то, что во рту находилась полая бронзовая

⁶⁸Например, раскопки В.А.Колотухиным в 1987 г. женского захоронения у с.Соколы Раздольненского р-на.

⁶⁹В качестве примера приведу ограбленное в древности захоронение в кургане №1 у с.Берёзовки Раздольненского р-на, где найдены обрывки кольчуги, обломки железного шлема, фрагмент сабли или палаша, наконечники стрел, нож, черпак из крупной раковины, пряслице, сердоликовая бусина и золотая монета Мануила I Комнина (1143-1180) с двумя сквозными отверстиями (использовалась в качестве нашивной бляшки).

пуговица и *обол Харона* в виде $\frac{1}{4}$ части иперперона Мануила I Комнина (1143-1180). Кроме того погребение сопровождала бронзовая застёжка от книги (Евангелия?).

Из современных находок следует отметить обнаружение в 2017 г. половецкого святилища со стеллой на Масляной горе близ Херсонеса. Наряду с наиболее южным половецким Тавельским некрополем у с.Краснолесье (Симферопольский р-н) (*Сейдалиев, 2009, с.378-388*) обнаружение этого изваяния указывают на глубокое проникновение в XIII в. половцев в горные регионы полуострова. Имеющиеся в фондах музеев Крыма материалы XII-XIV вв. требуют комплексного анализа и публикации.

2.2.Херсон и Крымская Готия в XIII в.

На протяжении XII–XIII вв. Херсон оставался одним из крупнейших городов полуострова активно участвовавшим в международной и региональной торговле (*Якобсон, 1959. с.229-244; Романчук, 1986*) (рис.7; 8). В отличие от других византийских городов Таврики X-XIII вв., его планировка сохраняла античные традиции и состояла из прямоугольных кварталов (рис.8), ориентированных по сторонам света (*Романчук, 2008, с.457-463*). С запада на восток пролегла главная улица шириной около 6 м. Кварталы разделялись второстепенными улицами (2–4 м шириной) и проулками (рис.8-11). Вдоль транспортных магистралей города пролегли крытые каменными плитами водостоки и очистные колодцы. В центре города находилась главная торговая площадь, которую окружали храмы и наиболее богатые гражданские постройки. В XIII в. херсонеситы продолжали использовать чеканившиеся ими медные монеты с монограммой *ρω* (*Алексеев, 1996, с.187-192; Чореф, 2009, с.35-51*). Причём они имели хождение и на территории Готии, где встречаются в ограниченном количестве.

Усадьбы рядовых горожан состояли из небольшого дворика и нескольких помещений: одноэтажных или двухэтажных с двускатной или односкатной черепичной кровлей (рис.9-11). Они отделялись от соседних

строений квартала высокими каменными заборами. Входы в дома располагались со стороны внутриквартальных переулков. Первый этаж, как правило, использовался для хозяйственных целей и под ним дополнительно размещался глубокий подвал. Второй этаж был фахверковым с заполнением проёмов деревянной конструкции мелким бутовым камнем на глиняном растворе (рис.56; 57; 59). Эта конструкция, при всей её кажущейся непрочности, была долговечной и сейсмически устойчивой (Даниленко, 1988, с.60-66, рис.1;2). Численность домов достигала одной тысячи и население Херсона в XIII в. могло насчитывать от 4,5 до 5 тыс. человек (Якобсон, 1961, с.160; Литаврин, 1976, с. 29; Романчук, 2008, с.466).

Херсон был хорошо укреплен (Антонова, 1971, с.102-118; 1976, с.3-8; 1997а, с.19-24). Периметр его оборонительных сооружений достигал 4,5 км (рис.8). Куртины усиливали 40 башен. Оборонительная система города после восстановительных работ XI в. в основном поддерживалась и не подвергалась каким-либо существенным перестройкам. В ходе археологических исследований значительных следов ремонта и возведение новых фортификационных компонентов не выявлено. Наоборот, в XII-первой половине XIII всё ранее свободное пространство с внутренней стороны крепостных стен (так называемый *πομπλιον*) застраивается жилыми, хозяйственными и церковными зданиями, а это значительно ослабляло возможность активной обороны города (рис.56,1).

В ходе археологического исследования Херсонеса, начиная с 1880 – х гг., на всей изучавшейся территории были открыты слои пожаров и разрушений. К настоящему времени изучено около 40% общей площади города. Из выявленных верхних слоёв пожара разрушенных домов и храмов происходят многочисленные и разнообразные артефакты XII-XIII вв. (Ушаков, Байбурский, 2018, с.309-313), включающие в себя широкий спектр находок: произведений торевтики и ювелирного дела (рис.45), резных стеатитовых икон (рис.48; 49), керамических сосудов (рис.13-44), декоративных изделий (рис.42.1,3) и изделий из стекла (Голофаст,

2021, с.107-142), нумизматики (*Молчанов, 2007, с.48-50; Гончаров, 2009, с.118-132*), вооружения (рис.46), орудий труда (рис.47). Разнообразие керамических находок (особенно амфор и высокохудожественной поливной керамики) демонстрирует не только широкие торговые связи Херсона в поздневизантийский период, но и указывает на развитие местного производства, обслуживавшего потребности населения Крыма и Тамани (*Соловьёв, Мыц, 2022, с.450-457*). Особый интерес представляет уникальная находка навершия крышки красноглиняного поливного сосуда в форме фигурки монгола в шапке с коническим верхом (рис.44).

Пребывание в Херсоне⁷⁰ славянского населения отмечено находками здесь специфических типов гончарной посуды, русских киотных крестов (*Якобсон, 1950, с.35; Белов, Якобсон, 1953, с.147; Фронджуло, 1974, с.144-145, рис.8*) и энколпионов начала XIII в. (рис.45) изготовленных в мастерских Поднепровья (*Колесникова, 2006, рис.129-150*). Данные находки (наряду с типичной бытовой керамикой, шиферными пряслицами и наличие славянских граффити на амфорах) позволяют исследователям говорить о пребывании в поздневизантийской Таврике русского населения, спасавшегося от монгольских погромов в 1230-1240-х гг. (*Якобсон, 1958, с.116-128*).

Архитектурными доминантами средневекового Херсона являлись монументальные храмовые сооружения, располагавшиеся в основном вдоль главной улицы и береговой линии (рис.8). Это создавало особый визуальный эффект восприятия при приближении к городу со стороны моря. В ходе археологического исследования Херсона на протяжении XIX–XX вв. выявлено около 50 церковных построек VI–XIII вв. Среди них особенно крупными зданиями XII–XIII вв. были 5 уцелевших после катастрофы начала XI в. базилик; 5 крестообразных храмов; 2 центрических; 7 крестово-купольных и 20 одноапсидных квартальных церквей (*Айналов, 1905, с.52-67, 73-80, рис.38, 39, 42, 54,56; Хрушкова, 2004, с.167-193; 2015, с.446-686;*

⁷⁰ Аналогичный киотный крест происходит из Сугдеи (*Фронджуло, 1974, с.144-145, рис.8*).

Лосицкий, 2015, с.179-200; *Яшаева*, 2017, с.101-132). Со второй половины X в. в городе уже не сооружали крупных базиликальных строений. Здесь в XI–XII вв. возводили компактные, вертикально акцентированные крестово-купольные и крестообразные храмы (рис.50-55). Наиболее интересными и хорошо сохранившимися церковными зданиями этого времени являются крестообразный храм № 19 на участке античного театра (рис.51; 52; 55) и пятиапсидный храм (рис.50,1; 54) в западной части города (*Лосицкий*, 2015, с.179-200).

На остальной территории Юго-Западного Крыма, где проживало православное население, архитектурные новации в виде крестообразных и крестово-купольных церквей не получили широкого развития. За пределами Херсона крестообразные храмы выявлены в ходе раскопок на юго-восточном склоне Мангупа (*Мыц*, 1984, с.57-66) и под Баклой (*Рудаков*, 1984, с.35-57). Единственный пещерный монастырский храм Св. Софии (рис.269) крестообразной формы известен рядом с Каламитой (*Могаричев*, 1997, с.22-30, рис.96,99-101). Крестово-купольная церковь была возведена в конце XII–XIII вв. у селения Лаки (храм Св. Троицы Готской епархии) (*Якобсон*, 1934, с.97-110; 1950, с.248-249, рис.158-159)⁷¹.

Отличительной особенностью церковной архитектуры Юго-Западной Таврики являлось длительное использование (до конца XV в.) архаичной базиликальной формы храма. Известно две относительно крупных базилики на территории Готии, существовавших до османского завоевания 1475 г. – храм Свв. Апостолов Петра и Павла в Партените (рис.236,2) (*Адаксина*, *Мыц*, 2013, с.401-503) и Мангупская базилика (рис.165,1) (*Репников*, 2009, с.168-175; *Кирилко*, 1997, с.89-98; 2019а, с.691-740).

Археологические исследования позволили выявить внутри некоторых крепостей Юго-Западного Крыма (Баклы, Тепе-Кермена, Сюйрени, Тешкли-

⁷¹ В настоящее время данный памятник разрушен. Новейшие его исследования позволили выявить в кладке центральной апсиды надгробие с датой 1421 г., а это существенно меняет время возведения храма на поствизантийский период (*Виноградов*, 2018, с.84, прим.41) или же указывает на возможность повторного восстановления храма после 1421 г.

Буруна (Мангупа), Эски-Кермена) и Южнобережья (Алустона, Партенита, Гурзуфа) плотную застройку городского типа. Причём ряд крепостей обладал обширными посадами (Бакла, Алустон, Партенит, Гурзуф, Тешкли-Бурун), значительно превосходившими площадь укреплённых центров городов, редко превышавшую 1,0 га защищённой стенами территории.

Наиболее значимым городским центром Крымской Готии в XII–XIII вв. была крепость на плато Эски-Кермена (рис.60,1; 61) (*Веймарн*, 1958, с.7-54; *Могаричев*, 2014, с.200-2002). Оборонительные сооружения Эски-Кермена (тюрк.- *Старая крепость*⁷²) возвели византийские фортификаторы, вероятно, ещё во второй половине-конце VI в. (*Айбабин*, 2007, с.137). Его укреплённая территория (около 10 га) делилась на две части: 60% занимала плотная городская застройка, а остальная оставалась практически свободной (на ней располагались оборонительные сооружения и церковь с небольшим некрополем) (рис.61). По-видимому, эта территория (4 га) использовалась для укрытия населения окрестных сел и домашнего скота во время военной опасности. Внутригородская застройка (*Айбабин*, *Хайреддинова*, 2017, с.5-6) формировалась из небольших двухэтажных домов, площадью в 60–80 кв.м, состоящих из 2–4-х комнат (рис.62). Первый этаж возводился из бутового камня на глиняном растворе с прокладками деревянных балок, обеспечивавших строению высокую сейсмическую устойчивость. Вторые этажи были фахверковыми с черепичной кровлей (*Паршина*, 1988, с.39, рис.2;3; *Завадская*, 2008, с.291-315; 2009, с.254-268; 2015, с.213-232). На нижних этажах, как правило, располагались хозяйственные помещения. Под ними зачастую размещались вырубленные в мягком известняке подвалы, пифосообразные ямы для хранения зерна, цистерны для сбора воды. На территории Эски-Кермена к XIII в. размещалось примерно 600 домов, а население города могло достигать 3 тыс. человек (*Веймарн*, 1980, с.19-33). От главных крепостных ворот к центру города, где располагался базиликальный

⁷² Средневековое название этого города остаётся неизвестным. Н.И. Репников полагал, что Эски-Кермен был столицей готской области Дори (*Репников*, 1932, с.136-137).

храм (рис.63), вела широкая улица. Внутригородская застройка имела квартальную планировку, расчленённую узкими улицами и переулками (рис.62).

Как было установлено раскопками Эски-Кермена, поздневизантийский город погиб в последней трети XIII в. в результате разрушительного пожара. Данный слой содержит многочисленные и разнообразные находки, аналогичные обнаруженным в Херсонесе (*Айбабин*, 2014, рис.14-17)(рис.64). После этой катастрофы город полностью не восстанавливался. Некоторые следы возобновления жизни выявлены при изучении территории базилики, у северо-восточного плеча которой в 1979 г. открыты руины небольшой часовни (размеры 5,7 x 3,7 м) (*Паршина*, 1988, с.38-39). Судя по месту находок фрагментов фрески только апсида церкви имела роспись. Время строительства данного миниатюрного храма относится к концу XIII- началу XIV в. На это указывают находки из пяти плитовых и грунтовых могил, т.к. в некоторых из них обнаружены фрагменты поливной керамики первой половины XIV в. (*Паршина*, 1988, рис.1, могилы №1, 2, 3, 11, 12; рис.4,26). Часовня, по-видимому, носила мемориальный характер и была связана с открытыми рядом с ней тремя склепами (*Паршина*, 1988,рис.1 склепы №5-7),⁷³ в которых было погребено 150 человек. При этом все захоронения находились в анатомическом порядке, что указывает на единовременность совершения погребений. Наибольшее число останков (100) обнаружено в склепе №5. О насильственной смерти погребённых говорит отверстие и каменное ядро от пращи в мужском черепе. Женские захоронения сопровождалось девятью целыми синими стеклянными и двумя бронзовыми браслетами, бронзовыми полыми шаровидными пуговицами, проволочной серьгой, перстнем с гладким щитком, литой монетой с монограммой *ρω* и др. (*Паршина*, 1988,с.44, фото 5 с погребальным инвентарём).

В церковной жизни Таврики, благодаря позитивному экономическому и демографическому развитию региона, на протяжении XI–XIII вв. происходят

⁷³ На чертеже в публикации Е.А.Паршиной над склепом №7 ошибочно поставлена цифра 8.

организационные изменения. В 1156 г. Сугдейская епархия соединилась с Фульской и получила название Сугдо-Фульской. К середине 70-х (?) гг. XIII в. все православные епархии полуострова получили статус митрополий. Среди упоминаемых 50-60 византийских епархий, Херсонская всегда занимала 18-21 место, в то время как другие – Сугдеи, Готии, Боспора и Фулл – никогда не поднимались выше 40-го (*Зайбт, 2017, с.299-305*).

Экономика региона базировалась на сельскохозяйственном производстве, ремесле и торговле. Основным занятием населения было сельское хозяйство – хлебопашество, огородничество, садоводство, виноградарство и скотоводство (*Мыц, 1991, с.105-117*). Среди зерновых наибольшее распространение получили пшеница, рожь, ячмень, овёс и просо. Особое место в рационе занимали бобовые культуры. Собранный урожай хранили в зерновых ямах или пифосах. О реальной урожайности того времени судить сложно. По мнению специалистов, она не превышала 8–12 центнеров с гектара. Вспашку земли осуществляли лёгкими плугами (рис.47,1), а уборку серпами (рис.47,5,6; 64,12-15; 106,6) (*Айбабин, Хайреддинова, 2015, с.352-368*). Перерабатывали зерно в домашних условиях ручными мельницами, используя каменные жернова (рис.106.17,18). Письменные источники также свидетельствуют о наличии водяных и ветряных мельниц. Последние известны в Юго-Западном Крыму у генуэзской крепости Чембало XIV–XV вв.

В долинах горного Крыма и на побережье широкое развитие получило виноградарство и виноделие. Виноград выдавливали с помощью прессов в деревянных тарапанах или в специальных ёмкостях, вырубленных в скале. Последние известны на склонах Внутренней горной гряды близ Баклы, Кыз-Кермена, Качи-Кальона, Сюйрени, Мангупа и в других местах (*Ганцев, 2021, с.133-153*). В некоторых районах производство вина было товарным. Например, у Качи-Кальона (рис.7,1; 100,2) известно 120 каменных тарапанов, в которых одновременно могли перерабатывать до 250 тонн винограда. Анализы содержимого 19 пифосов из Алустана показали, что горожане

изготавливали исключительно красное вино из местных (аборигенных) сортов винограда. При обработке виноградников, как правило, располагавшихся на террасированных горных склонах, использовали специальные лопаты с длинным узким лезвием и двузубые мотыги (*фурки*) для рыхления каменистой почвы (рис.106,1,5). Обрезка лозы производилась кривыми односторонними ножами (рис.64,11) (*Ганцев, 2020, с.77-84*).

Латинские источники указывают на развитое огородничество и садоводство в Юго-Западном Крыму. На рынки прибрежных городов из окрестных сёл в большом количестве поступали огурцы, лук, чеснок, капуста, грецкие орехи, фундук (орехи лещины), миндаль, каштаны, арбузы, дыни и др. Особое распространение в Готии получило культивирование технических культур – льна и конопли, занимавших около 20% территории посевов. Сопоставление материалов археологических исследований с данными письменных источников указывает на то, что на протяжении пяти столетий (XIII–XVIII вв.) состав культивируемых сельскохозяйственных культур на территории горного Крыма практически не менялся (*Галенко, 2002, с.49-70; Араджиони, 1993, с.184-193; 2004, с.307-313*).

Важное значение для населения Крымской Готии имело товарное скотоводство. На нём также базировалось кожевенное производство и косторезное ремесло (*Романчук, 1981, с.84-105*). Анализ костного материала из раскопок средневековых памятников указывает на то, что население в основном занималось разведением крупного и мелкого рогатого скота. В горных и южнобережных селениях практиковалось отгонное скотоводство, когда в течение тёплого времени года скот выпасали на высотных пастбищах яйлы. В городах в основном разводили коз, свиней и домашнюю птицу. В то же время лошадей использовали в пищу крайне редко (менее 1% от общего числа). Даже в прибрежных городах (например, Чембало и Алустане) потребление рыбы и моллюсков не превышало 6–8%.

Территория, подвластная Херсону и Климатам Готии, занимала часть Юго-Западного Крыма и Южнобережье (рис.7). Здесь размещалось три

относительно крупных города – Херсон, Эски-Кермен и Кырк-Кер, а также шесть небольших городов-крепостей (*полисм*): Симболон, Тешкли-Бурун (восточный мыс г. Баба-Даг), Сюйрень (Сдиварин), Тепе-Кермен и Бакла (рис.7). На землях приморской Готии существовало четыре малых городских центра (Алустон, Партенит, Гурзуф и Ялита)⁷⁴ и около 32 сельских поселений (Могаричев, 2017, с.221).

На северо-востоке пограничным поздневизантийским укреплением являлась Бакла, на востоке – Алустон (рис.7). Земли Херсона простирались вдоль западного побережья от мыса Херсонес, где в XIII–XV вв. размещался маяк, до устья р.Чёрной. По-видимому, в XIII в. восточная граница доходила до мыса Сарыч, у которого располагалось поселение с церковью и некрополем. Если поселения Байдарской долины (бассейн р. Чёрной) принадлежали Херсону, то в его подчинении в XIII в. находился один малый город – Симболон и 22 сельских поселения. На месте будущего порта и города Каламита в X–XIII вв. (в устье р.Чёрной) функционировал комплекс пещерных монастырей (Могаричев, 2014, с.22-30, рис.96, 99-101)⁷⁵, принадлежавших Херсонской епархии и они, вероятно, являлись её лаврой, т.е. крупным и особо почитаемым монастырём. На территории Юго-Западного Крыма к настоящему времени известно примерно 50 поселений и монастырских комплексов XI–XIII вв.

2.3. Походы сельджуков на Судак и Херсон в первой трети XIII в.

После образования в 1204 г. Трапезундской империи, бывшие византийские владения в Таврике, кроме Сугдеи с сельской округой (от Херсона на западе - до Боспора на востоке), вошли в сферу её политического влияния. До настоящего времени, ввиду ограниченности имеющихся источников, начальный этап формирования отношений с государством Великих Комнинов остаётся не изученным. Поэтому он представляет

⁷⁴ Более подробно о данной группе византийских памятников, существовавших с VII-IX вв. и называвшихся *полисм* (города) или *кастра племён* см.: (Сорочан, 2016, с.91-100).

⁷⁵ Как отмечает Ю.М.Могаричев, расцвета монастырская жизнь в Инкерманской долине достигает в XIV-XV вв. - времени существования княжества Феодоро, когда здесь существовало 9 монастырских комплексов с 30 храмами (Могаричев 2014, с.197).

значительную лауну в хронологии событий происходивших в Причерноморье в первой трети XIII в.

Захват Из ад дином Кай Кавусом I (1211 - 1220) 1 ноября 1214 г. Синопа, составлявшего совместно с Сугдеей основной мост, по которому шёл товарообмен между Севером и Югом, способствовал развитию оппозиционных анти-сельджукских настроений в среде правителей и купечества торгово-ремесленного центра Таврики. Это привело к временной дестабилизации региональной торговли. Севасты и архонты Сугдеи, в отличие от Херсона, Климатов Готии и Боспора, признававших сюзеренитет Трапезунда и после аннексии Синопа Сельджукидами в 1214 г., предпочли зависимости от Великих Комнинов, протекторат полловцев. Ответной мерой султана Рума, призванной устранить возникшие помехи в торговле и подчинить своему контролю весь водный маршрут с располагавшимися здесь торговыми полюсами, явился поход эмира Хусам ад дина Чобана на Судак, осуществленный предположительно в первой половине 1217 г.

Этот важный в истории Причерноморских государств эпизод наиболее полно отражён в одном источнике - сочинении Ибн Биби, которое сохранилось в трёх вариантах. Автор не указывает точной даты описываемых событий: он только сообщает, что поход сельджуков состоялся во время правления султана Ала ад дина Кай Кубада I (1220-1237) (*Duda*, 1959, с.127-138). Исследователи неоднократно обращались к изучению данного вопроса и высказывали разные точки зрения на датировку событий повествуемых у Ибн Биби (*Ченцова*, 1996, с.171-172).

М.Хоутсма, одним из первых обратившийся к рассмотрению этого сюжета, использовал для перевода *Мухтасар* - сокращенный вариант сочинения Ибн Биби, переведённый на персидский язык ещё при жизни автора (около 1282 г.). Предположительно он датировал поход сельджуков Рума на Судак 1227 г. (*Houtsma*, 1885, s.381), оставив без аргументации предложенную им хронологию событий. В.Г.Васильевский придерживался этой же точки зрения и рассматривал поход Ала ад дина Кай Кубада I на

Судак в качестве эпизода войны иконийского султана с императором Трапезунда (*Васильевский*, 1915, CLXXVI). На противоречия в предложенной В.Г. Васильевским хронологии обратил внимание А.Ю. Якубовский (*Якубовский*, 1928, с.59). Той же датировки (1227 г.) придерживается и А.Саввидес (*Savvides*, 1981, с.175-176). В.Бартольд считал наиболее вероятным временем нападения султана Рума на Таврику 1223-1238 гг. (т.е. в хронологическом промежутке между первым и вторым появлением монголов на территории полуострова) (*Barthold*, 1927, s.526).

После выхода работы А.Ю.Якубовского (*Якубовский*, 1928, с.53-76) большинством отечественных исследователей принимается предложенная им датировка похода Хусам ад дина Чобана на Судак 1221-1222 гг. (*Гордлевский*, 1941, с.57; *Якобсон*, 1950, с.29; *Микаелян*, 1952, с.195; *Секиринский*, 1955, с.16-18; *Пауто*, 1968, с.271; и др.). Этой же версии развития событий и их хронологии придерживается М.Нистазопулу (*Νυσταζοπουλου*, 1965, σ.20-21). С.П.Карпов предложил дату - 1223 г., Н.М.Богданова - 1222-1223 гг. (*Карпов*, 1977, с.39; *Богданова*, 1985, с.44-48), Т.Райс - 1222 г. (*Rice*, 1961, p.105). Многие западноевропейские исследователи склонны считать наиболее вероятным временем похода 1225 г. (*Turan*, 1970, s.246; *Taeschner*, 1966, p.747; *Cahen*, 1968, p.125-126; *Kursanskis*, 1988, p.117-118).

В.Д.Смирнов, не детализируя затронутой темы, и используя сведения турецких источников, восхваляющих султана Рума, как выдающегося правителя того времени, сообщает, что Кай Кубад I перевёз войско через Чёрное море и завоевал крепость Судак (*Смирнов*, 1887, с.10). Ссылаясь на свидетельство Ибн ал Асира о бегстве части населения Судака на кораблях в мусульманские земли перед приходом монголов в 1223 г., он полагал, что это можно принять за глухой намёк на бегство сельджукского гарнизона, оставленного в городе эмиром Чобаном после его завоевания (*Смирнов*, 1887, с.11).

Ряд историков, рассматривая взаимоотношения Причерноморских государств в 20-х гг. XIII в., вообще обошли молчанием эпизод, связанный с походом в Таврику эмира Чобана, сосредоточив при этом внимание на событиях трапезундско-иконийского конфликта 1223-1225 гг., достаточно подробно изложенного в сказании скевофилака Иоанна Лазаропуло о чудесах Св.Евгения (1368/69 г.) (*Кулаковский*, 1914, с.96; *Успенский*, 1929, с.43-52; *Vasiliev*, 1936, p. 161-162).

А.Л.Якобсон, следуя в русле построений В.Г. Васильевского, но принимая во внимание датировку событий предложенную А.Ю.Якубовским, попытался примирить свидетельства греческого хрониста и мусульманских писателей, касающихся Сугдеи и Херсона в 1221-1222 гг., что неизбежно приводит (используя его же фразеологию) к путанице хронологии событий и их причинной связи (*Якобсон*, 1950, с.29).

Следует привести и точку зрения Н.М.Богдановой, согласно которой сельджукское войско, возглавляемое эмиром Чобаном, после захвата Судака направилось к Херсону. В связи с этим она предлагает и свою хронологию событий - 1222-1223 гг., которая базируется на использовании сведений из «Послания» епископа Аланского Феодора (*Богданова*, 1985, с.44-48). Критический анализ основных положений, изложенных в статье Н.М.Богдановой был выполнен В.Г.Ченцовой (*Ченцова*, 1996, с. 171-183). Наконец, Д.А.Коробейников, рассматривая данный эпизод в контексте международных отношений и политических альянсов, формировавшихся на территории Малой Азии на протяжении XIII в., согласился с традиционной датировкой (*Коробейников*, 1994, с.62-63).

Краткий обзор историографии по рассматриваемому вопросу дополним упоминанием работ Г.Ю.Ивакина, которым предложена оригинальная интерпретация событий, происходивших в Северном Причерноморье в 20-е гг. XIII в. (его публикации оказались вне внимания В.Г.Ченцовой) (*Ивакин*, 1996, с.194-196). К этой теме Г.Ю.Ивакин обратился в связи с находкой при раскопках Киева предмонгольского периода монет Сельджукидов Рума -

султанов Рукн ад дина Сулеймана (1196-1204) и Изз ад дина Кай Кавуса I (1211-1220), встреченные на территории Древней Руси впервые (*Ивакин, 1993, с. 73*). Датируя поход эмира Чобана 1221 г. (*Ивакин, 1996, с.196*), автор высказал предположение, что упоминаемый в хронике Ибн Биби город Согд, захваченный сельджуками, располагался на Кавказе, т.к. события связаны с землею Леона, где был ограблен один из жалобщиков - купец из Алеппо. Г.Ю.Ивакин полагал, что поблизости современного Судака трудно найти место, где бы могла развернуться битва с использованием конницы, составлявшая основную силу, как сельджуков, так и половцев (*Ивакин, 1996, с.197*).

Автор воздержался от дальнейшей детализации событий и конкретной локализации кавказского Согда, на защиту которого выступили половцы и русские. Упоминаемый Г.Ю. Ивакиным Леон, очевидно, есть ни кто иной, как царь Киликийской Армении Левон II (1187-1219), а вопрос, касающийся расположения Сугдеи на Северном Кавказе, в своё время был подробно рассмотрен В.Г.Васильевским, использовавшим для этого рассказ VIII в. греческого монаха Епифания о хождениях апостола Андрея (*Васильевский, 1915, CLXIX*). Следуя путём апостола, Епифаний посетил Авазгию (Абхазию) и Зихию (Джихетию, область, населённую черкесами), отправившись затем к Верхним Сугдеям (или в Верхнюю Сугдию), путешествующий монах застал этот населённый пункт необитаемым, что, по мнению В.Г. Васильевского, не даёт оснований отождествлять его с Сугдеей, расположенной в Таврике (*Васильевский, 1915, CLXX*). Ссылаясь на древние грузинские переводы греческого подлинника, которые говорят о Верхнем Суадаге, как пустующем месте, он отмечает сведения новых комментаторов о существовании в 37 км от Владикавказа аула Суадаг (*Васильевский, 1915, CLXX*).

Представленный краткий историографический обзор показывает, что вопрос о времени похода эмира Чобана и месте происходивших в Причерноморье событий до настоящего времени является предметом

дискуссии. Разрешение вопросов, возникающих при рассмотрении затронутой темы, невозможно без изучения военно-политической и экономической истории государств Малой Азии, которая формировалась на протяжении первых двух-трёх десятилетий XIII в. Динамика этого процесса нашла своё отражение и в сочинении Ибн Биби. В.Гордлевский, давая оценку исторической объективности произведения, отмечал, что Ибн Биби написал свою хронику после нашествия в Малую Азию монголов. В это время старые феодалы всё ещё обращались к воспоминаниям о времени правления султана Ала ад дина Кай Кубада I, которого всячески идеализировали. Этим настроениям, очевидно, поддался и Ибн Биби (*Гордлевский, 1941, с.8*). Поэтому он умалчивает о поражении идеального султана (или сельджукского царевича-малика Гийас ад дина, попавшего в 1230 г. в плен к трапезундцам) в войне 1223-1230 гг. с Андроником Гидом (*Шукуров, Коробейников, 1998, с.184-200*), и, наоборот, приписывает ему военные успехи других султанов Рума. А отсюда вытекает, что и «датировка событий у Ибн Биби иногда сомнительна» (*Гордлевский, 1941, с.8*).

После завоевания крестоносцами Константинополя в 1204 г. и развала Византии, на территории Малой Азии возникает два новых греческих государства - Никейская и Трапезундская империи, между которыми на протяжении первых десяти лет их существования шла ожесточенная военно-политическая борьба за лидерство в процессе восстановления Византийской империи. Частые военные столкновения в 1205-1208 гг. протекали с переменным успехом для каждой из противоборствующих сторон (*Vasiliev, 1936a, p.23; Laurent, 1962, p.213-214; Карпов, 1971, с.146-154; Жаворонков, 1982, с.183*). Ход военных действий зачастую усложнялся тем, что в конфликты постоянно вмешивались (или выступали в роли их инициаторов) Латинская империя и Румский султанат, не желавшие усиления какой-либо из сторон и, поэтому, им приходилось вести борьбу, как минимум, на два фронта. Перелом в этой борьбе наступает в 1213-1214 г., когда Никея смогла

победить Трапезундскую империю как соперницу за обладание Константинополем (*Жаворонков*, 1982, с.183-185).

В 1211 г. император Никеи Феодор I Ласкарис (1205-1222), совместно со своим союзником болгарским царем Борилом, намеревался начать военные действия против латинян с целью захвата Константинополя, но вынужден был повернуть свои войска на юг для отражения нападения сельджуков. Султана Гияс ад дина Кай Хосрова (1205-1211), как союзника латинского императора Генриха, не устраивало стремительное усиление позиций Никеи в Малой Азии. В этом Румский султанат видел угрозу своим планам торгово-экономической экспансии с закреплением на побережье Средиземного (Атталия) и Чёрного морей (прежде всего Синоп) с целью установления контроля над конечными пунктами малоазийской транзитной торговли, в том числе с европейскими государствами, кипчаками и Киевской Русью (*Vasiliev*, 1932, p.186; *Cahen*, 1968, s.120; *Heyd*, 1885, p. 298-299; *Irmischer*, 1970, s.379).

В битве, состоявшейся близ Антиохии в долине Меандра в июне 1211 г., Гияс ад дин Кай Хосров был убит, а его 20-тысячное войско потерпело поражение (*Nicephori Gregorae*, 1829, s.19.18-20; *Duda*, 1959, s.50; *Aboulfeda*, 1794, s.245; *Longnon*, 1948, p.442-452; *Жаворонков*, 1976, с.48-50). Эта победа Феодора Ласкариса имела огромный резонанс в греческом мире и возродила надежду на скорое изгнание латинян из Константинополя (*Nicetae Choniatae*, 1972, p.175.24-35; *Васильев*, 1923 с.17). Новый султан Рума Изз ад дин Кай Кавус I (1211-1220), столкнувшись с внутривосточными проблемами, был вынужден пойти на перемирие с Никеей. Из описания этих событий Ибн Биби следует, что инициатором заключения договора о мире выступил Феодор Ласкарис, который, якобы, боялся мести султана за убийство отца (*Duda*, 1959, s.57-58).

Исходя из этого, Т.Хоутсма пришёл к невероятному выводу, что после сражения у Антиохии Никейская империя выплачивала дань Руму (*Houtsma*, 1885, s.376). Но, как убедительно показали П.Виттек и П.И. Жаворонков, Изз ад дин Кай Кавус I в этот период отказывается от планов экспансии на

западных границах султаната, стремясь сохранить здесь статус кво (*Wittek, 1938, s.27; Жаворонков, 1976, с.50-51*). Временное ослабление Рума и вовлеченность султана в события на восточных границах (подавление мятежа его младшего брата Ала ад дина, поддержанного царём Киликии Левонем II Рубенидом и владельцем Эрзерума Сельджукидом Абу Харисом Мугис ад дином Тогрул шахом), дали возможность Никейской империи реализовать плоды победы при Антиохии.

Ибн Биби сообщает, что после сражения в долине Меандра жители Атталии подняли восстание, осадив в цитадели румский гарнизон и пригласив на помощь латинян с Кипра, но сельджуки довольно быстро вернули город под свой контроль (*Duda, 1959, s.61-63*). Тем не менее, в конце лета - начале осени 1214 г. Ласкарису, вероятно, удалось отвоевать Атталию, т.к. в течение двух лет в ней проводились восстановительные и ремонтные работы (*Жаворонков, 1976, с.58-59*).

Потерпев поражение в войне с латинянами в 1211-1212 г., Феодор Ласкарис вынужден был уступить часть пограничных территорий и заключить двухлетнее перемирие. В декабре 1212 г. он подписал мирный договор с императором Генрихом (1206-1216) (*Жаворонков, 1974, с.102-103; 1976, с.54-56*), в конце 1214 г. между Никеей и Киликийской Арменией заключается военный союз, направленный против Рума и скреплённый браком Феодора Ласкариса с Филиппой - племянницей Левона II. Этот договор оказался непрочным и завершился отправкой Филиппы к дяде (около 1217 г.) (*Жаворонков, 1999, с.209-213*), но на некоторое время он обеспечил Никее свободу действий в Малой Азии (*Павлов, 1897, с.164-165; Успенский, 1948, с.551; Жаворонков, 1999, с.209-213*).

Перемирие с латинянами, союз с Киликией и вовлеченность султана в подавление мятежа брата, дали возможность Феодору Ласкарису возобновить экспансию на восточных границах империи. Смерть Давида Великого Комнина в декабре 1212 г. (*Oikonomides, 1967, p.141, n.67*) позволила ему в 1213 г. приступить к завоеванию Пафлагонии, завершённое

в результате трёх походов, проведённых в осенне-зимний период 1214 г. (*Жаваронков*, 1982, с.186). Столь значительному успеху, очевидно, способствовало и пленение Изз ад дином Кай Кавусом I императора Трапезунда Алексея Великого Комнина. Согласно свидетельству Ибн Биби, оно произошло в первой половине октября 1214 г. (*Duda*, 1959, s.65-67) и дало возможность сельджукам 1 ноября 1214 г. захватить Синоп (*Heisenberg*, 1923, p.25.31-26.3; *Duda*, 1959, s.66-67).

С этого момента (1214 г.) Трапезундская империя попадает в вассальную зависимость от Румского султаната, вынужденная выплачивать дань и участвовать в военных предприятиях султана (*Kursanskis*, 1988, p.112) направленных против Никеи и Киликии. В 1216 г. Сельджукиду удаётся нанести поражение Феодору Ласкарису, что вынудило его передать ему Атталию. Вероятно, к этому же времени относится и подписание договора между двумя государствами, ибо после 1216 г. историки не сообщают о каких-либо серьезных столкновениях между ними (*Acrop.*, I, s.105. 24-26; *Pach.*, I, s.15.4-16.5; *Wittek*, 1934, s.5-6).

Осенью 1215 г. Изз ад дин Кай Кавус I предпринял попытку отвоевать у Киликийского армянского царства крепость Капан, контролировавшую один из торговых путей, шедших из Малой Азии в Сирию. Несмотря на то, что осада её оказалась неудачной (коменданту крепости Хетуму удалось во время вылазки уничтожить осадные машины), в полевом сражении в местности Иезди сельджуки нанесли поражение армянскому войску. В плен попал коннетабль киликийской армии парон Константин, сир Ламбрана Константин, сир Сига, Мавлаберда и Палапавла Кир Исаак, Васил Оксенц и ряд других князей и рыцарей. Смбат Спарпет датирует эти события 665 г. (27 января 1216 - 25 января 1217 г.) (*Спарпет*, 1974, с.122; *Smbat*, 1980, p.92).

Время для похода на Киликийскую Армению было выбрано не случайно, потому что в 1216 г. Левон II был занят борьбой за контроль над Антиохией, где ему при поддержке антиохийского сенешаля Амори удалось ненадолго

(до 1219 г.) установить правление внука своего брата Рубена III (*Smbat*, 1980, р.84-85, 89).

Ответное нападение, организованное Левонем II на территорию Рума, заставило Изз ад дина Кай Кавуса I уйти из Киликии. Мирный договор был подписан только через год и четыре месяца, т.е. не ранее июня 1217 г., когда из плена были освобождены захваченные в битве при Иезди армянские вельможи в обмен на уступку Левонем II Изз ад дину Кай Кавусу I крепости Лавзат, расположенной рядом долины реки (в верховье Каликадна), крепости и горного прохода Лувла.

Таким образом, есть основания считать, что румские походы на Киликию и Атталию, описанные в сочинении Ибн Биби, происходили во время правления Изз ад дина Кай Кавуса I, а не его брата Ала ад дина Кай Кубада I, и могут быть датированы 1216-1218 гг., что подтверждается сведениями армянских источников. Но Ибн Биби описывает все три направления военных действий (Атталия, Киликия, Судак), как синхронные. Это позволяет предположить, что и поход эмира Хусам ад дина Чобана на Судак был осуществлён примерно в это же время (по крайней мере, до смерти в начале 1220 г. Изз ад дина Кай Кавуса I).

Столь значительное событие, как поход эмира Чобана и захват Сугдеи должен был бы найти отражение и на страницах своеобразной летописи города – *Синаксаря* XII в. М.Нистозопулу обратила внимание на одну из заметок, которую предположительно связала с походом сельджуков на Судак. Архимандрит Антонин в 1863 г., при публикации *Синаксаря*, отметил историческую важность заметки датированной им 1217 г.(№140): «В этот день [...] крепость Сугдеи накануне [недели] Всех святых». В примечании к ней Антонин писал, что заметка эта явно связана с предыдущей (№139 [«В тот же день память архиепископа нашего господина Льва Катак [...] 6725» (=1217 г.) и летоисчисление предыдущей может относиться к следующей (*Антонин*, 1863, с.625, 616). При этом Антонин отмечал, что чтение воспроизводится почти гадательно, т.к. чернила проели кожу (*Антонин*, 1863,

с.625). М.Нистозопулу, повторно издавая *Синаксарь*, в историческом очерке даёт, ставшую уже традиционной с момента выхода работы А.Ю.Якубовского, датировку событий завоевания Судака временем правления султана Ала ад дина Кай Кубада I (*Νυσταζοπολου*, 1965, с.20), но приводит несколько иное чтение этих заметок, чем Антонин: 1) «14 июня 6725» (=1217), лист 140 г.(№139): «день памяти архиепископа, господина Феодора Катак..., в 1217 г.»; 2) «14 июня (примерно 1217 г.)», лист 140 г. (№140) «В этот день, накануне праздника Всех святых, была покинута крепость города Сугдеи» (*Νυσταζοπολου*, 1965, с.119).

В примечании к заметке №6 (№ 140 по Антонину) М.Нистозопулу отмечает, что она написана сразу же после заметки №5 (№139) от 1217 г. одним писцом (*Антонин*, 1863, с.616), который встречается в рукописи *Синаксаря* только один раз и, следовательно, по почерку может быть датирована также 1217 г. Кроме того, упоминание праздника *Всех святых*, по мнению М.Нистозопулу, даёт возможность предложить более узкую датировку отмеченного в заметке события, потому что этот праздник совпадал с 14 июня в годы: 1215, 1226, 1237, 1248, 1299 и др. Далее автор отмечала что, если приводимая дата относится ко дню накануне праздника Всех святых, то возможности её датировки сужаются годами 1243, 1253, 1264, 1337, 1338, 1427 (*Νυσταζοπολου*, 1965, с.138-139, п.7). При этом М.Нистазопулу считает, что из всех предложенных дат, только 1215 г. согласуется с данными палеографии, потому что почерк писаря, которым оставлены эти две заметки не встречается до (предыдущая заметка относится к 17 декабря 1214 г.) и после 1217 г. (следующая датирована 26 мая 1219 г.) (*Νυσταζοπολου*, 1965, с.119).

Следовательно, и само событие, отмеченное в заметке №6, относится ко времени не ранее декабря 1214 г. и не позднее мая 1219 г. Но, как отмечает исследовательница, ей неизвестно в данный промежуток времени событие, связанное с завоеванием Сугдеи, которое имеет ввиду данная заметка и поэтому предположительно связывает его с нападением тюрок-сельджуков,

датируемым до 1223 г. (*Νυσταζοπολου*, 1965, с.19-21,139,п.7). При этом, она считает возможным исключить взаимосвязь отмеченных заметок с татарскими нашествиями, потому что они происходили в зимнее время (*Νυσταζοπολου*, 1965, с.139).

Смысловое содержание заметки №6 согласуется с повествованием Ибн Биби о дне капитуляции жителей Судака перед войском сельджуков, возглавляемом эмиром Хусам ад дином Чобаном, когда «Все от мала до велика устремились из города» (*Duda*, 1959, s.137).

К дискуссии о времени завоевания сельджуками Судака обратился Х.-Ф.Байер. Им было высказано несколько противоречивых суждений. Отметив существование проблемы с датировкой сельджукской экспансии на Судак, он в то же время вводит хронологическое ограничение для события завоевания – *terminus post quem* - 1220 г., когда султан Кейкубад пришёл к власти (*Байер*, 2005, с.198-199). Вместе с этим он не исключал верность моего предположения, что Ибн Биби приписал сельджукские походы на Анатолию и Киликию, предпринятые в 1216-1218 гг. не правящему тогда султану Изз ад дину Кей Кавусу I (1211 – начало 1220), а Ала ад дину Кей-Кубаду I (1220-1237) (*Байер*, 2005, с.198). Байер вносит существенные коррективы в мою попытку отнести время захвата сельджуками Сугдеи к 14 июня 1217 г. накануне праздника *Всех святых* и считает, что датировка данным годом исключается (*Байер*, 2005, с.199). В конечном итоге Байер заключал что, жители сдались сельджукам 14 июня 1223 г. (*Байер*, 2005, с.199).

Как видим, на протяжении XX – начала XXI вв. исследователями высказывались различные мнения по поводу времени похода сельджукского полководца Хусам ад-Дина Чобана на Судак: от 1221 до 1228 гг. (*Мыц*, 1999, с. 176–186; 2001, с. 193–204). Критическое рассмотрение предложенной мной даты выполнил Х.-Ф.Байер, считавший более подходящим временем похода сельджуков на Сугдею 1223 г. (*Байер*, 2005, с. 194–228). В одной из своих недавних работ М.Г. Крамаровский отдаёт предпочтение поздним

датам: 1226–1228 гг., придерживаясь точки зрения зарубежных коллег (*Reasock*, 2010, p.243-265; *Крамаровский*, 2019, с. 15–57)⁷⁶.

Полагаю, что наиболее вероятным временем завоевания сельджуками Сугдеи были 1217–1222 гг. – до прихода к власти в Трапезунде Андроника I Гида (1222–1235). В условиях войны с Трапезундом (как, например, в 1225–1235 гг.) организовать транспортировку, высадку и снабжение на побережье Юго-Восточной Таврики значительного военного контингента (причём с конницей) было проблематично. Именно Трапезунд, обладая на Понте наиболее значительным флотом и находясь в 1214–1222 гг. в зависимости от Рума, мог оказать материально-организационное содействие проведению уникальной и единственной успешной в практике сельджуков военно-морской десантной операции. Например, в 1225–1235 (?) г. сельджуки без поддержки Трапезунда так и не смогли захватить Херсон. Сложно представить, чтобы сельджуки, потеряв в 1225–1228 гг. Синоп (*Шукуров*, 2000, с. 177) могли в это же время захватить Судак.

2.4. Сторожевые укрепления XIII в. Херсакеи и Крымской Готии

Во время очередного конфликта с Трапезундом (1223-1225?) сельджуки предприняли неудачную попытку захватить Херсон, но были вынуждены ограничиться опустошением окрестностей города (*Богданова*, 1985, с. 42–63; *Ченцова*, 1996, с. 171–186). Об этих событиях мы узнаём из относительно позднего агиографического источника – рассказа о чудесах Св. Евгения (покровителя Трапезунда), помещённого в *Энкомии* в его честь (написан бывшим митрополитом города Иоанном Лазоропулом в 1367–1369 гг.). Источник повествует о том, что корабль *Сермион*, гружённый собранными в Херсоне и Климатах Готии фискальным чиновником Алексеем Пактиаром налоговыми сборами, направлялся в Трапезунд, но застигнутый бурей укрылся в порту Синопа. Правитель Синопа Этум приказал разграбить находившиеся на корабле ценности, а находившихся на нём чиновников

⁷⁶Ещё одним сторонником поздней даты завоевания Судака сельджуками является А.В.Джанов, которым издана пространная критическая (в основном в мой адрес) статья (*Джанов*, 2008, с.46-78).

Херсона и матросов заключить в тюрьму. Кроме того Этум отправил вооружённые корабли против Херсона и опустошил его окрестности (*Байер*, 2001, с. 160–161)⁷⁷. В ответ на враждебные действия Этума трапезундцы посылают свой военный флот против Синопа и наносят ему существенный урон. Раис Синопа вынужден был вернуть императору Трапезунда Андронику I Гиду всё захваченное имущество и освободить его людей, содержащихся в тюрьме (*Байер*, 2001, с. 162–163).

Греческий источник, освещающий события 1223-1225 гг.(?), содержит важные сведения (*Успенский*, 1929, с. 51). Во-первых, он позволяет установить близость или даже тождественность между топонимами: Климаты Херсона, Климаты Готии, или просто Готия (*Байер*, 2001, с. 161). Данная территория занимала Юго-Западный Крым и Южнобережье (*Айбабин*, 2020, с.56-68). Лазоропулом также представлена система зависимости прежних владений Византии в Таврике от Трапезунда: Херсон и Климаты Готии после 1204 г. собирали и выплачивали Великим Комнинам налоги, красноречиво названные автором *традиционными*. Сбором дани занимался специально направляемый в Херсон из Трапезунда *архонт димосия*. Власть на местах представляли *архонты городов* и, прежде всего, архонты Херсона, остававшегося политическим и экономическим центром Юго-Западного Крыма. Трапезунд, осуществляя суверенитет над Херсоном и Климатами Готии, брал на себя обязательства по их защите от внешней агрессии (*Шукуров*, 2001, с. 126–138; *Шукуров, Коробейников*, 1998, с. 178–200; *Карпов*, 2007, с. 413–415).

Сельджукская экспансия 1217–1225 гг. и первое появление монголов в 1223 г. стимулировали возведение в окрестностях Херсона и в Готии сторожевых крепостей, контролировавших перевалы и проходы в долины Горного Крыма. В это время (в 20–30-е гг. XIII в.), помимо 12 византийских

⁷⁷ С конца XIX в. к этому источнику неоднократно обращались исследователи (см.: *Панадопуло-Керамевс*, 1897, с. 117; *Успенский*, 1929, с. 51; *Vasiliev*, 1936, p. 160–161).

городов-крепостей VI–XII вв., расположенных в глубинных горных районах и на южном побережье, появляются 24–25 новых укреплений (рис.7; 99-102): у селения Фуна, Кермен-Кая, Керменчик, Яманташ, Сююрю-Кая, Сандык-Кая, Чоргунский исар, Камара (Аю-Кая западная), Кала-Фатлар, Кокия-Исар (мыс Айя), Сарджик, Исар-Кая (Мердвень) (*Мыц*, 1987, с. 228–245), система укреплений горы Бойка (*Домбровский*, 1968, с. 83–96) (рис.103) и др. Всего же на территории Готии и Херсакеи в первой половине XIII в. функционировало более 40 укреплений (*Мыц*, 2016, с. 69–106) (рис.7). Практически в каждом из них раскопками выявлены руины церквей (рис.102).

Херсакеей, по-видимому, называлась территория, принадлежавшая городу Херсону с окрестностями, включавшими Гераклеийский п-ов, бассейн реки Чёрной, Байдарскую долину, Ласпи и побережье до мыса Сарыч. Данный топоним в форме прилагательного ΧΕΡΣΑΚΙΝΟΝ известен по надписи, нанесённой в шесть строк на средневековом надгробии: «Почил раб божий Иоанн пресвитер (?) Херса(й)кеи» (*Соломоник*, 1986, с. 214). Надгробие выполнено в форме миниатюрного храма и происходит из пещеры № 5 горного массива *Басман* (от тюрк. *басмак* = ступенька) (рис.7,31). Здесь в начале 60-х гг. прошлого века О.И. Домбровский проводил археологические раскопки монастырской церкви (*Иванов, Дублянский, Домбровский*, 1962, с.28–30), в руинах которой и было обнаружено надгробие с греческой надписью. Первоначально исследователь датировал его X–XII вв. (*Иванов, Дублянский, Домбровский*, 1962, с. 30). Однако уже вскоре писал, что оно может быть отнесено к XII–XIII вв. (*Домбровский*, 1966, с. 64). Э.И. Соломоник, ссылаясь на палеографические особенности надписи, форму и орнамент надгробия, а также принимая во внимание датировку археологического материала, относил памятник к X в. (*Соломоник*, 1986, с. 214)⁷⁸. Предлагавшиеся первоначально О.И. Домбровским, а затем и Э.И.

⁷⁸ В комментарии к переводу надписи Э.И. Соломоник отметила трудность в понимании последнего слова надписи, впервые засвидетельствованного в источниках. При этом она высказала предположение, что

Соломоник датировки надгробия – X и X–XII вв. – не соответствуют археологическому контексту⁷⁹, т. к. он представлен закрытым комплексом второй половины XIII в. Подобные надгробия в форме часовен происходят из раскопок Эски-Кермена и храма Христа Спасителя на горе Бойка, где они датируются XIII в. (*Якобсон*, 1975, с. 45–46; *Мыц*, 2016а, с. 129, илл. 135, прим. 53–55).

Выделение группы памятников, существовавших относительно короткое время и на протяжении только XIII в., затруднено практически полным отсутствием современных исследований. Изучение данных крепостей в виде закладки шурфов или небольших раскопов, проводившееся в 40–60-х гг. XX в., как правило, осуществлялись без инструментальной съёмки, фиксации стратиграфии и сопровождались непомерно широкими формально аргументированными датировками без демонстрации полученных артефактов. Некоторое исключение составляют раскопки Гурзуфской крепости О.И.Домбровским в 1950-х гг. (рис.96; 97) (*Домбровский*, 1974, рис.4). Это приводило к ошибочным датировкам и интерпретациям памятников. Например, укрепление Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен на основании раскопок 1960-х гг. было датировано X–XV вв., а на самом деле являлось однослойным памятником XIII в. (*Мыц*, 1987, с. 228–245) (рис.7,11; 85-91).

Ещё сложнее оказалось определение времени существования крепостей, построенных в XIII в., разрушенных в последней трети этого же столетия, восстановленных в 20-х гг. XV в. и погибших в тотальном пожаре 1475 гг. К

основа слова, несомненно, связана с названием Херсонеса-Херсона. По её мнению, близкая аналогия встречается у Эпифания (конец VIII или первая половина IX в.), рассказывавшего о поездке в Херсон апостола Андрея. Эпифанием жители Херсона названы херсаками (ХЕРСАКЕС) с использованием прилагательного ХЕРСАΙCINON (*Соломоник*, 1986, с. 214).

⁷⁹Раскопками О.И.Домбровского выявлено два уровня обживания пещеры № 5 спелеологического комплекса горы Басман (археологические слои обнаружены в 9 пещерах). Первый этап исследователь отнёс к VIII–X вв., когда на месте храма располагалось помещение с очагом, а второй – около X столетия. Гибель пещерного комплекса О.И. Домбровский относил уже к XV в. и связывал с катастрофическим землетрясением (*Иванов, Дублянский, Домбровский*, 1962, с. 28–30). Материалы своих раскопок на Басмане Олег Иванович передал И.А. Баранову, который любезно ознакомил меня с ними. К сожалению, эта работа так и не была закончена из-за отсутствия своевременной фиксации стратиграфии памятника и случайной выборки материала.

таким памятникам относятся Фуна, Керменчик и Сандык-Кая (рис.7). Особенно показателен подход исследователей в определении характера Сандык-Кая как крепости и времени существования (рис.7,41;172,6; 261,1), хотя на её территории нет материала ранее XIII в. и в верхнем слое выделяется слой пожара с материалами 1450–1475 гг. (*Мыц*, 2009, рис. 94: 1).

Поверхностное обследование некоторых памятников иногда приводило к их неверной классификации. Например, руины церкви на вершине Пахкал-Кая интерпретировались как остатки укрепленного монастыря (*Домбровский*, 1974, с. 44, рис. 23; *Мыц*, 1991, с. 150, рис. 28: 4). Однако раскопки, а главное подготовка инструментального плана, указывают на отсутствие здесь каких-либо видимых на поверхности фортификационных сооружений (*Лысенко*, 2011, с. 223–224; *Лысенко, Тесленко, Мусин*, 2017, с. 291–310)⁸⁰. Также запутанным остаётся суждение о существовании крепости на скале Ифигения близ селения Кастрополь. Об этом памятнике, как об укреплении, писали П.И.Кеппен (*Кеппен*, 1837, с.151,179), Н.Л.Эрнст (*Эрнст*, 1935,с.431), Н.И.Репников (*Репников*,1940,с.4), А.Л.Якобсон (*Якобсон*,1970, с.22), О.И.Домбровский (*Домбровский*, 1974, с.30), Л.В.Фирсов (*Фирсов*, 1990, с.373) и автор (*Мыц*,1991, с.142). Однако С.Г.Бочаров, после проведённых им разведочных раскопок 2006 г., пришёл к заключению, что на вершине скалы находился небольшой храм, который по выявленному в шурфе материалу следует датировать XI-XIII в. (*Бочаров*, 2022,с.27-29).

Детальное обследование некоторых объектов XIII в. в настоящее время невозможно из-за их полного уничтожения. Остатки оборонительных стен XIII в. на месте феодоритского замка Фуны оказались столь фрагментарными, что удалось только зафиксировать их местоположение и наличие. Некоторые из памятников вообще не сохранились (например, Гаспринский исар (рис.98) и средневековая крепость на мысе Св. Иоанна в Ялте). Остаётся открытым и вопрос о существовании византийской крепости

⁸⁰ Окончательно решить данный вопрос могут только археологические раскопки.

(VII–XIII вв.?) на холме Тепелер в Партените, хотя развалины зданий с материалом XIII в. до настоящего времени занимают восточный склон возвышенности⁸¹. По-прежнему остаются неизученными такие крупные укрепленные поселения, как Алупка-Исар, Асаране-Бурун и Кагель, а поэтому их история XIII в. остаётся совершенно неясной.

Небольшую, но очень важную программу по изучению крепостей Южнобережья в 2004–2010 гг. удалось реализовать С.Г. Бочарову. Например, раскопки в портовой части селения Джалита (Ялита) дали яркий материал, свидетельствующий о его существовании в XIII в. (*Бочаров, 2013, с. 30–43*). Исследования крепостей на мысе Мартьян, Гелин-Кая и Учансу-Исар сопровождались выполнением инструментальных съёмок памятников, фиксацией стратиграфии и анализом полученных артефактов с целью определения дат строительства и разрушения. Крепость Рускофиль-Кале (на мысе Мартьян) оказалась однослойным памятником XIII в. (*Бочаров, Новиченкова, Горбунов, 2010, с. 41*), а раскопки башни замка на скале Кизил-Таш (Гелин-Кая) дали исключительно материал XV в. (*Бочаров, 2012, с. 109–121*). Несколько сложнее представлена археологическая картина, полученная при раскопках крепости Учансу-Исар (Зиго-Исар). Проводившая в 1985 г. раскопки этого памятника Е.А. Паршина пришла к заключению, что укрепление существовало на протяжении XII–XV вв. (*Паршина, 1986, с. 11*). Мной памятник был датирован XIII–XV вв. (*Мыц, 1991, с. 145*). С.Г. Бочаров, на основании наличия красноглиняной поливной керамики, предварительно время существования крепости определил в пределах третьей четверти XV в. (*Бочаров, 2009, с. 121*). Однако среди находок 1985 и 2004 гг. присутствуют фрагменты черепицы-керамиды херсонесского производства XIII в., которые уже не производились в XIV–XV вв. Такая же картина наблюдалась и при раскопках 2006 г. в крепости Керменчик (*Мыц, 2009, рис. 89*), что позволило выделить ранний этап (XIII в.) существования памятника.

⁸¹ Поселение, погибшее в XIII в., было разрезано при укладке трубы коллектора в ходе строительства очистных сооружений и не подвергалось систематическому исследованию.

Приходится констатировать, что за последние четыре десятилетия среди сторожевых поздневизантийских укреплений XIII в. наиболее изученным памятником остаётся крепость Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен (рис.7,11;85)⁸². В ходе раскопок 1979–1980 гг. здесь было завершено исследование небольшого храма, открыты два жилых и одно хозяйственное (кузница) строение (рис.85-88). В ходе этих работ получен закрытый комплекс последней трети XIII в. В состав комплекса входила строительная керамика (черепицы-керамиды и калиптеры) (рис.89), тарные сосуды (пифосы и амфоры) (рис.90), столовая посуда (кувшины, тарелки, чаши, кубки) и прочие керамические изделия (рис.91). Не менее разнообразны бытовые предметы, орудия труда и вооружения. Полученный в ходе раскопок Исар-Кая набор артефактов и сведений об архитектуре крепостного комплекса (устройство башен, куртин, ворот, потерны, метрологии), его жилой, культовой и хозяйственной застройки в дальнейшем позволили выделить среди укреплений горного Крыма аналогичные памятники XIII в. (Мыц,2020,с.48-63).

Длительная нерешённость вопроса времени возникновения сторожевых укреплений Херсакейи и Крымской Готии привела к тому, что и современные авторы продолжают использовать их в качестве примеров для различных исторических периодов, начиная с VIII–X и до XIV–XV вв. Памятники со столь широкими датировками стали фигурировать на страницах научных и научно-популярных изданий как «участники» различных исторических событий. Тем более, что в публикациях и отчётных материалах (начиная с 20–30-х гг. XX в.) накопилось множество дат средневековых крепостей, опирающихся не столько на стратифицированные находки артефактов, сколько на априорные суждения в форме ничем не

⁸² В 60-е гг. XX в. О.И. Домбровским были полностью изучены строения укрепления XIII в. над Гаспррой (Гаспра-Исар). Однако отчёт о раскопках так и не был подготовлен, а местонахождение материалов мне неизвестно.

подтверждённых предположений (*Фирсов*, 1990, с. 202; *Иванов*, 2010, с. 73–77 и др.).

Наиболее ярким современным примером такого подхода являются публикации *Е.В.Неделькина*, посвящённые теме формирования в Юго-Западном Крыму во второй половине XIV–XV вв. границ княжества Феодоро и Гenuэзской Газарии. По данной теме этим автором опубликовано несколько работ, которые между собой отличаются незначительными деталями (*Неделькин*, 2013, с. 208–215; 2016, с. 81–107; 2017, с. 208–215).

В 1991 г. совместно с *В.П. Кирилко*, в статье посвящённой крепости у селения Фуна в системе обороны княжества Феодоро, нами было высказано априорное предположение о том, что строительные мероприятия феодоритов 60–80-х гг. XIV в. по укреплению княжества не ограничивались возведением крепостных стен на Мангупе. Мы тогда полагали, что к этому времени относится строительство целого ряда небольших замков в горном Крыму, которые как бы оконтуривают владения господ Феодоро, помогая определить их границы (*Кирилко, Мыц*, 1991, с. 147).

Вынужден признаться, что созданная тогда в нашем воображении система не выдержала проверки временем и мы от неё давно отказались. Свидетельством тому являются как монография *В.П. Кирилко*, посвящённая крепостному ансамблю Фуны (*Кирилко*, 2005), так и моя книга о Каффе и Феодоро в XV в. (*Мыц*, 2009), в которой на XV столетие приходится всего 11 небольших крепостей, принадлежавших феодоритам: Фуна, Керменчик, Сандык-Кая, Каламита, Исарджиклар, Кыз-Куле (Черкес-Кермен), Сюйрень (Сциварин), Херсон, Миляри (Дегерменкой), Гелин-Кая (Кизил-Таш), Учансу-Исар. Причём на большинстве из них культурные отложения XIV в. не выявлены – это Керменчик, Сандык-Кая, Исарджиклар, Кыз-Куле, Дегерменкой, Гелин-Кая, Учансу-Исар. На Кыз-Куле, Учансу-Исаре и Дегерменкое известны в основном артефакты XV в. (как, например, и в гениуэзском замке Чобан-Куле = Тасили), а на Фуне во второй половине XIV в. размещалась многокамерная постройка (исследована частично) большого

дома сельскохозяйственной усадьбы (?). В одном из помещений данного строения, погибшего в пожаре 80-х гг. XIV в. (?), обнаружен сгоревший деревянный тарапан и каменная гиря от пресса. Причина произошедших изменений в датировках крепостей кроется в том, что к концу 90-х гг. XX в. накопленный в археологии средневекового Крыма опыт позволил перейти к узким датам получаемого в ходе раскопок материала (*Мыц*, 2002, с. 139–189; *Кирилко, Мыц*, 2004, с. 205–245; *Мыц*, 2005, с. 513–542; *Бочаров*, 2009, с. 108–143; 2012, с. 109–121 и др.).

Этих перемен, произошедших в средневековой археологии Крыма, по-видимому, и не заметил Е.В. Неделькин. Поэтому, приступая к разработке темы определения границ княжества Феодоро, он взял за основу старый и утративший смысл тезис о том, что якобы в 60–80-е гг. XIV в. в горном Крыму происходило строительство целого ряда небольших замков, ограничивавших владения господ Феодоро (*Неделькин*, 2017, с. 209). Из числа памятников XIV–XV вв., которыми широко оперирует в своих работах Е.В. Неделькин, нам придётся исключить для района Юго-Западной Таврики: Кермен-Кая (Басман), Яман-Таш, Камара, Чоргунский исар, Кала-Фатлар, Сарджик, Кокия-Исар, так как эти памятники однослойные и они служили сторожевыми укреплениями только в 20–70-х гг. XIII в.

Ещё следует внести пояснения и исправить один курьёзный эпизод в творчестве молодого автора. Дело в том, что Е.В. Неделькин на страницах своих статей (*Неделькин*, 2013, с. 53–81; 2016, с. 81–87) вводит, как ему кажется, в научный оборот новый (точнее преднамеренно забытый старый) памятник – средневековое укрепление у бывшего с. Карань (ныне Флотское). Однажды он даже выразил недоумение по поводу того, что мной ни разу не упомянуто об этом оборонительном сооружении (*Неделькин*, 2013, с. 61). Автор сообщает, что в 1936 г. В.П. Бабенчиков в одном километре к юго-западу от села Карань (ныне Флотское) якобы обнаружил руины средневековой крепости. В подтверждение своих слов Неделькин приводит подробную выписку из статьи В.П. Бабенчикова (*Бабенчиков*, 1941, с.287).

Здесь описываются не существующие крепостные стены, ограждающие площадку размером 93×23 м и вымышленные следы двух башен. В завершение упоминается значительное количество византийской керамики, а кладка стен вроде напоминает кладку генуэзских построек (*Бабенчиков, 1941, с. 287*).

Не берусь судить, на основании чего В.П. Бабенчиков создал своё описание этой безымянной крепости, но ни на одном из отрогов Караньского плато (расположено к западу и юго-западу от с. Флотское) нет ничего похожего. Действительно, ближайшим скальным выступом (около 1 км к юго-западу от села), образующим мыс, является возвышенность Кая-Баш (высота 266 м над уровнем моря). Это очень выгодная обзорная точка, с которой можно увидеть одновременно местоположение шести средневековых укреплений: Исарджиклар (XV в.), Чоргунский исар (XIII в.), Камара (XIII в.), Кала-Фатлар (XIII в.), Кокия-Исар (XIII в.) и Симболон-Чембало (VI–XVIII вв.).

Высота Кая-Баш имеет и свою военную историю: во время Крымской кампании (1854–1855 гг.) французы возвели здесь редут № 8, а перед Первой мировой войной (в 1912–1914 гг.) на этом месте размещалась казематированная батарея № 19 (затем получила № 21). Реконструкция фортификационных сооружений, отделённых к тому же от плато глубоким и широким рвом, вырубленным в скале, проводилась и после 1924 г. Совершенно понятно, что данная территория до 1941 г. тщательно охранялась и проникнуть сюда в 1934–1936 гг., чтобы обнаружить руины средневековой крепости, П.Н. Бабенчиков никак не мог. Даже самый внимательный осмотр территории (в том числе и склонов) мыса Кая-Баш не дал никаких находок, кроме битой стеклянной посуды и черепицы-татарки начала XX в. Поэтому у меня не было оснований даже осторожно предполагать, что здесь когда-то располагалось средневековое укрепление.

Считаю также необходимым заметить, что критический взгляд Е.В. Неделькина на работы П.С. Палласа и Ф.К. Бруна (*Неделькин, 2016, с. 87*;

Паллас, 1999, с. 42–43; *Брун*, 1879, с. 60–66) некорректны. Паллас и Брун, как и многие другие исследователи, вслед за Страбоном (*Страбон*, VII, 4, 2), пытались установить местоположение храма Девы (Ифигении) и поэтому своё внимание сосредоточили на памятниках района мыса Фиолент (Парфенос), наиболее выдающейся в море южной точки Гераклейского полуострова. Описываемые путешественниками конца XVIII–XIX в. руины древних построек Гераклейского полуострова не имеют никакого отношения к вершине Кая-Баш, а располагались между Георгиевским монастырём и мысом Виноградный.

Подводя итоги, следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы указывают на значительную активизацию в 20–30-х гг. XIII в. крепостного строительства на территории бывшей фемы Херсона, в которую входила и Готия. Вместе с тем нам совершенно неизвестны подобные (как и вообще какие-либо) крепости на территории, принадлежавшей в данное время поздневизантийской Сугдее. Это указывает на принципиальные отличия военно-административной системы управления владений Херсона и Сугдеи. Если в XIII в. у нас есть основания говорить о временной реставрации (возрождении) фемной системы Херсона⁸³ и Готии, то Сугдея оставалась на прежнем (XI–XII вв.) уровне административного управления.

Для территорий Херсакеи, Юго-Западного Крыма и Южнобережья стимулом преобразований оборонительной системы региона послужило их вхождение в состав Трапезундской империи и резкое обострение военно-политической обстановки в 20-х гг. XIII в. Если на территории Херсакеи в это время появляется пять новых крепостей (Чоргунский исар, Камара, Кала-Фатлар, Сарджик и Кокия-Исар), то в Готии их будет не менее 20 (рис.7). Причём, в Юго-Западной части горного Крыма расположено примерно 6–7 сторожевых крепостей (Сандык-Кая, Сююрю-Кая, Керменчик, Кипиа,

⁸³Византия до конца XII в. продолжала делиться на фемы. Среди 15 фем европейской части империи находилась и фема Херсона, в которую входила Готия. После 1204 г. фема Херсон перешла в состав Трапезундской империи (*Соколов*, 2009, с. 81).

Кермен-Кая, Яманташ), а на Южнобережье их не менее 13 (Исар-Кая, Биюк-Исар, Лимена-Кале, Гаспра-Исар, Алупка-Исар, Ай-Тодор-2, Хачла-Каясы, Палеокастрон, Рускофиль-Кале, Плака, Ай-Тодор-3, Кафель, Фуна) (рис.7).

К этому следует добавить, что если на территории Юго-Западной Таврики, отошедшей после 1204 г. к Трапезунду, были проведены масштабные строительные фортификационные работы, то для этого было необходимо привлечение значительных административно-организационных, финансовых и людских ресурсов. Кроме того, возводя новые крепости (кастра), организаторы этих мероприятий не могли обойти вниманием и состояние оборонительных систем старых византийских укреплений, которые к этому времени превратились в города. Среди них три являлись относительно крупными городами (Херсон, Эски-Кермен, Кырк-Йер), малые города-крепости-полисы (πολιςμα): Симболон, Сциварин, Тешкли-Бурун, Тепе-Кермен, Бакла, Алустон, Партенит (?), Гурзуф, Ялита) (рис.7; 66; 92-96). Для решения столь значительных задач на протяжении относительно короткого времени надо было иметь соответствующую военно-административную структуру, которой и могла являться временно возрождённая фема Херсона.

2.5. Мнимое княжество Киркельское

В 1964 г. из печати вышла монография А.Л.Якобсона *Средневековый Крым* (Якобсон, 1964). Анатолий Леопольдович на протяжении нескольких десятилетий (50-80-е гг. XX в.) являлся ведущим специалистом по средневековой археологии Таврики. Данная книга подводила итоги его многолетних изысканий. До настоящего времени без ссылок на неё практически не обходится ни одна работа, посвящённая средневековому периоду истории Крыма. И если даже нет прямой ссылки на эту книгу А.Л.Якобсона, то всё равно легко улавливается влияние его исторических реконструкций.

Длительное изучение средневековых древностей Горного Крыма (особенно архитектуры сохранившихся здесь руин фортификационных сооружений и культовых зданий) привело учёного к выводу о существовании в Юго-Западном Крыму в XIII-XV вв. двух феодальных княжеств: одного со столицей Феодоро (Мангуп), а другого – на Кырк-Йере (Чуфут-Кале) (Якобсон, 1964, с. 80-82). Но если о Феодоро и его правителях сохранились свидетельства разновременных и разнохарактерных источников, то о Кырк-Йере они единичны и крайне противоречивы. Поэтому А.Л.Якобсон в осторожной и предположительной форме писал, что в XIII в. сформировалось владение с центром в Кырк-Ере. Оно в основном известно по арабским и турецким источникам. «Источники говорят о нём как о городе – крепости в стране ассов или алан» (Якобсон, 1964, с. 81). Далее он цитирует сообщение сирийского географа Абу-л-Феды, который в своём землеописании сообщает, что *Киркри* находится в стране Асов, а его имя значит сорок человек, жители принадлежат к племени Асов. Керкер находится на Север от Сары-Кермана⁸⁴. Кроме того, А.Л.Якобсон обратил внимание на то, что Кыр-Йер подвергся нападению Ногая в 1299 г. (Якобсон, 1964, с.81).

В заключении А.Л.Якобсон предлагает историческую реконструкцию Юго-Западного Крыма, полагая, что крымские аланы продолжали населять в XIII в. район прилегающий к Херсону. Их центром являлся Кырк-Йер и во главе его стояли местные князьки принявшие христианство. Аланы находились в полузависимом положении от Херсона. Якобсон считал, что «татарский разгром Ногая, в конце XIII в. существенно изменил положение: владельцами Кырк-Ера, как полагают, стали ставленники Ногая – беки Яшлау (Сулешевы)» (Якобсон, 1964, с. 81).

Несколько иное видение истории Кырк-Йера XIII-XV вв. предлагает В.Л.Егоров. Он считает, что на протяжении XIII в. город представлял собой автономное феодальное владение полузависимое от Золотой Орды. В 1299 г.

⁸⁴ Под Сары-Керманом (тюрк. = Жёлтая крепость) Абу-л-Феда имеет ввиду поздневизантийский Херсон.

Кырк-Йер разрушен войсками Ногая и вошёл в число золотоордынских городов. В XV в. после упадка Солхата, в Кырк-Йер переносится административный центр Гиреев. Об этом свидетельствуют ханские ярлыки. После возникновения Бахчисарая (XVI в.), Кырк-Йер потерял своё политическое значение (Егоров, 2009, с. 88).

Следует признать, что мнения современных авторов об истории Кырк-Йера XIII-XV вв. сформировались на основании старой историографической традиции, сложившейся в XIX в. (*Хартахай*, 1866, с. 220; *Завадовский* 1885, с.77-83; *Лашков* 1895, с. 83-89; *Смирнов* 2005, с. 126-127; *Зайцев* 2009, с.209; *Умеров*, 2013, с.71-72). Согласно этой традиции в XIII в., после завоевания Таврики монголами, в Юго-Западном Крыму, в основном на территории долин рек Булганака и Альмы, расположился бейлик беков Яшлавских (Сулешевых). П.С.Паллас, совершавший поездку по Крыму в 1794 гг., писал, что «Яшлаув, прежде очень значительный и довольно многочисленный род, живший вокруг Бахчисарая; старший из них также носил имя бея» (*Паллас*, 1999, с.151).

К тому же, как было показано выше, на данной территории до монгольского завоевания проживали аланы, столицей которых якобы являлся город Кырк-Йер. Но насколько обоснованы суждения о существовании здесь в XIII-XV вв. феодального образования типа княжества, о чём писали А.Л.Якобсон, В.Л.Егоров и другие авторы, и какова роль в его создании беков Яшлавских?

В последние годы из печати вышла целая серия работ посвящённых средневековой истории Кырк-Йера. Остановлюсь только на наиболее ярких и оригинальных из них (*Зайцев*, 2013, с. 494-505; *Герцен, Могаричев*, 2016; *Сидоренко*, 2015, с. 263-302 и др.). При этом все исследователи, прежде всего, обращались к сообщению Абу-л-Феды, называющего город в форме Киркри и располагавшего его в стране асов, которых большинство авторов идентифицирует, как алан. Рассматривая данный сюжет И.Г.Коновалова высказывает точку зрения близкую к мнению В.Л.Егорова, полагая, что

рассказ Абу-л-Феды о Кырк-Йере «относится ко времени автономного существования города под властью местных аланских князей» (Коновалова, 2009, с. 101,121).

В.И.Зайцев, занимаясь изучением истории Кырк-Йера, разносторонне использовал свидетельства ряда письменных источников. Он обратил внимание, что в анонимном труде Таварих-и гузида – Нусрат-наме (*Избранные истории из книги побед*, посвящённой деяниям основателя узбекского государства в Маверранахре Шейбани-хану - 1451-1510), Кырк-Йер назван среди туменов, переданных Бату (1209-1255) своему младшему брату Шибану (1243-1266) (Султанов, 2006,с.283-284). Именно он якобы и завоевал (во время Западного похода 1236-1243 гг.) Крым и Каффу (Мустакимов, 2011, с. 231; Зайцев, 2013, с. 496). Кроме того, ранняя история захвата Кырк-Йера Шибаном нашла отражение в сочинениях Утемиша-хаджи (1550 г.) и Сейида Мухаммеда-Ризы ал-Кырыми (ум. В 1756 г. (Сейтягьев, 2011, с.69-77; Зайцев, 2013, с.497). По мнению Ж.М.Сабитова Кырк-Йер недолго принадлежал Шибану, т.к. «Крым был отобран у Шибанидов в 1266 г. Менгу-Тимуром и передан Уран-Тимуру, сыну Тука-Тимура» (Сабитов, 2011, с. 58-59).

По поводу сообщения *Таварих-и гузида – Нусрат-наме* В.А.Сидоренко заметил, что упоминание Каффы предшествует времени её появления, что обнаруживает подмену топонимов, «но не исключает возможности завоевания принадлежавшего асам Кырк-Йера, поскольку такой город во время Берке, очевидно, существовал» (Сидоренко, 2015, с. 265). Если учесть, что Берке правил Джучиевым улусом в 1257-1266 гг., а Каффа была основана генуэзцами в 70-х гг. XIII в. и в 1281 г. в фактории уже находился генуэзский консул (Карнов, 2018, с. 316-317), то речь идёт об очень близком времени. Проблема не в этом, а в том, что монголы единственный раз заняли покинутую генуэзцами Каффу после длительной осады 20 мая 1308 г. при хане Токте. Ссылаясь на свидетельство родословной (начало XIX в.) В.А.Сидоренко представляет раннюю историю рода Яшлавских таким

образом, что племя Кудалак переселилось в Крым около 1260 г. из Поволжья. «В Крыму он (Абак бек) завоевал еврейский город Кырк, неприступный по своему положению, со всеми его землями» (Сидоренко, 2015, с. 265).

Таким образом, в современной историографии представлены, по крайней мере, две точки зрения на время и военачальников завоевавших Кырк-Йер в XIII в.: около 1238 г. город был захвачен братом Бату Шибаном, а в 1260 г. пришедшим из-за Волги племенем Кудалак во главе с Абак беком ставшим основателем рода беков Яшлавских. Кроме того Кырк-Йер отмечен и среди городов пострадавших от нашествия Ногая в 1298-1299 гг.

Наиболее полное изложение истории города и крепости Кырк-Йера изложено в серии работ (в том числе и монографического характера) А.Г.Герцена и Ю.М.Могаричева (Герцен, Могаричев, 1993; 2016; 2016а). В книге авторов представлены практически все известные на сегодняшний день свидетельства письменных источников. К тому же, что весьма важно, исследователи в новой монографии поместили результаты археологического изучения памятника.

В своей ранней монографии А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев пришли к заключению, близкому мнению А.Л.Якобсона: после того, как Кырк-Ер вошёл в состав Золотой Орды, он стал центром владений (бейлика) беков Яшлавских (Герцен, Могаричев, 1993, с.57-58). Этому же мнению авторы придерживаются и в настоящее время (Герцен, Могаричев, 2016, с.96). Наряду с рассмотрением ставших традиционными, исследователи высказывают и оригинальную точку зрения. Ими, например, представлена гипотеза, о том, что Кырк-Йер окончательно был захвачен татарами не в XIII в. (1238 или 1299 гг.), а во время правления хана Джанибека (1342-1357) (Герцен, Могаричев, 2015, с.79-88; 2016, с.140)⁸⁵. Свой вывод они

⁸⁵ А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев считают наиболее вероятным временем захвата Кырк-Йера татарами хронологический промежуток между 1342 и 1363 гг. (Герцен, Могаричев, 2016, с.95), т.е. не только время правления Джанибека (1342-1357), но и Бердибека (1357-1359), а также начальный период *замятни* - 1360-1363 гг. Ими высказывается предположение, что имя Джанибек могло к XVI-XVIII векам трансформироваться в Шейбек (Шайбан по Утемиш-Хаджи) и в этом виде попасть в легенду, приведённую поздними авторами (Герцен, Могаричев, 2016, с.140).

подтверждают не только подборкой свидетельств письменных источников, но и данными археологических материалов, согласно которым, по их мнению, наиболее ранние памятники, принадлежащие татарам, относятся к середине XIV в.

В качестве хронологических реперов исследователи Кырк-Йера-Чуфут-Кале в основном избирают свидетельства выявленных здесь и в окрестностях эпиграфических памятников. К их числу относится строительная надпись с датой 1346 г. указывающая на возведение в городе мечети (*Акчокраклы*, 1928, с.166-168; *Герцен, Могаричев*, 2016, с.140, рис.87) (рис.133), наиболее ранние эпитафии второй половины XIV в. с татарского поселения в местности Эски-Юрт (*Иванов*, 1989, с. 30), и самое раннее надгробие 1364 г. (памятник Мануш дочери Шабтая) на иудейском кладбище в Иосафатовой долине (*Кизилов*, 2016, с.120; *Герцен, Могаричев*, 2016, с.140). К тому же, согласно одному караимскому источнику город Кале был захвачен армией исмаильтян в 5118 г. от сотворения мира (=1358 г.)⁸⁶ (*Кизилов*, 2016, с.120; *Герцен, Могаричев*, 2016, с.140). Однако при кажущейся логичности высказываемых предположений и полноте выборки, как сообщений письменных источников (в том числе и эпиграфических), так и данных археологических материалов, выскажу сомнение в правомерности выводов представленных выше авторов.

Для обоснования своих сомнений предлагаю рассмотреть некоторые материалы, касающиеся данной темы. Прежде всего, обратим внимание на то, что ни в одном из ярлыков, которыми оперируют исследователи (1381, 1459, 1468 гг.) ни разу не упомянуты беки Яшлавские. Например, в ярлыке 1381 г. выданном ханом Тохтамышем Хаджи-Бею речь идёт о племени Шурукаль, кочующем как внутри Крыма, так и за его пределами (*Березин*, 1851, с.15), но нет и намёка на беков Яшлавских, как и на город Кырк-Йер. А попытка некоторых исследователей отождествлять Хаджи-Бея с даругой или беем (князем) Кырк-Йера – это просто историографический анохронизм и

⁸⁶ В этом случае дата указывает на завоевание Кырк-Йера татарами при хане Бердибеке (1357-1359).

литературно-художественный вымысел одновременно. Не упоминают о беках Яшлавских во второй половине XV в. и крымские ханы Хаджи Гирей (1459 г.) и Менгли I Гирей (1468 г.) предоставлявшие тарханные ярлыки главам конфессиональных общин города Кырк-Йера (Смирнов, 1918, с.7-11). Данное явление кажется весьма показательным. К тому же, как заметил В.А.Сидоренко, мы не встречаем среди упоминаний монгольских древних племён под названием *кудалак* и *яшлав*. По-видимому, это кипчакское племя, которое в племенной иерархии Крымского улуса занимало положение ступенью ниже, чем *ширин*, *барын*, *аргин* и *седжуит* (Сидоренко, 2015, с.266).

Столь же сложен и вопрос о территории, на которой располагался бейлик Яшлавских. Ф.Ф.Лашков, изучая в 80-90-х гг. XIX в. крымско-татарское землевладение, локализовал местоположение владений беков яшлавских на местности, где находятся селения, называющиеся по имени беев Яшлавских в Дуванкойской и Мангушской волости с селениями Кучук (Малый) Яшлав и Бюк (Большой) Яшлав. Принимая во внимание свидетельство родословной, можно полагать, что яшлавские в указанной местности занимали всё пространство между городом Кырк-Йером и рекой Альмой. Абак бей, перекочевав со своим родом в Крым, поселился, согласно родословной, «в Яшдаге (иначе Яшлаве), т.е. на полянах в молодом лесу, между городом Кырком и рекой Альмой» (Лашков, 1895, с.83).

Поздние ярлыки, выдаваемые бекам Яшлавским крымскими ханами, указывают на то, что их бейлик не ограничивался только долиной реки Альма, но и простирался на запад до Бельбека. Например, ярлык, выданный главе рода Шаган-бею в 1723/24 гг. Саадет IV Гереем (1717-1724) свидетельствует о том, что беки Яшлавские получали по 100 акче «от полной бочки вина, доставленной с р.Альма или Бельбека в ханские города» (Лашков, 1895, с. 88-89).

При этом остаётся открытым вопрос: образовывали владения Яшлавских в Юго-Западном Крыму сплошные территории или же состояли из отдельных

участков? На то, что они носили фрагментарный характер, перемежаясь с землями других собственников, может указывать одно из наиболее ранних свидетельств, относящихся к первой трети XVI в. В документе от 1530 г., выданном ханом Саадет I Гиреем (1524-1532) некоему Ибрагиму Эфенди, отмечается, что принадлежащий ему участок земли простирается «от могилы *хан-коган* по южной стороне до Большой горы при деревне Яшлав и до Улу-Буруна...до кишлы Яшлав Казык-бея» (*Лашков*, 1895, с. 85).

Но самыми значимыми в XVII в. (и надо полагать доходными) являлись не совсем ясные права беков Яшлавских на город Кырк-Йер. В ярлыке, выданном Бахадыр I Гиреем (1637-1641) в 1637 г., беки Яшлавские названы древнейшими владельцами города Кырка (*Смиронов*, 2005, с. 126). В определении древности прав Яшлавских на город Кырк-Йер и кроется основная проблема, т.к. никаких документов ранее XVI в. не сохранилось.

Ф.Ф.Лашков определял бейлик, как «удел, которым каждый из представителей шести бейских поколений: Ширинов, Барынов, Мансуров, Аргинов, Сиджиутов и Яшлавов владел на правах политического главы» (*Лашков*, 1895, с.79). В дополнении к этому Л.И.Рославцева заключает, что пределы бейлика были строго определены: «Бейлик имел собственную столицу, двор, устроенный по типу ханского, совет – диван» (*Рославцева*, 2003, с.181).

Имеющиеся письменные источники указывают, что на протяжении XVI-XVIII вв. беки Яшлавские занимали разные по значению позиции в системе управления Крымским ханством. Судя по всему, наибольшего влияния данный клан достиг в XVI в., когда представители этого рода долгое время занимали пост министра иностранных дел (*Виноградов*, 2006, с.26-74). К середине XVIII в. позиции рода, по-видимому, ослабли. Поэтому Шарль де Пейсонель (французский консул короля Людовика XV при ханском дворе в 1754-1759 гг.) относит беков Яшлавских к второразрядным, хотя и отмечает, что Яшлау-бей «в числе других почётных прерогатив имел также привилегию отправлять должность обер-церемониймейстера на всех свадьбах

дочерей и других родственников ханских, причём он распоряжался вполне самовластно, с правом даже жизни и смерти над всеми без различия» (цит. по Смирнов, 2005, с. 127).

Известные источники не сообщают о том, чтобы беки Яшлавские проживали на территории города Кырк-Ера (Кизилов, 2016, с.124-125). Есть больше оснований полагать, что их резиденции располагались в сельской местности на принадлежавших им землях. Мной было высказано предположение, что одной из таких укрепленных резиденций является городище Сарымамбаш-Кермен в долине р.Бодрак (Мыц, 2018, с.190-203, рис.1-4). Укрепление занимает оконечность широкого мыса, вытянувшегося с северо-востока на юго-запад на правом берегу р.Бодрак (приток р.Альмы) и господствующего над этой частью речной долины. Высота возвышенности достигает 400 м над уровнем моря (рис.101,1). Размеры крепостной площадки составляют 345 x 325 м, площадь укрепления 7,8 га. Оборонительная стена сложена из разномерного бута. Её толщина достигает 4,20 м (развал – 8,0 м). Сохранилась в высоту до 1,70-2,20 м. Протяжённость стены – 327 м. Перед стеной располагался ров, глубина которого в настоящее время составляет 1,70-1,75 м, ширина – 3,50-4,0 м. На территории огороженной стенами видны следы руинированных построек. В ходе инструментальной съёмки зафиксировано 62 каменных развала от зданий.

Сохранившиеся оборонительные сооружения указывают на то, что крепость предназначалась для защиты от нападений противника, не обладавшего средствами активного штурма. Особенности фортификации данного городища: отсутствие башен, узкий и неглубокий ров, толстая, но низкая заградительная стена, вероятно венчавшаяся лёгким турлучным (или саманным) парапетом, обмазанным глиной, - указывают на то, что она могла служить защитой только от стремительной атаки конницы, но не предназначалась для долговременной обороны.

Наиболее вероятным временем возникновения укрепления следует считать 60-80-е гг. XIV в. – период длительной смуты (*замятни* русских

летописей) в Золотой Орде. Например, когда в 1363 г. после разгрома трёх татарских орд Западного Улуса (Кутлубуги, Хаджибега и Тимурбега) на р. Синяя Вода, Ольгерд предпринял поход на Белобережье (в устье Днепра), наместник Крымского улуса Кутлуг-Тимур приказывает обнести рвом и валом город Солхат (Крым) (Мыц, 2009, с.41-42). Некоторые татарские беки в 60-х гг. XIV в. начинают возводить для собственной защиты укрепления, сходные по устройству с европейскими замками (Егоров, 1980, с.195-196).

Не менее тревожными для населения Крымского улуса оказались десятилетия конца XIV-XV вв., когда Золотая Орда подверглась разгрому войсками Тамерлана (1395 г.), а затем на территории полуострова идёт сложный политический процесс формирования Крымского ханства. После гибели в 1502 г. Большой Орды амбиции Крымского улуса зачастую порождали конфликты с соседними странами и народами. Это служило поводом для неоднократных нападений на полуостров. Например, адыги, в ответ на действия татар совершали набеги в глубинные районы, нанося оседлому населению значительный ущерб. Венецианец Джорджио Итериано (в книге, впервые опубликованной в Венеции в 1502 г.) сообщал, что адыги ходят вплоть до Херсонеса Таврического, где находится Каффа, основанная генуэзцами. Причём охотнее всего адыги совершают походы в зимнее время, когда море замерзает, чтобы грабить жителей – скифов (Адыги, 1974, с. 48). В 1518 г. старший сын Мехмеда I Гирея (1515-1523) Бахадыр Гирей совершил набег на Кабарду, но был разбит (Кагазежев, 2011, с.12-13). Как сообщает Ибн Ризван, весной 1523 г. в стычке с черкесами под Астраханью погиб хан Мехмед I Гирей (Некрасов, 1990, с. 93). Принято считать, что именно к 20-м гг. XVI в. относятся события, послужившие основанием для написания адыгской песни *Бахчисарайский поход*. Согласно этому эпическому произведению адыгское войско во главе с князем Кабарды Талостаном Джанхоевым осадило Бахчисарай и якобы даже предприняло его штурм. Только получив большую дань, адыгские князья возвратились домой (Песня, 1986, с. 51-54). В самом Крымском ханстве время от времени

вспыхивали распри, в которых принимали активное участие все аристократические фамилии. Например, длительная борьба за ханский престол в 1577-1588 гг. получила в историографии название *династического кризиса Гиреев* (Виноградов, 2010, с. 274-299)⁸⁷.

Представленный выше краткий обзор результатов современного изучения средневекового города Кырк-Йера показывает, что в его истории XIII – XV вв. по-прежнему остаются не решённые проблемы. Во-первых, даты завоевания города монголами в XIII в. (1238, 1260, 1298/99 гг.) не подтверждаются результатами археологических исследований. Слои пожаров и разрушений XIII в. попросту отсутствуют (или не выявлены). Предлагаемый А.Г.Герценом и Ю.М.Могаричевым захват столицы крымских алан татарами во второй половине XIV в. (1342-1363 гг.) находится вне контекста истории полуострова этого периода, т.к. Кырк-Йер выглядит неким *островом свободы* на фоне разрушительных ордынских погромов и завоеваний на пространстве от Иртыша до Дуная. Не стоит преувеличивать неприступность города. Достаточно вспомнить осаду, захват и разрушение монголами в 1278 г. столицы кавказских алан г.Деяков (*Нарожный*, 2009, с.154-161). Во-вторых, нет реальных источников XIII – XV вв. указывающих на пребывание беков Яшлавских и племени (рода) Кудалак на территории Крыма. Не упоминают о Сулешевых-Яшлавских и ханские ярлыки 1459 и 1468 гг., хотя они прямо касаются вопросов налогообложения населения Кырк-Йера. В-третьих, все данные, которыми мы располагаем, относятся к XVI-XVIII вв. Сведения из родословной 1820 г. о появлении в Крыму Абак бека из-за Волги в 1260 г. следует относить к традиционным в таких случаях преданиям (легендам), т.к. они должны были выполнять задачу подтверждения особой древности рода. Яшлавские никогда не были темниками и, скорее всего, относились к числу тысяцких. В-четвёртых, на XIII-XVI вв. не известно ни одного имени аланского или татарского князя

⁸⁷Наиболее полно известны события весны 1628 г., когда члены русского посольства С.И.Тарбеева вынуждены были бежать из Яшлова в Жидовский городок (Чуфут-Кале – В.М.), где они провели в осаде девять недель (*Кизилов*, 2016, с.125-126).

Кырк-Йера, как и нет реальных исторических свидетельств о существовании здесь какого-либо княжества. Следовательно, у нас нет оснований называть город Кырк-Йер и его округу столицей аланского или татарского княжества. В-пятых, наиболее реальной, хотя и не освещённой свидетельствами письменных источников, является отражённая в материальных памятниках история провинциального византийского города Кырк-Йера VI-XIII вв. Надо полагать, что Кырк-Йер в XIII в. разделил судьбу других поздневизантийских городов Таврики, оказавшись только в XV в. в орбите формирования Крымского ханства.

2.6. Храм Иоанна Предтечи (Св.Георгия) в Керчи: проблема датировки памятника⁸⁸

На момент включения Крыма в состав Российской империи (1783 г.) в прибрежном районе Керчи находилась относительно хорошо сохранившаяся крепость генуэзско-османского времени (Бочаров, 2013, с.342-348; 2015, с.127-148). К укреплению в XIV-XVIII вв. вплотную примыкали городские кварталы с проживавшим в них поликонфессиональным населением города. Крепостными стенами была защищена площадь в 3,2 га (рис.158;159). В укреплённой части города находилось 50 домов с маленькими двориками, одна баня, три мечети и одна греческая церковь (Бочаров, 2015, с.139, рис.1; 7; 10,12). Православный храм располагался в юго-западной части Воспоро и непосредственно у оборонительной стены (рис.107;108;157;158). Строение церкви ориентировано на северо-восток (80°). Его внешние размеры составляют 9,92 x 13,0 м (Лосицкий, 2015, с.180), что соответствует 31 x 40,5 византийских футов.

После 1829 г., когда полностью были разобраны оборонительные сооружения, в качестве архитектурной доминанты средневекового Боспора сохранилась одна византийская церковь (рис.107;108). С конца XVIII в. её именовали храмом Усекновения главы Иоанна Крестителя (Науменко, Пономарёв, 2013, с.244-263; Пономарёв, Бейлин, Бейлина, 2014, с.272-306;

⁸⁸ Более подробное рассмотрение вопроса о датировке амфор-голосников из храма Иоанна Предтечи в Керчи представлено в специальной статье посвящённой этой теме (Мыц, 2022, с.206-227).

Феодосеев, Пономарёв, 2016, с. 124; *Пономарёв*, 2018, с.170-183; *Пономарёв*, 2019, с.275-309 и др.).

На протяжении прошедших двухсот лет ведутся споры по поводу времени возведения данного храма и оценке его историко-культурного значения для архитектуры России. Наиболее устойчивыми точками зрения на датировку памятника в XIX-XX вв. стали: VIII в. (*Авдеев*, 1867, с.382, 386; *Брунов*, 1928, с.87-105; *Якобсон*, 1964, с.147 и др.); X-XI вв. (*Кондаков*, 1877, с.16; *Макарова*, 2003, с. 68-73; *Булгаков*, 2004, с.5-12 и др.) и XIII-XIV вв. (*Бертье-Делагард*, 1902, прим.107, с.122; *Домбровский*, 1966, с.68-70; *Комеч*, 1992, с.259-383; 1995, с.359-377; 1996, с.128-129; *Лосицкий*, 2015, с.180 и др.)⁸⁹.

В 1801-1804 и 1895 гг. с юго-западной стороны к средневековому храму была сделана капитальная пристройка в виде придела с колокольной. Это сильно исказило первоначальный архитектурный облик церковного строения. При этом оказалась разобранной западная стена нартекса, а с других сторон стены покрыли толстым слоем штукатурки (*Науменко, Пономарёв*, 2018, с.40).

Важным подспорьем в решении вопроса о времени строительства данного храма послужили проводившиеся в 1960-1980-х гг. археологические раскопки (*Макарова*, 1965, с.70-76; 1982, с.91-106; 1998, с.365, 388)⁹⁰. Исследования осуществлялись в самой церкви, но в основном с внешней (юго-восточной) стороны, где был открыт некрополь. Изучение средневекового памятника определялось необходимостью проведения реставрационных работ начатых в 1960-е гг. По мнению Т.И.Макаровой полученные в ходе раскопок материалы указывали на то, что церковь Иоанна Предтечи построена, вероятно, в средневизантийский период (*Макарова*, 2003, с.68-73; 130-134) и именно результаты раскопок побудили её

⁸⁹Более детальную характеристику историографии по дискуссионным вопросам датировки памятника см.: (*Науменко, Пономарёв*, 2016, с.325-331).

⁹⁰ Наиболее значимый вклад в изучение археологических памятников Воспоро-Керчи и особенно церкви Иоанна Предтечи, был внесён Т.И.Макаровой (1930-2009), руководившей раскопками средневекового города на протяжении 1963-1964, 1970-1971, 1976, 1980 гг. (*Макарова*, 1965, с.70-76; 1998, с.345-362; 2003, с.68-73).

«присоединиться к датировке Н.П.Кондакова (IX-X вв.)» (Макарова, 1982, с.91-106). Позднее исследователь отмечала, что «некоторые основания для её конкретизации может дать анализ голосников, найденных в интерьере церкви в её южной стене при реставрационных работах»⁹¹. Наиболее значимым для Т.И.Макаровой стало изучение средневековых амфор проделанное А.В.Сазановым (Sazanov, 1998, p.97, fig.4,47), привлёкшим для своей типологии материалы раскопок в Преславе (Болгария) и Константинополе. Это, по мнению Макаровой, позволяет датировать амфоры, использованные в качестве голосников, временем не ранее второй половины X - начала XI в. (Макарова, 2003, с.73)⁹².

Однако ссылку Т.И.Макаровой на работу А.В.Сазанова и тем более на конкретный артефакт следует считать недоразумением⁹³. Дело в том, что амфора под №47 в каталоге А.В.Сазанова происходит из раскопок поздневизантийской крепости Исар-Кая. Она была обнаружена в закрытом комплексе последней трети XIII в. (Мыц, 1987, с.240, рис.1-,3; 1991, с.97, рис.32,4,5; 2016, с.97-98, рис.12,6) (рис.90,4). Поэтому данная амфора никак не может служить подтверждением датировки голосников церкви Иоанна Предтечи X-XI вв., т.к эти сосуды, очевидно, относятся к разным типам (или классам).

Обратимся к самим амфорам-голосникам из конструкций перекрытий церкви Иоанна Предтечи, на основании которых исследователи пытались датировать сам памятник (рис.108; 109-111). В 1969 г., в ходе расчистки напластований штукатурки парусов свода, были обнаружены четыре амфоры-голосника (Никитенко, 1970, с.276-278). Впервые издавший

⁹¹Т.И.Макарова в своей работе использовала фотографии двух амфор из храма Иоанна Предтечи, которые также впервые издал М.М.Никитенко (Макарова, 2003, с.132, табл.46.5). Здесь фото сопровождаются линейным масштабом, позволяющим восстановить высоту сосудов в 43 и 34 см.

⁹²Т.И.Макарова считала, что с учётом этого уточнения, церковь Иоанна Предтечи можно считать предшественницей церкви Пресвятой Богородицы в Тмутаракани или ей ровесницей (Макарова, 2003, с.73). Здесь следует отметить мнение современных исследователей, которые пришли к выводу, что вопрос об альтернативной датировке и атрибуции памятника остаётся открытым и может быть решён лишь в ходе новых археологических исследований храма (Чаудзе, Виноградов, Ёлиин, 2017, с. С.279).

⁹³ А.В.Сазанов датировал данные амфоры последней третью XI – серединой или второй половиной XIII в. (Sazanov, 1998, p.97, fig.4,47), что и могло стать причиной хронологического недоразумения.

находки М.М.Никитенко, представил фотографию с тремя сосудами⁹⁴. Опубликованные изображения амфор-голосников не сопровождалось линейными масштабами. Одна амфора выглядела археологически целой, а две другие сохранились на 2/3 и 4/5 (Никитенко, 1970, рис. на с.277). Автор привёл размеры сосудов: высота – 50-55 см, диаметр тулова – 19-21 см (Никитенко, 1970, с.276-277).

Никитенко считал, что эти амфоры близки раннесредневековым амфорам V-VII вв. из Херсонеса, Агойского могильника, амфорам VI в. из Истрии (Румыния)⁹⁵. По его мнению, они несут некоторые черты характерные для амфор последующего времени. Отсюда им делается вывод, что предтеченские амфоры представляют звено дальнейшего развития раннесредневековых форм и датируются VII-VIII вв. (Никитенко, 1970, с.277).

Спустя три десятилетия М.М.Никитенко вновь обращается к проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи (Никитенко, 2002, с.209-211). На этот раз он более детально пытается обосновать раннюю дату строительства храма, ссылаясь на наличие на одной из колонн надписи 757 г. (Латышев, 1896, с.193-194), а также мнения известных учёных (А.А.Авдеева и Н.И.Брунова), считавших, что церковь выстроена в первой половине VIII в. Важнейшим для автора в решении вопроса датировки оказывается заключение А.Л.Якобсона, который якобы привёл дополнительные доказательства сооружения храма в VIII в. (Никитенко, 2002, с.209-210)⁹⁶.

Информация об обнаружении в храме других амфор-голосников относится к 1976 г., когда реставратором А.И.Слоновым в пространстве купола храма Иоанна Предтечи были обнаружены четыре сосуда

⁹⁴ К сожалению ни тогда, ни позднее М.М.Никитенко ничего не сказал о характере и состоянии четвёртого сосуда, судьба которого не известна до настоящего времени и продолжает вызывать вопросы.

⁹⁵ К сожалению, автор не приводит более конкретных примеров со ссылками на источники, хотя в его рассуждениях легко узнать знакомство с работами А.Л.Якобсона, Й.Чанговой и Г.Кузманова.

⁹⁶ Вместе с существующей в историографии точкой зрения о раннем строительстве (в VIII в.) церкви Иоанна Предтечи в Керчи, М.М.Никитенко также приводит суждения А.Л.Бертье-Делагарда, О.И.Домбровского, Ю.С.Асеева и особенно А.И.Комеча о возможности возведения храма в XIII или даже во второй половине XIV в. Автор отмечает точку зрения Т.И.Макаровой, которая, на основании материалов археологических раскопок отнесла время её создания к началу X в. (Никитенко, 2002, с.210).

(Пономарёва, 1997, с.87)⁹⁷. Две амфоры при выемке оказались разбитыми, а две другие поступили в фонды Керченского историко-археологического музея (Артёменко, 2010, с.9). Данные голосники впервые опубликованы сотрудницей Керченского музея-заповедника Е.Д.Артёменко (Артёменко, 2010, с.8-12). При этом её работа содержит важную информацию⁹⁸. На этот раз были представлены рисунки двух амфор (Артёменко, 2010, с.12, рис.1-2) отличавшихся от сосудов, изданных в 1970 г. М.М.Никитенко. Е.Д.Артёменко приходит к заключению, что амфоры-голосники из купола церкви Иоанна Предтечи датируются X- началом XI в., что якобы совпадает с результатами археологических исследований Т.И.Макаровой (Артёменко, 2010, с.11). Но Е.Д.Артёменко, вслед за Т.И.Макаровой, обращаясь к статье А.В.Сазанова, делает ту же ошибку, ссылаясь на амфору другого типа (Sazanov, 1997, p.97, Type 47, fig.4, 47).

Данную ошибку, как мне кажется, первым совершил А.Л.Якобсон, когда к числу амфор-голосников из храма Иоанна Предтечи в Керчи причислил маломерную амфору, известную в современной терминологии как *Type VII Günsenin* или *Günsenin Type XVII* (Günsenin, 1990; 2018, p.110)⁹⁹. В 1979 г. А.Л.Якобсон использовал две амфоры-голосника из церкви Иоанна Предтечи в Керчи для построения хронологической таблицы в своей монографии. Исследователь поместил их с материалами IX-X вв. (Якобсон, 1979, с.75, рис.43,1а-б)¹⁰⁰. Но из двух амфор, якобы происходящих из храма Иоанна

⁹⁷Л.Пономарёвой амфоры-голосники, обнаруженные в храме Иоанна Предтечи в 1976 г., отнесены к VIII в. (Пономарёва, 1997, с.87), но, учитывая научно-популярный характер работы, мы не будем останавливаться на ней подробно. Для нас важен сам факт находки и официального поступления в фонды музея двух амфор.

⁹⁸В статье Е.Д.Артёменко представлена информация об условиях обнаружения и поступления в фонды Керченского историко-археологического музея четырёх амфор-голосников в 1969 г. К тому же ею сообщаются дополнительные сведения о параметрах сохранившихся частей тех сосудов. Оказывается, что указанная М.М.Никитенко в публикациях высота четырёх амфор из парусов храма достигавших якобы высоты 50-55 см являлась ничем иным, как предложенной им реконструкцией. Реальная высота сохранившихся частей амфор-голосников, по сообщению Е.Д.Артёменко, составляла от 41 до 49 см, но днища амфор были отбиты (Артёменко, 2010, с.8, прим.1). Судя по всему сотрудница музея имела возможность осмотреть все амфоры 1969 г., но не приводит никаких деталей и особенностей их формы. Для неё все сосуды из сборов М.М.Никитенко относятся к одному типу.

⁹⁹Качество представленного рисунка не позволяет с полной уверенностью определить тип сосуда (Якобсон, 1979, с.75, рис.43,1б).

¹⁰⁰По схематичным рисункам в публикации А.Л.Якобсона видно, что две амфоры-голосника из церкви Иоанна Предтечи разных размеров и относятся к разным типам. Малая амфора нарисована целой (Якобсон, 1979, рис.43,1б).

Предтечи на рисунке №43 в книге А.Л.Якобсона, несомненно, к таковым относится только амфора под №1а, в то время как амфора 1б значительно меньше и явно принадлежит к другому типу¹⁰¹. Амфора 1а (Якобсон, 1979, рис.43,1а) является схематичной прорисовкой с фотографии опубликованной М.М.Никитенко в 1970 г., где она помещена первой справа.

Сюжет датировки амфор-голосников из церкви Иоанна Предтечи в Керчи не мог оставить без внимания специалист по типологии византийских амфор В.В.Булгаков (Булгаков, 2004, с.5-12). Занимаясь созданием собственной классификации, исследователь назвал эти амфоры *конически-вытянутыми* и отнёс их к *типу С* (Булгаков, 2004, с.5). Делая краткое освещение истории изучения конически-вытянутых амфор, Булгаков указывает, что эти сосуды были описаны Л.Дончевой-Петковой как *тип IV* (Дончева-Петкова, 1977, с.195), а у З.Брусича, это *группа III* (Brusič, 1979, p.40). При этом он также указывал на то, что А.Л.Якобсон амфоры с коническим крупнобороздчатым туловом объединял с отличными от них остродонными желтоглиняными амфорами (*тип 3УА* по Булгакову) (Якобсон, 1979, с 75).

Булгаков считал, что вслед за А.Л.Якобсоном Л.Дончека-Петкова (Дончека-Петкова, 1977, с.103) и З.Брусич (Brusič, 1979, p.40) допускали ошибку, связывая конически-вытянутые амфоры с сосудами имеющими грушевидное тулово и воронкообразное горло. В.В.Булгаков, в характеристике амфор-голосников из церкви, опирается исключительно на сосуды, опубликованные в 1970 г. М.М.Никитенко¹⁰². Похоже, что Булгаков считал единственно возможным относить предтеченские амфоры-голосники к одному типу – конически-вытянутому.

В датировке амфор-голосников из храма Иоанна Предтечи в Керчи (рис.109-111) В.В.Булгаков опирался на закрытые комплексы в торговом помещении дворца в Преславе (Чангова, 1957, с.279; 1959, с.252; Дончева-

¹⁰¹ К сожалению, изображения амфор выполнены небрежно, с искажением форм реальных сосудов и без линейных масштабов.

¹⁰² В.В.Булгаков пишет о четырёх амфорах, в то время как в публикации М.М.Никитенко и соответственно у самого Булгакова было представлено три, а не четыре *конически-вытянутые* амфоры (Булгаков, 2004, с.6, рис.1).

Петкова, 1977, с.103, 195, 212) и находки целых сосудов из кораблекрушения у острова Млет в Адриатическом море (*Brusić, 1979, р.38-40, 48, pl.I, 1, 6, II, 6, XI, 1*). По его мнению, эти комплексы содержат артефакты X в. и могут быть датированы концом X в. либо рубежом X – XI вв. (*Булгаков, 2004, с.6*). Кроме Керчи на территории Крыма В.В.Булгаков отмечает единичную находку верхней части конически-вытянутой амфоры из Херсонеса (*Булгаков, 2004, с.6, 8, рис.3*)¹⁰³.

Буквально через год (в 2005 г.) появляется статья В.В.Булгакова о византийских амфорах, которые он называет *желобчатыми* и относит к X-XI вв. (*Булгаков, 2005, с.25-37*). Как заключает автор, по типоморфным признакам данные амфоры близки к сосудам *конически-вытянутых* типов (*тип С* по *Булгаков, 2004*). Поэтому в его статье, причём более подробно, фигурируют те же сосуды, что и в ранее вышедшей публикации, посвящённой амфорам конически-вытянутой формы. В данном случае нет смысла подробно рассматривать причины метаморфоз мнений В.В.Булгакова, потому что из амфор с идентичными типоморфными признаками выстраивается не один, а два типа сосудов. Тем более, что в конечном итоге оба типа следует относить к амфорам с грушеобразным бороздчатым туловом.

Вопрос датировки амфор с вытянуто-коническим или грушеобразным бороздчатым туловом за последние годы получил предметное развитие в изучении материалов раскопок разнообразных памятников, которые в основном, датировались X-XI вв. (*Булгаков, 2004, с.5-6; Артёменко, 2010, с.11*). В.В.Булгаков, кроме фрагментированной амфоры из Херсонеса, для датировки голосников храма Иоанна Предтечи, привлекал материалы из раскопок торговых помещений дворца в Преславе (Болгария) (*Чангова, 1957, с.279; 1959, с.252; Дончева-Петкова, 1977, с.103, 195, 212*) и целые формы сосудов из кораблекрушения у о-ва Млет (Хорватия) в Адриатическом море

¹⁰³ Амфора обнаружена в 1928 г. на участке раскопок куртины 1 стен римского времени. Она опубликована в каталоге *Византийский Херсон*, вышедшем к открытию XVIII конгресса византинистов (*Каталог, 1991, с.134, №139, ХГИАЗ №30716*).

(*Brusič*, 1976, p.38-40,48). При этом Булгаков стремился ограничить обзор исключительно находками амфор с коническо-вытянутым туловом, оставляя вне внимания находки сосудов с грушевидным туловом. Е.Д.Артёменко дополнительно обратилась к данным из кораблекрушения у мыса Серче Лимани (Турция), которое частично на тот момент было введено в научный оборот Ф.Доорником-Младшим (*Doorninck*, 1990, p.58-63).

В последнее десятилетие число исследованных объектов и обнаруженных в них артефактов расширилось и это нашло отражение в современных публикациях. Например, Э.Тодорова в 2012 г., работая над диссертацией, посвящённой средневековым амфорам Болгарии, дополнила материалы находок из Великого Преслава, аналогичными сосудами из монастырского комплекса Караач-Текке (*Todorova*, 2012, p.17,21)¹⁰⁴. Интересующие нас амфоры Э.Тодорова делит на два типа: к типу XII она относит сосуды с вытянутым коническим туловом, а к типу XIII – амфоры с грушевидным туловом. Оба типа имеют одинаковые характеристики глиняной массы, из которой они сформованы с включением слюдяных частиц. Время бытования сосудов обеих типов исследовательница относит к последней трети X – XI вв. (*Todorova*, 2012, p.17,21).

Особое внимание исследователями было уделено изучению места кораблекрушения у мыса Стоба о-ва Млет¹⁰⁵. После разграбления дайверами в 1975 г. места кораблекрушения, З.Брусич смог изучить 50 амфор, попавших в частную коллекцию. С 2009 по 2015 г. хорватскими и венецианскими учёными проводилось систематическое изучение данного памятника (*Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri*, 2016, p.42-58; *Miholjek, Zmaic, Ferri*, 2017, 227-245). Это позволило собрать крупную коллекцию амфор, состоящую примерно из 190 целых форм. Амфоры с места кораблекрушения представлены сосудами девяти основных групп с некоторыми вариантами и

¹⁰⁴ Монастырь Св. Богородицы в селении Каарач-Текке, расположен в 4-5 км от г.Варны. Памятник открыт в начале XX в. Карелом Шкорпиллом. Согласно историографической традиции монастырь был построен в конце IX – начале X в. царём Первого Болгарского царства – Борисом I (ум. 2 мая 907 г.).

¹⁰⁵ Остров Млет (принадлежит Хорватии) находится на побережье Адриатического моря и расположен в 35 км к северо-западу от Дубровника.

подтипами. По мнению исследователей, все амфоры, обнаруженные у мыса Стоба, принадлежат к средневизантийской производственной традиции. Наличие среди них хорошо известного типа *Günsenin I*, время бытования которого относится к X-XI вв. определяет и датировку всего комплекса амфор (*Miholjek, Zmaic, Ferri, 2017, p.232, fig.4,5*).

Амфоры третьей группы (*Brusič, 1976, p.38*) наиболее многочисленные – их найдено 49 шт. Эти амфоры имеют верхнюю часть, схожую с амфорами 1 и 2 групп, в то время как корпус сужается в форме конуса. Найдено несколько вариантов этого типа. Они различаются размерами и соответственно объёмами, варьирующими от 45 до 60 см в высоту, от 21 до 25 см в диаметре и от 5 до 7 литров в ёмкости. (*Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri, 2016, p.42-45, fig.6, 3,7; Miholjek, Zmaic, Ferri, 2017, p.232, fig.4,3*). Ближайшими аналогиями к этому типу авторы указывают на четыре амфоры, встроенные в конструкцию сводов церкви Иоанна Крестителя в Керчи, датируемые IX-X вв. (*Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri, 2016, p.45*). При этом они ссылаются исключительно на работу А.Л.Якобсона 1979 г. (*Якобсон, 1979, с.75*).

В отличие от амфор с коническим туловом, на месте кораблекрушения обнаружено шесть небольших амфор с грушевидным корпусом (*Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri, 2016, fig.7; Miholjek, Zmaic, Ferri, 2017, p.232, fig.4,4*). Они имеют высоту 30-32 см, короткое горло и овальные ручки, идущие от края венчика до плеча, где амфора имеет диаметр около 17 см (*Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri, 2016, p.45, fig.6, 4*). Данный тип относился к *группе IV* у З.Брусича (*Brusič, 1976, p.41*), а также в типологии Н.Гюйсенин образовывал *тип XI* (*Günsenin, 1990, p.39*), датируемых X-XI вв. В качестве близких аналогий авторы также называют амфоры, найденные на месте кораблекрушения в Серче Лимани (Турция) и на Афинской Агоре (Греция), где они обнаружены в слое с анонимными византийскими монетами X-XI вв. Не выходят за эти хронологические пределы амфоры из Великого Преслава и из монастырского комплекса близ Караача-Текке (Болгария).

Ещё одним важным объектом, при исследовании которого в 1970-х гг. обнаружены амфоры с грушевидным туловом, является кораблекрушение в турецком заливе Серче Лиман (в 12 милях севернее о-ва Родос). Среди остатков корабельного груза первой трети XI в. найдены четыре сосуда, получившие в классификации Н.Гюнсенин наименование *muna Günsenin XIII* (Doornik, 1988, fig.1; Günsenin, 1990, pl.LXXII/3b; Günsenin, 2018, p.113, fig.24). Данный тип характеризуется небольшим грушевидным туловом с глубоким рифлением, с коротким горлом, к верхней части которого примыкают овальные в сечении ручки, опускающиеся на плечи тулова. Высота составляет 29,9, 30,8 и 32,2 см. По подсчётам Ф. ван Доорника малые сосуды вмещали до 5 византийских футов вина, а большие – 5 серебряных византийских футов, т.е, по мнению исследователя, они изготавливались для товарной транспортировки и продажи вина в районе Сирии (Doorninck, 1988, p.22-23; 1990, p.58-63; 2016, p.181-189)¹⁰⁶.

Представленный выше обзор интересующего нас амфорного материала, происходящего с пространства от Северного (Боспор, Херсон) до Восточного Средиземноморья (Серче Лиман), включая Балканы (Варна-Карааче-Текке, Великий Преслав, Афинская Агора) и Адриатическое побережье (мыс Стоба о-ва Млет), а также побережье Сирии (Антиохия), Ливана и Палестины занимает по площади относительно небольшую территорию. На карте византийской торговли X-XI вв., можем указать всего шесть-семь конкретных объектов.

При кажущейся общности (особо это касается форм и состава глины с включением слюды) амфор с конусовидным и грушевидным туловом, необходимо признать, что перед нами находится разнообразие сосудов, за которым может скрываться постепенная смена типов венчиков, ручек, доньев и объёмов сосудов. Из всех известных местонахождений этих амфор только

¹⁰⁶ В связи с обозначенным восточным вектором византийской торговли вином интересны обнаруженные на двух амфорах из храма Иоанна Предтечи арабская цифра 20 и греческая – 80 (рис.109;110). Их наличие указывает на присутствие в керамической мастерской либо самих мастеров (араба и грека) либо лиц ведущих учёт изготовленных сосудов как по-арабски, так и по-гречески. Данные цифры могут служить некоторым ориентиром в поисках места производства амфор.

два кораблекрушения (Серче Лиман и у мыса Стоба) имеют ясную датировку, которая может быть помещена в пространстве 1020-1030-х гг.

Время бытования других местонахождений привязано к условно датированному анонимными византийскими монетами культурному слою (Антиохия и Афинская Агора) или знаковым политическим событиям (Великий Преслав – гибель в 971 г. Первого Болгарского царства). Группа крымских находок из восьми амфор датирована на уровне представлений 50-60-х гг. XX в., о чём говорят ссылки современных (в том числе и зарубежных) авторов на работы А.Л.Якобсона. Полученный в ходе раскопок храма Иоанна Предтечи (1960-1970-е гг.) археологический материал требует повторного изучения, т.к. за прошедшее время датировка многих артефактов получила существенные корректировки. Например, Т.И.Макарой около храма было исследовано 50 погребений, датированных XII-XIII вв. Однако современное изучение монет позволяет расширить хронологический диапазон существования кладбища около церкви Иоанна Предтечи до XV-XVI вв. (Гончаров, Чхаидзе, 2018, с.37-38).

Очевидным является и необходимость выполнить на современном уровне изучение и публикацию результатов как самих уже известных амфор с коническим и грушевидным туловом, так и осуществить ознакомление со средневековым амфорным материалом из музеев Крыма. Положительные результаты такого исследования массового амфорного материала известны на примере русских средневековых городов (Коваль, 2012, с.43-64).

Подводя итоги, следует отметить, что важным достижением современной историографии является определение первоначального посвящения христианского православного храма в Воспоро во имя Св.Георгия (Науменко, Пономарёв, 2013, с.297). Данное наименование церкви, по-видимому, использовалось прихожанами на протяжении XIII - первой половины XVIII в., когда появляется новое наименование – Усекновение главы Иоанна Крестителя (Науменко, Пономарёв, 2013, с.297). Настойчивая попытка отнести время его возведения к средневизантийскому периоду выглядит всё

менее доказуемой (*Sharp*, 2010, p.234, fig.68-69; *Виноградов*, 2018, с.74). Причин этому несколько. В фонды Керченского музея в 1969 и 1976 гг. поступило шесть амфор-голосников обнаруженных при расчистке конструкций перекрытий храма: в 1969 г. – четыре сосуда, а в 1976 – два. В 1970 г. сотрудником музея М.М.Никитенко опубликовано три амфоры датированные сначала VII-VIII, а затем VI-VIII вв.¹⁰⁷ Предлагаемые им даты опирались на мнения авторитетных учёных (прежде всего, А.Л.Якобсона и Й.Чанговой). После этого все исследователи, обращавшиеся к амфорам-голосникам из храма Иоанна Предтечи (А.Л.Якобсон, Т.И.Макарова, В.В.Булгаков и др.) использовали исключительно фотографии из публикации Никитенко (две амфоры у Т.И.Макаровой, три – у В.В.Булгакова) или прорисовки некоторых сосудов (А.Л.Якобсон). При этом А.Л.Якобсон в качестве одного из голосников храма Иоанна Предтечи использовал схематичное и не известное по происхождению изображение небольшой амфоры XIII в. (*Якобсон*, 1979, рис.46,1б). Позднее подобные маломерные амфоры XIII вв. стали известны по работе 1990 г. Н.Гюнсенин как типы *Günsenin VII* и/или *XIII*, *Хейс тип 65* (*Hayes*, 1992, p.76, typ.65) или *тип 1 Кадикалеси/Анайя* по Синану Мамироглу¹⁰⁸. При этом никаких пояснений в своей публикации А.Л.Якобсон не представил, что привело в дальнейшем к путанице в работах ряда авторов, по-видимому, считавших и эту амфору голосником из храма Иоанна Предтечи. Данный вопрос остаётся не разрешённым до настоящего времени. В публикации амфор-голосников предпринятой в 2010 г. сотрудницей керченского музея Е.Д.Артёменко представлены два сосуда обнаруженные в 1976 г. На этот раз были опубликованы только рисунки амфор (*Артёменко*, 2010, с.12, рис.1,2).

¹⁰⁷ В публикации 2002 г. М.М.Никитенко нет изображений амфор, а дано только их описание из публикации 1970 г.

¹⁰⁸ В ходе раскопок 2001-2009 гг. в Кадикалеси/Анайя (район Давутлар, к югу от Кушадасы, Малая Азия) получена самая большая коллекция из 32 целых амфор, состоящая из изделий 13 типов. Среди них турецкий исследователь Синан Мимароглу эти сосуды выделил в *тип 1 Кадикалеси/Анайя* (*Mimaroglu*, 2010, p.78-81, fig.8). Местом их производства он также считает данную местность, входившую в состав Византийской империи.

Вместе с тем, в историографии устойчиво сохраняется мнение специалистов, характеризующих архитектуру храма как строения возведённого не ранее XIII в. (А.И.Комеч, Ю.Г.Лосицкий, А.Ю.Виноградов и др.). Особенно важное наблюдение для подтверждения поздней датировки памятника было сделано Вл.Седовым в процессе его работы над вопросом центрического освещения византийских и древнерусских храмов (Седов, 2009, с.36-61). Седов специально отметил, что А.И.Комеч, исследовавший памятник, обратил внимание на окно над апсидой и указал на несколько аналогий: южный храм монастыря Паммакаристорос (Фетхие Джами) начала XIV в., базиликальные храмы в Кастории XI-XIII вв., новгородские храмы XIV в. (Комеч, 1992, с.35). При этом Вл.Седов специально подчёркивал, что исследователь не затрагивал проблемы симметричного освящения венчающей зоны храма. Он только остановился на попутном упоминании этого интересного приёма. Вл.Седов заключает, что «восточное окно и центрическую систему освещения этого храма можно рассматривать как аргумент в пользу предположения о столичном, константинопольском происхождении этого крымского памятника» (Седов, 2009, с.57)¹⁰⁹.

Поэтому Вл.Седов относил церковь Иоанна Предтечи в Керчи к числу ярких примеров поздневизантийских храмов с крестообразным освещением. А.И.Комеч перемещал дату возведения храма к середине XIV в., а Вл. Седов считает, что «эту датировку можно расширить – в сторону конца XIII в.» (Седов, 2009, с.57). Если признать данное положение верным, то и амфоры-голосники из конструкций перекрытий церкви следует относить к концу XIII столетия.

В связи с этим считаю возможным предложить считать амфоры-голосники из храма Иоанна Предтечи (Св.Георгия) артефактами поздневизантийского

¹⁰⁹В завершении сюжета хочу предложить цитату Вл.В.Седова о значимости приёма центрического освещения, который по его мнению «возник в связи с обособлением центрического ядра храма, с желанием подчеркнуть его башнеобразность, его завершенность. В небольшом круге памятников (Куршумлия, Перынь, Паммакаристорос в Константинополе, Керчь) этот приём получил законченное воплощение, превратившись в часть художественной программы, осмысленной и ясно артикулированной» (Седов, 2009, с.58).

времени и осуществлять их дальнейшее изучение с учётом этого определения. Может в данной хронологической дистанции и кроется наблюдаемая разница формы, размеров и керамического состава амфор из храмов и подобных сосудов с мест кораблекрушений начала XI в. Скорее всего весь известный на сегодня близкий по форме и керамическому составу амфорный материал в перспективе можно будет объединить в единый по типоморфным признакам массив XI-XIII вв.

Представленный в разделе амфорный материал позволяет внести дополнения в поздневизантийские комплексы не только Херсонеса, но и Крыма. До настоящего времени наиболее полным считался каталог амфор XIII в. Херсонеса составленный группой исследователей в 1995 г. (*Романчук и др.*, 1995, с.73-88, классы 44-54, №№150-201, табл.28, 29, 34-50). К представленным в каталоге десяти классам 44-54 амфор XIII в. можем добавить ещё два – 55 и 56.

Класс 55 представлен маломерными (высота 29-32 см, диаметр тулова 15-17 см) амфорами, сформованными из серо-жёлтой глины с включением песка и слюды. Имеют коническое крупнобороздчатое тулово (дно скруглено или вогнуто во внутрь сосуда). Горло высокое, воронковидное. Ручки петлевидные, овальные (уплощённые) в сечении. Нижним концом прикреплены к плечикам, верхним – к верхней части горла. Данные амфоры включены в классификации других авторов как сосуды XIII в.: у Н.Гюнсенин как типы *Günseinin VII* и/или *XIII*; Дж.Хейса *mun 65* (*Hayes*, 1992, p.76, typ.65); Синаном Мимароглу эти сосуды выделены в *тип 1 Кадикалеси/Анайя* (*Mimaroglu*, 2010, p.78-81, fig.8). Местом их производства Мимароглу считает местность входившую в состав Византийской империи, где им проведены раскопки 2001-2009 гг.

Класс 56 – амфоры с грушевидным туловом, конусовидно заостряются книзу и заканчиваются овальным дном. Тулово и горло покрыты широкими бороздами и валиками. Полная высота сосуда – 44 см, диаметр тулова – 21,5

см. Ручки овальные в сечении, верхней частью крепятся на уровне венчика, а нижней на плечах амфоры. Горло цилиндрическое, короткое, вверху расширяется в виде раструба и завершается венчиком в форме полувалика. Черепок плотный, светло-коричневого (кирпичного) цвета. Наполнение состоит из мелкого песка, частиц слюды и бурых частиц (Мыц, 2022, с. 212-219, рис. 4-13).

2.7. Историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в.

Время и причины катастрофы, постигшей, византийскую Таврику в XIII в., уже более ста лет являются предметом дискуссии среди исследователей средневекового Крыма. В ходе археологических раскопок византийских памятников Крыма в конце XIX – XX вв. слои пожаров и разрушений XIII в. открыты на семи больших и малых городских центрах полуострова: Херсоне (Херсонесе), Сугдее, Эски-Кермене, Сюйрени, Тепе-Кермене, Бакле, Алуште. На территории пяти средневековых городов (Мангуп, Чембало, Партенит, Солхат и Воспоро) – выявлен переотложенный материал XIII в. с признаками пребывания в пожаре (рис. 7)¹¹⁰.

Среди византийских городов Крыма в конце XIX-XX вв. особое внимание уделялось археологическому изучению причин разрушения XIII в. Херсона и Сугдеи, как наиболее значимых экономических, культурных, религиозных и политических центров полуострова. При этом приоритет всегда принадлежал Херсону. В зависимости от того, как датировался верхний слой пожара Херсона, исследователи определяли и время гибели в XIII в. других памятников Таврики.

К числу наиболее ранних курьёзных сентенций по данному поводу, видимо, стоит отнести смутное и неопределённое высказывание османского путешественника 60-х гг. XVII в. Эвлия Челеби. Он писал, что якобы около 1291 г. город Херсонес (автор называет его по-тюркски – Сар-кермен – В.М.)

¹¹⁰В монографии, посвящённой истории укреплений средневековой Таврики X-XV вв., мной явно была завышена численность крепостей существовавших в XIII в. – около 70 (Мыц, 1991:, с. 96, рис.2). В ходе последующих обследований этой группы памятников, материалы XIII в. (в том числе и сопровождавшиеся слоем пожара) к настоящему времени найдены примерно на 40 объектах.

«принадлежит польским казакам, которые отобрали его у генуэзцев» (Королёв, 1989, с.125)¹¹¹.

Начатые в 1888 г. К.К.Косцюшкой-Валюжиничем систематические раскопки средневекового Херсона стимулировали появление первых обобщающих работ (Романчук, 2008, с. 12-57) и среди них особое место заняли исследования А.Л.Бертье-Делагарда (*Бертье-Делагард*, 1893, с. 1-64; 1907, с. 1-207). На основании имеющихся письменных источников, финальную стадию существования византийского Херсона, А.Л.Бертье-Делагард представлял как череду последовательных захватов и разрушений. Он считал, что в 1224 г. его разорил синопский турок Гетум, а около 1300 г. турки, разбитые татарами, бежали через Херсон. Ни беглецы, ни преследовавшие их победители не пощадили город. Около 1363 г. (или 1396-?) Херсон был опустошён литовцами, которые гнались за побеждёнными татарми, «так что и самый город опустел с этого времени» (*Бертье-Делагард*, 1893, с.16-18).

В 1912 г. в Известиях ТУАК появился объёмный научно-популярный очерк, посвящённый истории и археологии Херонеса, написанный севастопольским врачом Е.Э.Ивановым (*Иванов*, 1912, с. 1-399). Автор, следуя в фарватере авторитетных высказываний А.Л.Бертье-Делагарда, выстраивает канву исторических событий (начиная с 1204 г., когда Херсон и Климаты Готии вошли в состав Трапезундской империи) и до 1223 г., когда правитель Синоп «совершенно опустошил Херсонесскую область и с награбленной добычей возвратился в Синоп» (*Иванов*, 1912, 150-151)¹¹². Далее Иванов делает замечание, что с «этого времени начинается... систематическое разграбление и разрушение Херсонеса, и последующая

46 Цитирующий в таком виде источник В.Н.Королёв (*Королёв*, 1989, с. 125) ссылается на два издания сочинения турецкого путешественника: (*Czelebi*, 1969, s. 252, 254-256, 327, 438, 439) и (Челеби, 1979, с. 48).

¹¹²Изучением связи трапезундско-сельджукской войны 20-х гг. XIII в. с нашествием татар 1223 г. занимался А.А.Куник (*Куник*, 1854, с.734-746). Влияние работы А.А.Куника на суждения по данному поводу А.Л.Бертье-Делагарда и Е.Э.Иванова – очевидно. Впоследствии к данной теме более подробно обратился В.Г.Васильевский (*Васильевский*, 1915, с. CLXXIII-CLXXVII). См. также переиздание. (*Васильевский*, 2010, с. 180-189). Современный исторический и источниковедческий анализ происходивших в Южном Причерноморье в первой трети XIII в. событий см. : (*Шукуров, Коробейников*, 1998, с.178-200).

история города – одна его мартирология» (Иванов, 1912, с.151). Затем популяризатор крупными мазками рисует безрадостную картину истории города на протяжении всего XIII в. Оказывается херсонеситы не успели оправиться от погрома турок, как с севера появились полчища татар, настолько теснившие город, что трапезундский наместник счёл невозможным долее оставаться и должен был покинуть Херсонес. Мало помогали и ближайшие соседи – аланы, которые, по словам, еп.Феодора, «жили по близости от Херсона столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонесцев, как некое ограждение и охрана» (Иванов, 1912, с. 151).

Увлечённый описанием драматических событий, происходивших после поражения русских и половцев в битве на р.Калке (1223 г.), Е.Э.Иванов произвольно трактует письменные свидетельства и даёт волю своей фантазии сообщая, что «в 1248 г. над самим Херсонесом разразилась тяжелая гроза: его разграбили полчища Ногая» (Иванов, 1912, с. 152). Столь же фантастично выглядит дальнейшее повествование автора о том, что в 1298 г., «над Херсонесом опять стряслась большая беда. В Крым забрались турки...с целью пограбить. Татары, считавшие себя хозяевами местности, преследовали грабителей, и турки бежали через Херсонес». Финал XIII в. выглядит у Иванова наиболее драматичным, так как по его мнению ещё больше от татар пострадали главные враги Херсонеса – Сугдея и Кафа, потому что «отказались платить татарам дань, а в Кафе даже был убит внук Ногая». Озлоблённый Ногай явился на полуостров с «огромным войском, опустошил ряд городов, а Кафу сжёг, причём было перебито множество купцов различной национальности» (Иванов, 1912, с. 153)¹¹³.

В начале XX в. попытку систематизации свидетельств письменных источников о возможном времени и причинах разрушения в XIII в. городов византийской Таврики предпринял Ю.А.Кулаковский. В его работе *Прошлое*

¹¹³ Специально столь подробно цитирую выдержки из сочинения Е.Э.Иванова, т.к. впоследствии (и вплоть до настоящего времени) исследователи Херсонеса именно в такой последовательности выстраивают канву исторических событий XIII в., забывая при этом сослаться на историко-археологический очерк.

Тавриды (1906 г.) в качестве событий военно-политического характера, способных привести к разрушению византийских городов, крепостей и поселений называются следующие причины: 1) война 1223 г. между Трапезундом и Конийским султанатом и 2) неоднократные походы на территорию полуострова татар (1223, 1239, 1249 и 1298 гг.).

Особенно страшным, по его мнению, было нападение на города побережья Крыма, совершённое в 1298 г. темником Ногаем. Причиной погромов стало убийство в Каффе внука Ногая, посланного для сбора дани. Взяв Каффу, Ногай сжёг её, перебив многочисленных купцов различных национальностей. Ограблению подверглись Сарукерман (т.е. Херсон), Кырк-Ер (Чуфут-Кале), Керчь, пострадала и Сугдея (*Кулаковский, 2001, с.171-178*). Согласно Ю.А.Кулаковскому, не менее пяти событий военно-политического характера могли стать причиной губительного разрушения городов византийской Таврики в XIII в. Однако сам Ю.А.Кулаковский не проделал работу по критическому анализу привлечённых им свидетельств письменных источников, а ограничился либо их кратким цитированием, либо своей произвольной интерпретацией.

Касаясь конфликта между Трапезундом и Конийским султанатом из-за захвата в Синопе корабля, доставлявшего «императору ежегодные подати от Херсона и Готских климатов», он, со ссылкой на работу А.И. Пападопуло-Керамевса (*Пападопуло-Керамевс, 1897, с. 117*), лаконично заключает, что султан «послал вооружённые суда в Херсон и опустошил всю страну» (*Кулаковский, 2001, с. 171*), в то время как в источнике сказано о предпринятом сельджуками опустошении окрестностей города (*Пападопуло-Керамевс, 1897, с. 117-118; Успенский, 1929, с. 51*). Кулаковский вроде не замечает, насколько часто, по его мнению, городам Крыма в первой половине XIII в. угрожали кочевники: «В 1239 году Сугдея подверглась нашествию татар; от того же врага могла угрожать и опасность Херсону» (*Кулаковский, 2001, с. 174*).

В современной историографии за условную точку отсчёта в дискуссии о времени и причинах гибели городов византийской Таврики принято считать появление в 50-60-х гг. XX в. работ А.Л.Якобсона по истории Херсона и средневекового Крыма. Надо отметить, что на протяжении этого времени точка зрения исследователя на дату и причины гибели, как Херсона, так и других городов Юго-Западного Крыма претерпела изменения. Первоначально А.Л.Якобсон считал причиной гибели Херсона татарские погромы конца XIV в. (*Якобсон, 1950, с.37,42*). Затем им было высказано предположение, что тотальный пожар в городе мог возникнуть в конце XIII в.: «Не разделил ли он судьбу других крупных поселений юго-западного Крыма, разгромленных полчищами Ногая в 1299 г.?» (*Якобсон, 1959, с. 233*).

Однако в монографии *Средневековый Крым* исследователь уже без тени сомнения писал, что в «1299 г. полчища Ногая разгромили Херсон и Кырк-Ер, прошли огнём и мечом по цветущим долинам юго-западного нагорья. Эски-Кермен, как это выяснено раскопками, был сожжён и уничтожен; жизнь в Херсоне, преданном огню и разрушению, была нарушена, город после этого уже не имел сил подняться. Окончательно замер он, вероятно, в самом конце XIV столетия (в 1399 г.) после опустошительного набега на западный Крым татарских полчищ Эдигея» (*Якобсон, 1964, с.83*).

Таким образом, благодаря А.Л.Якобсону, в литературе по истории средневекового Крыма появилось две даты разрушения поздневизантийского Херсона, разделённые интервалом ровно в сто лет – 1299 и 1399 гг. Но если первая была подкреплена не только ссылкой на письменный источник, но и реальными археологическими материалами из раскопок памятника, то вторая введена чисто декларативно. Кроме того, он полагал, что после событий конца XIII в. Херсон уже не являлся крупным поселением; перестал быть и торговым центром (*Якобсон, 1959, с.223*).

Высказанное А.Л.Якобсоном заключение о разгроме византийских городов Таврики в 1299 г. было принято многими исследователями и стало господствующим в научной литературе (*Фёдоров-Давыдов, 1973, с.73*;

Веймарн, 1982, с.73 и др.). Но, как это ни странно, ни А.Л.Якобсон, ни его последователи, ни разу не представили свидетельства письменных источников, на которые они якобы опирались в своих суждениях.

События, происходившие на территории Таврики в конце XIII в., нашли своё отражение в нескольких письменных источниках: три из них принадлежат восточными авторами и один представлен греческим текстом.

1. Прежде всего, речь идёт о сочинении (летописи) арабского историка Рукн-ад-Дина Бейбарса, который в главе *Об умерщвлении Актаджи, сына дочери Ногая, в Кафе* писал следующее: «В 689 году [9 октября 1298 – 27 сентября 1299 г.] было убито в городе Кафе упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив Токту, овладел областями [его] и послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его|| потому что он [Токта] подарил ему [Ногаю] его [Крым]; тот [Актаджи] отправился туда, и вместе с тем эмир по имени Эльтабрас, сын Касра (?), да войско приблизительно в 4000 всадников ||. Тот пришёл в Кафу, а это город [принадлежащий] Генуэзским Франкам, между Стамбулом и между Крымом, и потребовал от её жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что из еды и вино для питья. Он поел да выпил вино, и одолело его опьянение. Тогда они [жители] напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая, деда его, который отправил в Крым огромное войско || в обществе Маджи, одного из эмиров ||. Оно ограбило [город Кафу], сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находящихся в нём купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман (Херсон - В.М.), Кырк-Иери, Керчь и другие» (*Тизенгаузен, 1884, с. 111-112; Золотая Орда в источниках, 2003, с. 61*).

Внимательное прочтение источника вызывает подозрения, что при более позднем (в XV в.-?В.М.) редактировании текста в него вместо города Крым (Солхат) была включена генуэзская Каффа, что не отвечает исторической действительности. Отчасти этому способствовал и переводчик

(В.Г.Тизенгаузен - В.М.) в ряде мест дополнительно заменивший отсутствующее в тексте *Крым* на *Каффу*.

2. Данное предположение подтверждает следующий источник – *История...* Ибн Халдуна, в котором предлагается иная версия места и имён участников событий. Ибн Халдун сообщает, что Ногай своему внуку *Карадже*, являвшемуся сыном Таштемира, в [6]98 году [1298/99 г.], передал город *Крым*. Когда [*Караджа*] отправился [в Крым], чтобы получить с него доходы, то [жители Крыма] угостили его, но ночью напали и убили его. После этого «Ногай отправил в Крым войска, ограбил этот город, да окрестные сёла и поля и разрушил их» (*Тизенгаузен*, 1884, с.383; *Золотая Орда в источниках*, 2003, с.172)¹⁴.

Если принять во внимание ошибку *Летописи Бейбарса*, связанную с заменой в тексте города Кырым – столицы провинции одного из улусов государства Джучи – на генуэзскую Каффу (*Мыц*, 2009, с.59), то получится вполне логичный и информативный сюжет. Предлагаем следующую его реконструкцию: Об умерщвлении Актаджи, сына дочери Ногая, в [Крыму]. В 698 г.х. было убито в городе [Крым] упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив Токту, овладел областями [его] и послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его, потому что он [Ногай] подарил ему [Актаджи] его [Крым]; тот [Актаджи] отправился туда, и вместе [с ним] эмир по имени Эльтабрас, сын Касра, да войско приблизительно в 4000 всадников. Тот пришёл в [Крым] и потребовал от [его] жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что из еды и вино для питья. Он поел да выпил вино, и одолело его опьянение. Тогда они (жители) напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая, деда его, который отправил в Крым огромное войско [во главе] с Маджи, одного из эмиров. Оно ограбило [город Крым], сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен, находившихся в нём купцов

¹⁴ В прим.9 В.Г.Тизенгаузен заметил, что «У Бейбарса этот внук Ногая назван Актаджи» (*Тизенгаузен*, 1884, с.383; *Золотая орда в источниках*, 2003, с.172).

мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман, Кырк-Иери, Керчь и другие [города].

Таким образом, если следовать тексту двух представленных выше источников, то карательной экспедицией, направленной в 1298/99 г. Ногаем в Таврику командовал его темник Маджи, а не сам беклярибек, который к тому времени (насколько позволяют судить находки монет) уже именуется ханом (Хейвуд, 2002, 129-145; Оберлендер-Тырновеану, 2012, с.38-53; Лазаров, 2012, с.25-37; Павлов, 1995, с.121-130; Порсин, 2014, с.29-40; 2015, с.29-53). По-видимому, в подчинении у Маджи находилось три тумена (около 30 тыс. воинов), так как позднее именно с таким числом всадников (в группу его сторонников также входили влиятельные беки Судун, Утрадж, Акбуга и Тайта) он покинул Ногаю и перешёл на сторону хана Токты (Тизенгаузен, 1884, с.113; Золотая Орда в источниках, 2003, с.62)¹¹⁵.

3. В сочинении ал-Муфаддаля *Прямой путь...* (хронологически охватывает события 1259-1341 гг.) содержатся конкретные детали процесса разгрома татарами Судака. Автор сообщает о прибытии (2 июня – 1 июля 1299 г.) купцов из Судака, сообщивших, что «царь Ногай, сидевший на престоле царства Берке, в ребиэльэввеле этого года [7 декабря 1298 – 5 января 1299 г.] пришёл в Судак с большим войском». Прийдя к Судаку Ногай приказал «жителям, чтобы все, которые были за него, вышли за город со своими людьми и со своим имуществом». Приверженцы Ногая покинули Судак и их оказалось более 1/3 [населения]. Потом был отдан приказ войскам окружить город. Ногай требовал «к себе одного за другим, истязал его и отбирал всё его имущество, а затем убивал его, так что [наконец] умертвил всех, кто [оставался] в городе. После этого он поджёг его [город] и уничтожил его дотла» (Тизенгаузен, 1884, с.195; Золотая Орда в источниках,

58 «Случилось так, что несколько эмиров Ногаевых, на которых он вполне полагался и которые полагались на него, покинули его и ушли к Токте. Благодаря им укрепилась его решимость и усилилось желание отомстить. Это были Маджи, Судун, Утрадж, Акбуга и Тайта, и с ними 30 000 всадников» (Тизенгаузен, 1884, с.113; Золотая Орда в источниках, 2003, с. 62). Более подробно о военном противостоянии Тохты и Ногаю см. (Сабитов, 2012, с.246-253).

2003, с. 94). Здесь следует заметить, что в ходе археологических раскопок Судака ещё ни разу не обнаружены стратифицированные закрытые комплексы конца XIII в. аналогичные тем, что происходят из Херсонеса. Хотя часто встречаются артефакты этого времени, со следами пребывания в огне, т.е. мы имеем дело с переотложенными в ходе строительных работ более позднего времени (XIV-XV вв.) предметами.

Особенно интересно приводимое ал-Муфаддалем (или вернее его информаторами) объяснение мотивации действий Ногая против жителей Судака. Причиной разгрома города оказывается было то, что пошлины и другие доходы с Судака делились «между четырьмя татарскими царями» и одним из них был Токта. «Говорили, что цари, которые были соправителями его, обижали наместников его при [дележе] приходившихся на его долю доходов. Это и понудило его к тому, что он сделал» (*Тизенгаузен*, 1884, с.195; *Золотая Орда в источниках*, 2003, с.94).

4. На полях *Сугдейского синаксаря* имеется приписка №104 (за 20 декабря 1298 г.): «в этот самый день пришло войско Ногая, 6806-го го[да от сотворения мира]» (*Νυστασοπουλου*, 1965, с.127, §102; *Могаричев* и др. 2009: 287). Данная лаконичная запись позволяет отнести время карательной операции, проводившейся монголами в Таврике в 1298 г., к декабрю месяца, когда ими, по-видимому, первоначально был разгромлен Солхат-Крым, а затем они направились к Судаку.

В целом же представленные свидетельства письменных источников позволяют прийти к заключению, что мятежный беклярбек хана Токты – Ногай – не осаждал и не разрушал Каффу в конце 1298 г., т.к. всегда (не бескорыстно) покровительствовал генуэзцам. Длительный альянс Ногая с генуэзцами не остался незамеченным для Токты, который после улаживания государственных дел (подавления и уничтожения партии сепаратистов) (*Тизенгаузен*, 1884, 436; *Золотая Орда в источниках*, 2003, с. 194) в октябре 1307 г. осадил Каффу. Поводом для нападения был использован аргумент, что генуэзцы в качестве рабов покупали татарских детей, которым грозила

смерть во время засухи 1302-1305 гг., вызвавшей голод в среде кочевников. Ал-Макризи писал: «В 702 г. [1302/03 г.] пришло известие о засухе в землях Токтая, которая продолжалась 3 года и за которой последовал падёж лошадей и овец, дошедший до того, что у них [жителей] нечего было более есть и они продавали детей и родичей своих купцам, которые повезли их в Египет и другие места» (*Тизенгаузен*, 1884, с.436; *Золотая Орда в источниках*, 2003, с.194).

Защитники Каффы (600 генуэзцев и греков) через 8 месяцев (20 мая 1308 г.) были вынуждены, сев на корабли, покинуть подожжённый ими город. Вернуться вновь на полуостров генуэзцы смогли только после смерти Токты и воцарения Узбека. А в 1296-1299 гг. генуэзцы были заняты войной с Венецией и в 1296 г. Каффа подверглась нападению венецианского флота, а не нашествию орды Ногая в 1298/99 гг. (*Мыц*, 2009, с.58).

Таким образом, в ходе археологических исследований Каффы есть больше оснований обнаружить следы тотального пожара 1308 г., или разрушения 1296 г., связанные с венецианско-генуэзским конфликтом. Поэтому у нас нет оснований доверять свидетельству *Летописи...* Рукн-ад-Дина Бейбарса о захвате и разрушении генуэзской Каффы в 1298/9 гг. войсками Ногая.

Тезис А.Л.Якобсона о стремительном угасании византийского Херсона с начала XIV в. попыталась опровергнуть А.И.Романчук. Чтобы ещё на одно столетие продлить активную жизнь города, она, методично проводила в своих публикациях мысль о том, что Херсон, как город и на протяжении XIV в. не утрачивал значения торгово-экономического и духовно-культурного византийского центра Таврики (*Романчук*, 1995, с.152-157).

Вместе с тем, А.И.Романчук последовательно придерживается концепции А.Л.Якобсона о двух слоях пожаров в поздневизантийском Херсоне (*Романчук*, 2008, с.437-439). Однако она вносит в неё свои коррективы: 1) слой пожара и разрушения конца XIII в. мог быть связан с землетрясением 1292 г., а не с походом Ногая 1299 г. и 2) город подвергся разгрому в конце

XIV (1395-1396 гг.) столетия, когда в Таврику проникли войска эмира Тимура (*Романчук, 2008, с.445*).

Создаётся впечатление, что для А.И.Романчук определение даты и причины катастрофических пожаров, происходивших в Херсоне в XIII-XIV вв. не играли особенно важной роли. Например, в одной из своих монографий она писала: «Военная экспедиция или природные факторы привели к разрушениям XIII в. – в данном случае не играет существенной роли. Примечательно другое: жители Херсона смогли сравнительно быстро восстановить свои дома, о чём свидетельствует стратиграфия портового района. Но пожар второй половины XIV в. стал для них последним; многие из горожан погибли в собственных домах. Некоторые из защитников (или нападающих) остались не погребёнными» (*Романчук, 2008, с.448-449*). К сожалению, исследовательница в подтверждение своих слов ни разу не приводит ни стратиграфии Портового района Херсона, ни зафиксированных в слоях пожаров конца XIII и второй половины XIV в. останков не погребённых горожан (*Богданова, 1995, с.104-116*).

Конец 80-х – 90-е гг. XX в. стал новым этапом в попытке решения даты гибели поздневизантийского Херсона. В это время появляются первые осторожные высказывания (Ю.П.Калашник, С.Г.Рыжов, Л.А.Голофаст, В.Л.Мыц) о возможности датировать тотальные пожары на территории города не 90-ми, а 70-ми гг. XIII в. (*Калашник, 1989, с. 165-187; Мыц, 1997, с. 65-67; Рыжов, 1998, с. 168-180; Голофаст, Рыжов, 2000, с.251-265*)¹¹⁶.

¹¹⁶Данная точка зрения была неоднократно подвергнута жёсткой критике со стороны А.И.Романчук (*Романчук, 2008, с.440-444*). Романчук писала, что в связи с мнением С.Г.Рыжова и В.Л.Мыца о том, что весь город, в сущности лежал в руинах после разрушений начала третьей четверти XIII в., следует обратить внимание ещё на один факт, противоречащий негативной оценке состояния дел в Херсоне для конца XIII в. При публикации одной из находок из Несебра, датированной концом XIII-началом XIV в., М.Г.Крамаровский отмечает, что такие блюда характерны для Аттики и Фессалоники, мотивы близкого декора известны и на херсонесских сосудах (*Романчук, 2008, с. 444; Крамаровский, 2008, с.217*). Приведённый А.И.Романчук пример не убедителен потому, что дата блюда, предлагаемая М.Г.Крамаровским, имеет чрезмерно широкие хронологические пределы. Речь идёт о красноглиняном поливном блюде с сюжетной росписью. Оно найдено в 1988 г. при раскопках Северо-западной части города в секторе Базилики и находится в экспозиции Археологического музея г.Несебра под №2890. Исследователь датировал блюдо XIII в. Дело в том, что в слое пожара Несебра, из которого происходит блюдо с сюжетной росписью, найдены монеты Михаила Асеня (1246-1256), а это даёт больше оснований

Событием начала 1990-х гг. стала публикация монографического исследования Н.М. Богдановой, посвящённое истории византийского Херсона X-XV вв. (*Богданова, 1991, с.8-164*). Однако в этой интересной работе, как отмечали в обстоятельной рецензии на монографию А.В.Сазанов и В.Г.Ченцова, ничего не было сказано о произошедшем в Херсоне пожаре конца XIII в. и едва упомянут пожар XIV в. (*Сазанов, Ченцова, 1993, с.47-49; 1996, с.442*).

В одной из ранее вышедших работ, Н.М.Богданова на основе данных *Аланского послания* высказывает предположение, что взятие эмиром Чобаном в январе 1223 г. Херсонеса явилось одной из первых акций турок-сельджуков против подвластных Трапезундской империи территорий в преддверии войны 1223 г. (*Богданова, 1985, с.47*). Это предположение подверглось обстоятельному критическому разбору со стороны А.В.Сазанова и В.Г.Ченцовой (*Сазанов, Ченцова, 1996, с.173*). Исследователи были вынуждены обратить внимание Н.М.Богдановой на то, что Иоанн Лазаропул в *Житии Св.Евгения* сообщает о направлении к Херсону вооружённых судов и «опустошении его окрестностей», а не о разорении самого города.

В 2005 г. появилась работа А.В. Сазанова о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса (*Сазанов, 2005, с.195-213*). Статья содержит детальный анализ керамического комплекса из помещения 10 усадьбы 3 Портового района Херсонеса, опубликованного А.И.Романчук ещё в 1982 г. (*Романчук, 1982, с.89-114*). Автор приходит к выводу, что базовый комплекс Портового района датируется в пределах первой половины – середины XIII в. В плане возможной более узкой хронологии комплекса рефреном статьи и представленной корреляционной таблицы – звучат 50-60-е гг. XIII в. При этом А.В.Сазанов заключает, что разрушения XIII в. оказались катастрофическими для судьбы города. «После них жизнь теплилась лишь в

датировать захват и разрушение города татарами в 1264/5 гг., а не концом XIII – первой половиной XIV вв.

отдельных локальных участках бывшего огромного города» (Сазанов, 2005, с.211).

В 2009 г. вышли из печати сразу две новые аналитические работы, посвящённые рассматриваемой теме. Статья Е.Ю.Гончарова посвящена восточной нумизматике Херсона второй половины XII – первой половины XV вв.). На основании изучения 120 фельсов, попавших в Херсон в XIII в. из тюркских государств Анатолии (75% монет приходится на период 1210-1245 гг.) и 36 монет др. государств (латинской империи - 21, византийской – 8, Трапезундской - 2, Никейской - 1, Болгарии - 1) (Гончаров, 2009, с.118-132; Молчанов, 2007, с.48-50), автор пришёл к заключению, что датировка на основании нумизматики позволяет отнести разрушение VIII и IX кварталов Северного района Херсонеса к концу 1230-х - началу 1240-х гг. Для более точной датировки этого события нет данных, имеющих хоть небольшое основание. Автор, основываясь на упоминании в *Судаком синаксаре*, обращает внимание на записи о взятии Сугдеи армией монголо-татар 26 декабря 1239 г. Хотя Е.Ю.Гончаров вынужден признать, что только на основании имеющихся данных «вопрос о взаимосвязи пожара в Херсонесе и штурме Сугдеи однозначно не решается» (Гончаров, 2009, с.125).

Полученные автором результаты анализа нумизматических материалов дали ему возможность прийти к весьма спорному выводу будто бы в «1240 г. Таврия и все её города вступили в следующий этап своей истории» (Гончаров, 2009, с.125). Особенно важными являются наблюдения Е.Ю.Гончарова за топографией распространения нумизматического материала на территории Херсона. Он отмечает, что если находки XII – первой половины XIII вв. встречаются во всех указанных местах (т.е. на территории всего памятника – В.М.), то монеты XIII - XV вв. встречаются только в Портовом районе. Т.е., «наравне с другим археологическим материалом восточные монеты также демонстрируют динамику сокращения

обжитой территории города и позволяют обозначить хронологические рамки этого процесса» (Гончаров, 2009, с.132).

В завершении обзора коснусь необычайно ёмкой по своему содержанию статьи А.Рабиновиц, Л.В.Седиковой, Р.Хеннеберг о повседневной жизни провинциального города в поздневизантийский период (Рабиновиц и др., 2009, с.196-274). В заключение опубликованных результатов исследования в южной части Херсонеса, авторы обращаются к вопросу о времени гибели поздневизантийского города. Они отмечают, что «Дата масштабного разрушения Херсонеса ещё точно не определена» (Рабиновиц и др. 2009, с.243). После краткого историографического обзора затронутой темы, они отмечают, что и в исследованном квартале сочетание циклов датирующих материалов из слоя разрушения выводят дату – «не позже, чем вторая четверть XIII в. Наши материалы не противоречат дате: 20-е гг. XIII в.» По мнению авторов, указанная дата попадает на «время постоянных конфликтов между Трапезундом и Конийским султанатом, связанных, прежде всего, с торговлей». В заключении члены международной экспедиции признают, что «Несмотря на отсутствие достоверных исторических свидетельств о нападении сельджуков на Херсонес, результаты обработки материалов из слоёв разрушения, основанные на современных датировках, позволяют предположить, что гипотеза о нашествии сельджуков в 20-х годах XIII в. может быть более вероятной¹¹⁷, чем идея о татарской экспансии 70-х годов» (Рабиновиц и др. 2009, с.243)¹¹⁸.

⁵²Касаясь этого вопроса М.Г. Крамаровский замечал: «связаны ли разрушения в северных кварталах Херсонеса с сельджуками Хусам ал-Дин Чупана – предположение, оставшееся в рамках гипотезы». Далее он высказывался, что не следует исключать возможности существования в северной части города иноверческой общины, где могли находить защиту и приют купцы из исламской Ананатолии. В заключении Крамаровским высказано предположение о возможности её разрушения в ходе сельджукской военной акции конца 1-й трети XIII в. Причём столкновение произошло из-за несовпадения коммерческих интересов представителей торгового сословия с интересами Хусам ал-Дин Чупана (Крамаровский, 2016, с.62).

⁵³ Следует отметить, что в самостоятельной работе Л.В.Седикова уже предлагает более позднюю датировку основанную на сочетании циклов датирующего материала. Она полагает, что катастрофическое разрушение города и исследованного её экспедицией квартала в том числе, может быть отнесено к периоду около середины XIII в.» (Седикова, 2014, с.107).

Таким образом, в современной историографии предлагаются семь вариантов датировок гибели поздневизантийского Херсона в XIII в.: 1) 1223 г. (Богданова Н.М., Рабинович А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р.); 2) конец 30-х гг. (1239 г.) (Е.Ю.Гончаров); 3) 50-60-х гг. (А.В.Сазанов); 4) 60-е гг. (Н.А. Алексеенко) (*Алексеенко*, 1996, с.187-192); 5) 70-е гг. (Ю.П.Калашник, С.Г.Рыжов, Л.А.Голофаст, В.Л.Мыц); 6) 70-90-гг. (А.И.Айбабин) (*Айбабин*, 2003, с. 81)¹¹⁹; 7) конец 90-х (1292 г. или 1299-1300 гг.) - А.И.Романчук.

Следует отметить, что исследователи византийского Херсона (кроме А.И.Романчук и А.В.Сазанова), к сожалению, не склонны к конструктивным дискуссиям по спорным вопросам. Поэтому предложенные ими многократные разрушения города в тотальных пожарах (если, безусловно, доверять авторам, то сам Херсон или отдельные его районы в XIII в. семь раз (!) подвергался захватам и разрушениям) уже не оставляют надежды на его существование в XIV столетии.

Недостатками каждой из предложенных дат являются: 1) как правило, исследователями используется только доступный археологический материал (в основном это керамика и находки монет); 2) данный материал в подавляющем большинстве случаев не стратифицирован (стратиграфия попросту не представлена в публикациях); 3) привлекается ограниченное число (в основном 1-2) письменных источника, которые лишены внятного исторического анализа (*Могаричев*, 2014, с.66); 4) редко или вообще не привлекается идентичный материал из других памятников Крыма; 5) а главное - ни разу и ни одним из исследователей не издан полностью ни один стратифицированный закрытый комплекс XIII в.

54 А.И.Айбабин, предметно не занимаясь вопросами хронологии поздневизантийских памятников Крыма, в одной из своих работ со ссылкой на А.Л.Якобсона (*Якобсон*, 1964, с.83) пишет: «Полагают, что многие города и поселения Юго-Западного Крыма были разрушены в результате набега войск Ногай в 1299 г.». По поводу судьбы Херсона в XIII в. исследователь не может прийти к однозначному заключению: «В 1270-е годы, либо в 1299 г. практически все городские кварталы погибли от пожара, очевидно вызванного одним из татарских набегов. Херсон как город перестал существовать. В XIV в. лишь рядом с портом восстанавливаются некоторые усадьбы» (*Айбабин*, 2003, с.81).

Всё это создаёт впечатление, что исследователи преследуют цель не столько представить объективную картину гибели того или иного византийского города Таврики в XIII в., сколько доказать правоту предлагаемой именно им датировки слоя пожара. Поэтому, как отмечали в рецензии с некоторым сарказмом А.Н.Домановский и С.Б.Сорочан: «Спор не закончен, и нет сомнений в его плодотворном многообещающем продолжении» (Домановский, Сорочан, 2007, с.276).

Авторы (Т.Яшаева, Е.Денисова, Н.Гинькут, В.Залесская, Д.Журавлёв) изданного в 2011 г. каталога *Наследие византийского Херсона*, касаясь даты и обстоятельств гибели города в XIII-XIV вв., делают заключение, что «При современном состоянии источников ответы на эти и многие другие вопросы могут дать только дальнейшие археологические исследования византийского Херсона» (Яшаева и др., 2011, с.56).

Оптимизм исследователей Херсонеса-Херсона, на мой взгляд, можно реализовать только в том случае, если им удастся объединить усилия в этом направлении, но, не следуя по пути дальнейшего накопления материала (раскопками уже открыто около 40% площади города), а детального анализа и издания имеющегося стратифицированного материала всех закрытых комплексов XIII в.¹²⁰

На конференции *Византия и Крым*, проходившей в 1997 г. в Севастополе, мной было высказано предположение о гибели византийского Херсона в 1278 г. (Мыц, 1997, с.65-67). Но данная догадка являлась и всё ещё остаётся недостаточно аргументированной, чтобы получить статус гипотезы. В своих построениях я исходил из нескольких, как мне казалось, установленных положений.

В крымской историографии 50-60-х гг. XX в. утвердилось мнение, что наиболее разрушительным явилось нашествие на Таврику Ногая в 1299 г. (Якобсон, 1959, с.232-233). Именно к этому времени большинство авторов

¹²⁰ В качестве примера конструктивного совместного решения актуальных вопросов хронологии приведу статью С.Г.Бочарова и А.Н.Маслового (Бочаров, Масловский 2012, с.20-36).

относило следы разрушительных пожаров на Бакле, Тепе-Кермене (*Талис*, 1971, с.250-262; 1974, с.103-109; 1976, с.63-86), Сьюрени, Эски-Кермене, Херсоне (*Якобсон*, 1959, с.232-233). После данного погрома некоторые города и крепости (Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Исар-Кая, Алушка-Исар, Кермен-Кая, Сарджик и др.) не восстанавливаются полностью и жизнь на них постепенно угасает (*Мыц*, 1991, с.73). Однако материалы раскопок, проводившихся в 1970-1980-х гг. в Херсоне, Бакле (*Рудаков*, 1975, с.20-32) и Алуште позволили внести коррективы в это традиционное мнение. Оказывается что при полном совпадении вещевого материала из закрытых комплексов, время бытования монет, найденных в слоях тотальных пожаров, не выходит за рамки 1250-1260-х гг. Первым на это обратил внимание исследователь Баклы В.Е.Рудаков (*Рудаков*, 1975, с.23)¹²¹, а Х.-В.Байер, на основании изучения письменных свидетельств, предположительно отнёс завоевание (силовой захват) монголами Сугдеи к 1262 г. (*Байер*, 1995, с.87)¹²².

Изучение средневековых письменных источников, несмотря на их противоречивость и фрагментарность, всё-таки позволяет реконструировать политические события 20-70-х гг. XIII в., освещающих основные этапы завоевания Таврики монголами. Первоначально их удары были направлены на районы Восточного Крыма, прежде всего на Сугдею, которая подверглась нападениям в 1223¹²³ и 1238 гг.¹²⁴. В начале 1243 г. монголы во главе с Бату

¹²¹Как отмечал В.Е.Рудаков, только одна монета из слоя пожара XIII в. на посаде городища Баклы, относится к данному столетию. Это монета джучидского хана Берке (1256-1266), чеканенная в 1259 г. в Булгаре с именем ан-Насира (*Рудаков*, 1975, с.22).

¹²²Специально (*Мыц*, 1997, с.66) обращаю внимание исследователей средневекового Крыма на точки зрения, высказанные в своё время В.Е.Рудаковым (1975 г.) и Х.-В.Байером (1995 г.), т.к. в дальнейшем участники дискуссии о дате разрушения в XIII в. монголами городов поздневизантийской Таврики их стараются не замечать.

¹²³В нотиции *Синаксаря Сугдеи* под 27 января 1223 г. сделана запись: «В этот день пришли первые татары, 6731» (*Νυσταζοπουλου*, 1965, §8). Очевидно, о событиях этого времени сообщает и Рашид ад-Дин: «Уцелевшая часть кипчаков бежала в страну руссов. Монголы зазимовали в той области, которая представляла сплошные луга и поросли. Оттуда они напали на город Судак» (*Рашид ад-Дин*, 1952, с.229; *Бубенок*, 2003, с.28). Более детальную картину представляет в своей *Хронике* современник событий Ибн ал-Асир (1160-1233): «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семьями и свои имуществом взобрались на горы, некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую» (*Тизенгаузен*, 1884, с.26).

(1243-1255) возвращаются из похода в Европу. Их кочевья теперь размещаются в причерноморских и прикаспийских степях. Именно к концу 30-х - началу 40-х гг. XIII в. некоторые европейские авторы (например, Марко Поло и Марино Санудо) относили завоевание Готии и Хазарии монголами (*Vasiliev*, 1936, p.163, прим 4; p. 168).

В апреле 1249 г. правившим Сугдеей *севастом* проводится перепись мужского населения (в это число, по-видимому, входили и жители сельскохозяйственной округи города) с целью сбора дани для выплаты монголам. Именно таким образом исследователи интерпретируют запись в *Синаксаре Сугдеи*, где под 27 апреля значится: «В этот день освобожден от татар весь род людей вне города, и сосчитал севаст народ, и нашли, что он составил восемь тысяч и триста, в году 6757 от сотворения мира, и отмечался праздник» (*Νυσταζοπουλου*, 1965, с. 120, 27, §12; *Balard, Veinstein*, 1981, с. 82; *Байер*, 2005, с.204)¹²⁵. Вероятно, что в это же время Херсон и Климаты Готии попадают в зависимость от монголов, которая выражалась в уплате ежегодной дани (*Егоров*, 2009, с.88; *Мыц*, 1991, с.72).

Состояние подчинённости поздневизантийской Таврики монголам зафиксировано в сочинении Гильома де Рубрука, прибывшего в Сугдею из Синопа 21 мая 1253 г. Описывая путешествие по полуострову, Рубрук сообщает, что к северу за этими горами (вероятно, имеется ввиду Горный Крым – В.М.) на равнине есть лес наполненный источниками и ручейками, а за этим лесом находится равнина (Степной Крым – В.М.), которая тянется на север на пять дневных переходов и до края этой провинции (Хазарии и Крыма – В.М.). На севере равнина сужается, имея море на востоке и на

66 В *Синаксаре Сугдеи* под 26 декабря 1238 г. помещена лаконичная запись: «В этот день второй раз пришли татары, в 6747» (*Νυσταζοπουλου*, 1965, σ.120 §10). Марина Нистазопуло в своей публикации неверно определила дату, как 1239 г., а вслед за ней эту ошибку повторили другие исследователи (например, *Айбабин*, 2003, с. 278; *Гончаров*, 2009, с. 125), а также Х.-Ф.Байер (*Байер*, 2001, с. 162), который затем внёс исправления (*Байер*, 2005, с. 203, прим.34).

⁶⁰ А.К.Шапошников предлагает следующий перевод данной приписки на полях Синаксаря: «12. (за 27 апреля) в этот самый день очистился от татар весь род людской вне города и севаст пересчитал народ и обнаружил 8 тысяч и триста, в году 6757 от сотворения мира, и (это было) торжественно отпраздновано (1249 г.)» (*Могаричев* и др. 2009, с.282).

западе, где её пересекает *перекон* (fossatum= ров – В.М.) от одного моря до другого. «На этой равнине бывали команы (Comani), прежде чем пришли татары (Tartari), и принуждали выше названные города и крепости (civitates predictas et castra [а именно Сугдею (Soldaia) и сорок крепостей между этим городом и Херсоном (quadraginta castella inter Kersonam et Soldaiam)] платить им дань» (Байер, 2005, с.203; Гильом де Рубрук, 1997, с.91).

Данное свидетельство Рубрука особенно важно для рассматриваемой темы, так как путешественник, описывая драматическое положение, в котором оказались половцы после появления в Хазарии монголов¹²⁶, ни словом не обмолвился о разрушении татарами византийских городов и крепостей. Следовательно, пребывание и отъезд Рубрука из Таврики (начало июня 1253 г.) можно считать *terminus post quem* времени катастрофических разрушений в Херсоне, Эски-Кермене, Алуште, Бакле, Тепе-Кермене и др.

С данного момента (начала лета 1253 г.) и почти на протяжении четверти столетия в Таврике письменными источниками не отмечено каких-либо военных акций со стороны монголов. Важнейшими по своим последствиям событиями 60-х гг. XIII столетия являлись восстановление Византийской империи (15 августа 1261 г. Михаил VIII Палеолог торжественно въехал в Константинополь) и начало генуэзской колонизации побережья Таврики. К началу 70-х гг. XIII в. генуэзцы в Каффе учреждают консульство (Balard, 1978, p.118). Но успешному развитию их торговли препятствует жёсткая конкуренция со стороны старых торгово-ремесленных центров – Херсона и в особенности – Сугдеи, где к 1280-м гг. обосновываются венецианцы. К тому же Сугдея, как и генуэзская Каффа, находилась на расстоянии дневного перехода от формирующейся столицы Крымского улуса – Кырыма (Солхата).

К 1277 г. на юго-западной периферии Улуса Джучи оставались не завоёванными часть Северного Кавказа и Горный Крым (Херсон и Климаты

¹²⁶В продолжение своего рассказа о топографии полуострова Рубрук пишет: «когда пришли татары, такое большое количество коман вторглось в эту провинцию, которые все бежали до берега моря, что они съедали себя друг друга, живые умирающих, согласно тому, что рассказал мне какой-то торговец, который увидел, что живые пожирали и раздирали зубами сырую плоть умерших, как псы – трупы» (Гильом де Рубрук, 1997, с.91; Байер, 2005, с.203).

Готии). В начале 1278 г. при хане Менгу-Тимуре (1266-1282) была захвачена и разрушена столица алан – Верхний Джулат (Дедяков) (*Нарожный*, 2009, с.154-161). По всей вероятности, весной 1278 г. монголы осуществляют вторжение в горную часть Таврики. По свидетельству *Сугдейского Синаксаря*: «28 мая 6786 (=1278). В этот день убиты Тикитай Салик и Сугур и все остальные жители Сугдеи татарами» (*Νβοσταζοπουλου*, 1965, с.123)¹²⁷. При лаконичности и неясности (например, кем являлись Тикитай Салик и Сунгур?), данная заметка имеет особое значение, т.к. явно свидетельствует о драматических событиях в истории Сугдеи 1270-х гг.

Можно предположить, что этим походом, как и завоеванием столицы алан на Северном Кавказе, руководил Ногай, ставший при хане Берке (1256-1266) беклярбеком (*Трепавлов*, 2014, с.21-34) и на протяжении 70-90-х гг. XIII в. занимавший ключевые позиции в административном аппарате Золотой Орды¹²⁸. Согласно сведениям поздневизантийского писателя Георгия Пахимера, область Готии была завоёвана Ногаем. Пахимер даёт ему следующую характеристику, которая в переводе В.В.Латышева выглядит следующим образом: «Этот Нога был могущественнейший муж из Тохаров, искусный в предводительстве войсками и опытный в делах. Он с огромными силами из соплеменных Тохаров, которых они называют Мугулиями, будучи выслан (правившими) у Каспийских (ворот) начальниками племени, которых называют Капидами (ханами), нападает на северные народы по Евксинскому (Понту), которые в старину были подвластны Римлянам, а (потом), когда город был взят и дела у Римлян стали в стеснённое положение, сделались самостоятельными, оставшись без повелителей. Явившись (туда), он без всякого труда присоединил и подчинил их. Увидев, что (эти) земли

¹²⁷ А.К.Шапошников предлагает несколько иной перевод, но, самое главное, вносит корректировку в дату, которая им устанавливается как 1277 г.: «52.(за 28 мая) в этот самый день были убиты Тикитай, Салик и Сунгур...и все остальные сурожане татарами, индикта 6, 6785-го го(да от сотворения мира) (1277 г.)» (*Могаричев и др.*, 2009, с.285).

¹²⁸ Судьба Ногая, прежде всего, поражает своим политическим долголетием. Появившись в среде элиты Улуса Джучи при Берке (1256-1266), он смог пережить четырёх ханов: Менгу-Тимура (1266-1282), Туда-Менгу (1282-1287), Тула-Бугу (Телебугу) (1287-1291) и возвести на престол своего победителя Токту (1291-1312).

плодородны и народы сами по себе достаточны для (образования) государства, он отлагается от пославших и присоединяет народы к себе. С течением времени имевшие с ними сношения жители средиземных областей, а я говорю – Аланы, Зихи, Готфы, Росы и разные соседние с ними народы, узнают их нравы, перенимают по привычке язык и одежду и делаются их союзниками» (*Pachymeris*, 1835, с. 344)¹²⁹. По замечанию Н.И.Веселовского, данный фрагмент повествования очень скупого на хронологию Георгия Пахимера (*Веселовский*, 1922, с.28), почти невозможно соотнести с реальными историческими событиями второй половины XIII в.

В результате похода Ногай в 1278 г. (?) оказались разрушенными византийские города (Херсон, Эски-Кермен, Сюйрен, Тепе-Кермен, Бакла, Алустан и др.)¹³⁰, крепости (Исар-Кая, Чоргунский Исар, Камара, Кала-Фатлар, Сарджик, Кокия-Исар, Алупка-Исар, Лимена-Кале, Панеа, Ореанда-Исар, Биюк-Исар и др.), монастыри (Басман, Пахкал-Кая, Пампук-Кая, Бойка и др.) (рис.7), а также сельские поселения (Лимена, Посидима, Калиера и др.) – всего порядка 70 средневековых населённых пунктов. На всех этих памятниках выявлены слои тотальных пожаров и катастрофических разрушений.

Находки, в основном это керамика XIII в., обнаруженные в ходе археологических исследований городов, крепостей, монастырей и открытых поселений Таврики¹³¹, в основном аналогичны изделиям византийского Херсона (рис.12-43; 64; 71-84; 89-91), что указывает на общность культуры региона.

Достаточно выразительные следы тотальных пожаров, сопровождаемые материалами XIII в. выявлены при изучении так называемых исаров

¹²⁹ Цитировано по (*Веселовский*, 1922, с.28).

¹³⁰ А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев на страницах своей книги (*Герцен, Могаричев*, 2016, с.135-138) предлагают особую судьбу для Кырк-Ера, который они считают столицей крымских алан. По их мнению, город, несмотря на неоднократные погромы XIII в., в том числе и захват Кырк-Ера в 1299 г. Ногаем, подчинился татарам не ранее 40-х гг. XIV при хане Джанибеке (1342-1357).

¹³¹ Из выявленных к настоящему времени 70 памятников этого времени, исследования разного характера и объёма, осуществлялись на 43% из них, но кратко изданы только 11% имеющегося материала.

Горного Крыма¹³². Некоторые подвергавшиеся археологическому изучению памятники данной группы оказались однослойными. Наиболее показательными в этом отношении являются находки 1979-1980 гг. на крепости Исар-Кая, где удалось исследовать три помещения (кузницу и два жилых строения) XIII в. (*Мыц*, 1987, с.228-245, рис.1-10) (рис.85-91)¹³³.

Одним из малых городских поздневизантийских центров (его площадь 1,18 га, а территория цитадели составляла 1 акр (0,25 га), подвергшихся разрушению монголами в XIII в., является крепость Алустон (рис.66). Сохранившиеся здесь следы разгрома не столь впечатляющи, как, например, в Херсоне (рис.9-42) или Эски-Кермене (*Айбабин*, 2014, рис.14-17). Строения, в которых выявлены явные следы пожара XIII в., открыты только в цитадели города. Это жилые и хозяйственные помещения, а также руины небольшой церкви (рис.67;68).

Открытый в цитадели Алустана храмовый комплекс существовал на протяжении X-XV вв. (рис.362). Он неоднократно подвергался разрушениям, но затем восстанавливался и перестраивался. После очередного пожара, произошедшего на территории крепости во второй половине – последней трети XI в., церковь вскоре отстраивается, но в иных объёмах и существует до катастрофы второй половины XIII в.

При строительных работах (предположительно на рубеже XI-XII вв.) ранний храм X в., стены которого были возведены на глиняном растворе, оказался разобраным до основания (фрагментарно сохранилась только северная часть здания). Вновь отстроенная церковь представляла собой однефное строение размером 9,98 x 6,04 м с полукруглой апсидой, обращённой на северо-восток (азимут 74°) (рис.362).

В ходе исследования цитадели Алустана в 1987 г. (раскоп №9) частично или полностью раскрыто 14 жилых и хозяйственных помещений (рис.67;68). Десять из них могут быть датированы (на основании полученных находок)

¹³² Данные памятники XIII в., по всей видимости, являлись поздневизантийскими *каструмами*. К настоящему времени их известно в Горном Крыму около 30 (см. рис.2).

¹³³ Более подробно об этом говорилось выше.

XIII вв. (помещения №45, 46, 47, 48, 51, 54, 55, 56, 57, 58). Остальные (№49,50,52,53) содержали разрозненные фрагменты керамики X-XIII вв. и более поздний материал - XIV-XV вв. Это указывает на то, что их восстановили после катастрофы XIII в. и продолжали использовать в более позднее время.

В ходе раскопок цитадели прслежена стратиграфия, позволяющая получить объективное представление о жизни памятника на протяжении VI-XIX вв. (рис.58). Представительную стратиграфическую картину дали раскопки в помещении 46 (рис.58;67;68;73;77), в котором обнаружено восемь гладкостенных пифосов (рис.67;68;77). Общая толщина культурных напластований составляла 1,50-2,20 м, понижаясь с востока (от оборонительной стены VI в.) на запад. Сверху культурные напластования перекрывал жёлто-серый рыхлый грунт насыщенный щебнем, разномерным бутовым камнем, комками глины и фрагментами известковой штукатурки (рис.58, слой №1). Толщина слоя достигала 0,20 м. Слой сформировался при разрушении жилого дома второй половины XIX – первой половины XX вв. Слой №2 представлял собой светло-серый рыхлый грунт насыщенный щебнем, разномерным бутом и деструктурированным известковым раствором. Толщина слоя составляла от 0,10 до 0,60 м (рис.58, слой №2). Данный слой образовался при разборке (разрушении) крепостной стены VI в. и поэтому в нём содержалось большое количество крупного бутового камня с подтёсанными лицевыми сторонами. Под этим слоем залегал светло-коричневый рыхлый грунт с бутом средних размеров, щебнем и комками жёлтой глины. Толщина слоя неравномерна - 0,10-0,70 м. В центральной части наблюдается сильный прогиб, образовавшийся при выборке бутового камня из слоя. Слой №3 сформировался при обрушении стен средневекового здания XII-XIII вв. Расположенные ниже слои залегали относительно равномерно. Слой №4 достигал толщины 0,08-0,12 м и состоял из плотного жёлто-коричневого грунта, в котором встречались обломки плоских плиток серого песчаника и обгоревшие куски дерева. Плитки песчаника и фрагменты

дерева залегали в слое хаотично. Наиболее выразительную картину пожара и разрушения средневекового помещения представлял слой №5 (рис.58). Он состоял из рыхлого коричневого грунта с разномерным бутом, щебнем, углями и обгоревшими кусками деревянных конструкций. Толщина слоя в среднем составляла 0,20 м. Деревянные конструкции представляли собой брусья сечением 0,12 x 0,14 м, плахи толщиной 0,05 м, шириной 0,10-0,15 см и жерди. В слое отмечены куски жёлтой глины.

Наличие балок перекрытий и досок указывает на существование здесь второго этажа строения. Слой №4, очевидно, представлял собой остатки кровли дома. Следует отметить, что ни одно здание XIII в. в Алустане не имело покрытия из византийской черепицы (керамид и калиптеров), как это было в Херсонесе, Эски-Кермене и др. городах Готии. Кровли представляли собой деревянные конструкции покрытые слоем земли и плоскими плитками песчаника. Именно этот способ устройства кровли домов станет господствующим в XIV-XVIII вв. на территории полуострова, в то время как покрытие из плоской черепицы (керамиды) исчезает полностью.

Слой пожара был насыщен обломками керамических сосудов (в основном амфор) (рис.73). В помещении открыто восемь пифосов (четыре сосуда попали в линию стратиграфического разреза) (рис.58; 67). Некоторые пифосы перекрывались плоскими каменными крышками округлой формы. В пифосах найдено небольшое количество (от 1,5 до 3 кг) сгоревших зёрен ржи (*Secale cereal L.*), пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccum Schrank*), ячменя плёнчатого (*Horden vulgare*), бобов (*Vicia faba*) и семена льна (*Lnium usitatissimus L*)¹³⁴. Пол помещения представлял собой плотный серо-коричневый глинистый грунт (рис.58, слой №6) толщиной 0,10-0,12 м. Он перекрывал все пифосные ямы, заполненные коричневым плотным грунтом с известковой крошкой. Ямы прорезали расположенные под полом пять слоёв (слои №№7-11) VI-XI вв.

¹³⁴ Определение Г.А.Пашкевич.

Открытые в цитадели строения представляли собой хозяйственные помещения. Они несколько отличались размерами, но в целом представляли собой нижние этажи домов. Например, помещение №45 полуподвального типа (рис.67). Стены сложены из плотно подогнанных бутовых камней средних и небольших размеров на глиняном растворе. В качестве забутовки использовался мелкий бут, фрагменты кровельной черепицы и стенок пифосов. Ширина кладок различна и составляла 0,50-0,75 м (в среднем достигала 0,63 м)¹³⁵. Внутренние размеры помещения – 4,10-4,15 x 3,10-3,15 м. Вход, шириной 0,98 м, располагался у западного угла. Имел каменный порог. Ввиду того, что пол помещения находился ниже уровня улицы, в него спускалась каменная лестница. На глубине 1,0-1,60 м у западной стены помещения найден целый тонкостенный коричневоглиняный пифос небольших размеров (рис.70;75,3). Его высота 0,75 м, диаметр тулова – 0,52 м. Корпус яйцевидный, дно плоское. В основании горла помещён наlepной валик с насечками; по тулову проведена одинарная волнистая линия. Несколько ниже местонахождения этого сосуда в пол помещения были вкопаны ещё два пифоса относительно больших размеров. Венчики данных пифосов покрывались каменными крышками. В слое завала найдены фрагменты розовоглиняной амфоры XII-XIII вв. с веретенообразным туловом и высоко поднятыми дуговидными ручками, один небольшой горшочек (рис.71,3) и пять кувшинчиков (рис.72).

Помещение №46 входит в анфиладу строений примыкающих к оборонительной стене VI в. (рис.67; 68; 73; 77). Ранневизантийская куртина для восьми открытых вдоль неё помещений служила одновременно им и восточной стеной. В плане помещение имеет форму неправильного четырёхугольника со сторонами размером 2,60-2,75 x 4,20-4,35 м. Вход шириной 1,20 м находился у юго-западного угла. Непосредственно на полу (рис.73) найдено пять амфор, горшки и кувшины, изделия из кости и бронзы.

¹³⁵Все открытые на территории цитадели стены хозяйственных строений сложены из разномерного бута на глиняном растворе и обладают примерно одинаковыми параметрами. Их ширина в среднем составляла 0,65, 0,80, 0,95 м, что соответствует 2, 2,5 и 3 византийским футам.

К числу особенно редких находок следует отнести обнаруженную в слое пожара большую воронку с петлевидной ручкой (рис.76,3).

На остальной территории крепости Алустон (рис.66), подвергавшейся археологическому изучению на протяжении 1984-1994 гг., не встречено закрытых комплексов XIII в. В XIV-XV вв. все более ранние строения подверглись нивелировке или перестройке. Но на всей площади памятника повсеместно встречались разрозненные фрагменты керамических изделий, а иногда и целые предметы XII-XIII вв. со следами пребывания в сильном пожаре. Некоторые из них относятся к числу редких, как, например, чаша с павлином (рис.83) или даже раритетных находок. Таковым следует считать блюдо с изображением Василия Дигениса и его прекрасной возлюбленной Евдокии, дочери византийского стратига Дуки (*Адаксина*, 1995, с. 188-193)(рис.84).

В качестве датирующего материала исследователи в основном привлекают амфоры, поливную керамику и нумизматический материал. Из слоя гибели в XIII в. поздневизантийского Алустона происходит семь византийских монет XII-XIII вв.: три из них (плохой сохранности) условно определяются, как чеканенные до XIII в. Одна – диаметром 22 мм представляет литую бронзовую монету Херсона с монограммой *pω* и по сопутствующему материалу может быть отнесена к XIII в. В помещении №47 на дне пифоса №5 найдена медная монета (тетартерон), чеканенная в Константинополе во время правления Андроника I Комнина (1183-1185). Помещение №47 погибло в XIII в., следовательно, данная монета примерно на 100 лет отстаёт от реального времени гибели городского дома, располагавшегося в цитадели Алустона, и находилась в обращении относительно длительное время.

Из группы нумизматических находок особый интерес представляет золотой иперпер никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца (1222-1254) (*Мыц, Адаксина*, 1999, с.124, рис.2а, б). Данная находка обнаружена в помещении №99. Строение было возведено в XIII в. и пострадало во время

пожара, после которого слой завала и горения разбирался в начале XIV (?) в. Монеты никейских императоров встречаются и на других византийских памятниках. Например, перпер, относящийся к чекану Никейской империи, принадлежит сыну Иоанна III Дуки Ватаца - Феодору II Ласкарису (1254-1258). Он происходит из слоя гибели Эски-Кермена¹³⁶, датируемого последней третью XIII в. (Веймарн, 1982, с.76)¹³⁷. Это может указывать на одновременность произошедшей в юго-западной части полуострова катастрофы.

Наличие в слое пожара Алустона монеты Иоанна III Дуки Ватаца (1222-1254), а в слое гибели Эски-Кермена перпера Феодора II Ласкариса (1254-1258) и тот факт, что Рубрук, прибывший в Сугдею 21 мая 1253 г. не только умалчивает о разрушении монголами византийских городов, но отмечает существование между Херсоном и Сугдеей 40 крепостей, могут свидетельствовать о том, что катастрофа произошла не ранее этого времени, т.е. второй половины 50-х гг. XIII в.

Амфоры XIII в. из слоя пожара Алустона относятся к четырём типам.

I. Особенно многочисленны (как целые, так и фрагментированные) круглодонные сосуды с грушевидным желобчатым туловом, коротким горлом и высоко поднятыми дуговидными ручками (рис.75,1,2,4; 76,1,2). Эти амфоры по херсонесской классификации 1971 г. относятся к *типу 23* (Антонова и др., 1971, с.94), а по типологии 1995 г. – *классу 45* (Романчук и др., 1995, с.73-77). Обычно датируются в широких пределах – XII-XIV вв. (Якобсон, 1979, с.111-112, рис.69, 1, 4). Место их производства носит дискуссионный характер. И.В.Волков считает, что они производились в

¹³⁶А.И.Айбабин критически относится к предполагаемой мной возможности разрушения Эски-Кермена Ногаем в 1278 г., так как об этом умалчивают известные письменные источники (Айбабин, 2014, с.245, 249).

¹³⁷Помимо монеты Феодора III Ласкариса в слое пожара обнаружены и три серебряные монеты Сельджукидов Рума, чеканенные в 1221/2 и 1227/8 гг. от имени султана Ала ад дина Кай Кубада I (1220-1237). Современный исследователь города на плато Эски-Кермен А.И.Айбабин указывает, что при раскопках 2003-2008 и в 2013 гг. в слое пожара найдено 23 византийские и херсоновизантийские монеты V-XIII вв., но среди них относительно уверенно к чеканке от начала XIII в. и до 1260-х гг. можно отнести только две херсоновизантийские бронзовые монеты с монограммой *ρω* диаметром 22 мм (Айбабин, 2014, с.245; Алексеенко, 1996, с.189-190).

Трапезунде, откуда транспортировались в качестве винной тары в разные районы Причерноморья (Волков, 1989, с.91), а Н. Гюнзенин локализует их изготовление в Ганосе (Gunsenin, 1994, с.167-178). Полагаю, что обе точки зрения представляют собой крайние суждения, которым противоречит встречаемая одновременно в слоях пожаров вариабельность не только форм сосудов, но и характер использованной при их изготовлении глиняной массы. Черепок изделий варьируется от кирпично-красного до светло-оранжевого и имеет различные по насыщенности включения частицы слюды, кварца и карбоната. К тому же встречаются и амфоры, изготовленные из каолиновой (белой) глины. Только материалы Алушты по данным признакам позволяют говорить о том, что амфоры *типа 23* или *класса 45* поступали как минимум из 4-5 центров. Хотя не стоит исключать, что при их изготовлении старались имитировать или подражать изделиям одного центра. К тому же следует отметить, что подобные амфоры в слоях XIV в. Алустана встречались исключительно в виде разрозненных обломков. Это указывает на прекращение их поступления на рынок города в конце XIII – начале XIV в.

II. Следующую по численности группу составляют амфоры с вытянутым веретенообразным туловом покрытом частыми бороздками. У них массивные высоко поднятые над валикообразным венчиком ручки. Черепок обычно ярко красный. Встречаются сосуды двух размеров и объёмов: от 1 до 4,5 л (рис.74,1-4; 82). А.Л.Якобсон считал данные амфоры местной формой, так как они за пределами Северного и Западного Причерноморья встречаются редко (Якобсон, 1979, с.111, рис.68, 5-8). Однако в Крыму они были явно привозными и центр их производства не установлен. Время бытования обычно ограничивают XII-XIII вв. (Антонова, и др. 1971, с.93, рис.24).

III. Амфоры с внутренней бугристой поверхностью имеют массивное плоское дно, овальные уплощённые ручки, горло в виде раструба (рис.74,1,5). Поверхность покрыта белым (иногда с зелёным отливом) ангобом. Черепок плотный розово-красный с включением известковых частиц. По этому признаку данные сосуды (*тип 24* по херсонесской

классификации 1971 г. (*Антонова*, и др. 1971, с. 95) и класс 52 по классификации 1995 г. (*Романчук*, и др., 1995, с.83-88) относят к изделиям мастерских Херсонеса XII-XIV вв.. А.Л.Якобсон считал, что за пределами Юго-Западного Крыма данные амфоры не встречаются (*Якобсон*, 1979, с.113). Однако в настоящее время их находки известны на Тамани, где они неизменно сопутствуют находкам амфор II и III типов.

IV. Данный тип амфор встречается крайне редко в слоях XII-XIII вв. и представлен единичными экземплярами (рис.76,6). Видимо, поэтому он не вошёл ни в одну из классификаций Херсонеса. А.Л.Якобсон обратил внимание на наличие данных сосудов и описывал их как амфоры со сравнительно узким, коническим крупнобороздчатым туловом (дно скруглено), с довольно высоким горлом и ручками, нижним концом прикреплёнными к плечикам, верхним – к верхней части горла (*Якобсон*, 1979, с.75, рис.43,16). По характеру желобчатости он определял дату этих амфор в пределах IX-X вв. (*Якобсон*, 1979, с.43). Однако амфоры такого типа встречаются исключительно в слоях XII-XIII вв. Например, они происходят из закрытых комплексов XIII в. крепости Исар-Кая (*Мыц*, 1987, с.240, рис.10,3), Эски-Кермена (*Паршина*, 1979, с.16, рис.36). В Пятницкой церкви в Чернигове (построена в начале XIII в.) такие амфоры были использованы в качестве голосников (*Рыбаков*, 1949, с.77, рис.42). Сосуды этого типа найдены в позднекочевническом (половецком) погребении у с.Шевченко (возле г.Скадовска) (*Черненко* и др., 1967, с. 22,24,25, рис.3,2; *Руткивська*, 1975, с. 438) и в усадьбе второй половины XII – начала XIII в. в Новгороде (*Колчин* и др., 1981, с. 85, рис.40). Единичность находок этих амфор указывает на то, что они были привозными¹³⁸. Амфора из помещения №46 является модификацией сосудов этого типа тех же размеров и пропорций, но только не с заострённым, а вогнутым вовнутрь дном.

¹³⁸В ходе раскопок 2001-2009 гг. в Kadikalesi/Anaia (район Давутлар, к югу от Кушадасы (современная Турция) получена большая коллекция амфор, состоящая из изделий 13 типов. Среди них Синан Мимароглу подобные рассматриваемым амфоры выделяет в *mun Kadikalesi/Anaia Tip 1* (*Mimaroglu*, 2011, с. 78-81, fig.8).

Поливная керамика по составу глиняной массы делится на две большие группы: белоглиняную и красноглиняную. Среди изделий из белой и красной глины, сосуды также различаются по характеру орнаментации, качеству и цвету поливы.

I. Красноглиняная поливная керамика (рис.78; 79).

1. Фрагменты поля и края толстостенной тарелки с ярко красным плотным черепком. Орнамент выполнен широкой линией в виде концентрических кругов, арок и фигурами в виде перекрещенного ромба (рис.79,1). Покрыта по ангобу золотисто-жёлтой поливой. По А.Л.Якобсону относится к 3 группе (Якобсон,1979,с.128-131,рис.80,2), который датировал их XIII-XIV вв.

2. Монохромная поливная посуда с графическим рисунком представлена 4 большими чашами (рис.78,3,4; 79,3,4). Полива прозрачная жёлтая. Рисунок нанесён относительно широкой двурядной гребёнкой. Орнамент в виде волн, концентрических окружностей, прямых линий, образующих крест. По А.Л.Якобсону данные изделия относятся к 5 группе (Якобсон,1979,с.133, рис.83; Голофаст, Рыжов,2003,с.206-207,рис.10). А.И.Романчук на материалах раскопок Портового района Херсонеса предлагает необоснованно широкую дату бытования сосудов данной группы – XIII-XIV вв. (Романчук, 1999, с. 196). Поступление в Крым этих изделий в XIV в. сомнительно. В.Н.Залесская поливные чаши данной группы относит к типу *Зевксипп*, класс I, переходный к классу II и датирует XIII в. (Залесская, 2011,с.158, 160, №337, №341).

3. Красноглиняная поливная чаша, покрытая по ангобу прозрачной поливой с жёлтым оттенком и подглазурной подцветкой рисунка коричневым и зелёным тонами относится по А.Л.Якобсону к 6 группе и датируется XIII в. (Якобсон, 1979,с.133-135, рис. 87,1-3). На поле сосуда из Алустана реконструируется изображение павлина (рис.83).

4. В отдельную группу следует отнести красноглиняное поливное блюдо XIII в. с сюжетной росписью (рис.84). Полива золотисто-жёлтого цвета, нанесена по плотному слою белого ангоба. Рисунок выполнен в технике *сграффито* и резерва. На поле сосуда представлена сцена танца Василия

Дигениса, которому аккомпанирует на струнном музыкальном инструменте его возлюбленная Евдокия – дочь византийского стратига Дуки. Третья фигура сцены представлена юношей одетым в медвежью шкуру (?) (*Адаксина*, 1995, с.188-193).

5. Следующую группу красноглиняных поливных изделий составляют чаши со сложно профилированным краем, по которому в технике резерва и сграффито нанесён врезной орнамент в виде трёхлепесткового цветка размещённого в треугольники. Полива прозрачная с зелёным отливом, нанесена по белому ангобу (рис.79,2).

6. К отдельной группе отнесены две чаши со сложно профилированными с внешней стороны острыми краями, на которых помещён мелкозубчатый орнамент. С внутренней стороны по краю поля штампом выполнены в два ряда косые насечки, а по полю – трёхрядная волнистая линия (рис.78,1,2). Полива прозрачная, светло-зелёная, нанесена по плотному белому ангобу.

II. Из слоя разрушения и пожара XIII в. в Алустоне особое место занимает белоглиняная поливная керамика. По мнению некоторых исследователей, подобные изделия имели ограниченное время существования, так как их производство прекращается в начале XIII в. (*Романчук*, 1982, с.89-113). Данное мнение базировалось на материалах раскопок Константинополя и Коринфа 1940-1950-х гг., где появление подобной керамики относили к XI в., но в основном датировались XII в., потому что их находили с монетами Мануила I (1143-1180) и Алексея III (1195-1203) (*Morgan*, 1942, p. 77, 80; *Stivenson*, 1947, p. 55-56 и др.).

Из помещения №47 цитадели Алустона происходит оригинальная коллекция белоглиняных сосудов с подглазурной росписью зелёной и марганцевой красками, составлявшая 50% (14 сосудов) от всего сервиза (рис.80; 81)¹³⁹. А.Л.Якобсон относил подобные изделия к 9 группе (*Якобсон*, 1979, с.144, 146, рис.92), а Дж.Хейс выделил в специальную категорию

¹³⁹Отдельно от этой группы стоит единичная находка в помещении №47 белоглиняной тарелки с росписью люстром (рис.81,4).

Glazed White Ware IV (*Hayes*, 1992, p. 30-33). Аналогичная керамика хорошо известна по раскопкам в Херсонесе (*Голофаст, Рыжов*, 2003, с. 210-212, рис. 14-16; *Залесская*, 2011, с. 71-84, рис. 72-113) (рис. 29, 2; 43). Несмотря на разнообразие состава глиняного теста (от серо-белого до кремово-розового) и характера росписи (в виде обычных рядов мазков зелёной и марганцевой красками, изображений *листьев, крыльев* и разнообразных *птиц и животных*) обладает сходными чертами форм, орнаментации и практически всегда покрыты прозрачной блестящей поливой.

Материал из пожара и разрушения Алустана следует датировать второй половиной, последней третью XIII в. (в основном это амфоры, красноглиняная и белоглиняная поливная керамика). К тому же они свидетельствует о его идентичности находкам из слоя гибели Херсона, Эски-Кермена, Баклы, Тепе-Кермена, Сугдеи и др. византийских городов Таврики. Несмотря на всю спорность высказываемого мной предположения, наиболее вероятным временем разрушения городов, крепостей, монастырей и сельских поселений поздневизантийской Таврики являются 70-е гг. XIII в., когда в конце 1277 - начале 1278 гг. монголы ведут военные действия на Северном Кавказе, а весной 1278 г. отправляются на завоевание Горного Крыма.

2.8. Основные этапы завоевания Таврики монголами: 1223-1278 гг.

Полученная в ходе исследований реконструкция история Крыма XIII в. выглядят следующим образом. После завоевания крестоносцами в 1204 г. Константинополя бывшие византийские владения в Таврике (Херсон и Климаты Готии, а также Боспор и прибрежная часть Таманского полуострова) переходят под протекторат Трапезундской империи (1204-1461) (*Карпов*, 2001, с. 5-29). Сугдея с сельской округой, состоявшей из 18 селений, предпочла покровительство половцев. Воспользовавшись этим в 1217 г. (?) сельджуки Румского султаната завоёвывают Сугдею (*Мыц*, 1999, с. 179-186; 2001, с. 193-204). Таким образом, сельджукам удалось установить прямую и контролируемую ими связь между двумя важнейшими

причерноморскими портами - Синопом (перешёл в 1214 г. в подчинение Руму от Трапезунда)¹⁴⁰ и Сугдеей.

Во время очередного конфликта с Трапезундом в 1223-1225 гг. сельджуки совершают неудачную попытку захватить Херсон, но были вынуждены ограничиться только опустошением окрестностей города (Богданова, 1985 с.47; Ченцова, 1996, с.173). Сельджукская экспансия в 1217-1225 гг. стимулировала возведение в окрестностях Херсона и Готии целой системы сторожевых крепостей, контролировавших перевалы и проходы в долины Горного Крыма. В это время помимо старых византийских укрепленных городов (*полисм*) на побережье (Алустон, Партенит, Гурзуф, Ялита, Симболон) и в глубинных горных районах (Эски-Кермен, Мангуп, Сциварин, Тепе-Кермен, Кырк-Ор, Бакла) возникают укрепления у селения Фуна, Кермен (на Басмане), Керменчик, Яманташ, Сююрю-Кая, Сандык-Кая, Чоргунский исар, Камара (Аю-Кая западная), Кала-Фатлар, Айя, Сарджик, Исар-Кая (Мердвень), система укреплений на горе Бойка, Учансу-Исар и др. Всего на территории Крымской Готии и Херсакеи (так называлась область Херсона с окрестностями) в XIII в. существует около 40 крепостей (Мыц, 2016, рис.1).

Первое появление монголов на территории полуострова в 1223 г., видимо, не значительно изменило военно-политическую обстановку в регионе. Это нападение нашло отражение в *Синаксаре Сугдеи*, где под 27 января 1223 г. оставлена лаконичная запись: «В этот день пришли первые татары» (Νυσταζοπουλου, 1965, v.8). Более развёрнутую картину представляет в своей *Хронике* современник тех событий Ибн ал-Асир (1160-1233): «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семьями и своим имуществом взобрались на горы, некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую». Рашид ад-Дин по этому поводу дополнительно сообщает: «Уцелевшая часть кипчаков бежала в

¹⁴⁰Синопский вопрос на протяжении нескольких десятилетий являлся «яблоком раздора» между Трапезундом и Сельджуками Рума (Шукуров, 2000, с.177-208).

страну руссов. Монголы зазимовали в той области, которая представляла сплошные луга и поросли. Оттуда они напали на город Судак» (*Тизенгаузен*, 1884, с.26; *Золотая Орда в источниках*, 2003, с.26).

Исследователи по разному трактовали сообщение Ибн ал-Асира (*Смирнов*, 2005, с.55). Одни считали, что при появлении монголов Сугдею покинул сельджукский гарнизон и часть купечества, сев на стоящие в порту корабли, переправились в Синоп. Другие сомневались в такой возможности, т.к. зимой плавание по Чёрному морю может быть сильно осложнено погодными условиями и практически до апреля замирает. Другая группа учёных обращала внимание на то, что сообщение Ибн ал-Асира точно не датировано и могло относиться не к 1223 г., а к более позднему времени. В *Сугдейском синаксаре* под 26 декабря 1238 г.: «В этот день второй раз пришли татары» (*Νυσταζοπουλου*, 1965, σ.120, ν.10).

После завершения западного похода в 1242/3 г. монголы, возглавляемые Бату (1243-1255), возвращаются в причерноморские и приволжские степи. На обширной, завоёванной монголами территории, начинает формироваться новое государство – Улус Джучи, а на левобережье Волги строится столица – Сарай Бату. Установление власти монголов над Юго-Восточной Таврикой фиксируется в *Сугдейском синаксаре* сообщением о завершении 27 апреля 1249 г. переписи взрослого мужского населения Солдаи (*Νυσταζοπουλου*, 1965, σ.120; *Balard.*, 1981, р. 82; *Байер*, 2005, с.204) и принадлежавших ей селений (?). Всего здесь, по-видимому, находилось 8300 домохозяйств (*дымов*), т.е. примерно около 42 тыс. человек (?). О судьбе Херсона и Климатов Готии, а также Боспора в это время нам ничего не известно, но трудно представить, что эти густонаселённые территории остались без внимания монголов. Вполне вероятно, что в 1249 г. *чисельники* и здесь произвели перепись податного населения для сбора дани (*Егоров*, 2009, с.88; *Мыц*, 1991, с.72). Тем более, что для обитателей приморской и горной Таврики данная практика откупа от кочевников в виде выплаты дани была отработана в XI – начале XIII вв. при господстве в степи половецких орд.

Прибывший в Сугдею 21 мая 1253 г. Гильом де Рубрук не застал в городе её архонтов (*капитанов*, как он их называет), которые отбыли в Орду, чтобы лично предстать перед Бату с собранной данью (Рубрук, 1997, с.91). Это сообщение указывает на отсутствие в данное время в Таврике института *баскаков*. Рубрук, покидая полуостров, отмечает, что между Херсоном и Сугдеей расположено 40 крепостей (Рубрук, 1997, с.91; Байер, 2005, с.203), что может свидетельствовать об относительно мирном включении бывших владений Византии в систему подчинения Улусу Джучи¹⁴¹.

В этот период, очевидно, Крымский улус находился ещё в стадии формирования, а его будущий административный центр – Солхат-Кырым – не выделился из поселений Восточного Крыма. Важность местоположения Солхата определялась не столько наличием *яма* – придорожной монгольской почтовой станции, располагавшейся на финальной дистанции степного маршрута (Крамаровский, 2018, с.245-250), сколько близостью к морскому побережью с богатым торговым портом – Сугдеей¹⁴².

Впервые о Кырыме, как поселении, находившемся в дневном переходе от Сугдеи (около 25 км), сообщают послы султана Египта, прибывшие в Таврику в 1263 г. Из сочинения Ибн абд-аз-Захыра узнаём некоторые детали продвижения посольства по территории полуострова к хану Берке (1256-1266): «они взобрались на гору, называемую Судак; [здесь] встретил их правитель этого края в местечке Крым, которое населяют люди различных наций, как то: Кипчаки, Русские, Аланы. Переезд от берега до этой деревни [продолжается] один день. Из Крыма они в один день доехали до степи, где застали начальника десяти тысяч всадников, управлявшего этим краем» (Тизенгаузен, 1884, с.63; Золотая Орда в источниках, 2003, с.45).

¹⁴¹В.Д.Смирнов считал сомнительным сообщение Гильома де Рубрука о том, что до прихода монголов Херсон и Сугдея, а также расположенные между ними 40 замков платили дань половцам (Смирнов, 2005, с.51).

¹⁴²В 70-х гг. XIII в., на расстоянии дневного перехода от Солхата, генуэзцами основана Каффа, которая начинает стремительно развиваться. К середине XIV в. Каффа становится крупнейшим торговым портом Причерноморья.

В 1260-гг. идёт формирование столицы Крымского юрта – города Кырыма/Солхата: в 1263 г. здесь находится наместник хана Берке кипчак Табук, создаётся региональный монетный двор и начинается выпуск (около 1269 г.) монет Менгу-Тимура (1267-1280). Во второй половине XIII в. Крым/Солхат развивается как поликонфессиональный и полиэтничный административный центр региона. В 1287 г. в Солхате происходит первый конфликт между мусульманами и католиками, который прекращается в пользу францисканцев благодаря вмешательству Ногая и Туда-Менгу¹⁴³.

Появление на территории Крыма сельджуков, знаменует проникновение в 1220-х гг. на полуостров ислама и отмечено в письменных источниках возведением первых мечетей (*Измайлов, Усманов, 2009в, с.599-617; Зайцев, 2015, с.103-128*). Мусульманское население Малой Азии приносит с собой новые художественные традиции в культуре, ремесле и строительстве, получившие название *сельджукского стиля* (*Сейдалиев, Халилова, 2014, с.231-242*). Первая волна проникновения сельджукской диаспоры отмечена наличием монет сельджукидов Рума первой половины XIII в., отдельных артефактов из стекла, металла, керамики и единичной находкой свинцовой печати 1249-1258 гг. с изображением двуглавого орла (*Хромов, 2013, с.123-124*). Древнейшая мечеть в Солхате возведена в 1262/63 г., на средства Бей-Хаджи Умара эль-Бухари, но её местоположение раскопками не установлено. В ходе археологических исследований не удалось получить материалов для убедительной датировки купольной мечети в Судаке.

На существование в Крыму до 1260-х гг. влиятельной сельджукской мусульманской общины указывают целенаправленные действия принявшего ислам хана Берке (*Шереметьев, 2013, с.3-8*): 1) в 1265 г. он посылает в

¹⁴³Об этом инциденте сообщает кустодий Каффы францисканец Ладислав, направивший в апреле 1287 г. отчёт генеральному магистру ордена Маттео д'Акваспарта (1287-1289). Ладислав описывает обстоятельства конфликта, возникшего с мусульманами Солхата, не желавших слышать звон колоколов и изгнавших францисканцев из города. Благодаря миссии фрагцисканца брата Моисея в конфликт на стороне миноритов вмешались Тула-Буга и Ногай, позволившие восстановить католическую церковь Солхата. В церемонии возвращения колоколов на прежнее место приняла участие и одна из жён Ногая – Яйлак «выразившая желание принять крещение от настоятеля францисканского монастыря Каффы, брата Стефана» (*Хаутала, 2012, с.38*).

Византию войско; 2) освобождает из византийского плена экс-султана Рума Изз-ад-Дина Кей-Кавуса II; 3) предоставляет для содержания его семьи Судак и Солхат; 4) организовывает женитьбу экс-султана на Урбай-хатуни; 5) позволяет переселиться из Анатолии и Балкан в Крым орде тюрок-сельджуков. Вторая волна заселения сельджуками Крыма оставила глубокий и выразительный след в материальной и духовной культуре обитателей полуострова, особенно архитектуре и эпиграфике.

В 1265 г. в результате похода монголов в Византию из плена был освобождён экс-султан Сельджукидов Рума Иззеддин Кейкаус II (*Шукуров*, 2008, с.89-116). Хан Ак-Орды Берке передал ему в держание Солхат и Сугдею. Вслед за Кейкаусом II в Таврику переселилось около 12 тыс. сельджуков (согласно преданию их возглавлял шейх Сары Салтык), осевших в Юго-Восточном Крыму (*Смирнов*, 2005, с.57-58; *Крамаровский*, 2016, с.62-63)¹⁴⁴. Мотивация предоставления места для поселения очевидна – до прихода монголов данная территория (Сугдея и её окрестности) была завоёвана сельджуками. В качестве дополнительных почётных преференций Иззеддин Кейкаус II должен был жениться на знатной монгольской даме – Урбай-хатуни¹⁴⁵. Весной (не ранее 25 мая?) 1278 г. Иззеддин Кейкаус II умирает¹⁴⁶ и (согласно монгольской традиции) место мужа овдовевшей Урбай-хатуни должен занять его старший сын Масуд. Но Масуд отказывается вступить с вдовой его отца в брачные отношения и со своими детьми бежит из Солхата (?) в Сугдею (?), откуда на корабле отправляется в Южный Понт – земли подчинённые ильхану Абаге (1234-1282), где затем служил Аргуну (1284-1291). Рукн ад-дин-Бейбарс¹⁴⁷ в своей *Летописи*, так

¹⁴⁴О переселении с Балканского полуострова в Крым тюрок-сельджуков (около 1265 г.) рассказывается в историческом сочинении турецкого историка Йазийи-оглу Али составленном примерно в 1424 г. во время правления Мурада II (1421-1451) (*Wittek*, 1952, р.639-667).

¹⁴⁵ Данные сведения сообщает в своём сочинении «История человечества в разные эпохи» Бадр ад-Дин аль-Айни (1360-1451) (*История Казахстана*, 2005, с.357).

¹⁴⁶ М.Г.Крамаровский, со ссылкой на И.М.Миргалиева, высказывает предположение, что Иззеддин Кейкаус был похоронен в районе Перекопского перешейка (Ор-Капу) (*Крамаровский*, 2019, с. 42). После смерти Кейкауса и бегства Масуда со своими сыновьями, часть сельджуков, возглавляемая Сары Салтыком, покинула Крым (1280 г.?) и переселилась обратно в Добруджу.

¹⁴⁷ Скончался в Каире 4 сентября 1325 г.

описывает эти события: «Он (Иззеддин Кейкаус – В.М.) оставался у них [Татар], до тех пор, пока приключилась смерть его в этом году [677-м, 25 мая 1277–13 мая 1279 г.]. Когда он умер, то Менгутемир старался женить сына его, султана Масуда, на жене его, Урбайхатуни, но Масуд отверг это неслыханное предложение ... и ему не было другого спасения от неё, как бегство от неё» (*Тизенгаузен*, 1884, с.103; *Золотая Орда в источниках*, 2003, с.55)¹⁴⁸.

Данный побег, которому, вероятно, способствовали архонты Сугдеи, привёл к катастрофическим последствиям¹⁴⁹. По-видимому, не только сочувствие, но и деятельная помощь побегу Масуда с сыновьями, явилась тем спусковым механизмом, который послужил поводом для разгрома не только Сугдеи, но и других городов, крепостей, поселений и монастырей византийской Таврики, которым до этого времени удавалось относительно мирно уживаться с установившимся на полуострове господством монголов.

Для прояснения военно-политической ситуации, сложившейся в Северном Причерноморье в 70-х гг. XIII в. следует сказать несколько слов. В 1271 г. между Джучидами и Хулагуидами подписывается мирный договор (*Порсин*, 2011, с.21). Бек-темник Ногай, как один из активных сторонников продолжения борьбы за Закавказье получает в управление западную часть улуса Джучи (*Вернадский*, 1997, с.172) и основывает в Исакче свою столицу (*Руссев*, 1999; 2009, с.90-103). В конце 1277 г. монголы на Северном Кавказе ведут войну с аланами и 8 февраля 1278 г. захватывают их столицу укрепленный город Верхний Джулат (Деяков?) (*Кузнецов*, 1984, с.262-263; *Нарожный*, 2009, с.154-161).

После этого на юго-западной периферии Улуса Джучи не завоёванными силой оружия остаются в Таврике только Херсон и Климаты Готии. Данные территории продолжали признавать протекторат Трапезундской империи и

¹⁴⁸ Письменные источники предлагают разные даты смерти Иззеддина Кейкауса II, которые хронологически располагаются между 1278-1280 гг. М.Г.Крамаровский, например, без детализации и ссылок на источники, придерживается даты – 1280 г. (*Крамаровский*, 2019, с.45).

¹⁴⁹ В уже неоднократно цитировавшемся *Сугдейском синаксаре* под 28 мая 1278 г. помещена запись: «В этот день убиты Тикитай Салик и Сугур и все остальные жители Сугдеи татарами» (*Νυσταζοπουλον*, 1965, σ.123).

входили в титул Великих Комнинов под названием *Πυρατειά* (*Pirateia*) (Карпов, 2007, с.194, прим.54). Вероятно, Пиратеей производились выплаты налогов Трапезунду, но с 1243 г. Трапезунд признавал сюзеренитет Хулагуидов. Кроме того, христиане Таврики выплачивали *каноникон* (церковные сборы) Константинопольскому патриарху, которому принадлежали и приходы в районе Ялты. В 1270-е гг. Константинопольскому императору Михаилу VIII Палеологу удалось установить прочные связи и заключить союз с Ногаем. В 1272 г. он выдал замуж за Ногаю свою незаконнорожденную дочь Евфрасинью (*Пахимер*, 1862, с.315-316; *Vasary*, 2005, р. 79-80).

Многовекторная сложность политического положения византийской Таврики 40-70-х гг. XIII в. очевидна: формально она оставалась административной частью Трапезундской империи (Херсон и Климаты Готии), конфессионально подчиняясь церкви Константинополя (епископии Херосна, Готии, Сугдеи и Боспора), принявшей в 1274 г. унию с католиками. Но реальной властью здесь обладали только монголы. Сугдея, Боспор и степная часть полуострова уже с 40-х гг. XIII в. входили в Крымский улус Золотой Орды. Однако, как показывает сообщение от 28 мая 1278 г. *Сугдейского синаксаря* XII-XV вв., это не давало гарантий от нападений, грабежа и убийств мирного населения.

Таким образом, завоевание монголами и включение бывших византийских владений в Таврике, располагавшихся в основном на побережье Чёрного моря и Горном Крыму, в состав земельных владений Улуса Джучи, происходило в три этапа. На первом этапе (20-30-е гг. XIII в.) источники фиксируют два кратковременных набега в 1223 и 1238 гг. на Юго-Восточную Таврику, где располагался богатый торговый город Сугдея. Второй этап (40-60-е гг. XIII в.) знаменателен тем, что *чисельниками* в 1249 г. производится перепись податного населения, вероятно, не только Сугдеи, но и всего полуострова включённого на правах автономии в состав Крымского улуса Золотой Орды. Местная администрация на первых порах (1240-1260-е гг.?)

самостоятельно производит сбор дани и отправляется с ней в Сарай Бату. Третий этап отмечен одной роковой датой - 1278 г. Разгром этого года знаменателен тем, что некоторые города, крепости, монастыри и поселения практически прекратили своё существование (Тепе-Кермен, Эски-Кермен, Исар-Кая, Камара, Кала-Фатлар, Сарджик, Чоргунский исар и др.), а Херсон уже никогда не восстанавливался в прежних пределах. Причём в городах, на территории которых жизнь продолжается, оборонительные сооружения не восстанавливаются ввиду полного тотального господства монголов на территории полуострова.

Не менее пёстрой выглядит и картина завоевания монголами ещё одного крупного византийского центра Юго-Западной Таврики – Кырк-Йера. А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев предлагают особую судьбу для этого города, который они считают столицей крымских алан. По их мнению, город, несмотря на неоднократные погромы в XIII в., в том числе и захват Кырк-Йера в 1299 г. Ногаем, подчинился татарам не ранее 40-х гг. XIV в. при хане Джанибеке (1342-1357) (*Герцен, Могаричев, 2016, с.135-138*). Нет ясности и с датами разрушений Сугдеи, которая, согласно свидетельствам письменных источников, наиболее часто в XIII в. подвергалась нападениям: 1217, 1223, 1238, 1278, 1298 гг. Один из исследователей этого богатого и яркого византийского города, В.В.Майко, сообщает об открытии в портовой части средневековой Сугдеи, в подвальном помещении, закрытого комплекса первой половины XIII в.. При этом автор признаёт, что датировать комплекс и, соответственно, слой пожара в узких хронологических рамках затруднительно (*Майко, 2013, с.69-90*). К тому же Майко не представляет аргументированных объяснений, почему всё-таки он отдаёт предпочтение первой, а не второй половине XIII в.

Некоторые современные исследователи средневековых городов Крыма, следуя историографической традиции, заложенной А.Л.Якобсоном в 50-60-е гг. XX в. (*Якобсон, 1964, с.83*), склонны датировать катастрофический пожар на территории изучаемых памятников 1299 г. и связывать его исключительно

с карательной акцией Ногая (Айбабин, 2003, с.81). Однако этому противоречат не только письменные свидетельства, но и археологический материал с которым не отложились ордынские монеты 80-90-х гг. XIII в. Это не может быть случайностью¹⁵⁰. К тому же за истекшие сорок лет никем из археологов не были представлены в публикациях стратиграфии раскопанных участков обнаруженными в них закрытых комплексов.

Выводы: Археологический контекст Крымского полуострова XIII в. значительно отличается от всех периодов его средневековой истории. Ни одно другое столетие не оставило такого числа закрытых комплексов связанных с драматическими событиями, как это столетие. Территории некоторых византийских городов (Херсона, Эски-Кермена, Сциварина, Тепе-Кермена, Баклы) оказались полностью или частично заброшенными и жизнь на них более не возобновлялась. Историки и археологи на протяжении многих лет пытались установить абсолютные даты череды произошедших в Таврике драматических событий. Но до настоящего времени ими не получены ясные ответы на время и причины катастрофических пожаров, открываемых археологическими раскопками на памятниках.

Степную и предгорную часть полуострова в XII–XIII вв. занимали половцы. Археологическими раскопками выявлено 63 половецких некрополя с мужскими воинскими и женскими захоронениями. В музеях хранится более двух десятков половецких изваяний, устанавливавшихся на территории родовых святилищ. Оседлое население торговало с кочевниками, а также платило дань ханам половецких орд. Предметы торговли и часть дани отлагались в кочевнических захоронениях в виде высокохудожественных изделий и золотых византийских монет.

На протяжении XIII в. Крым являлся местом экспансии Трапезунда, сельджукидов Рума, монголов, генуэзцев и венецианцев. В 1217-1222 гг.

¹⁵⁰ А.И.Айбабин, ведущий на протяжении нескольких лет изучение византийского города на плато Эски-Кермен, отмечает, что при раскопках 2003-2008 и 2013 гг. в позднем слое пожара найдены 23 византийские и херсоно-византийские монеты V-XIII вв., но среди них относительно уверенно к чеканке от начала XIII в. до 1260-х гг. можно отнести только две херсоно-византийские монеты с монограммой *ρω* диаметром 22 мм (Айбабин, 2014,с.245).

сельджуки завоевывают Сугдею, в 1223-1225 гг. пытаются захватить Херсон, но терпят неудачу. Ответной реакцией поздневизантийского населения на нападения сельджуков становится возведение в окрестностях Херсона (*Херсакее*) и Климатах Готии сторожевых укреплений.

Пребывание в Херсоне и Сугдее славянского населения отмечено находками здесь специфических типов гончарной посуды, русских киотных крестов и энколпионов начала XIII в. изготовленных в мастерских Поднепровья. Данные артефакты (наряду с типичной бытовой керамикой, шиферными пряслицами и наличие славянских граффити на амфорах) позволяют говорить о пребывании в поздневизантийской Таврике русского населения, спасавшегося от монгольских погромов в 1230-1240 гг.

Появление на территории Крыма сельджуков, знаменует проникновение в 1220-х гг. на полуостров ислама и отмечено в письменных источниках возведением первых мечетей. Мусульманское население Малой Азии приносит с собой новые художественные традиции в культуре, ремесле и строительстве, получившие название *сельджукского стиля*. Первая волна проникновения сельджукской диаспоры отмечена наличием монет сельджукидов Рума первой половины XIII в., отдельных артефактов из стекла, металла, керамики и единичной находкой свинцовой печати 1249-1258 гг. с изображением двуглавого орла. Древнейшая мечеть в Солхате возведена в 1262/63 г., на средства Бей-Хаджи Умара эль-Бухари, но её местоположение раскопками не установлено. В ходе археологических исследований не удалось получить материалов для убедительной датировки купольной мечети в Судаке.

На существование в Крыму до 1260-х гг. влиятельной сельджукской мусульманской общины указывают целенаправленные действия принявшего ислам хана Берке: 1) в 1265 г. он посылает в Византию войско; 2) освобождает из византийского плена экс-султана Рума Изз-ад-Дина Кей-Кавуса II; 3) предоставляет для содержания его семьи Судак и Солхат; 4) организовывает женитьбу экс-султана на Урбай-хатуни; 5) позволяет

переселиться из Анатолии и Балкан в Крым орде тюрок-сельджуков. Вторая волна заселения сельджуками Крыма оставила глубокий и выразительный след в материальной и духовной культуре обитателей полуострова, особенно архитектуре и эпиграфике.

Завоевание и включение Крыма в состав Улуса Джучи проходит в три этапа: 1) в 1223 и 1238 гг. совершаются кратковременные набеги; 2) в 1249 г. *чисельниками* производится перепись податного населения; 3) в 1278 г. Ногаем завоёвывается бывшая византийская территория (в основном Херсон и Готия). Следы катастрофических разрушений 1278 г. и гибели населения выявлены в ходе археологических раскопок десятков памятников: городов, крепостей, поселений, монастырей (Херсона, Эски-Кермена, Сюйрени, Тепе-Кермена, Баклы, Алустана и др.). Следует отметить обнаружение всего одного кладового комплекса второй половины XIII в. в Херсоне, состоявшего из шести серебряных гривен новгородского типа.

В 1260-гг. идёт формирование столицы Крымского юрта – города Кырыма/Солхата: в 1263 г. здесь находится наместник хана Берке кипчак Табук, создаётся региональный монетный двор и начинается выпуск (около 1269 г.) монет Менгу-Тимура (1267-1280). Во второй половине XIII в. Кырым/Солхат развивается как поликонфессиональный и полиэтничный административный центр региона. В 1287 г. в Солхате происходит первый конфликт между мусульманами и католиками, который прекращается в пользу францисканцев благодаря вмешательству Ногая и Туда-Менгу. Во время гражданской войны в Орде (1298-1300 гг.) 2/3 населения полуострова поддерживает хана Токту, а 1/3 - Ногая.

В 1270-е гг. – берёт начало латинская (генуэзская и венецианская) колонизация полуострова. Генуэзцы приступают к строительству Каффы, а венецианцы обустроиваются в Сугдее, где с 1287 г. находится их консул. Конкурентная борьба между венецианцами и генуэзцами приводит в 1296 г. к их столкновению: венецианская эскадра захватывает Каффу. Конфликт завершается в 1299 г. подписанием мирного договора.

Проблемными для исследователей остаются датировки разрушения памятников Крыма в XIII в., о которых свидетельствуют письменные источники. В современной историографии представлено семь вариантов времени и причин гибели византийского Херсона (от 1223-1225 до 1299 гг.). Однако временной предел, после которого произошло это событие (*terminus post quem*), ограничивается свидетельством 1253 г. Гильома де Рубрука о существовании между Херсоном и Сугдеей 40 крепостей и находками в слоях пожаров Эски-Кермена, Алустана и Южного пригорода Херсона золотых монет никейских императоров Иоанна III Дуки Ватаца (1222-1254) и Фёдора II Ласкариса (1254-1258). На ещё более позднюю дату указывает обнаружение в пожаре XIII в. Херсона и Баклы пулов 1269 г. Туда-Менгу.

В результате катастрофических погромов 1278 г. жизнь в некоторых городах Юго-Западного Крыма замирает. Не возрождается город и на плато Эски-Кермена, который, вероятно, являлся центром митрополии Готии. В 1292 г. епархиальный центр Готии переносится на Бойку («почтенную Пойку»), где на вершине горы Сотеры митрополитом Софронием (?) возводится большой крестовокупольный (?) храм.

После бурных событий XIII в. на полуострове относительно полно сохранилось только два архитектурно-археологических памятника – это купольная мечеть в Судаке и храм Иоанна Предтечи (Св.Георгия) в Керчи. Осуществлённые в 1960-80-х гг. на объектах археологические раскопки оставили спорными датировки, что требует проведения их повторного исследования.

Глава III.

КРЫМСКИЙ ЮРТ УЛУСА ДЖУЧИ, ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ, ХЕРСОН И ГОТИЯ В XIV ВЕКЕ

Археологический контекст событий XIV в. принципиально отличается от характера культурных отложений XIII и XV вв. Если эти два столетия оставили многочисленные следы тотальных пожаров и разрушений, то XIV в. представлен исключительно локальными пожарами, касающимися в городах и селениях отдельных строений (Херсон, Чембало, Луста и др.). Причём большинство из них вскоре было восстановлено, в то время как в XIII и XV вв. обитатели поселений далеко не всегда возвращались на пепелища и они сохранились до наших дней в виде закрытых комплексов. Но зато XIII и XV столетия не оставили столь значительных кладовых и погребальных комплексов, как XIV в. Наиболее яркими примерами являются серебряный с позолотой сельджукский пояс из могилы №481 Большой базилики Мангуца, а также три крупных клада: Симферопольский, Нейзацкий и Алуштинский. Все эти клады явно связаны с драматическим завершением судеб золотоордынской аристократии Крымского улуса времени *Великой Замятни* 60-80-х гг. XIV в. Знаковой находкой в составе Симферопольского клада является серебряная пайцза хана Кильдибека (1361-1362).

С XIV в. до наших дней сохранились особенно значительные комплексы культовой и оборонительной архитектуры в Солхате, Каффе, Сугдее, Чембало и др. В результате их исследования получен важный для датировки археологический материал. Ещё одной особенностью крымской археологии XIV в. является открытие и изучение на широкой площади целого ряда сельских поселений (Эски-Юрт, Криनियाки II, Байбуга, Бурульча и др.).

3.1. Города Крыма в XIV в.

Вторую половину - конец XIII в. можно назвать временем кризиса городов Крыма. Часть из них была разрушена монголами и они не возродились в прежних пределах (Херсон, Эски-Кермен, Бакла, Тепе-Кермен и др.). Первая половина XIV столетия стала периодом быстрого роста двух

новых городских центров - золотоордынского Солхата-Кырыма и генуэзской Каффы. Хотя оба города пострадали от погромов в конце XIII в., но их возрождение стало стремительным, что отмечено письменными источниками, данными картографии, а также материалами архитектурно-археологических исследований. В тени этих двух новых административных центров формируется столица будущего княжества Феодоро. Только в 1360-х гг. о Феодоро появляются первые упоминания, но этот город, как и Юго-Западный регион полуострова, полностью находится в подчинении Солхата.

В первой половине XIV в. наиболее динамично развивающимся городом полуострова становится Солхат (*Крамаровский*, 1989, рис.2; 1997, с.101-106; 2018, с.245-250) (рис.116;117). К концу столетия его территория занимает площадь около 230-240 га (*Бочаров*, 2021, рис.2), а периметр достигает 11,9 км¹⁵¹. Поликонфессиональность и полиэтничность способствует членению жилой застройки на кварталы, в которых отдельно проживали мусульмане, православные, католики, иудеи и армяне (*Крамаровский*, 2009б, с.295-433; *Кирилко*, 2008, с.37-43). Численность населения, вероятно, составляла 10-11 тыс. человек (*Крамаровский*, 1989, с.144). Ибн Батута в 1333 г. отмечает, что Кырым «город большой и красивый» (*Тизенгаузен*, 1884, с.281). Древнейшая мечеть в Солхате возведена в 1262/63 г. на средства, пожертвованные Умар аль-Бухари¹⁵². Из ярких памятников XIV в. до наших дней сохранились караван сарай, мечеть Узбека 1314 г. (*Кемаль*, 1927, с.202-204 *Кирилко*, 2011, с.125-210; 2015а, с.253-276; 2015б, с.509-558), медресе Инджи-бек Хатун – 1332/33 г. (*Кирилко*, 2011, с.125-210)(рис.122,1,2; 123-126) и др. Источники отмечают в 1396 г. текие Тарих-бея, построенное Бай Буглы

¹⁵¹Эвлия Челеби, описывая город сообщает, что «Окружность крепости составляет 17 тысяч шагов». (*Книга путешествия*, 2008, с.162). Эвлия Челеби явно имел ввиду не укрепленную территорию, а площадь городской застройки. Из расчета того, что шаг составляет примерно 0,7 м, то получим расстояние примерно в 11,9 км. Укрепленная стенами территория составляла 6,7 км.

¹⁵²Точное местоположение этого памятника пока не установлено. Однако С.Г.Бочаров предполагает, что наиболее ранняя мечеть была построена возле рынка, что локализует наиболее ранний район застройки мусульманской части города Кырым (*Бочаров*, 2021, с.405, рис.2,5).

Хатун (внучкой Кутлуг-Тимура) (*Сидоренко*,1988, с.116-117; *Крамаровский*, 2010, с.21-26; *Ломакин*, 2015,100-130; *Кирилко*, 2016, с.420-496)¹⁵³.

В XIV в. начинает доминировать исламская община, занимавшая не менее половины городской застройки (*Крамаровский*, 1989, рис.2). В начале 1880-х гг. А.И.Маркевич в Старом Крыму обнаружил плиту из белого мрамора. Сохранившаяся на ней арабская надпись свидетельствовала о восстановлении в 1309 г. мечети Шемсэдина (*Маркевич*, 1892, с.128). Солхат становится центром притяжения мусульманского населения, что нашло отражение в декорации изысканной резьбой архитектурных деталей мечетей (рис.123-126) и погребальных памятников XIII-XIV вв. (*Башикиров*, 1926, с.109-125; 1927, с.122-144; *Айбабина*, 2016, с.510-543; *Усеинов*, 2022, с.94-98). В ходе исследований города и его окрестностей обнаружены надгробия с названиями городов являвшихся в средние века важнейшими центрами суфизма: Бухара, Тебриз, Конья, Эрбиль, Алеппо и др. (*Акчокраклы*, 1927, с.5-17; 1929, с.152-159).

С конца XIII в. Солхат-Кырым становится центром мусульманского паломничества направленного к местам захоронения известных суннитских шейхов Кемаль-Ата (1278 г.) и Чобан-Ата (*Сейдалиев*, 2022, с.250-258). Э.Д.Зиливинская связывает появление в Золотой Орде погребальных памятников типа дюрбе с распространением в исламе суфизма, сильным духовным влиянием суфиев и связанного с ними культа святых (*Зиливинская*, 2014, с.256; *Халит*, 2014, с.243-281). Старокрымской экспедицией Государственного Эрмитажа, начиная с конца 70-х гг. XX в. на территории Солхата исследовано четыре дюрбе (*Крамаровский*, *Сейдалиев*, 2020, с.714-

¹⁵³ Изучение исторической топографии средневекового города позволило С.Г.Бочарову (*Бочаров*,2021,с. 400,411,рис.2) выявить более 60 комплексных памятников. На территории Солхата-Кырыма в настоящее время локализованы остатки крепостного рва (*Бочаров*, 2021, рис.2:42), оборонительное кольцо с каменными крепостными сооружениями и сохранившимися 27 башнями (рис.2:40), отдельным фортификационным узлом с четырьмя башнями, примыкающем к оборонительному кольцу в его западной части (рис.2:41), девять мечетей (рис.2:1-8,25), медресе (рис.2:9), теккие (рис.2:24), восемь армянских церквей (рис.2: 10-17), иудаистский храм (рис.2:18), ханская резиденция (рис.2:19), руины городской бани (рис.2:23), 14 фонтанов, снабжавших водой население (рис.2:26-39), 14 городских кладбищ (рис.2:43-56), каменный мост (рис.2:59), местоположение трёх в крепостных ворот (рис.2:60-62)», городской рынок (рис.:57), торговые ряды (лавки) (рис.2:58) и, предположительно, три каравансарая (рис.2:20-22) (*Бочаров*,2021, рис.2, с.400, 411).

736). Начало изучения мавзолеев было положено в 1925 г. раскопками дюрбе Инджи-бек Хатун (рис.122), которое размещалось в одной из комнат медресе, возведённого на её пожертвования в 1332/33 г. Здесь же было обнаружено и надгробие Инджи-бек Хатун с датой 1371 г. (*Бороздин*, 1926,с.271-301; *Мирас*, 2016, с.244, 266, 314, 325).

К середине XIV столетия важную роль в экономической и духовной жизни Солхата начинает играть армянская община, которой возводятся фонтаны (*Халпахчян*, 1990, с.234-248; *Осипян*, 2011,с.128-148; *Арутюнян*, 2012, с.8-14; *Крамаровский, Теплякова*, 2016, с.107-214; *Бочаров*, 2021,с.121-135, рис.2,26-39), храмы, а в окрестностях города монастыри со скрипториями (*Якобсон*, 1956, с.166-191; *Якобсон, Таманян*, 1990; *Кирилко*, 2008, с.37-43; *Захаров*, 2008, с.440-442, рис.1). Особую известность получает монастырь Сурб Хач (рис.119), возведённый в 1358 г. и сохранившийся до наших дней в 4-5 км к юго-западу от города (*Саргсян, Петросян*, 2008; *Халпахчян*, 2019, с.178-182, 305-330).

В городе функционирует генуэзская фактория (*Крамаровский*,2019,с.40), где, нашла себе приют и община миноритов¹⁵⁴. Важнейшей функцией Солхата, как административного¹⁵⁵ и экономического¹⁵⁶ центра улуса (*Сабитов*, 2011, с.46-63), являлась чеканка монетным двором «Крым» медных пулов, начиная со времени правления Менгу-Тимура (1267-1280) (*Хромов*, 2007, с.4-54)¹⁵⁷.

Сложным периодом в истории Солхата становятся 60-90-е гг. XIV в. (*Григорьев*, 1983, с.9-54; *Крамаровский*, 2003, с.506-532; *История татар*, 2009, с.695-712). В 1363 г., после поражения татар Западного улуса на Синей

¹⁵⁴ С.Г.Бочаров предположительно определяет место расположения руин генуэзского замка (*Бочаров*, 2021, с.411, рис.2, №41), который находился на восточной окраине укреплённой части города.

¹⁵⁵ Ханы Берке (1257-1266) и Менгу-Тимур (1266-1282) всячески стимулировали развитие городских структур в Улусе Джучи (*Бочаров, Масловский*, 2022, с.319-330). Имеемо административные функции в перспективе определяли характер развития поселения. В 1263 г. в Солхате находился наместник хана Берке кипчак Табук (*Тизенгаузен*, 1884, с.54,63).

¹⁵⁶ В экономическую инфраструктуру Солхата, как городского центра, органично вплеталась сельскохозяйственная округа (*Сейдалиев*, 2020, с.219-226).

¹⁵⁷ Интересно отметить появление в середине XIV в. анонимных крымских пулов со стилизованным изображением двуглавого орла (*Хромов*, 2004, с.15-33).

Воде (*Крамаровский, 2003, с.517-518*), Кутлуг-Тимур спешно сооружает вокруг городского ядра оборонительный ров, общая протяжённость которого в 60-х гг. XIV в. составляла 6740 м (*Боcharов, 2021, с.406*). Впервые часть рва удалось исследовать только в 2011 г. В сечении он имеет трапецевидную форму: ширина – 9,20 м, глубина – 3,10 м, ширина дна – 3,10 м. Откос склона рва со стороны города составлял наклон в 45° (*Майко, Куликов, Бейлин, 2013, с.110-116*). Датировку времени сооружения рва косвенно подтверждает единичная находка пула времени правления Джанибека, чеканенного в Сарае-ал-Джедид в 751-761 гг.х. (1350/51 – 1359/60 гг.).

К середине 60-х гг. XIV в. возникает конфликт между Кафрой и Солхатом. Генуэзцы 19 июля 1365 г. захватывают Солдайю, 18 окрестных поселений, а также 11 сёл приморской Готии (*Мыц, 2009, с.41-42*). Мамай выступает на стороне генуэзцев и 23 августа 1365 г. его орда появляется в Крыму (*Саргсян, 2004, с.152*) (рис.115). Кутлуг-Тимур вынужден бежать из Солхата. Сведения о нём прерываются, что может свидетельствовать о его гибели. На сторону Мамаю переходит младший брат Кутлуг-Тимура – Сары-ака (*Селезнёв, 2009, с.158*)¹⁵⁸, который до своей гибели в 1375 г. занимает почётную должность ханского посла в урегулировании отношений с русскими княжествами (*Вернадский, 1997, с.258-261*;). Мамай набирает в своё войско 2000 мужчин из жителей Солхата (?) (*Саргсян, 2004, с.152*).

Повторное появление на полуострове орды Мамаю источники фиксируют в 1374-1375 гг., когда в Приднепровье начался мор. Мамай вступает в конфликт с генуэзцами, возвращает правителю Солхата 18 селений Солдайи и приморскую Готию. После поражения на Куликовом поле (*Селезнёв, 2011, с.162-166*) и неудачной попытки выступить против Тохтамыша, Мамай осенью 1380 г. бежит в Крым, ищет убежища за стенами Каффы, но вскоре

¹⁵⁸Сары-ака или Сары-бек - второй сын наместника Крымского улуса при хане Узбеке – Туглук-Тимура Тулук-Тимура). Впервые о Сарубеке упоминает Ибн Батута (1304-1377), побывавший в Солхате в 1333 г. Вероятно, он упомянут в договоре Бердибека с венецианцами в 1358 г. (*Тизенгаузен, 1884, с.282: Золотая Орда в источниках, 2003, с.127; Селезнёв, 2009, с.158*).

будет убит. Остаётся не решённой проблема обнаружения места погребения Мамаю (Крамаровский, 1996, с.38-41)¹⁵⁹.

В современной литературе также доминирует мнение, что якобы Мамай построил в 1375-1380 гг. крепостные стены Солхата (Григорьев, 2003, с.22-29; 2010, с.107-118). Данное событие связывается с противостоянием Крымского улуса с генуэзской Кафрой (Крамаровский, 2012, с.226-227). Объём строительных работ впечатляет – 6,7 км протяжённость обороны города с несколькими десятками башен. С.Г.Бочаров высказал предположение, что возведение каменной крепости вокруг Солхата связано не с противостоянием с дигурийцами, а с внутренними усобицами в Орде. В таком случае, по его мнению, строительство фортификационных сооружений в городе происходит при поддержке генуэзцев и латинским архитектором по уже выработанной для региона строительной схеме. Этим можно объяснить частые не совпадения в начертании линий крепостного рва и каменной крепости (длина около 6380 м)¹⁶⁰ (Бочаров, 2021, рис.2: 40, 42).

Однако отсутствие публикации стратиграфии и полученного в ходе раскопок археологического материала позволяет усомниться в верности датировки, а значит и суждения как А.П.Григорьева (Григорьев, 2003, с.22-29; 2010, с.107-118), так и М.Г.Крамаровского о том, что каменная крепость в Солхате построена Мамаем (Крамаровский, 2012, с.225-226). К тому же об этом умалчивают письменные источники. Вероятно, стены Солхата возведены после т.н. *Солхатской войны* – 1385-1386 гг., когда победу одержала Генуя и татары (Кутлуг-Буга) вынуждены подписать 12 августа 1387 г. договор с обязательством чеканить качественную монету (Basso, 1994, p.279, doc.27).¹⁶¹ Более вероятным временем строительства стен

¹⁵⁹ Кроме тезисного изложения результатов археологических раскопок предположительного места погребения Мамаю до настоящего времени материалы (в том числе и антропологические данные) остаются не опубликованными.

¹⁶⁰ Как видим, у М.Г.Крамаровского и С.Г.Бочарова протяжённость каменных стен Солхата не совпадает, видимо, из-за применения разных методик подсчёта.

¹⁶¹ Вот фрагмент договора, в котором идёт речь о чеканке монет: «обещал упомянутый господин Кутулбуга, что во все времена своего владычества в Солхате и в других землях, ему подвластных, будет делать монету добрую и в достаточном количестве, причём столь же добрую, как принято было делать в прочие времена его власти» (Пономарёв, 2014, с.206, прим.14)

Солхата может оказаться период после поражения Тохтамыша 18 июня 1391 г. на р.Кундурче (*ПСРЛ*, Т.IX, 2000, с.152; *Тизенгаузен*, 1941,с.167-168; *Золотая Орда в источниках*, 2003, с.347-348; *Сафаргалиев*, 1996, с.414; *Миргалеев*, 2003, с.43 и др.). Войны Тохтамыша с Тамерланом имели трагические последствия для Крымского юрта, о чём более подробно будет сказано ниже.

В экономическую инфраструктуру Солхата, как городского центра, органично вплеталась его сельскохозяйственная округа (*Сейдалиев*, 2020, с.219-226). Начало изучения этого комплекса средневековых поселений было положено в 1920-х гг. (*Акчокраклы*, 2016, 53-65). Особенно важные материалы получены при изучении поселения Отузы (н.Щебетовка), где раскопками 1926 г. открыты надгробия с эпитафиями, указывавшими на высокий статус погребённых, принадлежавших к сельджукской мусульманской общине, переселившейся в Крым из Малой Азии (*Бочаров*, 2015, с.93).

В радиусе 30 км от Солхата выявлено более 20 сельскохозяйственных поселений, располагавшихся на расстоянии 1,5-4,5 км друг от друга. Они формировались в единый очаг Юго-Восточного Крыма на границе со степью, являясь сельской округой Солхата. Ещё два очага золотоордынских поселений выявлены в Центральном (район Карасу-Базара и Ак-Мечети) (*Кирилко, Бочаров, Ситдииков*, 2012,с.53-54) и Юго-Западном Крыму (поселение Эски-Юрт-Кырк-Азизлер и др., ориентированные на Кырк-Йер) (*Герцен, Могаричев*, 1993, с.39-58; *Карлов*, 2010, с.35-77; *Волошинов* и др., 2019, с.211-238). Отдельную группу поселений Юго-Восточного Крыма составляли поселения располагавшиеся вдоль границы с территориями, перешедшими под контроль генуэзской Каффы: Байбуга, Эрико (Аклелез), Кошка-Чокрак, Узун-Сырт (Султановка), Бораколь, Армутлук (Кош), Курбан-Кая (Отузы-3) (*Бочаров*, 2011, с.138). Причём все эти поселения размещались вдоль средневековых дорог (*Бочаров, Яворская*, 2022, с.228-235). Жители сельских поселений исповедывали ислам или придерживались

православия (Орлов, 1979, с.114-129). Современные исследования позволяют прийти к заключению, что сельскохозяйственные округа возникают вместе с золотоордынскими городами, увеличиваются по мере их расцвета и их деятельность затухает при угасания активной городской жизни (Боcharов, Яворская, 2022, с.230).

Некоторые поселения частично исследованы Старокрымской экспедицией Государственного Эрмитажа. Интересные материалы получены в ходе раскопок 1998-2000 гг. поселения Кринички-II (исследовано 375 кв.м), расположенного в 4 км к северу от Солхата/Кырыма. Здесь открыты жилые и хозяйственные комплексы второй половины XIII - конца XV вв. (Крамаровский, Гукин, 2006, с.178,179). В 2001-2008 гг. изучалось ремесленное поселение и некрополь – Бокаташ-II. Это поселение, площадью 2,2 га, расположено в 1,4 км к юго-востоку от средневекового города. Представляло собой специализированный гончарный центр, обеспечивавший городской рынок кухонной и столовой глазурованной посудой (Сейдалиев, 2020, с.219-226). При этом исследователи отмечают поступление керамических изделий из мастерских Солхата в другие золотоордынские города не только Крыма (Чембало, Луста, Херсон, Сугдея, Каффа, но и Приазовья (Азак, Тамань) (Масловский, 2006,с.308-472; 2012,с.192-196; 2019, с.455-490).

В недавнее время строительство дороги «Таврида» стимулировало изучение широкими площадями золотоордынских сельских поселений XIII-XV вв. Например, если на поселении Чокрак-Найман-I (Коваль, 2019,с.87-96) встречены только отдельные находки XIV в., то на поселении Су-Баш-I выявлен некрополь, на котором изучено 1005 погребений второй половины XIII-XVII вв. и на площади 17000 кв.м раскопано 150 жилых и хозяйственных построек (Мастыкова и др., 2019,с.97-116). На поселении Жемчужина-I (площадь раскопа 8190 кв.м) выявлены золотоордынские строения с печами-тандырами XIV в. (Хохлов, Мельников, 2019, с.71-86).

В некоторых случаях археологические раскопки позволили установить характер сельскохозяйственной специализации золотоордынских поселений (*Недашковский, 2009а, с.268-277*). Археоботанические исследования на этих памятниках не проводились, но изучение археозоологического материала с некоторых поселений (Жемчужина-I, Кринички-II, Су-Баш-I, Кырк-Азизлер, Р – III) позволили установить, что их обитателями в основном производились мясные продукты (*Яворская, 2020, с.171-181*). При этом доминировала говядина (более 80%, а иногда достигает 82-89%). Затем следует баранина, составляющая от 5,8 до 8% потребляемого мяса. Конина даёт на памятниках разные показатели – от 2,6% до 10,3%. Минимальное число указывает на редкое использование в пищу свинины – 0,04-0,08%. Доминирование воспроизводства крупного рогатого скота жителями сельских поселений исследователи объясняют большими объёмами экспорта бычьих шкур, отмечаемыми документами латинской морской торговли (*Бочаров, Яворская, 2022, с.231-232*)¹⁶². Набор артефактов, полученных в ходе археологических исследований, показывает, что сельское население Крымского улуса участвовало как во внутреннем обмене произведёнными продуктами и ремесленными изделиями, так и в международной торговле (*Недашковский, 2009б, с.277-287*).

Археологические исследования дают возможность признать, что в конце XIV в. происходит снижение числа ордынских поселений округа Солхата, а это указывает на переживаемый городом упадок. Поселения Кринички-II, Чокрак-Найман-I, Жемчужина-I, в конце XIV в. прекращают своё существование и только поселение Су-Баш-I продолжает функционировать в XV в. (*Бочаров, Яворская, 2022, с.229-230*).

В XIV в. происходит усиление Генуэзской Газарии (*Бочаров, 2019, с.741-770*)(рис.47). Столицей факторий стал город Каффа, достигший могущества

¹⁶²Латинские документы свидетельствуют, что генуэзцы вывозили невыделанные (не дублённые) шкуры (*coii de sale bobum, coia cruda*). Причём активный экспорт этого товара был начат уже в 80-е гг. XIII в. Например, в 1289 г. из Каффы в Геную одновременно вывезена партия шкур весом в 6 т. (*Старокадомская, 1974, с.167*).

к концу столетия (*Balard*, 1973, p.98-123; 1979, p.201-217; *Карпов*, 2017, с.314-362; *Бочаров*, 2021, с.169-192; *Халпахчян*, 1976, с.35-49). Но этот путь был сложным. В 1296 г. город подвергся нападению венецианской эскадры и начал отстраиваться только после подписания в 1299 г. мирного договора. Через несколько лет генуэзцы были вынуждены покинуть полуостров. Альянс Ногая с лигурийцами не остался незамеченным для Токты. В октябре 1307 г. монголы осадили Каффу. Защитники (600 генуэзцев и греков) оборонялись восемь месяцев, но 20 мая 1308 г. были вынуждены, сев на корабли, покинуть подожжённый ими город. Вернуться в Газарию генуэзцы смогли после воцарения в 1313 г. Узбека (*Balard*, 1989, p.110). До настоящего времени в Каффе не выявлены слои пожаров и разрушений 1296 и 1308 гг.

После погромов, учиненных Ногаем в 1278 и 1298/99 гг., жизнь в городах Южного Крыма постепенно возродилась. Большую живучесть проявили поселения на побережье. Херсон, по-прежнему, обозначен на компасных картах и в портоланах XIV в. Археологические исследования показывают, что в XIV в. Херсон отстроился на 1/5 прежней территории и занимал Портовый район города XIII в. Население Херсона в это время не превышало 1 тыс. человек. Его бухта продолжала служить убежищем для кораблей и в XV в. (*Хвальков*, 2011, с.587-594). Правители Крымского улуса зорко следили, чтобы оседлое население не восстанавливало разрушенные монголами крепостные стены городов. Херсонесская община в конце XIII-XIV в. была малочисленной и экономически ослабленной.

В конце XIII – начале XIV в. в Херсоне и его округе появляются латиняне-католики. Свинцовая печать, обнаруженная в окрестностях Балаклавы, содержит имя папы Александра IV (†1264) (*Алексеев*, 1993, с.267-269, 402). О присутствии в Херсонесе в 20-х гг. XIV в. генуэзцев свидетельствует одна редкая находка. В 1895 г. К.К.Косцюшко-

Валюжиничем в районе Карантинной бухты обнаружен фрагмент сосуда¹⁶³ из зелёного стекла с гербом, надписью («Мастер такой-то меня сделал») и датой 1322 г. По мнению Е.А.Яровой герб принадлежит генуэзскому роду Делла Винье (Della Vigne) из Альберго Имперiale (Яровая, 2005а, с.245).

Около 1320 г. францисканскими монахами в Чембало построен монастырь (Тунманн, 1991, с.30). В булле папы Иоанна XXII (1317–1334) от 1333 г. содержатся сведения об основании в Херсоне католического епископства и возведении собора (Богданова, 1986, с.87-97). Раскопками не выявлены руины церкви первой половины XIV в. Видимо, латиняне использовали ранее построенный и восстановленный ими византийский храм. Наиболее вероятно, таким собором являлся т.н. *Храм с Ковчегом* (№19) (рис.8, №19; 51-52; 55).

Неоднократно повторявшиеся погромы города (1345, 1365, 1374/75 гг.) привели к запустению Херсона и его округи. Православная митрополия в XIV в. испытывала трудности со сбором каноникона. С октября 1365 г. управление Херсонской епархией до 1379 г. передаётся митрополиту Готии. В 1370-90-х гг. между митрополитами Херсона и Готии происходили тяжбы за приходы (Бочаров, 2017, с.46-55). В 1396 г. все селения (не менее 20), ранее входившие в состав Херсонской митрополии, перешли под управление митрополита Готии (Кулаковский, 2001, с.188-189; Байер, 1995, с.69; Бочаров, 2017, с.54-55). К этому времени (1395-1396 гг.) в порту Херсона себя чувствовали хозяевами генуэзцы. Они незаконно собирали налоги с венецианских судов, грузивших в Херсоне соль, что вызвало жалобы граждан Республики Св.Марка дожу Генуи (Карнов, 2020, с.40).

В XIII-XV вв. Газарией называли северо-восточную часть Причерноморья, включающую и Крымский п-ов (Бочаров, 2015, с.808-824) (рис.115; 116). Данный рудимент в исторической географии региона был генуэзцами заимствован у византийских писателей. Формировавшаяся в Газарии на протяжении 1270-1470-х гг. система факторий с самого начала была

¹⁶³ Находка хранится в экспозиции Государственного Эрмитажа (ОАК за 1897 г., СПб., 1897, с.92, рис.236).

подчинена строгой регламентации. Управление факториями основывалось на уставах административного центра – г. Каффы (*Ordo di Caffa*). Наиболее ранний устав города датируется 1290 г. Главой фактории являлся консул, всегда назначаемый в Генуе.

На раннем этапе консулы опирались на самоорганизацию граждан республики и городского населения. Народное собрание считалось высшим органом фактории. В 1313 г в Генуе создаётся Оффиция Газарии. После получения от хана Узбека в 1314 г. разрешения вернуться в империю Газарии был разработан и принят (1316 г.) новый устав Каффы (*Balard, 1979, p.200; Бочаров, 2021, с.174-175*). Вводится непропорциональная представительная система, функционировавшая в интересах граждан Генуэзской Республики Св.Георгия. В Каффе создавался Большой совет из 24 человек, избиравший Малый совет (6 членов). С 1363 г. Оффицию Газарии, начинает заменять Оффиция Романии. До конца XIV в. консульство Каффы представляло собой территориальное образование с двойным подчинением. Помимо Генуи консулы были обязаны признавать права сюзеренитета ханов, для чего в Орду посылались регулярные подарки (*exenia*). Подобные подношения составляли до 10% бюджета города. Кроме того, на строительных плитах генуэзцы помещали изображения тамги правящего хана. К 1398 г. Каффа достигла своего могущества и под её управлением с этого времени находились все фактории Генуи расположенные в восточной половине Чёрного моря. Население города являлось пёстрым этнически и конфессионально. Этой пестроте соответствовала и плотная квартальная городская застройка. Особую роль в комерческой жизни фактории после лигурийцев занимала армянская община. До настоящего времени в Феодосии (Каффе) сохранились десятки архитектурных памятников и, прежде всего, храмовых комплексов XIV-XV вв. (рис.118; 120).

Администрации Каффы были подчинены города: Чембало (с 1345 г.), Сугдея (1365 г.), Воспоро (1365?), Тана; консулаты (Копа, Себастополис, Луста, Партенит, Гурзувиум, Ялита), замки (Матрега, Калиера, Тассили,

Симеиз, Иличе) и не менее 40 сельских поселений расположенных на побережье Крыма (Бочаров, 2004, с.186-205; 2005, с.282-294; 2021, с.181-182) (рис.116). В судебной практике консул опирался на своего судебного заместителя (викария), имевшего звание доктора права. Финансовое направление контролировали два массария (казначей, бывшие или будущие консулы). В курии консула и массарии работало шесть скриб (писарей-нотриев) занимавшихся оформлением документов различного рода. Военными вопросами ведали капитаны бурга и антибурга, арсеналом – капитан башни Св.Константина (рис.421-424). За пределами Каффы военно-полицейские функции возлагались на консулов и кастелланов городов, а также на капитана Готии. Наиболее полно административное устройство системы генуэзских факторий Чёрного моря отражено в Уставе Каффы 1449 г. После их перехода под управление Банка Св.Георгия в 1453 г. произошли существенные изменения в компетенции лигурийских администраторов. Повышалась зарплата служащих, срок пребывания официалов на должности увеличился с одного года до двух лет. Консулам давалось больше свободы в занятии коммерцией.

Управление генуэзскими владениями на побережье Готии на протяжении 1370-1420-х гг. дважды подвергалось административному реформированию. Первоначально здесь существует 11 автономных сельских общин и 4 консулата располагавшихся в укреплениях типа замков (Луста, Партенит, Гурзуф, Ялта) (рис.116,3). Остаётся не до конца выясненным время возникновения замка в Симеизе (рис.171,2;172). По-видимому, данное укрепление принадлежало частному лицу, а не коммуне Каффы. В 1429 г. источники отмечают первого капитана Готии (Бочаров, 2004, с.186-205).

В 1339 г. на хана Узбека совершено покушение (Мыц, 2013, с.141-171). Генуэзцы, чутко отреагировав на грядущие политические перемены в Орде, в 1340 г. начали возведение каменной цитадели Каффы (Бочаров, 1998, с.86-89). Строительство продолжалось до 1352 г. Цитадель занимала площадь 11,3 га. Под её защитой (16 башен, 6 ворот и 15 куртин) располагались все

важнейшие учреждения: резиденции консула и епископа, суд, казначейство, магазины, склады ценных товаров, арсенал и проч. (Бочаров, 1998, с.82-117) (рис.405-419). Приход к власти Джанибека сопровождался переменами политического и экономического курса Улуса Джучи. Это стало причиной конфликтов Орды с Генуей и Венецией. Столкновение между латинянами и мусульманами Азака в 1343 г. стало прелюдией их противостояния (Карнов, 2016, с.203-212). Новая цитадель Каффы позволила отразить нападения монголов в 1344 и 1346 гг. (Heyd, 1886, p.195-196; Balard, 1978, p.76). Во время последней осады в войске Джанибека началась эпидемия чумы (Руссев, 1997, с.220-239; Шамильоглу, 2009а, с.686-690; Хайдаров, 2016, с.87-98; 2017, с.164-192; Измайлов, 2018, с.23-46). Вместе с лигурийскими кораблями Чёрная смерть попала в Европу, где свирепствовала до 60-х гг. XIV в. (Топони, 1884, p.144-146; Wheelis, 2002, p.971-975; Келли, 2021, с.14-45).

Политический, экономический и демографический кризис 40-х гг. XIV в., охвативший обширный регион Евразии, привёл к распаду монгольских империй и нарушению международного товарообмена (Карнов, 1994, с.121; 1999, с.220-237). Поиски выхода из сложившейся ситуации стимулировали смену вектора коммерческих интересов генуэзцев в направлении освоения местных рынков. Во второй половине 40-х–80-е гг. XIV в. Генуя добилась права на владение побережьем Газарии (Бочаров, 2004, с.186-205; 2021, с.182).

В ходе вооружённого конфликта с Ордой в 1343–1346 гг. генуэзцы захватили город Симболон (Чембало) (Balard, 1978, p.157)¹⁶⁴. Вместе с Чембало к ним отошла территория от мыса Сарыч до мыса Херсонес, где размещалось 10 сёл с грекоязычным православным населением (рис.116). Лигурийцы начали спешно возводить в Чембало оборонительные сооружения. Весной 1345 г. монголы сожгли город (Formaleoni, 1789, Cap.XXI). В 1345 г. подвергся разгрому и Херсон, на что указывает наличие слоя разрушения этого времени в Портовом квартале. Роль экономического

¹⁶⁴О семантике наименования портового города – Симболон – Чембало – Балаклава см. (Мыц, 2016а, с.63-68).

и военно-политического центра Юго-Западного Крыма перешла к Чембало (рис.175-180). Около 1364 г. в Чембало учреждается католическое епископство (*Карпов*, 2018, с.353). Во второй половине 80-х гг. XIV в., магистраты Каффы выделили средства на новое крепостное строительство в Чембало (рис.175). Источники характеризуют Чембало как значительную по товарообороту факторию, на рынке которой продавались большие партии кож, лён, соль, рыба, зерно, вино, фрукты и овощи, доставляемые из селений, ранее принадлежавших ордынскому наместнику Солхата. На рынок Чембало татарами поставлялись рабы, а латинянами – импортируемый из Европы текстиль. Среди населения доминировали православные греки. Наиболее важной экономической составляющей Чембало были порт и верфи, где строились двухпалубные корабли. Функция порта и центра кораблестроения сохранялась за Чембало–Балаклавой вплоть до XVII в. (*Фоменко*, 2011, с.59). Генуэзцы использовали Балаклавскую бухту в качестве корсарского порта.

Реализации генуэзцами плана территориальных захватов способствовала длительная (1359–1380 гг.) междоусобица в Орде (*История татар*, 2009, с.695-712; *Измайлов*, 2009д, с.695-707). В 1365 г. генуэзцы силой оружия захватывают Солдайю (*Петров*, 1886, с.169-198), побережье Готии и, по-видимому, Воспоро. Именно Воспоро со временем генуэзцы превратят в одну из наиболее сильных крепостей на востоке Газарии (*Боcharов*, 2015, с.126-147) (рис.158-159). Обострение отношений между Солхатом и Каффой привело к длительному военному противостоянию, получившему название *Солхатской войны* (*Basso*, 1991, р.11-26). Генуэзцы в 1383-1386 гг. были вынуждены дополнительно окружить 82 га города второй линией обороны протяжённостью в 5,3 км. В дальнейшем лигурийцы (до 1474 г.) совершенствовали укрепления Каффы, со временем создав третью цепь крепостных стен усиленных башнями, рвом и барбаканами (*Боcharов*, 1998, с.82-117) (рис.420). По площади Каффа вдвое уступала Солхату, но имела более плотную застройку. В ней проживало не менее 30-35 тыс. человек.

Крупным торгово-предпринимательским центром Юго-Восточного Крыма XIII - первой половины XIV в. являлась Солдайя (Судак, Сугдая) (рис.173). С 1249 по 1365 гг. этот город входил в состав Улуса Джучи и с 1270-х гг. являлся главным торговым конкурентом генуэзской Каффы (*Balard, 1992, p.21; Бочаров, 2019, с.749*). Население города было пёстрым этнически и конфессионально, но численно преобладали православные «греки» (*ромей*). Поэтому отношения с быстро усиливавшейся мусульманской общиной Солхата в первой половине XIV в. временами носили враждебный характер. В момент захвата 20 мая 1308 г. татарами Каффы, часть казаков совершила нападение на окрестности Солдаи и ими был убит «Алмацу, сын Самака» (*Могаричев и др., 2009, с.289, №124*).

На протяжении 1320-1330-х гг. последовала целая вереница погромов православных святынь Сугдеи, организованная наместником Крымского Улуса Туглук-Тимуром (*Антонин, 1863, с.597, 611,621; Тизенгаузен, 1884, с.280,281; Селезнёв, 2009, с.187*). Об этом свидетельствуют записи, сделанные на полях *Сугдейского синаксаря*. Например, 8 августа (в воскресенье) 1322 г., *Толактемир* (Туглук-Тимур) и гонец хана Узбека по имени *Караболт*, захватили без боя Сугдаю и «спустили все колокола и сняли (?) иконы и кресты и сомкнули (закрыли?) ворота, и была скорбь, которой никогда прежде не было» (*Могаричев и др., 2009, с.290, №147*). 26 января 1323 г. с царских ворот Сугдаи мусульмане сняли «божественную и священную икону Спасителя нашего Иисуса Христа» (*Могаричев, 2009, с.290, №148*).

О бедственном положении, в котором оказались христиане Сугдаи, свидетельствует письмо папы Иоанна XXII (1316-1334), отправленное в 1323 г. из Авиньона хану Узбеку. Иоанн писал: «мы не можем не огорчиться несчастьем христиан, бедствиями и притеснениями, то с болью услышали мы, что христиане, ещё недавно бывшие в г.Солдае, изгнаны сарацинами из города, что церковные колокола сняты и сами церкви осквернены». Папа просит хана Узбека, чтобы христианам разрешили вернуться в город (*Raynaldi, 1887, p.202-203*).

Следующее нападение отмечено под 25 апреля 1327 г., когда темник Туглук-Тимур в очередной раз захватил Сугдаю и в ней пострадало три церкви: Св.Софии, Св.Стефана и Св.Варвары. При этом, оставивший запись монах, называет Туглук-Тимура *ксилокефалом* (т.е., дубоголовым) (Могаричев и др., 2009, с.291, №153). Запись от 27 декабря 1337 г. сообщает, что по приказу Туглук-Тимура «агаряне сожгли девять из чтимых» икон храма Св.Софии и поэтому «от народной общины» города Сугдаи были подарены этой церкви новые иконы (Могаричев и др., 2009, с.292, №165).

Археологическим подтверждением драматических событий 20-30-х гг. XIV в. является обнаружение в 1964 г. на посаде средневековой Сугдеи клада этого времени (Фронджуло, 1974, с.147, рис.10). Клад найден на глубине 2,5 м. В медном сосуде находилась 21 золотая монета византийских императоров Палеологов: одна Михаила VIII (1261-1282), две Андроника II (1282-1295) и восемнадцать Андроника II и Михаила IX (1295-1320) (Гурулёва, 2004, с.64-67). Кроме того, вместе с монетами в сосуде найден разломанный на две части золотой ордынский браслет с разомкнутыми концами, завершающимися изображениями львиных личин (Фронджуло, 1974, с.147, рис.10).

Свидетельства письменного греческого и археологического источников 20-х гг. XIV в. интересно сопоставить с данными латинских документов этого времени (Хаутала, 2014, с.87-110; 2018, с.76-119). Например, в 1323 г., в послании францисканцев из Каффы в Европу, отмечается соблюдение татарами высокой религиозной терпимости и допускают существование в своих владениях других религий. В том же письме минориты заявляют, что благодаря их деятельности почти треть империи Узбека «приняла свет христианской веры» (Хаутала, 2018, с.87). Однако, как заметил Р.Хаутала, подобные заявления содержат очевидные «преувеличения успехов миссионеров, на что указывала констатация факта, содержащегося в этом же письме, что францисканцы были вынуждены покинуть 22 своих постоянных местопребывания по причине малочисленности братьев» (Хаутала, 2018, с.88).

Ликвидировать конкурентную способность Солдаи генуэзцам удалось только в 1365 г., после её захвата и устроенного лигурийцами погрома торгового населения (*Pistarino*, 1988, p.214). После захвата Солдаи Генуей, её прежняя посредническая торгово-предпринимательская роль в экономической жизни Юго-Восточного Крыма меняется на воспроизводство сельскохозяйственной продукции (*Устав*, 1863, с.781). В 1375 г. Мамай вернул под управление наместника Солхата 18 селений округа Солдаи, но город генуэзцы удержали за собой (*Balard*, 1978, p.161). Военного конфликта между генуэзцами и татарами в этот раз не произошло и с Мамаем был подписан договор о переходе Солдаи под управление Республикой Св.Георгия. Текст этого договора не сохранился, но на него имеются ссылки в более поздних документах договорного характера (*Desimoni*, 1887, p.163).

В 1365 г. генуэзцы начали возводить деревянно-земляные оборонительные сооружения Солдаи. Гора Дженивез-Кая (тюрк. – *Генуэзская скала*) с севера была ограждена рвом и земляным валом с деревянным частоколом (*Бочаров*, 2012, с.114). С 1371 г., под прикрытием деревянно-земляных укреплений, лигурийцы начинают возводить каменные стены и башни (*Skrzinska*, 1928, p.107) (рис.425-426). Город 70-х гг. XIV-70-х гг. XV вв. располагался на территории сложного, изрезанного оврагами и балками микрорельефа, занимая площадь 22,4 га и делился на четыре основные части (*Бочаров*, 2018, с.34; 2020, с.751, рис.8). Наибольшая часть города (12,9 га), получившая название *крепости Св.Креста* (*castrum Sancti Cristi*) (*Устав*, 1863, с.770), располагалась на северном склоне г.Дженивез-Кая. Вершину горы отгораживала крепостная стена (протяженность около 600 м) с тремя башнями, замыкавшая цитадель (0,21 га) с размещавшимся консульским замком с башней-донжоном (рис.429). Циталель, по наименованию донжона, получила название крепости Св.Ильи (*castrum Sancti Elie*) (*Устав*, 1863, с.770; *Лопушинская*, 1991, с.25-27; *Бочаров*, 2016, с.265).

Важнейшим компонентом городской структуры являлась портовая часть Солдайи. Скальный рельеф вынуждал создать в припортовой части сложную оборонительную систему, состоявшую из крепостной стены и башни-донжона (башня Фредерико Астагуэрро 1386 г.), установленных между горами Дженивез-Кая и Палвани-Кая в 80-х гг. XIV в. (*Skrzinska*, 1928, с.112; *Бочаров*, 2017, с.109) (рис.428). Протяженность крепостных сооружений превышала 250 м и защищала наиболее плотно застроенную территорию города площадью 5,7 га.

Перед внешней линией обороны Сугдеи располагалась плотно застроенная пригородная территория (антибург) в 3,6 га. (*Бочаров*, 2019, с.750). В пригороде, помимо жилых и хозяйственных строений, находились церкви с некрополями, баня и керамические мастерские (*Джанов*, 1998, с.82-89). На некотором отдалении были разбиты виноградники, через которые проходили керамические водопроводы, снабжавшие город водой. Важным дополнением исторического ландшафта Сугдеи служили православные монастыри.

Наиболее спорной до настоящего времени является идентификация и датировка Судакской мечети или т.н. *храма с аркадой* (купольного здания) (*Домбровский*, 2005, с.612-620; *Фронджуло*, 2005, с.621-631; *Баранов*, 2005, с.632-653; *Джанов*, 2005, с.654-669; *Ломакин*, 2019, с.566-586). Строение находится в восточной части города. Многие путешественники XVII-XIX вв. оставили упоминания или краткие описания этого памятника. А.Л.Бертье-Делагард полагал, что здание мечети оказалось недостроенным из-за захвата города генуэзцами в 1365 г. (*Бертье-Делагард*, 1918, с.20-23).

Впервые архитектурно-археологическое обследование мечети предпринял в 1927 г. А.А.Фомин, когда к югу от строения удалось обнаружить фрагменты поливных изразцов. У.Боданинский высказал предположение, что эти изразцы использовались для облицовки интерьера мечети (*Фомин*, 1927, с.17). Б.Н.Засыпкин, сопоставив планы мечети Куршум-Джами (г.Старый Крым) и Судакской мечети, пришёл к заключению об их

идентичности и датировал обе постройки концом XIII - началом XIV в. (*Засыпкин, 1927, с.133-139*). А.Ю.Якубовский датировал памятник 1220-ми гг. и связывал его появление с рассказом Ибн-Биби о походе на Судак турок-сельджуков. При этом он высказывал предположение, что сельджуки превратили в мечеть существовавший здесь христианский храм (*Якубовский, 1928, с. 75*).

Археологические раскопки мечети проводились в 1969, 1971 и 1974-1975 гг. М.А.Фронджуло, когда на памятнике было заложено 10 шурфов. Полученные материалы исследователем датированы XIII-XIV вв. Дополнительно памятник изучался в 1986 г. И.А.Барановым (*Фронджуло, 2005, с.621-631; Баранов, 2005, с.632-653*). В ходе раскопок мечети установлено, что первоначальное здание возведено на скальной поверхности и ранее здесь не было других сооружений и погребений. При этом основание минарета и галереи сложено вперевязь с остальными стенами строения.

Мечеть представляет собой прямоугольное здание 14,65 x 10,91 м. В его основе помещено квадратное в плане помещение размером 8,86 x 8,87 м перекрытое сферическим куполом (*Джанов, 2005, с.659-660; Ломакин, 2016, с.359-374*). Следует отметить, что все выполнявшиеся в 1960-1980-х гг. археологические работы выполнялись без детальной фиксации стратиграфии и анализа обнаруженных артефактов. Датировки, предлагавшиеся исследователями, условны и дают только самое общее представление о времени возведения Судакской мечети. Поэтому и в современной литературе продолжает фигурировать археологически не обоснованное мнение, что мечеть возводилась накануне захвата Солдаи генуэзцами в 1365 г. и поэтому осталась недостроенной. В дальнейшем её использовали в качестве христианского (католического) собора или как общественное здание (*Ломакин, 2019, с.566-586*).

Генуэзские источники второй половины XIV в. сообщают о Кырк-Йере. В массарии Каффы 1374 г. упоминается анонимный правитель этого города – dominus Chercharum (*Пономарёв, 2005, с.45,49*). Что собой представлял Кырк-

Йер, как город в XIV в. – не известно (рис.127-130). К 1346 г. в Кырк-Йере обосновывается мусульманская община, о чём свидетельствует фрагмент надписи с датой 746 г.х. (1346 г.) (рис.133) и руины мечети (13,60 x 10,65 м) (рис.131-132), исследованные в 1928-1929 гг. (*Акчокраклы*, 1928, с.158-172). Перестройка мечети относится к 1454/55 гг. и связывается с деятельностью Хаджи Гирея, о чём свидетельствует фрагмент надписи с его именем (рис.134). Как сообщают генуэзские источники Хаджи Гирей в 1449 г. переносит в Кырк-Йер резиденцию и возводит здесь новый дворец (*преториум*).

О городе Феодоро и его правителях во второй половине XIV в. свидетельствуют три эпиграфических (*Малицкий*, 1933, с.3-45) и два нарративных источника. Надпись *турмарха* (тысяцкого)¹⁶⁵ Хуитани 1361/62 г. (рис.166), повествует о восстановлении Феодоро и Пойки (*Малицкий*, 1933, с.9-10). Следующая надпись 1383 (?) г. носит частный характер и сообщает об эпизоде столкновения с татарами (*Виноградов*, 2005, с.434-435; *Мыц*, 2009, с.33). Третий эпиграфический памятник (рис.169,2) свидетельствует об организации строительных работ *гекатонтархом* (сотником) Цицикием (?) во время правления Тохтамыша (*Байер*, 2001, с.189). Хотя надпись может быть датирована в широких пределах – 1380/81 – 1397/98 гг., наиболее вероятным следует считать время 1395/96 – 1397/98 гг., когда Тохтамыш потерпел в 1395 г. поражение от эмира Тимура.

Нарративный источник представлен латинским документом 1382 г. В нём упоминается господин Феодоро по имени *Аффендизи* (?), его брат, внуки, люди и подданные (*Airaldi*, 1974, р.103; *Ganchon, Minghiras*, 2003, р.111-118). Предполагается, что представленное здесь имя или прозвище является искаженным греческим *аффентис* (князь, правитель) или тюркским *эфенди* (*Кизилов*, 2005, с.71).

¹⁶⁵ Должность турмарха Готии существовала в Византийской административной иерархии по меньшей мере с X в. Видимо, и позднее, под властью Орды, этот пост по традиции существовал. Только подчинялся турмарх теперь ордынскому наместнику в Кырыме-Солхате.

Внимание исследователей Мангупа привлекает необычный источник – *Сказание о городе Феодоро*. Это – средневековая поэма, написанная на греческом языке. Её авторство приписывается иеромонаху Матфею. Предположительно сочинение датируется 1396 г. (*Mercati*, 1927, р.385-396; *Байер*, 2001, с.196) Матфей упоминает город, который он увидел полупустым (*Байер*, 2001, с.291-295). Включённая в описание сцена семилетней осады города полками *агарян*, даёт некоторым учёным основание связать повествование с вторжением в 1395 г. на полуостров войск Тамерлана (*Vasiliev*, 1936, р.191; *Герцен*, 2001, с.257-283; 2003, с.562-589). Однако ведущиеся на Мангупе с конца 60-х гг. XX в. раскопки до сих пор не выявили материалов разрушения Феодоро в 1395 г. (*Мыц*, 2015, с.99-124). Нет в Феодоро комплексов этого времени, как, например, открытых раскопками в Азаке (*Масловский*, 2006, с.308-472).

На протяжении 60–90-х гг. XIV в. в тени татаро-генуэзских отношений происходило формирование третьей политической силы на полуострове, известной впоследствии как *княжество Феодоро*. В первом десятилетии XV в. с ней были вынуждены считаться магистраты Каффы, принимая господ Феодоро и их послов, отправляя им подарки. В отличие от малоизученного XIV в., именно XV в. оставил пёструю мозаику документальных и материальных свидетельств, отражающих основные этапы истории государства Феодоро и его правящей элиты.

Город Феодоро занимал горное плато Баба-даг площадью 90 га (рис.220; 221). Доступ на вершину преграждали стены с башнями (общая протяжённость более 6 км) (рис.170). Как уже отмечалось, о строительной истории Феодоро XIV в. свидетельствуют три эпитафических памятника. Однако, видимые сейчас развалины в основном относятся к XV в. Горная фортификация гармонично вписывалась в скальный рельеф и эффектно дополнялась архитектурными доминантами города в виде Большой базилики, дворца правителя, цитадели с донжоном, октагональным храмом, кварталными и монастырскими (в том числе и пещерными) церквями с

яркой фресковой росписью (Могаричев, Ергина, 2019а, с.210-222). Территория плато никогда не заполнялась городской застройкой полностью и жизнь концентрировалась у источников воды. Расцвет Феодоро относится к середине XV в., когда оборонительная система города состояла из цитадели и двух линий крепостных стен с башнями. Численность жителей города, по видимому, не превышала 3-4 тыс., хотя в 1475 г. в Феодоро османы захватили 15 тыс. человек. Население княжества, по мнению исследователей, приближалось к 150-180 тыс¹⁶⁶.

3.2. Крымская Готия в 40-60-х гг. XIV в.

До настоящего времени, единственной работой, в которой на уровне знаний 20-30-х гг. XX в., была предпринята попытка обобщения свидетельств нарративных, эпиграфических источников, освещающих данную тему, является исторический очерк известного византиниста А.А.Васильева (1867-1953). Он помещён в виде пятой главы в монографии учёного (Vasiliev, 1936, p.171-266)¹⁶⁷.

После выхода книги А.А.Васильева в 1937 г. появилась рецензия, подготовленная византинистом В.А.Соловьёвым (Соловьёв, 1937, с.93-104)¹⁶⁸. Два десятилетия назад к этой теме, обратился Х.-Ф.Байер (Байер, 2001). Учёный проделал большую работу по критическому современному анализу источников, использованных в своё время А.А.Васильевым и другими авторами при изучении проблемы пребывания готов в Крыму. По общему признанию сложность объективного освещения истории княжества Феодоро обусловлена малочисленностью и фрагментарностью сохранившихся (опубликованных) письменных источников. Особенно это касается раннего периода Мангупского княжества, о существовании которого в XIII – первой половине XIV в. источники вообще умалчивают. Поэтому в своё время А.А.Васильев был вынужден признать, что «обстоятельства, в

¹⁶⁶ Попытки исследователей решить вопрос о суверенитете княжества Феодоро, позволявшем производить чеканку собственной монеты, так и не увенчались успехом (Чореш, 2013, с.368-380).

¹⁶⁷ Данная глава («Княжество Готия в XIV-XV веках и его падение в 1475 гду») никогда не издавалась на русском языке.

¹⁶⁸ Более подробно о научной практике В.А.Соловьёва см. (Черных, 2009, с.96-108).

которых правители Феодоро провозгласили себя независимыми, покрыты мраком» (*Vasiliev*, 1936, p.179). После выхода статьи Н.В.Малицкого (*Малицкий*, 1933, с.5-45), становится почти общепризнанным суждение, что княжество Феодоро появляется, как независимое государство, игравшее заметную роль в политической жизни причерноморского региона, не ранее второй половины XIV в. Для обоснования этого тезиса А.А.Васильев использовал доступные ему разновременные и разнохарактерные нарративные источники. Во-первых, свидетельство Теодоро Спандуджино¹⁶⁹ о конфликте между византийским императором Андроником III Палеологом (1328-1341) с одной стороны и князем Готии (*principe di Gothia*), болгарами и сербским королем Стефаном с другой. Кроме того, Теодоро писал, что султан Мурад I (1360-1389) заключил союз с болгарами, валахами, готами и императором Константинополя против Венгерского королевства. Баязид I (1389-1402) внимательно следил за распрями, происходившими между правителями христианских государств (*Vasiliev*, 1936, p. 183, прим.1-4; *Байер*, 2001, с.199, прим. 568-570).

По этому поводу Х.-Ф.Байер заметил, что правители Феодоро в XV в. назывались обычно только *domini* или *signori*, но не *principes* или *principi*. Возникает вопрос, означает ли Готия того времени у Спандуджино Молдавию, где Прут был некогда границей между остготами и вестготами, а титулом *principe* обозначен молдавский воевода (*Байер*, 2001, с.199). Наблюдение Х.-Ф.Байера важно тем, что во всех эпизодах, где по Теодоро Спандуджино в политических событиях якобы принимают участие князья Готии, речь идёт именно о Балканах и Подунавье (Сербия, Болгария, Валахия, Венгрия, Византия). Присутствие в этом перечне стран, ещё никак не проявлявшей себя в Газарии Крымской Готии, выглядит очень странно. Тем более, что в своих выводах Спандуджино говорит о князе Готии или Готов как о столь же значительной силе, как сербский король, болгары и валахи (*Vasiliev*, 1936, p. 183). Единственное, что вне внимания Х.-Ф.Байера

¹⁶⁹ Teodoro Spandugino, родился около 1453 г., а после 1538 г. след его теряется.

оказался ещё один активный участник политических событий западно-причерноморского региона 40 - 80-х гг. XIV в. – Добруджанский деспотат (Гюзелев, 1995, с.49-81). Поэтому не стоит исключать, что Теодоро Спандуджино под *principe di Gothia* подразумевал *principe di Gethia* - антикизированный вариант средневекового названия не Молдавского княжества или Валахии, как его зачастую именовали латинские авторы XV в., а Добруджанский деспотат. Именно византийскому титулу деспот больше соответствует латинское *principe* Теодоро Спандуджино.

Во-вторых, свидетельство Мартина Броневского, посла 1578 г. польского короля Стефана Батория (1533-1486) к крымскому хану Мехмеду II Герею (1577-1584). Описывая Балаклаву, Броневский замечает, что «город на высокой горе был выстроен и укреплен генуэзцами, которые не встретив сопротивления, захватили его у надменных, беспечных и ссорящихся между собой греческих князей, владевших тогда этой частью Тавриды» (Броневский, 1867, с.343; *Vasiliev*, 1936, p. 184). Несмотря на то, что польский путешественник не указывает конкретной даты события и явно излагает его так, как слышал от местных греков - в форме предания, - исследователи произвольно, опираясь на сообщение В.А.Формалеони, определили время – 1340-е гг. (*Formaleoni*, 1789, Ch.XXII, p.88-90; *Bruun*, 1866, p.59; *Braun*, 1890, s.27-27, 29; *Vasiliev*, 1936, p.184). Как отмечал В.Д.Смирнов, каффинцы находились тогда в состоянии войны с ханом Джанибеком. Татары чувствовали себя хозяевами всего полуострова и в 1345 г. изгнали генуэзцев из Чембало (Смирнов, 1887, с.126; *Vasiliev*, 1936, p.184). Ни о каких греческих князьях, якобы до 40-х гг. XIV в. владевших византийским Символоном (Чембало) и отнятого у них генуэзцами, имеющиеся источники не сообщают. Умалчивает об этом и В.А.Формалеони, писавший только о нападении на город татар. Больше оснований предполагать, что Мартин Броневский слышал от местных греков предание о борьбе за Чембало, происходившей между генуэзцами и феодоритами уже в 20-30-е гг. XV в., когда реально можно говорить о греческих князьях. В любом случае

сообщение Броневского 1578 г., лишенное каких-либо хронологических данных, невозможно использовать, в качестве достоверного источника, отражающего события 40-х гг. XIV в.

В-третьих, А.А.Васильев, как он отмечает, в связи с предполагаемой независимостью княжества Феодоро в XIV в., обратился к разработкам В.Н.Малицкого, касающихся сражения между татарами и литовцами на Синей Воде в 1362-1363 гг. Поэтому он с большей, чем В.Н.Малицкий, уверенностью писал, что «разгром трёх ханов на Синей Воде относится ко времени Великого князя Ольгерда, т.е. к 60-м гг. XIV в.» (*Vasiliev*, 1936, p.184). Затем исследователь, без какого-либо критического анализа источников, делает произвольное заключение: «Ольгерд выдвинулся на юг и разбил трёх татарских князей: Кадлубука (Кутлубак), Качибя (Хачибя) и Дмитрия». Далее Васильев писал, что с другой стороны, якобы есть данные о том, что при князе Витольде Ольгерд, знатный литовец, разбил на Дону трёх ханов – крымских, киркельских и манлопских татар. Опираясь на некомпетентные вымыслы Шлёцера исследователь делает пространное заключение, что Киркель – это хорошо известный в Крыму город Кырк-Ер, а Манлоп - искаженное Манкуп (Мангуп). Поэтому Васильев пришёл к выводу, что «одним из подчиненных татарам князей, разбитых Ольгердом, был князь Мангупа, т.е. Готии. Если принять во внимание, что несколько источников называет одного из побежденных князей христианским именем Дмитрий, мы можем с основанием заключить, что Дмитрий был христианским князем, князем Монлопа (Мангупа), а иными словами – князем Готии» (*Vasiliev*, 1936, p.184-185).

Как видим, А.А.Васильев не оставил и тени сомнения от осторожных предположений В.Н.Малицкого. В дальнейшем учёные, опираясь на авторитетное мнение А.А.Васильева (часто приписывая его В.Н.Малицкому) столь же категорично писали по этому поводу, не пытаясь разобраться в историографически запутанном вопросе. Поэтому обратимся к данной теме и

попробуем установить, какие все-таки источники позволяют говорить об участии мангупского князя в сражении на Синей Воде?

3.2.1. Битва на Синей Воде 1363 г. в истории и археологии Крыма

После смерти Бирдибека в 1359 г. в Улусе Джучи начался период внутреннего хаоса и феодальных междоусобиц 1360-1380-х гг., финалом которого стал невиданный разгром на Куликовом поле (*Егоров*, 1980, с.174). В течение 20 лет (с 1360 по 1380 гг.) междоусобной войны в Золотой Орде сменилось более двух десятков соперничавших между собой ханов (*Греков*, *Якубовский*, 1950, с.241-243, 277-280, 282-287, 289-293; *Spuler*, 1965. s.112, 120-121, 126-128, 245, 270, 314; *Сафаргалиев*, 1996, с.376; *Мухамадиев*, 1983, с.88-97 и др.). Только в 1361 г. было шесть претендентов на престол – пять ханов и царевич Абдуллах, марионетка Мамая, к которому в 1362/63 гг. отошли земли, расположенные между Днепром и Волгой (*Егоров*, 1980, С.190). В Никоновской летописи события в Орде изложены лаконично, но они достаточно ёмко отражают военно-политические реалии того времени: «И бысть братъ и замятня велиа во Орде. И бысть в них глад великий и замятня многа и нестроение всегдашее и не перестяху межи собою ратующесе и биющесе и кровь проливающе» (*ПСРЛ*, 1897, с.233).

Ослаблением Золотой Орды неприминули воспользоваться государства, располагавшиеся на её окраинах. В это же время (конец 50-х – начало 60-х гг. XIV в.) в Пруто-Днестровском междуречье активно идёт процесс формирования Молдавского государства, что привело в итоге к сокращению территории Орды на западной границе (*Мохов*, 1951, с.121-150; *Параска*, 1981, с.78-83).

Особую роль в изменении военно-политической обстановки в Северо-Западном Причерноморье история отвела Великому княжеству Литовскому и Русскому, которое значительно усилилось при князе Ольгерде (1341-1377). В 1361 г. ему удаётся изгнать из Киева ставленника Орды князя Фёдора (*Івакін*, 1996, с.67). Продвижение на юг влияния Литовско-Русского государства неминуемо должно было привести к столкновению с Ордой. Этот момент

наступил в 1363 г., когда в битве при Синих Водах (ныне р.Синюха, приток Южного Буга) Ольгерд разгромил объединённое войско трёх монгольских нойонов, орды которых кочевали в западной части Улуса Джучи между Днестром и Подунавьем (*ПСРЛ*, 1897, с.233) (рис.115).

Данное событие нашло отражение в исследованиях учёных XIX – первой половины XX вв.(Н.М.Карамзина, Ф.К.Бруна, В.Б.Антоновича, В.Т.Пашуто М.С.Грушевского, М.П.Дашкевича, Н.Молчановского, И.Б.Грекова и др.), что избавляет от необходимости повторения неоднократно сказанного. К тому же на протяжении 1990-2000-х гг. вышла из печати серия работ Ф.М.Шабульдо, посвящённая изучению Синеводской проблемы (*Шабульдо*, 1998, с.5-84; 2013, с.69-89)¹⁷⁰. К этому следует добавить высказанное в качестве оценки события, замечания Г.Ю.Ивакина о том, что в историографии явно недооценено историческое значение Синеводской битвы, длительное время остававшейся в тени Куликовского сражения. Хотя именно в ней впервые в полевом бою потерпели поражение ордынские войска (*Ивакин*, 1996, с.68-69).

Летописи крайне лаконично сообщают об этом сражении, что не позволяет более или менее детально представить подготовку и ход самой битвы. Неизвестна точная дата, место и численность войск, принимавших в ней участие с обеих сторон¹⁷¹. Один из ведущих специалистов по истории битвы на Синей Воде, Ф.М.Шабульдо (1941-2012), в одной из своих последних работ (*Шабульдо*, 2013, с.69-89), отметил, что изучение битвы «усложнилось: теперь оно характеризуется наличием трёх разных способов

¹⁷⁰Ф.М.Шабульдо, А.И.Галенко и некоторые другие авторы придерживаются даты Синеводской битвы – 1362 г. (*Шабульдо*, 2005, с.16; *Галенко*, 2005, с.136-137).

¹⁷¹С 1997 г. близ села Торговица Кировоградская обл.), на правом берегу реки Синюхи ведутся археологические раскопки небольшого золотоордынского города. Здесь открыты руины бани, жилых и хозяйственных построек с тандырами, суфами и канами, керамическая мастерская по производству красноглиняной поливной, обычной бытовой неполивной керамики, сфероконусы и проч. На окраине города открыт некрополь с захоронениями полиэтничного населения. На всех объектах городской застройки выявлены слои пожаров и разрушений сопровождаемые наконечниками стрел. Это указывает на военный характер гибели города. Найдены несколько сотен монет от времени правления Токты (1290-1321), до Кульпы (1359-1360) и Навруза (1360). Находки из раскопок у с.Торговица представлены в экспозиции археологического музея имени Нинель Бокий в Кировограде. Однако до настоящего времени на обнаружено место сражения на Синей Воде 1363 г. (*Козырь*, 2011, с.54-59; *Козир*, *Чорний*, 2012, с. 11-25; *Козырь*, 2014, с.189-198; *Чёрный*, 2015, с.211-221; *Козир*, *Панченко*, 2022, 402-408).

её понимания в соответствии с существующими в историографии тремя историческими концепциями» (*Шабульдо*, 2013, с.69-89). Предложив своё видение решения синеводской проблемы и совершая детальные историографические экскурсии, исследователь избегал рассмотрения крымского контекста событий 1362-1363 гг. Вместе с тем в европейской историографии, с момента публикации работы И.Э.Тунманна «Крымское ханство» (1787 г.) рассматривался вопрос похода литовских войск к устью Дона и в Крым. Данный аспект нашёл отражение и работах Ф.М.Шабульдо под названием второго похода Ольгерда к Азаку, хотя он всегда был лишён конкретики, а главное – даты события, которая могла бы относиться к началу 60-х гг. XIV в. Важность данной темы отмечено рядом современных украинских исследователей (*Козырь*, 2011, с.54-59; 2014, с.189-198; *Печенюк, Соколюк*, 2014, с.107-114).

Разгром Ольгердом в 1363 г. трёх татарских беков на Синеи Воде получил своеобразное отражение в историографии средневекового Крыма. Множественность и разнообразие высказанных, но слабо аргументированных мнений, привели к большой путанице, а иногда и просто абсурдности суждений, пытающихся сохранить за собой право на существование и в современной литературе. Поэтому и возникла необходимость ещё раз обратиться к данному вопросу, чтобы попытаться отделить исторические факты от историографического вымысла.

Приведём свидетельства трёх источников, в которых нашли отражение интересующие нас события 60-х гг. XIV в. Густынская летопись (XVII в.) под 6870 г. (=1362 г.) сообщает о том, что: «В сие лето Олгерд победи трёх царков Татарских из ордами их, си ест Котлубаха, Качбея, Дмитра; и оттоли от Подоля изгна власть татарскую» (*ПСРЛ*, 1843, с.350). В Никоновской летописи (XVI-XVII вв.) поход Ольгерда на татар датирован 6871 г. (=1363 г.): «Того же лета князь великий Ольгерд Гедиминович Синюю воду и Белобережье повоева» (*ПСРЛ*, 1897, с.2). Рогожский летописец (около 1396 г.) относит время сражения к осени 1363 г. (=6871 г.): «Тое же осени Олгерд

Синюю Воду и Белобережье повоевал» (*Рогожский летописец*, 2000, с.75, л.291). Предложенная в летописи дата сражения на Синеи Воде была принята некоторыми исследователями (*Грушевский*, 1993, с.83). Данную дату подтверждает одно независимое свидетельство. Продвижение литовской армии после разгрома татар на Синеи Воде к Белобережью, вызвало панику в Крыму. Об этом говорит армянская запись 1363 г. (=812г. арм. эры) сделанная в Солхате писцом Степаносом: «бытует смута возмущения из-за плотских мироправителей, ибо не существует главы-царя, кто установит мир (и), по Господнему слову, не допустит разделения царства, из-за чего начальник этого (Кутлуг-Тимур - В.М.) города [Сулхат] режет яму, роет ров вокруг города, и много домов с основ разваливает, и разруха – неисчислимая, и каждый опасается» (*Саргисян*, 2008, с.152).

О тех же событиях, но без указания даты, повествует и *Хроника Литовская и Жоматийская* (сер. XVIII в.): «князь Олкирд ... побил татаров [на Синеи воде, оубил трёх братьов] татарских князей Хачея, а Колобуга, а Дмитрия; а тыи три браты татарскии, отчичи и дедичи Подолские земли, и заведали от них анаманы; а приезжаючи дани бирали у вотаманов с Подолские земли... вошли в приязнь с отоманы и почали боронити их от татар и дани татарам не почали давати» (*Из Хроники*, 1902, с. 155, л. 72 – 73).

Кроме Густынской и Никоновской летописей, а также Хроники, рассказ о победе Ольгерда над татарами содержится ещё в компиляциях XVI в.: расширенной русско-литовской летописи (так называемой Быховца), где оно датировано 1351 г., и в Кронике (1582 г.) М.Стрыйковского – под 1331 г., но в этих источниках даты явно не соответствуют реально происходившим событиям (*Грушевский*, 1993, с.79-80).

В Никоновской летописи, заметке о походе Ольгерда 1363 г. на татар, предшествует запись: «Того же лета Литва взяша Коршеву» (*ПСРЛ*, 1897, с. 2). В упомянутой летописцем Коршеве некоторые историографы склонны были видеть города средневекового Крыма – Корчев (Керчь) или Корсунь (Херсонес) (*Карамзин*, 1892, с.10-11, прим.12 и др.). М.С.Грушевский,

возражая Н.М.Карамзину, М.П.Дашкевичу и Н.Молчановскому, высказал сомнения по поводу правильности отождествления Коршевы Никоновской летописи с одним из крымских городов и отметил наличие в реестре русских городов «Коршева на Сосне» (*Грушевский, 1993, с.79, прим.2*).

Ф.К.Брун, в 60-е гг. XIX в., пришёл к заключению, что Херсонес не являлся финальным пунктом похода Ольгерда 1363 г., а в Никоновской летописи зафиксировано взятие литовцами Ржева (Коршева, вместо ко *Ржева*) (*Брун, 1871, с.395*). В качестве доказательства того, что «сын Гедимины (Ольгерд – В.М.) никогда не был в Крыму» он ссылаясь на М.Литвина, который якобы умалчивает об этом факте (*Брун, 1871, с.394*). Но в сочинении Михалона Литвина, фрагменте, посвящённом городам Крыма, читаем: «и старый стольный град Корсунь, князь которого крестил народ рутенский и нарёк его христианским, после же он стал добычей нашего народа и был разорён им» (*Михалон Литвин, 1994, с. 63 - 64, фрагм. 1*).

В историографии XVI – XVII вв. легенда о захвате и разрушении Херсона во второй половине XIV в. литовскими войсками получила широкое распространение (*Богданова, 1991, с.11*). Несмотря на весь анахронизм и слабую аргументацию версии событий, данная точка зрения долго имела своих последователей. Например, Н.В.Пятышева, при издании железной половецкой маски XIII в. из Херсонеса (найдена вместе с кладом гривен новгородского типа в слое тотального разрушения города 1278 г. (*Мыц, 1997, с.65-67*) (рис.46,3), попыталась связать это событие, с нашествием литовцев (*Пятышева, 1964, с. 32, прим. 131*). В качестве исторического свидетельства она использовала Прибавление к Ипатьевской летописи, где под 1362 г. сказано: «В сие лето Олгерд победи трёх царков Татарских из ордами их» (*ПСРЛ, 1843, с.350*). Р.Батура, посвятив литовско-ордынским отношениям специальную работу, пришёл к заключению, что упомянутое Михалоном Литвином вторжение литовцев в Крым могло произойти в конце XIV в., во время походов князя Витовта (1392–1430) против татар, а точку зрения

исследователей, полагающих, что такой поход мог состояться в 1363 г., т.е. при Ольгерде, считал недостаточно аргументированной (*Batura, 1975, с. 299*).

В пользу того, что Витовт когда-либо ходил против татар в Крым, свидетельств источников конца XIV в., Батура не приводит. Его предположение основано на местных преданиях и хрониках XVI-XVIII вв. Не содержит об этом сведений и наиболее полный свод документов времени правления Витовта – *Codex Vitoldi*.

И.Э.Тунманн, в своём исследовании истории Крымского ханства, ссылаясь опять же на М.Стрыйковского, писал, что татары в 1331 г. были изгнаны из междуречья Днестра и Днепра литовским князем Ольгердом «или, вернее, в 1396 г. при великом князе Витовте его полководцем Ольгердом» (*Тунманн, 1991, с.51*). Н.М.Карамзин, рассматривая эти события, также взял за основу рассказ Стрыйковского, хотя датировал их по данным летописей: «В 1363 г. он (Ольгерд – В.М.) ходил с войском к Синим Водам, или в Подолию и к устью Днепра, где кочевали три Орды Монгольские; разбив их, гнался за ними до самой Тавриды; опустошил Херсон, умертвил большую часть его жителей, и похитил церковные сокровища: с того времени, как, вероятно, опустел сей древний город, и татары Заднепровские находились в некоторой зависимости от Литвы» (*Карамзин, 1892, с.10-11, прим.12*).

П.И.Кёппен обратил внимание на замечание А.Л.Шлёцера (1735-1809), который в описании подвигов князя Витовта, «под 1396 г. говорит, что посланный им за Волгу (*sic!*) Ольгерд, около Дона разбил выступивших против него ханов Крымского, Киркельского и Монлопского» (*Кёппен, 1837, с.310, прим.488*). Ф.К.Брун, опираясь на свидетельства Тунманна, Гваньини, Длугоша, Туана, Сарницкого, Шлёцера и др., пришёл к заключению, что поход литовцев 1397 г. (*sic!*) был направлен в Крым и «полководец Витольда Ольгерд разбил при Доне в том же году трёх ханов: крымского, киркельского и манлопского». При этом он утверждал: «Нельзя не узнать в этих трёх ханах приведённых выше полководцев: Кутлубуги, Гаджибея и Дмитрия,

тем более, что Синяя Вода, при которой они потерпели поражение, не могла не совпадать с Доном, поелику современные немецкие анналисты, говоря о славной победе, одержанной Дмитрием Ивановичем при сей реке в 1380 г., её-то именно называют Синею Водую» (*Брун*, 1871, с.394-395). Кроме того, Ф.К.Брун, со ссылкой на немецких писателей (продолжателей Дитмара и Руфе), считал, что Витольд лично участвовал в 1396 году в походе против татар, проник до окрестностей Каффы и пленил многих татарских вельмож (*Брун*, 1871, с.395).

Совершенно очевидно, что Ф.К.Брун, в своих историко-топографических заметках следовал в русле конъюнктурных построений И.Э.Тунманна и А.Л.Шлёцера, базировавшихся на компиляции Марциана Кромера (1555 г.). М.С.Грушевский подверг эту точку зрения обстоятельной критике и показал ошибочность попытки объединить исторические сведения о Витовте и Ольгерде, так как именно путаница Кромера привела к появлению Витовтова воеводы Ольгерда (*Грушевский*, 1993, с.456-457).

В связи с публикацией двух надписей из Мангупа, в которых упоминаются Гайтани (Хуитани) (1361/62 г.) и Чичикий (Цицикий)(80-90-е гг. XIV в.), к данному сюжету обратился Н.В.Малицкий (*Малицкий*, 1933, с.5-10). При этом он отмечал, что, если более поздняя надпись с именем Чичикия относится ко времени правления Токтамыша, то в ранней нет указания на какое-либо верховенство татарской администрации. Тогда Н.В.Малицким было высказано предположение (*Малицкий*, 1933, с.11), впоследствии поддержанное другими исследователями (А.Васильев, Т.Тиханова, А.Якобсон), считавшими его вполне аргументированным (*Vasiliev*, 1936, р. 186 - 187; *Тиханова*, 1953, с. 330; *Якобсон*, 1964, с. 123, прим. 140), что, упоминаемый в надписи гекатонтарх Гаитани (Хуитани), имел ещё и христианское имя Дмитрий.

Сравнивая это имя с летописными известиями, повествующими о разгроме Ольгердом на Синеи Воде объединённых войск трёх князей: Хачебея, Кутлубуга и Дмитрия в 1363 г., а также с сообщением А.Л.Шлёцера

о повторном поражении в 1396 г., якобы нанесённом Ольгердом в Подонье ханам Крымскому, Кыркельскому и Манлопскому, исследователи пришли к заключению, что Гаитани (Хуитани) надписи 1361/62 г. и Димитрий, упоминаемый в летописи, - одно лицо (*Малицкий*, 1933, с. 11; *Vasiliev*, 1936, p. 187; *Тиханова*, 1953, с. 330). И если сам Н.В.Малицкий при этом замечал, что «здесь едва ли можно выйти за пределы исторических догадок, поскольку приходится оперировать лишь предположительно установленными фактами» (*Малицкий*, 1933, с.11), то со временем в историографии средневекового Крыма это осторожное предположение приобрело характер аксиомы. С момента открытия надписи 1361/62 г. сотник Гаитани (Хуитани) был силою желания исследователей произведён в князья. Это мнение прочно утвердилось в литературе, посвящённой истории Мангупа (*Латышев*, 1918, с.17-21; *Васильев*, 1927, с.276-277; *Якобсон*, 1953, с.414). А.А.Васильев даже поместил Гаитани (Хуитани) - Димитрия в основание генеалогического древа правителей Феодоро (*Vasiliev*, 1936, p. 282).

В своё время мною была предпринята попытка доказать, что нет никаких оснований отождествлять Гаитани (Хуитани) с князьями Мангупа, как это делали Н.В.Малицкий, А.А.Васильев и другие исследователи и отправлять его в 1363 г. на войну с Ольгердом к Синим Водам (*Мыц*, 1991, с. 180 – 186).

Тем не менее, данный сюжет продолжает звучать в работах ряда современных авторов в тональности, предложенной ещё Ф.К.Бруном, весьма поверхностно воспринимающих корректировку и реконструкцию событий, предложенную Н.В.Малицким. Например, В.Н.Залесская по этому поводу делает заключение, что сравнение имени Св. Димитрия с известием Летописи литовских князей о разгроме Ольгердом татар на Синеи вод и о «поражении трёх князей, Хачебея, Кутлубуга и Димитрия, с данными о разгроме в 1396 г. тем же Ольгердом около Дона ханов крымского, киркельского и монлопского, дало основание считать, что здесь имеется в виду Хуитани-Димитрий, князь Феодоро, который упоминается в надписи из

Мангупской базилики» (*Залесская*, 1993, с.370). В работах А.Г.Герцена и Ю.М.Могаричева, посвящённых истории Кырк-Ора-Чуфут-Кале, читаем: «Первым письменным свидетельством о вхождении Кырк-ора во владения татар является упоминание о битве на Синих водах литовского князя Витовта (sic!), с одной стороны, и ханов Крымского, Манкопского и Киркельского, с другой, закончившейся победой Витовта. Следовательно, в 1363 г. Кырк-ор уже принадлежал татарам и являлся центром одного из уделов Золотой Орды» (*Герцен, Могаричев*, 1993, с.56). Не отличается оригинальностью и пассаж, предлагаемый А.И.Айбабиным: «Рассказ о разгроме литовским князем Ольгердом в 1362/63 или в 1396 г. «трёх ханов Крымских, Киркелианских и Монлопких татар» даёт основание говорить о сохранении зависимости Мангупского князя от татар и во второй половине XIV в.» (*Айбабин*, 2003, с.273).

М.Г.Крамаровский, в своей работе «Джучиды и Крым: XIII-XV вв.» пишет: «сегментация власти в Крымском улусе, ярко отразившаяся в структуре воинских сил ордынцев в сражении с Витовтом (sic!) на Синих водах в 1362/63 г., результат конца эпохи Джанибека-Бирдибека, когда в Крыму утверждается новое политическое образование – княжество Феодоро. Сама же воинская акция, проведенная силами трех крымских эмиров – Солхата, Кырк-йора и Мангупа, скорее свидетельство переоценки» (*Крамаровский*, 2003, с.519), а «защита Крымом ордынских интересов в Подольских землях означала лишь, что налоговые сборы из этого р-на шли через администрацию правого крыла Джучидов. Русский летописец подольстил крымским эмирам (Кутлубуге, Хаджи-бею и Дмитрию), называя их «отчимами и дедичами Подольской земли...», но точно определил их басмаческую сущность. Князя Хаджи-бей и Дмитрий – эмиры Кырк-йора и Мангупа, а многоопытный Кутлубуга – правитель Солхата и Крымского тюмена. Возможно, походный эмир Солхата и Кутлубуга, вступивший в 1381 г. в должность крымского наместника, одно и то же лицо» (*Крамаровский*, 2003, с.519). Этот относительно небольшой пассаж содержит ряд хронологических и

содержательных несуразностей. Во-первых, Витовт (1392-1430), конечно же, не причастен к разгрому ордынских войск на Синих Водах, так как это совершил Ольгерд (1344-1377). Во-вторых, утверждение, что князя Хаджи-бей и Дмитрий – эмиры Кырк-йора и Мангупа, относится к разряду анахронизмов XIX в. и историографических мифологем, потому что Керкерского княжества в составе крымского улуса Джучи никогда не существовало (Смирнов, 2005, с.117-118, 126, 127, 172, 255; Мыц, 2019, с.467-474).

Судьбы участников сражения на Синей Воде, после разгрома в 1363 г., сложились по-разному. Хаджи-бей в 1381 получил ярлык от хана Токтамыша. Последний раз он упоминается (Ф.К.Брун высказал очередное не подтверждённое предположение, что Хаджи-бей погиб в 1396 г. (Брун, 1871, с.395) совместно с Кулубугой в османском источнике 1388 г. По свидетельству турецкого историка XV в. Мехмеда Нишри, Хаджи-бег и Кутлубуга получили от султана Мурада I (1326-1389) предложение принять в 1388 г. участие в походе великого везира Али-паши против Тырновского царства и Добруджанского деспотата. Данное предложение мотивировалось тем, что земли татарских беков в то время всё ещё находились к северу от устья Дуная и граничили с Добруджанским деспотатом (Мехмед Нешири, 1984, с.93; Гюзелев, 1995, с.80)¹⁷².

Кутлубуга не фигурирует, как ошибочно полагали, в 1393 г. (?) в качестве посланника Токтамыша к Ягайле (Григорьев, 1844, с.337). Письменные источники сохранили свидетельства о двух сыновьях Кутлубуги, принимавших активное участие в политической жизни Орды 60 – 90-х гг. XIV в. – Ильясе и Синане. Старшим среди них, по-видимому, был Ильяс. В одной летописной записи под 1365 г. сохранилось свидетельство: «Тое же зимы еда из Литвы [к] весне Ильяс Коултубузин сын был в Тфери» (ПСРЛ, 1863, с.79, л.294). В следующий раз он отмечен в договоре между генуэзцами

¹⁷² Моё внимание на свидетельство турецкого историка Мехмеда Нешири о событиях, произошедших в 1388 г. в Северо-Западном Причерноморье, обратил Н.Д.Руссев, за что я ему искренне признателен.

и татарами (февраль 1381 г.) уже как наместник Солхата. Синан упоминается дважды в Требнике (написан на армянском языке в 1349 г. в Солхате Стефаном) хранившемся в конце XIV в. в армянской церкви Св. Николая в Каменце. На предпоследней странице Требника помещена надпись с латинским переводом, в которой говорится о Синане – сыне Кутлубея (*Dominus Sinan, filius Chutlubei*). Первая запись датирована 15 августа 1394 г., а вторая – 1398 г.

Следует отметить, что после сражения на Синих Водах, ни один источник не отмечает больше каких-либо военных действий между Литвой и татарами, в которых бы участвовали Кутлубуга и Хачибег. Наиболее загадочной фигурой среди участников сражения на Синей Воде является татарский бек *Димитрий*. Христианское звучание его имени явилось причиной длительных споров в научной литературе. Вне внимания современных исследователей средневекового Крыма, даже не попытавшихся проследить судьбу вымышленного князя Феодоро Димитрия после 1363 г., остался тот факт, что *Димитрий* переправился с остатками своей орды через Дунай и поселился в Добруджанской степи и поэтому она была названа ордой Добруджанских татар (*ad Dobrucenses usque campos, a quibus Orda Dobruciorum vocata est*) (*Stanislaus Sarnicius, 1712, с. Col. 1134*). Сведения, почерпнутые Я. Длугошем (1480 г.) из хроники XIV в., вероятно, отражали один из этапов заселения татарами Добруджи (*Гюзелев, 1995, с. 34*).

Г.И. Брэтиану в специальной работе, посвящённой татарскому князю Димитрию, определяет время его правления в пределах 1360 – 1380 гг. После переселения в Добруджу он упоминается в грамоте 1368 г. венгерского короля Лайоша I (1342 – 1382), выданной купцам из Брашова. Им предоставлялись известные привилегии в торговле и *во владениях татарского князя Деметрия* (*Brătianu, 1965, с. 39 – 41*).

Основываясь на данном свидетельстве, можно прийти к заключению, что, по крайней мере, в 1368 г. орда *Димитра* кочевала в Добрудже, занимая территорию, находившуюся под юрисдикцией Лайоша I. Таким образом,

получается, что *мангупский князь Дмитрий* в 1363 г., после поражения, не возвратился в Готию, а переправился через Дунай со своей ордой и кочевал в Добруджанских степях до 1380 г.(?), после чего сведений о нём в источниках уже не отмечается. Становится очевидным, что он к Мангупу (Феодоро) никогда не имел никакого отношения.

Например, Ст.Кучинский полагал, что *князь Дмитрий*, после поражения на Синей Воде, владел какими-то землями на Бырладском плато, Верхнем Пруте и даже на Нижнем Дунае. Его упоминание в грамоте венгерского короля Лайоша I (Людовика Анжуйского), дарованной брашевским купцам в 1368 г., якобы вообще не даёт возможности точно локализовать владения этого князя (*Kuczynski, 1965, s.174-179*). По мнению Ф.М.Шабульдо *Дмитрий был ханом Ямболукской орды* (*Шабульдо, 1987, с.106-107*). Однако, как заметил Л.Войтович, существование этой орды в XIV в. более чем проблематично. К тому же, для данного периода, не зафиксировано ни одного Чингизида-христианина. Поэтому он высказывает предположение, что *подольский князь Дмитрий*, участвовавший на стороне татар в битве на Синей Воде, являлся «вассалом Хаджибея, который держал Подольский улус» (*Войтович, 2006, с.504-505*). Сам же Л.Войтович не может привести каких-либо дополнительных сведений о подольском князе Дмитрие. Поэтому высказывает предположение, что он (Дмитрий) мог являться одним из потомков Болоховских князей. Для дальнейшего заполнения лакуны в родословной этого князя Л.Войтович обращается к одному интересному, но спорному источнику - копии латинской грамоты, обнаруженной в XIX в. архимандритом армяно-католической церкви Минасом Медичи (Бжкянцем). В этом документе говорится: «от великого князя Федора Дмитриевича косогацким армянам. [Те], которые захотят сюда прийти [и] придут мне на помощь, я дам волю на три года, а когда будете подо мною, кто где захочет, там вольно поселится» (*Войтович, 2006, с.505*).

Грамота имела дату 1062 г.. Я.Дашкевич счлал её документом XI в. и предлагал написанное в грамоте *косогацким армянам* читать как *ко*

солхатским армянам (Дашкевич, 1962, с.4-18). В.Микаэлян доказал ошибочность отстаиваемой Я.Дашкевичем даты документа и определял её 1641 г. (Микаэлян, 1965, с.11-18). Л.Войтович, признавая верным время написания документа, установленное В.Микаэляном (1641 г.), делает неожиданный вывод: «При датировке грамоты по армянскому григорианскому календарю (1062 г. приблизительно отвечает 1362 г.) в латинской копии можно было легко допустить ошибку. Князь Федор Дмитриевич мог быть сыном подольского князя Дмитрия, который остался на Подолье после отступления отца с ордынцами после поражения на Синих Водах и послал в Крым свой призыв о помощи перед угрозой наступления Кориятовичей» (Войтович, 2006, с.505). Очевидность конъюнктурной манипуляции датами (XI-XIV-XVII вв.) позволяет оставить реконструкцию генеалогии только предполагаемого Л.Войтовичем *подольского князя Дмитрия*, без дальнейшего критического анализа.

Вызывает также сомнения то, что летописи (а, вероятнее всего, компиляторы XV – XVI в.) достаточно точно озвучили имя третьего участника сражения на Синей Воде. Например, М.Г.Сафаргалиев рядом с именем татарского бека *Дмитрия* ставит знак вопроса, выражая тем самым сомнение по поводу правильности передачи данного антропонима в редакции летописей и компиляций (Сафаргалиев, 1996, с.385). М.Стрийковский называет его *Димейтер-султаном*, изгнанным Ольгердом за Дунай. Данное сообщение цитирует Н.М.Карамзин, а затем повторяет и Ф.К.Брун, но оно исчезает у Н.В.Малицкого и А.А.Васильева. Поэтому позволю высказать предположение, что летописцы при компиляции хроник (в XVI – XVII вв.) исказили тюркское имя *Тимир* (Темир, Тимур, Демир, Дамир?), на близкое по звучанию и понятное христианское имя Димитр. В тюркском языке имя Дамир, Демир, Тимир, Тимур, означающее *железный*, было широко распространено и нашло свое отражение в многочисленных топонимах. В данном случае уместно вспомнить, что и переправа через Дунай у Исакчи называлась Демир-Капу (Хапу) – *Железные ворота*

(Тизенгаузен, 1884, с.117). Исследователи, изучавшие историю кратковременного пребывания на престоле Молдавского княжества Юрия Кориятовича, неоднократно обращались к свидетельству русско-литовской летописи, в которой под 1374 г. сообщается: «Того же лета в [о]сенине (осенью? – В.М.) ходила Литва на татарове, на Темеря и быжешь межи их бой» (ПСРЛ, 1922, вып.1, стб.106). Б.Н.Флоря предлагал видеть в упомянутом летописью *Темере* одного из татарских князей, пытавшихся противодействовать распространению литовского влияния на Молдавию (Флоря, 1980, с.153, прим.39). Этой же концепции придерживается и Л.Войтович, полагающий, что Юрий Кориятович проводил активную политику, вмешиваясь в дела соседней Молдовы. При этом Кориятовичу пришлось столкнуться с противодействием ордынцев, которые продолжали считать его княжество частью Подольского улуса, обязанного платить выход-дань и ордынцы вмешивались в дела соседней Молдовы (Войтович, 2006, с.672). Летописного *Темерю* Л.Войтович определяет, как «Тимур – имя распространенное среди Чингизидов в XIV в.». И поэтому делает предположение, что «один из них держал Подольский улус и пытался расширить своё влияние на Молдову в 1370-х гг., когда там правил господарь Богдан» (Войтович, 2006, с.672).

Трудно согласиться с такой однозначной и политизированной оценкой событий 1374 г., нашедших отражение в летописи. Дело в том, что русские источники в этом году фиксируют сильную засуху («быша зной велицы и жары, а дожди сверху не едина капля не бывала все лето»), эпизоотию («на кони и на коровы и на овцы и на всяки скот был мор велик») и эпидемии, которые затронули, прежде всего, степь («мор...таки и на люди...У Мамаю тогда в орде был мор велик») (Борисенков, Пасецкий, 1988, с.281). Летняя засуха, бескормица, падеж скота, голод и эпидемия 1374 г. заставили Мамаю покинуть ставку (Орду) на среднем Днепре и перекочевать осенью (сентябрь-октябрь) со своей ордой в Крым, где он находился до весны 1375 г. Поэтому больше оснований считать, что засуха вынудила орду Темери (Темирбея,

Темирбега, Демирбея), кочевавшую в Добрудже, переправиться через Дунай и направиться вверх по течению в междуречье Прута и Серета. Продвижение орды в северном направлении побудило Юрия Кориятовича выступить против татар, чтобы заставить Темирбега вернуться за Дунай. Летопись не позволяет детализировать время и место сражения, а также его последствия (Егоров, 1985, с.216).

Таким образом, в современной историографии существует четыре персонажа, которые могут одновременно претендовать на участие с Кутлубугой и Хаджибегом в сражении 1363 г. на Синеи Воде: 1) татарский царек Дмитрий; 2) подольский князь Дмитрий; 3) мангупский князь Дмитрий и 4) Темеря (Тимур, Темирбег, Демирбег). Не трудно заметить, что подольская и мангупская версии основываются на якобы христианском имени татарского царька (или хана) - Дмитрий.

В *Хронике* 1582 г. М.Стрийковского, третий среди татарских князей участник сражения на Синих Водах в 1363 г., назван Димейтер-султаном. В нём ещё только отдаленно можно узнать христианское имя Дмитрий. Однако уже в *Хронике европейской Сарматии* А.Гваньини (последнее издание вышло в 1611 г.) читаем: «Он же (Ольгерд – В.М.) трёх татарских царьков, родных братьев, Кутлубака, Качибея и Дмитра наголову разбил и выгнал прочь с Подолья» (Гваньини, 2007, с.386). При этом следует отметить, что под Подолией А.Гваньини подразумевал чрезмерно обширные территории и поэтому писал, что Подольский край очень большой. Он лежит возле валашской и молдавской границы на юге. На востоке он граничит с рекою Доном, которая у Меотийского озера и Евксинского моря, тянется до перекопских татар (Гваньини, 2007, с.416). Если строго следовать географическим представлениям Гваньини, то в его понимании - *выгнал прочь с Подолья* - должно было означать изгнание татар за Дон, Перекоп или на территорию Валахии и Молдавского княжества.

Автор *Европейской Сарматии*, будучи последовательным апологетом великого князя литовского Витовта, приписывает ему значительные

территориальные приобретения и победы, в тени которых, зачастую, остаются Гедимин и Ольгерд. Например, он с нескрываемой гордостью сообщает: «Во время великого князя литовского Витовта его границы простирались от Чёрного моря и Херсонеса Таврического до заливов балтийского и Курляндского морей, до инфляндских и прусских берегов» (Гваньіні, 2007, с.386). Гваньіні (вслед за Кромером), без тени сомнения, пишет: «Витовт, благодаря своему военному начальнику Альгерду (Algerda), победил три татарские орды и, разгромив их царьков, многих пленил и привёл в Литву» (Гваньіні, 2007, с.327). Подражая летописному стилю повествования, он продолжает: «в 1396 г. Витовт выступил против татар, победил их войско за рекою Волгой, привёл в Литву несколько орд вместе с женами и детьми» (Гваньіні, 2007, с.327). В целом, сочинение А.Гваньіні, наряду с реальными историческими событиями, наполнено вымышленными военными походами и их участниками. В его *Хронике* постоянно ощущается влияние польских авторов XV-XVI вв. Марциана и Йоахима Бельских, Бернарда Ваповского, Яна Длугоша, Марциана Кромера, Мацея Меховского, Бартоша Папроцкого, Мацея Стрийковского и др., хотя он далеко не всегда на них ссылается (Гваньіні, 2007, с.22). Зачастую трудно определить степень «творческой» переработки текстов, заимствованных А.Гваньіні у различных авторов. Однако благодаря многочисленным изданиям (первое появилось в 1578 г.) в типографиях различных европейских городов, труды Гваньіні приобрели необычайную популярность и оказали сильное влияние на историографию XVII-XVIII вв.¹⁷³ В данном случае, важно то, что отмеченное у Гваньіні появление (около 1578 г.) *татарского царька Дмитра*, получило широкое распространение не только в исторической литературе конца XVI-XVIII вв., но и сохраняет свои позиции до наших дней. В связи с этим также остаётся невыясненным вопрос о взаимовлиянии *Хроники* и поздних редакций летописей и хроник. Например, явно близким

¹⁷³ См. об этом более подробно в предисловии к украинскому изданию (Гваньіні, 2007, с.5-33).

по содержанию к *Хронике* А.Гваньини является запись в Густынской летописи, сформированной как свод в XVII в. (*ПСРЛ*, 1843, с.350). Наиболее тенденциозно события 1363 г. представлены в *Хронике Литовской и Жоматийской* (сер.XVIII в.), где говорится, что Ольгерд убил трёх братьев татарских князей Хачея, а Котлубуга, а Дмитрия (*Из Хроники*, 1902, с.155, л.72-73). В то же время сообщение о сражении на Синей Воде в Никоновской летописи (XVI-XVII вв.), явно лишено какой-либо тенденциозности и является самостоятельной версией (*ПСРЛ*, 1897, с.2). Представленный материал позволяет полагать, что появление татарского *царька Дмитрия* в сочинениях польско-литовских авторов (яркий тому пример *Хроника* А.Гваньини) относится к концу XVI в. В дальнейшем это имя прочно закрепляется в историографии за одним из участников сражения 1363 г. на Синей Воде. Только его христианское звучание порождает две откровенно спекулятивные версии. Согласно одной из них - Дмитрий - являлся *подольским* князем, а по второй - *мангупским*. На самом деле, реально никогда не существовало ни татарского *царька Дмитрия*, ни *подольского* или *мангупского* князя Дмитрия. По крайней мере, до настоящего времени не удалось обнаружить ни одного документа указывающего на это. На мой взгляд, наиболее вероятным выглядит предположение, что в свидетельстве русско-литовской летописи 1374 г. в форме *Темеря* (Тимур, Темир, Демир) озвучено тюркское имя татарского бека, принимавшего участие (вместе с Кутлубугой и Хаджибеем) в сражении на Синих Водах. По крайней мере, других реальных претендентов среди татарских беков в данном регионе и в это время мы пока не находим. По-видимому, до 1363 г. орда *Темери* (Демирбея, Темирбея, Тимурбея) кочевала в дельте Дуная в районе Демир-Капу. Впоследствии эту территорию занимала орда Кутлубуги, располагавшаяся здесь не только до прекращения междоусобной войны в Золотой Орде и укрепления в ней власти Тохтамышша (1380 г.), но и в 1388 г. О том, что сравнительно длительное время основным местом кочевки (или зимним стойбищем) орды Кутлубуги являлось

левобережье устья Дуная, указывает сохранившийся здесь ряд гидронимов с его именем: озеро Кутлубуха и р. Кучук-Кутлубуха.

Как известно, зимники Хаджибея находились на побережье в районе современной Одессы (старое название – Хаджи-бей). Интересно также известие 1405 г. литовско-русской летописи по Супрасальскому списку, на которое в свое время обратили внимание Н.Молчановский (*Молчановский*, 1885, с. 180) и В.Н.Малицкий (*Малицкий*, 1933, с. 14, прим. 2), где говорится: «в татарской земле, на месте нарицаемом Чиберча, и ту изымаше ю у святого Николы, а церковь ту поставил некоторый бесурменин именем Хазибивая» (*ПСРЛ*, Т. XVI, с. 51). Можно ли отождествить упоминаемого в летописи Хазибивая с Хаджибегом – сказать трудно, тем более, что точно не локализовано местоположение данного памятника. Предположительно, упоминаемый в летописи топоним *Чиберча*, соответствует современному селению *Чобручи*, расположенному к северу от Белгорода-Днестровского (Монкастро, Четате-Албэ) на берегу реки Днестр (*Агульников*, 1999, с. рис. 1,6). На основании имеющихся материалов можно прийти к заключению, что в начале 60-х гг. XIV в. в междуречье Дуная и Днестра располагались кочевья трёх татарских орд западного улуса, во главе которых стояли беки Кутлубуга, Темирбег и Хаджибег. После поражения, нанесённого им Ольгердом в сражении на Синей Воде в 1363 г., Темирбег со своей ордой ушёл за Дунай в Добруджанские степи, а Кутлубуга и Хаджибег – отошли к морскому побережью, где располагались их стойбища.

В.Л.Егоров, давая оценку политическим событиям начала 60-х гг. XIV в., считал, что монголы, после ряда крупных военных столкновений, вынуждены были навсегда отказаться от обладания западными улусами. При этом он делал оговорку относительно того, что процесс вытеснения Золотой Орды с этой обширной территории происходил в несколько этапов, хронологически укладывавшихся в рамки 60-х гг. XIV в. (*Егоров*, 1985, с. 52). С данным выводом нельзя согласиться по целому ряду причин. Во-первых, сокращение территории западного улуса за счёт перехода части земель под

контроль Молдавии (Пруто-Днестровское междуречье) и Литвы ещё не означал полную их утрату для Орды. В 60 – 80-х гг. XIV в. здесь существует два крупных золотоордынских городских центра (*Руссев, 1999, с. 102 – 123*). Во-вторых, до 1388 г. в дельте Дуная находились кочевья улусбека Кутлубуги. Вероятнее всего, данная территория – междуречье Днепра и Днестра – постепенно переходит под протекторат Литвы только после поражения Токтамыша от Тимура в 1395 г. при Витовте. По крайней мере, в 1395 г. в Северо-Западном Причерноморье, по сообщению Шериф-ад-дина Йезди, находился улус Хурмадая (*Золотая Орда в источниках, 2003, Т.1, с.357*). Имеющиеся источники указывают на то, что ещё в середине 70-х гг. XIV в. с подольских земель собиралась дань для оплаты *выхода в Орду* (*Линовский, 1844, с.512*).

До настоящего времени политические отношения трёх беков (Кутлубуги, Темирбега и Хачибегга) с Мамаем в период междоусобиц в Орде остаются не выясненными (*Русина, 1998, с. 64*). Чеканка в 1364-1367 гг. в столице западного улуса - Шехре ал-Джедид, монет с именем мамаевского хана Абдуллаха, по-видимому, указывает на признание в это время Кутлубугой и Хаджибегом сюзеренитета данного (марионеточного) правителя Орды. Однако затем (1367/68 г.) чеканка монет Абдуллаха в Шехре ал-Джедид прекращается. Некоторое время здесь производится выпуск анонимных пулов с арабской надписью и титулом *эмир* (*Nicolae, 2005, р.30*). Можно также предполагать, что с 1367 г. отношения между Мамаем и группировкой беков западного улуса (Кутлубугой и Хаджибеем) становятся оппозиционно-враждебными. Об этом позволяет судить текст ярлыка, выданного Токтамышем в 1381/82 г. Хаджибегу (*Набиев, 2008, с.101-108*). В нём Кутлубуга упоминается как правитель Крыма, а *Бей Хаджи* получает привилегии «как прежде жалованным тарханным ярлыком Тимур-Пулада» (*Григорьев, 1844, с. 330*). Из чего следует, что Хаджибег ещё в 1367 г. получил подобный тарханный ярлык от сарайского хана Пулад-Тимура (*Егоров, 1980, с. 191*) - одного из противников Мамаея. Этим он снискал

благосклонность Токтамыша, подтвердившего права пользования рядом привилегий племени Шюрюкаль, главой которого и являлся держатель ярлыка Бей Хаджи.

По имеющимся в нашем распоряжении источникам, наибольшую популярность получил Кутлубуга (*Варваровский*, 1999, с. 279; *Селезнёв*, 2009, с.115). Как уже отмечалось выше, он являлся (примерно с 1352/53 г.) правителем западного улуса Золотой Орды при ханах Джанибеке (1343 – 1357) и Бердибеке (1357 – 1359). После начала *замятни* в Улусе Джучи, Кутлубуга кочевал со своей ордой на левобережье Дуная. Это продолжалось до появления в Северном Причерноморье Токтамыша¹⁷⁴. В 1381 г., в договоре с генуэзцами, фигурирует имя Ильяса сына Инака *Cotoloboga*, в то время как, при подписании первоначального соглашения в ноябре 1380 г., был назван ещё сторонник (?) Мамаю или Конак-Бека (*Basso*, 1991, р. 11) *Jharcas Zico* (Яркас Зихо, Черкесс). О том, какое влияние Кутлубуга приобрёл в 80-е гг. XIV в. при Токтамыше, свидетельствуют документы времени Солхатской войны – 1385 – 1387 гг. В них неоднократно, как ключевая политическая фигура, выступает *Cotolbogha*, *Qutlug Voga*, *Cattabogha* (*Basso* 1991, р. 14 – 15). И если Кутлубуга и Хаджибег принимали активное участие в военно-политической жизни Крыма и Северного Причерноморья ещё длительное время после сражения 1363 г., то Темирбег со своей ордой оказался в сфере влияния стран Западного Причерноморья (Венгрии, Болгарии, Добруджи, Валахии, Молдавии). Поэтому можно снять с повестки дня его право на владение Мангупом (Феодоро), как и существование в 60-х гг. XIV в. мангупского князя Димитрия, что пытались много лет доказать исследователи средневекового Крыма.

¹⁷⁴ По данным массарии (бухгалтерской книги казначейства Каффы (вт. пол. 1379 – 11 марта 1381 г.) в это время (до 28 ноября 1380 г.) заместником Солхата при Мамае являлся Сарих (*Пономарёв*, 2000, с. 395, № 157).

3.2.2. Турмарх Хуитани мангупской надписи 1361/62 г.

В 1361/62 гг. ведётся восстановление оборонительных стен Феодоро. Подобные мероприятия осуществляются и в 80-90-х гг. XIV в. Об этом повествуют строительные надписи, найденные на городище в разные годы исследований (*Малицкий*, 1933, с. 5 - 6, 9 - 11). В них также приводятся имена руководителей (организаторов) фортификационных работ: Хуитани (1361/62 г.) и Чичикия (80-90-е гг. XIV в.) (*Малицкий*, 1933, с. 5 - 11). Вероятно, в это время, усилиями городской общины, заново отстраивается ранее существовавшая (в X - XI вв.) первая (внешняя) линия обороны (?) (рис.220;221). Обломок мраморной плиты с упоминанием сотника Чичикия, руководившего организацией и строительством оборонительных сооружений Феодоро при хане Тохтамыше (рис.169,2), был извлечён в 1890 г. Ф.А.Брауном из руин башни Мангупа. Она использовалась вторично в качестве строительного материала при ремонте крепости турками. На ней частично сохранились восемь строк греческой надписи, восстанавливаемых Н.В.Малицким и, с некоторой корректировкой Х.-Ф.Байером (*Малицкий*, 1933, с. 5; *Байер*, 2001, с. 188 - 189)¹⁷⁵ следующим образом: (1)'Εκτ[ισδη ο(?) πυργος(?) εκ][β] (2)|αδρον [..... δια](3)|κοπου [και(?) συνυρομης(?)(4)|Τζιτσικιου(?) [εκα] (5)|-τονταρ[χου]] (6)|επι της βα[σιλειας]](7)|Τοχταμ[υσου или υς [.....] (8)|επι ετους [.....]. С учётом значительных лакун Х.-Ф.Байером восстановлено её смысловое содержание: «Была построена [башня (крепость?) от] основ [через] усилие [и (?) поддержку (?)] Тзитс [....со]тник[а] при ца[рствовании] Тохтам[ыша] в году [...]

¹⁷⁵ В отличие от оригинала Х.-Ф.Байер восьмистрочную надпись выстраивает в семь строк.

2001, с. 189). Так как в самой надписи дата не сохранилась, а есть только упоминание хана Золотой Орды Тохтамыша, то и датировка может быть предложена достаточно широкая – 80 – 90-е гг. XIV в. Но, как известно, Тохтамышу удалось подчинить своей власти Крым не ранее конца 1380 – начала 1381 г., когда от его имени (?) 24 февраля 1381 г. Ильясбей (старший сын Кутлубуги) подписывает договор с генуэзцами. По этому договору Готия, со всем своим народом, освобождалась от империи Татар и переходила под протекторат коммуны Генуи. Дальнейшее развитие событий привело в 1385-1386 гг. к войне между Каффой и Солхатом. В неё, на стороне татар, оказалось втянутым и население прибрежной Готии. В 1386 г. генуэзцы даже были вынуждены послать к берегам Готии вооружённую галеру для приведения к покорности её населения (*Balard, 1978, p. 161*). Столкновения между враждующими сторонами прекратились только весной 1387 г., а 12 августа был подписан договор, подтверждавший все права коммуны Генуи на территорию Готии. В связи с данным контекстом военно-политических событий 1385 – 1387 гг. и следует рассматривать нижнюю дату строительной деятельности в Феодоро сотника Чичикия. Однако трудно представить, чтобы генуэзцы могли реально угрожать городу и горной Готии в 80-е гг. XIV в. Значительно опаснее внешнеполитическая ситуация сложилась после поражения Тохтамыша в 1395 г. Пребывание Тимура на Северном Кавказе до весны 1396 г. и общая дестабилизация обстановки в Орде, могли являться важным стимулом для укрепления Феодоро. Поэтому саму надпись более вероятно датировать примерно этим временем, т.е. - 1395-1397/98 гг.¹⁷⁶. Данная надпись интересна также и тем, что в ней впервые встречается в текстах средневековых лапидарных памятников Крыма упоминание должности сотника – гекатонтарха (ἑκατονταρχου) (*Латышев, 1896, с. 55; Малицкий, 1933, с. 5*), наличие которой, в дальнейшем, отмечено только в генуэзских источниках XV в. Мангупской надписи 1361/62 г., найденной при раскопках базилики в 1913 г., уделено много внимания

¹⁷⁶Х.-Ф.Байер считал, что её можно отнести ко времени между 1381 и 1395 гг. (*Байер, 2001, с. 189*).

(рис.166). В ней впервые звучит название города – Феодоро, давшее впоследствии (в научной литературе) имя небольшому государственному образованию, сформировавшемуся в начале XV в. на территории Горного Крыма (*Мыц*, 1991, с.180 –186; 2009, с.26). Но в понимании её исторического содержания, за истекшие несколько десятилетий, исследователи не продвинулись далее того, что было предложено первоначально Р.Х.Лепером (*Лепер*, 1914, с. 297), а затем Н.В.Малицким (*Малицкий*, 1933, с. 9 – 11). Плита с надписью найдена не *in situ*, а как вторично использованная: она оказалась вставленной в стену позднесредневековой могилы у алтаря Большой базилики (*Лепер*, 1913, с. л. 80). Данная находка представляет собой прямоугольный блок нуммулитового известняка размером 0,49 x 0,33 м. Поверхность камня носит следы огня, от чего произошло расслоение и растрескивание всего блока собранного из нескольких фрагментов и с некоторыми утратами. Судя по всему, пребывание надписи в пожаре предшествует тому времени, когда её использовали для обкладки боковой стены плитовой могилы. На специально выровненной поверхности одной из сторон, в рамке, очерченной острым предметом, помещена восьмистрочная надпись на греческом языке (рис.166). С учётом корректировки Х.-Ф.Байера (кроме даты, заимствованной им у А.Ю.Виноградова) она выглядит следующим образом: (1)Κ(υπι)σ I(ησου)σ [Χ(πιστο)σ] ο Θ(εο)σ ημ[ων][σ]οσει τ[ου]σ δεμε (2)| [λιωσ]α[v]τας τω τιχ(ο). [Ε]κτ(ι)σδε ο πθρ-(3)| γος ου[τος?] της παν(ω)πολεος τε τιμημεωη Πο-(4)|ικας δι[α] β[οη]ιας του Θ(εο)υ και του αγιου Διμ(η)τριου (5)| και σηνδρομι του παντιμωτατου ημω(ν)(6)| Χουιτανη τουρ[αρ]χου πασης τιμης και ο ανα-(7)| καινησμος της Θεωδωρ(ουσ) μετα τον Ποικαν εκτησ-(8)| δ(ης)αν οωου επι ετει ρωο. В переводе Н.В.Малицкого надпись звучит так: «Господи Иисусе Христе боже наш [благослови] основавших [сию] стену; построена эта башня верхнего города почтенной Пойки помощью божей и святого Димитрия попечением всечестнейшего нашего Хуйтани сотника [достойного?] всякой чести и совершено восстановление Феодоро вместе с Пойкой; построены в 6870

году» (т.е. 1361/62 г. от рождества Христова) (*Малицкий*, 1933, с. 9 – 10). До настоящего времени это наиболее раннее из известных упоминаний *Феодоро* (*Малицкий*, 1933, с. 10). Кроме того, здесь также впервые упоминается ещё один топоним – *Пойка*. При первом издании надписи Р.Х.Лепер, высказал предположение, что не встречавшееся в эпиграфических памятниках слово *Пойка* относится к цитадели или её башне, построенных в городе *Феодоро* (*Лепер*, 1914, с. 298). В настоящее время эту идею активно поддерживает А.Г.Герцен, считающий, что данная надпись происходит именно из цитадели Мангуца и свидетельствует о её возведении в 60-е гг. XIV в. (*Герцен*, 1990, с. 146)¹⁷⁷. А.Л.Бертье-Делагард связывал название *Пойка* с оборонительной стеной в балке Табана-Дере (*Бертье-Делагард*, 1918, с.32). Н.И.Репников сделал по этому поводу замечание, указывая, что стены в Табана-Дере перестроены уже в турецкое время (1503 г.) наместником Цулой (*Репников*, 1935, с. 168; *Белый, Соломонник*, 1984, с. 170 – 175)¹⁷⁸.

Ещё одна плита с надписью, в которой упоминалась *Пойка*, была обнаружена в 1890 г. в одной из крепостных башен балки Табана-Дере на Мангупе (совместное обследование А. И. Маркевича и А. Х. Стевена). Она использовалась вторично турками-османами в качестве строительного материала при ремонте и оказалась сильно поврежденной преднамеренно нанесенными на надпись глубокими царапинами. Это не позволило работавшим не с самой надписью, а только с её фотографиями и эстампажами эпиграфистам (В. В. Латышеву и Н. В. Малицкому) полностью восстановить содержащийся на ней текст.

3.2.3. Храм Христа Спасителя почтенной Пойки

А.И.Маркевич, занимаясь изучением географической номенклатуры горного Крыма, отметил, что близкое по звучанию *Пойка* надписи 1361/62 г.

¹⁷⁷Беглый взгляд на проблемы начальной истории Феодоро см. работу А.Г.Герцена 2018 г. (*Герцен*, 2018, 306-307), в которой повторяются ранние высказывания автора.

¹⁷⁸А.Ю.Виноградов переиздал надпись («Построена эта стена во дни местоблюстителя Цула-бега, сына Полета, в 6503 году») и отнёс её к самому концу X в. = 994-995 г. (*Виноградов*, 2009, с.262-271). При этом без объяснения остаётся местоположение надписи X в. в кладке оборонительной стены XV-XVI вв., примыкающей к пещерному монастырю с двумя надписями 1220-х гг.

и Бойка, относящееся к названию горного массива с комплексом слабо изученных памятников, среди которых основное место занимает большая церковь, не является случайностью. Он предположил, что *б*, термина Бойка, в котором *б*, заменило греческое *п*, может послужить ключом к выяснению слова Пойка. Археологические изыскания, проведённые на этом месте, могут «внести новое в наши ещё далеко не полные, начиная с названия, сведения о Мангупе» (Маркевич, 1928, с. 21)¹⁷⁹ Обследование горного массива Бойки (рис.103.А,Б) в 1955-1956 гг. предпринял О.И.Домбровский. Ему удалось обнаружить развалины большого храма возведённого во имя Спасителя (Домбровский приводит размеры храма -27 x 18 м). Об этом памятнике впервые писал В.Х.Кондараки (*Кондараки* 1883, с. 282 – 283), но к его сообщению долгое время относились с недоверием. В 1955-1956 гг. кроме большого храма, были открыты руины длинных стен, загораживающих проходы на Бойку между г. Сотира и Караул-Кая (длина 730 м), Караул-Кая и Кош-Кая (320 м), следы шести поселений, кузнечно-литейной мастерской недалеко от храма, углеобжигательные ямы, старые мощёные камнем дороги, два небольших укрепления на г. Курушлюк¹⁸⁰, церковь у источника Джевизлык-Су и др. (Домбровский, 1968, с. 83 - 96; Мыц, 1991, с. 131 - 132, рис. 31).

Ограниченные по объёму разведочные раскопки О.И.Домбровского, дали интересный материал: в слое пожара были найдены три поливные тарелки третьей четверти XV в. (рис.105, I), а среди развалин – камень с изображением вписанного в круг равноконечного креста и два надгробия. Одно из них представляло собой миниатюрную модель храма с двускатной крышей и пятигранной апсидой. Во фронте помещалось изящно выполненное изображение процветшего креста, дополненное по сторонам

¹⁸⁰ Долгое время оставалось вне поля зрения исследователей Бойки ещё одно укрепление, расположенное на западном отроге г. Сотира. Небольшая (около 40 x 20 м) сторожевая крепость была возведена в XIII (?) в. у горного прохода (скотопрогонной тропы), ведущей из Коккозской долины на Бойкинский массив. В основании подъёма по тропе на Бойку была установлена заградительная стена протяжённостью около 50 м (рис.103,19,20).

изображениями ещё двух равноконечных крестов, вписанных в круг. Под крестом вырезана надпись на греческом языке. По палеографическим признакам и характеру изображения крестов она может быть отнесена к XIII в.¹⁸¹

В 2008 г. удалось провести раскопки восточной части храма Христа Спасителя на г.Бойка (*Мыц, Юрочкин, 2009, с.210-213; Мыц, 2016в,с.154-157; 2016г.,с.112-143*). В апсидной части храма был заложен раскоп размером 10,0 × 15,0 м, разделённый на шесть квадратов 5,0 × 5,0 м. Ориентация производилась по видимым на поверхности руинированным стенам здания церкви. В ходе исследования церкви удалось почти полностью открыть её апсидную часть. Несмотря на относительно небольшой объём выполненных работ, получена важная информация об архитектонике неординарного храмового комплекса, вскрытого примерно на 1/3 его площади. Внешние размеры храма составляют 11,52–11,56 × 22,40–22,45 м (36 х 70 византийских футов). Строение ориентировано на северо-восток (угол отклонения составляет 80°) (рис.104). Стены храма в основном сложены из местного материала: разномерных обломков конгломерата и юрского известняка. В кладке углов проёмов, карнизов кровли и опорных столбов повсеместно использовались тщательно обработанные блоки травертина (известкового туфа), нуммулитового и мшанкового известняка, красно-розового песчаника (сланца), поверхностной корки сталактитов и сталагмитов. На исследованном участке все стены бесфундаментные и были установлены непосредственно на скальную поверхность (имеет естественный уклон в 1–3° к северо-западу). Толщина продольных внешних стен храма (южной и северной) составляет 0,80–0,84 м. Лицевые поверхности стен сложены тщательно из бутового камня. В качестве кладочного раствора использовалась известь без наполнения в виде песка или щебня. Раствор имеет светло-жёлтый или кремовый оттенок. Полукруглые в плане апсиды с внутренней стороны

¹⁸¹Надгробие было передано О.И.Домбровским для подготовки публикации Е.Ч.Скржинской, но оно так и не было издано (*Домбровский, 1968, с. 90 - 91, рис. 7, 8*).

сложены из бутового камня. Их толщина колеблется в пределах от 0,80 до 0,95–1,0 м. В кладке основания центральной и южной апсид использованы глыбы конгломерата с грубо обработанной поверхностью. С внешней стороны южной и северной апсид были устроены плечи в 0,24 м шириной. Внутренний радиус малых (южной и северной) апсид составляет 1,04 м, большой (центральной) – 2,20–2,25 м. В предалтарной части боковые нефы отделены от центрального глухими стенами протяженностью 4,48–4,50 м. Ширина северного и южного нефов составляет 1,79–1,85 м, центрального – 4,40–4,44 м. Разделяющие наос на три части боковые стены центрального нефа представляют собой прямоугольную в плане конструкцию, состоящую из двух столбов (их размеры 0,97 × 0,98 м), пространство между которыми (его протяженность 1,76–1,78 м) заполнено кладкой шириной 0,60–0,64 м. До высоты 1,05–1,07 м вся эта конструкция сложена вперевязь. В основании столбов уложены тщательно обработанные прямоугольные блоки из конгломерата и травертина. Таким образом, две разгрузочные арки, сложенные вперевязь с центральной апсидой, в предалтарной части храма образовывали три частично изолированных помещения: с севера размещался жертвенник, с юга – диаконник, в центральной – вима. Расположение предалтарной преграды не выявлено.

Полученные в ходе раскопок архитектурно-археологические данные позволяют говорить о неоднократных перестройках и изменениях, производившихся в первоначальной конструкции храма. На первом этапе во всех трёх апсидах были установлены святые престолы в виде прямоугольных плит, крепившиеся на вертикальных столбах. В северном компартименте (жертвеннике) перестройки производились не менее трёх раз. Во втором строительном периоде первоначальный престол был заменён на купель, сложенную из тщательно обработанных плоских плит травертина (известкового туфа). Внешние размеры купели, занимавшей северную часть апсиды, составляли 0,90 × 1,30 м. От нефа купель отделялась стенкой в 0,20 м (образована вертикально установленными блоками известкового

туфа). Изнутри бассейн для воды был оштукатурен цемянковым раствором. В его основании устроено специальное водосливное отверстие, направленное в сторону северного нефа. После упразднения купели внутреннее пространство апсиды (на глубину 0,90 м) превращается в сплошную монолитную площадку престола. Из жертвенника в центральную апсиду сделан сквозной проход шириной 0,70–0,80 м. Перед ним устроена каменная лестница из трёх ступеней.

В южном приделе отмечено две перестройки престола: здесь вместо жертвенного стола, установленного на каменном столбе, сооружается новый престол, заполнявший все пространство апсиды. Каких-либо следов перестройки в центральной апсиде не отмечено. Уровень пола (сохранилась грунтовая нивелировочная подсыпка) алтарной части большой апсиды возвышался на 0,12–0,14 м над уровнем пола центрального нефа. Во всех открытых раскопками внутренних помещениях храма неровности скалы были заполнены нивелировочной подсыпкой из жёлто-красного материкового суглинка, перекрывавшегося дополнительно светло-коричневым рыхлым грунтом, наполненным деструктурированным известковым раствором.

Стратиграфия памятника представлена в основном нарушенными и переотложенными слоями. Общая толщина культурных отложений колеблется в пределах от 0,45 (в юго-восточной части раскопа) до 1,16 м (в северо-западной). В ходе исследований прослежено семь слоёв, отличавшихся характером наполнявшей их грунтовой массы и обломками архитектурных деталей здания церкви. Внутреннее пространство центральной апсиды оказалось почти полностью раскопанным во время работ на памятнике, проводившихся О. И. Домбровским в 1956 г. Здесь, в слое каменного завала, обнаружены три крупных фрагмента от прямоугольной плиты престола. Из слоя завала южной апсиды происходит ещё один фрагмент, но они между собой не стыкуются. Плита изготовлена из плотного нуммулитового известняка. Реконструируемые размеры: 0,45 × 0,52

× 0,14-0,16 м. Лицевое поле плиты по диагонали пересекают двойные параллельные полосы, формирующие Андреевский Крест или христограмму. Здесь же найдены и два крупных обломка от каменных столбов, на которых устанавливались плиты престола. В малых апсидах столбы для крепления плит устанавливались на расстоянии 0,80 м от стен храма.

После разведочных раскопок О. И. Домбровский пришёл к заключению, что храм перекрывался арками и сводами из легкого известкового туфа (*Домбровский, 1966, с.66*). В ходе раскопок 2008 г. в слоях разрушения также встречались блоки, вырезанные из известкового туфа. При этом они имели клиновидную форму: ширина наиболее узкой части составляла 0,12–0,16 м, широкой – 0,18–0,24 м. Следует также обратить внимание на то, что стороны, которыми соприкасались между собой клиновидные блоки арок, не несут следов известкового раствора, то есть они были в арках и сводах уложены насухо.

У южной апсиды обнаружен фрагмент известнякового надгробия (размеры сохранившейся части 15,5 × 12,8 × 13,6 см), выполненного в виде одноапсидного храма. На северной грани модели храма прочерчен крест в круге. На западной – врезное изображение четырехлепестковой розетки и фрагмент ветви мальтийского креста. О.И.Домбровским также были обнаружены два резных надгробия из мшанкового известняка с изображением вписанного в круг равноконечного креста (*Домбровский, 1968, с.90*) Наиболее интересным являлось надгробие, которое по палеографическим признакам греческой надписи и форме креста отнесено исследователем к XIII в. Оно представляло собой миниатюрную модель храма с двускатной крышей и пятигранной апсидой. На передней (западной) стороне во фронте находился процветший крест, а по сторонам фронтона в круглых медальонах помещались равноконечные кресты. Под крестом располагалась греческая надпись¹⁸². Находки в слое пожара малочисленные и

представлены в основном мелкими обломками красноглиняной поливной керамики XV в., красноглиняных и коричневоглиняных тонкостенных горшков с плоскими ручками, пифосов. В культурных отложениях, связанных с гибелью памятника в последней четверти XV в., найдены железные кованые гвозди с плоскими шляпками, 15 разнообразных наконечников стрел и одна заготовка для наконечника. Среди изделий, изготовленных из железа, следует отметить малый нательный крест и кресало. Особую группу составляют разнохарактерные предметы из цветных металлов: бронзовый шлемовидный наперсток, подвижная мечевидная деталь застежки для книжного замка, накладка для рукояти ножа, серебряная полая шаровидная пуговица и обломок навершия ножен кинжала.

Следует обратить внимание на полное отсутствие находок фрагментов оконного стекла и обломков стеклянных лампад, а также деталей хоросов. В ходе раскопок в слое развала стен обнаружено несколько фрагментов бесформенных обрывков из свинца, которые только предположительно можно связать со свинцовыми оконными рамами (*Оустерхаут*, 2005, с.164-169). О.И.Домбровский не упоминает о находках фресок. В ходе раскопок 2008 г. встречено всего три небольших разрозненных фрагмента штукатурки, покрытых красной, зеленой и черно-серой красками. Остаётся не решённым и вопрос о характере устройства кровли храма. Обнаруженные в 2008 г. в слое каменного завала два обломка черепиц-керамид не позволяют утверждать, что вся кровля церковного здания состояла из керамической черепицы. О.И.Домбровский также обратил внимание на почти полное

¹⁸² Надгробие в форме модели храма было обнаружено в 1930 году и на Эски-Кермене. Изделие выполнено из нуммулитового известняка. По форме воспроизводит одноапсидный крестово-купольный храм. Апсида пятигранная, барабан и купол отбиты. Размеры сохранившейся части модели: длина с апсидой – 26,3 см; ширина «западной» стороны – 16,5 см; высота до основания барабана – 32,8 см. Обращавшийся к публикации данного оригинального памятника А. Л. Якобсон полагал, что модель происходит из каменного завала верхнего слоя средневекового города (то есть слоя XII–XIII вв.) и, следовательно, может быть датирована XIII в. При этом он считал, что мастер, изготовивший данное надгробие в виде церкви, исходил из облика реального храма XIII–XIV вв., находившегося в Эски-Кермене (*Якобсон*, 1975, с.45-46; 1977, с.30-33).

отсутствие в руинах церкви средневековой кровельной черепицы. Поэтому он считал, что для покрытия храма вместо черепицы применялись гладкие песчаниковые плиты (*Домбровский, 1966, с.66*).

Двадцать обнаруженных в ходе раскопок монет¹⁸³ относятся к XV–XVIII векам и могут быть условно разделены на три хронологические группы: первая группа – XV в.; вторая – XVI в. и третья – XVII–XVIII вв. Только три (15 %) относятся к первой группе и финальной фазе функционирования храма – второй половине – последней четверти XV века: 1) генуэзско-татарский аспр, отчеканенный до прихода к власти в 1441/42 годах Хаджи Гирея (на лицевой стороне изображение генуэзского портала с тремя точками в центре, на оборотной – джучидская двузубая тамга с точкой между вертикалями); 2) генуэзско-татарский аспр времени консулата Джованни Габелла (?) в 1466–1467 годах; 3) данг Хаджи Гирея I (1441/42–1466), чеканенный в г. Крым не позднее 867 г.х. (=1462/1463 г.). О том, что памятник после пожара 1475 г. продолжал посещаться верующими до середины – второй половины XVI в., говорят находки монет трёх крымских ханов: Менгли I Гирея (1468–1475, 1478–1515, 6 монет, самая ранняя из найденных чеканена в 908 г.х.=1502-1503); Девлет I Гирея (1550–1577, 4 монеты); Гази II Гирея (1588–1607/8, 1 монета, чекан 996 г.х.=1587-1588). Монеты XVII и XVIII вв. представлены единичными экземплярами. Среди поздних монет удалось определить номиналы, близкие к чекану Селима Гирея I (1671–1678) и монету Арслана I Гирея (1748–1756). Эти две находки указывают на редкость и случайность посещения территории храма, который к этому времени уже был руинирован.

Наиболее важная находка была сделана при расчистке углубления под первоначальный каменный столб престола в северной апсиде базилики. В центре полукружия апсиды выявлено отверстие, в которое устанавливался прямоугольный в сечении (со скошенными фасками) каменный столб. Данная конструкция относится к ранней фазе существования памятника в

¹⁸³Определение монет выполнено И.В.Волковым.

конце XIII в. Столб крепился в углублении благодаря заливке жидким известковым раствором. Позднее, при сооружении в северной апсиде купели, столб с престолом были аккуратно демонтированы, а отверстие засыпано грунтом. Во время выборки из углубления заполнявшего его грунта обнаружена свинцовая капсула-мощехранительница, в которой помещалась щепка кипарисового (?) дерева. Капсула изготовлена из тонкой пластины свинца, сложенной в форме конверта, с вложенной реликвией в виде деревянной щепы. Размеры капсулы-мощехранительницы: ширина 1,1 см, длина 2,5 см, толщина 0,4 см. Данная реликвия, по всей вероятности, должна символизировать Крест, на котором был распят Иисус Христос, что вполне согласуется и с посвящением церкви Христу Спасителю. Кроме того, данная находка позволяет высказать предположение, что северный компартимент, обустроенный отдельным престолом, под которым специально заложили капсулу с частицей Животворящего Креста, был посвящен Святому Кресту.

В 50–60-е годы XX в. сформировалось две точки зрения на его архитектуру и время строительства. Если О.И.Домбровский видел во вновь открытом им памятнике трехнефную трехапсидную базилику, существовавшую на протяжении X–XV вв., то А.Л.Якобсон – крестово-купольное здание, предположительно, возведенное в XII–XIII вв. При этом О. И. Домбровский не исключал более широкой, чем высказанное им предположение, архитектурной вариативности изучавшегося на Бойке памятника (Домбровский, 1968, с.96).

Проведенные в 2008 г. раскопки не позволяют дать однозначный ответ на вопрос о времени строительства храма и характере его архитектурного облика, так как удалось открыть только апсидную часть храма. Здание строилось с применением (в качестве метрологической единицы) византийского фута (около 0,318 м) (Schilbach, 1970, s.13-36; Оустерхаут, 2005, с.89) и, следовательно, внешние параметры храма составляли 36,0 × 70,0 футов. Структурно церковь состоит из трёх компонентов: 1) алтарная часть (22,0 × 36,0 византийских футов) с тремя апсидами и тремя престолами,

двумя компартиментами и вимой; 2) квадратного (31,0 × 31,0 фут) трехнефного наоса (разделен четырьмя или шестью столпами) и 3) трехчастного нартекса. Церковь неоднократно подвергалась перестройке. Ранние изделия, обнаруженные в ходе раскопок (обломки надгробий в виде моделей храмов и керамика), относятся к XIII в., а наиболее поздние (связанные со слоём пожара) – к последней четверти XV в. (три монеты, обломки поливных и неполивных сосудов). Упоминание в надписи, обнаруженной в Феодоро о восстановлении почтенной Пойки в 1361/62 г., может указывать на восстановление в это время храмового комплекса. Найденные в слое пожара 15 наконечников стрел, среди которых определяются и турецкие, позволяют высказать предположение, что Храм Христа Спасителя стал последним опорным пунктом защитников Пойки от турок-османов в 1475 г. Имеющиеся в нашем распоряжении обмерные данные указывают на возможность реконструировать план церкви как в виде трехнефной базилики, так и крестово-купольного храма (рис.105). Очевидно, что окончательно ответить на этот вопрос можно будет только после проведения полного архитектурно-археологического изучения памятника.

Поход Ногая 1278 г. привёл к разрушению всех поздневизантийских городов Таврики (Сугдеи, Херсона, Алустона, Горзувиты, Тепе-Кермена, Баклы, Сюйрени, Мангуа, Эски-Кермена, Кырк-Ера). До этого наиболее значимым городом Готии являлся Эски-Кермен. На его территории открыты руины базилики с синтроном (*Паршина, 1988, с.36-58; Лосицкий, Паршина, 2002, с.99-113*), что может указывать на её значение как главного собора Готской епархии XII–XIII вв. (рис.63). После грандиозного погрома в последней трети XIII в. частично был восстановлен только Херсон, который также являлся центром митрополии. Эски-Кермен угас как город и как епархиальный центр, но митрополия Готии продолжает существовать. На её территории, например, в связи с татарскими погромами Сугдеи, находят убежище христиане Сугдейской, а впоследствии и Херсонской епархий. В дальнейшем это вызовет споры и распри между иерархами трёх

православных митрополий Таврики. До настоящего времени исследователи так и не смогли локализовать пункт, в котором с конца XIII и до первой четверти XV в. располагалась кафедра митрополита Готии. В 20-х годах XV в. она, по-видимому, при митрополите Дамиане, переносится в столичный город – Феодоро, где им восстанавливается мангупская базилика. Вероятно, таким центром на протяжении более столетия являлась Бойка, а земельные владения митрополита Готии охватывали значительную территорию, получившую в источниках наименование Пойка и обозначающие «название местности, страны» (*Маркевич*, 1928, с.21; *Малицкий*, 1933, с.10). При такой интерпретации становится более понятным упоминание в надписи 1361/62 г. *почтенной Пойки*, при этом предполагается, что Пойка – общая территория, духовно-церковный центр, то есть лавра Готской епархии конца XIII–XV вв., возникновение которой предположительно может быть связано с деятельностью митрополита Готии Софрония, присутствовавшего в 1292 г. на соборе в Константинополе (*Арсений*, 1873, с.69)¹⁸⁴.

3.3. Феодоро 60-90-х гг. XIV в. в составе Крымского улуса Золотой Орды

Обратимся вновь к тексту надписи 1361/62 гг., чтобы убедиться в точности перевода, предложенного Н.В.Малицким и в особенности места, касающегося определения должности восстановителя Феодоро и Пойки – Хуитани. Не трудно убедиться, что в ней нет места для предлагаемого Н.В.Малицким слова гекатонтарх (εκατονταρχου), действительно читаемое в надписи 80-90-х гг. XIV в. Здесь, вслед за Χουιτανη, видны буквы τουρ, прерываемые небольшой лакуной, за которой следуют χου. Малицкий не даёт каких-либо объяснений по поводу предложенной им реконструкции текста, но и не помещает в данном месте εκατονταρχου («сотника»), в то время как сохранившиеся в шестой строке буквы позволяют восстановить слово τουρ[μαρ]χου - т.е. – турмарху. Таким образом, следует читать Χουιτανη τουρ[μαρ]χου, а не Χουιτανη εκατονταρχου, как полагал

¹⁸⁴ Последний раз источники отмечают митрополита Готии Софрония в 1319 г. (*Зайбт*, 2017, с.302). Таким образом, данный иерарх возглавлял митрополию Готии не менее 27 лет.

Н.В.Малицкий (*Малицкий*, 1933, с. 9) (рис.166)¹⁸⁵. Если предлагаемое восстановление титулатуры верно, то это меняет и понятие о должности Хуитани: он не сотник (как Чичикий), а турмарх. Какое-либо другое определение, кроме $\tau\omicron\upsilon\rho\mu\alpha\rho\chi\eta$, будет выглядеть ещё более гипотетичным (например, титул $\tau\omicron\lambda\alpha\rho\chi\omicron$ - топарх), потому что после τ чётко видна буква ρ , сверху которой поставлена черта, что также может указывать на наличие в данном слове двух ρ . Р.Х.Лепер переводил надпись следующим образом: «Господи Иисус Христос, наш Бог... основ[ал] эту стену, и построена была башня сия верхнего города почтенной Пойки с помощью Бога и Св. Димитрия и при содействии всечестнейшего нашего Хуитанина (сотника?), (участника) всякой чести, и (совершенно) восстановление города Феодоро. Вместе с Пойкой построены в г. 6870 (=1363 г. по Р.Хр.) (*Лепер*, 1914, с. 298). Как видим, сам Лепер не был уверен в том, что Хуитанит назван в тексте сотником. Н.В.Малицкий, при её переиздании, внёс изменения в текст перевода, уточнил дату и чтение имени строителя, но не усомнился в том, что он так же, как и Чичикий, исполнял должность сотника Феодоро (*Малицкий*, 1933, с. 9). В дальнейшем, все исследователи, обращавшиеся к данному сюжету, ссылались на перевод Н.В.Малицкого не проверяя титулатуру Хуитани. К тому же, $\pi\alpha\nu\omega\pi\omicron\lambda\epsilon\omicron\varsigma$ можно перевести и как верховный город, в смысле – *главный город*¹⁸⁶. В таком случае изменится и смысловое звучание надписи 1361/62 г.: «Господь Иисус Христос Боже наш, да спасёт основавших [сию] стену: Построена эта башня верховного (главного?) города почтенной Пойки помощью божией и святого Димитрия попечением всечестнейшего нашего Хуитани турмарха [достойного?] всякой чести и совершенно восстановление Феодоро [вместе] с Пойкой; построены в 6870 году» (см.: *Байер*, 2001, с. 184).

¹⁸⁵ Стоящая в данном слове буква «р» с гаской может означать «100», но тогда теряет смысл остальной набор букв. В таком случае невозможно объяснить и столь значительное отличие в написании слова «сотник» в двух близких по времени надписях (60-х и 80-90-х гг. XIV в.), где в одном случае это «р» = 100, т.е. «гекатонтарх», а в другом просто «екатонтарх». Трудно найти для такой кодификации титула (должности) строителя (ктитора) Хуитани в надписи 1361/62 г. удобоваримые объяснения (см.: *Байер*, 2001, с.183, прим.533).

¹⁸⁶ На возможность такой трактовки указал В.П.Кирилко.

Наша задача по выяснению возможных причин появления в Феодоро чиновника в должности турмарха, на первый взгляд, облегчается изданной находкой в Херсонесе моливдовула императорского спафария и турмарха Готии Льва, датируемого Н.А.Алексеевко концом X – началом XI в. (*Алексеевко*, 1998, с. 230 – 233). Согласно данным византийских источников, турмархи являлись начальниками турм – военного подразделения, входившего в состав фемного войска. Кроме того, они осуществляли административный контроль над территориями, где размещались вверенные им турмы (*Константин Багрянородный*, 1991, с. 418, прим. 24). Турмарх подчинялся непосредственно стратигу фемы и, в отличие от других воинских чинов (архонтов), мог назначаться только императором (*Leonis*, 1863, col. 708 D).

Система фемной организации в Византии достигла своего полного развития в X в. (*Острогорский*, 1952, с. 64 - 77; *Ostrogorsky*, 1953, p. 30 - 66) Во второй половине X в. в административном устройстве Византии произошли изменения. Старые фемы были разделены на несколько десятков мелких стратигий, особенно в пограничных областях, чей территориальный обхват не превышал одного города или относительно небольшого района (*Oikonomides*, 1972, p. 345). По-видимому, этот процесс коснулся и Таврики, продолжавшей являться и в X – XII вв. восточным форпостом империи. Расположенные здесь византийские крепости служили военно-административными центрами небольших горных районов, называемых Климатами или Климатами Готии, входивших в фему Херсона (*Мыц*, 1991, с. 75).

В настоящее время мы не располагаем какими-либо сведениями о военной организации Херсона и Климатов Готии на протяжении второй половины XI – первой половины XIV в. Вполне вероятно, что она претерпевала изменения, сообразуясь с требованиями времени (после 1204 г. эти территории перешли под протекторат Трапезундской империи). Но то, что должность турмарха отмечена в надписи 1361/62 гг., говорит о

сохранении здесь вполне определенных византийских традиций. Неизвестно кем назначался и кому подчинялся турмарх Феодоро и почему в надписи 80-90-х гг. XIV в. фигурирует *сотник* (гекатонтарх) – соответствующий в иерархии фемной структуры *кентарху*. До сих пор остаётся невыясненным и вопрос о том, когда Трапезунд потерял свои, и без того номинальные, права на Таврику (Херсон и Готию). Последний раз в титуле Великих Комнинов Περαιτα (Заморье), в качестве владений, звучит в хрисовуле Трапезундского императора Алексея III (1349–1390), выданном венецианцам в 1364 г. (*Zakithinos*, 1932, с. 37)¹⁸⁷

3.3.1. Богохранимый город Феодоро в надписях второй половины XIV в. и мнимые князя Мангупа

В связи с рассматриваемой темой определенный интерес представляют находки ещё двух надписей, предположительно датированных второй половиной – концом XIV в.: одна из них происходит с Мангупа, а другая – г. Седам-Кая, расположенной в непосредственной близости от Бойки (рис.103, 14,15). Мангупская надпись обнаружена в 1890-х гг. в одной из башен Табана-Дере (обследование А.И.Маркевича и А.Х.Стевена). Использовалась турками в кладке уже в качестве строительного материала и, к сожалению, оказалась сильно испорченной. Это не позволило полностью восстановить содержавшийся в ней текст (*Латышев*, 1901, с.76; *Малицкий*, 1933, с.15-19). Тем не менее, Н.В.Малицкий смог определить характер ценной исторической информации данной надписи. По его мнению, в первой строке читается окончание общего заголовка о постановлении её феодоритами на вечную память о действующем лице, организовавшем преследование варваров напавших на погонщиков волов «и преследовал их до... богохранимой крепости Феодоро... и гнали их и рубили до Зазале... частей 11» (*Малицкий*, 1933, с. 15 – 19, рис.3-4). Учитывая содержащийся в надписи рассказ о борьбе с нападшими на обоз кочевниками, Н.В.Малицкий счёл возможным

¹⁸⁷Некоторые исследователи полагают, что под Пиратеей (Заморьем) подразумевается Кавказское побережье Чёрного моря (*Шрайнер*, 1981, с. 216), а не Херсон и Климаты Готии, как, например, считал А.А.Васильев (*Vasiliev*, 1936, p. 162).

предположительно датировать её самым концом XIV в., когда, после разгрома Тохтамыша Тамерланом, в Крым якобы нахлынули полчища Идики (Эдигея) преследующих сына Тохтамыша, вздумавшего там искать себе убежища (Смирнов, 1887, с. 169; Малицкий, 1933, с. 19)¹⁸⁸. Эту надпись, хранящуюся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника, удалось перевести А.Ю.Виноградову. Она была нанесена на прямоугольном (имеет обломы по краям) блоке нуммулитового известняка. Его размеры: 36,5 x 66,5 x 12 см. А.Ю.Виноградов восстанавливает её следующим образом: (1)[...] ΘΙΘΕΙ, ος εκ Ποηκα, η υ (?) Θεοδοριτη υς α]ωνιον μ (2)| νημα. Επη καβαλαπηω[v] επειραν β'ζευγη βωον, τον ζευγελα-(3)| τ]ην εφωνεψαν κε ος το ηκουσεν, ης βαρζαρους εξερε απο μη-(4)| κρου εος μεγαλους κ(αι) εδιωξαν οπισο αυτους εος του μερους (5)|κ(αι) τεο[ς] του θεοφηλακ του καστρου Θεοδορου κε κατεδηο-(6)| ξαν κε κατεκοψαν αυτους εος του Ζαζαλε κ(αι) μερους ια κ(αι)(7)| [...] ηκουσεν [...] κε τον κε[...]ΟΝ.ΚΕΝΗ.ΟΥ[.....](8)| επι (?) ετους ςω[ι ?]α. Ε[....]ΣΙ...ΟΣ. ικουσαν κε.....μος |...Υ.... Перевод: «Такому-то, что из Пойки, феодориты в вечную память. С кавалерией захватили 2 упряжки волов, а погонщика волов убили. И когда он это услышал, поднял всех от мала до велика. И гнались за ними до Части и до богохранимой крепости Феодоро, и догнали их и рубили вплоть до Зазале и 11-ой части. И...услышал...и ...в 6811(?) году...услышали и...» (Виноградов, 2005, с.434-435, фото на с.434).

Издатель предлагает комментарий к опубликованной им памятной надписи, посвященной феодоритами уроженцу Пойки, чье имя не читается (судя по последним буквам, оно было негреческим) (Виноградов, 2005, с.435). Вызвало трудности и определение времени посвятительной надписи. Сохранились только три цифры года – «68...1». Это позволяет, по мнению А.Ю.Виноградова, датировать её в широких пределах – 1291 (6801) – 1383 (6891) гг. Автор склоняется к тому, что надпись относится к 1302/3 гг., т.е.

¹⁸⁸Осматривавший плиту в фондах музея В.П.Кирилко заметил, что блок с надписью явно вричного использования, так как на его поверхности сохранились следы цемянкового раствора.

к самому раннему этапу феодоритской истории. А это, в свою очередь, позволяет ему вторично поставить «вопрос о датировке надписи Хуитана» самым началом XIV в. (*Виноградов, 2005, с.435-436*). Можно было бы согласиться с предлагаемой А.Ю.Виноградовым датировкой (блестяще им восстановленной и впервые прочитанной надписи), если бы не явное и настойчивое желание исследователя вновь отодвинуть раннюю историю Феодоро к самому началу XIV в. (*Виноградов, 2000, с.444*). Расстояния между цифрами ω и α вполне достаточно, чтобы там могла поместиться не только ι , но и θ , т.е. цифра 9. В таком случае вполне правомерна (и более вероятна) датировка надписи $\zeta\omega\theta(?)\alpha = 6891$ (1383 г. от Р.Х.), которую не исключает и сам публикатор, отдавая предпочтение 6811 г. (=1302/3 г.).

По своему характеру посвятельная надпись явно не относилась к числу официальных. С одной стороны на это указывает небрежность шрифта, а с другой – описываемые в ней события. Последние, несмотря на пафосность и риторичность стиля, скромны по своим масштабам. Речь идёт о нападении вражеской конницы. По-видимому, речь идёт о мелкой стычке с небольшим отрядом татарской конницы, проникшим в горные долины Юго-Западного Крыма с целью грабежа и настигнутой с захваченной добычей в окрестностях Феодоро. Преследование и уничтожение противника продолжалось до Зазале и 11-й части, вероятно, являвшейся крайним пределом феодоритского государства (*Виноградов, 2005, с.436*). Судя по всему, речь в надписи идёт о ближайшей к Феодоро северо-восточной границе, проходившей по р.Бельбек (Кабарда). Здесь, по Каралезской долине, проходит и современная дорога. В целом же надпись содержит значительное число топонимов (Феодоро, Пойка, Зазале) и ещё не совсем ясных административно-территориальных терминов. При этом Пойка настолько дистанцирована от крепости Феодоро, что её трудно увязать с топографией самой столицы Готии. Как указывает А.Ю.Виноградов, «на ранней стадии феодоритской государственности (начало XIV в.), несомненно, большую роль играла Пойка» (*Виноградов, 2005, с.437*).

Содержание надписи 1383(?) г. из Феодоро, удивительным образом перекликается с армянской записью на Евангелие, датированной тем же годом. В ней ведётся повествование от имени Саргиса – сына Манктера, который вместе с Иованесом за 140 аспров выкупили Евангелие похищенное в 1383 г. при нападении хана Полата на Каффу. (*Саргсян, 2004, с.153*)¹⁸⁹. По всей видимости, оба (эпиграфический и нарративный) источника (из Феодоро и Каффы) отражают события одного времени. Когда в 1383 г. в Крыму появляется противник Тохтамыша – Полат хан (Бек-Булат, оглан Булат). Рассеявшиеся по территории полуострова мелкие отряды пришедших с ним татар, производили нападения и грабежи. Так, при нападении на окрестности Каффы, из армянского монастыря ими было похищено Евангелие Наратина, а в Юго-Западном Крыму, недалеко от Феодоро захвачено две упряжки волов и убит погонщик. Весьма симптоматично, что генуэзцы именно в консулат Якопо Спинола (1383 г.), начинают возведение внешнего оборонительного пояса Каффы, окружая не защищённые ранее антибурги (*Balard, 1978, II, p.207*).

Ещё одна строительная надпись, упоминающая Феодоро, происходит из развалин небольшого храма (7,69 x 4,27 м), располагавшегося в урочище Папас-Баир (Монашеский лес) на г. Седам-Кая (рис.103,14), но она, к сожалению, сохранилась частично и может быть датирована только приблизительно второй половиной XIV – началом XV в. В 1910 г. фрагмент плиты с надписью вмонтировали в стену так называемого Чайного домика имени Коккоз князя Ф.Ф.Юсупова¹⁹⁰. В.В.Латышев по эстампажу М.И.Скубетова попытался восстановить её содержание. В предложенной им

¹⁸⁹Т.Э.Саргсян следующим образом комментирует данное свидетельство армянского источника: «в результате нападения Полад-хана на Кафу, в числе остальных ценностей, в руки нападавших попадает и Евангелие, владельцем которого был некий Наратин. В месте «Экикэз», что находилось поблизости Орабазара (Армянский базар, ныне – Армянск), рукопись обнаруживают и выкупают армяне Ованес и Саргис, которые, по всей видимости, были купцами, оказавшимися там по торговым делам. Далее, Саргис возмещает затраты Ованеса по приобретению рукописи и, становясь единоличным хозяином дарит ее армянской церкви Св.Богородицы в Трапезунде. Вскоре Наратин, узнав о местонахождении своего Евангелия, забирает его из трапезундской церкви и дарит монастырю Отуза» (*Саргсян, 2004, с.153, прим.44*).

¹⁹⁰ Во время Великой Отечественной войны здание было полностью разрушено.

реконструкции греческого текста она выглядит следующим образом:
 (1)+Πα[ντοκράτορι εκτισε? Της](2)|'γ...αν ταντη[v]....[‘εκκλησιαν] (3)|Ὁ
 ελαχιστος Νε...λο[ς]....συνδρομη?] (4)|Των ε|σεριν οικ[ητοπον] [τῆς]
 (5)|Δεοφυλακτου πο[λεως] [Θεοδῆ]- (6)|ροας μ(ην...) Ιουν ω... Перевод: «Всё
 [держителю построил] святую сию [церковь] малейший Нил [содействием?]
 благочестивых жи[телей] богохранимого го[рода Феод]оро месяца июня 1-
 го...» (*Латышев, 1918, с. 42 – 43*).

Примерно в 200 м к северу от этого храма, у пещеры Данильча-Коба, находятся руины ещё одной, большей по размерам (11 x 6 м), церкви (рис103,15). Судя по названию пещеры, она была построена во имя Св. Даниила. Раскопки этих памятников до настоящего времени не проводились, хотя и могли бы дать интересный материал по истории средневековой Таврики второй половины XIV – XV вв. и, в особенности, пролить свет на этапы формирования митрополии Готии и роли в этом процессе городской общины Феодоро. Несмотря на то, что обе приведённые выше надписи отмечают разные исторические события – в первом случае это борьба феодоритов с кочевниками, а во втором – возведение при содействии благочестивых жителей города Феодоро монахом Нилом церкви – их объединяет название богохранимого города Феодоро.

Н.В.Малицкий отмечал, что в отличие от строительной надписи Чичикия (Цицикия по В.П.Степаненко), где указано на правление хана Тохтамышша, «сотник» Хуитани действует самостоятельно, так как здесь не приводится имя какого-либо татарского правителя (*Малицкий, 1933, с. 11*). Но достаточно вспомнить, что начало 60-х гг. XIV в. в истории Золотой Орды было, вероятно, наиболее кровавым (особенно во время правления Кильдибека в 1361/62 гг.), когда свои права на ханский престол одновременно оспаривали шесть претендентов и Таврика временно оказалась предоставленной сама себе. Этим благоприятным моментом для восстановления крепостных стен, способных защитить от грабежей и насилия, воспользовались жители Феодоро. Пытаясь определить историческую значимость данных находок,

Н.В.Малицкий обратился к титулатуре руководителей (организаторов) строительства крепостных стен и башен Феодоро. При этом он замечает, что в отношении указанного *гекатонтарха* проще представлять дело таким образом, что, несмотря на греческий, казалось, смысл и значение этого имени, оно явилось в соответствии с титулатурой татарских командных лиц с их разделением на темников, тысяцких, сотников и десятников, какое мы узнаём, например, из ханских ярлыков (*Григорьев*, 1844, с. 343) и подчинённым им военным отрядам (*Малицкий*, 1933, с.8). Однако исследователь неожиданно переходит к их возвышению до положения местных князей (*Малицкий*, 1933, с. 8 – 9). Таким образом, из-за желания отыскать первого правителя Мангупа-Феодоро «сотник» Хуитани был произведён в князья, и это мнение прочно утвердилось в литературе по истории средневекового Крыма (*Vasiliev*, 1936, с. 282; *Якобсон*, 1950, с. 31; 1964, с. 123; *Тиханова*, 1953, с. 330; *Даниленко, Романчук*, 1966, с. 123 и др.). Несколько смущало его нехристианское имя, однако и это препятствие было устранено: в связи с упоминанием в надписи Св. Димитрия – Хуитани преобразуется в Димитрия, потому что это якобы было его христианское имя (*Малицкий*, 1933, с. 11). Как видим, путём сопоставления косвенных данных искусственно был создан князь Димитрий, якобы правивший на Мангупе в начале 60 – х гг. XIV в., и А.А.Васильев помещает его в основании генеалогического древа правителей Феодоро (*Vasiliev*, 1936, с.282).

Вопрос с этнической принадлежностью обоих «сотников» решался столь же категорично – они лица с тюркскими именами или тюркского происхождения (Хуитани определён как христианин, а лишь с Чичикием, ввиду того, что в его надписи не упомянут святой – характер вероисповедания остается не выясненным (*Малицкий*, 1933, с. 11). После этого уже без тени сомнения говорится о том, что в Феодоро во второй половине XIV в. правят татарские князьки или даже царьки (*Малицкий*, 1933, с. 11; *Тиханова*, 1953, с. 330). В более поздней своей работе А.Л.Якобсон несколько смещает акцент в этно-конфессиональной характеристике

Хуитани, делая заключение, что он имел и христианское имя Димитрий и, скорее всего, принадлежал к греческой феодальной фамилии (*Якобсон*, 1964, с. 123, 175, прим. 140). Подобная этническая оценка двух антропонимов, отмеченных в мангупских надписях – Хуитани и Чичикий – вызывает большие сомнения. Например, О.Н.Трубачёв допускает интерпретацию имени «сотника» Хуитани как германское (готское) *hwitan – субстативированное прилагательное в роли прозвища *Белый*, сравнивая его с готским hwits – *белый*, немецким weib, германским - *hwita (*Трубачёв*, 1999, с. 215). Что же касается антропонима сотника Феодоро – Чичикий – то В.В.Латышев, при публикации данной надписи, сравнивал его с именем византийского коменданта крепости Доростол, упоминаемого у Кедрина под 1016 г. и бывшего по происхождению грузином; отмечая также безусловное сходство с рядом имён в заметках Халкинского синаксаря, относящихся к Сугдее – Τζοτζαχει, Τζατζακι (*Латышев*, 1896, с. 55), где под 13 апреля 1339 г. зафиксирована кончина севаста Анастасия Анаткус, сына севаста Чачаки (или Чочахи) (*Антонин*, 1863, с. 609 - 610, № 91, 93).

В.Г.Ченцова, занимаясь анализом сведений Ибн-ал-Биби о походе сельджукского эмира Чобана на Судак и априорной возможности его пребывания в Хесоне (*Богданова*, 1985, с. 44 – 48), обратила внимание на то, что имя Чобан-Чупан в близкой к его произношению транскрипции – Τουπανις зафиксировано в надписи 1364 г. «раба божьего Чупана сына Янаки» (*Ченцова*, 1996, с. 173, прим. 4)¹⁹¹. Далее она приводит, ссылаясь на Э.Траппа (*Prosopographisches Lexikon*, 1991, s. 11), целую серию сходных восточных антропонимов, происходящих, вероятно, из Лазики, зафиксированных в источниках и получивших широкое распространение на территории Трапезундской империи: Τζαμλας (великий domestik Трапезунда

¹⁹¹ К сожалению, В.Г.Ченцова допускает две досадные ошибки в своей публикации. Во-первых, надгробие 1364 г. у церкви св. Троицы в селении Лаки действительно было обнаружено А.Л.Бертье-Делагардом, но издал его по эстампажу, изготовленному А.Л.Бертье-Делагардом, В.В.Латышев (*Латышев*, 1918, с. 236 – 238). Во-вторых, с. Лаки находится в Юго-Западном Крыму, в долине р. Качи, а не в Восточном Крыму, как полагает В.Г.Ченцова (*Ченцова*, 1996, с. 173, прим. 4).

в начале XIV в.); Роман Τζαμλαῦης (трапезундский землевладелец второй половины XIII в.); Феодор Τμωτις (трапезундский землевладелец конца XIV в.); Τζαμ (трапезундский парик, 1364 г.). Интересна и предложенная В.Г.Ченцовой возможная этимология имени Τζαμανῆς от *saman* – *богатство* или *saman* – *луг, пастбище*, а также Τζαμα – *головной убор, диадема, коса* (Ченцова, 1996, с. 179 - 180, прим.17). Отметим сообщение Э.Челеби (1666-1667 гг.) о том, что население горного Крыма (таты) состоит из греков и лазов, говорящих по-гречески. Но, «когда они говорят между собой по-гречески, употребляют выражения из какого-то другого языка... Это не греческий, не чагатайский и не лазский язык» (*Книга путешествия*, 1999, с. 79). По замечанию того же путешественника: «Большинство народа (Балаклавы – В.М.) – из племени лазов с противоположного [берега Чёрного моря]» (*Книга путешествия*, 1999, с. 32).

Приведенные материалы не подтверждают тезис о тюркском происхождении антропонимов турмарха и сотника из мангупских надписей 60 – 90-х гг. XIV в., а скорее указывают на возможность их формирования в германской (готской) – Хуитани – и кавказской (лазской (?)) – Чичикий – этно-языковой среде. Но, при условии, что до настоящего времени тема, касающаяся этимологии ономастики средневекового населения Крыма остается слабо разработанной, высказанное предположение можно принять пока в качестве рабочей гипотезы.

Строительная надпись турмарха Хуитани, как и надпись 80-90-х гг. XIV в., в которой упоминается сотник Чичикий (рис.169,2) (*Латышев*, 1896, с. 56; *Малицкий*, 1933, с. 9, рис. 2), очень скромна по своему оформлению (рис.166). и ничем не отличается от аналогичной надписи 1503 г.(или 994/995 г.?) (*Белый, Соломонник*, 1984, с. 170 – 175), также повествующей о строительстве оборонительных стен Мангупа. Она лишена пышной титулатуры и геральдических символов, столь характерных для надписей владетелей Феодоро XV в. Но почему в надписи 1361/62 г. турмарха Хуитани упоминается Св. Димитрий? В данном случае в эпиграфическом

источнике отражена традиция святого заступничества и покровительства, когда, например, на аверсе моливдовулов помещались изображения святых – покровителей их владельцев. Так, и на печати турмарха Готии Льва – на лицевой стороне находится Св. Филипп, а текст надписей содержит традиционную формулу призыва божественной помощи: «Святой Филипп, помоги твоему рабу Льву, императорскому спафарию и турмарху Готии» (Алексеев, 1998, с. 230, рис. 1). Поэтому и турмарх Хуитани возводит крепостную стену и башню верховного города, восстанавливает Феодоро и почтенную Пойку с «помощью божьей и Святого Димитрия». О почитании этого святого на Мангупе пока могут свидетельствовать только находки фрагментов поливных чаш с двухъярусной монограммой, содержащей имя Димитрия (Залеская, 1993, с. 371, рис. 3; Мыц, 2005, с. 293, рис.1). Монограммы с лигатурой имени Димитрий (Δημιτριος) представлены двумя экземплярами и располагались на днищах поливных чаш, фрагменты которых обнаружены при раскопках дворца Мангупа (1425 – 1475 гг.) в 1912 – 1914 гг. (работы Р.Х.Лепера) и в 1974 г. (исследования Е.В.Веймарна и Л.И.Иванова). Они выполнены тонкой врезной одинарной линией в виде двухъярусной композиции: сверху располагается буква Δ, внизу ΜΡ. Близкие по стилистике исполнения монограммы происходят из Белгорода (Монкастро) (Slatineanu, 1958, p. 38, fig. 7; Кравченко, 1986, с. 112, рис. 43,1), коллекции музея Варны (Кузев, 1974, с. 157, табл. 1,7,8), Константинополя (Wallis, 1910, pl. 6, fig. 12; Volbach, 1930, taf. 24.6442), Калиакры (Francois, 1995, p. 108, tabl. 2) и Фессалоник (Papanikola-Bakirdzis, 1999, p. 22, fig. 5.7; Cat. nos. 88, inv. NBK 4432/5), где Св. Димитрий почитался как покровитель города. Принята широкая датировка изделий с подобными монограммами – в пределах времени правления династии Палеологов – 1261 – 1453 гг. Расшифровываются различными авторами двояко: ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ или ΠΡΟΔΡΟΜΟΣ (Papanikola-Baksrdzis, 1999, p. 22, 82). Впрочем, Л.И.Иванов, обломок чаши с монограммой ΔΜΡ из раскопок дворца Мангупа в 1974 г.

интерпретирует двояко. В одном случае, как аббревиатуру имен Алексей – Мария, а во втором - Агнос Мария (Иванов, 1974, с. 17).

В надписи 80-90-х гг. XIV в., где упоминается сотник (*гекатонтарх*) Чичикий, скорее можно было ожидать титул *кастрофилак* (καстроφύλαξ), являющийся производным от *катепан* (κατεπανω, *capitaneus*), предоставлявшийся комендантам крепостных гарнизонов. Не отмечены в известных лапидарных надписях Крыма XIV в. и другие военные должностные лица в звании *примикюра* (πριμικηρις), *алагатора* (от αλαγη-эскадрон) и *десятника* – столь характерных для поздневизантийской военной организации (Иречек, 1978, с. 445).

В ряде документов, относящихся к Каффе и Солдаёе (особенно там, где речь идёт об организации аппарата самоуправления городов), неоднократно упоминаются сотники как должностные лица, ведающие городским ополчением. Например, в Уставе Каффы 1449 г. несколько параграфов посвящено правам и обязанностям сотников (*centuriones*) (Устав, 1863, с. 763, 773, 774, 775), в подчинении которых находились *decuriones* (т.е. десятники) (Устав, 1863, с. 830, прим. 113). Основной их функцией была организация строительства, ремонта, защиты стен и башен города. Причём в городах, находившихся во владении коммуны Генуи, сотники избирались исключительно из местного населения.

В том же Statutum Caphe 1449 г. консулу Солдаёи было вменено в обязанности своевременно и правильно провести выборы сотника. Причём в выборах принимали участие все горожане и жители (*burgenses et habitatores*) Солдаёи, которые должны были выбрать четырёх хороших и честных людей, способных исправлять должность сотника (*capitis centanari*). Из этих четырёх консул Каффы и Совет избирают одного «начальником сотни в Солдаёе» (Устав, 1863, с. 775).

В мирное время сотники следили за порядком выполнения горожанами караульной повинности (известна в византийских городах, как *парамони* - *παράμονας*, к которой привлекались даже клирики). Выбирались сотники из

числа лиц, наиболее уважаемых, авторитетных и состоятельных. В одной из нотариальных копий протокола опроса свидетелей, составленной в Солдае 17 ноября 1474 г., назван «Анастасий, сын Иоакима, сотник греков» (*Vigna*, 1869, с. 309). Как видим, генуэзцы сохранили институт сотников, включив его в общую систему административного управления наиболее крупными городами своих факторий. Сотни городского ополчения делились на десятки. Подобный порядок весьма напоминает структуру формирования армии монголов (*Максуди*, 2002, с. 304), но имел он местные корни или был привнесён в XIII в. завоевателями Таврики, сказать трудно (*Сейдалиев*, 2017, с.378-387). Известно, что после утверждения власти каана, монголами устанавливается порядок, когда по требованию хана правители подчиненных государств должны были выставлять десятую часть мужского населения для участия в военных походах в составе их войск. С этой целью на места прибывали чисельники, в обязанности которых входила перепись населения, делившегося по селам и городам на десятки, сотни и тысячи (*Веселовский*, 1922, с. 33, прим. 1)¹⁹². Проводившиеся монголами переписи давали им возможность также устанавливать размеры дани – поплужно или с каждого дыма (дома)¹⁹³. Таким образом, имеющиеся (хотя очень отрывочные и далеко неполные) исторические сведения, позволяют предположить, что институт сотников сложился в условиях господства монголов над территорией Таврики в XIII – первой половине XIV в., а сама эта должность сочетала в себе военно-административные функции¹⁹⁴. Османы, захватив Крым в 1475 г., сохранили должность сотников, называвшихся ими *юзбаши*. В их попечении было оставлено наблюдение за благоустройством кварталов.

¹⁹²Самая крупная войсковая единица у монголов и тюрок называлась тумен = десять тысяч. Она делилась на хазара= тысячи, сада= сотни и даха = десятки (*Золотая Орда в источниках*, Т.1, 2003, с.477).

¹⁹³В Крыму первое появление чисельников относится к 1249 г., что нашло отражение в записях Синаксаря из Сугдеи, когда правитель города и его округа (18 селений) – севаст (σεβαστος) – по требованию монголов производит подсчёт мужского населения (оказалось 8300 человек) (*Антонин*, 1863, с. 611, № 104; *Васильевский*, 1915, с. 156 – 157), чтобы дать им число. По-видимому, с этого года (1249) и остальная часть Таврики (Воспоро, Херсон и Климаты Готии) вынуждены были проводить подобные переписи, хотя это и не нашло отражения в известных письменных источниках (*Мыц*, 1991, с. 72; *Крамаровский*, 2003, с. 511).

¹⁹⁴В военной организации государства, созданного Чингис-ханом, сотниками, тысяцкими и темниками могли быть только нойоны (*Максуди*, 2002, с. 304).

М.Балар, говоря о делении населения позднесредневековой Каффы на сотни, отмечает, что «этот факт не имеет эквивалента ни в одном турецком городе» (*Balard, 1981, с. 102*). Формировались сотни по кварталам, нередко называемым именами святых, которым были посвящены церкви, располагавшиеся в них.

Подобное явление характерно не только для Крыма. В частности, оно сохранилось в XV – XVI вв. в Болгарии (*Гандев, Цветкова, Списаревска, Георгиева, 1983, с. 84*). В большинстве случаев немусульманские кварталы группировались в границах церковных приходов, которыми управляли местные священники. Они носили их имена, имена святых, которым была посвящена квартальная церковь, местных старейшин и др. Например, по данным XVI в., в Костуре существовали кварталы (махали) с именами святых – Св. Никола, Св. Георгий, Св. Андрей, Св. Димитрий, Св. Анастасий, Св. Константин и др.; в Солуне – также в начале XVI в. – Св. Мина, Св. Димитрий, а в Софии – поп Калоян, поп Милко и др. (*Гандев, Цветкова, Списаревска, Георгиева, 1983, с. 84*).

В этом плане показателен пример Мангупа, где в османском документе (*дефтере*), датированном 949 г.х. (1542/43 г.), отмечено существование в городе восьми кварталов, из которых шесть принадлежало грекам, а остальные, по одному, – армянам и иудеям (караимам): «махала папа Тодор, м. папа Алекси, м. папа Христодуло, м. папа Йорги, м. папа Васил, м. папа Тодор, махала армянская и махала еврейская» (*Veinstein, 1980, с. 235*). Поэтому есть основания считать, что в мангупской надписи 80-90-х гг. XIV в. речь идёт о сотнике, который возглавлял городское ополчение и попечением которого возводится участок оборонительной стены. Затруднительно ответить на вопрос, находился на Мангупе в 80-90-е гг. XIV в. один сотник (пример тому, Сугдея) или же их было несколько (как в Каффе)¹⁹⁵.

¹⁹⁵ Например, на 1428 г. документы Каффы отмечают наличие одновременно 12 сотников: Carachi Capelorum, Manolli de Goascho, Teodorus fornarius, Iorghî de Chiriaxi, Cachares bazas, Sarchis armenus, Antonicus, Chiriacos Balchi, Nichita Condostani, Caloian Iupera, Cristodollus, Stilianus orgixius (*Origone, 1983, p. 318*).

Топография находки надписи 1361/62 г. позволяет предположить, что она, перед тем как попасть в кладку стены позднесредневековой гробницы, была извлечена из руин башни (?), находившейся относительно недалеко от базилики, а не привезена откуда-то из другого места. Как уже отмечалось, А.Г.Герцен считает, что надпись 1361/62 г. имеет непосредственное отношение к цитадели города, получившей название Пойка и построенной в 60-е гг. XIV в. В это же время, по его мнению, феодритами возводится и вторая линия обороны Мангупа (Герцен, 1990, с. 146).

В таком случае получается, что городская община Феодоро в кратчайшие сроки (60-е гг. XIV в.) возводит (восстанавливает) внешний периметр обороны, цитадель и вторую линию крепостных стен. Теоретически это вполне возможно, но на фоне имеющихся архитектурно-археологических материалов пока выглядит слабо аргументированным предположением (Герцен, Науменко, 2005, с. 261). В завершении затронутой темы, необходимо вернуться к высказанному В.Н.Малицким предположению о том, что звание гекатонтарха, «несмотря на греческий, казалось, смысл и значение этого имени», соответствовало титулатуре «татарских командных лиц» (Малицкий, 1933, с.8). В связи с этим, наиболее рациональным объяснением, можно считать титулы Хуитани и Чичикия, надписей 60-90-х гг. XIV в. из Феодоро, греческими кальками с тюркского, где гекатонтарх соответствует *сада* - сотнику, а турмарх – *хазара* – тысяцкому (Сейдалиев, 2017, с.378-387). Стоящие в начале надписей кресты, указывают на их православное вероисповедание. Сами надписи, как уже отмечалось, скромны по своему оформлению и лишены каких-либо выразительных форм социальной идентификации. Даже будучи, по всей видимости, выходцами из знатных фамилий и людьми достойными «всякой чести», ни Хуитани, ни Чичикий, не названы в надписях владетелями (аутентами) Феодоро или Готии. Поэтому нет оснований их считать князьями Мангупа, как это полагали многие исследователи. Хуитани (тысяцкий) и Чичикий (сотник) – являлись представителями военно-административного аппарата Крымского

улуса Золотой Орды, а Феодоро и Готия – его территориальной автономной структурой. Причём, её права, как автономии, вероятнее всего, ограничивались санкционированной и утверждаемой наместником Солхата, выборностью местных органов самоуправления (от общин сельских поселений до столичного города). Рудименты такой системы самоуправления находим в генуэзской Солдае и её 18 сельских общин.

3.4. Таврика в период политического кризиса в Золотой Орде

60 – 80-х гг. XIV в.

В.Н.Малицкий, обратившись к изданию мангупской надписи сотника Чичикия, относящейся ко времени правления хана Тохтамышша, своеобразно представлял политические события 40-80-х гг. XIV в., отразившиеся на истории Готии и Феодоро. Он полагал, что зависимость полуострова от Золотой Орды после смерти Узбека ослабевала. Начавшиеся смуты в Орде усилили автономно-сепаратные движения. В 1365 г. генуэзцы захватывают Судак. В 60-х годах происходит укрепление Феодоро. Мамай пытался восстановить татарскую власть в Крыму, но погиб в борьбе с Тохтамышем. Новый хан оформил свои отношения путём подписания договоров в Генуеи. Генуэзцы в 1381 г. «получили 18 селений и Готию с её селениями от Чембало до Солдаи. Но фактически вся Готия никогда не принадлежала генуэзцам (не подпали власти Херсонес, Мангуп, Инкерман). Возможно, что особое соглашение было насчет Мангупа» (Малицкий, 1933, с.6).

Не меняя общей концептуальной направленности, сформулированной в работах П.И.Кеппена, Ф.К.Бруна, В.Д.Смирнова, Ф.А.Брауна, А.Л.Бертье-Делагарда, В.Н.Малицкого, эту тему освещал и А.А.Васильев (*Vasiliev*, 1936, p.177-188). Надо полагать, что исчезновение из административно-военной номенклатуры Феодоро и Готии чиновников в должности турмарха и гекатонтарха, вероятно, связано с бурными политическими событиями 60 – 80-х гг. XIV в., происходившими на территории Крыма и нашедшими своё отражение, как в свидетельствах письменных источников, так и в материалах

археологических раскопок. Попытаемся и мы в общих чертах представить контур этих событий.

К освещению этой темы обращался М.Г.Крамаровский, опубликовавший специальное исследование программного характера (*Крамаровский, 2003, с.506-532*). В нём, хотя и очень кратко, представлена концепция эволюции Крымского улуса Золотой Орды. Историю полуострова XIII-XV вв. М.Г.Крамаровский делит на шесть хронологических этапов. Причём, каждый из них наделён присущей ему характеристикой ряда важнейших тенденций военно-политического, социально-экономического, правового и конфессионального развития. Первый этап джучидского освоения Таврии, по мнению М.Г.Крамаровского, занимает 40-60-е гг. XIII в. и завершается структурированием края в военно-административную и хозяйственную систему Джучидов. Второй этап приходится на середину 60-х – конец 90-х гг. XIII в. Третий – это время правления Узбека и его наследников - сыновей Тинибека (1341) и Джанибека (1341-1357). Четвертый – назван исследователем одним из самых тёмных этапов в истории золотоордынского Крыма – период между 1359 и 1379 гг. – от гибели Бирдибека до воцарения Тохтамыша. Пятый этап располагается во временных границах от утверждения в Золотой Орде Тохтамыша (1376-1395) до Тимур-Кутлука (1395-1401). Шестой этап охватывает хронологический промежуток 1401-1443 гг., когда в Крыму формируется «самостоятельная орда, объективно сыгравшая роль спускового механизма, подготовившего выделение крымского улуса в качестве самостоятельного ханства при Хаджи Гирее (1443 г.)» (*Крамаровский, 2003, с.506-532*). Не вдаваясь в нюансы критического анализа всей хронологической схемы и каждого этапа в отдельности, предложенных М.Г.Крамаровским, остановлюсь только на краткой характеристике некоторых политических моментов четвертого этапа, который, как отмечает сам автор, является одним из самых тёмных в истории золотоордынского Крыма. При попытке его освещения многие исследователи постоянно сталкивались со сложностью определения действовавших на

исторической сцене реальных лиц, их роли, хронологии и места происходивших событий.

Для начала считаю необходимым представить некоторые положения в изложении М.Г.Крамаровского, но, по ряду причин, вызывающих возражения ввиду их несогласованности со свидетельствами имеющихся источников: 1) о сражении татар «с Витовтом» на Синих водах в 1362/63 г. и 2) якобы имевшая место «защита Крымом ордынских интересов в Подольских землях» (Крамаровский, 2003, с.517-518). К этому сюжету следует добавить сомнительный тезис о том, что при Мамае в начале 1360-х гг., чуткие к событиям в Орде обитатели Мангупа предпринимают активные работы по восстановлению Феодоро. Здесь автор явно противоречит самому себе, так как несколькими строками ниже, заключает, что «Мамай твердо утвердился в Крыму только в 773 г.х.=1371» (Крамаровский, 2003, с.518). Обращение к самому источнику, повествующему о крепостном строительстве в городе Феодоро в начале 60-х гг. XIV в., показывает, что в данной надписи нет никаких указаний на какого-либо золотоордынского наместника крымского улуса (например, Кутлуг-Тимура) или правящего хана (Кельдибека), и тем более на Мамаю или его креатуру – хана Абдуллаха. По-видимому, в это время в Феодоро, как и в Таврике (на 1361/62 г.), не знали о реальной верховной власти (правлящем хане) в Золотой Орде, а Кутлуг-Тимур отсутствовал в Солхате (?).

В качестве альтернативного примера можно привести две хронологически и топографически близкие эпиграфические находки. Это надпись на надгробии (обнаружено у церкви Св.Троицы в селении Лаки) (рис.167; 168; 169,1). В ней говорится: «Зарезаны иже во блаженных раб Божий Чупан сын Янаки и сын его Алексей, во дни Темира в месяц июнь, в день 28, года 6872 (=1364 г.)» (Латышев, 1918, с.236-238). В.В.Латышев, под именем *Темира* предлагал понимать золотоордынского наместника Солхата – Кутлуг-Тимура

(Кутлук-Темира) (*Латышев*, 1918, с.238, прим.3)¹⁹⁶. Второй памятник – уже представлявшийся ранее обломок мраморной плиты с упоминанием сотника Чичикия, руководившего организацией и строительством оборонительных сооружений города Феодоро при установлении в Крыму власти хана Тохтамышша (1380/81-1397/98 гг.). Поэтому, отсутствие на надписи 1361/62 г. турмарха Хуитани, указания на кого-либо из ордынских правителей, следует отнести только на счет специфики политической обстановки в Газарии, к которой Мамай ещё никакого отношения не имел.

Противоречиво и ничем не обоснованно в представлении М.Г.Крамаровского, выглядят отношения, складывавшиеся на протяжении 60-80-м гг. XIV в. между администрацией генуэзской Каффы и Мамаем. Оказывается, что 1) в 1365 г. генуэзцы захватили не только Солдайю, но и 18 деревень южного побережья; 2) в зависимость от Каффы в это время попадают венецианские гавани Провато и Калиера; 3) в роли обороняющейся стороны выступают ордынцы; 4) в «1375 г. Мамай возвращает под джучидский контроль 18 селений Готии» (*Крамаровский*, 2003, с.518).

М.Г.Крамаровский допускает ошибку, когда пишет о якобы отошедших в управление генуэзцев 18 селениях Готии, потому что в татаро-генуэзских договорах 1380 и 1381 гг. речь идет о 18 селениях, принадлежавших городу Солдае. Число же селений Готии в договорах специально не оговаривалось. Массарии Каффы отмечают 11 приморских *казалий* (cazalii Gotie) из 32 поселений Южнобережья: Лусту, Лампаду, Партениту, Гурзувий, Сикиту (Никиту), Ялиту, Мисхори, Ореанду, Лупико (Алупку), Кикинеиз и Фори (Форос) (*Бочаров*, 2004, с.186-193, рис.1-3; *Джанов*, 2017, с.286-340).

Летом 1365 г. Кутлук-Тимур пытается заблокировать Каффу со стороны суши. В ответ на это генуэзцы 19 июля силой оружия овладевают Сугдеей

¹⁹⁶ О том, что они оба (или их родственники) являлись людьми состоятельными, говорит как архитектура, так и высокохудожественная резьба, украшавшая их надгробие (рис.50). Сам памятник выполнен в форме церковной колокольни. Такая находка впервые встречена на территории Крыма. В связи с этим можно предположить, что Чупан был главой (прото?) общины с. Лаки.

(Петров, 1886, с. 169-198; *Νυσταζοπολου*, 1965, s. 50). В одном из армянских *часоцей* (лекционарий, Праздничная Минея) сохранилась памятная запись, датированная 15 августа 1365 г. В ней писец Карапет из Каффы, следующим образом освещает события: «когда показался в сем году Нэр из рода Исмаелского и разрушитель, мечом изрубивший род христианский, кто и называется именем Чалибэг, который все страны, что были поблизости держал, ночью и днём, в ужасе и содрогании, за что и, по божественному проведению из ромайского и арийского рода, по приказу мужа Нэрсеса, в сём году приказчик приехал в многодоходный город, по приказу ромейцев, по божественной удаче, взял город Судха, и арестовал всё, что там нашёл, и кто (были) Исмаеляне и Ебраи, что являются врагами креста Христова и христиан, всех полностью истребил и имущество предал» (Саргсян, 2004, с. 152; 2006, с.24)¹⁹⁷. В конфликт между Солхатом и Каффой вмешивается Мамай. Немногим более чем через месяц его войско появляется в Таврике. Часть населения пытается найти убежище за стенами Каффы, а Кутлуг-Тимур вынужден был бежать из Солхата. Известия о нём прерываются, что, видимо, свидетельствует о его гибели. Вероятно, к этому времени (1360-1380-м гг.) относятся три значительных кладовых комплекса: Нейзацкого, Симферопольского и Алуштинского. Знаковым артефактом для определения времени сокрытия наиболее крупного из них - Симферопольского клада (328 предметов), - является содержащаяся в нём серебряная пайцца хана Кельдибека (1361-1362 гг.) (Mankuev, 1977, p.185-215). О сложных

¹⁹⁷ Во втором, более просторном издании этой записи, Т.Э.Саргсян делает примечание, что имя *Чалибэг* не упоминается в известных нам других источниках. Не сохранились и сведения о совершённых им злодеяниях, которые, согласно автору Карапету), спровоцировали взятие Судака генуэзцами в 1365 г. Саргсян высказывает предположение, что речь идет о золотоордынском наместнике Алибеке из города Сурхат-Крым. Арабские источники утверждают, что он был преемником Рейн-эд-Дина Рамазана и вступил в должность после 1358 года. Этот Чалибек в 1363 г. соорудил ров вокруг города Сурхат-Крым. Видимо, обезопасив себя строительством оборонительного пояса (рва, а затем и вала) вокруг своего административного центра, он воспользовался царящей в золотоордынской верхушке раздором и перешел к грабежу и разорению окружающих поселений. Карапет датирует свою запись 15-м августа. Значит, учиненные Чалибеком беспорядки, а также взятие Судака генуэзцами имели место незадолго до этой даты. Через несколько дней – 23-го августа на полуострове объявился Мамай «с бесчисленными татарами», который обратил в бегство наместника и овладел городом Сурхат-Крым» (Саргсян, 2006, с.24, прим.3). Т.Э.Саргсян не учитывает того, что после Рамазана, с 1358 по 1365 гг., наместником Солхата являлся Кутлуг-Тимур, а не Алибек.

политических коллизиях того времени свидетельствует памятная запись в армянском часоце: «в году 814 (=1365), месяца августа 23, в пору многонародного волнения, так как вся страна с Ке(р)ча до Сарукармана здесь собралась – люди и скот: и Мамай находится в Карасу вместе с бесчисленными татарами, и сей город (Крым) – в ужасе и содрогании... С войною скорбь овладела всеми границами города Крым, ибо начальник, князь его (Кутлуг-Тимур – В.М.), будучи слабый, сбежал, и [нападавшие] присоединив к войску 2000 мужчин и, забрав имущество вместе с вооружением, увезли в Мол...» (Саргсян, 2004, с. 153).

Приведенные выше отрывки дают важную информацию о географии происходивших на территории полуострова военно-политических событиях лета 1365 г., охвативших практически весь Крым – от Керчи на востоке – до Херсона (Сарукармана) – на западе. По-видимому, не случайно здесь упомянуты шесть важнейших городских центра Таврики (Каффа, Солхат-Крым, Карасу, Керчь, Сугдея и Херсон), но нет сведений о Феодоро, Чембало и Каламите.

Следует, видимо, учитывать и этнический характер источников, указывающих на города полуострова, где находились наиболее значительные армянские оцины. В 1368 г. в Крыму был сильный голод. О бедственном положении жителей Солхата свидетельствует запись, оставленная на полях Библии писцом Степаносом: «...в городе Казария, что и Хримом нарицается, в летоисчисление наше 817 (=1368 г. от Р.Х.), через три года после взятия города, в который после пришёл жуткий голод и погибло бессчетное и несметное число душ, что и описать невозможно» (Саргсян, 2004, с. 156). Как видим, эпизод захвата города в 1365 г. Мамаем стал ярким событием в его истории. Поэтому Степанос специально отмечает, что голод пришёл в Солхат через три года после взятия города. Совпадение свидетельства двух письменных источников, по-видимому, нельзя считать случайностью. Появление летом 1365 г. в Крыму орды Мамаея, сопровождавшееся оргнаборами в войско хана Абдуллаха, а также погромами городов и селений

Таврики, вполне могло вызвать очередной поток массового бегства населения, как из самого Херсона, так и из его окрестностей в более труднодоступные районы горного Крыма. На данные территории распространялась власть митрополитов Готии и Сугдеи (округи Эллис и Кинсанус). Здесь ими были построены новые храмы и основаны монастыри. Впоследствии (начиная с 1382 г.) это послужило поводом для длительных споров митрополита Херсона с иерархами Готии и Сугдеи за право сбора каноникона с жителей Южнобережных поселений (*Мыц*, 1991, с. 189 – 191; *Бочаров*, 2016, с.35-37; 2017, с.46-55).

Судя по всему, широкомасштабная военная акция, предпринятая Мамаем летом 1365 г., не привела к установлению status quo на территории полуострова. Вообще создаётся впечатление, что Мамай и магистраты Каффы действовали против Кутлуг-Тимура совместно, а конфликт с тогдашним наместником Солхата был инспирирован лигурийцами преднамеренно. На это косвенно указывает то, что генуэзцы захватывают и удерживают за собой в это время не только Солдайю, но и 18 селений её округи (distretto). В Сугдее генуэзцами, с начала обладания городом, учреждается консульство и начинаются восстановительно-ремонтные работы оборонительной системы¹⁹⁸.

Характер взаимоотношений (конец 1363 - лето 1365 гг.?) и причины конфликта между Мамаем и Кутлуг-Тимуром отстаются не до конца выясненными. Суть интриги столкновения, очевидно, лежит в борьбе за власть. Имеется глухое и невнятное упоминание об этом противостоянии у Ибн Халдуна: «Мамай овладел Сарайским престолом и возвёл на него Абдаллаха, которого поставил [ханом]. У него стал оспаривать [престол] один из эмиров государства, который поставил [ханом] из детей канских другого, по имени Кутлуктемира. Мамай победил обоих и убил их» (*Золотая Орда в источниках*, 2003, Т.1, с.175). Ибн Халдун явно путает Кутлук-

¹⁹⁸ Об этом должна свидетельствовать наиболее ранняя из известных закладная плита консула и кастеллана Солдаи Леонардо Тартаро от 20 мая 1371 г. (*Skrzinska*, 1928, s. 107), хотя дата лапидарного памятника и вызывает сомнение у некоторых исследователей (*Баранов, Климанов*, 1997, с. 103).

Темира (наместника Крымского улуса) с одним из детей канских. Поэтому остается неизвестным персонаж, которого поставил [ханом] сам Кутлуг-Темир. Только в качестве гипотезы считаю возможным связать, упоминаемого в армянском источнике от 15 августа 1365 г. *Чалипэга* с креатурой Кутлуг-Темира. Под именем *Чалипэга* (в армянской огласовке) мог скрываться один из претендентов на сарайский престол времен ордынской междоусобицы. Его выдвижение Кутлуг-Темиром, по всей вероятности, и явилось причиной столкновения с Мамаем. При этом Мамаю поддержали не только генуэзцы. Среди его сторонников встречаем и младшего брата Кутлуг-Темира – Сары-ака (*Сабитов, 2011, с.121*). В дальнейшем мы видим Сары-ака среди активных сторонников Мамаю. Он выполнял дипломатические миссии пока не погиб в 1375 г. при столкновении с русскими. Своей гибелью Сары-ака снискал себе славу героя¹⁹⁹.

Повторно орда Мамаю появляется в Таврике в 1374 г. Причиной, как уже говорилось выше, явилась сильная засуха, вызвавшая эпизоотию и эпидемию в орде. В консулат Джулиано ди Кастро (11 октября 1374 г. сменил на этом посту Аймоно де Гримальди (*Пономарев, 2005, с.44*) массария Каффы демонстрирует необычайную дипломатическую активность магистратов фактории по поддержанию добрых отношений с Мамаем и господином Солхата. Несмотря на состояние войны с деспотом Добруджи Добротицей (об этом говорится в 8 документах), генуэзцы неоднократно снаряжают посольства в Орду и Солхат для встреч с Мамаем, анонимным императором татар, Ага-Мухаммадом и Акбугой. Причём, не только эти персоны, но и сыновья господина Солхата – Ага-Мухаммада – неоднократно получают

¹⁹⁹В.Г.Вернадский, оперируя собранными данными русских летописей, реконструирует последние годы (1371-1375) деятельности Сары-ака (он его называет Сары-Хоя) при дворе Мамаю. В 1371 г., как специальный посол Мамаю, он получил поручение возвести князя Михаила Тверского на владимирский престол. В том же году он побывал в Москве, где был «обласкан и одарён» Вернувшись в ставку, предложил Мамаю пригласить князя Дмитрия в Орду, что тот и сделал (*Вернадский, 1997, с.258*). В 1374 г. Мамаю посылает Сары-ака в сопровождении 1500 воинов в Нижний Новгород, чтобы нарушить союз князя Дмитрия Суздальского и Дмитрия Московского. Прибытие посольства стало сигналом к городскому восстанию против татар. В ходе боя большинство воинов и рядовых членов посольства были убиты, а Сары-ака и его телохранители оказались в плену. В 1375 г., при попытке князя Василия (сына Дмитрия Суздальского) разделить пленников на небольшие группы, татары оказали упорное сопротивление и все (в том числе и Сары-ака) погибли в ходе завязавшегося сражения (*Вернадский, 1997, с.261*).

подарки от генуэзцев. Важная дипломатическая миссия была возложена на Раффаэля де Трани, отмеченного в массарии 9 раз (Пономарев, 2005, с.118).

Дальнейшие события показывают, что, несмотря на кажущуюся толерантность татаро-генуэзских отношений, Мамай и Ага-Мухаммад требовали от лигурийцев возвращения под власть наместника Солхата сельских поселений округа Солдайи и Готии. Магистраты Каффы предпринимают энергичные меры по укреплению своих факторий, увеличивая численность гарнизонов. Поэтому не случайно к осени 1374 г. относятся сведения о пребывании в ряде важнейших пунктов приморской Готии (Алуште, Партените, Гурзуфе и Ялите) генуэзских чиновников (прежде всего, консулов) и наёмников, которым массариями Каффы выплачивалось жалованье. Согласно свидетельству одного из документов, датированных 4 ноября 1374 г., в Готию со специальной миссией были отправлены соции (*socii*) коммуны Каффы Антониу де Акурсу и Джованни де Бургару (*Iorga*, 1899, с. № 7, 8; Пономарёв, 2005, с. 137, 124). До сих пор неизвестно, когда и как были возвращены под юрисдикцию Солхата (приобретенные летом 1365 г.) 18 селений Солдайи и *казалии* прибрежной Готии. Вероятно, удалось достигнуть (устраивавшее обе стороны) соглашение, так как военного столкновения между генуэзцами и татарами на этот раз не произошло. Не ясно также, кем из консулов в 1375 г. осуществлялась передача захваченных во время конфликта с КутлугТимуром территорий - Джулиано ди Кастро (исполнял обязанности до октября 1375 г.) или его преемнике – Элиано де Камилла.

Здесь, вероятно, уместно коснуться ещё одного недоразумения, относящегося к историографии города Феодоро. Дело в том, что в 1935 г. Н.Бэнеску был опубликован фрагмент записи массарии Каффы, датированной 20 декабря 1374 г. «*Theodoro Mangor contrata bazariorum*» (*Banescu*, 1935, p. 21). А.А.Васильев в своей работе лаконично отметил: «Есть один неопубликованный генуэзский документ, в котором под датой 20 декабря 1374 г. упоминается «Феодоро – Мангоп» (*Vasiliev*, 1936, p. 187, №

2). Столь же краток в характеристике источника и А.Г.Герцен: «В 1374 г. генуэзский документ упоминает двойное имя: «Мангуп-Феодоро» (*Герцен, 1990, с.138*). Х.-Ф.Байер, отмечая неустойчивое значение топонима Хазария, также обратился к свидетельству от 20 декабря 1374 г., где, по его мнению, речь идёт о «Theodoro Mangor contrata Bazariogum» и предложил свой вариант перевода в виде «Феодоро-Мангоп, район хазар» (*Байер, 2001, с.287, прим.793; Мыц, 2003, с. 320*).

Однако А.Л.Пономарёвым, в издании просопографической анкеты, составленной на основе массарии Каффы 1374 г., интересующий нас сюжет представлен в таком виде: Theodorus Mangofi [grechus, bazariotus, habitator in contracta St.Georgii] 37 v. (*Пономарёв, 2005, с. 133*). Из чего становится очевидным, что в латинском источнике речь идёт не о городе Феодоро-Мангупе, а о Феодоре Мангофи, греке, живущем в квартале Св. Георгия, расположенном возле базара Каффы.

Генуэзцам не удалось надолго закрепиться на территории побережья. Уже в 1375 г. Мамаем были возвращены под юрисдикцию наместника Солхата селения Сугдеи и Готии (*Balard, 1978, р. 161*). Коммуна Каффы, судя по всему, сохранила за собой только города Сугдею, Чембало и Воспоро (рис.116). Окончательно юридическое закрепление за Генуей 18 селений округа Солдаи и Готии произошло только в 1380 – 1381 гг., когда с небольшим интервалом было подписано два договора с татарами. Текст договора, от 23 февраля 1381 г., идентичен содержанию предыдущего (от 28 ноября 1380 г.), - из него только изъята фраза «которые суть христиане» (li quau sum cristiani) (*Vasiliev, 1936, р. 178 – 179; Джанов, 2020, с.675-713*). По мнению А.А.Васильева, население отошедших к генуэзцам территорий состояло из христиан и мусульман. Подобная редакция текста договора 1381 г. позволила ему предположить, что Коммуне Генуи было передано право юрисдикции над всем населением в целом (*Vasiliev, 1936, р. 178 – 179*). Самой процедуре подписания договора, о чём свидетельствует отчётный

документ массарии Каффы от 11 марта 1381 г.²⁰⁰, предшествовали дополнительные переговоры, для чего нотариусу Каффы Антонио Мдзурро, в сопровождении ещё нескольких должностных лиц, пришлось осуществить поездки в Солхат (для встречи с Ильясбеем?) и через всю Готию до Чембало. За успешно осуществленную дипломатическую миссию по подготовке к подписанию договора Антонио Мдзурро и штат нотариуса консульской курии Каффы получил на оплату расходов поездки 100 аспров (*Iorga*, 1899, p. 17). На рождественские праздники 25 декабря 1380 г. консул Каффы – Джанонно ди Боско – устроил торжественный обед, пригласив на него делегацию из Солхата, возглавляемую Ильясбеем. На содержание посла хана и викария Готии - (*vicarius Gotie*) Джованни ди Камольи²⁰¹ - массарией Каффы израсходовано 478 аспров (*Iorga*, 1899, p. 16). В связи с этим А.А.Васильев высказал предположение, что титул *Vicarius ripariae maris Gotie* был учреждён временно при подготовке и подписании договоров 1380 и 1381 гг. Затем, после полного примирения с татарами в 1387 г., вновь приобретенная территория была преобразована в Капитанство Готии (*Capitaneatus Gotie*), а её правитель стал именоваться капитаном Готии (*capitaneus Gotie*), резиденция которого располагалась в Каффе (*Vasiliev*, 1936, p. 182). Но нам не известны имена капитанов Готии с 1380 до 1429 г., то есть на протяжении почти 49 лет истории генуэзских факторий в Крыму, что не может быть случайностью, обусловленной нерепрезентативностью опубликованных источников. Интересно также отметить появление в Каффе (1382/83 гг.) должности *тудуна*, как представителя татарской администрации. Его титул в латинских источниках звучит как викарий ханлюков (*Titanus seu Vicarius Canlucorum*) (*Устав*, 1863, с.763, прим. 114).

²⁰⁰ Массария Кафы второй половины 1379 – начала марта 1381 гг. 11 марта 1381 г. в порт Кафы вошла галера Джованни Fereihio, на которой, с опозданием почти на полгода, прибыл новый консул колонии, массарии, матросы и соции. До 17 марта Джанонно ди Боско (исполнял должность консула почти полтора года) передавал свои полномочия Jhanissio ди Мари (*Пономарёв*, 2000, с. 324 – 325).

²⁰¹ Среди всего перечня должностных лиц, причастных к передаче Генуе Готии в 1380 – 1381 гг. и отмеченных в источниках, длительное время наиболее загадочным являлась персона викария Готии. Но благодаря публикации А.Л.Пономарева стало известно, что эту должность в 1380 г. занимал Джованни ди Камольи, при котором в качестве капеллана состоял Бернардо Surdus (*Пономарев* 2000, с. 326; 430).

Власть тудуна распространялась на подданных хана, проживавших на территории, так называемой Кампании (*campana*), созданной, по-видимому, по договору между генуэзцами и Тохтамышем в 1382/83 г., когда татарам было разрешено жить в Каффе. С этой целью учреждается особое сельское управление - *officium campanie*, состоящее из четырёх членов и подчинявшееся золотоордынскому наместнику – тудуну и консулу фактории (*Устав*, 1863, с. 830 - 831, прим. 114; *Бочаров*, 2011, с.137-145)²⁰². А.А.Васильев считал, что средневековые администраторы, занимавшиеся подготовкой договоров 1380, 1381 гг., под Готией подразумевали узкую прибрежную полосу от Балаклавы до Судака, ограниченную с севера Яйлой – так называемую *ripa marina Gotia* (*Vasiliev*, 1936, с. 180 – 181). В текстах договоров нет такого историко-географического понятия, как *морское побережье Готии* или *Приморская Готия* (*Silvestor de Sacy*, 1827, р. 53 - 58; *Desimoni*, 1887, р. 161 – 165), а встречается только обобщенное название – *Готия* (*Gotie*). В договоре 1387 г. Готия вообще не упоминается, так что ссылка на него А.А.Васильева не совсем уместна. Не известно, какое соглашение было достигнуто между Мамаем (Ага-Мухаммадом?) и консулом Каффы Бартоломео де Якобо, консулат которого приходится на 1365 г. (*Balard*, 1978, р. 902), и на что содержится указание в договоре от 12 августа 1387 г. (*Silvestor de Sacy*, 1827, с. 62 - 64; *Смирнов*, 1887, с. 138; *Basso*, 1991, с. 25). К настоящему времени известен один генуэзский документ 1382 г., в котором упоминается господин Феодоро по имени *Аффендизи* (?), его брат, внуки, люди и подданные (*Airaldi*, 1974, р.103; *Ganchou, Minghiras*, 2003, р.111-118; *Кизилов*, 2015, с.71). Предполагается, что представленное здесь имя или прозвище правителя Феодоро может быть искажённым греческим *афентис*

²⁰² В 40 – 70-х гг. XV в. тудун назначался крымским ханом и консулом Каффы совместно из рода Ширин (Мамак, Эминек, Сейтак). О реальной важности и значимости должности тудуна говорят источники XV в. Жители Каффы снабжались продовольствием, в основном, поступающим из Кампании. Поэтому, после ссоры с Менгли-Гиреем и официалами города, которые не поддержали его кандидатуру, правитель Кампании (тудун) Эминек запретил населению прибрежных районов доставлять продукты в Каффу, отчего начался голод. Массарии Каффы вынуждены были снаряжать корабли в Трапезунд и Монкастро для закупки продовольствия. Иную точку зрения на территорию и управление Кампанией см. (*Бочаров*, 2011, с.137-145).

(князь, правитель) или тюркским *эфенди*, производным от того же греческого слова (Кизилов, 2015, с.71; Мыц, 2021, с.537).

При этом следует особо отметить, что ни один из латинских письменных источников 60-80-х гг. XIV в., особенно касающихся татаро-генуэзских взаимоотношений, ни разу не упоминают город Феодоро или господ Феодоро даже когда речь идет о Готии²⁰³. Представители местной администрации Феодоро также не принимают какого-либо участия в переговорных процессах. Вопросы передачи Готии в управление Коммуне Генуи решают татары самостоятельно. Поэтому высказанное Н.В.Малицким предположение, что относительно статуса Мангупа между татарами и генуэзцами существовало якобы особое соглашение, остаётся ничем не подтверждённым. Пока всё указывает на полное подчинение и во второй половине XIV в. территории Юго-Западного Крыма наместнику Крымского улуса Золотой Орды. В то же время, в массарии Каффы 1374 г. (как полагает А.Л.Пономарёв) однажды встречено упоминание анонимного правителя Кырк-Ера ([anonim] [dominus Chercharum]) (Пономарев, 2005, с.45, 49).

3.5. Не состоявшийся Крымский поход Тимура 1395 г.

Историография средневекового Крыма до настоящего времени хранит в себе ряд анахронизмов, одним из которых, является так называемый *крымский поход Тимура в 1395 г.* и интерпретация исследователями последовавших за этим событий. Походам Тимура (1336-1405), осуществленным им в 90-х гг. XIV в. было суждено сыграть роль одного из определяющих внешнеполитических факторов в истории причерноморского региона и Крыма. Масштабные военные экспедиции Тимура в 1391 и 1395-1396 гг., в конечном итоге, привели к развалу Золотой Орды (Сафаргалиев, 1996, с.429-433; Греков, Якубовский, 1998, с.249-274). Вероятно, одним из первых, кто внёс в археологическую литературу о средневековом Крыме и развил тезис о тимуровском погроме полуострова в 1395 г. был А.Л.Якобсон.

²⁰³ Не известен в XIV в. и Мангуп. Это название города появляется в письменных источниках только в 70-х гг. XV в.

Он, создавая для своих фундаментальных работ компилятивные очерки письменных источников (*Скржинская*, 1953, с.253-269; *Богдановна*, 1995, с.107), всегда следовал в кильватере конъюктурных построений своих предшественников-историков: Ф.К.Бруна, В.Д.Смирнова, Ф.А.Брауна, В.В.Латышева, Н.В.Малицкого, А.А.Васильева и др.. Начало разработки этой темы было положено А.Л.Якобсоном в 1950 г., когда вышел из печати первый том автора «Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.)». В главе I исследователь писал, что разрушение «Херсона довершили... события самого конца XIV в. Речь идёт о вторжении в Крым полчищ нового золотоордынского временщика – Едигея (Идику-Идике), который воцарился в последние годы XIV в. (после 1397 г.)» (*Якобсон*, 1950, с.42). В данном случае мы не находим ссылки на какой-либо письменный источник, указывающий на вторжение Едыгея на территорию полуострова. А.Л.Якобсон считал, что это вторжение являлось эпизодом длительной борьбы, которую переживала Золотая Орда, нашествия Тимура привели в к гибели огромной державы. В очередной раз Тохтамыш был разбит в 1395 г. По мнению Якобсона в Крым хлынули полчища золотоордынских эмиров, изменивших Тохтамышу и ставших на сторону Тимура. Волна татарских погромов, учиненных в Крыму Едигеем и его ставленниками, не миновала Херсон, «к тому времени фактически беззащитный. Не эти ли татарские погромы самого конца XIV в. явились причиной того всеобщего пожарища, в котором, как показывают раскопки, окончательно погиб город?». В заключении А.Л.Якобсон пришёл к выводу, что «для XV в. невозможно указать ни одного подобного события, с которым это пожарище можно было бы связывать. И уж во всяком случае, это не связано было с турецким захватом Крыма в 1475 г., ибо к тому времени Херсон, как известно, фактически был уже необитаем» (*Якобсон*, 1950, с.42).

Из представленной цитаты видно, что А.Л.Якобсон привлёк исторический материал, состоящий из кратких ссылок на работы В.Д.Смирнова и Н.В.Малицкого. Причём сделал это лишь с целью

определить причины (их он находит в татарских погромах) тотального пожара конца XIV в., в котором якобы окончательно погиб Херсон. В дальнейшем исследователь убедился, что открытые на территории средневекового города верхние слои пожара не выходят за пределы XIII в. и поэтому связал произошедшую катастрофу с нашествием в 1299 г. орды Ногая (*Якобсон, 1973, с.129*). Тем не менее, озвученная ранее тема нашествия на Крым в конце XIV в. татарских полчищ Едигея продолжает, хотя и в разной тональности, звучать в его работах.

Касаясь истории княжества Феодоро во второй половине XIV в. А.Л.Якобсон, в монографии «Средневековый Крым» писал: «ослабление татарского господства... означало относительную независимость княжества (а может быть, и покровительство татар), и определённая стабилизация в Крыму благоприятствовали усилению Феодоро. Запустевшие селения и плодородные долины юго-западного Крыма начали, по-видимому, заселяться и наполняться жизнью». Далее, ссылаясь на В.Д.Смирнова (*Смиронов, 1887, с.148, 169*), он делает собственное заключение: «Однако процесс этот прервали новые события: в самом конце XIV в. сюда нагрянули полчища татарского временщика Идики (Едигея), ставленника Тимура, преследовавшего здесь одного из сыновей хана Тохтамыша, пытавшегося обосноваться в Крыму. Огнём и мечём прошло по западному Крыму татарское войско» (*Якобсон, 1964, с.124*). В научно-популярной книге 1973 г. А.Л.Якобсон предлагает несколько иную редакцию данного сюжета в истории и археологии средневекового Крыма: «Новая обстановка не могла не способствовать оживлению края: запустевшие селения и плодородные долины юго-западного Крыма начали заселяться. Однако процесс этот снова прервали нагрянувшие сюда в 1399 г. огромные полчища татарского временщика Идикэ (Эдигея). С огнём и мечём прошло по юго-западному Крыму татарское войско» (*Якобсон, 1973, с.129 и сл.*).

Таким образом, благодаря изысканиям А.Л.Якобсона, в литературе появилось две даты разрушения поздневизантийского Херсона, разделённые

интервалом ровно в сто лет – 1299 и 1399 гг. Но если первая была подкреплена не только ссылкой на письменный источник, но и реальным археологическим материалом из раскопок памятника, то вторая – введена чисто декларативно. Вероятно, поэтому современные исследователи Херсона (А.И.Романчук), Феодоро (А.И.Герцен) и Солхата (М.Г.Крамаровский) придерживаются даты 1395 г., когда, по их мнению, в результате похода Тимура (или его креатуры – Едигея) произошло разграбление и разрушение данных средневековых городов Крыма.

При этом они избегают не только рассмотрения историографии затронутой темы, но также предпочитают ограничиться формальными ссылками на более ранние работы историков, предпринимавших попытки анализа некоторых письменных источников или просто отсылают читателя к данным свидетельствам. Имеющийся в их распоряжении археологический материал призван играть роль материальной иллюстрации не реальных событий, а сложившейся ещё в XIX в. историографической традиции. Попытаюсь представить основные аргументы, используемые А.И.Романчук, А.Г.Герценом и М.Г.Крамаровским в качестве подтверждения крымского похода Тимура (или его креатуры) Едигея) в 1395 г. По их мнению таковыми являются материалы проведённых археологических исследований и свидетельства письменных источников.

3.5.1. Археологический контекст политических событий 1395 г.

А.И.Романчук, в серии своих работ, вышедших с начала 80-х гг. прошлого века, полемизируя с А.Л.Якобсоном, считавшим, что после событий конца XIII в. Херсон не был больше крупным поселением (*Якобсон*, 1959, с.233), поставила перед собой задачу во что бы то ни стало доказать существование Херсона в XIV в., как по-прежнему значительного экономического, политического и культурного центра Юго-Западного Крыма (*Романчук*, 1982, с.89-113; 1997, с.280; 1999, с.187-202; 2000, с.205; 2003, с.261-269; 2005, с.102 и др.). Дату разрушения города в XIV в. исследовательница относит к самому финалу столетия - 1395/96 г., когда в

Таврике якобы появляется карательная экспедиция Тимура, действовавшая против феодалов, выступивших на стороне Тохтамыша, в частности против укрепившегося в Крыму Таш-Тимура (*Романчук*, 1982, с.90; 1997, с.280; 1999, с.187-202; 2000, с.185).

Однако связь данных событий (предполагаемая борьба за Крым между Тамерланом и Таш-Тимуром в 1395 г. уже после поражения Тохтамыша) с выявленным в ходе раскопок в портовой части Херсона археологическим материалом вызывает сомнения. В основном исследовательница в своих выводах опирается на демонстрацию, как наиболее яркой составляющей закрытых комплексов, монет и поливной керамики. Дело в том, что исследователи Херсона крайне редко отмечали в припортовой части города (в других районах они не известны) находки монетных номиналов XIV в. времени правления ханов Золотой Орды – Тохты (1290-1312), Узбека (1313-1342) и Джанибека (1343-1357) (*Богданова*, 1991, с.70, 160-163; *Романчук*, 1999, с.201; 2005, с.101-102). К этой же группе примыкает и одна серебряная монета сербского короля Стефана Душана (1331-1355) (*Бобринский*, 1905, с.16). Причём, наиболее молодым датированным монетным номиналом из верхнего слоя пожара является монета мамаевского хана Абдуллаха (1362/63-1368/69) (*Богданова*, 1991, с.162). Только в одном случае вроде бы удаётся определить залегание джучидских монет на разных уровнях слоёв разрушения памятника: в верхнем слое встречены монеты Тохты (1213-1313), а в слое выше, перекрывавшим его, - Узбека (1313-1339) и Джанибека (1338-1357) (*Романчук*, 2005, с.101-102). Но, к сожалению, ни одна из этих находок не опубликована, как и не представлена стратиграфия залегания этих артефактов.

В работе о кувшинах и мисках из слоя пожара XIV в. (*Романчук*, 2003, с.261-269, рис.1-10). А.И.Романчук продолжает отстаивать свою прежнюю точку зрения о существовании Херсона и XIV в., как крупного торгово-ремесленного центра Юго-Западного Крыма. В качестве доказательства правоты своего заключения она приводит два аргумента: 1) находки монет

на территории городища и, в частности, в портовом районе (*Романчук, 2003, с.261*); 2) свидетельства письменных источников о борьбе Херсонского иерарха за спорные территории в конце XIV в. (*Романчук, 2000, с.199-201*).

К письменным источникам обратимся позднее, а сейчас рассмотрим привлекаемые в качестве доказательства существования Херсона и в XIV в. как важнейшего экономического центра юго-западного Крыма, нумизматические материалы. Несколько ранее, в монографии, продолжая давно начатую дискуссию с А.Л. Якобсоном, считавшим Херсон XIV в. незначительным по своим размерам поселением, А.И.Романчук заключает, что такому выводу противоречат находки монет XIV в. (*Романчук, 2000, с.186*). Но исследовательница избегает каких-либо характеристик нумизматических материалов, отсылая читателя к отчёту К.К.Косцюшко-Валюжинича за 1895 г. (*ОАК, 1897, с.21*), сводной характеристике монет из раскопок северо-восточной части Херсонеса в 1908-1912 гг., подготовленной Л.Н.Беловой-Кудь (*Белова-Кудь, 1931, №№28, 107, 172, 200, 208, 247, 282, 320, 396, 518, 536*)²⁰⁴ и двум публикациям А.М.Гилевич, содержащим самый общий анализ монетных находок из раскопок портового района в 1963-1966 гг. (*Гилевич, 1971, с.96; 1973, с.29*).

В отчете К.К.Косцюшко-Валюжинича содержится важная информация об обнаружении 10 джучидских монет с наружной стороны оборонительной стены (*ОАК, 1897, с.91*). К этому следует добавить, что ещё одна медная монета Золотой Орды с изображением тамги и печати Соломона находилась вместе с останками шести человек, лежавших в беспорядке между оборонительной стеной и протейхизмой (*ОАК, 1897, с.96*). В ходе раскопок портового района в 1963-64 гг. найдено 467 монет. Определить удалось 362 экземпляра. Среди них оказалось 12 джучидских XIII-XV вв.: 2 относятся к XIII в. (№ 12, 276) и 9 к XIV-XV вв.(№24, 28, 29, 201, 254, 261, 263, 279,

²⁰⁴Ссылка А.И.Романчук на номера монет в публикации Л.Н.Беловой-Кудь, как на монеты XIV в. вообще вызывает недоумение, потому что только 3 из них (№28, 282, 536) - *восточные*, а № 396 (3 монеты) – *восточно-сельджукские*. Остальные номиналы (№107, 172, 200, 208, 247, 320, 518) представляют собой позднеримские и византийские монеты (до Константина VII включительно).

283) (Гилевич, 1971, с.62, 64). Дата чеканки устанавливается только для №12 (Туда Менгу – 1282-1287) и № 261 (дирхем 136[1]?). Остальные датированы приблизительно XIV-XV. Из 693 монет, обнаруженных в результате раскопок портового района 1965-1966 гг., 16 определены А.А.Быковым как восточные и только 5 оказались джучидскими номиналами XIII-XIV вв. (Гилевич, 1973, с.29). Наиболее ранней является монета 1266/67 г. Менгу Тимура (помещение 53а, слой 3) (Гилевич, 1973, №221). Ещё две монеты чеканены от имени хана Узбека (1313-1342) (одна найдена в верхнем слое помещения 37 (№67), а вторая – в помещении 58, в слое 3, над слоем горения²⁰⁵). Отдавая отчёт в малочисленности имеющегося нумизматического материала XIV в., А.И.Романчук предлагает пополнить монетный фонд данного времени номиналами херсонесской анонимной чеканки с монограммой ρω, так как они встречаются в и верхнем слое гибели города (Романчук, 1996, с.300). По этому поводу автор, ссылаясь на Н.М.Богданову, заключает, что находки монет чрезвычайно важны для оценки торговых связей города. Херсон принимал активное участие в торговле Северного Причерноморья во второй половине XIII – XIV в.

Полностью согласиться с таким выводом не позволяет демонстрируемый в таблицах материал: к XIV в. из 120 монет крымских ханов и Золотой Орды относится только 16. Это обстоятельство порождает сомнение в правильности вывода (Романчук, 1996, с. 300). А.И.Романчук не приводит общее количество монет с монограммой ρω, встреченных в слое XIV в., а ссылается на единственное заключение А.М.Гилевич, что верхний слой в 1963 г., дал 22 монеты с монограммой. Кроме херсоно-византийских монет здесь обнаружены монеты Джучидов XIII-XV вв. и византийская монета Михаила VIII Палеолога (1261-1282 гг.). Эти нехерсонесские монеты

²⁰⁵ Следует обратить внимание на годы правления ханов Тохты, Узбека и Джанибека, постоянно указываемые исследовательницей средневекового Херсона неверно. Например, хан Тохта скончался в среду 9 августа 1312 г., но Узбек воцарился только в рамазане 712 г.х. (=январь 1313 г.). Дата его смерти относится к шевалле 742 г.х. (=10 марта – 7 апреля 1342 г.), после чего на престол вступил один из его сыновей - Джанибек (*Золотая Орда в источниках*, 2003, т.I, с.100, 117, 324).

говорят о том, что слой может быть датирован временем не ранее конца XIV-XV вв. (Гилевич, 1971, с.63-64; Романчук, 1996, с.302).

Как кажется, если даже к 16 джучидским монетам XIV (?) в. прибавить 22 медные анонимные херсонесские XII-XIII вв. с монограммой ρω, то экономика Херсона этого времени не будет выглядеть более развитой. Обращение к нумизматическому материалу дало А.И.Романчук возможность прийти к важному заключению, которым она до сих пор так и не воспользовалась: «в слое разрушения найдены две монеты Тохты (1290-1313), а в засыпи перекрывавшей его – Узбека (1313-1339) и Джанибека (1339-1357). Все это, без сомнения, позволяет говорить о том, что пожар, приведший к разрушению усадьбы, имел место не ранее 60-х годов XIV в.» (Романчук, 1996, с.302).

В дальнейшем эта дата (60-е гг. XIV в.), на которую указывает нумизматический материал из верхнего слоя разрушения портовой части Херсона, исчезает из работ А.И.Романчук, а остаётся только 1395 г., как время разрушения поздневизантийского города Тимуром. Остаётся только сожалеть, что исследовательница, уже в который раз, не даёт возможности читателю получить хотя бы самое общее представление не только о составе так называемых закрытых комплексов 1395 г. из слоя пожара XIV в. в портовом районе Херсона, но также и об их топографии, стратиграфии и нумизматическим находкам. (Романчук, 2003, с.266).

Основываясь исключительно на материалах портового района города, А.И.Романчук приходит к выводу: «Вряд ли Херсон в XIV в. сократился до жалкого, незначительного по размерам поселения «с точечной застройкой», расположенного в основном в портовом районе... Возможно, в будущем мы сможем дать объяснение, почему в том или ином из кварталов Херсона поздневизантийского периода сохранились (или отложились) материалы XIV в., в других же они отсутствуют» (Романчук, 2003, с.269).

Перспектива дискуссии очевидна. Чтобы придать ей научное направление, необходимо опубликовать данные стратиграфии памятника. А этого так и

не сделано А.И.Романчук за четыре десятилетия изучения портового района города. Желательно, чтобы в ней также нашла отражение фиксация нумизматических и других находок в местах их залегания с материалами закрытых комплексов, связанных со следами тотальных или локальных пожаров и разрушений. Только в случае решения данной задачи споры по поводу времени гибели поздневизантийского Херсона наконец приобретут конструктивный характер и форму корректной научной дискуссии (Богданова, 1995, с.104-116).

Издание Х.-Ф.Байером на русском языке поэмы иеромонаха Матфея «Сказание о городе Феодоро», предположительно датированное публикатором 1396 г. (Байер, 2001, с.196), вдохновило А.Г.Герцена вновь обратиться к разработке идеи разгрома Мангупа войсками Тамерлана. Первым идею непосредственной связи сообщаемых в поэме Матфея сведений о запустении города Феодоро и походом Тамерлана в 1395 г. высказал А.А.Васильев (Vasiliev, 1936, p.191). В представлении А.Г.Герцена в середине 1390-х гг. Крым оказался втянутым в борьбу между Тохтамышем и Тимуром. В результате этого «юго-западная часть полуострова подверглась разгрому, сопоставимому по последствиям с учинённым здесь ранее Ногаем». Он считает, что «главный удар пришёлся по возрождённой столице княжества Феодоро, обращённой в руины». Иеромонах Матфей летом 1395 г. наблюдал последствия этого погрома. Матфей оставил описание Феодоро в «форме стихотворного диалога между странником и городом, лежащим в руинах. Восхищаясь необычностью и живописностью местоположения, странник в то же время с горечью оплакивает безлюдность города, что в дальнейшем изложении объясняется басурманским нашествием» (Герцен, 2007, с.279-280).

Начало возрождения жизни на Мангупе исследователь относит к 60-м гг. XIV в., основываясь на надписи, обнаруженной во время раскопок Большой базилики в 1913 г. и считает, что в ней «говорится о восстановлении в 1362 г. Феодоро и строительстве некоей «Пойки», под которой следует, вероятнее

всего, понимать цитадель – фактически кремль будущего города» (*Герцен, 2007, с.27*).

Если следовать хронологической схеме истории Феодоро второй половины XIV в., которую предлагает А.Г.Герцен, то возрождённый в 1362 г. город был разрушен в 1395 г. в результате нападения войск Тимура (или Едигея). В таком случае на территории памятника и, прежде всего, в цитадели города, в ходе многолетних раскопок должны были быть обнаружены закрытые комплексы, представленные артефактами, отложившимися в культурных напластованиях на протяжении 1362-1395 гг. Однако исследователю до сих пор ни разу не удалось продемонстрировать археологических комплексов Мангупа, датированных этим временем. Поэтому он вынужден прибегать к характеристике материала самого общего порядка, датируя имеющиеся находки XIV-XV вв. В работе по поливной керамике из раскопок цитадели Мангупа А.Г.Герцен и В.Е.Науменко отмечают, что «наилучшим образом здесь представлены культурные горизонты, относимые к последнему этапу жизни акрополя Мангупа – слою функционирования и разрушения XIV-XVI вв.». По мнению авторов «цитадель может рассматриваться как пространственно закрытый комплекс, этапы развития которого установлены в результате многолетних исследований» (*Герцен, Науменко, 2005, с.257*).

Согласно сформулированной ранее А.Г.Герценом концепции создания архитектурного ансамбля памятника, выделяется и два этапа формирования культурного слоя цитадели Мангупа запечатлённых в археологической ситуации. Первый этап охватывает временной отрезок от начала строительства цитадели в 60-х гг. XIV в., включает в себя «связанное с ним разрушение жилых построек, оказавшихся на трассе северо-западной куртины», и завершается частичным разрушением «цитадели в конце этого столетия» (1395 г. – В.М.). Второй этап начинается с восстановления и реконструкции оборонительных рубежей акрополя Феодоро в 20-гг. XV в. (*Герцен, Науменко, 2005, с.261*).

После столь чёткого определения хронологии формирования культурного слоя, выявленного по заверению исследователей в ходе многолетних археологических раскопок на мысе Тешкли-Бурун, можно было надеяться на то, что и характеристика материала будет представлена разделенной на два периода: 1) 1362-1395 гг. и 2) 20-70-е гг. XV в. К тому же в ней найдётся место и для описания закрытых комплексов, содержащих материалы двух периодов. Их верхние даты соответственно относятся к 1395 и 1475 гг. Однако авторы неожиданно считают, что с достаточной уверенностью можно большинство керамических находок отнести к последнему периоду, то есть к 1420-1470-м гг. (*Герцен, Науменко, 2005, с.261*). Далее А.Г.Герцен и В.Е.Науменко дают обобщённую характеристику красноглиняной поливной керамики XIV-XV вв. условно разделённой ими на две большие группы – монохромную и полихромную. При этом авторы считают необходимым подчеркнуть, что «обе группы имеют идентичные по форме сосуды, поэтому не несут в себе каких-либо хронологических различий» (*Герцен, Науменко, 2005, с.261*).

Подобное замечание было бы более уместным для хронологической группы 20-70-х гг. XV в. (второго этапа существования жизни на территории цитадели), но никак не XIV-XV вв.²⁰⁶ Количественное соотношение находок вряд ли можно объяснить случайностью выборки или почти полным уничтожением культурного слоя с материалом XIV в. в ходе строительных работ XV в. При раскопках цитадели выявлены коллекции более раннего времени (X-XIII вв.).

Опубликованные коллективом авторов (А.Г.Герцен, А.Ю.Землякова, В.Е.Науменко, А.В.Смокотина) стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун не создают впечатления

²⁰⁶Обратимся к опубликованным А.Г.Герценом и В.Е.Науменко изображениям поливной керамики из раскопок цитадели Мангупа. На 23 графических рисунках представлен 171 фрагмент или археологически целые изделия (*Герцен, Науменко, 2005, рис.1-23*). В основном она состоит из пяти хронологических групп: 1) X-XI вв. (31 =18,1%); 2) XIII в. (53 =30,9%); 3) XIV (1=0,58%); 4) XV в. (79=46,2%); 5) XVI-XVII вв. (17=9,9%). Материал XIV в. представлен одним фрагментом, т.е. 0,58% от общего количества опубликованных поливных изделий (*Герцен, Науменко, 2005, рис.6,12*).

существования здесь чётко выраженного слоя, который бы свидетельствовал о массовом сбросе археологического материала XIV в. с юго-восточного склона мыса (Герцен и др., 2006, с.371-427, рис.1-54). Представленная в данной публикации характеристика находок, опять дана обобщенно, в необычайно широких хронологических пределах XIV-XVI вв. (в статье фигурирует, как комплекс находок из 2-го слоя в квадрате Б 2003 г.) (Герцен и др., 2006, с.376-392). Эта характеристика оказывается полностью подчинённой уже известной концепции существования памятника в феодоритский период (XIV – третья четверть XV вв.). Данный слой связан, как пишут авторы, «с формированием на плато города Феодоро – центра одноимённого княжества в юго-западной части Крыма... После разрушительного похода армии Тамерлана в конце XIV в. возрождается в 20-х гг. следующего столетия, постепенно приобретая столичный облик» (Герцен и др., 2006, с.371). Очевидно, что авторам не удастся выделить из общего состава материала артефакты XIV в. связанные со слоем разрушения Мангупа в 1395 г. войсками Тамерлана. Поэтому они лаконично заключают: «Более 60% находок керамики, стеклянных, костяных, металлических изделий, с определенными оговорками, характеризует материальный комплекс городища XIV-XV вв., прежде всего, его наиболее изученной на сегодня в археологическом отношении части – Мапгупской цитадели» (Герцен и др., 2006, с.391)²⁰⁷. А.Г.Герцен, касаясь содержания надписи 1361/62., даёт объяснение продолжительному отсутствию признаков жизни на памятнике: «Из текста следовало, что в начале 60-х гг. XIV в. на плато велись значительные строительные работы по «восстановлению Феодоро». Смысл этого выражения хорошо согласуется с археологическими данными, которые показывают, что, по крайней мере, с середины XI по XIV вв. в жизни поселения был «мёртвый сезон», представленный на городище лишь

²⁰⁷ Исследователи, намечая в общих чертах основные этапы истории городища на протяжении III-XVIII вв., между 3 (Фемный (середина IX – середина XI вв.) и 4 (Феодоритский (XIV – третья четверть XV вв.) этапами, оставляют ничем не объяснимую хронологическую лагуну протяженностью в два с половиной столетия в истории Мангупа (вторая половина XI-XIII вв.) (Герцен и др., 2006, с.371).

единичными артефактами (монета Андроника I, несколько фрагментов поливной посуды) не говоря уже о культурных напластованиях» (*Герцен, 2003, с.570*)²⁰⁸. Подобному выводу явно противоречит как массовость находок XII-XIII в., составляющих 30,9 % всей поливной керамики X-XVII вв., так и их хорошая сохранность (некоторые изделия представлены целыми археологическими формами (*Герцен, Науменко, 2005, рис.3; 5, 5*). Если стратиграфические горизонты этого времени не выявлены, то тогда возникает вопрос, каким образом относительно хрупкие керамические изделия могли сохраниться в таком количестве и состоянии до нашего времени, будучи неоднократно перемещаемыми при повсеместных строительных работах, начиная с 1362 г., как об этом пишет А.Г.Герцен? И где тогда находится широко анонсируемый А.Г.Герценом слой гибели Мангупа-Феодоро, связанный с якобы произошедшим летом 1395 г. нападением «орды Едыгея (креатуры Тимура)» (*Герцен, 2003, с.577*). В таком случае автор, ведущий исследования Мангупа более пяти десятилетий, должен был представить в подтверждение правоты своих слов закрытые комплексы, содержащие (согласно его уверениям) материалы 60-90-х гг. XIV в. и стратифицированный слой разрушения города 1395 г. Однако, насколько мне известно, этого до настоящего времени не произошло. В качестве литературных доказательств разрушения города Феодоро Тамерланом летом 1395 г. А.Г.Герцен использует 2 строки из поэмы иеромонаха Матфея: «увидел и тела мертвых и массы останков и черепа без костей, а останков кучи» (*Байер, 2001, с.297, ст.54-55*). Видимо, поэтому А.Г.Герцен заключает: «Строки 54-55 рисуют трагическую картину следов побоища» (*Герцен, 2003, с.573*). При этом исследователь указывает на то, что «Во время раскопок в разные годы и в различных местах плато обнаруживались человеческие

²⁰⁸ Однако, как видно из представленных выше подсчетов, опубликованный материал в виде фрагментов поливной посуды указывает на то, что в жизни Мангупа-Феодоро в XII-XIII вв. не было, по выражению А.Г.Герцена, «мертвого сезона», а по своей интенсивности он уступал только XV в. К тому же исследователь никак не комментирует появившееся в печати сообщение А.Н.Коршенко о находке на Мангупе медных скифатных монет с именами деспотов Мануила и Андроника, выпуск которых относится к 40-60 гг. XIII в. и связывается с попыткой организации здесь местной чеканки (*Коршенко, 1998, с.48-49*).

скелеты, обычно без инвентаря, но с явными признаками соблюдения традиций христианского обряда» (*Веймарн*, 1953, с.422-424; *Герцен*, 2003, с.573).

До настоящего времени единственным из наиболее ярких комплексов 30-50-х гг. XIV в. (?) является обнаруженный в ходе раскопок 2005 г. Н.И.Барминой в Большой базилике Мангупа (погребение №481) серебряный с позолотой парадный пояс (*Крамаровский*, 2008, с.278-298, рис.1а; 2; 3а,в). Пояс состоит из 16 частей (рис.157).

Из представленного краткого обзора, очевидно, что А.Г.Герцен не может найти и продемонстрировать датированных 1390-ми гг. и подтверждённых стратиграфией не только жилых, хозяйственных и оборонительных комплексов. При этом, на фоне предлагаемой широкой датировки инвентаря захоронений – XII-XV вв. (сюда же входит и якобы отсутствующий на плато Мангупа материал XII-XIII вв.) – ставится под сомнение и тезис о массовых захоронениях времени существования княжества Феодоро.

Возникает вопрос, почему А.Г.Герцен, ведущий раскопки на плато Мангупа с 1975 г., для подтверждения своего заключения, вынужден часто цитировать строки из поэмы Матфея. Создаётся впечатление, что за всё время проводимых им исследований, так и не удалось получить убедительных материалов, подтверждающих его гипотезу о захвате и разрушении города летом 1395 г. войсками Тамерлана. Ответ на данный вопрос содержится в предвзятой, заангажированной интерпретации исследователем Мангупа не только «Сказания» Матфея, но и стратиграфии изучаемого им памятника. А.Г.Герцен, вероятно, находясь под гипнозом обаяния двух ярких письменных источников: строительной надписи 1361/62 г. и поэмы иеромонаха Матфея, весьма приблизительно датируемой 1396 г., пытается выдать желаемое за действительное. Плита с датой 1361/62 г. турмарха Феодоро Хуитани к возведению цитадели отношения не имеет, строительный горизонт этого времени в ходе раскопок А.Г.Герцена здесь не выявлен, как и не обнаружен на исследованной территории города слой его

гибели в 1395 г. Иеромонах Матфей, прибыв в Феодоро и в середине XV в., описал бы его как опустевший город, так как из 90 га площади плато застроенной было не более 10-15% его территории. В таком контексте, вероятно, и следует понимать им увиденное и сказанное в поэтической форме, но без особых претензий на полную историческую достоверность.

В 1978 г. к исследованию крупнейшего средневекового города не только Крымского полуострова, но и всего Северного Причерноморья – Солхата - приступила экспедиция Государственного Эрмитажа, которую возглавил М.Г.Крамаровский. За истекшие годы систематических раскопок, ставших логическим продолжением исследований 1924-1928 гг. под руководством И.Н.Бороздина, на территории памятника частично или полностью изучены наиболее значимые монументальные архитектурно-археологические комплексы золотоордынского города второй половины XIII-XIV вв. – бывшей столицы Крымского улуса (*Крамаровский*, 1989, с.141). Однако в публикациях автора из раскопок Солхата представлены только единичные раритетные находки (в виде серебряных платежных слитков – саумов, художественной поливной керамики (рис.121) и проч.), а среди архитектурных памятников города - скромная часовня, незаслуженно названная исследователем византийской базиликой (*Крамаровский*, 1980, с.68-72; 1991, с.69-143, рис.6,1-3; 7,а,б,в; 8; 11,1-3; 2004, с.68-76).

Проведённые Старокрымской экспедицией Государственного Эрмитажа архитектурно-археологические исследования позволили М.Г.Крамаровскому (*Крамаровский*, 1989, с.141-154) выделить наиболее существенные периоды исторического развития города XIII-XIV вв., жизнь которого протекала в условиях повседневного общения представителей трёх религиозных деноминаций – мусульманской, христианской и иудаистской (*Крамаровский*, 1989, с.141-142; 2. План-схема Солхата-Крыма на с.152)(рис.117).

Исследователь пришёл к заключению, что на четвёртом этапе (охватывающем хронологический период с конца 80-х гг. XIV в. – по первые

десятилетия XV в.) населению Солхата так и не удалось преодолеть разрушения тимуровского погрома (*Крамаровский*, 1989, с.154).

3.5.2. В поисках свидетельств письменных источников

Всегда интересно проследить путь, который проходит археолог-медиевист в поисках того или иного письменного источника, способного придать особую историческую окраску полученной им в ходе раскопок совокупности материальных свидетельств. Следует признаться, что зачастую это невозможно сделать. И не только потому, что путь сложен и долог, не потому, что исторические и археологические источники иногда говорят на разных языках, а ещё и потому, что между ними порой невозможно установить не только прямую, но даже косвенную связь. Обратимся к современным исследователям и интерпретаторам результатов прежних исследований Херсона, Феодоро и Солхата, попробуем пройти пройденный ими путь сближения археологической иллюстративной составляющей и отобранных ими для этого письменных свидетельств. Как мы видели три исследователя (А.И.Романчук, А.Г.Герцен и М.Г.Крамаровский) солидарны в том, что Херсон, Феодоро (Мангуп) и Солхат пострадали в 1395 г. от нахлынувших на территорию полуострова войск Тамерлана. Однако каждый из них пытается, по-своему, обосновать эту дату и предложить свои комментарии к источникам.

А.И.Романчук, как уже было представлено выше, время образования слоя пожара и разрушения в портовом районе Херсона, относит к 1395/96 г., когда якобы на территории полуострова появляется карательная экспедиция Тимура, действовавшая против феодалов, выступивших на стороне Тохтамышша, в частности против укрепившегося в Крыму Таш-Тимура (*Романчук*, 1982 с.90; 1997, с.280; 2000, с.185 и др.). Но при этом, ни в одной из своих многочисленных работ, А.И.Романчук не даёт обоснования, почему ею выбран именно данный эпизод из истории Крыма XIV в. и имел ли он вообще отношение к судьбе Херсона. Не находим мы у А.И.Романчук и какого-либо анализа письменных источников, касающихся событий 1395/96

гг. Исследовательница попросту ограничивается ссылкой на работу 1973 г. Г.А.Федорова-Давыдова, делая к ней в монографии 2000 г. примечание, что по данным раскопок в горных районах Юго-Западного Крыма, в этот же период пострадал от пожара Эски-Кермен (*Веймарн*, 1982, с.73; *Романчук*, 2000, с.185, прим.65). Сразу отметим, что примечание сделано крайне неудачно. Наиболее поздняя из монет, обнаруженных в слое тотального пожара и разрушения Эски-Кермена, относится ко времени правления никейского императора Феодора II Ласкариса (1254-1258), а археологический материал из него идентичен находкам из слоя разрушения Херсона в последней четверти XIII в.

Вместе с тем, А.И.Романчук сосредотачивает свое внимание на спорах крымских иерархов конца XIV в. Но при этом делает акцент только на событиях 80-90-х гг. XIV в., лаконично отмечая, что до 1380-х гг. упоминания о херсонских иерархах редки. В феврале 1340 г. и сентябре 1364 г. они принимают участие в заседаниях Синода, а в 1356 г. отмечен перевод из Ниссы в Херсон епископа Игнатия (*Романчук*, 2000, с.199). Вероятно, поэтому от её внимания ускользает важный эпизод из церковной истории Херсона XIV в., на который обратил внимание А.Л.Бертье-Делагард (*Бертье-Делагард*, 1920, с.37), а вслед за ним и А.Л.Якобсон (*Якобсон*, 1950, с.41). Согласно данным Актов Константинопольского патриархата в июле 1365 г., а не в 1356 г., как пишет А.И.Романчук, вместо Кирилла кафедру митрополита Херсона получил Игнатий [*Acta* 1862, s.475; *Das Register*, 1981, s.2499). В сентябре того же года он находился в Константинополе, где принимал участие в заседаниях собора (*Das Register*, 1981, s.2502). До настоящего времени остаётся не выясненным вопрос – приступал ли Игнатий вообще к исполнению своих обязанностей иерарха Херсонской митрополии (*Байер*, 1995, с.69), потому что с октября 1365 г. управление его епархией было передано митрополиту Готии почти на 14 лет, т.е. до 1379 г. (*Das Register*, 1981, s.2543). Выше цитировался источник, относящийся непосредственно к событиям военного характера, происходивших на

территории полуострова летом 1365 г., но оставшийся вне внимания А.И.Романчук. В нём упоминается и Херсон. Имеется ввиду *часоц*, написанный в городе Крым 23 августа 1365 г., когда «в пору многонародного волнения, так как вся страна от Керча до Сарукармана здесь собралась» (Саргсян, 2004, с.153). Для нас важна отражённая в источнике география происходивших в 1365 г. событий, охвативших весь полуостров – от Керчи на востоке и до Херсона – на западе. Причём, часть населения (армяне ?) бежала из Херсона в Солхат в поисках защиты от грабежей и насильственной мобилизации в войско Мамаю. Таким образом, есть основание говорить, что война 1365 г. между Кутлуг-Тимуром и Мамаем затронула непосредственно и Херсон. То, что город после упомянутых в армянском источнике событий опустел (обезлюдел) и переживал тяжёлый экономический кризис, косвенно указывают два факта: 1) отсутствие в Херсоне с 1365 по 1379 г. митрополита; 2) после 60-х гг. XIV в. наступает длительный перерыв поступления в Херсон джучидских монет и данный период представлен единственной (?) монетой хана Абдуллаха. Столь редкое созвучие письменных источников в их корреляции с монетами (в том числе и с наиболее младшим номиналом), даёт основания предполагать, что Херсон в значительной степени мог пострадать летом 1365 г. от орды Мамаю. Представленные А.И.Романчук в одной из статей поливные изделия указывают что события, в результате которых произошло их отложение в культурном слое памятника, не выходят далеко за пределы середины – 60-х гг. XIV в. Не противоречит такому выводу и датировка аналогичных изделий известных к настоящему времени. Более уверенно об этом можно было бы говорить, обладая полными сведениями о составе четко стратифицированного массового керамического материала из Портовой части города в его сочетании с монетными находками²⁰⁹. В отличие от

²⁰⁹ Вместе с тем, вероятно, не следует исключать полностью из политического контекста юго-западного региона Крыма и события войны 1344-1346 гг., которая велась ханом Джанибеком против генуэзцев на территории Крыма. Весной 1345 г. татарское войско, повторно появившись у стен Каффы, не стало предпринимать попыток штурма города, а направилось к Чембало, где генуэзцы не успели хорошо

А.И.Романчук, опирающейся в своих суждениях о событиях 1395 г. на научный авторитет А.Г.Федорова-Давыдова, А.Г.Герцен и М.Г.Крамаровский подошли более основательно к освещению данной темы, дополнительно обратившись не только к конъюнктурным реконструкциям событий, предпринятых историками XIX-XX вв., но и к свидетельствам письменных источников.

А.Г.Герцен делает краткий экскурс в историографию рассматриваемого им вопроса. Он отмечает, что установлению узкой даты нашествия войск Тимура различными авторами было уделено немало внимания. Путём сравнения противоречивых известий арабских летописцев, устанавливается последовательность событий. После взятия Таны в устье Дона в сентябре 1395 г. войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым и после 18-дневной осады взяло Кафу (Эскалани). Эти события произошли в конце сентября – первой половине октября 1395 г. Вне поля зрения арабских источников оказалась осада и захват Феодоро. В этом нет ничего удивительного, т.к. экономический центр жизни со второй половины XIII в. переместился в восточную часть полуострова. Кафа и Солхат являлись наиболее известными на мусульманском востоке городскими центрами. Нашествие Тимура должно было захватить и юго-западную часть полуострова, населенную, в основном, христианами. По такому же сценарию развивался в 1299 г. и рейд орды Ногая. В начале Ногай обрушился на Солхат, Каффу и Судак, а затем отправился к Херсону. Военными действиями в Крыму руководил Эдигей, который мог к концу осени пойти по тому маршруту. «Исходя из исторических ориентиров, трудно определить

укрепиться, занимаясь рытьем рва, насыпкой вала и установкой на его гребне частокола из бревен. При приближении конницы жители Чембало, бросив всё, бежали в горы, а татары сожгли возведённые к тому времени оборонительные сооружения. Эти полуполюгендарные сведения, сообщаемые итальянским писателем конца XVIII в. В.Формалеони (*Formaleoni*, 1789, II, сар. XXI), вполне подтвердились в ходе современного археологического изучения памятника (*Адаксина, Кирилко, Мыц*, 2005, с.32-35). Поэтому можно только предполагать, что летом 1345 г., наряду с Чембало, от нападения татар мог в какой-то степени пострадать и Херсон, в котором в то время находилась генуэзская торговая фактория и католическая епископия.

более узкую дату посещения разоренного города Матфеем». (Герцен, 2003, с.577).

По ходу историографического экскурса автор делает ряд важных примечаний, призванных глубже отразить затронутую тему. К таковым относится и заключение В.Д.Смирнова, сомневающегося в верности сведений «арабских историков о том, что Тимур лично приводил войска в Крым и сражался здесь с Тохтамышем», в то время, как «крымской компанией руководил эмир Эдигей» (Герцен, 2003, с.577, прим.9).

Исторические построения А.Г.Герцена весьма близко напоминают о том, что в своё время писал А.Л.Якобсон, а под различными авторами следует понимать труды Ф.К.Бруна, В.Д.Смирнова, А.А.Васильева, В.Л.Егорова, А.Ю.Якубовского, М.Г.Сафаргалиева, Г.А.Федорова-Давыдова и других исследователей Золотой Орды. Под арабскими летописцами, оставившими противоречивые известия, имеются ввиду Ибн Дукмак, Ибн ал-Форат, ал-Макризи, Ибн Шохбу ал-Асади и Ибн Хаджара ал-Аскалани. Хотя А.Г.Герцен отдаёт предпочтение известному ориенталисту-историку XIX в. В.Д.Смирнову и одному из арабских летописцев – ал-Аскалани. Более подробно свидетельства арабских авторов рассмотрим несколько ниже, а сейчас только замечу, что на основании их сообщений невозможно точно установить хронологию событий 1395 г., как это делает А.Г.Герцен²¹⁰. Арабские летописцы, хотя и по-разному, но называют просто время возвращения посольства во главе с Тулуменом Алишахом ко двору султана Эззахыра: 18 сентября (ал-Макризи), 18 ноября (ал-Форат) и 17 сентября - 16 октября (ал-Асади) 1395 г. (Тизенгаузен, 1884, с.362, 442, 448; *Золотая Орда в источниках*, 2003, т.1, с.168,197,201). Вероятно, Тулумен Алишах попал в Крым (Солхат), а затем в Каффу, летом 1395 г.²¹¹ Но все-таки трудно понять

²¹⁰ Известные в письменных источниках расчеты времени передвижения между городами и реками на территории Улуса Джучи сделаны для купеческих караванов, а не для передвижения войск (см., например, сообщение ал-Омари (Тизенгаузен, 1884, с.236-237; *Золотая Орда в источниках*, 2003, т.1, с.106). Всадники перемещались намного быстрее и могли преодолевать в день от 60 до 100 км.

логику хронологических расчетов А.Г.Герцена, так как на этом основании невозможно сделать вывод, что именно в сентябре 1395 г. войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым и после 18-дневной осады взяло Каффу, сославшись при этом на ал-Аскалани, который (из всех арабских писателей) о событиях 1395 г. имел самые смутные представления и указывает только год - 797 г.х. (27 октября 1394 – 15 октября 1395 г.). Фраза относительно развития сценария рейда орды Ногая 1299 г. вначале обрушившейся на Солхат, Каффу, Судак, а затем пронесшейся, разоряя всё на своем пути, до Сары-Кермена, более достойна применения в краеведческой научно-популярной брошюре, рассчитанной на эмоционально восприимчивого читателя. Зимний поход 1298/99 гг. Ногая в Крым – тема отдельного разговора, но отмечу, что мятежный бек хана Токты никогда не обрушался на Каффу, так как всегда покровительствовал генуэзцам.

В завершении хочу обратиться к одной из новых работ А.Г.Герцена, опубликованных им совместно с И.В.Зайцевым в первом томе «Истории Крыма». Здесь авторами предложен несколько иной вариант разгрома городов полуострова в 1395 г. Оказывается, что в Крыму в 1395 г. «находился улус сторонника Тохтамышша Бек-Хаджи, и, преследуя его, один из отрядов Тимура вторгся в Крым и подверг его разгрому и опустошению, пройдя от Перекопа до Керченского залива и уйдя на Таманский полуостров. Пострадали все крымские города – как генуэзские, так и столица княжества Феодоро Мангуп. Дошли полчища «железного хромца», как называли его современники, и дл тихо угасавшего Херсона, которому был нанесён смертельный удар, завершивший жизнь города» (Герцен, Зайцев, 2018, с.304).

Ещё более мрачную историческую картину преставляет следующий абзац, повествующий, что в 1399 г. Золотую Орду возглавил «главнокомандующий

²¹¹В недавно вышедшей работе «Христианская община Мангупа под властью турок» А.Г.Герцен, не давая при этом каких-либо дополнительных пояснений, что именно повлияло на изменение хронологии событий, относит захват и разрушение Феодоро войсками Тимура к более раннему времени, так как «Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей летом 1395 г.» (Герцен, 2006, с.27).

её войсками эмир Едигей», который в этом же году совершил поход в Крым. Едигей «разграбил и сжёг многие его города. Рагрушенный им Херсонес больше не смог восстановиться как город» (*Герцен, Зайцев, 2018, с.304*). Станным выглядит сообщение соавторов, что в 1395 г. «на Крымском полуострове известен в качестве обособившегося правителя Таши-Тимур. Он был провозглашён ханом эмирами Тохтамыша, которые уцелели после поражения, понесённого от Тимура в сражении на реке Тереке у города Деякова. В следующем году (1396 – В.М.) в Крыму обосновался сам Тохтамыш, метавшийся в поисках спасения от преследующего его Тамерлана» (*Герцен, Зайцев, 2018, с.304*). Странно, что соавторы не замечают путаницы дат, места и участников событий. Отметим некоторые из них. Хаджи-бек последний раз отмечен в турецком источнике 1388 г. При археологическом изучении городов Крыма ни разу не выявлен закрытый комплекс 1395 или 1399 гг., подобный комплексам этого времени в Азаке. Таш-Тимур с Актау после поражения Тохтамыша переправились через Днепр и ушли в Добруджу. Рассказ о мечущемся Тохтамыше – историографический вымысел. Безжалостное уничтожение Херсонеса (как и прочих городов) в 1395 и 1399 гг. не замечают генуэзские, венецианские и армянские источники. В порту «мёртвого» Херсонеса в 1395-1396 гг. генуэзцы бойко ведут торговлю солью, чем были возмущены венецианцы (*Карнов, 2020, с.40*).

К сюжету, связанному с разрушением Солхата войсками Тимура в 1395 г., М.Г.Крамаровский более подробно обращается в статье *Джучиды и Крым: XIII-XV вв.* (*Крамаровский, 2003, с.506-525*). Автор полагает, что правление Таш-Тимура продлилось до прихода в Крым отрядов Тимура сразу же после победы на Тереке в 1395 г. Исследователь ссылается на Ибн Дукмака и Ибн ал-Фората, рассказывающих о 18-дневной осаде Тимуром Каффы (*Тизенгаузен, 1884, с.330, 364*), а Шериф ад-дин Езди – о разорении Азова (*Тизенгаузен, 1941, с. 180*). Затем М.Г.Крамаровским, со ссылкой на работу 1844 г. некоего «Малиновского» (автором опубликованной в ЗООИД рецензии на книгу польского исследователя А.Прждецкого был

В.Линовский) высказывается предположение, что наместником Солхата в период тимуровских потрясений якобы являлся второй сын Кутлубуги Синан (Крамаровский, 2003, с.521).

Как видим, М.Г.Крамаровский не может определить, кто на самом деле являлся наместником Солхата в период тимуровских потрясений - Таш-Тимур или Синан? Но представленные ранее источники, вполне определенно указывают на то, что сын Кутлубуги Синан в 1394 и 1398 гг. выполнял дипломатические миссии, являясь, по-видимому, послом Тохтамыша к Витовту. В то время, как чингизида Таш-Тимур-оглана мы встречаем в 1391 г. в составе армии Тохтамыша при Кундурче (*Золотая Оорда в источниках*, 2003, с.348). В апреле 1395 г., перед сражением на Тереке, среди знатных лиц правого крыла Улуса Джучи, упомянут и Таш-Тимур-оглан. При этом ни в одном из сражений не отмечено участие Синана. Таким образом, вопрос о наместнике Солхата в первой половине 90-х гг. XIV в. должен быть решён в пользу Таш-Тимура. Причём именно ему историографическая традиция, без каких-либо доказательств и незаслуженно навязывает роль противника Тохтамыша. Это опровергает не только участие Таш-Тимура вместе с Тохтамышем в двух сражениях с Тимуром, но также и специально организованное Тимуром преследование эмиром Османом, отступающих к Днепру Таш-Тимура и Актау.

М.Г.Крамаровским делается лаконичное и точное замечание, что практически все сведения арабских источников о тимуровском погроме в Крыму восходят к сообщениям египетского посла к Тохтамышу эмира Тулумена Алишаха, согласовавшего вопрос о не состоявшемся военном союзе против Тимура. Его важным наблюдением также является замечание по поводу сообщения Ибн ал-Фората, который после известия о тимуровской кампании в Крыму, пишет и об осаде в 1396 г. войском Тохтамыша генуэзской Каффы (Крамаровский, 2003, с.521). Сюжет, посвященный пребыванию войск Тимура в 1395 г. на территории полуострова, М.Г.Крамаровский завершает утверждением, что «Солхат-

Крым, пострадавший ещё в тимуровскую кампанию, весь двадцатилетний период властвования Едигея так и не вышел из состояния стагнации». Для подтверждения сказанного автор обращается к свидетельству Иоанна де Галонифонтибуса о том, что и в начале (1404 г. – В.М.) XV в. большая часть города всё ещё лежала в развалинах (*Крамаровский, 2003, с.522*).

Как видим, исследователь не приводит каких-либо доказательств из материалов многолетних раскопок памятника, а опирается исключительно (в собственной интерпретации) на свидетельства письменных источников. Например, тот же Иоанн де Галонифонтибус прямо не говорит о том, что причиной запустения Солхата, большая часть которого и в его время лежала в развалинах, явилось нашествие Тимура (*Иоанн де Галонифонтибус, 1980, с.14*).

Если с большим вниманием отнестись к чтению извлечения из сочинения Шереф-ад-дина Езди, то можно заметить, что после разгрома на Тереке, преследуемые эмиром Османом Таш-Тимур-оглан и Актау бежали в западном направлении. Переправившись через реку Узи (р.Днепр-В.М.), «вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами. Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища [спасения] в бегстве, ушёл в Рум и поселился на равнине Иераяка, где находится и до сих пор. Повернув от реки Узи, Тимур счастливо направился на русских» (*Золотая Орда в источниках, 2003, с.357-358*). Сторожевым отрядом Тимура командовал эмир Осман, который «в местности Манкерман ограбил Бек-Ярык-оглана» (*Золотая Орда в источниках, 2003, с.357*). Увлёкшись грабежами, преследователи упустили Таш-Тимура и Актау, дав им и их людям возможность переправиться через Днепр. Зная о том, что в Крыму нет тумана Актау и Таш-Тимура, эмир Осман пошёл на север, а не на юг. Таким образом, в 1395 г. Солхат, как и весь улус, опустел не от мнимого нашествия войск Тимура, а потому, что вместе с Актау и Таш-Тимуром из Крыма ушла

часть подвластного им населения²¹². Большинство исследователей, касаясь заключительного этапа войны Тимура с Тохтамышем в 1395/96 гг. и её последствий для Крыма, обычно ограничивались ссылками на очень близкие по содержанию сообщения летописей Ибн Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи, Ибн Шохбы ал-Асади и Ибн Хаджар ал-Аскалани (*Золотая Орда в источниках*, 2003, т. I, с. 154, 168, 197, 201, 204). При этом сами источники крайне редко цитировались, а в большинстве случаев сразу предлагалась интерпретация событий. Наиболее полное отражение комплекса разнообразных письменных источников (сообщений арабских и персидских авторов, русских летописей и польских хроник), повествующих о войне 1395 г. между Тохтамышем и Тимуром, её политических и экономических последствиях для Улуса Джучи, можно найти не у В.Д.Смирнова, которого так любят цитировать исследователи средневекового Крыма, а у А.Ю.Якубовского (*Якубовский*, 1998, с. 249-296). В.Д.Смирнов, работая над «Историей Крымского ханства» во второй половине 80-х гг. XIX в., имел в своем распоряжении не только изданный в 1884 г. первый том В.Г.Тизенгаузена, содержащий извлечения из арабских авторов, но и отдельные фрагменты из сочинений персидских историографов. Причём, сам В.Д.Смирнов весьма скептически относился к достоверности сведений, сообщаемых арабскими летописцами о событиях в Орде и «допускаемой ими хронологической путанице, бывшей последствием недостаточности сведений о происходившем в Деште-Кыпчаке и в Крыму» (*Смирнов*, 2005, с. 144). Касаясь последствий войны 1395 г., он писал о спорности сообщений некоторых арабских историков буд-то «разбитый Тохтамыш бежал в земли

²¹² Численность татарского населения, ушедшего из Крыма с Актау и Таш-Тимуром в Северную Добруджу, не известна. Полагают, что в 1397 г. она достигала 100000 человек (*Гюзелев*, 1995, с.84). Как мне кажется, это мнение является сильным преувеличением. Султан Баязид I использовал переселенцев при завоевании Добруджанского деспотата и разгроме последнего оплота сопротивления - города Варны. Так, в Несербской краткой хронике XV в. отмечено: «В году 6907 (=1399), индикта 7, во второй день февраля, в пятницу, Варна захвачена безбожными татарами» (*Гюзелев*, 1995, с.84). В дальнейшем турок начинает беспокоить компактное размещение в Добрудже сильной в военном отношении татарской группировки. Поэтому Баязид I устраивает расправу над некоторыми беками и организовывает расселение татарских племен и родов в Северной Болгарии и Добрудже (*Гюзелев*, 1995, с.84).

русские, а Тимур-Ленк овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, взял её и разорил». Далее исследователь, со ссылкой на Ф.К.Бруна, заключает, что они ошибаются в случае с изложением предания о том, что «Тимур-Ленк сражаясь с Тохтамышем, лично проникал в Крым». Данное предание он предлагает признать неверным (Брун, 1879-1880, I, с.232). Возможность ошибки со стороны арабов по части сведений о судьбе Тохтамыша явствует из самого разночтения их между собой. Ибн-Хальдун, например, прямо сознаётся, что на некоторое время затихли известия о Тимур-Ленке, но потом, «в 797 = 1394-1395 г. пришло известие, что султан Тимур одержал победу над Тохтамышем, убил его и завладел всеми землями его»; тогда как положительно известно, что Тохтамыш окончательно был поражен в 1399 г. У другого араба, Эль-Аскалани, вышел такой курьез: в 798 = 1395-1396 г., он говорит, «был убит тюрк Токтамыш-хан, владетель земли Дештской, после поражения его Ленком; убил его один из татарских эмиров, по имени Темир-Кутлу», а в следующем, 799 = 1396 - 1397 г., будто бы «произошло великое сражение между (убитым-то) Тохтамыш-ханом, владетелем земли Дештской и между генуэзскими франками» (Смирнов, 2005, с.143). В.Д.Смирнов был первым, кто привлёк свидетельства османских историков повествующих о событиях 1395/96 гг. Особую популярность среди исследователей средневекового Крыма (см., например, работы А.Л.Якобсона и А.Г.Герцена) получил турецкий историк середины XVII в. Печеве. Ссылаясь на Алты-Пармака и коснувшись вторжения Тимура во владения татарские, Печеве считает, что Тохтамыш-хан был причиной нашествия Тимура на Дэшти-Кыпчак. «Два или три раза он приходил с несметными войсками в Дэшт и Крым, и эти населённые владения, погранные копытами скотов грабительского войска татарского, сравнялись с землею» (Смирнов, 2005, с.150). Как видим, Печеве лаконичен, ничего нового и конкретного, кроме дополнительной эмоциональной нагрузки, не даёт. В основе знаний Алты-Пармака о войнах между Тохтамышем и Тимуром явно лежат сведения арабских летописцев. Но все арабские источники явно следуют в русле

единого протографа, которым, вероятнее всего, являлось официальное сообщение о посольстве эмира Тулумена Алишаха, отправленного египетским султаном Эльмелик-Эззахыром к Тохтамышу для подготовки совместных действий против Тимура.

При подкупающей эпиграфической лаконичности, данная версия содержит откровенно тенденциозные и ошибочные сведения об осаде и разорении Тимуром золотоордынского Крыма (Солхата) и генуэзской Каффы (Ибн ал-Форат, ал-Макризи, Ибн Хаджар ал-Аскалани). Весьма симптоматично, что они не подтверждаются как латинскими и армянскими документами того времени, так и данными археологических исследований этих городов. Ни сам Тулумен Алишах, ни сопровождавшие его лица, не были свидетелями захвата Тимуром Крыма, осады и разорения Каффы, т.е. их сообщения основываются только на слухах. Ещё более настораживает и вызывает недоверие к свидетельствам арабских летописцев (Ибн-Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи), сообщение о баснословной взятке в 50000 дирхемов, якобы данной Тулуменом Алишахом консулу Каффы. Очевидно, что о получении такой суммы за проезд египетского посольства не подозревал и сам консул Каффы 1395/96 гг. Элиано Чентурионе (*Balard*, 1978, p.903).

Иначе представляют ход событий и последствия войны между Тимуром и Тохтамышем в 1395/96 гг. писатели близкие к правителю Самарканда. Так, у Ибн Арабшаха (*Тизенгаузен*, 1884, с.455; *Золотая Орда в источниках*, 2003, т.I, с.205), посещавшего в своё время и Крым (Солхат), в рассказе о перипетиях кампании 1395 г., кратко отмечено: «Передовые войска его [Тимура] дошли до Азака, и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и [все] эти края» (*Золотая Орда в источниках*, 2003, т.I, с.211). Более подробно действия войск Тимура в 1395/96 гг. на территории Золотой Орды описаны в сочинении персидского автора Низам-ад-дина Шами. О преследовании отступающей армии Тохтамыша он пишет: «Таш-Тимуроглан и Атаку (Актау – В.М.) ушли в сторону врага и достиги области

Уймантай...Тимур, дойдя до крепости Азак, взял всю ту область и сжёг их дома. Выделив мусульман тех областей, он отпустил их, а неверных тех областей всех предал смерти» (*Золотая Орда в источниках*, 2003, т.1, с.307).

Ещё один персидский автор Шериф-ал-дин Йезди детально описывает западный поход Тимура в Дешт-и Кипчак после разгрома Тохтамыша в 1395 г.: «Баш-Тимур-оглан и Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами. Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища [спасения] в бегстве, ушёл в Рум и поселился на равнине Иераяка, где находится и до сих пор». (*Золотая Орда в источниках*, 2003, т.1, с.357-359). Наиболее лаконичен в описании этих событий Гийасаддин 'Али: «Последовал приказ отправиться на границы Дешт-и Кипчака и в другие области Туктамыш-хана от Сарая и Астрахани до Крыма и земель франков» (*Гийасаддин*, 1958, с.57).

Как видим, две представленные в письменных источниках версии похода Тимура, принципиально отличаются. В *египетской* версии, после бегства посольства из Сарая, фигурируют два крупнейших города расположенных на территории полуострова – Крым (Солхат) и Каффа, которые якобы были захвачены и разграблены войсками эмира за «18 дней». В то же время, в *самаркандской*, наиболее близкой к Тимуру версии, крымская часть похода вообще не упоминается, а отмечено только движение войск эмира Османа, посланного в погоню за Таш-Тимур-огланом и Актау, до реки Узи, т.е. Днепра). Случайно ли это различие?

До настоящего времени, путём искусственного и не достаточно критичного объединения обеих существующих версий, выстраивалась реконструкция всего похода 1395/96 гг. Тимура в юго-западных владениях Золотой Орды. Вероятнее всего египетская версия была создана для оправдания перед общественным мнением Тулуменом Алишахом и его спутниками своих дипломатических неудач, поспешностью бегства из городов Крыма (Солхата) и Каффы, а также понесенных затрат (но не в 50000 тысяч дирхемов), которые можно было объяснить только

непосредственной близостью смертельной опасности со стороны войск Тимура. Вместе с тем, совершенно очевидно, что историографы Тимура, описывая его поход, прекрасно зная о Крымском улусе Золотой Орды, не могли упустить из виду пребывание хотя бы части войска на полуострове, захват и разорение его столицы – Крыма (Солхата) и крупнейшего города Причерноморья - генуэзской Каффы. Только Гиясадин Али указывает движение войск Тимура «до Крыма и земель франков». Тем более, что об этом эпизоде, как было отмечено выше, красноречиво умалчивают армянские и латинские письменные источники.

Несмотря на многолетние археологические исследования, ни на одном памятнике средневекового Крыма до сих пор так и не был обнаружен хотя бы один закрытый комплекс 1395 г. (конца XIV в.). Поэтому утверждения А.И.Романчук, А.Г.Герцена и М.Г.Крамаровского о том, что якобы в 1395 г. войсками Тимура (или Идигея) оказались разрушены Херсон, Мангуп (Феодоро) и Солхат-Крым, основаны на старой историографической традиции, а не на археологических материалах и комплексном изучении нарративных источников.

После 1391 г. Идигу называть креатурой Тимура – не корректно, т.к. Идигу вместе с Кутлук-Тимуром, под предлогом сбора своего народа, покинули ставку своего покровителя на р.Кундурче и более к нему не возвращались. Сведения о них отсутствуют в источниках до 1397/8 г., когда Кутлук-Тимур и Идигу вступают в открытую борьбу с Тохтамышем за власть в Орде. Далеко не все исследователи склонны придерживаться сложившейся в историографии традиции в вопросе мифологизированного похода Тамерлана в 1395 г. на Крымский юрт (*Громенко, 2015, с.43-53*) и разрушения на полуострове всех крупных городов. Например, З.В.Тоган отрицает поход Тимура в 1395 г. на Солхат (*Тоган, 2009, с.222-228*). Данный тезис хорошо коррелируется с содержанием одного из писем Аксак Тимура султану Баязиду I (1354-1403), в котором эмир сообщает, что его целью в 1401 г. было желание идти в Крым (*Миргалеев, 2015, с.299-303*). Не думаю,

что Тимур стал бы упоминать о Крыме перед генеральным сражением 1402 г., если бы его войска разорили полуостров в 1395 г.

Таким образом, крымский поход Тимура в 1395 г. – является вымыслом историографов египетского султана. Столь же бездаказательны сообщения арабских летописцев об осадах и походах 1396-1397 гг. Идигу и Тохтамыша на Каффу. Старанным образом, но именно жители генуэзской фактории ни разу так и не заметили бурных военно-политических событий, происходивших непосредственно под их стенами, когда город на протяжении трёх лет (1395-1397 гг.) якобы подвергался осадам, а один раз (1395 г.) даже был захвачен и разорён.

В 1395 г. не состоялся *Крымский поход Тимура*. Об этом свидетельствуют и многолетние археологические раскопки, не подтверждающие разрушения Тимуром городов Крыма: Солхата, Каффы, Солдайи, Феодоро, Херсона, Алушты и др. В 1402 г. Тимур подготовил очередной поход на Золотую Орду, намереваясь проникнуть в Крым, захватить Солхат и Каффу. Об этом свидетельствует переписка 1401/02 г. Тимура с Баязидом I (*Миргалеев, 2015, с.299-303*). Его войска были сосредоточены у Дербента. Однако известие о захвате турками-османами Кемахи, вынудило Тимура изменить направление похода и нанести удар по Анатолии (*Карпов, 2020, с.40*)

3.5.3. Храмы Приморской Готии. Монастырь в бухте Панаир

В последние годы всё чаще на страницах различных изданий появляются публикации материалов архитектурно-археологических исследований малых церквей. Эти памятники получили особенно широкое распространение на территории Таврики в X-XV вв. (*Бочаров, 2004, с.43-57; Бочаров, Кирилко, 2017, с.279-304; Лысенко, Тесленко, Мусин, 2017, с.291-310; Лысенко, Тесленко, 2018, с.310-343; Турова, 2019, с.215-220; Науменко, 2017, с.83-90*). Как правило, они служили квартальными часовнями средневековых городов: Херсона, Чембало, Эски-Кермена, Мангуца, Тепе-Кермена, Баклы, Алустана, Сугдеи, Солхата, Каффы, Воспоро-Керчи и проч. Например, в Херсоне их

выявлено и раскопано не менее двух десятков²¹³. На некоторых сельских поселениях открыты целые группы малых храмов: у средневекового селения Керменчик (ныне с.Высокое) – 12, близ Фуны (быв. Демерджи) – 8. К настоящему времени в Крыму известно более четырёхсот пятидесяти таких памятников. На относительно небольшом пространстве Южного бережья (бывшей приморской Готии)²¹⁴ исследователи отмечают наличие примерно 120 церквей. Но весь этот объёмный материал до сих пор не обобщён и не представлен в форме детально картографированного каталога с делением памятников на хронологические и типологические группы. Достаточно сказать, что архитектурно-археологическому обследованию подверглось примерно 20% малых церквей, а полностью изученные и введённые в научный оборот представлены единицами.

Как уже отмечалось, начало археологического изучения малых церквей Таврики было положено в конце 1821 г. благодаря курьёзному случаю, когда на полуострове работала первая экспедиция Академии наук России под руководством академика К.К.Кёлера. В декабре 1821г., сопровождавший Кёлера архитектор Е.Ф.Паскаль организовал исследования у мыса Фиолент. Раскопки велись на протяжении 22 дней силами 10 матросов 35 флотского экипажа. Хотя реальной целью раскопок являлись поиски античного храма Девы (или *храма Ореста*), Паскалем на оконечности мыса Безымянного оказались открыты руины небольшой византийской церкви IX-X вв. (Тункина, 2013, с.207, прим 34).

Среди Южнобережных христианских комплексов особое место занимает гора Аю-Даг (*Святая* или Биюк-Кастель, Медведь-гора), находящаяся между селениями Партенит и Артек (рис.7,24; 238). Древности Аю-Дага с момента присоединения Крыма к России (1783 г.) привлекали внимание археологов, историков, путешественников. Первые упоминания о руинах христианских

²¹³Н.М.Богданова на 1991 г. приводила точную цифру открытых культовых памятников средневекового Херсона - 47: 13 базилик, 2 здания центрической композиции, 5 крестообразных, 7 крестово-купольных храмов и около 20 сравнительно небольших квартальных храмов-часовен XI-XV вв. (Богданова, 1991, с.19).

²¹⁴ Южный берег Крыма занимает не более 1% территории полуострова.

памятников на Аю-Даге относятся к 80-м гг. XVIII в. В 1786 г. в Партените и на Аю-Даге побывала группа путешественников: Ж.Ромм, П.Строганов и А.Воронихин. Жельбер Ромм в своём дневнике оставил лаконичную запись: «Продолжая путь на Ялту, мы проехали гору, одиноко выступающую в море; предание гласит, что некогда на ней стояли 12 греческих монастырей, и сейчас ещё здесь видны развалины, в том числе и колонны белого мрамора» (*Петрова, Прохорова, 2011, с.107*). Это первая из известных нам заметок касающихся средневековых храмовых комплексов Аю-Дага.

С тех пор руины на вершине и склонах горы привлекали к себе внимание многочисленных путешественников конца XVIII – XIX вв. Однако реальный вклад в изучение средневековых памятников Аю-Дага был сделан специалистами Императорской Академии наук. Одним из первых историко-археологическое описание Партенита и его окрестностей сделал П.С.Паллас, побывавший здесь весной 1794 г. Внимание естествоиспытателя привлекли и руины древних строений. На Аю-Даге он отметил наличие развалин стен монастыря Свв.Константина и Елены и лежавшую рядом с ними колонну из белого мрамора (*Pallas, 1801, р.188*).

Из всех историко-топографических работ XIX в. наиболее полное и детальное описание средневековых памятников горного Крыма было представлено П.И.Кеппеном. Однако собранные Кеппеном сведения об Аю-Даге не исчерпывались данными «Крымского сборника». Обследование Аю-Дага было предпринято им 15 августа 1834 г. В черновой записи учёного, хранящемся в архиве Санкт-Петербурга, помещена лаконичная запись: «на Аю-даге, наверху, крепость, церковь ближе к морю (неизвестно чья). Ай-Констант - монастырь внизу. Внизу у моря – Батылиман... Татарин сказывал мне, что монастырь на Аю-даге (внизу, в роще...) именовался Паная (всех святых), а Паная вм[есто] Панагия – Богородица по простому произношению татар и самих греков» (*Кеппен, Ф.30. оп.1, д.№343, л.94/об.*). Таким образом, Кеппен получил от своего проводника в 1834 г. сведения о наименовании бухты – *Батылиман*, в которой (внизу, в роще) располагался монастырь

Панайя (Панагия). Но эта ценная информация долгие годы оставалась неизвестной для исследователей Аю-Дага (*Лысенко, Тесленко, 2002, с.75,80, рис.1, п.10,28*).

Несмотря на то, что о древних руинах на Аю-Даге упоминали с 80-х гг. XVIII в., только на рубеже XX - XXI вв. коллективом исследователей (А.В.Лысенко, С.Л.Смекалов, И.Б.Тесленко), благодаря комплексному подходу и применению современных научных методов, была создана относительно полная археологическая карта горного массива Аю-Даг (*Лысенко, Тесленко, 2002, с.59-88, рис.1*) (рис.239). К настоящему времени здесь известно 38 археологических памятников. Среди них особую группу составляют девять храмовых строений. В некоторых из них есть основания видеть монастырские комплексы, среди которых главенствующее место занимает храм монастыря Свв. Апостолов Петра и Павла (рис.238,38). Несмотря на длительное (1871-2001-е гг.) археологическое изучение храмов Аю-Дага (его начало было положено раскопками Д.М.Струкова), ни один из известных христианских памятников не исследован полностью. Далеко не во всех случаях изданные материалы раскопок соответствуют современному научному уровню. Открытая раскопками 1871 г. на мысе Монастырском (рис.238, 29) церковь почти полностью исчезла, а данные о её раскопках остались не обобщёнными и изданы фрагментарно. Изучавшийся в 1994-1996 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа монастырь (рис.238, 10/28) также остаётся не до конца изученным памятником (*Адаксина, 2002*): особенно это касается раннего периода его существования – X-XIII вв. Есть основания предполагать, что в XIV-XV вв. данный церковный комплекс был освящён во имя Успения Пресвятой Богородицы (*Адаксина, Мыц, 2022, с.12-40*). Кроме того, на его территории православная община Партенита отмечала праздник *Панаир*. Поэтому до XIX в. в памяти местного населения урочище с руинами монастыря сохранялось под названием *Панагия*, а бухта – *Панаир*. В ходе раскопок в бухте Панаир открыт небольшой (площадь около 200 кв.м) средневековый архитектурно-археологический комплекс

оказавшийся православным монастырём X-XVI вв. (рис.239; 240). Структурно монастырь состоял из внешней ограды, окружавшей его со всех сторон, небольшой церкви, группы помещений разного назначения (кельи, трапезная) и некрополя. Памятник многослойный и содержал культурные отложения X-XVI и XIX вв. Общая толщина слоёв достигала 2,50 м.

Церковь представляет собой небольшое прямоугольное в плане строение. Ориентировано апсидой на северо-восток (азимут 68°). Размеры храма: длина – 6,90 м, ширина – 3,85 м (внутренние размеры составляют 2,60 х 5,65 м). Толщина стен 0,60-0,70 м. Апсида изнутри и снаружи полукруглая, её толщина составляет 0,65-0,70 м. В плане апсида подковообразная. Вход находился в западной части северной стены. Его ширина – 0,72 м (рис.240). В храм спускались по четырём ступеням. На монастырском кладбище погребались как взрослые мужчины и женщины, так и дети разных возрастов. Все погребённые принадлежали к одному брахикранному варианту большой европейской расы. Обнаруженные в ходе раскопок монастыря находки делятся на четыре основные хронологические группы: 1) X-XI вв.; 2) XII-XIII вв. 3) XIV-XV вв.; 4) XV-XVI вв. Третий период существования памятника (вторая пол. XIV - последняя четверть XV в.) представлен особо значительным количеством и разнообразием артефактов (рис.148; 241; 242). Из слоя этого времени происходят кости мелкого и крупного рогатого скота (в том числе рога коровы или быка (?) со следами спила). Здесь же встречены фрагменты красноглиняной поливной керамики с росписью белым ангобом под кроющей прозрачной поливой, с подглазурной росписью врезным растительным и геометрическим орнаментом в технике «сграффито». К числу редких (для Южнобережья и Юго-Западного Крыма) находок 80-90-х гг. XIV в. следует отнести фрагменты кашинной чаши с росписью кобальтом (рис.148).

3.5.4. Алушта в золотоордынский период

Имеющиеся свидетельства письменных источников и материалы археологических исследований позволяют выделить в истории поздневизантийской Алушты период её вхождения в состав Крымского улуса Золотой Орды. Хронологически это время условно определяется в пределах 1278-1365 гг. Несмотря на относительно короткий период, он отмечен существенными новациями в составе материальной культуры. Прежде всего, это касается появления монетных ордынских номиналов (пулов, дирхемов и соммо), художественной поливной посуды (как экспорта, так и местного производства (*Тесленко, 2005, с.324-348*), разнообразных украшений (ярким примером служат материалы алуштинских могильников). Кроме того, в слоях рубежа XIII-XIV и XIV-XV вв. обнаружены лепные коричневоглиняные сосуды (хумы, фляги, горшки, кувшины) ранее не встречавшиеся на памятнике. Это указывает на появление в Алуште нового населения прибывшего с Кавказа (лазы, абхазы, адыги?) (*Мыц, 2009, с.217, рис.104*) (рис.66;145-147).

Следует отметить, что уже предпринимались попытки представить состав керамического материала Алушты времени Золотой Орды. Наиболее полно этот вопрос освещён в статье И.Б.Тесленко (*Тесленко, 2017, с.387-407*). Автор проделала кропотливую работу по поиску и отбору в фондах Алуштинского музея керамических находок из моих раскопок 1986-1987 гг. средневекового городского дома XIV в. (рис.135-138) состоявшего из трёх помещений и крытого дворика (*Мыц, 1986, с.14-16*). Тщательность поиска позволила выявить фрагмент (происходит из раскопок помещения 52 цитадели Алустана) уникального для Южнобережья Крыма итальянского кувшина с росписью кобальтом и марганцем группы *Maiolica arcaica blu* (Faenza) XIV в. (*Тесленко, 2017, с.403, рис.15,14*). На основании проведённого анализа И.Б.Тесленко пришла к заключению, что поливная керамика из усадьбы может быть отнесена ко второй четверти – последней трети XIV в. (*Тесленко, 2017, с.399*). Уделяя большое внимание деталям

морфологии керамического материала, И.Б.Тесленко упускает из виду ряд вопросов методологического характера, повлиявших на представленную историческую характеристику памятника. Во-первых, нет оснований называть Алушту (Лусту латинских источников) 70-х гг. XIII – 70-х гг. XIV в. городищем, т.к. после татарского погрома 1278 г. оборонительные стены византийской цитадели более ста лет лежали в руинах, а других крепостных сооружений здесь попросту не было. То есть, на протяжении всего золотордынского периода своей истории Луста оставалась открытым поселением. Генуэзцы, подчинив себе Лусту, как и другие селения (*казали*) приморской Готии в 1365 г., восстановили *каструм* Лусты (*castrum Luste*) только к 1386 г., когда замок впервые упоминается в массарии Каффы (*Musso, 1968, p.73*). Хотя ещё в 1374 г. здесь впервые отмечается местонахождение лигурийского консула.

Внешний периметр обороны Лусты генуэзцы, на территории которого находится интересующий нас дом XIV в., возводили дважды в 20-х и 60-х гг. XV в. Во-вторых, на участке раскопок помещений №№39-41 (рис.66; 135-139) выявлены следы трёх последовательно залегавших слоёв пожара XIII, XIV и XV вв. (рис.136) В открытом дворике – пом.№38 – на глиняном полу залегал один слой пожара, предположительно датированный в отчёте 1986 г. (только по находкам амфор с дуговидными ручками и грушевидным туловом) XII-XIV вв. (*Мыц, 1986, с.14*). Поэтому данное помещение следует исключить из строительного комплекса XIV в. Стены помещений №№39-41 были установлены на выровненном слое пожара XIII в. (рис.136, слой 9) При этом на всю глубину (около 1,0 м) культурный слой (частично и стены) в трёх помещениях (№№39-41) на протяжении 14 м прорезала траншея шириной 0,65-0,80 м, в которую были уложены канализационные трубы и установлен смотровой колодец с люком (размеры ямы 1,0 x 1,1 м).

Таким образом, культурные отложения во всех трёх помещениях оказались нарушенными и залегали в переотложенном состоянии. Обнаружение двух верхних слоёв пожаров в отчёте 1986 г. я попытался

объяснить наличием двух этажей, что не совсем оправданно, т.к. каких-либо следов или остатков конструкций второго этажа при раскопках не выявлено. Надо отметить, что данный участок явно подвергался перекопам ещё в средневековье при выборке строительного камня, т.к. сохранность кладок (при почти полном отсутствии развала стен) составляла всего 0,60-0,80 м. Именно наличие перекопов и прорезавшей три помещения траншеи привело к перемещению культурных отложений и, как следствие, сложности датировки обнаруженных артефактов, с чем и столкнулась И.Б.Тесленко.

Например, явной примесью XIII в. среди ярко выраженных материалов XIV в. (рис.140-143) являются поливные чаши и тарелки, украшенные орнаментом, состоящим из концентрических окружностей и фрагменты поздневизантийских амфор с дуговидными ручками и грушевидным туловом – класс 45 (Романчук и др.,1995, табл.39 и41). Все попытки некоторых исследователей продлить использование этих амфор на территории Крыма и в XIV в. неубедительны, потому что к этому времени относятся только находки их фрагментов в переотложенном состоянии.

Тонкостенные неполивные сосуды (горшки и кувшины) из Алушты украшенные полосами белого ангоба (рис.144-147) в 80-х гг. XX в. датировались 20-40-ми гг. XIV в. Эта датировка первоначально строилась на основании их обнаружения в слое с дирхемом Узбека (1313-1342). Однако повторное изучение данной монеты показало, что она имеет надчеканку *хан*, а это говорит об её использовании и в первой четверти XV в. Следовательно, данную группу керамики правильнее будет относить ко второй половине XIV - первой четверти XV в., а не исключительно к XIV в. В-третьих, на протяжении 1984-1994 гг. на площади 3600 кв.м в Алуште было исследовано более 100 жилых и хозяйственных помещений XIII-XV в. В 10 из них (все расположены в цитадели) выявлены следы пожара XIII в. сопровождавшиеся археологически целыми артефактами. Ещё примерно в 20 строениях (расположенных за пределами цитадели на площади в 0,5 га) более позднего

времени обнаружены отдельные предметы XIII в., но в переотложенном состоянии. Данные наблюдения позволили прийти к заключению, что пожар и разрушение Алушты в 1278 г. носили тотальный характер. Находки 60-80-х гг. XIV в. происходят примерно из семи помещений и только три из них образуют единый строительный комплекс, который к тому же не восстанавливался после пожара и разрушения, а его стены были частично разобраны. Таким образом, пожары и разрушения в Алуште XIV в. носили локальный, а не тотальный характер.

Проведившиеся на памятнике археологические исследования и лаконичные свидетельства эпиграфических и нарративных источников, позволяют только фрагментарно восстановить историю Алушты XIII-XV вв. После разрушительного пожара 1278 г. город постепенно восстанавливается и достигает прежних размеров во время правления хана Узбека. В 70-80-е гг. XIV в. Алушта оказывается в числе населённых пунктов, за которые идёт борьба между генуэзцами и татарами (*Balard*, 1978, p.161; *Бочаров*, 2004, с.186; *Мыц*, 2009, с.44-45). При оценке политической обстановки в приморской Готии 80-х гг. XIV в. следует также учитывать то, что в 1384 г. начинается длительная и упорная (временами доходившая до кровопролития) борьба православных иерархов за обладание церковными приходами и право сбора каноникона с жителей ряда населённых пунктов. Среди документов 80-90-х гг. XIV в. Константинопольского патриархата неоднократно фигурирует и Алушта (‘Αλουστα). Вероятно, к этому времени на территории города и относятся несколько локальных пожаров, но только один дом так и не был восстановлен. Разрушительные, но все-таки локальные пожары, могут относиться и ко времени *Солхатской войны* 1385-1386 гг. (*Basso*, 1991, p.11-15). По договору от 12 августа 1387 г. Алушта окончательно вошла в состав территорий подвластных (до 1475 г.) Генуе.

Сохранение в X-XV вв. на территории города и в его окрестностях исключительно православных храмов, погребального обряда, строительных и хозяйственных традиций позволяют говорить о том, что население Алушты и

в золотоордынский период оставалось в своей основе греческим. Однако не следует ограничивать влияние и прямое участие Орды в истории Алушты только 1278-1365 гг. В городе и его окрестностях на протяжении 1365-1475 гг. продолжали обитать так называемые *ханлюки* (*canluci*) - т.е. подданные хана, которые платили генуэзской администрации особый налог - *cabella canlucorum* (*Vigna, 1879, p.350*). Отсюда и материальная культура Алушты этого времени имеет много сходных черт с культурой ордынских городов полуострова.

Выводы: Археологический контекст событий XIV в. принципиально отличается от культурных отложений XIII и XV вв. Если эти два столетия оставили многочисленные следы тотальных пожаров и разрушений, то XIV в. представлен исключительно локальными пожарами, касающимися в городах и селениях отдельных строений (Херсон, Чембало, Луста и др.). Причём большинство построек вскоре было восстановлено, в то время как в XIII и XV вв. обитатели поселений далеко не всегда возвращались на пепелища и они сохранились до наших дней в виде закрытых комплексов. Но XIII и XV столетия не оставили столь значительных кладовых и погребальных комплексов, как XIV в. Наиболее яркими примерами являются серебряный с позолотой сельджукский пояс из могилы №481 Большой базилики Мангуца, а также три клада: Симферопольский, Нейзацкий и Алуштинский. Все эти клады были связаны с драматическим завершением судеб золотоордынской аристократии Крымского улуса времени великой замятни 60-80-х гг. XIV в. Знаковой находкой в составе Симферопольского клада является серебряная пайцца хана Кильдибека (1361-1362).

С XIV в. до наших дней сохранились особенно значительные комплексы культовой и оборонительной архитектуры в Солхате, Каффе, Сугдее, Чембало и др. В результате их исследования получен важный для датировки археологический материал. Ещё одной особенностью крымской археологии XIV в. является открытие и изучение на широкой площади целого ряда сельских поселений (Эски-Юрт, Кринички-II, Байбуга, Бурульча и др.).

XIV столетие оказалось наполненным военными столкновениями, оставившими на памятниках следы пожаров и разрушений. Первый вооружённый конфликт между монголами и генуэзцами (1307-1308 гг.) происходит по надуманной причине (покупка лигурийцами детей кочевников). Токта изгоняет латинян, которые, после восьми месяцев сопротивления, покидая город, сжигают Каффу (20 мая 1308 г.). Слой пожара этого времени в ходе раскопок Каффы пока не выявлен, также как и следы венецианского погрома 1296 г.

Приход к власти Узбека (1313 г.) стимулирует исламизацию региона, возвращение генуэзцев и восстановление Каффы. Начало XIV в. демонстрирует доминирование мусульманской общины Солхата. В городе возводятся знаковые культовые архитектурные доминанты, сохранившиеся до наших дней: мечеть Узбека - 1314 г., медресе 1332/33 г. Инджи-Бей-Хатун и др. В 20-30-е гг. XIV в. происходят конфликты с православным населением Сугдеи, которому запрещается звонить в колокола. К этому времени относится денежно-вещевой клад 1964 г. из пригорода Сугдеи. Помимо 21 золотой монеты (императоров Михаила VIII, Андроника II и Михаила IX - 1261 - 1320-е гг.) в него входил и ордынский браслет с львиными личинами. Покушение на Узбека и пожар в дворце Алтун-Таш (1339 г.) указывает на скорую смену хана Орды. Генуэзцы чутко реагируют на это событие и начинают строительство каменной цитадели Каффы (1340 г.), ограждая 11 га приморской территории города. Следует отметить, что и князь Иван Калита, дождавшись возвращения сыновей из Орды, осенью-зимой 1339/40 гг. начинает строительство нового кремля Москвы.

Приход к власти Джанибека (1341/42 г.) вскоре приводит к инциденту 1343 г. между латинянами и ордынцами в Азаке. Кризис Таны 1343 г. является прелюдией второй войны между татарами и генуэзцами (1344-1346 гг.). Джанибек совершает две неудачные попытки овладеть Каффой. Усиление Каффы стимулирует лигурийскую экспансию и приводит к захвату в 1345 г. Симболона (Чембало) с сельской округой из 10 греческих

поселений на западной оконечности полуострова. В ходе военной кампании 1346 г. в Крыму появляется *Чёрная смерть*. Её рецидивы отмечаются до 50-60-х гг. XIV в. Гибель Джанибека (1357 г.), а затем Бердибека (1359 г.), приводят к гражданской войне в Орде (1359-1380 гг.). В эпитафическом источнике 1361/62 г., обнаруженном в ходе раскопок Мангупа, впервые упоминается Феодоро и почтенная Пойка. На горном массиве Бойки частично исследованы руины крестовокупольного (?) храма Христа Спасителя. Мнимые князья Феодоро и Кырк-Йера второй половины XIV в., (Димитрий и Хаджибек) искусственно созданные воображением учёных второй половины XIX в., продолжают фигурировать в современной историографии. Одним из наиболее ярких комплексов 30-50-х гг. XIV в. (?) является обнаруженный в ходе раскопок Большой базилики Мангупа (2005 г.) серебряный с позолотой парадный пояс.

В 1360-х гг. в борьбу за власть в Орде вступает бек Мамай, выдвинувший на ханский престол чингизида Абдуллаха. Потеряв Сарай, он в 1363 г. создаёт ставку (город Орду) в среднем течении Днепра. Борьба за Подолию беков Западного улуса Орды (Кутлубуга, Хаджибек, Демирбей) приводит к сражению на Синей Воде (1363 г.). После поражения татарские орды совершают отход к своим зимникам в трёх направлениях. Ольгерд преследует Хаджибека и направляется в устье Днепра к Белоберью. Приближение литовско-русского войска к границам Крымского улуса вынуждает Кутлуг-Тимура спешно соорудить оборонительный ров вокруг Солхата (1363 г.). Старший бек Западного улуса Кутлубуга в 1364 г. подписывает мирный договор с Ольгердом и на протяжении 1364-1367 гг. в городе Янги-Шехр чеканит монеты хана Абдуллаха, признавая его сюзеренитет. Конфликт Каффы и Солхата в 1365 г. приводит к захвату генуэзцами Солдаи, 18 поселений её округа и приморской Готии. Появление орды Мамаея в Крыму (23 августа 1365 г.), вынуждает Кутлуг-Тимура бежать из Солхата. Известия о нём прерываются, что, видимо, свидетельствует о его гибели. Вероятно, к этому времени (1360-1380-м гг.)

относятся три значительных кладовых комплекса: Нейзацкого, Симферопольского и Алуштинского. Мамай осуществляет набор 2000 жителей Солхата в своё войско. Среди доверенных лиц Мамаю появляется младший брат Кутлуг-Тимура бек Сары-ака, который героически погибает в 1375 г., выполняя дипломатическую миссию. Голод и болезни в орде Мамаю (1374-1375 гг.) вынуждают его повторно перебраться в Крым. Во время пребывания на территории полуострова, происходит конфликт Мамаю с генуэзцами. Мамай отбирает у генуэзцев и возвращает наместнику Солхата 18 селений Солдайи, а также приморской Готии. Куликовская битва (1380 г.) завершается разгромом армии Мамаю. После неудачной попытки организовать сопротивление Тохтамышу и предательства некоторых беков, Мамай бежит в Крым и погибает в Каффе. Остаётся не решённой проблема обнаружения погребения Мамаю, т.к. не представлена убедительная аргументация принадлежности открытого близ Солхата ордынского захоронения этому беку. Нет также археологических доказательств того, что Мамай построил оборонительные стены Солхата. Например, второй периметр обороны Каффы возводится генуэзцами в годы «Солхатской войны» - 1385-1387 гг., т.е. во время правления Тохтамыша. В 1380 и 1381 гг. генуэзцы подписывают с правителями Солхата два договора о возвращении им сельских территорий Сугдеи и прибрежной Готии. Новые договорённости не способствуют установлению реального мира и между сторонами начинается борьба, получившая у лигурийцев название *Солхатской войны* (1385-1387 гг.). Победа Каффы вынуждает наместника Солхата Кутлубугу к подписанию 12 августа 1387 г. мирного договора. Строительство крепостных стен Феодоро, Кырк-Йера и Солхата, по-видимому, осуществляется в годы правления хана Тахтамыша. Войны Тохтамыша с Тамерланом имели для Улуса Джучи катастрофические последствия. После поражения на Тереке 15 апреля 1395 г. орды Таш-Тимура и Актау не возвращаются в Крым, а переправляются через Днепр и уходят в Добруджу. Войска Тамерлана не преследовали этих беглецов и не проникали

на территорию полуострова. Поэтому в 1395 г. не состоялся Крымский поход Тимура. Об этом свидетельствуют материалы археологических исследований, не подтверждающих разрушения Тимуром городов Крыма: Солхата, Каффы, Солдайи, Феодоро, Херсона, Алушты и др.

Глава IV.

КАФФА, СОЛХАТ И ФЕОДОРО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV ВЕКА

Археологические исследования 1980-2000-х гг., проводившиеся на территории Крыма, позволили получить стратифицированные закрытые комплексы первой трети XV в. Благодаря этим результатам определены десятки архитектурно-археологических памятников, на которых в 1420-1430 гг. велись строительные и восстановительные работы. Среди этих объектов, прежде всего, следует отметить Мангуп (город Феодоро), Чембало, Каламиту, Сугдею, Фуну, Лусту, Партенит и др. На данных памятниках археологические раскопки осуществлялись широкими площадями, что позволило изучить на их территории разнообразные строения оборонительного, культового, жилого, хозяйственного и погребального характера (крепостные башни, ворота, куртины, дворец, церкви, таверны, цистерны, водопроводы, дома и проч.). Разнообразие артефактов, полученных в ходе раскопок памятников, дополняют эпиграфические и нумизматические коллекции. Весь комплекс обнаруженных находок не только значительно пополнил современные музейные фонды, но и привлёк к их научному изучению исследователей различных историко-археологических специализаций. Использование полученных научных данных позволило выполнить комплексную реконструкцию исторических событий первой трети XV в. представленных в данной главе.

4.1. Начало правления владетеля Феодоро Алексея I: 1411 – 1421 гг.

История ранних лет правления господина Готии Алексея I (1411 – 1421 гг.), его начальных внешнеполитических приоритетов и первый вооруженный конфликт между Каффой и Феодоро в 1422 – 1423 гг., являлись предметом специальных исследований Н.Йорги, В.Василиу, Н.Бэнеску и А.А.Васильева (*Iorga*, 1899, p. 21 – 39; *Vasiliiu*, 1929, p. 299 – 336; *Banescu*, 1935, s. 20 – 37; *Vasiliev*, 1936, p. 200 – 205). В дальнейшем эта тема оставалась практически вне внимания специалистов, занимавшихся изучением средневекового Крыма (*Карнов*, 1995б, с. 17, прим. 34). Хотя

совершенно очевидно, что без детального рассмотрения этого периода невозможно прийти к правильному пониманию и оценке событий, происходивших на полуострове в последующие годы (1424 – 1441) и их причинно-следственных связей (*Мыц*, 2005, с.257-268; 2009, с. 69-152). Об этом свидетельствуют публикации ряда авторов, совершенно не учитывавших в своих построениях его особенности (*Чиперис*, 1961, с. 291 - 307; *Филипенко*, 1996, с. 146 – 149), либо касающихся их поверхностно (*Иванов*, 1997, с. 46 – 48).

Появление на политической арене в 1411 г. владетеля Феодоро Алексея I (1411–1446) представлено генуэзским документом исключительной важности. Речь идёт о мандате, которым 17 июня 1411 года князь назначил своим генеральным прокуратором православного священника Алессио Номико с поручением провести дипломатические переговоры с официальными Каффы, «нацеленные на то, чтобы положить конец имеющим место противоречиям и заключить новый договор о мирном сосуществовании» (*Ganchou, Minghinas*, 2003, p.117-118; *Баллетто, Бассо*, 2018, с.354; 417-418). При этом сам Алексей I также находился в Каффе в предоставленной ему генуэзскими официальными резиденции. В качестве свидетелей выдачи документа выступали с генуэзской стороны нотариусы и переводчик, а со стороны Алексея сопровождавшие его греки – династ кир Лео Арапи и священник Николас Сагара (*Карпов*, 2018, с.9). Переговоры продолжались до 8 июля и, очевидно, завершились подписанием удовлетворяющего обе стороны договора. По этому случаю магистратами города был подготовлен подарок господину Феодоро Алексею стоимостью в 1121 аспр (*Iorga*, 1899, p.21). В том же году со специальной миссией в Готии побывал посол Каффы Джорджо Торселло, где встречался с владетелем Феодоро (*Vasiliev*, 1936, p.202).

Вероятно, внимание генуэзцев было обращено к Готии именно в связи с началом правления Алексея I. Понимая, насколько важно поддерживать дружеские отношения с новым князем, Каффа отнеслась к нему с большим

почтением (*Vasiliev, 1936, p. 202*). Активные дипломатические контакты между генуэзцами и феодоритами продолжались и после подписания договора: 26 августа 1411 г. массарией Каффы была выплачена некая сумма послу к Алексею, а 24 октября в городе находился посол господина Феодоро Кеассий, на содержание и подарок (одежду) которому было израсходовано 310 аспров (*Iorga, 1899, 22*).

В последующие девять лет генуэзские источники не отмечают каких-либо активных политических контактов между Феодоро и Каффой. Вероятно, этот пробел обусловлен отсутствием опубликованных документов или их утратой (*Карнов, 1995, с. 9-11*). Видимо, только поэтому в 1420 г. (запись сделана 24 сентября) массарии Каффы фиксируют затраты средств на пир в честь приёма посла от господина Феодоро (*Iorga, 1899, 25*).

Начало активных контактов между феодоритами и генуэзцами во второй половине 1420 г. не было случайным. В консулат Манфредо Саули (1420/21 гг.) Каффа из-за неурожая в Северном Причерноморье остро нуждалась в поставках продовольствия. В качестве попытки выйти из затруднительного финансового положения в 1420 г. консул начинает чеканку каффинской монеты, которая продолжается другими официальными до 1475 г. (*Пономарёв, 2018, с. 123-134*). Саули стремился поддерживать мирные отношения как с ханом Бекком Суфи, так и с правителем Феодоро Алексеем I. Петиция Джорджо Конте (от 3 и 28 сентября 1442 г.) ярко обрисовывает реальное положение, в котором оказалась в то время столица генуэзской Газарии: «В консульство Монфредо Саули в Каффе была не просто нехватка зерна, но настоящий голод, так что значительная часть населения питалась скорее травой, чем хлебом» (*Карнов, 1998, с. 35*).

Свидетельство латинского источника подтверждается и данными русских летописей, отмечающих под 1420 г. первоначально засуху (*меженина*), а затем и рано наступившую зиму (в середине сентября пошёл снег и в течение трёх дней покрыл землю слоем в 4 пяди из-за чего урожай остался необранным: «а всякое жито под снег полегло»); наступившая оттепель («вся

же зима тепла бысть вельми»), вызвала вспышку эпидемии («мор бысть силен по всей земле Русской», «тако вымроша, яко жита жати некому»), а затем продолжительный голод (*Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 289 – 290*).

Неблагоприятные погодные условия на протяжении нескольких лет (1420 – 1423 гг.) в Восточной Европе вызвали голод, массовые заболевания и гибель населения. По-видимому, в этом контексте следует рассматривать торжественный приём посла Алексея I в Каффе 24 сентября 1420 г. и пребывание в начале следующего года в Готии (согласно документам массарии Каффы, 7 января 1421 г. для этой цели выделено 200 аспров) в сопровождении 5 оргузиев представителя генуэзской фактории – Джорджо Вакка.

4.2. Первый вооруженный конфликт между Каффой и Феодоро в 1422 – 1423 гг.

Рассматриваемый период – 1420 – 1423 гг. – был достаточно сложным для Генуэзской Газарии и ознаменовался изменением военно-политической обстановки в Причерноморском регионе. После похода каффинского флота на Трапезунд в 1417 г. (*Карпов, 1981, с. 106 – 107; Karpov, 1986, p. 158 – 159*) на протяжении нескольких лет не отмечается военной активности со стороны лигурийской фактории. Наоборот, всякие спорные вопросы официалы Каффы стремятся урегулировать путём переговоров (*Карпов, 1995, с. 12*).

Важные перемены произошли в это время в Орде (*Крамаровский, 2003, с. 522*). Гибель Идике (Едигея) и Кадыр-Берди в 1419 г. (*Тизенгаузен, 1884, с. 532, 533*) дала возможность, после некоторого перерыва, занять осенью 1421 г. (*Тизенгаузен, 1941, с. 196*) ордынский престол ставленнику Витовта (1392 – 1430) Улу-Мухаммеду (1405-1445), с именем которого в Каффе производится чеканка новых и надчеканка старых монет (*Северова, 1990, с.44 – 45*).

На фоне общей политической нестабильности, отмечаемой источниками начала 20-х гг. XV в. в Северном Причерноморье, между Каффой и Феодоро возникает та напряженность отношений, которая предвещает начало противостояния, в конечном итоге завершившегося вооруженным

конфликтом. Из контекста последовавших за этим событий становится ясно, что яблоком раздора между ними выступала прибрежная часть Готии и Чембало. А.А.Васильев полагал, что война между Феодоро и Каффой началась в 1422 г. (*Vasiliev*, 1936, p. 202). Но этот вопрос остается не до конца прояснённым, потому что имеющиеся источники скорее демонстрируют активную подготовку обеих сторон к войне, апогеем которой явился 1423 г., когда феодоритам на очень короткий срок удалось захватить Чембало. При этом, совершенно необоснованным было его предположение о вовлечении в данный конфликт на стороне владетеля Мангупа Хаджи Гирея: «втянутый в войну с Генуей Алексей был уверен если не в действенной поддержке хана, то хотя бы в его дружеском нейтралитете, что было для него чувствительной помощью» (*Vasiliev*, 1936, p. 202).

Наиболее реальной причиной конфликта между Феодоро и Каффой, по-видимому, можно считать стремление набирающего силу государства получить выход к морю для участия в международной торговле. Этому явно препятствовало закрепление генуэзцев в ряде стратегически и экономически важных пунктов, расположенных на побережье Готии (Луста, Партенит, Гурзуф, Ялита) и особенно в Чембало. На серьёзность конфликта указывает то, что борьба велась за обладание 21 населённым пунктом крымского побережья с проживавшем в нём (в основном) православным греческим (ромейским) населением.

Военные действия между генуэзцами и феодоритами, по всей видимости, были начаты только осенью (в сентябре или в самом начале октября?) 1422 г. Именно в это время (9 октября) массариями Каффы выделяется 16460 аспров для «заготовки продовольствия и защиты нашего города Чембало и всей Готии по случаю войны с господином Феодоро Алексеем» (*Iorga*, 1899, p. 28; *Banescu*, 1930, p. 35; *Vasiliev*, 1936, p. 202). 31 октября и 9 ноября коммуной Каффы расходуются средства на доставку продовольствия в Лусту (*in Lusce Ioso*) и за организацию этих поставок выплачивается вознаграждение в 45 аспров (*Iorga*, 1899, p. 28).

Судя по всему, отношения между феодоритами и генуэзцами к этому времени ещё не достигли пика конфронтации. Об этом позволяет говорить письмо от Алексея I, полученное в конце ноября 1422 г. магистрататами Каффы (29 ноября массариями выплачено 12 аспров для грека, принесшего письмо от Алексея (*Iorga*, 1899, p. 28; *Vasiliev*, 1936, p. 203; *Байер*, 2001, с. 206).

Таким образом, насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении письменные свидетельства, до октября (?) 1422 г. военные действия между Феодоро и Каффой ещё не велись. В этой связи интересно сопоставить известия нарративных источников с материалами археологических исследований, проводившихся в 80 – 90-х гг. XX в. на территории генуэзской Лусты и у селения Фуна (расположено в 8 км к северу от Алушты на западном склоне г. Демерджи) (*Мыц*, 1988, с. 97 – 113; 1991а, с. 150 – 152; *Кирилко, Мыц*, 1991, с. 147 – 170; *Кирилко*, 2002, с. 4 – 11). Вероятно, в это время (1420-х гг.) феодориты в спешном порядке, начинают возводить укрепление Фуна.

Кроме того, в ходе археологических разведок и раскопок последних лет материалы XV в. выявлены ещё на трёх укреплениях Южнобережья, расположенных в нескольких километрах от моря, у горных дорог, ведущих к перевалам: в селении Запрудное (б. Дегерменкой = Милляри), на скале Гелин-Кая (б. Кизил-Таш, ныне с. Краснокаменка) (рис.172,9) и в Ялтинской котловине в верховьях р. Учан-Су (рис.106,6; 172,8).

Обращает на себя внимание топография данных памятников (рис.172,8-10,12). Все они располагаются выше приморских пунктов, принадлежавших на побережье генуэзцам: над Партенитом – Дегерменкой; над Гурзуфом – Гелин-Кая; над Ялитой – Учансу-Исар. Это позволяет высказать предположение, что Алексеем I перед началом военных действий на территории приморской Готии возводятся четыре укрепления (Фуна, Дегерменкой, Гелин-Кая, Учансу-Исар), которые по его стратегическому замыслу служили плацдармами для нападений на подчинённые генуэзцам

города и селения Готии (Лусту, Партенит, Гурзуф, Ялиту). Более уверенно об этом можно будет говорить только после проведения дополнительных раскопок на данных объектах и издания уже имеющегося материала XV в.²¹⁵

В ответ на эти действия генуэзцы восстанавливают частично разрушенные в 1278 г. (Мыц, 1997, с. 66) при штурме Алушты (Лусты) монголами оборонительные стены византийского периода. По-видимому, в начале 20-х гг. XV в. эти работы не были ограничены реставрацией обветшавших стен цитадели VI в. (рис.66). В момент возникновения реальной военной опасности создаётся внешний пояс крепостных стен, что позволило увеличить защищённую часть города на 0,70 га. Открытые в ходе раскопок прясла южной (7,30 м) и восточной (37,50 м) куртин (их ширина соответственно составляла 2,0 и 1,60 м) сооружались в спешке, без какой-либо инженерной подготовки рельефа склона и не имеют фундаментов. К тому же южная стена оказалась сложенной на грязевом растворе (Мыц, 2002, с.171 – 172, рис. 36,38,39). Слабость данной фортификационной конструкции очевидна. Поэтому в 60-е гг. XV в., когда полностью перестраивается внешний периметр обороны генуэзской Лусты, она была частично разобрана.

Насколько позволяют судить письменные свидетельства, кульминация противостояния между Феодоро и Каффой приходится на 1423 г., хотя и в это время генуэзцы предпринимают попытку избежать прямого столкновения с Алексеем и не допустить вовлечение в конфликт Улу-Мухаммеда. Именно в такой плоскости можно рассматривать миссию посла наместника Солхата. Из финансовых документов Каффы известно, что в течение двух дней (26 и 27 марта) в городе находился некий *сарацин* по имени Бексада (Iorga, 1899, р. 30). Судя по кратковременности визита (два дня) и скромности

²¹⁵ Подробнее о так называемых системах укреплений см. работы (Домбровский, 1974, с. 44 – 46; Фирсов, 1990, с. 61 – 204; Мыц, 1991а, с. 19 – 20). Раскопками 2004 г., проведенными С.Г.Бочаровым на Учансу-Исаре, выявлен слой XV в. Причём, по заключению исследователя, памятник оказался однослойным и существовал непродолжительное время. Весьма признателен С.Г.Бочарову за любезно предоставленную информацию.

преподнесенного Бексаде подарка, стоимостью в 100 аспров, генуэзцами татарскому послу был оказан весьма сдержанный прием²¹⁶.

После завершения переговоров в Каффе, 28 марта Бексада направился к Алексею I. Но дальнейшие события не дают основания говорить, что посредничество (симпатии татар находились на стороне феодоритов, о чём свидетельствуют генуэзские источники 1424 г.) наместника Солхата (главы рода Ширин – Тягини?) привело к примирению противоборствующих сторон, как это предполагал А.А.Васильев (*Vasiliev*, 1936, p. 204).

Весной 1423 г. генуэзцами снаряжается три корабля (две галеотты и одна бригантина) против Алексея I (*Iorga*, 1899, p. 27, 29; *Vasiliev*, 1936, p. 203, n. 7; *Байер*, 2001, с. 207). В начале марта была оснащена галеотта в связи с состоянием войны с господином Феодоро, а 11 числа того же месяца на новое вооружение бригантины отпущен из казны 881 аспр (*Iorga*, 1899, p. 27; 29). 8 мая оплачены расходы (9313 аспров) на вооружение галеотты, патроном которой являлся Марко Спинола. Галеотта была предназначена обеспечить для охраны побережья между Чембало и Солдайей, «ввиду войны с господином Феодоро» (*Iorga*, 1899, p. 29; *Vasiliev*, 1936, p. 203, n. 7; *Байер*, 2001, с. 207). Несколько позднее (точная дата в источнике не указана) по постановлению консула и военной коллегии Каффы (*Officium Guerre Caffensis*) к Каламите (*locum Calamithe*), для патрулирования вдоль побережья, направляется корабль Негрони ди Негро (*Iorga*, 1897, p. 314; *Vasiliev*, 1936, p. 203; *Banescu*, 1967, p. 260, n. LXXXVII; *Balletto*, 2000, p. 113 – 114, doc. 96; *Байер*, 2001, с. 207). Вероятно, в это же время в Каламите пытаются закрепиться феодориты, начавшие возведение крепости.

Выделяются и дополнительные средства на усиление гарнизона Чембало. В октябре массариями Каффы отпущено 16460 аспров для обеспечения необходимым «продовольствием и охраной города Чембало и всей Готии,

²¹⁶ Средневековое латинское *alapha* (синонимы – *regato*, *tribute*) – в данном случае означает не что иное, как *подношение подарка* (*Aprisio*, 2001, p.66,242). Данной темы коснулся А.Л.Пономарёв: «Приезжавшие в Каффу татарские ханы и беи, их родичи и послы, даже простые гонцы поступали на довольствие генуэзского казначейства и получали суточные (они назывались *alafa*, *alapha*, *olorpha*) и вознаграждения (*Пономарёв*, 2013, с.162).

ввиду войны с Алексеем, господином Феодоро» (*Iorga*, 1899, p. 31).²¹⁷ 9 октября выплачено еще 27850 аспров на ведение войны с владельцем Феодоро (*Iorga*, 1899, p. 29; *Vasiliev*, 1936, p. 203). В тот же день Фредерико Спинола, вступивший в исполнение обязанностей консула Каффы (до этого он был массарием), отправил в Геную донесение, в котором Алексей I назван мятежником, поднявшим бунт против Коммуны Каффы (*ribelis Communis Caffe*) (*Iorga*, 1899, p. 31; *Байер*, 2001, с. 207).

Принятых официалами Каффы мер оказалось недостаточно и феодоритам удаётся на некоторое время захватить Чембало. Точная дата этого события неизвестна. Вероятнее всего это произошло в конце осени 1423 г. (т.е., во время, когда наиболее затруднительна из-за сильных штормов навигация у берегов Крыма). По крайней мере, генуэзские источники фиксируют наибольшее напряжение отношений осенью 1423 г. в момент ведения боевых действий между враждующими сторонами.

Благодаря энергичным действиям Пьетро Джованни Майнерио генуэзцам удалось вскоре вернуть Чембало под свою власть. Успешная дипломатическая деятельность благородного и мужественного человека, столь отличившегося в войне против Алексея из Феодоро, упорно защищавшего и освобождавшего Чембало, была высоко оценена в метрополии. За заслуги перед коммуной города ему специальным распоряжением (датировано 1 марта 1424 г.) губернатора Генуи Франческо Кармагнолья, Советом Старейшин и Оффицией Романи, пожалована почётная должность депутата Каффы с ежемесячной выплатой жалованья в размере одного соммо (*Balletto*, 2000, p. 18 – 19, doc. 12; *Байер*, 2001, с. 207).

Как показывают письменные источники, первый вооруженный конфликт между Каффой и Феодоро приходится на осень 1422 и продолжается до осени 1423 гг. Начальная фаза военных действий зафиксирована появлением в генуэзских документах, указывающих на причины понесенных финансовых

²¹⁷ Следует обратить внимание на то, что примерно такая же сумма (16800 аспров) расходовалась ежегодно на выплату жалованья 7 социям (*socios septem*), охранявшим замок св. Николая в Чембало (*Устав* 1449 г., 1863, с. 786).

расходов, фразой *occaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro*, которая впервые встречается в записи массарии 9 октября 1422 г. (*Iorga*, 1899, p. 28; *Banescu*, 1930, p. 35, n. 1; *Vasiliev*, 1936, p. 202), а финальная – относится к осени 1423 г. (*Iorga*, 1899, p. 29; *Vasiliev*, 1936, p. 203).

Таким образом, открытое военное противостояние сторон хронологически ограничено пределами одного года, так как в более поздних документах о войне с Алексеем I говорится, как о недавнем прошлом (*Iorga*, 1899, p. 361). В.Василиу считала, что первая война между Каффой и Феодоро закончилась в 1426 г. (*Vasiliiu*, 1929, p. 305 – 306), но этому противоречат представленные выше свидетельства генуэзских документов.

Обращает на себя внимание то, что основные даты событий 1422 – 1424 гг. совпадают с началом или завершением правления того или иного консула Каффы. После Манфредо Саули (его консулат приходился на 8.07.1420 – 7.07.1421 гг.) должность консула исполнял Антонио Маруффо (с 7.07. по 9.10. 1422 г.). Это время нарастания напряженности в отношениях между противоборствующими сторонами, завершившееся началом открытых военных действий за обладание побережьем Готии и Чембало. 9 октября 1422 г. к исполнению обязанностей консула приступил Джероламо Джустиниани Монелья, которого в октябре 1423 г. сменил Фредерико Спинола ди Луколи. То есть, на привлечение Джероламо Джустиниани приходится период открытых военных действий между Каффой и Феодоро, а их финал и урегулирование конфликта – на консулат Фредерико Спинола (октябрь 1423 – октябрь 1424 гг.) и его преемника Пьетро Фьески.

М. де Канале, а вслед за ним В.Н.Юргевич, полагали, что консулами Чембало в 1423 – 1424 гг. являлись Пеллегро ди Молассана и Бонамико ди Монлеоне (*Canale*, 1855, I, p. 297; *Юргевич*, 1863, прим. 131). Однако согласно документу от 29 марта 1424 г. обязанности консула и кастеллана Чембало исполнял Даньяно Грилло (*Banescu*, 1966, p. 586, n. XXIV; *Balletto*,

2000, p. 30 – 31, doc. 24)²¹⁸, время консулата которого и Канале и Юргевич относили к 1420 г., что, по-видимому, не соответствует действительности (если не предполагать его повторное назначение на эту должность). В таком случае эпизод захвата феодоритами Чембало приходится на консулат Даньяно Грилло (9 октября 1423 – 9 октября 1424 г.?).

В целом же следует отметить, что генуэзские источники, несмотря на кажущуюся многочисленность, весьма скупо освещают (без какой либо детализации) события конфликта 1422 – 1423 гг. Они дают самое общее представление о его географии (от Каламиты до Солдайи). Средства целенаправленно выделяются на усиление обороны Лусты, Чембало и приморской Готии, за которые в основном и велась борьба. Остаются не до конца ясными повод, причины и ход военных действий.

Как уже отмечалось выше, неблагоприятные погодные условия на протяжении нескольких лет (1420 – 1423 гг.) в Восточной Европе вызвали голод, массовые заболевания и гибель населения от эпидемии. Вероятно, в этом контексте следует рассматривать приём посла Алексея I в Каффе 25 февраля 1420 г. и пребывание в начале следующего года (7 января 1421 г.) в Феодоро представителя коммуны Каффы – Джорджо Вакка. По-видимому, к этому времени относится изменение прежней прогенуэзской ориентации Алексея I (1411 – 1420 гг.) на сближение своих внешнеполитических интересов с Венецией и Трапезундом. Это было связано с тем, что примерно с 1422 г. наблюдается устойчивая тенденция сближения Генуи с османами (*Banescu*, 1965, s. 20 - 37; *Origone*, 1992, p.173; *Карпов*, 1995б, с. 16 – 17). В дальнейшем, на протяжении последующих 25 лет (1421 – 1446 гг.), владетель

²¹⁸ Данный документ представляет собой распоряжение губернатора Генуи (Франческо Кармагнолия), Совета Старейшин и *Officium Provisionis Romanie*, из которого узнаем об обращении Даньяно Грилло (*Dagnanus Grilus*) с жалобой (*conquestus*) по поводу того, что он одновременно вынужден был исполнять должности консула и кастеллана Чембало (*cum aliqne fuerit cosul et castellanus Cimbali*), а это было весьма обременительно для него. И к тому же, массарии Каффы не оплачивали ему за оффицию кастеллана 12 соммо (*sommos argenti duodecim*). Внимательно рассмотрев жалобу Даньяно, правительство метрополии приказывает консулу и массариям Каффы компенсировать ранее не выплаченную ему зарплату кастеллана и на будущее продолжать платить за занимаемую им должность исправно даже в мирное время (*in pace*) (*Banescu*, 1966, p. 586, n. XXIV; *Balletto*, 2000, p. 30 – 31, doc. 24).

Феодоро занимает крайне жёсткую антигенуэзскую позицию, приведшую к двум вооружённым столкновениям с Каффой.

Весной 1423 г. (конец марта – начало апреля) правитель Солхата (ширинский бек Тягиня?), вероятно, предпринимает попытку остановить дальнейшее развитие конфликта и направляет сначала в Каффу, а затем в Феодоро, своего представителя Бексаду. Однако миссия татарского посла не привела к примирению сторон. Не позднее второй половины декабря 1423 г. военные действия, по-видимому, были прекращены, потому что уже в одном из документов от 1 февраля 1424 г. (*Balletto*, 2000, р. 3 – 8) (об этом более подробно будет сказано ниже) говорится о достигнутом примирении с Алексеем I²¹⁹.

В ходе подготовки к войне за обладание Готией Алексей I возводит укрепления в селениях Фуна, Милляри, Гелин-Кая, Учансу-Исар и Каламите. Это вынуждает официалов Каффы усилить оборону Лусты, побережья Готии (Луста, Партенит, Гурзувий, Ялита) и Чембало. Таким образом, война 1422 – 1423 гг. не была для правителя Феодоро бесплодной, как это считал А.А.Васильев (*Vasiliev*, 1936, р. 205). Результатом её было: не достигнув закрепления своей власти над Чембало, Алексей I воздвиг порт и крепость в Каламите. Феодориты добились выхода к морю в одном пункте, хотя ими, по всей видимости, намечался захват Лусты и Чембало – именно на усиление обороны этих двух крепостей генуэзцы выделяли основные средства. В качестве плацдарма для захвата Лусты могла быть использована Фуна, а для завоевания Чембало – Каламита.

С этого времени Каламита становится единственным портом, через который Алексей I поддерживал связи и торговал с Трапезундом, Синопом, Венецией, Молдавией и другими причерноморскими и средиземноморскими государствами. Строительство порта и крепости в устье р. Чёрной генуэзцы рассматривали как грубое нарушение их монопольного права торговли на

²¹⁹Если учесть, что дорога от Каффы до Генуи занимала не менее 2 – 2,5 месяцев, то сведения, отправленные из Газарии в метрополию и отражённые в постановлении от 1 февраля 1424 г., относились ко времени не позднее середины декабря 1423 г.

Чёрном море, что в дальнейшем неоднократно становилось поводом не только для осложнения дипломатических отношений, но и вооруженных конфликтов.

Возвращаясь к событиям первой военной кампании 1422 – 1423 гг., следует признать, что если имеющиеся в нашем распоряжении источники дают возможность, хотя бы в общих чертах воссоздать политическую обстановку в Газарии, предшествующую началу вооруженного конфликта между Каффой и Феодоро, а также в некоторой степени отвечают на вопрос о мотивах его возникновения, то причины прекращения войны в ноябре – первой половине декабря 1423 (?) остаются не до конца выясненными.

В действительности трудно объяснить, почему Алексей I, явный инициатор эскалации вооружённого столкновения с генуэзцами, добившись очевидного успеха (феодоритами на непродолжительное время был занят Чембало, а на территории прибрежной Готии создаётся сеть опорных пунктов), в конце концов (к началу – середине декабря 1423 г. ?) возвращается на исходные позиции (*Кирилко, 2003, с. 263*). Причём владетель Феодоро обращает свою неуёмную энергию не на войну, а на строительство в столице дворца, оборонительных стен, цитадели и фамильной церкви (1425 – 1427 гг.)? Для осуществления столь значительной строительной программы требовались немалые средства, которыми Алексей I явно обладал, т.е. война 1422 – 1423 гг. не истощила его финансовых возможностей. В это же время генуэзские источники отмечают хроническую задолженность коммуны Каффы перед Банком Св.Георгия и другими кредиторами. В последующие годы (во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XV в.) и генуэзцы ведут строительство в Солдае и Чембало, но это представляется только как крайне необходимая мера безопасности (в особенности для Чембало).

Занимаясь изучением фортификационных сооружений Фуны (рис.112; 113;114), В.П.Кирилко обратил внимание на то, что оборонительные стены первого периода существования крепости, несут на себе следы деформаций,

которые могли быть вызваны невоенными действиями, а сейсмическими подвижками (*Кирилко*, 2002, с. 6 – 7; 203; с. 256 – 260)²²⁰.

В 1980-1990 гг. А.А.Никонов, занимаясь изучением палеосейсмических явлений Причерноморского региона, пришёл к выводу, что в XV в. в Крыму произошло катастрофическое по своим последствиям землетрясение силой около 9 баллов, отнесённое им к Ялтинской очаговой зоне (*Никонов*, 1983, с. 72 – 75; 1997, с. 90, табл. п. 6; 1999, с. 183)²²¹. Предложенные А.А.Никоновым датировка вызывает сомнения, по той причине, что генуэзцы, захватив Каламиту 10 июня 1434 г., сожгли крепость (следы этого пожара ещё и сейчас видны на внутренней стороне башни № 2), а вскоре вынуждены были приступить к её восстановлению (*Мыц*, 1991а, с.56–59, 136–137) (рис.213). После захвата Каламиты лигурийцами была предпринята реконструкция северо-западной линии обороны (рис.208-211). Ранее возведённая феодами куртина оказалась тонкой не устойчивой и поэтому до 10 июня 1434 г. с внешней стороны к куртине, для придания ей большей устойчивости, была пристроена башня № 2, а с внутренней – подпирающая её стена (рис.207;211).

Ещё одним объектом, на котором проводились значительные по площади раскопки, является средневековая Луста (Алушта) (рис.66). Явных следов каких-либо деформаций, вызванных сейсмическим воздействием, здесь не

²²⁰В 1986 г. на раскопках крепости Фуны побывал А.А.Никонов. Осмотрев состояние руин памятника и особенно скальной возвышенности, на которой был возведен замок, он пришёл к выводу, что заметные деформации каменных кладок вызваны не одноразовым землетрясением, а подвижками скального массива, постепенно сползающего в западном и юго-западном направлениях в долину р.Демерджи и в сторону моря.

²²¹Первоначально А.А.Никоновым была предложена дата – 1471 г. (*Никонов*,1983, с. 74), позднее, без какой-либо дополнительной аргументации, он относил это событие к 1427 г. (или 1427 ± 10 лет) (*Никонов*, 1997, табл. п. 6; 1999, с. 183). Следует отметить, что исследователем при изучении фортификационных сооружений Каламиты сделаны интересные наблюдения, выявившие деформации, произошедшие в результате землетрясения интенсивностью не менее 9 баллов. А.А.Никонов отмечал, что у ворот башни «первоначальная стена по горизонтальной плоскости между камнями кладки сдвинута косо к югу, юго-востоку так, что с лицевой стороны образовалась сужающаяся к востоку полочка шириной 12,10 и 5 см, а внутренний фас подобным же образом навис над основанием. По внутреннему фасау стена наклонилась на 1 – 2° в ту же сторону, что и сдвинулась. Более южный участок стены (где сдвигание было больше и устойчивость потеряна) отсутствует. В месте видимого сдвигания с внутренней стороны, т.е. куда верх стены подвинут, поставлена дополнительная укрепительная стена с сужением кверху. Здесь камни скреплены раствором другого состава. Подобные деформации не возникают в столь капитальных сооружениях на таком прочном основании при землетрясениях интенсивностью менее 8 баллов» (*Никонов*, 1994, с. 26).

выявлено. До настоящего времени остался невыясненным вопрос, что явилось причиной полной перестройки генуэзцами во второй четверти – середине XV в. северо-западного участка оборонительной стены цитадели (его протяженность более 30 м), возведённой ещё при Юстиниане I (527 – 565). Новая куртина была установлена на довольно крутом склоне, что потребовало при строительстве произвести специальные работы по его нивелировке, уничтожив все более ранние культурные напластования.

Такое знаменательное событие, как катастрофическое землетрясение должно было найти отражение не только в фольклоре - преданиях и легендах, широко используемых в работах В.П.Кирилко, но прежде всего, в генуэзских письменных источниках (донесениях консула и массарии), которые до настоящего времени не выявлены²²². В случае открытия документов, содержащих сведения о землетрясении (*perturbationes terrenaе*) удастся определить точное время катастрофы и размеры её реальных последствий²²³. А пока следует признать справедливость критики в адрес сторонников катастрофического землетрясения (*Йогансон, 2017, с.25-40*), которое якобы произошло осенью 1423 г. и докатилось до Солхата, где оказалось разрушенным медресе Инджи-бек Ханум и мечеть Узбека.

4.3. Генуэзская Газария, Готия и Крымский улус Золотой Орды в первой трети XV в.

Известия о событиях, происходивших в Газарии осенью 1423 г., достигли Генуи не ранее конца января 1424 г. Об этом позволяет судить инструкция от

²²² В данном случае могу сослаться на мнение А.Л.Пономарёва, который занимался детальным изучением генуэзских документов 1420-1430 гг. На этом хронологическом промежутке ему ни разу не встретились сведения о произошедшем в Газарии землетрясении. Он был склонен полагать, что военные действия (в том числе и быстрый возврат генуэзцам Чембало) официалам Каффы удалось прекратить с помощью денег. Причём лигурийцы, остро нуждающиеся в продовольствии, наладили с Алексеем I выгодную для обеих сторон торговлю. Мир с Алексеем I и поставки продовольствия были хорошо оплачены Каффой. Отсюда и необычные до этого финансовые возможности Алексея I, который смог реализовать значительную строительную программу в Феодоро (дворец, цитадель города, октагональный храм, восстановленная базилика, оплата вступления в православное Братство Святого Гроба Господнего).

²²³ Единственным, из известных мне, до настоящего времени источником, в котором ретроспективно отражены события 20-х гг. XV в. (?) (голод и последовавшее за ним землетрясение) является «Летопись Кипчакской Степи» 'Абдуллаха ибн Резвана, написанная автором в Кефе в 1610/11 – 1635 гг. Так, во II разделе своего сочинения ибн Резван, описывая Дешт-и-Кипчак, говорит о том, что и бедствия не миновали этот богатый край. Автор летописи сообщает (л. 4 гесто) о голоде и землетрясении (*зелзеле*), постигнувших некогда Крым (*Заинчковский, 1969, с. 16*).

1 февраля 1424 г., продготовленная губернатором Генуи, Советом Старейшин и Оффицией Попечения Романи для консула и массариев Каффы (*Iorga*, 1897, p. 155 – 157; *Banescu*, 1966, p. 566; *Balletto*, 2000, p. 3 – 8). В ней, по крайней мере три пункта, имеют непосредственное отношение к урегулированию конфликта с Алексеем I и ханом Улу-Мухаммедом.

4.3.1. Генуэзская Газария в 20-х – начале 30-х гг. XV в.: признаки экономического кризиса

С удовлетворением отмечая шаги магистратов Каффы, предпринятые для установления мира с владельцем Феодоро, правители метрополии рекомендуют подготовить проект договора, который был бы подписан лично самим Алексеем (*Balletto*, 2000, p. 5). Что же касается императора татар, то необходимо избегать любого повода и возможности его участия в возмущениях и войне (*scandalorum et guerre*), постоянно следуя в своих действиях совету известной местной пословицы (*proverbium*): «Меч Каффы в ножнах разит сильнее, чем обнаженный [для удара]» (*Balletto*, 2000, p. 5)²²⁴.

Помимо этого консул и массарии Каффы сочли полезным сохранить должность капитана антибургов до тех пор, пока не будет полной уверенности в мире и не исчезнут подозрения в войне с татарами. С данной просьбой они обратились в метрополию. Поэтому в инструкции дано предписание: «пока вы не убедитесь в искренности мира со стороны императора Сурката» необходимо оставить занятой оффицию капитана антибургов, которая не очень обременительна, но весьма важна для охраны пригорода, и особенно в ночное время (*Balletto*, 2000, p. 4 – 5, doc. 1). Кроме того, 28 февраля 1424 г., отдельным распоряжением губернатора, Совета Старейшин и *Officium Provisionis Romanie*, на эту должность утверждена кандидатура Батисты Сахерии, который был обязан занимать *officium*

²²⁴Афоризм «Меч Каффы в ножнах разит сильнее, чем обнаженный [для удара]» (*Balletto*, 2000, p. 5) представляет собой, по-видимому, уникальный (другие примеры мне не известны) образец латинского фольклора, появившийся в среде местных колонистов в один из моментов обострения политической обстановки на территории полуострова. Не исключено, что данное высказывание (известное в первой четверти XV в. уже как поговорка) относится ко времени так называемой *Солхатской войны* (*Bellum de Sorcati*) (*Basso*, 1991, p. 11-26), когда в 1385-1386 гг. Каффе удалось одержать победу над татарами не столько путём применения силы, сколько активно демонстрируя готовность её применить.

capiteneo antiburgorum, получая соответствующую зарплату в течение года или до момента наступления для республики истинного мира (*Iorga*, 1897, p. 160; *Banescu*, 1966, p. 579, 580, n. X; *Balletto*, 2000, p. 17 – 18, doc. 11]. 12 июля 1424 г. эта оффиция, по просьбе магистратов Каффы, переходит к сыну Баптисты - нотарию Бартоломео Сахери. Вероятно, представление на занятие этой должности Бартоломео было отправлено в Геную ещё в мае месяце. Для нас особенно интересна находящаяся в постановлении формулировка мотивации введения и продолжительности срока службы нового капитана антибургов: «в случае неблагоприятного [оборота дел] или войны, либо подозрений [на] войну») (*Iorga*, 1897, p. 160; *Banescu*, 1966, p. 590, n. XXXIV; *Balletto*, 2000, p. 43 – 44, doc.36). Как видим, приведённые выше источники, недвусмысленно указывают на серьёзные опасения генуэзцев относительно намерений Улу-Мухаммеда начать военные действия против Каффы.

По-видимому, действуя по своей инициативе и сообразуясь со сложившимися обстоятельствами, магистраты Каффы 26 февраля 1424 г. направляют к Алексею I с посланием от коммуны оргузия - армянина Симона (*Iorga*, 1899, p. 333; *Vasiliev*, 1936, p. 204, n. 2; *Байер*, 2001, с. 207)²²⁵.

Но отношения между обеими сторонами продолжают оставаться напряжёнными. Об этом свидетельствует и содержание переписки между правительством метрополии и оффициалами Каффы. Например, в преамбуле к очередной инструкции, подготовленной для чиновников Газарии (датирована 28 января 1425 г.) (*Balletto*, 2000, p. 51, n. 42), говорится о том, что в Геную непрерывно поступают многочисленные письма от граждан и горожан Каффы. При этом одни полагают, что консулы в большинстве случаев поступают справедливо, сохраняя мир, в то время как другие беспрестанно жалуются и скорбят по поводу высокой цены своего бремени, предлагая добиться свободы и спокойствия, послав Алексею специально

²²⁵Расходы на поездку в Чембало составляли 70 аспров. Очевидно оргузий Симон ездил к Алексею в Феодоро и поэтому его расходы составили 60 аспров.

приготовленное лечебное средство (de medico et medicinis missis Alexio de Getico) (*Balletto*, 2000, p. 51, n. 42).

Интересно отметить, что ни до, ни во время войны 1422 - 1423 гг. с владетелем Феодоро Алексеем I, генуэзские источники ни разу не отмечают официалов в должности капитанов Готии (*capitaneus Gotiae*), также как и не упоминают военно-административного управления Капитанства Готия (*Capitaneatus Gotiae*). И этот казус нельзя считать случайным.

В своё время А.А. Васильев высказал предположение, что титул *Vicarius ripariae marinae Gotiae* был учреждён временно, при подписании договоров 1380 - 1381 гг. После полного примирения с татарами в 1387 г., вновь приобретённая территория преобразуется в Капитанство Готии. Её правитель стал именоваться капитаном Готии и его резиденция располагалась в Каффе (*Vasiliev*, 1936, p. 182). Данная посылка исследователя строилась на источнике частично опубликованном Н. Йоргой (*Iorga*, 1899, p. 16), в котором не приводится имя викария Готии, присутствовавшим в Каффе вместе с представителем хана Тохтамыша и наместником Солхата Элиас-Беем на торжественном рождественском обеде 25 декабря 1380 г. (документ датирован 8 февраля 1382 г.). Ясность в решение этого вопроса внесена А.Л. Пономарёвым при издании материалов массарии 1379-1381 гг., указывающих, что в этой должности пребывал Джованни ди Камольи (*Пономарев*, 2000, с.326, 430).

Тем не менее, имена капитанов Готии не известны нам до 1429 г. (в консулат Луиджи Сальваго первым (?) капитаном Готии назначен Батиста ди Гендино (*Canale*, 1855, II, p. 306), т.е. на протяжении 47 лет истории генуэзских факторий в Газарии. Следовательно, можно признать, что официя капитана Готии учреждается только после первого вооружённого конфликта с Алексеем I в 1422-1423 гг., а до этого она отсутствовала в номенклатуре должностных лиц Газарии. По-видимому, в необходимости

создания специального военно-административного управления в виде Капитанства Готия²²⁶ генуэзцы убедились в ходе войны 1422 - 1423 гг.

Прекращение военных действия и установление относительно мирных отношений на протяжении 1424 - 1432 гг. предполагает заключение такого договора между обеими сторонами, которым были бы урегулированы спорные (вероятнее всего, территориальные) вопросы, что, хотя и временно, устраивало владетеля Феодоро и Каффу. О целесообразности подписания такого договора указывалось в инструкции от 1 февраля 1424 г., о чём говорилось выше. Но были ли в реальности осуществлены эти намерения генуэзской администрации или нет, не известно. Поэтому остаётся только предположительно говорить о его существовании.

Вероятно, в 1424 г. устанавливается граница между землями, находившимися под юрисдикцией коммуны Каффы (располагалась между Лустой и Чембало – условно называемая прибрежная Готия и Алексея I (Готия и Поморье). В связи с тем, что господину Феодоро удалось закрепиться в Каламите, построив недалеко от гавани новое укрепление на месте ранневизантийского - VI - VII вв., можно считать эту крепость крайним западным пунктом его владений. На востоке в подвластную Алексею I территорию входила Фуна со сторожевым фортом, возведённом в начале XV в.

О сложном финансовом положении лигурийских факторий в Газарии после конфликта между Каффой и Феодоро могут свидетельствовать несколько документов, которые являются своеобразной репликой на происходившие ранее в Таврике политические события. Речь идёт о регестах документов фонда *Diversorum Filze* Секретного архива Генуи. Часть из них,

²²⁶ Х.-Ф. Байером высказано предположение, что полученная генуэзцами по договору с Элиас-Беем в 1381 г. территория (страна), прибрежная приморская Готия, называется, как кажется, византийским именем *Капитанство Готия*, которое надо перевести на греческий: *κατεπανάκιον Γοθίας* – *катепаникон* (катепанат) Готия. Катепаникон возглавлялся катепаном (*κατεπάνω*), подчиненным стратигу (*Байер*, 2001, с. 144). Таким образом, исследователь предлагает считать, что должность капитана (*capitaneatus*) у генуэзцев сохранилась как рудимент византийского разделения фемы на катепаниконы (*Байер*, 2001, с. 217). При всей оригинальности подобной трактовки, следует признать, что на сегодняшний день отсутствуют какие-либо свидетельства источников для её подтверждения.

относящихся к истории Причерноморья, опубликованы С.П. Карповым (*Карпов*, 1995б, с. 9 - 19; 1998, с. 9 – 81). Например, 12 февраля 1425 г. на совместном заседании в лоджии Генуи, губернатор, старейшины, члены оффиции Попечения и Монеты занимались рассмотрением петиции 8 протекторов и прокураторов Банка Св.Георгия. Представители Банка настаивали на получении от коммуны или массарии Каффы 32000 лир, ассигнованных ранее консулам и оффициалам Каффы на ведение войны и другие нужды. После длительной дискуссии было принято решение для погашения долга создать от 30 до 32 юса, объединив их с ранее учрежденными юса Каффы (их число – 246) на равных с ними условиях, и продать их с аукциона. Уплата процентов с них – в июне 1425 г. и в последующие годы по ставке 8% годовых (*Карпов*, 1998, с. 14). Источниками поступления данных средств, выплаченных Банку коммуной и массариями Каффы, являлись габеллы и другие налоги коммуны Каффы и подчинённой ей мест (*Карпов*, 1998, с. 14).

Но финансовое положение в причерноморских факториях Генуи не улучшилось ни в 1426, ни в 1427 гг., а недостаток средств приобретает хронический характер. Поэтому оффициалы Каффы вынуждены были вновь обратиться к правлению Банка Св.Георгия с просьбой о предоставлении очередного кредита, гарантом которого выступало правительство метрополии. По этому поводу губернатором и старейшинами Генуи 21 октября 1427 г. издан декрет «о предоставлении Банку Св.Георгия в обмен на заем 26250 лир поступлений от увеличения сталий с оффициалов» факторий, вступивший в силу с 1 января 1428 г. (*Карпов*, 1998, с.15)²²⁷. Всего с чиновников административного аппарата, при их вступлении в должность,

²²⁷Из приведенного в декрете списка следует, что с консулата Каффы взималась сталия в 300 лир, с подестата аббации Перы – 200 л., консулата Трапезунда – 10 л., консулата Таны – 125 л., консулата, капитании и массарии Чембало – 50 л., массарии Каффы – 250 л., капитанства бургов Каффы – 250 л., министрарии Каффы – 250 л., консулата, капитании и массарии Солдаи – 125 л., консулата Самастро – 125 л., консульства Копы – 50 л., консулата Севастополиса – 30 л., cogotaria (jogotaria) grani Каффы – 25 л., консулата Синопа – 20 л., с четырех скрибаний консульства Каффы – 90 л., со скрибании массарии Каффы – 75 л., с подеста Хиоса – 100 л. (*Карпов*, 1998, с.16).

должно было взыскиваться в счёт погашения Банку кредита – 1865 лир. В таком случае, до полного возврата (без учёта процентов) понадобилось (если бы погашение происходило только за счёт взыскания сталии) не менее 14 лет.

Установление дополнительных налогов на занимаемые чиновниками в факториях должности не всегда находило понимание с их стороны. Об этом свидетельствует один документ, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Например, мать и жена Баттисты Имперiale, исполнявшего в 1426 - 1427 гг. должность консула Чембало, 10 марта 1427 г. обратилась к губернатору и старейшинам Генуи с прошением о том, чтобы Баттиста был освобождён от уплаты аварий, т.к. «из-за бедности и ради поддержания дома и семьи отправился консулом Чембало, каковая должность не соответствует ни его достоинству, ни его положению» и поэтому «он ошибочно внесён в списки для уплаты принудительного займа в 12 флоринов» (*Карпов*, 1998, с. 15).

Данный источник убедительно свидетельствует, что после потрясений, которые пришлось пережить обитателям генуэзских факторий Газарии в начале 20-х гг. XV в. (засуха, голод, обострение политических отношений с Феодоро, вылившееся в открытое военное столкновение), было не много желающих отправиться из метрополии в восточные владения для занятия там должностей. Побудительным мотивом для Баттисты Имперiale была крайняя нужда (он был отцом 4 сыновей и 5 дочерей, одна из которых вышла замуж и за неё необходимо было уплатить приданое (*Карпов*, 1998, с. 15).

Однако, как оказалось, после завершения срока своих полномочий, Баттиста так и не получил причитающейся за службу полной суммы оклада консула Чембало (40 соммо), потому что (по мнению официалов Каффы) допустил перерасход средств, отпущенных на фортификационные работы. Экс-консул вынужден был обратиться к правительству Генуи с просьбой разрешить по закону и справедливости сложившуюся ситуацию, ссылаясь на то, что в своих действиях руководствовался исключительно данными ему

распоряжениями. Рассмотрев прошение Баттисты Имперiale, губернатор Генуи, Совет Старейшин и Оффиция Попечения Романии 20 августа 1427 г. направили консулу и массариям Каффы распоряжение принять необходимые меры, чтобы удовлетворить просьбу Баттисты, выплатив полностью и целиком причитающуюся ему зарплату. Добавив, что «относительно этого [случая] вас многие осыпают упреками». Со своей стороны правительство Генуи сочло благоразумным временно предоставить Баттисте Имперiale ту же оффицию (т.е. должность консула Чембало) (*Balletto*, 2000, p. 424, doc. 261)²²⁸.

Ещё одним источником, обладающим лично-профессиональной характеристикой не только свидетеля, а вероятно, и участника военных событий 1422 - 1423 гг., является прошение (датировано 15 ноября 1425 г.) магистра баллистариев Луки Муска, горожанина (*burgensis*) Солдайи. Из неё мы узнаем, что Муска был искусен в мастерстве арбалетчика, чинил и снаряжал арбалеты для всех социев и баллистариев Солдайи, «заряжал порох в бомбарды и приводил их в действие, готовил болты и стрелы для арбалетов и оперение для них, как на корабле Дзаккария Спинола²²⁹, так и в иное время, в Симиссо» (*Карпов*, 1998, с.13). Его заслуги перед коммунной могут подтвердить консулы Каффы и Солдайи, а также стипендиарии и жители этого города (Солдайи). При этом Лука получает оклад 150 аспров в месяц, в то время как другой магистр баллистариев, Джорджо Спинелли, получал один сомм. Поэтому он просит губернатора и Совет старейшин Генуи увеличить его должностной оклад до одного сомма в месяц, так как он «содержит жену и сыновей и иначе не может их прокормить» (*Карпов*, 1998, с. 13)²³⁰.

²²⁸ Л. Баллетто предполагает, что в тексте источника вместо *operamus* (осыпать упреками) должно быть *hoperamus* (прославляют?), что, по-видимому, не отвечает общему критическому настроению текста источника (*Balletto*, 2000, p. 290, (2)).

²²⁹ Дзаккария Спинола (*Zacharias Spinula*), гражданин (*civis*) Генуи. Неоднократно упоминается в документах 20-х гг. XV в., исполняя должности кацелярия и провизора (*consiliarius et provisor*), а затем и подеста Перы (*Balletto*, 2000, p. 9 - 10, 31 - 32, 146, doc. 2, 25, 129).

²³⁰ В документах этого времени (8 марта 1426 г.) находим сведения ещё об одном представителе этой фамилии - Джованни Муска (*Iohanni Musche*) служившим баллистарием в Пере (*Balletto*, 2000, p. 142 - 143, doc.125, 126).

Ходатайство солдайского магистра баллистариев становится более понятным, если учесть, что в 1425 г., по-видимому, из-за сложной экономической и политической обстановки в причерноморских факториях, наблюдается стремительное падение курса аспра (в 1410 г. 1 сомм = 200 аспрам; 1420/1421 – 202); на рубеже 1422 – 1423 гг. происходит резкий скачек от 202 до 225 аспров за 1 сомм. – т.е., курс *sommo* по отношению к аспру зафиксирован на уровне 1:225. Однако, уже в инструкции от 1 февраля 1424 г. правительство Генуи рекомендует консулу и массариям Каффы при обмене «получать с сарацин 240 аспров за 1 сомм» (*Balletto*, 2000, p. 5, doc.1). Это является одним из самых низких показателей стоимости аспра с начала XV в. (*Карпов*, 1991, с. 197, прим. 22; *Мыц*, 1999, с. 391 – 392).

Тем не менее, магистраты Каффы и в это сложное во всех отношениях время продолжают неустанно проявлять заботу об усилении обороноспособности факторий. О том, насколько большое значение в это время лигурийские власти придавали защите наиболее важных пунктов, располагавшихся на побережье Газарии, свидетельствуют материалы археологических исследований последних лет, проводившихся в Солдае (рис.173). В 1426 г. генуэзская администрация фактории ведёт строительство оборонительных сооружений города. Об этом позволяет судить геральдическая плита (её реконструируемые размеры составляют – 1,60 x 0,93 x 0,14 м) с пятистрочной надписью, найденная в 1990 г. при раскопках куртины VI, расположенной рядом с консульским замком (*Баранов*, *Климанов*, 1997, с. 99, 105 - 106, рис. 1; *Климанов*, 2000, с. 307 – 328). В ней говорится о том, что: «[14]26 (года) в первый день мая это сооружение [заложено или возведено] в честь Бога и святого Павла [...во вр]емена правления благородного мужа господина [Франчес]ко Камилла консула и каст[еллана Сол]дайи» (*Климанов*, 2000, с. 307) (рис.174).

По мнению издателей, наличие в данной надписи посвятительного выражения *ad honorem Dei et beati Pauli*, позволяет связывать её с

возведением значительного сооружения, которым, скорее всего, являлся донжон консульского замка Солдаи (*Баранов, Климанов, 1997, с.105 – 106*). Однако, подобное предположение выглядит несколько странным, если принять во внимание, что консульский замок Солдаи, в более поздних генуэзских документах назван крепостью Санта Элия (*castrum Sancti Elie*, т.е. Св. Ильи) (*Устав, 1449 г., 1863, с. 770*), а не *castrum Sancti Pauli*. Следовательно, к донжону, как главной архитектурной доминанте, по имени святого покровителя которого обычно получал своё название и весь замок, строительная плита 1426 г., консула и кастеллана фактории Франческо де Камилла не имеет непосредственного отношения, и следует искать иной фортификационный объект обороны цитадели города.

Таковым, вероятнее всего, могла быть так называемая Георгиевская башня (недалеко от неё и обнаружена плита с надписью), расположенная к юго-западу от консульского замка, в нижнем этаже которой находилась небольшая капелла (её размеры – 5,10 x 4,25 м) с сохранившейся фресковой росписью, изображающей парящую фигуру в длинном одеянии (*Секеринский, 1955, с. 71*). Но ни в одной из стен этой башни (как и вообще на фортификационных сооружениях цитадели) не видно следов ниш для закладной плиты. Она могла быть установлена над входом в прямоугольный тамбур (в настоящее время от него сохранилось только основание), пристроенный к башне и куртине с северной стороны²³¹.

Не во всем обоснованным выглядит и заключение И.А. Баранова, полагавшего, что если более поздних геральдических плит, свидетельствующих о фортификационных работах в Солдае до настоящего времени не обнаружено, то это якобы позволяет предполагать прекращение

²³¹ А.В. Джанов надпись 1426 г. также связывает со строительными работами в цитадели, однако не определяет характер сооружения и место её установки (*Джанов, 2004, с. 72*). При этом им даётся странное объяснение отсутствия (за 16 лет строительной деятельности генуэзцев!) на башнях и стенах цитадели ниш для закладных плит: «Отсутствие строительных плит может говорить исключительно о том, что у строителей цитадели не хватало ни средств, ни времени украшать стены похвальными надписями. Такая ситуация могла сложиться только в период 1365 - 1381 гг., когда генуэзские власти в буквальном смысле слова восстанавливали город из руин» (*Джанов, 2004, с. 74*).

ведшегося на протяжении более пятидесяти лет (1371 - 1426 гг.) планомерного крепостного строительства (*Баранов, Климанов, 1997, с. 106*). В реальности можно говорить лишь о том, что после 1426 г. наступает длительный перерыв в новом капитальном строительстве. Следующая по времени плита консула Солдаи Бартоломо Джудиче датирована 1 октября 1451 г. (*Скржинская, 1958, с. 168 – 172*). По-видимому, официалы города в дальнейшем (почти на протяжении 25 лет) ограничивались только ремонтом и незначительными перестройками возведённых ранее куртин и башен.

После 1422 - 1423 гг., когда между Кафрой и Феодоро происходили военные столкновения за право обладания Чембало и приморской Готией, закончившиеся временным примирением, наступает относительно короткий период, на протяжении которого генуэзские письменные источники не отмечают каких-либо открытых враждебных действий – 1424 - 1432 гг. Но, как показали дальнейшие события, примирение было кратковременным. Соперники (в особенности владетель Феодоро Алексей) использовали его для накопления сил и подготовки к очередной более кровопролитной и продолжительной войне.

4.3.2. Генуэзская крепость Чембало в первой трети XV в.

По всей видимости, несмотря на достигнутые в 1424 г. договоренности, Алексей I не только не оставил порт Каламиты, но и продолжил работы по усилению оборонительных сооружений. Поэтому генуэзцы, начиная с 1425 г., предпринимают энергичные меры по укреплению Чембало. Интересен в этом отношении документ, датированный при первом издании Н.Йоргой 25 января 1425 г.²³² и представляющий собой инструкцию, адресованную тогдашнему консулу Чембало Филиппо Пинелли²³³, с требованием принятия незамедлительных мер по дополнительной защите города.

²³² Л.Баллетто в последней публикации источника уточняет время его написания – 28 января (*Balletto, 2000, p. 50, n. 42*).

²³³ *Filipus Pinelius* – неоднократно упоминается в документах 1424/25 гг. Оффиции Попечения Романии: 27 января 1424 г. назван среди кредиторов *Officium Provisionis Romanie* (*Balletto, 2000, p. 178 – 179, doc. 158*); 17 февраля 1424 г. рекомендован на должность консула Чембало (*Balletto, 2000, p. 331, 332*), которую, по-

В своё время А.А.Васильевым был предложен следующий вариант перевода данного фрагмента: «Принимая во внимание величайшее упрямство и неблагодарность дерзкого Алексея, а также его предательство, мы опасаемся за Чембало, который суть глава всей Готии и, чтобы отвратить опасность,..мы.. приняли решение... быстро принять меры с тем, чтобы крепость (castrum) Чембало была ограждена со стороны городских кварталов (a latere burgus giragula) крепостным валом (?), рвами и другими сооружениями, которыми можно отделить самую крепость от города и укрепить её так, чтобы... крепость смогла продержаться сама и оказать помощь городу и продовольствием и людьми, доставленными по дороге, которая ведёт с утесов вниз к морю. Для постоянной охраны крепости мы решили послать не меньше 4 – 6 socios из Каффы, у которых нет семей или жён в Чембало. Консул должен находиться в крепости и иметь необходимые припасы (municionem habere necessarium) по крайней мере, на 4 месяца» (Vasiliev, 1936, p. 204)²³⁴.

Сравнение текста перевода А.А.Васильева с последним изданием источника, убеждает в некоторых неточностях в виде пропусков или дополнений, а также в интерпретации специальных терминов вроде Ioso, burgi, castrum, которые в XIV – XV вв. несли вполне определенную смысловую нагрузку при обозначении конкретных топографических объектов, располагавшихся на территории генуэзской Газарии (Бочаров, 1998, с.86, 89; 2000, с. 9 – 15). Под Ioso в латинском тексте подразумевается Чембало, как город, burgo, burgi - городские кварталы, а castrum - замок (цитадель). В переводе А.А.Васильева также отсутствует заключительная,

видимому, исполнял с октября 1424 по октябрь 1425 г., сменив на этом посту Дагнано Грилло (Banescu, 1966, p. 586, n. XXIV; Balletto, 2000, p. 30 – 31, doc. 24); дважды (14 сентября 1424 г. и 11 мая 1425 г.), сроком на 6 месяцев, ему предоставлялась officium ministrarie civitas Caffè (Banescu, 1967, p. 248, n. LXI; Balletto, 2000, p. 44 – 45, doc. 37, p. 84 – 85, doc. 69).

²³⁴После первой публикации Н.Йорги (Iorga, 1897, p.185 – 186) к данному источнику неоднократно обращались другие исследователи (Vasiliev, 1936, p. 202, 204 - 205; Banescu, 1939, p. 5; 1967, p.236 – 238, n. XXXVII; Karpov, 1986, p. 158; 1989, p. 423; Капнов, 1990, с. 127; Balletto, 1989, p. 107; Balletto, 1991, p. 573; 2000, p. 50 – 55; Olgiatei, 1994, p. 375; Matshke, 1997, p. 222; Байер, 2001, с. 207 – 208).

достаточно важная фраза инструкции от 28 января 1425 г. » (*Balletto*, 2000, p. 53, doc. 42, <1425>, gennaio 28, Genova).

Н.Йорга и А.А.Васильев встретили определенные трудности с переводом слова *ripagula* в тексте источника. Н.Йорга, например, считал, что более вероятным поместить здесь просто слово *gira* = берег (*Iorga*, 1899, p. 385, n. 4). А.А.Васильев предложил свой вариант перевода, заменив при этом латинское *ripagula* на английское *bulwarks* (бастион, защита, оплот) (*Vasiliev*, 1936, p. 204, n.5), что не соответствует контексту источника.

В средневековом документе удивительно точно отражена топография местности: узкий вход в Балаклавскую бухту (его ширина не превышает 200 м) ограждают скалы. При прохождении фарватера создается впечатление движения по горлу каньонообразного ущелья. Вероятно, помещённое Н.Йоргой в латинском тексте слово *ripagula* состоит из двух компонентов – *gira* + *gula* (*gula* = глотка, горло). В таком случае *ripagula* возможно перевести и как *горло залива*, т.е. – береговая, наиболее узкая часть залива)²³⁵.

В топонимике Северо-Западного Причерноморья следует привести ещё один пример. Это название порта и города Ликостомо (гр. - Λικοστομο, ит. *Licostomo*, н. Килия), который располагался на Килийском рукаве Дуная, в 45 км ниже Измаила и в 40 км от Чёрного моря²³⁶. О Ликостомо в своём сочинении (1578 г.) упоминает Мартин Броневский: «Далее (за Монкастро – В.М.) расположено место, называемое турками Берибонием (*Veribonium*), а другими - Ликостомо (*Licastemun*) – Волчьим горлом (*Collum lipinum*) недалеко от моря» (*Броневский*, 1867, с. 336). Северный рукав р. Кубань турки называли Хоракул, а татары – Карагул, т.е. Чёрное горло или Чёрная

²³⁵ В топонимике Крыма есть подобный прецедент: река, прорезающая Большой Крымский каньон, на тюркском языке называется Аузун-Узень – Ротовая река, т.е. – река вытекающая изо рта, горла. На возможность трактовки латинского *ripagula*, как местного топонима и существование его тюркских аналогов, обратила мое внимание Л.А.Мыц

²³⁶Сводку исторических и топографических сведений о Килии и Ликостомо см. в работе Н.Д.Руссева (*Руссев*, 1999, с. 115 – 120).

протока (*Брун*, 1863, с. 147). В данном случае топоним состоит из тюрского *cara* (чёрный, синий, северный) и латинского *gula* (глотка, пасть).

В связи с этим выскажу предположение, что в генуэзском источнике (так, как его воспроизводил Н.Йорга), под словом *ripagula*, скрывается местный топоним. В таком случае, его действительно, без знания конкретной топографии местности трудно (или невозможно) перевести дословно. Если данное предположение верно, то стоящее в латинском тексте *burgus ripagula* следует читать как *городские кварталы со стороны Рипагуля*, где *Ripagula* является топонимом, обозначавшим устье (наиболее узкое место) залива Чембало.

Л.Баллето в последнем издании источника несколько иначе восстанавливает спорный фрагмент: *a latere burgi repagula*, где *repagula* означает *барьер* (преграду, препятствие) (*Balletto*, 2000. р. 53). В таком случае меняется и смысловое содержание этой части инструкции. Его можно перевести: «создав со стороны городских кварталов преграду из рва и других сооружений, которыми можно отделить сам замок (цитадель) от города». Как видим, чтения, предлагавшиеся Н.Йоргой (возводить оборонительные сооружения со стороны берега [залива] и городских кварталов) и Л.Баллетто (со стороны городских кварталов) имеют принципиальное смысловое отличие.

В латинском тексте представлена характеристика владельца Феодоро Алексея I, отличающегося не только величайшим упрямством (упорством), неблагодарностью и высокомерием (дерзостью у А.А.Васильева), но и коварством (или хитростью, а по А.А.Васильеву – предательством).

Руины средневековой крепости Чембало находятся на южной окраине г.Балаклавы (в 12 км от г.Севастополя) на скалистом мысу горы Кастрон, занимая обрывистые склоны и гребень возвышенности у входа в бухту (рис.175). Стены и башни внешней линии обороны ограждали с востока и северо-востока территорию около 3,3 га. В планировочной структуре укрепления чётко выделяются два обособленных ядра: на западе –

консульский замок Св.Николая; на востоке – верхняя цитадель города – замок Св.Георгия (рис.175;176,39-42). Внутригородская застройка, ввиду крутизны склонов, была террасной (в общей сложности прослеживается не менее семи террас, спускающихся каскадом по северо-западному склону к бухте). Контролировавшийся крепостью залив имеет извилистую форму и практически незаметен со стороны моря. Балаклавская бухта была хорошо известна мореплавателям с античных времён и являлась идеальным природным убежищем для кораблей в штормовую погоду²³⁷.

Начиная с 70-х гг. XVIII в. и до 90-х гг. XX в., основной интерес исследователей средневекового Крыма был сконцентрирован на изучении крупнейших средневековых городов, построенных генуэзцами в Газарии – Каффе и Солдае. В меньшей степени архитектурно-археологические исследования каснулись факторий в Чембало, Ялите, Гурзуфе, Партените, Лусте, Воспоро и др. Раскопки, проводившиеся в окрестностях Балаклавы и на территории города в конце прошлого столетия, позволили выявить значительное число позднеантичных памятников (*Сарновский, Савеля, 2000, с.25, рис.31*). В то время, как сведения о средневековой истории Чембало всё ещё продолжают оставаться фрагментарными и не систематизированными (*Алексеев, 1993, с.267-269; 1999, с.371, 375- 376, прим.1; Иванов, 1997, с.46-48; Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, с.82-93*).

В связи с началом ремонтно-реставрационных работ на средневековом укреплении, внимание Южно-Крымской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2002-20022 гг. было сосредоточено на предпроектном архитектурно-археологическом изучении ключевых объектов памятника: 1) угловой башни Барнабо Грилло (рис.175,31); 2) внешней восточной линии обороны Чембало (рис.175,1-1;177); 3) главных крепостных ворот (рис.175, 14) и 4) верхней цитадели города (рис.175,43; 176;180); 5) храмовых зданий

²³⁷ Сейчас протяженность залива не превышает 1000 м, при ширине входа 187,5-195 м и глубине около 38 м, затем он сужается до 120-130 м со средним показателем глубины 17 м.

(рис.175,14,23,26,27,41) и б) квартальной застройке (рис.175,22,24,28,29,30,44).

В целом, археологическое исследование фортификационной структуры средневекового города дало возможность в значительной степени уточнить историческую топографию памятника и получить достоверные данные о строительной периодизации изучаемых объектов (см. отчёны: *Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003-2006; Адаксина, Мыц, 2007; 2008; 2015 – 2017; 2019; Адаксина, Мыц, Ушаков, 2010-2012; 2014*). Проведенные в Чембало археологические исследования и имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные свидетельства письменных источников, позволяют предложить предварительную, и пока в значительной степени гипотетическую, реконструкцию средневековой истории памятника и развития архитектурного ансамбля города.

Раннюю историю поселения на г.Кастрон позволяют восстановить стратифицированные археологические находки. Наиболее древние артефакты обнаружены на вершине крепостной скалы, где выявлен культурный слой эпохи поздней бронзы – раннего железного века (XI- IX вв. до н.э.). Данные находки свидетельствуют о обживании вершины горы населением – носителями кизил-кобинской культуры (таврами античных письменных источников) (*Копьева-Колотухина, 2007, с.56-57, рис.237-242*).

При исследовании средневековых фортификационных сооружений, в переотложенном состоянии, обнаружены разрозненные фрагменты эллинистической и римской керамики V в. до н.э. - IV в. н.э. Значительно большее количество предметов относится к византийской эпохе - VI-XIII вв. Они представлены мраморным импостом, разнообразными керамическими изделиями, монетами византийских императоров VII-XI вв., а также анонимной монетной чеканкой Херсона XI-XIII вв. Однако до настоящего времени при исследовании памятника открыты архитектурные сооружения исключительно генуэзского и османского периода существования Чембало-Балаклавы (XIV-XVIII вв.).

Особая орографическая конфигурация залива на протяжении 2500 лет имела важное стратегическое и торговое значение, благоприятствуя возникновению города и созданию при нём хорошо защищённого порта с верфью, обеспеченных пресной водой. С ростом товарообмена в бассейне Чёрного моря повышалась и значимость местного рынка. Об этом свидетельствует тот факт, что порт Чембало-Балаклавы отмечен в 27 письменных портоланах и на морских картах, начиная со второй половины XIII (портолан Компассо да навигаре 1250-1265 гг.) и до конца XVII столетия (глобус Винченцо М.Корнелли 1693 г.) (Фоменко, 2005, с. 59).

Политический, экономический и демографический кризис 40-х гг. XIV в., охвативший обширный регион Евразии, в конечном итоге привёл к распаду монгольских империй и нарушению международного товарообмена между Западом и Востоком (Карпов, 1994, с.121; 1999, с.220-237). Поиски выхода из сложившейся обстановки стимулировали смену вектора коммерческих интересов в направлении освоения местных рынков, богатых продовольственными товарами и сырьевыми ресурсами. Поэтому во второй половине 40-х-80-е гг. XIV в. Лигурийская республика добивается права на владение побережьем Газарии от Каффы до Чембало.

Возникновение генуэзской фактории в Чембало во главе с консулом, судя по наиболее раннему из известных нотариальных актов, относится к 40-м гг. XIV в. Под 1344 г. отмечено оформление нотариусом Роландо Саличето торговых операций, осуществлявшихся в городе для Паоло ди Подио. Причём из этого же документа становится известно, что заключение сделки состоялось в конторе Саличето, расположенной в квартале, где находилась церковь Богородицы (Balard, 1978, p.157)²³⁸. Захват генуэзцами (долгое время

²³⁸Свидетельство письменного источника неожиданно нашло подтверждение в ходе археологических исследований 2004 г., когда в восточном углу двора барбакана башни №2 (рис.181; 182) была сделана необычная для Крыма находка – захоронение остатков фрески. Оно представляло собой небольшую ямку, плотно заполненную фрагментами стенописи с поясным изображением Богородицы Одигитрии в левом развороте (рис.183;184). Создание фрески может быть отнесено к 30-40-м гг. XIV в., а ее захоронение произошло вскоре после захвата Чембало османами в 1475 г. После реставрационных работ, выполненных специалистами Государственного Эрмитажа (А.Ю.Степанов, Е.П.Стапенова) фреска восстанавливается как композиция с завершением в виде стрельчатой арки размером 0,97-1,10 м. Фигуры расположены на темном фоне, ограниченном красными полями с белой обводкой (Степанов, Степанова, 2006, с.162-167, ил.3-5).

принадлежавшего Византии, а с последней трети XIII в. монголам) города Символона, произошёл в середине 40-х гг. XIV в. Вдохновлённые победой над армией хана Джанибека во время зимней каффинской кампании 1344/45 гг., лигурийцы начинают в Чембало спешно возводить оборонительные сооружения. Весной 1345 г. монголы, не пытаясь вновь овладеть Каффой, направились к Чембало, которую генуэзцы ещё не успели укрепить. К этому времени они частично обнесли город земляным рвом и валом, а также деревянным палисадом (*Formaleoni, 1789, II, cap. XXI*). В момент появления кочевников жители были вынуждены спасаться бегством, укрывшись в горах. Монголы сожгли город и деревянные конструкции оборонительных сооружений. Но вскоре генуэзцам удаётся окончательно закрепиться в Чембало, о чём свидетельствует петиция коммуны Каффы дожу Генуи Джованни ди Мурта (1344-1350) (*Balbi, 1978, p.226-227*). Документы 1344-1348 гг., времени затяжного татаро-итальянского конфликта, сопровождавшегося осадами (1344, 1346 гг.) и блокадой Каффы, который, казалось, должен был парализовать региональную торговлю, отмечают значительную деловую активность генуэзских и венецианских купцов в порту Чембало. Отсюда в большом количестве вывозилось зерно, лён, соль, кожи и продавался импортный текстиль (*Balbi, 1978, № 1*). Появление в Чембало латинских колонистов вполне естественно должно было вызвать активное возведение фортификационных, жилых, культовых и хозяйственных сооружений. Однако наиболее ранний, из числа известных лапидарный памятник, относится только ко второй половине 50-х гг. XIV в. В 1357 г. консул и кастеллан Чембало Симоне дель Орто сосуществляет здесь строительные работы (*Skryinska, 1928, p.129, №53*) (рис.179,1; 180). Следы

Фреска из Чембало уникальна и не имеет прямых аналогий, как среди памятников монументальной живописи средневекового Крыма, так и за его пределами. Однако её стилистические особенности характерны для традиционной греческой живописи палеологовского времени и сопоставимы со столичной художественной школой XIV в.: показательны мозаика Деисус и фреска Богоматерь Умиление в апсиде периклесия, датируемые первой третью XIV в. из церкви Хора Кархие-Джами (*Лазарев, 1986, с.158, табл.460, 481*). Ещё одной типологической, иконографической и стилистической аналогией является фреска XIV в. с изображением Богоматери Одигитрии из иконостаса храма Вознесения в Ливади на о.Кифера (*Chatzakis, 1997, p.105; Степанов, Степанова, 2006, с.168*).

земляного вала и рва 1345 г. (?), о которых писал В.Формалеони, впервые были зафиксированы на плане, составленном в 1853 г. для графа А.С.Уварова, где эти сооружения показаны в виде ломаной линии, пересекающей с юга на север восточный склон г.Кастрон. Выполненная инструментальная съемка памятника позволила проследить вал с внешним и внутренним рвами на протяжении около 110 м (*Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, рис.2,1*). Параметры профиля этой земляной фортификационной конструкции дали следующие результаты. Современная ширина внешнего рва – 12,0 м, глубина – 1,20 м; ширина вала – 19,50 м, высота – 1,50 м (относительно дна внешнего рва она составляет 2,80 м). Ширина внутреннего рва – 4,50 м, глубина – 0,80 м (относительно дна внешнего рва – 1,80 м). Расстояние между осями наибольшего понижения обоих рвов достигает 27,0 м (*рис.175,1-1; 177; 178*). Кроме того, проведёнными на восточном участке памятника исследованиями (в 7,50 м к западу от внутреннего рва вала), выявлены остатки северного подножия башни, возведенной над проезжей частью (её ширина 2,30-2,40 м) главной транспортной магистрали Чембало, а также фрагмент примыкающей к ней под прямым углом куртины (*рис.178*). Значительные утраты парвонвчальных форм башни позволяют определить только отдельные её размеры. Руины строения сохранились на 1,08 м. Толщина боковой стены составляет 1,32 м, протяженность - 3,20 м. Кладка сооружения трёхслойная двухлицевая, выполнена из разномерного бута на известковом растворе с добавлением песка. Углы были оформлены тщательно обработанными блоками нуммулитового известняка.

Конфигурация сохранившегося участка оборонительной стены криволинейная, выпуклая в напольную сторону. Примыкая к башне под прямым углом, куртина, закругляясь, начинает плавно заворачивать к северо-западу. В 3,10 м от здания она обрывается, будучи разобрана до основания. Кладки оборонительной стены и башни между собой перевязаны. Куртина имела фундамент, который частично загублен в материковые суглинки склона. За плоскость стены он выступает в напольную сторону на 0,25 м.

Высота субструкции – 0,62-1,0 м. Толщина куртины – 1,0-1,03 м. Остальная кладка велась мелким и средним бутом на известковом растворе с заделкой швов под мастерок. После возведения куртины и башни их лицевые поверхности были тщательно оштукатурены высококачественной белой известью.

Вдоль внутренней поверхности боковой стены проездной башни был устроен специальный канал для укладки водопроводных труб. Ширина канала – 0,30-0,32 м, глубина – около 0,45 м. Южная стенка сооружения сложена из тщательно обработанных (вторичного использования) блоков нуммулитового известняка и мелкого бута на известковом растворе. Судя по всему, сверху канал перекрывался плитами, о чём свидетельствовали характерные следы извести без примеси песка на поверхности каменных блоков. При расчистке канала обнаружены обломки красноглиняных водопроводных труб диаметром 12,5-14,0 см.

Здесь же обнаружены остатки ещё двух линий керамических трубопроводов, по которым вода подавалась в город. Ввиду малочисленности и фрагментарности археологического материала XIV в., мы пока не располагаем сколько-нибудь точными данными для датировки открытых архитектурных объектов. Предварительно, с привлечением косвенных свидетельств письменных и археологических источников, время строительной деятельности в этом районе памятника определяется в пределах второй половины 40-х гг. XIV – первой трети XVIII вв. (*Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, 32-35, 39-40, рис. 84-96, 3-5*). Единственное, что не вызывает сомнений, так это не только топографическая, но и функциональная связь данного фортификационного объекта с наиболее ранней оборонительной линией генуэзского Чембало.

Реализации генэзцами плана территориальных захватов способствовала длительная (1359-1380 гг.) междоусобица в Орде. Для нас данный период весьма важен, потому что именно в это время, в результате трёх (1345, 1365 и 1374/75 гг.) погромов Херсона, осуществленных Мамаем, город

окончательно приходит в упадок и его роль экономического и военно-политического центра западного региона полуострова переходит к Чембало.

Во второй половине 80-х гг. XIV в. (в ходе Солхатской войны) магистраты Каффы выделяют значительные средства на новое крепостное строительство в Чембало. В 1386 г. консул Аргоно ди Савиньоне (1385- 1386 гг.) был занят возведением оборонительной стены замка, но впоследствии обвинялся массарией в неоправданной растрате предусмотренных для этой цели средств. В это же время гарнизон Чембало увеличивается на 20 социев, после чего численность административного и военного персонала фактории достигла 37 человек. В его состав, помимо консула, входило: 2 судебных исполнителя, 1 писец хорошо знающий греческий, 1 переводчик с татарского, 2 охранника ворот, 2 оргузия, 1 капеллан гарнизонной церкви Чембало, 26 социев, находившихся в 1386 г. под командованием кастеллана крепости (*Balard, 1978, p.157*). В казну фактории поступали суммы, состоящие из *габелл* (налогов) взимаемых с продажи на рынке города вина, соли и ветряных мельниц. Но их оказывалось недостаточно для содержания всех официалов и наёмников. Поэтому недостающая часть выплачивалась массариями из общего бюджета Каффы (*Balard, 1978, p.157*).

Преемники Агостино ди Савиньоне – Джорджио Спинола (1386-1387) и Джованни ди Подио (1387-1388 гг.) занимались прокладкой водопровода и возведением четырёх башен. Наиболее крупная башня-донжон была освящена в честь Св.Николая. (*Balard, 1978, p.157*). С этого времени в генуэзских источниках построенная во второй половине 80-х гг. XIV в. цитадель Чембало получает название *castrum S.Nicolas* - замок Св.Николая. Таким образом, в 1386-1388 гг., в результате деятельности трёх консулов (Агостино ди Савиньоне, Джорджио Спинола и Джованни ди Подио), завершается формирование архитектурного ансамбля нижней цитадели Чембало, состоявшей из четырёх башен. Среди них господствующее положение занимал донжон – место пребывания консула. Застройка замка

состояла из оборонительных стен, капеллы, цистерны для воды, жилых и хозяйственных помещений.

Генуэзский замок Св.Николая располагался на вершине западной части г.Кастрон у самого входа в бухту²³⁹. Размеры крепостной площадки составляют 85 x 30 м. В его восточном углу возвышался массивный донжон, в основании которого, имевшего форму неправильного пятиугольника размером около 14,0 x 14,0 м, располагалась цистерна (2,0 -2,30 x 4,70 м), перекрытая коробковым сводом из плинфы. С северной стороны подступы к укреплению прикрывали две небольшие прямоугольные башни. На западном склоне (у стен замка) находилась церковь. Возведенные в 80-х гг. XIV в. строения, впоследствии, неоднократно подвергались ремонту, сохраняя в своей основе прежнюю планировочную схему. В это же время западный склон начинает застраиваться тавернами, складскими помещениями, домами служащих фактории, купцов и ремесленников. Постепенно здесь формируется латинский квартал города.

Долгое время вызывала недоумение несогласованность свидетельств генуэзских письменных источников о крепостном строительстве в Чембало. Дело в том, что латинские документы вполне ясно указывают на существование в 50-70-х гг. XIV в. в Чембало генуэзской крепости, охраняемой наёмниками коммуны Каффы. К тому же известна и надпись 1357 г., свидетельствующая о проводившемся здесь консулом Симоне дель Орто строительстве (рис.179,1). На момент военно-политического кризиса 1374 г. в замке размещалось 36 латинских наёмников и администрация фактории. Однако, как уже отмечалось, по сообщениям массарии Каффы, со второй половины 80-х гг. XIV в. в Чембало начинается строительство нового замка (*castrum*), которое завершается в консулат Джорджо Спинола (1388 г.)

²³⁹Рельеф скального склона к востоку от крепостной площадки явно подвергся целенаправленной корректировке. Седловина между двумя современными вершинами г.Кастрон, на которых находятся цитадель и консульский замок, без сомнения, искусственного происхождения. Она вполне могла образоваться при ломке камня, предназначавшегося для возведения крепости Св.Николая, важно другое – её появление, вероятней всего, было преднамеренным, поскольку позволило существенно усилить единственный относительно легко прístupный участок обороны (*Адаксина, Кирилло, Мыц, 2005, с.37*).

освящением башни Св.Николая. Ответ на этот недоумённый вопрос удалось получить в ходе археологических раскопок 2006 г. проводившихся на вершине горы Кастрон. Как оказалось, хорошо сохранившиеся здесь сооружения 1467 г. (времени консулата Баптиста ди Олива) – башня и куртины – возведены на руинах более ранних генуэзских фортификационных сооружений, о существовании которых ранее ничего не было известно. На восточном фланге обороны цитадели открыто основание монументального здания прямоугольной формы с внешними размерами 9,10-9,25 x 10,35-10, 75 м, являвшееся башней-донжоном. С запада и юга к ней примыкали две куртины, закрывавшие доступ на вершину горы (*Адаксина, Мыц, 2007, с.5-16,26-27, рис.2-7*)(рис.175,3;180). Дату раннего генуэзского строительства на г.Кастрон, предположительно, можно отнести к 40-50-м гг. XIV в., когда лигурийцы приступают к активному укреплению своей фактории в Чембало. Это предположение также основывается и на визуально определяемой топографической, а возможно и функциональной связи вновь выявленного объекта с оборонительной системой середины 40-х гг. XIV в., состоящей из рва и вала, замыкающихся на открытую раскопками 2006 г. прямоугольную башню-донжон (рис.175,1-1,3). Место постройки такого мощного сооружения изначально могло быть вызвано непосредственной близостью рва и вала, укрепленного палисадом. Слой, отражающего период обживания, практически не обнаружено, что указывает на относительную кратковременность функционирования этой системы обороны.

По всей видимости, к 1388 г. в Чембало сложилась такая ситуация, что генуэзцы стали обладателями двух замков – один располагался к востоку, на вершине г.Кастрон, а другой – к западу, у входа в бухту. Но, после завершения Солхатской войны и подписания 12 августа 1387 г. мирного договора с татарами, их должны были охранять все те же 7 социев. Как нам кажется, логика действий лигурийской администрации, предпринявшей новое крепостное строительство в Чембало во второй половине 80-х гг. XIV в., ясна. Замок, находящийся на вершине горы Кастрон, не давал

возможности эффективно контролировать вход и саму бухту с размещавшимся в ней портом и верфью. Поэтому, после завершения в 1388 г. строительства второго замка (Св.Николая) и в целях экономии средств, оборонительные сооружения первоначального замка (прямоугольная башня-донжон и куртины, усиленные небольшими полукруглыми башнями) были разобраны. Именно такое состояние памятника (отсутствие слоя пожара, разрушений в результате военных действий или природных катаклизмов) и зафиксировали проведенные в 2006 г. археологические исследования.

Ситуация кардинально меняется только в начале 20-х гг. XV в. После прекращения первого вооруженного конфликта генуэзцев с справителем Феодоро Алексеем I (завершился захватом, а затем освобождением Чембало в 1423 г.), лигурийцы приступают к масштабным ремонтным и строительным работам по укреплению города. Начальный этап этого строительства и отмечает инструкция от 28 января 1425 г. Начиная с этого момента и до 1432 г. генуэзцами в Чембало осуществляется сооружение куртин и башен, защищавших порт, вход в бухту и латинский квартал города, а затем возводится новая восточная линия обороны. Её протяженность достигает 245 м и она была укреплена дополнительно пятью прямоугольными башнями открытого типа (рис.175,32-40). Однако строительные работы явно выполнялись в спешке и при экономии средств: толщина стен нигде не превышает 0,80-0,90 м. Поэтому новые оборонительные стены и башни не были рассчитаны на применение нападающей стороной огнестрельной артиллерии. В слабости возведенной ими фортификации генуэзцы имели возможность убедиться в июне 1434 г., когда корабельными пушками были разрушены стена и башня.

4.3.3. Храмы крепости Чембало²⁴⁰

С изучения церкви, получившей условный №1, в 1991 г. были начаты археологические раскопки на территории крепости Чембало (рис.175,14). Эти

²⁴⁰ Данный раздел опубликован совместно со С.Б.Адаксиной в качестве статьи (Адаксина, Мыц, 2021, с.214-240).

работы проводились экспедицией Херсонесского заповедника (Н.А.Алексееенко) при участии Института археологии РАН (А.В.Сазанов). После перерыва, исследования возобновились в 1999 г. объединённой экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Н.А.Алексееенко) и Харьковского Национального университета им. В.Н.Каразина (С.В.Дьячков). Раскопки на данном памятнике продолжались до 2003 г. (Алексееенко, Гинькут, Дьячков, 1999-2003). В ходе раскопок постройка была полностью открыта с внутренней и частично с внешней стороны. Не исследованными до настоящего времени остаются юго-восточный и юго-западный периметр объекта. Церковь примыкает с запада к консульскому замку Св.Николая (Balard, 1978, p.157; Мыц, 2009, с.107) и с конца XIV в. входила в комплекс его строений. Во время раскопок в самом здании церкви и за его пределами открыто 24 погребальных сооружения, содержащих останки нескольких десятков погребённых (Алексееенко, 2004, с.110-111; Алексееенко, Дьячков, 2004, p.4-5; Гинькут, 2001, с.53-60; Гинькут, 2001а, с.15-17; Дьячков, 2001, с.93-94). После 1475 г., когда крепость перешла к османам, церковь подверглась дополнительной перестройке: для вымостки пола использовались в качестве спойл архитектурные детали из зданий более раннего времени (Дьячков, 2004, с.251; 2019, с. 774, рис.5). Среди обнаруженных 167 плит особый интерес представляли фрагменты четырёх восьмигранных колонн и обломки плиты из нуммулитового известняка от обрамления оконного проёма шириной 0,55 м. Архитрав был украшен рельефными изображениями двух одинаковых, зеркально расположенных гербов. На них помещён герб Генуи - крест и стоящий на задних лапах лев в короне. Предположительно, геральдическая символика принадлежит лигурийскому клану Газано (Дьячков, Алексееенко, 2002, с.28-36; Дьячков, 2004, с.248, рис.3; Дьячков, 2019, с.775-776, рис.6; Алексееенко, Гинькут, Дьячков, Столяренко, 2015, с.150-162)²⁴¹. В ходе работ на западном склоне

²⁴¹ Данную гербовую композицию Е.А.Яровая отнесла к лигурийской фамилии Барбаджелата или Барбазиа (Barbagelata, Barbazia) (Яровая, 2010, с.84, рис.72).

г.Кастрон в 2018 г. экспедицией Эрмитажа была произведена инструментальная съёмка участка крепости Чембало и церкви, выполнены заново архитектурные обмеры храма (рис.175,14; 188). Обмерами 2018 г. установлено, что внешние размеры храма №1 составляли 13,14 x 7,42-7,54 м, а внутренние 11,73 x 6,02 м (рис.188). Здание церкви сужается к юго-востоку на 0,12 м. Толщина стен строения различна: северо-западной – 0,64-0,68 м; юго-западной и северо-восточной – 0,75-0,77 м, апсиды – 0,74-0,75 м. Размеры прямоугольного наоса составляют 8,57 x 6,02 м. Ширина апсиды – 4,53 м, глубина – 2,97 м, радиус – 1,48 м, т.е. апсида имеет не полукруглый, а подковообразный абрис, ширина плеч - 0,74 м. Проведённые работы дали возможность установить уровень пола средневекового строения и некоторые особенности его конструкции. С северо-восточной стороны наоса и в апсиде пол имел ступенчатый характер, т.к. здесь довольно высоко (до 0,40-0,60 м) выступала скальная поверхность. Уровень пола в предалтарной части церкви (на расстоянии примерно в 4,40 м от апсиды) возвышался, как минимум, в виде трёх ступеней. Ступенчатое возвышение поднималось над остальным уровнем пола церкви на 0,96 м. Вдоль внутренней поверхности северо-восточной стены были устроены скамьи в виде двух ступеней. На это указывает не только уровень повышения скалы, но и расположенный горизонтально след известкового натёка сохранившегося от верхней ступеньки.

Стены храма сложены в основном из бутового камня юрского известняка на прочном песчано-известковом растворе. Лицевые поверхности камня специально обколоты, что придавало стене ровную поверхность. Кладки возведены тщательно с затиркой швов под мастерок. Поверхность стен дополнительно покрывалась слоем белой известковой штукатурки. У юго-восточного угла плеча апсиды *in situ* сохранились фрагменты фресковой росписи (красная и голубая краски). В кладке углов и торцов стен, а также и в самой кладке несущих стен храма в большом количестве вторично использованы обработанные блоки нуммулитового известняка.

Происхождение сполій в кладках данного храма, как и на других архитектурно-археологических объектах Чембало остаётся не выясненным.

Два пилона прямоугольной формы установлены примерно в центре боковых стен: расстояние от северо-западной стены составляет 3,88-3,95 м, а от плеч храма – 3,85 м и 4,06 м. Размеры пилонов: установленного у кладки 2 составляет 0,56-0,58 х 0,91 м, а пилона примыкающего к кладке 4 – 0,62-0,64 х 0,80 м. Разница в их размерах не превышает 0,11 м. Расстояние между пилонами – 4,90 м.

Вход в храм не читается на уровне сохранившейся высоты северо-западной стены. Наиболее вероятно он располагался у левого плеча в юго-восточной части строения. Здесь между торцами кладок 4 и 1 имеется проём шириной 2,10 м. Судя по наличию в этом проёме стены (кладка 4б) шириной 0,50 м и протяжённостью 1,36 м (с обеих сторон её ограничивают кладки 5 и б) здесь находился первоначальный вход в церковь, который затем неоднократно перестраивался. На частые перестройки указывают кладки 8, 9, 11 и 14. Кладки 8 и 10 имеют одинаковую толщину – 0,80-0,84 м. По всей видимости, они служили несущими стенами первоначальной колокольни церкви. Её внутренние размеры составляли 2,18 х 2,12 м, а внешние – 3,80 х 2,90 м. На протяжении функционирования церкви использовался проход, ведущий с юго-восточного направления. Сохранившиеся здесь кладки 6, 8 и 14 образовывали ступени. На это указывает современный уровень их залегания.

Необычной является ориентация церкви на юго-восток (130°), а не на восток или северо-восток, как это традиционно бывает в католических и православных храмах средневекового Крыма. Причиной данного несоответствия является возведение строения на крутом скальном склоне, нивелировочная подрубка которого потребовала бы значительных затрат. Здание церкви установлено на высоте около 45 м над уровнем моря. Уклон скалы здесь составляет $20-30^\circ$. С юго-запада к апсиде церкви примыкала стена, ограждавшая террасированную площадку и предохранявшая от

случайных падений. С севера и северо-запада (в ходе раскопок 1999-2003 гг.) примыкание крепостных стен к храму не выявлено и поэтому система обороны на данном участке замка Св.Николая остаётся не выясненной. Следовательно, говорить утвердительно о том, что церковь входила в комплекс оборонительных строений консульского замка Св.Николая пока преждевременно. В ходе исследований 2018 г. каких-либо материалов уточняющих время строительства храма №1 не выявлено.

В 2004 г. во время археологических раскопок в восточном углу двора барбакана главных крепостных ворот Чембало (рис.175,34;181;182) было обнаружено углубление (0,48 x 0,38 x 0,25 м), заполненное обломками штукатурки с росписью и деструктированным известковым раствором (*Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, рис.59-60; Степанов, Степанова, 2005, с.70-73, рис.132*). В результате полевых реставрационных работ удалось собрать фрагмент фрески размером 0,85 x 0,80 м. В завершённом виде оказалось, что фреска имеет форму стрельчатой арки с шириной в основании 0,97м и высотой 1,10 м с поясным изображением Богоматери с Младенцем (рис.183;1184). По заключению авторов реставрации стилевые особенности фрески отличаются тонкостью и изяществом; живопись лёгкая и детализирована с одной стороны, а с другой – полна торжественной монументальности. Гармоничность композиционного построения, вытянутые пропорции фигур, динамика изогнутых линий, точно выверенный рисунок, мягкая цветовая гамма – всё это говорит об особенностях традиционной греческой живописи. По стилю фреска близка к произведениям палеологовского времени (*Степанов, Степанова, 2006, с.167-168*). По своим стилистическим особенностям фреска может быть отнесена к 20-30-гг. XIV в.

Фреска Богоматери Одигитрии из Чембало является уникальной и не имеет аналогий среди памятников Крыма. Ввиду этого, начиная с 2005 г., она стимулировала проведение на территории крепости специальных исследований по поиску храма, из которого обломки фрески попали в барбакан главных ворот. За прошедшее время экспедиции удалось выявить и

исследовать в Чембало четыре церкви. Все памятники относятся к простым по своей архитектонике культовым строениям: они представляли собой обычные прямоугольные в плане здания с полукруглой одной или двумя апсидами (рис.175, 23,26,27,41; 106-108). Храм №2 - двухапсидное церковное сооружение Чембало (рис.175,41; 190). Данный памятник (первый в ряду православных храмов города) исследовался в 2005-2008 гг. (*Адаксина, Кирилко, Мыц*, 2006, с.24-35, рис.91-127; *Адаксина, Мыц*, 2007, с.20-23,28, рис.190-121; 2008, с.9-11,21, рис.61-80; *Кирилко*, 2012, с.198-199, рис.6). Представлял собой прямоугольное в плане строение, разделённое глухой стеной на два нефа. Две полукруглые разновеликие апсиды завершали здание с северо-востока (азимут 81°). Храм был возведён в два этапа. Первоначально строится северный компартимент (его размеры 8,20 x 3,70 м), к которому в скором времени без перевязки пристраивается южный неф (1,90 x 7,80 м). Дверные проёмы не сохранились, однако, судя по топографии здания, они могли размещаться только с западной стороны. Изнутри храм был оштукатурен, но признаков настенной росписи в ходе раскопок не выявлено. Стратифицированный нумизматический материал позволяет отнести время возведения храма к середине XV в., а его разрушение к последней четверти этого же столетия. До строительства двухапсидного храма на данном участке примерно столетие существовало кладбище (всего раскрыто 14 могил с останками 22 захоронений). Это позволяет высказать предположение о существовании здесь во второй половине XIV в. и церкви, которую полностью разобрали при сооружении (около середины XV в.) башни с цистерной. Взамен разобранный и была (на краю обрыва) построена новая церковь, в которой на протяжении четверти века (до захвата Чембало османами в 1475 г.) совершались погребения. Вероятно, церковь была освещена во имя Св.Георгия. На это указывают генуэзские письменные источники второй половины XV в., в которых цитадель на вершине г.Кастрон называется *castrum St.Georgio*. Пол храма представлял собой плотную утрамбованную глиняную поверхность. Под

полом первоначального (северного) нефа храма открыты две могильные ямы, содержавшие четыре захоронения (погребения №11-14). В захоронении №11 (погребена женщина 35-40 лет) отмечен необычный ритуальный приём: нижняя часть лица была накрыта поливной чашей, перевернутой вверх дном (Адаксина, Мыц, 2008. С.10, рис.77-79). Чаша имеет оригинальную форму донной части и орнаментацию. Изделие такой формы и орнаментации не только в Чембало, но и на других памятниках средневекового Крыма, не известно и встречено впервые.

Храм №3 (рис.175,26;189) исследован в 2007 г. (Адаксина, Мыц, 2007, с.9-22, рис. 81-92). Представляет собой руины небольшого однефного одноапсидного здания (4,54-4,65 x 7,15 м). Церковь стояла непосредственно у дороги, ведущей от главных ворот крепости (в башне №2) к замку Св.Николая. Архитектоника церкви довольно проста. Азимут строения - 45°. Стены установлены на скальную поверхность и сложены из бута на известковом растворе. В кладке углов использовались прямоугольные блоки (сполии) из нуммулитового известняка. В слое завала найден фрагмент известнякового блока (9 x 8,5, 6 см) с изображением креста.²⁴² Толщина стен составляет 0,68-0,70 м, апсиды – 0,45-0,55 м. Вход находился в юго-западной стене. С внутренней стороны, вдоль юго-восточной стены, располагалась скамья шириной 0,25-0,28 м и высотой 0,30-0,32 м. Внутренние размеры храма: длина наоса – 4,98 м, ширина – 3,02-3,10 м; глубина полукруглой апсиды - 0,92 м, ширина – 2,05 м, ширина плеч – 0,42-0,45 м. Пол церкви первоначально был выстлан каменными плитами и заполнен заливкой известкового раствора (сохранился только в апсиде).

Для совершения захоронений, с внутренней стороны северо-западной стены, в скальной поверхности была сделана выемка протяжённостью 3,65 м, шириной 1,0 - 1,60 м, глубиной до 0,53 м. В процессе исследований вдоль северной стены храма вскрыто 12 могил, содержащих останки 53 человек. За исключением погребений №3 и №6, в которых находились по

²⁴² Крест (7,5 x 7,5 см) с расширяющимися концами вырезан в рельефе глубокими двойными линиями.

одному костяку, остальные могилы вмещали от трёх до двенадцати скелетов, залежавших на разных уровнях. Анатомический порядок большинства скелетов был нарушен, кости, в результате неоднократных подзахоронений, находились в перемешанном состоянии. Частично или полностью зафиксировано местоположение 13 погребённых. В анатомическом порядке лежали два нижних костяка (№1 и №2). Судя по всему – это наиболее поздние захоронения. На уровне данных захоронений найдены обломки от четырёх стеклянных сосудов XV в.: двух кувшинов и двух тарелок. Кроме антропологических останков в слое засыпки погребений находились кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, птицы, а также раковины мидий и устриц. Остатки тризны сопровождалась осколками стеклянной (кувшины и тарелки) и керамической (поливные чаши, тарелки, кувшины) посуды. Среди останков погребённых найдены кованые гвозди (40 шт.), монеты, сердоликовая бусина, бронзовые мечевидные застёжки от книг, миниатюрные бронзовые и серебряные гвозди, бронзовые и серебряные шумящие шаровидные подвески-пуговицы и проч. В области фаланг пальцев правой руки захоронения №2 (погребена женщина 25-30 лет) найден бронзовый перстень с овальной площадкой. Под левым виском погребённой найдена серебряная сложносоставная ажурная заколка для волос филигранной работы (*Адаксина, Мыц, 2008, рис.171*). На уровне захоронения №3 найдено десять фрагментированных и один целый артефакт. Отсюда происходят обломки красноглиняных поливных чаш, тарелок, горшка и кольцевидного (полого внутри) дна стеклянного стакана (стекло синеголубое). Рядом с черепом погребённого находилась красноглиняная поливная (полива монохромная, жёлтая) чаша второй половины XV в. (*Адаксина, Мыц, 2008, рис.155*).

Находки на уровне пола немногочисленны. Отсюда происходят фрагмент бронзовой втулки и ветвь плоского киотного железного креста с расширяющимися концами. Возле порога обнаружено серебряное навершие от ножен кинжала. Изучение находок (в основном монет) указывает на то,

что храм использовался в качестве квартальной церкви на протяжении от 20-40-х гг. XV в. – до 80-х гг. XVI в. Особенностью погребального обряда являются обильные остатки тризны (разнообразная битая посуда и кости животных), сопровождавшие захоронения и личные вещи (перстни, бусы, пуговицы, монеты, заколка и проч.).

Храм №4 (рис.175,27). Памятник исследовался в 2009 г. (*Адаксина, Мыц, Ушаков, 2009, с.46-61, рис.112,152-190*). При относительно небольших размерах (7,68 x 4,30 м) церковь обладает оригинальными архитектурно-планировочными характеристиками алтарной части, имевшей в основании сложную форму и завершавшуюся глубокой нишей. Апсида храма носит следы перестроек; её глубина – 1,40 м, ширина - 1,20 м. Внутри апсиду по сторонам замыкали вертикально стоящие прямоугольные столбы, а в центре располагался столб для установки престола. Все столбы изготовлены из нуммулитовых споллий.

При расчистке северного плеча апсиды и непосредственно под формирующим его каменным блоком, обнаружена створка бронзового энколпиона-реликвария (рис.185,2). Находка представляет собой византийский рельефный прямоконечный энколпион больших размеров с краткими углублёнными надписями к изображениям. Ветви креста плавно расширяются от центра к краям. По краям верхней и нижней ветви сохранились обломы петель от крепления второй створки. Изображение литое с дополнительной гравировкой резцом. Особенностью иконографии является подчёркнутая сухость и графичность низко рельефных изображений. В силуэте Богородицы Оранты ясно читаются нимб над головой, складки хитона и мафория. Размеры креста (без петель) – 7,2 x 5,3 см. На конце каждого луча креста размещены круглые медальоны с изображениями ликов четырёх святых.

Данная находка представляет оборотную створку с изображением Богородицы Оранты, которая сопровождается круглыми медальонами с переданными оплечно первоапостолами Петром и Павлом (на боковых

ветвях) и евангелистами Марком (вверху) и Матвеем (внизу). Все надписи углублённые, подправлены после отливки, как и сами изображения, резцом. Около Богоматери сокращённая надпись: МР – ФУ; надписи, именуемые четырёх святых в медальонах не полные, а представлены только начальными буквами их имён: П-П и М-М, расположенными в углах ветвей креста. Наиболее близкими к нашей находке, являются Балкано-Дунайские кресты-энколпионы (например, крест из крепости у с.Окорш в Болгарии), где они, следуя иконографической традиции византийских прототипов, датируются X – началом XI в. (*Атанасов, 2007, табл. LXI, 219 и 220; Пескова, 2005, с.144-145*). Время бытования подобных энколпионов-реликвариев не соответствует дате возведения открытого в крепости Чембало храма №4 – рубеж XIII-XIV - начало XIV в. Так как эта находка сделана в предалтарной части, то возможно данный энколпион с изображением Богоматери Оранты, использовали в качестве закладной реликвии. Вероятно, и сама церковь была посвящена Богоматери. Пол храма состоял из белой глиняной обмазки. Здание ориентировано на северо-восток (азимут 73°). Вдоль южной стены устроена каменная скамья шириной 0,32-0,50 м. Вход шириной 0,85 м находился в западной стене. Толщина стен 0,65-0,83 м. Перекрытие было каменным в форме циркульного свода. От арочного свода в слое завала найдены тщательно отёсанные блоки клиновидной формы из нуммулитового известняка.

Под полом церкви открыто семь могил, в которых выявлены останки 40 погребённых. Останки 78 человек обнаружены за пределами храма (*Адаскина, Мыц, Ушаков, 2010. с.46-54*). Большинство останков находилось в разрозненном состоянии. С внешней стороны южной стены сохранились конструкции от двух могильных ям, нижние части которых вырублены в скале. В могиле №2 выявлены останки пожилого человека, находившееся в анатомическом порядке. Здесь, на уровне скальной поверхности найден бронзовый литой нательный крестик (4,0 x 2,4 см) со скруглёнными концами, имеющими парные выступы-слёзки. На лицевой стороне -

рельефное изображение Распятия, над ним череп и кости, вверху петелька для подвешивания (рис.185,1). Христос изображён с прямым торсом без изгиба, с прямо вытянутыми руками и ногами. Подобные кресты-тельники с рельефным Распятием (изготовлены из цветных металлов – золота, серебра и бронзы) датируются исследователями в пределах XI-XIII вв. (Пескова, 2006, с.124, рис.2,5; Молодин, 2005, 115, рис.56). Иконография Распятия крестательника из могилы №2 скорее указывает на его относительно позднее происхождение – вторая половина – конец XIII вв. Полученные в ходе раскопок памятника стратифицированные находки позволяют отнести время возведения церкви к рубежу XIII-XIV вв. - первым десятилетиям XIV в., а прекращение её использования – ко второй половине – концу XVI в.²⁴³

Храм №5 (рис.175,23; 191). Памятник исследовался в 2014-2015 гг. (Адаксина, Мыц, 2015, с.7-35; 2016, с. 6-26). Изучение культурных напластований свидетельствует о продолжительности функционирования на данной территории храмовых строений (XIV-XVIII вв.). Они подвергались существенным перестройкам в генуэзский (1345-1475 гг.), османский (1475-1771 гг.) и русский (после 1783 г.) периоды истории Чембало-Балаклавы²⁴⁴. Первоначальное строение было ориентировано на северо-восток 45°, а все последующие – на 54°. Располагается церковь на той же террасе, что и храм №3 (46-50 м над уровнем моря) у дороги, ведущей к замку Св.Николая. Вокруг здания церкви формировался городской квартал. Церковь представляет собой здание с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой. Размеры основного объёма церковного здания: 8,70 x 4,70 м (вынос

²⁴³ Из слоя завала внутри храма происходит группа находок, которые могут быть отнесены ко второй половине XVI в., например, акче Крымского ханства времени правления Девлет Гирея I (1550-1577). Самая поздняя находка – поддон миниатюрной полуфаянсовой чашечки с подглазурной росписью кобальтом. Подобные сосуды известны из раскопок памятников османского времени в Болгарии, Румынии, Крыма и Азова (Гусач, 2005, с.476-481).

²⁴⁴ Этот храм отмечен на картографических материалах конца XVIII - начала XIX в.: 1) на плане 1771 г. он отмечен под литерой «С» и назван бывшим монастырём с церковью; 2) на недатированном плане «селения Балаклавы бывшей Таврической области с показанием кварталов и определением в оных црквей, лавок и прочего», под литерой «К» обозначена армянская разорённая церковь»; 3) в библиотеке им.И.Франко г.Симферополя хранятся фотокопии «Атласа Таврической губернии» 1787, 1793 и 1799 гг., среди которых помещён и план города Балаклавы 1787 г., где под №7 указаны руины крепости Балаклавской, а под №8 – «Церковь в оной»; 4) На плане города Балаклавы снятом «...июня 1817 г. губернским землемером Мухиным», под №2 отмечена «Ерменская церковь внутри оной Апостолов Петра и Павла».

апсиды – 2,05 м). Стены сложены из бута на известковом растворе. С юго-запада к храму в XVIII в. был пристроен притвор в виде неправильного четырёхугольника (размеры: 5,30 – 4,98 м). Наос и притвор на позднем этапе своего существования имели стропильное перекрытие, а алтарное полукружие завершалось конхой. Вход в храм трапециевидной формы располагался в юго-западной стене. Пол храма представлял собой плотную трамбовку деструктированного известкового раствора. Восточная часть притвора была выстлана 32 блоками нуммулитового известняка, образовавшими ровную площадку размером 2,60 х 2,40 м. Под данной вымосткой (на глубине 0,50 м) найдено скопление из 23 монет. Очевидно, что данный комплекс представлял собой клад. Он состоял из 18 генуэзско-татарских аспров 1430-1450-х гг., одного золотоордынского дирхема хана Узбека (1313-1342) с надчеканкой в виде четырёх точек (::) и грошей Молдавского госполаря Стефана III (1457-1504), чекан г.Сучавы 1480-1504 гг. Именно эти монеты Молдавского княжества позволяют отнести сокрытие клада не ко времени захвата Чембало турками в 1475 г., а к концу XV- началу XVI в.²⁴⁵

В храме и притворе под полом выявлены останки более 100 погребённых. Три детских захоронения были совершены в деревянных гробах, сколоченных из тонких досок. Часть погребённых безинвентарные и сильно разрушены при повторных захоронениях. Останки некоторых погребённых сопровождалась монетами, серебряными и бронзовыми пуговицами в виде полых шариков, пряжками, кольцами, серьгами, мастерски вышитыми (с серебряными крестами) красными матерчатыми налобными повязками. Кроме того здесь найдена небольшая фигурка бронзового пляшущего человека и поднятыми руками.

Внутри руин храма залегал слой завала стен и конхи (его толщина достигала 2,20 м). Из нижнего слоя завала происходит особенно важная группа находок в виде 17 обломков средневековых армянских надгробий,

²⁴⁵Подробно об этой находке см.: (Алексеевко, 2018, с.17-28).

памятных или сопроводительных надписей, закладных камней с крестами или архитектурных деталей с фресковой росписью. Все фрагменты залегали хаотично, а место пребывания некоторых споллий устанавливалось по отпечаткам на застывшем известковом растворе сохранившихся частей кладок. Почти на всех резных камнях ясно прослеживаются механические следы обработки инструментом в виде насечки зубатой троянки. Некоторые фрагменты в углублениях рельефа имеют следы красочного слоя, выполненные красной и жёлтой охрой. Надписи выполнены на армянском языке. Сохранились частично и поэтому читаются²⁴⁶ фрагментарно: *Помяните Улубека, Господь, Христос, Иисус, Помяните! Св.Крест... Богородицы (?)*, год 1148 (1699)²⁴⁷ и т.д. Только одно изделие с надписью 1606,7 г. оказалось целым. Монетные находки указывают на длительное время существования данного храма: от первой четверти XV в. (датируется генуэзско-татарскими монетами 1420-1430-х гг.) - до XVIII вв.: наиболее поздняя - акче Крымского хана Арслан Гирея (1748-1756). За это время храм неоднократно перестраивался и подновлялся пока не был окончательно заброшен в 1780-х гг. В XV-XVII вв. церковь, по-видимому, принадлежала общине армян-халкидонитов. Вероятно, она была посвящена Свв. Апостолам Петру и Павлу. Согласно генуэзскому документу в Чембало также находился квартал с храмом Девы Марии (St.Maria) (Balard, 1978, p.157).

Исследованным в Чембало храмовым строениям присущи общие черты и функции. Их конструкции сложены из разномерного бута на качественном известковом растворе. В кладках углов, дверных и оконных проёмов использованы споллии из нуммулитового известняка. В храме №5 в качестве строительного материала в XVIII в. применены не только архитектурные детали, но фрагменты надгробий и посвяtitельных надписей из армянского храма XV-XVII в. Ни на одном из храмов XIV-XV вв. не выявлены следы

²⁴⁶ Чтение надписей выполнено Александром Акоюном и Татевик Саргесян.

²⁴⁷ Надпись 1699 г. сопровождает крест (хачкар).

перекрытия с применением византийской кровельной черепицы – керамид и калиптеров, что являлось обязательным для более ранних зданий (например, VI-XIII вв.). Черепичное покрытие (черепица - *татарка*) использовано только в конце XVIII в. при восстановлении храма №5. Строения №№2-5 возводились с использованием византийского фута (0,318 м). Например, храм №2 (в первый строительный период) – его параметры составляют 25,5 x 11,5 футов (8,20 x 3,70 м); пристроенный южный компартимент - 24,5 x 6 футов (7,80 x 1,90 м), после чего размеры строения достигли 25,5 x 17,5 футов (соотношение длины и ширины – 1:1,45). Храм №3 – 22,5 x 14,5 футов (7,15 x 4,65 м) (соотношение длины и ширины – 1:1,45). Храм №4 – 24 x 13,5 футов (7,68 x 4,30 м) (соотношение длины и ширины – 1: 1,8). Храм №5 – 27 x 14,5 футов (8,70 x 4,70 м) (соотношение параметров – 1:1,85). Храмовые комплексы использовались (на протяжении 1,5-2-х столетий) в качестве кварталных городских церквей и часовен. В среднем на некрополях при каждой из церквей выявлено не менее 75 погребённых. Только в одном храме (№1) *in situ* сохранились не значительные следы стенной росписи. При общности погребального обряда (все погребённые залегали на спине, ориентированы лицом на северо-восток, кости рук либо сложены в области груди, либо вытянуты вдоль костяка) удалось выявить отличия в наборе и использовании погребального инвентаря. Например, в одном из захоронений в храме №2 область лица погребённого оказалась накрытой поливной чашей. В храме №3 при погребённых вообще отсутствовал какой-либо инвентарь, однако сам храм находится в квартале, где выявлено три дома с тандырами, канами и суфами. Это может свидетельствовать о проживании здесь выходцев из Средней Азии принявших православие. Захоронения в храме №4 сопровождалась не только погребальным инвентарём, состоявшим из личных украшений, но и обильной тризной в виде костей животных, фрагментов стеклянной и керамической посуды. В храме №5 некоторые захоронения, помимо деталей одежды (пуговицы) и личных украшений (серьги и кольца) сопровождалась погребальными налобными повязками и монетами в

качестве *обола Харона*. Предметы личного благочестия, фрагменты стеклянных лампад, обломки хоросов, кадила, личные украшения и проч. (бусы, серьги, подвески, пряжки, нашивки, напёрстки) встречались не только при исследовании церквей, но и при изучении городской застройки (рис.175,26-30). Например, у дома №2, расположенного близ главных городских ворот, в слое завала найдена створка бронзового энколпиона киевского типа - XII-XIII вв. (рис.186,2)²⁴⁸. К числу редких относится находка литого серебряного латинского креста XV в. обнаруженного в заполнении башни №2 у главных городских ворот (рис.186,1; 187, №92) (*Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, с. 35, 44, рис.84, 88, к.о.92*) Размеры креста – 2,5 x 2,3 см. На верхней ветви ушко, которое перетёрлось от длительного ношения. Все четыре луча трёхлопастные, украшены орнаментальной плетёнкой. В центре расположено тело распятого Христа. Выполнено в высоком рельефе, его фигура как будто оползает по кресту, голова повернута вправо, ноги в коленях подогнуты. Ступни и кисти проработаны схематично. Места расположения гвоздей обозначены углублениями. Левая нога заходит на правую, лик не проработан, без детализации, но нимб виден чётко. Обратная сторона гладкая. В Крыму к настоящему времени известно уже пять крестов этого типа. Первые две находки подобных крестов происходят из клада 1901 г. в с.Ай-Василь близ Ялты (*Залесская, 1995, с.98-101; Крамаровский, 2000, с.256-259, рис.9*). Третий нательный латинский крест с позолоченной фигурой Богоматери найден в 1995 г. при изучении православного монастыря X-XVI вв. в бухте Панаир на Аю-Даге (*Адаксина, 2002, с.19-20, рис.97-98; 2005, с.14-15, рис.5-6*). Находка из Чембало является четвёртым артефактом данного типа. Совсем недавно (в 2019 г.) при археологическом исследовании княжеского дворца Мангупа (1425-1475

²⁴⁸Размер креста 8 x 5,5 см. В центре находится изображение стоящей фигуры Богоматери в плаще и накидке, над головой нимб, руки сложены на груди, с открытыми вперёд ладонями. В медальонах четырёх ветвей – изображения святых евангелистов. С трёх сторон от центральной фигуры - буквы, которые плохо читаются (*Адаксина, Мыц, Ушаков, 2011, с.50, рис.46,1, к.о.68*).

гг.) найден латинский серебряный крест-энколпион с позолотой (*Науменко, 2020. С.100-111, рис.2*).

Среди традиционного для поздневизантийской Таврики погребального инвентаря XIV-XV вв. в Чембало встречаются нетипичные вещи. Приведём два особо выразительных примера.

1.Фрагмент верхней части серьги (от всего изделия сохранилась только петля) в виде знака вопроса (*Адаксина, Мыц, 2015, рис.52, с.63, к.о.77*). Изготовлена из серебряной проволоки диаметром 0,1 см (высота 2,5 см). Обнаружена в храме №5 при погребении 5 (одиночное детское захоронение). Это вторая находка в Чембало такого типа серёг. Первая была обнаружена в 2005 г. у башни №2, и доме №2, в юго-восточной верхней части раскопа, в слое намывного грунта, у крепостной стены на глубине 1,0 м (рис.187). Изделие изготовлено из бронзовой проволоки диаметром 0,1 м. Имеет форму вопросительного знака. Диаметр кольца – 1,2 см. На кольцевой петельке подвеска в виде вертикальной прямой длиной 1,0 см, изготовлена из проволоки плотно скрученной в спираль вокруг стержня (*Адаксина, Кирилко, Мыц, 2006, рис.84*). Обе эти находки относятся к VI типу с относительно короткими стержнями (варианты б и г) (*Фёдоров-Давыдов, 1966, с.38-41, рис.6,1*).

Серьги и фрагменты серёг в виде вопросительного знака на крымских памятниках встречаются редко. Достаточно сказать, что на данную группу артефактов до сих пор обращал внимание М.Г.Крамаровский. Им также впервые были изданы серьги (шесть шт.) в виде знака вопроса, происходящие из двух крупнейших кладов второй половины XIV в.: т.н. Нейзацкого и Симферопольского (*Крамаровский, 2001, фото на с.80, №№366-370, с.305-306*). Пять серёг найдены в составе клада близ Симферополя (60-е гг. XX в.). Одна серьга происходит из клада у пос.Нейзац (длина 5,1 см) – 1886 г.²⁴⁹ (*Крамаровский, 1994, табл.1:6*). Ареал распространения данного типа украшений довольно широк. Их находки

²⁴⁹ Поступила в ИАК в 1888 г. Государственный Эрмитаж, инв.№ЧМ-1031.

отмечены от Балкан на юго-западе и Новгородской земли на северо-западе до Монголии на востоке (*Сенотрсова, 2013, рис.1:1-10* и др.). Помимо общепризнанного мнения, что серьги в виде знака вопроса распространились в качестве элемента имперской моды в результате обширных завоеваний и культурной экспансии монголов в XIII в., существует и гипотеза, согласно которой такие ювелирные изделия появились ещё в XII в. у (куманов) половцев. В настоящее время активным сторонником данной точки зрения выступает Г.В.Владимиров (*Владимиров, 2014. с.242-253, рис.4: 7*) и др.

В качестве примера влияния моды, а не этно-конфессиональной принадлежности является археологически подтверждаемое широкое использование в XIV-XV вв. населением Великого Новгорода серёг в виде знака вопроса: к 80-м гг. XX в. в ходе раскопок здесь было обнаружено 15 подобных украшений (*Седова, 1981, с.16, рис.3: 1: 2: 9*)²⁵⁰. Наиболее убедительным примером, оставшимся, не замеченным археологами до настоящего времени, является новгородская икона XIV в. «Введение Богородицы во храм» (*Давидова, Лепехин, 2013, рис. на с.55*). В правой нижней части иконы мы видим, что у двух (из пяти) сопровождающих Богоматерь и её родителей благочестивых дев в ушах в качестве украшений изображены золотые серьги в виде знака вопроса VI типа. Серьги двух вариантов: одна завершается круглыми шариками, а на конце другой помещена крупная белая жемчужина (рис.192; 193).

2. Кольцо из жёлтого металла (бронза с позолотой?) с разомкнутыми концами (внутренний диаметр 1,7 см) (*Адаксина, Мыц, 2015, с.35, 48, к.о.№12, рис.52: 21*). На одном конце представлено стилизованное изображение головы дракона с открытой пастью, на другом – маленькая речная жемчужина, прикреплённая к хвосту дракона несколькими витками золотой проволоки (рис.194). Динамика композиции указывает на то, что

²⁵⁰ М.В.Седова отмечает, что серьги в виде знака вопроса получили особое распространение в XIV в. Однако вместо жемчужины, являвшейся большой редкостью в Великом Новгороде, здесь использовали каменные (яшма), янтарные, стеклянные (зелёные, жёлтые, красные, синие), металлические (бронзовые) бусины (*Седова, 1981.с.16*).

дракон пытается проглотить жемчужину. По-видимому, мастер композиционно представил на кольце популярный мифологический сюжет «о любимой драгоценности Верховного Повелителя Хуан-ди, похищенной девушкой из рода Жэньмэн, которая, проглотив жемчужину, превратилась в дракона и стала духом реки» (Доде, 2007, с.102).

Дракон является главным среди четырёх священных животных Китая. При династии Сун (960-1279) сформировалось учение о восьми сходствах дракона, который должен обладать рогами оленя, головой верблюда, шеей змеи, глазами духа, чешуёй карпа, когтями орла, лапами тигра, ушами коровы (Терентьев-Катанский, 2004, с.28). Из набора восьми свойств (с некоторой долей условности) дракону кольца Чембало характерны только четыре: голова верблюда, глаза духа, шея змеи и уши коровы. Монголы заимствовали китайский образ дракона, сохранив за ним статус маркера государственной власти; и изображения этих существ на тканях, поясных бляхах, сосудах из драгоценных металлов, украшениях и «стали общеимперским геральдическим символом» (Доде, 2007, с.101).

Несмотря на всю ясность семантики образа²⁵¹ китайского дракона представленного на кольце из Чембало, мы так пока и не смогли найти для него сколько-нибудь убедительной аналогии. В 2013 г. вышла работа М.Г.Крамаровского (Крамаровский, 2013, с.324-331), в которой исследователь проделал кропотливую работу по поиску аналогий браслету с драконом и жемчужиной. Автор отмечает: «Тип объёмного двусторчатого золотого браслета (нередко перстня) с парными драконами, играющими жемчужиной, или одним драконом с жемчужиной, характерен для маньчжурского Китая» (Catalogue, 1986, No.245, 301, 302; *Запретный город*, [б.г.]. С.163. №61). М.Г.Крамаровский также опубликовал найденную в Восточном Крыму в 2004 г.²⁵² бронзовую серьгу (диаметр 2,6 см) со следами позолоты: на одном конце помещена голова дракона, пасть которого

²⁵¹ Подробно об образе дракона – змия на серьгах золотоордынского периода см. работу М.В.Ельникова (Ельников, 2010. С.410-420).

²⁵² Находится в Симферополе в частной коллекции (Крамаровский, 2013, с.329, рис.3).

пытается заглотив закрепленную на стержне средней величины гофрированную жемчужину (*Крамаровский*, 2013, с.329, рис.3). Подобные серьги известны на памятниках XIII-XV вв. обширного региона, либо входившего в завоёванные монголами территории, либо находящиеся в сфере влияния Золотой Орды²⁵³. На северо-западе граница встречаемости подобных артефактов простирается до Новгородской земли, где бронзовая серьга с головой дракона (без жемчужины) найдена при раскопках крепости Копорье (*Кирпичников*, 1984, рис.71,5).

Находка в Чембало кольца с головой дракона и отдельно расположенной жемчужиной пока остаётся единственным подобным артефактом на территории Северного Причерноморья. Но подобная пространственная лакуна и уникальность артефакта вызывают сомнения. Для устранения данного пробела потребуются дополнительные не только археологические, но архивные и фондовые поиски подобных изделий выявленных на евразийском пространстве.

Таким образом, за время изучения средневековой крепости Чембало (1991-2018 гг.) на её территории выявлено и исследовано пять храмовых построек принадлежавших трём христианским общинам города: храм №1, по-видимому, до 1475 г. размещался в латинском квартале и использовался католиками; храм №5, судя по находкам армянских надписей, на протяжении XV-XVIII вв. принадлежал армянам-халкидонитам (?); храмы №3 и №4 являлись церквями православных греков. Конфессиональная принадлежность двухапсидной церкви (№2) на вершине г.Кастрон возведённая во имя Св.Георгия, вероятно, может решаться одновременно в пользу католиков и православных греков, которые служили в гарнизоне Чембало и могли

²⁵³Это, прежде всего, территория европейской зоны степной Евразии (в Поднепровье и Поволжье) (*Кулатова*, 2002, С.115; *Супруненко, Приймак, Мироненко*, 2004. С.38-39, рис.31; *Ельников*, 2001, С.65-67, 69, 96, 97, Рис.21, 10; 22,2; 32,5; С.76, рис.2; *Шалобудов, Андросов, Мухопад*, 1983, С.21, рис.16; *Строкова*, 2006. С.34-43, рис.5,3). Следует также отметить, что из раскопок золотоордынского поселения Самарская Лука (Samar) происходит литейная форма для изготовления серёг с головами драконов (*Кочкина*, 2011. С.20-24).

молиться в разных нефях одного храма перегороденного глухой стеной.

4.3.4. Крымский улус Золотой Орды в 20-х гг. XV в.

В 1420/21 гг. Каффа, из-за неурожая, остро нуждалась в поставках продовольствия. Консул Манфредо Саули стремился поддерживать мирные отношения с ханом Беком-Суфи и с Алексеем I. На берегах Волги шла нескончаемая борьба за ханский престол (*Пономарёв*, 2013б, с.158-190; *Парунин*, 2019, с.434-460). В борьбу постоянно вмешивался литовский князь Витовт. Он помог восхождению в 1419 г. на ордынский престол Бека-Суфи (1419-1421). Короткое правление этого хана впервые демонстрирует попытку местной татарской элиты создать из Крымского юрта самостоятельное государство (*Пономарёв*, 2013в, с.76-84). Весной (вероятнее всего в апреле) 1426 г., при поддержке оппозиционно настроенных беков Крымского улуса, ханом был провозглашён Давлет-Берди, вступивший в соперничество с Улуг-Мухаммедом²⁵⁴.

Массарии Каффы выплачивают новому императору татар значительную сумму для того, чтобы он не препятствовал поставкам продовольствия (в первую очередь, очевидно, зерна) в город (*Iorga*, 1899, p. 56; *Musso*, 1965, p. 232)²⁵⁵. Из текста источника видно, что магистраты Каффы стремились в этот момент всячески избегать какого-либо обострения отношений с любым из ордынских ханов и поэтому вынуждены были делать подобные подношения. М.Стрыйковский считал, что своим появлением в Крыму и провозглашением ханом Давлет-Берди был обязан Витовту и поэтому он, со свойственной ему уверенностью писал: «перекопским татарам Витовт дал на царство

²⁵⁴ Долгое время даты правления золотоордынских ханов 1420-1430 не поддавались относительно чёткому определению. Это удалось сделать А.Л.Пономарёву благодаря изучению материалов массарии Каффы 1420-1428 гг. По данным исследователя, в эти годы в Крыму попеременно находились три хана: Бек-Суфи (1419 г.- весна 1420 г.); Улуг-Мухаммед (весна 1420 г.); Бек-Суфи (лето 1420 г. – сентябрь 1421 г.); междуцарствие (сентябрь 1421 г. – ноябрь 1422 г.); Девлет-Берди (ноябрь 1422 г. – ноябрь 1423 г.); междуцарствие (ноябрь 1423 г. – 11 января 1424 г.); Девлет-Берди (11 января 1423 г.- 12 июня 1424 г.); Улуг-Мухаммед (12 июня 1424 г. – 23 (?) августа 1424 г.); Девлет-Берди (23(?) августа – 1424 г. – 14 мая 1425 г.); Улуг-Мухаммед (14 мая 1425 г. – февраль 1426 г.); Девлет-Берди (12(?) апреля 1426 г. – июнь 1427 г.); Улуг-Мухаммед (июнь 1427 г. – 1436 г.) (*Пономарёв*, 2013, с.158-190). Массарии в сентябре 1421 г. последний раз отмечают Бека-Суфи. Далее борьба продолжают между собой Улуг-Мухаммед и Давлет-Берди, который отмечен последний раз в июне 1427 г. Победителем в этой борьбе (до 1436 г.) вышел Улуг-Мухаммед.

²⁵⁵ А.Г.Еманов ошибочно датирует это событие 1423 г., полагая, что время правления Давлет-Берди относится к 1420 – 1424 гг. (*Еманов*, 1995, с. 108, 137, 140, 150, 154).

Керкильска...Давлет-Бердия» (*Streikowski*, 1846, II, p. 175)²⁵⁶. Но этому явно противоречит один из документов, содержащийся в *Codex Epistolaris Vitoldi*, где помещено рекомендательное письмо настоятеля францисканского монастыря Ouanissi (написано в Каффе 2 мая 1426 г.) к Витовту, в котором сообщается: «Император вступил в Солхат и, пребывая в нём, просит вашей милости; он рассказывал мне, что он никогда не был врагом вашим и не имел причин враждовать с вами. Рассказывают, что он хочет мирно управлять государством без вражды, желает установить торговые связи с вами, как он установил с сарацинами. По татарскому обычаю он хотел бы прочно держаться братских торговых связей, о чём просит вашей милости» (*Codex Vitoldi*, 1882, p. 721).

Во второй части своего послания Ouanissi сообщает, что письмо от Давлет-Берди доставит сарацин Ибрагим, который также будет сопровождать к Витовту господина татар – Хаджи (*magnificencie sicut Нессоуа, Tertarum dominus*), «пожертвовавшего мне 1000 аспров». В завершении францисканец просит любезно принять и задержать у себя посланцев хана до его возвращения с более подробным докладом (*Codex Vitoldi*, 1882, 721).

Приведённый отрывок скорее свидетельствует о том, что Давлет-Берди не являлся ставленником Витовта, как, например, Улу-Мухаммед, иначе ему не было бы необходимости в таком тоне обращаться к великому князю, что отмечал М.Г. Сафаргалиев (*Сафаргалиев*, 1996, с. 484). М.С. Грушевский указывал на сложность и многоплановость отношений Витовта с претендентами на ордынский престол в 20-е гг. XV в., среди которых был и Давлет-Берди (*Грушевский*, 1993, IV, с. 316 – 318). Особый интерес в данном письме представляет упоминание господина татар Хаджи. Если имя мной угадывается правильно и под искаженным латинским Нессоуа скрывается Хаджи, то мы имеем одно из наиболее ранних упоминаний Хаджи Гирея, находившегося рядом со своим дядей Давлет-Берди в момент его восшествия

²⁵⁶ В.А. Сидоренко, поддерживая анахронизм «Кроники» М. Стрыйковского, искажает текст источника: «По свидетельству польско-литовских летописей, литовский великий князь Витовт даровал в ханы перекопским (крымским) татарам Девлет-Гирея» (*Сидоренко*, 2003, с. 159).

на престол в Крымском улусе и был отправлен к Витовту с рекомендательным письмом.

Будучи провозглашенным в Крыму ханом, Давлет-Берди сразу же предпринимает меры по установлению дипломатических и торговых отношений с генуэзцами и сарацинами, направив султану Египта послание наполненное любезностями и витиеватыми выражениями, о чём рассказывает Бедреддин Элайни (1361 - 1451): «В месяце джумадиеввиле 830 года (март 1427 г.) прибыло письмо от завладевшего Крымом лица, по имени Давлет-Берди...Привозивший письмо сообщил, что в землях дештских большая неурядица, и что три царя оспаривают царство друг у друга. Один из них, по имени Давлет-Берди, овладел Крымом и прилегающими к нему краями, другой – Мухаммед-хан – завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка» (*Тизенгаузен*, 1941, с. 61).

Вступив в борьбу с Улу-Мухаммедом, Давлету-Берди удалось расширить свои владения до Хаджи-Тархана (Астрахани). Здесь в 831 г.х. (22.X. 1427 – 10. X. 1428) чеканились монеты с его именем (*Френ*, 1838, с. 35; *Марков*, 1896, с. 503] (вероятно, на этом основании А.Г. Еманов называет Давлет-Берди астраханским ханом (*Еманов*, 1995, с. 140). Следует заметить, что монеты этого правителя Орды встречаются довольно редко и в небольшом количестве в составе кладов XV в. (в одном случае даже начала XVII в.)²⁵⁷. Малочисленность монет Давлет-Берди указывает на относительную

²⁵⁷ В своё время Ю.Г.Федоровым-Давыдовым были собраны сведения о пяти кладах, в которых находились монеты Давлет-Берди: в селении Большой Шикши-Оляуз Мамадышского Уезда, в 1895 г., обнаружено 326 серебряных монет и 3 обломка, среди них находилось 2 монеты Давлет-Берди, чеканенных в 831 г.х. в Хаджи-Тархане; г. Казань, 1893 г., - клад из 595 серебряных монет – 1 монета Давлет-Берди битая в Хаджи-Тархане, год (?): с. Китаевка Тульского у-да, клад 1890 г. общим весом 24 кг серебряных монет и слитков (В.Г. Тизенгаузенем определено 1714 монет) – 1 монета Давлет-Берди (город и год?); г. Феодосия, в кладе находилось 11 тыс. монет (В.С. Муралевичем определено 2000 четких монет), сгруппированных в четыре скопления, во втором из них присутствовали и монеты Давлет-Берди (количество не указано) (*Федоров-Давыдов*, 1960, с. 167, 168, 174, 177, 179 - 180, №№ 189, 195, 219, 238а, 255). Кроме того, в известных публикациях отмечена единичная находка (1898 г.) из Аккерманского уезда аспра Каффы с именем Давлет-Берди (*Еманов*, 1995, с. 154). Две монеты (татаро-генуэзские аспры) обнаружены в ходе исследования башни Барнабо Грилло крепости Чембало: на л.с. помещён герб Генуи (равноконечный крест) в точечном ободке с латинской надписью (+O+M+C...CA[FFA], т.е. Officium monete civitas Caffa) расположенный по кругу; о.с. – джучидская тамга с точкой в круге и арабская надпись: *Султан правосудный [Давлет-Берди хан]* (*Адаксина, Кирилко, Мьц*, 2003, с. 21, 29, №№ 53, 56).

кратковременность его правления²⁵⁸. Данное предположение подтверждается и материалами письменных источников: 14 марта 1428 г. Улу-Мухаммед из Азака отправляет письмо турецкому султану Мураду II (1421 - 1451), извещая его о своих успехах в овладении государством (*Сафаргалиев*, 1996, с. 486). Элайни отмечает, что: «В 832 г.х. (11.Х.1428-29.ІХ.1429)...государем Крыма и прилегающих к нему земель был Мудаммед-хан...21 апреля 1429 г. от него прибыли послы» (*Тизенгаузен*, 1884, с. 534).

По-видимому, к концу 1428 – началу 1429 г. Улу-Мухаммеду удалось подчинить своей власти территорию, расположенную между Волгой и Днепром. Об этом также позволяет судить и фрагмент из письма Витовта Ливонскому ордену (отправлено 9 сентября 1429 г.). В нём делается акцент на событиях, происходивших в Орде: «Царь Махмет, наш друг, писал нам, что он владеет теперь всем царством и Ордой и через посла своего предложил нам прочный союз» (*Codex Vitoldi*, 1882 (1965), р. 866).

Столкновения, почти непрерывно происходившие в конце XIV – первой трети XV в. в Золотой Орде, вынуждали потерпевших поражение претендентов и их сторонников искать убежища на территориях, находившихся вне власти правящих ханов. Это зачастую вызывало миграции родов и орд, которые уходили на правый берег Днепра и в Литву или к великому князю Московскому. Например, тот же Витовт писал: «К нам прибыло бесчисленное множество татар из пределов Киева, которые устали от войны...и просят дружественного приюта с нашей стороны» (*Codex Vitoldi*, 1882 (1965), р. 759). По сведениям анонимного автора «Истории польских татар» (написана около 1558 г.), к концу правления Витовта (октябрь 1430 г.) в Литве находилось до 40 тыс. татар-воинов вместе со своими семьями (*Мухлинский*, 1854, с. 10).

²⁵⁸ Вполне вероятно, что их количество будет увеличено за счёт новых публикаций, но это не значительно изменит соотношение с номиналами других правителей Орды первой трети XV в..

4.4.Строительная деятельность Алексея и митрополита Готии Дамиана в 1425 – 1427 гг.

После 1424 гг., когда между Каффой и Феодоро было достигнуто мирное соглашение, наступает относительно короткий период (1425-1432), на протяжении которого генуэзские письменные источники не отмечают каких-либо враждебных действий со стороны правителя Феодоро Алексея I. Но, как показали дальнейшие события, примирение было кратковременным и оба соперника (и в особенности Феодоро) использовали его для подготовки к очередной войне. В то время как генуэзцы прилагали усилия по укреплению обороноспособности прибрежных пунктов (Солдаи, Лусты и Чембало), феодориты активизировали работу над фортификацией Фуны и Каламиты. К тому же Алексеем в короткие сроки (1425 – 1427 гг.) осуществляется значительная по объёму строительная программа, реализация которой позволила ему превратить столицу, Феодоро, в хорошо защищённый город. Политическому успеху предприятий Алексея, по-видимому, способствовала всесторонняя помощь и поддержка такой влиятельной фигуры как митрополит Готии Дамиан. Важнейшие события и памятники данного времени (1425 – 1427 гг.) рассматриваются в настоящем разделе.

4.4.1. Феодоритские укрепления: Фуна и Каламита в 20-х - начале 30-х гг. XV в.

Особое место в системе обороны нового политического образования, каким выступает в начале 20-х гг. XV в. Феодоро, занимали крепости Фуна и Каламита, служившие соответственно восточным и западным форпостами Готии. С одной стороны, эти форты сдерживали продвижение лигурийцев в горную часть полуострова, а с другой служили плацдармами для завоевания подчинённых генуэзцами в 40 – 80-х гг. XIV в. приморских городов – Лусты и Чембало. Владетели Феодоро придавали большое значение укреплению этих двух крепостей (Фуны и Каламиты), так как они являлись на протяжении почти полувека важными пограничными пунктами, а затем и резиденциями правителей Феодоро. Об этом красноречиво

свидетельствуют строительные надписи украшенные эмблемами и монограммами аутентов, найденных при раскопках Фуны (*Мыц*, 1988, с. 104, рис. 5; *Виноградов, Мыц*, 2005, с.273-281) и Каламиты (*Бертье-Делагард*, 1920, с. 1 – 4; *Малицкий*, 1933, с. 32, 35, рис. 9,11).

Замок у селения Фуна (Φουνα) находится к северу от с. Лучистое у подножия г. Южная Демерджи (рис.196-206). Руины укрепления неоднократно привлекали внимание учёных, начиная с XIX в. (*Мыц*, 1988, с. 97 – 98; *Кирилко*, 1999а, с. 319 – 327), но к систематическому исследованию этого памятника удалось приступить только в 1980 г. (*Мыц*, 1988, с. 97 – 114; *Кирилко, Мыц*, 1991, с. 147 – 170). За несколько лет работ детально изучена восточная и северная линии обороны, а также остатки зданий внутрикрепостной застройки. К концу полевого сезона 1995 г. на территории крепости была вскрыта площадь более 2600 кв. м, что составляет примерно 50% всей его площади. Археологические исследования Фуны показали, что укрепление представляет собой сложный архитектурно-археологический памятник. На его территории открыты строительные остатки XIII – XVIII вв. Наиболее ранние фортификационные сооружения относятся к XIII в. Фрагмент оборонительной стены этого времени выявлен в 1990 г. Его ширина около 1,50 м. Располагаясь по склону, куртина отгораживала с восточной стороны территорию площадью примерно 0,30 га. Стены XIII в. оказались почти полностью разобраны при строительных работах XV в. Поэтому полный план укрепления этого периода выяснить не удалось. В XIV в. на скальной возвышенности размещались строения поселения, погибшие в результате пожара, точную дату которого пока установить трудно. В первой четверти XV в. на этом участке спешно возводятся новые оборонительные стены, не совпадающие по планировке с ранним укреплением XIII в. Они перекрывают все архитектурные остатки и культурные отложения предшествующих данному событию строений. Крепость, возведённая в начале XV в., занимала почти полностью всю возвышенность и образовывала крепостной полигон протяжённостью 226 м и площадью 0,49 га (рис.197).

Плановая структура и усовершенствованные впоследствии важнейшие конструктивные узлы, были образованы в период основания (рис.203,1-3). Вся система обороны членится на четыре основных участка: восточный, северный, западный и южный. Крепостные стены (и заградительные парапеты) располагались по всему периметру и были подчинены микрорельефу местности.

При возведении замка максимально использованы фортификационные возможности скальных образований, что позволило основные усилия сосредоточить на создании восточной, северной и частично западной линий обороны. С юго-западной стороны крепостная площадка ограничена скальными обрывами высотой 5 – 7 м. Поэтому здесь местами был сооружён каменный парапет, предохранявший обитателей замка от случайных падений, а также защищал от возможного проникновения неприятеля. Западная линия обороны почти полностью разрушена (основным источником для реконструкции её плановой схемы является обмерный чертеж, опубликованный П.И.Кёппеном (*Кёппен*, 1837, с. 115) и в настоящее время на поверхности не прослеживается. Небольшой участок (протяжённостью около 7 м) открыт раскопками на месте стыка западной и северной крепостных стен. Кладка сохранилась на высоту 0,60 м при ширине 1,80 – 1,90 м. Как оказалось, в месте соединения с северной куртеной она сужается до 1,60 м.

Северная линия обороны (34,80 м) представляла собой два прямых отрезка крепостной ограды шириной 1,60 м, направленных во фронт (протяжённость восточного – 13,40 м, западного – 16,60 м) и сходящихся к центру под углом 170°. В месте их соединения располагалась трапециевидная в плане башня (ширина основания – 4,80 м, выступала за пределы куртин на 4,80 – 4,30 м) с довольно тонкими (около 0,90 м) стенами. С внутренней стороны крепости в башню вёл вход шириной 1,33 м (рис.197;202).

Восточная линия обороны (общая протяжённость 76,20 м) установлена на довольно пологом склоне. Она состоит из трёх участков имеющих в плане

различные очертания в виде двух относительно прямых, сведённых под слабо выраженными углами: северного – длиной 26,30 м и центрального – 19,15 м, а также южного (30,75 м) криволинейной формы (рис.197). При возведении восточной линии обороны, строителями было оставлено в ней три проёма шириной 1,58, 0,83 и 1,93 м (находятся в 8,86 м, 29,62 м и 49,20 м от северо-восточного угла крепостного полигона), которые впоследствии собирались дополнительно защитить башнями. Это намерение вскоре (во второй половине 20 – 30-х гг. XV в.) оказалось реализованным только частично.

Средний проём, вероятно, предполагалось использовать в качестве входа в башню, но затем он был заложен. Ближе всех расположенный к месту стыковки северной и восточной линий обороны служил потерной, а наиболее удалённый – в качестве главного въезда на территорию замка (рис.197; 200). Строительство первоначальной стены восточной линии обороны без башен в некоторой степени было обусловлено двумя факторами: во-первых, естественной защищённостью участка резким падением рельефа к востоку; во-вторых, явной спешкой, с которой велось её возведение. Устройство главного входа, с рациональным использованием свойств местности, создавало значительные неудобства наступающему противнику, вынуждая его продвигаться вдоль крепостной стены открытым для поражения правым боком. К тому же оборонявшиеся всегда могли сделать вылазку в тыл штурмующих через потерну (рис. 197).

Располагающаяся в центральной части северной линии обороны трапецевидная башня (рис.197; 202) при реконструкции была усилена с внешней стороны дополнительными кладками, что увеличило толщину её стен более чем вдвое (юго-западная осталась прежней и составляла 1,60 м, ширина юго-восточной увеличилась до 1,91 м, северо-восточной – 1,75 – 2,04, северо-западной – 1,85 м). Новые габариты строения, получившего в основании очертания квадрата за счёт пристройки дополнительного пояса по внешнему периметру, теперь составляли: ширина – 6,83 м, вынос во фронт –

5,85 – 6,0 м. Западный отрезок куртины (16,60 м) усиливается с внешней стороны тремя контрфорсами. Эта перестройка привела к изменению параметров толщины. Если ранее она не превышала 1,60 м (сохранилась только у места примыкания к башне), то теперь, равномерно увеличиваясь, у излома стены достигала 2,0 м. На месте стыка стен сооружается башня в виде прямоугольной трапеции (рис.202), выступающей в напольную сторону на 2,76 м. Внешний и боковые фасады сходятся под разными углами – 113° (северо-восточный) и 96° (юго-восточный). Внутреннее пространство сооружения заполнено сплошной забутовкой на известковом растворе. Наибольшая ширина основания составляет 5,53 м, а за линией стены – 4,67 – 4,28 м. Возведение новой башни бастионного типа позволяло вести обстрел большого сектора предпольного пространства (рис.197;203,3).

Первоначально ворота были безбашенными и представляли собой простой арочный проход в стене. Подобное устройство входа довольно характерно для многих средневековых укреплений Крыма, а также за его пределами (*Дероко*, 1950, с. 94, 107, 142; *Киртичников*, 1984, с. 204). Вход имел ширину 1,93 м при толщине стены на этом участке 1,80 м. Угол падения скальной поверхности у ворот составляет около 15° и образует перепад высот с внутренней и напольной сторон крепостной стены до 0,50 м. От арки, перекрывавшей вход, сохранились отдельные пяточные камни из обработанных блоков известкового туфа вторичного использования. Реконструируемая высота входа составляет снаружи 3,20 м, изнутри – 2,90 м. Первоначальные воротные конструкции не сохранились. Очевидно, полотнища ворот были деревянными и открывались наружу.

Сооружение полукруглой въездной башни стало важным строительным мероприятием по усилению крепостных ворот (рис.197; 200-201; 205-206). С устройством входа с севера, существующая здесь ранее ось движения, изменила направление, создав дополнительное удобство для их обороны. Само же сооружение, помимо сплошного околостенного фланкирующего и веерного прострела, обеспечивало крепостным воротам также сильное

фланговое прикрытие подступов к ним. Башня пристроена к стене без перевязки. За пределы крепостной стены новое строение выступает на 3,60 м, при ширине 6,40 м. Размер внутреннего пространства 3,07 x 2,30 м. Толщина стены сохранившегося нижнего яруса колеблется в пределах 1,50 – 1,80 м. Во входной северной части она составляет 1,60 м. Проём входа в плане трапециевидный шириной 1,60 - 1,73 м (сужается во внутрь). Его высота 2,50 м. Проход перекрывался цилиндрической аркой из рваного плоского бута на известковом растворе. Лицевые поверхности арки набраны из тщательно отёсанных блоков известкового туфа, в основном вторичного использования. На одном из них сохранились фрагменты фресковой росписи неизвестной церковной постройки.

Первоначальная высота башни неизвестна. Судя по незначительной толщине стен в нижней части, она была двухъярусной открытого типа с боевой площадкой, защищённой парапетом и зубцами (рис.200; 201). Реконструируемая высота составляет около 10 м, что в целом характерно для провинциально-византийской школы оборонного зодчества средневековой Таврики этого периода (*Мыц*, 1987, с. 8). Воротные конструкции были наружные, двукрылые. В камнях порога, примыкающих снаружи к башне, сохранились гнёзда-подпятники для осей деревянных воротных полотен. Расстояние между ними 1,95 м.

Для дополнительной защиты ворот от обстрела камнемётными машинами или огнестрельной артиллерией вход с востока прикрывается стеной длиной 1,25 м и толщиной 0,72 – 0,85 м, пристроенной к башне в 0,32 м от проёма. Её первоначальная высота была около 3,0 м. Устройство этой защитной стены завершило формирование комплекса главных ворот замка, обеспечив им эффективную обороноспособность в системе укрепления (рис.197;203,2).

При раскопках надвратной башни в 1980 г. у входа, с внешней стороны, в слое завала были найдены три нестыкующихся между собой фрагмента перелицованного надгробия, на одном из которых изображен Св. Георгий Победоносец (*Кирилко, Мыц*, 1991, с.157, рис.5) (рис.199). Изображение

располагается в нижнем правом углу, где, вероятно, находилась и надпись. Рисунок выполнен несколько схематично (процарапан острым предметом по тщательно выровненной поверхности), но в целом выразительно передаёт один из наиболее распространенных и почитаемых подвигов чудесного заступничества Св. Георгия – избавление от дракона. Лицевая поверхность плиты имеет следы воздействия сильного огня, в результате чего образовался прокол камня. Это даёт основание считать, что первоначально она была установлена над входом в укрепление (рис.201,2), воротные конструкции которого могли являться мощным источником горения. находка данной плиты с рисунком позволяет высказать предположение, что надвратная башня Фуны носила имя Св. Георгия. Косвенно это подтверждает сообщение Д.М.Струкова, что в апсиде церкви, выстроенной впоследствии с использованием конструкции башни, ещё в 70-х гг. XIX в. сохранялось изображение Георгия Победоносца (*Струков, 1876, с. 12*)²⁵⁹.

Таким образом, не ранее второй половины 20-х – начала 30-х гг. XV в. (примерно между 1425 и 1434 гг. и до первого разрушительного пожара) в организации оборонительной системы замка у селения Фуна произошли изменения, способствовавшие его значительному усилению. В это время сооружается две башни: одна над входом в укрепление, а вторая на стыке северной и восточной линии стен (рис.197). В таком виде плановая структура укрепления существует на протяжении более 30 лет до следующей перестройки, произведённой в 1459 г.

Укрепление Каламита (Καλαμίτους) расположено у устья реки Черной (на правом восточном берегу), в месте её впадения в Северную бухту. Занимает юго-западную часть т.н. Монастырской скалы, ограниченной с северо-запада, запада и юга обрывами высотой от 40 до 60 м. С напольной стороны – севера

²⁵⁹ Исследователи средневекового Крыма неоднократно обращали внимание на популярность Св.Георгия среди православного населения полуострова. В ходе археологических раскопок И.А.Баранова в 1986 г. в культурном заполнении башни построенной во время правления Лукини ди Франки ди Лаванья (башня №9 крепости Солдайи) в 1409г., обнаружена каменная икона с вырезанным на ней изображением Св.Георгия (*Виноградов, Джанов, 2003, с.422, №4*). Хотя фунский и солдайский памятники близки по времени создания, но различны по иконографии (рис.427).

и востока – доступ на плато возвышенности преграждают оборонительные стены, усиленные башнями (рис.207). Памятник представляет собой сложный многослойный архитектурно-археологический комплекс, существовавший, судя по выявленным при его исследовании материалам, с некоторыми перерывами на протяжении VI – XVIII вв. и перестраивавшийся не менее семи раз (*Бертье-Делагард*, 1886, с. 179 – 206; 1918, с. 2 – 10; *Бабенчиков*, 1937, с. 1 – 4; *Веймарн*, 1958, с. 55 – 62; *Якобсон*, 1964, с. 11, 17, 25; *Филиппенко*, 1996, с. 143 – 151; *Мыц*, 1991а, с. 136 – 137; *Кирилко*, 2005а, с.211-214). Первоначально (во второй половине VI – первой половине VII в.) – это византийское укрепление, защищавшее проход на Гераклеийский полуостров. Во второй половине VII в. византийский гарнизон вынужден покинуть крепость, которая со временем была почти полностью разрушена. Возведение на месте старых византийских новых оборонительных сооружений в начале 20-х гг. XV в. проводится владельцем Феодоро Алексеем I. Косвенным подтверждением этого может служить находка 1926 г. (обломок был вторично использован в качестве строительного материала в постройке турецкого времени) фрагмента плиты (0,40 x 0,30 x 0,16 м) с изображением монограммы Алексея I (*Малицкий*, 1933, с. 32, рис. 9).

Размеры защищённой стенами территории составляют 215 x 110 м (площадь городища примерно 1,30 га). Протяжённость крепостных стен достигает 240 м. Система обороны состояла из шести башен, куртин и рва (рис.125), образовавшегося при выборке камня для строительства укрепления в VI в. (его глубина на восточном участке достигает 3,70 м при ширине 9,0 м). Первоначальные фортификационные сооружения 20-х гг. XV в. состояли из воротной башни открытого типа (её размеры составляют 10,90 x 6,0 м) (рис.207,1; 208) и двух оборонительных стен, сходящихся под тупым углом (толщина стен башни и куртин – 1,10 – 1,20 м). Впоследствии воротная башня неоднократно перестраивалась и поэтому трудно установить параметры проёма первоначальных ворот 20-х гг. XV в. (в настоящее время их ширина составляет 5,30 м). В хронологическом промежутке между 1424 –

1434 гг. стены были усилены пятью однотипными башнями небольших размеров. Их ширина 5,40 – 6,50 м; выступают за линию куртин по фланкам на 3,50 – 3,85 м. Хорошо сохранились четыре сооружения этого периода. Пятая, вероятно, находилась на месте стены, соединяющей башню № 6 с крепостью, и была разобрана при возведении последней в XVII – XVIII (?) вв. Кроме того, на отрезке куртины, расположенной к юго-востоку от башни № 2 (рис.207,1,2; 210;211), к оборонительной стене пристраивается подпирающая её с внутренней стороны кладка длиной 25 м и толщиной 0,90 м, а с внешней – шириной 1,20 м, позволяющие удержать куртину от опрокидывания. Но данных строительных мероприятий оказалось явно недостаточно для превращения Каламиты в хорошо защищенную крепость, потому что тонкие (в среднем 1,07 м) и высокие (до 8,84 м) (*Бертье-Делагард*, 1886, с. 180) стены явно не могли противостоять огнестрельной артиллерии, находившейся на вооружении генуэзцев. Это полностью подтвердили и события 10 июня 1434 г., когда жители Каламиты, не дожидаясь штурма, тайно покинули город. В данном случае, как и на Фуне, видно, что возведение фортификационных сооружений Каламиты велось в спешке, при «явном недостатке средств и опыта» (*Якобсон*, 1964, с. 121).

4.4.2. Город Феодоро в 20-е гг. XV в.: оборонительное, культовое и дворцовое строительство

В 20-е гг. XV в. Алексеем I наиболее значительные строительные работы проводятся на территории столицы – в городе Феодоро (рис.220). Многолетними археологическими исследованиями здесь выявлены руины архитектурных памятников, возведение которых на сегодняшний день, с наибольшей вероятностью, можно связывать с его именем. Прежде всего, следует отметить цитадель с октагональным храмом²⁶⁰ и дворцовое здание, расположенное рядом с Большой базиликой у центральной площади города. Раскопки дворца начаты Р.Х.Лепером в 1912 г. Им было опубликовано

²⁶⁰Определение ранней цитадели Феодоро и октагональной церкви как построек времени правления Алексея I и обоснование даты их возведения 1426-1427 гг. даётся в статье «Октагональный храм Мангула», подготовленной и опубликованной мной совместно с В.П.Кирилко (*Кирилко, Мыц*, 2001, с.354-375, рис.1-8).

несколько лаконичных отчётов, дающих только самые общие представления о проведённых работах (*Лепер*, 1913, с. 78 – 79, 149 – 154; *Бертье-Делагард*, 1918, с. 29 – 30). Наиболее важными являлись эпиграфические памятники. Благодаря одному из них открытое здание идентифицировано, как дворец владетеля Феодоро и Поморья Алексея (*Малицкий*, 1933, с. 33 – 35, рис. 10) (рис.222; 228-230). Отсюда же происходит богатая коллекция артефактов, с комплексом сосудов, украшенных монограммами. Впоследствии внимание специалистов было сосредоточено в основном на интерпретации эпиграфических находок и архитектонике сооружения, в то время как сам археологический материал оставался более 70 лет невостребованным и издан только частично (*Фонды Эрмитажа*, № 1808/70 – 82, 84 – 91, 95 – 97; *Мыц*, 1991а, с. 102, рис. 42,1-7; 43 – 45; 2005, с.294-295, рис.2,5,6; 5,1-3; 6,1-4; 9). В самом начале раскопок 1912 г., в слое каменного завала башни, были найдены два стыкующихся обломка плиты с надписью, датированной 1425 г. (*Лепер*, 1913, с.78 – 79, рис. 7). находка представляла собой часть архитравной плиты, перекрывавшей входной проём в донжон. Она позволяет реконструировать его ширину в свету – 1,02 м (рис.222; 228-230). По своему композиционному решению данное изделие оказалось весьма близким ктиторской надписи Алексея 1427 г.: на ней сохранилась половина геральдического щита с монограммой и эмблема с двуглавым орлом, увенчанным коронами. Их визуальное сходство позволило Р.Х.Леперу восстановить содержание надписи: «...построен дом вместе с дворцом и с благословенной крепостью, которая видна ныне, во дни Алексея владыки города Феодоро и Поморья в месяце октябре 6934 года» (*Лепер*, 1913, с. 78 – 79, рис. 13). Перевод надписи вызвал уже тогда возражения со стороны А.Л.Бертье-Делагарда, считавшего, что в надписи вместо οἶκος (дом), стояло πύργος (башня), а читаемое Лепером как οὐν τῷ εὐλογημένῳ κάστρῳ (с благословенной крепостью) следует понимать εὐ τῷ εὐλογημένῳ κάστρῳ (в благословенной крепости) (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 31). С данными замечаниями и поправками согласился Н.В.Малицкий (*Малицкий*, 1933, с. 33

– 35). В таком случае предположительно реконструируемый текст надписи 1425 г. должен звучать следующим образом: «Построена эта башня с дворцом в благословенной крепости, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и Поморья, в месяце октябре 6934 года». Обратиться вновь к изучению здания дворца удалось в 1938 г. (*Якобсон*, 1953, с. 391 – 418), но и эти раскопки были надолго прерваны. Тридцать лет спустя, в 1968 г. Е.Г.Суровым здесь проведены разведочные раскопки, позволившие, по мнению исследователя, в значительной степени по-новому представить его архитектурно-планировочное решение (*Суров*, 1972, с. 96 – 99). В 1974 г. к изучению памятника приступил В.Е.Веймарн, но эти работы, были прерваны и долгое время оставались незавершёнными. Результаты первоначальных исследований дворца позволили учёным составить (в значительной степени гипотетичное) представление о его архитектонике (рис.222, 1, 2). По мнению Е.Г.Сулова, это было монументальное двухэтажное прямоугольное в плане здание, ориентированное строго по сторонам света. Реконструируемые размеры составляют 40 x 35 м. С севера (вперевязь со стеной основного объёма) располагалась трёхэтажная башня-донжон (её внутренние размеры: 4,30 x 4,30 м, при толщине стен 1,10 м) (рис.222,2). В отличие от А.Л.Якобсона, предлагавшего план дворца в форме асимметричного здания (*Якобсон*, 1953, с. 418) (рис.222,1), Е.Г.Суров считал возможным видеть в нём строго симметричное строение, обращённое главным фасадом к югу. По бокам располагались два двухэтажных помещения (их размеры составляют примерно 10 x 12 м), нижние этажи которых были глухие и использовались, по-видимому, в хозяйственных целях. Проход на второй (парадный и жилой) этаж осуществлялся по двум широким каменным лестницам (*Якобсон*, 1964, с. 126; *Суров*, 1972, рис. 34) (рис.222,1,2). Два этих помещения разделяла объёмная галерея (её размеры в плане составляют 15 x 10 м), через которую можно было попасть во внутрь дворцового комплекса, и поэтому она должна была представлять по своему архитектурно-декоративному оформлению парадный вход в здание.

Основной объём нижнего этажа занимал зал площадью около 825 кв. м (25 х 33 м), расчленённый четырьмя рядами восьмигранных колонн (*Якобсон*, 1953, с. 406, рис. 1; *Суров*, 1972, с. 99, рис. 34) на три примерно равные части. Насколько можно судить по обнаруженным здесь находкам, этот зал использовался для хранения запасов продовольствия. Например, во время раскопок 1974 г., в северном секторе зального помещения, обнаружены обугленные зёрна пшеницы, проса и бобовых культур (*Веймарн, Иванов*, 1975, с. 263 – 264). Начатые в 2006 г.²⁶¹, Мангупской экспедицией (под руководством А.Г.Герцена) и не прекращавшиеся на протяжении 12 сезонов, раскопки дворца, позволили получить наиболее объективные представления о планиграфии здания и археологическом наполнении этого сложного памятника XV в. (рис.222,3) (*Герцен, Науменко*, 2010а, с.387-419; *Науменко, Душенко*, 2017, с.187-238; 2019, с.159-161; *Герцен, Науменко, Душенко, Иожица*, 2019, с.60-70, рис.1). Дворец владетеля Феодоро Алексея I представлял собой сложный многофункциональный комплекс, что нашло своё отражение в его архитектурно-планировочном решении и представлял собой укреплённую резиденцию светского феодала (*Герцен*, 1990, с. 142). Исследователи по-разному подходили к проблеме строительной периодизации комплекса дворца. А.Л.Якобсон в его истории выделял два периода. Он полагал, что первоначальное здание возведено в XIV в. из тщательно отёсанных блоков, но было разрушено либо в конце этого же столетия, либо в начале XV в. Второй этап имеет довольно чёткие хронологические пределы. После восстановления князем Алексеем в 1425 г. дворец существует до 1475 г., когда погибает в тотальном пожаре при взятии города турками (*Якобсон*, 1953, с. 417). В более поздних работах исследователь пишет о дворце, как единовременно возникшем комплексе, существовавшем на протяжении 1425 – 1475 гг. (*Якобсон*, 1964, с. 126; 1973, с. 131 – 132). Подобной датировки придерживались и другие авторы (*Суров*, 1972, с. 96 –

²⁶¹Судя по опубликованной информации раскопки дворца велись на протяжении 2006-2018 гг. (*Герцен, Науменко, Душенко, Иожица*, 2019).

99). Цитадель города Феодоро занимает восточный мыс г. Баба-Даг, называемый Тешкли-Бурун (рис.221,2;223). До настоящего времени здесь относительно хорошо сохранились оборонительные сооружения, возведённые на рубеже 50 – 60-х гг. XV в. одним из преемников Алексея I (Старшего) – Олобо или Кейхиби (об этом более подробно будет сказано ниже). Крепостная стена длиной 105 м перегораживает мыс, отделяя его от остальной части плато. В 30 м от южного обрыва стоит прямоугольная башня-донжон. Несмотря на относительно хорошую сохранность этого памятника до настоящего времени и многочисленные упоминания о нём в литературе по истории средневекового Крыма, вопрос о дате возведения донжона и цитадели Феодоро остаётся дискуссионным. Раскопки здесь проводились Р.Х.Лепером в 1913 и 1914 гг. (*Лепер*, 1914, с. 299), но они были практически не документированы (отсутствуют описи материалов и фиксация стратиграфии). Исследователь, отметив в башне цитадели наличие только позднесредневековых находок, пришёл к выводу, что крепость на мысе Тешкли-Бурун была сооружена турками после захвата Мангупа (*Лепер*, 1914, с. 299). Подобной точки зрения придерживался и А.Л.Бертъе-Делагард. Своё мнение он основывал на двух, неоспоримых на его взгляд, моментах. Во-первых, фортификационные сооружения цитадели строились из расчёта использования защищающимися и нападающими огнестрельного оружия. Во-вторых, в кладке стен донжона (и в особенности при оформлении дверных проёмов и наличников окон) использованы христианские надгробия (*Бертъе-Делагард*, 1918, с.19–28). После выхода работы А.Л.Бертъе-Делагарда это мнение надолго утвердилось в научной литературе (*Репников*, 1932, с. 206 – 208; *Талис*, 1974, с. 94). А.Л.Якобсон полагал, что крепость на Тешкли-Буруне построена до 1475 г. и только уже позднее (в XVI в.) была превращена турками в цитадель-замок. «Тыльную сторону этого здания турки украсили богатым резным оконным наличником, ... взятым, вероятно, из более ранней постройки (ещё XV в.)» (*Якобсон*, 1964, с. 126). А.Г.Герценом высказано мнение, что начало возведения цитадели относится

к 60-м гг. XIV в., т. е. ко времени строительной деятельности князя Хуитани, одновременно со стенами второй линии обороны города (*Герцен*, 1990, с. 145 – 146). Данное предположение, на мой взгляд, не достаточно аргументированно по ряду причин. Во-первых, цитадель Мангупа с самого начала возводилась как замок правителя города, где донжон сочетает в себе черты боевой башни и дворцового здания. Все известные в настоящее время постройки владетелей Феодоро (дворец 1425 г. и донжон замка Фуна 1459 г.) сопровождаются надписями с монограммами представителей правящего рода, а надпись 1361 – 1362 гг. лишена их. Во-вторых, донжон замка Фуна представляет собой почти полную копию донжона на мысе Тешкли-Бурун. Сходны не только общие размеры и планировка, но и многие детали (техника кладки, толщина стен, габариты входов, окон-бойниц, архитектурное оформление с использованием надгробий и т. д.) (*Мыц*, 1988, с. 102; 1991в, с. 183; 2009, с.358-394, рис.245-260). Вся совокупность сходных черт двух памятников вряд ли случайна и, скорее всего, может указывать на хронологическую близость их возведения. Дата фунского донжона определяется точно строительной надписью 1459 г. Наиболее вероятной датой первоначального строительства феодоритского укрепления на Тешкли-Буруне, предположительно, можно считать начало 20-х гг. XV в., а не 1361/62 гг., как это предлагает А.Г.Герцен. Некоторую ясность в решении этого, до настоящего времени спорного вопроса, могут внести материалы изучения небольшой восьмигранной церкви (октагона), расположенной на территории цитадели (в 50 м к северо-востоку от входа) (рис.224-226). Основой плановой композиции мангупского октагона является немного вытянутый по продольной оси восьмигранник размером 8,0 x 8,50 м (рис. 224). Магнитный азимут – 82°. Вход в храм располагался в западной стене. Ширина дверного проёма в свету 0,70 м, со стороны наоса она составляла около 1,20 м. Внутреннее пространство церкви имеет вид равноконечного креста с полукруглой восточной ветвью. Его длина 6,60 м, ширина 6,20 м. Толщина стен 0,90 м. Сторона подкупольного квадрата равна 3,70 м. Размеры

апсиды: ширина 2,60 м, глубина 1,25 м. Стены храма поставлены непосредственно на скальную поверхность в специально вырубленные постели глубиной около 0,05 м. Конструкция стен двухлицевая. Их внешние участки сложены из крупных, чисто отёсанных блоков известняка, внутреннее пространство кладки заполнено разномерным бутом на прочном известковом растворе. Пригонка камней тщательная. От завершения церкви ничего не сохранилось. В отчётах исследователей отсутствует также какая-либо информация и о её декоративном убранстве. Попытки определить дату возведения и назначение октагона предпринимались неоднократно с момента его открытия в 1890 г. Ф.А.Брауном, который счёл возможным отнести церковь к дотатарскому времени, отмечая тождество её кладки с древнейшими частями крепостных стен и дворца. Предполагая первоначально в данном сооружении дворцовую часовню мангупских князей, по завершению работ он стал колебаться, объясняя своё сомнение тем, что «не нашёл здесь ни малейших следов живописи или мозаики, не нашёл также и обломков мрамора» (*Браун*, 1890, с. 23). По внешней форме церковь напоминала ему баптистерий, но отсутствие ещё одного, главного, храма по соседству, не позволило Ф.А.Брауну принять безоговорочно и эту версию. Во время раскопок октагона на Мангупе побывал А.Л.Бертье-Делагард. Позднее, в одном из своих трудов он посвятил памятнику несколько строк, сопроводив их схематичным планом строения (рис.226,1). Им обращено внимание на уникальность обнаруженной церкви. Некоторые характерные черты её архитектуры он сравнивал с традициями армянского зодчества. От датировки и атрибуции здания А.Л.Бертье-Делагард воздержался (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 44, рис. 10). В то же время Н.П.Никольский, высказал предположение, что данная церковь была возведена греками во второй половине VI в. и входила в дворцовый комплекс (имеется ввиду цитадель с донжоном) – резиденцию епископа, которая была разрушена турками в 1475 г. (*Никольский*, 1893, с. 71, 79, рис. 7, а, б, в). В 1913 г. Р.Х.Лепер предпринял попытку доследовать октагон, несколько

неуверенно высказав при этом предположение о возможной его идентификации как храма Св. Константина и Елены, отметив, что «ничего важного эта раскопка не дала» (*Лепер*, 1914, с. 299). К рассматриваемой теме исследователи смогли вернуться только в связи с развернувшимся в 1938 г. комплексным археологическим изучением других памятников Мангупа. А.Л.Якобсон, исходя из восьмигранной формы плана и характера кладки октагона, высказал предположение о синхронности этого храма с главной базиликой города, датируемой им VI в., полагая, что данное строение могло быть крещальной (*Якобсон*, 1940, с. 220; 1959, с. 196 – 197). Его точку зрения поддержала М.А.Тиханова (*Тиханова*, 1953а, с. 326). Е.В.Веймарн также видел в октагональном сооружении баптистерий (*Веймарн*, 1953, рис. 2,16), но относил его основание к VIII – IX вв. (*Веймарн*, 1975, с. 460). Ю.С. Асеев первоначально время возведения храма определял в пределах VIII – IX вв. (*Асеев, Лебедев*, 1961, с. 16), но позднее предложил новый вариант датировки: VI – начало VII в., интерпретировав саму постройку как замковую капеллу (*Асеев*, 1966, с. 509, рис. 7,16). Этой же трактовки назначения церкви придерживались О.И.Домбровский и О.А.Махнева, называя октагон княжеской капеллой, построенной в VIII в. (*Домбровский, Махнева*, 1973, с. 51). В своё время мною было высказано мнение о возможности датировать октагон XII – XIII вв. и связать его появление с деятельностью первых князей Мангупа из рода Гаврасов, армянское происхождение которых могло обусловить необычную для Крыма архитектуру храма (*Мыц*, 1984, с. 58; 1990, с. 224). На данном этапе исследований, эту точку зрения следует признать ошибочной, поскольку пребывание семейства Гаврасов в Готии в качестве правителей Феодоро, до сих пор не доказано, по крайней мере не находит подтверждения ни в одном из числа известных письменных источников (*Степаненко*, 1990, с. 87 – 94).

Свидетельством неослабевающего интереса к памятнику стала ещё одна версия, высказанная А.Г.Герценом (*Герцен*, 1990, с. 144). Приняв в качестве точки отсчёта VIII в., он предположил более позднюю дату октагона.

Появление же столь уникального для церковной архитектуры Таврики сооружения исследователь объяснял распространением в XIV – XV вв. мавзолеев татарской знати, имевших в плане форму восьмигранника. По его мнению, типовой проект такого строения по заказу правителя Мангупа мог быть приспособлен под христианский храм. Но в Крыму известна только одна октагональная гробница этого времени – дюрбе Джанике-Ханым (1437 г.?) на Чуфут-Кале (*Артёмов*, 1985, с. 322) (рис.495; 496), возведение которого, А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев относят к началу XVI в. (*Герцен, Могаричев*, 1993, с. 64 – 65).

А.Л.Якобсон, вероятно, предвидя подобные предположения, отрицал возможность усматривать в октагоне мусульманское дюрбе, аналогичное мемориальным строениям Бахчисарая XIV – XVI вв. (*Якобсон*, 1959, с. 196-197). Впоследствии, обратившись к изучению генезиса мусульманских мавзолеев, учёный пришёл к выводу, что они являются прямым воспроизведением армянских архитектурных форм (*Якобсон*, 1987, с. 208). Поэтому истоки объёмноплановой структуры мангупского октагона следует искать в армянском средневековом зодчестве, для которого восьмигранник изначально был основным формообразующим архитектурно-декоративным элементом.

То, что армянские мастера вносили весомый вклад в развитие и становление архитектуры Таврики, хорошо известно. Наиболее многочисленной армянская диаспора была в восточной части полуострова. Здесь же, в крупнейших городах региона – Каффе, Солхате, Солдае и их окрестностях сохранились основные памятники армянской строительной культуры (*Якобсон*, 1956, с. 166 – 191; *Халпахчян*, 1990, с. 234 – 248; *Якобсон, Таманян*, 1990, с. 6 – 60).

Самобытность армянскому зодчеству Таврики придавала специфически крымская трактовка традиционных архитектурных форм и композиций, степень которой настолько велика, что в отдельных случаях установить этническую принадлежность сооружений удаётся лишь после проведения

углублённых исследований. В этом отношении весьма показательна архитектура Юго-Западного Крыма, где армянские общины не были так многочисленны, как в восточной части полуострова, но их присутствие отмечено почти на всей территории региона (*Латышев*, 1896, с. 63; *Соколова*, 1959, с. 74; *Микаэлян*, 1971, с. 108; *Богданова*, 1991, с. 111 – 112).

Вне всякого сомнения, важное место армянская культура занимала в жизни одного из государственных образований Таврики – Готии и её столицы - Феодоро. На самом Мангупе, ещё в начале XVI в., наряду с шестью греческими и одним караимским кварталами, существовала также армянская махала. В ней насчитывалось 8 дворов. Это составляло около 5% общего числа семей, обитавших в то время в городе (*Veinstein*, 1980, p. 230, 235, 246, Tabl. VI). Однако данный вопрос специально никем не изучался. Поэтому до настоящего времени свидетельством участия армянских мастеров в строительстве Феодоро являлось предположение отдельных исследователей об армянском происхождении орнаментов резных наличников донжона цитадели и Большой базилики (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 27, 42).

В этой связи определённый интерес представляет случайно обнаруженная в верховье балки Гаммам-Дере неидентифицированная архитектурная деталь с резным изображением двух процветших крестов, которые размещались один над другим в нишах с арочным трёхлопастным завершением (*Веймарн, Лобода, Пиоро, Чорев*, 1974, с. 134, рис. 6). Рельеф имеет традиционную для хачкаров композицию проросшего креста с пальметочным основанием и может рассматриваться как один из армянских компонентов в строительной-декоративной культуре средневекового Мангупа.

Особый интерес представляют градостроительные аспекты мангупской ротонды (рис.223;224). А.Г.Герцен, предпринимая попытку датировать октагон, обратил внимание на такие важные особенности памятника как «планировочная привязанность к цитадели, возникшей в период княжества Феодоро, архитектурная целостность и сохранность» (*Герцен*, 1990, с. 144).

Остаётся только сожалеть, что это наблюдение не получило в его работе дальнейшего развития, ибо основные архитектурные сооружения Тешклибурунского замка действительно образуют цельный и гармонично сложенный, явно единовременный комплекс (рис.221;223). Так как для установления точной даты храма результаты археологических раскопок оказались недостаточными²⁶², первостепенное значение приобретает именно композиционная связь с фортификационными строениями ансамбля. Несмотря на то, что самая высокая точка мыса (и к тому же наиболее оптимальная в градостроительном плане площадка под культовое здание) находится всего в 20 м к юго-востоку от октогона, тем не менее, определяющим фактором при выборе места для последнего стала не она, но расположение главного входа в цитадель. Церковь возведена на оси крепостных ворот замка, замыкая её и акцентируя направление движения вглубь территории.

В плановой схеме цитадели чётко прослеживается композиционное ядро в виде равнобедренного треугольника (рис.223), основой которого является оборонительная стена, а вершина отмечена октогональным храмом. Приблизительно в этой же точке находится и физический центр крепостного полигона замка. Архитектоника церковного здания и его местоположение взаимообусловлены. При наличии кругового обзора лишь равнозначные фасады могли придать строению качества, необходимые для эффективной организации внутреннего пространства цитадели. Стройное же очертание силуэта здания и монументальность композиции, а при кажущейся миниатюрности реконструируемая высота сооружения составляла 15 м (=47 византийских футов), превращали октагон в одну из основных доминант

²⁶²В популярной брошюре «Мангуп – город в Крымском поднебесье» А.Г.Герцен, ссылаясь на результаты своих исследований в цитадели города, время возведения октагона относит к периоду правления князя Алексея (Герцен, 2001, с. 36). Впоследствии результаты раскопок на участке октагона получили отражение в обстоятельных публикациях А.Г.Герцена и В.Е.Науменко (*Герцен, Науменко*, 2009,с.423-466; 2010, с.227-253). Появление первой публикации вызвали написание и выход статьи В.П.Кирилко (*Кирилко*, 2010,с.103-120). Как мне кажется, в запале дискуссии, В.П.Кирилко допустил не корректный выпад в адрес возможностей археологического изучения (пусть даже раскопанного) памятника, когда сделал заключение в аннотации, что «материалы археологических раскопок объекта имеют вспомогательный характер» (*Кирилко*,2010,с.103).

замка, по объёмам и значимости сопоставимой только с главной башней цитадели. Как отмечалось, А.Г.Герцен, обобщивший в монографическом исследовании по фортификации Мангупа все известные ему материалы о памятнике, возведение цитадели относит к 60-м гг. XIV в., связывая указанную дату с надписью 1361/62 гг. (*Герцен, 1990, с. 145 – 146*)²⁶³. При этом, он ссылается также на свидетельства М.Броневского (1578 г.) и Э.Челеби (1666 г.), видевшие над воротами верхнего замка надпись, «напоминавшую по внешнему виду надписи на плитах времени правления Алексея (30 – 40-е гг. XV в.)» (*Герцен, 1990, с. 146*). Между прочим, о существовании рельефного изображения двуглавого орла в арке ворот цитадели сообщает и И.С.Андриевский (*Андриевский, 1839, с. 541 – 542*), что А.Г.Герцен, несмотря на положительный в целом отзыв о работе исследователя, подверг ничем необоснованному сомнению (*Герцен, 1990, с. 92*).

Построенная турмархом Хуитани в 1361/62 гг. башня, о которой идёт речь в надписи (*Малицкий, 1933, с. 9 – 10*), никак не могла быть донжоном цитадели, хотя бы потому, что, даже исходя из местных реалий, жилище феодала предполагает использование других соответствующих статусу выразительных средств социальной идентификации. В этом отношении достаточно показательны богато орнаментированные и украшенные эмблемами плиты аналогичного донжона замка Фуна (1459 г.) (*Мыц, 1988, с. 104 – 105*) и мангупского дворца Алексея I (1425 г.) (*Ленер, 1913, с. 78 – 79*). Скромный вид надписи 1361/62 гг., вполне соответствовавший для восстанавливаемых в 60 – 80-х гг. XIV в. башен и куртин первой линии обороны города, диссонирует и с изысканной резьбой наличников северо-восточного фасада строения.

²⁶³В настоящее время А.Г.Герцен второй период существования цитадели, когда предпринимается её реконструкция, относит ко времени правления Алексея I. По его мнению, надпись 1427 г. была установлена над проёмом ворот (*Герцен, 2001, с. 38*). Но над проёмом ворот нет (и никто не отмечал) наличия места для закладной плиты. Вероятнее всего строительная надпись могла находиться в тимпане ворот, который разрушен.

При отсутствии других источников важным критерием для определения даты возведения цитадели Мангупа является почти полное тождество архитектоники тешклибурунского и фунского донжонов, которое, по меньшей мере, свидетельствует об их относительной единовременности (*Кирилко, Мыц, 1991, с. 160 – 164*). К тому же, помещение над воротами рельефного изображения двуглавого орла и плит с надписями, подобных установленным Алексеем на своих строениях, вряд ли было возможным ранее первой четверти XV в. (*Степаненко, 1997а, с. 76 – 77*). В этой связи небезынтересным представляется мнение Ф.К.Бруна о том, что «замок, построенный Алексеем в Феодори в 1427 г., был тот самый, который полтора года спустя очевидец Брониовий застал ещё в Мангупе» (*Брун, 1880, с. 235*). Чем Брун руководствовался, высказывая данное предположение, неизвестно. Указанная им дата зафиксирована лишь одним известным на сегодняшний день источником – плитой с надписью, сообщающей о возведении храма, точное местонахождение которого до сих пор не установлено. Запутанная история с происхождением (Мангуп или Инкерман) самой эпиграфической находки на долгие годы стала поводом для бесконечных споров (*Латышев, 1896, с. 50 – 53; Бертъе-Делагард, 1918, с. 2 – 10; Малицкий, 1933, с. 27 – 28*).

В переводе В.В.Латышева надпись звучит следующим образом: «Построен храм сей с благословенною крепостью, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и Поморья и ктитора святых, славных, боговенчаных, великих царей равноапостольных Константина и Елены в месяце Октябре²⁶⁴, индикта шестого, лета 6936» (*Латышев, 1896, с. 26 – 27*). По-видимому, под благословенною крепостью могли подразумеваться ранние (начала 20-х гг. XV в.) фортификационные сооружения, также состоявшие из двух куртин, воротного проезда и башни, строительство которых было отмечено собственной закладной плитой.

²⁶⁴Свв. равноапостольные Константин и Елена почитаются греко-православной церковью 21 мая. По-видимому, в это время (21 мая) 1426/27 гг. было освещено место и закладка октагонального храма в цитадели Мангупа, а его завершение – в октябре 1427 г.

Тем не менее, в надписи 1427 г. речь вполне могла идти именно об октагоне. Занимаемое им место внутри Тешклибурунского замка, хорошо продуманное и выверенное, действительно, без особого труда одновременно позволяло окинуть взором и фортификационные сооружения цитадели, под защитой которых церковь находилась, и наиболее приступную закрытую стенами северную линию обороны города.

Ценные сведения можно почерпнуть из анализа самой плиты. К сожалению, подобно многим эпиграфическим памятникам она не избежала участи однобокого подхода к изучению, возникающего обычно в тех случаях, когда исследователи, увлекаясь чтением текста, забывают о том, что находки такого рода являются не только носителями письменной информации. В своё время они нередко служили также для определённых утилитарных целей.

Плита с надписью, датированной 1427 г., была архитравной, перекрывала наружную часть проёма (рис.231-233). Её размеры: 44,0 x 133,0 x 19,5 (17,0) см. Высота рельефа 0,4 см. Материал – нуммулитовый известняк. Имеет две лицевые поверхности – переднюю и нижнюю. Обе они ещё при первичной обработке (до нанесения надписи) были тщательно выровнены и заглажены. Угол между ними составляет 86 – 91°. Видимо, в связи с этим во время установки заготовки на место нижняя грань вдоль внешнего края получила дополнительную подчистку зубаткой на ширину около 5 см, вследствие чего значение угла увеличилось до 93 – 95°.

Пригонка архитравной плиты, предположительно, велась уже с подмостей, чем и могла быть вызвана некоторая, явно вынужденная, небрежность, допущенная при корректировке ложка. В нижней части плиты с тыльной стороны на расстоянии 14 см от переднего ребра выбран прямоугольный в сечении паз длиной 102 см. Его глубина 7 – 7,5 см. Именно наличие этой выемки даёт основание трактовать плиту как перемычку. В горизонтальной плоскости торцы паза слегка развёрнуты наружу (один из углов равен 107°, значение второго фиксации не поддаётся), что указывает на трапецевидность плана камеры проёма. В трёх местах углубления, в углах и

посередине, имеются небрежно высеченные гнёзда неопределённой формы. Верхняя и боковые грани плиты по всей поверхности околоты, их кромки вдоль внешнего края слегка подчищены и выровнены зубаткой. Угол между ними и лицевой поверхностью составляет около 95° . Идентичность характера обработки всех этих трёх сторон исключает какую-либо вероятность утраты части плиты, на которой была изображена левая половина двуглавого орла. Продолжение надписи, вне всякого сомнения, находилось на соседнем камне, что, однако, учитывая незначительные размеры дополнения (11 см), имело смысл в том случае, если облицовка фасада была сплошной, а резьба выполнялась после установки плиты в кладку. Последнее косвенно подтверждается некоторыми особенностями композиции надписи, прежде всего, совпадением главных осей – рельефа (но не перемычки) и проёма. Именно поэтому изображение орла, располагаясь симметрично по отношению к правой фигуре, частично оказалось за пределами архитравной плиты. Тыльная сторона перемычки после ломки камня специально не обрабатывалась. Отсутствие на её поверхности каких-либо следов от инструмента не позволяет судить о характере перекрытия камеры.

Возвращаясь к высказанному предположению об идентификации храма надписи 1427 г. с октагоном²⁶⁵, следует отметить, что выводы, полученные при изучении плиты, этому не противоречат. Параметры перекрываемого ею проёма, с учётом незначительных допусков, неизбежных из-за чрезмерной схематичности обмерных чертежей Ф.А.Брауна и А.Л.Бертье-Делагарда, в целом соответствуют известным габаритам входа в данное строение.

Октагональной церкви вполне могла принадлежать также архитравная плита окна, на лицевой стороне которой в низком плоском рельефе вырезано поле тимпана с крестом мальтийского типа (рис.226,2). Фрагмент этой перемычки был использован в качестве перекрытия крайнего (юго-

²⁶⁵ А.Г.Герцен, в уже упомянутой брошюре, в одном случае пишет о том, что октагональный храм был освящен во имя причисленных к лику святых императора Константина I (Герцен, 2001, с. 38), а во втором – таковой является церковь Богородицы, которая, по мнению исследователя, может быть отождествлена с церковью Св. Константина (Герцен, 2001, с. 42, 45).

восточного) отверстия при ремонте донжона цитадели турками и превращении окон третьего этажа в ружейные бойницы. Реконструируемая ширина проёма в свету составляет 30 – 32 см. Толщина четверти 12 см. Высота рельефа 0,3 – 0,9 см. Обе плиты между собой стилистически и технологически близки. Учитывая посвящение храма, не менее важными являются также иконографические особенности креста тимпана, форма которого в христианской символике восходит к легендарному знамени Константина Великого, наделяясь охранительной и победоносной семантикой (*Вилинбахов*, 1985, с. 188 – 196). Основными аргументами сторонников инкерманского происхождения надписи 1427 г. были исключительно хорошая сохранность находки и расположение Мангупа в стороне от удобных путей сообщения в XIX в. Наиболее активный участник дискуссии А.Л.Бертье-Делагард достаточно резонно утверждал, что подобное состояние плите мог обеспечить лишь аккуратный демонтаж (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 6 – 7, 13, 32). Правомочность подобных утверждений действительно подтверждается многочисленными примерами из археологической практики. Например, надпись фунского донжона 1459 г., после падения с высоты 8 – 9 м (уровня второго этажа здания), раскололась на три фрагмента. Архитравная плита мангупского дворца 1425 г., также сброшенная со второго этажа, треснула пополам, а одна из её частей потом оказалась утерянной. Другие эпиграфические находки сохранились и того хуже, т.к. представлены в большинстве известных случаев в мелких или разрозненных обломках. Однако надпись 1427 г. избежала подобной участи хотя бы потому, что она находилась на высоте всего 2 м. С разрушением же верхней части строения и образованием каменного завала уровень дневной поверхности вокруг здания, несомненно, повысился, что только благоприятствовало изъятию плиты из кладки целиком. Причём, к этому времени вторая половина изображения двуглавого орла могла быть уже утрачена. Необходимо также отметить, что плита с надписью 1427 г. не была настолько громоздкой и тяжёлой, чтобы как-то особо затруднить её доставку.

Сторонники мангупского происхождения плиты в своей аргументации ссылаются главным образом на М.Броневского, который при посещении Мангупа в 1578 г. видел там церковь Св. Константина (*Броневский*, 1867, с. 343), тогда как храм с таким посвящением в Каламите не известен. Кстати, почти дословно ту же информацию в 1643 г. повторил и П.Авети (*Tafrali*, 1925, р. 54 – 55). Поскольку польский посланник даже не обмолвился о точном местонахождении этого строения, попытаемся локализовать его, используя другие сведения источника. По свидетельству М.Броневского, в 1493 г. Мангуп был уничтожен пожаром, после которого из всех культовых сооружений бывшей столицы Феодоро уцелело лишь два храма – Св. Константина и Св. Георгия (*Броневский*, 1867, с. 343). Сохраниться после тотального пожара постройки могли при условии их расположения вне городской застройки, в местах, недосягаемых для огня. Полностью этим требованиям соответствует церковь у восточного обрыва мыса Елли-Бурун (рис.221,3). При её раскопках были обнаружены фрагменты рельефа с остатками изображения всадника на коне и дракона, что позволило Р.Х.Леперу вполне убедительно отождествить данный памятник с храмом Св. Георгия (*Лепер*, 1914, с. 74 – 75)²⁶⁶.

Вне зоны, охваченной огнём, находилось также внутреннее пространство цитадели, для сооружений которой крепостные стены стали своеобразным брандмауэром. По крайней мере, о том, что после пожара 1493 г. уцелело хотя бы одно из монументальных зданий Тешклибурунского замка, косвенно свидетельствует сообщение Э.Челеби о превращении солдатами турецкого гарнизона какого-то храма на его территории в мечеть: «В цитадели совсем нет домов. Есть только одна мечеть с каменным куполом, переделанная из церкви» (*Челеби*, 1999, с. 33). Был ли это октагон, также имевший купольное перекрытие барабана, неизвестно. Бесспорно лишь то, что для массивных каменных стен и перекрытий последнего огонь не представлял реальной

²⁶⁶Исследователями столицы княжества Феодоро в последние годы значительно пополнены данные о христианских памятниках Мангупа (*Науменко*, 2017, с.83-90; *Науменко, Герцен, Иожица*, 2021, с.225-281 и др.), в том числе и о храме Св.Георгия, который был исследован полностью.

угрозы. К тому же в настоящее время его руины не имеют характерного прокала и утрат лицевой поверхности камня, возникающего обычно в результате воздействия высоких температур на нуммулитовый известняк. Вне всякого сомнения, изучение истории мангупского октагона ещё далеко от завершения, но на данном этапе исследований более или менее обоснованно можно предполагать, что этот храм, архитектура которого генетически связана с армянским культовым зодчеством, был возведён в 1427 г. во имя Свв. Константина и Елены в качестве замковой церкви владетелем Феодоро Алексеем I. Поводом для этого могло послужить знаменательное событие в истории правящей на Мангупе семьи – рождение от брака Иоанна (старшего сына Алексея) и Марии Палеологины Асанины Цамблаконины (*Степаненко, 1997, с. 76*) их первенца, названного в честь деда – Алексеем (Алексея Палеолога). Нельзя исключать и обетный характер возведённой в цитадели столь необычной храмовой постройки. Об этом будет сказано несколько ниже.

В завершении рассмотрения данного историко-архитектурного сюжета, связанного с композиционным формированием цитадели города, следует признать, что это укрепление во времена Алексея I (1411-1446) вряд ли имело тот вид, который вызвал столько споров среди исследователей. Действительно, безусловная близость тешклибурунского донжона с фунским, позволяет обе постройки отнести ко времени не ранее конца 1450-х гг.

Всем фортификационным сооружениям феодоритов 1420-х гг. присуща стройность, изящество и даже некоторая декоративность (насколько это правомерно говорить об оборонительных сооружениях) слагающих их форм. На известных памятниках данного периода (в особенности Фуны, Каламиты, Дегерменкоя, Гелин-Кая, Учансу-Исара, Мангупа) мы встречаем необычайно тонкие стены башен и куртин (от 0,80 – 0,90 до 1,15 – 1,60 м). В то время как во второй половине XV в. параметры основных защитных конструкций значительно возрастают (до 2,40 – 2,50 м). Подобные изменения, очевидно, происходят в связи с ростом турецкой опасности и с началом широкого

применения огнестрельной артиллерии при штурме крепостей. В таком случае и цитадель Феодоро должна была, сохраняя ту же плановую композицию, выглядеть несколько иначе: толщина куртин (с разделяющим их надвое воротным проёмом) не превышала 1,15 – 1,20, при высоте 6 – 8 м, а вход в цитадель с юго-востока (?) прикрывала небольшая прямоугольная башня. И, по-видимому, как уже отмечалось ранее, именно к этому сооружению относились слова надписи 1427 г. «Построен храм сей с благословенною крепостью, которая ныне зрится» (*Латышев*, 1896, с. 26 – 27). Во второй половине 50-х гг. XV в. слабость подобных конструкций была настолько очевидной, что их начинают капитально перестраивать (яркий и хорошо иллюстрируемый объект Фуна), стремясь приспособить к новым условиям, определяемым применением огнестрельного оружия.

Среди христианских культовых памятников Мангупа XV в. главенствующее место занимает Большая базилика (рис.165). Её восстановление в этот период явилось важнейшим событием в духовной жизни православной общины города. Несмотря на то, что памятник практически полностью открыт раскопками (*Бармина*, 1975, с. 30 – 40), время его возведения и основные этапы строительной истории остаются предметом дискуссии (*Кирилко*, 1997, с. 92; 2005, с.260-272, рис.1; *Бармина*, 2005, с.307-318).

Не затрагивая спорных вопросов о раннем периоде существования памятника (VI-X вв.), остановимся на его финальной стадии, которая также специалистами освещается по-разному. М.А.Тиханова связывала время восстановления базилики со строительной активностью, отмеченной на Мангупе в 60-е гг. XIV в. (*Тиханова*, 1953, с. 387 – 389). В.П.Кирилко датирует последний строительный горизонт церкви первой половиной XV в. (*Кирилко*, 1997, с. 92). А.Л.Якобсон вполне определенно связывал данное событие с деятельностью князя Алексея I. Поэтому он полагал, что князь Мангупа, как ктитор восстановил большой храм Константина и Елены, первоначально сооружённый в VI в., но уже давно лежавший в развалинах

(*Якобсон*, 1964, с. 126). При работах XV в. по воссозданию культового комплекса Большой базилики в её основе были использованы планировочные решения раннесредневекового памятника (рис.165,1). Ранний храм представлял собой прямоугольное здание (его размеры: общая длина – 31,60 м, ширина – 19,20 м, толщина стен 0,80 и 0,96 м) с одной апсидой, имеющей с внешней стороны трёхгранное завершение (*Кирилко*, 1997, с. 92, рис. 2,2). Внутреннее пространство здания было расчленено на три нефа колоннами (по шесть в каждом ряду). Центральный вход располагался на юго-западе и осуществлялся через нартекс. В X в. к нефам были пристроены на всю длину здания две галереи (ширина здания увеличилась до 26 м). В первой половине XV в. появляется новая облицовка наличника южного входа, украшенная сельджукской цепью и сложным растительным орнаментом (рис.234). (*Кирилко*, 2005, с.260-272, рис.1). В основании стен алтарного полукружия располагался трёхступенчатый синтрон, перед которым археологическими раскопками было открыто основание солеи с узким амвоном (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 38 – 39; *Лепер*, 1914, с. 149).

Внутреннее пространство раннего храма делилось на нефы 12 колоннами из проконесского мрамора, установленными на мраморные базы. Их венчали капители, украшенные, вероятно, листьями аканфа (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 39). При восстановлении базилики в XV в. вместо утраченных к тому времени мраморных были установлены восьмигранные колонны из нуммулитового известняка. Их базами служили квадратные в сечении постаменты, сложенные из камней. Высота новых колонн составляла 2,60 м, диаметр 0,52 м. Мозаичный пол теперь заменили квадратными плитами известняка и плинфой.

По замыслу строителей XV в., проведённая реконструкция, дополненная новыми архитектурными компонентами, должна была придать базилике торжественно-парадный вид, достойный столичного города и главного христианского храма Готии. Остаётся невыясненным вопрос: действительно сам Алексей I являлся инициатором восстановления данной церкви или же

эти работы были осуществлены в 20-е гг. XV в. митрополитом Дамианом. Фигура последнего не совсем обоснованно до настоящего времени остаётся в тени такой яркой личности, как Алексей I.

Восстановление христианских святынь в момент становления нового государства, каковым выступала Готия со столицей в Феодоро, являлось актом политическим. Но эта роль (духовного пастыря) больше подходит Дамиану, чем светскому правителю, занятому делами земными. Вероятно, участие митрополита города Феодоро и всей Готии Дамиана в политических событиях того времени было значительно большим, чем принято считать. В генуэзских документах (массариях Каффы) под 1424 и 1428 – 1429 гг. упоминается епископ Федоро (Episcopus de Tedoro) (*Banescu*, 1935, p. 35; *Vasiliev*, 1936, p. 205; *Байер*, 2001, с. 387). Это позволяет, предположительно, говорить о действенном участии Дамиана в переговорном процессе 1424 г. при заключении мирного соглашения между Каффой и Феодоро.

4.4.3. Восстановление в 1427 г. Партенитской базилики митрополитом Дамианом

Строительно-восстановительная деятельность митрополита Готии Дамиана в 20-е гг. XV в. не ограничивалась только пределами столицы – города Феодоро. Об этом свидетельствует ряд эпиграфических находок из Партенита, получивших известность ещё в 70-х гг. XIX в. Во время раскопок Д.М.Струкова 1871 г., на руинах храма Свв. апостолов Петра и Павла были обнаружены три средневековые греческие надписи, из которых одну так и не удалось перевести, а две другие прочитал и перевёл на месте священник церкви из с.Аутки – Иордан (*Струков*, 1872, с. 10; 1876, с. 39). Речь идёт об эпиграфических находках, датированных 1427 г.²⁶⁷ В дальнейшем внимание исследователей было сосредоточено на изучении одной большой надписи, которая в переводе В.В.Латышева с небольшими изменениями Х.-Ф.Байера повествует о том, что: «Всечестный и божественный храм святых славных

²⁶⁷Г.Э.Караулов определял время восстановления храма 1422 г. (*Караулов*, 1872, с. 308 – 317), а В.Г.Васильевский – 1425 г. (*Васильевский*, 1878, с. 86 – 154). Затем дата надписи была уточнена В.В.Латышевым, и после этого считается общепринятой – 1427 г. (*Латышев*, 1886, с. 58 – 65).

всехвальных и первоверховных Апостолов [Петра] и Па[вл]а воздвигнут от основания прежде годов многих иже во святых отцом нашим и архиепископом города Феодоро и всей Готии Ио(анном) исповедником, возобно[вл]ён же ныне, как зрится, всесвященнейшим митрополитом города Феодоро и всей [Го]тии господином Дамианом л[ета] шесть тысяч девятьсот тридцать шестого, индикта шестого, месяца сентя[б]ря де[с]ятого» (*Латышев*, 1886, с. 58 – 65; 1896, с. 72 – 79; *Байер*, 2001, с. 385 – 386)²⁶⁸. В.В.Латышев, в своём комментарии к эпиграфическому памятнику из раскопок Партенитской базилики, отмечал, что замечательная по тщательности вырезки и правильности надпись эта относится к 1427 г. по Р.Х., т.е. к одному году, с надписью, свидетельствующей о постройке храма в крепости владетелем города Феодоро Алексеем (рис.235) (*Латышев*, 1896, с.78-79).

Не трудно заметить, что смысловое содержание данной надписи содержит ряд исторических несоответствий. Очевидно, что Иоанн Готский не только никогда не был архиепископом города Феодоро и всей Готии, как это следует из текста 1427 г., но даже никогда не являлся легитимным епископом Готии, признанным в Константинополе. Реальный митрополит города Феодоро и всей Готии Дамиан явно преднамеренно (или следуя в русле сложившейся к тому времени традиции) повысил сан преподобного, воспользовавшись существующей, или создав новую, агиографическую мифологию.

Вторая небольшая эпиграфическая находка, обнаруженная одновременно со строительной надписью 1427 г. митрополита Дамиана, осталась без внимания учёных, о ней не упоминалось ни в одной публикации, посвящённой истории изучения Партенитской базилики. Её рисунок удалось отыскать в архиве Д.М.Струкова (*Струков*, 1872, с. 10; *Мыц*, 1991б, с. 186 – 191, рис. 4,1). На одном из листов изображён камень круглой формы с греческой надписью (рис.236,1). При этом рукой Д.М.Струкова сделаны

²⁶⁸ Апостолы Петр и Павел почитаются 29 июня, а 10 сентября поминаются святые Пётр и Павел – епископы Никей (Бухарев, 1996, с. 346 – 348; 517).

пометки, свидетельствующие, что первоначально этот камень находился в Санкт-Петербурге в музее Академии художеств, а затем был передан на хранение А.М.Раевской (владелице имения в Партените, на землях которой проводились раскопки).

Копируя надпись, Д.М.Струков, вероятно, уменьшил всё изображение, но насколько, определить трудно, так как рисунок сделан без масштаба. Размеры графического изображения: 10,6 x 11,0 см. Можно предположить, что уменьшение сделано примерно в два раза. В таком случае натуральные размеры плиты могли быть около 21,0 x 22,0 см. Плита с надписью оказалась расколотой надвое и небольшая часть её утрачена. В центре помещена монограмма, которую следует читать как имя Дамиан, а по кругу надпись из трёх слов. В целом она выглядит следующим образом:

ΔΑΜΙΑΝ[ΟC]	Δαμίαν[ός]
ΜΗΤΡΟΠΟΛΙΤΗΣ	μητροπολιτης
ΠΟΛΕ[Ω]C	πολε[ω]ς
ΘΕ(ΟΔΩΡΟΥC)	Θε(ουδωρου)

Перевод: «Дамиан. Митрополит города Феодоро». Над монограммой находится крест. Он стоит в начале надписи. Первые два слова, вырезанные по кругу (μητροπολιτης πολεως), даны без сокращений (только в первом слове на месте скола почти не просматривается буква π, а во втором – ω), Θε даны в лигатуре, поэтому сверху поставлена черта. От последнего слова поместилось только две буквы (Θε). Насколько можно судить по рисунку Д.М.Струкова, надпись выполнена в рельефе. По своему содержанию этот скромный лапидарный памятник ничего не добавляет к тому, что было сказано в большой надписи Дамиана 1427 г. Вероятно, поэтому Д.М.Струков ни разу не привёл его содержание в своих публикациях. Единственным дополнением можно считать монограмму, которой нет на плите со строительной надписью. Возникает вопрос: для чего понадобилось митрополиту Дамиану одновременно с большой строительной надписью помещать ещё одну и притом весьма лаконичную? На мой взгляд,

митрополит Феодоро и Готии Дамиан, восстановив в 1427 г. в Партените храм святых апостолов Петра и Павла, поместил рядом со строительной надписью небольшую плиту со своей монограммой, утверждая тем самым своё право сбора каноникона с жителей этого прихода или всего Партенита, находившегося с 1380 г. под юрисдикцией генуэзской Каффы. Размеры каноникона (*κανονικον*) достигали иногда десятой доли годового дохода (*Цанкова-Петкова, 1961, с. 14 – 15*). Именно за право сбора каноникона в округах Кинсанус и Эллис в 80-90-х гг. XIV в. разгорелся спор между тремя православными митрополитами Таврики: Херсонским, Готским и Сугдейским, а не за полное право владения этими территориями, как пытались доказать некоторые исследователи (*Романчук, 1986, с. 187; Бочаров, 2016в, с.35-37; 2017б, с.46-55*).

С населения Ялты (в источниках - Ялита) и её окрестностей каноникон взыскивался в пользу константинопольского патриарха (*Акты, 1867, с. 445*). Ещё в 1317 г. (при патриархе Константинопольском Иоанне XIII Гликке – 1315/16-1319/20) экзархи митрополита Готии установили его ставропигии в сёлах Сугдейской епархии, требуя сбора каноникона в свою пользу. Насколько позволяют судить акты Константинопольского патриарха, соперничество за право сбора каноникона между митрополитами Готским, Сугдейским и Херсонским продолжалась до конца XIV в., принимая иногда формы вооруженной борьбы, приводившей к кровопролитию (*Акты, 1867, с. 468 – 469*).

Надпись с монограммой митрополита Дамиана, несмотря на то, что она была обнаружена ещё в 70-х гг. XIX в., до настоящего времени остаётся редким образцом (в археологической практике средневекового Крыма) ставропигий, которые устанавливались на стенах храмов экзархами и учреждали право сбора каноникона в приходах епархий (*Мыц, 1991б, с. 186 – 191*). Она в некоторой степени сходна с монограммами владельцев Мангупа, помещенными на плите 1459 г. из раскопок крепости Фуна (*Мыц, 1988, с. 104, рис. 5; Виноградов, Мыц, 2005, с.273-281, рис.1*). Монограммы

помещены на круглых щитах диаметром 21-22 см. Они утверждали право господ Феодоро на владение окрестными землями и замком. Монограмма Дамиана, по-видимому, не случайно выполнен в стиле подражания символике светских феодалов, поскольку отражала его личное право сбора каноникона и части других доходов, как ктитора храма Свв. апостолов Петра и Павла (*Мыц, 2009, с.146*).

Изучение Партенитской базилики, начатое Д.М.Струковым, было продолжено в 1907 г. Н.И.Репниковым. Таким образом, до начала работ 1998 г. на памятнике Южно-Крымской экспедиции Государственного Эрмитажа, храм подвергался раскопкам дважды: в 1871 и 1907 гг. Причём, авторами исследований в научный оборот было введено два принципиально различных плана храма. Например, Д.М.Струковым в 1876 г. опубликован план, на котором представлена трёхнефная трехапсидная базилика с просторным нартексом (*Струков, 1876, рис. на с.38*). При этом вся планировочная композиция храма с нартексом (без полукруглых апсид) приближается к квадрату.

Сам же Н.И.Репников издал план Партенитской базилики с условной прорисовкой стен храма, окружавшей его галлерей и примыкавших с северо-запада строений (*Репников, 1909, рис.8*). Перед нами предстает несколько иная, чем у Д.М.Струкова, но всё та же трёхнефная трехапсидная базилика с трехчастным (с двумя парами пилястр) нартексом. Причём только наос (без апсид) равен квадрату. За счёт этого храм с нартексом имеет более стройную объёмно-плановую композицию. Внутреннее пространство наоса разделено на нефы четырьмя парами прямоугольных столбов. При этом Н.И.Репниковым разной штриховкой были выделены кладки, относящиеся, по его мнению, к трём строительным периодам: VIII в., 1427 г. и XVI-XVII вв.

В ходе изучения храма Южно-Крымской экспедицией в 1998-2001 гг. выявлены архитектурные остатки храма, принципиально отличные по своей плановой схеме от тех, которые были опубликованы Н.И.Репниковым

(*Мыц*, 2009, с.147, рис.64) (рис.236,2; 237). К тому же время возведения базилики следовало отнести только ко второй половине-последней трети X в., а не к VIII и уж тем более не к VI в., как это считалось долгое время (*Адаксина, Мыц*, 2013, с.401-503).

Уточнённая архитектура первоначального здания базилики, также указывает на значительно более позднюю дату возведения строения. Самыми характерными чертами объёмно-плановой структуры Партенитской базилики, является наличие трёх одновременных полукруглых изнутри и снаружи апсид, скрытого трансепта в виде обособленных объёмов пастофориев (приделов), служивших жертвенником и диаконником, глубокая вима и укороченный наос, разделённый на нефы аркадами всего с двумя (а не с 4-5, как считал Н.И.Репников) промежуточными опорами (рис.236,2;237).

Как показали исследования памятника, восстановительные работы 1427 г. не внесли принципиальных изменений в архитектуру самого храма, размеры которого составляют 12, 46 x 17,90 м (при средней толщине несущих стен 0,80 м). В это время упраздняется полностью обводная галлерей (236,2; 237). Теперь с внешней стороны строения уровень дневной поверхности примерно на 0,50 м оказывается выше пола храма. У центрального входа в нартекс сооружаются ступени. Закладываются все проёмы между опорными столбами и проходы из вимы в приделы. Ремонт повреждённого мозаичного покрытия полов ограничился заделкой лакун кусками полевого шпата, плиткой X в., плитами мергеля и песчаника.

Наибольшей реконструкции подвергся диаконник. В нём сооружается могила № 18, оказавшаяся кенотафом. Южный угол придела полностью (до основания фундамента) был разобран при устройстве могилы. Погребальное сооружение почти на половину (0,43 м) встроено во внешнюю продольную стену храма. При этом её частично разобрали и переложили заново, после чего она стала тоньше на 0,10 м – 0,70 м. Относительно юго-западной стены пастофория могила расположена посередине, равномерно выступая в обе стороны. С юго-востока борт могилы №18 замыкала стена преимущественно

сложенная из хорошо обработанных плит и блоков. Для их изготовления использовались капсельский ракушечник и восточно-крымской разновидности нуммулитового известняка (так называемый маркиз), явно вторичного использования. Характерной особенностью данной кладки является то, что она поставлена на тщательно выравненную поверхность материка, покрытую тонким слоем (толщина около 0,01 м) кварцевого песка. Все стенки могилы №18 были облицованы цельными плитами белого крупнозернистого мрамора. Из них, ко времени раскопок 1998 г., *in situ* сохранилась только одна – в юго-западном торце ямы. Пол могилы покрывался четырьмя квадратными керамическими плитками больших размеров – 0,495 x 0,495 x 0,03 м. До сооружения могилы, плитки располагались в вымостке пола диаконника и были аккуратно вынуты из юго-западного угла строения. Участок пола перед могилой №18 был покрыт плитой крупнозернистого белого мрамора, подобной тем, что использовались в облицовке самого погребального сооружения. Её размеры: ширина – 0,84 м, длина – 1,17-1,20 м. Плита узкой стороной примыкала к могиле и была слегка развернута по направлению к входу в нартекс. Зазор между ней и южной продольной стеной базилики заполнен кристаллами полевого шпата.

Наличие в базилике X в. столь богато оформленной в 1427 г. могилы-кенотафа, явно представлявшей собой символическое место захоронения Иоанна Готского, вновь возвращает нас к дискуссии об идентификации данного памятника с монастырем Св.Апостолов Петра и Павла, существовавшим в Партените в VIII в. Не берусь ставить под сомнение свидетельства эпиграфических и нарративных источников, рассказывающих о жизни преподобного и истории Партенитского монастыря VIII и начала X в.: каждый из них отражает реалии (или представления о них) своего времени. Однако ни Житие (написано около 815 г.), ни эпитафия аввы Никиты 906 г. не имеют отношения к известной с 1871 г. Партенитской базилике, так как её в то время попросту ещё не существовало. Эту связь установил (восстановил) в 1427 г. митрополит Дамиан путём

эпиграфического изложения агиографической мифологемы и сооружением в южном пастофории базилики могилы-кенотафа Иоанна Готского.

Действительно, пространная надпись от 10 сентября 1427 г., о чём говорилось ранее, отражает ни что иное, как сложившуюся (существующую) к первой четверти XV в. агиографическую мифологему, относящуюся к истории Партенита, монастыря Св.Апостолов Петра и Павла и жизни самого Иоанна Готского. Ею и воспользовался митрополит Дамиан, избрав для реального воплощения церковного предания лучше всего сохранившиеся к тому времени и наиболее значимые по своим размерам руины базиликального храма. Вряд ли митрополита Дамиана в 1427 г., как организатора (ктитора) восстановления базилики, установившего на её стене и ставропигию для сбора каноникона в свою пользу, интересовал вопрос абсолютной идентичности поднятой им из руин церкви, с монастырским храмом VIII в. Св.Апостолов Петра и Павла. Именно с 10 сентября 1427 г. Партенитская базилика, уже без каких-либо сомнений, может считаться храмом Св.Апостолов Петра и Павла, как вновь освящённая митрополитом Готской епархии Дамианом церковь. К тому же, Дамиан восстанавливал в 1427 г. именно приходскую церковь, а не прежний монастырь.

4.4.4. Границы владений господ Феодоро²⁶⁹

Восстановление в 1427 г. митрополитом Дамианом храма Св. Апостолов в Партените некоторыми исследователями расценивалось как попытка подчинения этого приморского поселения власти владетелей Феодоро (*Веймарн*, 1968, с. 81). Но этому явно противоречат данные как современных тем событиям, так и более поздние генуэзские письменные источники (1429 – 1449 гг.). В них сообщается о капитанах Готии, под военно-административным контролем которых находилось всё побережье от консульства Чембало до консульства Сугдеи. К тому же, в Партените

²⁶⁹ Сравнительно недавно над вопросом определения границ княжества Феодоро работал Е.В.Неделькин, которым на эту тему издана серия работ (*Неделькин*, 2013,с.53-81; 2016,с.81-106; 2017,с.208-215). Но все публикации этого автора обладают одним существенным недостатком: в качестве пограничных опорных пунктов феодоритов он использует укрепления XIII в, а это в значительной степени деформирует контуры реальных границ Феодоро.

присутствовал официал генуэзской фактории в ранге консула (*consulatus Pertinice*), выплачивавший Попечительному комитету (*officii Provisionis*) при вступлении в должность 4 сомма на ремонт оборонительных сооружений Каффы (*Устав*, 1863, с. 675).

А.Л.Бертье-Делагард, а вслед за ним А.Л.Якобсон, Е.В.Веймарн и другие исследователи чрезмерно расширяли границы княжества Феодоро, стремясь их совместить с территорией, занимаемой Готской епархией (*Бертье-Делагард*, 1920, с. 60 – 62; *Якобсон*, 1964, с. 124; *Веймарн*, 1968, с. 79 – 81, рис. 30). Явно априорно звучит высказывание, что земли епархий вполне отвечали административному делению страны и её политических владык (*Бертье-Делагард*, 1920, с. 65) (рис.159). Готская епархия по своей площади значительно превосходила территориальные владения господ Феодоро. Митрополит города Феодоро и всей Готии распространял свою духовную (надо полагать не только духовную) власть на паству, проживавшую на землях, принадлежавших в Юго-Западном Крыму татарам, а на Южнобережье – генуэзцам. Очевидно, именно так обстояло дело в Чембало, Горзоне, Партените, Лусте, Ялите и других местах. Хотя и нельзя полностью отрицать существование в XV в. (особенно, начиная с 20-х гг. этого столетия) политической тенденции к расширению владений правителей Феодоро за счёт прибрежных территорий, отошедших под власть Генуи в 80-х гг. XIV в. по договору с татарами. В некоторых направлениях феодоритам удалось закрепить за собой земли, на которые первоначально устанавливалось право митрополита Готии на сбор каноникона. Так, например, произошло с округами Кинсанус и Эллис. Их ещё в конце XIV в. при помощи авторитета константинопольского патриарха удавалось удерживать под своим управлением митрополиту Херсона. Но уже в начале XV в. селения, входившие в эти округа, переходят в епархиальное управление митрополита Готии и часть из них (селения Фуна и Алания, располагавшиеся на территории округа Кинсанус) попадают под власть господ Феодоро. В момент обострения военно-политических отношений с генуэзцами в селении

Фуна возводится сторожевое укрепление. В конце 50-х гг. XV в. оно было превращено в родовой замок (*Мыц*, 1988, с. 97 – 115; 2009, с.149).

На северо-востоке граница княжества проходила по левому берегу р. Бельбек (Кабарды) до среднего течения. Здесь, у с.Албат, она поворачивала на восток, простираясь до верховьев р. Качи (на этом отрезке находился феодоритский замок у с. Керменчик) и доходила до северной окраины Алуштинской долины. Крайним восточным оборонительным пунктом после заключения договора в 1424 г. служила крепость у поселения Фуна. Территория Южнобережья (приморская Готия) прочно удерживалась генуэзцами с 80-х гг. XIV в. Созданное ими около 1344/5 гг. консульство Чембало также занимало значительную территорию. Его административные границы определены в Уставе 1449 г., и были, по-видимому, установлены ещё в XIV в. Они располагались между маяком (*fanario*) на мысе Херсонес и селением Кайту (*loco Caiton*) (*Юргевич*, 1863, с. 791). Но этих указаний явно недостаточно для чёткого определения сухопутной границы консульства, что послужило поводом для спора исследователей по данному вопросу. Уже Ю.А.Юргевич затруднялся точно определить названные в тексте пограничные объекты консульства Чембало. И если *fanario* ему удалось определить по морским картам, где на месте мыса Херсонес стоит обозначение *Fanar* или *sar Fanari*, то относительно с. Кайту, расположенного на юго-восточной окраине Байдарской долины, он высказал предположение, что генуэзцы при определении расстояния были не очень точны, или находилась другая местность того же имени на берегу моря (*Юргевич*, 1863, с. 834, прим. 137). А.Л.Бертье-Делагард определял западную границу консульства Чембало, как проходившую, «по естественной преграде на западе, отрогу главной гряды гор, кончающемуся мысами Сарыч и Форос» (*Бертье-Делагард*, 1920, с. 19). Таким образом, в состав консульства Чембало входили селения Неа-Хора (Кады-Кой), Карань, Камара, Алсу, Варнутка, Кучук-Мускомья и часть Байдарской долины, откуда ведёт наиболее удобная дорога на побережье в с. Ласпи (*Бертье-Делагард*, 1920, с. 19).

Ласпинскую долину и мыс Форос (самый западный пункт Капитанства Готии) разделяет горная гряда Чобан-Таш, служившая естественной границей между южным и западным участками побережья Крыма. Наиболее вероятно, что северной границей административного управления Чембало являлась р. Чёрная и территория, расположенная на её левом берегу, принадлежала генуэзцам, а на правом – Феодоро. В таком случае, к уже перечисленным выше селениям следует добавить ещё три, находившиеся на левом берегу р. Черной в Байдарской долине – это Байдары, Биюк-Мускомья и Кайту, т. е. Чембало было подчинено десять сёл.

Как обстояло дело с Херсоном, а вернее поселением, занимавшим после нескольких татарских погромов XIII (1278 и 1299 гг.) и XIV вв. (1345, 1365, 1375 гг.) портовую часть некогда крупного византийского города, сказать пока трудно. Но, как уже отмечалось, Устав Каффы 1449 г. на западе ограничивает приморские владения консульства Чембало маяком, расположенном на мысе Херсонес. Это позволяет предполагать вхождение данной территории уже во владения правителей Феодоро. Подтверждением данного предположения может служить находка в Херсонесе плиты с надписью и монограммами. Среди них одна бесспорно читаемая – с именем Исаака, правившего Мангупом во второй половине 60-х середине 70-х гг. XV в. Поэтому, попытка Е.В.Веймарна ограничить пределы данного консульства собственно окрестностями Чембало, предоставляя остальные территории владетелям Феодоро, является малоубедительной и слабо аргументированной (*Веймарн*, 1968, с. 81, рис. 30) (рис.243,II).

К тому же, при рассмотрении вопросов, связанных с определением границ того или иного государственного образования, надо всякий раз подходить к их освещению с конкретно-исторической точки зрения, учитывая возможную динамику изменений в зависимости от политической обстановки, которую никогда нельзя принимать за статичную величину. Ярким примером тому является исторический отрезок времени 1433 – 1441 гг. Как известно, с конца февраля 1433 г. по июнь 1434 г., к Алексею I перешли земли

консульства Чембало. Затем (с 8 июня 1434 г. по ноябрь 1441 г.) им были потеряны не только новые приобретения, но также Каламита и Фуна. Поэтому, упоминаемые в надписи 1427 г. прибрежные владения правителя Феодоро – *Поморье* – в данный момент могли располагаться только между дельтой р. Кабарда (ныне р. Бельбек) и Херсонесским маяком, исключая какое-либо двусмысленное политическое звучание данного топонима в титулатуре владетеля Феодоро Алексея I, как это полагали некоторые исследователи (Малицкий, 1933, с. 27; Vasiliev, 1936, p. 217).

Например, А.А.Васильев, касаясь рассматриваемого вопроса, считал, что правитель горной Готии, «владел также и поморьем, разумеется, лишь в пределах западного побережья Крыма, где он построил порт в Каламите». Но после этого заключения, он, развивая идею, высказанную ранее Н.В.Малицким (Малицкий, 1933, с.27), делает неожиданное предположение, что «в представлении Алексея определение *князь поморья* имело более широкий смысл». А.А.Васильев полагал, что Алексей, стремясь утвердиться на южном берегу, особенно в Балаклаве, мог выражать... свои притязания на генуэзское побережье, «особенно после заключения договоров 1381 – 1387 гг., когда генуэзцы стали рассматривать территорию Готии как вассальную, а Алексея как мятежника» (Vasiliev, 1936, p. 217). После этого А.А.Васильев писал, что «этим можно было бы объяснить появление генуэзского герба в форме удлиненного греческого креста на овальном щите на рассмотренных трёх (*sic!*) плитах с надписями. Однако эмблема... не является доказательством вассальной зависимости княжества от Генуи, на самом деле Готия была абсолютно независима от Каффы» (Vasiliev, 1936, p. 217). Следующая посылка исследователя заключалась в том, что «изображение герба было свидетельством прежних политических отношений, и генуэзские власти, несомненно, негодовали из-за этого символа политических притязаний Алексея, притязаний, от которых, по крайней мере с 1427 г., Генуя не смогла заставить его отказаться» (Vasiliev, 1936, p. 217). В дальнейшем эта точка зрения, без какого-либо критического анализа, была

поддержана другими исследователями средневекового Крыма (Якобсон, 1950, с. 43, прим. 2).

Если следовать логике рассуждений Н.В.Малицкого и А.А.Васильева, то наличие на строительных плитах Каффы XIV в. геральдических щитов с тамгой золотоордынских ханов (*Skrzinska*, 1928, №1 (1342 г.), №3 (1348 г.), №8 (1384 г.), №11 (1389 г.) и др.) должно свидетельствовать об устойчивой тенденции политических амбиций (притязаний) Республики Св. Георгия на Дешт и-Кипчак. Само подобное предположение является абсурдом с точки зрения исторических реалий того времени.

4.4.5. Двуглавый орёл в «геральдике» князей Феодоро XV в.

После выхода работ Дж.Ф.Фальмерайера, Ф.К.Бруна, Ф.А.Брауна, А.А.Васильева, Э.Брайера, Р.М.Бартикяна (*Fallmerayer*, 1827, s.110; *Braun*, 1890, s.44; *Васильев*, 1927, с.275-280; *Breyer*, 1970, p.978-1653; *Breyer*, *Fassoulakis*, *Nicol*, 1975, p.38-45; *Бартикян*, 1987, с.190-200; 1987а, с.181-193; 1988, с.163-178)²⁷⁰ стало общепринятым мнение, что князья Феодоро якобы принадлежали к роду Гаврасов (или Гаврасов-Таронитов), тесно связанному, начиная с XI в., с политической историей Трапезунда. Отсюда делалась посылка о существовании княжества Феодоро если не в XII в., то, по крайней мере, с начала XIII в. (Ф.К.Брун, Ф.А.Браун, А.А.Васильев, А.Л.Якобсон, М.А.Тиханова и др.).

Представленная в пользу данного утверждения аргументация, первоначально изложенная в форме шаткой гипотезы, со временем стала восприниматься исследователями уже как установленный факт. При этом мало кто обращал внимание на обстоятельную критику этого заблуждения в

²⁷⁰Весьма показательным, что Р.М.Бартикян свою доказательную базу строит на разработках западных коллег и поэтому (со ссылкой на статью А.Байера, Ст.Фассулакиса и М.Николь) он писал: «из аристократической семьи Гаврасов последним, служившим при дворе сельджукских султанов, исследователи считают Иоанна Гавраса (1235 г.), а последним представителем данной семьи в Армении (Мелитена) – врага Михаила Гавраса. Остальные Гаврасы в списке А.Брайера и его соавторов имеют непосредственное отношение к Трапезундской империи (с 1204 по 1432 г.), к Византийской империи (с 1263 по 1399 г.) и к греческому княжеству в Крыму (около 1391 – около 1458 г.). Некоторые Гаврасы известны в годы турецкого владычества в Греции (1555 – около 1653 г.), а также на Крите (с 1497 г.)» (*Бартикян*, 1987. №4.С.183).

работах А.В.Соловьёва и В.П.Степаненко (*Соловьёв*, 1937, с.95-98; *Степаненко*, 1990, с.87-95; 2001, с.357-375).

Поэтому в современной историографии, базирующейся на разработках исследователей конца XVIII - 30-60-х гг. XX в., создан в значительной степени мифологизированный, обобщённый, но в контексте реальных исторических событий неясный образ города и княжества. При этом Феодоро бесосновательно определяется как греческая деспотия, возникшая XIII в. В её территориальные владения якобы входили все земли Южнобережья (прибрежной Готии), бассейнов рек Чёрной и Бельбека в Юго-Западном Крыму. Политическим центром государства, именуемого в молдавских, польских, венгерских и русских источниках 70-х гг. XV в. Мангупским княжеством, являлся город Мангуп. Его правители («деспоты»), происходившие из трапезундского рода Гаврасов, исповедовали христианство и носили православные греческие имена. Основу их герба составлял двуглавый орёл, заимствованный путём заключения браков у императоров Константинополя – Палеологов или Трапезунда – Великих Комнинов. В 1299 г. княжество Феодоро завоевали татары под предводительством эмира Ногая и с этого времени оно находилось в зависимости от Золотой Орды. Со второй половины XIV в., когда на Мангупе правят местные династы с татарскими именами (Хуитани, Чичикий), начинается его возрождение. Достигнув своего расцвета во время правления князя Алексея в XV в.²⁷¹, при военной и дипломатической поддержке Хаджи Гирея, Феодоро удаётся отвоевать у генуэзцев ранее захваченную ими территорию Южного берега (Поморье), создав крупный торговый порт в Каламите. Последней страницей его истории стала героическая оборона Мангупа от турок-османов в 1475 г. (*Тиханова*, 1953, с.319-333;

²⁷¹В.П.Степаненко (*Степаненко*, 2001, с.335, прим.2) специально подчёркивал, что «Термин «князь» используется здесь предельно условно, т.к. в хронике Панарета владетель Феодоро Алексей назван «κύρ Ἀλεξίος ἐκ τῶν Φεωδωρον δουατηρ», что явно отражает его международный статус, по крайней мере, с точки зрения Великих Комнинов» (Μιχαήλ τῶν Παναρετων περὶ τὸν Μεγάλον Κομνηνον. Εἰσαγωγή – ἐκδοσις-σχολιασμός. Λαμψίδου. Ποντικάειλεναί 2. Αθήναι. 1958. Στ.81.24).

Якобсон, 1964, с.123-128; 1973, с.128-133; *Сорочан, Зубарь, Марченко*, 2000, с.363-364,766; *Герцен*, 2004, с.223-239).

Многие из представленных концептуальных построений, как и сам лишённый критического анализа используемых разновременных и разнохарактерных источников, способ подачи исторического материала, интерпретировавшегося либо упрощённо, либо наоборот, отягощённого недопустимыми домыслами, неоднократно становились предметом критики (*Соловьёв*, 1937, с.93-104; *Скржинская*, 1953, с.258-269; *Степаненко*, 1990, с.87-95; 2000, с.353-375; *Богданова*, 1995, с.104-116; *Кирилко*, 1999, с.137-138; *Байер*, 2001, с.160-227). В работах Т.М.Фадеевой, целиком или частично посвящённых истории княжества Феодоро и его князьям, продолжают звучать сюжеты о Гаврасовах, как правителях Мангупа. Уже в аннотациях автором предлагается спорная констатация, что «в княжестве Феодоро формируется геральдика двуглавого орла» (*Фадеева, Шапошников*, 2005; *Фадеева*, 2011). При этом, если в книге «Княжество Феодоро и его князья» Т.М.Фадеева представляет раздел «Геральдика Феодоро» (*Фадеева*, 2005, с.55-72), то в очерках о «Сакральной географии Крыма» пятая глава целиком отводится рассмотрению Таврическо-Трапезундских истоков геральдики двуглавого орла (*Фадеева*, 2011, с.152-172). Следует отметить, что Т.М.Фадеева в своих работах использует не только необычайно ограниченное число старых публикаций, но и не замечает исследований И.Е.Забелина, А.В.Соловьёва, В.П.Степаненко и др. Видимо, поэтому она, по-прежнему, придерживается мнения, что князья Феодоро якобы принадлежали к роду Гаврасов²⁷² и присвоили себе родовой герб Палеологов – двуглавого орла (*Фадеева, Шапошников*, 2005, с.56). Обратимся непосредственно к самим источникам, которые, по мнению исследователей,

²⁷²Как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, особенно красноречиво о происхождении Алексея и его старшего сына Иоанна умалчивает в «Эпитафии...над гробом княжича» Иоанн Евгеник (*Спиридонов*, 1928, с.93-102). И.Е.Забелин в начале XX в. убедительно доказал, что якобы прибывшие в Москву из Таврики «князья» Ховрины не имели никакого отношения ни к Гаврасам, ни к Комнинам, т.к. являлись людьми торгового сословия – гостями (*Забелин*, 2006, с.259). Хочу отметить, что и мной в свое время Т - образный символ, который мы находим практически во всех известных монограммах правителей Феодоро, ошибочно интерпретировался как часть монограммы Гаврасов-Таронитов (*Мыц*, 1985, с.53-54).

должны свидетельствовать о династических связях правителей Феодоро с Палеологами. Надо сразу отметить, что более чем за двухсотлетний период изучения затронутой темы мы имеем всего пять реальных памятников связанных с правившей в Феодоро династией, на которых имеются изображения двуглавых орлов. Предлагаю рассмотреть их в установленном хронологическом порядке. 1. В начале раскопок мангупского дворца²⁷³ в 1912 г. Р.Х.Лепером, в слое каменного завала, были обнаружены два стыкующихся обломка плиты с надписью датированной 1425 г. (рис.228-230). В дальнейшем одна часть оказалась утраченной, а сохранившаяся до настоящего времени находится в лапидарии Бахчисарайского историко-архитектурного заповедника (*Айбабина*, 2001, с.171, рис.76) (рис.230).

Эпиграфическая находка представляла собой архитравную плиту, некогда перекрывавшую входной проём в донжон (вход располагался на уровне второго этажа башни). Она позволяет реконструировать его ширину в свету – 1,02 м. Общие размеры плиты-архитрава восстанавливаются в пределах 1,40 х 0,48 м. По своему композиционному решению данное изделие оказалось весьма близким к титорской надписи Алексея I 1427 г. С замечаниями и поправками А.Л.Бертье-Делагарда (*Бертье-Делагард*, 1918,с.31), с которыми согласился Н.В.Малицкий (*Малицкий*,1933, с.33-35), предположительно реконструируемый текст надписи 1425 г. должен звучать следующим образом: «Построена эта башня с дворцом в благословенной крепости, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владельца города Феодоро и Поморья, в месяце октябре 6934 года» (*Мыц*,2009,с.130)²⁷⁴. 2. Плита с надписью, датированной 1427 г. (рис.231-233) известна с 20-х гг. XIX в.,

²⁷³ Новые материалы об исследовании данного уникального для средневековой Таврики объекта см.: (*Герцен, Науменко*,2010. С.387-419).

²⁷⁴ Х.-Ф. Байер предложил близкий вариант реконструкции текста надписи 1425 г.: «[Была построена башня (πύργος, согласно Бертье-Делагарду и Васильеву) с] дворц- (τοσμετατουπалаτ) / [ом и благо]словенной крепост-[ε]υ]λογημενωκαστ/[ью, которая ныне зрится, в] дни господина Ал-(ημερωνκυρου 'Αλ[ексея, государя город]а Феодоро и по- (ς Θεοδωρουσκαπτα-) [морья (ραδαλασσιας) в месяце Октябре года 6934 (οβριωετους ζ'αλδ = 1425)]. Вызывает сомнение возможность именовать Алексея здесь (как и в надписи 1427 г.) государем города Феодоро и Поморья. Более приемлемым эквивалентом в данном случае греческому аутент (αυθεντης) является русское владетель. (*Байер*,2001,с.143, 204, 208, 209, 214, 440). Ему идентично латинское dominus = господин. Оно представлено в славянской государственной титулатуре молдавских князей как *господарь*. От греческого слова образовался известный в турецком языке титул *эфенди* (*Кочубинский*,1889,с.534).

когда она находилась в имении Саблы под Симферополем (сейчас хранится в Бахчисарайском историко-архитектурном заповеднике) (рис.233). П.И.Кеппен, опубликовав в 1837 г. прорисовку, текст и перевод надписи (Кеппен,1837,с.219, рис. на с.218, прим.318), предполагал, что плита происходит из Инкермана, хотя не был в этом уверен (Кеппен,1937, с.220-221, прим.320). С тех пор запутанная история с происхождением (Мангуп или Инкерман) эпиграфической находки на долгие годы стала поводом для споров (Латышев,1896,с.50-53; Бертъе-Делагард, 1918, с.2-10; Малицкий, 1933,с.27-28; Кирилко, Мыц, 2001, с.370-374; Герцен,2013,с.118-128). Плита была архитравной, перекрывала наружную часть проёма входа (его ширина составляла 1,02 м) в октагональную церковь, построенную Алексеем I в цитадели города Феодоро (Кирилко,Мыц,2001,с.354-375). Её размеры: 0,44 x 1,33 x 0,195 (0,17) м. Изготовлена из нуммулитового известняка. Имеет две лицевые поверхности – переднюю и нижнюю. Надпись выполнена в шесть строк высотой 4 см каждая. Верхние четыре строки разделены тремя прямоугольными рамками (их размеры – 0,26-0,28 x 0,22 м) на две равные части (0,42 x 0,26 см). В верхней части плиты в рамках помещены три каплевидных (миндалевидных) геральдических щита. В левом расположен прямой крест с более удлинённой нижней ветвью, в центральном – монограмма имени Алексей ('Αλεξιος)²⁷⁵, в правом – левая половина изображения двуглавого орла (на голове орла зубчатая корона).

3. Представляет собой резную каменную купель (рис.267-268). Обнаружена случайно в начале 60-х гг. XX в. при земляных работах, проводившихся на территории парка «Утёс» (бывшее имение Кучук-Ламбат), расположенном у мыса Плака в 15 км к западу от г.Алушта. Вместе с купелью было найдено и две капители. Некоторое время изделие

²⁷⁵Среди эпиграфистов (В.В.Латышев, В.Н.Малицкий) сложилось мнение, что первым расшифровку монограммы с именем князя Алексея на плите с надписью 1427 г. (Αλεξιος) осуществил G.Millet (Латышев,1901,с.76; Малицкий,1933,28). Однако П.И.Кеппен при издании надписи 1427 г. писал, что монограмма в среднем щите может быть изображением имени (едва ли не самого Алексея) (Кеппен,1837, с.221). Вслед за Кеппеном этого мнения («...монограмма, помещённая в середине должна была обозначать имя собственное господина Феодоро...», т.е. Алексея) придерживался и Ф.К.Брун (Brun,1866,р.63).

использовалось в качестве ёмкости для цветов. В 1969 г. находку доставил в Отдел археологии Крыма ИА АН УССР О.И.Домбровский (*Когонашвили, Махнёва, 1971, с.36-37*). В 2004 г. купель передана на хранение в Алуштинский краеведческий музей. Изготовлена из плотного нуммулитового известняка, что и позволяет говорить о крымском (местном) происхождении данного памятника. Издана с подробным описанием и авторским вариантом интерпретации В.А.Сидоренко (*Сидоренко, 1993, с.154-159*). Издатель датировал купель 30–ми - началом 40-х гг. XV в. и связывал её появление с датой рождения внука Алексея I – Алексея II. Однако предложенная В.А.Сидоренко датировка памятника сомнительна, т.к., если действительно купель была изготовлена к моменту рождения внука Алексея I, то её следует датировать 1427/28 г. (*Мыц, 2009, с.212, прим.40*), т.к. Алексей II скончался весной (предположительно в апреле-мае?) 1434 г.

Размеры прямоугольной в плане купели со скошенными углами: 0,67 x 0,49 x 0,48 м при толщине стенок – 0,06 м. В плоском днище проделано сквозное круглое отверстие для слива воды. На верхней торцовой плоскости стенок имеются круглые отверстия, в которых при помощи свинцовой заливки закреплены четырёхгранные железные штифты для фиксации крышки. Внешние боковые поверхности купели разделены на три горизонтальных пояса и декорированы резьбой в виде трёхжгутовой ленты, образующей круглые узлы-медальоны и шестиугольные звенья с заполнением свободного пространства листьями аканфа²⁷⁶. Каждой плоскости присуща своя сюжетная композиция в виде изображений животных и птиц (рис 267;268). На одной из стенок купели (проекция 4 по В.А.Сидоренко) в центральном круглом медальоне диаметром 0,20 м, помещено изображение двуглавого орла без корон (рис.267,2). Непропорционально крупные головы с сильно изогнутыми клювами

²⁷⁶Декорировка архитектурных деталей острыми листьями аканфа характерна для памятников XIV-XV вв. Например, капитель из Константинополя, на разных сторонах которой в круглых медальонах размещены монограмма Палеологов и двуглавый орёл (*Makridis, 1931.Р.333-337, fig.4,5,6*). Но в данном случае мы видим иную иконографию двуглавого орла.

посажены на короткую шею, охваченную рельефным пояском-ошейником с точками жемчужинами. Оперение выполнено в виде чешуек, а под грудью у основания лап вырезаны волнистые борозды, имитирующие опушку. Лапы расставлены, изображение когтей отсутствует (только двумя врезными чёрточками обозначены их основания). Место хвоста занимает изображение пятилистного акантового ростка.

4. В 1982 г. при расчистке каменного завала, перед входом в донжон крепости Фуна, обнаружены обломки надгробия изготовленного из нуммулитового известняка и расколовшегося на три крупных стыкующихся между собой фрагмента (рис.396;397) (*Мыц, 1988, с.104, рис.5; Виноградов, Мыц, 2005, с.273-281; Мыц, 2009, с.394-401, рис.263-266*). В настоящее время памятник хранится и экспонируется в Крымском республиканском краеведческом музее (г.Симферополь). Длина надгробия составляет 1,88-1,90 м, ширина -0,58-0,62 м, высота -0,57-0,61 м. На нижней части надгробия толщиной 0,165 м, являвшейся основанием, при вторичном использовании в технике *champlevé* вырезана греческая надпись, размещённая в прямоугольной раме размером 1,87 (1,89) x 0,57,5 (0,59) м и композиционно разделённая на две части – верхнюю и нижнюю. Верхняя часть шириной 0,22 м делится на пять равных прямоугольников, в центре которых расположены круглые медальоны диаметром 0,20-0,21 м. Пространство между разделяющими вертикальными прямыми и медальонами заполнено стилизованными симметричными изображениями виноградной лозы, выполненными в рельефе²⁷⁷. Причём ни в одном случае рисунок побегов не повторяется (*Кирилко, 2005, с.195*). В крайнем левом медальоне вырезан процветший равноконечный крест. По его сторонам размещены буквы ΙC/ΧC/ΝΙ/ΚΑ, т.е. представляет тетраграмму с христианской формулой: ‘Ι(ησου)ς Χ(ριστο)ς νικα (Иисус Христос побеждает (победитель))²⁷⁸

²⁷⁷ Виноград в христианском искусстве рассматривается, прежде всего, как эмблема спасения и возрождения, поэтому изображения виноградной лозы использовались при декорировке архитектурных деталей, на гробницах, иконах, фресках, витражах и проч.

²⁷⁸ Крест на надписи 1459 г. имеет сложную иконографическую форму, представленную одновременно двумя совмещёнными типами: 1) Просфорный или Константиновский и 2) Процветший или крест

(рис.396,1;397). В крайнем правом (от наблюдателя) медальоне помещено изображение двуглавого коронованного орла: над каждой из голов помещена трёхзубчатая малая корона. Во втором, третьем и четвёртом медальонах заключены монограммы представителей правящего в это время в Феодоро рода. Если во втором достаточно уверенно читается имя АЛЕКСИОС ('Αλεξιός = Алексей), а в четвёртом АЛЕКСАНДРОС ('Αλεξανδρος = Александр), то раскрытие имени в среднем (третьем) медальоне вызывает затруднения и только предположительно может интерпретироваться как имя САИХ (Σαιχ= Саих, видоизменённое (искажённое) - Исаак) (рис.397)²⁷⁹. Следует заметить, что на территории Феодоро эпиграфических памятников, по-видимому, сопровождавшихся изображениями двуглавых орлов было значительно больше. Так известно, что в одной из башен Мангупа в балке Табана-Дере (над входом) располагалась сильно повреждённая плита с тремя *сердцевидными гербами*. Об этой находке в своё время (1836 г.) сообщал Н.Н.Мурзакевич (*Мурзакевич*,1837,с.643). В 1926 г. на территории крепости Каламита найден фрагмент плиты с монограммой князя Феодоро Алексея I (*Малицкий*, 1933, с.32, рис.9). По стилю исполнения она идентична его монограммам на архитравных плитах 1425 и 1427 гг. и, видимо, относится к этому же времени.

виноградная лоза. По преданию впервые слова ΙС.ΧΡ.ΝΙΚΑ, означающие крестную победу Иисуса Христа, были написаны золотом на трёх больших крестах в Константинополе самим Константином, в память о трёх, последовавших одно за другим, явлений креста на небе (*Гнутава*,2015). Смысловое содержание данной формулы раскрывается в словах Спасителя: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моём, как и Я победил, и сел с Отцем Моим на престоле Его» (Апок. 3;21). В христианском понимании символизма виноградной лозы (в связи с таинством причащения и созданной им Церкви) лежат слова самого Христа: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода» (Ин.15;5) и «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец мой – виноградарь» (Ин.15;1). Проросший крест - из его основания исходят две лозы (иногда с гроздьями винограда) – символизирует собой Воскресение. В христианстве виноградная лоза олицетворяет Христа, ветви её – апостолов, а виноград – верующих.

²⁷⁹Некогда мной предлагалось ошибочное чтение средней монограммы в форме Ахмет (Αχμετος, Αχματος) (*Мыц*, 1991а, с.192). В.А.Сидоренко полагает, что в центральной монограмме можно видеть имя хана Хаджи Гирея, сопровождаемое титулом деспот (*Сидоренко*,1993,с.159). Х.-Ф.Байер раскрывал монограмму, как имя Саих и считал, что она принадлежала Исааку – правившему Феодоро перед турецким завоеванием Готии (*Байер*, 2001, с.396-397; *Мыц*, 2009, с.399). Иного мнения интерпретации средней монограммы придерживается В.П.Кирилко, полагающий, что все предпринятые попытки объяснения содержания средней аббревиатуры не бесспорны (*Кирилко*,1999,с.138). Поэтому для образующих её букв (М, А, Х, Л или Д) более естественной и приемлемой является их трансформация в Αχμαδος (Ахмад), Μαλχος (Малх), Μαλαχιος (Малахий) и Μηχαηλ (Михаил), чем Ατζικεριεζ (Хаджи Гирей) или Σαιχ (Саих) (*Кирилко*,2005,с.195). В то же время М.М.Чорев читает среднюю монограмму фунской надписи как аббревиатуру имени ΜΑΚΑΡΙΟΥ (Макарий – Макарий) (*Чорев*,2011,с.51).

5. Надгробная пелена Марии Мангупской (рис.490)²⁸⁰ размером 1,88 x 1,02 м. Как известно, Мария²⁸¹ прибыла ко двору Стефана III 4 сентября 1472 г., а её бракосочетание с господарем Молдавского княжества состоялось 14 сентября²⁸². После разрыва отношений со Стефаном III в 1476 г., Мария некоторое время провела в уединении и скончалась 19 декабря 1477 г.²⁸³ Она была погребена на родовом кладбище господарей Молдавии в монастыре Путны, где до настоящего времени хранится шёлковая красная (от времени приобрела кирпичный оттенок) пелена, покрывавшая гроб усопшей. Центральное место на покрове занимает изображение Марии в парадном многоцветном платье²⁸⁴ и с пятичастной короной на голове. Покойная представлена с закрытыми глазами и сложенными на груди руками, полихромное шитьё выполнено золотыми и серебряными, а также нитями различных цветов (рис.490; 493). По краю пелены на старославянском языке вышита надпись: «В год 6985, декабря 19 дня испустила свой последний вздох благочестивая раба божья Мария, супруга благочестивого Стефана Войводы, правящего господаря Молдавии, сына Богдана Войводы» (*Tafrali*, 1925, p.53-54; *Bogdan*, 1940, p.4-5; 1978. P.110, 204). По углам пелены в круглых медальонах размещены монограмма Асанов (в форме АСАН)²⁸⁵, два

²⁸⁰Из всех современных работ румынских исследователей наиболее полная и обстоятельная характеристика памятника (включая и историю изучения пелены) представлена в статьях Штефана Горовея и Марины Шекели (*Gorovei, Szekely*, 2004. p.81-112; 2006, p.49-87). В отдельной своей работе Штефан Горовея (*Gorovei*, 2004) предлагает рассматривать четыре медальона, помещённых в углах пелены с точки зрения формальной геральдики. Поэтому похоронная пелена княжны Марии им рассматривается как четвертичный щит. На нём в секторах 1 и 4 находится императорский орёл, являвшийся носителем наиболее важной информации, а монограммы династии Асанов (предположительно в секторе 2) и Палеологов (секторе 4).

²⁸¹О жизни Марии до нас дошли крайне скудные и противоречивые известия (см., например: *Elian*, 1964, p.160,164; *Nastase*, 1981, с.220-221 и др.).

²⁸²Данному событию современники придавали большое политическое значение, что нашло отражение в летописях (*Cronicile slavo-rominedin*, 1959, p.8,10; *Banescu*, 2003, p.567-590).

²⁸³ Судьба Марии Мангупской оказалась трагической. В июне (?) 1473 г. у неё родились два сына-близнеца – Богдан и Ильяш. Однако Ильяш скончался в младенчестве (в том же году), а Богдан – 25 июля 1479 г. шести лет от роду и также был погребён на монастырском некрополе Путны (*Tafrali*, 1925. p.54, 64; *Мыш*, 2009, с.499-500).

²⁸⁴А.А.Васильев обратил внимание на сходство верхней одежды Марии с платьем жены византийского императора Мануила II Палеолога (1391-1425) Елены (*Vasiliev*, 1937, p.241).

²⁸⁵Первым правильное чтение монограммы Асанов осуществил А.В.Соловьёв (*Соловьёв*, 1937, с.95-96). Позднее такую же версию предложили Габриэль Милле, восстановивший полное имя покойной княжны как *María Asanina Paleologina*, связав её с именем дарительницы одной из икон в монастыре Григориу на Афоне (*Millet*, 1904. p.171, n.511; *Millet*, 1947. p.79). Х.Бухталь, занимавшийся изучением изображений на пелене, обратил внимание на то, что монограмма имени самой Марии вообще отсутствует, в то время как

коронованных двуглавых орла и монограмма Палеологов (ПАЛАΙΛΓ) (рис.491; 492; 494)²⁸⁶. В 1937 г. А.В.Соловьёв, в рецензии на монографию А.А.Васильева, рассматривая пелену Марии Мангупской, невольно вынужден был обратиться к решению сложного вопроса генеалогии владетелей Феодоро, используя все доступные к тому времени источники (Соловьёв, 1937, с.93-104)²⁸⁷. При этом исследователь констатировал, что история возвышения мангупских князей в XIV-XV вв. ещё не вполне выяснена (Соловьёв, 1937, с.94)²⁸⁸ и полагал, что Алексей был незнатного происхождения, т.к. и на торжественных надписях, украшенных звонкими титулами и гербами, он своей фамилии не называет. Скорее всего, он был татарского происхождения, как это предполагает Н.Малицкий (Соловьёв, 1937, с.98).

Далее А.В.Соловьёв совершает экскурс в историю Феодоро 60-90-х гг. XIV в. и, основываясь не столько на свидетельствах двух эпиграфических памятников, сколько на предположениях Н.В.Малицкого, заключает, что первым князем Мангупа был сотник Хуйтани в 1362 г. Он владел городом, в котором была греческая митрополия с многочисленным духовенством и греческое торговое население, а также страну, где земледельцами и воинами были православные готы. Он стал опираться на это население, писать надписи по-гречески, признавать Св.Димитрия, и вероятно, крестился под этим именем. Его преемником был Чичика (?), вассал Тохтамыша, тоже только сотник, вероятно, тоже крещёный... «Опираясь на готско-греческое христианское наследие, Алексей становится независимым от татарского

монограммы Палеологов и Асанов соотносятся с изображениями двуглавых орлов Палеологов (*Buchta*, 1984.Р.96-98, ill.18).

²⁸⁶ Данные изображения, начиная с 80-х гг. XIX в., неоднократно привлекали к себе внимание различных исследователей (*Kozak*, 1903.S.82, n.1 и др.), которые в основном ограничивались упоминанием наличия в углах пелены монограмм и изображений двуглавых орлов. Одним из первых детальную публикацию пелены и интерпретацию монограмм в сочетании с изображениями двуглавых орлов осуществил в 1925 г. румынский византолог Орест Тафрали (*Tafrali*, 1925, p.52, n.90). О связях между Крымом и Молдавией в XV в. и интерпретации монограмм на пелене см.: (*Nasturel*, 1965. P.261-266).

²⁸⁷ Надо признать, что они ненамного увеличились с того времени: в 1969 г. обнаружена купель, а в 1982 г. фунская надпись 1459 г.

²⁸⁸ В.П.Степаненко, обратившись к рассмотрению данной темы, вынужден был констатировать, что генеалогия князей Мангупа настолько фрагментарна, что «все сделанные на основе имеющегося материала заключения свидетельствуют скорее о смелости исследователей, нежели о наличии в их распоряжении реальных фактов» (*Степаненко*, 2001, с.339, прим.22).

хана, выдаёт дочь Марию Готскую замуж за последнего трапезундского царя Давида и титулуется аутентом Феодоро и Поморья, в подражание титулу трапезундских царей. Аутент (*dominus*, государь) – это название, которое даётся в это время всякому самостоятельному владельцу, не имеющему особого титула» (Соловьёв, 1937, с.96). Исследователь пришёл к выводу, что «перед нами любопытная картина постепенной христианизации татарского рода, вошедшего в сферу культурного влияния умирающей и всё же столь привлекательной Византии. Вероятно, женись на христианках, татарские сотники принимают царские имена (Алексей, Иоанн, Исаак), вступают в родство со всё более знатными семьями и украшают себя гербами и эмблемами» (Соловьёв, 1937, с.98).

Дальнейшее изучение двух эпитафических памятников показало, что Хуйтани в надписи 1361/62 г. скорее назван турмархом, а его имя происходит от готского *haitan*, т.е. Белый. Имя гекатонтарха Чичикия (Цицикия, Цоцикия) времени правления хана Тохтамыша (1380-1395 гг.) скорее лазского происхождения. Хотя наиболее рациональным объяснением, как это уже отмечалось выше, можно считать титулы Хуйтани и Чичикия из Феодоро греческими кальками с тюркского, где гекатонтарх соответствует сада - сотнику, а турмарх – хазара - тысяцкому. Стоящие в начале надписей кресты указывают на их православное вероисповедание. Сами надписи скромны по своему оформлению и лишены каких-либо выразительных форм социальной идентификации (рис.166; 169,2) (Мыц, 2001, с.245-256; 2003, с.307-331; Степаненко, 2008, с.485-490).

Интересные наблюдения сделаны А.В.Соловьёвым при рассмотрении эмблем, использованных князем Феодоро Алексеем I в 1425 и 1427 гг.: «его личная монограмма состоит из букв АЛКС, надетых на геометрический знак, состоящий как бы из груши, проткнутой буквой Т. Мы думаем, что это родовой знак, тамга самого Алексея. В отличие от Византии, не знавшей гербов (кроме герба Палеологов) до XV в., турецкие и татарские князья имели свои родовые знаки» (Соловьёв, 1937, с.99). Далее он продолжал:

«Вероятно, подобная тамга была и в роду сотника Хуйтани-Димитрия. Крестившись, отдельные представители его рода стали украшать её греческими буквами своего имени. Совершенно такая же грушевидная тамга входит и в состав трёх монограмм из развалин Херсона, известных ещё по рисунку Палласа и пока не расшифрованных. Мы полагаем, что в первой мы имеем мангупскую тамгу, сложенную буквами ІСА(А)К; это, вероятно, эмблема Алексева внука Исайки (или Алексева сына?). Во второй мы найдём по тому же принципу буквы MAN, то есть царское имя Мануил. Только третью монограмму нам не удалось расшифровать (может быть Паллас её неточно зарисовал); не то МАЛ(?)КС, не то МАДКС²⁸⁹. Во всяком случае это знаки членов мангупской княжеской семьи, может быть безымянных братьев Олобея или Исайки и его братьев» (*Соловьёв, 1937, с.99*). Не трудно заметить, что и на фунской надписи 19 июля 1459 г. монограммы Алексея, Исаака и Александра построены с использованием основы в виде буквы Т, как бы наложенной на О.

В настоящее время исследователи, обходя молчанием мнение А.В.Соловьёва, предлагали свои варианты интерпретаций монограмм правителей Феодоро. Например, В.А.Сидоренко считает, что все имена (монограммы) на плите из Херсонеса дополнительно сопровождаются и титулом деспот (т.е. Т-образный символ якобы является верхним элементом аббревиатуры δεσποτις) (*Сидоренко, 1993, с.159*). Х.-Ф.Байер полагал, что большая буква О (не объясняя неизменного присутствия вместе с О и Т) на фунской надписи 1459 г. представляет собой дополнительный титул всех представленных здесь правителей Готии, как Олобей или Улубей, т.е. великий князь (*Байер, 2001, с. 396-397*). В.П.Кирилко, отстаивая черкесское (адыгское) происхождение правившей на Мангупе в XV в. фамилии, высказал предположение, что знак, сочетающий в себе Т и О, близок по своему изображению к тамге адыгского рода Кобертай (*Кирилко, 1999,*

²⁸⁹Штефан Горовей предложил раскрывать данную аббревиатуру как имя *Μελχισηδεκ* (ΜΕΛΧΙΣΗΔΕΚ – Μελχισηδεκ) (*Gorovei, 2004, p.25*). К такому же выводу, но только путём более сложных логических построений, пришёл и М.М.Чореф (*Чореф, 2011, с.52*).

с.140,рис.2). В качестве одного из аргументов, что перед нами может быть именно черкесская (адыгская) тамга, исследователь ссылается на находку, сделанную на территории Мангупа - отдельно вырезанную на каменном блоке фигуру, состоящую из двух компонентов Т и О, причём Т не пересекает, а примыкает сверху к О (рис.364,14).

К решению смыслового содержания Т-образного символа обратился М.М.Чорев убеждённый, что он «не мог быть ни буквой, ни каким-либо родовым знаком». Путём сложных историко-филологических построений исследователь в конечном счёте приходит к не бесспорному заключению: «вертикальная составляющая т.н. Т-образного знака определённо может трактоваться как I. Все они объединены окружностью, которую, вернее всего, следует понимать как рамку ординарной монограммы, а в нашем случае являющуюся её каркасом» (Чорев, 2011, с.49-50).

Однако имеющийся в нашем распоряжении иконографический материал всегда демонстрирует неразрывное сочетание двух греческих литер, а это, в свою очередь, может указывать на то, что в основе всех известных монограмм, содержащих имена правителей Феодоро XV в. также помещалась монограмма, но не с буквами Т и О, а с Т и Ф (рис.364,1-4,8-10). Именно в таком сочетании данная монограмма хорошо известна на христианских памятниках Святой Земли, начиная с храма Гроба Господня и раскрывается как *Тафос* (Ταφος), что означает «Гроб [Господень]» или «АгиосТафос» (Ο'ΑγιοςΤαφος)²⁹⁰ - «Святой Гроб [Господень]»²⁹¹.

²⁹⁰Надпись, раскрывающую монограмму «Тафос» в форме «Ο'Αγιος Ταφος», можно увидеть и на изображениях храма Святого Гроба Господня. Например, на иконе «Топография Палестины» (данный живописный проскинитарий изготовлен в Иерусалиме в 1876 г.) (Залесская, Пятницкий, 1991. с.21-22, рис.56; Пятницкий, 1996. с.44-46; 1997. с.38-41; 1998. с.114, 130-131, №165 и др.).

²⁹¹У места последней остановки Иисуса Христа перед восшествием на Голгофу, мы находим изображение двуглавого коронованного орла, помещённого в выемке пола в виде большой квадратной плиты изготовленной из яшмового камня жёлто-золотистого цвета. Двуглавого орла с опущенными крыльями также можно увидеть и на Царских вратах храма Воскресения. Однако время создания данных изображений мне неизвестно: они вполне могли здесь появиться и после пожара 1808 г. и масштабной перестройки архитектурного комплекса в начале XIX в. Золотой двуглавый орёл с опущенными крыльями вышит на пурпурной ткани, покрывающей спинку трона Патриарха Иерусалимского. Близкие по своей иконографии двуглавые орлы, головы которых покрыты одной большой зубчатой короной, изображены над приморскими воротами Константинополя на гравюре в книге хроник Гертмана Шеделя (1493 г.). Близкий по своей иконографии двуглавый орёл с большой многозубчатой короной как бы соединяющей обе головы (вырезан

Монограмма Тафос свидетельствует о принадлежности того или иного культового объекта Братству Святого Гроба Господня²⁹² и практически всегда сопровождается изображениями двуглавого орла²⁹³, который, видимо, выступает здесь символом (эмблемой) Иерусалимского патриархата Православной Церкви. Главной резиденцией Братства Гроба Господня является монастырь Свв.Константина и Елены (Святогробский монастырь), расположенной в Старом городе Иеруалима неподалёку от храма Воскресения Христова (храма Гроба Господня)²⁹⁴.

Но вернёмся вновь к ктиторской надписи Алексея I, повествующей о возведении им в 1427 г. храма Свв. равноапостольных Константина и Елены. Н.В.Малицкий обратил внимание на некоторую шероховатость текста, «какая получается, если принять такое толкование, именно что посвящение храма указано не в начале надписи при словах «сей храм», а в конце в титуле Алексея, причём без указания, что речь идёт уже об упомянутом храме» (Малицкий, 1933, с.27). Территориальная или объективная часть титула Алексея включала в себя статусное наименование земель (территорий), на которые распространялась его власть: владетель города Феодоро и Поморья (κυρ 'Αλεξιος αυθεντης Θεοδωρου και Παλαδαλασσιας). Однако далее идёт указание на то, что он ещё является ктиторм святы, славных, боговенчаных, великих царей, равноапостольных Константина и Елены (Латышев, 1896, с.26-27). Вызывает сомнения и однозначная интерпретация эмблемы на левой стороне плиты 1427 г., как герба республики Св.Георгия

на мраморной плите) известен в церкви 40 мучеников Севастийских Ксиропотамского монастыря на Афоне. Однако и здесь время его появления остаётся не ясным.

²⁹² Современное общество, объединяющее примерно 100 монашествующих Иерусалимской Православной церкви – Братство Святого Гроба (‘Н ‘Ιερα ‘Αγιοταφικη ‘Αδελφотης).

²⁹³ В качестве примера могу привести Fragment de la Carte Marine de Freduced'Ancone, dessinee en 1497 tiree de la Bibliotheose de Wolfenbuttel a comparee avec les nomsmodernes par Frederic Dubois. 1843. На данном фрагменте карты 1497 г. Фредуче де Анконе представлено изображение большей части территории Причерноморья. При этом над Трапезундом водружён флаг с изображением двуглавого орла, держащего в своих лапах монограмму Тафос. Фрагмент был скопирован и опубликован в 1843 г. Фредериком Дюбуа де Монпере (1798-1850) (*Duboisde Montpereux*, 1843.Т.VI). Изображение карты также представлено на форзаце русского издания (*Дюбуа де Монпере*, 2009. 328 с., цв.вкл.).

²⁹⁴ В настоящее время по устройству Святогробского братства и Иерусалимская Патриархия представляет собой монастырь Свв.Константина и Елены (см.: Гроба Господня (Воскресения Христова) храм в Иерусалиме // Православная энциклопедия. Т.13. http://www.pravenc.ru/text/168_155.html (последнее посещение 20.12.2011).

(*Brun*, 1866, p.63), которой придерживаются и некоторые современные исследователи (*Chotzakoglou*, 1996, s.67). Во-первых, латинский крест (лат. *cruximmissa*) помещён в поле каплевидного (миндалевидного) щита. В генуэзской геральдике не только Газарии (Крыма), но всего Причерноморья и Средиземноморья каплевидная форма щита на протяжении XIV-XV вв. лигурийцами применялась крайне редко²⁹⁵. Наоборот, подобная форма больше характерна для иконографии русско-византийских (православных) изобразительных памятников (миниатюр, икон, печатей, и проч.) XII-XVI вв. (*Кирпичников*, 1976. с.44, рис.16, 1-3)²⁹⁶. Во-вторых, длинный крест, как символ Распятия, Страдания – широко использовался на протяжении всего средневековья не только католической, но и православной церковью²⁹⁷. В качестве примера можно привести не только наличие подобных крестов на верхних одеждах (облачениях и в первую очередь - омофорах) православных иерархов²⁹⁸, но и воздухах (плащаницах) с изображением Иисуса Христа²⁹⁹.

²⁹⁵ По наблюдениям Е.А.Яровой, из общего числа изученных ею генуэзских гербов Крыма, большинство вписано в подтреугольный, или французский, щит; 3 герба – в так называемый щит каплевидной формы (Де Марини на плите из Каффы 1406 г., Олива из НЗХТ, Гоано на михрабе Судакской мечети); 2 герба – в круглый щит (Де Мари – Пикко на плите из Каффы 1406 г., Дория и Монтероссо на плите Каффы 1462 г. (*Яровая*, 2010, с.184). Е.Ч. Скрыжинская в своей работе представляет геральдические фигуры, выполненные в основном на французских щитах (*Skrzinska*, 1928. Vol.56, 140 p., ill. 1, 2, 3, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 20, 21, 24, 25, 28, 30, 38, 39, 54, 55); Л.А.Маджоротти, рассматривавший историю лигурийского фортификационного строительства в Причерноморноморье и Средиземноморье, отмечает наличие геральдических фигур, помещённых на щитах каплевидной формы на одних из ворот генуэзской Перы (1430 г.) и в Фамагусте, на куртине возведённой венецианцами (*Maggiorotti*, 1933. p.147, fig. 96; p.450, fig.398-399). При этом латинский крест в качестве герба Республики св.Георгия (Генуи) только в одном случае расположен на каплевидном щите (строительная надпись 1430 г. над воротами Перы).

²⁹⁶ Появление щита миндалевидной формы исследователи относят к позднеермскому периоду - III в. н.э. (*Rostovtzeff*, 1939. p.326, Pl.XLI-XLVI). Их наличие фиксируется в V-VI вв. в Египте (*Junkelmann*, 1996. p.115-124), получая наибольшее использование в византийской армии XI в. (*Heath*, 1980. p.68, fig.13; *Kolias*, 1988. s.92-93, 109). К XV в. Данный тип щита (*σκούταριον*), по-видимому, полностью вышел из практического употребления, но сохранился в изобразительном искусстве вплоть до XVI в. Примером может служить изображение каплевидных щитов на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя» (Ранее находилась у «Царского места» в Успенском соборе Московского кремля. В настоящее время хранится в Третьяковской галерее (*Забелин*, 1998. с.22; *Квлидзе*, 1998, с.49-56; *Сорокатый*, 1999. с.399-417). Здесь же, на щите одного из всадников нижнего ряда, изображён щит трепещивидной формы с двуглавым орлом.

²⁹⁷ Кстати, при трёх видениях крестов Константину Великому, их формы отличались. Например, если при первом видении, описываемом Евсевием Кесарийским, явленный императору крест был сияющим, вписанным в круг или с ветвями, несколько выходящими за его пределы (знамение, лежащее на солнце), то по второму видению нижняя ветвь креста могла быть длиннее прочих (*Шедрина*, 2003, с.55-66).

²⁹⁸ Например, на фресковой росписи начала XIII в. в апсиде храма Св.Николая в Мелнике (Болгария) в сцене с апостолом Петром, которую А.Ксингопулос интерпретировал как рукоположение Св.Иакова, брата Иисуса Христа, в первые епископы Иерусалима (*Εὐγγελοῦλος*, 1950. v. 10, Σ.115). Здесь же, в южной части регистра изображены святители Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и Афанасий Александрийский (*Тодич*, 1994. с.36, рис.2,3), омофоры которых украшены латинскими крестами. И подобных примеров можно привести множество.

В связи с затронутым вопросом отдельного внимания заслуживает и взгляд на архитектуру мангупского октагона³⁰⁰. Не вызывает сомнений, что выбор архитектурного типа данного здания обуславливался рядом важных обстоятельств. Внутреннее крестообразное пространство, а также ротондальная композиция объёмов изначально являются наиболее характерными чертами христианских мемориальных сооружений (*Grabar*, 1946. р.27-31, 77, 155-156, 172, 359-360)³⁰¹, что не мог не учитывать ктитор данного строения. Особое смысловое содержание имела также семантика плана. Согласно богословским толкованиям, храмы с октагональным (многогранным) основанием сопоставляются со звездой, подобно которой церковь сияет благодатным Христовым светом (*Никольский*, 1874, с.2). К тому же и число восемь как сакральное число-символ Воскресения напоминает о времени явления Небесного Иерусалима (*Лидов*, 1994, с.17). Ретроспективно иллюстрацией этому служит фреска с изображением Свв. Петра и Павла (дата росписи – около 1443 г.) из кафедрального собора в В.Тырново³⁰². На ней апостолы держат в руках шестигранную ротонду, олицетворявшую собой церковь Христову (*Матфей*, 16:18)³⁰³. Аналогичное

²⁹⁹Особенно характерно в этом отношении изображение на плащанице (изготовлена около 1300 г.) сербского короля Стефана Уроша II Милутина Неманича (ок. 1253-1321), хранящаяся в Белграде, в музее Сербской православной церкви. Христос представлен на полотне в полный рост со скрещенными на чреслах руками. Как отмечает В.Б.Казарина: «Нагота Спасителя прикрыта литургическим платом, что указывает на тождественность голгофской и евхаристии и евхаристической жертвы Спасителя» (*Казарина*, 2010. с.521, ил.2). В центре плата помещён крест с укороченной горизонтальной переключиной (*patibulum*) и несколько вытянутой вертикальной (*staticulum*). На ветвях креста изображено пять маленьких равноконечных крестов, а по его периметру - десять равноконечных крестов в круглых медальонах. Поле плата заполнено изображениями таких же равноконечных крестов в круглых медальонах и восьмилучевых звёзд. Равноконечными крестами в круглых медальонах покрыт саккос святителя Петра, митрополита Всея Руси (1322 г., музей Московского Кремля, Москва) (*Турцова*, 2014, рис. на с.27).

³⁰⁰Более детальную характеристику архитектуры этого неординарного памятника см.: (*Кирилко*, *Мыц*, 2001, с.354-375). О результатах последних археологических раскопок см.: (*Герцен*, *Науменко*, 2010. с.227-253; *Кирилко*, 2010. с.103-120).

³⁰¹ Например, Евсевий Кесарийский (ок.263-340 гг.) рекомендовал ротондальную форму строения с круглым планом для императорских усыпальниц как наиболее оптимальную, и именно такой вид имели мавзолеи Константина Великого в Константинополе и представителей его семьи в Риме (*Grabar*, 1946, р.143 sq.). Очень близок мангупский октагон к гробнице остготского короля Теодориха (526-530 гг.) в Равенне, в декорировке которой использовались мотивы сирийского происхождения (*Шуази*, 2002. Т.2.с.63-64, рис.54).

³⁰²Современные датировки росписей храма имеют широкие хронологические пределы – с XIV по XVI вв. (*Божков*, 1985 с.245, прим.6).

³⁰³В связи с рассматриваемой темой будет уместно процитировать заключение по данному поводу О.М.Иоаннисяна, писавшего, что причина, обусловившая особое пристрастие к храмам-ротондам в романской архитектуре, заключалась в прямой апелляции к ротонде Гроба Господня в Иерусалиме. Но теперь это уже «было связано не с созданием мемориальных храмов-мартириев, а с программным

символическое воплощение в архитектурных интерпретациях святынь Сиона, места избранного Богом «в жилище Себе» (*Псалмы*, 131:13), получили и отдельные предметы церковного обихода (*Грабар*, 1983, Т.2, с.215). По подобию храма Святого Гроба Господня изготовлен и византийский серебряный реликварий XI в. – малый Сион из новгородской Св.Софии. Он имеет вид перекрытой куполом ротонды с правильным шестиугольным основанием (*Стерлигова*, 1988, с.272-273). Типологически сходен с ним и ковчежец 1059-1065 гг. из Оружейной Палаты Московского Кремля, повторяющий октагональный киворий над реликвиями Дмитрия Солунского в Фессалонике (*Стерлигова*, 1997, с.255-273).

Вероятно, тот же образ попытался материализовать и автор, изготовивший известняковый штамп для просфор из Алустана, придав изделию форму многогранного в плане храма³⁰⁴. В том, что этот предмет представляет собой миниатюрную модель церкви, причём классического варианта ротонды – с обходной галереей нижнего этажа, сомневаться даже не приходится, поскольку в его верхней части (на втором ярусе) двумя глухими плоскостями выделено место алтаря. Значение алуштинской находки трудно переоценить, т.к. она остаётся пока единственным крымским артефактом подобного рода. Во-первых, архитектоника здания, послужившего мастеру прототипом, во многом сопоставима с объёмно-плановой структурой купольных ротонд Закавказья, наиболее полно и достаточно разносторонне представленных в армянском зодчестве³⁰⁵. Во-вторых, необходимо признать, что многогранные в плане³⁰⁶ церковные строения в средневековой Таврике

обращением к образу иерусалимской ротонды – главной святыни христианского мира, вызванным эпохой крестовых походов... наряду с уже сложившимися функциями замковых и личных церквей у ротонд появилась ещё одна – быть обетными рыцарскими капеллами» (*Иоаннисян*, 1994. с.103).

³⁰⁴Точную дату изготовления штампа установить не удаётся, т.к. изделие обнаружено в переотложенных слоях с керамическим материалом XIII-XV вв., заполнявших помещение 69 внутрикрепостной застройки Алустана (*Кирилко, Мыц*, 2001, с.367, прим.71).

³⁰⁵В то же время ротондальные церкви Армении и, прежде всего Звартноц, сопоставимы с основным памятником Святой Земли – ротондой Воскресения храма Святого Гроба Господня (*Казарян*, 1994. с.107-120).

³⁰⁶Штамп сохранился частично - верх отбит. Изделие носит следы пребывания в огне (пожаре?). В основании его размеры составляют 6,6 x 6,6 см, высота – 5,4 см. Интересно отметить, что если в нижнем ярусе штамп имеет 10, то в верхнем – 9 граней. На нижней плоскости рабочей площадки в глубоком рельефе вырезан равносторонний просфорный (или Константиновский) крест, в центре и по сторонам которого

были известны, по крайней мере, в XIII-XV вв., а следовательно, уникальность октагонального храма города Феодоро можно считать относительной. Октагональной церкви также могла принадлежать и архитравная плита окна, на лицевой стороне которой в низком плоском рельефе вырезано поле тимпана с крестом мальтийского типа (рис.226,2). Фрагмент этой перемычки был использован в качестве перекрытия крайнего (юго-восточного) отверстия при ремонте донжона цитадели Мангула турками и превращении окон третьего этажа в ружейные бойницы. Реконструируемая ширина проёма в свету достигала 0,32 м, толщина четверти 0,12 м.

Обе плиты (с надписью 1427 г. и тимпан проёма окна) между собой стилистически близки. Учитывая посвящение храма, не менее важными являются также иконографические особенности креста тимпана, форма которого в христианской символике восходит к легендарному знамени Константина, наделяясь охранительной и победоносной семантикой (Вилинбахов, 1983,с.26-27; 1985,с.188-196).

Таким образом, при возведении в 1427 г. октагонального храма Свв.Константина и Елены в столице Феодоро, были использованы два типа крестов: 1) на строительной надписи - крест (латинский) с удлинённой нижней ветвью – как знак мученичества Христа и 2) охранительный, победоносный крест Константина Великого (Вилинбахов,1983,с.27) - при украшении тимпанов оконных проёмов (?). В 1459 г. на фунской надписи латинский крест уже заменён на процветший (просфорный, Константиновский), видимо, как наиболее общий знак-символ Небесного Иерусалима (Лидов,1994,с.22; Jaszai, 1970, Bd. 6. S.399). Следует также отметить, что маленькие кресты, с равноконечными ветвями вписанные в круг (кресты Константина Великого), использованы при заполнении

имеются скруглённые углубления. Число граней в верхнем ярусе просфорного штампа может указывать как трёхчастную структуру самого изделия, так и содержать намёк на то, что из третьей просфоры – девятичинной - изымаются 9 частиц в честь святых: Иоанна Крестителя, пророков, апостолов, святителей, мучеников и преподобных, бессеребреников, Иоакима и Анны и того святителя, имени которого совершается литургия.

верхнего углового пространства прямоугольных рамок, в которые помещены каплевидные щиты с монограммой Алексея и двуглавого орла. В то же время в правом верхнем углу рамки с латинским крестом помещена шестилепестковая розетка. Нижнее пространство за пределами трёх геральдических щитов заполнено стилизованно исполненной виноградной лозой (рис.231-233). Близкое по технике резьбы изображение виноградной лозы сохранилось в нижнем правом углу каплевидного щита с двуглавым орлом на плите с надписью 1425 г. (рис.228,1,2) (*Айбабина*, 2001, с.171, рис.76). Более произвольную форму исполнения виноградной лозы наблюдаем при декоративном оформлении верхнего ряда монограмм и символов (процветшего креста и двуглавого орла) на плите с датой 19 июля 1459 г. (рис.396; 397).

В.В.Латышев, в комментарии к эпитафическому памятнику из раскопок Партенитской базилики, обратил внимание на то, что «замечательная по тщательности вырезки и правильности надпись эта относится к 1427 году по Р.Х., т.е. к одному году с надписью, свидетельствующей о постройке храма в крепости владетелем города Феодоро Алексеем» (*Латышев*, 1896, с. 78-79). Действительно, не могли быть случайными совпадениями два важнейших в истории Крымской Готии события 1427 г.³⁰⁷: 1) восстановление (освящение?) 10 сентября митрополитом Дамианом базилики Св. апостолов Петра и Павла, сопровождавшееся торжественным перезахоронением (?) останков (мощей) Преподобного Иоанна Готского и 2) завершение князем Алексеем I (в октябре) строительства в цитадели города Феодоро октагонального храма Свв. равноапостольных Константина и Елены. Данные события связывают не только близость дат, но и их связь со Святой Землёй. Из Жития Иоанна известно, что он, прежде чем стать пастырем православного народа Готии, отправился «в Святой град (и) обойдя всякое святое место и все стези Божьи, вернулся обратно по окончании там третьего года. Тогда только жители

³⁰⁷ На совпадение двух этих событий обратил внимание и А.В.Соловьёв, рассматривавший их в едином историческом контексте деятельности Алексея, пытавшегося закрепиться на побережье Готии (*Соловьёв*, 1937, с.95).

Готфии послали его в Иверию, к католическому престолу. И там, рукоположенный во епископы, он сохранил невредимыми догматы всеобщей церкви и правую веру». (*Васильевский*, 2008, с.819; *Могаричев, Сазанов, Шапошников*, 2007, с.11-12). Таким образом, и в 20-е гг. XV в., когда в правящей элите Константинополя всё большей популярностью пользовались латинофильские настроения³⁰⁸, Иоанн Готский, представлялся православным верующим борцом за правую веру, сохранившим догматы всеобщей церкви. К тому же он три года провёл в Святой Земле, посетив за это время все места связанные с деяниями Иисуса Христа. Примерно в это же время (около 1425 г.) правитель Феодоро Алексей I (1411-1446) становится светским членом Братства Гроба Господня. Он возводит не только дворец, но, по-видимому, совместно с митрополитом Дамианом восстанавливает из руин Большую мангупскую базилику, а в октябре 1427 г. завершает строительство обетного октагонального храма во имя Свв.Константина и Елены.

Представленные выше материалы и, прежде всего две надписи правителя Феодоро Алексея I (1425 и 1427 гг.), дают возможность сделать выводы общего порядка. 1) В основе своей монограммы Алексей I поместил монограмму *Тафос*, чем позиционировал себя как поборника борьбы за чистоту православия и светского члена Братства Святого Гроба Господнего. Это также давало ему право использования эмблемы Братства – двуглавого коронованного орла. 2) Рядом с Большой мангупской базиликой в 1425 г. Алексей I возводит дворец, а в 1427 г. в цитадели города строит (как член Братства Гроба Господнего) обетную церковь - октагональный храм во имя

³⁰⁸Сложное внешнеполитическое положение Византии на рубеже XIV-XV вв., определяющим фактором которого становится борьба с османской экспансией, породило иллюзию о получении военной помощи от западных государств. Император Мануил II Палеолог на четыре года (1399-1403 гг.) отправляется на Запад, надеясь получить помощь в войнах с турками (*Васильев*, 1912, С.41-78, 260-304; *Barker*, 1969). В это же время (и вплоть до краха Византии 29 мая 1453 г.) вновь становится популярной идея церковной унии (*Ломизе*, 1999, с.262-269) Восточной Церкви с Западной (О сложностях унионального процесса см.: *Акишин*, 2011, с.70-101).

Свв.Константина и Елены³⁰⁹. 3) Начиная с 1425 г., все возведённые при содействии Алексея I строения снабжаются монограммами князя, в основании которых помещается монограмма *Тафос*, а также двуглавыми орлами. Данная символика призвана демонстрировать новый (относительно прежнего) высокий статус социальной идентификации аутента Феодоро. Поэтому позволю себе высказать предположение, что Алексей I, правивший в Феодоро с 1411 по 1446 г., как это и предполагал А.В.Соловьёв, не принадлежал кому-либо из знатных родов византийского круга. Благодаря щедрым подаркам, посылаемым в Иерусалим на поддержание православия в Святой Земле и храма Гроба Господня, он, как правитель православного государства, к 1425 г.(?) стал светским членом Братства Гроба Господня и получил право использовать в качестве эмблемы двуглавого орла, а также монограмму Тафос. Примеру Алексея затем следовали и правившие в Феодоро другие аутенты (Исаак, Мануил, Алексей III и Александр). Женильба его старшего сына Иоанна (в 1426 или 1429 гг.?) на Марии Асанине Палеологине Цамблаконине давало право детям, родившимся от этого брака именоваться Асанами, Палеогогами и Цамблаконами. Это мы видим на примере с внучкой (?) Алексея I Марией, ставшей женой Стефана III. Хотя хронисты и называли её черкешенкой³¹⁰, но на погребальной пелене Марии 19 декабря 1477 г. представлены два коронованных двуглавых орла, а также монограммы Палеологов и Асанов, т.е. среди представителей поздневизантийской аристократии она считалась Асаниной Палеологиней или Палеологиней Асаниной.

Процесс служения храму Гроба Господня потребовал, по-видимому, от Алексея I отправки специальных посольств в Иерусалим³¹¹. Получить

³⁰⁹ Дата надписи – октябрь 1427 г. – также может быть уточнена: явление Константину Креста с надписью «Сим побеждай», произошло 27(28) октября 312 г. Вероятно, около 28 октября 1427 г. во имя Свв.Константина и Елены было завершено и освещено (?) возведение октагонального храма Мангуа.

³¹⁰ По данному вопросу более подробно см. работу дискуссионного характера: Хотко С. Черкесская династия в Крымской Готии. 1403-1475 гг. // <http://adigasite.com/archives/1409> (последнее посещение 13.05.2011).

³¹¹ Следует также отметить, что кафедра Иерусалимского Патриархата временами пустовала (т.е. была вдовствующей), а также, из-за сложностей политической обстановки в Палестине, патриархи Иерусалима часто подолгу проживали в Константинополе.

грамоту о приёме (вступлении) в Братство Гроба Господня Алексей I смог, вероятно, от патриархов иерусалимских Феофила II (1424 г.?) или Феофана I (1424-1425 гг. (?), что и нашло отражение в его первой (1425 г.), до настоящего времени известной, строительной надписи из донжона мангупского дворца.

4.4.6. Эмблема двуглавого орла в «геральдике» государств византийского содружества

В связи с рассматриваемой темой вполне естественно встаёт вопрос о начале использования двуглавого орла в качестве эмблемы Братства Святого Гроба Господня. Однако до настоящего времени многие исследователи продолжают называть двуглавого орла гербом Палеологов, хотя ещё А.В.Соловьёв настаивал на том, что двуглавый орёл вовсе не был гербом Палеологов, а сперва придворным украшением византийского двора, которое постепенно становится эмблемой царства³¹². Эту эмблему охотно принимают христианские владетели, вошедшие в сферу влияния Византии (князя Хума в конце XII в., сербские короли с начала XIII в., князь Даниил Галицкий в серед. XIII в.). Гербом же Палеологов в XIV и XV веке был золотой крест с четырьмя *B* (или *πυλεκβολα*) на красном поле. Двуглавым орлом и в XIV и в XV в. пользуются многие православные государи различного ранга (царь Душан, деспот Оливер, деспот Константин сербский, деспот Мусаки албанский в XIV в., деспот Бранкович, албанский Скендербег, Черноsvичи в Зете в XV в. и т.д.). Двуглавый орёл является в XV в. чаще эмблемой различных деспотов, чем византийских царей. Кроме того он стал гербом трапезундских Комненов. Поэтому «трудно сказать, что обозначает двуглавый орёл на надписях Алексея: то ли он вошёл в семью православных

³¹²К детальному рассмотрению этой проблемы русский византолог А.В.Соловьёв обратился в фундаментальной работе, изданной в 1935 г., но не утратившей научного значения до настоящего времени (Soloviev, 1935. p.119-164). В 1979 г. она была переиздана в Лондоне (Soloviev, 1979. p.119-164). Перевод с комментарием и издание на русском языке осуществлены относительно недавно А.П.Черных (Черных, 2009, с.96-108) (Соловьёв, 2009, с.109-197). В 1934 г. данная тема была озвучена в докладе (Solovjev, 1935. p.343-345).

государей, как названные сербские и албанские деспоты, или то, что он стал именно собственником трапезундских царей» (Соловьёв, 1937, с.99).

Учёные по-разному пытались решать вопрос о времени появления в Византии двуглавого орла в качестве эмблемы. Например, Н.Беес высказал предположение, что самое раннее изображение двуглавого орла может относиться ко времени правления императора Юстиниана I (527-565) (Bees, 1912, s.321-330). Однако уже вскоре П.Марк (Mark, 1913, s.289)³¹³, в специально посвящённой этому вопросу рецензии, дал убедительное обоснование несостоятельности приводимых Н.Беесом примеров и, следовательно, отстаиваемой им теории.

Долгое время широкой популярностью среди исследователей пользовалась гипотеза, которой придерживался и Н.П.Кондаков (Кондаков, 1929, с.118-119), полагавший, что введение двуглавого орла можно связывать с византийскими императорами Комнинами, род которых происходил из Пафлогонии, т.к. «двуглавый орёл имеет свою иконографию религиозного происхождения, идущую из глубокой древности переднеазиатских государств»³¹⁴. Сп.Ламброс, на основании изображения из Codex Monacensis 422, ограничивал время появления двуглавого орла у императоров Византии серединой XIII в. и связывал его с правлением Феодора II Ласкариса (1254-1258). При этом он полагал, что императоры Никеи стали использовать данную эмблему под впечатлением наличия двуглавого орла в кругу хеттских памятников Каппадокии (Λαμβρος, 1909, p.433-473). Однако А.Хайзенберг, детально изучив мюнхенскую рукопись, пришёл к заключению, что вторая голова на изображении орла является более поздним дополнением (Heisenberg, 1920. s.28-29). К середине 1930-х гг., почти одновременно, из печати вышли работы Г.Жерола (Gerola, 1934. p.7-36) и

³¹³Свороносом также было установлено, что в булле стратига Эллады (στρατιγός Ἑλλάδος) IX в., на которую ссылался в своих хронологических построениях Нико Беес, представлен одноглавый, а недвуглавый орёл (Svoronos, 1914.p.38).

³¹⁴Собственно одним из основоположников комниновско-пафлагонской концепции появления двуглавого орла в Византии следует считать Г.Хризвергоса, полагавшего, что Комнины с 1048 г. стали использовать двуглавого орла в качестве своего фамильного герба (Χρῖσβεργος, 1861.σ.43-50).

А.В.Соловьёва (*Soloviev*, 1935, p.119-164). В своём исследовании Г.Жерола обратился в основном к двум артефактам с изображениями двуглавых орлов: 1) Хрисовулу Монемвасии 1293 г. и 2) позолоченной шкатулке, хранящейся в Национальном археологическом музее Чивидале-дель-Фриули (Северная Италия). На шкатулке сохранились гербовые изображения династии Анжу (золотые лилии) и двуглавые орлы с расправленными крыльями без корон (*Nicol*,1994, Plate 2; *Chotzakoglou*, 1996, s.62. Abb.2.). Данную шкатулку считают свадебным подарком Тамары Ангелины Комниной, дочери Эпирского деспота Никифора I Комнина Дуки (1267/68-1297), преподнесённым в 1296 г. (или в 1294 г.?) её супругу Филиппу I Тарентскому (1278-1332). На основании имеющегося в его распоряжении материала Г.Жерола пришёл к заключению, что двуглавые орлы были введены в качестве геральдической эмблемы Комнинами. Но эту гипотезу жёсткой критике подверг Ф.Дёлгер (*Dölger*, 1934, s.470-472).

А.В.Соловьёв полагал, что самое раннее применение двуглавого орла в качестве эмблемы в византийском культурном пространстве относится ко времени императора Андроника II (1282-1328)³¹⁵. По его мнению, оно впервые было помещено на Хрисовуле 1293 г., подтверждающем привилегии в пользу города Монемвассии³¹⁶. Здесь представлен император, стоящий на пурпурной подушке с изображениями двух золотых двуглавых орлов (*Soloviev*,1935,p.133). Ф.Дёлгер, в целом давая высокую оценку проделанной А.В.Соловьёвым исследовательской работы, считал, что Хрисовул

³¹⁵Данная идея, по-видимому, возникла у А.В.Соловьёва под впечатлением яркой работы А.Хайзенберга (*Heisenberg*,1920,s.13-29), пришедшего к заключению, что двуглавого орла не знали ни Комнины, ни императоры Никеи, но данной эмблемой пользовались латинские императоры Константинополя. Поэтому он писал: «Отсутствие источников не позволяет нам узнать, что побуждало императора Андроника II пользоваться орлом с двумя головами вместо одноглавого... Андроник II вовсе не опирался на никейскую или более древнюю византийскую традицию, но возможно на традицию латинскую, которая была ещё жива в Византии после 1204-1261 гг.» Далее А.В.Соловьёв делает далеко не бесспорное предположение (см.:*Черных*,2009,с.103), что «Императоры, уроженцы Фландрии, символизировали двуглавым орлом свою империю на Востоке и на Западе; подобные идеи могли повлиять и на Андроника II. Поскольку именно в его время Византия начала терять Малую Азию, Восток своей Империи. В 1288 г. Осман одержал победу, положив начало триумфальному походу турок против Византии (Pachym.P.388). Для распада этой угасающей Империи характерно, что василевсу нечего было этому противопоставить, кроме одних притязаний и магии символа» (*Soloviev*,1935,p.121; *Соловьёв*,2009,с.113).

³¹⁶Император Андроник II Палеолог изображён со всеми властными регалиями и стоящим на алом суппедионе с вытканными на нём двумя золотыми двуглавыми орлами. В настоящее время исследователи датируют документ июнем 1301 г. (*Kalligas*, 2009. p. 365, fig.1).

Монемвассии 1293 г. является подделкой, изготовленной в 1301 г. с использованием подлинного оригинала. Следовательно, по мнению Ф.Дёлгера, двуглавый орёл мог быть введён позже, чем это полагал А.В.Соловьёв. Сам же Ф.Дёльгер придерживался мнения, что первым графическим примером геральдического применения двуглавого орла в Византии – является миниатюра 1370/5 г., а самое раннее письменное подтверждение относится к 1330-1348 гг. (*Dölger, 1935, s.505-506*).

В 1996 г. из печати вышла статья австрийского исследователя Харламposa Хотцакоглу. В ней автор обратился к анализу накопленного за последние десятилетия материала, связанного с попыткой ответить на вопрос о времени и причинах появления изображений двуглавых орлов в византийском мире³¹⁷. Подводя итоги состояния данной проблемы, Х.Хотцакоглу (*Chotzakoglou, 1996, s.62*)³¹⁸ отметил, что учёные, обращавшиеся к этой теме в 40-80-х гг. XX в., пытались в основном изменить временные границы, предложенные Ф.Дёлгером (*Hemmerdinger, 1968, s.305-309; Borgia, 1994, p.457-489.*), как на поздние (*Hellman, 1969, s.334; Korn, 1969, s.75*), так и (почти на столетие) более ранние. Сам Х.Хотцакоглу склоняется к заключению, что наиболее раннее изображение двуглавого орла относится к 1294-1296 гг. и представлено на рельефе из церкви Парегоретисса расположенной под городом Арта (*Orlandos, 1968, p.99-100, Abb.108; Theis, 1991, p.154-155; Chotzakoglou, 1996, s.64, Abb.11.*). Здесь двуглавый орёл находится в круглом медальоне, сформированном из одножгутовой плетёнки, и занимает центральное место на перемычке арки двери церкви, на которой сохранилась

³¹⁷На протяжении 40-90-х гг. XX в. исследователи неоднократно обращались к теме происхождения, значения и распространения двуглавого орла на широком ареале влияния византийской и поствизантийской цивилизации (см., например: *Kornemann E.* 1), 1940, s.45-69; 2)1940, s.446-448; *Jacopi, 1953, p.151-161; Korn, 1963-1968, s.113-124; 148-153; 181-191; 217-226; 299-306; 334-344; 361-369; 421-430; 441-453; 481-495; 2)1980, Col.153-154; Alef, 1966, p.1-21; Hemmerdinger, 1968, p.305-309; Hellmann, 1969, s.321-344; Spyridakis, 1972-1973, с.162-174; Boureau, 1985; Mattern, 1988, p. 399-416; Kazdan, 1991, p.472-473, 669; Schreiner, 1997, p.1102-1103, fig.1,2; Androudis, 1999, с.311-345; Bleisteiner, 2001, s.4-52 и др.).*

³¹⁸Исследователь обратил особое внимание на хранящуюся в настоящее время в Государственном Эрмитаже икону Панократора 1363 г., (№515) на которой (слева от Иисуса Христа и на раме иконы) изображён великий примикийрий Иоанн, супруг Анны Асанины Кондостефанины (*Божиллов, 1994, С.340-345, 493-494, №34, рис.33-34*). При этом Х. Хотцакоглу отмечает, что если сама икона неоднократно становилась предметом внимания учёных (*Кондаков, 1906, с.76-77; G.Millet, 1906, p.618-619; Lasareff, 1937, p.255-256; Банк, 1966, с.377 ил. 265-269; Лазарев, 1986, с. 168, прим.83 и др.*), то двуглавые орлы на великолепном одеянии Иоанна остались без внимания (*Chotzakoglou, 1996, s.62*).

ктиторская надпись с именами Никифора I Комнина Дуки и его супруги Анны Кантакузины Палеологини³¹⁹.

Кроме уже упомянутых артефактов конца XIII–первой трети XIV в. (времени правления византийского императора Андроника II – 1282-1328) с изображениями двуглавых орлов (шкатулки 1294-1296 гг. из Чивидале и Хрисовула Монемвассии 1301 г.) Х.Хотцакоглу отмечает пару серёг, по-видимому, принадлежавших Марии Палеологине – супруге сербского короля Стефана Уроша III Дечанского (1322-1334)³²⁰, три мраморных рельефа из вымостки пола кафедрального монастыря Мега Спелайон³²¹, ктитором которого являлся Андроник II Палеолог (*Miklosich-Müller*, 1887, Т.V. p.101-193; *Soteriou*, 1918., с.58-60; *Dölger*, 1932, Teil 4, 19 no 2939), один из фрагментов фрески Кархие Джамии (храм бывшего монастыря Хоры) в Константинополе³²², миниатюру Лондонской рукописи первой трети XIV в. с мемориальным изображением севастократора Константина Палеолога (1230-

³¹⁹ Никифор I Комнин Дука (правитель Эпирского деспотата в 1267/68-1297 гг.) и его супруга - Анна Кантакузина Палеологина (правила Эпиром с 1297 по 1313 гг.) при малолетнем сыне Фоме.

³²⁰ Мария Палеологина являлась дочерью паниперсебастоса Иоанна Палеолога – племянника Андроника II Палеолога. Серьги были найдены при раскопках монастыря в Дюриште, недалеко от Сопота и хранятся в археологическом музее Скопье. На серьгах в технике гравировки в двух овальных медальонах вырезаны монограммы - монограмма Марии (в виде начальной буквы имени М = М[αριας]) и монограмма Палеологов (ПАΛΓ = Παλ[αιολο]γ[ος]) и двуглавый орёл (*Aleksova*, 1956, p.213-229; 1959, p.123-127, Pl.XLIV, XLV; *Chotzakoglu*, 1996, s.63, Abb.14).

³²¹ В мозаичный пол наоса храма (выполнен в технике *opus sectile*) была уложена плита размером 0,65 x 0,63 м, а в боковых нефх плиты из белого мрамора с изображениями двуглавых орлов имевшие прямоугольные очертания – 0,44 x 0,63 м (*Orlandos*, (1955-56), с. 95, Anm.1; *Chatzidakis*, 1956, с.46; *Etzeoglou*, (o.d.), p.52; *Marinov*, 1990 (Diss.), с.111-112; *Chotzakoglu*, 1997, p.105-123).

³²² Храм в Хоре подвергся основательной реконструкции в начале XIV в. (1316-1321 гг.) великим логофетом Феодором Метохитом (1270-1332). Превращённое в монастырь здание получило изысканное фресковое и мозаичное покрытие, частично сохранившееся до наших дней (*First Preliminary Report on the Restoration of the frescoes in the Kariye Camii at Istanbul*. *Dumbarton Oaks Papers*, IX-X (1956), p.253-288, XI (1957), p.173-220, XII (1958), p.253-256, XIII (1959), p.187-212). В аркосолии над могилой F, частично сохранилась фресковая роспись с изображением трёх фигур (видны только полы их одежды и обуви). На верхней одежде первой фигуры (по-видимому, изображён мужчина) по фиолетовому тону нарисованы золотые круглые медальоны с монограммами Палеологов, которые окружают медальоны меньших размеров с четырёхлепестковыми розетками (лепестковыми крестами). Свободное пространство между медальонами с монограммами и малыми розетками-крестами заполняют изображения двуглавых золотых орлов. Одежда третьей (вероятно, женской) фигуры украшена большими золотыми медальонами с монограммами Палеологов, Асанов и *Dermokaites*. Исследователь памятника - П.А.Ундервуд - полагал, что данные изображения связаны с семьёй Асанов и относил фреску ко времени после 1330 г. (*Undervood*, 1959, p.223-225, fig.5,6; 1966, p.288-292, 546-547; *Velmans*, 1971, Pl.LXIII, fig.62; *Piltz*, 1994, 18, Abb.60; *Mango*, 1995, p.100, tab.III, pl.3).

1271)³²³, брата Михаила VIII Палеолога, а также монеты с двуглавыми орлами, чеканенные при Андронике II Палеологе (*Bendall, Donald, 1979, p.186, 206, Abb.9,4; Gerasimov,1969, p.113, Abb.7*). Как отмечает исследователь, к концу XIII в. относится и первое свидетельство об использовании двуглавого (наряду с одноглавым) орла императорами Трапезундской империи - Великими Комнинами³²⁴. К этому следует добавить ещё один важный иконографический источник – морские карты, на которых двуглавый орёл появляется в начале XIV в. Например, впервые двуглавый орёл изображён на картах 1320/21 г. Пьетро Весконте и Перрино Весконте 1325/1330 гг., где он помещён над Трапезундом. В 1339 г. (карта Анжелино Дульсерта) уже над Сербией и Трапезундом находим изображение красных флагов с золотыми двуглавыми орлами³²⁵.

Собранные Х.Хотцакоглу свидетельства появления двуглавого орла на памятниках византийского круга привели его к заключению, что они могли восходить к началу правления Андроника II Палеолога³²⁶. Однако причины использования данного символа автором сформулированы в значительной степени неопределённо. Он вынужден, со ссылкой на других исследователей (*Furlas, 1980, s.97-120; Koder, 1990, s.27-41*), признать, что за неимением конкретных мнений кажется приемлемой гипотеза, что «двуглавый орёл с момента своего появления у императорского двора использовался как символ

³²³Миниатюра рукописи (Lincoln College gr.35 fol.1, Bodlean Bibliotek, London) датируется 1310 г. (*Nicol, 1968, fig.2*), хотя возможна и более поздняя дата (1328-1344?). Константин изображён стоящим рядом со своей супругой Ириной Ласкариной Комниной. Он облачён в пурпурное одеяние, расшитое золотыми круглыми медальонами с двуглавыми орлами (*Omont,1904,p.364; Delehaye, 1921, P.12, fol.1; Nicol,1968,p.20-24*).

³²⁴Данное предположение основано на свидетельстве Ж.Финляя, который в начале XIX в., посетил Трапезунд и изучал его памятники. Здесь, в церкви Панагия Хризокефалос (*Soteriou, 1920, с. 45; Talbot Rice,1930, Abb.2-4*), он видел фреску с изображением трапезундского императора Иоанна II Великого Комнина (1280-1297) и его супруги (*Chotzakoglu,1996,s.65*).

³²⁵Портолан Чёрного моря Пьетро Весконте 1320/1321 из книги Марино Санудо Старшего, на страницах которой Санудо призывает христианских правителей к крестовому походу против сарацин по освобождению Иерусалима). Но в целом, как отмечает автор на портоланах встречается множество анохронизмов. Например, флаги с двуглавыми орлами, принадлежавшие по мнению автора Византии/Великим Комнинам – Трапезундской империи, продолжают появляться на картах с 1320 до 1550 г., хотя Константинополь был завоёван османами в 1453, а Трапезунд в 1461 г. (*Фоменко, 2011, рис.XXX, с.199,385б* таблица флагов).

³²⁶Исследователь отдаёт себе отчёт в том, что к такому же выводу ранее пришёл А.В.Соловьёв (*Soloviev,1935,p.137-145*) и данная точка зрения нашла отражение в работах других учёных (*Miljkovic-Peppek, 1967, p.191*).

императорской власти» (*Chotzakoglu, 1996, s.66,68*). В то же время в заключении Х.Хотцакоглу отмечает, что «символическое значение двуглавого орла остаётся для византийцев и дальше неясным», т.к. связанное с этим упоминание Византии приходит с Запада. «Открытым остаётся вопрос о причине, побудившей Андроника II к введению двуглавого орла, проблема его происхождения и его раннего появления на сербской территории» (*Chotzakoglu, 1996, s.68*).

Таким образом, на протяжении XX в. исследователям удалось установить, что двуглавые орлы, появившись в конце XIII в., на протяжении XIV-XV заполняют обширное культурное пространство, находящееся под влиянием Византийской империи. Их изображения можно встретить на фресковых росписях, где они украшают одежды знатных персон (*Mandic, 1971, Fig.48; Grozdanov, 1980, p.63, fig.9; Piguet-Panayotova, 1987, p.233, n.15*)³²⁷, а иногда и некоторых святых (*Szekely, 2002, p.297-312*), в сценах из иконографических циклов³²⁸, на миниатюрах рукописей (*Lamberz, 1998, p.568, fig.514; Hutter, 1997, s.34; 1997, p.44. Pl.102-103*), на иконах (*Velmans, 1971, pl. LX, fig.54*), императорских хрисовулах³²⁹, изделиях из керамики (*Bakirtzis, 1999, p.126,134, nr.274*), декоративной каменной резьбы и пластики, а также резьбы по дереву³³⁰, на изделиях из металла (отлитых, выгравированных и проч.: *Millet, 1919, p.26, fig.11; Vasiliev, 1950, p.33-34; Volbach, 1968, s.275,*

³²⁷ 1) Монастырь Св.Софии в Охриде, часовня Св.Иоанна Крестителя, одежда деспота Оливье и его супруги – Анны-Марии; 2) монастырь в Милешеви, одеяние Стефана Неманья, сына Св.Симона (*Djurič, 1992, c.14-19, рис.4-5*); 3) одежда мальчика, возможно, Симеона Санича, в росписи монастыря Декань (*Vojvodač, 1995, p.268-269, pl.1, 15*); 4) верхняя одежда деспота Стефана Лазаревича в монастыре Ресава (*Todič, 1995, p.101, pl.82*); 5) одежда Йована Драгутина в церкви Св. Георгия из Полошко, Македония (*Grozdanov C., Cornacov, 1983, p.60-67, 1984, p.85-93, 1987, p.37-43*); 6) одеяние некоего Константина в церкви Св.Николая (*Gabelič, 1987, p.22-36, fig.4*).

³²⁸ Церковь монастыря Марков, нижняя часть иконы Богоматери с Младенцем, иллюстрация гимна Акафиста, кондак 23 (*Velmans, 1972, p.154, fig.28; Grabar, 1976, p.145, fig.1*).

³²⁹ Одежда супруги Алексея III Великого Комнина на императорском хрисовуле 1374 г. (*Economidis, 1997, p.518, nr.13,19*).

³³⁰ 1) Над окном церкви в Кардамиле (*Traquair, 1908-1909, pl.*); 2) Мистра, плита с колодца вблизи Метрополии (*Mille, 1910, pl.20, fig.4*); 3) фрагмент каменной плиты, вмурованной в северный фасад одной из церквей Фессалии (*Giannopoulos, 1920, p.187-191*); 4) архитрав XIV в. церкви Св.Димитрия в Песе (*Corovic-Ljubinkovic, 1965, p.25-26, tabl.II, g.d.; IV, a,b*); 5) царские врата XV-XVI вв. церкви монастыря Трескавец, возле Прилепа (*Corovic-Ljubinkovic, 1965, p.66-70, pl.XIV, p.70, tabl.XV, p.71, tabl.XVI*); 6) царские врата XVI-XVII вв. церкви в Ранковиче; (*Mango, 1978, p.33, n.158, p.41*); 7) могила Феодоры Трапезундской (*Mango, 1978, p.33, n.158, p.41*); 8) царские врата церкви Св.Николая в Вароше, область Прилеп (*Tresor, 1999, p.100-101, nr.38*).

nr.255; *Grabar*, 1975, p.41, nr.15, pl.38)³³¹, в том числе и монетах (*Mouchmov*, 1974, p.1977-178, nr.29; *Bertele*, 1978, pl.XI, nr.172; *Lunardi*, 1980, p.264-265; *Donald, Bendall*, 1999, p.85-86; *Аманасов*, 2009, с. 135, рис.38, 45 и др.), в виде теснения на кожаных переплётках книг (*Hutter*, 1977, s.72, 208, pl.287; s.97, 238, pl.366; s.99, 243, pl.381), в вышивке³³², т.е на предметах самого различного характера, но в подавляющем числе случаев - культового предназначения, связанных с православной религией.

Двуглавый орёл, занимая обширное пространство, на котором в XIV-XV вв. располагались православные государства византийского содружества (помимо самой Византии – Сербия, Болгария, Черногория, Молдавия, Трапезундская империя, княжество Феодоро, Россия), со временем начинает восприниматься как символ суверенной власти³³³. Следует особо отметить, что взойдя на престол, в конце 1282 г., Андроник II Палеолог отменил введённую в 1274 г. его отцом Михаилом VIII церковную унию с западной католической церковью.

Выводы: Археологические исследования, проводившиеся на территории Крыма в 1980-2000 гг., позволили получить стратифицированные закрытые комплексы первой трети XV в. Благодаря этим результатам определены архитектурно-археологические памятники, на которых в 1420-1430 гг. велись строительные и восстановительные работы. Среди данных объектов следует отметить Мангуп (город Феодоро), Чембало, Каламиту, Сугдею, Фуну, Лусту, Партенит и др. На этих памятниках археологические раскопки осуществлялись широкими площадями, что позволило изучить на их территории разнообразные строения оборонительного, культового, жилого, хозяйственного и погребального характера (крепостные башни, ворота, куртины, дворец, церкви, таверны, цистерны, водопроводы, дома и проч.).

³³¹На нимбе Богоматери, в круглых медальонах евангельские символы, но вместо обычного орла – двуглавый (*Todorovic*, 1978, с.28-36, рис.10-12), бронзовый канделябр в церкви Маркова монастыря возле Скопье.

³³²Эпитрахиль из Патмоса (*Johnstone*, 1967, p.100; *Theocharis*, 1988, p.192-193, 206, fig.9; *Byzantium*, 1994, p.211.

³³³Данный тезис, например, сформулирован в работе И.Дуйчева «Византийское наследие у славян» (*Dujcev*, Т.II. 1965, p.142-143).

Разнообразие артефактов, полученных в ходе раскопок памятников, дополняют эпиграфические и нумизматические коллекции. Весь комплекс обнаруженных находок не только значительно пополнил современные музейные фонды, но и привлёк к их научному изучению исследователей различных историко-археологических специализаций. Использование полученных данных позволило выполнить комплексную реконструкцию исторических событий первой трети XV в.

XV в. знаменателен появлением двух государств – княжества Феодоро (1411–1475 гг.) и Крымского ханства (1442/3 – 1783 гг.). Первые сведения о владетеле Феодоро Алексее I отражены в генуэзском документе 1411 г. – мандате от 17 июня 1411 г. В нём говорится, что князь назначил своим прокуратором священника Алессио Номико с поручением заключить новый договор о мирном сосуществовании с генуэзцами. Алексей I в это время находился в Каффе. Переговоры продолжались до 8 июля и завершились подписанием договора.

В 1420/21 гг. Каффа, из-за неурожая, остро нуждалась в поставках продовольствия. Консул Манфредо Саули стремился поддерживать мирные отношения с ханом Беком-Суфи и с Алексеем I. На берегах Волги шла нескончаемая борьба за ханский трон. В борьбу постоянно вмешивался литовский князь Витовт. Он помог восхождению в 1419 г. на ордынский престол Бека-Суфи (1419-1421). Короткое правление этого хана впервые демонстрирует попытку местной татарской элиты создать из Крымского юрта самостоятельное государство. На фоне общей нестабильности между Каффой и Феодоро возникла напряжённость, завершившаяся вооружённым конфликтом. Яблоком раздора являлись прибрежная часть Готии и Чембало. Алексей I возвёл на Южном берегу пять укреплений. В 1422 г. обе стороны вели подготовку к войне, апогеем которой стал 1423 г., когда греки захватили Чембало. Благодаря действиям Пьетро Майнерио генуэзцы вернули Чембало. Причиной конфликта между Алексеем I и Каффой стало стремление Феодоро получить выход к морю для участия в международной

торговле. Этому препятствовало закрепление генуэзцев в стратегически важных пунктах побережья Готии и Чембало.

В январе 1425 г. в Генуе подготовили инструкцию по усилению обороны Чембало, урегулированию конфликта с Алексеем I и ханом Улу-Муххамедом. Археологические исследования Чембало показали, что лигурийцы не стали восстанавливать ров и вал с палисадом, построенные в 1345 г. Городские кварталы с северо-запада защищала крепостная стена протяжённостью 240 м с шестью прямоугольными башнями. В двух из них были устроены ворота. После реконструкции 1425–1432 гг. Чембало превратилось в трёхчастное укрепление общей площадью 3,3 га. Теперь оно состояло из консульского замка Св. Николая, латинского квартала, верфи с цистерной, городских кварталов.

После заключения договора 1424 г. за генуэзцами осталось морское побережье Готии и консульство Чембало. В титуле Алексея I появилось упоминание Поморья, под которым, видимо, следует понимать Севастопольскую бухту и побережье до устья р.Бельбек (Кабарта). У истока бухты, в Каламите, князь построил крепость. Эти земли стали западной границей Феодоро, а на восток княжество простиралось до крепости Фуна. Укрепление Фуна возведено в начале XV в. и находится в 8 км к северу от Алушты. К 30-м гг. XV в. крепость реконструирована: вход прикрыли полукруглой башней. В 1434 г. Фуна была сожжена войском Карло Ломеллини. Каламита расположена в устье р.Чёрной. Во время начала правления Алексея I (1411-1425 гг.) на руинах византийского фруриона возводятся новые стены и башни. Параметры крепости XV в. (215 x 110 м, площадь 1,3 га) строго подчинены планировке раннего укрепления. Протяжённость стен достигает 240 м. Оборонительная система состояла из шести куртин и пяти башен. 10 июня 1434 г. Каламиту сожгли генуэзцы. После этого она неоднократно перестраивалась и в 1475 г. была захвачена османами. Примирение между генуэзцами и феодоритами (1424-1432 гг.) оказалось кратковременным и оба соперника использовали его для

подготовки к очередной войне. Генуэзцы занимались усилением обороны Чембало и Лусты (Алушты), а феодориты совершенствовали фортификацию Каламиты и Фуны. Строительные работы проводились ещё на нескольких укреплениях: Керменчике, Сандык-Кая, Черкес-Кермене, Сциварине, Исарджикларе. Всего в первой четверти XV в. феодориты возвели или восстановили на своих границах 10 крепостей замкового типа. Алексей I в городе Феодоро построил дворец с башней-донжоном (1425 г.), в 1427 г. в цитадели возвёл октагональный храм Свв. Константина и Елены. Митрополит Готии Дамиан восстановил из руин городской храм-базилику, а 10 сентября 1427 г., в Партените, заново отстроил церковь Свв. апостолов Петра и Павла. Важным политическим достижением Алексея I стало вступление в православное Братство Святого Гроба Господнего. О его принадлежности к Братству свидетельствуют строительные надписи 1425 и 1427 гг. с изображениями двуглавых орлов. Монограммы имени Алексея (ΑΛΕ[ΞΙΟΥC]) формируются с использованием монограммы *Тафос*, что означает *Гроб [Господень]* или *Агиос Тафос, Святой Гроб [Господень]*. Алексей I из Феодоро, помещая в основании своей монограммы *Тафос*, позиционировал себя как поборника православия и светского члена Братства Святого Гроба Господня. Это давало ему право использования эмблемы Братства – двуглавого орла. Примеру Алексея I затем следовали его преемники: Исаак, Алексей III и Александр. Около 1425 г. старший сын Алексея I Иоанн женился на Марии Палеологине Асанине Цамбалконине. Престижный династический брак стал подтверждением признания международного авторитета главы правящей в Феодоро фамилии. В 1426 г. (1429 г.?) Алексей I установил династические связи с правителями Трапезунда – Великими Комнинами: его дочь Мария вышла замуж за деспота Давида, сына трапезундского императора Алексея IV.

Глава V.

КРЫМ И ГОСУДАРСТВА СРЕЗЕМНОМОРЬЯ В 30-40-гг. XV ВЕКА

Политические события 1430-1440-х гг. нашли красноречивое отражение в культурных отложениях ряда архитектурно-археологических памятников Крыма. Слои пожаров и разрушений, оставленных действиями карательной экспедиции Карло Ломеллини в июне 1434 г., выявлены в ходе археологических исследований Чембало, Каламиты и Фуны. Кроме того, к этим событиям относятся находки вооружения (бомбарды в Солхате, обломки мечей в Лусте и Фуне, меча с надписью Petri (de) Magi в районе Евпатории). Информативными являются результаты археологического изучения десяти замков Готии (Черкес-Кермен, Сциварин, Керменчик, Сандык-Кая и др.) и Генуэзской Газарии (Луста, Чембало) бывшими свидетелями тех драматических событий. Особенно важными являются комплексы археологических находок из погребений, жилых и хозяйственных строений (Пампук-Кая, Мангуп, Сциварин, Луста и др), подтверждающих пребывание адыгов на территории полуострова, начиная с рубежа XIII-XIV вв. Вместе с тем путём археологических раскопок пока не удаётся выделить слой разрушения османами памятников побережья Готии в 1447 и 1454 гг.

5.1. Государства Средиземноморья в 20-х – начале 30-х гг. XV в.

Относительно мирный отрезок времени (1425 – 1430 гг.), когда феодориты и генуэзцы пытались соблюдать условия договоренности, достигнутой в 1424 г., вскоре сменился продолжительным периодом, занявшим практически целое десятилетие. Феодоро и Каффа оказались втянуты в сферу европейской политики, вылившуюся в войну, которая велась между двумя старыми соперницами – Венецией и Генуей. Вереница этих драматических событий 1431 – 1441 гг. нашла соответствующее отражение и в истории Крыма тех лет (Мыц, 2000, с.330 – 359; 2009, с.153-216). При этом обе враждующие стороны постоянно пытались заручиться поддержкой ордынского Солхата. В 1428/29 гг. в Северном Причерноморье была сильная

засуха. Она вызвала падёж скота и голод в степи, вследствие чего вспыхнула эпидемия чумы, коснувшаяся и городов, расположенных на побережье моря (повторно эпидемия чумы на территории Генуэзской Газарии отмечена летом 1435 г.). Из сочинения Макзири узнаём, что «в степях Кипчакских были сильная засуха и чрезвычайно большая моровая язва, от которой погибло множество народа» (*Тизенгаузен*, 1884, с. 442).

Трудно сказать конкретно, как это событие отразилось на экономической жизни Крыма. Некоторые исследователи интерпретируют данное сообщение арабского хрониста таким образом, что вспыхнувшая в 1429 г. в Каффе чума, завезённая из Александрии, перекинулась во все города полуострова и дошла до Чембало и вызвала там в 1433 г. восстание местного греческого населения против генуэзцев (*Чиперис*, 1961, с. 300)³³⁴. В конце 20-х гг. XV в. между Каффой и Литовско-Русским государством складывались сложные отношения. Великий князь Витовт, обладая большим влиянием на ханов, соперничавших за гегемонию в Орде, шантажировал власти Каффы, требуя от них признания своего сюзеренитета. Это вынуждало консулов, время от времени, направлять в Литву специально уполномоченных представителей с дорогими подарками и разного рода обещаниями, которые они не собирались выполнять. Но дело зашло так далеко, что посол Каффы Баттиста Джентиле, в конце-концов, вынужден был пообещать Витовту, пригрозившему генуэзцам объявлением войны, добиться от правительства Генуи признать его верховенство, поднять над Каффой знамёна и установить гербы великого князя.

Как и следовало ожидать, эти заверения посла были дезавуированы заявлением, что Баттиста Джентиле не имел на то должных полномочий. Поэтому в 1430 г. к Витовту отправился новый посол (*orator*) Дарио Грилло, который рассчитывал не только успешно провести переговоры, но и заняться

³³⁴Этот же анахронизм повторили в своей публикации С.В.Дьячков и Н.А.Алексеев, что в 1433 году население Чембало, «измученное чумой, неурожаями и налоговым прессом, подняло восстание против Генуи и изгнало из крепости и города консула и других представителей колониальной администрации» (*Дьячков, Алексеев*, 2002, с. 34).

торговлей. По дороге в Литву Грилло ограбили подданные татарского хана Улу-Мухаммеда. При этом у него отняли товары, лошадей и деньги. Нанесённый ущерб исчислялся в 300 соммов (2400 генуэзских лир). Вынужденный вернуться в Каффу, не выполнив порученной ему миссии, Грилло обратился к официалам города с просьбой возместить ущерб, нанесённый ему на службе Каффинской республике (*reipublice Caffè*). Совет граждан и горожан Каффы принял решение, согласно которому власти Генуи должны были определить способ компенсации: 1) через конфискацию имущества татар, ведущих торговлю в фактории; 2) путём предоставления Грилло в управление официий; 3) выплату денег массарией Каффы (*Карнов*, 1998, с. 36). Прибыв в Геную, Дарио Грилло узнал, что официция Романии, сочтя виновным в данном деле предыдущего посла к Витовту Баттиста Джентиле, постановила об уплате им компенсации в размере 250 соммов. При дальнейшем разбирательстве выдвинутое против Джентиле обвинение было признано несправедливым и поэтому Дарио рекомендовали взять в управление официцию консула в Чембало на 2 года. Но, убедившись, что консулат в Чембало не возместит ущерба Дарио Грилло даже наполовину, указанные «магистраты предложили ему также вторую массарию Каффы на 18 месяцев» (*Карнов*, 1998, с. 37). Решение этого вопроса приобрело затяжной характер. Окончательно его удалось урегулировать только в 1446 г. (*Карнов*, 1998, с. 37, 43).

В начале 1429 г. генуэзцы оказались активными участниками событий династической борьбы в Трапезундской империи и последовавшего переворота, который произошёл в апреле того же года, привёл к гибели Алексея IV (1417 – 1429) и вступлению на престол его сына Иоанна IV (1429 – 1460). Венеция в этом конфликте заняла нейтральную позицию, не оказывая поддержки ни одному из соперников (*Laurent*, 1955, p. 139 – 140; *Карнов*, 1981, с. 79). Можно предположить, что данные события имели непосредственное отношение к возникновению внутрисемейных противоречий в правившей в Феодоро фамилии. Алексею I (Старшему) к

тому времени удалось установить родственные связи с Палеологами и Великими Комнинами: старший сын Алексея, Иоанн, около 1425 г. женился (вероятно, при посредничестве трапезундского дома) на Марии Палеологине Асанине Цамблаконине (Степаненко, 1997а, с. 76 – 77; 2001, с. 344). В конце 1426 г. (не ранее 12 ноября) сын Алексея IV, Давид, женился на дочери владетеля Феодоро Марии (Fallmerayer, 1846, p. 40; Miller, 1926, p. 97; Vasiliev, 1936, p. 198, 214)³³⁵. После заключения этих двух браков, между Алексеем I из Феодоро и императором Трапезунда Алексеем IV установились дружественные отношения. Современник, Лаоник Халкокондил, лаконично и с некоторой долей сарказма, рассказывает о событиях того времени (Chalcocondile, 1927, II, p. 219.12 – 222.21; Успенский, 1929, с. 128 – 129; Карпов, 1991, с. 97). Оказывается, что сын Алексея IV Иоанн, получивший прозвище Калоян, заподозрив свою мать (Феодору Кантакузину) в связи с одним из придворных (протовестиарием), убил фаворита, а отца с матерью заключил в одной из башен дворца, намереваясь с ней поступить так же, как и с её любовником. Алексею IV, благодаря вмешательству его сторонников, удалось избежать отстранения от власти. Неудачная попытка дворцового переворота закончилась на этот раз для Иоанна Комнина тем, что он вынужден был искать убежище в Грузии. Наследником престола Алексей IV Великий Комнин объявил среднего сына – Александра. Тем не менее, Иоанн не прекращал попыток добиваться своих прав на трапезундский престол. Несмотря на то, что к этому времени Иоанн стал зятем царя Грузии Александра (1412 – 1443), ему, по-видимому, не удалось найти у того сочувствия своим притязаниям. Поэтому Иоанн в 1427 г. отправляется в Газарию, где он на протяжении полутора лет пытается заручиться поддержкой у генуэзцев для возвращения в Трапезунд. На первых порах и здесь (в Каффе) Иоанну Великому Комнину не удаётся найти влиятельных сторонников, способных оказать действенную помощь в

³³⁵ Некоторые исследователи заключение брачного союза между Давидом Комниным и Марией из Мангуца относят к 1429 или даже 1437 гг. (Карпов, 1981, с. 113, прим. 142; Байер, 2001, с. 190, 210 – 211).

реализации плана овладения отцовским престолом. Об этом свидетельствуют материалы переписки между официалами фактории и магистратами метрополии. Так, 8 ноября 1427 г. из Генуи в Каффу были направлены инструкции, в которых консулу и массариям предписывается: ввиду установившихся добрых мирных отношений с Алексеем IV, «не нарушать их потворством интригам сына императора, прибывшего с этой целью в Газарию» (*Iorga*, 1898, V, p. 363 – 364; *Карпов*, 1981, с. 108 – 109).

Но, тем не менее, в начале 1429 г. Иоанн смог заручиться поддержкой патрона галеотты генуэзца Доменико Д'Аллегро, с которым он отплыл на хорошо вооружённом и снаряжённом корабле в Трапезунд. Высадившись недалеко от города во главе с претендентом на престол, заговорщики вступили в переговоры со своими сторонниками из партии Каваситов, оказавшими помощь в убийстве Алексея IV. За эту услугу, оказанную Иоанну IV Великому Комнину в столь ответственный в его жизни период, Доменико Д'Аллегро пользовался расположением императора до самой его смерти (1460 г.). При этом Доменико сохранял за собой и данное ему звание протостратора (протокапитана, как его называют генуэзские источники) – командующего трапезундским флотом (*Chalcondile*, 1927, p. 219 – 220; *Laurent*, 1955, p. 141 – 142; *Bryer*, 1984, p. 320; *Karpov*, 1986, p. 159, 164, 175, 187, 191; *Карпов*, 1995, с. 146 – 147].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют детально реконструировать весь ход событий 1427 – 1429 гг., когда Иоанн Великий Комнин пребывал в Газарии. Вряд ли его истинные намерения оставались не известными в Готии. Правитель Феодоро Алексей I, как человек заинтересованный, был хорошо осведомлён во всех важных делах, происходивших в Каффе. К тому же не стоит исключать, что Иоанну Dtkbrjve Комнину удалось побывать в столице Готии - Феодоро. Здесь находились его родственники – Алексей I (тесть младшего брата Иоанна – Давида) и Иоанн, бывший в то время соправителем и наследником престола, женатый

на Марии (от данного брака, вероятно в 1427 г., родился их первенец – Алексей, получивший своё имя в честь деда (*Спиридонов, 1928, с. 93 – 99*)³³⁶.

Вероятно, Алексей I из Феодоро, также как и царь Грузии Александр, не поддержал в 1427-1429 гг. амбиций Иоанна. Об этом позволяют говорить события, которые последовали за вступлением на престол в апреле 1429 г. Иоанна Великого Комнина. С этого момента и, по крайней мере, до лета 1434 г., в отношениях между Феодоро и Трапезундом существовала определенная напряжённость, обусловленная, вероятно, неприязнью Алексея I из Феодоро к Иоанну IV за организацию убийства своего отца. Возможно, в это противостояние каким-то образом был втянут Иоанн, сын Алексея I. Насколько позволяют судить генуэзские источники, Иоанн, по крайней мере, в мае-июне 1434 г. находился в Трапезунде вместе со своей женой Марией и сыном Алексеем II. Он вынужден был покинуть Готию и уехать к Иоанну IV Великому Комнину, при дворе которого находился до конца своей жизни, не возвращаясь, или всё же он получил возможность прибыть в Феодоро после примирения с отцом (июнь – июль 1434 г.).

Истинная причина распри между Алексеем I и его старшим сыном Иоанном в 1429 – 1434 гг., так и остаётся не выясненной. Известно только, что право престолонаследия к началу лета 1434 г. получил средний сын Алексея I – Олобо, ставший после его смерти (1446 г.) правителем Феодоро. Впоследствии генуэзцы, зная о противоречиях, возникших между Феодоро и Трапезундом, и ведя войну с Алексеем I из-за Чембало, попытались использовать данную ситуацию для временной политической изоляции владетеля Готии, о чём будет сказано ниже.

В 1431 г. Генуя вступила в войну с Венецией и Флоренцией на стороне своего сюзерена Миланского герцога Филиппо Мария Висконти (1412-1447), которому она подчинялась с 1421 г. (*Desroussiles, 1979, p.111–122*).

³³⁶ На этот период мы не располагаем какими-либо достоверными сведениями, надежно подтвержденными источниками. Поэтому отношения между представителями двух семейных кланов – Трапезунда и Феодоро – могут быть восстановлены только на уровне высказывания предположений и шатких гипотез.

Очередная война двух старых торговых морских соперниц приобрела затяжной характер, продолжаясь, с переменным успехом и перемириями, до 1441 г., хотя Генуе удалось освободиться от власти герцога в конце 1435 г.

В военном противостоянии между Лигурией и республикой Св. Марка вынуждены были участвовать и их фактории, располагавшиеся в Азово-Черноморском бассейне, хотя это и не отвечало торговым интересам обеих враждующих сторон. Но конфликт разрастался, с невероятной быстротой достигнув Северного Причерноморья.

В данное время Тана (1431 г.), в очередной раз осаждённая татарами, оказалась практически в безвыходном положении. В сложной внешнеполитической обстановке её обитатели, генуэзцы и венецианцы, несмотря на то, что их метрополии находились в состоянии войны, заключили договор о совместной обороне города. Вицеконсул Таны (управлявший венецианской факторией вместо умершего от чумы консула Витторио Дольфина (*Desroussiles*, 1979, p. 115) обратился в Каффу за помощью. Но генуэзцы решают использовать удобный момент для захвата венецианской фактории. Этому коварному замыслу якобы помешал только сильный штормовой ветер, не позволивший кораблям выйти из бухты Каффы.

Слухи о враждебном намерении официалов лигурийской фактории достигли Венеции, где к отправке в Чёрное море готовится пять галей под командованием капитана Андреа Лоредана, которому было предписано проверить сведения о нападении генуэзцев на Тану и в том случае, если они подтвердятся, попытаться атаковать Каффу (*Талызина*, 1998, с. 174). Венецианская эскадра уже осенью достигла берегов Газарии, а 8 октября 1431 г. два корабля потерпели крушение у мыса Меганом (*Карнов*, 1995, с.14; 1998, с.44 – 45)³³⁷. Консул Солдайти Колардо ди Палавания немедленно из-

³³⁷Причиной кораблекрушения, вероятно, явилось плохое знание их капитанами местного фарватера: чрезмерно приблизившись к берегу, огибая мыс, они разбились о скрытый под водой скальный гребень, простирающийся на 200 – 300 м от берегового обреза Меганом и представляющий реальную опасность для крупных кораблей в штормовую погоду, что подтверждается данными подводных археологических исследований этого района побережья. Вместе с тем, следует отметить, что мыс Меганом был хорошо

вестил о случившемся приступившего к исполнению обязанностей консула Каффы Франческо Ломеллини, распорядившись при этом собрать все уцелевшее после крушения галей имущество. Спасшихся венецианцев поместили в городскую тюрьму. Ломеллини по этому поводу провёл совещание, на котором было решено отправить в Солдайю опытных в подобных делах людей для составления описи захваченных товаров. С соответствующими поручениями в Солдайю срочно отбыли Джованни Спинола и Доменико дей Франки ди Маньерри, но к моменту их появления в городе эта задача уже была решена Колардо ди Палавания. Новый консул Солдаи Антонио ди Монтальдо по распоряжению Ломеллини, переправил всё имущество в Каффу, где был составлен соответствующий картулярий с описью и его оценкой (стоимость предметов, собранных у места крушения, оценивалась в 900 соммо) (*Карпов, 1998, с. 44 – 45*).

Но последовавшие затем события приобрели для генуэзцев неожиданный оборот. Несмотря на неблагоприятное для навигации время, Андреа Лоредан, с оставшимися под его командованием кораблями, начал действовать против лигурийцев. 24 декабря 1431 г. в Каффу пришло, взбудоражившее весь город, известие о том, что венецианские галеи захватили генуэзские галеи у берегов Генуэзской Газарии (*Карпов, 1998, с. 44*).

Осознавая реальность повторения подобных нападений на суда и другие фактории, Ломеллини срочно собрал Большой Совет Каффы, на котором было принято решение продать полученные из Солдаи товары, стоимостью в 900 соммо, а вырученные средства израсходовать на оборону факторий (*Карпов, 1998, с. 44 – 45*).

В 1432 г. венецианцы особенно тщательно занимались подготовкой галей линии Романии для отправки в Чёрное море. На этот раз капитаном был назначен Стефано Контарини, под командованием которого находилось

известен итальянцам, потому что отмечен на морских картах и в письменных порталах второй половины XIII – XVI вв. под названиями: Megannome, Megano, Meganome, Megano, Meganossi, Mecano, Meganone, Nigaun, Neganoni (*Фоменко, 2007, с. 61*).

четыре галеи и сопровождавшие их три галеры Гольфа. При этом Контарини получил детально разработанные инструкции. Они чётко регламентировали не только возможные (наиболее безопасные) маршруты передвижения до Константинополя и далее – в Чёрное море, но и характер действий в возможных ситуациях. Хотя, безусловно, всех нюансов на столь сложном маршруте и в состоянии войны с Генуей, предусмотреть было невозможно (*Талызина*, 1998, с. 175). Войдя в Понт, Контарини должен был отправиться к Каффе, попутно выясняя обстановку и собирая информацию о судьбе пленённых венецианцев. Ему вменялось в обязанности приложить все усилия для их освобождения любым возможным способом (*Vasiliu*, 1929, р. 310). Но миссия Стефано Контарини по освобождению пленников потеряла свою актуальность. В Венеции были получены известия из Каффы о том, что с венецианцами обращаются хорошо: они могут на несколько часов в день покидать тюрьму и посещать мессу. Эту проблему удалось окончательно разрешить только в 1433 г., уже после заключения перемирия между Генуей и Венецией (*Desroussilles*, 1979, р. 117). Поэтому в постановлении об инканти галей Романии 1433 г. патронам судов предписывалось, на обратном пути из Таны, забрать пленных венецианцев, которые были в Каффе (*Талызина*, 1998, с. 176).

5.1.1. Мятеж в Чембало 1433 г.

Венецианцы, не обладавшие в Причерноморье сколько-нибудь значительными опорными пунктами и флотом, вынуждены были искать себе союзников среди местных, настроенных против генуэзцев, правителей. Одним из таких, безусловно, являлся владетель Феодоро Алексей I (*Vasiliu*, 1929, р. 309), которому нужен был только повод для того, чтобы в очередной раз предъявить Каффе свои права на обладание территорией консульства Чембало и побережьем Готии (*Vasilev*, 1936, р. 205). К тому же Алексей, в случае необходимости, мог предоставить, для венецианских судов хорошо укрытый от зимних штормов порт – Каламиту. Вероятнее всего, этой возможностью воспользовался во время осенне-зимней навигации 1431/32 гг.

Андреа Лоредан, проведя при встрече переговоры с Алексеем I. На это косвенно может указывать тот факт, что уже 1 июня 1432 г. венецианский сенат принял решение о том, что галеи линии Романии должны выйти из Венеции 25 июня, чтобы, воспользовавшись хорошей погодой, достичь Таны и «выяснить, что собирается предпринять господин Алексей, господин Готии, в пользу нашего государства» (*Iorga*, 1899, p. 554; *Vasiliu*, 1929, p. 309 – 310). На этот раз, чтобы не быть обвинённым в стремлении подчинить своей юрисдикции территории, принадлежавшие по договорам с татарами коммуне Генуи, Алексей I действовал не прямолинейно, как во время военного противостояния с Кафзой в 1422 – 1423 гг., когда ему удалось временно занять Чембало. Хотя использованный способ, как это будет показано далее, не менял сути его намерений. Не вызывает сомнений и то, что антигенуэзские предприятия Алексея I в Таврике были хорошо согласованы с событиями, происходившими на театре военных действий между Генуей и республикой Св. Марка. По налаженным каналам тайной дипломатии он регулярно получал от венецианцев информацию о перипетиях сложной политической жизни Европы и особенно аспектов касающихся непосредственно Генуи. Есть основания предполагать, что уже осенью 1432 г. Алексей I, через свою агентуру, начал подготовку мятежа местных жителей (состоявших, очевидно, в большинстве своём, из православных греков) в Чембало (*Atti*, 1868, VI, p. 810; *Чуперис*, 1961, с. 291 – 307). Это событие произошло ночью в конце февраля 1433 г. (*Vasiliu*, 1929, p. 310 – 311). По-видимому, и время года для проведения данной акции было выбрано не случайно, потому что зимой навигация в Чёрном море наиболее затруднена из-за частых и сильных штормов, а это лишало генуэзцев возможности использовать флот для оказания, в случае необходимости, экстренной помощи гарнизону крепости. Имеющиеся источники не позволяют детально осветить ход мятежа и ответить на вопрос о судьбе генуэзцев, оказавшихся в это время в Чембало. Вероятно, части гарнизона, состоявшего в своей основе из наёмных солдат (*socii*), удалось бежать под

покровом ночи из консульского замка, захваченного мятежниками. Своеобразной репликой на события конца февраля 1433 г. можно, предположительно считать данные Устава Каффы 1449 г., где специальным параграфом оговаривается пожизненная выплата пенсий шести ослеплённым жителям города Чембало за то, что защищали упомянутое место: Иоанникию Нахарату – 150 аспров; Антонию Сартеру – 125 аспров и Караяку Кальдеросу, Калаяну Адорно, Калояну Коджио – по 100 аспров³³⁸. Здесь, по-видимому, идёт речь о членах латинской общины Чембало, защищавших крепость и пострадавших (ослеплённых) во время событий 1433 г. В целом же следует признать, что о ходе мятежа и последовавших за этим событий в самой фактории до настоящего времени известно крайне мало. Один из генуэзских источников (датирован 16 декабря 1433 г.) сообщает о том, что Алексеем I в Чембало был захвачен корабль нобиля Галеоти Пинелли (*navem nobilis Galeoti Pineli*), гружённый квасцами (*allumina*) (Agosto, 1981, p. 105, 106; Карпов, 1990, с. 139; *Papacostea*, 1994, p. 270 – 290).

Таким образом, в конце февраля 1433 г. Чембало с территорией, входившей в юрисдикцию этого консульства (от селений Кайту и Ласпи на востоке до Херсонесского маяка на западе) перешли к Алексею I. Как реально обстояло дело с генуэзскими владениями приморской Готии, располагавшимися между селениями Канакой и Форосом, сказать трудно. Имеющиеся в нашем распоряжении генуэзские источники говорят исключительно о Чембало (как крепости и консульстве), а все сведения о селениях прибрежной Готии носят довольно расплывчатый характер. Дело в том, что и большая часть поселений консульства Чембало (в Варнутской и Байдарской долинах) находились на территории исторической Готии. Мнение некоторых исследователей, что Алексею I в 1433 г. удалось одновременно с Чембало овладеть и всем побережьем от Фороса до

³³⁸ В.Н. Юргевичем, при издании текста Устава было высказано предположение, что представленные здесь имена не являются именами собственными, а отражают род ремесленных занятий перечисленных в списке людей. Например, *nacharatus* – барабанщик; *calderonerius* – медник; *cogius (cojaio)* – кожевник; *sartor* – портной (Юргевич, 1863, с. 787, 833, прим. 132).

консульства Лусты, входившем в состав Капитанства Готии, – можно принять только как гипотезу, требующую дополнительного изучения с привлечением новых источников (*Бертье-Делагард*, 1920, с. 65; *Якобсон*, 1953, с. 43; *Веймарн*, 1968, с. 79 – 81, рис. 30; *Домбровский*, 1986, рис. 127). Мятежу, произошедшему в Чембало в феврале 1433 г., предшествовала дипломатическая переписка между консулом Каффы Баттистой ди Форнари и Алексеем I. Правитель Феодоро требовал передачи ему всей прибрежной части Готии и Чембало, а консул, очевидно, не рассчитывая на собственные силы, всячески затягивал время (*Колли*, 1913, с. 110). Однако тактика официалов Каффы не оправдала себя, и они не смогли предотвратить ход неблагоприятных для них событий

Сведения о захвате Алексеем I Чембало достигли Генуи только к лету 1433 г. Так, 16 июня 1433 г. генуэзское правительство (губернатор и Совет старейшин) сообщило Миланскому герцогу Филиппо Мария Висконти о том, что Алексей из Феодоро, ночью, в конце февраля, [захватил] важнейший город этого государства, расположенный в восточных областях, именуемый Чембало (*Iorga*, 1899, p. 558 – 559). Как это ни странно, но об этом, весьма важном в истории генуэзских факторий Газарии событии, средневековые итальянские хронисты (*Дж.Стелла*, *А.Джустиниани* и *У.Фольетта*) под 1433 г. сообщают чрезвычайно лаконично, уступая в своей информированности официальным документам метрополии (*Stella*, 1730, col. 1311; *Gistiniani*, 1854, p. 325–326; *Folietta*, 1704, col. 567) и материалам частной переписки (*Agosto*, 1977, p. 513– 517).

Например, *Дж.Стелла* писал, что в названном году (1433 – В.М.) крепость Чембало (*castrum Cimbaldi*), которая расположена в восточных пределах Великого моря и до сих пор находилась во власти коммуны Генуи, благодаря содействию каких-то греческих горожан (*burgenses*), составивших заговор в этой крепости (*castrum*), была передана во власть какому-то знатному греку, который считался правителем Теодоро (*de lo Tedoro*), и собственное имя которого было Алексей (*Stella*, 1730, p. 1311; *Чинерис*, 1961, с. 300 и сл.).

В изложении Фольетты события представлены несколько иначе. Он писал, что в 1433 г. греки, бывшие жителями Чембало, города Таврического Херсонеса, составили заговор против генуэзских правителей города. Взявшись внезапно за оружие, и изгнав генуэзцев, они передали этот город какому-то греку Алексею, правителю Теодоро, находящемуся на незначительном расстоянии от Чембало. По этой причине генуэзцы, узнав об этом, решили снарядить флот, во главе которого они поставили Карло Ломеллини (*Folietta*, 1704, p. 567).

Сходным образом эти события описаны и у Джустиниани сообщающим, что в 1433 г. греки, проживавшие в городе Чембало, находящемся на Великом море в Таврическом Херсонесе, и от которого недалеко находится город Каффа, поднялись против генуэзских правителей города с оружием в руках, овладели властью и изгнали оттуда генуэзцев, передав этот город одному знатному греку по имени Алексей, владетеля Теодоро, находящегося по соседству с городом (Ioco) Чембало. Поэтому рыцарь Карло Ломеллини получил в Генуе должность командующего (*Capitaneus*) нашей армии с тем, чтобы возвратить город Чембало (*Giustiniani*, 1537, p. 191 – 192).

Как видно из представленных выше свидетельств, итальянские хронисты единодушны в убеждении, что мятежу в Чембало предшествовал заговор жителей города. После изгнания генуэзской администрации, Чембало был передан владетелю Феодоро Алексею I. А.М.Чиперис, посвятивший данной теме специальную работу, считал, что причиной восстания 1433 г. явилась эпидемия чумы 1429 г., приведшая к резкому ухудшению экономического положения Чембало. Чума явилась последней каплей, переполнившей терпение городских низов и крестьян окрестных деревень (*Чиперис*, 1961, с. 300).

Следует отметить, что в историографии средневекового Крыма, начиная со второй половины XIX в., сложилась устойчивая традиция, согласно которой выступление Алексея I против генуэзцев в 1433 г. было инспирировано Хаджи Гиреем, якобы заключившим с владетелем Феодоро

союзный договор (*Canale*, 1855, II, p. 53; *Колли*, 1913, с. 111; *Skrzinska*, 1928, p. 10; *Vasiliev*, 1936, p. 202, 206; *Зевакин, Пенчко*, 1940, с. 10). На самом деле эта умозрительная конструкция основана только на предположении существования подобного союза уже в конце 1432 – начале 1433 г. и абсолютно не подтверждается какими-либо документами. До сих пор точно неизвестно и время появления в Крыму самого Хаджи Гирея.³³⁹

Нам точно неизвестно, кто в 1433 г. был консулом Чембало. М. де Канале отмечает, что в 1430 г. эти обязанности выполнял Пьетро Ре (*Canale*, 1856, III, p. 336). Но, как говорилось выше, в 1431 г. права на управление официией консулата в Чембало на два года (1432 – 1433) решением губернатора Генуи, советом старейшин и официией Попечения Романии были предложены Дарио Грилло, получившего соответствующее письменное подтверждение, и который реально к исполнению обязанностей не приступал (*Карпов*, 1998, с. 37). Это позволяет предполагать, что в 1432 – 1433 гг. данная должность оставалась вакантной или была предоставлена другому и в момент начала мятежа в Чембало не было консула и кастеллана крепости, чем не преминули воспользоваться заговорщики.

5.2. Экспедиция Карло Ломелини 1434 г.

Очевидно, что генуэзцы не могли примириться с потерей важного стратегического и торгового пункта, в котором находились и верфи. Работавшие на них мастера могли строить двухпалубные корабли (*Карпов*, 1995, с. 18; 1998, с. 10)³⁴⁰. Получив в своё распоряжение арсенал города,

³³⁹ О.Акчокраклы полагал, что Хаджи Гирей первый раз вступил на престол в 1432 г. (*Акчокраклы*, 1928, с. 166). Весьма своеобразную трактовку событий 1433-1434 гг. с мнимым участием Хаджи Гирея предлагает М.Г.Крамаровский: «Чтобы точнее определить политическую сегментацию золотоордынского Крыма накануне исчезновения Улуг улуса как единого государства, обратимся к действиям Хаджи-Гирея в должности Солхатского наместника, представляющего интересы общеордынского хана Улу-Мухаммада. В 1433 г. Хаджи-Гирей – союзник Мангульского князя Алексея в противостоянии с коммуной Каффы. В этом году греческая община крепости Чембало, относящейся к Капитанству Готии, взбунтовалась, несомненно, с ведома Алексея, и изгнала латинян» (*Крамаровский*, 2003, с.523). Из цитированного текста видно, что автор без каких-либо оснований низводит чингизида Хаджи Гирея до уровня Солхатского наместника, позаимствовав эту должность у ширинского бека Тягини. К тому же М.Г.Крамаровский ошибается, полагая, что крепость Чембало относилась к Капитанству Готии. Крепостью и консульством Чембало управляли консулы, которых назначали в Генуе. Капитанство Готии никогда не входило в юрисдикцию консулов Чембало и наоборот.

³⁴⁰ Об этом, например, вполне определённо свидетельствует договор о доставке зерна из Причерноморья в Геную (датирован 26 марта 1393 г.), заключенный между дожем Генуи Антонио ди Монтальдо, Советом старейшин Генуи, с согласия официи Монеты, с одной стороны, и *Burgensis* Каффы Джованни ди Сан

владелец Феодоро, при поддержке татар, мог оказывать сильное военное давление на Каффу. Это лишало, или в значительной мере затрудняло ведение генуэзцами торговли, равно как и отвоевание утраченных владений. Захват Алексеем I Чембало вызвал панику и негодование среди колонистов не только Каффы, но и Перы, купечество которой было обеспокоено состоянием дел в Газарии. Об этом свидетельствует содержание одного из писем, отправленных отсюда в Геную в конце июля 1433 г. (*Belgrano, 1877 – 1884, p. 200 – 202*).

Вероятно, консул Каффы предпринял попытку с ходу захватить Чембало, но генуэзцев постигла неудача (*Колли, 1913, с. 111*). В июне (или начале июля) из Перы в Чембало был направлен флот под командованием Бартоломео ди Леванто (документ, извещающий об этой акции, датирован 30 июля 1433 г.). С Бартоломео в походе участвовал и его брат Джованни ди Леванто (*Belgrano, 1877 – 1884, p. 200 – 201*). Феодориты оказали упорное сопротивление и генуэзцы вынуждены были отступить.

Но в дальнейшем они начинают действовать более решительно, основательно занявшись подготовкой экспедиции для отвоевания Чембало. По свидетельству Дж.Стеллы (*Stella, 1730, col. 1312*) в октябре 1433 г. в Генуе, под торжественный звон колоколов и ликующие возгласы горожан командующим (Capitaneum) флотилии, направляемой в Чембало, был избран Карло Ломеллини (Dominus Carolus Lomellinus)³⁴¹, сын Наполеона, правителя Корсики, происходивший из знатной и богатой аристократической фамилии Лигурии. Упоминания о нём в источниках начинают часто встречаться с 1427 г., когда он на 10 лет (в качестве залога) получил от тогдашнего правителя

Донато, совладельцем и патроном навь, строящейся в Чембало, с другой. Доверенными лицами (прокураторами) Джованни ди Сан Донато в Генуи выступают Леоне ди Камилла и Бернабо Риччо. Доверенность на данную сделку составлена в Каффе нотарием Николо ди Брандуччо сыном Джаннино, 23/IX 1392 г. Прокураторы обязуются от имени поручителя погрузить на указанную навь от 4000 до 5000 мин зерна [329736 – 412170 кг] в течение ноября 1393 г. Порты погрузки: Матрега, Воспоро, Кавалари, Кубатуба, Каффа, Чембало, Леффети (*Карпов, 1998, с. 10*).

³⁴¹ Очевидно, выбор граждан Генуи не случайно пал на Карло Ломеллини, который, по крайней мере с 1427 г., будучи членом Officium Provisionis Romane, курировал решение военных вопросов. Так, например, в одном из постановлений этой Коллегии от 21 июня 1427 г. Карло Ломеллини назван miles, что означает не столько просто воин, солдат, боец, но в данном контексте - рыцарь (*Balletto, 2000, p. 425, doc. 256*).

Генуи Миланского герцога Филиппо Марии Висконти, за предоставление тому займа в 3000 дукатов, город и крепость Вентимилья (*Agosto*, 1977, p. 513).

Приготовления к отправке флота в Газарию заняли несколько месяцев. Они были закончены только в марте 1434 г. Некоторое представление о мерах по подготовке к войне с владельцем Феодоро, принятых Коллегией Попечения Романии, дают документы от 16 и 24 декабря 1433 г. Причём, одним из них, от 24 декабря 1433 г., владелец Феодоро Алексей, как незаконно захвативший Чембало, получает нелицеприятную характеристику (*Agosto*, 1981, p. 107).

При проведении этих мероприятий правительство Генуи столкнулось с большими проблемами. Они были связаны, прежде всего, с нехваткой средств (государственная казна была истощена длительной и неудачной войной с Венецией и Арагоном). Поэтому снаряжение кораблей и набор наёмников пришлось осуществлять на ссуду полученную у Банка Св.Георгия (*Agosto*, 1981, p. 103 – 108).

В начале марта 1434 г. флотилия, состоявшая из 20 судов (10 галер, 9 галей и 1 галеотта), на которых размещалось около 6000 наёмных солдат, вышла из Генуи. По приходу в Порто Венеро было завершено формирование и комплектация состава экипажей (здесь к нему примкнула ещё одна галеотта). Оттуда генуэзская армада 31 марта взяла курс на восток, войдя в Чёрное море через два месяца (31 мая 1434 г.) (*Stella*, 1730, col. 1312). С учётом судовых команд галер и галей, если даже принять их среднюю численность в 120 человек (*Карнов*, 1994, с. 18 – 21), общий состав направленного в Газарию экспедиционного корпуса превышал 8000 (8280 – 8300) наёмных солдат и матросов вместе с офицерским составом.

5.2.1. Отвоевание генуэзцами Чембало и прибрежной Готии в 1434 г.

Дальнейший ход событий военной кампании 1434 г. наиболее подробно изложен Андреа Гатари из Падуи. Текст написан на венецианском диалекте и был помещён в «Дневнике Базельского Собора» (*Coggiolla*, 1903, p. 406 –

408; *Manfroni*, 1904, p. 36 – 38; *Колли*, 1913, с. 116 – 120; *Papacostea*, 1989, p. 441 – 442). С момента публикации эти материалы широко использовались как зарубежными, так и отечественными специалистами по истории генуэзских факторий.

В 1977 г. Альдо Агосто опубликовал два письма из собрания Фредерико Федеричи (ум. 18 марта 1647 г.), хранящиеся в Государственном архиве Генуи (№120). Первое письмо написано Карло Ломеллини 9 июля 1434 г. из Каффы и адресовано его племяннику Маттео Ломеллини (оно только 7 сентября попало в Геную (*Agosto*, 1977, p. 515). Следующее письмо датировано 20 июля 1434 г. Его отправил из Перы в Геную (для Маттео Ломеллини) Николло ди Порта, узнавший о перипетиях экспедиции 1434 г. со слов Амвросия ди Казанова. Как пишет Николо ди Порта, направляющийся сейчас на Хиос Амвросий ди Казанова, побывал в тех местах с нашим войском, проделав путь туда и обратно, и был свидетелем победы, одержанной над Чембало (*Agosto*, 1977, p. 515 – 517).

Эти документы представляют особый интерес, потому что несут в себе аспект личного свидетельства, давая возможность дополнить и сравнить с уже хорошо известным описанием войны, происходившей в Газарии в 1434 г., приведённым у Андреа Гатари (*Agosto*, 1977, p. 514). Попытаемся на базе этих источников восстановить ход кампании в течение июня – июля 1434 г. (рис.245).

Как только флотилия Карло Ломеллини вошла в Чёрное море, одна из галеотт под командованием старшего офицера была направлена вдоль южного берега к Синопу. Капитан галеотты высадился и сообщил, будто направляется на Трапезунд, а сам отправился искать свой флот, который уже достиг Чембало (*Колли*, 1913, с. 116). Данный фрагмент из дневника Андреа Гатари не объясняет действительной цели посещения генуэзцами в начале июня 1434 г. Синопа, явно скрываемой от рядовых членов экспедиции, потому что та носила характер тайной дипломатической миссии. Об этом мы узнаём из петиции Раффаэле Каррега, направленной дожу Томмазо ди

Кампофрегозо и Совету Старейшин Генуи (документ датирован 26 февраля и 18 марта 1440 г.). В ней говорится, что Раффаэле Каррега не получил компенсации, так как по условиям договора, заключённого Карло Ломеллини с эмиром Синопа Спендияром «последнему были отпущены суммы ущерба, нанесённого им генуэзцам и не были разрешены какие-либо налоги» (*Карпов*, 1998, с. 30). Из этого следует, что уже в самом начале военной кампании, проводившейся в Газарии, Карло Ломеллини постарался исключить какие-либо враждебные действия со стороны правителя Синопа и заключает с ним мирный договор. Наверняка эта акция была обсуждена и детально разработана в Генуе при подготовке к походу в Чёрное море.

Итак, 4 июня (в пятницу) 1434 г. генуэзский флот остановился на рейде у Чембало, блокировав все подходы к городу со стороны моря. Оказалось, что вход в бухту шириной около 200 м перегорожен железной цепью, а это не позволяло войти в порт судам. Детально изучив сложившуюся обстановку и подготовив всё необходимое, на рассвете 5 июня на воду были спущены шлюпки, направившиеся к цепи с целью её разрубить. По-видимому, экипажи шлюпок (от обстрела защитников Чембало) должны были прикрывать несколько кораблей, выстроенных, вероятнее всего, в две колонны – четыре с западной стороны входа в бухту, укреплённой ещё в 1425/26 гг. двумя башнями и куртеной; и три – с восточной. «После жестокого боя, люди разрубили цепь, закрывавшую вход в бухту. Вслед за этим натянут был конец [цепи] ко входу в гавань, и корабли, один за другим, стянувшись до самого порта и каждый занял свое место» (*Колли*, 1913, с. 117). В воскресенье (6 июня) войско высадилось на берег и «обложило [крепость] кругом, и тут дано было жестокое сражение, в котором с обеих сторон пало много народа» (*Колли*, 1913, с. 117).

Из цитированного отрывка дневника Андреа Гатари видно, что первый день сражения не принёс генуэзцам ожидаемых результатов – защитники Чембало смогли отбить первый штурм крепости. На следующий день (7 июня) с кораблей было снято несколько корабельных орудий. Из них в

течение дня вёлся обстрел одной из башен, «большая часть которой, а также и значительный кусок стены, обрушились» (Колли, 1913, с. 117).

Это событие произвело удручающее впечатление на жителей города, впервые столкнувшихся с применением огнестрельной артиллерии при штурме крепостей. Дальнейшее сопротивление становилось бессмысленным ввиду очевидного военно-технического превосходства генуэзцев. Поэтому к вечеру некоторые из них обратились к Карло Ломеллини с просьбой начать переговоры о сдаче города с условием сохранения жизни и имущества, но тот потребовал безусловной капитуляции на волю победителя (Колли, 1913, с. 117).

Такая категоричность Ломеллини не устраивала осаждённых. Утром (во вторник 8 июня) генуэзцы продолжили обстрел и предприняли очередной (на этот раз последний) штурм Чембало. Им удалось захватить одни из ворот (видимо, частично разрушенные при обстреле) и проникнуть на территорию нижней крепости (*castrī inferioris*)³⁴². Этот прорыв был настолько неожиданным, что защитники начали беспорядочное отступление к консульскому замку - крепости Св. Николая. За стенами замка смогли укрыться 70 человек и в том числе средний сын Алексея I – Олобо. Генуэзцы, преследуя отступающих, устроили резню. Вскоре защитники замка также решили сдаться. При захвате пленных пощада была дана «сыну

³⁴² Ситуация, сложившаяся в ходе сражения и подробно описанная Андреа Гатари, весьма похожа на топографию и результаты раскопок 2002 г., проводившихся в башне Барнабо Грилло, где при зачистке скальной поверхности со следами пожара, собраны фрагменты красноглиняной поливной тарелки, на крайней части поля которой выгравирована широкой линией монограмма TX, ранее известная по раскопкам дворца Мангупа, Алушты и Фуны (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 22, рис. 102, 108). Здесь же (у основания кл. 17) найдена медная монета (пул) плохой сохранности с ответствием для подвешивания. Из-за плохой сохранности данный нумизматический артефакт только примерно может быть атрибутирован, как восточная монета XIV – XV вв. Было бы чрезмерно смелым предположение, что именно на этом участке наёмникам Карло Ломеллини удалось проникнуть в нижнюю крепость Чембало, но наличие в открытом слое пожара красноглиняного блюда с монограммой TX, делает его не столь уж экстравагантным. Во-первых, город находился во власти феодоритов около 16 месяцев (с конца февраля 1433 по июнь 1434 г.) данного артефакта вполне объяснимо. Единственно, что теперь сосуды с подобными монограммами следует датировать не 60 – 70-ми гг. XV в., а 30 – 70-ми гг. XV в. Во-вторых, обороной Чембало руководил средний сын Алексея I – Олобо со своими приближёнными (около 70 человек). В-третьих, что наиболее существенно, башня Барнабо Грилло прикрывала ворота и дорогу, ведущую именно в *castrī inferioris* (нижнюю крепость) (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 22, 55 – 56).

господина Алексея, его приближённым и одному кандиоту» (*Колли*, 1913, с. 117).

Как видим, Гатари не упоминает имени сына Алексея I. Впоследствии это позволило исследователям высказывать различные и не обоснованные, предположения. Например, Н.В.Малицкий, рассматривая данный сюжет, цитирует молитву из старых синодиков фамилии Головиных, где говорится: «помяни...князя Стефана, нарицаемого в иночестве Симона и чад его: Григория, Алексея, иже в Балаклаве убитого» (*Головин*, 1854, с. 11 – 12; *Малицкий*, 1933, с. 38 – 39). Вероятно, на основании этого источника А.Л.Якобсон ошибочно относил дату смерти владетеля Феодоро Алексея I к 1433 г. (*Якобсон*, 1953, с. 390). А.М.Чиперис считал, что князь Алексей оказался в осаждённом городе во время штурма последнего карательной экспедицией Карло Ломеллино. Эпизод пленения сына Алексея I и его приближённых, отправленных на корабли и закованных там в цепи, он заканчивает ничем не обоснованной фразой: «затем по приказу Ломеллино были убиты» (*Чиперис*, 1961, с. 302, 306).

А.А.Васильев, пытаясь найти объяснение отсутствию упоминаний в генуэзских источниках 30 – 40-х гг. XV в. имени Иоанна как правителя Феодоро, высказал предположение, что он был захвачен в плен Карло Ломеллини в Чембало, отправлен в Перу, а оттуда уже (в 1441 г.) попал в Трапезунд. Там Иоанн находился со своей женой Марией и сыном Алексеем II, не возвращаясь в Феодоро (*Vasiliev*, 1936, р. 223 – 224). Единственным исследователем, предполагавшим, что сыном Алексея I, пленённым генуэзцами в Чембало, являлся Олобей (Олобо), был А.Л.Бертъе-Делагард (*Бертъе-Делагард*, 1918, 35 – 36), чем он и объяснял впоследствии его дружественные отношения с официальными Каффы.

В своём письме, отправленном из Каффы 9 июля 1434 г., Карло Ломеллини сообщает о том, что «мы [выступили] против Олобо – среднего [сына] Алексея Теодоро, получившего право престолонаследия, в то время как старший [сын] (Иоанн – В.М.) и глава семейства (Алексей I – В.М.), по

[полученным] сведениям, недавно отправились, по велению Господа, в Трапезунд» (*Agosto*, 1977, p. 515). Факт пребывания Алексея в это время в Трапезунде подтверждает и Николло де Порта, который, однако, связывает отъезд (*transirent*) Алексея I из Феодоро непосредственно с захватом генуэзцами Чембало (*Agosto*, 1977, p. 516).

Далее Гатари сообщает, что после взятия 8 июня Чембало, город был отдан солдатам на разграбление, при котором погибло много граждан. А уже на следующий день (9 июня) галеры вышли из бухты и высадили десант у Каламиты, потребовав от жителей крепости сдаться. В ходе переговоров удалось достичь соглашения, что крепость будет сдана на следующий день к вечеру, если генуэзцы пообещают сохранить имущество и жизнь её обитателям. 10 июня к Каламите из Чембало по дороге отправились остававшиеся там солдаты. Достигнув Каламиты только к исходу дня, и заметив, что никто из осаждённых не показывается, солдаты «приблизились к Каламите с лестницами и прочими снарядами. Не встретив никакого сопротивления, они вошли во внутрь города и увидели, что все жители убежали... Тогда солдаты предали огню все дома. Всё сгорело. От Каламиты остались одни торчащие стены, и солдаты вернулись обратно в Чембало» (*Колли*, 1913, с. 117).

Как, видим, при организации похода на Каламиту, Ломеллини разделил войско на две части: одна на галерах и с необходимым снаряжением для штурма была отправлена к Каламите для её захвата, в то время как другая часть, только на следующий день прибыла туда по сухопутной дороге. Не встретив никакого сопротивления, генуэзцы сожгли брошенную жителями крепость и возвратились в Чембало.

А.Л.Бертье-Делагард, а вслед за ним и другие исследователи, полагали, что феодориты, возглавляемые Алексеем I, уже на другой день заняли Каламиту и приступили к её восстановлению (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 7; *Филиппенко*, 1997, с. 36 – 37). Но это маловероятно, если учесть дальнейший ход военной кампании, освещаемый генуэзскими источниками, а также то,

что ближайшее по времени упоминание данного портового города в генуэзских источниках относится только к 1446 г. (*Карпов*, 1981, с. 113).

Гатари рассказывает, что после возвращения в Чембало сухопутное войско получило приказ идти по дороге Готии, производя набеги, другая же часть войска, морская, занялась каперством, вдоль берега, грабя всё, что попадалось ей на пути, и «требуя от жителей полной покорности генуэзцам» (*Колли*, 1913, с. 117 – 118).

Карло Ломеллини описывает действия карательной экспедиции в самом начале письма к Маттео (9 июля 1434 г.): «После того, как была одержана полная победа над Чембало, Каламитой, Брозони и всей Готией, мы прибыли в Каффу» (*Agosto*, 1977, р. 515). Из этого следует, что в ходе подавления мятежа разгрому оказались подвергнуты не только Чембало, Каламита и селения Готии, но и ещё одна крепость, находившаяся в районе военных действий – Брозони. В ней, предположительно, можно видеть Гурзуф.

Здесь генуэзцы основывают торговую факторию и в 70-х гг. XIV в. учреждают консульство (рис.96;97). В Уставе Каффы 1449 г. название этого пункта (звучит как *Gorzoni*) (*Юргевич*, 1863, с. 675). Хотя сам В.Н.Юргевич, а за ним и другие современные исследователи (*Н.М.Богданова*, *А.И.Романчук*) пытались доказать, что под *Gorzoni* имеется ввиду бывший византийский Херсон. Он отмечен в портоланах и на морских картах XIV – XVI вв., как *Giriconda*, *Gerezonda*, *Girisonda*, *Gorozonda*, *Surzona* (*Canale*, II, 1855, р. 16 – 17; *Юргевич*, 1863, с. 823, прим. 23; *Фелицин*, 1899; *Богданова*, 1991, с. 151, прим. 58; *Романчук*, 1986, с. 188). На тех же морских картах XV – XVI вв. Гурзуф упоминается под именем *Gorconi*, *Gosouy*, *Gorcovy* (*Canale*, 1855, р. 18 – 19; *Tomashek*, 1881, s. 72; *Фоменко*, 2001, с. 59), а у Иосафата Барбаро – *Grusui* (*Barbaro*, 1973, р. 93). Но всё приведённые примеры названий Гурзуфа и Херсона малосозвучны *Brozoni* отмеченному, как объект, захваченный генуэзцами в ходе военной кампании 1434 г. в Готии.

В своё время К.Десимони, среди названий пунктов, поименованных в генуэзских документах, отметил один из них – Baganda, но не указал к чему он относится (селение или, что иное), помещая его в Готии (*Desimoni, 1867, p. 254 – 255*). А.Л.Бертъе-Делагард, точно не локализуя данный пункт, считал, что он вполне мог находиться на побережье Крыма – территории так называемой генуэзской Готии (*Бертъе-Делагард, 1920, с. 31*). Документ, на который ссылается Десимони, датирован 1461 г. Вместе с Baganda в нём упоминается и хорошо известное селение Фуна (*casai Fonna*), на что обратил внимание В.Томашек (*Tomaschek, 1881, s.73*), но не попытался локализовать данный топоним.

Наиболее близким по звучанию Baganda является один из гидронимов Юго-Западного Крыма – Brgana или Bargana, означающий один из притоков р. Биюк-Узень (р. Чёрная), впадающий в неё в районе с. Чоргунь (*Pallas, 1801, s. 103; Паллас, 1999, с. 56*). По-видимому, селение Barganda – Bargana находилось на территории Готии, и было под юрисдикцией владетелей Феодоро. По данным турецких источников в селении Ыоргана, располагавшемся сравнительно недалеко от Мангупа, в 1545 г. проживало 25 православных греческих семей и 6 семей мусульман, а в 1638 г. оставалось 10 домов принадлежавших грекам, в то время как остальные жители уже исповедывали ислам (*Fisher, 1980, p. 220 – 221*).

Здесь, у переправы через р. Чёрную, находится Чоргунская башня. В средневековье рядом с ней проходила самая короткая дорога от Феодоро к морю. Отсюда до столицы феодоритов 18 км, а до Чембало около 10 км. К тому же р. Чёрная, по-видимому, служила естественной границей между территориями, находившимися под юрисдикцией консульства Чембало и владениями Алексея I. Поэтому, с некоторой долей вероятности, можно предположить, что под Brozoni (Brgana, Bargana), упоминаемом Карло Ломеллини, имеется в виду как селение, так и располагавшийся недалеко от него донжон – Чоргунская башня (*Мыц, 1991а, с. 137 – 138*). Но, что более всего вероятно, в генуэзском тексте (самим Карло Ломеллини, переписчиком

– Фредерико Федеричи – или Альдо Агосто?) буква G оказалась замененной на B. В таком случае вместо Brzoni следует читать Grzoni, т. е. – Гурзуф (?).

Н.М.Богданова, в качестве доказательства того, что имеются неопровержимые свидетельства о пребывании в Херсонесе не только генуэзских администраторов, но и военных формирований, ссылается на рассказ византийского историка Лаоника Халкокондила об экспедиции Карло Ломеллини 1434 г. (Богданова, 1991, с. 97 – 98). Согласно его сообщению, Хаджи Гирей обложил данью население Готии, а также генуэзцев Каффы (*Chalcocandylae*, 1922, т.1, с. 121 (18–19), Т. 2, с.37(21)³⁴³. Старания последних умиловить нового татарского правителя подарками, лестью и уступчивостью оказались тщетными: хан не только требовал выплаты дани, но и напал на город (*Chalcocandylae*, 1922, т. 2, с. 59 (18–20), 60 (1–5). Описывая события 1434 г., он отмечает, что генуэзский флот после захода в Константинополь, направился в Понт Эвксинский и прибыл в Каффу. В то же время какая-то часть войск из Херсона отправилась в глубь Таврики навстречу татарам (*Chalcocandylae*, 1922, Т. 2, с. 60 (7–8); Богданова, 1991, с. 98).

Представленный выше материал демонстрирует, что Лаоник Халкокондил излагает ход событий поверхностно и обобщённо, а это исключает возможность использовать его данные для точной реконструкции военной операции. Херсон в это время являл собой небольшое неукрепленное приморское селение (его слава уже давно была в прошлом) не представлявшее для генуэзцев сколько-нибудь значительного (в том числе и стратегического) интереса. Другое дело Гурзуф, где генуэзцами был построен замок, по-видимому, временно оказавшийся во власти Алексея I. Ни один из имеющихся генуэзских источников не сообщает о какой-либо попытке Карло Ломеллини нанести удар по Солхату из Херсона. Для

³⁴³ Лаоник Халкокондил пишет, что скифы, обитавшие «вокруг Боспора и так называемого Таврического острова, разделяющего Мэотийское озеро и Чёрное море, возглавляемые царем Атзикерисом, разграбляя народы на земле, подчинили себе ради выплаты дани так называемых готов и генуэзцев, живущих в Кафе» (Байер, 2001, с. 215).

достижения Солхата в таком случае необходимо было пройти по сухопутным дорогам Газарии 160 – 170 км, в то время как от Каффы до Солхата всего 25 км. Даже после захвата Каламиты генуэзцы не воспользовались возможностью напасть на Мангуп (Феодоро), хотя и находились в непосредственной близости (18 км) от столичного города (рис.245).

Единственное, о чём можно говорить предположительно, это о том, что наёмники Ломеллини, высадившись на побережье, опустошили и Херсон, который в это время входил во владения Алексея I. В таком случае на территории портового района городища при раскопках должен был быть выявлен слой разрушения 1434 г., но, насколько мне известно, в публикациях исследователей об этом ничего не говорится. Хотя здесь в ходе раскопок обнаружены монеты первой половины XV в., но они всегда представляются в отчётах и публикациях вне контекста сопровождавшего их археологического материала и стратиграфии данных находок (*Богданова, 1991, с. 161 – 162, табл. 3*).

5.2.2. Поход генуэзцев на Солхат и сражение 22 июня 1434 г. у селения Кастадзона³⁴⁴

12 июня 1434 г. Карло Ломеллини и часть его экспедиционных войск, уже находились в Каффе. Как сообщает А.Гатари, в этот день состоялся военный совет, на котором было принято решение нанести удар по Солхату, потому что консул и другие официалы требовали отомстить татарам за унижения, оскорбления и грабежи, приведшие к полному расстройству генуэзской торговли в Газарии (*Колли, 1913, с. 118*). Тем не менее, несмотря на принятое решение, на следующий день (в воскресенье 13 июня) в Солхат направился

³⁴⁴ После публикации в моей монографии небольшого раздела, посвящённого походу генуэзцев на Солхат 22 июня 1434 г. (*Мыц, 2009, с. 164-165*), появилась работа Д.А.Селиверстова (*Селиверстов, 2011, с. 183-198*). В ней автор предлагает новые переводы некоторых доступных на сегодняшний день латинских источников и подвергает критике представленные в моей работе фрагменты переводов и их интерпретаций. Должен заметить, что ни я, ни критикующий меня Д.А.Селиверстов, не являемся специалистами в области средневековой латыни и оба пользовались для переводов латинских источников привлечением сторонних специалистов. Мне, например, оказывали консультационную поддержку М.Г.Климанов и А.Л.Пономарёв. Однако они, к сожалению, уже покинули нашу бrenную землю. Достоверность переводов, представленных в работе Д.А.Селиверстова, у меня вызывает сомнения, и поэтому не считаю возможным отвечать на его критику, т.к. это только увеличит наше взаимное недопонимание.

парламентёр для проведения мирных переговоров. Но он был убит татарами в полумиле от городских стен.

После этого эпизода власти Каффы, вероятно, решили не скрывать своих истинных намерений, хотя командующим армией Карло Ломеллини ещё не было принято окончательное решение по данному вопросу. Поэтому 14 июня (в понедельник) войскам объявили, что они будут направлены на Солхат. Услышав это известие, наёмники (*stipendiarii*) в полном вооружении выстроились у ворот Латинборго (*Latinborgo*) в ожидании прибытия Карло Ломеллини.

Данное выступление стипендиариев, скорее всего, носило стихийный характер, вызванное распространившимися по городу ложными слухами, или должно было послужить демонстрацией силы, поднятия духа и дисциплины в войсках, потому что, прибыв к построенному экспедиционному корпусу, Ломеллини произвёл ему смотр и учение и приказал всем вернуться в город и стать за стенами. «Солдаты повиновались, сняли с себя оружие и наполнили собою все прилегающие к воротам улицы» (*Колли*, 1913, с. 118).

С этого момента, вероятно, начинается подготовка к походу на Солхат, который был осуществлен только 22 июня 1434 г., когда около 8 часов утра³⁴⁵ войско построилось в боевой порядок. «При звуках труб солдаты тронулись, кто пешком, кто на возах; последних было 612, на которых нагружено было всё оружие: арбалеты, запасы дротиков, латы, лестницы, бомбарды и прочие необходимые вещи» (*Колли*, 1913, с. 118).

Походная колонна растянулась почти на 3 км (2 мили) и остановилась в ожидании Карло Ломеллини, прибывшего в 9 часов утра в сопровождении 60 всадников и трёх знаменосцев: одно знамя Генуи (красный крест на серебряном поле); второе – Карло Ломеллини (поле разделено на две равные части красного и золотого цвета); третье – Миланского герцога Филиппо

³⁴⁵Гатари указывает, что построение войска было произведено в 3 часа. Первый час дня соответствует 6 часам утра (*Юргевич*, 1963, с. 825, прим. 70).

Мария Висконти (серебряная змея, заглатывающая человека на алом поле) (*Chiesi*, 1991, p. 32, 43, 57, 89; *Maggiorotti*, 1933, p. 338 – 339, fig. 289; *Яровая*, 2001, с. 190 – 191).

При выезде из города, знаменосец Лигурийской республики сломал об арку ворот Latinborgo древко своего штандарта. Это вызвало непредвиденную заминку в ожидании пока ему будет доставлено новое знамя. Только после этого войско, численностью в 8000 человек направилось по дороге к Солхату. В сообщении Николло ди Порты говорится о том, что из Каффы отправилось около 10000 человек в сопровождении примерно 700 повозок (*Agosto*, 1977, p. 516).

Так как путь на Солхат обычно пролегал через Кайадорские ворота (*Porta Caiadoris*), расположенные на восточном отрезке оборонительных сооружений города (*Skrzinska*, 1928, p. 56; *Юргевич*, 1863, с. 700; *Бочаров*, 1998, с. 93, рис. 1), то, с некоторой долей вероятности, можно упоминаемые Гатари ворота Латинборга, отождествить с ними.

Генуэзцы продвигались очень медленно, преодолевая под летним зноем затяжной подъём на хребет Биюк-Эгет (Большое седло– тюрк.), чтобы затем спуститься в долину р. Чурук–Су, где располагалось селение Карагоз. К 16 часам дня они прошли 10 миль и достигли местности Кастадзона (*Castadzona*), расположенной в 5 милях от Солхата, где, вероятно, собирались отдохнуть, облачиться в доспехи, вооружиться и двинуться в полной боевой готовности на приступ Солхата (рис.245).

Но здесь они внезапно были атакованы татарами. Сначала на вершине холма появились пять всадников (татары называли подобные группы беш-баш – пять голов), а после их исчезновения, в 150 – 200 м – десять всадников, которые принялись из луков обстреливать двигавшихся во главе колонны генуэзцев. Из 300 генуэзских всадников, состоявших из капитанов кораблей и командиров наёмников, 200 рассеялись, а 100, часть из которых была ранена татарскими стрелами – бросились бежать. В это время уже появилась остальная часть татарской конницы (предположительно 5000 всадников?), и

началось сражение с итальянским войском, оказавшимся не готовым к бою на открытой местности. В конце концов латиняне, бросив повозки с вооружением и раненных, бежали к Каффе. Татары преследовали их до половины дороги, и «если бы не наступила ночь, не спасся бы ни один человек» (*Колли*, 1913, с. 119).

В сумерках татары прекратили преследование, собрали брошенный генуэзцами обоз и ушли в Солхат, где ими, по поводу победы, был устроен грандиозный праздник. Воспользовавшись уходом татар, оставшиеся в живых, прятаясь среди трупов притворившись мёртвыми, поднялись и побежали в город. Однако «уцелевших людей очень мало было таких, которые не получили менее трёх ран, кто от стрел, кто от меча, кто от копья» (*Колли*, 1913, с. 119).

Победителям достался не только обоз, но и большое количество вооружения латинян, которое в качестве трофеев почти бесследно растворилось в бескрайних просторах Причерноморских степей³⁴⁶. В связи с этим интересна одна давняя находка. Осенью 1841 г. в селении Айдеры Евпаторийского уезда при разборке старого дома был обнаружен латинский меч хорошей сохранности. Клинок помещался в ножнах грубой работы, обшитых простой кожей (*Самойлов, Шевелев*, 1844, с. 624). Длина меча с рукоятью составляла около 112 см. Рукоять была украшена медными с позолотой полосами, сквозь которые виднелся бархат малинового цвета. На одной из полос (в верхней части эфеса) выгравированы два слова: MARI PETRO, вероятно, указывающее на имя владельца (*Самойлов, Шевелев*, 1844, с. 624). В верхней части клинка просматривались неясные изображения, композиционно образующие несколько групп, над которыми читалось MARIA (видимо, S.MARIA - В.М.). По мнению Е.П.Шевелева меч был

³⁴⁶ К числу таких трофеев сражения 22 июня 1434 г., по-видимому, относится железная бомбарда из Старого Крыма (Солхата) (*Каталог*, 1961, с. 38). Длина орудия 46 см, вес 11,5 кг, калибр ядер 8 см. Имеет стаканообразное жерло ствола (рассчитано для того, чтобы заряжающий мог дотянуться до устья каморы). Протяжённость зарядной части 27 см, дульной – 14,5 см (т.е., их соотношение составляет 1,8:1). При этом следует учитывать, что наиболее ранние орудия обладали пороховой каморой, по длине в два раза превосходившей вместилище для ядра. Ствол крепился металлическими обручами к деревянному лафету.

спрятан в конце XVIII в. последним владельцем дома (татаринном), которому он мог достаться по наследству от времен генуэзского владычества в этом краю (*Самойлов, Шевелев, 1844, с. 624*).

Перед нами редкий случай, когда есть возможность (пусть даже и гипотетично) персонифицировать владельца оружия. Лигурийский клан де Мари (*de Mari*) на протяжении 1261 – 1435 гг. занимал 7 место по присутствию в администрации Левантйских факторий (*Balard, 1980, p. 165*). Например, в 1381 г. консулом Каффы был *Iuanixius de Mari*, а в Севастополисе (1382 г.) *Inoffius de Mari* (*Balard, 1978, p. 141, 211*). В конце XIV в. в Каффе отмечено присутствие пяти представителей фамилии *de Mari* (*Balard, 1978, p. 250*). По наблюдению М.Балара клан *de Mari* занимал 11 место по торговым операциям в Романии (*Balard, 1978, p. 524*). В начале XV в. в Каффе совершают торговые сделки Борруэле (1402) и Алаоне (1406) де Мари (*Balard, 1978, p. 430*). В деловой переписке между магистратами Каффы и Генуи 20 – 60-х гг. XV в. род де Мари представлен именами Габриеле, Галеотто, Джованни Амброджо, Козимо, Доменико, Петро и Монтано (*Карпов, 1998, с. 77; Balletto, 2000, p. 487*). Пьетро де Мари (*Petrus de Mari*) упоминается в одном из документов (датирован 5 мая 1427 г.), направленном губернатором Генуи Джакомо *de Isolani*, Советом Старейшин и *Officium Provisionis Romanie* капитану и массарям Фамагусты³⁴⁷. Джованни в 1428 г., а Габриеле в 1440 г. являлись чиновниками оффиции Продовольствия (*Origone, 1983, p. 316*). Весной 1455 г. в Каффу вместе с кораблём Баттиста д'Ориа прибыла и нава, патроном которой был Парис де Мари. Магистраты фактории заключили с ним контракт о доставке зерна с Хиоса в Каффу. Не позднее 3 сентября того же года корабль Париса де Мари ушёл на Хиос (*Atti, 1868, I, doc. CXXXVI*).

Среди документов, изданных в своё время А.Винья, сохранился патент капитана Готии, выданный на два года и два месяца Франческо де Мари сына

³⁴⁷ Постановление касается взыскания с Андреа Паллавичино 2700 византов Фамагусты, что составляет 400 генуэзских лир, вместо Пьетро де Мари (*Balletto, 2000, p. 415, doc., 230*).

Пьетро (*Ad capitaneatum Gotie Franciscum de Mari Petri*) 27 мая 1461 г. (*Atti*, 1868, IV, p. 118, doc. DLVIII, p. 121, doc. DLXV). По-видимому, нет оснований даже предположительно говорить о пребывании этого представителя клана de Mari в Газарии в 30-х гг. XV в. Только в виде очень шаткой гипотезы можно высказать предположение, что Пьетро де Мари входил в состав экспедиционного корпуса Карло Ломеллини и 22 июня 1434 г. принимал участие в сражении у с. Карагоз, оставив на поле боя свой меч с надписью на эфесе Petri [de] Mari (сохранив только ножны). Именное оружие в качестве трофея досталось одному из татар и на протяжении трёх столетий хранилось его потомками как реликвия (позднее к нему были изготовлены другие ножны).

Подобный случай не единичен. Например, у горцев Северо-Западного Кавказа, благодаря традиции культа оружия, продолжительное время в качестве фамильных реликвий сохранялись клинки с надписью Janue – Генуя (*Дьяков-Тарасов*, 1930, с. 153 – 154; *Зевакин, Пенчко*, 1938, с. 86)³⁴⁸.

Следует признать, что в отличие от северных и западных регионов Европы находки мечей XIV – XV вв. либо их отдельных частей как в Крыму³⁴⁹, так и в Северном Причерноморье крайне редки, что уже само по себе превращает каждую из них в раритет. Например, в экспозиции Донецкого краеведческого музея (шифр: СКМ, до –347) в 1990-х гг. находился относительно хорошо сохранившийся меч (обломано окончание клинка и отсутствует эфес с навершием) (*Привалова, Швецов*, 1993, с. 60, № 390, рис. 75). Общая

³⁴⁸Сомнительно, чтобы подобные изделия, и особенно меч с именем генуэзского нобиля Пьетро де Мари, могли попадать к кочевникам в порядке обмена, как это полагает А.Г.Еманов (*Еманов*, 1995, с. 44).

³⁴⁹ При раскопках крепости XV в. у селения Фуна были найдены два разрозненных фрагмента от мечей. Они обнаружены в несвязанных между собой, противоположных местах крепостной площадки и могли принадлежать разным изделиям (рис.246,1,2.) (*Кирилко, Мыц*, 2000, с. 18 – 19; *Мыц*, 2009,рис.68). 1. Фрагмент клинка с остатками перекрестья и стержня для крепления эфеса (рис.246,1). Найден в слое пожара на полу помещения IX, по-видимому, использовавшегося в качестве кузницы. Здание возведено в 1424 – 1425 гг., разрушено в пожаре (предположительно, в 1434 г. во время карательных действий экспедиции Карло Ломеллини). 2. Массивное железное навершие рукояти в виде сильно уплощенного цилиндра (рис.246). Сбоку, посередине изделия, находится сквозная узкая щель (1,9 x 0,4 см) с прямоугольными очертаниями под заводку и крепление черенка. Диаметр набалдашника – 6,3 – 7,1 см, толщина – 2,3 см. Деталь найдена в переотложенном состоянии, в засыпи одного из скальных разломов у храма 1459 г. Подобные навершия характерны для мечей VI типа (по А.Н.Кирпичникову: *Кирпичников*, 1966, табл. 55, табл. XXX, рис. 2), которые в XIII - начале XV в. принадлежали к числу наиболее распространенных в Европе. Оба изделия могут быть датированы первой третью XV в.

сохранившаяся длина изделия 76,0 см; ширина клинка 4,2 см, толщина 0,8 см, ширина съёмного крестовидного перекрестия 16,6 см. Клинок (сечение ромбическое) с трёхрядным долом, плавно сужается (рис.247). Издатели (О.Я.Привалова и М.Л.Швецов) атрибутировали меч, происхождение которого неизвестно, как палаш, а местом его изготовления (ссылаясь на мнение М.А.Горелика) называли Венгрию или мамлюкский Египет и Сирию XVI в. (Привалова, Швецов, 1993, с. 60). Если в Венгрии вполне могли изготавливать мечи подобного вида, то Египет и Сирия никогда не являлись центрами производства европейского холодного оружия. Наиболее близким аналогом экспонируемому в Донецком музее может служить меч из Рыдомля (Волынь), датируемый А.Н.Кирпичниковым XIV – началом XV в. (Кирпичников, 1976, табл. X,1).

5.2.3. Причины поражения под Солхатом.

Дипломатия Карло Ломеллини

Очевидно, что причиной столь бесславного разгрома генуэзцев у с. Кастадзона (Карагоз) явились тактические просчёты их командования³⁵⁰. Мало того, что они двигались на Солхат без доспехов и не вооружёнными, так они ещё не позаботились о боевом охранении и мобильной разведке. В этом, вероятно, сказалось отсутствие опыта ведения войны с татарской конницей. Создаётся впечатление, что генуэзцы рассчитывали, в лучшем случае, встретить сопротивление у стен города и потому прихватили с собой штурмовые лестницы и небольшие бомбарды, но никак не были готовы к сражению в открытом поле. Отсюда, видимо, и то легкомысленное настроение итальянцев, с которым они продвигались к Солхату, рассчитывая не столько на сражение, сколько на грабёж незащищённого городского населения. За это им пришлось расплатиться двумя тысячами жизней своих сограждан. Единственным источником, говорящим о потерях генуэзцев в сражении под Солхатом, является свидетельство Амвросия ди Казанова. С

³⁵⁰Подобная беспечность русских войск привела к разгрому их ополчения на р. Пьяне 2 августа 1377 г. Воеводы, полагая, что татары находятся далеко начали ходить и ездить «во охабнех и в сарафанех», а доспехи (кольчуги и шлемы) сложили на телеги, рогатины и копыя не приготовили (ИРСЛ, т. XI, с. 27).

его слов Николло ди Порто называет число погибших примерно в 2000 человек (*Agosto*, 1977, p. 516). Интересно также сравнить эти сведения с сообщением самого Карло Ломеллини, рассказывавшего, что: «Мы прибыли сюда для восстановления нашего управления силой с 10 навами и 7 галейми, на каждой из которых находилось по 250 человек» (*Agosto*, 1977, p. 515). Командующий, очевидно, в своём письме от 9 июля 1434 г. приводит численность экспедиционного корпуса после сражения 22 июня: на 17 (а не на 20) кораблях размещалось теперь 4250 наёмников (а их было 6000), т. е. – на 1750 меньше. При этом потери среди состава корабельных команд, по всей видимости, составляли 240 – 250 матросов. В таком случае цифры потерь генуэзцев в 1434 г. указанные Николо ди Порто и Карло Ломеллини (последний делает это завуалированно, без дополнительных объяснений) почти совпадают и достигали 1990 – 2000 человек (*Agosto*, 1977, p. 517).

С.П.Карповым опубликован документ (датирован 24 марта 1435 г.), проливающий свет на судьбу одного из участников экспедиции и сражения у Солхата 22 июня 1434 г. – Антонио de Румехана. В поданной им губернатору и Совету старейшин петиции говорится, что Антонио недавно вернулся из Каффы неимушим, куда отправлялся с экспедицией Карло Ломеллини: «В битве у Солхата лишился всего состояния и доспехов, едва спася свою жизнь. Прибыл в Геную тяжело больным и собирался там жить трудом переписывания книг» (*Карпов*, 1998, с. 25).

Далее в записях Андреа Гатари изображена жуткая картина глумления победителей над останками побеждённых: «На следующий день (23 июня) все татары вернулись на поле битвы и со всех трупов срубили головы, взяв себе всё, что могли. Им было приказано нагрузить много возов головами и перевезти в указанное место, где из этих голов сложены были две пирамиды. Воспользовавшись этим распоряжением, евреи, бывшие на стороне татар, грабили и уродовали тела христиан, отрубали им головы, со столь же ужасною жестокостью, как и татары» (*Колли*, 1913, с. 119). Но можно представить какой погром устроили бы наёмники Карло Ломеллини, если бы

им удалось овладеть Солхатом (яркий и печальный пример представляют события в Чембало 8 – 9 июня 1434 г.).

Имеющиеся многочисленные исторические и этнографические материалы указывают на широкое распространение и длительное использование в военно-политической практике кочевников центральноазиатской степи древнего обычая отрубания голов побеждённых противников (*Дмитриев*, 1999, с. 212 – 219). Сохранился он и у мусульман, которым шариат позволяет носить головы погибших в сражении врагов, «как для удовлетворения мести, так и для возбуждения ярости неверных» (*Гиргас*, 1865, с. 14).

Монголы, впервые появившись в Европе в начале 40-х гг. XIII в., продемонстрировали этот обычай на деле после одного сражения в Силезии, где к ним в плен попал герцог Генрих. Полностью раздетого рыцаря заставили кланяться телу убитого монгольского предводителя, а «затем его голову, словно башку барана, отвезли... к Батыю и после бросили её среди голов других убиенных» (*Дмитриев*, 1999, с. 216).

Широкую известность получили башни из черепов побеждённых, сооружавшихся по приказу Тамерлана. Например, в 1387 г., после взятия Исфахана, было воздвигнуто несколько башен из отрубленных голов жителей и защитников города (*Гийасадин Али*, 1992, с. 205). В 1403 г. Руи Гонсалес де Клавихо (посол короля Генриха III к Тамерлану) вблизи Дамгана видел четыре башни сложенные из черепов Чёрных татар (туркмен племени кара-коюнлу), побеждённых эмиром. При этом он описывает способ возведения башен из голов: «делали их так: ряд черепов и слой грязи». Подобные сооружения, по его свидетельству, достигали такой высоты «как можно забросить вверх камень» (*Клавихо*, 1990, с. 87). По мнению С.В.Дмитриева «инициаторы подобных сооружений хотели получить ту силу, которая суммирует все отдельные силы разных людей, одновременно изымая её у противника» (*Дмитриев*, 1999, с. 216).

Приведённые и далеко не полные примеры, указывают на бытование у тюрок и монголов обычая отрубать головы побеждённых ими врагов, что по

их представлению должно было способствовать ослаблению противника. В этой связи становятся понятными и первичные мотивы (продиктованные силой обычая) акции осуществлённой татарами 23 июня 1434 г. (*Колли*, 1913, с. 119). Это только подтверждает осознание обитателями Солхата и Кипчака политической значимости победы, одержанной над генуэзцами, которые с 1344 г. были для татар неуязвимыми благодаря оборонительным сооружениям Каффы³⁵¹. 7 июля у стен Чембало появился отряд татар в 200 всадников и потребовал от гарнизона сдаться вместе с оружием. Генуэзцы согласились вести переговоры и пообещали прислать для этого своего уполномоченного представителя. После того как татары удалились, пришло известие о перемирии, так как «обе стороны выразили желание помириться» (*Колли*, 1913, 119 – 120). Из Каффы в Солхат прибыл посол с предложением выкупа из плена оставшихся в живых генуэзцев (по свидетельству А.Гатари в плену находилось 42 человека из жителей Каффы (*Колли*, 1913, с. 120). Первоначально генуэзцы согласны были заплатить за каждого пленного низшего сословия (пополанов) по 600 аспров; нобилей, среди попавших в плен, по сообщению татар, не оказалось. Из этого следует, что общая сумма выкупа, предлагавшаяся генуэзцами на начало переговоров, была установлена в пределах 25200 аспров, но затем татары потребовали выкуп за каждого пленного в 2000 аспров, надеясь таким образом получить 84000 аспров или 420 соммо. Переговоры продолжались до 13 июля, когда под Солхатом был заключён мирный договор, и генуэзцам удалось за 50000 (примерно 250 каффинских соммо) аспров выкупить 25 человек (т. е. по 2000 аспров за каждого (*Agosto*, 1977, р. 517). А.Гатари не даёт объяснений по поводу судьбы ещё 17 человек. Разъяснения содержатся в письме Николло ди Порты, сообщающего, что часть захваченных в плен скончалась от ран, находясь в Солхате (*Agosto*, 1977, р. 516). Потери после поражения были

³⁵¹ Точное место возведения башен из отрубленных голов латинян, погибших во время боя 22 июня 1434 г., не установлено. На гребне хребта Биюк-Эгет, где непосредственно произошло сражение, в настоящее время видна цепь курганов, дату которых предположительно можно отнести к эпохе бронзы – раннему железному веку. Современная высота некоторых из них достигает 2-3 м.

таковы (не известно точно, сколько погибших в сражении входило в состав корабельных команд подчинявшихся Карло Ломеллини), что пришлось разоружить две галеры и корабль Бабилано ди Негро (*Колли*, 1913, с. 120). Вскоре экспедиционный флот Карло Ломеллини покинул Каффу и отправился в Геную. Дата отплытия из Каффы 17 кораблей в источниках не указывается. Вероятно, это произошло 14 или 15 июля 1434 г., потому что Николло ди Порты уже 20 июля, после беседы с Амвросием ди Казанова, посылает своё сообщение Маттео Ломеллини. Получается, что часть флота, направлявшаяся на Хиос, 19 – 20 июля сделала остановку в Пере. С учетом того, что весь путь от Каффы до Генуи занимал 2 – 3,5 месяцев, то сам Карло Ломеллини появился, по-видимому, в метрополии не ранее сентября – конца октября 1434 г.

Не все участники экспедиции, пережившие ужас татарского разгрома, пожелали или смогли сразу вернуться в метрополию. Например, Джакомо ди Промонторио, служивший на флоте под командой Карло Ломеллини, остался при консуле Баттиста де Форнарио и сделался одним из его советников. В Каффе он «трудился ради защиты города от врагов, с успехом занимался сбором аварии, введённой предшественником консула Форнарио», чем снискал к себе большое расположение и получил предложение занять одну из устраивавших его оффиций (*Карпов*, 1998, с. 32). В период военной кампании 1434 г. наблюдается дипломатическая активность лигурийцев в бассейне Чёрного моря. Первоначально Карло Ломеллини (до 4 июня 1434 г.) удаётся заключить договор с эмиром Синопа Спендияром (Исфендияром), которому были прощены суммы ущерба нанесённого им генуэзцам (*Карпов*, 1998, с. 30). Неудачно выступившим против татар с оружием, лигурийцам удалось большего добиться путём интриг и тайной дипломатии. Особого внимания, в связи с рассматриваемой темой, заслуживает один из сюжетов, помещённых во второй части письма Николо ди Порты, касающийся непосредственно ведению переговоров: после случившегося позорного возвращения, Капитан (Карло Ломеллини – В.М.) стал приводить всё в порядок,

хорошо продумав дальнейший ход действий. Он обратился с письмом к «императору [татар] с предложением встретиться». После он на совещании говорил, что этот «император настроен враждебно по отношению к нам, а так как он опытный в ведении государственных дел человек, то может причинить нам большой вред» (*Agosto*, 1977, p. 517)³⁵². К 1434 г. между генуэзцами и Иоанном IV оставался неурегулированным конфликт из-за отказа императора уплатить долг своего отца (3000 дукатов) за покупку товаров у Тома ди Тротиса. При этом сам купец оказался в тюрьме, а выданный ранее залог отнят. Поэтому консул Каффы Баттиста ди Форнарио и Карло Ломеллини получили специальное поручение добиться возвращения долга или хотя бы залога, с правом применить силу, если того потребуют обстоятельства (*Iorga*, 1899, VI, p. 127; *Карнов*, 1981, с. 112). Судя по всему, вопрос был решён путём переговоров, потому что столкновения между Трапезундом и Каффой не произошло (*Карнов*, 1981, с. 112).

В качестве посла Карло Ломеллини к Иоанну IV был направлен Маттео Дориа. Послу не удалось решить всех поставленных перед ним задач, что дало повод для распространения его завистниками слухов, что он «получил от трапезундского императора 400 турецких дукатов». Предпринятая Карло Ломеллини попытка выяснить распространителей клеветы не дала никаких результатов, а Маттео не смог доказать ложность их происхождения. Эта клевета при жизни Маттео Дориа не имела последствий, в том числе и со стороны Миланского герцога. Но после смерти Маттео клевета распространялась всё шире, и «дож вместе с официией Романии написали тогдашнему консулу Каффы Паоло Имперiale, чтобы он взыскал эти 400 дукатов из имущества покойного Маттео Дориа. Однако консул отказался это сделать, сочтя обвинения не доказанными» (*Карнов*, 1998, с. 44). Десять лет спустя после этих событий Андреа Бартоломео Имперiale и трое сыновей

³⁵²До настоящего времени имя победителя генуэзского воинства в сражении 22 июня 1434 г. остаётся неустановленным. Ранее мной (со ссылкой на сообщение историка XV в. Лаоника Халкокондила) считалось, что татарское войско возглавлял Хаджи Гирей (*Мыц*, 2009, с.171), но сейчас данное мнение признаю не обоснованным (*Якушечкин*, 2016, с.580-601).

Дория – Лука, Марко и Чезаре – подали дожу и Совету старейшин Генуи петицию (17.IV.1447 г.). В ней содержалась просьба «снять обвинения с покойного Маттео Дория и возратить наследникам как эти 400 дукатов, так и то сверх этого, что было снято с его счетов». Но, сложившееся на основании одних только слухов, предубеждённое мнение было ещё столь прочным, что после прочтения и обсуждения на совете петиция была отклонена (Карпов, 1998, с. 43 – 44). Таким образом, Маттео Дория, несмотря на предпринятую попытку его друга и сыновей, не был реабилитирован, несмотря на то, что его вина (получение подарка от Иоанна IV в 400 дукатов) никогда не была доказана.

Мирный договор, подписанный с татарами (не известно с кем именно) 13 июля в Солхате, очевидно, не касался взаимоотношений Каффы и Феодоро, потому что обе стороны продолжали пребывать в состоянии войны до 1441 г. Владетель Феодоро потерял не только Чембало, но и Каламиту. Вероятно, генуэзцы также сожгли и разрушили замок у селения Фуна (где археологическими раскопками выявлен слой пожара (рис.248), с татаро-генуэзским аспром 20-30-х гг. XV в. времени второго правления Улу-Мухаммеда – 1428/29 – 1436 гг. и Миланского герцога Филиппо Мария Висконти – 1421 – 1435). Средний сын Алексея I – Олобо, захваченный Ломеллини в Чембало, вероятно, находился в плену в Каффе³⁵³. Как уже отмечалось, перед самым появлением генуэзского флота в Чёрном море, Алексей I отправился в Трапезунд. Именно там его и застали происходившие в Газарии события военной кампании лета 1434 г. Вероятно, правитель Мангупа, узнав о готовящейся в Генуе экспедиции, прибыл в Трапезунд, где он надеялся не только найти примирение со своими родственниками и близкими, но и заручиться поддержкой со стороны Иоанна IV, в которой он в это время крайне нуждался. Но трагедия в Чембало и

³⁵³ А.Л.Бертье-Делагард высказал предположение, что Олобо был освобождён из плена по требованию Хаджи-Гирея. Данное предположение не подкреплено свидетельствами каких-либо источников, кроме того, что между этими правителями (Алексеем, Олобо и Ханджи-Гиреем) на протяжении последующих лет сохраняются дружественные отношения (Бертье-Делагард, 1918, с. 36).

Готии произошла настолько быстро, что ни он, ни император Трапезунда не смогли предпринять действенных мер для её предотвращения. Кроме того, согласно сведениям, полученным Николло ди Порто от Амвросия ди Казанова, после победы над владельцем Феодоро в Чембало и Каламите, флот под командованием Карло Ломеллини должен был отправиться к Трапезунду. Но данный поход не состоялся из-за поражения, которое потерпели генуэзцы 22 июня 1434 г. под Солхатом (*Agosto*, 1977, p. 516). В связи с рассматриваемой темой, следует, вероятно, обратиться к свидетельству ещё одного источника касающегося семейной истории Мангупского дома и получившего в литературе название «Номофилакса Иоанна Евгеника песнь над гробом княжича» изданного впервые на русском языке с комментарием Д.С.Спиридонова (*Спиридонов*, 1928, с. 93 – 99). Эпитафий, написанный Иоанном Евгеником, освещает скорбное событие – безвременную кончину первого внука владельца Феодоро, сына Иоанна и Марии, Алексея II. Д.С.Спиридонов обосновал своё мнение о том, что местом, где было произведено погребение усопшего и при этом присутствовали его родители и дед, являлся Трапезунд. Но значительные затруднения вызвала возможность сколько-нибудь точно определить время этих событий, которые исследователь предположительно датировал 1446/47 гг. (*Спиридонов*, 1928, с. 98 – 99). При этом, им было отмечено, что стт. 78 – 81 «связаны мыслью о том, что хотя смерть мальчика была для родителей большим горем, но что этому предшествовали непосредственно и другие несчастья» («Неужели по пламенности родительской любви (78) должна была испытать и этот страшный удар (79), пережить горечь и этой скорби (80) избранная чета его родителей? (81)» (*Спиридонов*, 1928, с. 95). Родители покойного Алексея II не надеются в скором будущем вернуться на родину и поэтому для утешения своего горя распорядились изобразить над могилой портрет умершего ребенка (если внук Алексея I (Старшего) родился в 1427 г., то в момент смерти – 1434 г. – ему было примерно 7 лет), сопровождавшийся стихами (*Спиридонов*, 1928, с. 95, 98). Именно на

основании этой совокупности данных, содержащихся в эпитафии, Спиридонов счёл возможным хронологически увязать их с политическими событиями 1447 г., когда побережье Готии подверглось нападению турецкого флота Мурада II (*Спиридонов*, 1928, с. 98). Но с предложенной им датировкой источника и событий вряд ли можно согласиться по следующим соображениям. Дело в том, что Алексей I (Старший) скончался до мая 1447 г., о чём может свидетельствовать один из генуэзских документов датированных 2 мая 1447 г., в котором говорится о том, что в Каламите и Феодоро в это время правили вместе с Олобеем и другие сыновья покойного Алексея I (*cum Olobei et ceteris filiis condam Alexii*) (*Iorga*, 1899, III, p. 216).

Единственные надёжно датированные сведения о пребывании владельца Феодоро в Трапезунде относятся только к июлю 1434 г. В эпитафии речь идёт о переживаемых несчастьях, которые по смыслу непосредственно предшествовали смерти мальчика (стг. 78 – 81). Поэтому есть все основания связывать данные события, нашедшие отражение в сочинении номофилакса Иоанна Евгеника, с карательными действиями генуэзцев в июне 1434 г. в Крыму и приведшие к разгрому некоторых селений Готии, Грозони, Чембало, Каламиты, гибели и пленению многих людей. В.А.Сидоренко считает предложенную Д.С.Спиридоновым широкую датировку эпитафии (1440 – 1448 гг.) достаточно убедительной (*Сидоренко*, 1993, с. 159). Однако, по его мнению, погребение внука Алексея I было произведено не в Трапезунде, а в Готии в храме Донаторов, расположенном рядом с замком Черкес-Кермен (Кыз-Куле), где на одной из стен «находятся изображения двух супругов по сторонам Христа и их троих детей» (*Домбровский*, 1966, рис. 5,14,15; *Сидоренко*, 1993, с. 158) (рис.249-252). О.И.Домбровский портрет княжеской семьи считал возможным датировать XIII или даже XII вв. (*Домбровский*, 1966, с. 33). При этом он отмечал многослойность представленной здесь фресковой композиции, которая, появившись в конце XII – XIII в. (роспись конхи апсиды и изображение всадника), «не раз переделывалась и складывалась постепенно до середины или даже конца XIV

в.» (*Домбровский*, 1966, с. 33). Подобное заключение не является бесспорным. Например, ещё Н.И.Репников первоначально относил время высечения пещерной церкви ко второй половине XIV в. (*Репников*, 1932, с. 122), а затем предложил более конкретную дату – 80-е гг. XIV в. (*Репников*, 1940, с. 77). Именно эту точку зрения впоследствии поддержал Ю.М.Могаричев (*Могаричев*, 1997, с. 53)³⁵⁴. Предложенная В.А.Сидоренко трактовка места и времени написания эпитафии требует дальнейшей разработки и более весомой аргументации, так как необходимо ещё доказать датировку фресок храма Донаторов именно 40-ми гг. XV в. и её синхронность с сочинением номофилакса Иоанна Евгеника, а также его пребывание в Готии в это время.

5.2.4. *Post factum* войны 1434 г.

Интересно, как современники оценивали результаты военной кампании 1434 г., которая в общей сложности продолжалась 5 месяцев (с 31 марта по конец октября, хотя в Газарии генуэзская армия находилась с 4 июня по 14 – 15 июля – т.е. 41 день) и потребовала огромных финансовых затрат на её проведение. По этому поводу можно произвести только самые общие расчёты, не учитывающие стоимость фрахта судов и оплату командного состава. Согласно установившейся практике каждый наемник (*stipendiati*) в месяц получал до 1 соммо (примерно 200 аспров), а за весь срок похода в Крым – не более 5 соммо. Учитывая, что для отвоевания Чембало было завербовано около 6000 стипендиариев, то затраты только на выплату им жалованья (*stipendium*) должны были составить примерно 30000 соммо или более 6 млн. аспров. Эта сумма принципиально не намного уменьшится, если даже учесть понесённые во время войны потери. Насколько оправдывала себя данная и весьма дорогостоящая акция? Ведь ни до, ни после генуэзцы ни разу не направляли в Чёрное море столь значительных воинских контингентов. Пойти на такие расходы и предпринять чрезвычайные меры,

³⁵⁴ О фресковой росписи в храме Донаторов смотрите также (*Волконская*, 2003, с. 284-311; 2005, с. 217-239).

очевидно, заставило власти Генуи понимание реальной опасности в ближайшей перспективе потерять свои фактории не только в Газарии, но и во всем бассейне Чёрного моря. Вероятно, для этого и понадобилась грандиозная по масштабам демонстрация силы.

По-видимому, при рассмотрении данной темы, необходимо учитывать ещё один морально-психологический аспект в политике Генуи. Потерпев поражение в войне с Венецией и вынужденная заключить в 1433 г. мир, Лигурия и её средиземноморские фактории оказались наводнёнными толпами деморализованных и оставшихся не у дел матросов и солдат, готовых на любые действия, вплоть до грабежей, бунтов и мятежей. Это само по себе способствовало сохранению напряжённой социально-политической обстановки как в метрополии, так и в её факториях. Поэтому отправка в дальний и продолжительный поход, в котором каждый из участников ещё надеялся улучшить своё материальное положение за счёт военной контрибуции и грабежей, способствовало смягчению социальной напряжённости в самой Генуе.

1433 г. в истории Лигурии стал годом тяжёлых испытаний. По свидетельству Стеллы в этом году почти вся Италия испытывала недостаток в продовольствии, который начался ещё в 1431 г. и продолжался в течение 2,5 лет. Цены резко поднялись и причинили больше всего несчастья неимущим (*Stella*, 1730, p. 1312). В конце 1433 г. генуэзцы потерпели у берегов Сардинии поражение от флота Арагонского короля. В то же время современные источники ясно указывают, что в планы экспедиции Карло Ломеллини не входило ведение войны с татарами, это являлось инициативой местных чиновников и части колонистов (консула, других официалов и негоциантов), которые решили, воспользоваться присутствием в Каффе генуэзской армии для того, чтобы окончательно сломить мощь Солхата. На это стремление указывает в своём письме сначала Карло Ломеллини, а затем и Николло ди Порто. Командующий (*Capitaneus*) называет консула (Баттиста де Форнари) подстрекателем, побуждавшим его немедленно нанести удар по

Солхату, сразу же после того как Карло Ломеллини прибыл в Каффу. О других чиновниках фактории и каффинских добровольцах, принявших участие в походе, он высказывается ещё более неприязненно: «наши как мужи действовали против греков, однако, как женщины действовали против татар, обратившись в бегство» (*Agosto*, 1977, p. 515).

Из сообщения Амвросия ди Казанова явствует, что Ломеллини долго колебался, прежде чем принял решение двинуться на Солхат. Последнее совещание по этому вопросу состоялось в консульской курии 19 июня 1434 г., где на обсуждение было вынесено два предложения: 1) приказ Карло Ломеллини вернуться войску обратно в Геную и 2) продолжить в этом месте опустошение земель востока (*Agosto*, 1977, p. 516). После длительной дискуссии, в конечном счёте, возобладало второе мнение.

Сведения, сообщаемые Амвросием ди Казанова, по-видимому, присутствовавшего на совещании 19 июня 1434 г., представляют собой яркое по своей эмоциональной окраске свидетельство обострившейся в Каффе, накануне похода на Солхат, политической атмосферы. Ни о какой тайной подготовке к этой операции в подобной обстановке не могло быть и речи. О её последствиях мы уже знаем. После разгрома под Солхатом, который казалось бы свёл на нет все достигнутые до этого результаты, Карло Ломеллини предпринимает меры не только по приведению в порядок своего войска, но и демонстрирует необычайные по своей эффективности дипломатические способности. Хотя, по-видимому, поездка посла (Маттео Дориа) в Трапезунд, и не дала ожидаемых результатов, но Иоанн IV не предпринимал никаких политических демаршей или военных акций, занимая выжидательную позицию. Алексей I, потеряв Чембало и Каламиту, также вынужден был бездействовать, переживая к тому же ещё и личное горе (смерть внука и пленение среднего сына). Параллельно переговорам с «императором» Солхата, Ломеллини, вероятно, тайно установил (через имеющуюся у генуэзцев агентуру) связь с Сайид-Ахмедом, побуждая того, внезапно появившись со своим войском на полуострове, избавиться от

соперника. В связи с дипломатическими успехами генуэзцев и, прежде всего Карло Ломеллини, интересно высказывание Николло ди Порты, который, не скрывая своего удовлетворения, сообщает следующее: «Говорят, что наша армия, пребывая в данном месте, могла бы без меча одержать важную победу» (*Agosto*, 1977, p. 516 – 517).

После возвращения в Геную, не без поддержки и влияния Миланского герцога Филиппо Мария Висконти, Карло Ломеллини добился признания своих военных и дипломатических заслуг. Среди них важное место занимала и победа, одержанная им при отвоевании у мятежников Чембало, а также мир, заключённый с Солхатом, получив за это почётный титул «Золотого Кавалера» (*Cavaliere aurato*) (*Rossi*, 1886, p. 137 – 140).

На самом деле, после экспедиции Карло Ломеллини, правители Феодоро больше ни разу не пытались захватить Чембало. Они были вынуждены довольствоваться тем, что генуэзцы предоставили им по договору 1441 г. Хотя до окончательного примирения противоборствующих сторон ещё оставалось несколько лет, но после погромов, произведённых Карло Ломеллини на территории Готии и консульства Чембало, они носили перманентный и узколокальный характер.

В завершении рассматриваемой темы, считаю небезынтересным привести свидетельство ещё одного источника, в котором говорится о походе генуэзцев на Солхат в 1434 г. Имеется ввиду сообщение испанского путешественника Перо Тафура, находившегося в Каффе с декабря 1437 по январь 1438 г. (*Перо Тафур*, 2006, с.26). Со слов местных жителей он пишет: «Несколько [лет]³⁵⁵ назад горожане двинулись с большим войском и телегами с артиллерией на захват города Солхат, лучшего, который есть в Татарии, но татары были предупреждены и напали на генуэзцев, и захватили у них то, что те везли, и знамена, и перебили и полонили столько их, сколько им захотелось, так что решили даже наскоком взять в этот день Каффу; и

³⁵⁵Как отмечают издатели, стоящее в тексте «Несколько дней назад...» явная описка, так как события относятся к 1434 г. (*Перо Тафур*, 2006, с.267, прим.231).

дошли они до стены, и попытались взобраться на нее, и там многие из них погибли, так что генуэзцы убедились тогда в том, что люди их лучше подходят для моря, чем для суши» (*Перо Тафур*, 2006, ст.163). Как видим, Перо Тафур, несмотря на то, что со времени сражения татар с генуэзцами прошло немногим более трёх лет, излагает несколько иную версию финала сражения 22 июня 1434 г., чем Андреа Гатари и Николо ди Порто со слов Амвросия ди Казанова. Если полностью доверять информатору испанского путешественника, то татары в тот день предприняли попытку сходу овладеть Каффой, но потерпели неудачу, потеряв много человек убитыми. Но об этом эпизоде не упоминает Карло Ломеллини в своём письме от 9 июля 1434 г. Вероятно, испанскому путешественнику изложили одну из мифологем, уже сложившуюся к тому времени. Так, что нет оснований, со слов Перо Тафура вносить коррективы в ранее изложенные версии событий 22 июня 1434 г.

Особенно интересно описание организации обороны генуэзской Каффы, составленное Перо Тафуром на 1437/38 гг.: «Этот город имеет обычные стены и весьма узкий ров вокруг, но хорошо защищён арбалетами, бомбардами, пушками, мортирами, кулевринами и всевозможной оборонительной артиллерией, и направлено всё это против невооруженных людей, у которых к тому же мало желания причинять им ущерб, ибо получают они от них большие выгоды» (*Перо Тафур*, 2006, ст.163-164). Как увидим позднее, данное описание является наиболее точной характеристикой крепости Каффы и использовании в её защите различной артиллерии.

5.3.Таврика и Причерноморье в 1430 – 1440-х гг. XV в.

К концу 1435 г. в Генуе произошли важные политические события, приведшие к падению власти Миланского герцога. Его имя оказалось навечно отражено в монетной чеканке (татаро-генуэзских аспров) Каффы тех лет (*Lunardi*, 1980, р. 5 – 29). 27 декабря 1435 г. в городе вспыхнуло восстание пополанов, в результате которого был убит наместник Филиппо Марии Висконти – Оппицино ди Альцате (*Перо Тафур*, 2006, ст.14). Через три месяца дожем избрали Изнардо Гварко, занимавшего эту должность

всего несколько дней. Но на этом борьба двух политических партий, сторонников и противников Миланского герцога, не прекратилась. В марте 1437 г. предпринимается попытка государственного переворота, когда во время религиозного праздника Баттиста ди Кампофрегозо, действовавший в интересах Филиппо Мария Висконти, захватил дворец коммуны и был провозглашён группой своих сторонников дожем Генуи. В сложившейся критической ситуации Томмазо ди Кампофрегозо организовал вооружённый штурм дворца, вынудив мятежников, в том числе и своего брата, бежать из города (*Еманов, 1993, с. 270*). 3 апреля 1436 г. дожем Генуи, при общем ликовании народа, становится Томмазо ди Кампофрегозо, смещённый с этого поста в 1421 г. (*Баранов, Климанов, 1997, с. 104*).

5.3.1. Достижение мира между Каффой и Феодоро в 1441 г.

В Генуэзской Газарии и Каффе было не спокойно. В 1435 г. (судя по всему в середине лета) отмечена очередная вспышка чумы, вызвавшая бегство части жителей Каффы в Монкастро и другие города Причерноморья (*Карнов, 1995, с. 16; 1998, с. 26*). Участие в войне и эпидемия чумы способствовали дальнейшему расстройству финансово-фискальной системы. Чтобы сократить дефицит муниципального бюджета магистраты фактории пытаются упорядочить сбор налогов. Но предпринятые официальными мерами были дискредитированы злоупотреблениями чиновников, что вызвало в 1436/37 гг. протесты и публичные выступления со стороны жителей Каффы (*Карнов, 1995, с. 16*). Поэтому консул Антонио Ломеллини и массарий Паоло Империаале, «ради мирного управления городом», отстранили от исполнения обязанностей министра – главу официи по сбору налогов Каффы – Иснардо ди Кампофрегозо, «который столь бесчестно ею управлял» (*Карнов, 1998, с. 28*). После того, как экспедиция Карло Ломеллини покинула Чёрное море, между Каффой и Феодоро не было подписано мирное соглашение и поэтому враждующие стороны продолжали оставаться в состоянии войны. Время от времени генуэзцы совершали нападения на территории, принадлежавшие владетелю Феодоро. В 1438 г. Габриеле де Мари, патрон

галеи Каффы, прибыл в город с добычей захваченной им в землях Алексея. По распоряжению консула (Паоло Имперьяле), настоянию массариев и синдиков Каффы, он сложил это имущество в башне Св. Антония (рис.405,А11; 406-411)³⁵⁶. Впоследствии Габриеле обратился к дожу и Совету старейшин Генуи с жалобой на действия официалов, считая, что он не должен был давать отчёт коммуне Каффы о добыче, как это сделал, например, Бабиано ди Негро (*Карпов*, 1998, с. 39 – 41).

Здесь мы опять встречаем упоминание о Бабиано ди Негро, корабль которого остался в Каффе, по-видимому, из-за нехватки матросов, погибших под Солхатом 22 июня 1434 г. (*Колли*, 1913, с. 120). Можно предположить, что Бабиано получил право марки и, собрав новую команду, занялся каперством, грабя земли владельца Феодоро, как и Габриеле де Мари. На протяжении нескольких лет сохранялась напряженная обстановка в консульстве Чембало, где часто вспыхивали распри (*discordie*) и возникали беспорядки. В 1439 г. консул, массарии, совет Каффы и оффиция Попечения посылают управлять этой беспокойной факторией Антонио Пино, которому за время консулата, длившегося 11 месяцев и 6 дней, удалось добиться примирения его жителей. Сменивший Пино на этой должности Джероламо д'Аллегро, *burgensis* Каффы, был избран в Генуе (*Карпов*, 1998, с. 38 – 39). Военное противостояние между Каффой и Феодоро закончилась, по-видимому, только осенью 1441 г. Об этом позволяет судить один из документов, отправленный из фактории в метрополию и датированный 22 ноября 1441 года. В нём сообщается, что на содержание пленников из Готии, захваченных благодаря действиям Джованни Монтани и других социев, и освобожденных «по случаю мира, заключённого с Алексеем» выделена специальная сумма денег (*Jorga*, 1899, р. 37). А.А.Васильев высказал предположение, что, по-видимому, тогда же генуэзцы освободили из плена

³⁵⁶Turris Sancti Antonii – угловая четырехстенная башня в цитадели Каффы. Сохранилась до настоящего времени. Построена, вероятно, около 1344 г. Об этом памятнике более подробно см. (*Balard*, 1978, I, с. 209; *Бочаров*, 1998, с. 88, табл. 1, с. 89, рис. 1,3,6; *Пономарёв*, 2000, с. 407, 413 (табл.), 425).

и сына Алексея (*Vasiliev*, 1936, p. 210). Это вполне возможно, потому что Олобо, после того как попал 8 июня 1434 г. в плен, в генуэзских источниках не упоминается. Вероятно, его содержали в заточении с 8 июня 1434 г. по 22 ноября 1441 г. Судя по всему, Феодоро и Каффа находились в состоянии войны с конца февраля 1433 г. по ноябрь 1441 г., т. е. примерно 8 лет. Условия мирного соглашения, достигнутого официальными коммуны Каффы с Алексеем I в 1441 г. нам не известны. Их можно только предположительно и гипотетически реконструировать по событиям, происходившим после ноября этого года. Во-первых, был произведён обмен пленными. Во-вторых, Алексею возвращены захваченные в ходе войны земли, принадлежавшие феодоритам до 1433 г. (в первую очередь, Каламита и Фуна?). Таким образом, сторонами урегулировались территориальные споры и устанавливались границы в пределах соглашения, заключённого между феодоритами и генуэзцами после первого конфликта (1422 – 1423 гг.) в 1424 г. Алексей I, по-видимому, отказывался от претензий на владение консульством Чембало и Приморской Готии. В-третьих, генуэзцы, очевидно, потребовали от Алексея I не восстанавливать порт в Каламите и не вести через него торговлю. Всё это должно было осуществляться через Чембало или другие порты, находящиеся под юрисдикцией Генуи. Обе стороны, вероятно, не очень рассчитывали на полное выполнение условий договора, но тот факт, что феодориты больше ни разу не предприняли попытки захватить Чембало, сам по себе говорит о многом. В латинских источниках отсутствуют также сведения о взыскании сумм ущерба с какой-либо из сторон. Это позволяет предположить существование специального пункта в договоре, касающегося данного вопроса (стороны самостоятельно возмещали ущерб своим подданным?)³⁵⁷. А.А.Васильев (вслед за В.Василиу) полагал,

³⁵⁷ Единственным до настоящего времени и не совсем понятным источником, который может служить косвенным отражением событий войны 1433 – 1441 гг. является послание магистратов Генуи от 26 мая 1449 г., в котором консулу Чембало указывалось на необходимость осуществить «Компенсацию (восстановление) ущерба, причинённого в то время, когда Алексей захватил город Чембало на некоторое время силой» (*Jorga*, 1896, III, p. 245; *Vasiliev*, 1936, p. 225, N 6; *Байер*, 2001, с. 213).

что мирный договор между Кафзой и Феодоро в 1441 г. являлся составной частью соглашения, достигнутого в том же году между Генуей и Венецией, защищавшей интересы своего политического партнера в Газарии – владельца Феодоро Алексея I (*Vasiliu*, 1929, p. 314; *Vasiliev*, 1936, p. 212). При этом В.Василиу считала, что война между Феодоро и Кафзой непрерывно продолжалась около 20 лет (*Vasiliu*, 1929, p. 314), но это не соответствует свидетельствам опубликованных письменных источников.

Рассматривая время заключения договора, необходимо учитывать и конкретную обстановку, сложившуюся в Северном Причерноморье на данный момент, потому что в 1442 г. на политической арене Дешт и-Кипчак появляется такая важная персона, как Хаджи Гирей, активно приступивший к созданию нового самостоятельного государства – Крымского ханства (*Абдуль-Гази-Бахадур-хан*, 1906.с.100-102; *Смирнов*, 2005, с.183-187; *Зайцев*, 2007, с.64-71)³⁵⁸. Именно он на четверть столетия (1442–1466 гг.) становится правителем, определявшим внешнеполитические приоритеты подвластного ему улуса. А его традиционно союзнические отношения с Феодоро и Литвой при неизменной антигенуэзской ориентации, являлись для лигурийских факторий существенным фактором напряжённости, о чём свидетельствуют события 1454 г. Но об этом более подробно будет сказано ниже. Следует также признать, что при всей видимости дипломатического урегулирования конфликта между Кафзой и Солхатом, договор от 13 июля 1434 г. вносил существенные коррективы в их финансово-правовые отношения. Если, например, до 1434 г. генуэзцы ограничивались 3% взносом в казну хана от собираемых ими таможенных сборов (*Брун*, 1879, с. 205), то после трагических событий 22 июня 1434 г. у селения Кастадзона (Карагоз?) Каффа была обязана платить татарам ежегодную дань (*tributum*), достигавшую, по видимому, примерно 9% (*Heud*, 1886, Т. 2, p. 381; *Смирнов*, 1887, с. 208). По

³⁵⁸ История политической деятельности Хаджи Гирея в 30-начале 40-х гг. XV в. остаётся неясной. Например В.Шпулер утверждал, что Улу-Мухаммед опасался Хаджи Гирея и поэтому потребовал от Сигизмунда не отпускать его в Орду, за что обещал отказаться от поддержки Свидригайло (*Spuler*, 1943, s.161-162). Поэтому С.Ф.Орешкова высказала предположение, что «Хаджи Гирей оказался в это время в Литве в положении пленника» (*Орешкова*, 2021, с.25).

свидетельству того же Лаоника Халкокондила генуэзцы, после поражения в битве у Солхата, впали в сильную зависимость от татар (*Laonici Chalcocondylae*, 1843, p. 284).

5.3.2. Замки Готии в 30 – 40-х гг. XV в.

Владетеля Феодоро Алексея I явно не удовлетворяли результаты войны, потому что он не только не смог удержать Чембало, но и на несколько лет потерял Каламиту. Стремясь отрезать полностью выход феодоритов к морю, генуэзцы начали перестраивать крепость в устье реки Чёрной (рис.207;208,2). Ими была реконструирована северная линия обороны, где располагался главный вход в укрепление, подвергшийся кардинальной перестройке. Въездная башня приобретает U-образные очертания плана (рис.207;208,2; 209). На уровне второго яруса сооружается галерея, а её верхнюю боевую площадку венчают кремальеры – зубцы с завершением в виде ласточкина хвоста (рис.208,2)³⁵⁹. К башне № 2 с внешней стороны делается дополнительная пристройка после чего она обретает полукруглую форму. При этом были закрыты амбразуры более раннего сооружения (20 – 30-х гг. XV в.) (рис.208-213).

Подтверждением строительной деятельности лигурийцев на данном памятнике, традиционно приписываемой османам (*Бертье-Делагард*, 1886, с. 187 – 190; *Филиппенко*, 1996, с. 149 – 150), является находка на территории Каламиты фрагмента закладной плиты с генуэзскими гербами (*Oderico*, 1792, p. 212, tav. XV; *Мурзакевич*, 1837, с. 61; *Латышев*, 1896, с. 47; *Maggiorotti*, 1933, p. 260, Fig. 207). На плите были изображены герб Генуи и коронованный лев, держащий в лапе лилию или звезду. Латинская геральдическая символика сопровождалась более поздним греческим (расположен между ветвями креста) текстом: «гербы генуэзцев в крепости Инкерман» (*Латышев*, 1896, с. 46 – 47). Под надписью помещена и дата, выдающая в её авторе человека мало сведующего в летоисчислении,

³⁵⁹Более подробно об особенностях архитектуры данного сооружения см. (*Кирилко*, 2001, с. 302 – 306, рис. 8,2).

принятом в странах западной Европы – MCCCCLXVV. Не вызывает сомнений, что кем-то была сделана попытка вывести дату, относящуюся ко второй половине XV в. – 1462 (MCCCCLVV) 1464 (MCCCCLXIII) или 1465 (MCCCCLXV)³⁶⁰ гг. Но Каламита в это время принадлежала феодоритам, а Инкерманом она стала называться турками после 1475 г.

Закладные плиты с латинскими надписями и геральдическими символами какого-либо аристократического рода из Лигурии могли быть датированы только в пределах июня 1434 – ноября 1441 гг. (т. е. – MCCCXXXIV – MCCCXXXI). Следует также учитывать широкую популярность таких геральдических символов как лев и лилия (*Oswald*, 1984, s. 255 – 256, 259 – 260). Например, львы помещены на щитах с надписями консула Румбальдо Гварко из Солдайи 1394 г. и Джованни Гаспарино д'Асте в Каффе (не датирована) (*Юргевич*, 1863, с. 166 – 167, 172, табл. №15, 31). Поэтому поиски владельца или восстановителя Каламиты в 1434 – 1441 гг. может увести нас от рассмотрения основной темы, оставаясь при этом на уровне слабо аргументированного предположения. К сожалению, давно потерян сам фрагмент с изображениями и не найдена остальная часть с латинским текстом. Следует также отметить, что в опубликованных документах массарии Каффы этого времени отсутствуют сведения о выделении официальными фактории средств на обустройство крепости в устье р. Чёрной. Это позволяет считать, что проведённые здесь в 30-х – начале 40-х гг. XV в. строительные работы проводились за счёт частного лица (либо группы лиц).³⁶¹ Тем не менее, до осени 1441 г. генуэзцы, очевидно, не успели

³⁶⁰Л.А.Маджиоротти полагал, что греческая надпись сопровождалась датой 1464 г., т. е. MCCCCLXIV (*Maggiorotti*, 1933, p. 260, Fig. 207). Но и в этом случае вместо IV должно было стоять III.

³⁶¹На возможность такой постановки вопроса может указывать принятие 31 августа 1441 г. в Генуе специального декрета «О том, чтобы не строить укреплений в Великом море» (*De fortificiis in mari Maiori non construendis*). Частным лицам и официальным запрещалось «построить в каком-нибудь месте крепость, замок или вал, без именного позволения, согласия, сведения и разрешения светлейшего г. Дожа Генуи, высокодостоинного совета гг. Старейшин и достопочтенного комитета Попечительного Романии». Причём, как обязательный для неукоснительного исполнения, данный указ (в редакции Матео ди Баргалио) был включен в Устав Каффы 1449 г. (*Устав* 1449 г., 1863, с. 752 – 753). А это, по-видимому, свидетельствует об интенсивном развитии частной сеньории в генуэзских владениях Причерноморья под контролем официальных властей факторий (*Барабанов*, 1995, с. 20 – 36).

усилить восточный участок обороны города и он оставался не реконструированным до захвата Каламиты турками в 1475 г. Поэтому третий строительный период на укреплении следует связывать с деятельностью генуэзцев в 1434 – 1441 гг.

По всей видимости, к этому же времени следует отнести и изображения парусных кораблей, обнаруженных в башне №5 при реставрационных работах, проводившихся Херсонесским музеем в 1968 г. (*Романчук, Быков, 1981, с. 143 – 146, рис. 1 – 8*). На двух каменных блоках, изготовленных из нуммулитового известняка (рис.214-219), острым предметом выполнены изображения восьми судов. Среди них выделяются три навы и одна галера. Навы двухпалубные с одной или двумя мачтами. На верхней палубе размещались пушки, а на нижней – три ряда вёсел. На носу и корме борта приподняты и на них чётко видны надстройки (*кастли*) (*Карпов, 1994а, с. 20 – 21*). Паруса убраны (очевидно, корабли стоят на рейде в порту), поэтому достаточно подробно изображены детали такелажа. Но не видно флагов или вымпелов, что позволило бы ответить на вопрос о государственной принадлежности судов (рис.214-219).

Каламита в XV в. часто посещалась не только торговыми кораблями, в её порт неоднократно заходили военные эскадры. Например, здесь, вероятно, побывали три венецианские галеи Андреа Лоредана во время осенне-зимней навигации 1431/32 гг. и корабли Карло Ломеллини в июне 1434 г. Художник, оставивший на стене крепостной башни свои творения, был хорошо знаком с устройством кораблей различных типов и, по-видимому, мог рисовать с натуры. Следует также отметить, что из множества обнаруженных в Крыму граффити с изображениями кораблей, каламитские – наиболее реалистичны. Детальное их изучение, может позволить в высокой степени точно реконструировать устройство этих типов судов, совершавших в XV в. навигацию в Чёрном море.

Известные мне опубликованные генуэзские источники 1434 – 1441 гг. ничего не сообщают о времени возвращения Алексея I из Трапезунда в

Феодоро. Косвенно на то, что он прибыл в Готию и возобновил борьбу с Кафрой в 1437 г., могут указывать происходившие в это время (1437 – 1438 гг.) события. Во-первых, в 1437 г. в Трапезунде по распоряжению Иоанна IV была захвачена генуэзская нава. Её патрон - Мервальдо Спинола (civis Каффы) - оказался в заточении, а товары конфискованы (вскоре корабль, из-за небрежности подданных императора, разбился о скалы и затонул). Совладелец судна и товаров Филиппо де Мелоде «обратился к консулу Каффы и добился от него, чтобы императору были написаны письма с требованием восстановления правосудия». Затем Филиппо отправился в Трапезунд и представил императору эти письма. Иоанн IV не прочитал, не выслушал Филиппо, а продолжал удерживать Мервальдо Спинола в карцере. Генуэзский купец был освобождён «лишь на основании определенных обещаний» (Карпов, 1998, с. 34). Данный эпизод интересен тем, что фиксирует начало обострения отношений между генуэзцами и Трапезундской империей, которые со временем выльются в вооружённый конфликт. Во-вторых, что вполне вероятно, именно в ответ на враждебные действия Иоанна IV официалы Каффы способствуют организации нападений в 1438 г. на земли Алексея I генуэзских кораблей под командованием Бабиано ди Негро и Габриеле де Мари. Надо полагать, что и сам Алексей I, после своего возвращения в Готию, принимая во внимание его деятельный характер, не оставался в стороне от происходивших событий, предпринимая необходимые и возможные в сложившихся военно-политических условиях меры по защите владений Феодоро от нападений генуэзцев. Учитывая, что в это время им была утрачена Каламита, где генуэзцами организовываются ремонтно-восстановительные работы, Алексей I вынужден был позаботиться об обороне своего государства и, прежде всего, столицы.

С создавшейся в данный период обстановкой, можно предположительно связывать и возведение на Мангупе второй линии обороны общей протяженностью около 800 м и усиленной 8 башнями (рис220; 253-255).

А.Г.Герцен склонен датировать это грандиозное по своим масштабам строительное мероприятие, 60 – 80-ми гг. XIV в., основываясь на данных двух надписей, упоминающих о Хуйтани и Чичикии (*Герцен, 1990, с. 145 – 146*). К сожалению, исследователь, несмотря на продолжительное изучение памятника, не приводит для подтверждения своего мнения, каких-либо материалов, полученных в ходе археологических раскопок. Поэтому, предлагаемая им периодизация строительства второй линии обороны города, выглядит отвлеченно и не учитывает реальных архитектурных особенностей памятника, который, даже при внешнем сравнении, обнаруживает своё ближайшее сходство с конструктивными элементами (вплоть до мельчайших деталей) с крепостными сооружениями Каламиты.

Особую значимость в организации обороны на подступах к Феодоро (Мангупу) приобретают в это время три замка, расположенные у стратегически важных путей, ведущих к городу. На востоке это Керменчик (находится в 15 км от столицы) (рис.256), на западе – Черкес-Кермен (стоит на дороге, пролегающей через Мекензиевы горы – Кок-агач (*Паллас, 1999, с. 55*) из Каламиты в Феодоро)(рис.257-260) и Сандык-Кая (прикрывает южное направление, связанное с Приморской Готией и поселениями Байдарской долины) (рис.261,1). Керменчик (рис.256) расположен в 0,5 км к юго-западу от с. Высокое (б. Юхары-Керменчик). Впервые о нём упоминает П.И.Кёппен (*Кёппен, 1837, с. 300 – 301*). Более детальное описание памятника сделано в конце XIX в. А.Л.Бертъе-Делагардом, датировавшим крепость (основываясь на характерных особенностях кладки оборонительных стен) XIII – XIV вв., интерпретируя её как убежище (*Бертъе-Делагард, 1899, с. 29 – 32*). Против такого определения справедливо возражал Е.В.Веймарн, называвший Керменчик феодальным замком (*Веймарн, 1955, с. 68*). А.Л.Якобсон предложил более раннюю дату – X в., но при этом не привёл каких-либо убедительных аргументов (*Якобсон, 1970, с. 16*). Обследование Керменчика в 1980, 1985, 1990 гг. дало подъёмный материал (представленный в основном

фрагментами красноглиняной поливной керамики), не ранее конца XIII и последней четверти XV в. (Мыц, 1991а, с. 130).³⁶²

Руины замка занимают вершину скалистой возвышенности (наибольшая протяжённость с юга на север составляет 100 м, с запада на восток – 40 м, общая площадь укрепления 0,31 га), доступ на вершину возможен со всех сторон (рис.256). Поэтому строители вынуждены были возвести крепостные стены по всему периметру протяжённостью в 230 м. С наиболее пологой, южной стороны, находилась четырехугольная в плане (6,0 х 8,0 м) башня-донжон (Мыц, 1991а, с. 130, рис. 25,1). Вход в замок располагался в 20 м к востоку от башни. Оборонительные стены сложены из бута на песочно-известковом растворе с применением деревянных связей. На юго-западном участке фрагмент куртины сохранился на высоту 6,80 м. У основания ширина стены составляет 1,50 – 1,70 м, а вверху (на уровне парапета) она сужается до 1,20 – 1,50 м. Здесь же отмечена и нижняя часть парапета шириной 0,70 – 0,90 м, высотой до 0,50 м. Располагая этими данными, можно реконструировать высоту куртины с парапетом на уровне 8,70 – 8,80 м. Для размещения защитников на боевой площадке крепостной стены были устроены деревянные подмости, от которых в монолите куртины видны круглые в сечении гнезда.

Черкес-Кермен (известно ещё под названием Кыз-Куле) находится в 6 км к юго-западу от с. Красный Мак (б. Ашага-Каралёз) на северной оконечности плато Топшана (рис.257-260). Этот памятник отмечает в своих путевых заметках (1793/94 гг.) П.С.Паллас: «видна башня старого укрепления, называемого татарами Черкез-Кермен давшая своё название близлежащей деревне, где прежде жили греки, теперь же живут только татары» (Паллас, 1999, с. 54). Обследование замка, с фиксацией сохранившихся здесь архитектурных остатков, в 1821 г. провели Е.Е.Кёллер и Е.Ф.Паскаль

³⁶² Небольшие раскопки памятника, проведенные на Керменчике в 2006 г. В.В.Юрочкиным, дали возможность более определенно говорить о его двухслойности: в разведочном шурфе, заложенном с внутренней стороны оборонительной стены, выявлены немногочисленные материалы XIII (стенки амфор, горшков, черепицы) и XV в. (в основном красноглиняные поливные изделия).

(Кёллер, 1872, с. 390). Первое краткое описание крепости сделано П.И.Кёппеном, который, ссылаясь на сообщение Мартина Броневского (1578 г.), заключает, что Черкес-Кермен замок новый, построенный турками (Кёппен, 1837, с. 252). По этому поводу высказал свои возражения Г.Э.Караулов, считавший укрепление византийской постройкой и сравнивавший его, без каких-либо на то оснований, с городищем VI(?) – XIII вв. на мысе Кулле-Бурун (Сюйрень) (Караулов, 1861, с. 1 – 24; 1872, с. 60 – 61).

П.С.Паллас, а вслед за ним и Ф.Дюбуа де Монпере, связывали строительство этой крепости с черкесами (адыгами) на основании услышанного от местных жителей предания (Паллас, 1881, с. 37, 82; 1999, с. 54, прим. 54; *Dubois de Montpereux*, 1843, p. 290). П.И.Кёппен считал, что пребывание черкесов в этом районе «только догадка, основанная на недоразумении» (Кёппен, 1837, с. 251 – 252). Название данного памятника, как он считал, происходит от имени Черкеса (Кути-Бея или Кутлуг-бея), встречаемого в договорах татар с Каффой 1381 и 1387 гг. (Кёппен, 1837, с. 82, 85, 260). Г.Э.Караулов также утверждал, что Дюбуа де Монпере ошибочно приписывал постройку крепости черкесам, забывая при этом отметить точку зрения по этому вопросу П.С.Палласа (Караулов, 1872, с. 60)³⁶³.

В 1933 г. У.А.Боданинским в укреплении была раскопана часовня размером 7,50 x 4,50 м. Стены её, толщиной 0,80 м, возведены из бута на глине. Храм ориентирован апсидой на восток (85°). Пол глинобитный. В часовне открыто две гробницы с потревоженными погребениями. Рядом с церковью обнаружены еще 4 аналогичные гробницы, ориентированные по оси запад – восток. Их размеры 2,0 x 0,60 x 0,70 – 0,90 м. Памятник оказался однослойным. Мощность культурных напластований на исследованном участке составляла 0,37 – 0,50 м. Археологический материал (в основном фрагменты поливной и неполивной керамики), найденный при раскопках,

³⁶³ Обнаруженные М.Я. Чорефом на одном из блоков в основании въездной башни тамгообразные знаки вроде как склоняют чашу весов данного спора в пользу адыгской принадлежности владельца замка Черкес-Кермен (Чореф, 1980, с. 110-120).

относится к концу XIV – XV в., но У.А.Боданинский датировал постройку замка X в. (*Боданинский*, 1935, с. 81 – 87). На основании данных, полученных в ходе раскопок 1933 г., Н.И.Репников относил время возведения крепости к XIV– XV вв. (*Репников*, 1940, с. 76 – 77), а Е.В.Веймарн предлагал чрезмерно широкую датировку памятника – XI – XIV вв. (*Веймарн*, 1966, с. 80).

С трёх сторон территория городища замкнута вертикальными обрывами, достигающими в некоторых местах 15 – 20 м (рис.257). С юга укрепление соединено с остальной частью плато узким перешейком. По нему к въездной башне ведёт вырубленная в скале дорога шириной 2,50 м. По обеим сторонам дорожного полотна высечены каменные парапеты с рядами углублений для деревянных стоек ограждения. Дорога подходит к скальной расселине (со следами дополнительной подрубки её склонов) шириной немногим более 5,0 м, в противоположных бортах которой видны гнезда для крепления массивных брёвен, служивших основанием для деревянного стационарного моста. У края северного борта расселины, точно по оси подъезда к крепости, находится воротная башня замка (рис.257-260). Её внешние размеры в основании 6,20 х 6,30 м, при толщине стен 1,10 – 1,20 м (внутреннее пространство представляет собой квадрат со сторонами равными 3,90 м). Современная высота строения 7,80 м. Сложена в основном из бута с подтёсанной лицевой стороной на известковом растворе с добавлением толчёной керамики. В южной и северной стенах башни находятся две стрельчатые арки разной ширины и высоты. Так, высота арки южного фасада достигает 4,0 м при ширине 2,60 м, а северного, соответственно, – 4,60 х 3,0 м. Верх башни разрушен. С внутренней стороны в стенах видны пазы для деревянных балок от настила боевой площадки (на высоте 6,80 м от основания). Это даёт возможность достаточно точно реконструировать габариты утраченной верхней части башни. По всей вероятности, она имела шатровое перекрытие, покоившееся на парапете с окнообразными бойницами. Вся эта конструкция по высоте, видимо, не превышала 6,0 м. В

таком случае общая высота въездной башни Черкес-Кермена составляла около 13,0 – 13,50 м (рис.260) (*Кирилко*, 2001, с. 293 – 297, рис. 6).

С восточной стороны к башне примыкал парапет с зубцами высотой 2,0 м и шириной 0,90 – 1,0 м. Эти параметры устанавливаются по вырубным постелям, прослеживаемым по краю обрыва и впускным камням, выступающим за плоскость восточного фасада, что указывает на единовременное возведение парапета и башни. По кромке обрывов всего укрепления прослеживаются гнезда для стояков, служивших основой забора, предохранявшего от случайного падения и защищавшего от стрел (видимо, ограждение представляло собой обычную турлучную конструкцию с глиняной обмазкой).

Протяжённость крепостной территории с юга на север 225 м, с востока на запад – 75 м (рис.257). Под застройку также использовалась площадка, расположенная с восточной стороны от основной части плато и несколько ниже (перепад высот достигает 1,50 – 5,0 м). На нижнюю площадку ведут две вырубленные в скале лестницы. С севера возможный доступ на территорию укрепления преграждала стена длиной 13,0 и шириной 1,10 – 1,20 м, разрушенная в настоящее время почти до основания. Площадь защищенной территории замка составляет 1,30 га.

Наиболее значимым, судя как по размерам, так и по сложности фортификационных сооружений, среди укреплений, входивших в систему обороны Феодоро в XV в. являлся замок на г. Сандык-Кая (рис.261,1). Крепость расположена в 2,5 км к югу от с. Поляна (б. Маркур). Впервые обследование памятника в 1938 г. провёл В.П.Бабенчиков, который датировал городище XIII – XIV вв. и относил его к укреплениям замкового типа (*Ренников*, 1940, с. 252 – 253). Такого же мнения придерживался и О.И.Домбровский, но время существования здесь средневековой крепости определял в пределах X – XV вв. (*Домбровский*, 1966, с. 67). А.Л.Якобсон, без каких-либо оснований, классифицировал памятник как сельское укрепленное поселение VIII – X вв. (*Якобсон*, 1970, с. 17, 171). При

неоднократном визуальном обследовании территории крепости был получен материал не ранее XIII (?) в. Разрушен замок, очевидно, в последней четверти XV в. при захвате Крыма турками. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют находки в развалах стен построек фрагментов красноглиняных поливных сосудов идентичных тем, которые обнаружены в верхних слоях тотальных пожаров 1475 г. Алушты, Фуны и Мангупа.

Укрепление занимает вершину отдельно стоящей скалы, вытянувшейся с юго-запада на северо-восток. Размеры крепостной площадки 220 x 80 м (общая площадь составляет 1,38 га) (рис.261,1). Почти со всех сторон возвышенность окружена обрывами высотой от 5 до 30 м. Но с запада и юго-востока обрывы не столь высоки и здесь довольно легко проникнуть на вершину скалы. В этих местах были возведены стены, сложенные из крупного бута на известковом растворе. Оборонительная система замка состояла из трёх линий крепостных стен с 6 прямоугольными башнями (они относительно небольших размеров – 5,0 x 4,50 м и 5 из них, по всей видимости, были открытого типа). Наиболее мощная стена составляла внешнее кольцо обороны (общая протяжённость 360 м, толщина 1,90 – 2,20 м, сохранилась в некоторых местах до 2,0 – 3,0 м). Внутрикрепостная территория дополнительно была разделена на три части двумя стенами. Нижняя куртина, длинной около 60 м, отгораживала юго-западную часть городища, а верхняя (её протяжённость 105 м) – северо-восточную. Толщина этих стен 1,20 – 1,40 м, сохранились в высоту до 1,20 – 1,50 м.

Расположение башен было хорошо продумано. Три из них находились на западном участке обороны (одна стояла у входа, другая замыкала северный, а третья – западный фланг). Расстояние между ними около 30 м. Две башни располагались на восточном и юго-восточном участке внешнего кольца крепостных стен, а шестая была поставлена у входа на верхнюю площадку укрепления в 60 м от башен № 2 и № 4. Подобное размещение позволяло их защитникам принимать участие в обстреле крепостного полигона по всему периметру стен и в то же время эффективно использовать их в обороне

каждого из трёх секторов (*Мыц*, 1991а, с. 133 – 134, рис. 12,1). Если при штурме удавалось преодолеть преграду восточного или юго-восточного участка обороны, то нападающие неминуемо оказывались в своеобразном каменном мешке.

В укрепление вело два входа: с запада и востока. Главным был западный, потому что к нему подходит колесная дорога. К восточному проходу выводит узкая тропа, идущая по скальным уступам. Здесь, видимо, находилась вылазная калитка (*потерна*). Поверхность скалы, на которой размещались строения замка, относительно ровная с небольшим уклоном к юго-западу и юго-востоку. Внутрикрепостная территория была плотно застроена: на поверхности выделяются руины нескольких десятков построек. Некоторые из них довольно больших размеров. На северной оконечности скалы находился некрополь. Центральное место в нём занимала небольшая часовня, стоявшая над гробницей, вырубленной в скале, причём её борта дополнительно были облицованы бутовым камнем на известковом растворе и оштукатурены. Стены церкви не сохранились (план прослеживается по подтёскам на скале). У восточного обрыва видны вырубленные в скале гробницы. Некоторые из них также облицованы бутовым камнем, положенным на извести. Все могилы ограблены. Среди каменных завалов строений встречаются обломки средневековых однорогих надгробий.

Укрепление на г. Сандык-Кая занимало выгодное стратегическое положение: с него полностью просматривается верхняя часть Бельбекской долины - Черкесс-тюсс (*Паллас*, 1999, с. 36), Байдарская долина, а также юго-восточный склон г. Баба-Даг, на которой располагался Мангуп.

Созданная в XV в. правителями Феодоро локальная (центрическая) система обороны, когда на пути следования противника располагались отдельные укрепления – центры организации защиты определённого небольшого горного района (на западном направлении это крепости Каламита и Черкес-Кермен, а на южном – Сандык-Кая), обладала существенным недостатком, который проявился в ходе военной кампании

1434 г. После захвата 10 июня 1434 г. Каламиты в руках генуэзцев оказалась вся Чернореченская долина, но Карло Ломеллини не решился двинуться к городу Феодоро³⁶⁴. Вероятно, генуэзцы сочли Солхат более лёгкой добычей, а самих татар менее подготовленными к войне (*Мыц*, 1991, с. 80; *Никифоров*, 1993, с. 135 – 136). После возвращения в Геную флота Карло Ломеллини ситуация существенно изменилась. Борьба генуэзцев с феодоритами приобрела затяжной характер и сопровождалась редкими столкновениями.

В связи с рассматриваемой темой, по-видимому, следует вновь обратиться к вопросу о времени появления одного из наиболее загадочных фортификационных сооружений Юго-Западного Крыма. Речь идёт о так называемой Чоргунской башне (рис.263-266). Об этом памятнике в различное время писали Эвлия Челеби (*Челеби*, 1999, с. 32 – 33), П.С.Паллас (*Паллас*, 1999, с. 56), П.И.Кёппен (*Кёппен*, 1837, с. 45, 243), А.Я.Фабр (*Фабр*, 1844, с. 249), Е.Кёллер (*Кёллер*, 1872, с. 374, 388), Е.Марков (*Марков*, 1872, с. 483 – 484), В.Х.Кондараки (*Кондараки*, 1883, с. 123 – 124) и многие другие. А.Л.Бертъе-Делагард, отмечая архитектурные особенности башни, пришёл к выводу, что она является чисто турецкой постройкой. По его же мнению, данное сооружение боевого значения не имело. Время её строительства исследователь отнёс к XVI – XVII вв. (*Бертъе-Делагард*, 1886, с. 250).

Мнение авторитетного учёного было канонизировано и Чоргунская башня вошла в научную отечественную литературу исключительно как памятник турецкой архитектуры (*Репников*, 1940, с. 28 – 29; *Талис*, 1974, с. 94). В 30-х гг. XX в. итальянский исследователь средневековой военной архитектуры Л.А.Маджиоротти определённо высказывался в пользу того, что Чоргунская башня является продуктом творческой деятельности генуэзских фортификаторов (*Maggiorotti*, 1933, fig. 263). Но его работа осталась вне

³⁶⁴Примерно в 5 км от Чоргуня у с.Упа (н.Родное) находится ещё одна крепость XV в. – Исарджиклар. Памятник остаётся неисследованным, хотя В.В.Семёновым и мной была сделана инструментальная съёмка. Площадь крепости 0,9 га, защищена стенами по всему периметру, а с юго-востока отмечены фундаменты двух прямоугольных башен.

внимания отечественных специалистов, занимавшихся изучением этого вопроса.

Сохранившаяся высота башни 22 м. Снаружи она двенадцатигранная, внутри круглая. Внешний диаметр 12,50 – 14,0 м. Толщина стен 2,85 – 3,60 м. Башня трёхэтажная с открытой боевой площадкой наверху. В её основании (на уровне цоколя) находится цистерна для воды, выложенная из песчаника и оштукатуренная цемянковым раствором. В восточной и северной гранях нижнего этажа находятся две амбразуры подножного боя. Во втором этаже также помещались две бойницы, а на третьем – уже шесть окон-бойниц. Здесь устроены ниши для шкафчиков, камин и каменная лестница, которая вела на верхнюю площадку башни. Углы, откосы, окна, камин, ниши, амбразуры, ступени отделаны тёсаным камнем, что придаёт массивной постройке некоторое изящество. Сообщение между первым и вторым этажами осуществлялось по деревянным лестницам. Третий этаж перекрыт стрельчатым куполом, выложенным из плинфы. Верхняя площадка башни ограждалась парапетом с мерлонами, стоящим на каменных навесных кронштейнах, что вполне определённо позволяет говорить о существовании машикули, через которые вёлся обстрел вокруг башни, ликвидировавший полностью мёртвое пространство её эспланады (рис.264-266).

Детальное архитектурное обследование, до настоящего времени не проводилось и поэтому основным источником по истории строения является общий взгляд на его архитектуру, не имеющую прямых аналогий на территории Крыма³⁶⁵. Тем не менее, трудно согласиться с категоричной и до сих пор общепринятой трактовкой Чоргунской башни, как чисто турецкой постройкой, которая предлагалась А.Л.Бертье-Делагардом. Во-первых, для чего туркам понадобилось сооружать башню со столь мощными стенами, если она не имела боевого назначения? Во-вторых, наличие машикули на навесных кронштейнах указывает на время, когда артиллерия ещё не

³⁶⁵ Небольшие раскопки канализации донжона проведены недавно Е.В.Неделькиным. Его рассуждения по поводу времени возведения Чоргунской башни носят общий характер и не опираются на новые данные изучения памятника (Неделькин, 2017, с.38-47).

получила широкого применения при штурме крепостей. В XVI – XVII вв. машикули подобной конструкции уже не сооружались, потому что легко разрушались прицельным огнем. Их заменяют машикули совершенно иной конструкции, способной выдерживать оружейный огонь. В-третьих, Эвлия Челеби, побывавший здесь около 1666/67 г., пишет: «перед домами Мустафа-аги из Чоргуна, у которого мы гостили, а также Ахмеда-аги есть большая башня с железными воротами и подъёмным мостом перед ними» (Челеби, 1999, с. 32 – 33). Из приведённого отрывка видно, что турецкий путешественник не знал и не получил каких-либо сведений о времени постройки башни и не видел надписи указывающей на дату этого события. В то время как несколькими строками выше он упоминает новый четырёхпролётный мост через р. Казаклы-озен (ныне р. Чёрная) построенный в 1657/58 г. Сефер Гази-агой (визирь Мухаммед Герай-хана и Ислам Герай-хана). Нет сомнений, что если бы башню в с. Чоргунь построили действительно турки, то Эвлия Челеби не преминул бы об этом упомянуть. К его сообщению следует сделать несколько замечаний. Вход в Чоргунскую башню находится на уровне второго этажа, где сохранился дверной проём. В настоящее время архитравная плита (на ней вполне могла находиться строительная надпись) и наличники дверных откосов не сохранились. Нет также и каких-либо признаков существования устройства подъёмного моста у входа в донжон. Есть основания считать, что рядом с башней располагалось другое сооружение, из которого, через перекидной мостик, проникали в неё: к югу от строения (параллельно старому руслу реки) видны остатки монументальной стены сложенной из крупного бута на известковом растворе.

Селение Чоргунь не являлось каким-либо важным административным центром XVI – XVII вв., в котором должен был проживать паша, как считал А.Л.Бертье-Делагард. Об этом, по крайней мере, нет никаких свидетельств, кроме предания, слышанного П.С.Палласом. Причём сам Паллас сомневался в турецком происхождении строения и считал «что это – скорее работа

корсунских греков или генуэзцев» (*Паллас*, 1999, с. 56). Если учесть, что машикули на навесных кронштейнах сооружались в Крыму только генуэзскими (западноевропейскими) фортификаторами, то следует признать более близкой к реальной точке зрения, высказанную П.С.Палласом и Л.А.Маджиоротти.

Рассматривая историю взаимоотношений Феодоро и генуэзских факторий в данный период, можно предположить, что более вероятным временем сооружения башни являлся хронологический промежуток между 1434 – 1441 гг., когда генуэзцы владели Каламитой. После драматических событий 1433 – 1434 гг. было естественным стремление генуэзцев обезопасить свои владения от дальнейших посягательств со стороны правителей Мангупа. Но, объективности ради следует признать, что и генуэзская трактовка данного памятника, которой ранее придерживался и автор, обладает рядом уязвимых мест. Прежде всего, это необычность архитектуры Чоргунской башни, не имеющей себе прямых аналогов среди других фортификационных сооружений, возведенных генуэзцами на территории не только Крыма, но и всего Причерноморья. Типологически она близка шестигранной Чатал-Куле (Рогатой башне) XV в. генуэзской Лусты. Данное сооружение генуэзских фортификаторов разобрано почти до основания ещё в 70-х гг. XIX в. и её остатки не подвергались архитектурно-археологическому исследованию. Необычно и местоположение памятника. Во-первых, генуэзцы никогда не строили укреплений вдали от береговой линии (все города и замки расположены непосредственно у моря). Во-вторых, Чоргунская башня стоит в пойме реки, а не на скальной возвышенности. Хотя рядом с ней, в 50 – 100 м к востоку, есть удобные для этого места. Подобная топография не характерна для крепостных сооружений лигурийцев, обладавших своеобразным архитектурно-строительным менталитетом, требовавшим ощущения высоты и господства над окружающим ландшафтом (*Климанов*, 1994, с. 47 – 48). В-третьих, укрепление было возведено на правом (феодоритском?) берегу р. Чёрной. В-четвертых, после подписания мира

между Каффой и Феодоро в ноябре 1441 г. Каламита была возвращена Алексею, но как обстояло дело с данным объектом – неизвестно (оставался ли он во власти Каффы до завоевания Крыма турками?). Изданные материалы архивов Генуи (массарии) не упоминают о существовании лигурийского укрепления между Чембало и Феодоро. К тому же, имеющиеся параметры обмеров Чоргунской башни позволяют предположить, что при её возведении строители пользовались мерой длины равной 0,68 м, довольно близкой к венецианскому браччо (1 браччо = 0,683 м) (Карпов, 1990, с. 334). Поставленные выше вопросы позволяют предложить и другую историко-архитектурную трактовку памятника. Деятельная натура Алексея I не могла примириться с потерей в 1434 г. не только Чембало, но и Каламиты. К тому же нельзя было исключать и возможности попытки нападения генуэзцев как на город Феодоро, так и на его окрестности, которые были легко досягаемы. В этом не было необходимости пока Алексей I вёл активную наступательную политику, но длительная борьба в условиях обороны требовала изменения тактики и приложения дополнительных усилий по защите границ. Поэтому, владетель Мангупа, после возвращения в Готию (1437 г.?) приступает не только к укреплению обороноспособности столицы, но и ближайших подступов к ней. Вполне вероятно, что в этом ему могли оказывать всевозможную помощь его союзники – венецианцы. Кстати, типологически этому строению близка так называемая Венецианская башня в Солониках (1423 – 1430 гг.).

5.3.3. Последние годы правления Алексея I (1442 – 1446)

Военно-политическая история Причерноморья второй половины 30 – 40-х гг. XV в. также отмечена рядом региональных конфликтов. Венеция, обладавшая меньшими силами и возможностями на Чёрном море, пыталась создать коалицию из нескольких государств против факторий Генуи на побережье Понта. В первой половине XV в., в той или иной степени, в борьбу против Лигурийской республики были втянуты Феодоро, Крымское ханство, Молдавское княжество, Синоп, Трепезундская империя и др. С

Молдавию венецианцы поддерживали связь через Монкастро. Здесь они обосновались достаточно прочно только с 1436 г. В это же время, по всей видимости, устанавливаются дружественные отношения молдавских господарей с владетелями Феодоро.

Ещё в годы войны Венеции удаётся установить тесные дипломатические и торговые связи с Молдавией, которые осуществлялись через Монкастро. 19 апреля 1435 г. сенатом республики Св. Марка было получено письмо от одного из сыновей Александра Доброго – господаря Стефана II (1433 – 1447) с предложением начать торговлю с Венецией. После проведённых между двумя сторонами переговоров, которые велись с венецианским байло в Константинополе, в марте 1436 г. был назначен первый вице-консул Венеции в Четате-Албе (Маврокастро, Монкастро) – Франческо Даудо (*Iorga*, 1899, p. 581; 1900, p. 93) К этому же, если не более раннему времени, вероятно, относится завязывание экономических отношений молдавских господарей с феодоритами, которые также были вынуждены вести торговлю с Константинополем через Монкастро из-за продолжительной войны с Кафзой (*Vasiliu*, 1929, p. 319).

Свидетельством торговых контактов жителей Газарии и Молдавии могут служить находки на территории полуострова монет молдавских господарей XV в. К настоящему времени они обнаружены в семи пунктах: 1) близ Симферополя (из раскопок 1947 г. Неаполя скифского происхождения 2 анэпиграфных полугроша (?) Александра Доброго, чеканенных в 1409 – 1431 гг.) (*Харко*, 1961, с. 217, 222, рис.1); 2) в Солхате (*Крамаровский*, 1989, с. 153); 3) Мангупе (*Бырня, Руссев*, 1999, с. 207); 4) Фуне; 5) Алуште (*Кирилко*, 1997, с.181-184, рис.1,2; *Бырня, Руссев*, 1999, с.206-207); Солдае (*Майко*, 2000, с. 427 – 428, рис. 2); 7) Чембало (*Адаксина, Кирилко, Мыц*, 2005, с.38; с.60, №18; 158, рис.18; 2006, с.209, рис.139,3).

Составить некоторое представление о характере дипломатических и торговых отношениях между Феодоро и Венецией в 40-х гг. XV в. даёт возможность один уникальный до настоящего времени документ. Речь идёт о

письме байло Республики Св. Марка в Константинополе к владельцу Феодоро Алексею I. К сожалению, оно не датировано, что вызвало дискуссию по этому поводу.

Впервые письмо опубликовала В.Василиу, которая склонна была считать временем его написания 1442 – 1443 гг. (*Vasilii*, 1929, p. 322 – 323). С предложенной ею датой не согласились Н.Банеску (*Banescu*, 1931, p. 166) и А.А.Васильев (*Vasiliev*, 1936, p. 212). Они склонялись к тому, что в источнике отражены события, предшествовавшие 1441 г. Н.Банеску, например, отмечал, что упоминание о Франческо Сфорца (*conte Francesco*)³⁶⁶, Николло Пичинини (*Nicolo Picenono*) и короле Арагона (*Aragone*) Альфонсе, логичнее связывать с более ранним периодом, чем 1441 г., когда уже был заключён мир между венецианцами и флорентийцами, с одной стороны и Миланским герцогом с другой (*Banescu*, 1931, p. 166). Его мнение поддержал А.А.Васильев. Не приведя каких-либо дополнительных аргументов, он предлагал датировать письмо байло в хронологическом промежутке между 1436 и 1440 гг. (*Vasiliev*, 1936, p. 211 – 212).

С.П.Карпов, издавший текст письма на русском языке, придерживается датировки В.Василиу (*Карпов*, 1998, с. 51 – 52). По-видимому, решающее значение в определении времени написания письма байло имеет заключительная фраза. В ней говорится, о том что «Дела турок складываются [для них] неудачно, так как бог благоволит венграм» (*Vasilii*, 1929, p. 336; *Карпов*, 1998, с. 52).

Вероятнее всего, здесь речь идёт об осенне-зимней кампании 1443 – 1444 гг., когда объединённому крестоносному войску, возглавляемому королём венгерским и польским Владиславом III Ягело и венгерским правителем –

³⁶⁶Франческо Сфорца (1401 – 1466) был побочным сыном Муцио Аттендоло Сфорца (1369 – 1424) и после гибели отца командовал его войсками. С 1434 г. являлся папским наместником в Анконе и в том же году перешёл на службу Флоренции, женившись на Бьянке Висконти – дочери Миланского герцога Филиппо Мариа Висконти. В 1442 г. Франческо вступил в войну с папой Евгением IV, после завершения которой получил права на владение значительной частью Анконской Марки. С 1450 г. Сфорца стал герцогом Миланским. Поэтому нельзя исключать, что в письме байло речь идёт о событиях конца 1442 – 1443 гг., когда шла борьба за обладание Анконией (*Темнов*, 1996, с. 636).

Яном Хуньяди (Янку де Хунедоара, 1441 – 1456), удаётся выиграть у турок несколько сражений. В заключительной битве 5 января 1444 г., произошедшей между Нишем и Пиротом на р. Нишаве (Северная Болгария), турецкое войско, попав в засаду, было почти полностью истреблено. При этом в плен попали многие знатные турки (Махмуд бей, бей Болу-Челеби и др.) (Ангелов, Чолпанов, 1989, с. 30).

Воспользовавшись осложнением внутривосточной обстановки в Османской империи (отречение от власти Мурада и провозглашение султаном Мехмеда II, восстание янычар, волнения в Анатолии, притязания на престол брата Мурада – Орхана и др. (Иналджик, 1998, с. 30 – 31), союзническая армия, возглавленная Владиславом III Ягело, 20 – 21 сентября 1444 г. переправляется через Дунай и начинает военные действия против турок. Но уже 10 ноября 1444 г. христианская коалиция под Варной потерпела сокрушительное поражение, а король Владислав был убит (Ангелов, Чолпанов, 1989, с. 203 – 208; Свентославски, 2002, с. 199; Baczkowski, 1999, s. 156 – 157; Swoboda, 1989, s. 490). Войне 1444 г. на Балканах европейские государства придавали большое значение. Она велась по тщательно разработанному плану. Действия сухопутной армии должен был поддерживать объединённый морской флот (в него входило 8 венецианских кораблей, 8 судов снаряжённых папой, 4 бургундского герцога и 2 дубровницких), организацией которого занимался сенат Венеции. Папско-венецианский флот отправился из Венеции 22 июня 1444 г. (Недев, 1969, с. 226), чтобы, блокировав пролив Босфор, предотвратить переправу османской армии из Анатолии в Румелию (Балканы).

Судя по всему, байло, ко времени написания письма, имел информацию только о событиях произошедших в начале 1444 г. Это позволяет установить хронологические рамки его отправки в Монкастро в пределах двух важнейших событий первой половины года – не ранее 5 января (поражение турок на р. Нишаве) и не позднее 12 июня (подписание мирного договора в Эдирне). Сузить предложенные временные пределы (5 января – 12 июня)

позволяет отсутствие какой-либо информации о переговорах, проводившихся перед подписанием мира, а также, что особенно важно, о подготовке морской экспедиции в Венеции. Поэтому, байло и пишет, что ожидает новых известий с прибытием галей, о чём сразу же сообщит Алексею (*Vasiliiu*, 1929, p. 336; *Карпов*, 1998, с. 52).

Вероятнее всего, письмо из Константинополя послано с началом навигации. В таком случае оно может быть датировано второй половиной марта – первой половиной апреля 1444 г. Если последовательность отражённых в письме событий установлена нами правильно, то более вероятным автором письма к Алексею следует считать Марино Соранцо, приступившего к исполнению обязанностей байло венецианской фактории Константинополя в 1443 г. и сменившего на этой должности Марко Квирини (*Iorga*, 1897, III, p. 75, 102; *Vasiliiu*, 1929, p. 324).

Отправка небольшого торгового корабля (*monero*) из Каламиты в Монкастро, а оттуда в Константинополь с грузом кож, предназначенных для продажи купцам из города Кандии, (о. Крит) происходила осенью 1443 г. Вместе с товарной партией груза Алексей I, по-видимому, через доверенное лицо, передаёт венецианскому байло и письмо, на которое тот отвечает ранней весной 1444 г. и посылает его с первым судном, отплывающим в Монкастро. В своём сообщении официал выражает готовность принять любую партию шкур, зная о падеже скота во владениях Алексея (*Карпов*, 1998, с. 52).

Данное указание в источнике может также служить относительным хронологическим репером в определении времени отражённых в нём событий. Известные летописные сведения сообщают о том, что на протяжении почти десяти лет (1438 – 1448 гг.) в Западной и Восточной Европе были суровые и снежные зимы (холода наступали рано, лето было коротким, но засушливым). Неблагоприятные погодные условия приводили к гибели урожая, голоду и бескормице, вызывавшей падёж скота. Особенно трудными были 1442 – 1445 гг. (*Борисенков, Пасецкий*, 1988, с. 293). Вполне

вероятно, что и в Крыму в эти годы население испытывало большие затруднения с получением продовольствия, а в 1443 г. здесь отмечается эпизоотия, приведшая в конечном итоге, к большим потерям в торговле шкурами, которые поставлялись жителями Готии на экспорт.

В письме также содержится важная информация, касающаяся как личностной характеристики Алексея I, так и внутривосточной обстановки в его владениях. Оказывается, что байло получил сведения о болезни правителя Феодоро и «советует ему блюсти трезвость, тогда тот будет мало спать, а когда мало спят ... влажность не так воздействует [на организм]» (*Vasiliu*, 1929, p. 335; *Vasiliev*, 1936, p. 211; *Карпов*, 1998, с. 52). Далее следует отметить буквально заинтриговавший исследователей фрагмент, в котором речь идёт об отправке Алексею I отравленных сладостей. Что касается «отравленных конфет (*confeti atosigati*), которые можно долго хранить, и относительно расходов на их приобретение, я... выполнил, однако надеюсь, что Вы их предназначаете [использовать] для неверных. Заботясь о Венеции, я надеюсь, что это дело не повредит её репутации» (*Vasiliu*, 1929, p. 335; *Vasiliev*, 1936, p. 211).

С.П.Карпов предлагает несколько иной перевод: «Относительно отравленных конфет, их действию, цене и способе применения байло сообщает, что (власти Венеции) их дают неохотно. Полагая, что они нужны князю для неверных, байло попытается заказать в Венеции сахарные орешки, надёжное средство» (*Карпов*, 1998, с. 52). Но, как бы не решался в дальнейшем вопрос с нюансами перевода данного сюжета, для нас принципиально важно его общее звучание в тексте источника.

А.А.Васильев, исходя из предложенной им датировки письма, пришёл к заключению, что просьба Алексея относительно отравленных сладостей свидетельствует о том, что война ещё не закончилась и он не собирался применять яд против татарского хана или какого-нибудь татарского представителя власти, с которыми он был в дружественных отношениях. А.А.Васильев считал, что этот замысел, в духе того времени, был направлен

против генуэзцев, «но мы не знаем против кого именно» (*Vasiliev*, 1936, p. 212). Лукавство венецианского байло очевидно. Укрепившийся к этому времени в Крыму Хаджи Гирей на протяжении всего своего правления неизменно придерживался дружественных отношений с владельцами Феодоро, оказывая постоянное военное и психологическое давление на генуэзцев. Однако трудно согласиться с утверждением А.А.Васильева, что отравленные конфеты (или орешки) Алексей I намеревался использовать против кого-либо из официалов Каффы. Учитывая их ежегодную сменяемость, данная мера всегда была бы малоэффективной. Можно предположить, что желание Алексея I применить яд, касался, скорее всего, кого-либо из окружения самого владельца Феодоро.

Сквозь лаконичные строки письма байло улавливается беспокойство о положении дел в Феодоро. На 33 или 34 году правления мы видим уже не энергичного и предприимчивого дерзкого, коварного, гордого и неблагодарного, как его характеризуют генуэзские источники 20 – 30-х гг. XV в., а морально сломленного чередой серьёзных неудач и личных потерь Алексея I. Проиграв, по сути, войну генуэзцам и вынужденный подписать с ними унижительный мир, признав сюзеренитет Генуи над прибрежной Готией и Чембало, добившись возвращения Каламиты только благодаря участию Венеции, правитель Феодоро, по-видимому, осознавал бесплодность своей двадцатилетней борьбы с Лигурийской республикой. Поэтому байло увещевает Алексея блюсти трезвость и меньше спать. Вполне вероятно, что к этому времени взрослые сыновья властолюбивого правителя уже мало считаются с его мнением, стремясь к самостоятельному управлению делами. Поэтому через три года (в 1447 г.) источники отмечают не единоличное правление в Феодоро среднего сына Алексея I – Олобо, а некий институт соправителей, в который помимо самого Олобо входили и его братья.

Обострение внутрисемейного конфликта, в основе которого, вероятнее всего, находился вопрос о престолонаследии или разделе власти после устранения Алексея I от активного участия в политической жизни Готии,

явилось причиной заказа отравленных сладостей. Но, как в реальности обстояло дело в Феодоро в 40-х гг. XV в., имеющиеся в нашем распоряжении источники умалчивают.

Рассматриваемое письмо важно тем, что в последний раз при жизни Алексея I фиксирует его дипломатические отношения в форме тайной переписки с официальным лицом республики Св. Марка. Лигурийцы ревниво следили за ходом подобных контактов (послание было перехвачено генуэзцами), свидетельством чего и является копия послания венецианского байло Марино Соранцо (?), хранящаяся в архиве Генуи.

Письменные источники первой половины 40-х гг. XV в. отмечают значительный рост антигенуэзских настроений на берегах Понта (*Карпов*, 1995, с. 17). Поэтому, когда в 1444 г. в Чёрное море входит флотилия, состоявшая из четырёх кораблей бургундского герцога Филиппа III (1419 – 1467), под командованием Валерана Ваврена, которую предполагалось использовать в войне против османов, то после разгрома войск Владислава III и Яноша Хуньяди под Варной и их отступления, бургундцы стали действовать самостоятельно (конец 1444 – 1445 г.). При этом они направляли свои удары в основном против турок и генуэзцев (*Iorga*, 1927, р. 10 – 56; *Карпов*, 1995, р. 186 – 189, 217 – 218; *Карпов*, 1998, с. 41, 48).

5.3.4. Миссия Барнабо ди Вивальди 1446 г.

Новый Устав Каффы 1449 г.

Элементы кризисного характера, проявившиеся как в экономической сфере, так и в системе административного управления генуэзскими факториями побережья Чёрного моря, потребовали принятия незамедлительных мер. Поэтому в начале 1446 г. в Каффу направляются уполномоченные правительством метрополии чиновники-контролеры (*socii reformatores*), перед которыми была поставлена задача упорядочить всю совокупность ранее принятых уставов, постановлений и правил, а также провести ревизию их исполнения официальными факторий. Возглавлял миссию Барнабо ди Вивальди. После исполнения того, что было им поручено

в течение одного года (31 марта 1447 г. Барнабо ди Вивальди со своими товарищами подали петицию дожу и Совету старейшин) реформаторы и комиссары (*missos reformatores et commissarios*) прибыли в Геную на наве Стефано Дориа (*Карпов, 1998, с. 43*). Но, при общей позитивной оценке работы проделанной в Причерноморских факториях Барнабо ди Вивальди и его спутниками, она не дала ожидаемых результатов. Поэтому уже в начале 1449 г. правительство Лигурийской Республики вынуждено было вновь обратиться к рассмотрению вопроса по учреждению нового Устава Каффы (*Ordino Carphe*). 24 января 1449 г. в курии Генуи состоялось совещание, на котором присутствовали дож Лодовико ди Компофрегозо и Совет старейшин коммуны города. Были также приглашены некоторые чиновники комитета Романии и 4 официала, специально занимавшиеся подготовкой текста нового Устава Каффы: Качинемико де'Франки Луксардо, Урбано ди Negro, Паоло Джентиле и Дамиано ди Леоне. В самом начале протокола заседания Совет старейшин коммуны Генуи отмечает: «чтобы наши чиновники, а также народ Каффы знали какими управляться (*gubernare*) законами и нормами, ...утверждены были, опять теми же комиссарами, новые законы и правила, по которым должны правильно избираться официалы, а также руководствоваться лично при управлении и исполнении своих обязанностей» (*Устав 1449 г., 1863, с. 633 – 634*). Возникает вопрос: для чего понадобилось ещё дополнительное обсуждение и изучение принятых относительно недавно мер по исправлению законодательства, регулирующего административное управление факториями? Ответ на него также содержится в протоколе – назначаемые в метрополии чиновники манкировали новыми правилами, разработанными комиссией и утверждёнными в Каффе в 1446 г. Поэтому повторное утверждение высшими магистратами Генуи *Ordino Caffè* придавало ему статус государственного закона. К тому же была очевидной необходимость не только в редакторской правке отдельных статей Устава, но и включение дополнительных. Данная задача возлагалась на чиновников комитета Романии и редакционную коллегию из четырёх граждан Генуи.

Они были обязаны приступить к одобрению, исправлению и преобразованию всех вообще и в частности нижеследующие уставы «привести в такой порядок, чтобы нерушимо и неприкосновенно соблюдались и послужили к мирному согласию и приращению народонаселения нашего города Каффы и других мест ему подчинённых» (*Устав 1449 г.*, 1863, с. 634 – 635). С поставленной задачей официалы должны были справиться заблаговременно, прежде чем отплывёт корабль Николо Дориа, отправляющийся в Каффу (*Устав 1449 г.*, 1863, с. 634), т. е. до начала навигации (с 1 по 15 марта?). Поэтому уже 28 февраля 1449 г. был утверждён новый *Ordino Caffè*, состоящий из 96 глав³⁶⁷.

В связи с установленными сроками Устав готовился в спешке, о чём позволяет говорить как его структура, так и содержание отдельных глав и параграфов. Например, когда уже казалось, что весь текст был отработан и завершался главой, что Самастро подчиняется ведомству Перы, к нему пришлось добавить ещё пять глав (с №16 по №20) имеющих отношение исключительно к Каффе. Особый интерес представляют две последние главы: №19, что ни один Сарацин (*Saracenus*) был не в праве держать в своём доме оружия (*in eius domo arma*) и №20, чтобы работающие мастера (*artium laboratores*) не смели уезжать (*Устав 1449 г.*, 1863, с. 642 – 643). Как видим, они касаются актуальных проблем жизнеобеспечения и безопасности фактории во второй половине 40-х гг. XV в. В первом параграфе главы №19 говорится, чтобы ни один сарацин, живущий в Каффе, как в бургге, так и в антибургге и в цитадели «не смел и не думал впредь иметь или держать в доме собственном или арендуемом никакого оружия наступательного или оборонительного, под опасением потерять в наказание таковое оружие и заплаить до 10 соммо штрафа» (*Устав 1449 г.*, 1863, с. 814 – 815). Второй параграф касается приезжающих в факторию морем турок (*Teurci*) и других мусульман, которым запрещалось «выгружать никакого оружия, разве только

³⁶⁷ 81 глава относится непосредственно к управлению городом Каффой, а 15 содержит информацию «Об устройстве мест подчинённых Каффе».

с тем условием, чтобы сложить его в доме какого-нибудь из жителей Каффы, под вышеозначенным штрафом» (*Устав* 1449 г., 1863, с. 815). Не вызывает сомнений, что принятия подобных мер требовала сложная политическая обстановка складывавшаяся в этот период в Причерноморье и в особенности с активизацией турок-османов. Посланная в 1447 г. к берегам Колхиды Мурадом II эскадра, направилась затем к побережью Готии опустошённую османами, захватившими большое количество пленных (*Laonici Chalcocondylae*, 1843, р. 260 – 261). Сохранялись и довольно напряженные отношения с татарами ввиду того, что Хаджи Гирей неизменно занимал антигенуэзскую позицию. В таком случае, данная глава была бы более уместной в первой части Устава, касающейся непосредственно регламентации отношений с татарами (глава №72). Заключительная глава (№ 20) содержит предписание, «чтобы канатные мастера, конопатчики, каменщики имели главного или старшего в каждом из этих ремёсел, который должен записывать у себя имена всех». При этом им запрещалось выезжать из города Каффы в другие места (*locorum*) для какой-либо работы «без специального разрешения консула и массариев» (*Устав* 1449 г., 1863, с. 815). Очевидно, здесь идёт речь не просто о ремесленниках или мастерах работавших в фактории, а о тех, кто нанимался и получал от массарии жалованье (*stipendium*). Квалифицированному ремесленнику выплачивалось от коммуны до 12 соммо в год (*Balletto*, 1978, р. 272). В целом же в Каффе работали мастера самых разнообразных специализаций. По подсчётам М.Балара только в конце XIV в. здесь трудилось 470 человек (*Balard*, 1978, р. 713). В середине – второй половине XV в. коммуна фактории привлекала специалистов высокой квалификации для удовлетворения растущих потребностей самого города. Например, в 1465 г. их число достигло 150 человек (против 100, получавших стипендии до этого года) (*Balletto*, 1978, р. 273). Названные в Уставе магистры (канатные мастера, конопатчики и каменщики) должны были заниматься ремонтом и строительством кораблей (в том числе и военных) на верфях Каффы, а также восстановлением старых

и возведением новых оборонительных сооружений города (каменщики). В условиях постоянной военной опасности меры по ограничению их свободного перемещения были вполне обоснованы. Тем не менее, параграф, касающийся мастеров по строительству и оснащению судов, логичнее было бы поместить в главе «О вооружении (*armandi*) галей и галеотт Каффы» (№ 42, часть I). Следует признать, что, несмотря на все привнесенные в Устав 1449 г. новации, магистраты Генуи не добились ожидаемого результата. Созданная на протяжении двух столетий система управления факториями Газарии переживала глубокий кризис, вызванный глобальным изменением политической обстановки в Понтийско-Средиземноморском регионе и связанной с экспансией османов, развалом Золотой Орды, также не благоприятной торговой конъюнктуры. Поэтому уже через пять лет (с 1454 г.) протекторам (попечителям) Банка Св.Георгия придется целенаправленно проводить серию новых административных реформ.

5.3.5. Начало правления Олобо.

Трапезундско-генуэзский конфликт 1446 г.

Обострение отношений между генуэзцами и Иоанном IV привело к тому, что летом 1446 г. (в консулат Джованни Навоно (*Карпов*, 1998, с. 47) у стен Каффы появился объединённый флот южнопонтийских государств под командованием деспота Давида. В.Василиу данное событие ошибочно относил к 1447 г. (*Vasiliu*, 1929, р. 324). Эскадра состояла из 13 фуст и галер (*Vasiliu*, 1929, р. 324; *Карпов*, 1981, с. 113). Действия Давида Великого Комнина поддержал новый правитель Феодоро Олобо и, вероятно, Хаджи Гирей. Каффа, оказавшись в затруднительном положении, была вынуждена откупиться продовольствием и подарком для деспота стоимостью в 1413 аспров (*Iorga*, 1900, р. 62). Видимо к этому времени Иоанну IV удалось создать антигенуэзскую коалицию, потому что одновременно с Давидом против генуэзцев выступили эмиры Кастамона, Синопа и др. (*Iorga*, 1900, III, р. 30 – 31; *Banescu*, 1939, р. 6). Причины конфликта, урегулирование которого относится только к 1449 г., остаются не до конца выясненными. Для нас

это событие интересно тем, что оно касалось непосредственно Генуэзской Газарии и Феодоро. После столкновения в порту Каффы, в результате которого было повреждено несколько генуэзских судов - нападавшие срубили у них мачты (*Vasiliu*, 1929, p. 324) - деспот Давид отправился к Каламите, где произошла его встреча с Олобо и другими сыновьями покойного Алексея I (*Iorga*, 1900, III, p. 216; *Vasiliu*, 1929, p. 324). Повод для визита в феодоритский порт трапезундской эскадры, встреча Давида с Олобо и суть проведённых переговоров до настоящего времени остаются не выясненными. Был ли в это время жив глава правящей в Феодоро фамилии Алексей I - неизвестно. Если предположить, что к этому моменту он скончался, то, вполне вероятно, Давидом Великим Комниным могла быть предпринята попытка вмешаться в решение вопроса о престолонаследии. Но тот факт, что до осени 1457 г. в генуэзских источниках, как главное действующее в Феодоро лицо, продолжает выступать Олобо, может свидетельствовать о реальном сохранении за ним права первенствующего после смерти отца. В.А.Сидоренко высказал предположение, что старшему сыну Алексея I – Иоанну (в том числе и в 1433 – 1434 гг.) принадлежали земельные владения на мысе Плака. Данная территория перешла к генуэзцам незадолго до 1446 г. Именно это якобы и привело впоследствии к обострению «мангупско-генуэзских отношений в борьбе за владение Готией» (*Сидоренко*, 1993, с. 159)³⁶⁸. Эти заключения основаны на субъективной трактовке косвенных данных, противореча сведениям как письменных

³⁶⁸Так же бездоказательна и предполагаемая им связь купели княжича Алексея (рис.267-268) с данным местом. Она могла быть доставлена в Кучук-Ламбат любым из владельцев этого имения в XIX в. (в том числе и из-за границы, учитывая увлечённость русского дворянства собирательством различного рода древностей). Ведь до сих пор не установлено точно место и обстоятельства, при которых в имение Саблы попала надпись 1427 г. владельца Феодоро Алексея (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 2 – 3). Однако никто из исследователей не отважился провести связь данной находки с историей селения Саблы в XV в. Именно подобным образом поступает В.А.Сидоренко с интерпретацией купели, происхождение которой до сих пор является загадкой. Единственной связью между этими двумя находками (купелью и посвяtitельной надписью 1427 г.) является то, что и оба имения – Саблы и Кучук-Ламбат – принадлежали в первой четверти XIX в. А.М.Бороздину: Саблы были им куплены в 1802, но уже в 1826 г. перешли в казну, а Кучук-Ламбат – приобретено в 1813 г. и после смерти А.М.Бороздина (1838 г.) досталось по наследству его дочери Марии.

Таким образом, можно только надеяться, что архивные поиски (особенно изучение описей имущества находившегося на территории этих имений) могут пролить свет на время и обстоятельства появления здесь двух интересных артефактов средневекового времени.

(причиной конфликта между Трапезундом и Каффой являлись неурегулированные вопросы по налогам и невыплате долгов), так и материальных источников. Здесь же попутно отмечу, что по данным археологических разведок, проводившихся на территории мыса Плака, это укрепление было разрушено в пожаре последней четверти XIII в. и более не восстанавливалось. Поэтому предлагавшаяся ранее мной более широкую датировку памятника – XIII – XIV вв. – следует признать априорной (Мыц, 1991а, с. 148). Каких-либо признаков существования крепости в XV в., как полагает В.А.Сидоренко, вообще не выявлено.

События лета 1446 г. интересны также тем, что в генуэзских источниках впервые отмечено имя ещё одного представителя правящей в Феодоро фамилии. Массарии Каффы фиксируют 17 августа 1446 г. расходы, связанные с отправкой бывшему господину гетов Уздемароху подарка стоимостью в 459 аспров, когда тот находился в местности называвшейся *tres montaniolas*³⁶⁹. Н.Йорга, при издании данного документа, отметил наличие сходного по звучанию топонима (*prope tres monticulos*) в более раннем свидетельстве, датированном 6 июня 1442 г. (Iorga, 1896, p. 36), но не предпринял попытки его локализовать.

А.А.Васильев, обратившись к рассмотрению изданных Н.Йоргой материалов, высказал предположение, что после смерти Алексея в Феодоро возникли осложнения с решением вопроса о его преемнике. В результате чего Иоанн вынужден был уехать в Трапезунд, а «представитель Хаджи Гирея – Уздемарох – мог править в Готии до тех пор, пока волнения не улеглись и Олобей, с согласия хана, не стал князем Готии. Выполнив свою задачу и возвращаясь в Солхат через Каффу в августе 1446 г., Уздемарох был принят каффскими правителями и получил от них дар» (Vasiliev, 1936, p. 223). Чтобы избежать противоречий в последовательности происходивших

³⁶⁹ Exenium unum factum Usdemoroch, olim domino Gethicorum, quando venit ad tres montaniolas (Iorga, 1896, p. 38). Здесь, по-видимому, следует отметить, что в латинских документах XV в. гетами (*getici*) чаще всего называли черкесов (адыгов). Следовательно не стоит исключать и того, что под бывшим господином гетов в массарии Каффы имелся в виду один из адыгских князей.

событий он предлагает и дату смерти Алексея I отнести к 1444 – 1445 гг. (Vasiliev, 1936, p. 223, n. 3). При этом А.А.Васильев, сравнивал название местности (*tres montaniolas*), где пребывал 17 августа 1446 г. Уздемарох, с *li trey pozı* (Три колодца или Три источника). В этой местности 28 ноября 1380 г. на склоне г. Сахим³⁷⁰ был заключён первый договор между генуэзцами и татарами о переходе под юрисдикцию Генуи 18 селений Солдайи и Готии. Но *tres montaniolas*, как и *tres monticulos* означает в переводе с латинского не что иное как, *Три горные вершины* или *Три горы*. Наиболее близкой по смыслу указанному топониму является тюркское название трехглавой вершины, расположенной на левом берегу реки Чёрной (у самого устья) – *Уч-Баш*. Вероятно, топоним Уч-Баш, представляет собой тюркскую кальку с латинского *tres montaniolas*. В этом горном массиве, состоящем из трёх отрогов, известны развалины монастыря Св. Софии (рис.269). Как полагают, ему принадлежало поблизости и три скита (у современной станции Инкерман-I, Георгиевской и Троицкой балках)(Могаричев, 1997,с.30, рис.96).

С 40-х гг. XV в. эта территория, по-видимому, уже входила во владения правителей Феодоро. Главный храм монастыря представляет редкое для скальной архитектуры Крыма строение с крестообразным планом размером 10,40 x 8,70 x 5,50 м. (примерно 32,5 x 27 x 17 византийских футов). Церковь Св.Софии самая большая из пещерных культовых сооружений Юго-Западной Таврики (рис.269) Это позволило Ю.М.Могаричеву высказать предположение, что ктиторами и покровителями данного монастыря могли быть богатые и влиятельные лица, принадлежавшие к правящей элите Феодоро (Могаричев, 1997, с. 30)³⁷¹.

Нельзя согласиться с А.А.Васильевым в том отношении, что Уздемарох являлся временным наместником Хаджи Гирея в Готии (в массарии Каффы он назван *domino Gethicorum*, т.е. господином гетов). Его имя явно не

³⁷⁰Название, вероятно, происходит от латинского *saxetum* - скалистое (каменистое) место или- *saxeus*, *saxialis* каменный, подобный камню, текущий среди камней, низвергающийся со скал.

³⁷¹ Более подробно об этой группе памятников см. работу Ю.М.Могаричева (Могаричев,1997, с. 22 - 30, рис. 96, 99 – 101).

тюркское, а, вероятнее всего, адыгское. В качестве примера можно привести имена адыгского князя, Берозоха (Базрука?), тестя Захария де Гизольфи (*Некрасов*, 1990, с. 66; *Шумкин*, 2018, с.150-178), Петризоха, господина Зихии, Бельзебоха, товарища господина Копарии (*Atti*, 1879, VII, 1, p. 784; *Heud*, 1886, II, p. 395)³⁷². Представленное в генуэзском документе имя бывшего господина *гетов* – Уздемарох – вероятно, сложносоставное, включающее в себя, по-видимому, несколько компонентов: Узден(ь)+Марох, где в латинском источнике имени Марох предшествует указание на его происхождение из среды адыгских дворян – узденей. Свидетельства письменных источников позволяют считать, что к XV в. у адыгов вполне сформировалась феодально-иерархическая система, вершину которой занимали знатные люди. В их число входили представители наиболее древних родов и царского рода (*Адыги*, 1976, с. 47, 49; *Некрасов*, 1990, с. 32; *Хотко*, 2001; 2016, с.46-58; *Шеуджен, Хотко*, 2019, с.27-30). Сами адыги обозначали их термином *пиши*, в турецких документах они называются *беками*, в русских – *князьями* и *мурзами* (т.е. сыновьями князей). После князей следующую ступень в иерархии занимали *уздени* – дворяне (в османских источниках – *беи*) (*Некрасов*, 1990, с. 32).

Следовательно, интерес к персоне узденя Мароха (?) официалов Каффы в 1446 г. не может быть случайным. Имеющиеся материалы позволяют высказать предположение, что летом этого года он отправился в монастырь Св. Софии (г. Уч-Баш = *Tres Montaniolas?*), где ему, как бывшему господину *гетов*, представителем коммуны Каффы был преподнесен подарок, стоимостью в 459 аспров³⁷³.

Среди правителей Феодоро к адыгской (западно-кавказской) ономастике, по-видимому, следует отнести и имя среднего сына Алексея I Олобо. Например, Б.А.Рыбаков, основываясь на данных Идриси, отмечает, что в

³⁷² Наличие «х», «ха» или «хэ» вообще характерно для окончаний ряда адыгских имён: Молэхэ, Малитхэ, Кыщхэ, Къандурхэ, Ервасхэ и т.д.

³⁷³ Следует признать, что сумма в 459 аспров не столь велика и равнялась примерно двум сомам, т.е. зарплате соция (солдата) за два месяца.

первой половине XII в., т. е. после восстановления в Матреге (Тмутаракани) власти Византии, правит династия Олубиас, видя в ней возможных потомков русского князя Олега (*Рыбаков*, 1952, с. 17; *Степаненко*, 1993, с. 257). Но возможна и иная интерпретация данного родового имени, состоящего из двух частей: 1) Олуби (Олобо) + ас, где первая представлена именем главы рода, а вторая служит указанием на его принадлежность к племени ассов или 2) яссов. Следует отметить, что имя Олобо – Олобей – не представляет собой нечто уникальное для ономастики средневековой Таврии. Оно известно также среди жителей Сугдеи. Например, в нотариальной копии протокола опроса свидетелей (датирована 17 ноября – 11 декабря 1474 г.) упоминается Олобей, сын священника Сакуни (*Olobei filius para Sacuni*) (*Atti*, 1879, vol. VII, Par. II, p.309; *Милицын*, 1955, с.85).

5.3.6. О пребывании адыгов на территории Готии

Ассами в историографии обычно именуют алан. Но вот, что по этому поводу писал И.Э.Тунманн: «Со времени владычества хазар над Крымом этот полуостров стал называться Хазарией (Гацарией). Горная часть его по готам, жившим там, получила название Готии, а также по сохранившимся ещё цихийским (язским) аланам – Зихией. Зихи – черкесы или адыгейцы, занимавшие когда-то значительно большие территории, чем теперь. Зихией называют западную часть Северного Кавказа, Кубань» (*Тунманн*, 1991, с.19). И ещё «черкасы называют себя адыге. Греки и итальянцы называют их цихами, русские ясами. Они были известны также под именем ас (sic!). Ещё теперь жители Тамани и других островов, известны у русских под именем ясы. Татары называют их адаларами, турки – кара-черкеслер. Они разделяются на различные племена» (*Тунманн*, 1991, с. 64). Таким образом, зихами, черкесами, ассами зачастую именовали народы Западного Кавказа относящихся к адыгской языковой группе. Немногим ранее тот же автор замечает, что «Кабарта – прежнее название р. Бельбек. Возможно, что у неё когда-то были поселения черкесов-кабардинцев» (*Тунманн*, 1991, с. 16). Ю.А.Кулаковский, пытаясь найти объяснение часто встречаемому смешению

этнонимов черкес и алан у средневековых авторов, высказал предположение, что «татары могли перенести имя Черкес на Алан, употребляя этот термин в значении общего этнического имени» (*Кулаковский*, 1899, с. 64 – 65). Но подобное предпочтение алан адыгам (черкесам) Ю.А.Кулаковский ничем не обосновывал, хотя очевидно, что многие места Северо-Западного Кавказа, ранее населенные аланами, в XIV – XV вв. занимали уже адыгские племена (роды). Подобная смена этносов, по-видимому, и привела к смешению этнонимов.

Вопрос о пребывании адыгов в Крыму до настоящего времени не вышел за рамки дискуссии, которая была открыта ещё в конце XVIII в. (*Мыц*, 1989, с.69–70;1991б,с.81 – 82; 2009, с.216-232; *Бубунок*, 2004, с.30-34). Письменные источники XIII – XV вв. отмечают пребывание адыгов в качестве купцов, но значительно чаще, рабов на рынках городов Газарии. Подробнее крымско-кавказские этнокультурные и военно-политические контакты освещены источниками конца XV – XVI вв. (*Некрасов*, 1990, с. 36 – 96). Но в них не говорится о сколько-нибудь значительном компактном расселении адыгов на территории полуострова (*Дортелли д'Асколи*, 1902, с. 127 – 129).

Путешественники, посетившие Таврику в XVIII – XIX вв., обратили внимание на ряд топонимов, которые должны были, по их мнению, свидетельствовать о пребывании в Горном Крыму (средневековой Готии) черкесов (кабардинцев): Черкес-Кермен, Кабарта, Хабарта, Черкез-Эли, Черкесс-Тюз и др. (всего порядка 14 различных наименований) (*Кёппен*, 1837, с. 250 – 251; *Мыц*, 1991б, с. 81 – 82). Некоторые из этих названий доживают до начала XX в. (*Суперанская, Исаева, Исхакова*, 1995, с. 17, 95) (например, среднее течение р. Бельбек называлось Хабарда, Кабарда, Кабарта – ещё совсем недавно (*Рухлов*, 1915, с.293).

После И.Э.Тунманна предположение о пребывании черкесов в Крыму высказал Я.Рейнегс (1796 г.). По его мнению, черкесы в XII в. перекочевали с Северного Кавказа к Дону, а оттуда были вытеснены в Крым, где от речки Кабар получили название кабардинцев. П.С.Паллас (1794 г.) слышал

предание о том, что в верховьях Кабарты, некогда жили кабардинцы или черкесы и, что междуречье Качи и Бельбека называлось *Черкестюзом*. Э.Кларк считал, что в Черкес-Кермене в древние времена жили черкесы. Я.Рейнегсу, П.С.Палласу и Э.Кларку в категорической форме возражал П.И.Кёппен (*Кеппен*, 1837, с. 250 – 251), считавший, что черкесы искони назывались *кабар*. При этом он ссылаясь на свидетельство Константина Багрянородного о кабарах или каварах (*кавароі*) происходящих от хазар, но отделившихся от них при переселении в земли печенегов (*Константин Багрянородный*, 1989, с. 162, 163, 394). Как уже отмечалось ранее, все рассуждения о черкесах или кабардинцах в Крыму, П.И.Кёппен считал недоразумением, полагая, что названия со словами Черкес или Черкас произошли от имени владельцев и были в обращении татар с давних пор (*Кеппен*, 1837, с. 250 – 251).

На этом спор о Крымской Кабарде был надолго прерван. Хотя позже к нему вернулся Ф.К.Брун, повторивший практически дословно критическую аргументацию П.И.Кёппена, но не ссылаясь на своего предшественника (*Брун*, 1879, с. 118 – 119). Впоследствии, исследователи средневекового Крыма, касаясь данного вопроса, основывались в своих суждениях на авторитетных мнениях П.И.Кёппена (*Кулаковский*, 1899, с. 64 – 65, прим. 1) или Ф.К.Бруна, считая их убедительно аргументированными. Вновь обратиться к рассмотрению темы о пребывании черкесов в Горном Крыму позволили археологические материалы из раскопок Алустана (1989 г.) и укрепления Пампук-Кая (1980 г.). В одном из помещений рубежа XIII – XIV вв. Алуштинской крепости найден комплекс лепных сосудов (кувшины, горшки, фляга) аналогичные керамике из мест расселения адыгов в XIV – XV вв. на Западном Кавказе (рис.66; 156).

Городище Пампук-Кая (рис.261,2) располагается в среднем течении р. Бельбек (именно эта территория и называлась в недавнем прошлом Кабарда). Здесь в доме, построенном после тотального пожара 70 – 90-х гг. XIII в. (рис.154), найден необычный комплекс керамических сосудов (рис.155) и

глиняный штамп с солярным знаком (рис.155,9). По условиям залегания в слое культурных отложений памятника, данные находки можно отнести к концу XIII – началу XIV в. (*Мыц*, 1991а, рис. 37,1 – 21; 2009, с.217,рис.105;106). Ближайшие аналогии им также обнаруживаются на территории Кавказа. Формы сосудов, их орнаментация, техника изготовления – говорят о том, что в конце XIII - начале XIV в. городище занимало иное, чем прежде население.

Ареал археологических находок, сходных с материалами, происходящими из предполагаемых мест расселения адыгов на территории Готии, следует расширить. Например, в 1978 г. при изучении некрополя, образовавшегося вокруг башни Сюйренской крепости (рис.92) в XIV – XV вв., обнаружена лепная фляга, аналогичная алуштинской находке³⁷⁴. При раскопках золотоордынской и генуэзской Лусты, а также в крепости Чембало, среди массового материала культурных напластований XIV – XV вв., неоднократно встречались фрагменты пифосов со следами весьма своеобразных зачёсов сделанных мастером при изготовлении сосудов, что весьма характерно для прибрежных памятников западного побережья Кавказа, где в это время проживали абхазы и адыги.

К этому следует добавить, что в некоторых могильниках Горного Крыма (Алуштинский, Фунский, Сюйреньский, Чембало и др.) на рубеже XIII – XIV вв., наряду с безинвентарными, появляются погребения, содержащие разнообразный вещевой материал, в том числе и керамические сосуды с заупокойной пищей (рис.151-153) (*Когонашвили, Махнёва*, 1974, с. 119 – 120, рис. 9; *Айбабина*, 1991, с. 201 – 203, рис. 8,1,2; *Сёмин*, 1998, с. 179, 181, рис. 1). По мнению О.А.Махнёвой, присутствие сосудов в христианских плитовых могилах этого периода, являлось сугубо местным обычаем, связанным с пережитками языческого культа (*Когонашвили, Махнёва*, 1974, с. 119). Подобные новации в погребальном обряде следует, по-видимому,

³⁷⁴Исследования проводились Ю.С.Ворониным (1945-2009), материалы до настоящего времени не опубликованы.

связывать с появлением в Таврике населения, для которого христианский погребальный обряд являлся только общепринятой формой, наполняемой содержанием с иными традициями. В качестве примера можно также привести материалы из раскопок могильников в устье р. Псекупса (Адыгея). Здесь погребения XIV – XV вв. сопровождались практически идентичным погребальным инвентарем, состоящим из напёрстков, женских украшений (подвески, браслеты, бусы, перстни, серьги и пуговицы), керамических сосудов, в том числе и поливных чаш, явно крымского производства (*Ловпаче*, 1985, с. 28, 62, табл. XXXI).

Особый интерес представляет некрополь города Феодоро (Мангупа), где в районе Большой базилики в ходе раскопок открыто 482 грунтовых захоронения. Н.И.Бармина обратила внимание на своеобразную манеру сопровождения погребённых заупокойной трапезой, о чём свидетельствуют скопления в могильной засыпи костей козы, овцы и свиньи. Остатки тризны помещались в неглубокой (до 0,10 – 0,15 м) ямке имевшей овальную или круглую форму (диаметр составлял 0,15 – 0,23 м), в которую укладывались кости животных, фрагменты битой стеклянной или керамической посуды.

Многообразие сопровождающих захоронения ритуалов, отмеченных в процессе изучения погребальных комплексов, позволило исследовательнице прийти к заключению о сосуществовании на Мангупе в XIV – XV вв. различных этнических групп, которые, «с одной стороны, уже представляли христианизированное сообщество, т.к. были похоронены под защитой христианского храма, а с другой – сохраняли присущие им языческие представления о загробном мире» (*Бармина*, 1995, с. 82 – 83; *Бармина, Пономарев*, 2001, с.387-392)³⁷⁵. Находки из раскопок Мангупа, Суюрени,

³⁷⁵Сходные признаки обрядовых действий поминального характера, прослежены в ходе археологического изучения И.Б.Тесленко и А.В.Лысенко некрополя у с.Малый Маяк близ Алушты, где в пределах раскопа зафиксировано 42 могилы, 26 исследовано полностью (*Тесленко, Лысенко*, 2004, с.263-267). Исследователи отмечают наличие значительного количества древесных углей в заполнении практически всех могил, в том числе и с перезахоронениями. Кроме того, захоронения сопровождались обломками керамических сосудов, среди которых преобладали изделия открытых форм (поливные чаши, тарелки), а также донных частей горшков и кувшинов. Причём некоторые удалось восстановить. «Кроме того, у могилы №20 изучена яма (тризна, жертва?) с большим количеством углей, крупными фрагментами поливной чаши и монетой» (*Тесленко, Лысенко*, 2004, с.267, рис.14).

Пампук-Кая, Лусты, Малого Маяка и Фуны, позволяют на основании археологических материалов поставить вопрос о пребывании в Горном Крыму (Готии) в XIV – XV вв. черкесов (адыгов). По-видимому, они были расселены компактными группами в междуречье Качи и Бельбека (Черкестюз), а также в Алуштинской долине, образуя родовые анклав.

К этому следует добавить наблюдения антропологов, отмечающих среди краниологических серий Северного Кавказа сходство с брахикранными европеоидами некоторых средневековых памятников Крыма (Алушта, Пампук-Кая, Мангуп, Каламита, Херсон и др.). Хотя для более детальных сопоставлений, позволяющих судить об этнических связях с Кавказом, явно не достаёт палеоантропологического материала, происходящего с данной территории (*Беневолинская*, 1970, с. 206 – 207). В связи с этим интересно отметить упоминание в генуэзских источниках 70-х гг. XV в. господина Лусты Дербиберди или Биберди (*Derbiberdi, Viberdi*), обладавшего, к тому же, 10 селами её округи (*Vigna*, 1879, III, р. 412). Включение в это имя этноопределяющего компонента *берди* (Берда, Кабарда), характерного для выходцев из черкесской (адыгской) родовой среды, позволяет отнести его к адыгским князьям. О распространённости в ономастике северо-западного Кавказа имени Биберди свидетельствуют и имеющиеся данные генуэзских источников. Например, в 1471 г. из Каффы в Зихию в качестве посла был направлен Кавалино Кавало, для заключения договора с правителем Коппы (*il signore di Сора*) и другими адыгскими князьями: «с господином Биберди и Петризохом господином Зихии, а также с Бельзебохом и товарищами господина Копарии») (*Atti*, 1879, VII, 1, р. 784; *Heyd*, 1886, II, р. 395). В одном из донесений консула и массариев Каффы протекторам Банка Св.Георгия (датировано 4 марта 1475 г.) упоминается господин Биберди (*dominis Viberdi*). Он жил по соседству с Копой и оказывал её владельцу помощь в возведении оборонительных сооружений. Это вызывало недовольство и опасения со стороны официалов фактории (*Atti*, 1879, VII, 2,

р. 212). И.Барбаро, проживавший в Тане на протяжении 1436 – 1452 гг., сообщает: «Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремук. Правитель её носит имя Биберди, что значит *богом данный*. Он был сыном Кертибея, что значит *истинный господин*. Под его властью много селений, которые по мере надобности могут поставить две тысячи конников... У них превосходные лошади; сами они крепки телом и коварны нравом; лицом они схожи с нашими соотечественниками» (Барбаро, 1971, с. 153). Из приведённого текста вытекает, что Биберди был владельцем Кримука (более подробно: Кузнецов, 2000, с. 29 – 36; Волков, 2006, с.278-327).

В данном случае становится очевидным, что имеется в виду не столько владелец Лусты, сколько целый адыгский княжеский род, представители которого также носили имя Биберди. Из него могла происходить и ветвь правителей Лусты, связанных со своими кавказскими соплеменниками через обычай аталычества, узами родства. В этой связи особый интерес представляет обнаруженный А.Ассини в Государственном архиве Генуи (в серии Канцелярии Св.Георгия, № 223)³⁷⁶ документ, представляющий собой письмо консула Каффы Мартино Джустиниани, провизоров и массарии Бартоломео Джентиле и Луки Сальваго, отправленное в Геную 5 мая 1460 г. Попечителям Банка Св.Георгия. Во второй его части повествуется о том, что тогдашний господин Лусты (Lusta) Бердибек (Бердибех - Verdibech) выступал посредником в переговорах между Хаджи Гиреем и владельцем Зихии Биберди (Viberdi), договорившись об их встрече в Воспоро, в которой Биберди в самый последний момент отказался участвовать. Разгневанный хан на обратном пути близ Солхата, приказал схватить и предать смерти Бердибека, на что, как говорится в письме, он получил согласие его старшего брата Кейхиби (Cheyhibi), являвшегося в тот момент правителем Готии. После смерти Бердибека Луста перешла в управление одного из его сыновей

³⁷⁶ Возможности познакомиться с данной работой А.Ассини я обязан С.П.Карпову. Её перевод (в том числе и латинских текстов) был любезно выполнен Л.Г.Климановым.

(Assini, 1999, p.15). По всей видимости, им являлся упоминаемый в генуэзских документах 70-х гг. XV в. Биберди (Дербиберди). Сходство имён правителей Зихии (Кримука) и Готии (в том числе её прибрежной части с Лустой) с учётом их тесных политических контактов позволяет (пусть даже и предположительно) говорить не только об их этнической, но и кровнородственной близости.

Обратимся ещё к сообщениям нескольких источников, свидетельства которых длительное время вызывали у исследователей недоумение (Vasiliev, 1936, p. 240 – 241). Например, в молдавско-немецкой летописи 1457 – 1499 гг. мангупская княжна Мария (14 сентября 1472 г. вышла замуж за Стефана III), названа *черкешенкой* (*Славяно-молдавские летописи*, 1976, с. 49). Однако, если судить по эмблемам и монограммам, вытканым на её надгробной пелене из Путны (рис.445-449) (Tafrali, 1925, p. 51 – 55, pl. XLIII; Buchtal, 1984, p. 97) и надписи в наосе каталикона афонского монастыря Григориу (Божилев, 1994, с. 416), считалась по происхождению Асаниной Палеологиной (Степаненко, 2001, с. 339). Через семь лет после захвата Каффы турками, 12 августа 1482 г. владелец Матреги Заккариа де Гвизольфи (генуэзец, рожденный от адыгской княжны) пишет протекторам Банка Св.Георгия, жалуясь на неких готских князей, среди которых один иногда называется просто черкесом (Vasiliev, 1936, p. 241).

На фоне представленных материалов выглядит не столь уж экстравагантным предположение В.П.Кирилко об «эвентуальной генетической связи мангупских князей с черкесами Таврики» (Кирилко, 1999, с. 139 – 140)³⁷⁷. Но вызывает большие сомнения выдвинутый им тезис, что появление в Крыму черкесов (адыгов) «следует относить ко времени Хазарского каганата» (Кирилко, 1999б, с. 140). Этому противоречат данные археологии, а также умолчание об их пребывании на территории полуострова в письменных источниках X – XIII вв. Имеющиеся в нашем распоряжении

³⁷⁷Х.-Ф.Байер также пришёл к заключению, что в XV в. над Готией господствовала династия черкесского происхождения (Байер, 2001, с. 74, 150, 222, 224 – 226, 241, 281, 389; 2004, с. 152 – 153).

материалы раскопок указывают на смену части византинизированного населения Горного Крыма (Готии) произошедшего на рубеже XIII – XIV вв. Поэтому логично поиски причин данного явления вести в направлении анализа политических событий, связанных с междоусобной борьбой 1296 – 1300 гг. в Золотой Орде, вызванной сепаратизмом Ногая и роли всемогущего беклярбека в изменении этно-культурной карты полуострова, перешедшего к нему в 1298 г.

После гибели Ногая в 1300 г. за его сыновьями сохранились обширные владения, представлявшие собой западный улус Орды. Арабский историограф Рукнеддин Бейбарс (ум. 4 сентября 1325 г.) подробно рассказывает о дальнейшем ходе событий. Старший сын Ногая Джека (при жизни отца он являлся соправителем) объявил себя наследником всех земель, что вызвало вражду со стороны его брата Теки. После неудачного покушения на Теку между ними началась междоусобная война. В первом сражении, произошедшем в 700 г. х. (16 сентября 1300 – 5 сентября 1301 г.) или 701 г. х. (6 сентября 1301 г. – 25 августа 1302 г.) Джека потерпел поражение и вынужден был бежать «в страну Асов, в которой находился предводитель и 10000 войска его ... Часть войска Джеки тайком переправилась в страну Асов» (*Тизенгаузен*, 1884, с. 115 – 117).

Высказывалось предположение, что упоминаемая Бейбарсом страна Асов находилась в Таврике (*Тизенгаузен*, 1884, с. 116; *Кулаковский*, 1899, с. 66], а не на Северном Кавказе. Однако трудно представить, что Джека и остатки его войска могли из Подунавья проникнуть на Северный Кавказ или в Крым через территории, контролируемые в то время Токтой и уйти обратно незамеченными.

Дополнительные сведения о событиях междоусобной борьбы между сыновьями Ногая находим у Пахимера. Под 1300 г. Пахимер сообщает о поступлении на византийскую службу аланской орды. После гибели Джеки западный улус перешёл под контроль Токты. При посредничестве епископа г. Вичины Луки, православные изгнанники, оставшиеся верными

сподвижниками Ногая, обратились с просьбой к императору Андронику II Палеологу (1282 – 1328) принять их на византийскую службу (*Кулаковский*, 1899, с. 66). По-видимому, при Токте земли Горного Крыма (после ухода части алан) заселяются черкесами (адыгами)³⁷⁸, что и нашло отражение как в материалах раскопок памятников Юго-Западного, Восточного Крыма и Южнобережья (Мангупа, Чембало, Бельбекской и Алуштинской долины, Керченского п-ва), так и в реликтах топонимики данного района (*Бушаков*, 1991, с. 20). Исторически этот процесс мог начаться в последней трети XIII в. (после разгрома монголами византийских городов Юго-Западного Крыма в 1278 г.) и растянуться на несколько десятилетий. Соседство оставшихся алан с переселенцами адыгами – вызвал впоследствии употребление единого термина *черкесы* в значении уже общего для них этнонима (*Поркшеян*, 1957, с. 363 – 364). В связи с установленными фактами пребывания черкесов (адыгов) на территории Горного Крыма становится более ясным указание И.Барбаро, который, описывая Готию, даёт оригинальное объяснение образования названия готалан от смешения двух народов. В завершение он счёл нужным подчеркнуть: «И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также следуют и черкесы» (*Барбаро*, 1971, с. 157). Как видим, автору *Путешествия в Тану* было известно пребывание в Готии среди готов и алан (готалан) черкесов.

Выводы. Политические события 1430-1440-х гг. нашли отражение в культурных отложениях ряда архитектурно-археологических памятников. Слои пожаров и разрушений, оставленных действиями экспедиции Карло Ломеллини в 1434 г., выявлены в ходе археологических исследований Чембало, Каламиты и Фуны. Кроме того, к этим событиям относятся находки вооружения (бомбарды в Солхате, обломки мечей в Лусте и Фуне, меча с надписью *Petri (de) Mari* в районе Евпатории). Информативными являются результаты археологического изучения десяти замков Готии

³⁷⁸ О пребывании в армии Токты черкесов (по всей видимости, наёмников) свидетельствуют письменные источники (*Тизенгаузен*, 1941, т. 2, с. 33; *Хотко*, 2001, с. 105).

(Черкес-Кермен, Сциварин, Керменчик, Сандык-Кая и др.) и Генуэзской Газарии (Луста, Чембало) бывшими свидетелями тех драматических событий. Особенно важными являются комплексы археологических находок (Пампук-Кая, Мангуп, Сциварин, Луста и др), подтверждающих пребывание адыгов на территории полуострова, начиная с рубежа XIII-XIV вв.

Мирный отрезок времени (1424–1432 гг.), сменился продолжительным периодом противостояния. Феодоро и Каффа оказались вовлечены в сферу большой европейской политики, вылившуюся в войну между двумя старыми соперницами – Венецией и Генуей. Венеция, вступив в 1431 г. в войну с Генуей, не обладала в Причерноморье опорными пунктами и флотом. Поэтому она была вынуждена искать себе союзников среди местных правителей, настроенных против генуэзцев. Одним из них оказался Алексей I, который, в случае необходимости, мог предоставить венецианским кораблям порт – Каламиты. Косвенным подтверждением пребывания в порту Каламиты венецианских галей является находка в крепости (башне №5) каменного блока с графическим изображением эскадры латинских кораблей - нав и галер XV в. В конце февраля 1433 г. местные жители захватили Чембало и передали её Алексею I. Консул Каффы предпринял попытку вернуть крепость, но генуэзцев постигла неудача. В июне из Перы в Чембало направляется флот под командованием Бартоломео ди Леванто. Феодориты оказали упорное сопротивление и латиняне отступили. Сведения о потере Чембало достигли Генуи к июню 1433 г. Генуэзцы занялись подготовкой экспедиции для отвоевания Чембало. Командующим флотилии избран рыцарь Карло Ломеллини. Приготовления к отправке флота в Газарию закончены в марте 1434 г. Снаряжение кораблей и набор наёмников осуществлялось на ссуду, полученную у Банка Св. Георгия. В начале марта 1434 г. флотилия, состоявшая из 20 судов (10 галер, 9 галей и 1 галеотта) и шесть тыс. наёмников, вышла из Генуи и направилась в Порто Винеро, где завершили формирование экипажей. Здесь к экспедиции примкнула 1 галеотта. Из Порто Венеро 31 марта армада отправилась на

восток, войдя в Чёрное море через 2 месяца. Общий состав экспедиции, с учётом корабельных команд, превышал 8 тыс. человек.

4 июня 1434 г. генуэзский флот остановился у Чембало. Вход в бухту был перегорожен железной цепью. 5 июня с кораблей спустили шлюпки, направившиеся к цепи, чтобы разрубить её. Преодолев сопротивление феодоров, генуэзцы разрубили цепь, и флот вошёл в бухту. 6 июня предпринят первый неудачный штурм города. Поэтому с кораблей сняли несколько бомбард и 7 июня вели обстрел воротной башни, часть которой обрушилась. Жители обратились к Карло Ломеллини с просьбой начать переговоры о сдаче Чембало, но тот потребовал безусловной капитуляции. На следующий день (8 июня) генуэзцы продолжили обстрел, и пошли на штурм. Им удалось захватить одни ворота и проникнуть на территорию нижней крепости. Защитники начали отступление к замку Св. Николая. Генуэзцы, преследуя отступающих, устроили резню. В консульском замке укрылись 70 человек, в том числе и средний сын Алексея I – Олобо, руководивший защитниками Чембало. Вскоре и они решили сдаться, но пощада была дана только сыну Алексея и его приближённым. В ходе археологических раскопок в воротной башне №2 Чембало выявлен слой пожара, который можно связывать с событиями 1434 г. Город был отдан наёмникам на разграбление. При этом погибло много мирных жителей. На следующий день галеры вышли из бухты и высадили десант у Каламиты. Генуэзцы потребовали от защитников крепости сдаться. В ходе переговоров стороны достигли соглашения, что феодоры сдадут крепость на следующий день к вечеру. Утром 10 июня к Каламите из Чембало отправились оставшиеся там солдаты. Достигнув крепости, они пошли на штурм, но увидели, что город пуст. Генуэзцы предали Каламиту огню. Следы пожара 10 июня 1434 г. сохранились на внутренней стороне башни №2 Каламиты. После возвращения в Чембало экспедиция была разделена на две части: сухопутное войско отправилось по дороге Готии, производя набеги, а эскадра продвигалась вдоль берега, грабя всё, что попадалось на её пути. Из

письма Карло Ломеллини его брату Маттео, известно, что в это время Алексея I не было в Феодоро. Он находился при дворе трапезундского императора, где пытался заручиться поддержкой Иоанна IV. События развивались стремительно, Алексей I и Иоанн IV не смогли помешать Карло Ломеллини в отвоевании Чембало, захвате Каламиты, приведении к покорности населения приморской Готии.

12 июня Карло Ломеллини находились в Каффе. В этот день в консульском дворце состоялось совещание, на котором было принято решение нанести удар по Солхату. Поход осуществили 22 июня, когда в 8 часов утра генуэзское войско (8 тыс. человек, 612 повозок с амуницией и вооружением) двинулись на Солхат. У селения Карагоз латиняи внезапно атаковала татарская конница. Не сумев оказать сопротивление, бросив повозки, они начали отступать к Каффе. Татары прекратили преследование лигурийцев после наступления темноты. Потери со стороны генуэзцев составили около 2 тыс. человек. Из плена удалось выкупить 25 человек. 13 июля Солхат и Каффа подписали мирный договор, а 14–15 июля флот Карло Ломеллини оставил Каффу и отправился в Геную. Так закончилась наиболее масштабная из всех военных акций, когда-либо проводившихся генуэзцами в Газарии. Раскопками выявлены следы пожаров 1434 г. в Чембало, Каламите и Фуне, а в Солхате найдена генуэзская бомбарда.

Между Каффой и Феодоро не было подписано мирное соглашение и обе стороны продолжали оставаться в состоянии войны. Противостояние пролжалось до 1441 г., когда 22 ноября из Каффы в Геную послали сообщение, что пленники из Готии освобождены по случаю мира. Условия мирного соглашения, достигнутого официалами Каффы с Алексеем I в 1441 г., не известны, но до османского завоевания в 1475 г. источники не отмечают ни одного вооруженного конфликта между феодоритами и генуэзцами. Начало 40-х гг. XV в. примечательно тем, что в это время на престоле Крымского юрта Орды появляется яркая и харизматичная личность – Хаджи Гирей. Этот правитель не стал бороться за восхождение на трон

Орды, а ограничился установлением своей власти над Крымским улусом. Далее он боролся исключительно за его обособление от Большой Орды.

Обострение отношений между генуэзцами и трапезундским императором Иоанном IV привело к тому, что летом 1446 г. в прту Каффы появился флот во главе с деспотом Давидом. Эскадра состояла из 13 фуст и галер. Каффа была вынуждена откупаться продовольствием и личным подарком для деспота. После столкновения с генуэзцами в порту Каффы, деспот отправился к Каламите, а оттуда в Феодоро. Здесь он встретился с Олобо и другими сыновьями покойного Алексея I. Данный конфликт не получил развития, так как уже в 1447 г. побережье Готии подверглось нападению турок-османов.

Глава VI. ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ В ПЕРИОД УПРАВЛЕНИЯ БАНКОМ СВ.ГЕОРГИЯ (1453-1475 гг.)

Вторая половина XV в. оставила на территории Крыма лучшие образцы ранней огнестрельной фортификации. Генуэзцы и феодориты на протяжении второй половины 50-х - первой половины 70-х гг. XV в. неустанно совершенствовали оборонительные системы своих городов и замков. Яркими образцами западноевропейской фортификации до настоящего времени являются относительно полно сохранившиеся руины Чембало, Чоргунской башни, Лусты, Сугдеи, Каффы. К числу уникальных следует отнести фортификационные сооружения частновладельческого замка Тасили. Владетели Феодоро стремились не отставать от своих генуэзских партнёров, заимствуя у них некоторые элементы оборонного зодчества. Среди их памятников отметим Каламиту, Феодоро (Мангуп), Фуну. В ходе архитектурно-археологических работ получен информативный материал, наполняющий конкретным содержанием каждый исследованный объект. Особенно богатыми на разнообразные археологические находки 1450-1475 гг. оказались руины памятников Мангупа (Феодоро), Чембало, Фуны, Лусты и Солдайи.

6.1. Падение Константинополя в 1453 г.

Роль одного из определяющих внешнеполитических факторов в истории Причерноморского региона было суждено сыграть походам Тимура, осуществлённым им в конце XIV – начале XV в. Масштабные военные экспедиции Тамерлана 1391 и 1395 – 1396 гг. привели к развалу Золотой Орды (*Сафаргалиев*, 1996, 429 – 433; *Греков, Якубовский*, 1998. с. 249 – 274). Империя, созданная Тимуром, простиралась от границ Китая и Бенгальского залива до Средиземного моря. Вынашивая честолюбивые планы покорения Китая, Тимур решил обезопасить свои западные границы, где в XIV в. образовалось и быстро окрепло государство турок-османов. Впервые Тимур пересек границы Восточной Анатолии в 1386 г. и в битве при Эрзинджане разбил армию анатолийских эмиров (*Рансимен*, 1983, с. 49). Во время

второго похода (1395 г.) он дошёл до Сиваса, где был убит владетель провинции сын Баязида I (1389 – 1402). Третий поход в 1402 г. закончился полным разгромом турецкой армии в сражении при Ангоре (Анкире), произошедшей 28 июля (*Васильев, 2000, с. 334 – 336*). В плен попали сам Баязид I и его сын Муса. Баязид умер в плену в 1403 г., покончив жизнь самоубийством, а Муса был выпущен на свободу (*Иналджик, 1998, с. 26; Литаврин, Медведев, 1991, с. 357 – 358*). Вторжение Тимура в начале XV в. в Восточную Анатолию и разгром турецкой армии почти на полстолетия отсрочило падение Константинополя (*Васильев, 2000, с. 336*), окончательное завоевание стран Балканского полуострова, Трапезундской империи, Феодоро и Готии, итальянских факторий на побережье Чёрного моря. Самой историей правителям западноевропейских государств был предоставлен случай навсегда избавиться от турецкой угрозы. Но они не смогли им воспользоваться, проявив политическую близорукость.

После смерти Баязида I между его сыновьями начинается междоусобная война, победителем из которой вышел Мехмед, занявший турецкий престол в 1413 г. Мехмед I (1413 – 1421) поддерживал дружественные отношения с императором Мануилом II Палеологом (1391 – 1425) и даже вернул ему несколько захваченных ранее турками византийских городов. В 1421 г., после смерти Мехмеда I, правителем османского государства становится его сын Мурад, который уже в 1422 г. попытался взять Константинополь (осада продолжалась со 2 июня по 6 сентября), но потерпел при этом неудачу из-за очередного восстания в Анатолии (*Иналджик, 1998, с. 29*).

За время своего долгого правления Мурад II (1421 – 1451) укрепил власть султана, завоевал новые земли на Балканах и в Анатолии, упорядочил систему государственного управления. Им также была проведена реформа армии, заключавшаяся в реорганизации войска янычар, формировавшегося до этого из детей христиан захваченных в плен. Теперь султан ввёл регулярную систему набора, по которой каждая христианская семья (греческая, армянская, валашская, болгарская и др.) была обязана отдать,

если понадобится, турецким властям по мальчику (*Рансимен*, 1983, с. 53 – 54). Таким образом, к концу своего правления Мурад создал сильнейшую армию. После смерти Мурада II (3 февраля 1451 г.) (*Иналджик*, 1998, с. 31) престол занял его девятнадцатилетний сын Мехмед II (1451 – 1481), сразу же начавший подготовку к захвату Константинополя. В качестве первых подготовительных мероприятий Мехмед возвёл крепость в самом узком месте (около 600 м) пролива Босфор, где на на противоположном берегу располагалось укрепление Анадолу – Хисар (Гюзель-Хисар), построенное ещё при Баязиде I (*Васильев*, 2000, с. 350) (рис.270,1). Новую крепость (именно так она именуется в генуэзских источниках XV в. – *castellum Nouum, Castrinouï* (*Данилова*, 1974, с. 195) турки называли Богаз-Кёсен (перерезающая горло, перерезающая пролив). Сейчас данная крепость известна как Румели-Хисар (рис.270,2). Её постройка была начата 15 апреля и завершена уже 31 августа 1452 г. (*Рансимен*, 1983, с. 69; *Zygulski*, 1988, s. 90 – 91, rys. 69 – 70)³⁷⁹. Таким образом, блокировался пролив. Теперь корабли могли проходить через него только с разрешения турок (после таможенного досмотра) или с риском быть потопленными крепостной артиллерией. В затруднительном положении оказались Венеция и особенно Генуя, располагавшая в бассейне Чёрного моря многочисленными торговыми факториями. 5 апреля 1453 г. Мехмед II с армией, насчитывавшей около 150 – 200 тыс. человек, 400 военных кораблей и множеством пушек, прибыл под стены Константинополя, 7 апреля приступив к осаде города. Константину XI Палеологу (1449 – 29 мая 1453) удалось собрать для обороны 5000 горожан, 2000 иноземцев и 25 боевых судов (среди них было 700 генуэзцев, прибывших на двух галерах, две галеры также прислали венецианцы). Во вторник, 29 мая, несмотря на ожесточенное сопротивление, столица

³⁷⁹ Венецианец Николай Барбаро, находившийся в Константинополе в 1453 г., в своем «Дневнике осады» следующим образом описывает Богаз-Кёсен: «Это укрепление чрезвычайно сильно с моря, так что овладеть им нельзя никоим образом, ибо на берегу и на стенах стоят в громадном количестве бомбарды; с суши укрепление также сильно, хотя и не так, как с моря» (*Nicolo Barbaro*, 1856, p. 2; пер. цит. по: *Васильев*, 2000, с. 350).

Византийской империи была захвачена турками (*Рансимен*, 1983, с. 74 – 130; *Курбатов*, 1991, с. 222; *Николь* и др., 2008). Европа с ужасом узнала о случившемся (*Медведев*, 1999, с. 293 – 332).

Многие понимали, что завоевание Трапезундской империи, Феодоро и Готии, Генуэзской Газарии, других стран и городов Причерноморья, является только делом времени. Пророческими оказались слова Лауро Квирини, обращённые к папе Николаю V ещё задолго до грядущих трагических событий (его письмо датировано 15 июля 1453 г.): «с помощью одной только, но величайшей победы над Византием он (Мехмед – В.М.) подчинил себе столь большое количество крупнейших городов, а именно – весь Эвксинский Понт, переполненный городами, из которых самыми значительными являются следующие: с восточной стороны – Трапезунд, Симассо, Синоп, Самастро, Педарахия, Карпи; с западной стороны – Вордоваска, Сисополь, Ахила, Месемвриа, Акалафия, Вранеа, Калиакра, Ликостоме (Chilia), Монкастро, Каламита, Симболо (Чембало), Судакеа (Сугдея, Солдайя), Каффа – крупнейший и богатый город, Иберия, Севастополь. Таковы города, провинции же Авгасия (Абхазия), Мункрелия (Мингрелия) и Гутия (Грузия, Гурия); каковы города и провинции чтят имя Христова» (*Медведев*, 1999, с. 323 – 324).

Султан не предпринимал серьезных шагов по захвату этих территорий до тех пор, пока был занят завоеванием государств, располагавшихся на островах и материковой Греции. Реализовать эту программу он смог (и то только частично) на протяжении последующих 22 лет непрерывных войн, которые велись турками-османами в Европе и Малой Азии.

6.2. Первые признаки «турецкого страха» в генуэзских факториях 1453 – 1455 гг.

Изменение политической обстановки в Восточном Средиземноморье после захвата турками Константинополя сказалось и на положении дел в Газарии. В генуэзских факториях, владениях господ Феодоро, Крымском ханстве постепенно разворачивается борьба между анти-и протурецки настроенными

группировками, получившая своеобразную окраску в виде династических распрей, конфессиональных и этнических противоречий, что в конечном итоге и решило судьбу полуострова в 1475 г.

В Каффе, оторванной от метрополии, время от времени вспыхивали беспорядки, вызванные снижением торговой конъюнктуры, ухудшением снабжения горожан продовольствием, в аппарате управления факториями вскрывались факты коррупции, казнокрадства и нарушения законов. Всё это приводит к острому кризису, переживаемому городскими общинами в 1453 – 1475 гг., способствовавшему стремительному падению всей колониальной системы, созданной генуэзцами в бассейне Чёрного моря.

Эта агония протекала на протяжении 22 лет на фоне резко обострившихся социальных противоречий, религиозной и национальной вражды (*Данилова*, 1974, с. 205 – 213). Волнения и бунты стихийно возникали в Каффе в 1454, 1456, 1463, 1471, 1472, 1475 гг. (*Atti*, 1868 - 1871, VI, р. 250, 871; *Секиринский*, 1955, с. 56). В 1470 г. источники отмечают какие-то беспорядки в Солдаёе (*Atti*, 1868 - 1871, VI, р. 735). Осенью 1455 г. в Таврике и Северном Причерноморье из-за неурожая, вызванного сильной засухой, начинается голод (*Данилова*, 1974, с. 207). Стремясь найти выход из сложившегося в районе Босфора положения, генуэзцы ещё в марте 1452 г. ведут тайные переговоры с Мехмедом II на предмет заключения соглашения, которое было достигнуто только после захвата Константинополя. Генуэзским купцам предоставлялось право свободно передвигаться по суше и по морю, не распространявшееся на пролив Босфор и Чёрное море. Поэтому Каффа оказалась полностью блокированной почти на два года (*Данилова*, 1974, с. 196). Прибывший в Каффу в 1451 г. Борруэле ди Гримальди (консул 1451/52 гг.), застал в фактории состояние общей растерянности, экономического и морально-психологического упадка. Это было связано не только с неблагоприятной торговой конъюнктурой, сложившейся ввиду настоящей торговой войны, организованной турками при открытом протекционизме Хаджи Гирея и правителей Феодоро (*Heyd*, 1886, II, р. 213;

Heers, 1961, p. 364), но и изменившемся политическим климатом в регионе. Об увиденном и пережитом он напишет дожу Генуи в конце января 1453 г. обстоятельный отчёт, с горечью отмечая, что генуэзцы полностью утратили принадлежавшую им некогда инициативу в ведении коммерции на берегах Понта (*Assini*, 1999, p.18-19). Как в самой метрополии, так и в её причерноморских факториях, ясно осознавали необходимость принятия мер к спасению генуэзских поселений от неминуемого захвата турками³⁸⁰. Поэтому (в консулат Деметрио Вивальди – 1452-1454 гг.) проводится детальная проработка вопроса о передаче всех причерноморских факторий Генуи в управление Банка Св.Георгия (*Compere de Sancti Georgii*) (*Heers*, 1961, p. 122). 22 мая 1453 г. (за неделю до падения Константинополя) в Каффе состоялась подготовительная процедура передачи (*Мурзакевич*, 1837, с. 66), согласованная со всеми общинами городской коммуны. После этого окончательное решение должно было принять общее собрание пайщиков Банка. 15/16 ноября 1453 г. правительство Генуи, осознавая свою неспособность удержать фактории на Чёрном море, за символическую сумму в 5500 лир, хотя истинная стоимость оценивалась в 300000 золотых дукатов (3600000 лир), передает их Банку Св.Георгия (*Данилова*, 1974, с. 198, 200)³⁸¹. По всей видимости, не случайно в этот сложный переходный период,

³⁸⁰ 13 марта 1452 г., в связи с готовящимся Мехмедом II вторжением в Византийскую империю и крайне сложным положением в причерноморских факториях, в Генуе состоялось совещание, в котором принимали участие дож, Совет старейшин, массарии, Коллегия Романии, попечители Банка Св.Георгия, а также около 80 граждан. На Большом совете (*Magnum Consilium*) обсуждались донесения официалов Перы и Каффы, просивших о всяческой помощи и подкреплении как в мирное время, так и на случай войны (*requereno subsidio de openi et de munitioni cossi in tempo pace como de guerra*). После длительного и подробного обсуждения было принято решение избрать четырех ревизоров из лиц наиболее осведомленных о положении в восточных факториях (*elegi quatuor prestantes cives ex hiis qui maiorem et certiore habent cognitionem regum illarum*), чтобы послать их в Каффу и по их возвращении принять соответствующие меры (*Belgrano*, 1888, doc. CXLIX). В последствии численность ревизоров была увеличена до 16, т.к. в протоколе от 10 ноября 1453 г. попечители Банка выслушали Стефано де Марини (*Stefanus de Marinis*), Антонио Джентиле (*Antonius Gentile*), Вартоломео ди Леванто (*Bartholomeus de Levanto*) и Дамиано Леоне (*Damianus de Leone*), - четырех из шестнадцати ревизоров (*quatuor ex sexdecim pronisoribus*), исследовавших состояние ден в Каффе и её владениях. Ревизоры пришли к единодушному мнению, что передача власти над Каффой и другими владениями Чёрного моря (Маре Мао) правительством [Генуи] Банку Св.Георгия, от которого зависит спасение этих земель, будет иметь благоприятные последствия (*Atti*, 1868, vol. VI, doc. III).

³⁸¹ Один из попечителей (*protectores* – протекторов) Антонио ди Франки (*Antonius de Francis*), в понедельник 12 ноября 1453 г., выступая на собрании пайщиков (*particeps*), настаивал на передаче факторий в управление Банку. При этом он счёл нужным обратить внимание собравшихся на то, что необходимо защищать капитал, которым располагает Банк Св.Георгия в Каффе и в тех областях, приносящих ежегодный доход свыше 30 тысяч лир (*redditus annui sunt ultra libras trigintamilia*) (*Atti*, 1868, vol. VI, doc. III).

консулом Каффы оказался Деметрио Вивальди, выходец из известного в XV в. семейства купцов и юристов, игравшего заметную роль в экономической и политической жизни коммуны Генуи (*Heers*, 1961, p. 120, 128, 589). Например, за 20 лет (1445 – 1465 гг.) 7 представителей рода Вивальди избирались в Совет старейшин (*Consilium dominorum Antianorum comunis Janue*) (*Heers*, 1961, p. 615). К тому же они были тесно связаны с деятельностью Банка Св.Георгия: только в 1445 – 1475 гг. 6 избранных протекторов являлись членами данного семейства, а в 1453 г. 5 из них – пайщиками (*Heers*, 1961, p. 656). Правление Банка практически сразу приступает к формированию экспедиции в Каффу. Уже 19 ноября был подготовлен перечень всего, что необходимо закупить для отправки в фактории: 50 пар лат (*coiracias*), 250 копий (*lazantias*), 50 щитов (*tarconos*), 150 шлемов (*celatas*), 250 длинных копий (*lanceas lungas*), 100 сарбатан (*zarbatanas*), 10 бомбард (*bombardas*), 10000 трибулов (*tribulos*), 5000 стрел для арбалетов (*quareli*), 1000 специальных стрел для стрельбы из башен (*a turno*). Кроме того, были заказаны дротики трёх видов (*veretonorum de tribus sortis*), использовавшихся при обороне крепостей: 40 ящичков (*capsas*) дротиков для метания из башен (*a turno*), 100 для метания с подъёмного моста (*a girella*), 100 для метания на близкое расстояние (*a tibia*). Предусматривалась даже доставка шанцевого инструмента: 200 узких лопат (*sapas strictas*), 100 широких лопат (*sapas largas*), 50 мотыг (*badilia*) (*Atti*, 1868, VI, doc. IX, p. 47). 23 ноября 1453 г. протекторы издают постановление, которым поручается Джакомо Чигала закупить военное снаряжение для защиты Каффы, а также совместно с Дамьяно Леоне завербовать 200 пеших или конных наёмников. Причём, как минимум, 50 из них должны были иметь ручное огнестрельное оружие – сарбатаны (*zarbatanerij*)³⁸² (*Atti*, 1868, VI, doc. XIV, p. 52 – 53). Несмотря на энергичность принимаемых протекторами Банка мер, корабли, зафрахтованные с целью доставки в Причерноморье наёмников и закупленного снаряжения, только в марте 1454

³⁸² А.Г.Еманов ошибается, полагая, что *zarbatana* – это метательные машины (*Еманов*, 1995, с. 43).

отправились из Генуи³⁸³. Первую экспедицию, возглавляемую назначенными комиссариями Симоне Грилло и Марко де Кассина, постигла неудача. В проливе Босфор, под угрозой обстрела береговой артиллерией, генуэзцы сделали остановку. Патроны судов сошли на берег, где их задержали турки. В это время на кораблях начались волнения матросов и солдат, что вынудило комиссариев вернуться на Хиос и оставаться там в течение года, несмотря на неоднократные распоряжения отправиться им в Каффу (Данилова, 1974, с. 204).

1454 г. принёс ещё больше волнений обитателям генуэзских факторий Газарии, чем 1453 г. Неопределенность отношений с Мехмедом II, породила постоянные слухи о подготовке турок к нападению на Каффу, что вызвало массовое бегство (под самыми разными предлогами) латинян и представителей других общин из города. Неслыханная ранее дерзость по отношению к генуэзцам проживающих в факториях и их окружении народов дополнительно создавала очень сложный психологический климат, стимулируя поддержание общего настроения приближения неминуемого краха. Политическая тональность деловой и частной переписки того времени буквально пропитана охватившим латинян и других поселенцев «турецким страхом» (*timor turcozum*), став лейтмотивом мыслей и поступков, подтачивая силу духа и способность защищаться. Консул Деметрио Вивальди вынужден был признать, что народ фактории может быть впервые за всю историю города, пребывал в великом страхе (*in magno timore*) (*Atti*, 1868, VI, doc. XXXVI, p. 115). В августе 1455 г. консул Томмазо Домокульта, провизоры и массарии Каффы Антонио Леркари и Дамиано Леоне сообщают протекторам

³⁸³ А.Ассини обнаружено несколько документов, которые датируются между 21 ноября 1453 г. и первыми числами апреля 1454 г. Основная их часть посвящена организации миссии двух комиссариев Симоне Грилло и Марко де Кассина, наделенных чрезвычайными полномочиями и связана с подготовкой отправки первой помощи в Каффу на кораблях Джероламо Дориа, Терамо и Джаннето Ломеллини. Среди них находятся контракты на фрахт двух кораблей, опись их оснащения, перечни военных и морских снастей, отчёты о проверке, проводившейся двумя капитанами на судах, депеши о срочной отправке недостающих материалов, контракты о вербовке наёмников, в частности, *conestabile* Антонелло Мальвизно, Габриэле да Пьетросанта и Николо де Трентис, мандаты на задержание сбежавших моряков и протест наёмников, которые опасались быть взятыми на флот для ведения войны с каталонцами (*Assini*, 1999, p.13).

Банка о смертельном страхе (*mortis timore*), который испытывают буквально все перед силой турок (*teucrorum potentiam*) (*Atti*, 1868, VI, doc. CL, p. 355). Но это произошло не сразу, о чём довольно красноречиво свидетельствуют события 1454 г.³⁸⁴ Об отличии в морально-психологическом настроении, царившем в среде полиэтничных и поликонфессиональных общин города, красноречиво свидетельствует содержание письма (от 5 мая 1460 г.) консула Мартино Джустиниани, провизоров и массариев Бартоломео Джентиле и Луки Сальваго, которые описывают жалкое состояние Каффы, обезлюдившую и людьми и товарами, охваченную страхом. При этом парадоксальным выглядит то, что тогда как греческий, армянский и еврейский компоненты не проявляют беспокойства, именно латинский элемент подаёт признаки нервозности (*Assini*, 1999, p.15).

6.2.1. Экспедиция 1454 г. Темир-Кая в Чёрное море.

Летом 1454 г. Мехмед II направил в Чёрное море большую эскадру под командованием капитана флота Темир-Кая (*Temir Coia classis capitaneus*), состоявшую из 60 судов: 4 трирем и 56 бирем. Подробности об этой экспедиции мы узнаём из нескольких генуэзских источников: 1) донесения канцелярия каффской курии Баттисты Гарбарини (датировано 11 сентября 1454 г.); 2) письма консула Каффы Деметрио Вивальди, массариев, Верховной коллегии Совета старейшин города (21 октября 1454 г.); 3) сообщения каффинского епископа Джакомо Кампора от 7 августа 1454 г.) (*Atti*, 1868, VI, doc. XXXIII, p. 102 – 112; XXXIV, p. 112 – 113; XXII, p. 87 – 89; *Данилова*, 1974, с. 211). Первоначально турки подошли к молдавской крепости Четатя-Албэ (*Ţetatea Alba* – Белгород - Монкастро). Здесь их постигла неудача. Попытка атаковать город с моря не имела успеха, потому что он оказался хорошо укреплённым, и появление турецкого флота у его

³⁸⁴ История Причерноморских факторий Генуи второй половины XV в. уже неоднократно являлась предметом специального исследования (*Волков*, 1872, с. 109 - 144; *Колли*, 1911, с. 125 - 139; 1912, с. 75 - 112; 1913, с. 99 - 139; 1918, с. 129 - 171; *Malowist*, 1947; *Данилова*, 1974, с. 189 - 214 и др.), что избавляет от необходимости подробно повторять известные факты, останавливаясь только на недостаточно полно отраженных в имеющейся научной литературе вопросах.

стен не являлось неожиданностью для защитников, которыми руководил, как полагают исследователи, господарь Александр II (*Бырня, Руссев, 1999, с. 194*). Для защиты генуэзской фактории в Монкастро официальными Каффы в 1454 г. было в срочном порядке и заблаговременно отправлено 70 специально нанятых для этого *казаков* с двумя комиссарами продовольствия (*Atti, 1868, VI, p. 103, doc. XXXIII, a. 1454, 11 Sept.*). После фиаско у Монкастро турки отправились к Севастополю (*Sauastopolim*), где они захватили два генуэзских корабля, при этом один сожгли, а город разграбили. Как докладывал потом консул фактории, некоторые купцы были захвачены в плен, а части местных жителей и генуэзцам удалось спастись бегством (*arripuerunt fugam*) (*Atti, 1868, VI, doc. XXXII, p. 103*).

В то время, когда эскадра Темир-Кая находилась у побережья Кавказа, в порту Воспоро появилась турецкая бирема, доставившая посла Хаджи Гирея из Стамбула, где он якобы вёл переговоры с Мехмедом II об отправке в Чёрное море военного флота³⁸⁵. После того, как посол высадился на берег, судовая команда биремы занялась каперством, причинив своими действиями большой урон городу. Но, по воле судьбы (*accidit enim...a fortuna*), пираты встретились с кораблём Джованни ди Негро (горожанина Каффы), шедшего из Копы при попутном ветре на всех парусах. Генуэзцы напали на турецкую бирему и взяли её на abordаж. Часть экипажа оказалась захваченной, а другие бросились за борт и утонули. Патроном корабля было доставлено в Каффу 37 пленников, среди которых оказалось: 13 турок, 17 гетов низкого сословия, обитателей окрестностей Воспоро и 7 татар (*septemque tartari*) (*Atti, 1868, VI, doc. XXXIII, p. 104*). Гетов³⁸⁶ повесили по распоряжению консула, татар отправили гребцами на галеры, а турки содержались временно в

³⁸⁵ Несмотря на отсутствие документальных подтверждений, до настоящего времени в научной литературе обсуждается вопрос о том, что в 1454 г. Хаджи Гирей вёл переговоры с Мехмедом II о совместной операции по захвату Каффы и передачи города крымскому хану (*Фишер, 2022, с.63*). Но затем, якобы ситуация изменилась и Мехмед II, воспользовавшись кризисом власти в Крымском ханстве, захватил в 1475 г. Каффу для себя (*Почекаев, 2022, с.59*).

³⁸⁶ В.Гейд полагал, что под гетами генуэзские источники подразумевали черкесов (адыгов) (*Heyd, 1886, II, p. 394; Гейд, 1915, с. 103*). В то же время некоторые исследователи полагают, что форма *geticus* в генуэзских документах представляет собой антикизированный этноним, обозначающий валахов-румын. Например, *Velachie sive ex Geticorum* (*Airaldi, 1974, p. 292; Пономарёв, 2000, с. 357*).

тюрьме и позже были переданы командующему турецким флотом вместе с захваченной фустой. После учинённого в Севастополе погрома Темир-Кая направился к берегам Газарии и первоначально остановился у селения Кавалария, где встретился с представителями Хаджи Гирея³⁸⁷. 11 июля в порту Каффы появился турецкий флот в составе 56 бирем, ставших на якорю на расстоянии одного выстрела из бомбарды. Первоначально действия турок не проявляли враждебного характера их намерений (высадившись на берег для отдыха, они не приближались к городу). Но уже на следующий день (12 июля) часть из них появилась на рынке в предместье Каффы, располагавшемся между церковью св. Марии и башней св. Константина (*Atti*, 1868, VI, p. 123; *Бочаров*, 1998, с. 92 – 93, рис. 1, D1; 20). Запасаясь продовольствием, турки вели себя бесцеремонно, отбирая всё, что им захочется. Возникшая потасовка, если бы не вмешательство официалов фактории, могла закончиться истреблением или пленением непрошенных гостей. Но этим инцидент не был исчерпан. Вечером 13 июля турки при помощи лестницы попытались проникнуть в город, но встретили ожесточенное сопротивление, причём 10 или 12 человек с их стороны были убиты, а остальные бежали на корабли, покинув берег. Избиение было прекращено благодаря вмешательству магистратов Каффы. Утром 14 июля появилась татарская конница во главе с Хаджи Гиреем, насчитывавшая около 6000 человек (*Atti*, 1868, VI, p. 103). В то же время флот приблизился к предместьям. Темир-Кая в сопровождении офицеров высадился на берег, где встретился с Хаджи Гиреем. Сложившаяся обстановка приобретала угрожающий характер. Но, судя по всему, в ходе совещания они пришли к заключению, что с имеющимися у них силами не удастся овладеть городом и решили вести с генуэзцами мирные переговоры. К пригороду (антибургам

³⁸⁷ Данное селение неоднократно отмечается на портоланах под названиями Callar, Cavallario, Cavalari на западном берегу Керченского пролива. Этот пункт отождествлялся либо с мысом Такиль (*Kretschmer*, 1909, p. 644), либо с мысом Кыз-Аул (*Еманов*, 1995, с. 101). По мнению С.Г.Бочарова средневековое Кавалари тождественно поселению Яныш-Такиль 1, открытому в ходе археологических работ Боспорской охранно-археологической экспедиции и датированному по керамическому материалу концом XIII – XV вв. (*Бочаров*, 2001, с. 158, рис. на с. 159; 2019б, с.741-770).

=antiburgos) подъехал хан, требуя направить кого-либо для переговоров, на что он получил отказ. Тогда к крепостному рву прибыл сам капитан флота Темир-Кая, которого сопровождала охрана и переводчик. Несмотря на всю напряженность сложившейся ситуации, её удалось разрешить мирным путём, заключив между сторонами столь необходимое для генуэзцев соглашение. Официалы вынуждены были согласиться с требованием хана и помимо обычных таможенных пошлин, составлявших примерно 3% от собираемых с товаров налогов, дополнительно ежегодно выплачивать дань в 600 соммо (*sexcentorum summorum tributum*) (*Atti*, 1868, VI, doc. XXXIII, p. 105; *Данилова*, 1974, с. 211). Турецкий адмирал, по существующему обычаю, получил подарок в виде сухарей и другого необходимого продовольствия. 15 июля турки, покинув порт Каффы, отплыли к побережью Готии (*Gotiam*), где ими был нанесён большой ущерб, потому что её обитатели оказались не готовыми к защите (*Atti*, 1868, VI, p. 104). Только после этого турецкая эскадра направилась в Константинополь.

В момент этих драматических событий июля 1454 г. в Каффе находился посол Мехмеда II, прибывший в город ещё в начале апреля, т. е. задолго до появления флота под командованием Темир-Кая. Пока эскадра находилась в бухте Каффы посол, под всякими благовидными предложениями, удерживался Деметрио Вивальки. Только после благополучного разрешения обстановки с почестями и подарками он был отправлен обратно, получив устные и письменные заверения, что жители фактории признают над собой верховенство турецкого султана и обязуются придерживаться условий заключённого договора (*Atti*, 1868, VI, p. 107).

Таким образом, первая (с начала правления Мехмеда II) морская кампания лета 1454 г. скорее носила характер рекогносцировки, в ходе которой турки убедились в том, что Каффа является хорошо укреплённым городом и для её захвата необходима тщательная подготовка и значительные войска,

снабженные осадными орудиями³⁸⁸. Но основной причиной неудач предприятия Темир-Кая, как в Монкастро, так и в Каффе явилась не только осведомлённость их жителей о готовящемся нападении турок, но и высокий моральный дух пока ещё лишённый подавляющего волю турецкого страха.

В то же время, из донесения канцелярия курии Каффы Баттисты Гарбарини от 11 сентября 1454 г. становится очевидным, что город не был готов к серьезной войне и длительной осаде. Поэтому магистраты обращаются с просьбой как можно быстрее прислать «подкрепление в людях, бомбарды, кулеврины и большие сарбаканы, в которых мы очень нуждаемся, потому что подобные орудия наводят большой страх». Кроме того, для «нашего безоружного народа необходимо тысячу или более копий». Гарбарини просит также позаботиться об оружии для защиты, оружии и орудиях для ведения войны. Особое внимание уделяется отправке наёмников, которых должен возглавлять капитан, обладающий опытом в «военном искусстве и знающим всё, что касается обороны городов». В Каффе остро нуждались в хороших каменщиках, баллистариях и артиллеристах, потому что канцелярий курии сделал на этом особый акцент, т.к. просит любой ценой найти людей, умеющих восстанавливать городские стены, и таких, которые бы умели стрелять из бомбард и орудий (*Atti*, 1868, VI, p. 109).

Ещё до нападения турецкого флота коммуна Каффы направляет посольство к Мехмеду II с предложением заключить договор. Но эта акция, видимо, не имела особого успеха, и в конце 1454 – начале 1455 г. в Константинополь едет второе посольство с подарком султану в 300 соммов (2400 генуэзских лир). На этот раз договор был заключён, и Каффа обязалась ежегодно выплачивать туркам дань в 3000 венецианских дукатов (*Данилова*, 1974, с. 212).

³⁸⁸Канцелярий курии Каффы Баттиста Гарбарини в донесении от 11 сентября 1454 г. сообщает о полученных от некоторых достойных людей сведений, согласно которым капитан флота рассказал о многом султану и лицемерно жаловался на нас. При этом он убеждал [султана], сделать этот город (Каффу – В.М.) самым знаменитым в мире, когда он (Темир-Кая – В.М.), имея сто галер и фуст, завоюет его (*Atti*, 1868, VI, p. 104).

Весной 1455 г. в Каффу прибыло сразу три отправленных из метрополии экспедиции на 6 судах: 2 – вышедшие из Хиоса в марте Дориа и Ломеллини со 100 наемниками на борту); 2 – Пари де Мари и Баттисты Дориа и 2 Марино Вольтаджо и Джакомо Джироламо Леоне, доставившие назначенных протекторами Банка в фактории новых официалов и 488 наёмников с вооружением. С этого момента жизнь в Каффе начинает входить в нормальное русло. Официалы неустанно пытаются наладить торговлю и установить дипломатические отношения с правителями Причерноморских государств (в особенности с императором Трапезунда, общиной Монкастро, владетелями Феодоро и крымским ханом Хаджи Гиреем). Пристальное внимание уделяется укреплению обороноспособности Каффы, Солдайи и Чембало. Из отчёта (отправлен в Геную 1 июля 1455 г.) Антонио Ассерето (в 1451 – 1455 гг. исполнял обязанности коменданта арсенала и хранителя воды в Каффе) узнаём, что за это время проведено восстановление обрушившейся части стены и башни у ворот Св. Георгия, отремонтирована башня ворот Св. Апостолов, во многих местах восстановлены мерлоны (*merla*) и барбакан, защищающий Кайадорские ворота (*barbacanam porte Caihadoris*). При этом потребовалось отремонтировать оборонительные стены и башни по всему периметру, где необходимо было починить лестницы (*scallas*) и настилы (*solaria*) башен города. По его заключению для завершения начатого им ремонта требуется ещё более 600 соммов (*plus quam sommos DC*) (*Atti*, 1868, VI, doc. CXXXII, p. 321 – 322)³⁸⁹. Джованни Пиччинино, один из капитанов наёмников, прибывший из Генуи в 1455 г., 6 сентября писал протекторам Банка, что вынужден был заниматься восстановлением рва и защитного вала, которые он застал пришедшими в полную негодность (*Atti*, 1868, VI, doc. CXXXII, p. 310 – 311). Консул Солдайи Карло Чигала, прибыв в факторию 6 мая 1455 г., сразу отправился осматривать состояние крепостных

³⁸⁹Примерно определить предполагаемый объём первоочередных работ позволяют следующие расчёты. Если высококвалифицированный ремесленник (плотник и каменщик) получал от коммуны за свою работу в месяц 1 соммо, то для приведения в порядок фортификационных сооружений Каффы необходимо было нанять на три месяца 200 рабочих-каменщиков и плотников.

стен, а также необходимых запасов продовольствия и вооружения, хранящихся в башнях города (рис.173; 425-429). В своём отчёте он обращает внимание на то, что оба замка укреплены плохо, мерлоны на башнях и стенах в некоторых местах отчасти разрушены, а одна из башен крепостных стен вместе с частью самой стены обрушилась на протяжении 30 палмов³⁹⁰ (т. е. примерно на 8,22 м – В.М.) (*Atti*, 1868, VI, doc. CXIX, p. 303 – 305). В дальнейшем, совершенствование оборонительных сооружений крепостей и поддержание их в боеспособном состоянии, становится предметом особой заботы прибывающих в фактории официалов, о чём они регулярно сообщают протекторам Банка.

6.3. Малые города и замки Генуэзской Газарии (1453 – 1475 гг.)

По договору 1453 г. коммуна Генуи передавала (продавала) Банку Св.Георгия город Каффу, все большие и малые города, землю, большие и малые крепости и замки (*castella et fortilitia*) (*Atti*, 1868, VI, Doc.IV, №34, 1.19; *Данилова*, 1974, с.198). Но следует признать, что многие из упомянутых в итальянских источниках малые города и замки, а также некоторые поселения до настоящего времени остаются недостаточно хорошо исследованными (Партенит, Воспоро, Провато, Горзувита, Симеиз-Панеа и др.)³⁹¹. Место расположения некоторых поселений (Батиарум, Ле Фети, Ле Салине, Чиприко, Завида и др.) удалось локализовать предположительно (*Бочаров*, 2001, с.157-161).

6.3.1. Частная итальянская сеньория XV в. в Северном Причерноморье

Во второй половине XV в. новое звучание в источниках получает тема развития частной лигурийской сеньории в Причерноморье, которая до настоящего времени так и не вышла за рамки постановки проблемы (*Барабанов*, 1995, с. 28) несмотря на то, что ей за последние десятилетия уделялось внимание исследователей различных школ и направлений

³⁹⁰ 1 генуэзский палмо (диалектное *ragmo*) = 0,274 м (*Карпов*, 1990, с. 334).

³⁹¹ В последние годы С.Г.Бочаровым сделано много для детальной локализации более 40 населённых пунктов входивших в состав генуэзских владений на побережье Крыма от мыса Тарханкут на западе до крепости Воспоро на востоке (*Bocharov*, 2021).

(*Секиринский*, 1955, с. 37 – 41, 54; *Секиринский С.А., Секиринский Д.С.*, 1989, с. 9 – 16; *Никифоров*, 1995, с. 168 – 170). Причиной столь медленного поступательного её развития является некоторая односторонность подхода, связанная с попыткой осветить данную тему только посредством обращения к сведениям письменных источников. В этом случае она оказалась в значительной зависимости от их введения в научный оборот и характера интерпретации. Примером такого подхода в научном исследовании является история замка Иличе (Illice³⁹², Lerice), точное место расположения которого не установлено (*Брун*, 1854, с. 237 – 238; 1872, с. 1 – 5, 27; *Тодорова*, 1989, с. 174 – 175; *Andreescu*, 1997/ 98, р. 179 – 189; *Basso*, 1998, р.83–96) и определяется приблизительно в районе современного г. Цюрюпинска (*Барабанов*, 1995, с. 26). В настоящее время есть достаточно оснований для локализации Иличе на месте городища Днепровское-2 (*Руссев, Мельников*, 2006, с.493) (рис.271;272). Следует признать, что на сегодняшний день мы не обладаем какой-либо информацией, содержащей характеристику его фортификации и материальной культуры. Из разведочных археологических раскопок памятника (*Буйских, Івлев*, 1991, с.105-109, рис. на с.106)³⁹³ происходят красноглиняные поливные изделия второй половины XV в. (рис.272) и случайные находки монет (*Руссев, Мельников*, 2006, с.490-492). Кроме того, редкой археологической находкой в этом районе является прекрасной сохранности латинский меч с надписью конца XIV – начала XV в.³⁹⁴, обнаруженный в устье Днепра у места, где предположительно располагался замок (хранится в Херсонском областном краеведческом музее). Уставом 1449 г. генуэзским подданным, должностным или частным лицам запрещалось сооружать крепости, замки или валы без разрешения властей

³⁹² Название замка – Иличе (Illice), по-видимому, происходит от латинского illex = каменный дуб, желуди (ilice pasci) или ilicetum [illex] (дубовая роща), iliceus = дубовый. Это в свою очередь может указывать на его расположение не в самом устье, а несколько выше, где заросли ольхи сменяются дубовыми рощами.

³⁹³ А.В.Бураков ошибочно датировал поливные сосуды XIII в. и полагал, что они попали в Днепро-Бугский лиман из Херсонеса, где, вероятно, и производились (*Бураков*, 1991, с.109).

³⁹⁴ S(alvator). N(omin)e re(demptoris)... S(alvator). N(omin)e re(demptoris)... - «Спаситель. Во имя Искупителя... Спаситель. Во имя Искупителя...» (*Дрбоглав*, 1984, с. 117). Предлагаемая исследователем датировка – первая половина XIII в. – сомнительна.

Генуи (*Устав*, 1863, с. 752 – 753). Как уже отмечалось ранее, это положение основывалось на специальном декрете, принятом 31 августа 1441 г. В нём дож Генуи, Совет старейшин и Оффиция попечения Романии запрещали частным лицам строить, перестраивать и укреплять по своей инициативе какое-либо поселение, расположенное на побережье Чёрного моря. В самой метрополии данное запрещение действовало с 1363 г. (*Leges genueses*, 1901, Col. 369 – 370, Reg. 142 – 143). Например, 9 июля 1449 г. правительство Генуи отдаёт распоряжение подеста Перы не оказывать какое-либо содействие Джульяно ди Гизальди и Грегорио де Торрилья, вознамерившимся произвести перестройку замка Иличе, а самим сеньорам покинуть укрепление (*Iorga*, 1896, p. 59).

Среди генуэзских замков некоторое исключение, составляет укрепление Калиера (Кордон-Оба), известное по портоланам с конца XIII – XV вв. (*Caliera, Calitra*) (*Кеппен*, 1837, с. 101 – 103; *Кулаковский*, 1914, табл. II; *Барсамов*, 1929, с. 165 – 169; *Мыц*, 1991а, с. 153; *Бочаров*, 2017, с.47-98) (генуэзцы, по-видимому, смогли закрепиться здесь в 1365 г.). Руины этого замка расположены на вершине холма недалеко от Отузской бухты (н. Курортное) (рис.172,14). В 1927/28 гг. археологические раскопки на Кордон-Обе проводил Н.С.Барсамов (*Барсамов*, 1929,с.165-169). Им были открыты башня-донжон, церковь, жилые и хозяйственные помещения. Территория крепости по всему периметру ограждалась оборонительными стенами толщиной 1,2 м, сложенными из бута на известковом растворе. Размеры укрепления составляют 85 x 56 м (0,26 га). Храм (8,40 x 5, 10 м) находился в центре замка (рис.102,4). Стены церкви (толщиной 0,80 м) изнутри были оштукатурены известью и покрыты фресковой росписью. Прямоугольная башня-донжон размером 10,50 x 8,35 м (ширина стен 1,20 – 1,30 м) располагалась на южном участке обороны и занимала господствующее положение во всём комплексе строений крепости. Археологический материал, обнаруженный в ходе раскопок, датируется в широких пределах: XIII – XV вв. (*Барсамов*, 1929, с. 165 – 169). Результаты современного

исследования замка Калиера представлены в работе С.Г.Бочарова (*Бочаров*, 2017, с.47-98). Во второй половине XV в. некоторые итальянские сеньоры получают по договоренности (вероятно, в форме лицензий) от протекторов Банка земли, как в самих факториях, так и рядом с ними, где возводят новые или ремонтируют старые замки, устанавливая дополнительные налоги, подчиняя себе местное население. Так, например, поступили генуэзцы из родов Сенарега, Гваско, Марини, Спинола, и др. (*Брун*, 1879, с. 223; 1872, с. 1 – 5, 27; *Belgrano*, 1877, Doc. 139; *Jorga*, 1896, p. 59; *Balard*, 1978, p. 267; *Тодорова*, 1989, с. 174 – 175). Поэтому в источниках ничего не говорится о применении к ним каких-либо карательных мер (*репрессалий*) предусмотренных декретом от 31 августа 1441 г. и *Ordino Caffè* 1449 г. (как это было по отношению к Джульяно де Гизальди и Грегорио де Торрилья). Наоборот, консулы Каффы всегда выступают в защиту интересов владельцев этих замков. Правда, остаётся неясным, когда и на чьи средства были возведены эти укрепления (кроме Тасили, явно строившегося владельцами из рода Гваско).

Ситуация, в некоторой степени, проясняется в последнее время только относительно замка Иличе³⁹⁵ благодаря опубликованному О.Н.Барабановым источнику 1454 г., согласно которому он был построен (вернее всего восстановлен) частными лицами, а затем, в конечном итоге, выкуплен у владельцев коммуной Каффы (*Барабанов*, 1995, с. 20 – 36). При этом удаётся определить и примерную стоимость замка – 1680 соммов. Интересно отметить, что становление частной итальянской сеньории сопровождалось рядом конфликтных ситуаций, грозивших владельцам укреплений их потерей. Весьма показательна в этом отношении история того же Иличе (*Castrum Ilcis*, *Castello di Lerici*) (*Барабанов*, 1995, с. 20 – 36). К 1455 г. в качестве его управителей от имени коммуны Каффы или точнее Банка

³⁹⁵ В устье Днепра располагался также замок, владельцем которого являлся Меруальди Спинола (*Castrum Merualdi Spinila in partibus ilicis*) (*Atti*, 1879, VII/2, p. 248). Ф.Брун предположительно, основываясь на традиции местных преданий, помещал развалины генуэзского замка М.Спинола на правом берегу р. Днепр, выше Херсона у с. Тягинки (*Брун*, 1879, с. 223).

Св.Георгия выступают четыре брата Сенарега (*Heyd*, 1886, p. 397). Ими была налажена посредническая торговля людьми, попавшими в плен к татарам и содержащимся в замке в ожидании получения геноуэзцами выкупа (*Jorga*, 1898, p. 32 – 34; 1937, p. 116 – 117). За 14 пленных жителей Монкастро (Белгорода), находившихся в их замке, братья запросили чрезмерно большую сумму – 3400 дукатов обращавшихся в Монкастро (*Atti*, 1868, VI, doc. CXXI, p. 307; *Jorga*, 1895, p. 31 – 33), что в 50 раз превышало обычную цену (*Ćimprina*, 1973, p. 124; *Бырня, Руссев*, 1999, с. 221, 238). В ответ на это, в мае 1455 г., внезапным нападением Иличе был захвачен 60 жителями Монкастро, переодевшимися рыбаками. Акция, по-видимому, проводилась по согласованию с представителями городского управления (*Бырня, Руссев*, 1999, с. 221). В плен попали двое братьев – Григорий и Пьетро. Имущество владельцев крепости, оценённое в 10000 венецианских дукатов, было отправлено в Монкастро. Господарь Петр Арон (1451 – 1457), вняв просьбам Амброджио (одного из братьев Сенарега) (*Atti*, 1868, VI, doc. CXXI, p. 307 – 309), обратился к магистратам Монкастро с пожеланием возвратить замок и награбленное. Но данное обращение господаря осталось без внимания. Несмотря на все протесты консула Каффы и протекторов Банка Св.Георгия, ни замок, ни деньги не были возвращены, хотя братьев и выпустили на свободу (*Malowist*, 1947, s. 98, 168). Поэтому 12 июня 1455 г. из Каффы отправляется галера под командованием Григорио де Аллегро для того, чтобы силой вернуть замок, а на обратном пути доставить в город продовольствие. Однако карательная экспедиция потерпела неудачу и в начале сентября Аллегро докладывал, что замок укреплен от имени Петра воеводы и общины Монкастро, а они не хотят его возвращать (*Jorga*, 1937, p. 117; *Basso*, 1998, p. 83 – 96; *Andreescu*, 1997/98, p. 179 – 187). Таким образом, замок Иличе был окончательно потерян в 1455 г. как для его владельцев, так и для коммуны Каффы.

Ещё один геноуэзец – Илларио де Марини – приобрёл на берегу Азовского моря замок Батиариум (*Batiarium*) (*Брун*, 1879, с. 213; *Зевакин, Пенчко*, 1940,

с. 6; *Zevakin, Pencko*, 1969, p. 29). Во время его отсутствия владельцем крепости объявил себя командовавший (*praesidius*) крепостным гарнизоном Джованни Бозио (*Atti*, 1868, VI, doc. CL, p. 356). Марини пришлось обращаться за помощью к консулу Каффы. Для отвоевания замка в 1455 г. снарядили две галеры с двумя ротами стипендиариев. На одном корабле вспыхнул бунт и команда наёмников под предводительством Джакопо ди Капуи отправилась в Трапезунд, а солдаты другой роты, возглавляемой капитаном Антонио Джентиле де Корсика – вернули замок хозяину (*Atti*, 1868, VI, doc. CL, p. 356; *Волков*, 1872, с. 127 – 128; *Чиперис*, 1956, с. 67 – 79)³⁹⁶.

6.3.2. Замок Тасили (1459/60 – 1475 гг.)

Наиболее представительные материалы, как письменных свидетельств, так и археологических исследований имеются по истории замка Тасили, принадлежавших семейству Гваско³⁹⁷. В свое время Л.П.Колли справедливо локализовал его на месте развалин укрепления Чобан-Куле (*Колли*, 1905, с. 6, 16). При помощи археологических раскопок удалось подтвердить это предположение (*Мыц, Кирилко, Лысенко* и др., 1994, с. 200 – 207; *Мыц*, 2009, с. 245-289). В генуэзских источниках второй половины XV в. встречается, в основном, две формы названия замка: *Taxili, Tasili* (*Мыц*, 2009, с. 245, прим. 19). Памятник расположен в 5 км к западу от с. Морское (б. Капсихор)

³⁹⁶ Илларио де Марини возвращение замка обошлось в 16000 аспров (около 80 соммов), которые он внёс в массарию Каффы. На отвоевание *castrum Batiarii* вместе с Илларио отправилось 100 стипендиариев, возглавляемых, как уже отмечалось, капитаном Антонио Джентиле де Корсика (*Atti*, 1868, VI, p. 356).

³⁹⁷ Наиболее раннее упоминание представителей семейства ди Гваско (или да Гваско, как предлагала Е.Ч.Скржинская (*Скржинская*, 1971, с. 155, § 47), а С.А.Милицин – Гуаско (*Милицин*, 1955, с. 73) среди поселенцев Солдайи и Каффы относится к концу 70 – началу 80-х гг. XIV в. В массарии Каффы второй половины 1379 – начала 1381 гг. неоднократно фигурируют пять *de Goascho*: *Conrado, Vescunte, Christodor, Johann, Dimitrij*. Причём имя Коррадо отмечается дважды в связи с выполнением им функций посла коммуны. Так, например, Коррадо ди Гваско совместно с Джакопо ди Турре в конце 1380 г. направляются коммуной города в составе специальной миссии в Готию (*Пономарёв*, 2000, с. 394), а в ноябре 1381 г. тот же Коррадо и Христофоро делла Кроче были посланы магистратами Каффы в качестве послов в Орду (*Balard*, 1978, p. 457 – 458). В самой метрополии выходцев из рода Гваско встречаем с конца 30 – начала 40-х гг. XIV в. Наибольшую известность, благодаря своей успешной дипломатической карьере на службе коммуны Генуи, получил Энрико ди Гваско (*Spuler*, 1942, s. 99; *Balard*, 1978, p. 74 – 75), а среди участников Къёджской войны – Иснардо ди Гваско (*Balard*, 1978, p. 457 – 458). По всей видимости, Гваско (*Goascho*) получили своё прозвище (фамилию) по наименованию селения *Coasco*, располагавшемуся примерно в 75 км к юго-западу от Генуи и в 6 км к западу от *Albenga* (*Gourdin*, 1986, p. 564, fig. 39) (сведениями из массарии Каффы и знакомству с работой Ф.Гуандин автор обязан А.Л.Пономарёву, который любезно предоставил имеющуюся в его распоряжении информацию).

и занимает восточную оконечность мыса Агира³⁹⁸. В 1794 г. укрепление осмотрел П.С.Паллас. Составив довольно точное описание крепости, он считал её древним греческим замком (*Pallas*, 1801, s. 180). Кроме руин большой башни с арочным сводом, Паллас отмечает развалины внешней оборонительной стены, ещё одну небольшую и сильно разрушенную круглую башню, а за пределами укрепления – несколько гробниц (*Паллас*, 1881, с. 187 – 188; *Паллас*, 1999, с. 96). В 1821 г. на Чобан-Куле побывал Е.Е.Кёллер, определивший крепость как генуэзскую постройку. Сопровождавший Кёллера архитектор Е.Ф.Паскаль, сделал зарисовки вида башни, её схематичный план и план самого укрепления (*Кёллер*, 1872, с. 388, 391)³⁹⁹.

П.И.Кёппен датировал памятник послеюстиниановским временем и связывал его со строительной деятельностью византийских греков. В «Крымском сборнике» он опубликовал выполненный им набросок плана замка (*Кёппен*, 1837, с. 138 – 140), а в «Карте Южного Крыма», приводит известные в то время названия крепости: Чобан-Кале, Чобан-Куле, Чобан-Хуле (т. е. – Пастушеская крепость или Пастушеская башня) (*Кёппен*, 1836, с. 65). Н.Н.Мурзакевич, наоборот, в примечании к работе П.С.Палласа, высказал мнение, что данное укрепление с уверенностью можно причислить к постройке императора Юстиниана I (527 – 565) (*Паллас*, 1881, с. 187, прим. 119). В 1889 г. руины замка обследовал А.Л.Бертъе-Делагард. Им были выполнены съёмка плана городища, обмер и реконструкция башни-донжона, которая, по его мнению, была трехэтажной с открытой боевой площадкой наверху (*Бертъе-Делагард*, 1889, л. 53). Н.И.Репников полагал, что на этом месте в позднеантичное время должно было находиться римское укрепление, входившее в Таврический лимес (*Репников*, 1941, с. 124). Насколько

³⁹⁸ Агира – по-видимому, от агарки или агара. По мнению Г.А.Капанцяна (*Капанцяна*, 1975, с. 2) первоначальное значение агеа – земля. Слово заимствовано из шумерского агар – мера обработанной земли, откуда оно попало в греко-римский мир, т.к. греч. *αγρος* – земля, поле, латин. *ager* – поле, пашня, земля, деревня, село, суша, долина, равнина. В тюркской топонимии встречается в форме эгерек (*Мурзаев*, 1984, с. 37).

³⁹⁹ Рисунки экспедиции академика Кёллера не найдены до настоящего времени.

известно, ни один из археологов, проводивших обследование Чобан-Куле в последние десятилетия, не отмечал наличие на руинах памятника археологического материала I – III вв. н. э. Не обнаружен он и при наших раскопках 1992/93 гг. (*Мыц, Кирилко, Лысенко* и др., 1994, с. 200 – 207). Экспедицией ГАИМКа совместно с Военно-инженерной Академией в 1935 г. (руководитель В.Н.Данилевский) проводилось обследование крепостных сооружений Феодосии, Судака, Арабата, Балаклавы, Гераклеяского п-ва, Херсонеса, Эски-Кермена и Мангупа. Работы этой экспедиции на Чобан-Куле ограничились фотофиксацией руин замка и общими обмерами (*Селиванов*, 1937, с. 226).

Первые археологические раскопки в данном районе были проведены в 50-е годы: в 1952 – 1954 гг. В.П.Бабенчиков и А.Л.Якобсон исследовали к востоку от Чобан-Куле (на левом берегу р. Чобан-Куле-Узень) гончарный центр IX – X вв. (*Якобсон*, 1979, с. 39 – 48). Впоследствии эти работы продолжались с некоторыми перерывами до 1989 г., но не затронули самого укрепления (*Якобсон*, 1970, с. 279 – 281; *Смекалова, Мыц*, 1997, с. 151 – 152, рис. 7). Таким образом, до начала 90-х гг. XX в., памятник оставался археологически не изученным, хотя довольно часто посещался различными исследователями (*Е.Ч.Скржинской, Т.А.Тихановой, А.Л.Якобсоном, О.И.Домбровским, М.А.Фронджуло* и др.). Все они ограничивались визуальным обследованием и самыми общими замечаниями относительно времени построения крепости и её архитектурных особенностей. Например, А.Л.Якобсон считал, что рядом с башней-донжоном располагался дворец (*Якобсон*, 1964, с. 118 – 119). М.А.Фронджуло полностью поддержал данное предположение, хотя для этого не было каких-либо оснований (*Фронджуло*, 1975, с. 484). С.А.Секиринский отнёс время постройки замка к XIV – XV вв. и на основании письменных источников связывал последний этап его существования с деятельностью генуэзцев – братьев из рода Гваско⁴⁰⁰

⁴⁰⁰ При этом исследователь обошёл молчанием работу Л.П.Колли, который одним из первых связывал Чобан-Куле с *Tasili* латинских источников XV в., полагая при этом, что семейство Гваско (Гуаско) владело

(*Секиринский*, 1955, с. 66, 86, 89 – 91). Архитектурные обмеры донжона выполнены в 1970 г. В.Н.Борисовым, но впоследствии эти работы не были продолжены (*Борисов*, 1970, с. 2 – 43). В некоторой степени имеющийся информационный пробел в знании истории материальной культуры и архитектонике памятника удалось устранить в ходе археологического исследования, предпринятого в 1992/93 гг. (*Мыц, Кирилко* и др., 1994, с. 200 – 207; *Мыц*, 2009, с.245-288)⁴⁰¹.

Укрепление располагалось на холме, вытянувшемся с востока на запад (рис.273-278). Восточный и северный склоны относительно пологие, а западный и южный – обрывистые, спускаются прямо к морю. С северо--запада, севера и востока доступ на вершину прикрывали оборонительные стены, сложенные из бута на глине и известковом растворе. Они отгораживали территорию размером 210 x 50 м площадью 0,68 га. Общая протяженность восточной линии обороны около 230 м (рис.274). Замок состоял из квадратного в плане укрепленного ядра с донжоном и примыкающего к нему с востока, ограждённого стеной хозяйственного двора (рис.274). За пределами крепости (на северо-восточном склоне возвышенности), располагалось поселение и церковь с некрополем (рис.310-316). Крепостная площадка, ограниченная с юго-запада скальными обрывами, возвышается над уровнем моря на 85 м. Донжон – наиболее монументальное строение среди фортификационных сооружений замка (рис.274-278). Он представляет собой многоярусную эллипсоидную в плане башню размером 12,70 x 14,10 м. Частично сохранились два надземных и цокольный этаж здания. Современная высота его руин достигает 8 – 9 м, что составляет примерно 45% первоначального объёма постройки (полная высота подобных башен обычно достигала 22 – 23 м). Внутреннее

данными землями задолго до 1431 г. (*Колли*, 1905, с. 6, 15, 16). Этому же мнению (замок Тасили = Чобан-Куле – принадлежал семейству Гваско) придерживались Е.Ч.Скржинская (*Skrzinska*, 1928, р. 24) и Л.А.Маджиоротти (*Maggiorotti*, 1933, р. 296).

⁴⁰¹ Более подробно материалы архитектурно-археологического исследования памятника представлены в статье, подготовленной автором совместно с В.П.Кирилко (*Кирилко, Мыц*, 2004, с.205-245).

пространство имеет в плане яйцевидную форму, вытянутую по оси запад – восток. Его размеры: длина – 6,83 м, ширина – 5,85 м. Толщина стен донжона колеблется в пределах от 1,8 (со стороны моря) до 4,3 м (с напольной стороны). В кладке стен хорошо сохранились деревянные брусы сантрачной системы. Цокольный этаж строения разделён перегородкой на два объёма – резервуар для воды и, как показали раскопки, хозяйственное помещение, перекрывавшиеся коробовыми сводами. Техническим, видимо, был и первый надземный этаж, в кладке которого имелся только один вентиляционный проём, обращённый в сторону моря. На втором этаже сохранилась каминная ниша, один из откосов входа в башню, амбразура и канализационное отверстие. В юго-восточной части стены устроена лестница, выходившая на третий этаж. Амбразура в плане имеет форму трапеции с шириной наибольшего основания 1,90 м, а меньшего – 0,42 м. Высота камеры 2,20 – 2,30 м. Междуетажные перекрытия были деревянными; последний этаж, судя по гравюре 30-х гг. XIX в. художника Ф.Гросса и обмерам А.Л.Бертье-Делагарда (1889 г.), завершался куполом. До начала исследований вся территория замка (за исключением отдельных выходов кладок) была либо затянута дёрном, либо перекрыта каменным завалом, образовавшимся вследствие разрушения стен донжона. Их подстилали многочисленные прослойки деллювия глинистых сланцев, которые залежали непосредственно на материке. Мощность культурного слоя памятника составляла 0,05 – 6 м. Раскопками северо-восточной линии обороны крепости полностью исследованы две башни и частично, в пределах расчищенных участков, примыкающие к ним куртины (рис.279). Восточная башня (№1) – круглая, угловая (рис.280-281; 284-296). Её размеры: внешние – 3,7 м, внутренние – 2 – 2,1 м, ширина стен – 0,77 – 0,8 м. За линию куртин башня выступает на 1,9 м. Руины строения сохранились на высоту до 3 м. Пол ровный, с небольшим наклоном к северу. По отношению к уровню дневной поверхности с напольной стороны он заглублен на 1,03 м. Стены поставлены непосредственно на поверхность пола. Котлован под башню вырублен в

глинистых сланцах материка точно по внешнему абрису здания и только у юго-восточного фасада он выступает наружу на 0,1 – 0,2 м. С северо-западной стороны башня имеет бойницу подножного боя (рис.296). Она направлена вдоль куртины с отклонением к северо-востоку от линии крепостной стены на 15° . Ширина бойницы со стороны помещения – 1,35 м, в свету она уменьшается до 0,05 – 0,07 м. Её откосы сходятся под углом 60° . Низ бойницы ровный, выложен плоским камнем, находится в 1,03 м от пола. Верх был перекрыт аркой в виде усечённого конуса, сложенной из тонких плит песчаника. На высоте 0,82 м от низа камеры сохранились пяточные части конструкции. Характерной особенностью бойницы является наличие двух, расположенных по вертикали, прямоугольных отверстий. Их размеры на просвет: верхнего – 0,27 x 0,05 – 0,07 м; нижнего – 0,24 x 0,24 м. Щелевидное отверстие от низа бойницы отстоит на 0,45 м, квадратное – находится на одном уровне с дневной поверхностью с напольной стороны башни (рис.296). Между собой они разделены цельным блоком песчаника размером 0,19 x 0,25 x 0,55 м. Куртины примыкают к башне с северо-запада и юго-запада, образуя между собой угол в 94° . Лучше сохранилась северо-восточная крепостная стена (рис.279). Её длина: по фасаду 25,77 м, с тыла – 26,5 м. В плане куртина имеет слегка дуговидные очертания, выступая наружу по отношению к хорде на 0,15 м. Толщина стены – 1,25 – 1,30 м, у основания она увеличивается до 1,50 м. Кладка сохранилась на высоту до 3,7 м. Уровни дневной поверхности с внутренней и напольной стороны куртины образуют существенный перепад, составляющий: у башни №1 – 1,30 м, в центральной части стены – около 3,50 м, у башни №2 – 2,7 м. При её возведении склон был вертикально срезан и сnivelирован, а на образовавшуюся площадку вплотную к откосу была поставлена крепостная стена. Пустоты между кладкой и бортом котлована, ширина которых достигает 0,15 – 0,25 м, заполнены сланцевым щебнем. Глубина залегания фундаментов не исследовалась, но, судя по остальным куртинам, их подошва находится, предположительно, на одном уровне с низом кладок башен. Утол-

щение стены в нижней части происходит несколькими уступами, обращенными к откосу. Подобную структуру и технические характеристики имеет также юго-восточная крепостная стена (рис.284; 294). Её кладка велась в строительную траншею общую с котлованом башни, но без нивелирующей подрезки склона с внешней стороны. Лучше всего куртина сохранилась на небольшом отрезке длиной до 1,10 м в месте примыкания к башне. На этом участке остатки стены над дневной поверхностью возвышаются на 1,0 – 1,25 м. Далее, у борта раскопа, прослеживается только кладка фундамента. Толщина куртины – 1,50 м. Крепостные стены и башня сложены из разномерного околотога камня на известковом растворе и между собой перевязаны. Кладка двухлицевая с забутовкой, велась рядами высотой около 0,55 – 0,58 м. Для выравнивания последних использовались тонкие плитки песчаника (изредка – обломки красноглиняной плинфы толщиной 2,5 – 3,5 см). На отдельных участках лицевой поверхности кладки сохранилась тщательная расшивка швов под мастерок. С северо-востока к башне №1 без перевязки примыкает ещё одна стена (рис.287;291). По отношению к линии северо-восточной куртины она размещена под углом 78°. Её кладка сложена из разномерного околотога камня на глине. Толщина этой стены – 1,40 – 1,65 м. Порядовка выражена слабо. Кладка двухлицевая с забутовкой, велась в траншею. Стена сохранилась на высоту до 2,20 м на небольшом участке длиной 14 м у башни №1. Ниже по склону она почти полностью разрушена и прослеживается только по развалу камня, который достигает 5 м в ширину. В 20 м от башни стена под углом 120° поворачивает на восток и следует по направлению к скальному обрыву.

Характер и мощность культурных отложений на различных участках раскопок замка несколько отличается. С внутренней стороны крепостных стен их толщина составляет 0,25 – 2,50 м (рис.280-283). Непосредственно под дёрном залегал слой деструктированного известкового раствора и разномерного камня. Завал образовался вследствие частичного разрушения донжона. Его максимальная толщина отмечена у северо-западного борта

раскопа, где она составляет 0,07 – 0,15 м, а по направлению к башне №1 сходит на нет. Ниже следовал мощный слой делювиальных отложений. Прослежено 36 напластований толщиной 0,02 – 0,40 м, большей частью серого или светло-серого цветов. Находки в делювиальных отложениях редки и большей частью невыразительны. Они достаточно однородны и, как правило, в тех случаях, когда могут быть определены, не выходят за пределы XV в. Исключение составляют единичные фрагменты красноглиняных сосудов IX – X вв. и фрагмент стенки кашинной чаши XIV в. с двусторонним покрытием глазурью оливкового цвета. Среди находок керамических изделий преобладают обломки поливных чаш XV в., как монохромных, неорнаментированных (рис.297,13, 15-18), так и декорированных в технике «сграффито» с подглазурной подцветкой рисунка зелёным и коричневым красителями (рис.297,1,3-5,8-14), достаточно традиционных для столовой посуды этого времени. Более многочисленны и разнообразны находки предметов вооружения. В делювиальных отложениях раскопа найдены два круглых каменных ядра. Одно из них имело плоскую опорную площадку и, видимо, предназначалось для баллисты (рис.298,2). Его размеры: диаметр – 8,4 см, высота – 7,6 см. Ядро изготовлено из известняка. Поверхность изделия небрежно околота, неровная. Второе ядро имеет форму шара диаметром 7,9 см и, по-видимому, могло применяться для стрельбы из небольшой бомбарды (рис.298,1). Оно изготовлено из крупнозернистого песчаника. Обработка поверхности тщательная, выполнена путем мелкой околки. Интересная находка была сделана при расчистке кладки юго-восточной куртины. Между камнями забутовки, в нише, образовавшейся вследствие вывала камня, обнаружено скопление железных предметов. Здесь найдено пять пластин от доспеха (рис.299,15,16,17,22,23) и девять наконечников от арбалетных болтов (рис.299,1-13). Наконечники лежали на пластинах без какой-либо определённой системы, втулками и головками в разные стороны. Изделия сильно повреждены коррозией. На поверхности одной из пластин (рис.299,15) отпечатались волокна ткани, на которой она крепилась, а на

краях втулок и шейках наконечников отмечены точечные следы окислов меди. Все арбалетные наконечники однотипные, с длинной усеченно-конической втулкой и маленьким пирамидальным острием. Головки трехгранные с большим углом (90°) заточки, составляют примерно 1/7 часть общей длины изделия. Размеры наконечников: длина – 6,8 – 7,7 см; диаметр втулок – 1,3 – 1,7 см; толщина их стенок – около 0,1 см; ширина граней головок – 0,9 – 1,1 см. Арбалетные наконечники этого типа хорошо известны как в Крыму (Каффа, Сугдея, Чембало, Фуна, Алушта, Феодоро и др.), так и за его пределами (Тана, Монкастро) на памятниках, принадлежавших латинянам (генуэзцам и венецианцам), либо находящихся под влиянием традиций западноевропейского военного дела, где они, как правило, датируются XIV – XV вв. (*Мыц*, 1988, с. 105 – 106; *Волков*, 1991, с. 175 – 176, рис. 3,4; *Сёмин*, 2000, с. 20; *Адаксина, Кирилко, Мыц*, 2003, с. 11 – 12, 65 – 66, 71 – 73, 75, рис. 83 – 85). С напольной стороны северо-восточной крепостной стены мощность культурных наслоений составляла 0,55 – 0,7 м. Непосредственно под дёрном залегал слой деструктированного известкового раствора и разномерного камня. Завал образовался в результате частичного разрушения куртины и башен. Его максимальная толщина отмечена у стен. Здесь она достигает 0,50 м. и вниз по склону, сходит на нет. Завал перекрывал тонкую (до 0,14 м) прослойку рыхлого бурого грунта с известковой крошкой, который залегал непосредственно на поверхности материка.

Близкую структуру имело и заполнение внутреннего пространства башни № 1 (рис.280). Его мощность – 1,80 – 2,10 м. Слой состоял из деструктированного известкового раствора, делювия глинистых сланцев, разномерного бутового камня. Находки внутри башни были редки и, большей частью, невыразительны: мелкие обломки плинфы, разрозненные фрагменты стенок кухонной и столовой посуды, кости домашних животных. Из всех этих находок можно выделить лишь донную часть красноглиняной поливной чаши XV в., лицевая поверхность которой покрыта светло-зелёной

прозрачной глазурью (рис.298,17). Каменный завал внутри башни перекрывал тонкую, толщиной 0,05 – 0,07 м, прослойку жёлтой глины, залегающую непосредственно на материке. На её поверхности, а также в нижней части слоя разрушения, обнаружено 30 морских окатышей размером от 0,10 x 0,07 до 0,20 x 0,15 м, вероятно, использовавшихся в качестве метательных снарядов. При расчистке глинистого слоя найдены отдельные фрагменты красноглиняной поливной посуды XV в. – это донные части двух блюд и чаши (рис.298,5,14) на кольцевом поддоне с орнаментом выполненным в технике «сграффито» и с подглазурной подцветкой рисунка зеленой и коричневой красками. Аналогичный фрагмент поливной чаши найден в делювии с внутренней стороны крепостных стен (рис.298,9). Находки железных предметов (в основном плохой сохранности) немногочисленны: обломок прямоугольного в сечении стержня, фрагмент полукруглой пластины с отогнутым вовнутрь краем, прямоугольная дуговидно выгнутая в продольном направлении пластина размером 5,3 x 6,5 x 0,3 см, три арбалетных наконечника (рис.299,1-3). Все наконечники втульчатые с трехгранными пирамидальными головками.

Структура и состав культурного слоя у башни №1, в целом, характерны для всего укрепления и, за небольшими исключениями, определёнными, главным образом, топографическими особенностями крепостной площадки, подобная стратиграфическая картина наблюдается также и на остальных исследованных участках (рис.281--283). Примером тому могут служить раскопки второй угловой башни и примыкающих к ней сооружений.

Северная башня (№2) – круглая, угловая (рис.279; 281; 300-308). Её размеры: внешние – 3,75 – 3,70 м, внутренние – 2,10 – 2,20 м, толщина стен – 0,78 – 0,80 м. За линию северо-восточной и северо-западной куртин башня выступает соответственно на 1,95 и 2,10 м. Руины юго-западной части строения сохранились на высоту 3,25 м, при этом остатки кладки северо-восточной половины башни почти до основания были срезаны при террасировании склона. Пол башни относительно ровный, с небольшим

наклоном к юго-востоку. По отношению к уровню дневной поверхности с напольной стороны он заглублен на 1,20 м. Стены строения поставлены непосредственно на поверхность пола. Котлован под башню вырублен в материковых глинистых сланцах точно по абрису здания и только в некоторых местах (у северного фасада) он выступает наружу на 0,05 – 0,20 м. Башня имела две бойницы подножного боя. Лучше сохранилась бойница с юго-западной стороны строения. Она направлена вдоль куртины с отклонением к северо-западу от линии крепостной стены на 5° . Ширина бойницы со стороны помещения – 1,45 м. В свету она уменьшается до 0,05 м. Её откосы сходятся под углом 61° . Низ бойницы ровный, выложен плоским камнем, находится на высоте 1,21 м от уровня пола башни. Верх камеры перекрыт аркой в виде усечённого конуса, сложенной из тонких плит песчаника. Конструкция сохранилась почти полностью (рис.300; 303). Плиты арки находились в 0,82 м от основания амбразуры. Внутренняя высота камеры составляет 1,08 м. Характерной особенностью бойницы является наличие с внешней стороны двух расположенных по вертикали на одной оси, прямоугольных отверстий. Их размеры на просвет: верхнего – 0,25 x 0,05 м; нижнего – 0,18 x 0,21 м. Верхнее отверстие щелевидное с внутренним растробом. Его откосы сходятся под углом 84° . Вторая бойница находилась с юго-восточной стороны здания. Она направлена вдоль куртины с отклонением к северо-востоку от линии крепостной стены на 7° . Этот фортификационный элемент аналогичен рассмотренным выше бойницам башен № 1 и 2, но сохранился значительно хуже (рис.306). Ширина бойницы со стороны помещения – 1,57 м. Откосы камеры сходятся под углом 61° . Низ бойницы ровный, вымощен плоским камнем, расположен в 1,19 м от пола. Высота стенок до пят перекрытия – 0,83 м. Нижнее отверстие возвышается над дневной поверхностью с напольной стороны на 0,03 м. Куртины примыкают к башне с юго-востока и юго-запада, образуя между собой угол 96° . Неожиданные результаты были получены при раскопках северо-западной оборонительной линии. Крепостная стена прослежена в нескольких

местах и чётко фиксируется только на примыкающем к башне №2 отрезке длиной 13 м (рис.309). Далее к юго-западу она уходит за пределы раскопа, но уже в 18,5 м от башни, в заложенном по линии стены шурфе, выявлена только траншея под её фундамент шириной 2,46 м без каких-либо признаков кладки. Над дневной поверхностью, внутри крепости, остатки северо-западной стены возвышаются на 0,40 – 0,50 м. С внешней стороны, у башни (за счёт особенностей рельефа) их высота достигает 2,20 м. Толщина куртины – 1,40 м, в основании она увеличивается до 1,60 м. Крепостные стены и башня сложены из разномерного околотога камня на известковом растворе и между собой перевязаны. Кладка двухлицевая с забутовкой, велась рядами высотой около 0,50 – 0,55 м. И на данном участке раскопок не выявлено сколько-нибудь чётко выраженных жилых горизонтов, в равной степени, как и отложений, которые можно было бы связать с разрушением северо-западной куртины. Никаких следов разборки кладки не отмечено также и при расчистке делювиальных наслоений, заполнивших траншею в конце оборонительной линии. Всё это позволяет утверждать, что возведение крепостной стены на данном участке, несмотря на основательные по объёму и качеству работы нулевого цикла, остались незавершёнными. Аналогичная ситуация, видимо, имела место и на юго-восточном фланге укрепления. Возвращаясь к рассмотрению его остатков, можно предположить, что обрыв стены у башни №1 вряд ли связан с преднамеренной разборкой или разрушением, следов которых не отмечено в стратиграфии раскопа, а представлял собой выпуск камней под последующую перевязку кладок. Следовательно, к началу кампании 1475 г. замок Тасили, очевидно, за исключением куртины и двух угловых башен, обращённых в напольную сторону, оставался недостроенным. В отличие от оборонительных сооружений внешнего периметра и, предположительно, ограды укреплённого двора донжон был возведён полностью. При разборке слоя разрушения у его стен найдены многочисленные обломки наборных кронштейнов, использование которых характерно для устройства машикули, венчавших

многие генуэзские постройки Крыма (*Мыц*, 1991а, с. 56 – 59). К тому же, в одном из них, под углом 45° к лицевой поверхности застрял железный наконечник турецкой стрелы (*Рувев*, 2014, с.39-56, рис. на с.47-51).

С конструкцией машикули, мерлонов и купола верхнего этажа донжона, по-видимому, связано использование плинфы, фрагменты которой, в том числе обломки одной почти целой, найдены в слое разрушения этой постройки. Плинфа прямоугольная, с неровно заглаженной поверхностью граней. Её размеры – 23,5 x 16,5 x 2,5 – 3 см. Из такой же плинфы был выложен стрельчатый купол верхнего этажа Чоргунской башни (XV в.), а также сводчатое перекрытие резервуара в замке Св. Николая крепости Чембало (возведен, как уже отмечалось ранее, во второй половине 80-х гг. XIV в.).

Небольшие по объёму раскопки проведены внутри донжона. Толщина культурного слоя составляла 1,80 м (рис.278, 2). Сверху залегал деструктурированный известковый раствор и разномерный бутовый камень, при выборке которых отмечено несколько больших обломков кладки сводчатого перекрытия помещения. Мощность завала колеблется в пределах 1,10 – 1,70 м. В нём найден фрагмент круглого известнякового ядра диаметром 8 см (рис.298,4). Ниже залегал слой (0,10 – 0,20 м) рыхлого коричневого грунта с включениями известковой крошки, органических остатков, древесины, покрывавший скальную поверхность пола. Здесь найден фрагмент красноглиняного поливного блюда XV в., а на уровне пола – бронзовая монета, не определённая из-за плохой сохранности. Из заполнения строительной траншеи происходит фрагмент кожанного ремня, украшенного серебряными накладками в виде полусфер с полями. Бляхи крепились к ремню парой железных заклепок, пропущенных через поля (рис.278,12).

Раскопками внутри донжона уточнены отдельные параметры и конструктивные особенности северо-восточного помещения цокольного этажа башни. Оно было перекрыто коробовым сводом. Его размеры у северо-

западной, щековой, стены: пролёт – 2,34 м, стрела подъема 1,10 м. Ширина в центральной части перекрываемого пространства равна 2,92 м. Пяты свода находились в 1,60 м от уровня пола. Высота помещения составляла около 2,70 м, его длина 5,65 м. Вход в подвал имел вид прямоугольного люка в перекрытии у юго-восточной стены.

Раскопки Тасили 1992/93 гг., учитывая их незавершенность и недостроенность замка, дают возможность составить представление о предполагаемом военно-инженерном решении укрепления и отдельных технических характеристиках его сооружений. Почти прямые углы между куртинами и расположение донжона на их биссектрисах, свидетельствуют о геометрически чётком строении плана крепостного полигона (рис.274). Его реконструируемые очертания близки правильному четырехугольнику (квадрату) размером около 29 x 29 м. (примерно 100 x 100 римских футов). Укрепление Тасили не имеет аналогов в средневековой фортификации Крыма. Военно-инженерное решение замка – прямоугольный план с круглыми башнями на углах и донжоном в центре – одно из основных в европейском крепостном строительстве XV – XVI вв. и связано уже с применением огнестрельного оружия. Развитие артиллерии существенно изменило тактику осады и штурма укреплений, что, в свою очередь, со временем сказалось и на их фортификации (*Рапопорт*, 1961, с. 169 – 183; *Косточкин*, 1962, с. 158 – 184; *Дерокко*, 1950, с. 152 – 153, рис. 154, 161, 162, 170). Если камнеметы в основном сбивали зубцы и повреждали парапет, лишая защитников прикрытия, тем самым, подавляя стрелковую оборону, то использование пушек было нацелено на разрушение стен, бреши в которых открывали нападающим доступ внутрь крепости.

Период огнестрельной эпохи наступает в Крыму во второй половине XV в. В это время начинается перестройка некоторых крепостей с целью приспособить их к условиям применения огнестрельного оружия, хотя первое использование пушек при осаде укрепления относится ещё к 30-м гг. XV в. (штурм Чембало экспедиционными войсками Карло Ломеллини в 1434

г.). В данном случае (для Крыма) можно говорить о некотором запаздывании преобразований фортификации по отношению к развитию новой тактики штурма крепостей⁴⁰². С конца XIV в. наблюдается общий процесс усиления мощи укреплений, который продолжался и в дальнейшем. Возрастает толщина куртин и башен, сооружаются бойницы подошвенного боя и бойницы с нишами, увеличивается количество башен со стороны возможного (ожидаемого) штурма, а их устройство обеспечивает веерный прострел всего пространства перед стенами, совершенствуется система защиты входов (сооружаются барбаканы и захабы, рвы укрепляются каменной облицовкой) (Мыц, 1991а, с. 81). Наряду с утолщением куртин достаточно надёжным противодействием огневой мощи артиллерии стало придание массивности основанию оборонительных сооружений. Оно достигалось различными способами: возведением каменных прикладок, устройством талуса, насыпкой валганга, заполнением внутреннего пространства нижнего яруса зданий грунтом либо бутом. Своеобразно решили эту задачу строители Тасили. Возведению стен здесь предшествовала вертикальная планировка крепостной площадки, которая позволила превратить нижнюю часть куртин, составлявшую 1/4 всей высоты конструкции, в монолит – облицованную кладкой скалу. При этом напольная сторона стен донжона увеличена до 4,26 м, что соответствует 5 пикко Каффы (1 пикко = 0,852 м). Геометрическая четкость форм, отмеченная в разбивке плана, несомненно, присутствовала и при построении пространственной структуры укрепления. Замкнутость и малые размеры крепостного полигона, а также потенциальная возможность ведения противником прицельной стрельбы по тыльной стороне боевого хода стен, предполагают единый уровень обороны для всех куртин. Общий горизонт настенного хода гарантировал защитникам возможность беспрепятственного передвижения по всему периметру крепости, что, при

⁴⁰²Единственное исключение, фиксирующее ранний этап огнестрельной фортификации в Крыму, представляет организация обороны Каффы, в которой уже в 80-е гг. XIV в. используются барбаканы, ров, протейхизма, амбразуры подножного боя и т.д. (Бочаров, 1998, с. 89 – 96, рис. 1,7-17).

необходимости, создавало благоприятные условия для быстрого реагирования на любые изменения ситуации во время боя и сосредоточение огня в требуемом направлении. С этого уровня, видимо, осуществлялось и сообщение с донжоном, на втором этаже которого сохранились остатки откоса входного проёма (рис.278,1). Подобное конструктивное решение, обуславливаемое требованиями безопасности и функциональными особенностями жилых башен, в Крыму известно на двух близких по времени генуэзских строениях: донжоне верхнего замка Чембало (1467 г.?) (*Мыц*, 1991а, с. 139) и консульском замке Св. Ильи Солдайи (*Лопушинская*, 1991, с. 79, рис. 58). Если наше предположение и расчёты верны, то высота обороны крепостных стен с напольной стороны могла составлять 11,0 – 11,50 м (11 м = 19 браччо Генуи или 13 пикко Каффы; 11,50 м = 13,5 пикко Каффы). Поскольку для фортификации времени применения огнестрельной артиллерии характерно выравнивание верха оборонительных рубежей, видимо, на этом уровне находились и площадки угловых башен, тем более, что дальнейшее их увеличение в высоту вряд ли было конструктивно возможно и целесообразно из-за необъяснимо малой толщины стен. Хотя строители крепости умело использовали защитные свойства местности, фортификационные особенности рельефа явно отступают на второй план при построении геометрически правильных очертаний крепостного полигона.

О защитных качествах замка достаточно наглядно свидетельствует не только мощность стен донжона, но и бойницы подножного боя угловых башен. Они находились в нижнем ярусе строений и были предназначены для фланкирования пространства у основания куртин. Все три сохранившиеся до наших дней бойницы однотипные. Как уже отмечалось, их характерной особенностью является устройство с напольной стороны двух расположенных по вертикали отверстий. Бойницы данного типа в фортификации Крыма явление редкое. Вероятно, этим можно объяснить то, что аналогичные сооружения Судакской крепости её исследователем И.А.Барановым определены как водостоки в основании стен барбакана и

датированы третьей четвертью XVII в. (Баранов, 1988, с. 94, рис. 13,Г; 1989, рис. 3,24). Судя по найденным при раскопках внутри барбакана остаткам желобов, некоторые из указанных сооружений (на позднем этапе их существования) действительно могли использоваться для отвода ливневых потоков. Однако, последние два с парными отверстиями и сточными колодцами расположенными перед камерой, скорее всего, имели боевое назначение. В связи с этим, вероятно, не стоит недооценивать предположение Е.И.Лопушинской, видевшей в данных сооружениях огнестрельные бойницы подошвенного боя, датируемые ею 1414 г. Аналогичная бойница, по её мнению, в начале XV в. была устроена и в куртине между башнями Безымянной №4 и Паскуале Джудиче (Лопушинская, 1991, с. 11 – 13, 39, рис. 3,4).

Согласно De ordine Soldaie 1449 г. внешние ворота предместий (*hostium burgorum exterius porterii* – вероятно, имеется в виду барбакан, расположенный перед главными воротами города) охраняли двое караульных, получавших по 75 аспров в месяц (Устав, 1863, с. 772). В связи с этим свидетельством кажется странным утверждение И.А.Баранова, что барбакан Сугдеи был построен не ранее турецкого времени (XVI – XVIII вв.) (Баранов, 1988, с. 90–93, рис. 3,13, 14). Следует также обратить внимание на открытую Е.А.Айбабиной при исследовании южного участка обороны Каффы стрелковую позицию, имеющую в плане форму трапеции (Айбабина, 1988, с. 74, рис. 2, 6; 8), с амбразурой подножного боя прикрытой с внешней стороны монолитной известняковой плитой с двумя, расположенными по вертикали, круглыми отверстиями.

Бойницам подножного боя башен Тасили, Каффы и судакского барбакана, типологически наиболее близкими являются бойницы для одного из первых образцов ручного огнестрельного оружия сарбаканы (*sarbatana*), получившей повсеместное распространение в западноевропейской средневековой фортификации. Отличительной особенностью этих сооружений были усложнённые очертания боевых отверстий в свету, форма которых

определялась двумя основными элементами – собственно бойницей, как правило, круглой, и примыкающей к ней крестообразной либо щелевидной прорезью для прицеливания (*Maggiorotti*, 1933, p. 13, fig. 19). Последняя могла находиться сверху, одновременно сверху и снизу, по бокам, между двумя стрельницами. Известны также случаи отдельного устройства бойницы и прицела, вследствие чего сооружение с напольной стороны приобретало вид двух, расположенных по вертикали, отверстий. Причины подобной дифференциации не определены, но, учитывая малую интенсивность боя первых образцов огнестрельного оружия, данное конструктивное решение делало бойницу более универсальной, позволяя при необходимости использовать прицел для стрельбы из лука и арбалета, а также метания специальных дротиков (*clavurina*), использовавшихся не только в военных, но и в охотничьих целях (*Balletto*, 1976, p. 219 – 223). Возможно, решение тех же задач намеревались осуществить и строители замка Тасили. Применялось ли реально её защитниками ручное (индивидуальное) огнестрельное оружие (при раскопках найдены только арбалетные наконечники) – точно сказать затруднительно. Однако, есть основания считать, что бойницы подножного боя башен внешнего периметра обороны замка Тасили вполне могли быть использованы для ведения огня из сарбаканы, представлявшей собой ручное гладкоствольное огнестрельное оружие⁴⁰³. Сарбаканы были на вооружении у генуэзцев, в том числе и в Черноморских факториях. Например, как уже отмечалось ранее, в одном из документов (19 ноября 1453 г.) протекторы Банка принимают решение послать на корабле Джанотто Ломеллини в Каффу 50 стрелков из сарбакан (L

⁴⁰³ Первоначально (появилось у арабов в XIII в.) из него велась стрельба стрелами, а затем пулями. Это оружие, типа западноевропейской аркебузы (*Maggiorotti*, 1933, p. 13) (на Руси называлось пищалью или ручницей), состояло из короткого (длиной примерно 17 – 29,5 см) железного, позднее бронзового ствола (калибр 2,5 – 3,3 см, длина ствола в калибрах 6 – 12 см), крепившегося в специальном ложе деревянного приклада длиной 95 – 144 см. Первые образцы достигали в снаряженном состоянии около 70 кг веса, что требовало для его обслуживания не менее двух человек. Но уже во второй половине XV в., благодаря усовершенствованию всех систем огнестрельного оружия и изобретению фитильного замка, вес сарбакан значительно уменьшился (без приклада около 4 кг, с ложами – примерно 7,5 кг) и они становятся индивидуального пользования (*Военное искусство*, 1953, с. 161; *Pore*, 1972, p. 31; *Кирпичников*, 1976, с. 88, рис. 42).

zarbataneri) и дополнительно 100 сарбакан (zarbatanas centum) (*Atti*, 1868, VI, doc. IX, p. 47). Согласно описи оружия и военного снаряжения, составленной массарией Каффы в 1474 г., в арсенале при консульском дворце было 8 сарбакан, отлитых из бронзы (sarbatane bronze) (*Atti*, 1879, VII, p. 1001).

Хотя вход в укрепление не локализован, крепостные ворота, следуя традиции западноевропейской замковой архитектуры, могли находиться в юго-восточной куртине. В этом случае доступ к ним был возможен только со стороны двора, ограждённого мощной каменной стеной и превращённого, таким образом, в своеобразный барбакан (рис.274). В условиях применения огнестрельной артиллерии подобное военно-инженерное решение является наиболее оптимальным и функционально оправданным. К тому же размещение крепостных ворот в глубине двора позволяло обеспечить необходимый достаточно эффективный контроль и прикрытие подступов на значительном расстоянии от входа. В связи с этим интересно отметить сообщение одного из генуэзских источников (датирован 9 августа 1474 г.) – ответ экс-консула Каффы Баптиста Джустиниани Оливьери на обвинения в его адрес консула Солдаи Христофоро ди Negro, в котором говорится о выделении Андреоло ди Гваско 10000 аспров (ad summam asperorum decem milium) на сооружение барбакана замка Тасилли (barbacane castelli Tasilli) (*Atti*, 1879, VII, p. 391). Тем не менее, консул Солдаи в своём послании синдикам Каффы от 17 августа 1474 г. обвиняет Андреоло в том, что тот из-за его упрямства и лени (ex auaritia et pergitia), уже второй год не желает, несмотря на все данные ему предписания и распоряжения (ранее Христофоро направил в Тасили трёх каменщиков – magistros antilami tres, а Баптиста Джустиниани – ещё двух), заниматься совершенствованием (melioribus) его обороны, оставляя замок без охраны (*Atti*, 1879, VII, p. 386). Поэтому он предлагал принять постановление, чтобы замок Тасили охранялся некоторым числом стипендиариев-латинян и не оставлялся бы без стражи, как делают ди Гваско. Предполагая, что им никто не угрожает, они держат здесь лишь *склавинов* (sclauos), которые днём уходят на работы. Из-за этого возникает

опасность того, что замок «может попасть в руки турок или готов (*in manus teucrorum vel gotorum*), чего не дай бог, ибо это привело бы к разорению (*destrutio*) здешних мест» (*Atti*, 1879, VII, p. 319; *Милицин*, 1955, с. 91). Вместе с тем, Христофоро ди Негро проявляет непоследовательность в своей постоянной заботе об усилении охраны замка, затеяв с Андреоло спор по поводу бомбарды, считавшейся им собственностью коммуны города Солдайи, и которую Гваско намеревался переправить в Тасили (*Atti*, 1879, VII, p. 386). Судя по документам Каффы бомбарды использовались генуэзцами на Чёрном море с 70-х гг. XIV в. (*Balard*, 1978, p. 397). Косвенно на наличие в Тасили небольшой бомбарды могут указывать находки здесь двух каменных ядер диаметром 7,9 – 8,0 см.

Попечители Банка Св.Георгия, стремясь улучшить обороноспособность своих Черноморских факторий, направляли из Генуи различных мастеров. В 1473 г. в Каффу (в качестве офицеров артиллерии) прибыли два немца из Ахена и Страсбурга, француз, занимавшийся изготовлением пороха и немец Иоханн из Кёльна – специалист по различному вооружению и изготовлению бомбард (*in arte ac ministerio bombardarum*). 24 сентября 1474 г. массарии Каффы продлили контракт с Бокардо из Страсбурга и Иоханном из Кёльна, установив им ежемесячный оклад в размере 400 аспров (*Atti*, 1879, VII, P. II. f. 1, doc. MCV, p. 125). Среди них находился и фортификатор – строитель крепостей Антонио де Бонино (*Antonio de Bonino*). Ему было поручено провести инспекцию состояния всех генуэзских укреплений и, в случае необходимости, указать на слабые места, чтобы довести их до современных требований фортификационного искусства (*Колли*, 1918, с. 139).

По всей видимости, в замечании Христофоро ди Негро в адрес Андреоло ди Гваско, содержится намёк на рекомендации, данные в 1473 г. Антонио де Бонино по усовершенствованию фортификационных сооружений замка Тасили, которые не были полностью выполнены его владельцами к лету 1474 г. Если наше предположение верно, то можно, с некоторой долей вероятности, определить автора проекта завершения строительства *castellum*

de Tasili (1473–1474 гг.) в виде правильного квадрата внешнего периметра крепостных стен с небольшими круглыми башнями по углам – Антонио де Бонино.

Трасса подъездной дороги к замку не прослеживается. Но при разборке слоя разрушения донжона с северо-западной стороны были найдены фрагменты известняковых тяг с профилем в виде полочки над трёхчетвертным валом, которые принадлежали обрамлению прямоугольной ниши. Подобные ниши традиционно использовались генуэзцами для установки плит с посвятельными или строительными надписями на фортификационных сооружениях (*Опочинская*, 1986, рис. 4; *Лопушинская*, 1991, рис. 26,56). Фрагменты наличника в слое располагались компактной группой и в других исследованных местах завала не отмечены. Данная находка позволяет предполагать, что надпись до обрушения (или она была аккуратно снята?) находилась на северо-западном фасаде донжона, а значит, именно эта сторона крепости имела репрезентативный характер и была рассчитана на первоочередное восприятие. Следовательно, дорога к укреплению вела с севера, открывая, по мере приближения, наблюдателю наиболее выразительные в плане психологического воздействия виды фортификационных сооружений. К крепостным воротам она подходила слева, что создавало дополнительные преимущества защитникам, поскольку нападающие на всём протяжении следования вдоль оборонительных стен и башен были обращены к ним правым боком, неприкрытым щитом.

Точное время строительства замка археологическими исследованиями не установлено. Находки из его раскопок, за редкими исключениями, не выходят за пределы XV в., что, наряду, с отсутствием чётко выраженных жилых горизонтов в культурных отложениях на территории укрепления и предполагаемому его запустению в 1475 г., позволяют предварительно датировать памятник третьей четвертью XV в.

Этому предположению не противоречит и военно-инженерное решение крепости, характерное для западноевропейской огнестрельной

фортификации этого времени, а также международная военно-политическая обстановка, сложившаяся в Причерноморье после завоевания османами Константинополя 29 мая 1453 г. (*Рансимен*, 1983, с. 121 – 130).

Ответ на вопрос о времени *terminus ante quem non* было начато строительство замка в Тасили содержится в одном из документов, который представляет собой указы, данные горожанами Каффы двум послам Гаспаре де Палодио и Кристиано Каттанео, посланным в Геную 22 июня 1459 г. В документе сообщается о повторяющихся набегах турецких пиратов на побережье. В результате одного из них, совершённого на поселение Тасили (*Lo Taxili*), принадлежавшее Антонио ди Гваско, в плен было уведено около 40 человек. Поэтому сейчас Антонио хочет построить оборонительную башню, и эта инициатива видится во многом полезной, потому что могла бы взять на себя, помимо антитурецкой функции, также и функцию контроля по отношению к греческим господам Готии, которые со своей стороны строят крепости вблизи Солдайи, а это порождает у генуэзцев весомые подозрения (*Assini*, 1999, p.13-14). Таким образом, обнаруженный А.Ассини документ, раскрывает две веские причины, побудившие владельца Тасили приступить к возведению замка рядом с селением, вероятно, уже в 1459 или 1460 гг. Проведённое археологическое изучение памятника позволяет говорить о том, что к моменту нападения турок на замок Тасили в 1475 г. полностью был построен только донжон, а остальные объекты комплекса оставались незавершёнными. Следует также отметить отсутствие следов тотального пожара на исследованной территории, а это, скорее всего, свидетельствует, что защитники оставили замок летом 1475 г., не оказывая сопротивления войскам Гедык-Ахмед-паши.

Таким образом, о существовании замка Тасили, принадлежавшего семейству Гваско (Антонио и его сыновьям – Андреоло, Теодоро и Деметрио), узнаём из сравнительно поздних источников конца 50-х – первой половины 70-х гг. XV в. Его строительство и захват селения Скути (Ускют – н. Приветное) по времени относится весьма близко к 1474 г., потому что

местные жители хорошо помнили времена, когда здесь не было сеньоров Гваско (*Милицын*, 1953, с. 73 – 94; *С.А.Секиринский, Д.С.Секиринский*, 1989, с. 9 – 16).

Как уже отмечалось, Л.П.Колли, Е.Ч.Скржинская, Л.А.Маджиоротти и С.А.Секиринский отождествляли замок Гваско в Тасили с укреплением Чобан-Куле, что нашло вполне убедительное подтверждение в ходе археологических исследований памятника. В дополнительной аргументации нуждается только вопрос локализации самого поселения Тасили и его возможного тождества с селением Сили (Sili) = Шелен. В конце XVIII в. в этом районе располагались селения с названиями близкими по звучанию тем, которые отмечены в генуэзских источниках XIV – XV в. (*Лашков*, 1886, с. 130; *Braun*, 1890, s. 25 – 26). А.Л.Бертье-Делагард связывал Лоуолл-Волли – с деревней Ворон (н. Ворон), Карпати – с Арпатом (н. Зеленогорье), Скути – с Ускютом (н. Приветное). Здесь же на побережье располагалось и село Капсихор (н. Морское), не названное в документах (*Бертье-Делагард*, 1920, с. 8, 22 – 26)⁴⁰⁴. Если предлагавшееся ранее отождествление селения Casale de lo Sille или Casale Tasili, Tasilli, Tassili итальянских источников XV в. с известным до недавнего времени – Шилле (*Лашков*, 1886, с. 130; *Маркевич*, 1928, с. 25), Шелен – правильно, то удивляет значительное удаление замка от этого места (от Чобан-Куле до с. Громовка более 10 км по современной дороге и при этом посёлок отстоит от моря на 5 км). До настоящего времени у Шелена (Громовки) не найдены следы какого-либо укрепления. Только у села Ворон разведками И.А.Баранова на одной из скал, возвышающихся над долиной, обнаружены маловыразительные следы стены и круглой башни (?), датируемые по подъёмному материалу XIV – XV вв. По всей видимости, здесь мог находиться небольшой монастырь или средневековая усадьба, но никак не замок. Но генуэзские документы третьей четверти XV в. отмечают

⁴⁰⁴ С.Г.Бочаров на месте современного посёлка помещает генуэзское de lo Carlo, которое уже в начале XVI в. (в дефтере 1520 г.) (*Veinstein*, 1980, с. 244) получает наименование Qapshor (*Бочаров*, 2004, с. 148, 150, табл.).

рядом со Скути и Тасили только один замок, владельцами которого являлись Гваско. При этом те же источники всегда локализуют место строительства замка довольно точно, а не между – в селении Тасили. Частично опубликованное в переводе С.А.Милицына «Дело братьев Гваско» позволяет в некоторой степени реконструировать события второй половины 1474 г., касающиеся рассматриваемой темы, в том числе и относительно локализации замка и селения Тасили. Например, 27 августа 1474 г. консул Солдайи Христофоро ди Негро отправляет в Скути (Ускют) кавалерия Микаеле ди Сазели и 7 аргузиев с приказом уничтожить установленные там братьями Гваско виселицы. Из протокольной записи Солдайской курии, зафиксировавшей доклад кавалерия, узнаём, что отправившись в Скути с намерением выполнить приказ они достигли горы, возвышающейся над селением Тасили, против деревни Скути, дорога в которую проходит здесь по горе. «На дороге этой они увидели Теодоро ди Гваско, а с ним примерно сорок человек, с оружием и длинными палками в руках» (*Atti*, 1879, VII, p. 293; *Милицин*, 1955, с. 75). Из этого сообщения следует, что селения Тасили и Скути были разделены горой. Замок Тасили и открытое рядом с ним поселение XV в. находятся на краю восточного отрога горного массива размером 2 x 3 км (на карте-верстовке 1893 г. эта возвышенность названа г. Казах), по северному склону которого проходит и современная дорога в Ускют (около 5 км). От Солдайи до Ускюта по трассе около 25 км. По-видимому, также проходила и средневековая дорога, потому что передвижение по горным долинам в условиях пересеченной местности сильно затруднено и не только усложняет её прохождение, но и удлиняет путь. Кавалерий и аргузии, отправившись утром в Скути, и встретив сопротивление Теодоро ди Гваско, вернулись в Солдайю и докладывали консулу после вечернего звона – т. е. к молитве ангелюс – летом, в 9 часов вечера (*Милицын*, 1955, с. 75, прим. 1). Всадники вполне могли проехать за световой день 50 – 60 км. В тот же день (27 августа 1474 г.) Христофоро ди Негро принял решение о Теодоро ди Гваско, в котором говорилось, что «в

окрестностях селения Тасили, на горе, по которой идёт дорога в деревню Скути, Теодоро ди Гваско...преградил путь кавалерию» (*Atti*, 1879, VII, р. 294; *Милицын*, 1955, с. 75). Отсюда следует вывод, что оба поселения – Тасили и Скути, которыми владели Гваско, располагались по соседству и поэтому весьма сомнительно предлагавшееся ранее полное тождество наименований Шелен (Sille) = Тасили (Tasili). Скорее всего, в итальянских источниках XV в. речь идёт о двух разных поселениях. Тасили, по-видимому, было основано Антонио ди Гваско во второй половине XV в. (этому не противоречит и найденный в замке и храме археологический материал). Большая часть новопоселенцев состояла из жителей селения (общины) Силе (Шелен) и поэтому новое селение получило название Та+Сили (Ta+Sili), т.е. – другая (другой) Силе⁴⁰⁵. Таким образом, раскопки в укреплении Чобан-Куле, проведенные в 1992 – 1993 гг., показали, что строительство оборонительных стен внешнего периметра так и не было завершено к моменту завоевания турками Генуэзской Газарии. Замок Тасили оказался недостаточно подготовленным к защите, хотя для этого и предпринимались меры (строительство башен, стен внешнего периметра и барбакана).

Из письма консула Каффы Антониотто ди Кабелла консулу Солдаи Христофоро ди Негро от 14 сентября 1474 г. и ответа последнего, датированного 20 сентября того же года, известно, что в замке ещё велись строительные работы (*Atti*, 1879, VII, р. 300, 303; *Милицын*, 1955, с. 79, 81). Отсутствие следов пожара и связанного с ним слоя разрушения замка позволяет высказать предположение, что он был брошен его хозяевами и защитниками перед появлением турок. Хотя находка в одном из кронштейнов от машикули наконечника турецкой стелы, вроде бы указывает на возможность кратковременного сопротивления обитателей Тасили летом 1475 г. Косвенным подтверждением сказанного могут служить сведения, относящиеся уже к 1481 г., когда Андреоло ди Гваско, которому удалось

⁴⁰⁵ С.Г.Бочаров, вслед за А.Л.Бертъе-Делагардом (*Бертъе-Делагард*, 1920, с. 25), полагает, что de lo Sille (Tasili – Naslu) – село Громовка (быв. Шелен) (*Бочаров*, 2004, с. 149).

бежать в Польшу в момент появления под стенами Каффы армии Гедык-Ахмет-паши, находясь при дворе короля, вёл переписку с Менгли Гиреем относительно подготовки в Газарии антитурецкого восстания (*Heud*, 1886, II, p. 405).

Частично исследованный комплекс, состоявший из замка и располагавшегося рядом небольшого поселения, где открыта часовня и некрополь XV в. (рис.310-316), представляет собой редкий (с учётом данных нарративных источников) историко-археологический материал по социальной дифференциации средневекового населения сельской округи Солдайи, в момент зарождения и начальных этапов формирования частной итальянской сеньории. Это наглядно иллюстрирует структура самого укрепления: донжон (место обитания братьев Гваско), окружённый внешним периметром стен с башнями с примыкающим к нему обширным двором, защищённым массивной каменной стеной, сложенной на глине (здесь, по-видимому, находилось подворье замка, заселенное *sclauos* – слугами). И если сам момент получения во владение селения Тасили главой клана Гваско – Антонио относится, вероятно, ко второй половине 50-х гг. XV в. (после 1453 г.), то время основания замка и начало формирования вокруг него инфраструктуры всего феодального лена следует датировать 1459/60 гг., что позволяет найденные на его территории артефакты хронологически ограничить в пределах 1459/60 – 1475 гг.

6.3.3. Генуэзская Луста в 50 – 70-е гг. XV в.

Наиболее значительные по своим масштабам новые строительные работы, проводившиеся генуэзцами во второй половине XV в. на территории побережья Готии, выявлены в ходе археологического изучения оборонительных сооружений Алушты (*Lusta*) (*Мыц, Лысенко, Семин*, 1997, с. 205 – 210; *Мыц*, 2002, с. 139 – 187; 2009, с.289-352) (рис.66; 317-324). Исследователями предлагались различные этимологии происхождения данного топонима. Например, первоначально было принято считать, что

Алушта, слово греческое (от ἀλουστός – немытый, неумытый, неумытая)⁴⁰⁶ (*Бертье-Делагард*, 1920, с. 1 и сл.; *Маркевич*, 1928, с. 20). О.Н.Трубачёв же, в одной из своих работ (1977 г.) считал возможным Алушту выводить из индоиранского (таврского) *salosta – устье гор – от *sala. Но эта новация осталась незамеченной и по страницам научной и научно-популярной литературы продолжала кочевать «откровенно наивная – по определению О.Н.Трубачёва – этимология» (см., например, (*Фирсов*, 1990, с. 67; *Трубачёв*, 1999, с. 217).

Г.Нойман (в соавторстве с К.Дювелем), постулируя наиболее раннюю известную форму звучания топонима Alust, впервые встречаемую у Прокопия Кесарийского (*De aedificiis* III, 7, 11), высказал предположение о германской этимологии названия города Алушта (*Neumann, Duwel*, 1985, s. 280). Нойман прямо связывает крымскоготское Alust с серией топонимов на территории Голландии (Elst, Elste, Eliste, Aalst, Alost, Alost), производя их из германского *alista-/*alusta – *ольховый, ольховая* (*Neuman, Duwel*, 1985, s. 281 – 282). Предложенная Г.Нойманом логическая конструкция подверглась резкой критике со стороны О.Н.Трубачёва, ввиду того, что она, якобы, не учитывает не только старой литературы, в которой рассматривались другие этимологии данного топонима, но и формы этого названия в виде Salusta, Schalusta у Идриси (1153 г.) (так называемого Нубийского Географа), приводимые ещё П.И.Кёппеном (*Кёппен*, 1837, с. 104, 183 – 184; *Трубачев*, 1999, с. 216). Трудно согласиться с категоричной оценкой первичности более позднего арабоязычного источника, каковым является Идриси (XII в.) по отношению к свидетельству VI в. Прокопия, фиксирующего уже существовавшее к его времени название местности. Тем более что подобные, довольно свободные от конкретной историко-топографической привязки сравнительные параллели (тавры = сарматы = аланы, обитающие в устье гор – *sala) можно строить на весьма широком географическом пространстве, в

⁴⁰⁶ ἄλουστός - как производное от ἄλουσία - немытие, некупание, грязь, нечистота – или от ἀ-λουτός - немытый, грязный.

том числе и покидающем пределы Крыма. Возвращаясь к предложенной Г.Нойманом этимологии топонима Алушта от германского *alusta – ольховая, следует заметить, что русла рек, пересекающих Алуштинскую долину (Улу-Узень и Демерджи, обе впадают в море, огибая холм, на котором расположена средневековая крепость), действительно, от устья до верховьев покрыты зарослями ольхи, а пребывание здесь германцев, начиная с последней трети III в. н. э., подтверждается материалами археологических исследований (Мыц, 1987, с. 144 – 161; 1989, с. 77 – 79; 1994, с. 44 – 45; Мыц, Лысенко, Щукин и др., 1997, с. 211 – 221; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006). Поэтому есть основания говорить об объективности этно-топографической характеристики происхождения названия Алушта = Ольховая, предложенной Г.Нойманом.

В литературе по истории средневекового Крыма постепенно утвердилось мнение, что византийцами в VI в. было построено двухчастное укрепление с цитаделью и внешней линией обороны, которое впоследствии ремонтировалось и перестраивалось до конца XV в. (Мыц, 1997в, с. 187 – 188). Во время археологических разведок, проводившихся в 1948 г. в Алуштинском районе, руины византийской крепости осмотрел Е.В.Веймарн, отметивший на поверхности памятника наличие только позднего материала. Вейсарн считал, что и само укрепление является послеюстиниановской постройкой. При этом он высказал предположение, что ко времени Юстиниана I может быть отнесена только круглая башня (Ашага-Куле) (Веймарн, 1949, с.5–7). О.И. Домбровский полагал, что из четырех круглых башен VI в. сохранилась только одна (Домбровский, 1974, с. 8 – 9)⁴⁰⁷.

В ходе раскопок 1984 – 1995 гг. на памятнике исследована площадь около 4000 кв.м (из них 900 кв.м приходится на цитадель) (рис.66). Мощность культурного слоя достигала на некоторых участках 5 – 6 м, в среднем же составляла около 2 м. Обнаруженные в ходе раскопок архитектурно-

⁴⁰⁷ На рис.66 представлен план-реконструкция крепости Алустон VI-XV вв. с учётом предположения О.И.Домбровского и результатов наших раскопок 1984-1995 гг.

археологические остатки относятся в основном к VI – XV вв. и составляют пять строительных горизонтов в истории развития средневековой Алушты (от византийского фруриона во второй трети VI – второй половине VII в., до малого городского центра, являвшегося генуэзской торговой факторией в 80-х гг. XIV – 70-х гг. XV в. (*Мыц, 1997в, с. 189*).

Априорно мною было высказано мнение, что внешнее кольцо оборонительных стен с тремя мощными башнями возводится в 80 – 90-х гг. XIV в. по инициативе и при финансовом содействии генуэзской администрации (*Мыц, 1991а, с. 152*). Но дальнейшие археологические исследования показали, что строительная периодизация генуэзского времени существования Лусты в реальности была значительно сложнее, соответствуя не только этапам экономического освоения лигурийцами побережья Готии, но и военнополитической обстановке, складывавшейся в Причерноморье в 20 – 70-х гг. XV в. Площадь укрепления XV в. достигала 1,18 га (рис.66). Оборонительная система состояла из двух линий – цитадели и внешней стены, укрепленной тремя башнями с дошедшими до нас только тюркскими названиями, отразившими некоторые особенности их архитектоники и топографии: Чатал-Куле (Рогатая башня), Орта-Куле (Средняя) и Ашага-Куле (Нижняя). Стены располагались по всему периметру. В плане крепость представляла собой четырехугольник неправильной формы. С севера линию оборонительной стены замыкала шестигранная башня Чатал-Куле. Её размеры определяются пока примерно по выступавшему в 1980-х гг. на поверхности фрагменту основания южной стены – 12 х 12 м. Она завершалась зубчатым парапетом на навесных кронштейнах с машикули, отчего и получила у местного татарского населения своё название – *Рогатая*. П.И.Кёппен писал, что в 1830 г. эта башня обвалилась до половины (*Кёппен, 1837, с. 158*). Д.М.Струков, посетивший Алушту осенью 1872 г., отмечает, что Чатал-Куле разобрали в прошлом (т. е. 1871) году, поэтому он смог сделать зарисовки только двух сохранившихся (Орта-Куле и Ашага-Куле) (*Струков, 1872, л. 12, 32*). Южный фланг обороны замыкает круглая башня

(её западная стена была разрушена уже в начале XIX в.). В центре северо-восточной линии обороны располагается прямоугольная башня (*Мыц*, 1991а, с. 152). На поверхности до раскопок выступал только восточный угол высотой около 8 м. Протяжённость западной линии обороны – 135 м, южной – 125 м, северо-восточной – 150 м. Расстояние между башнями составляет 75 – 77 м. Наибольшие размеры цитадели 67 х 50 м, а всей крепости (с внешней линией обороны – 135 х 125 м. В ходе археологических раскопок 1984 – 1995 гг. частично исследовались участки оборонительных стен цитадели восстановленные в первой четверти XV в.: западная куртина, фрагменты куртин между Чатал-Куле и Орта-Куле, Ашага-Куле и Орта-Куле (*Адаксина, Кирилко, Лысенко* и др., 1994, с. 10 – 15). В ходе работ получены уникальные археологические материалы, позволяющие не только судить о строительно-конструктивных особенностях башен, но и о культурных напластованиях, образовавшихся на этих участках более чем за пять столетий (XV – XX вв.).

Данные результаты важны ещё и тем, что все ранее предпринимавшиеся попытки изучить генуэзские фортификационные сооружения такого типа, давали ничтожно мало археологического материала, и при этом он был либо слабо увязан со стратиграфией памятника XIV – XV вв., ввиду поздних перестроек, ремонтов и перекопов (например, раскопки башни Св. Константина, проводившиеся Е.А.Айбабиной в 1982 – 1983 гг. в Каффе (*Айбабина*, 1988, с. 76 – 80, рис. 10), либо вообще лишены её.

Наиболее значительные по объёму материалы происходят из башни Орта-Куле, занимавшей центральное место в северо-восточной линии обороны генуэзской Лусты (рис.66; 319-330; 334-350). Орта-Куле в плане прямоугольная с лёгким сужением в напольную сторону (рис.319). Её ширина – 10,6 – 11,25 м. Длина строения – 11 м. За линию крепостной стены выступает на 9,6 м. Внутреннее пространство имеет близкую к прямоугольнику форму, размером 5,28 – 4,95 х 7,05 – 7,2 м. Толщина стен: северо-западной – 3 м; северо-восточной – 2,85 м; юго-восточной – 2,95 м; юго-западной – 0,98 – 1,1 м (расширяется к юго-востоку). Сохранность

открытых стен различна и составляет в высоту 1,75 – 10 м. Башня была многоярусной. Судя по незначительной толщине стены, обращённой вовнутрь крепости, замкнутое пространство имел только первый этаж. Все последующие, по-видимому, с тыла были открытыми. Как уже отмечалось, лучше всего сохранился восточный угол строения, часть которого принадлежит второму ярусу башни. На этом уровне толщина стен остаётся без изменений. В кладке восточного угла с внутренней стороны прослеживаются гнёзда от деревянных конструкций, предположительно, перекрытия, что позволяет определить высоту нижнего этажа. От пола до низа балок она составляла около 9,5 м.

В центральной части юго-восточной стены (рис.320) первого яруса башни была устроена амбразура. Частично сохранились только лицевые поверхности её камеры со стороны помещения. Низ амбразуры находится в 0,8 м от пола. Высота камеры, вероятно, достигала 2,2 – 2,3 м (сохранилась на – 1,25 м). Ширина камеры – 1,7 м. В плане амбразура трапециевидная, ассиметричной формы. Юго-восточная стена имела амбразуру и на втором этаже. Об этом свидетельствует небольшой участок лицевой поверхности северо-восточного откоса камеры. Он расположен под прямым углом по отношению к линии стены в 1,44 м от внутреннего восточного угла строения. Все кладки башни между собой перевязаны (рис.320). Стены сложены преимущественно из крупного необработанного (иногда слегка околота лицевая сторона) бута на известковом растворе, пустоты, между которыми зачеканены мелкомерным камнем (рис.320-322). Данный способ кладки существенно отличался от использовавшегося ранее на византийских стенах крепости. Отмеченные выше конструктивные особенности позволяли значительно ускорить возведение крепостных сооружений. Они получили распространение не только в генуэзском и греческом фортификационном строительстве Таврики XIV – XV вв.: Мангуп (*Герцен*, 1990, с. 141), Фуна (*Мыц*, 1988, с. 102 – 104, рис. 3 – 4), Каффа (*Айбабина*, 1988, с. 68 – 79, рис. 4, 8, 9, 10), Каламита, Чембало (*Адаксина, Кирилко, Мыц*, 2003, рис. 12 – 14) и

др.), но также известны и на других памятниках этого времени за пределами Крыма, в частности Кавказа, Балкан, Италии, Малой Азии (*Дероко*, 1950, с. 38 – 55, рис. 21 – 42; *Харбова*, 1981, с. 110 – 111, рис. 45,б-е; *Мыц*, 1991а, с. 62 – 63 и др.). Внешние углы башни выложены разномерными обработанными блоками известняка (явно вторичного использования) поочередно выступающими то в одну, то в другую сторону. Надо полагать, что этот приём кладки применён не столько в эстетических целях, но для придания углам большей прочности (*Альберти*, 1935, с. 83 – 84). Куртины примыкают к башне без перевязки, под острым углом: северо-западная – 83° ; юго-восточная – 80° (рис.319). От её тыльной стороны крепостные стены выступают вовнутрь на 0,3 – 0,4 м. Чем это вызвано – неизвестно, но подобная раскреповка могла быть определена необходимостью устройства над внутренней стеной башни боевого хода достаточной ширины, который, исходя из разности толщины стен, составлял около 1,25 – 1,50 м. Следовательно, толщина парапета и мерлонов, по всей видимости, достигала 0,5 – 0,6 м (в среднем 0,58 м). Уровень боевого хода стен совпадал со вторым этажом башни (т. е. находился на высоте 9,5 м от дневной поверхности). При условии, что парапет и мерлоны обычно на генуэзских укреплениях достигают 1,8 – 2 м, то общая высота куртин составляла примерно 11,5 м. Ранее отмечалось, что восточный угол башни с внешней стороны укреплен реставрационным контрфорсом (рис.319; 321). Он заполняет утраты лицевых участков стены, а сохранившимся кладкам создает опору в виде талуса. Первая из известных реставрация строения относится к 1833 г. (*Кенпен*, 1837, с. 154 – 156; *Фирсов*, 1990, с. 70), но уже в 1897 г. Таврической ученой архивной комиссией был возбужден вопрос о сохранении угрожающих падением башен в Алуште, на что из казны выделяется 800 руб. (*ИТУАК*, 1899, с. 115; 1901, с. 70). Ещё один ремонт памятника произведен в 1911 г. (*Артёмов*, 1985, с. 273).

Под реставрационным контрфорсом раскопками открыты остатки фортификационного сооружения, изначально связанного с конструкцией

башни и представляющего собой монументальную кладку из бутового камня на известковом растворе (рис.321). Постройка примыкает к юго-восточной стене башни под прямым углом и перевязана с ней. Сохранившаяся часть кладки достигает в высоту 1,60 м и прослежена на участке раскопок длиной 1,40 м, от куртины отстоит на 5,11 м. Назначение данного сооружения окончательно не определено, но оно вполне могло являться угловым контрфорсом башни или основанием талуса.

Результаты археологического исследования позволили получить детальную стратиграфическую картину на всей площади раскопок. Сверху залегал слой современной застройки. Его толщина в среднем составляла 0,5 – 1,2 м, увеличиваясь к юго-восточному краю раскопа до 2,8 м (рис.323; 324). Последнее вызвано резким падением рельефа к востоку и возведением у основания башни капитальных каменных современных строений. Основу слоя составлял мощный каменный завал, в котором на глубине от 0,8 до 1,3 м залежали сохранившиеся кладки стен генуэзской башни. Его дополнением служили разной толщины прослойки светло-серой рыхлой супеси с известковой крошкой, глинистого грунта с включениями современного бытового мусора, линзы глины, деструктированного известкового раствора и проч. Материал из этого слоя представлен (рис.325-330), большей частью, разрозненными фрагментами кухонной и столовой посуды с обширным временным диапазоном, охватывающим X – XX вв. (рис.336).

Прежде всего, интерес представляют индивидуальные находки, связанные как со средневековым периодом существования Алушты, так и переотложенные, более раннего времени (рис.325-330;336). При разборке нижней части забутовки, непосредственно над слоем разрушения крепостных стен башни найден фрагмент лицевой створки бронзового литого энколпиона (рис.325,9). В центральной части квадрифолия располагается распятие с предстоящими, а на концах, в круглых медальонах, помещены погрудные изображения архангела и святых. Аналогичный энколпион издан А.В.Терещенко и датирован им XIII в. М.Д.Полубояринова данный

иконографический тип склонна относить к XIII – XIV вв. (Полубояринова, 1978, с. 67, рис.11,8а).

После разрушения фортификационных сооружений внутреннее пространство башни на протяжении длительного времени использовалось в качестве зольника (рис.323). Его толщина составляет 0,7 – 1,7 м. Слой золы и серого рыхлого грунта заполнял не только пространство внутри башни (рис.324), но также охватывал обширную территорию к юго-востоку и уходил за пределы раскопа. Его накоплению предшествовало основательное разрушение стен башни и куртин. К тому же, этот процесс сопровождался дальнейшей разборкой кладок, вследствие чего отдельные зольные прослойки были разделены каменными завалами либо линзами деструктированного известкового раствора. В основании зольника выделяется мощный слой светло-серого рыхлого золистого грунта с угольками. Визуально структура последнего однородная и не содержит явных напластований. Это позволяет предполагать его относительную хронологическую цельность. Толщина слоя в центральной части 0,6 м, к стенам она уменьшалась до 0,05 – 0,1 м. Покрывая всё внутреннее пространство башни, слой уходит к юго-востоку за пределы раскопа. При его расчистке найдено пять монет Крымского ханства XVI в.: одна Сахиб-Гирея I (1532 – 1550) чекана Кырк-Ера, две серебряные Девлет-Гирея (1550 – 1577) чекана г. Крыма и две биллоновые Мухамад-Гирея II (1577 – 1584) чекана Кырк-Ера (?) – все номиналом акче. Точные даты чеканки не читаются⁴⁰⁸. Монеты найдены в верхней части слоя у юго-восточного борта раскопа, на участке между амбразурой и контрфорсом. Они располагались компактно в пределах указанной территории, с небольшой разницей глубины залегания (до 0,2 м). Зольник оказался насыщенным большим количеством разнообразного керамического материала. При этом, если находки в его верхних наслоениях представлены большей частью разрозненными фрагментами

⁴⁰⁸ Определение монет выполнено С.М.Жуком.

столовой и кухонной посуды, строительной керамики, тары с обширным временным диапазоном – от IX – X и вплоть до XVIII – XIX вв., то ниже они обретают более чёткие хронологические рамки. Основную часть керамического материала слоя составляют красноглиняные поливные чаши XV – XVI вв. (как фрагментированные, так и археологически целые), декорированные в технике «сграффито» с подглазурной подцветкой рисунка зелёными и коричневыми красками (окислами металлов). Изделия имеют традиционные для этого времени формы и орнаментальные мотивы (рис.328). Особый интерес представляют некоторые из них, украшенные изображением птицы на лицевой поверхности (рис.329;330). Несмотря на их сравнительно большое количество (найлены обломки 10 сосудов) и разнообразие, фрагментированность находок позволяет судить только об отдельных элементах рисунка. Несколько чаш этого круга, несомненно, принадлежат руке одного мастера, отличаясь от других характером декорации. Особенностью изображения является своеобразная трактовка хохолка в виде часто поставленных коротких вертикальных черточек и расположенных над ними таких же, но горизонтальных. Им присуще также деление внешней поверхности бортика горизонтальным ребристым выступом на две орнаментальные полосы (рис.330). Верхняя часть поверхности заполнена врезной сетчатой штриховкой либо лентой завитков, нижняя – рядом больших треугольников направленных остриём вниз больших дуг, свободное пространство, между которыми заполнено завитками. На основании данных признаков В.П.Кирилко удалось идентифицировать шесть работ этого мастера, из которых пять происходят из раскопок Орта-Куле (Кирилко, 1998, с. 120 – 124, рис. 1; 2) и одна (рис.330) из Каффы (сосуд найден в засыпи второй четверти – конца XV в. в строении, расположенном вблизи стен цитадели с напольной стороны, между башнями Св.Антония и Криско (Айбабина, Бочаров, 1997, рис. 11,1) (рис.331). Остаётся открытым вопрос о месте производства данной группы художественных поливных изделий – Каффа или Луста? Не исключено, что мастерская находилась

именно в Лусте (Алуште). Дело в том, что при многолетних раскопках на территории средневекового города, в слоях второй половины XIV – XV вв., неоднократно встречались фрагменты непокрытых поливой украшенных врезным орнаментом сосудов и треножные подставки (сипаи), свидетельствующие о существовании здесь местного производства поливной керамики, обладавшего своими художественными чертами (*Тесленко*, 1998, с. 182 – 184, рис. 2).

Представление об изобразительных мотивах в керамике Алушты этого времени дополняется находкой небольшого фрагмента дна красноглиняной поливной чаши (рис.328,7). На его лицевой поверхности сохранилась часть изображения *солнца* в виде округлого человеческого лица восточного облика с миндалевидным разрезом глаз. Рисунок выполнен слегка небрежно, толстой врезной линией. Это изделие может быть датировано XV в. и отнесено к группе сосудов, продолжающих, по мнению А.Л.Якобсона, более раннюю традицию местных мастеров XIII в. (*Якобсон*, 1979, с. 135, рис. 84,3). Данная тема, по-видимому, была заимствована керамистами Таврики из стран Закавказья и Востока (скорее Египта) (*Якобсон*, 1950, табл. XIV, 55а), получив при этом своеобразную художественную трактовку. Следует отметить, что данный сюжет не ограничивался воплощением в керамических изделиях, потому что отмечен в качестве декоративных элементов и в произведениях каменной пластики. Примером тому может служить изображение двух солнечных ликов на мраморной геральдической плите (она, по-видимому, происходит из замка в Матреге, принадлежавшего генуэзско-адыгскому роду Гизольфи), датированной 22 мая 1474 г. (*Юргевич*, 1863, с. 177, прим. 1, табл. II, N 39; *Maggiarotti*, 1933, p. 258, Fig. 206) (рис.332). Кроме поливной керамики, несомненно, местного (каффинского круга, в который входили кроме Каффы и Лусты генуэзская Солдайя (*Джанов*, 1998, с. 82 – 89, рис. 1 – 4), Чембало и др.) производства, в слое обнаружены фрагменты парадной посуды западного и восточного происхождения.

Отдельную группу образуют находки красноглиняных чаш и блюд с подглазурной росписью кобальтом (рис.333-335). Изделия этого типа традиционно связываются с керамическими мастерскими города Изника (византийской Никеи) (*Aslanapa*, 1965, s. 28 – 32; fig. 6,73; 7,74; 8,107; 28,53; 29,54; 55,166; 52,169; 55,161; 56,170; 57,162 – 168; 1988, p. 383 – 390) и известны в слоях XV вв. из раскопок как Лусты, так и других памятников Крыма – Фуны, Гурзуфа, Мангупа, Баклы, Каламиты, Судака, Каффы, Чембало и др. (*Якобсон*, 1953, с. 402, рис. 16; *Паршина*, 1974, с. 76, рис. 15; *Талис*, 1976, с. 83, рис. 7,4-7; *Баранов*, 1988, с. 91, рис. 12; *Мыц*, 1991а, с. 101 – 102, рис. 42; *Адаксина, Кирилко, Мыц*, 2003, рис. 93; 2004, рис. 82 – 84). При расчистке слоя найдено почти целое блюдо с широким горизонтальным бортиком на сложнопрофилированном кольцевом поддоне (рис.334;335). Основу композиции лицевой поверхности составляет расположенная в центре синяя 10-лепестковая розетка с округлыми краями. От неё, по закрученной вправо концентрической спирали, развиваются две орнаментальные полосы – синяя и черная.

К числу редких находок принадлежит два разрозненных фрагмента стенок селадонового блюда. Покрытие глазурью двустороннее. Полива прозрачная, стекловидная. Цвет – серо-голубой. Толщина стенок 0,9 – 1,1 см. Селадон изготовлялся в Китае в XII – XIV вв. и в другие регионы, в том числе и на Запад, поступал, в основном, при посредничестве арабов или по маршруту Великого шелкового пути, пролежавшего по территории подвластной монголам. Относится к числу предметов роскоши, доступных только наиболее знатным и богатым лицам. Первым известным свидетельством появления селадона в Европе является опись имущества Анжуйского герцога, датированная 1361 г. (*Кверфельд*, 1938, с. 191).

Подобные находки весьма редки не только в Крыму, но и на других памятниках Европы, где они встречаются почти исключительно в постройках дворцового характера. Два целых селадоновых блюда – изделия мастерских китайского Лунцюаня с рельефным растительным орнаментом – происходят

с территории Кучугурского городища – ставки Мамая в 1363 – 1380 гг.; хранятся в экспозиции Запорожского областного краеведческого музея (Тихомолова, 1991, с.18–19; 2003, с. 243 – 247, рис. 3). Аналогичные нашим фрагменты селадоновых сосудов известны из раскопок дворца болгарских царей конца XIV в. (разрушен турками в 1395 г.) в Тырнове (Георгиева, 1974, с. 144, рис. 95,1). Они также сходны с материалами из Каракорума (XIII – XIV вв.) (Евтюхова, 1959, с. 179 – 193) и Азака (Гудыменко, 1998, с.75 –76).

Отдельные фрагменты привозной керамики отмечались также и в верхних наслоениях зольника. К ним, в частности, может быть отнесён обломок края испанской розовоглиняной поливной чаши XV в. с подглазурной росписью кобальтом и покрытой люстром. Подобные сосуды известны из раскопок Фуны (найжены в слое пожара 1475 г.), Каффы (Кравченко, 1991, с. 116 – 117, рис.4), Чембало (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, рис. 84/36), Генуи, где они тракуются как испанский импорт и датируются XIV – XV вв. (Mannoni, 1975, p. 119, fig. 99,4,5,8; Pringle, 1977, p. 151 – 152, tabl. 26,220 – 223; 27,228 – 230).

Среди неполивной (кухонной) посуды и керамической тары из заполнения зольника, представленной большей частью единичными обломками изделий X – XVI вв., преобладают фрагменты коричневоглиняных горшков XV вв. с рельсовидными венчиками и тонкостенных пифосов того же времени. На отдельных из них встречаются граффити в виде букв или условных знаков. Интересна верхняя часть одного из сосудов (рис.336,1). Он имеет низкое, цилиндрическое, с небольшим сужением кверху горло. Венчик рельсовидный. Ручки в сечении овальные, уплощённые. Горло и корпус украшены шестью (по три между ручками) вертикальными наклепными валиками с пальцевыми вдавлениями. Подобных сосудов в Алуште не найдено, близкие аналогии на крымских памятниках неизвестны. Близкие по форме и орнаментации горшки происходят из района современной Румынии (средневековой Валахии), где они бытовали на протяжении XIV – XVI вв.

(*Niolescu, Petrescu, 1974, s. 46, ris. 96*). Вероятно, к этому же времени можно отнести и находку из Алушты.

Разрушение кладок Орта-Куле произошло в течение непродолжительного отрезка времени, судя по отсутствию разделяющих прослоек, вскоре после пожара (рис.323; 324). Вследствие разборки (или естественного обрушения из-за ослабления конструкции) стен внутри башни образовался мощный каменный завал. Максимальная толщина слоя отмечена в южном углу строения – около 2,5 м (к северо-востоку уменьшается до 0,9 м). Он состоял из разномерного бута и деструктированного известкового раствора.

Отсутствие калибровки камня в его структуре позволяет рассматривать разборку башни, как целенаправленное разрушение фортификационного сооружения турками после захвата крепости в 1475 г. При расчистке слоя отмечено почти полное отсутствие в нём каких-либо предметов. Исключение составляет находка над слоем пожара (на глубине около 3 м от уровня современной дневной поверхности) археологически целой поливной чаши XV в. кубковидной формы на высоком кольцевом поддоне (рис.328,7). На её внутренней стороне помещено изображение *солнца* в виде округлого, улыбающегося лица с миндалевидными глазами, располагавшегося в центре шестилучевой звезды. Между лучами помещены стилизованные бутоны с отогнутыми листьями на длинном стебле. Здесь же найден железный листовидный наконечник стрелы XV в. (рис.325,8).

Слой пожара внутри башни располагался непосредственно под каменным завалом на полу помещения (его мощность 0,15 – 0,5 м). Состоял исключительно из продуктов горения древесины, среди которых выделялись обугленные обломки отдельных дубовых балок сечением 0,15 x 0,25 м. Их ориентация в слое почти совпадает с продольной осью (северо-запад – юго-восток) башни.

В пожаре обнаружено 16 круглых (диаметром 0,05 – 0,11 м) каменных ядер для баллисты (рис.337) и большого количества окатанных (такого же размера) морских галек, которые вполне могли быть использованы в качестве

метательных снарядов. Ядра имеют форму шара с плоской опорной площадкой. Параметры найденных изделий различны, но можно выделить три основных типоразмера: 0,09, 0,10, 0,11 м. Изготовлены из трёх видов камня: известняка (9), капсельского ракушечника (5) и диорита (2).

Снаряды для метательных машин неоднократно встречались при раскопках средневековых памятников Крыма, где они обнаружены в слоях пожаров XIII и XV вв. (*Домбровский*, 1974, с. 11; *Скобелев*, 1974, с.110; *Воронин, Даниленко, Кутайсов* и др., 1979, с. 314; *Мыц*, 1987, с. 235, 241; 1988, с. 106 – 113; *Лазаренко*, 1993, с. 288 – 291; *Карлов*, 1997, с. 341 – 358; *Адаксина, Кирилко, Мыц*, 2003, рис. 85; 2004, рис. 98), в том числе, и в слое разрушения башни Ашага-Куле (*Адаксина, Кирилко, Лысенко* и др., 1994, с. 11).

Находки из слоя пожара разнообразны и многочисленны, образуют закрытый комплекс третьей четверти XV в. (рис.325-330; 333-352). При его расчистке обнаружены фрагменты 35 сосудов, а также изделия из металла, стекла, кости и дерева. Все эти предметы были сосредоточены в нижней части слоя, на полу помещения, располагаясь вдоль стен. Найденная керамика двух видов – кухонная и поливная столовая посуда.

Первая группа керамических изделий представлена коричневоглиняными кувшинами сравнительно больших размеров (рис.338,1,2,4), горшками (рис.338,3,5) и крышками (рис.336,2) с горизонтальным бортиком и полусферическим верхом. Поле бортика орнаментировано росписью белым ангобом в виде наклонённых вправо линий. Такие изделия неоднократно встречались при раскопках Алушты в слоях XIV – XV вв., Фуны, Мангуца и других средневековых памятников Крыма. За пределами Таврики подобные крышки известны из раскопок в Болгарии (Преслав) (*Николова*, 1968, с. 181), Византии (Константинополь) (*Rice*, 1947, p. 110 – 113, Tabl. 221), Румынии (Кокони) (*Constantinescu*, 1972, p. 123, Tabl. XXXVII,1 – 4), где также датируются второй половиной – концом XIV – XV вв. С.Георгиева, опубликовавшая большую коллекцию таких изделий из дворца в Тырново

(конец XIV в.), настаивает на том, что это не крышки от кухонных сосудов, а светильники. С данным утверждением трудно согласиться потому, что среди изданных ею находок есть и изделия лишённые бортиков (*Георгиева, 1974, с. 46, рис. 35 – 37*).

Поливная керамика из слоя пожара особенно многочисленна. Она представлена самыми разнообразными по форме и декорровке красноглиняными глазурованными чашами, мисками, блюдами, среди которых выделяется четыре основных типа изделий: 1) пиалобразные неорнаментированные чаши (рис.350); 2) чаши с округлыми бортами на кольцевом поддоне (12 шт. – рис.339,1-3); 3) миски на кольцевом поддоне (2 сосуда с горизонтальными и вертикальными узкими бортиками – рис.340,1-3; 341,1-2); 4) блюда на кольцевом поддоне (7 изделий). Последняя – наиболее представительная и высокохудожественная группа поливной керамики из слоя пожара башни.

По характеру декоративной отделки блюда подразделяются на два вида: с геометрическим орнаментом (4) и сюжетные (2). Первые используют те же мотивы и композиционные принципы (вариации многолучевого *сегнерова колеса* (рис.340-344), пальметовидный пучок линий в круге (рис.346), четырехлепестковая розетка (рис.347), что и на чашах, но отличаются большим разнообразием декоративных элементов и индивидуальностью рисунка на каждом конкретном изделии.

Сюжетные блюда имеют несколько большие размеры с сохранением тех же форм. Представляют собой высокохудожественные произведения, отмеченные сложностью и изысканностью рисунка, насыщенностью деталями и, в целом, парадным характером сосудов. Оба блюда украшены изображением птицы (*голубя*) в профиль (рис.348;349) (*Адаксина, 1998, с. 5 – 7, рис. 1, 4, 5*). Этот образ пользовался широкой популярностью в среде местного православного населения, что нашло отражение в разнообразных по стилю изображениях голубя изделиях керамического производства (рис.355).

Уровень обживания внутри башни располагался непосредственно под слоем пожара и, в свою очередь, перекрывал известковые наслоения, связанные со строительством башни. Представлял собой уплотнённый слой прокалённого до коричневого цвета глинистого грунта с повышенным содержанием известковой крошки. Его толщина в центре помещения составляла 0,07 – 0,12 м, к стенам уменьшается до 0,03 м. Находки в этом слое немногочисленны, здесь обнаружены разрозненные фрагменты кухонной и столовой посуды XIV – XV вв.

Важная находка сделана в центре помещения, в верхней части слоя. При его расчистке, в 0,01 м от поверхности, найдена серебряная монета Хаджи-Гирея (чекан г. Крым), номиналом акче. К сожалению, дата чеканки не совсем ясна и поэтому может быть определена как 867 (26.9.1462 – 14.9.1463) или 871 (13.8.1466 – 1.8.1467) гг. х. Условия залегания монеты (под плотной прокалённой поверхностью пола) исключают её попадание сюда во время пожара.

Слой строительства внутри башни заполняет всё внутреннее пространство, перекрывая надматериковые глинистые образования. Толщина слоя переменная: у юго-западной стены она минимальная – 0,05 – 0,07 м; к юго-востоку возрастает до 0,15 м, достигая у юго-восточной стены 0,60 – 0,70 м. Структура слоя, в целом, однородная, состоит из крошки известкового раствора. В северо-восточной части помещения, у стены, он образует монолитную массу застывшей извести площадью около 8 кв.м. В слое отмечено большое количество древесной щепы и мелких обломков дерева. В зоне затвердевшего раствора выявлены гнезда и пустоты от отпечатавшихся в нём прямоугольных в сечении деревянных балок, имеющих характерную для дуба структуру. Балки, за исключением одной, лежали непосредственно на поверхности строительной площадки в 1 м от стены и, вероятно, предохраняли раствор от растекания.

Таким образом, в ходе раскопок башни Орта-Куле, несмотря на их незавершенность (остался неисследованным внешний северо-западный и

северо-восточный периметр), получен важный материал, позволяющий определить относительную дату возведения этого фортификационного сооружения и особенности его архитектуры. находка монеты Хаджи-Гирея (1462/63 или 1466 гг.) указывает на время, не ранее которого было завершено строительство башни. Учитывая, что в 1475 г. крепость была взята турками штурмом и сожжена (следы тотального пожара прослежены практически на всех участках, исследовавшихся на памятнике в 1984 – 1995 гг.), раскопки Орта-Куле позволили получить уникальный закрытый комплекс с весьма узким хронологическим диапазоном – 1462/67 – 1475 гг., т. е. – 8 – 13 лет.

Ближайшими аналогиями керамике из слоя пожара Орта-Куле являются находки из археологических раскопок Фуны (*Мыц*, 1988, с. 106 – 108, рис. 6;7; 1991а, с. 101 – 102, рис. 40; 41; 42,8–11], Симеиза, Ай-Годора, Гурзуфской крепости (*Паршина*, 1974, с. 70 – 71, рис. 10,1-7,9,13), дворца Мангупа (*Мыц*, 1991а, с. 102, рис. 42,1 – 7; 43 – 45; *Якобсон*, 1953, с. 399 – 401, рис. 13; 16; 32; *Даниленко, Романчук*, 1969, с. 116 – 133, табл. 1 – 4), которые могут быть датированы второй половиной – последней четвертью XV в.

Башня Орта-Куле являлась одним из важнейших оборонительных узлов генуэзской Лусты, традиционно связываемым исследователями с главными крепостными воротами (*Мыц, Лысенко, Семин* и др., 1997б, с. 210). Последние в пределах открытых раскопками участков куртин не обнаружены. Вероятнее всего они располагались у башни Чатал-Куле (с юго-западной стороны). Орта-Куле, по-видимому, состояла из трёх ярусов (реконструируемая высота не менее 21 м) с открытой боевой площадкой наверху. На уровне второго и третьего этажей она была трёхстенная, обращённая открытой стороной внутрь укрепления. Башни такого типа получили широкое распространение в фортификации Крыма XIV – XV вв. и известны, как на генуэзских памятниках (Каффа, Солдайя, Чембало), так и укреплениях владетелей Феодоро (Каламита, Мангуп (*Герцен*, 1990, с. 141 –

142), Фуна (*Кирилко, Мыц, 1991, с. 152 – 157, рис. 4*), Сандык-Кая (*Мыц, 1991а, с. 133, рис. 12,1*).

Замкнутым стенами со всех сторон был только первый этаж Орта-Куле (таким же образом устроены некоторые генуэзские башни в Каффе (*Айбабина, 1988, с. 71, 76, 79*), Солдаёе и Чембало, использовавшиеся, очевидно, не только как боевая позиция, но и в хозяйственно-бытовых целях: здесь найдены остатки сгоревшего зерна, столовая и кухонная посуда. Можно предположить, что это помещение временно служило и для отдыха караульных (*кардегардия*), хотя оно и не приспособлено для обогрева в холодное время (нет камина или очага). По-видимому, летом 1475 г. в башне находились её защитники (количество сосудов разного типа позволяет говорить, что их было примерно 20 человек). На первом этаже находилась одна амбразура подножного боя, на втором и третьем – по три. Если учесть, что из амбразур попеременно вели стрельбу два арбалетчика или лучника, то на трёх этажах размещалось не менее 14 стрелков. К тому же на верхней площадке могло расположиться не менее 8 – 10 воинов. Таким образом, максимальное число защитников башни могло составлять примерно 22 – 24 человека.

Строительство башни, вероятно, осуществлялось местными мастерами под наблюдением генуэзских фортификаторов, как это было в Каффе, Солдаёе, Чембало, Тасили и др. Весьма интересны в этом отношении результаты анализа линейных мер, применённых при возведении Орта-Куле. Например, толщина куртины, примыкающей к башне с северо-запада, составляет 1,70 м, что равно 2 пикко (1 пикко Каффы = 0,852 м) или около 3 браччо (1 браччо Генуи = 0,58 м (*Карнов, 1990, с. 334*); высота от пола до основания амбразуры подножного боя – около 1 пикко; длина башни – 13 пикко, а ширина – 12,5 пикко; толщина стен башни примерно – 3,5 пикко; высота первого яруса – 16,5 браччо и т.д.

При этом необходимо учитывать, что незначительные расхождения с абсолютными линейными мерами (исчисляемые в сотых метра) возникли из-

за погрешности при практических строительных работах. Следует также признать, что мастера, возводившие башню, считались с особенностями рельефа и наиболее возможным местом нападения (обстрела). Именно поэтому северо-западная стена имеет наибольшую толщину – 3,5 пикко, в то время как остальные – несколько тоньше (на 0,05 – 0,15 м).

Приведённые примеры, по-видимому, позволяют (пока только предварительно) говорить о том, что инженерно-строительные расчеты при проектировании Орта-Куле выполнялись с использованием каффинской меры длины *пикко* и генуэзской – *браччо*, вероятно, фортификатором прибывшим из Каффы. Данное предположение нуждается в специальном анализе с привлечением материалов не только крепостей Крыма, но и других регионов. Решение этой задачи может стать темой отдельного специального исследования фортификации генуэзских укреплений Газарии, которое либо подтвердит высказанное предположение, либо его опровергнет.

В целом же следует признать, что вопросы метрологии XIV – XV вв. применительно к архитектурным памятникам Генуэзской Газарии (и в первую очередь к хорошо сохранившимся фортификационным объектам) оказались вне внимания специалистов ввиду бытовавшего длительное время скептического отношения к возможности влияния латинского компонента на культуру средневековой Таврики (*Домбровский*, 1986, с. 525, 527; *Фирсов*, 1990, с. 68).

Для решения поставленной проблемы свидетельств исключительно нарративных источников будет явно не достаточно, потому что они освещают различные торговые операции, при которых указывается на применение венецианских и генуэзских мер длины (венецианских – 1 канна = 2,3 м и 1 браччо = 0,683 м; генуэзских – 1 канна = 2,973 м, 1 браччо = 0,58 м, 1 пикко = 0,852 м) исключительно для продаваемых на рынках Причерноморья тканей (*Барбаро*, 1971, с. 154, 178, прим. 109; *Карнов*, 1990, с. 334) и только в одном случае пальмо (1 пальмо = 0,274 м (*Карнов*, 1990, с.

334) фигурирует как мера протяженности разрушевшейся полностью оборонительной стены Солдайи (*Atti*, 1868, VI, doc. CXIX, p. 304).

Пеголотти в своей *La pratica della mercatura* сообщает, что в Каффе, Тане и Константинополе пикками измеряли шерстяные (*panni lani*), льняные (*teleline*), шёлковые ткани (*zendadi*), а также парусину (*canovacci*) (*Pegolotti*, 1936, p. 24, 26, 46). Кроме того, в Тане широко использовался в качестве меры *браччо* (*braccio*, от *brazo* – локоть) (*Скржинская*, 1971, с. 178, прим. 109). И.Барбаро отмечает использование в Тане и всём Северном Причерноморье меру длины называемую *pico de Gazaria* – т. е. локоть Газарии (*Барбаро*, 1971, с. 129, 154).

Не менее важные результаты получены в ходе раскопок башни Ашага-Куле, замыкающей юго-восточный фланг обороны генуэзской Лусты в XV в. (рис.353-356) (*Адаксина, Кирилко, Лысенко и др.*, 1994, с. 10 – 15). В плане башня круглая, с внутренним прямоугольным уступом в западной части стен и, видимо, была многоярусной закрытого типа. За линию куртин выступает на 6,50 м. Её внешний диаметр 9 – 9,2 м, внутренний – 3 – 3,4 м. Стены (их толщина возрастает в напольную сторону от 2,40 до 3 м) сложены в основном из крупных с лицевой подтёской глыб на известковом растворе, пустоты между которыми зачеканены мелкомерным камнем. Возведены на фундаменте, сооруженном в вырубленной в культурных наслоениях и материке постели (кладка фундамента выступает из внутреннего контура помещения постройки на 0,1 – 0,7 м).

На высоту около 16 м от основания стены сохранились на небольшом участке (в 1929 г. они укреплены консервационными кладками в виде контрфорсов). Здесь, с напольной стороны, признаков наличия бойниц в стенах башни не выявлено, что позволяет предположить устройство на её вершине машикули, как полагал Л.В.Фирсов (*Фирсов*, 1990, с. 71 – 72).

В нижней части стен башни обнаружены пустоты от двух ярусов сантрачной системы (на высоте 1,2 и 4,2 м от основания), использовавшейся при её строительстве. Нижний ярус состоял из деревянных брусев

прямоугольных в сечении (0,18 x 0,22 м) и длиной около 2 м, залегающих в кладке вдоль внешней лицевой поверхности, образуя в плане многоугольник (рис.354). Здесь же отмечены семь радиально располагавшихся балок с теми же параметрами сечения. С внешним поясом яруса они состыковывались пазами, не выступая за лицевую поверхность стен. Кроме того, вся эта конструкция была скреплена тремя длинными балками, уложенными в кладку по касательным к внутренней поверхности стен. Второй ярус сантрачной системы состоял из двух пар балок размещавшихся почти параллельно в массиве бутовой кладки.

Наличие внутреннего почти прямоугольного уступа в западной части стены Ашага-Куле обусловлено тем, что башня была пристроена к внешней стороне существовавших ранее кладок, образующих в плане угол около 100°, сложенных из разномерного бута на грязевом растворе (сохранились на высоту до 2,1 м при ширине 1,7 и 1,05 м). Их лицевые поверхности выложены из крупных камней с соблюдением порядовки и между собой перевязаны (рис.353;355).

Обе эти стены, по-видимому, представляют собой остатки оборонительных сооружений 20-х гг. XV в. Они установлены, практически, без специальной нивелировки поверхности и перекрывали ранее существовавшее здесь городское кладбище, формировавшееся вокруг небольшой часовни (рис.353). Некрополь продолжал функционировать на этом участке и позднее, потому что некоторые плитовые могилы и гробницы оказались пристроенными к крепостным стенам. Очевидно, поэтому при строительстве Ашага-Куле угол образованный двумя куртинами не был разобран полностью, а включён в массив её кладки (это позволило сохранить несколько располагавшихся здесь гробниц).

Мощность культурных отложений внутри башни достигала 6 м (рис. 356). При раскопках выяснилось, что большая часть заполнения Ашага-Куле, основную массу которого составлял слой разрушения, сформировалась в XIX в. До этого, в XVIII – XIX вв. внутреннее помещение использовалось в

хозяйственных целях. Слой, связанный с пожаром, залегал на 0,5 м ниже уровня пола XIX в. Судя по найденным здесь оплавленным осколкам габбродиорита, температура в башне во время пожара превышала 1100°. В слое пожара обнаружены обугленные остатки деревянного межэтажного перекрытия (рис.356), среди которых найдены четырехгранные в сечении кованые гвозди и 3 ядра для баллисты (диаметром 11,4 – 11,6 см). Под сгоревшим перекрытием залегал слой прокаленного до красного цвета грунта мощностью 0,3 м.

Пол внутреннего помещения Ашага-Куле открыт на глубине 5,1 м. Это слой плотного глинистого грунта с впущенными с его поверхности пятью ямами для установки небольших пифосов, изъятых ещё до возникновения пожара. На полу башни и в углублениях для установки сосудов найдены фрагменты красноглиняных поливных кувшинов и чаш, кухонных тонкостенных горшков, кувшинов орнаментированных росписью белым ангобом (рис.357-361).

В нивелирующей подсыпке под полом башни найдена монета (татаро-генуэзский аспр Каффы 1421 – 1435 гг.), свидетельствующая о том, что это строение возведено не ранее 20 – 30-х гг. XV в. Основная масса керамического материала, обнаруженного под полом, относится к концу XIV – XV вв. Западная часть фундамента перекрыла существовавшую на этом месте гробницу городского кладбища (стены сложены из бута на грязевом растворе, а покрытие состояло из тонких плит песчаника. В могиле находились потревоженные останки четырёх погребённых. Здесь найдены бронзовые перстень и шаровидная пуговица. Подобные предметы бытовали длительное время и поэтому датируются в весьма широких пределах – XII – XV вв., что не позволяет их использовать в качестве хронологического репера при определении времени строительства круглой башни.

При исследовании Ашага-Куле изучен обширный участок внутренней территории генуэзской Лусты. Мощность культурных напластований достигала 3 м (рис.355-356). В пределах раскопа открыты куртины,

примыкавшие к ней: южная (её ширина 2 м) расчищена на 7,3 м; восточная (шириной 1,60 м) – на 37,5 м. В восточной крепостной стене, возведённой, по-видимому, во второй четверти XV в., находился воротный проём (использовался до 60-х гг. XV в.) шириной 1,85 м с порогом, сложенным из разномерного необработанного камня на известковом растворе. Но впоследствии (при строительстве башни Ашага-Куле) этот проём был заложен с напольной стороны стеной (её ширина 0,40 м, кладка выполнена на известковом растворе).

С южной стороны проёма (у стены башни) *in situ* найдена железная оковка нижнего угла воротного полотна с пятой и подпятником. Подпятник крепился, очевидно, в дверном бруске, являвшемся частью порога. Ниже уровня порога открыта поверхность проезда, выложенная морской галькой. Воротный проём был заложен после частичной разборки куртины.

Полученные в ходе раскопок материалы позволяют считать, что до 20-х гг. XV в. генуэзцы ограничились своими фортификационными мероприятиями в Алуште ремонтом и восстановлением византийских укреплений, возведённых при Юстиниане I (527 – 565) (*Мыц*, 1997, с. 187 – 199). Из цитадели происходит единственный грекоязычный лапидарный памятник, свидетельствующий о строительстве (восстановлении) в 1404 г. неким Георгием трехапсидного базиликального храма (*Соломоник*, 1991, с. 172 – 173, рис. 1) (рис.362;363).

В момент обострения политических отношений с правителем Феодоро Алексеем I, начавшим военные действия против Каффы с целью захватить всё побережье Готии от Чембало до Лусты (1422 – 1423 гг.), в спешном порядке строится внешняя линия обороны: южная стена её сложена на грязевом растворе, причём оборонительные стены устанавливаются без специальной нивелировки поверхности и не имеют фундаментов. Это позволило увеличить защищенную часть города на 0,75 га (в 2,1 раза).

Последний строительный период относится уже к 60-м гг. XV в. В это время полностью перестраивается внешний периметр обороны, который

несколько выдвигается в напольную сторону. Возведению куртин и башен предшествует тщательная инженерная подготовка в виде вертикальной и горизонтальной нивелировки поверхности склона Крепостной горки. Новые фортификационные сооружения отличаются высоким качеством выполнения строительных работ и соответствуют требованиям защиты от огнестрельной артиллерии. Высота башен достигала 20 – 22 м, а стен – 11 – 11,5 м.

6.3.4. Луста, Чембало и Капитанство Готии в третьей четверти XV в.

Пока трудно определить на протяжении какого времени генуэзцами была создана вторая линия обороны Алушты и выполнялось это поэтапно или как одноразовая акция. Выше отмечалось, что при раскопках Ашага-Куле, в нивелирующей подсыпке под полом, найдена монета (татаро-генуэзский аспр г. Каффы 1421 – 1435 гг. времени правления золотоордынского хана Улу-Мухаммеда – 1421 – 1426, 1428 – 1436 гг. и Миланского герцога Филиппо Мариа Висконти – 1421 – 1435 гг.), свидетельствующая о том, что эта башня была возведена не ранее 20 – 30-х гг. XV в.

На основании изучения башни Орта-Куле, можно предположить, что в 60-х гг. XV в. (не ранее 1462/63 г.) генуэзцами завершается крепостное строительство Лусты. К этому времени город обносится внешней (второй) оборонительной стеной с тремя башнями. Очевидно, у генуэзцев были веские причины для создания, пусть даже и небольшой по размерам, но хорошо защищенной крепости, которая на всём протяжении побережья (от Солдайи до Чембало) обладала наиболее мощными фортификационными сооружениями.

Из Устава 1449 г. известно, что в генуэзской Лусте находился консул, обязанный при вступлении в должность внести в казну 2 сомма (*Устав*, 1863, с. 675). Но до сих пор нам неизвестны консулы Лусты (как, кстати, и имена других официалов, получавших должности консулов на побережье Крымской Ривьеры: Партените, Гурзуфе и Ялите). Не открыт в крепости и

замок консула, который, вероятнее всего, располагался в цитадели (?) на самой вершине Крепостной горы.

Именно к этому времени относится активизация строительной деятельности генуэзцев по ремонту и возведению новых фортификационных сооружений в Газарии. Суммы, выделяемые магистратами Каффы на ремонт крепостных сооружений в 1461 – 1472 гг. неизменно увеличиваются. Только в 1465 г. на эти цели было израсходовано 1410906 аспров (*Balard, Veinstein, 1981, p. 87*). В 1467 г. (в консулат Калочеро де Гвизольфи) в Каффе проводится ремонт ворот Св. Георгия и башни Св. Константина (*Юржевич, 1863, с. 165; Skrzinska, 1928, p. 65 – 68, № 16, 17; Balard, Veinstein, 1981, p. 87; Айбабина, 1988, с. 76; Бочаров, 1998, с. 88, 93, табл. 1, 2*).

В одном из армянских источников содержится свидетельство, касающееся совместных усилий разноэтничных городских общин по укреплению Каффы. 16 ноября 1467 г., когда было закончено восстановление части стен города, «франки, армяне и ромеи, поднимаясь со [своими] епископами и священниками, совершили обход с Крестом и Евангелием; и они благословили [это] место» (*Cazacu, Kevonian, 1976, p. 502*). Причём, деятельность по совершенствованию системы обороны главной лигурийской фактории не прекращается вплоть до момента нападения турок в 1475 г. (*Skrzinska, 1928, p. 69 – 73, № 18 – 22; Бочаров, 1998, с. 91 – 96, рис. 1 – 20*).

Теми же проблемами были озабочены и консулы второго по размерам и значимости города – Солдайи (рис.173). Хотя наиболее поздняя из известных датированная надпись относится к 1469 г. (на ней в центре помещено изображение Богородицы с младенцем, а по бокам – два герба консула Бернардо де Амико (*Скржинская, 1958, с. 174*), в документах переписки содержатся сведения о проведении здесь ремонтных работ крепостных сооружений. Например, когда консул Каффы Антониотто Кабелла 17 сентября 1474 г. обращается к Христофоро ди Негро: «С божьей помощью начинаем мы новое строительство, просим вас прислать нам шесть хороших

мастеров – каменщиков, которых сможете разыскать в вашем городе, не трогая работающих в замке Тасили, так как мы понимаем, как они нужны там ввиду надвигающихся событий» (*Atti*, 1879, VII, Doc. IX, p. 300 – 301; *Милицин*, 1955, с. 79), то консул Солдайи, вежливо ему отказывает, сетуя на то, что все мастера-каменщики города заняты на восстановлении фундамента большой башни (*Atti*, 1879, VII, Doc. X, p. 303; *Милицин*, 1955, с. 81).

В 60-х гг. XV в. генуэзцы продолжали строительные работы в Чембало (в конце 1454 – начале 1455 гг. проводится ремонт фортификационных сооружений в замках Св. Николая и Св.Георгия (*Atti*, 1868, VI, Doc. XCVII, 28 January 1455 a., p. 279 – 280), о чём свидетельствуют надписи 1463 (Барнабо де Грилло) и 1467 гг. (Баптиста де Олива) (*Skrzinska*, 1928, p. 129 – 134, №54 – 55). Здесь, на протяжении пяти лет и по единому проекту, полностью реконструируется внешний контур оборонительной системы города. Нижняя башня – Барнабо де Грилло – окружается дополнительным поясом кладки и получает эллипсоидную форму (ранее она была прямоугольная размером 6,50 x 5,90 м), будучи прикрытой с севера и востока барбаканом (рис.175,31;471). После перестройки 1463 г. её параметры увеличиваются за счет внешней пристройки до 8,20 x 9,20 м. Ещё более существенной реконструкции подверглись главные ворота крепости. Здесь, на месте фланкирующего выступа, возводится башня №5 (10,30 x 8,30 м, в плане имеет форму эллипса, сохранившаяся высота – 9,70 м), соединенная с барбаканом стеной, в которой располагался проём ворот, перекрывавшийся стрельчатой аркой с тимпаном (рис.471).

На самой высшей точке скальной возвышенности в 1467 г. завершается строительство нового замка Св. Георгия, в системе обороны которого основную роль играет донжон⁴⁰⁹ (башня возведена, видимо, в 1454 г., когда она упомянута впервые (*Atti*, 1868, VI, Doc. XCVII, 28 January 1455 a., p. 279 –

⁴⁰⁹ Башня Св.Георгия, по-видимому, возведена на средства Банка в 1454 г., т.к. впервые упоминается в генуэзском документе в январе 1455 г. (*Atti*, 1868, VI, Doc. XCVII, 28 January 1455 a., p. 279 – 280).

280). Его современная высота 18 м (первоначально, вероятно, достигала 22 – 23 м). В основании строения имеет форму круга диаметром 12,50 x 12,70 м; стоит на мощном цоколе высотой 6,50 м, имеющим в разрезе форму трапеции. Кверху цоколь сужается до 8,60 – 8,80 м. Толщина стен башни 1,90 м (рис.175,39).

Она состояла из трёх этажей и верхней боевой площадки с зубчатым парапетом, установленном на аркатурных поясах и выносных кронштейнах с машикули. В нижнем (цокольном) этаже размещалась большая цистерна для воды, оштукатуренная цемянковым раствором. Вода сюда поступала самотеком по водопроводу из керамических труб, проведённому от верховьев балки Кефало-Вриси (греч. – *Голова источника*) в 1,5 км к востоку от крепости (*Монтандон*, 1997, с. 64; *Репников*, 1940, с. 3).

Важным стимулом проведения фортификационных мероприятий для генуэзцев являлась реальная угроза захвата Газарии османами (особенно после аннексии в 1461 г. Трапезунда) и участвовавшие нападений на побережье Готии и Солдаи турецких пиратов, о чём уже говорилось ранее. В районе Лусты военно-политическая ситуация этого времени осложнялась ещё и опасным соседством с владельцами Феодоро, которые в 1459 г. практически заново возводят (капитально перестроив более раннее укрепление) замок у селения Фуна (*Мыц*, 1988, с. 104).

В 1467 г. в метрополию, с очередной просьбой о помощи, направляются Джулиано Фиески и Бартоломео Сантамброджио. Сохранившиеся в архиве Генуи 9 документов этой миссии содержат две копии описи вооружения, находившегося на тот момент в Каффе, две копии списков гражданских (*provisionati*) и военных (*socii*) лиц, служащих коммуну (составлены массарием Карло Чиконья), а также другие материалы, касающиеся вопросов организации защиты и управления факториями (*Assini*, 1999, p.15-16).

8 апреля 1468 г. в Генуе состоялось заседание Большого совета, на котором подробно обсуждались жизненно важные проблемы спасения от турок Черноморских факторий. Но делалось это с очевидным желанием

свести к минимуму всю тяжесть положения, что заслужило упрёк Баттисты де Гоано, говорившего, что памятуя об утрате, понесенной генуэзцами в Пере из-за собственного небрежения, следовало бы оказать необходимую помощь хотя бы Каффе (*Assini*, 1999, p.16).

Для обеспечения эффективного военно-административного контроля над побережьем генуэзской Газарии от границ консульства Солдаи до консульства Чембало была создана (по-видимому, не ранее 1428 г.) специальная официя – Капитанство Готии. В структуре и функционировании этого ведомства до настоящего времени остаётся много неясного. Неизвестно и точное место пребывания капитана Готии. А.А.Васильев считал, что этот чиновник проживал в Каффе, где находилась его резиденция, будучи подчинённым и подотчётным консулу и викарию главной генуэзской фактории в Причерноморье (*Vasiliev*, 1936, p. 182).

Однако сомнительно, чтобы можно было эффективно управлять данной территорией, постоянно проживая в Каффе. Поэтому мною было высказано предположение, что центром Капитанства Готия являлась Луста, как наиболее укреплённая из всех генуэзских пунктов побережья от Солдаи до Чембало (*Мыц*, 1991а, с. 78). Данный тезис требует дальнейшей разработки и поиска подтверждающих гипотезу фактов. Тем не менее, можно полагать, что все масштабные фортификационные мероприятия генуэзцев по укреплению факторий Готии происходили при непосредственном участии и под контролем капитанов. Дополнительную ясность в этот вопрос могли бы внести находки закладных плит, свидетельствующих о строительстве, но, несмотря на продолжительное проведение археологических исследований в 1950 – 1990-х гг., в том числе и в Алуште, до настоящего времени здесь не обнаружено ни одного памятника латинской эпиграфики, на что обратил внимание в своё время Л.В.Фирсов (*Фирсов*, 1990, с. 68).

Известные нам источники сообщают, что капитанами Готии были: в 1429 г. Батиста де Гандино, в 1448 г. Батиста Маркессано (назначен в Генуе 28 марта 1448 г. капитаном всей Готии (*Iorga*, 1899, III, p. 235). Первым

официалом, получившим патент на эту должность от протекторов Банка Св.Георгия 22 августа 1454 г. был Бальтазаре де Андора, но, по всей видимости, он вскоре отказался от нее, потому что на повторных выборах отмечено сначала имя Томмазо ди Вольтаджо, а затем – Зерино ди Каннето (*Atti*, 1879, VII, p. 983). После этого наступает пятилетний перерыв в назначении капитанов Готии. Только 9 мая 1459 г. патент на управление этой официей сроком на два года (т. е. по 9 мая 1461 г.) от протекторов Банка получил Иеронимо Герарди (*Atti*, 1879, VII, p. 983; *Vasiliev*, 1936, p. 228 – 229). Далее назначения на должность капитанов Готии следуют с небольшими перерывами до сентября 1474 г., что указывает на её важность в системе управления факториями побережья. Весьма симптоматично возобновление регулярных назначений с весны 1459 г. Предположительно это можно связать с поступившими в Геную (вероятно, в конце 1458 г.) сведениями о строительстве владетелями Феодоро замка у селения Фуна.

Преемником Иеронимо Герарди стал Франческо де Мари, избранный на должность капитана Готии по итогам конкурса 10 апреля 1461 г. Он получил 27 мая патент сроком на два года и два месяца (*Atti*, 1879, VII, p. 983). На время официи де Мари приходится сразу несколько важных военнополитических событий в Причерноморье, среди которых наиболее значимым являлось завоевание Мехмедом II в 1461 г. Синопа и Трапезудской империи, пленение Давида Великого Комнина и его семьи. По всей видимости, именно эти события и явились тем стимулом, который заставляет протекторов Банка приступить к реализации широкомасштабной программы по укреплению Причерноморских факторий.

28 сентября 1463 г. (патент от 21 октября) капитаном Готии, сроком на 13 месяцев, избирается Анфреоне Каттанео (*Atti*, 1868, VI, p. 121, doc. DLXV; 1879, VII, p. 983–984). Следующим официалом, в управлении которого находилась Готия на протяжении 1466 – 1467 гг., был Христофоро де Франки Сакко (*Atti*, 1879, VII, p. 984) (избран 19 февраля 1466 г., патент от 23 мая). По-видимому, что после Анфреоне Каттанео (срок его официи завершился

21 ноября 1464 г.) на протяжении полутора лет в метрополии не нашлось желающих отправиться в фактории Причерноморья для занятия должности капитана Готии. Вероятно, эта официя на указанный срок была продана с торгов в Каффе, но кто её занимал неизвестно. Преемником Христофоро де Франки являлся Манфредо де Промонторио, также получивший патент (избран 16 февраля 1467 г.) сроком на 26 месяцев, т. е. на 1467/68 гг. (*Atti*, 1879, VII, р. 984). После чего опять следует более чем двухлетняя лакуна (с 16 апреля 1468 по 3 июля 1470 г., когда капитаном избирается Дессерино де Каннето). Каннето отправляется в Каффу после 14 августа с патентом на 26 месяцев (*Atti*, 1879, VII, р. 984).

В 1470 г. в Геную из Каффы с важным посланием от консула и массариев прибыл Джорджо Лаззарини. Протекторы Банка, желая компенсировать понесённые им при этом расходы, 26 октября предоставляют Лаззарини официю капитана Готии, которую он должен занять после окончания срока полномочий (т. е. после 14 октября 1471 г.) Дессерино де Каннето. Лаззарини возвратился в Газарию весной 1471 г., получив 15 января в Генуе патент (*Atti*, 1879, VII, р. 985; *Vasiliev*, 1936, р. 229).

В условиях нарастающей опасности нового военного столкновения с турками и волнениями в генуэзских факториях Газарии протекторы Банка специальным декретом от 14 февраля 1472 г. назначают капитаном Готии Николо Маффеи, получившего уже через четыре дня (18 февраля) патент со специальным предписанием, что он прибудет в Газарию не позднее, чем через 8 месяцев и не покинет пределы Каффы или других мест Великого моря, в том числе и Перу, пока не закончится срок его официи (*Atti*, 1879, VII, р. 839). В том же году (1 июня 1472 г.) в качестве преемника Маффеи избран Лаззаро Кальвини (*Atti*, 1879, VII, р. 985). Однако Лаззаро, в 1473 г. (до 11 мая) обратился к протекторам с петицией, содержащей мотивацию причин невозможности исполнять обязанности официала Готии и предложением заменить его братом Антонио, получившим 18 мая 1473 г. патент на 26 месяцев (*Atti*, 1879, р. 985 – 986).

Несмотря на то, что срок полномочий Антонио Кальвини истек 18 июля 1474 г., протекторы выдали патент его преемнику – Джанагостино Каттанео – только 10 сентября (*Atti*, 1879, VII, P. II, f. 1, p. 117, 986; *Condioti*, 1925, p. 546–547). Каттанео являлся последним генуэзским чиновником, исполнявшим обязанности капитана Готии до момента завоевания лигурийских факторий турками летом 1475 г. Его дальнейшая судьба неизвестна (*Vasiliev*, 1936, p. 264).

В связи с ограниченностью имеющихся в нашем распоряжении материалов и, прежде всего, из-за отсутствия строительных закладных плит на Орта-Куле, Ашага-Куле и Чатал-Куле можно только предположительно считать, что внешняя линия обороны генуэзской Лусты была построена во время пребывания на должности капитанов Готии Франческо де Мари (27 мая 1461 – 27 июля 1463 г.), Анфреоне Каттанео (21 октября 1463 – 21 ноября 1464 г.), Христофоро де Франки Сакко (23 мая 1466 – 23 июля 1467 г.) и Манфредо де Промонтарио (24 июля 1467 – 24 сентября 1468 г.).

Требует дальнейшего изучения и вопрос, кому принадлежала Луста перед завоеванием Готии османами – генуэзцам или феодоритам? Как уже отмечалось, источники вроде бы указывают на то, что к 1474 г. город и крепость находились во владении господ из Готии (*Милицин*, 1955, с. 91). На основании материалов из *Дела Гваско* С.А.Секиринский полагал, что Луста, в третьей четверти XV в., уже не входила в состав генуэзских владений, как это было принято думать ранее. Власть Феодоро в эти годы распространялась до границ Солдайского консульства (*Секиринский*, 1955, с. 54). Данное мнение было поддержано рядом исследователей (*Веймарн*, 1968, с. 80; *Домбровский*, 1966а, с. 18, рис. 2; 1986, с. 535, карта на с. 524) и в дальнейшем уже воспринималась как аксиома.

На мой взгляд, нельзя столь однозначно трактовать материалы переписки консула Солдаи Христофоро ди Negro с официальными Каффы и протекторами Банка Св.Георгия. В списке обвинений против братьев ди Гваско, Христофоро ди Negro сообщает, что они приказали сжечь несколько

овчарен владельца Лусты и причинили ему большой вред, унизив господ из Готии. Об этом они «жаловались в Каффе, а также господину Оберто Скварчафико и официалам казначейства при недавнем их приезде из Чембало, требуя удовлетворения и надлежащих мер для пресечения на будущее время подобных бесчинств». В противном случае господа из Готии сами позаботятся о своей защите «от убытков и поругания чести». Поэтому консул опасается возникновения неурядиц и вовлечения в войну с господами Готии» (*Atti*, 1879, VII, p. 319; *Милицин*, 1955, с. 91).

Во-первых, приведённый текст говорит о том, что пострадавшая сторона (владелец Лусты) апеллировал к официалам Каффы и пытался таким образом разрешить конфликт с братьями Гваско. Во-вторых, только, по мнению Христофоро ди Негро эти жалобы на действия Гваско могут вовлечь в войну с господами Готии. В-третьих, есть основания считать, что встреча владельца Лусты с первым массарием Каффы Оберто Скварчафико и официальными казначейства состоялась именно в Лусте, когда те направлялись из Чембало в Каффу⁴¹⁰. В-четвертых, письмо с набором жалоб на действия Гваско и поддерживавших их магистратов Каффы протекторам Банка отправлено Христофоро ди Негро из Солдаи в Геную не ранее 21 октября 1474 г., а сам конфликт относится к лету этого года.

Вне внимания С.А.Милицина и С.А.Секиринского остались документы, касающиеся деятельности в 1473 – 1474 гг. экс-консула Каффы Баптисты Джустиниани и относящиеся к рассматриваемым событиям. В ответе на второе обвинение Христофоро ди Негро 19 августа 1474 г. Баптиста Джустиниани говорил, что оно содержит больше обвинений, чем предъявлено самими канлюками... При этом Джустиниани замечает, что донесение самого обвинителя (Христофоро ди Негро – В.М.) основано на ненависти, обращённой к семье Гваско, и в особенности к сыновьям покойного нобиля Антонио. Хотя экс-консул вынужденно признаёт, что

⁴¹⁰ В Солдае массарий Оберто Скварчафико и официалы казначейства побывали между 20 сентября и 13 октября 1474 г. (*Милицин*, 1955, с. 81 – 82).

поддавшись соблазну близкого расположения, ими (сыновьями Антонио ди Гваско – В.М.) было захвачено одно селение из числа 10 сёл, принадлежавших Дербиберди, господину Лусты. Данное событие (захват – В.М.) послужило поводом для обвинения нашей республики. Следы нанесённого ущерба видел сам Бартоломео Сантамброджио, которому удалось тайно побывать в том селении в связи с проводимым им расследованием. Где он тайком спрашивал о случившемся пастухов-татар. Особенно сильное впечатление на него произвели своим видом ужасные фурки (*furcas*)⁴¹¹. И тем не менее Баптиста Джустиниани находит оправдание действий братьев Гваско в том, что и Биберди, как рассказывали сыновья Антонио ди Гваско, совершил стремительный набег на селение Скути. (*Atti*, 1879, VII, p. 411 – 412).

Из выступления экс-консула Каффы узнаём о конфликтах, происходивших на границе владений консульства Солдайи и капитанства Готии. При этом возникает ряд вопросов, на которые, в настоящее время, весьма затруднительно дать однозначные и убедительные ответы. Столкновение братьев Гваско с господином Лусты Дербиберди (Биберди), получившим в управление 10 селений (по-видимому, после гибели его отца в начале 1460 г.), относится к лету 1474 г., когда Гваско предприняли попытку захватить одно из сёл, которое при этом сильно пострадало.

Ближайшим селением, расположенным к западу от Скути на границе консульства Солдайи с Капитанством Готии, являлась Канака (*de lo Canecha*) (см. *Бочаров*, 2004, с. 148, 150). В нём проживали и подданные хана (*Canachi de minorum tartarorum*) (*Atti*, 1879, VII, p. 408, 415)⁴¹². Именно об этом поселении и идёт речь в генуэзских источниках. Для расследования

⁴¹¹ С.А.Милицин *furcas* переводил как виселицы (например, «они установили виселицы в деревне Скути и позорные столбы в Тасили» (*Милицын*, 1955, с. 91, док. XX) (*Atti*, 1879, VII, p. 319). Однако, *furca* – это орудие казни в виде вилообразного креста, а также колодка (рогатка) изготовленная в форме V или П, надевавшаяся провинившимся рабам на шею. Поэтому ни те и не другие нельзя называть виселицами.

⁴¹² На совместное проживание татар и *канлюхов* в данной местности вполне определенно указывают латинские источники (*habere misclationes cum tartaris et participationem cum canluchis*) (*Atti*, 1879, VII, p. 411).

инцидента консулом Каффы был направлен один из членов оффиции Кампаньи – Бартоломео ди Сантамброджио (*Atti*, 1879, VII, p. 408, 414).

В состав следственной комиссии также входили (влиятельные) жители Каффы – еврей Кокос (*Cocos judeo*) и армянин Терсес (*Terseac armeno*), сопровождаемые товарищами (*socii*). При этом разбирательстве (произошло до 16 августа 1474 г.) в Канаку пригласили всех братьев Гваско. Судя по документам, урегулирование конфликта относится ко второй половине августа (не позднее 19 числа). Этот случай стал поводом для обвинения, выдвинутого членом оффиции Кампаньи Бартоломео Сантамброджио против Батисты Джустиниани, который якобы, своими добрыми отношениями с семейством ди Гваско, тому потворствовал. На эти домыслы Баптиста ответил тем, что возглавлявшие расследование о происшествии в Канаке – с одной стороны еврей Кокос и армянин Терсес, а с другой – госпожа Катарина ди Гваско – вдова Антонио ди Гваско - были приняты Менгли Гиреем и добились во время аудиенции положительного результата (*Atti*, 1879, VII, p. 418).

Данный эпизод (после получения в Генуе писем Христофоро ди Негро и Бартоломео Сантамброджио) был рассмотрен 19 июня 1475 г. заново протекторами Банка. Ими было принято следующее решение. Баптиста Джустиниани Оливьеро, допустивший подобный конфликт, должен был уплатить штраф в 2000 аспров Каффы. Обвинение по этому пункту будет отменено после того, как из Каффы придут письменные подтверждения от еврея Кокоса, армянина Терсеса, госпожи Катерины ди Гваско и императора татар, заверенные массариями фактории (*Atti*, 1879, VII, doc. MCXXXVIII, p. 231 – 232). Но к моменту этого заседания (19 июня 1475 г.) Каффа уже около двух недель находилась в руках османов, Менгли I Гирей был арестован, а о судьбе остальных участников процесса нам ничего не известно.

История средневековья полна эпизодами раздоров, постоянно вспыхивавших между феодалами, являвшимися зачастую вассалами одного сеньора: ведь конфликт между консулом Солдайи и Гваско не означал, что те

же Гваско полностью вышли из подчинения властей Каффы. Вероятно, положение дел с Лустой, в рассматриваемый период, обстояло значительно сложнее, чем это представлялось ранее. Её владелец мог быть местным феодалом, на территории которого располагалась генуэзская фактория, обладавшая автономными юридическими правами. В то же время, он являлся и вассалом господ из Готии (Феодоро). Именно в таком ракурсе предлагал рассматривать эту проблему А.Л.Бертъе-Делагард, определяя статус Дербиберди, как двуподданство (*Бертъе-Делагард*, 1918, с. 26). К тому же каноники Лусты и её округа подчинялись митрополиту Готской епархии (*Мыц*, 1991в, с. 188 – 189). Если учесть, что после 1441 г. источники не отмечают каких-либо военных столкновений между генуэзцами и феодоритами, то остаётся загадкой, как Луста перешла в подчинение последним. Тем более что в 60-х гг. XV в. (о чём убедительно свидетельствуют материалы археологических исследований) генуэзцами активно ведутся строительные работы по укреплению обороны этого города.

Совершенно очевидно, что для решения вопроса о характере двуподданства владельцев Лусты в последней трети XV в., необходимо привлечение дополнительных источников, в том числе и сравнительного характера. Насколько и в какой степени они находились в зависимости от официалов Генуи (Банка Св.Георгия) и господ из Готии? В этом отношении определяющим, по-видимому, является эпизод с Бердибеком в 1460 г., судьба которого была решена ханом Хаджи Гиреем после согласования с Кейхиби, но без какого-либо участия (кроме сочувствия) магистратов Каффы, власть которых ограничивалась в Лусте пределами оборонительных стен города.

В этом отношении также показателен административный статус Копы. Временное (сезонное) управление в фактории осуществлялось совместно направляемым сюда консулом Каффы и местным адыгейским князем – господином Парсабеком владельцем Копарии (*Atti*, 1874, VI, p. 883. doc. VXXXVIII, 1472, 15 decembre). Сходной системой управления обладал и Себастополис, принадлежавший Бендиано (*Atti*, 1874, VI, p. 883).

Ещё более сложную систему кондоминантного владения представляла собой Матрега, располагавшаяся на адыгской территории, но её правителем с одной стороны, был Захария де Гизольфи (по происхождению полугенуэзец, полуадыг (*Некрасов*, 1990, с. 36 – 37), а с другой – адыгские князья. К какому типу сеньории в XV в. относилась Луста – имеющиеся источники дать однозначное определение пока не позволяют.

На сегодняшний день мы обладаем сведениями только о двух владельцах Лусты второй половины XV в. Как уже отмечалось в предыдущей главе, в реляции, посланной 5 мая 1460 г. протекторам Банка Св.Георгия консулом Мартино Джустиниани, провизорами и массариями Бартоломео Джентиле и Лукой Сальваго, содержится краткий пассаж, повествующий о трагической судьбе сеньора Лусты – Бердибека. Оказывается Бердибек вёл посреднические переговоры между Хаджи Гиреем и адыгским князем Биберди, владельцем Кримука. Встреча должна была состояться в Воспоро, но Биберди, в самый последний момент, отказался в ней участвовать. Разгневанный хан на обратном пути приказал задержать близ Солхата Бердибека и, получив согласие господина Готии Кейхиби (Чейхиби?), приходившегося тому братом, предал его смерти. В Лусте тогда находился один из сыновей покойного Бердибека (известный нам по более поздним источникам Дербиберди) (*Assini*, 1999, p.15). Именно на его годы правления (1460 – 1475) и приходятся грандиозные по своим масштабам строительные работы в генуэзской Лусте. Нам неизвестно, где находилась резиденция данного правителя, в самом городе или где-либо за его пределами. Материалы археологических исследований не дают оснований даже для самых осторожных предположений, потому что и в цитадели Лусты пока не выявлено строений, которые можно было бы интерпретировать как жилище феодального владельца.

Следует также обратить внимание на отсутствие в генуэзских источниках, связанных с *Делом братьев Гваско*, упоминаний о капитанах Готии, которые, очевидно, должны были вмешаться в конфликт или участвовать в его

урегулировании. Но, как отмечалось выше, срок полномочий Антонио Кальвини закончился 10 июля 1474 г., а его преемник, Джагостино Каттанео, получил в Генуе патент 10 сентября и поэтому он мог появиться в Каффе не ранее середины декабря. Таким образом, возникновение конфликтных ситуаций на восточной границе генуэзской Готии могло совпадать по времени с вакансией оффиции капитана Готии.

6.4. Керкер, Каффа и Феодоро в 50-х гг. XV в.

Падение Константинополя и переход Причерноморских факторий Генуи в управление Банком Св.Георгия, а также очевидная реальность завоевания Генуэзской Газарии османами, внесли существенные изменения в политические отношения двух давних соперников на территории полуострова – Каффы и Феодоро. С этого времени (1453 г.) и до момента капитуляции Каффы в июне 1475 г. между феодоритами и генуэзцами не отмечено ни одного вооружённого конфликта, хотя их взаимоотношения иногда и приобретали напряжённый характер из-за торгового соперничества.

6.4.1. Политические отношения между Каффой и Феодоро в 1453 – 1455 гг.

Первые признаки произошедших изменений проявляются весной 1454 г. Когда правителю Феодоро Олобо удалось получить от одного задержанного турка сведения о намерении османов совершить нападение на побережье Газарии, то он направил письмо в Каффу, сообщив о приготовлениях Мехмеда II к военной операции в бассейне Чёрного моря. Консул Каффы Деметрио ди Вивальди специально отметил дружественный политический жест Олобея из Феодоро в послании от 21 октября 1454 г. протекторам Банка (*Atti*, 1868, VI, doc. XXXIV, p. 113). Сменивший его в 1455 г. на этом посту Томмазо Домокульта в донесении, датированном июлем того же года, ссылается на соглашения и договоры (*conventiones et pacta*) достигнутые между генуэзцами и господином Олобеем (*Atti*, 1868, VI, doc. CL, p. 36).

Значительно большую ясность в сложившиеся политические отношения на полуострове между Каффой, Феодоро и Крымским ханством вносит

обнаруженное Альфонсо Ассини письмо (извлечено из связки Канцелярии, № 223). Повреждения письма не позволяют установить имена отправителя, получателя и дату, но, по мнению А.Ассини, таковыми являются консул Каффы Томмазо Домокульта, провизоры и массарии Антонио Леркари и Дамьяно Леоне. Попечителям Банка Св.Георгия ими подготовлен обстоятельный отчёт о положении дел в Черноморских факториях. Хронологическое изложение событий следует за их же письмом, написанном в июле – августе 1455 г. и предшествует ответному посланию протекторов от 27/28 ноября 1456 г., что позволяет датировать его февралём 1456 г. (*Assini*, 1999, р. 6). Помимо констатации сложностей, связанных с поставками продовольствия в город и необходимости усилить его защиту, в донесении особое внимание уделено внешним сношениям с правителями Причерноморских государств. Здесь, кроме уже известных событий, дополненных новыми деталями (потеря замка Писе, отвоевание замка *Vatiarium*, возвращённого Илларио де Марини, охота за изменившими коммуне наёмниками (*socii*), предводительствуемыми Якопо ди Капуа, часть из них удалось захватить в Монкастро), описываются установившиеся хорошие, но не лишённые взаимных трудностей (официалы пишут: «действуем скрытно»), отношения с сыном Алексея I, – Олобеем, и очень плохие с «проклятым императором» (*maledicto imperatore*) татар – Хаджи Гиреем (*Agi-kerai*), оказывавшим сильное давление на официалов, добиваясь получения от Каффы новой дани (*Assini*, 1999, р. 6).

В сложившейся ситуации консулы решили предпринять дипломатические шаги, используя в качестве посредника Олобея. С целью урегулирования затянувшегося конфликта с Хаджи Гиреем, массарий и провизор Дамьяно Леоне отправился в Феодоро, где, после 10 дней трудных переговоров, ему удалось достичь соглашения, на основе которого татары удовлетворились старинными правами на Каффу. К тому же, он смог получить от хана привилегию. Большого он сделать не смог из-за отъезда Хаджи Гирея в Молдавию. Но полученные результаты не смягчают «тяжелого впечатления,

что договор турок с татарами, о котором консулам говорили, раньше или позже вылился бы в осаду города» (*Assini*, 1999, p. 6). Таким образом, Томмазо Домокульта, Антонио Леркари и Дамьяно Леоне удалось избежать в довольно критический для фактории момент не только открытого военного столкновения с татарами, но и восстановить (хотя и формально) *status quo* в условиях и размерах выплаты дани Хаджи Гирею, существовавших до июля 1454 г.

Данный документ также позволяет решить один запутанный в историографии вопрос, касающийся возникновения династических распрей и политических неурядиц, происходивших в Крымском ханстве в 1456 г. (*Волков*, 1872, с. 143 – 144; *Колли*, 1913, с. 135 – 136; *Некрасов*, 1999, с. 54). В историографии сложилось мнение (*Мыц*, 2009, с.354), что после отъезда крымского хана «в Валахию» в начале 1456 г., один из сыновей Хаджи-Гирея – Айдер, совершает дворцовый переворот, объявив себя ханом. Магистраты Каффы срочно информировали протекторов Банка Св.Георгия о произошедших благоприятных переменах и в секретной инструкции, посланной из Генуи 27 – 29 ноября 1456 г., получили распоряжение всячески поддержать «нового императора» (*Колли*, 1913, с. 135). Но Айдер смог продержаться в Крыму лишь несколько месяцев (до возвращения из похода отца), а затем вынужден был бежать в Литву (?). Появление Хаджи Гирея осенью (?) 1456 г. свело на нет все усилия по налаживанию генуэзцами с его мятежным сыном дипломатических отношений, отвечающих их интересам.

В связи с упоминаемым в генуэзском документе западном походе Хаджи Гирея в Валахию в начале 1456 г., удаётся прояснить ещё один вопрос, связанный с установлением сюзеренитета над Монкастро «татарского князя». Данное известие впервые появляется летом 1456 г. и совпадает с моментом начала контрмаркирования в Четатя-Албэ (Белгороде, Монкастро) джучидских дирхемов (*Коциевский*, 1990, с. 156 – 165; *Бырня, Руссев*, 1999, с. 222). Сохранение сюзеренных прав крымского хана над Четатя-Албэ нашло отражение и в привилегиях, данных Стефаном III купцам из Львова 3 июля

1460 г., где говорится о пошлине татарской, «которая была установлена в Белом городе» (*Бырня, Руссев, 1999, с. 258*).

Есть основания полагать, что налаживание дипломатических отношений официалов Каффы с Хаджи Гиреем при посредничестве Олобея относится к началу лета 1455 г. Об этом свидетельствует документ датированный 15 июня 1455 г. (*Vasiliev, 1936, p. 232*). В нём сообщается о расходах в сумме 31000 аспров, взятых в кредит у валаха Теодорки де Телиха⁴¹³ консулом Томмазо Домокульта и переданных массарием Дамьяно Леоне в Феодоро греку Олобею в качестве подарка для императора татар.

В связи с представленными А.Ассини материалами более понятной становится логика изменений, произошедших в отношении генуэзцев к господину Готии и запечатлённых в письме протекторов Банка от 27 – 29 ноября 1456 г. адресованном Олобо. В нём впервые за всё время существования Феодоро, звучит почтительное обращение к сиятельному и могущественному господину Олобею, господину Феодоро (*Atti, 1868, VI, doc. СССХIV, p. 660*).

В отдельном послании официалам протекторы в таком же тоне дают им инструкции по поддержанию добрых отношений с правителем Готии: «мы напоминаем, что вы должны жить в мире и дружбе с господином Федоро, т. к., по мнению всех людей, сведущих в делах Каффы, в такое время его дружба чрезвычайно полезна для этого города» (*Atti, 1868, VI, doc. СССХIV, p. 660; Волков, 1872, с. 144; Vasiliev, 1936, p. 232*).

Очевидно, столь доброжелательное письменное обращение правления Банка дошло до Олобея и послужило ему поводом для обмена интересующей обе стороны информацией. В том же (1456) году массарии Каффы отмечают пребывание в городе посла господина Олобея – грека Фоки из Феодоро. В следующем (1457 г.) для переговоров с официальными фактории, приезжают

⁴¹³Теодорка де Телиха был жителем Солдайи. Его подпись находится на документе от 20 июня 1455 г., где он фигурирует среди 18 наиболее знатных и влиятельных граждан города (*Atti, 1868, VI, doc. СХХVI, p. 315*).

Караихиби (Caraihibi) и Бикси (Biksi) (*Bănescu*, 1935, p. 33, №1; *Vasiliev*, 1936, p. 233, n. 3,5).

Подобное обращение – «*magnifico et potenti domino ... domino...*» – при составлении официальных документов было принято для приветствия суверенных правителей. В качестве примера можно привести титулатуру добруджанского деспота Иванко Тертера в тексте договора от 27 мая 1387 г., где она представлена следующим образом: *magnificum et potentem dominum dominum Juanchum, filium bone memore magnifici domini Dobordice* (т.е. – «великолепным и могущественным господином Иванко, сыном покойного великолепного господина Добротица») (*Гюзелев*, 1995, с. 127).

Вероятно, Олобо, кто в былые времена оказывал всяческое уважение генуэзцам и «почитал их почти как своих господ» (*Iorga*, 1898, III, p. 218; *Vasiliev*, 1936, p. 225) и его братья-соправители, опираясь на поддержку Хаджи Гирея, вели себя как правители суверенного государства. Хотя они признали верховные права Банка Св.Георгия над селениями расположенными на побережье Готии. В то же время феодориты (совместно с татарами) вели активную торговлю через порт Каламиты, отчего Каффа несла большие убытки. В сложившейся, крайне не благоприятной для Черноморских факторий политической обстановке, правление Банка и магистраты Каффы, вынуждены были признать сложившиеся отношения. Этот акт официального признания, вероятно, и отражён в цитированном фрагменте, где звучит новое обращение к господину Феодоро. По-видимому, сыну Алексея I, Олобо, удалось добиться от генуэзцев (Банка Св.Георгия) признания прав Феодоро на владение - Поморьем (Севастопольской бухтой). Причём, на первых порах, в 1453 – 1455 гг., это было осуществлено в одностороннем порядке – *de facto*, а затем путём ведения переговоров, завершившихся достижением соглашений и договоров (*conventiones et pacta*) – *de jure*.

Но протекторы Банка не могли смириться с вынужденным в сложившихся обстоятельствах признанием суверенитета господ Феодоро над Готией. И

поэтому, когда им удаётся формально урегулировать отношения с Мехмедом II, они опять начинают заявлять свои права на некогда находившиеся под юрисдикцией Генуи территории. В одном из документов 1458 г. ими утверждается, что господин Феодоро и его братья незаконно занимают Готию, принадлежавшую городу Каффе (*Atti*, 1868, VI, doc. CCCLXXV, p. 815)⁴¹⁴. Формирование новых политических отношений между Феодоро и Каффой происходило на фоне постоянной угрозы нападения турок и взаимного недоверия, сложившегося на протяжении предыдущих десятилетий, когда они дважды вступали в продолжительные военные конфликты. Поэтому частыми являлись инциденты в пограничных областях, сопровождавшиеся выпадами как со стороны подданных правителей Готии, так и со стороны генуэзцев. Например, капитан стипендиариев, прибывших весной 1455 г. в Каффу, Джованни Пиччинино 6 сентября 1455 г. обратился к официалам фактории и попечителям Банка с просьбой предоставить в его распоряжение одну галеру и сотню человек. Как считал Пиччинино, выступив из Чембало, они могли захватить крепость Феодоро, а затем всю Готию (*Atti*, 1868, VI, doc. CLIII, p. 370; *Vasiliiu*, 1929, p. 327; *Малицкий*, 1933, с. 41; *Vasiliev*, 1936, p. 232, п. 3). Но магистраты Каффы и протекторы Банка Св.Георгия были категорически против предложенного Джованни Пиччинино явно авантюрного плана, считая город Феодоро сильнейшей крепостью Готии (*Canale*, 1856, III, p. 354). Поэтому генуэзским чиновникам предписывалось: стремиться все возникающие спорные вопросы урегулировать мирным путём. Именно так поступил консул Солдаи Карло Чигала. Прибыв в город 6 мая 1455 г., уже 14 мая Чигала докладывал протекторам Банка, что написал письма «двум сыновьям покойного

⁴¹⁴До настоящего времени разграничение территории прибрежной Готии на генуэзскую и феодоритскую является дискуссионным. Например, М.Г.Крамаровский пишет о якобы отошедших в управление Генуи 18 селений Готии (*Крамаровский*, 2003, с.518) в то время как в татаро-генуэзских договорах 1380 и 1381 гг. речь идёт о 18 селениях, принадлежавших городу Солдайе. Число селений Готии в известных договорах специально не оговаривалось, а массарии Каффы отмечают только 11 приморских казалий (*cazalii Gotie*) из 32 средневековых поселений Южного бережья: Лусту, Лампаду, Партениту, Гурзувий, Сикиту (Никиту), Ялиту, Мисхори, Ореаду, Лупико (Алупку), Кикенеиз и Фори (Форос) (*Бочаров*, 2004, с.186-193, рис.1-3).

Алексея, нашим соседям, о том, что некоторые из их подданных ведут себя нехорошо по отношению к жителям этого города, стараясь убедить их жить в мире и согласии, имея [за это] с моей стороны хорошее расположение. Если они будут поступать иначе, то придётся подумать о [соответствующих] мерах...Эти письма дали положительный результат» (буквально – принесли [хорошие] плоды – *fructum fecerunt*) (*Atti*, 1868, VI, doc. CXIX, p. 304; *Vasiliev*, 1936, p. 231). К сожалению, Чигала не называет нам имён своих адресантов. Поэтому можно только предполагать, что одним из них являлся владетель Лусты Бердибек, а вторым – Александр, пребывавший в селении Фуна⁴¹⁵. Тем не менее, несмотря на весьма мирный тон переговоров, проходивших между генуэзцами и феодоритами, консул Каффы Томмазо Домокульта был вынужден сообщить в Геную, что братья господина Готии ведут себя временами довольно дерзко (*Atti*, 1868, VI, doc, CL, p. 361).

6.4.2. Торговая война между Каффой, Керкером и Феодоро в 50-е гг. XV вв.

В этот период яблоком раздора между генуэзцами и правителями Феодоро выступал не город Чембало, а Каламита. Здесь, во второй половине XV в., Олобо со своими братьями восстанавливает и постоянно расширяет торговый порт. Каламиту регулярно посещают купцы из Турции, оставляя в стороне Каффу и Чембало (*Atti*, 1868, VI, doc. CLI, p. 366)⁴¹⁶. Например, 11 сентября 1454 г. канцелярий консульской курии Каффы Баттиста Гарбарини писал, что почти все товары из Зихии и рабы, ранее направлявшиеся в Каффу, теперь переправляются в Воспоро, а доставляемые из Турции, поступают в Каламиту. «Вследствие этого доход [оффиции] св.

⁴¹⁵ А.А.Васильев на основании данного документа считал, что в Готии в это время правили два сына Алексея, одним из которых был Олобей и консул Солдаи именно с ним вёл переписку (*Vasiliev*, 1936, p. 231 – 232). В этом есть основания сомневаться, ввиду того, что находившийся в Феодоро Олобей вряд ли мог быть назван консулом Солдаи его соседом.

⁴¹⁶ На итальянских морских картах XIV-XV в. бухта у крепости Каламита называется Каламитским заливом (*golfo de Calamita*), с указанием самого города как *Caramit – Calamit – Calomit – Callamita - Kalamita* (*Kretschmer*, 1909, s. 643; *Фоменко*, 2001, с.58), а турки в это время именуют её Феленк-Бурун, т.е., Генуэзский мыс (*Брун*, 1879, с. 69 – 70).

Антония стал совсем ничтожным» (*Atti*, 1868, VI, doc, XXXIII, p. 111; *Данилова*, 1974, с. 208).

В августе 1455 г. Томмазо Домокульта докладывал протекторам Банка, что Алексей⁴¹⁷, строя порт в Каламите, творит зло. Для охраны этого порта они решили вооружить галеру (*Atti*, 1868, VI, doc. CL, p.361; *Данилова*, 1974, с. 209). Несмотря на неоднократные обращения официалов с требованием соблюдать условия заключённых соглашений и договоров, положение оставалось прежним, а полученные ответы граничили с грубостью. Поэтому консул пишет: «мы выжидаем подходящий момент и не сомневаемся в том, что они понесут заслуженное наказание, потому что они неблагодарные и высокомерные... Они во всеуслышание хвастаются, что пока жив их отец и господин – император татар (*domino imperatore tartarorum*), они могут никого не бояться» (*Atti*, 1868, VI, doc. CL, p. 361; *Vasiliev*, 1936, p. 213). А.А.Васильев, рассматривая этот сюжет, обнаружил в нём противоречие. В начале донесения говорится об Алексее и его братьях, а в конце мы читаем: «пока живы их отец и татарский хан». Поэтому он решил внести исправление в источник, начальные строки которого якобы надо читать: «Алексей со своими сыновьями», что полностью соответствует нашим источникам, из которых следует, что у Алексея был сын Иоанн и другие сыновья» (*Vasiliev*, 1936, p. 213). Во-первых, не вызывает сомнений, что у Алексея I действительно было несколько сыновей и старшим среди них являлся Иоанн. Во-вторых, упоминаемый генуэзским официалом император татар – это Хаджи Гирей. В-третьих, А.А.Васильев противоречит своим же заключениям о том, что Алексей I (Старший) скончался между 1444 и 1447 гг. (*Vasiliev*, 1936, p. 219). После его смерти главой правящего в Феодоро дома (по крайней мере, с 1446 г. по 1458 г.) стал Олобо (бывший соправителем отца с весны 1434 г.). Именно с ним ведут трудные, но положительно-результативные переговоры (1454 – 1456 гг.) консул, провизоры и массарии Каффы.

⁴¹⁷ Упомянутый в генуэзском источнике Алексей был уже третьим по счёту в семье правителей Феодоро, так как Алексеем II следует считать умершего в Трапезунде в 1434 г. внука Алексея I.

Вероятно, поэтому А.А.Васильев, обращаясь к тому же источнику, пишет иначе: «Олобей и его братья, по свидетельству генуэзского документа, открыто хвастают, что они никого не боятся, пока живы их отец и татарский хан» (*Atti*, 1868, VI, doc. CL, p. 361; *Vasiliev*, 1936, p. 224). В данном случае комментарии, по-видимому, излишни.

Н.В.Малицкий, касаясь данной темы, заметил, что слово отец здесь употреблено не в прямом или физическом смысле слова, а фигурально и что им назван покровитель мангупских правителей татарский хан. При этом он обратил внимание на некоторые странности латинского текста, где сказано в единственном (*vivente*), а не множественном числе (*viven-tibus*) и при этом имя самого отца не названо. Слово *domino*, стоящее перед *imperatore* кажется лишним, придавая особый смысл фразе *eorum patre et domino* – их отец и владыка (*Малицкий*, 1933, с. 39 – 40).

Подобные нюансы в практике отношений между правителями государств отражали признание вассалом прав старшинства своего сеньора. Например, когда перед сражением на р. Ворскле 5 августа 1399 г. велись переговоры между великим князем Витовтом и золотоордынским ханом Тимур-Кутлуком, то со стороны Витовта в ультимативной форме прозвучало требование: «покорися и ты мне и буди мне сын, а яз тебе отец, и давай ми всяк лето дани и оброк» (*Юргевич*, 1872, с. 152; *Ивакин*, 1996, с. 86). По свидетельству Дуки, когда Сулейман, после разгрома турецкой армии Тимуром в Ангорской битве (28 июля 1402 г.), прибыл в Константинополь, то обратился к императору Мануилу II Палеологу (1391 – 1425) стоя на коленях со словами: «Я буду тебе сыном, будь же и ты моим отцом» (*Ducas*. XVIII. 2; *Литаврин, Медведев*, 1991, с. 357). Из этого можно сделать вывод, что правители Феодоро, признавали вассальную зависимость от крымского хана Хаджи Гирея, и именно эти установившиеся отношения отражены в фразе латинского источника «их отец и господин – император татар».

По-видимому, упоминаемый Томмазо Домокульта Алексей, получил от своего отца (?) Иоанна или его дяди – Олобея (?) (хотя реальную степень

родства между ними на настоящий момент установить невозможно) при разделе территории Готии – во владение порт и крепость Каламиту. Вероятно, монограмма этого же Алексея (внука Алексея Старшего и племянника Олобея?) помещена на строительной плите с датой «19 июля 1459 г.» из замка Фуна, где он отмечен в последний раз (другие сведения в опубликованных источниках о нём отсутствуют).

Как видим, документы переписки официалов Каффы с протекторами Банка Св.Георгия свидетельствуют, что Олобо и его братья (Кейхиби, Бердибек?) считают себя свободными от ранее принятых обязательств, касающихся условий ведения торговли через порт Каламиты, чем наносили ощутимый ущерб коммерции генуэзцев в бассейне Чёрного моря. Об этом особенно отчетливо говорится в письме протекторов от 8 февраля 1458 г.: «Как известно, господин Тедоро, вопреки праву и привилегиям города Каффы, открыто сооружают порт в Каламите, где к великому ущербу для пошлин Каффы нагружаются и разгружаются корабли» (*Atti*, 1868, VI, doc. CCCLXXV, p. 816; *Данилова*, 1974, с. 209).

О значительной торговле рабами в 70-х гг. XV в., шедшей через порты Крымского ханства, располагавшимися в Западном Крыму (Ле Салине, Каркините - Гезлёве) и Феодоро – Каламиту, свидетельствуют генуэзские документы 1474 г. После похода Хайдера, совершённого по инициативе ширинского бека – Эминка в земли Верхней Валахии и Польско-Литовского королевства в плен было захвачено около 15-18 тысяч человек. После доставки в Крым, их продали в рабство и вывезли в Турцию именно через эти три порта (*Atti*, 1879, VII, №1104). Изменения, произошедшие в отношениях между Каффой и Феодоро в начале 50-х гг. XV в., очевидны. Если после заключения мира в ноябре 1441 г. Алексей I имел возможность вести торговые операции только через Монкастро, то во второй половине XV в. правители Мангупа, при активной поддержке Хаджи Гирея, используя порт Каламиты, открыто налаживают торговые отношения с Причерноморскими и Средиземноморскими государствами, успешно

конкурируя с генуэзскими факториями (*Heyd*, 1886, II, p. 213; *Heers*, 1960, p. 364; *Данилова*, 1974, с. 209 – 210).

Как уже отмечалось, Альфонсо Ассини обнаружил один любопытный документ (письмо консула Каффы Борруэля Гримальди к дожу Пьетро Кампофрегозо от 31 января 1453 г.) (*Musso*, 1976, p. 137 – 138) в подробностях сообщаящий о «молчаливой войне, до сих пор пребывавшей в тени бряцания оружием. Это торговая война, которая бушевала на Чёрном море ещё до падения Константинополя» (*Assini*, 1999, p. 18).

Если представленные выше материалы генуэзских источников свидетельствуют об озабоченности магистратов Каффы нарастающим торговоэкономическим усилением Каламиты, то в донесении Гримальди раскрываются механизмы этой борьбы. Оказывается уже в начале 50-х гг. в её порту была сосредоточена большая часть турецкого торгового флота, значительное количество товаров и купцов. Отсюда они следовали к Керкеру, который недавно (1449 г.) император татар (*imperatoris tartarorum*) сделал местом своего пребывания (*mansionem*), приказав выстроить большой *praetorium*⁴¹⁸, создал таможду и извлекал значительную прибыль. Автор послания с горечью констатирует, что он (Хаджи Герей) усвоил урок генуэзцев, цивилизовал свои обычаи и живёт «не так, как жили императоры татар, а как если бы он был латинским купцом» (*Assini*, 1999, p. 18 – 19). В Керкере всё покупается за малые цены, потому что доставка товаров из Каламиты очень дешёва, а налоги незначительны. Если раньше только Каффа снабжала всю Газарию различными экспортами, то сейчас, наоборот, из Керкера и Солхата ежедневно доставляются многие товары (ковры, рабы, меха), происходящие из Турции. На восточном побережье Чёрного моря турки создали ещё один торговый полюс в Севастополе, включавший в

⁴¹⁸ Имеется в виду дворец (*praetorium regis*), возведенный по приказу Хаджи Гирея рядом с Керкером в Салачике. На территории самого города Керкер во время правления Хаджи Гирея возведено здание медресе (?). Это предположение было высказано О.Акчокраклы. Оно основывалось на находке в 1928 г. близ мечети фрагмента камня с надписью «Хаджи Гирей, сын Гыяс-Эддина», а также свидетельстве автора сочинения «Гюльбуни ханан» (Константинополь, 1870 г.) Халим-Гирея (*Акчокраклы*, 1928, с. 166).

себя и Белую Зихию. Огромный поток товаров направляется ими в Копу, где покупают в основном рабов, переправляемых морем в Воспоро, а оттуда в Керкер и Каламиту. Данный караванный путь является тем мостом, который, следуя через Чёрное море, оставляет в стороне Каффу. Проходящие потоки товаров приобрели размеры, позволяющие предвидеть, что Каффа в скором будущем разделит судьбу Таны «прежде обширную и населённую, а ныне превратившуюся в ни что» (Assini, 1999, p. 18). Большая дружба между татарским ханом, Олобеем и другими сыновьями Алексея I, основывается на взаимном меркантильном интересе. Поэтому они постоянно просят у него создать новые пристани для удовлетворения спроса растущей торговли с турками (Assini, 1999, p. 19).

Сложившаяся тревожная обстановка неоднократно являлась лейтмотивом многочисленных собраний с участием всех коммерсантов Каффы. Но в итоге было предложено вооружить одну трирему для «патрулирования берегов в попытке заставить уважительно относиться к монопольным привилегиям Каффы, предоставленным старинными договорами» (Assini, 1999, p. 19). И, как замечает А.Ассини, данный ответ генуэзцев на изменившиеся условия ведения торговли в Причерноморье, «старый, слабый, оборонительный и, главное, неадекватный» и «является ясным признаком неспособности Генуи управлять конкуренцией, реагировать на вызов новой тактикой» (Assini, 1999, p. 19).

В целом же, стоит признать, что А.Ассини точно передавая тон источника, невольно поддаётся пессимистическому настроению информатора (Борруэля Гримальди). Если же рассматривать возникшую перед купцами Причерноморских факторий проблему, то действия генуэзцев по защите своих монопольных прав торговли, не выглядят столь уж беспомощными, когда они переходят в плоскость её реализации. Например, в 1455 г. Мартино Вольтаджо, захватив гиппарион с грузом (дар эмира Костамона турецкому султану) 500 кантариев (примерно 23,8 т) меди, доставляет его в Каффу (Карпов, 1990, с. 143, прим. 240). К тому же магистраты принимают решение

отправить имеющиеся в их распоряжении медь и слово на Хиос, чтобы использовать при изготовлении бомбард (Еманов, 1995, с. 39).

В том же году Марино Чигала был перехвачен корабль со 100 рабами, шедший из Синопа, отконвоированный затем в Каффу. Из двух турецких нав, взятых на abordаж в открытом море, одна доставляется в Чембало, а другая – в Каффу (Atti, 1868, VI, doc. CLI, p. 364 – 368; Еманов, Попов, 1988, с. 83). Столь активные действия генуэзцев в 1455 г. приводят к некоторому замешательству торговых партнёров Хаджи Гирея и феодоритов, вынужденных временно избегать захода их судов в Каламиту (Heyd, 1886, II, p. 389).

6.4.3. Крепости правителей Феодоро в третьей четверти XV в.

Участие в региональной торговле способствовало развитию городской инфраструктуры Каламиты, которая состояла из укрепленного ядра, примыкавшего к нему посада и пригорода размещавшегося в долине реки; порта, где, по всей видимости, находились складские помещения (терминалы) и верфи, а также монастыри. Увеличение численности населения и нестабильная политическая обстановка, вынуждают феодоритов приступить к сооружению второй линии обороны. Однако по не известным причинам, она так и не была завершена к моменту завоевания османами Готии в 1475 г. Эвлия Челеби (ок. 1666/67 гг.) при посещении Инкермана (Каламиты), осматривая предпольное пространство укрепления, отмечал, что «широкий луг вместе с четырехугольной башней хотели сделать крепостью внешнего пригорода, но этого [им] не посчастливилось осуществить. А если бы это сделали, то крепость Инкерман была бы совершенно безопасной» (Челеби, 1999, с. 28).

Археологическое обследование данной территории показало, что в 110 м к северо-западу от крепостных ворот (башня № 1, рис.207,1) находилась прямоугольная в плане башня. Через неё проходила дорога к Каламите. В конце XVIII в. башню разобрали до основания. В настоящее время прежнее место её расположения фиксируется только по вырубкам в скале,

позволяющим определить некоторые параметры сооружения. Ширина входного проёма составляла 2,95 м, а пята арки находилась в 1,84 м от уровня дороги⁴¹⁹.

Судя по имеющимся иконографическим материалам, данное строение являлось квадратным в плане с тремя ярусами обороны и наверху размещалась открытая площадка, защищённая зубчатым парапетом. Предполагаемая реконструируемая высота здания составляла 13,0 – 14,0 м (*Кирилко*, 2001, с. 298). А.Л.Бертье-Делагард полагал, что именно над этими воротами помещалась украшенная гербами строительная плита с греческой надписью 1427 г., обратившая на себя внимание Мартина Броневского, посетившего Инкерман в 1578 г. (*Броневский*, 1867, с. 341; *Бертье-Делагард*, 1918, с. 8). К северо-западу от крепости располагалось большое поселение, являвшееся пригородом Каламиты. Его следы отмечены на плане 1773 г., составленном штурманом И.Батуриным. М.Броневский (1578 г.) указывает, что рядом с крепостью находится небольшой городок, в котором насчитывалось около трехсот домов (*Броневский*, 1863, с. 341).

Археологические раскопки на территории посада Каламиты в 1948 и 1950 гг. проводились Е.В.Веймарном. При этом были открыты руины средневековых жилых и хозяйственных строений с многочисленными зерновыми ямами. Полученный в ходе раскопок керамический материал указывает на длительность существования поселения на Монастырской скале – VIII – XVIII вв. (*Веймарн*, 1963, с. 5 – 17). В настоящее время оно почти полностью уничтожено карьером.

Доходы от торговли зерном, шкурами, льном, солью, рабами и проч., позволили правителям Феодоро уже во второй половине – конце 50-х гг. XV в. осуществить значительную строительную программу по укреплению принадлежавшей им территории. К настоящему времени следы активной

⁴¹⁹ Башня отмечена на плане Инкермана 1773 – 1783 гг. и изображена на рисунке поручика П.Гриненталя 1783 г. (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 8, рис.1). Видимо, к 1786 г. башню разобрали на строительный камень, т. е. её нет на картине М.М.Иванова (*Кулаковский*, 1914, №53).

строительной деятельности отмечены не только в Каламите, но также в Феодоро и Фуне, где практически заново возведены укрепления замкового типа. Вместе с тем, есть основания полагать, что примерно в это же время владельцы Феодоро закрепляются и на территории Херсонеса, где ими построена башня-донжон.

Об этом позволяет говорить обнаруженная здесь ещё в конце XVIII в. при разборке большой круглой угловой башни цитадели (башня XVII) средневекового города плита с фрагментированной греческой надписью (τό καστρόν της Χερσωνος – «возведенной крепости Херсонеса») и тремя монограммами (рис.364,8-10). Впервые плита (находилась в коллекции К.И.Габлица) опубликована П.С.Палласом (*Pallas*, 1801, II, Ris. 54). Несмотря на давность находки, её историческая значимость до сих пор остаётся неопределённой (*Dubois de Montpereux*, 1843, IV, pl. XXVI b., ris. 10; *Латышев*, 1896, с. 19 – 20; *Малицкий*, 1933, с. 36 – 37, рис. 12; *Vasiliev*, 1936, p. 217).

Предлагаемая разными исследователями идентификация изображённых на ней монограмм, не выходит за рамки спорных интерпретаций. В своё время Н.В.Малицкий высказал предположение, что надпись как-то связана с общей политической деятельностью Алексея и его попытками утвердиться на крымском поморье (παρθαλασσία), поддержав тем самым высказывание Н.И.Репникова (*Малицкий*, 1933, с. 37, прим. 1). Данной точки зрения (принадлежность надписи правителю Феодоро Алексею) придерживался и А.А.Васильев (*Vasiliev*, 1936, p. 217). А.Л.Якобсон, отмечая, что содержание монограмм до сих пор не раскрыто, с некоторой долей сомнения, в крайней левой монограмме читал имя ИСААК (*Якобсон*, 1950, с. 44, прим. 1). При этом он не был уверен, что надпись относится именно к XV, а не к XIV в. А.Л.Якобсон высказал предположение, что в таком случае это могло бы служить «указанием на господство здесь князей из дома Алексея ещё в то время, а затем, после катастрофы конца XIV в., перебравшихся в горный Крым и там обосновавшихся» (*Якобсон*, 1950, с. 44, прим. 2). Он также не

исключал возможность датировки памятника XV в., отмечая, что в таком случае можно говорить о «политической принадлежности Херсона владетелям Феодоро, однако принадлежности скорее всего только номинальной: Херсон, как живой город, видно по всему, в XV в. существовать перестал» (*Якобсон*, 1950, с. 44).

При всей важности предложенной А.Л.Якобсоном интерпретации одной из монограмм, выглядит странным то, что он не связывал её непосредственно с именем Исаака – правителя Феодоро 1465 – 1475 гг. Причём, Исаак известен не только по нарративным (генуэзским, русским и молдавским) источникам, но и надписям на поливных чашах, обнаруженных в ходе раскопок дворца Феодоро (*Якобсон*, 1953, с. 414 – 415, рис. 32) (рис.364,7).

Своеобразная трактовка содержания монограмм херсонесской надписи XV в. была предложена В.А.Сидоренко. Он считает, что здесь помещены монограммы трёх деспотов: Исаака (мангупского князя, правившего с 1470 по 1475 гг., брата Алексея), Менгли I Гирея (сына Хаджи Гирея и его преемника с 1467 по 1515 гг.) и «некого Михаила Дуки, представителя знатного византийского рода, надо полагать, владетеля данной крепости в период с 1470 по 1475 гг.» (*Сидоренко*, 1993, с. 159).

В связи с цитированным небольшим пассажем возникают вопросы, тем более, что автор не приводит в пользу своей интерпретации каких-либо дополнительных аргументов. Во-первых, на каком основании все три лица возведены в ранг деспотов? В поздней Византии носителями деспотского титула являлись члены царствующего дома – сыновья императора или его братья (*Медведев*, 1973, с. 26). И тогда возникает вопрос, кто из названных им правителей Таврики в 1470 – 1475 гг. имел на это основания: Исаак, Менгли Гирей или некий Михаил Дука? Мне кажется, что никто. И почему остальные владетели Феодоро и Крымского ханства не были деспотами? Татарские ханы (в том числе и управлявшие только Крымским улусом) в итальянских источниках обычно именовались *Imperator tartarorum*, т. е. – император татар. В таком случае кто (и зачем?) даровал титул деспота

Менгли Гирею, если к моменту его восшествия на престол (1468/69 г.) не было в живых ни одного византийского императора.

Как считает В.П. Кирилко, все известные упоминания правителей Мангупа в XV в. (Алексея Старшего, Иоанна, Исаака) неизменно имеют единственное определение их титула – аутент (αυθέντης - владетель) (*Кирилко*, 1999, с. 138)⁴²⁰. Во-вторых, на каком основании Исаак назван братом Алексея (Старшего), который якобы в 1459 г. был ещё жив и правил на Мангупе, если генуэзские источники называют его покойным уже 2 мая 1447 г.?

В-третьих, генуэзские источники начала 70-х гг. XV в. характеризуют Херсонес, как покинутую жителями территорию (*loci non habitati*, т.е. – необитаемого места). Ещё в 1470 г. официалы Каффы (в консулат Раффаэле Адорно) (*Мурзакевич*, 1837, с. 15) обратились к протекторам Банка Св.Георгия с предложением разрушить оборонительные стены Воспоро или Херсонеса, оставленные жителями, чтобы предотвратить возможность их захвата турками. Поэтому уже 21 января 1471 г. в Генуе было принято решение: «лучше разрушить [стены] Воспоро, чем Ихерезонде (*Iherezonde*)... мы предоставляем решение его на ваше усмотрение... при таких разрушениях вам не следует нести никаких расходов, кроме разве что малых» (*Atti*, 1879, Т. VII, 1, р. 735; *Богданова*, 1991, с. 98 – 99). Но этот вопрос оставался нерешенным к 1472 г. Поэтому протекторы Банка Св.Георгия в инструкции, направленной 16 июня 1472 г. в факторию с будущим консулом Антониотто ди Кабелла пишут, что было бы полезно разрушить башни и стены одного необитаемого места, называемого Ихерезонда (*iherezonda*), «другие же настаивали разрушить место, которое называется Воспоро (*lo Vosporo*),...чтобы турки не заняли какого-либо из этих мест» (*Atti*, 1871, VII, 1, р. 872; *Якобсон*, 1950, с. 44 – 45; *Богданова*, 1991, с. 99). В этом случае датировка херсонесской плиты с монограммой

⁴²⁰ Греческое αυθέντης – владетель - идентично латинскому *dominus* = господин, представлено в словянской государственной титулатуре молдавских князей – господарь. От греческого слова образовался известный в турецком языке титул эфенди (*Кочубинский*, 1889, с. 534; *Байер*, 2001, с. 143, 204, 214).

Исаака 1470 – 1475 гг. более чем сомнительна и может быть отнесена к более раннему времени, когда тот же Исаак ещё не был владельцем Феодоро. В-четвертых, В.А.Сидоренко не объясняет, где он видит аббревиатуру деспот хорошо известную по находкам византийских монет Херсонеса (Соколова, 1983, схема I, №34, 36). В целом же предложенную им интерпретацию смыслового содержания двух монограмм (Менгли I Гирея и Михаила Дуки), следует признать спорной и недостаточно аргументированной. Поэтому возможны и другие варианты их прочтения. Например, в центральной, помещены буквы М, А, Ν, Η, и, вероятно, она могла содержать имя Мануил (Μανουήλ)? Значительно сложнее достоверно восстановить имя в крайней правой монограмме, где определяется пять букв – М, А, Κ, Σ, Ι, Η (?), а шестая литера Ρ (?), расположенная выше, вероятно, была сильно повреждена (рис.364,10). И тем не менее, только предположительно здесь можно читать имя Макарий (Μακαροί).

В.А.Сидоренко прав, читая все монограммы слева направо, полагая, что заглавные буквы стоят первыми. К сожалению, сама плита была утеряна, хотя известно место её находки на территории Херсонесского городища: она обнаружена совместно со строительной надписью 488 г. императора Зенона и, по-видимому, была вмонтирована в стену большой круглой башни, возведённой феодоритами в 50-х гг. XV в. (Паллас, 1999, с. 47, 210)⁴²¹. Поэтому предложенное чтение двух монограмм – Мануил и Макарий – будет оставаться спорным, если их не удастся проверить и подтвердить сведениями других источников. Это тем более необходимо, потому что среди имён правителей Феодоро, как это теперь известно, встречаются и имена западнокавказского (адыгского) происхождения (Олобо = Олобей, Уздемарох = Марох, Кейхиби = Чейхиби, Бердибек, Биберди).

⁴²¹ Об этих памятниках П.С.Паллас сообщает следующее: «Нашёл только прекрасную надпись на белом мраморе у моего друга Габлица, сохранившего её, и сообщаю её рисунок на листе 5⁴⁵, она относится к исправлениям, сделанным в крепости в царствование императора Зенона и была, по-видимому, вделана в одну из башен. На виньетке 3⁴⁶ представлена ещё надпись с монограммами, найденная в том же месте...» (Паллас, 1999, с. 47). Виньетка № 3 имеет подпись: «Белый мрамор с надписью, найденной в новом Херсонесе» (Паллас, 1999, с. 219).

Находка на территории средневекового города посвятителной надписи, упоминающей о строительстве крепости в Херсонесе, на которой достоверно читается имя Исаака, позволяет говорить о том, что феодоритами во второй половине XV в. была предпринята реальная попытка восстановления (а точнее возведения) здесь замка. Политические условия этого времени требовали укрепления границ Феодоро и, прежде всего, охраны порта Каламиты. Учитывая острую конкуренцию со стороны генуэзцев, Севастопольская (Ахтиарская) бухта в любой момент могла быть закрыта ими с помощью одной галеры, ставшей у её входа. Для организации охраны как нельзя более удобно расположена Карантинная бухта Херсонеса, где могли останавливаться как военные, так и торговые суда феодоритов и их партнёров. Возникает вопрос, где находилась эта новая крепость? Логично было бы предположить, что правители Феодоро предприняли попытку восстановить частично разрушенные стены и башни цитадели города, располагавшейся в портовом районе (на это вроде бы и указывает топография находки плиты с монограммой Исаака).

Проводившимися здесь археологическими раскопками на участке главной улицы (*via praetoria*), в верхнем слое выявлены стены однокамерной постройки (3,0 x 3,50 м), датируемой по находкам поливной керамики XIV в.⁴²². Причём, она была поставлена на мощном слое строительного мусора и камня от ранее разрушенных строений XIII в. Дом XIV в. размещался посредине бывшей главной улицы цитадели, а это указывает на то, что её прежняя планировка в это время уже не существовала. В целом, по мнению И.А.Антоновой, территория цитадели, после катастрофического разрушения в XIII в., использовалась в качестве кладбища, рядом с которым размещались

⁴²² Датировка археологического материала XIII – XIV вв., предлагавшаяся И.А.Антоновой, весьма условна. При осмотре в фондах Херсонесского заповедника керамических изделий из верхнего слоя цитадели (автор признателен Л.В.Седиковой за возможность ознакомиться с коллекцией) обнаружены фрагменты поливных чаш и тарелок второй половины XV в. К сожалению, весь материал лишён чёткой стратиграфической привязки.

единичные постройки (церковь, склеп и отмеченный выше дом) (*Антонова, 1994, с. 31 – 33*)⁴²³.

Ориентирами в поисках местоположения замка феодоритов могут служить находки середины - второй половины XV в., сделанные в ходе раскопок на городище ещё в конце XIX в. Речь идёт о группе поливных сосудов, которые при первой публикации А.Л.Якобсон отнёс к XIII в., отмечая при этом сходство их орнаментации с керамическими изделиями XIV или даже XV в. из Феодосии (Каффы) (*Якобсон, 1950, с. 181, табл. XII, №51а; с. 182 – 183, табл. XV, №56, с. 184, табл. XVI, №61*). Данные сомнения оказались вполне оправданными, потому что именно такие поливные сосуды обнаружены при раскопках Алушты и Фуны в слоях тотальных пожаров 1475 г., что позволило датировать их третьей четвертью XV в. (рис.365; 366). К сожалению, не все находки из Херсонеса имеют точную топографическую привязку и определяются, как происходящие из северо-восточного района города.

Имеющиеся, хотя и в большей степени отрывочные данные, позволяют предполагать, что во второй половине 50-х гг. XV в. на территории северо-восточного района Херсонеса феодоритами строится замок. Этот вопрос поможет решить детальный анализ материалов археологических исследований прежних лет. Возведение на руинах цитадели Херсона замка, позволило господам Феодоро организовать охрану входа в Севастопольскую бухту, где у устья р. Чёрной располагался их главный торговый порт. Владельцем замка в 1455 – 1464 гг. предположительно являлся Исаак, ставший затем (1464 – 1465 гг.) правителем Мангупа.

Весьма существенной перестройке в конце 50-х гг. XV в. подверглись оборонительные сооружения цитадели Феодоро и замка у селения Фуна

⁴²³ Ещё в конце XVIII в. над руинами Херсонесского городища возвышалась башня, замыкавшая южный фланг обороны цитадели средневекового города (*Тункина, 2002, рис. 122*). Именно при её разборке на строительный камень к К.И.Габлицу попала плита XV в. с монограммами. В 1819 г. П.И.Кёппеном была снята копия плана (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 975, л. 206 об.) фиксирующего «Развалины города Корсуня или Херсона», где чётко читается контур цитадели и башни Зенона (*Тункина, 2002, рис. 129*).

(*Мыц*, 1988, с. 104; 1991, с. 134 – 135, 151; *Кирилко, Мыц*, 1991, с. 159 – 164; *Кирилко*, 2001, с. 284 – 287). К этому времени крепостные ансамбли данных памятников приобрели новые очертания, а их относительно хорошая сохранность позволяет достаточно полно реконструировать архитектурный облик основных строений (*Кирилко, Мыц*, 1991, рис. 6) (рис.367;368).

В ходе археологических раскопок крепости Фуна удалось проследить последовательность проводившихся здесь в 1458/59 гг. строительных работ, охвативших практически полностью весь периметр фортификационных объектов. Куртина, примыкавшая с запада к прямоугольной башне, была упразднена. Новая стена выдвигается во фронт и устанавливается в створе с северной стеной башни. Но, что внесло наиболее существенные изменения в архитектурный облик памятника, так это появление в центральной части восточной линии обороны новых монументальных сооружений, во многом определивших фортификационную структуру замка. Это, прежде всего, техэтажный донжон (рис.368) и двухэтажная церковь Св. Феодора Стратилата (или Св. Георгия?) (рис.369).

Новый храм выстраивается над главным крепостным входом, включив в конструкцию стен первого этажа ранее существовавшие на этом месте кладки сооружений полукруглой башни и ворот. Общие размеры церкви с окружающими её пристройками составляют 14,40 х 11,30 м, высота (до конька крыши) – около 9,0 м. Анализ архитектоники храма (рис.369) позволил отметить ряд особенностей, характерных для армянского зодчества средневекового Крыма (*Халпахчан*, 2019, с.148-158) (рис.369-372). По-видимому, это было связано не столько с происхождением владельцев замка, как предполагалось ранее (*Бертъе-Делагард*, 1918, с. 25 – 26), сколько с реальными исполнителями строительных работ на данном памятнике (*Кирилко*, 1989, с. 62 – 72).

При перестройке башни в нижнем этаже сохраняются проёмы ворот, а также бойница у входа, что позволяло, как и прежде, хотя и весьма ограниченно использовать её в боевых условиях. Второй этаж, на котором

располагался собственно храм, судя по иконографическому материалу (*Кеппен*, 1837, с. 18 – 19; *Бертъе-Делагард*, 1889, л. 31, 32), к ведению боя совершенно не был приспособлен. Напротив, возведение церкви в этом месте сильно ослабило восточную линию обороны, создав значительное не простреливаемое пространство. Для ликвидации образовавшийся перед апсидой мёртвой зоны, с севера к ней была пристроена мощная крепостная стена длиной 16,80 м и толщиной 2,70 – 2,80 м со скошенным южным торцом (рис.373). С юга, в створе с последней, вдоль существующей куртины, выполняется утолщение основания с наклонённой верхней гранью. В результате этих дополнений апсида оказалась почти полностью утопленной в новую линию обороны (*Кирилко, Мыц*, 1991, с. 160, рис. 2).

Новый вход в крепость устраивается между юго-восточным углом донжона и стеной, пристроенной к апсиде храма с севера. Его ширина теперь составляла 2,35 м. С внешней стороны, по углам стен, на которые опиралась арка прохода с реконструируемой высотой до 3,60 м, сохранились четверти размером 0,38 – 0,42 х 0,20 м для установки воротных конструкций. Упразднение полукруглой въездной башни, защищавшей ранее вход в крепость, в 1459 г. компенсировано сооружением специального закрытого двора, окружённого оборонительными стенами (рис.373-378). В случае проникновения в этот двор, противник оказывался в *каменном мешке*, подвергаясь обстрелу со всех сторон.

Таким образом, к 1459 г. на Фуне была создана сложная система защиты ворот замка. Она пока не имеет аналогов в фортификации Таврики XIV – XV вв. Подобную организацию обороны привходового пространства встречаем в фортификационном строительстве Болгарии XIII – XIV вв., где отмечена в замке Баба Вида, дворцовом ансамбле Царевграда Велико Тырново, крепости Рам (*Харбова*, 1981, с. 73). Сходные по планировке входные устройства, известны также в Порховской (возведена в 1387 и перестроена в 1430 гг.), Изборской, Острожской, Псковской крепостях, получив в русской фортификации название *захабов* (*Рапопорт*, 1961, с. 151 – 152, рис. 118, 121,

122, 124; *Киртичников*, 1984, с. 248 – 261, рис. 136, 3,8; 144, 145, 147, 149, 150).

После реконструкции крепости Фуна в 1459 г. основную роль в её обороне играет донжон (рис.367-368; 373; 379) (*Мыц*, 1988, с. 102, рис. 4; *Кирилко, Мыц*, 1991, с. 160, рис. 6,2;7,3). Открытие этого памятника в 1981 – 1982 гг. позволило, на мой взгляд, решить вопрос, по поводу которого длительное время ведётся дискуссия, а именно: определить время капитальной реконструкции цитадели Мангупа (рис.380).

Единственные археологические раскопки донжона на мысе Тешкли-Бурун в 1913 и 1914 гг. предпринял Р.Х.Лепер. Ввиду того, что исследования дали исключительно материал османского времени (XVI – XVIII вв.), Р.Х.Лепер пришёл к заключению, что цитадель Мангупа возведена турками. К такому же выводу, но на основании анализа архитектурно-фортификационных особенностей жилой башни, склонялся А.Л.Бертье-Делагард. По его мнению, в пользу этого говорит устройство амбразур, якобы предназначенных только для использования огнестрельного оружия, значительный вынос башни перед линией куртин, обеспечивавшее эффективный фланговый обстрел, беспрецедентное использование в оформлении дверных и оконных проёмов христианских надгробий (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 40). В 1889 г. им были сделаны обмерные чертежи памятника (*Бертье-Делагард*, 1889, л. 39). Впоследствии эту точку зрения поддержали многие исследователи, и она стала господствующей в научной литературе (*Талис*, 1974, с. 94).

Однако о происхождении укрепления на мысе Тешкли-Бурун, кроме турецкого, высказывались мнения и о её первоначальном возведении в византийско-феодоритское время. Наиболее раннюю дату предлагал Е.В.Веймарн – VI в. (*Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф*, 1974, с. 125). Н.И.Репников, А.Л.Якобсон и А.Г.Герцен считали, что цитадель была построена в доосманский период (XIV или XIV – XV вв.) и впоследствии турки перестроили её, приспособив к условиям применения огнестрельного

оружия (*Репников*, 1940, с. 249; *Яacobсон*, 1964, с. 126; *Герцен*, 1983, с. 89]. Сравнение мангупского донжона (рис.367-368; 380-395) с фунским показывает, что последний является несколько уменьшенной копией башни цитадели на Тешкли-Буруне. Сходство в решении планировочной схемы двух памятников, в размерах и устройстве входов, амбразур, метрических показателей большинства параметров, технике кладки и т. д., дало основания предполагать, что цитадель Мангупа была сооружена не ранее середины XV в. (*Мыц*, 1988, с. 112) по-видимому, одними и теми же строителями.

Ввиду того, что донжон цитадели Мангупа сохранился лучше фунского прототипа, изучение его архитектоники позволяет более полно представить, как выглядела аналогичная постройка замка у селения Фуна и получить необходимый материал для её графической реконструкции (*Кирилко*, *Мыц*, 1991, рис. 6,2)⁴²⁴. Размеры башни на Тешкли-Буруне – 16,60 x 9,60 (фунский донжон несколько меньше – 14,15 – 15,0 x 9,68 м). Стены сохранились в высоту на 9,50 – 10,0 м. Башня была трехэтажной (почти во всех работах посвящённых Мангупу донжон, по старой традиции, называют двухэтажным). Высота нижнего этажа около 3,0 м, второго – 4,50, третьего – 5,0 м. Общая высота здания с кровлей, по-видимому, не превышала 15,0 м. Толщина стен донжона на уровне этажей была различной: западная стена, обращённая во фронт замка, имеет ширину 2,20 м, южная – 2,20 – 2,30 м, северная и восточная – по 1,75 м. Аналогичные параметры имеет первый, частично сохранившийся этаж фунского донжона: за исключением западной, обращённой вовнутрь укрепления и равной 1,68 м, все стены имели толщину 2,24 – 2,40 м. Но такое расхождение объясняется тем, что в качестве внутренней стены строителями использована куртина более раннего времени, которая отличается по стилю и характеру кладки от конструкций 1458/59 гг. На уровне второго этажа толщина стен сохраняется, кроме восточной, равной 1,15 м, а на уровне третьего этажа все три внешние стены

⁴²⁴ Более детальную сравнительную характеристику архитектоники фунского и мангупского донжонов см. в работе В.П.Кирилко (*Кирилко*, 2006, с.145-177).

становятся тоньше и составляют: западная – 1,75 м, южная, восточная и северная – по 1,15 м. Наибольшую толщину имеет стена, обращённая во фронт крепости, что было вполне оправдано с точки зрения её функциональности. В нижнем этаже (в западной стене, на Фуне – в восточной) размещалась одна амбразура подножного боя и два входа: один (в северной стене) вёл за пределы замка (на Фуне такой же вход находился в южной стене), второй (в восточной стене) – во внутреннюю часть укрепления.

Амбразура имеет трапециевидную в плане форму с большим основанием шириной 1,90 м (на Фуне амбразура подножного боя несколько меньших размеров: ширина наибольшего основания – 1,60 м, меньшего – 0,90 м). Во втором и третьем этажах размещалось по четыре амбразуры: три в западной и одна в северной стенах. В южной стене на уровне второго и третьего этажей были устроены небольшие туалетные комнаты и световые окна, через которые можно было вести обстрел вдоль южной линии обороны. В южной стене (во втором и третьем этажах) также находилось по одной двери. Со второго этажа дверь вела по узкому коридору к отхожему месту с выгребной ямой, расположенной за пределами башни. В фунском донжоне отхожее место располагалось на втором этаже внутри башни, а слив нечистот производился по специальному каналу в выгребную яму, устроенную у основания восточной стены. Дверь с уровня третьего этажа выводила на боевую площадку оборонительной стены. В восточной стене мангупского донжона на уровне второго и третьего этажа находились две двери с выходом на террасу и два окна, а на уровне третьего этажа – три окна. Амбразуры донжона Мангупа почти все одинаковых размеров. В плане они представляют собой трапеции с шириной наибольшего основания 1,90 – 2,10 м, а меньшего – 0,70 м. Глубина камеры амбразур зависела от толщины стены, в которой они устраивались. С наружной стороны амбразуры представляли собой узкие небольшие окна-бойницы. В такой камере могли одновременно разместиться два арбалетчика или лучника (хотя стрельба

обычно велась попеременно двумя стрелками). Из каждой амбразуры можно было обстреливать сектор шириной 60°, что позволяло полностью ликвидировать мёртвое пространство перед башней. Высота камер – около 2,50 м. Стрелков, размещавшихся здесь, прикрывала стена шириной 0,60 – 0,70 м.

Следует отметить, что часть мангупского донжона, обращённая вовнутрь укрепления имела дворцовый облик. Главным входом считался северо-восточный, портал которого покрыт резным орнаментом из плетенки и розеток (рис. 380,4; 393;395). Как была оформлена внутренняя сторона донжона крепости Фуна, сказать трудно. Но, по всей вероятности, наиболее представительным и парадным фасадом был южный, обращённый во внутренний крепостной дворик (*захаб*). Именно здесь, перед входом в донжон, при раскопках найдено наибольшее количество обработанных блоков известняка с элементами резьбы по камню (рис.396-399), в том числе и богато декорированная плита с посвятительной надписью, датированной 19 июля 1459 г. (*Мыц*, 1988, с. 104, рис. 5) (рис.396; 397). При этом следует подчеркнуть, что на Фуне, как и на Тешкли-Буруне, все элементы декоративного убранства парадных фасадов зданий, представлены фрагментами вторично использованных (рис.398; 399) (перелицованных) христианских (?) надгробий конца XIV – начала XV вв.

На это обстоятельство неоднократно обращали внимание исследователи (*Бертъе-Делагард*, 1918, с. 40; *Якобсон*, 1964, с. 126, табл. XXXIV, 3; *Степаненко*, 1997б, с. 48). Но, если А.Л.Бертъе-Делагард считал донжон на Тешкли-Буруне турецкой постройкой, что и обусловило, по его мнению использование христианских надгробных памятников в качестве строительного материала (*Бертъе-Делагард*, 1918, с. 40), то несколько иное объяснение их появлению давал А.Л.Якобсон, полагавший, что турки в XVI в. извлекли оконные и дверные наличники из строений феодоритского времени (XV в.) (*Якобсон*, 1964, с. 126).

Рассматривая некоторые аспекты истории Феодоро в XV в. и пытаясь объяснить подобный казус, у В.П.Степаненко сложилось впечатление о резком пресечении неких культурных традиций на территории Готии (появление в крепостях нового населения и новой династии, с данными традициями не связанных?). По его предположению, отсутствие «преемственности может объяснить использование в качестве строительного материала надгробий сравнительно недавнего времени. Но ранние надгробия пошли не в кладку новых крепостных сооружений, что было бы оправдано внешней опасностью, но были использованы для украшения окон и порталов цитадели Мангупа. По-видимому, это свидетельствует если не о смене населения, то о прекращении неких государственных традиций» (Степаненко, 1997б, с. 49). Но затем автором делается совершенно неожиданный вывод «о смене населения или династии, не связанной с предшествующими традициями (в ход пошли надгробия городских кладбищ)» (Степаненко, 1997б, с. 49). Для обоснования этого тезиса В.П.Степаненко обращается к широко известному факту приезда ко двору великого князя Московского Василия Дмитриевича в конце XIV в., традиционно связываемого с родом Ховриных, относивших себя к Гаврасам (Степаненко, 1997б, с. 50). Как считает и сам В.П.Степаненко, связь между династиями Ховриных (Комриных = Гаврасов?) 80 – 90-х гг. XIV в. и правившим на Мангупе с 1411 г. родом (начиная с Алексея Старшего), не подтверждает ни один из источников и устанавливается только путём предположений, построенных на «свидетельствах» косвенных данных. Со временем это предположение приобрело скорее легендарный (мифологический), чем научно обоснованный характер (Степаненко, 1990, с. 87 – 93; 2001, с.335-352).

Для прояснения этого запутанного вопроса необходимо попытаться решить хотя бы одну проблему: кто реально являлся тем правителем, при котором практически заново возведены укрепления на Тешкли – Буруне (Мангупе) и Фуне с использованием в качестве архитектурно-декоративного оформления

дверных, оконных проёмов и «геральдической» надпи (Фуна) вторично использованных надгробий?⁴²⁵ И можно ли ставить в качестве объяснения этого явления вопрос о смене правящей в Феодоро династии, как это делает В.П.Степаненко?⁴²⁶

6.4.4. Фунская надпись 1459 г.⁴²⁷

Одним из известных в настоящее время источником, способным пролить некоторый свет на неясность затронутой проблемы, является эпиграфический памятник обнаруженный в ходе археологических раскопок донжона замка у селения Фуна – посвятельная плита датированная 1459 г., сопровождаемая набором монограмм правителей Феодоро и христианскими эмблемами (рис.334-337) (*Мыц*, 1983, с.9-10, рис. 30-38, 40, 41;1988, с. 104, рис. 5; 2009, с.394-401). Несмотря на то, что эта находка была опубликована ещё в 1988 г., её смысловое содержание остаётся не до конца выясненным. Об этом свидетельствует разнообразие и спорность предложенных как мной, так и другими авторами интерпретаций (*Мыц*, 1988, с.104; 1991в, с. 192; *Сидоренко*, 1993, с. 159; *Chotzakoglou*, 1996, р.67, Abb.13; *Кирилко*, 1999, с. 138, прим. 2; 2006, с. 154-157; *Фадеева*, 2000, с. 99 – 103; *Байер*, 2001, с. 393 – 397; *Виноградов*, *Мыц*, 2005,с.273-281).

В 1982 г., при расчистке каменного завала, образовавшегося во второй половине XVI в. (дата определяется по находке монеты Сахиб Гирея I – 1532 – 1550 гг.), перед входом фунского донжона (на глубине 1,80 – 1,90 м от современной дневной поверхности и на расстоянии 1,20 м от стены), обнаружены обломки двух надгробий, изготовленных из нуммулитового известняка. Особый интерес представлял один памятник, расколовшийся при падении с высоты на три крупных стыкующихся между собой фрагмента.

⁴²⁵ А.Г.Герценом в 1992 г. в ходе обследования караимского некрополя в балке Табана-дере обнаружено надгробие, на подошвенной поверхности которого процарапаны (в качестве разметки) три геральдических щита (*Герцен*, 1995, с. 139).

⁴²⁶ Разбор полемических вопросов истории Мангуна выполнен В.А.Степаненко относительно недавно (*Степаненко*, 2017, с.369-377).

⁴²⁷ Частично материалы раздела представлены в статье, подготовленной к печати автором совместно с А.Ю.Виноградовым (*Виноградов*, *Мыц*, 2005, с.273-281, рис.1).

Надгробие относится к типу однорогих. Его вершина при установке в стену донжона оказалась специально грубо околотой (рис.398-399). Двускатные грани покрыты врезным орнаментом из шести розеток и шести плетёнок выполненных двойной линией. Внутренние части розеток заполнены геометрическими фигурами в виде коптского глазка, ромба и сегментов. Орнаментированные плоскости надгробия по краям обрамляет однолинейная плетёнка. На одной из боковых граней основания вырезан круглый знак диаметром 3 – 3,2 см, принадлежавший, вероятно, мастеру-изготовителю. Аналогии подобных меток мне неизвестны, хотя по внешнему виду она напоминает формы клейм, ставившихся на амфорах в XIII – XIV вв. (Волков, 1989, с. 85 – 98, рис. 14). Длина надгробия – 1,88 – 1,90 м, ширина – 0,58 – 0,62 м, высота – 0,57 – 0,61 м. На нижней (являвшейся основанием, толщиной 0,165 м) части надгробия при вторичном использовании в технике *champlevé* вырезана греческая надпись, размещавшаяся в прямоугольной раме размером 1,87 (1,89) x 0,575 (0,59) м и композиционно разделённая на две части – верхнюю и нижнюю. Верхняя часть шириной 0,22 м делится на пять равных прямоугольников, в центре которых расположены круглые медальоны диаметром 0,20 – 0,21 м, имитирующие геральдические щиты. Пространство между разделяющими вертикальными прямыми и медальонами заполнено выполненными в рельефе, стилизованными и симметричными, изображениями виноградной лозы. Причём ни в одном случае рисунок побегов не повторяется, будучи наделённым своими индивидуальными чертами (более подробное описание памятника см. (Кирилко, 2006, с.155).

В первом медальоне вырезан процветший равносторонний крест, по сторонам которого размещены буквы IC/XC NI/KA, т. е. представляет традиционную тетраграмму с христианской формулой *Ἰησοῦς Χ(ριστός) νικᾷ* (*Иисус Христос побеждает*). В крайнем правом (от зрителя) медальоне помещено изображение двуглавого коронованного орла. Во втором, третьем и четвёртом заключены монограммы представителей правящего в это время в

Феодоро рода⁴²⁸. Если во втором (рис.396,1; 397;335) достаточно уверенно читается имя Алексей (᾿Αλεξίος), а в четвертом Александр (Ἀλέξανδρος) (рис.396,3), то раскрытие имени в среднем (третьем) (рис.396,2) вызвало значительные затруднения. Например, первоначально мной было предложено читать его как Ахмет, Ахмат якобы, являвшемся вторым (татарским) именем Улубея (Олобея = Олобо) (*Мыц*, 1991в, с. 192). В.А.Сидоренко высказался за то, что данная монограмма содержит имя хана Хаджи Гирея, в вассальной зависимости от которого находились Алексей (Старший) и Александр. При этом он, как и в случае с херсонесской плитой, полагает, что все «три титула в монограммах сопровождают сокращение имени деспот» (*Сидоренко*, 1993, с. 159).

Думаю, следует признать справедливость критических замечаний, и в первую очередь в мой адрес, высказанных по этому поводу В.П.Кирилко, полагающего, что «для образующих данную монограмму букв (М, А, Х, Л или Д)... более естественной и приемлемой является их трансформация в имя Μάλχος, Μάλχιος, не менее вероятно имя Михаил – Μηχαίλ, чем ᾿Ατζικεριες» (*Кирилко*, 1999, с. 138, прим. 2; 2006, с.155) (рис.396,2).

Х.-Ф.Байером была предложена оригинальная, но не бесспорная трактовка монограмм фунской надписи. Например, он полагает, что медальон с крестом следует рассматривать..., как генуэзский герб (*Байер*, 2001, с. 394). Однако, различия герба Генуи и плиты 1459 г. из замка Фуны, где в основании равноконечного креста помещены животворящие побеги, а по сторонам его ветвей – тетраграмма *Иисус Христос побеждает*, очевидны. По канонам

⁴²⁸ Обращает на себя внимание её отличие от весьма близкой по времени херсонесской надписи, состоящее не только в форме геральдических щитов и выполненного резчиком геометрического их обрамления, сколько в отсутствии ещё как минимум двух эмблем, в которых должен быть помещён двуглавый орел и процветший крест. Из опубликованного П.С.Палласом рисунка трудно понять – имела плита обломки по бокам (из-за этого и отсутствуют два щита?) и снизу, где должен был помещаться основной текст, или же представляла собой прямоугольный блок с ровными гранями? Относительно этого можно строить только предположения. Если полностью доверять точности воспроизведения, то, по-видимому, данный лапидарный памятник состоял из нескольких подобранных мраморных (?) плит, которые были установлены в специальной нише на стене какого-то крепостного (?) сооружения (ворот или башни) возведённого в Херсонесе. Если наше предположение верно, то утрата недостающих частей произошла при разборке (обрушении) здания, из завала которого и был извлечён в конце XVIII в. опубликованный П.С.Палласом фрагмент.

формальной геральдики символика первого медальона занимает главную (определяющую) позицию, но её семантика, ввиду отсутствия сравнительных материалов, не ясна. Также сомнительно предположение Х.-Ф.Байера, определяющего круг в середине монограммы как указание титула Алексея (Младшего) – Олобей, потому что все остальные монограммы также компануются с использованием «круга». Получается, что в 1459 г. в Феодоро правили три (?) аутента с титулом Олобей: Алексей, Исаак (по Байеру) и Александр? (*Байер*, 2001, с. 396). Как уже было показано Олобо, Олоби, Олобей - имя среднего сына Алексея I, впервые встречается в 1434 г., когда он получил право престолонаследия (*Agosto*, 1977, р. 515; *Мыц*, 2000, с. 344). Поэтому нет никаких оснований использовать его в качестве титула Алексея III (Младшего), Исаака и Александра.

Не более убедительно у Х.-Х.Байера выглядит и попытка интерпретации второй монограммы как имени Саих ($\Sigma\text{АНХ}$), тождественного Исааку (*Saichus*, *Saicus*), правившему Готией в 1465 – 1475 гг. (*Байер*, 2001, с. 396 – 397). В этом случае исследователь не даёт объяснений причин столь очевидной разницы между монограммой Исаака херсонесской плиты (рис.364,8) и на поливных чашах из раскопок Мангупского дворца (рис.396,7), где она представлена в виде букв ICAAК и фунской – $\Sigma\text{АНХ}$.

К сожалению, до настоящего времени в истории правящей в XV в. на Мангупе фамилии остаётся множество невосполняемых пробелов и поэтому исследователям приходится оперировать крайне недостаточным числом достоверных, проверяемых другими фактами, источников. В таком случае неизбежны ошибки. И тем не менее, следует отметить, что кроме четырёх букв, верно указанных Х.-Ф.Байером, средняя монограмма содержит ещё одну, расположенную в самом низу – треугольник, пересекающий круг. Он может являться Δ (дельтой), A (альфой) или, что менее вероятно, Λ (лямбдой). Невольно напрашивается прочтение зашифрованного имени как HCAAC, т.е. Исаак. Несмотря на разность с формами букв в вышеуказанных монограммах Исаака, расположение букв здесь точно такое же. Ниже ряда с

эмблемами и монограммами помещена четырехстрочная греческая надпись со значительными утратами, произошедшими из-за процесса эрозии материала (мшанкового известняка) и поэтому в ней местами полностью читаются только отдельные слова. А.Ю.Виноградовым текст фунской надписи 1459 г. восстанавливается следующим образом:

+ [.....τρ]ιαδος καί τρηα[σ]θενης πηγος
 Μεγιστος, | εξ οσφυος γενναιος αμα και χριστος, |
 Εκ προγονων λαμπρων ως λαμπρος της, | τον πυργον
 Οικοδομησας ε.γ.] πολυ φηλον | δη]μοις, π[α]ντας
 Αγαληαξεν, και φα[ι]δ[ρ]ον | τη ηδεα κοσμησας αυτον
 Καλ[λ]ισμων, | παν, ο τω ισον προθυμια καλ εο, |
] τυχη ονηθεν ποικιλον | κατα καλυκας
 Ες αυτου παρουσιαν, | λαμπρον εκ λαμπρου
 Τερατουργημα θειον, | ου και φωτισας τους αιτους,
 Χπιστε Λογε. |
 Ιουλλ(ιου) ιθ, σᾳξζ.

Перевод: «Такой-то, ... слуга (?) Троицы и трисильная башня великая, от чресел благородный и благой, от блистательных предков сам блистательный, построив башню (?) весьма приятной людям, всех обрадовал, и украсив её сиятельно видом красот, – всё, что я равным рвению назову, ... принесла бы она разнообразную пользу под своей кровлей его пребыванию здесь – построенное блистательным мужем, блистательное и божественное чудо, чьих граждан (?) просветил Ты, Христе Слове. 19 июля 6967 года».

Данный памятник представляет собой одновременно и строительную надпись, и поэтический текст. Для нанесения текста было использовано богато декорированное анэпиграфное однорогое надгробие второй половины XIV - нач. XV вв., на нижней стороне которого вырезана надпись в традиционном для феодоритской эпиграфики XV в. оформлении: орнаментальная полоса с двумя эмблемами и тремя монограммами сверху, шрифт в виде выпуклой вязи, линейки между строками (ср. *Латышев*, 1896,

№ 9, 45; 1918, с. 19 – 20, № 2; *Лепер*, 1913, с. 78, № 6). По заключению А.Ю.Виноградова основной текст состоит из 12 додекасиллабических (двенадцатисложных) строчек, расположенных по 4 в трёх строках надписи. Такая компоновка текста не является случайной, но соответствует делению эпиграммы по смыслу на три строфы (см. ниже). Стихотворный размер – стандартный шестистопный тонический ямб, которым написано большинство поэтических произведений поздневизантийской литературы. Хвалебная эпиграмма – одно из обычных его назначений.

Наибольшие утраты поверхность камня понесла в своей левой части: не читается начало ни одной из трех строк надписи. От 1 строчки эпиграммы остался только конец – ΑΔΟΣ, что можно интерпретировать как τριᾶδος Троицы – слово, характерное для начала поэтических произведений, в контексте типа слуга Троицы. Во 2-ой герой эпиграммы сравнивается с трисильной башней великой (слово *πύργος* по-гречески мужского рода и подходит для описания героя; этот образ обретает особое звучание в контексте 2 строфы), а строчки 3-4 прославляют его знатное происхождение. Таким образом, первая строфа посвящена восхвалению некоего знатного лица. От 5 строчки сохранился конец – *πολυ φίλον* (весьма любезный), характеризующее название постройки, стоявшее в аккумулятиве (строчка 7 показывает, что оно было мужского рода).

Археологический контекст находки (слой разрушения у стен донжона) заставляет предполагать здесь слово *τοῦ πύργου* - башня, - восстанавливаемое и в феодоритской строительной надписи 1425 г. (*Лепер*, 1913, с. 78, № 6). Строчки 6 и 7 прославляют постройку, называя её приятной людям и украшенной видом красот. Связь этого отрывка с предыдущим обеспечивается параллельной концовкой строк: *φίλον* - *φαίδρον*. Строчка 8 приравнивает красоту постройки к рвению её ктитора. В начале 3 строфы утрачены только две стопы, где должно стоять, скорее всего, ещё одно обозначение здания, которое, как следует из строчек 9 и 10, должно, благодаря своим красотам, принести разнообразную пользу своему

строителю. Строчка 11 – новый хвалебный эпитет постройки, в которой кто-то (по-видимому, владелец и его близкие) должен обитать, как явствует из строчки 12, обращения к Христу-Слову. Итак, третья строфа с её традиционным пожеланием благополучия и финальным обращением к Христу завершает хвалебную эпиграмму знатному ктитору и его блистательной постройке.

Из поэтизмов текста отметим формы глагола без приращения: *αγαλ ηαξεν, φωτισας*. Не везде автор соблюдает законы додекасилабической метрики: в строчках 2, 4, 6 и 7 ударение стоит не на предпоследнем слоге. Из феодоритской поэзии нам до этого времени были известны лишь стихи Иоанна Евгеника на смерть сына Иоанна и Марии, внука Алексея Старшего – Алексея. Однако, учитывая то, что Иоанн Евгеник в это время находился на Пелопоннесе, вряд ли он был автором фунской эпиграммы. В четвертой строке по центру надписи помещена очень краткая датировка – 19 июля 6967 года (от сотворения мира), т.е. 1459 г. по Р.Х. Удлинение 4 строки, врезанной в рамку, было бы чревато нарушением общего облика памятника, где тексту отведены три длинные строки. Наличие даты заставляет нас считать фунский камень строительной надписью в полном смысле этого слова, а не просто хвалебной эпиграммой, которая не нуждается ни в какой датировке.

6.4.5. Правители Феодоро третьей четверти XV в.:

Олобо, Кейхиби, Исаак

Вернёмся к ряду вопросов, на которые пока у нас нет внятных ответов: кем был отстроен практически заново замок у селения Фуна и в каких отношениях находились династы, монограммы которых помещены на плите, датированной 19 июля 1459 г., а также, кто в это время правил в Феодоро? Исследователи давно обратили внимание на то, что с начала 1458 г. в генуэзских источниках больше не упоминается имя владельца Феодоро Олобо, а на протяжении нескольких лет говорится о господине Феодоро и его братьях (*Vasilii*, 1929, p. 328; *Малицкий*, 1933, с. 42; *Vasiliev*, 1936, p. 235). В зашифрованном распоряжении протекторов Банка от 24 марта 1458 г.,

направленном официалам Каффы, Олобей получил кодовое имя *dubius* (т. е. –нерешительный, колеблющийся), трапезундский император – *discors* (склонный к раздорам, противоречивый, несогласный, недружный), татарский хан – *timor* (страх, боязнь, наводящий страх), турецкий султан – *acer* (неумолимый, беспощадный, жестокий) (*Atti*, 1868, VI, p. 832 – 833). При этом А.А.Васильев отмечал значительную лауну в сведениях о конкретных правителях Феодоро с этого времени (т. е. с марта 1458 г.) и до 1471 г. (*Vasiliev*, 1936, p. 235).

В некоторой степени устранить этот пробел позволяет надпись Фуны от 19 июля 1459 г., в которой помещены монограммы Алексея III, Исаака (?) и Александра. На начало 1460 г. (не позднее 5 мая) названы имена ещё двух братьев - господ Готии, главным среди которых являлся Кейхиби, давший Хаджи Гирею согласие на казнь своего брата (владельца Лусты) Бердибека (об этом ранее говорилось более подробно). Отсюда можно прийти к предположительному заключению, что после (смерти?) Олобо в 1458 г. (?) господином Готии стал один из его братьев – вероятно, Кейхиби. Но и об этом правителе мы пока обладаем скудной информацией содержащейся только в письме (от 5 мая 1460 г.) официалов Каффы (*Assini*, 1999, p. 15).

После 1458 г. (*Atti*, 1868, VI, p. 815), на протяжении ряда лет генуэзские источники говорят о правящих в Феодоро братьях, но не называют их имена. Поэтому затруднительно определить, кого именно они имеют ввиду.

Монограмма на плите из Фуны последний раз отмечает Алексея III под 1459 г. (*Мыц*, 1991в, с. 192). Александр, известный ранее по сравнительно поздним источникам (1475 г.) упомянут здесь впервые. В 1475 г. он становится одним из правителей Феодоро, организовавшим оборону столицы от турок. Примерно в это же время (50 – 60-е гг. XV) (?) в Херсонесе находились ещё три представителя рода. Среди них достоверно восстанавливаются имена Исаака и предположительно Мануила.

Судя по всему Феодоро (как государственное образование) во второй половине XV в. было разделено между сыновьями Алексея I (Старшего) на

уделы (*Герцен*, 1990, с. 148; *Виноградов*, 2005, с.431-437)⁴²⁹: западной частью владели Исаак и ещё двое (?) представителей рода, которые, вероятнее всего, являлись сыновьями или внуками Алексея I. На востоке располагались земли Алексея III, Бердибека и Александра (последний также, по-видимому, являлся одним из младших представителей династии). Бердибеку принадлежала Луста с 10 (?) окрестными селениями (уже в начале 1460 г. этими территориями после смерти Бердибека владел один из его сыновей – Дербиберди), а Алексею III и Александру – принадлежала Фуна. В городе Феодоро до 1458 г. (?) правил Олобей, а затем сменивший его Кейхиби (?) (*Assini*, 1999, p. 15).

Остальные же братья, надо полагать, проживали в своих замках, располагавшихся на территории Готии: Каламите, Чоргуне, Исарджикларе, Сандык-Кая, Черкес-Кермене, Керменчике. Поэтому наиболее вероятным строителем новой цитадели Феодоро можно считать Олобо, если цитадель подверглась перестройке до 1458 г., либо Кейхиби (если она возведена около 1459/60 г.)⁴³⁰.

Поэтому нет оснований говорить о смене правящей в Феодоро фамилии, а можно с большей долей вероятности полагать произошедшую около 1458 г. (?) смену правителей из этого рода. Использование перелицованных надгробий в качестве материала для декоративного убранства окон и входов парадных фасадов новых дворцовых зданий как Фуны (1458/59 гг.) так и Мангуа (1459/60 гг.?) (*Кирилко*, 2006, с.175-176) можно объяснить в таком случае своеобразным религиозным менталитетом господ Готии – Олобо, Кейхиби и Александра (?). Что могло быть определено возможностью их

⁴²⁹ А.Ю.Виноградовым опубликовано надгробие, найденное в 1937 г. на восточном краю плато Эски-Кермена, вблизи восточной калитки. По палеографии памятник датируется предположительно XIV – XV вв. Текст надписи гласит: «Почил во блаженной [памяти] раб Божий Ла...ули-бей, первого разряда третьей части, 17 (?) мая, в пятницу». Это дало повод издателю высказать предположение, что «Княжество Феодоро, состоявшее из разделённых горами долин, территориально подразделялось на округа – «части» (как минимум 11), причём номер эски-керменской части – 3 хорошо понятен; если отсчёт вёлся от центра княжества, т.е. от соседнего Мангуп-Кале» (*Виноградов*, 2004, с. 126 – 128, рис. 67).

⁴³⁰ В 1461 г. Теодорка де Телика одолжил более 40000 аспров, т.е. около 200 соммо, одному из господ Феодоро (*Balard*, 1991, p. 240). К сожалению, имя дебитора и назначение кредита не названы.

длительного воспитания на Западном Кавказе в адыгской этнической среде (о распространённости института аталычества между ханами и адыгскими князьями см. *(Бертье-Делагард, 1918, с. 35 – 36, прим. 3; Адыги, 1976, с. 48, 50 – 51)*. А как известно, эта среда весьма поверхностно воспринимала догматы христианства, сочетавшиеся со значительными пережитками языческих верований, о чём неоднократно упоминают различные письменные источники *(Лавров, 1959, с. 194; Некрасов, 1990, с. 32 – 33)*.

Наибольшую известность благодаря доступным источникам второй половины XV в., получили Олобей, Исаак и Александр. Об остальных до нас дошли ещё более фрагментарные сведения. В 1465 г. в качестве правителя Феодоро выступает Исаак⁴³¹, имя которого в генуэзских источниках писалось как Саикус (Saichus, Saicus). А.А.Васильев полагал, что Исаак был сыном Олубея и начал править сразу же после его смерти в 1458 г. *(Vasiliev, 1936, p.236, n.3, p.237)*. Это предположение не подтверждается свидетельствами источников: впервые его главенство в Феодоро отмечено в латинских источниках под 1465 г. По-видимому, с утверждением Исаака на престоле Феодоро связана дипломатическая миссия Николо де Торилья, направленного в 1465 г. оффициалами Каффы в Феодоро для переговоров с господином Исааком (dominum Saicus) о поставках хлеба в генуэзские фактории *(Banescu, 1935, p.35, n.1)*.⁴³²

Правление Исаака (1465-1475 гг.) отмечено рядом ярких политических событий, которые относятся в основном к концу 60-х - первой половине 70-х гг. XV в. Судя по всему, этот владетель Феодоро обладал незаурядной дипломатической гибкостью, выражавшейся в умении найти оптимальный выход из сложных ситуаций путём принятия нетрадиционных решений.

⁴³¹ Некоторые исследователи ошибочно относили время восшествия Исаака на трон Феодоро к 1471 г. *(Nasturel, 1965, p.264)*. Историографическая популярность этого персонажа во второй половине XIX в. была столь велика, что известный крымский краевед В.Х.Кондараки посвятил ему отдельный историко-фантастический очерк «Князь Исай. Последний владетель Мангупа в Крыму», смело названный им «историческим фактом в народном предании» *(Кондараки, 1883, с.1-75)*. Мной недавно опубликована статья, посвящённая времени правления князя Исаака *(Мыц, 2021, с.614-626)*.

⁴³² В том же году консул Каффы Лоренцо ди Кабелла посылает оргузия Вартапета в Чембало, откуда тот прибывает в феодоритский порт Каламиту. Последним пунктом его посещения названа Луста (Алушта) *(Banescu, 1935, p. 33, n.2)*.

Личные качества позволили Исааку добиться политического признания своего авторитета не только в Газарии, но и далеко за её пределами. Это способствовало установлению дипломатических связей небольшого государства, каковым являлось Феодоро, с влиятельными державами Восточной и Западной Европы.

Приведём несколько примеров. В консулат Джентиле де Камилла (1469-1470 гг.) (*Колли*, 1918, с.150), Исаак предпринимает важный дипломатический шаг. Он лично отправляется в Каффу и заключает с официальными фактории договор «о вечном мире»⁴³³. Данный договор, по-видимому, предполагал объединение усилий по защите генуэзских владений в Газарии и Феодоро от постоянно ожидаемого нападения турок. Получив приветственное послание Исаака через прибывшего в Геную экс-консула Джентиле де Камилла, попечители Банка Св.Георгия 26 апреля 1471 г. обращаются к «великолепному и любезному нашему другу Саику, господину Теодоро», посетившему с дружественным визитом Каффу, что вселяет надежду на самое лучшее – жить вместе в искренней и братской любви и взаимном понимании. При этом они уверяют Исаака в неизменной готовности защищать всеми имеющимися средствами «Ваше великолепие» (*vostra magnificentia*) (*Atti*, Vol.VII. Parte I Fasc.III, 1874, p.769; *Vasiliev*, 1936, p.237, n.4). В том же году массарии Каффы фиксируют затраты в 400 аспров на доставку в Каламиту (через Чембало) двух ящиков дротиков для господина Исаака (*Banescu*, 1935, p.33; *Vasiliev*, 1936, p.237, n.4). Приведённые данные свидетельствуют об особой доверительности отношений, установившихся между Исааком и генуэзской администрацией фактории. Поэтому протекторы Банка Св.Георгия и в дальнейшем напоминали официальным Каффы избегать каких-либо раздоров и распрей с императором татар, коммуной Монкастро, а также господином Теодоро (Исааком – В.М.) и его братьями (*Atti*, 1874, VII, 1, P.867; *Iorga*, 1897, Vol.VII, p.50). В инструкции,

⁴³³Это второй визит (за 59 лет!) из известных случаев пребывания правителей Феодоро в Каффе. Впервые посещение Алексеем I из Феодоро столицы генуэзской Газарии отмечено латинском документом от 17 июня 1411 года и об этом подробно говорилось выше.

выданной 16 июня 1472 г. будущему консулу Каффы Антониотто ди Кабелла, содержится весьма любопытный сюжет, касающийся важности сохранения добрососедских связей с правителями Феодоро: «мы желаем, чтобы вы также [почтительно] относились к господину Тедоро и его братьям. Вы должны добиваться того, чтобы этот господин,... лично прибыл в Каффу и установил бы истинную дружбу с нами... Мы желаем, чтобы вы не только сохраняли эту дружбу в будущем, но и делали всё для её возрастания» (*Atti*, Vol.VII. Parte I Fasc.III, 1874, p.868; *Vasiliev*, 1936, p.238). В зашифрованной инструкции для консула, провизоров и массариев Каффы, Исаак, в отличие от Олобея, получает кодовое наименование *vigilans* (неутомимый, деятельный, бдительный) (*Atti*, Vol.VII. Parte I Fasc.III, 1874, p.868; *Vasiliev*, 1936, p.238).

Чем можно объяснить произошедшие изменения в отношениях Каффы (протекторов Банка Св.Георгия) и Феодоро на рубеже 60-70-х гг. XV в.? Совершенно очевидно, что в основе таких метаморфоз, сопровождавшихся необычайной комплементарностью в обращении, была общая для всех турецкая опасность⁴³⁴. Но для этого необходимы, по-видимому, и предпосылки внутреннего характера, обусловленные взаимными уступками. Нам не известно содержание договорённости, достигнутой между сторонами в 1469/70 г. Тем не менее, можно предположить, что в них содержались пункты, касающиеся передачи генуэзцам территории Херсонеса и прекращения крепостного строительства в Каламите, через порт которой феодоритами велась активная торговля.

Вероятно, этим можно объяснить тот факт, что сравнительно недавно (1455 – 1465 гг.?) отстроенное в цитадели древнего города укрепление, одним из владельцев которого являлся сам Исаак⁴³⁵, уже в 1470 г. названо необитаемым и здесь распоряжаются генуэзцы, решающие разрушить его

⁴³⁴О специфике и формировании османо-генуэзских отношений в первой половине XV в. (*Вальков*, 2010, с.259-274).

⁴³⁵ На это могут указывать две фрагментированные надписи, обнаруженные в конце XVIII-XIX вв. в Херсонесе (*Виноградов*, 2010, с.221-224).

стены, чтобы ими не смогли воспользоваться турки. Несмотря на очевидную стратегическую и торговую значимость для феодоритов порта у крепости Каламита, её новая оборонительная линия, задуманная с широким размахом (о чём недвусмысленно говорит Эвлия Челеби) (*Челеби*, 2017, с.72), так и осталась не завершённой к 1475 г., хотя для этого было достаточно убедительных аргументов военно-политического и экономического порядка.

Что реально побудило Исаака пойти на уступки, сказать трудно. На этот вопрос можно было бы найти ответ в документах, хранящихся в архивах и содержащих материалы тех лет, если их когда-либо удастся обнаружить. По всей видимости, подобные решения принимались Исааком скорее вынужденно, чем просто из желания угодить генуэзцам, в то время переживающим панический страх перед возможным нападением турок.

При всей внешней видимости установившихся дружественных и доверительных отношений между феодоритами и латинянами, те же протекторы Банка Св.Георгия в секретной инструкции от 16 июня 1472 г. Антониотто ди Кабелла указывают, что некоторые жители Каффы (вероятно, служащие административного аппарата), озабоченные только получением денежного вознаграждения (*provisiones pecuniarias*), сообщают различные сведения императору татар или господину Теодоро, либо его братьям, «что может привести к большому ущербу и [даже] гибели этого города» (*Atti*, Vol.VII. Parte I Fasc.III, 1874, p.868). Чтобы найти ответ на поставленный выше вопрос, необходимо обратиться к рассмотрению ещё одного аспекта внешнеполитической деятельности Исаака: заключению династических браков с правителями христианских государств Восточной Европы (*Atti*, Vol.VII. Parte I Fasc.III, 1874, p.868). В этом направлении владельцу Феодоро удалось полностью реализовать один проект - брак его сестры (?) Марии с господарем Молдавского княжества, Стефаном III (1429-1504). В то же время второй - сватовство сына Великого князя⁴³⁶ Московского Ивана III

⁴³⁶Имеется ввиду сын Ивана III - Иван Молодой (1458-1490), которому на тот момент исполнилось 16 лет. Своему послу Никите Беклемешеву, отправлявшемуся в 1473 г. в Крым, Ивана III даёт поручение

(1440-1505) к дочери Исаака, оказался незавершённым из-за захвата турками Феодоро (*Малицкий, 1933, с.43; Vasiliev, 1936, p. 242 – 244*). Мария Палеологина Асанина прибыла в Сучаву ко двору Стефана III 4 сентября 1472 г., а 14 сентября в торжественной обстановке была отпразднована свадьба (*Panaitescu, 1959. p.17*).

Этому событию современниками придавалось большое политическое значение, что нашло отражение в молдавских и польских летописях (*Banescu, 1935, p.22*). Данный брак (второй для господаря Молдавии) со стороны Стефана имел откровенно политическое значение, потому что давал ему право, как полагали некоторые исследователи, претендовать на византийский престол в том случае, если государствам антитурецкой лиги удастся захватить Константинополь (*Tafrali, 1925, p.54*).

Нам не известна точная дата начала переговоров между Стефаном III и Исааком о заключении брачного союза. По всей видимости, это происходило в предшествующие (1469 – 1471) годы. Удовлетворение столь амбициозных политических намерений путём установления династических связей, требовало и значительных материальных затрат, связанных с выплатой приданого невесты.

Некоторые исследователи считали, что с начала 70-х гг. XV в. Исаак выплачивал дань османам (*Vasiliiu, 1929, p. 332 – 333; Nasturel, 1965, p. 261*). Однако до настоящего времени остаётся неизвестным (свидетельствующие об этом документы до настоящего времени не найдены), какие отношения сложились у Феодоро с османами и направлял ли Исаак посольство к Мехмеду II, как это ему советовали протекторы Банка Св.Георгия. Симпатии владетелей Феодоро, связанных родственными узами с Великими Комнинами, Палеологами, Асенами, молдавским господарем, явно были на стороне антиосманской лиги. Несмотря на внешнюю дипломатическую лояльность, активизацию торговли с турецкими купцами и традиционно

встретиться с князем Феодоро Исааком и обсудить с ним вопрос о браке дочери Исаака с его сыном Иваном (*Карамзин, 2002. С.476*).

хорошие отношения с Крымскими ханами Гиреями, в критических ситуациях антитурецкая позиция феодоритов прослеживалась довольно чётко. Хотя с приходом к власти в 1465 г. Исаака она получила своеобразную конформистскую окраску. Это сильно раздражало Стефана III и привело в 1474 г. к разрыву отношений между господарем Молдавии и правителем Феодоро, якобы ставшим другом турок (*Iorga, 1927, p.42*).

В.Василиу полагала, что Исаак, как и генуэзцы Каффы, платил дань Мехмеду II и не намеривался менять свою позицию (*Vasiliu, 1929, p.332-333*). Это побудило господаря Молдавии предпринять дипломатические шаги, направленные против Исаака. Об этом свидетельствует письмо от 10 февраля 1475 г., направленное в Геную провизором и массарием Каффы Оберто Скварчафико. В нём говорится, что несколько дней назад в город прибыли послы от господина воеводы. Стефан III выражал готовность заключить с генуэзцами мир и возместить ущерб, нанесённый им ранее, оцениваемый в 1300 венецианских дукатов (*Atti. Vol.VII. Parte I Fasc.III, 1879. P.779, doc.981; Basso, 1998. P. 93 – 94; Assini, 1999, p.17-18*). Но главным условием, выдвинутым Стефаном III, было заключение союза, направленного против «турецкого царя и господина Саика, господина Теодоро и Готиин» (*Atti. Vol.VII. Parte I Fasc.III, 1879. p.195; Малицкий, 1933, с.43*). Официалы Каффы вежливо отклонили предложение Стефана III, стремясь сохранить добрососедские отношения с правителем Феодоро Исааком, не подвергая лигурийскую факторию опасности со стороны Мехмеда II. Рассматривая причины разрыва отношений Стефана III с Исааком, следует обратиться к событию, получившему международный резонанс. В июне 1474 г. Аайдер (один из братьев хана Менгли Гирея) совершил набег, в результате которого была разграблена часть Подолии и Верхней Валахии в междуречье Прута и Серета. В плен татары увели 15-18 тыс. человек. После того, как пленных доставили в Крым, генуэзцы обратились с просьбой к Менгли Гирею не продавать пленных мальчиков туркам, чтобы тех не обратили в мусульманство. Полученный ответ хана был наполнен любезностями. Но

консул Каффы Антонио ди Кабелла высказал опасение, что часть этих юношей уже распродана, «потому что турки, приехав продавать товары, уступили их дешевле, дабы собрать побольше денег и купить рабов. Они посадили их на суда в порту Каламита и соляных озёрах Каркенита» (Колли, 1918, с.150). В источниках, освещающих эти события, Исаак не упоминается. Однако сам факт массовой распродажи пленённых христиан через принадлежавший ему порт Каламиты, может указывать на косвенное участие Исаака в данных событиях: в качестве пошлин от продажи рабов он получил солидную прибыль.

В.Василиу считала, что разрыв дипломатических отношений между Стефаном III и Исааком произошёл в конце 1474 г., после прибытия в Молдавию Александра, родного брата жены господаря - Марии (1472-1477) (Vasiliu, 1929, р.333). На самом деле, точное время приезда ко двору Стефана III Александра из Феодоро неизвестно⁴³⁷. Однако сам факт его бегства из Феодоро к Стефану III позволяет предполагать возникновение между братьями серьёзного конфликта (Бертъе-Делагард, 1918, с.36).

1475 г. стал последней страницей в истории княжества Феодоро. Несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, финальный этап существования этого государства представляет множество не разрешённых вопросов. В историографии имеется четыре версии развития трагических событий, связанных с судьбой Исаака и его брата Александра. Н.Йорга полагал, что Исаак, следуя совету генуэзцев, выплачивал дань султану Мехмеду II и стал другом турок (Iorga, 1927, р.142). По его мнению, политика соглашательства и примирения, как с генуэзцами, так и с турками, привела к разрыву дружественных отношений между господарем Молдавии и правителем Феодоро. Поэтому Стефан III способствовал возвращению своего шурина Александра в Готию, куда тот прибыл перед появлением в Крыму османов, где убил Исаака и занял отцовский престол

⁴³⁷ Можно предполагать, это событие произошло в промежутке между сентябрём 1472 и декабрём 1474 г. (Мыц, 1991. С.192).

(Iorga, 1927, p. 142). Сходной, но далеко не бесспорной, концепции придерживается и Л.Е.Семёнова: «Османская угроза нависла над Мангупским княжеством. Его правитель Исаак перешёл на сторону турок. Штефан попытался повлиять на ход событий в Мангупе. Исаак был убит братом Александром, настроенным против султана» (Семёнова, 2006. С.87).

В.Василиу считала, что Стефан III, недовольный занятой Исааком протурецкой позицией, сразу же после победы над османами под Васлуем (10 января 1475 г.) отправил Александра в Каламиту на корабле, на котором находился и вспомогательный отряд из 300 валахов. Но, в отличие от Н.Йорги, она оставила открытым вопрос о том, был ли действительно Исаак убит своим братом Александром (Vasilii, 1929, p. 333).

П.Нэстурел, опираясь в основном на мнения Н.Йорги и В.Василиу, писал: «Покорность Исаака из Мангупа туркам, которым он выплачивал дань, как и угроза Каффе, Четате-Альбе и Килии со стороны Мехмеда II вынудили молдавского правителя устранить своего трусливого шурина. С этой целью Штефан предоставил другому своему шурина, Александру, отряд из трёхсот молдавских воинов, с помощью которых Исаак был свергнут и убит в 1475 году» (Nasturel, 1965, p. 261).

А.А.Васильев иначе восстанавливал хронологию и причинно-следственную связь политических событий 1474-1475 гг. По его мнению, Александр до момента отправки в Феодоро находился вместе со своей сестрой Марией в Монкастро, где «сел на какое-то итальянское судно и прибыл в Готию ... Через три дня после высадки в Крыму он лишил власти и убил своего родного брата Исаака и овладел Мангупом ... Насильственная смерть Исаака и захват Готии Александром произошли незадолго до падения Каффы, т.е. ранней весной этого года» (Vasiliev, 1936, p. 244-245). Он также высказал предположение, что Стефан, пользуясь браком с Марией, «стремился распространить своё влияние на Готию и, возможно, даже полностью овладеть Крымским княжеством» (Vasiliev, 1936, p. 244). А.Г.Герцен, опираясь на письменные источники собранные А.А.Васильевым

(*Vasiliev*, 1936, p.249-266), предложил свою версию происходивших в Феодоро событий. После внезапной смерти Исаака, наступившей, по видимому, весной 1475 г., престол занял правитель, возможно, племянник покойного князя. В конце мая или начале июня (т.е. ещё до появления турок в Крыму) этот неизвестный по имени правитель был свергнут младшим братом Исаака Александром, которому оказал помощь Стефан, предоставив корабль и 300 воинов-валахов (*Герцен*, 2001. С. 382.).

Скупость и противоречивость содержащейся в письменных источниках информации, в значительной степени зависящей от нюансов перевода и последующей интерпретации, позволяет воссоздать предположительную схему хронологии событий и определить их участников. Имеющийся комплекс источников позволяет гипотетически реконструировать события 1475 г. связанные с судьбами Исаака и Александра (*Мыц*, 2009, с.412-413). В начале июня Александр, зная о скором нападении турок на Каффу, сев в Монкастро на корабль, принадлежавший генуэзцу Филиппо, отправился в Готию. Но высадился он не в Каламите, а в бухте Ласпи (*Jasrum*, *Lasrum*-генуэзских источников) (*Бертъе-Делагард*, 1918, с.37), что способствовало его скрытному проникновению на территорию Готии. Через три дня после прибытия Александр овладел «отцовским наследием» (*Колли*, 1911. № 45. С.11-12; *Vasiliev*, 1936, p. 244, №2). Та лёгкость и быстрота, с которой Александр достиг Феодоро и занял престол, могут быть объяснены тем, что он пользовался поддержкой среди антитурецки настроенной части населения, как в самой столице, так и в Готии. Насильственное свержение с престола и убийство (?) в 1475 г. законного правителя, каким являлся Исаак, дало туркам повод для вмешательства в династическую борьбу за власть в Феодоро. Поэтому не исключено, что появление в Готии Александра, если он даже не был причастен к смерти Исаака, спровоцировало во второй половине июня 1475 г. активные военные действия со стороны Гедык-Ахмет-паши. По этому поводу венецианцем Теодоро Спандуджино (1453-1538 гг.) оставлено краткое замечание: «Мехмед, узнав, что владетель из Готии лишил жизни

своего старшего брата и установил в том месте [васть], послал своего бейлербея, который осадил принца» (*Spandugino*, 1890, p.155)⁴³⁸. С установлением родственных уз с господарем Молдавии Стефаном III, по видимому, можно связывать появление в Феодоро ещё одного важного персонажа – Влада. Данному сведению, длительное время остававшемуся вне внимания исследователей средневековой Таврики (*Кирилко*, 1999, с. 138, прим.2; *Мыц*, 2005, с.107-108), мы обязаны находке надгробной плиты из г.Сучавы. Надгробие обнаружено в конце XIX в. в ходе археологических раскопок некрополя рядом с руинами средневековой церкви. Эпитафию впервые опубликовал Е.Казак (*Kozak*, 1903, s.151)⁴³⁹. Представив не совсем точный (с ошибками и пробелами) её перевод, издатель, как отмечал Н.Йорга, при отсутствии у него знания истории Молдовы и ещё больше мировой истории, не был в состоянии понять эту надпись, «случайно объединив имена Влад, Исак и Теодор» (*Iorga*, 1938, p.315). Поэтому Н.Йорга, в своей небольшой публикации предложил не только перевод эпитафии, но и попытался определить её исторический контекст. Греческий текст надписи он восстанавливал следующим образом: [E] κημηθη ο [δ]ουλος τον Θεου Βλατ περ|εκιος του μα|καριτου 'Ισα|κ αυθεντος | Θεοδoron κε | τις Χαβαριας [ε]τους Σηπη. Перевод: A dormit robul lui Dumnezeu Vlad, ingrijitorul casei raposatului Isac, domnul de Theodoro si al Cazariei, anul 6988 [1480] (*Iorga*, 1938, p.315), т.е. «Здесь покоится раб Божий Влад, управляющий домом покойного Исака, господина Феодоро и Хазарии, год 6988» (1480)⁴⁴⁰. Н.Йорга, на основании осуществлённого им перевода, пришёл к заключению, что в надписи речь

⁴³⁸ Н.Йорга и А.А.Васильев (*Vasiliev*, 1936, p. 252, №4) были убеждены, что в данном источнике речь идёт именно об Александре и Исааке. Однако есть основания подозревать в заговоре против Исаака и его убийстве ещё одного родственника правителя Феодоро – Мануила. Его монограмма помещена рядом с монограммой Исаака на строительной надписи из Херсонеса.

⁴³⁹ Надгробный памятник представлял собой красноватый песчаник (со следами воздействия огня), расколотый на четыре части. Хранится в музее Сучавы. В настоящее время расколот на пять частей. Высота эпитафии составляет 121 см, ширина – 49 см, толщина – 21 см. Надпись нанесена в 9 строк и в основном заглавными буквами. Покрывает всю лицевую поверхность. Ниже 9-й строки осталось свободное место для нанесения ещё одной. Оформление надписи не выделяется и оформлено в виде насечек.

⁴⁴⁰ В начале 90-х гг. XX в. к данной надписи обратилась В.Батарюк, которая в своей публикации не приводит изображение памятника, ограничившись воспроизведением греческого текста и перевода на румынский язык, предложенных Н.Йоргой (*Batariuc*, 1993. p. 230). В 2005 г. благодаря В.Кожукару, мне удалось побывать в музее г.Сучава и познакомиться с Викторией Батарюк. Но надпись Влада оказалась недоступной, т.к. фонды были закрыты, а хранитель находилась в отпуске.

идёт о Владе, «мажордоме Исака, княжества Феодоро, Мангупа, откуда была и жена Стефана Великого Мария Комнина Палеология» (*Iorga, 1938, p. 315*). Титул Влада Йорга определял как *ingrijitorul casei* - управляющий домом, что идентично греческому *δομειστικός* - т.е. дворник в валахской и молдавской титулатуре (*Иречек, 1978, с. 430*).

В 60-е гг. к изучению надписи обратился П.Нэстурел. Он следующим образом восстанавливал текст эпитафии: [†E]κμηθη ο || δουλος του θεου Влат пер|ηεκειος του μα|καρη του Ισα|κ αυθεντος Θεοδoron κε π|α[σ]ης Χαζαρια<σ> ε||τους σ|λη, предложив и свой перевод: «Усоп раб Божий Влад, очень близкий (советник) счастливому (умершему) Исааку, владыке Тодоро и всей Хазарии. Год 6988» (*Nasturel, 1965, p. 262-263*). В греческом тексте стоит не совсем понятное слово *περηεκειος*. П.Нэстурел не нашёл ему точного эквивалента в греческих словарях и предложил своё понимание статуса Влада при Исааке как человека, приближённого к дому, или, лучше сказать, близкого. «Получается, что он был далеко не слугой Исаака из Мангупа, как думал Йорга, этот Влад был из круга его близких». Поэтому исследователь пришёл к выводу, что «Влад не носил какого-то известного титула, скорее всего он был близким советником Исаака Мангупского» (*Nasturel, 1965, p. 263*). Занимаясь изучением эпитафии с именем Влада П.Нэстурел обратил также внимание что, надпись хоть и звучит по-гречески, но в ней есть что-то славянское. В моей работе 2009 г. предлагалось следующее восстановление и несколько иной перевод этой надписи: *Εκμηθη ο δουλος του Θεου Влат περηεκειος του μακαρι(α) του Ισα(α)κ αυθεντος Θεοδoron κ(αι) (τ)ις Χαζαριας ετους σ|λη* – т.е. «Почил раб Божий Влад, *перник* (?) во блаженной [памяти] Исаака, владетеля Феодоро и Хазарии, год 6988» (*Мыц, 2009, с. 404*). Греческое - *περηεκειος* по своему звучанию напоминает славянское *перник* (т.е. чашник, виночерпий), имеющее эквивалент в византийской титулатуре – *επικερνιη* (*πιγκερνης*,

pinserna = виночерпий)⁴⁴¹. По-видимому, Влад занимал должность перника при дворе Исака, а не дворника (мажордома, управляющего домом). В любом случае он являлся придворным лицом близким к Исааку⁴⁴². В данной надписи также обращает на себя внимание и титул Исаака, который перекликается с известным, но более ранним (1434 г.?) свидетельством номофилака Иоанна Евгеника, запечатлённом в «Эпитафии княжичу», где Алексей I назван «несокрушимым столпом Хазарии» (τόν ἀκράθαντον τῆς Χαζαρίας) и «правителем Хазарии» (αὐθέντης Χαζαρίας) (*Спиридонов*, 1928, с.94). находка из Сучавы важна тем, что позволяет либо установить изменения, происходившие в официальном титуле правителей Феодоро на протяжении полстолетия, либо указывает на возможность их вариаций. Если Алексей I в своих посвященных надписях 1425 и 1427 гг. определял себя как «владелец Феодоро и Поморья», то Исаак – в эпитафии Влада назван «владельцем Феодоро и Хазарии». На чём основывались подобные изменения, сказать трудно. Но совершенно очевидно, что нельзя ставить знак тождества между двумя историческими топонимами Поморье и Хазария. В заключении следует отметить, что за скупыми строками письменных источников вырисовывается яркая, неординарная личность князя Исаака. Став правителем Феодоро в 1465 г. он ясно осознавал (особенно после захвата в 1461 г. турками Трапезунда) нависшую над государствами Причерноморья угрозу османского завоевания. Поэтому Исаак не только идёт на сближение с генуэзской Каффой, но и признаёт над собой суверенитет Мехмеда II, начав, по-видимому, выплачивать султану дань.

⁴⁴² До настоящего времени о персоне Влада узнаём только из его эпитафии. Судя по занимаемой им при Исааке (1465-1475) должности виночерпия (?), он являлся весьма важной фигурой в Феодоро, потому что перником мог стать только состоятельный, знатный, влиятельный, а главное, надёжный человек. Однако ограниченность имеющейся информации не позволяет ответить на ряд вопросов: когда Влад из Сучавы прибыл ко двору Исаака, и когда реально оставил свою должность, а также какова его роль (участие) в драматических событиях 1475 г. Вполне вероятно, что Влад покинул Мангуп сразу же после смерти Исаака (май – начало июня 1475 г., до осады города Гедык-Ахмед-пашой). Поэтому для своих сограждан он был известен как перник, лицо приближённое к покойному Исааку, владельцу Феодоро и Хазарии.

Однако династический союз с господарем Молдавского княжества сыграл роковую роль в его судьбе, т.к. Стефан III занимал жёсткую антиосманскую позицию и требовал того же от Исаака. Дополнительным важным штрихом к историческому портрету князя Исаака является его принадлежность к православному Братству Святого Гроба Господня. На это указывает наличие в основании монограмм Исаака и монограммы из двух литер – Т и Ф⁴⁴³. Кроме того, если предполагаемая родственная связь (брат – сестра) Исаака и Марии (второй жены Стефана III – 1472-1477 гг.) устанавливаются исследователями правильно, то и Исаак (внук Алексея I) являлся Асаном Палеологом. В таком случае его полный титул мог выглядеть следующим образом: «Исаак Асан Палеолог, владетель Феодоро и Хазарии (или Поморья), член Братства Святого Гроба Господня». Насильственное свержение с престола и убийство (?) в 1475 г. законного правителя, каким являлся Исаак, дало туркам повод для вмешательства в династическую борьбу за власть в Феодоро. Поэтому не исключено, что появление в Готии Александра, если он даже не был причастен к смерти Исаака, спровоцировало во второй половине июня 1475 г. активные военные действия со стороны Гедык-Ахмет-паши.

Выводы: Вторая половина XV в. оставила на территории Крыма лучшие образцы ранней огнестрельной фортификации. Генуэзцы и феодориты на протяжении второй половины 50-х - первой половины 70-х гг. XV в. неустанно совершенствовали оборонительные системы своих городов и замков. Яркими образцами западноевропейской фортификации до настоящего времени являются относительно полно сохранившиеся руины Чембало, Чоргунской башни, Лусты, Сугдеи, Каффы. К числу уникальных следует отнести фортификационные сооружения частновладельческого замка Тасили. Владетели Феодоро стремились не отставать от своих генуэзских партнёров, заимствуя у них некоторые элементы оборонного

⁴⁴³ Сочетание монограммы «Тафос» (ТФ) с монограммой самого Исаака (ΙΣΑΑΚ) и изображением двуглавого орла встречено пока единожды на надписи из крепости Фуна, которая датирована 19 июля 1459 г. (Мыц, 2009, с.394-401, рис.263-264).

зодчества. Среди их памятников отметим Каламиту, Феодоро (Мангуп), Фуну. В ходе архитектурно-археологических работ получен информативный материал, наполняющий конкретным содержанием каждый исследованный объект. Особенно богатыми на разнообразные археологические находки 1450-1475 гг. оказались руины памятников Мангупа (Феодоро), Чембало, Фуны, Лусты и Солдайи.

Захват 29 мая 1453 г. турками-османами Константинополя привёл к изменению военно-политической обстановки в Причерноморье. В генуэзских факториях, Феодоро и Крымском ханстве развернулась борьба между анти-и протурецки настроенными группировками, в виде династических распрей, конфессиональных и этнических противоречий. Это в конечном итоге решило судьбу полуострова в 1475 г. Многие понимали, что завоевание османами Трапезундской империи, Феодоро, Генуэзской Газарии, Молдавии и Валахии, является вопросом времени. Мехмед II не предпринимал шагов по захвату этих территорий до тех пор, пока был занят борьбой с государствами Балкан. В 1461 г. османами захвачен Трапезунд. Венеция вступает в войну с турками в 1463 г. и пытается создать антиосманскую лигу.

Консул Каффы Борруэле ди Гримальди (1451 г.) застал в фактории растерянность, состояние экономического и морально-психологического упадка. Это было связано с неблагоприятной торговой конъюнктурой, сложившейся ввиду торговой войны, организованной османами. Хаджи Герей и правители Феодоро, открыто поддерживали торговлю с турками, чем способствовали изменению политического климата в регионе. В январе 1453 г. Гримальди написал дожу Генуи отчёт, отмечая, что генуэзцы полностью утратили инициативу в ведении коммерции на берегах Понта. 15/16 ноября 1453 г. правительство Генуи, осознавая неспособность удержать фактории на Чёрном море, за символическую сумму в 5500 лир, передало их Банку Св. Георгия.

Летом 1454 г. Мехмед II направил в Чёрное море эскадру под командованием адмирала Темир-Кая. 11 июля вблизи Каффы появился турецкий флот из 56 бирем. 14 июля к Каффе подошла татарская конница в 6 тыс. всадников во главе с ханом. Адмирал Темир-Кая высадился на берег и встретился с Хаджи-Гераем. В ходе совещания они пришли к заключению, что с имеющимися силами им не удастся овладеть Каффой, и поэтому решили вести с генуэзцами переговоры. Между сторонами было достигнуто соглашение, по которому Хаджи-Гереею дополнительно выплачивалась дань в размере 600 соммо (примерно 120 кг серебра), а турецкий адмирал получил подарок. 15 июля турки покинули порт Каффы. Флотилия отправилась в Стамбул, по дороге подвергнув грабежу побережье Готии.

Перспектива завоевания Таврики турками-османами внесла изменения в отношения двух соперников на территории полуострова – генуэзской Каффы и княжества Феодоро. Признаки произошедших изменений проявились весной 1454 г. Когда князь Олобо получил сведения о намерении султана совершить нападение на побережье Газарии, он отправил письмо в Каффу, сообщив о приготовлениях Мехмеда II. Консул Деметрио ди Вивальди в послании в Геную (21 октября 1454 г.) отметил дружественный жест Олобея из Теодоро. Сменивший его в 1455 г. Томмазо Домокульта уже ссылается на соглашения и договоры достигнутые между генуэзцами и господином Феодоро Олобеем.

Налаживание дипломатических отношений официалов Каффы с Хаджи Гереем при посредничестве Олобо относится к началу лета 1455 г. Документ от 15 июня 1455 г. сообщает о расходах в 31 тыс. аспров, переданных Дамьяно Леоне в Феодоро греку Олобо в качестве подарка для императора татар. В письме протекторов Банка от 27–29 ноября 1456 г. впервые звучит обращение к «сиятельному и могущественному господину Олобею». Доброжелательность правления Банка дошла до Олобея и послужила поводом для обмена посольствами. Вместе с тем протекторы Банка не могли окончательно смириться с вынужденным признанием прав

Феодоро на акваторию Севастопольской бухты. Здесь продолжали функционировать два порта – Каламита и в Херсоне, на руинах которого, в районе башни XVII (башни Зенона) греки возвели замок. Формирование новых отношений между Феодоро и Каффой происходило на фоне постоянной угрозы нападения турок-османов и взаимного недоверия. Поэтому в 50-е гг. XV в. частыми были инциденты в пограничных областях, инспирированные как подданными правителей Готии, так и генуэзцами. Несмотря на мирный тон переговоров, консул Каффы Томмазо Домокульта сообщал в Геную, что братья господина Готии ведут себя временами довольно дерзко. Но генуэзским чиновникам по-прежнему предписывалось все спорные вопросы урегулировать мирным путём.

Генуэзские документы и материалы археологических исследований свидетельствуют об особой заботе протекторов Банка Св.Георгия по усилению обороны Каффы, Сугдеи, Лусты и Чембало. В конце 1454 – начале 1455 гг. проводился ремонт фортификационных сооружений этих городов. В 60-х гг. XV в. генуэзцы продолжили строительные работы в Чембало, о чём свидетельствуют надписи на башнях 1463 г. (Барнабо де Грилло) и 1467 г. (Баптиста де Олива). На протяжении пяти лет по единому проекту был полностью реконструирован внешний периметр оборонительной системы города. К 1467 г. завершилось формирование крепостного ансамбля Чембало. В это же время полностью перестраивается внешняя линия обороны генуэзской Лусты усиленная тремя башнями. В начале 70-х гг. XV в. в Чембало доставляются бомбарды, а оборонительные стены в основании укрепили специальным каменным поясом – талусом. Проектирование и наблюдение за фортификационными работами в Газарии осуществлял специально прибывший в 1473 г. из Генуи архитектор Антонио Бонино.

В этот период яблоком раздора между генуэзцами и феодоритами был уже не город Чембало, а Каламита. Здесь во второй половине XV в. князь Олобо с братьями восстановил и постоянно расширял торговый порт. Каламиту регулярно посещали купцы из «Турции», оставляя в стороне Каффу и

Чембало. 11 сентября 1454 г. Баттиста Гарбарини писал, что зихские товары и рабы, которые ранее направлялись в Каффу, теперь переправляются в Воспоро, а доставляемые из Турции, поступают в Каламиту. Консул пишет: «они во всеуслышание хвастаются, что пока жив их отец и господин – император татар (Хаджи Гирей – В.М.), они могут никого не бояться». Но на практике действия генуэзцев по защите своих прав не выглядят беспомощными. В 1455 г. Марино Вольтаджо, захватив гиппарион с грузом (дар эмира Кастамона турецкому султану) в 500 кантариев (23,8 т) меди, доставил его в Каффу. Магистраты приняли решение отправить олово и медь на о. Хиос для изготовления бомбард. В том же году генуэзский корсар Марино Чигала перехватил шедший из Синопа корабль со 100 рабами и отконвоировал его в Каффу. Из двух турецких нав, взятых на abordаж в открытом море, одна была доставлена в Чембало, а другая в Каффу. Активное противодействие генуэзцев в 1455 г. привело к замешательству торговых партнёров Хаджи-Герая и феодоритов, вынужденных временно избегать захода их судов в Каламиту. Турки не оставались в долгу у генуэзцев, совершая нападения на прибрежные селения Газарии: в 1456 г. бывший консул Чембало А.Сенестрари сообщал в Геную, что два турецких корабля, пристав к берегу в бухте Ласпи, захватили в селении Кайту 300 жителей. В 1459 г. в селении Тасили турки взяли в плен 40 мужчин, обратив их в рабов. Это событие вынудило владельца Антонио ди Гваско начать сооружение замка.

Доходы от торговли зерном, шкурами, кожей, льном, солью, рабами и проч., позволили правителям Феодоро во второй половине – конце 50-х гг. XV в. осуществить строительную программу по укреплению своей территории. Следы строительной деятельности отмечены не только в Каламите, но также на Мангупе и Фуне, где возведены замки с дворцами-донжонами. В портовом районе разрушенного Херсона построена башня-донжон. Владельцами новых замков стали братья и близкие родственники Олобо – Алексей III (Каламита), Исаак (Херсон), Александр (Фуна) и т.д.

С 24 марта 1458 г. в генуэзских источниках больше не упоминалось имя Олобо, а на протяжении нескольких лет говорится о господине Феодоро и его братьях. Отчасти устранить этот пробел позволяет надпись из замка Фуна, датированная 19 июля 1459 г. На ней помещены монограммы Алексея III, Исаака и Александра. На начало 1460 г. (не позднее 5 мая) названы имена ещё двух братьев господ Готии. Главным среди них был Кейхиби, давший Хаджи-Гераю согласие на казнь своего брата (владельца Лусты) Бердибека.

В 1465 г. в качестве правителя Феодоро выступает Исаак. Десятилетнее правление Исаака отмечено рядом политических событий способствовавших установлению дипломатических связей с влиятельными державами Восточной Европы. Новый владетель Феодоро обладал незаурядной дипломатической гибкостью, умением найти выход из сложных ситуаций путём принятия нетрадиционных решений. Эти качества позволили Исааку добиться признания его авторитета не только на территории полуострова, но и за его пределами. В консулат Джентиле де Камилла (1469–1470 гг.) Исаак предпринял важный дипломатический шаг. Он лично отправился в Каффу и заключил мирный договор. Генуэзские мастера помогают реконструировать оборонительную систему Каламиты: утолщаются стены, а на воротной башне появляются машикули на выносных кронштейнах. У селения Чоргунь возводится укрепление в виде донжона (Чоргунская башня). В 1471 г. массарии фиксируют затраты на доставку в Каламиту двух ящиков дротиков для *господина Исаака*. В зашифрованной инструкции Исаак получил наименование *vigilans* (неутомимый, деятельный, бдительный). Следует отметить ещё один аспект внешнеполитической деятельности Исаака: заключение династических браков с правителями христианских государств Восточной Европы. Владетелю Мангупа удалось полностью реализовать один проект – брак его сестры (?) Марии с господарем Молдавии, Стефаном III. Второй – сватовство сына Великого князя Московского Ивана III к дочери Исаака, оказался незавершённым из-за внезапной смерти Исаака и захвата турками Феодоро.

Мария Палеологина Асанина прибыла в Сучаву ко двору Стефана III 4 сентября 1472 г., а 14 сентября была отпразднована свадьба. Данному событию современниками придавалось большое политическое значение. Этот брак давал право Стефану III претендовать на византийский престол в случае захвата Стамбула государствами антиосманской лиги. К концу 1474 г. отношения между Исааком, якобы ставшим другом турок, и господарем Молдавии, охладели. Стефан III предпринял шаги по политической изоляции Исаака. Он направил в Каффу посольство с предложением подписать мирный договор и выразил готовность возместить ущерб, оцениваемый в 1300 венецианских дукатов, нанесенный им генуэзцам в 1467 г. Главным условием, выдвигаемым Стефаном III, было заключение союза, направленного против турецкого царя и господина Саика, господина Теодоро. Официалы Каффы отклонили предложение Стефана III.

Меры предосторожности, предпринимаемые генуэзцами, оказались напрасными. Господарь Молдавии более реалистично смотрел на происходящие события и был лучше информирован о планах турок. Султан уже отдал приказ о подготовке похода, целью которого было завоевание Генуэзской Газарии и княжества Феодоро.

Г л а в а VII

ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕДЫК-АХМЕТ-ПАШИ 1475 ГОДА. ЗАВОЕВАНИЕ ГЕНУЭЗСКИХ ФАКТОРИЙ И ФЕОДОРО ТУРКАМИ-ОСМАНАМИ. КРЫМ В 1470-80-х ГОДАХ.

1475 г. стал поворотным в истории Северного Причерноморья. Завоевание османами прибрежной территории Крыма, низовий Дона и Таманского полуострова почти на три столетия превратило Чёрное море в *турецкое озеро*. В научной литературе встречается ошибочное выражение, что турками-османами (Гедык –Ахмен-пашой) в 1475 г. был завоёван Крымский полуостров. Из свежих примеров представлю высказывание В.Е.Науменко, который приступил к теоретической разработке темы *османской археологии*. Уже в начале своих публикаций автор сообщает, что «Археология Крыма периода 1475-1783 гг., границы которого определяются **османским завоеванием полуострова** (выделено мной – В.М.) в конце XV в.» (Науменко, 2020, с.418). Это, конечно не соответствует историческим реалиям, т.к. завоеванию подверглись только Генуэзская Газария и княжество Феодоро с одноимённой столицей. Данные территории и вошли в состав домена султана. Остальные земли (с городами и селениями) продолжали оставаться в составе Крымского ханства.

На первый взгляд может показаться, что период 1475-1480 гг. нашёл достаточно полное отражение в письменных источниках. Но именно письменные свидетельства оставили множество белых пятен и вопросов. Заполнить лакуны позволяют археологические исследования, проведённые в Крыму за последние годы. Особенно это касается Мангупа-Феодоро, Сугдеи, Чембало, Каламиты, Фуны, Алушты, средневековых памятников Южнобережья, на которых выявлены следы тотальных пожаров и разрушений вызванных османскими погромами 1475 г. В слоях пожаров обнаружены кладовые комплексы, отдельные раритетные артефакты в виде золотых и серебряных крестов, колец, серёг, перстней с родовыми гербами, многочисленные и разнообразные предметы указывающие на широкую

географию их происхождения – от мастерских Валенсии на западе, до Китая на востоке, а также высокохудожественных керамических изделий Изника на юге. Свидетельства археологических источников позволяют составить объективное представление о ходе завоевания городов и замков Генуи, а также Феодоро на протяжении второй половины 1475 г.

7.1. Завоевание Генуэзской Газарии и Феодоро турками-османами

В конце 60-х – начале 70-х гг. XV в. международная политическая обстановка в Восточном Средиземноморье характеризуется продолжением борьбы европейских и азиатских государств против османской экспансии. Активную роль в создании антитурецкой коалиции играла Венеция, вступившая в войну с Оттоманской Портой в 1463 г. Республике Св. Марка удалось втянуть в неё правителя государства Ак-Коюнлу Узун-Хасана, начавшего широкомасштабные действия против Мехмеда II в 1468 г. Эта борьба с переменным успехом продолжалась до 11 августа 1473 г., когда в сражении при Эрзинджане (Эрзеруме) армия Узун-Хасана потерпела поражение (*Babinger*, 1953, s.152,325-334)⁴⁴⁴. В созданную усилиями европейских дипломатов международную лигу входили, кроме Ак-Коюнлу, Папская область, Венеция, Неаполитанское королевство, Венгрия, Кипр (*Пигулевская* и др., 1958, с. 237) и Молдавское княжество (*Paracostea*, 1973, p. 612 – 613; *Иналджик*, 1998, с. 37 – 39; *Семенова*, 2006, с.85).

Государства лиги предполагали совершить нападение на Константинополь в тот момент, когда основные силы турецкой армии были втянуты в военные действия в Восточной Анатолии⁴⁴⁵. Следуя этому замыслу, в начале 70-х гг. XV в. Молдавия начинает войну против Валахии, находившейся под протекторатом Оттоманской Порты (*Гонца*, 1984, с. 19; *Семенова*, 2006, с.84). Именно в этот момент и проявилась протурецкая ориентация части беков

⁴⁴⁴Венеция в 70-х гг. XV в. пыталась привлечь на свою сторону в борьбе с османами Большую Орду (*Гулевич*, 2017, с.149-163).

⁴⁴⁵Сенат Венеции, используя время отсутствия Мехмеда II в столице, планировал произвести нападение на Константинополь объединёнными войсками европейских государств. Кроме того, вынашивались планы захвата северных областей Османской империи силами крымского хана Менгли Гирея и «России» (*Thuasne*, 1892, p.5-6).

Крымского ханства. Во время похода Стефана III в Валахию летом 1470 г., на Молдавию совершил набег Эминек. Стефану пришлось повернуть свои войска обратно, и в августе 1470 г. у Липника татары были разбиты (*Гонца*, 1984, с. 20; *Семенова*, 2006, с.84), причём сам Эминек попал в плен, где он провёл почти два года и был освобождён только благодаря дипломатическим усилиям хана Менгли I Гирея.

Мехмеда II не устраивала затянувшаяся война с Узун-Хасаном, отвлекавшая значительные силы и не дававшая развернуть широкое наступление на европейские государства. Собрав в 1473 г. большую армию, султан двинулся на встречу войску Узун-Хасана⁴⁴⁶. Наступил благоприятный момент для осуществления планов лиги, но единственным государем, реально воспользовавшимся отсутствием Мехмеда II в столице в 1473 г., был Стефан III. Напав на Валахию, он изгнал из страны ставленника Порты Раду Красивого. Но союзники по лиге не ответили активными действиями на призывы молдавского господаря (*Hurmuzaki*, 1973, II, 3, p. 224 – 225). Разгромив государство Ак-Коюнлу, Мехмед II в 1473 г. вернулся в Константинополь. В борьбе за валашский престол в 1473/74 гг. удача сопутствовала туркам: господарь Валахии Лайота Бессараб признал над собой власть султана, а новый претендент, посланный Стефаном III, был разбит Лайотой 5 октября 1474 г. (*Семенова*, 1972, с. 213). В ответ на действия Стефана III, Мехмед II в ультимативной форме потребовал от молдавского господаря, чтобы тот передал ему две крепости – Килию и Белгород – и сам явился с данью к его двору, как это делал валашский господарь (*Mehmed*, 1976, p. 169). Выполнение этих условий означало признание верховенства Порты над Молдавским княжеством и потерю последним политической независимости. Поэтому господарь отклонил притязания султана. Тогда по приказу Мехмеда II румелийский бейлербег Хаджи-Сулейман-паша из Албании, где он вёл военные действия, с армией в

⁴⁴⁶Планы лиги были известны Мехмеду II. Поэтому он, покидая Константинополь, принял необходимые меры для усиления обороны (*Babinger*, 1954, p.377, 386-387), что отчасти повлияло на решение государственных участников лиги, воздержаться от начала активных действий.

80 – 100 тыс. человек двинулся на Молдавию (это произошло в конце 1474 г.).

В ходе кампании 1474/75 гг. Стефан III применил тактику выжженной земли. Турецкие войска двигались по пустынным сожжённым самими жителями сёлам и городам. Крестьяне уходили в горы, забрав с собой продовольствие и скот. В армии Сулейман-паши начался голод, и зрело недовольство. Изматывая противника мелкими стычками, Стефан уклонялся от генерального сражения (*Семёнова, 1972, с. 214*). Имея значительно меньшую по численности армию, Стефан III встретил войска Сулейман-паши 10 января 1475 г. возле Васлуя в долине р. Бырланд. Выбрав удобную тактическую позицию, господарь наголову разгромил турецкую армию (*Neagoe, 1970, р. 106 – 120*). Впервые европейской державе удалось одержать над османами столь крупную победу. Несмотря на успехи Стефана III в борьбе с турецкой экспансией, правители других европейских государств продолжали бездействовать. Верным и, как показали события 1475 г., надёжным союзником молдавского господаря в Северном Причерноморье оставался только один из владетелей Феодоро – Александр. Ему, находясь в изгнании, некоторое время пришлось провести при дворе Стефана III. Здесь он получил опыт политической и военной борьбы с османами. Вероятно, Александр принимал участие и в битве при Васлуе.

7.1.1. Каффа и Феодоро накануне турецкого завоевания

Генуя занимала выжидательную позицию, менявшуюся в зависимости от того, каковы были успехи лиги (такой же тактики придерживалась и Каффа, пытаясь лавировать между противоборствующими сторонами). Несколько иначе себя вели государства, располагавшихся на полуострове – Готия со столицей Феодоро и Крымское ханство, политический центр которого переместился в Кырк-Йер.

После смерти Хаджи-Гирея, наступившей 25 августа 1466 г., на престол взошёл ставленник Ширина Мамака – Ибрагим, сын Махмудека. Нового хана активно поддержали генуэзцы и его двухмесячное правление (сентябрь-

октябрь 1466 г.) подтверждено чеканившимися в Каффе монетами (Пономарёв, 2014а, с.128-169; 2014б, с.191-225; Гулевич, 2018, с.237-240). Однако в результате упорной борьбы (вплоть до военных столкновений) Ибрагим был вынужден покинуть полуостров и на престол взошёл старший сын Хаджи Гирея - Нур-Девлет. Однако и ему не удалось надолго закрепить свою власть. В междоусобной борьбе (при активной финансовой и военной поддержке генуэзцев (Heud, 1886, II, p. 399) победу одержал четвёртый сын Хаджи Гирея – Менгли I Гирей (1469–1475, 1478–1515) (Гулевич, 2018, с.249-277). После неудачи 1456 г. это была большая победа генуэзской дипломатии.

Нур-Девлет некоторое время вынужден был скрываться в Зихии, продолжая борьбу за ханский трон, опираясь на поддержку проживавших там татар (Некрасов, 1990, с. 38) и даже некоторых генуэзцев. Показателен в этом отношении случай с Якопо Гримальди, намеревавшемся сформировать из латинян воинский отряд, чтобы нанести удар по Солхату и Каффе. После ареста Якопо был приговорён (взамен полагавшейся ему смертной казни) к изгнанию из пределов генуэзских факторий за активное сотрудничество с Нур-Девлетом и его сторонниками. О помиловании Якопо Гримальди хлопотал лично Менгли I Гирей (Колли, 1918, с. 133 – 134).

В апреле 1470 г. консул Каффы Филиппо Кьявройя докладывал в Геную протекторам Банка Св.Георгия, что Нур-Девлет заключён в одну из башен города (Колли, 1918, с. 135). Хотя вскоре он со своими сторонниками был переведён в большой дом с двориком, имея даже возможность принимать гостей (Колли, 1918, с. 144).

Протекторы Банка Св.Георгия в своей инструкции от 28 апреля 1470 г., одобрительно отнеслись к мерам, принятым официальными Каффы по заключению полезных для коммуны соглашений и договоров (*tractatus et conclusiones*) с господином императором Скифов (*domino imperatoris Scitarum*) и господином Тодори (*domini Thodori*). Они также сочли целесообразным отправку в Каффу братьев того же господина императора

(*fratres ejusdem domini imperatoris in Capham transmissos*) (*Atti*, 1879, VII, 1, p. 731; *Vasiliu*, 1929, p. 329; *Vasiliev*, 1936, p. 236)⁴⁴⁷. Менгли I Гирей, в знак благодарности за оказанное ему реальное содействие в овладении престолом в 1469 г. (*Гулевич*, 2018, с.254-277) не только подтвердил ранее достигнутые договорные условия с Каффой, но и сократил размеры выплачиваемой генуэзцами дани (*Atti*, 1879, VII, 1, p. 459 – 460; 464, 487, 490, 495, 516 – 517, 562, 628, 655, 674; *Heyd*, 1886, II, p. 399).

С пребыванием Нур-Девлета в Каффе связан один эпизод, получивший резонанс в политической жизни Газарии. Менгли I Гирей, стремясь избежать в будущем всякой опасности со стороны своего старшего брата, тайно договорился с начальником тюремщиков Каффы Джованни Бальбо об убийстве Нур-Девлета. Для реализации этого плана, Бальбо подкупил посыльного Нур-Девлета, татарина Кобу (*Coba*), который, оставшись верным своему господину, открыл ему готовящийся заговор.

На стороне пленного в интригу вмешались генуэзские нобили Грегорио Дельпино и Бертолино Аллегро. Им удалось обманом заманить Бальбо к охраняемому стражей зданию, где содержался Нур-Девлет и около 40 его сторонников, и там под покровом ночи убить. Затем они отправились к консулу Филиппо Кьявройя и, разбудив его, рассказали, что Бальбо, якобы пытавшийся убить Нур-Девлета, ранен и помещён в карцер. На это сообщение Кьявройя ответил обещанием утром во всём разобраться, но в это время стража, обнаружившая труп своего начальника, подняла тревогу. Толпа вооружённых генуэзцев двинулась к дому, где находился Нур-Девлет, чтобы уничтожить всех пленников. Татары мужественно защищались, потеряв нескольких человек убитыми, а большинство оказались ранеными (со стороны латинян погиб курьер фактории Шеркио и один соций был тяжело ранен). Только благодаря активному вмешательству официалов Каффы (число взявшихся за оружие горожан и стипендиариев, якобы, достигло 3000), оставшихся в живых пленников удалось укрыть в

⁴⁴⁷ Очевидно, имелся в виду захваченный Эминеком Нур-Девлет и его сторонники.

консульском дворце. В сложившейся критической обстановке, грозящей привести к кровопролитным столкновениям на улицах города, консул действовал решительно и быстро. Собрав в курии чиновников фактории, совет старейшин и наиболее влиятельных в Каффе лиц, он без всякого обсуждения объявил принятое им решение: на двух больших вооружённых шлюпках, в сопровождении массария Гоффредо Леркари, отправить из Каффы в Солдаю Нур-Девлета, четверых его братьев, одного из их племянников и двух невольников для услужения (*Atti*, 1879, VII, 1, p. 799; VII, 2, p. 26, 53; *Колли*, 1918, с. 143 – 146). До момента освобождения Гедык-Ахмет-пашой в 1475 г. Нур-Девлет с братьями находился в заточении в одной из башен консульского замка Солдаи. Остальные пленники, по-видимому, были сосланы в Чембало, где их содержали в консульском замке Св. Николая⁴⁴⁸.

Генуэзские источники начала 70-х гг. XV в. не называют имён пленённых братьев Менгли I Гирея. Поэтому не ясно, кто именно из них оказался в заточении вместе с Нур-Девлетом: Хайдер, Кутлук-Заман, Кильдыш (Гельдиш), Ямгурчи и Уз-Тимур (Оз-Темир)? (*Колли*, 1918, с. 130; *Некрасов*, 1999, с. 50). Очевидно, из данного списка следует исключить Хайдера, совершившего в 1474 г. набег на Подолию и Верхнюю Валахию (*Колли*, 1918, с. 149) и Мелик-Эмина (Мулькана). В целом же, на этот период времени, мы обладаем достаточно противоречивыми сведениями о родственниках хана. Например, 12 февраля 1475 г. консул Каффы Антониотто ди Кабелла пишет, что объединёнными силами Менгли I Гирея, Эминека и генуэзцев, было задержано два брата (*doi fradeli*), до сих пор находящиеся в замке Св. Ильи Солдаи (*in Soldaia in lo castello de Sancto Elia*). Вскоре сам хан (не ранее второй половины 1474 г.) в Керкере (*Charchere*) задержал ещё одного своего

⁴⁴⁸В.Гейд, а вслед за ним и Л.П.Колли, полагали, что всех заключённых отправили именно в Солдаю (*Heyd*, 1886, II, p. 401; *Колли*, 1918, с. 146, прим. 1), где в настоящее время вроде бы не известна башня Св. Николая (см. также замечание А.Винья о *castellano dei forti di S. Elia e S. Nicolo di Soldaia* (*Vigna*, 1879, VII, p. 16).

брата (*uno so fradelo*) – Мулькана (*Mulchamam*), отправленного под стражей в Чембало (*lo Sembalo*) (*Atti*, 1879, VII, p. 202; *Колли*, 1918, с. 166)⁴⁴⁹.

Поэтому Менгли I Гирей, после провала заговора против Нур-Девлета и других претендентов на ханский престол, в отличие от своего отца Хаджи Гирея, оказался в зависимости от магистратов Каффы, которые могли его шантажировать угрозой освобождения заключённых в Солдае и Чембало. Вместе с тем, молодому хану приходилось считаться и с протурецкой ориентацией части влиятельных беков (*Vasiliev*, 1936, p. 236). Поэтому он продолжал способствовать развитию торговли с османскими купцами.

Но, как показал дальнейший ход событий, реальная опасность на этот раз исходила не от братьев хана, а от его ближайшего окружения. В конце 1472 или в начале 1473 г. скончался наместник Кампании тудун Мамак. Его должность по праву перешла к старшему в роде Ширинов – Эминеку, кандидатура которого была поддержана как Менгли I Гиреем, так и официальными Каффы (*Atti*, 1879, VII, p. 56; *Heyd*, 1886, II, p. 400; *Колли*, 1918, с. 160; *Pistarino*, 1990, p. 498). На первых порах между тудуном Кампании и ханом установились дружественные отношения. Но довольно скоро амбициозность Эминек, домогавшегося от Менгли I Гирея руки его матери (*Колли*, 1918, с. 149), а также независимость в принятии решений, выражавшаяся в организации самостоятельного похода в земли соседних государств, привели к конфликту между ханом и тудуном⁴⁵⁰. Это послужило дополнительным поводом к развитию сложной интриги, в которой приняли участие как некоторые официалы Каффы, так и честолюбивая, богатая вдова Мамака, настаивавшая на назначении на должность наместника Кампании своего сына Сейтака (*Сертака = Saitech*) (*Pistarino*, 1990, p. 513). В ход были пущены клеветы (Эминек обвинялся в тайных сношениях с турецким султаном Мехмедом II (*Canale*, 1856, III, p. 346 и сл.; *Vigna*, 1879,

⁴⁴⁹ Более подробно о царевиче Милкомане, т. е. Мелик-Эмине, и родословной династии Гиреев в XV в. см. (*Некрасов*, 1999, с. 50 – 51).

⁴⁵⁰ Набег Хайдера 1474 г. был инспирирован Эминеком и его братом Мулканием, что явилось причиной резкого обострения внешнеполитических отношений между Менгли Гиреем, госполарем Молдавии Стефаном III и королем Польско-Литовского государства Казимиром IV.

VII, p. 154; *Heyd*, 1886, II, p. 400; *Колли*, 1918, с. 166) и деньги (вдова обещала генуэзским чиновникам 6000 дукатов за решение вопроса в пользу её сына) (*Vigna*, 1879, VII, p. 139 – 140, 145; *Heyd*, 1886, II, p. 400 - 401; *Колли*, 1918, с. 155 – 157)⁴⁵¹.

Результатом интриг явилось ослабление личного влияния и некоторой изоляции Эминека при дворе хана. Тем не менее, Менгли I Гирей, не желая потворствовать проискам некоторых генуэзских чиновников и матери Сейтака, т.к. это могло привести к окончательному разрыву с Эминекком, принял решение назначить на должность тудуна другого, авторитетного бека – младшего брата Эминека Карай-Мирзу (*Karai-Mirza*) (*Vigna*, 1879, VII, p. 158; *Heyd*, 1886, II, p. 401; *Pistarino*, 1990, p. 498).

Но, когда прибывший в Каффу Менгли I Гирей объявил о своём намерении, то встретил открытое сопротивление со стороны массария и провизора Каффы Оберто Скварчафико, заявившего хану, что тот находится в руках генуэзцев. Если Менгли I Гирей не согласится на утверждение Сейтака, то официалы Каффы выпустит из Солдайи «узников, которые гораздо более имеют законных прав на престол, нежели он сам» (*Мурзакевич*, 1837, с. 75 – 76; *Heyd*, 1886, II, p. 401).

Натиск массария и двух членов официии Кампаньи привёл к ожидаемому ими результату: Сейтак получил назначение на должность наместника Кампаньи, а Эминек был смещён (*Heyd*, 1886, II, p. 401). Опасаясь за свою жизнь и предупреждённый о злых намерениях официалов его другом Андреа Фатинанти (*Колли*, 1918, с. 174), бывший тудун бежал в сопровождении 20 или 25 верных подданных в Тану (или Зихию) (*Atti*, 1879, VII, p. 202). Вскоре сюда стали стекаться из Татарии сторонники Эминека. К тому же, неподалеку, размещалась ставка оппозиционно настроенного к Менгли I Гирею, царевича Джанибека (*Колли*, 1918, с. 150), степень родства

⁴⁵¹В частности, действовать в пользу Сертака (за солидное вознаграждение) вдова Мамака поручила генуэзцу Константино ди Пиетро-Росса, которому удалось вступить в сговор с Оберто Скварчафико (ему было обещано 2000 дукатов) (*Heyd*, 1886, II, p. 401).

которого с ханом так окончательно и не установлена (*Некрасов*, 1999, с. 50; *Гулевич*, 2017, с.315-320).

Триумф Сейтака в начале февраля 1475 г. был отмечен его торжественным въездом в Каффу в сопровождении Менгли I Гирея. Однако сомнительная победа обернулась скорым поражением в конце мая от изгнанного Эминека, вынудившего недавних триумфаторов искать убежища за стенами города (*Pistarino*, 1990, р. 491, 499). Казавшаяся столь удачной интрига Оберто Скварчиафико и поддержавших его чиновников оффиции Кампаньи явилась причиной трагедии для всех генуэзских факторий, завоёванных в 1475 г. Гедык-Ахмет-пашой.

К тому же Каффа – царица Великого моря (*la regina del mar maior*) – в этот момент была внутренне ослабленной длительными распрями в армянской общине, в которой шла борьба за пост епископа между Тер-Кабетом и Тер-Ованесом, поддерживаемым не только его родственником - банкиром Котулбеем, но и массариями (*Колли*, 1918, с. 149, 164). Раздоры и конфликты в полиэтничной среде городской общины, вызванные негативными изменениями в торговой конъюнктуре, а также сложностью политического положения фактории на протяжении последних двух десятилетий, постоянно сотрясали Каффу. Это и привело к её стремительной сдаче османам в 1475 г. (*Зевакин, Пенчко*, 1940, с. 3 – 33; *Чиперис*, 1960, с. 148 – 149, 155; 1962, с. 245 – 266; *Pistarino*, 1990, р. 479 – 511; *Карпов*, 2000, с. 206 – 207).

Таким образом, конец 60-х гг. XV в., в консулат Джентиле Камилла, закончившийся в начале 1470 г., можно считать пиком дипломатических успехов генуэзцев на территории полуострова. В это время им удаётся выступать в роли политических арбитров в общении, как с татарами, так и с феодоритами, которым они настоятельно рекомендовали платить дань турецкому султану, чтобы любым способом избежать с ним войны. К середине 70-х гг. (в консулат Антониотто ди Кабелла) все завоёванные ранее позиции были утрачены. Протекторы Банка слишком поздно осознали неспособность Антониотто ди Кабелла управлять факторией, раздираемой

внутренними и внешними противоречиями. Пытаясь исправить положение, они выдали одновременно дипломы сразу двум консулам – Джакомо Джустиниани и Галеаццо Леванто. Но ни один из них не смог вовремя добраться до Газарии, чтобы попытаться спасти положение (*Колли*, 1918, с. 168 – 170). Развязка наступила слишком быстро, потому что Каффа капитулировала, практически не оказав никакого сопротивления туркам.

Возвращаясь ко времени последних успехов генуэзской дипломатии, следует признать, что она базировалась на принципе лимитропии (*i principii limitropii*)⁴⁵² в построении политических отношений с правителями стран Причерноморья (*Колли*, 1918, с. 147). В этом отношении весьма показателен тон инструкций протекторов Банка, направляемых в Каффу в то время. Например, 21 января 1471 г. они писали, что в Генуе было приятно узнать о послании посольства к турецкому султану (*domino regi Turcorum*) с данью в назначенное ранее время. Протекторы выражали желание, чтобы официалы Каффы поступали так каждый год. Кроме того, они одобряли старания генуэзцев убедить господина Готии сделать то же самое, потому что «полезно и для вас и для него жить в мире с господином – царем [турок]» (*Atti*, 1879, VII, 1, p. 731; *Vasiliiu*, 1929, p. 329)⁴⁵³.

В действительности, до настоящего времени, остаются неизвестными (по крайней мере, мы не обладаем никакими источниками, свидетельствующими об этом) сложившиеся отношения Крымского ханства и Феодоро с османами. И было ли на самом деле (как это советовали генуэзцы) Исааком отправлено посольство к Мехмеду II, чтобы договориться с ним о размерах и условиях выплаты дани?

Симпатии владетелей Феодоро, связанных родственными узами с Великими Комнинами, Палеологами и молдавским господарем Стефаном III,

⁴⁵²Принци *limitropii* - имеется ввиду политика преднамеренной двусмысленности.

⁴⁵³А.А.Васильев, цитируя латинский текст полагал, что здесь речь идёт о Менгли Гирее, а это полностью исказило политическую доктрину, которой придерживались генуэзцы. Поэтому он полагал, что Каффа была вынуждена принять унижительные для неё условия «в надежде на то, что татарский хан, благодаря этому, откажется от союза с султаном против Крыма» (*Vasiliev*, 1936, p. 236).

явно были на стороне лиги, борющейся с турками-османами. Несмотря на внешнюю дипломатическую лояльность, активизацию торговли с турецкими купцами и традиционно хорошие отношения с Гиреями, в критических ситуациях антитурецкая позиция феодоритов прослеживалась довольно чётко.

В.Василиу полагала, что Исаак платил дань султану вместе с Кафрой и не намеревался менять свою позицию (*Vasiliu*, 1929, p. 332 – 333), а это побудило господаря Молдавии предпринять дипломатические шаги соответствующие сложившейся политической ситуации. Об этом красноречиво свидетельствует письмо от 10 февраля 1475 г., отправленное в Геную тогдашним массарием Каффы Оберто Скварчафико. В нём говорится, что несколько дней назад в город прибыли послы с посланием от господина воеводы, в котором выражалась готовность заключить с нами мир и возместить ущерб, нанесённый Стефаном III генуэзцам ранее, оцениваемый в 1300 венецианских дукатов.⁴⁵⁴ Но одним из главных условий, выдвигаемых при этом Стефаном, было заключение союза, направленного против турецкого царя (*regis teucrogrum*) и господина Исаака, господина Феодоро и Готии (*domini Saici domini Theodori et Gottie*) (*Atti*, 1879, VII, p. 195, doc. MCXVII; *Малицкий*, 1933, с. 43)⁴⁵⁵. Оффициалы Каффы вежливо, но

⁴⁵⁴ Речь, по-видимому, идёт о согласии Стефана III окончательно урегулировать давний инцидент, произошедший ещё в 1467 г. Его жертвами стали генуэзские купцы Николо де Камилла, Баттиста Бокачо, Джакомо и Ладзаро Ассерето. Купцы были схвачены у Хотина местным кастелланом и после недельной поездки привязанными к повозке, запряженной быками, их доставили к Стефану. Вместе с арестантами в Сучаву были привезены и их товары стоимостью в 2000 дукатов (*Vigna*, 1871, VII, p.779 doc.981; *Basso*, 1998, p.93-94; *Assini* 1999, p.17-18). Но самое примечательное в данном случае это то, что в числе заключенных оказался консул Каффы Григорио де Реза. Присутствие консула среди узников делает этот эпизод особенно тяжелым, тем более что Григорио де Реза, вернувшись в Геную по окончании срока своих полномочий приводит данное происшествие в письме, в котором описывает свои длительные и до самого конца всегда сердечные отношения со Стефаном (*Assini*, 1999, p.17, №65). Магистраты Каффы безотлагательно снарядили дипломатическую миссию во главе с Гульельмо Центурионе. Не остался в стороне от происходящего и новый хан Нур-Дивлет: сам император татар направил своих послов к молдавскому князю (*Assini*, 1999, p.18), чтобы сгладить происшествие, которое могло иметь разрушительные последствия для поддержания хрупкого мира, установившегося в Северном Причерноморье (*Musso*, 1971, p.134-136). Однако разрешение конфликта (хотя пленных Стефан и отпустил, товары остались в его распоряжении) затянулось на несколько лет. Наконец, попечители Банка Св.Георгия, в январе 1471 г. посылают предписание консулу Каффы предпринять последнюю попытку решить дело дружески: в противном случае репрессалии против молдавских купцов на сей раз были неизбежны (*Vigna*, 1871, VII, p.724-725; *Assini*, 1999, p.18).

⁴⁵⁵ А.А.Васильев, рассматривая данный сюжет, считал, что в тексте идёт речь о союзе направленном против татарского хана Менгли I Гирея и Исаака (*Vasiliev*, 1936, p. 242). На неверный перевод латинского источника

недвусмысленно отклонили предложение Стефана III, стремясь сохранить добрососедские отношения с Исааком, не подвергая себя дополнительной опасности со стороны Мехмеда II. Но, как показали события ближайших пяти месяцев, все меры предосторожности, предпринимаемые генуэзцами, оказались напрасными. Совершенно очевидно, что господарь Молдавии более реалистично смотрел на вещи (или был лучше информирован о планах турок). В действительности султан уже отдал приказ о подготовке нового похода, целью которого являлось завоевание именно Генуэзской Газарии, Готии и Феодоро.

Рассматривая причины разрыва отношений Стефана III с владельцем Феодоро Исааком, следует коснуться ещё одного события, получившего международный резонанс. Имеется в виду набег, совершённый Хайдером в июне 1474 г. в междуречье Прута и Серета, в результате чего оказались опустошёнными города и сёла Подолии и Верхней Валахии (в плен было уведено примерно 15 – 18 тыс. человек). Официалы Каффы, узнав о его подготовке, пытались убедить Менгли I Гирея не делать этого, но вмешательство Эминика и ещё одного брата хана – Мелик-Эмина (*Mulchania*) (*Atti*, 1879, VII, p. 122) все приведённые доводы свели на нет. Уже, после того как захваченные в плен были доставлены в Крым, генуэзцы опять обратились с просьбой к Менгли I Гирею не продавать пленных мальчиков туркам, чтобы тех не обратили в мусульманство. И хотя полученный ответ был наполнен любезностями, консул Антониотто ди Кабелла высказал опасение, что часть этих юношей уже распродана, так как турки, приехав продавать товары, уступили их дешевле, дабы собрать больше денег для покупки рабов. Скупка рабов проводилась в порту Каламиты и соляных озерах Каркенита (*Колли*, 1918, с. 150). К крымскому хану в Кырк-Йер из Польши и Молдавии

и интерпретацию событий А.А.Васильевым обратил внимание и Х.-Ф.Байер (*Байер*, 2001, с. 223). И тем не менее А.Г.Герцен в одной из своих работ повторяет ошибку А.А.Васильева: «Стефан вступил в переговоры о союзе с генуэзской Каффой для борьбы с крымским ханом и князем Феодоро, Исааком» (*Герцен*, 2004, с. 159).

прибыли послы, пытавшиеся убедить татар не продавать пленных пока не будут собраны деньги для выкупа. Но результат был минимален: основная их часть оказалась отправленной в Константинополь.

В источниках, освещающих эти события, Исаак не упоминается, но тот факт, что массовая распродажа пленённых христиан велась через принадлежавший ему порт Каламиты, может говорить о его косвенном участии в данных событиях (в качестве пошлин он получил солидную прибыль). В.Василиу полагала, что окончательный разрыв дипломатических отношений Стефана III с Исааком произошёл в конце 1474 г., после прибытия в Молдавию Александра, родного брата его жены – Марии (*Vasiliiu*, 1929, p. 333). Точное время приезда ко двору Стефана III Александра на самом деле не известно. Можно только предположительно его помещать в промежутке между сентябрем 1472 и декабрем 1474 г. (*Мыц*, 1991, с. 192). Сам факт приезда (бегства?) Александра со своей семьёй (?) ко двору Стефана III позволяет предполагать возникновение между братьями серьёзного конфликта (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 36).

1475 г. явился последней страницей в истории города Феодоро. Несмотря на усилия многих исследователей, финальный этап существования Крымской Готии как государства, представляет собой множество так и не разрешённых вопросов. Имеется, по крайней мере, четыре версии развития трагических событий, связанных с судьбой Исаака и его брата Александра. Например, Н.Йорга считал, что Исаак по совету генуэзцев выплачивал дань Мехмеду II и в конце концов стал другом турок (*Iorga*, 1927, p. 142). По его мнению, политика соглашательства и примирения, как с генуэзцами, так и с турками, привела к разрыву между господарём Молдавии и правителем Феодоро. Поэтому Стефан III способствовал возвращению своего зятя Александра в Готию, куда тот прибыл перед появлением османов в Крыму, убил Исаака и занял отцовский престол (*Iorga*, 1927, p. 142)⁴⁵⁶. В.Василиу полагала, что

⁴⁵⁶Сходной и далеко не бесспорной концепции развития событий придерживалась Л.Е.Семенова, полагавшая, что османская угроза нависла над Мангупским княжеством, а его правитель Исаак перешел на

Стефан III, недовольный занятой Исааком протурецкой позицией, сразу же после победы под Васлуем (10 января 1475 г.), отправил Александра в Каламиту на корабле, на котором находился и вспомогательный отряд из 300 валахов. Но, в отличие от Н.Йорги, она оставила открытым вопрос, был ли действительно Исаак убит своим братом Александром (*Vasiliu*, 1929, p. 333).

А.А.Васильев несколько иначе восстанавливал хронологию и причинно-следственную связь событий. По его мнению, Александр, до момента отправки в Феодоро, находился вместе со своей сестрой Марией в Монкастро, откуда он на итальянском судне отправился в Готию. Через три дня после прибытия в Крым он овладел Мангутом и убил своего брата Исаака. Все эти события произошли незадолго до падения Каффы, т. е. «ранней весной этого года» (*Vasiliev*, 1936, p. 244 – 245). К тому же, исследователь высказал предположение о том, что Стефан, благодаря браку с Марией, хотел овладеть княжеством Феодоро и Готией (*Vasiliev*, 1936, p. 244).

А.Г.Герцен, опираясь на известные письменные источники, собранные А.А.Васильевым (*Vasiliev*, 1936, p. 249 – 266), предложил свою версию происходивших в Феодоро событий. После внезапной смерти Исаака, наступившей, по-видимому, весной 1475 г., престол занял правитель, возможно, племянник покойного князя. В конце мая или начале июня (т.е. ещё до появления турок в Крыму) этот неизвестный по имени правитель был свергнут младшим братом Исаака Александром, которому оказал помощь Стефан, предоставив корабль и 300 воинов-валахов (*Герцен*, 1990, с. 148; 2001, с. 382).

Скупость и противоречивость содержащейся в письменных источниках информации, в значительной степени зависящей от нюансов перевода и последующей интерпретации, позволяет создать только предполагаемую

сторону турок. Попытка Штефана повлиять на ход событий в Мангупе привела к убийству Исаака братом Александром, настроенным против султана. Она считает, что османы в декабре 1475 г. захватили Мангупскую крепость. Александр также пал в результате начавшейся в княжестве внутренней борьбы. «Штефан послал для поддержки гарнизона крепости отряд в 300 человек, но изменить положение в свою пользу уже не смог: Мангуп подчинился османам» (*Семенова*, 2006, с.87).

последовательность событий и определить их участников. Поэтому попытаемся вновь обратиться к анализу некоторых из них, и, в особенности, имеющих указание на конкретные даты. Но прежде рассмотрим один документ, позволяющий восстановить начальный этап военной кампании турок в 1475 г. – донесение Леонара Арте дожу Венеции (датировано 4 июля) (*Колли*, 1911, с. 9 – 11).

На основании полученной от наблюдателей (*observatores*) информации Леонар Арте сообщает, что 19 мая из Константинополя вышел флот, состоящий из 180 кораблей, 3 больших галер и 120 меньших судов, на которых разместилось 3000 всадников и 100 возов печёного хлеба. На одной из галер находился великий визирь Гедык-Ахмет-паша, а на другой комендант Галлиполи – Диагарж-Якуб. Достигнув маяка, расположенного у входа в Босфорский пролив, турецкая армада повернула на юг к Синопу, которого она достигла 27 мая (сообщение об этом получено в Константинополе 3 июня). Сам султан в это время пребывал в предместье Адрианополя Зуйхалохори (*Zuichalochori*), где была собрана вся сухопутная, но недостаточно хорошо обученная армия (*Pistarino*, 1990, р. 490). Лучшую часть своего войска султан поместил на армаду (*Колли*, 1911, с. 10).

8 июня в Зуйхалохори поступило известие, что Стефан находится в своём лагере в Яссах, который хорошо подготовлен к обороне и отлично вооружён. Отсюда (из под Адрианополя) сухопутная армия османов отправилась в Загору, чтобы переправиться через Дунай и вторгнуться в Валахию. До 17 июня, когда венецианский осведомитель покинул турецкий лагерь, в Загору из Константинополя прибыл гонец от Гедык-Ахмед-паши с известием о захвате Каффы (*Pistarino*, 1990, р. 490). Султан отдал приказ армаде, после завершения крымской кампании, направиться прямо на *Аспро-Кастро*⁴⁵⁷. После этого сухопутная армия продолжила движение к Дунаю, чтобы напасть на Молдавию (*Колли*, 1911, с. 11).

⁴⁵⁷ Л.П.Колли полагал, что под *Аспро-Кастро* имелся ввиду Мангуп (*Колли*, 1911, с. 11, прим. 2), в то время как здесь речь идёт о Монкастро.

Данный документ интересен тем, что демонстрирует прекрасную осведомлённость европейцев о всех перемещениях турецкой армии. В связи с рассматриваемой темой важно то, что до 17 июня, когда венецианский осведомитель покинул турецкий лагерь в Загоре, уже было получено известие о падении Каффы (по-видимому, оно доставлено 12 – 13 числа), и Мехмед II отдал распоряжение Гедык-Ахмет-паше с флотом, выполнившим поставленную перед ним задачу, отправиться к Монкастро.

Это позволяет говорить, что турки не предполагали длительных военных действий в Газарии, а основной их целью было нанести с двух сторон решающий удар по Молдавскому княжеству. Намерения Мехмеда II подтверждает и одно из анонимных донесений, отправленных из Перы на Хиос 26 июня, в котором рассказывается, что Гедык-Ахмет-паша, благодаря деятельной помощи татар, завладел Каффой почти без боя. Из Крыма флот должн был отправиться к Ликостомо (Килия – В.М.) и Монкастро (*Колли*, 1911, с. 15, прим. 1). Далее автор заверяет, что турки могут быть уверены в быстром завоевании этих крепостей. Примером этого является Каффа и «другие соседние местности, как Готия, Чембало, Солдайя, равно и некоторые пункты Цихии и Татарии, изъявят свою покорность и сдадутся на капитуляцию» (*Колли*, 1911, с. 15).

Но в Крыму произошли события, которые изменили план действий и вынудили великого визиря Гедык-Ахмет-пашу внести коррективы в предписание султана. Не вызывает сомнений, что Стефан III столь же внимательно следил за приготовлениями и перемещениями османских войск. Прибытие к Монкастро и Килии элитных частей Мехмеда II могло обернуться катастрофой для его государства. Молниеносный успех Гедык-Ахмет-паши в Генуэзской Газарии не предвещал для Стефана III ничего хорошего. Поэтому необходимо было создать серьёзный повод длительной задержки в Газарии, если не самого великого визиря, то его армады. Этим поводом могла явиться длительная кампания по покорению Готии. 20 июня 1475 г. Стефан III из Ясс отправляет письмо королю Венгрии Матвею

Корвину, в котором сообщает о падении Каффы и о намерении турок напасть на Нижнюю Валахию (*Pistarino*, 1990, p. 486), используя флот Гедык-Ахмет-паши для осады Килии и Четатя-Албэ (Монкастро).

Послание господаря Молдавии начинается с небольшого сюжета, касающегося событий, недавно произошедших в Готии. Стефан сообщает, что получил сообщение от кастелланов из Монкастро. Они пишут о возвращении корабля генуэзца Филиппо. Александр высадился в Ласпи и на третий день вступил во владение отцовским наследством, т.е. «городом Мангопом, где он находится и в настоящее время» (*Atti*, 1879, VII, p. 479, doc. XXI; *Vasiliev*, 1936, p. 244, n. 2; *Колли*, 1911, с. 13 – 14).

25 июня (в воскресенье, после празднования Рождества Иоанна Крестителя, которое приходится на 24 число)⁴⁵⁸ послы венгерского короля Доминик и Гаспар из Быстрицы отправили срочное сообщение. В нём они писали, что: «на днях, лично сам Воевода Стефан отправил Александра, родного брата своей жены во владение, которое называется Манго» (*Atti*, 1879, VII, p. 477; *Колли*, 1911, с. 12; *Малицкий*, 1933, с. 43; *Vasiliev*, 1936, p. 244 – 245).

Приведённые документы, учитывая динамику происходивших в конце мая – начале июня 1475 г. событий и быстроту поступления из Газарии информации, позволяют полагать, что Александр мог отправиться из Монкастро в Феодоро, получив известие о захвате турками Каффы, т. е. после 6 июня. Если даже это произошло и ранее указанного срока, то не намного и было связано именно с появлением Гедык-Ахмет-паши у берегов Газарии. Важно то обстоятельство, что ни один из источников, повествующих об отъезде Александра, не упоминает о якобы сопровождавших его 300 валахах. Столь важный момент не мог ускользнуть от внимания современников, в особенности связанных с королем Венгрии.

⁴⁵⁸ Л.П.Колли датировал время отправки этого сообщения июлем (*Колли*, 1911, с. 12), а А.А.Васильев 20 июня 1475 г. (*Vasiliev*, 1936, p. 245, n. 1).

Откуда же появились на Мангупе эти 300 воинов, столь часто упоминаемых на страницах научных изданий?

Одним из первых сведения анонимного автора о том, что вместе с владетелем Феодоро в 1475 г. против турок сражался отряд из 300 валахов, использовал М. де Канале (*Canale*, 1856, III, p. 354). В дальнейшем на это сообщение ссылаются многие исследователи, дополняя его различного рода предположениями и догадками относительно их происхождения, времени и условий появления на Мангупе (*Bruun*, 1866, p. 72; *Tomaschek*, 1881, s. 54; *Braun*, 1890, s. 36, 80; *Iorga*, 1904, p. 164; *Vasiliu*, 1929, p. 331; *Малицкий*, 1933, с. 43).

Чтобы прояснить данный вопрос, А.А.Васильев обратился ещё к одному источнику, имевшему, по его мнению, отношение к затронутой теме. Речь идёт о письме короля Венгрии Матвея Корвина к одному из своих придворных – Михаилу Фанкси, в котором ему приказывается немедленно «отправиться к Стефану, Молдавскому воеводе... вместе с 300 сицилийцев (*Siculis*), ...помочь и поддержать нас там, особенно в то время, когда он [Стефан] нуждается в помощи» (*Hurmuzaki*, 1891, II, doc. XIII; *Vasiliev*, 1936, p. 261, n. 3). Отсюда он пришёл к заключению, что 300 валахов, героически сражавшиеся в Феодоро как телохранители Александра, были 300 *Siculi*, посланные Матвеем Корвиным Стефану. Стефан же отправил их с Александром в Крым. Михаил Фанкси, командовавший отрядом, либо погиб во время осады города, либо, попав в плен, оказался в Константинополе (*Vasiliev*, 1936, p. 261)⁴⁵⁹.

Предложенная А.А.Васильевым версия реконструкции исторических событий и их реальных участников выглядит достаточно убедительной. При этом непонятно как от его внимания ускользнул хорошо известный источник, получивший при издании А.Винья название *Тосканского Анонима* (*anonimo toscano*) (*Canale*, 1856, III, p. 346 - 347; *Heyd*, 1886, II, p. 401, n. 1; *Atti*, 1879,

⁴⁵⁹Дальнейшая судьба Михаила Фанкси не известна, т.к. какие-либо сведения и упоминания о нём в известных мне источниках отсутствуют.

VII, p. 239 – 246). Это - письмо неизвестного флорентийского купца, написанное в Стамбуле 25 августа 1475 г. Купец, оказавшись в Каффе в момент её захвата турками, подробно изложил происходившие здесь события (*Pistarino*, 1990, p. 512 – 518).

В завершении своего повествования анонимный автор помещает небольшой рассказ о том, как правители Венгрии и Молдавии откликнулись на события, происходившие в Великом море. Отправив для защиты в Готии крепости, называемой Фодоро (*era a campo a un castello fortissimo della Ghottia che si chiama Todaro*), где находится господин Готии и 300 валахов (*dove si truova il signore della Ghottia chon 300 Valacchi*), которые уже провели пять прославивших их баталий (*e gli ha dato 5 battaglie hordinate*) (*Atti*, 1879, VII, p. 246; *Pistarino*, 1990, p. 496, 518).

При всей краткости изложения, источник содержит важную информацию. Во-первых, упоминание совместных усилий короля Венгрии и господаря Молдавии по оказанию помощи в обороне столицы Готии от турок. Это позволяет установить событийную и временную связь между распоряжением Матвея Корвина Михаилу Фанкси отправиться на помощь к Стефану III с 300 *Siculi* или 300 *Valacchi*, которые с *signore della Ghottia*, вышли победителями из пяти сражений, снискав тем самым себе славу. Во-вторых, если время указа короля Венгрии Михаилу Фански ранее относилось только к 1475 г., и его точная дата не была установлена, то теперь с большой долей вероятности данное событие можно определить в пределах первой половины лета, но не позднее июня. Судя по всему, турки уже в июле попытались сходу овладеть Феодоро, но, потерпев неудачу, отступили, чтобы подготовиться к осаде города с применением артиллерии (*Герцен*, 1990, с. 148; 2001, с. 366 – 386; *Рувев*, 2014).

Анонимный автор (флорентийский купец) получил сведения о войне в Готии уже находясь в Константинополе, куда он был отправлен из Каффы вместе с другими латинянами 12 июля. Если само письмо датировано 25, а не 15 августа, как полагали ранее (*Pistarino*, 1990, p. 512), и самая поздняя дата,

отмеченная в нём, относится к 3 августа (*Atti*, 1879, VII, p. 246; *Pistarino*, 1990, p. 518), то и первый этап войны в Готии, целью которого был захват Феодоро, следует отнести к июлю 1475 г. Флорентийский купец не упоминает имя сеньора Готии, как это полагали некоторые исследователи (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 37, прим. 2), но, по всей вероятности, имелся ввиду именно Александр.

Ограниченность свидетельств письменных источников не позволяет определить степень участия в событиях 1475 г. перника (виночерпия?) Исаака – Влада. Поэтому можно только предполагать, что Влад покинул Мангуп сразу же после вступления на престол Александра (или другого родственника Исаака), отправившись в Молдавию, где он скончался в Сучаве в 1480 г. Если бы он оставался при новом правителе (Александре?), то это, вероятно, нашло бы отражение и в его эпитафии. Однако в ней говорится о том, что Влад служил при Исааке.

Таким образом, Александр, в начале июня (?), сев в Монкастро на корабль, принадлежавший генуэзцу Филиппо, отправился в Готию. Но высадился он не в ближайшем феодоритском порту Каламиты, или принадлежавшем генуэзцам Чембало, а в Ласпи (вероятно, отмеченное в источнике *Jasrum*, является несколько искаженным *Lasrum* (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 37)). По-видимому, направление избранного Александром маршрута было обусловлено желанием скрыть начальный момент его пребывания в Готии, использовав затем эффект внезапности при появлении в Феодоро. Из бухты Ласпи Александр, вероятно, направился в Байдарскую долину и укрылся в замке на г. Сандык-Кая (?), владелец которого, по всей видимости, поддерживал его намерения. Через три дня после прибытия он уже овладел отцовским наследием (*Atti*, 1879, VII/2, p. 479; *Колли*, 1911, с. 11 – 12; *Vasiliev*, 1936, p. 244, n. 2) и начал подготовку к защите Феодоро от неизбежного нападения турок. Та легкость и быстрота, с которой Александр достиг Мангупа и занял престол, могут свидетельствовать, что он

пользовался поддержкой среди антитурецки настроенной части населения, как в самой столице, так и в Готии.

Мехмед II после поражения под Васлуем начал подготовку к новой войне с Молдавией, чтобы восстановить престиж своей дотоле непобедимой армии. Теперь он решил ликвидировать последние очаги независимости в Северном Причерноморье, оставшиеся в Газарии, – Феодоро и владения Банка Св.Георгия. Захват прибрежной и горной части полуострова также делал более послушным Менгли Гирея и его беков, коннице которых отводилась особая роль в будущей кампании.

Современные тем событиям документы не говорят, что именно Александр убил своего старшего брата Исаака, заняв престол Феодоро. Хотя следует признать, что реально заинтересованными в его физическом устранении с одной стороны, действительно мог являться Александр, которого в этом отношении поддерживал Стефан III, а с другой, ещё один родственник Исаака, находившийся в столице Готии. Единственным автором, у которого содержится на этот счёт краткое замечание, является Теодоро Спандугино (1453 – 1538?). В его сочинении «О происхождении оттоманских императоров» мотивация похода турок на Мангуп изложена следующим образом: «Мехмед, узнав, что владетель из Готии лишил жизни своего старшего брата и установил в том месте [власть], послал своего бейлербея, который осадил принца» (*Vasiliev*, 1936, p. 252, n. 4). Н.Йорга и А.А.Васильев были убеждены, что в данном источнике речь идёт именно об Александре и Исааке (*Iorga*, 1927, p. 142; *Vasiliev*, 1936, p. 244, n. 4). Хотя ещё О.Тафрали обратил внимание на то, что среди известных родственников Исаака и Марии, как это ни странно, Александр не упоминается (*Tafrali*, 1925, p. 54).

Имеющиеся свидетельства позволяют предполагать, что Исаак ещё в 1474 г., стремясь избежать вооруженного столкновения с турками, урегулировал с Мехмедом II дипломатические отношения, признав султана своим сюзереном и обязался выплачивать ему дань. Его действия не были поддержаны Александром. Поэтому он был вынужден бежать к Стефану III

в Молдавию и просить у того поддержки в овладении отцовским наследием (*Atti*, 1879, VII, II, p.479; *Бертъе-Делагард*, 1918, с. 37; *Vasiliev*, 1936, p. 244, n. 4).

Как уже отмечалось, попытка господаря привлечь в начале 1475 г. на свою сторону генуэзцев в решении возникшего в Феодоро конфликта, не увенчалась успехом. Насильственное свержение с престола и убийство (?) в 1475 г. законного правителя, каким являлся Исаак, дало туркам повод для вмешательства в династическую борьбу за власть в Феодоро, считая любого претендента узурпатором. Поэтому не исключено, что появление в Готии Александра, если он даже и не был причастен к смерти Исаака, спровоцировало активные военные действия со стороны Гедык-Ахмет-паши.

Следует признать, что остаются неизвестными дата и причины смерти Исаака, а также имя его родственника, участвовавшего в дворцовом перевороте 1475 г., хотя в этом направлении и предпринимались попытки, в том числе и основанные на археологическом материале. Одна из них заключалась в возможности интерпретации монограмм на поливных сосудах, обнаруженных на территории Феодоро. Во время раскопок дворца Р.Х.Лепером в 1912 – 1913 гг., А.Л.Якобсоном в 1938 г. и Е.В.Веймарном в 1974 г., найдены поливные чаши и блюда с монограммами ТХ или ХТ (рис.400-403,1), а в одном случае ТХВ (всего более 30 сосудов). Причём на одном из них монограмма ТХ нанесена дважды. К этой группе примыкают три находки из Лусты (Алушты), где в слое разрушения города от пожара 1475 г. обнаружены фрагменты чаш с монограммами ТХ (рис.403,2), две из феодоритского замка Фуна (происходят из верхнего горизонта памятника 1459 – 1475 гг.) с буквенными обозначениями в виде граффити ТВ (*Кирилко*, 1999, с. 138 – 140, рис. 2, 11 – 13) и одно блюдо из слоя пожара 1434 г. в башне Барнабо Грилло Чембало (рис.404) (*Адаксина, Кирилко, Мыц*, 2003, с. 22, рис. 102)⁴⁶⁰. Сосуды с монограммами ТХ или ХТ А.Л.Якобсон, а вслед за

⁴⁶⁰ Появление в генуэзской башне в слое пожара 8 июня 1434 г. (?) данного артефакта можно объяснить тем, что город Чембало находился во власти феодоритов около 16 месяцев (с февраля 1433 по июнь 1434 г.). К

ним В.Н.Даниленко и А.И.Романчук, датировали XIV в. и монограмму раскрывали как имя Хуитани, известное по надписи 1361/62 г. обнаруженной при раскопках базилики Мангуа (*Якобсон, 1953, с.414; Даниленко, Романчук, 1966, с. 123, табл. 2,25-28,а,б*). Но есть веские основания считать, что поливная керамика из дворца не выходит за временные пределы его существования – 1425 – 1475 гг. (*Мыц, 1991в, с. 183*).

Стратиграфические условия обнаружения изделий (поливных чаш и блюд) ставят под сомнение правильность даты, предлагавшейся А.Л.Якобсоном – XIV в. Слой пожара, из которого происходят эти находки, относится к 1475 г. К тому же сосуды с монограммами ТХ (рис.400-403)⁴⁶¹ находились совместно с двумя чашами Исаака (1465 – 1475) (рис.401,2) и их следует (в данном конкретном случае) датировать примерно этим временем, а не 60-ми гг. XIV в., как предполагалось ранее (*Мыц, 1991в, с. 183*). В 1974 г. Е.В.Веймарн, продолживший раскопки дворца, при которых также найдено несколько фрагментированных поливных изделий с монограммой ТХ и ручка коричневоглиняного кувшина с подобным граффити, выразил сомнение по поводу возможности датировать данную керамику XIV в., потому что она обнаружена в слое XV в., а следовательно её нельзя связывать с именем сотника Хуитани (*Веймарн, 1974, с. 39, 51*).

В свое время мною было высказано предположение, что данная монограмма (ТХ) могла принадлежать правителю Феодоро Техуру, который занимал престол после смерти Исаака в 1475 г., правил недолго и был свергнут прибывшим из Молдавии Александром (*Мыц, 1991в, с. 183*). Предлагавшуюся мной интерпретацию следует признать ошибочной и не обоснованной. Во-первых, в действительности не известно имя владельца Феодоро, являвшегося предшественником Александра (в опубликованных

тому же, обороной Чембало руководил средний сын Алексея I - Олобо, находившийся здесь со своими приближёнными (примерно 70 человек). Единственно, что теперь сосуды с подобными монограммами следует датировать не 60 – 70-ми гг., а 30 – 70-ми гг. XV в. (*Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 55 – 56*).

⁴⁶¹Относительно недавно В.Е.Науменко и А.А.Душенко опубликовали фотографии серии сосудов с монограммами ТХ хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа из раскопок дворца в Феодоро, которые осуществляла в 1912-1914 гг. экспедиция Херсонесского музея (*Науменко, Душенко, 2017, рис.5,1-3; 6,1*).

источниках оно не названо). Во-вторых, османские историки, рассказывавшие об осаде Феодоро Гедык-Ахмет-пашой, говорят о его персоне безличностно, называя его *текуром* или *текфуром* (tekur, tekfur) (Vasiliev, 1936, p. 254). Так в турецких средневековых текстах XIV – XV вв. именуется любой правитель христианского государства, в том числе и византийский император (Wittek, 1934, s. 39; Жуков, 1988, с. 147, прим. 29).

В.Н.Залесская предложила свою оригинальную трактовку смыслового содержания данной группы монограмм. Согласно её мнению литеры ТХ могли содержать не только имя одного из местных правителей, но и христианские изречения типа: Χ[ριστος] Τ[ρόπαιον] или Τ[είχος], т. е. Христос – победное знамя или твердыня, а в сочетании ТХВ – Χ[ριστος] Τ[ρόπαιον] или Τ[είχος] Β[οήθει] – Христос – победное знамя (твердыня), помощи (Залесская, 1993, с. 374).

Однако при такой интерпретации остается без объяснения столь малый ареал распространения подобных монограмм (Феодоро, Фуна, Луста, Чембало) и узкие хронологические рамки их бытования в среде христианских правителей Феодоро. К тому же все эти находки поливных изделий с монограммами ТХ, ТХВ, ТВ происходят исключительно из слоёв пожаров и разрушений 1434 (?) и 1475 гг. В таком случае надо признать, что перед самым завоеванием побережья Готии и горного Крыма турками, под влиянием всеобщего страха, в среде владетелей Готии получили распространение христианские изречения защитного или спасительного характера. Но почему они нанесены именно на столовой посуде? Не пытаемся ли мы навязать (приписать) таким образом, светским правителям Феодоро и Готии изысканноутонченную, просвящённую религиозность, которой они на самом деле не обладали? Не проще ли искать объяснение этих простых монограмм в утилитарном использовании данных изделий? Учитывая присутствие среди правителей Феодоро выходцев с Западного Кавказа – адыгов (черкесов) – с равным успехом можно предположить, что эти монограммы представляли собой аббревиатуру (составленную из букв

греческого алфавита) самого распространённого во время застолий адыгского пожелания – *тхубо* (τχουβω, т.е. – наздоровье). Но это только ещё один вариант интерпретации, так как ни разу данное слово не написано полностью. Таким образом, рассмотренный вопрос до настоящего времени остаётся открытым.

Путём исключений, можно предположить, что братом Исаака и Александра, находившимся на Мангупе в 1475 г., был Мануил (?) или Макарий (?) (их монограммы, наряду с монограммой Исаака, помещены на плите из Херсонеса), который при появлении турецкой армии (или в начале обстрела стен) бежал к Гедык-Ахмед-паше. В ходе осады города он неоднократно подъезжал к крепостным стенам, уговаривая жителей Феодоро сдаться, но все его усилия были напрасны (*Vasiliev*, 1936, p. 256 – 257; *Герцен*, 1990, с. 148; *Хайбуллаева*, 2001, с. 365). После захвата Феодоро он разделил судьбу побеждённых. Его, как и Александра, доставили в Константинополь, где он находился в тюрьме и был казнён весной 1476 г.

7.1.2. Каффинская война (*guerra di Chaffa*) 1475 г.

В приписке к своему посланию протекторам Банка консул Антониотто ди Кабелла 15 сентября 1474 г. сообщал, что по информации, полученной от греческого епископа⁴⁶², прибывшего из Перы, можно не переживать по поводу нападения на нас турок, так как они на будущий год «готовятся напасть на южные части Греции» (*Колли*, 1918, с. 151). Но консул, и доставивший это известие епископ Пахомий, глубоко заблуждались относительно намерений османов. Султан всегда скрывал направление планирующихся походов, широко используя дезинформацию. На этот раз подготовка шла именно к нападению на Каффу.

В мае 1475 г. в порту Константинополя был собран огромный флот. Он состоял, по свидетельству различных источников, из 300 (*Nešri*, 1957, s. 823; *Заинчковский*, 1969, с. 14), 370 (*Новичев*, 1963, с. 53), или даже примерно 500

⁴⁶² Греческим епископом Каффы в 70-х гг. XV в., имя которого не упоминает в своем письме консул Антонеотто ди Капелла, был Пахомий (*domini Pachumij epuscopi grecorum*) (*Atti*, 1874, VI, p. 653, doc. DCCCLXXXIV, 1470, 16 februario).

судов семи типов. Среди них было 208 галер и 4 галеаса, готовых отплыть к берегам Газарии (*Heyd*, 1886, II, p. 402, n. 2; *Pistarino*, 1990, p. 489, 493). Мехмед II, для завоевания Генуэзской Газарии и Феодоро, направил свои лучшие войска во главе с великим визирем Гедык-Ахмет-пашой. Реальная численность турецких войск не установлена, хотя некоторые авторы определяют её в 20 – 40 тыс. человек (*Мурзакевич*, 1837, с. 77; *Бертье-Делагард*, 1918, с. 18, прим. 2; *Pistarino*, 1990, p. 489, 505; *Мыц*, 1991а, с. 79). Ашик-Паша-Заде в своём сочинении, написанном между 1476 и 1484 гг., говорит о том, что на 300 кораблях, снаряжённых Ахмед-пашой, находилось «70 тысяч завоевателей-суннитов» (*Хайбуллаева*, 2001, с. 364)⁴⁶³.

По свидетельству письменных источников в экспедиционный корпус были включены наиболее боеспособные элитные части османской армии: 1) примерно 6000 янычар; 2) 10000 асали (*asali* – азабы и акынджи) – сухопутные войска, ядро которых составляла конница, а также отряды (войнуки, джерехоры и т.п.), специализировавшиеся на сапёрных работах, транспортировке и обслуживании артиллерии; 3) 3000 сипагов (кавалерия) (*Pistarino*, 1990, p. 489, 505; *Иналджук*, 1998, с. 119). Наличие султанской кавалерии в составе армады Ахмед-паши – верный признак недоверия Мехмеда II обещаниям Эминека поддержать османов при осаде Каффы. Но ширинский бек сдержал своё слово. Тем не менее, сипаги и азапы понадобились великому визирю для блокирования Каффы с суши и в ходе трудной военной кампании по завоеванию Готии.

31 мая флот османов подошёл к Каффе⁴⁶⁴, и на следующий день, высадившееся на побережье, у церкви Успения Богородицы (*St. Maria de mezo avosto*) (*Atti*, 1879, VII, p. 242) войско, приступило к осаде Каффы. Доставив к городу 14 осадных орудий (*bocche di bombarde*), они возвели три земляных

⁴⁶³ По подсчётам И.Х.Узунчаршилы в первой половине XV в. османская армия насчитывала более 150 тыс. человек: янычары – 12 тыс., султанская гвардия – 8 тыс., азабы – 30 тыс., акынджи – 40 тыс., отряды тимариотов – 60 тыс. человек (*Шамсутдинов*, 1986, с. 38).

⁴⁶⁴ Перед этим турецкая армада сделала остановку у селения Посидима (*Possidima*), располагавшемся на восточном склоне холма Тепсень – у западной оконечности Коктебельской бухты (*Бочаров*, 2001а, с. 89), в семи милях от Каффы. Здесь Гедык-Ахмет-паша провёл переговоры о совместных действиях против генуэзцев с Эминеком (?) или его представителями (*Брун*, 1879, с. 236 – 237; *Pistarino*, 1990, p. 514).

укрепления, установив батарею из 4 орудий напротив Кайадорских ворот (acassiatori) и две батареи, состоявшие из 3 орудий, напротив ворот, дополнительно защищённых рavelлинами⁴⁶⁵.

Начав обстрел внешней линии обороны 2 июня, туркам удалось к 4 июня разрушить только небольшую часть передовой стены (протейхизмы). Тем не менее, это вызвало смятение среди жителей города (армян и греков), восставших против латинян. Генуэзцы, не чувствуя себя способными удержать город, вступили в переговоры с великим везирем: «латиняне, не будучи в силе противостоять местной толпе, сдались [турецкому] адмиралу». Так выглядит версия, которая излагается в анонимном письме, отправленном с Хиоса 8 июля 1475 г. При этом автор добавляет: «Можно сказать, что турецкий адмирал, благодаря татарам, завладел Кафрой почти без боя» (*Колли*, 1911, с. 15).

Менгли Гирей, собрав значительные силы, намеревался использовать их в борьбе с османами, но этому помешало появление Эминекка, поднявшего мятеж со своими сторонниками. Хан, с 1500 оставшихся верными ему всадниками, вынужден был укрыться за стенами Каффы. Татарское войско во главе с Эминекком перешло на сторону Гедык-Ахмет-паши (*Heyd*, 1886, II, p. 407; *Колли*, 1911, с. 14; *Pistarino*, 1990, p. 491). Генуэзцы, в сложившейся обстановке, не надеясь на собственные силы и сомневаясь в благоприятном для них исходе в случае сопротивления, 6 июня открыли ворота города и сдались на милость победителя⁴⁶⁶.

Была ли Каффа, к моменту появления турецкой эскадры, готова к длительной обороне и в чём причины столь быстрого её завоевания?

⁴⁶⁵Под ravelлинами Тосканский Аноним имеет ввиду барбаканы, которые прикрывали крепостные ворота Каффы: Сан-Джорджо (porte et al rivellino di S.Giorgio) и Сан-Теодоро (porta et al rivellino di S.Teodoro) (*Atti*, 1879, VII, p. 242; *Vigna*, 1879, II, p. 164; *Pistarino*, 1990, p. 514). Оставшиеся 4 бомбарды, вероятно, составляли необходимый при осаде резерв.

⁴⁶⁶ В своей хронике Ашик-Паша-Заде излагает официальную версию завоевания Каффы турками, бытовавшую в последний период правления Мехмеда II (1476 – 1481 гг.): «Неверные поняли намерение завоевателей – взяв город, разрушить его и потребовать выполнения их требований и на это всё у них хватило бы сил» (*Хайбуллаева*, 2001, с. 364). Как видим, Ашик-Паша-Заде не упоминает о каком-либо участии татар во главе с Эминекком в завоевании Каффы (*Хайбуллаева*, 2001, с. 364).

Исследователи, на протяжении многих лет, неоднократно обращаясь к этой теме, но в основном касались морально-этической и психологической стороны вопроса. В качестве основной причины указывалось на предательство и трусость, как самих жителей города, так и генуэзских официалов (*Vigna*, 1879, VII, p. 164; *Heyd*, 1886, II, p. 401; *Колли*, 1911, с. 3 – 8; *Бертъе-Делагард*, 1918, с. 18). При этом, как оправдание стремительного падения Каффы, также высказывалось мнение о слабости её обороны (*Heyd*, 1886, II, p. 402), ввиду значительного недостатка и даже неумения обращаться с огнестрельным оружием (*Бертъе-Делагард*, 1918, с. 18). С подобными заключениями, хотя и высказанными давно, но имеющими своих сторонников и в наше время, нельзя согласиться. Каффа была наиболее сильной в Причерноморье крепостью (*Бочаров*, 1998, с. 86 – 96, рис. 1 – 20; *Bocharov*, 2021, p.225-264).

В своей основе крепостной ансамбль Каффы сформировался на протяжении 40 – 80-х гг. XIV в. в момент наибольшей напряженности татаро-генуэзских политических отношений, неоднократно приводивших к военным конфликтам. Учитывая опыт поражения в войне с ханом Токтой (1307 – 1308 гг.), Республика Св. Георгия в 1340 г. приступает к строительству каменных оборонительных стен цитадели (*castrum*), завершённого в консулат Готифредо ди Дзоальи в 1352 г. (*Skrzinska*, 1928, p. 38 – 39; *Balard, Veinstein*, 1981, p. 87).

Новая крепость располагалась на холме, занимая территорию площадью около 11,3 га, с периметром фортификационных сооружений в 1440 м. На наиболее опасных участках обороны 15 куртин и 5 ворот фланкировались и прикрывались 16 башнями (*Бочаров*, 1998, с. 86 – 89) (рис.405-420). Даже не завершённое строительство позволило генуэзцам в 1344 и 1346 гг. выдержать две осады войск хана Джанибека. Цитадель Каффы оказалась недоступной для татар и во время вооруженного конфликта генуэзцев с правителем Солхата Кутлуг-Тимуром в 1365 г. (*Мыц*, 2004, с. 319). К 80-м гг. XIV в. население города настолько увеличилось, что не могло укрыться за стенами

Каструма. Поэтому, в преддверии очередной Солхатской войны 1385 – 1386 гг. (*Basso*, 1991, р. 12), когда консулами Каффы были Якопо Спинола (1383 г.), Пьетро Казано (1384 г.) и Бенедетто Гримальди (1385 г.), возводится внешний периметр обороны города (*Balard*, 1979, р. 207).

Площадь дополнительно укрепленной территории составила около 82 га, а протяженность фортификационных сооружений (включая и 600 м приморского участка цитадели) достигает 5240 м, опоясывая Каффу с суши на 3170 м, а со стороны моря – на 2070 м (рис.420-424) (*Бочаров*, 1998, с. 91, рис. 20). Новое кольцо куртин с 34 башнями и 5 воротами, с напольной стороны дополнительно прикрывалось передовой стеной (протейхизмой), 24 барбаканами и рвом, протяженностью 3200 м, ширина которого составляла 11 – 19 м при глубине 4 – 7 м. Откосы рва облицовывались камнем (*Бочаров*, 1998, с. 89 – 96).

Созданная генуэзцами к середине 80-х гг. XIV в. система обороны города Каффы, в дальнейшем совершенствовалась. Об этом свидетельствуют материалы нарративных источников и несколько закладных плит, самая поздняя из которых датирована 1474 г. (*Skrzinska*, 1928, р. 71 – 73). К моменту появления в 1475 г. у стен города турецкой армады, Каффа обладала самыми мощными в Причерноморье фортификационными сооружениями (*Бочаров*, 1998, с. 96, рис. 1 – 20).

На проведение таких широкомасштабных строительных работ необходимы были значительные средства, а для защиты крепости – многочисленное местное ополчение, делившееся на десятки и сотни. Протяженность внешнего крепостного периметра и его сложная структура (наличие башен, ворот, барбаканов, протейхизмы) косвенно указывают на необходимую численность защитников (по установленной норме - 1 м на человека (*Военный лексикон*, 1838, II, с. 512). Она должна была составлять примерно 5240 защитников для первой линии обороны и 840 для второй (цитадели), т. е. всего – около 6000. Теоретически, принимая в расчет наиболее реальную оценку численности городской семьи в 5 – 6 человек

(*Авербух*, 1967, с. 134; *Литаврин*, 1976, с. 29; *Романчук*, 1986, с. 184 – 185) и её потенциальной возможности выставить для ополчения хотя бы одного человека способного владеть оружием, получим примерную численность жителей Каффы 80-х гг. XIV в. в 30 – 36 тыс. Учитывая естественный прирост населения (примерно 0,1% в год (*Пономарёв*, 2000, с. 393), к моменту турецкого завоевания оно могло возрасти на 3 – 5 тыс. за счёт уплотнения внутренней застройки бургов и расширения антибургов, достигнув 33 – 40 тыс. Но, по всей видимости, на деле этого не произошло ввиду неблагоприятной торговой конъюнктуры и внешнеполитической обстановки 50 – 70-х гг. XV в., вызвавших отток жителей Каффы (как латинян, так и представителей других этносов). По-видимому, с большим основанием можно говорить о стагнации демографических процессов в генуэзской фактории этого времени.

Проведённые расчёты дают средний показатель из предлагавшихся ранее различными исследователями, определявшими население Каффы XV в. в пределах от 10 до 70 тыс. (*Heyd*, 1886, II, р.174; *Якобсон*, 1973, с.110 – 114; *Arlandi*, 1974, р. 12; *Balard*, 1988, р. 68 – 70; *Pistarino*, 1990, р. 484 – 485; *Еманов*, 1993, с. 271 – 272; *Карпов*, 2000, с. 207). По сведениям турецких дефтеров XVI в. количество *очагов* (т. е. городских домов Кефе), облагаемых налогами, достигало 6 тыс., что из расчета 5 человек на одно хозяйство, даст численность населения города XVI – XVII вв. не менее 30 тыс. (*Balard*, 1988, р. 68; *Еманов*, 1993, с. 271).

В качестве примера можно привести материалы, полученные в ходе археологических раскопок генуэзской Лусты. За время изучения этого памятника была открыта территория в 4000 кв.м, что составляет около 40% всей его площади защищённой внешним периметром обороны. При этом оказалось, что 70% были заняты жилыми и хозяйственными строениями (обнаружено 36 домов представлявших 2 – 4-х камерные здания 50 – 90 кв.м площадью с небольшими дворами, т. е. в среднем на каждую городскую усадьбу приходится 70 кв.м). В то время как остальную (30%) занимали

улицы, проулки (ширина 1,10 – 2,20 м), две церкви и расположенные рядом с ними небольшие некрополи, которые продолжали использовать и в XV в. (рис.66).

Если предположить, что и оставшаяся не изученной внутригородская застройка Лусты сохраняла в конце XIV – XV вв. ту же плотность, то можно полагать, что внутри крепостных стен находилось примерно 90 – 100 домов, а число обитавших здесь жителей достигало 450 – 500 человек. При этом становится очевидным, что мужское население крепости (90 – 100 человек) и 6 – 8 социев (?), получавших от массарии Каффы плату за несение караульной службы, не могли обеспечить эффективную оборону всего крепостного периметра достигавшего 400 м. и фланкированного тремя мощными башнями. В таком случае к защите города необходимо было привлечь и мужское население пригорода (примерно 300 человек). За пределами крепости в разные годы археологическими разведками открыто три обширных некрополя с погребениями XII – XVIII вв. Найденный на склонах холма, градообразующим центром которого на протяжении VI – XV вв. являлась цитадель ранневизантийского Алустана, археологический материал, указывает на обжитость данной территории (её площадь составляет примерно 5 га) в генозский период (80-е гг. XIV – 70-е гг. XV в.). Пригородные строения размещались не столь плотно, а его население, гипотетично, могло достигать 1500 человек.

Возвращаясь к вопросу об обороноспособности Каффы, следует особо отметить, что в ней находилось значительное число огнестрельного оружия и специалистов по его обслуживанию. Об этом позволяет говорить описание военного снаряжения составленного массариями в 1474 г. и изданная А.Винья, но долгое время остававшаяся вне внимания исследователей. В ней указывается, что в это время на вооружении фактории находилось 6 бомбард, отлитых из бронзы, весом около 40 кантариев (примерно 3 т) с комплектом ядер (*bombarde bronzi cum canonis suis sex ponderis cantariorum XXXX circa in singula*), 2 бронзовых бомбарды, несколько меньшего калибра,

весом в 25 кантариев (около 2 т) с ядрами (*bombarde bronzi ponderis cantariorum XXV in singula*); 43 малых бомбарды, отлитых из бронзы (*bombardelle bronzi*), к которым прилагалось 67 ядер, а также 80 малых бомбард, изготовленных из железа (*bombardelle ferri*) со 117 ядрами (здесь отдельно также упомянуты 72 железных ядра – *canoni ferri* – для малых бомбард – *pro bambardellis*) (*Atti*, 1879, VII, p. 1001 – 1002). Помимо этого, в арсенале консульского дворца находилось: 8 сарбакан, отлитых из бронзы (*sarbatane bronze*), 6 бронзовых мортир (*mortareti bronzi*) и 26 железных (*mortareti ferri*), 2 бронзовых спингарды, весом около 36 кантариев (около 2,7 т) (*spingarde bronzi ... ponderis cantariorum XXXVI in circa singula*), 14 малых бронзовых спингард (*spingardelle bronzi*) и 19 малых железных спингард (*spingardelle paruer ferri*) с комплектом ядер (*Atti*, 1879, VII, p. 1001 – 1002). Как видим, к 1474 г. общее количество огнестрельной артиллерии (исключая ручное стрелковое оружие) достигало 198 единиц трёх типов (131 бомбарда, 32 мортиры и 35 спингард), причём среди них было 10 дальнобойных орудий крупного калибра.

Отсюда становится очевидным, что генуэзцы (при желании сопротивляться) могли подавить огонь турецких батарей, ведших обстрел оборонительных сооружений города, что вынудило бы Гедык-Ахмет-пашу снять осаду Каффы. Значительно слабее вооружённые и уступающие ей по размерам укрепления Молдавского княжества – Килия и Белгород – неоднократно становились камнем преткновения для дальнейшего продвижения османов в глубь государства и были захвачены Баязидом II только в 1484 г. (*Иналджик*, 1998, с. 40; *Семенова*, 2006, с.92-93). Даже во время штурма Мангупа Гедык-Ахмет-пашой пушки османов не сыграли главной роли в падении столицы феодоритов, о чём будет сказано ниже.

Поэтому основной причиной сдачи города османам следует признать не военно-техническую слабость обороны Каффы, а полную деморализацию её защитников, как это и полагали многие исследователи. Становится более понятным возмущение Гедык-Ахмет-паши малодушием официалов

Каффы, направивших к нему парламентёров (Джулиано Фиески, Баттиста д'Алегро, Систо Чентурионе и Джорджио Россо) с предложением сдать город на милость победителя (*Pistarino*, 1990, p. 493). Не желая из их рук получить столь лёгкую победу, визирь якобы даже воскликнул: «Защищайтесь, если можете!» (*Мурзакевич*, 1837, с. 78; *Vigna*, 1879, VII, p. 164). После капитуляции туркам достался хорошо укрепленный и оснащённый самым современным по тем временам огнестрельным оружием город. 12 июля все латиняне были отправлены в Константинополь (*Roccatagliata*, 1982, Т.1, p.228–233). Во время транспортировки пленных, на одном из кораблей вспыхнул бунт, который возглавил Симоне де Форнарио. Истребив конвоировавших их турок, генуэзцы направились в Монкастро (*Мурзакевич*, 1837, с. 90; *Bruun*, 1866, II, s. 77; *Heyd*, 1886, II, p. 404). Но, при дележе доставшейся им добычи, мужество беженцев сменилось на алчность, приведшую к столкновениям между ними. Поэтому и корабль, и находившиеся на нём ценности достались кастелланам города (*Giustiniani*, 1537, p. 228; *Bruun*, 1866, p. 77; *Heyd*, 1886, II, p. 404). Среди требований Мехмеда II, направленных Стефану III в 1476 г., был и пункт о возврате пленников султана и захваченного ими корабля, оказавшихся в Монкастро (*Razboieni*, 1977, p. 237; *Гонца*, 1984, с. 22).

Овладев Каффой, Гедык-Ахмет-паша, по-видимому, летом, направил часть своих войск и флота для завоевания генуэзских факторий Таманского полуострова и Приазовья. Здесь ими были захвачены Матрега, Копа, Тана, другие замки и населённые пункты, расположенные на побережье. Защищая Копу, погиб один из адыгских князей - Бельзебох (*Belzeboch*) (*Зевакин, Пенчко*, 1938, с. 128). Многим генуэзцам удалось избежать плена и рабства, укрывшись в поселениях черкесов.

Османские хронисты лаконично повествуют об этих событиях. Например, Мехмед Нешри (умер в Бурсе в 1520 г.) пишет: «Послав в ту сторону корабли, завоевали находящиеся на том берегу крепости Азак и Япу-кирман, дойдя до самой Черкессии». Не более многословен и следовавший за Нешри

Ибн Кемаль: «Завоевав другой берег Чёрного моря до Черкессии, захватили также находящуюся... в той земле крепость Азак» (*Neşri*, 1957, s. 827; *Ibn Kemal*, 1957, s. 386) (цитировано по А.М.Некрасову : *Некрасов*, 1990, с. 42)⁴⁶⁷.

После капитуляции Каффы лёгкие победы великого визиря в Газарии закончились. В течение пяти месяцев османам пришлось брать штурмом или длительной осадой крепость за крепостью. Из генуэзских укреплений особо упорное сопротивление туркам оказали жители Солдайи (*Vasiliev*, 1936, p. 247), которая была взята штурмом только после голодной блокады (*Греков*, 1984, с. 74). Известные источники, рассказывающие о завоевании османами второго по значению города Генуэзской Газарии, малоинформативны. Например, в компилятивной хронике Георгия Камахеса (XVII в.) говорится: «В году 904 (=1455, т. е. 1475 г.) Ахмед-паша... отправился с семью сотнями галер в верхнюю часть Чёрного моря и взял Каффу со всей страной, Солдайю, Балаклаву, 6 числа месяца июня. К осени также уступили Мангуп, где они истребили баронов» (*Cazacu, Kevonian*, 1976, p. 513)⁴⁶⁸.

А.А.Васильев обратил внимание на краткие сведения современника событий Йорги из Нюрнберга, который, в «Истории Турции» (около 1496 г.), сообщает: «[В 1475 г. после захвата Каффы турками] он (Ахмет-паша – В.М.) пошёл и захватил крепость Солдайю, где находились [в заточении] три сына царя татар; [турок] освободил их и сделал старшего сына царём в Татарии» (*Vasiliev*, 1936, p. 247, n. 1). Вне всякого сомнения, немецкий автор под старшим сыном подразумевал Нур-Девлета, содержавшегося в тюрьме Солдайи с 1471 г. М.Броневский, во время своего пребывания в Крыму (1578 – 1579 гг.), посетил Солдайю, где он встретил греческого митрополита,

⁴⁶⁷Сведения, сообщаемые Мехмедом Неşри и Ибн Камалем явно заимствованы из «Истории династии Османов» Ашик-Паши-Заде (*Vasiliev*, 1936, p. 255), в которой столь же кратко говорится о том, что «После этого для завоевания ближайших крепостей неверных было отправлено несколько кораблей. Они завоевали Азак (Azak), Ябугермен (Yabugermen) и все крепости побережья вплоть до черкесских имений» (*Хайбуллаева*, 2001, с. 364 – 365).

⁴⁶⁸ В.Л.Руев, касаясь вопроса захвата Солдайи турками в 1475 г., считает невероятными все рассказы о длительности обороны города и считает, что город, как и Каффа, был сдан Гедык-Ахмет-паше. В данном случае опора на свидетельства османских источников не даёт объективного ответа на реальность происходящего. В конечном итоге все крепости оказались во влати турок, но какие им для этого пришлось приложить усилия – лучше свидетельствуют археологические материалы, указывающие на наличие слоёв пожаров и разрушений. Именно данными археологии и пренебрегает В.Л.Руев в своём заключении (*Руев*, 2013, с.143-151).

посланного сюда по церковным делам патриархом Константинополя. От него он узнал трагическую историю захвата города турками в 1475 г., приобретшую к тому времени уже легендарный характер. Оказывается, что после прибытия турецкого флота и начала осады крепости, её жители, в том числе и генуэзцы мужественно защищали Солдайю, которая была полностью блокирована османами. Когда в городе начался голод, обессиленные защитники поняли, что не в силах его удержать. Тогда несколько тысяч (mille) жителей попытались укрыться в большой церкви нижней крепости, чтобы там встретить неминуемую смерть. Ворвавшиеся в город турки, преодолели отчаянное сопротивление обороняющихся. Генуэзцы предпочли позору плена и рабства гибель в бою. После того, как они были все перебиты, победители замуровали окна и двери церкви, оставив их тела непогребёнными (*Vigna*, 1879, VII, p. 177; *Heyd*, 1886, II, p. 404 – 405). По словам того же митрополита, останки погибших генуэзцев до сих пор находились в церкви, но любознательному дипломату польского короля не позволили туда входить (*Броневский*, 1867, с. 347).

В ходе археологических раскопок на территории Нижнего города И.А.Барановым были открыты руины большого храма, который идентифицируется исследователем как церковь Девы Марии (рис.425) (*Баранов*, 1985, с. 48 – 49; 1988, рис. 2,11). Вокруг постройки, как и в ней самой, обнаружены многочисленные захоронения, в том числе и одно с латинской надписью 1384 г. (*Баранов, Данилова*, 1991, с. 145 – 148). По мнению И.А. Баранова, полученные им в ходе раскопок храма результаты подтверждают легендарные сведения, приведённые М.Броневским именно с той церковью, которая стала последним прибежищем защитников Солдайи в 1475 г. (*Баранов*, 1985, с. 48 – 49)⁴⁶⁹. Занимаясь археологическим изучением оборонительной системы внешнего периметра Солдайи, и в особенности её главного объекта – городских ворот (рис.425; 426), которые прикрывались

⁴⁶⁹Окончательно о верности подобной интерпретации можно будет судить после издания материалов раскопок.

двумя башнями и барбаканом (*Секиринский*, 1955, с. 66 – 67; *Баранов*, 1988, с. 81 – 90, рис. 2 – 6), И.А.Баранов пришёл к заключению, что в ходе военной кампании 1475 г. турки сосредоточили основной удар на восточном участке крепостных стен. Продолжительным артиллерийским огнём они «до основания снесли оборонительную стену у башни Раффаэле Ультрамарино и, ворвавшись в пролом, завершили разгром Солдайи». Дату захвата османами крепости исследователь относит к декабрю 1475 г.⁴⁷⁰ (*Баранов*, 1988, с. 90). К сожалению, эти выводы автора не подтверждены публикацией конкретных материалов его многолетних исследований.

Следует также обратить внимание на одну уникальную находку, сделанную во время археологических раскопок М.А.Фронджуло в 1972 г. рядом с башней Якобо Торселло (рис.430) (1385 г.), в слое, датированном 1475 г. Речь идёт о бронзовом литом навершии с втулкой переходящей в полый шар, на котором крепился плоский крест с расширяющимися концами, замыкавшийся в ажурное круглое обрамление (рис.430). В центре креста и посередине каждого из его ветвей – помещены гнёзда для камней инкрустации. И.А.Баранов определял функциональное назначение данного изделия как навершие церковной хоругвии или знамени (*Баранов*, 1988, с. 87, фото 7), а С.Г.Бочаров и А.В.Джанов, предположительно атрибутировали артефакт как навершие знамени, принадлежавшего гарнизону нижней крепости Солдайи, крепости Св. Креста (*Бочаров, Джанов*, 2000, с. 20).

В *De ordine Soldaie* от 1449 г. предусматривались ежегодные издержки в 300 аспров на пару больших знамён (*Устав* 1449 г., 1863, с. 782), что позволяет полагать наличие в каждом замке Солдайи (Св. Ильи и Св. Креста) своего большого знамени. По-видимому, в критический момент штурма города в 1475 г., знамя нижней крепости было спрятано кем-то из защитников, но перед этим из навершия оказались изъяты камни инкрустации. В завершении следует отметить организаторов обороны

⁴⁷⁰М.Нистазопуло время падения Солдайи предположительно относил ко времени «сразу после подчинения Каффы и непременно до падения Феодоро в Готии (декабрь 1475 г.)» (*Νηψταζοπουλου*, 1965, с. 59).

Солдаи в 1475 г. Это, прежде всего, получивший широкую известность благодаря обильной переписке с официальными Каффы в 1474 г. последний консул фактории Христофоро ди Negro. Его преемником должен был стать, Антонио Спинола, (патент от 7 июля 1475 г. на 26 месяцев (*Atti*, 1879, VII, p. 233), один из банкиров Каффы (*Vigna*, 1879, VII, p. 152); её кастеллан – нобиль Лучиано д'Ориа, сын Лионелло, получивший мандат на 26 месяцев 30 апреля 1473 г. (*Atti*, 1879, VII, p. 41, 53, doc. MLIV, MLXXII) (протекторы Банка 3 июля 1475 г. патент на эту официю предоставили Дамиано Чиавари (*Atti*, 1879, VII, p. 233, doc. MCXXXIX), сотник городского греческого ополчения Анастасий, сын Иоакима (*Милицин*, 1955, с. 85) и др.

По всей вероятности, при капитуляции Каффы, предполагалась сдача туркам без какого-либо сопротивления всех остальных городов и замков Генуэзской Газарии. Очевидно, что консул Солдаи отказался выполнить последнее предписание (если оно на самом деле существовало) официалов Каффы Антониотто ди Кабелла, Оберто Скварчиафико и Франческо Фиески, что вполне объяснимо беспокойным и прямолинейным характером Христофоро ди Negro, который он не раз демонстрировал своим отношением к влиятельному семейству нобилей Гваско.

При завоевании Готии (рис.431) Гедык-Ахмет-паше, видимо, пришлось разделить свою армию на несколько частей для захвата основных стратегических опорных пунктов на побережье и в глубинных горных районах. Археологическими исследованиями последних десятилетий слои тотальных пожаров с находками, датируемыми третьей четвертью XV в. (1475 г.), выявлены кроме Лусты и Фуны (рис.323-366; 432-467), о чём более подробно говорилось ранее, на территории укреплений Гурзуфа и Симеиза, а также в монастыре Ай-Тодор (Св.Феодор), располагавшимся рядом с Ламбатом (Lambadie – генуэзских источников) (*Паршина*, 1974, с. 70 – 71, рис. 10,1-7,9,13). Картину турецких погромов Капитанства Готии дополняют находки денежно-вещевых и вещевых кладов этого времени, происходящих из цитадели Лусты (рис.468-470)(*Мыц, Адаксина*, 1999, с. 159 – 168; *Мыц,*

1999, с. 379 – 394) монастыря в бухте Панаир (рис.241-242) (*Адаксина*, 1997, с.109 – 115, рис.2 – 3; *Адаксина*, *Мыц*, 2022, рис.8,9), в селении Ай-Василь (Св. Василий), близ генуэзской Ялиты (*Залесская*, 1995, с. 98 – 100; *Крамаровский*, 1995, с. 26 – 29; 2000, с. 257 – 260).

В нашем распоряжении отсутствуют какие-либо письменные источники, повествующие о судьбе Чембало и его гарнизона во время кампании Гедык-Ахмет-паши 1475 г. Известно только, что последним консулом этой фактории, был Джироламо Джентиле-Паллавичино (Girolamo Gentile – Pallavicino). Его должен был сменить Бартоломео де Кастиллионо (Bartholomeum de Castilliono), получивший патент сроком на 26 месяцев 8 июля 1474 г. (*Atti*, 1879, VII, p. 49 – 50, doc. MLXVIII, p. 110, doc. MХСVI).

Не могли прояснить данный вопрос и материалы археологических исследований, которые проводились на территории цитадели города Н.А.Алексеевко и С.В.Дьячковым (*Алексеевко*, 1999, с. 371 – 378). Их раскопки затронули два объекта: 1) церковь №1 (*Дьячков*, 2001, с. 93 – 94; *Дьячков*, *Алексеевко*, 2002, с. 28 – 37), располагавшуюся в латинском квартале Чембало и 2) башню №8 с примыкающей к ней куртиной и хозяйственным помещением (*Алексеевко*, *Дьячков*, 2007, с.81-87)⁴⁷¹.

В результате исследований 2002 – 2003 гг., проводившихся Южной-Крымской экспедицией Государственного Эрмитажа в крепости Чембало, на участке раскопок башни Барнабо Грилло выявлен слой пожара 1475 г. Следы разрушения залегали под слоем засыпи второй половины XVI в. (*Адаксина*,

⁴⁷¹Раскопки 2004-2007 гг. дали необычайно интересные результаты, которые, к сожалению, пока полностью не опубликованы. К числу уникальных для средневековой археологии Крыма следует отнести открытое здесь скопление из 200 каменных ядер диаметром 25-40 см и весом от 20 до 70 кг. По мнению исследователей в конце XIV в. на северном склоне г.Кастрон (на высоте 57 м над уровнем моря) находилась метательная машина типа требюше (trebuchet), из которой генуэзцы могли обстреливать корабли противника у входа в бухту (*Алексеевко*, *Дьячков*, 2007, с.85-86, рис.5). Вместе с тем не могу воздержаться от удивления, когда авторы, обнаруженные в помещении 3 обычные железные крицы, лежащие в горне, называют плотно уложенными обломками чугуновых, плохо сохранившихся пушечных ядер. Столь же неубедительна и датировка помещения 3, якобы входившего в хозяйственный комплекс, возникший после 1475 г., когда консульский замок крепости утратил свое оборонительное значение (*Дьячков*, 2005, с.224; *Алексеевко*, *Дьячков*, 2007, с.84). Виденный мною в ходе раскопок на полу (со следами пожара) помещения 3 материал (археологически целый поливной кувшин и горшок), следует отнести именно к 1475 г., а следовательно, связывать с генуэзским, а не османским периодом существования памятника.

Кирилко, Мыц, 2003, с. 19), на глубине 1,60 м у юго-западной стены, 2,25 м у северо-восточной, где открыт пол внутреннего помещения башни (рис.471-473). Следы пожара на уровне пола чётко прослеживались вдоль стен внутреннего помещения башни. Наибольшее количество остатков горения обнаружено в северо-западном углу, а на юго-восточной стене был виден прокал штукатурки и бутового камня кладки от воздействия огня. По всей видимости, остатки сгоревших деревянных конструкций после пожара (хотя и не тщательно) убраны из внутреннего помещения. По этой причине и находки на уровне пола башни немногочисленны. Только в северо-западном углу, на извековой обмазке пола со следами сильного горения, обнаружено лезвие железного проушного топора с молотковидным обухом (*Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 20, рис. 85*).

Более представительная археологическая коллекция предметов XV в. происходит из раскопок барбакана башни Барнабо Грилло (рис.471-481). В ходе исследований установлено, что в османский период территория внутреннего двора барбакана подверглась основательной перепланировке. Появился валганг, позднее (вдоль проезда) дополненный однолицевой крепидой, выровнен и превращён в платформу для размещения пушек. Грунт для сооружения валганга и пушечной площадки брался из строений генуэзского времени (XIV – XV вв.) разрушенных в 1475 г. Поэтому в насыпи, насыщенной остатками пожара, обнаружены многочисленные предметы (обломки керамических сосудов, наконечники стрел, абролетные болты, пластины от доспехов, изделия хозяйственного и бытового назначения, монеты и проч.) второй половины XIV – XV вв. (*Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, с. 49, рис. 62 – 84, 86 – 97, 99 – 110*) (рис.474-487). Среди данных находок к числу раритетов следует отнести бронзовый (плакирован серебром) боцманский свисток в виде корабельного орудия - бомбарды (рис.479, 29) и красноглиняный поливной антропоморфный

кувшин (рис.481)⁴⁷². Наличие следов пожара и многочисленных предметов второй половины XV в., выявленных в результате археологического исследования башни Барнабо Грилло, впервые даёт возможность ответить на вопрос о судьбе города в 1475 г. Теперь с большей степенью уверенности можно говорить о том, что жители Чембалло, оказали войскам Гедык-Ахмед-паши сопротивление. Поэтому город был взят турками штурмом и сожжён.

Ещё более скудными сведениями приходится оперировать при рассмотрении истории главного порта феодоритов – Каламиты. Хотя проводившиеся здесь в 80-е гг. XX в. раскопки должны были дать ясный ответ о судьбе города и крепости в 1475 г. Хорошая сохранность оборонительных сооружений Каламиты, позволяет только предполагать, что её жители не оказали сколько-нибудь серьёзного сопротивления войскам Гедык-Ахмет-паши. Турки впоследствии использовали её порт в качестве военно-морской базы для доставки в Юго-Западный Крым экспедиционного корпуса, снаряжения и продовольствия при организации блокады и осады Феодоро.

Особенно трудным делом оказалось для турок завоевание Феодоро (рис.488;489) (*Герцен*, 1990, с. 148 – 154; 2001, с. 366 – 386; *Рувев*, 2014, с.188-264). Город был захвачен только к концу декабря (?) после продолжительной осады (*Atti*, 1879, VII/2, р. 488; *Heyd*, 1886, II, р. 405). Благодаря многолетним

⁴⁷²В ходе исследования внутренней территории барбакана собрана значительная по своему составу нумизматическая коллекция. Всего найдено 107 монет. Из них 24 оказались плохой сохранности, что не позволило дать их точное определение (*Адаксина, Кирилко, Мьц*, 2004, с. 50 – 51; 104 – 126 – Описание монет Н.А.Алексеевко). Остальные 83 монеты относятся к IX – XVIII вв., среди которых доминируют номиналы XV в. (42 шт., т.е. более 50%). В данной группе артефактов наибольшим числом (22 шт.) представлены монеты Хаджи Гирея (1441/42 – 1456, 1456 – 1466), чеканенные в основном в 867 г.х. (=1462 г.). Следующую группу составляют находки татаро-генуэзских аспров и фолери (12 шт.), выпускавшихся в Каффе на протяжении 20 – 70-х гг. XV в. К числу довольно редких находок следует отнести монету Нур-Девлета (1466 – 1467/68, 1475 – 1478), чеканенную в г. Крым не ранее сентября 1466 г., и серебряный грош Стефана III (1457 – 1504), выпущенный в г. Сучаве в 1457 – 1476 гг., дирхемы, чеканенные в Астрахани (Хаджи-Тархан) от имени ханов Улу-Мухаммеда (1421 – 1437) и Сеид-Ахмеда (1432 – 1459). Не менее многочисленны монеты (дирхемы и пулы) ханов Золотой Орды (всего около 25 шт.). Хронологически они охватывают период с 80-х гг. XIII в. по начало XV в. В большинстве своём номиналы плохой сохранности. Поэтому достоверно определить удалось только монеты, выпущенные во время правления Узбека (1313 – 1342), Джанибека (1343 – 1357) и Абдуллаха (1361/62 – 1368/69). Отдельную группу (10 шт.) составляют турецкие монеты, представленные выпусками различных городов империи от имени Баязида I (1389 – 1402), Мурада II (1421 – 1451), Мехмеда II (1451 – 1481). Причём 4 из них относятся к началу правления Мехмеда II – 50-м гг. XV в.

археологическим исследованиям крепостного ансамбля, осуществлённым А.Г.Герценом, удалось восстановить не только ход осады, но и направления предпринимавшихся османами штурмов (случай уникальный в практике средневековой археологии Крыма) (*Герцен*, 1990, с. 148 – 154; 2001, с. 366 – 386).

Гедык-Ахмет-паша, после пяти неудачных штурмов крепости (в июне-июле), передал командование армией Загараджи (Диагаржу) Якуб-бею, флабуларию (начальнику войск, коменданту) города Галлиполя (в Дарданеллах). Якуб-бею, после долгой осады, удалось захватить город Феодоро, применив тактическую хитрость. Командующий турецкой армией создал видимость поспешного отхода войск и снятия блокады. Когда осаждённые вышли из крепости и напали на арьергард турок, их атаковали из засады лучшие части (янычары и сипаги?), оставленные для этой цели. Отрезав защитникам Феодоро путь к отступлению, турки ворвались в город (*Зайцев*, 2016, с.200-206).

По всей видимости, князь Александр, руководивший обороной города, попытался применить тактику, неоднократно использованную и приносившую успех Стефану III в войнах с турками: преследуя отступающего противника, господарь громил его арьергарды, добиваясь побед. Но этот опыт, очевидно, учёл и Загараджи Якуб-бей. Ему удалось выманить защитников Феодоро ложным отступлением за стены города и уничтожить в открытом бою, о чём повествует турецкий историк XVI в. Саад-эд-дин⁴⁷³.

Перед взятием, Феодоро постоянно обстреливался из орудий большого калибра с диаметром стволов 35 и 40 см, и соответственно ядрами весом 56

⁴⁷³Са'эд-Дин (1536 – 1599) приписывает захват Феодоро Гедык-Ахмет-паше. Он сообщает, что, несмотря на все предпринятые ранее усилия, захватить город Феодоро удалось только применив хитрость.

и 86 кг (Герцен, 1990, с. 151; Карлов, 1997, с.341-359; 1998, с.339-340). В течение нескольких месяцев город был полностью блокирован, что вызвало голод среди его населения, достигавшего 15 тыс.человек (Vasiliev, 1936, p. 259).

В одной из опубликованных работ А.Г.Герцен, оперируя материалами своих исследований оборонительных рубежей Мангупа, при реконструкции хода осады крепости турками, чрезмерно доверяет единственной использованной им версии источника Ашик-Паша-Заде (Герцен, 2001, с. 366 – 386). Полемизируя с А.А.Васильевым, использовавшим весь доступный и наиболее полный до настоящего времени свод турецких и др. источников по истории завоевания Феодоро. Среди них наиболее содержательным можно признать повествование событий у Са'эд-Дина изложеное в работе А.А.Васильева: «Захват города Менкуба. Ахмед Паша Гедук подчинил всю область Каффы и Азака (Азова) и потом задумал завоевать также и область Менкуба; он повёл осаду этого очень укрепленного города и после нескольких сражений разрушил его стены. Техур (tekur) был так напуган, что лишился сна и покоя и, чтобы спасти свою собственную жизнь и жизнь своей семьи, он покинул город и тотчас же пошёл навстречу Паше и объявил о том, что он покоряется и присягает на верность султану. Но в городе был один из его родственников, который был очень упрямым и настойчивым и упорно оборонял город. Поэтому техур, негодующий и обиженный, пытался убедить его прекратить сопротивление. Но когда техур пришёл в город и пытался убедить его сдаться, крича и говоря ему: «Сопротивление кончится очень плохо!», остальные не обращали на это никакого внимания и не прекращали сражаться и защищать город. Увидев, что захват города силой займёт много времени, Паша притворился, что оставляет город. Он ушёл с большой частью своих воинов и оставил только небольшую часть своих солдат для осады города. Он притворился, что хочет вернуться домой, а на самом деле спрятал своих людей в засаде и стал там выжидать удобного случая. Защитники города, увидев, что Паша отступил с печальным выражением

лица и будучи уверенными в крепости этого города и в том, что сила на их стороне, а также полагая, что выражение его лица соответствует его истинным чувствам (на самом деле оно было явно притворным), презрели тех, кто остался для осады и много раз выходили из города. Они стали нападать на осаждающих, но когда сражения возобновились, осаждающие, отступая, отдалили их от города и, притворившись, что они отходят от города, заманили их в ловушку. Затем благородные неустрашимые солдаты и доблестные воины, сидевшие в засаде, вышли оттуда и напали на несчастных людей с саблями в руках пока шло сражение. Паша отрезал им путь к отступлению с тыла и перебил саблями всех, кто бежал по направлению к городу... Так защитники Менкуба были разбиты и уничтожены благодаря мудрой стратегии и великой доблести Паши; и стяги веры были водружены и стали развиваться на высочайших стенах и бастионах этого города... С божьей помощью, в этой Каффской войне было захвачено много очень сильных городов и присоединено к Оттоманским странам... Это приобретение случилось в 880 г. х.» (1475 г.) (*Vasiliev*, 1936, p. 256 – 257). Ибн Кемаль также сообщает, что после захвата крепости Мангуба была прочитана первая *хутба*, прославляющая Мехмеда II (*Зайцев*, 2010, с. 293).

В исторической литературе XIX в. неоднократно ставился вопрос о возможности участия генуэзцев в обороне Феодоро в 1475 г. Вслед за М. де Канале (*Canale*, 1855, I, p. 147) эту идею поддержал А. Винья (*Vigna*, 1879, VII, p. 178 – 179)⁴⁷⁴. По их предположению официалы Каффы, и в первую очередь, консул Антониотто ди Кабелла, массарий Оберто Сварчафико, а также Менгли Гирей бежали из города и укрылись за стенами неприступного Феодоро. А. Винья, как с сарказмом заметил А. А. Васильев, «преисполненный патриотического энтузиазма» (*Vasiliev*, 1936, p. 263), предполагал, что один из генуэзцев, возможно, последний капитан Готии – Джанагостино Каттанео – был назначен начальником замка Мангупа. Но, покинув крепость и

⁴⁷⁴В. Гейд скептически отнёсся к данной идее: «Некоторые писатели утверждают, что небольшое число колонистов бежало в горы и участвовало, хотя и безуспешно, в защите крепости Мангуп против турок. Однако в документах об этом не говорится» (*Heyd*, 1886, II, p. 405; *Гейд*, 1915, с. 116).

отправившись на охоту, он был схвачен турками, что способствовало его скорому падению (*Vigna*, 1879, VII, p. 986 – 987). Есть все основания сомневаться, что официалам Каффы Антониотто ди Кабелла и Оберто Скварчафико⁴⁷⁵, как и Менгли I Гирею, удалось бежать из города перед самой капитуляцией. Хан ещё в июле находился в Каффе под арестом. Откуда он, теряясь в догадках, как Мехмед II распорядится его судьбой, отправляет письмо, адресованное одному влиятельному лицу при дворе султана, чтобы заручиться его поддержкой: «Заключённый в тюрьме в тёмный карцер, я намеревался [продолжать] говорить о Ваших высоких достойных качествах ... и я надеялся, что спасение придёт от Вас ... Эта надежда теперь исполнена, в город Кефе нашёл дорогу ислам и я нашёл спасение. Благодаря Аллаху, освободившись из этой тёмной тюрьмы, я стал подданным падишаха ... Надо, чтобы вы меня защитили перед падишахом. Я клялся в присутствии Ахмед-паши на верность, повиновение и признание падишаха нашим [отцом], я обещал быть другом друзей падишаха и врагом его врагов. Я остался верен моим обещаниям. Хотя мои враги многочисленны, я отказался произнести ложь ... Я боюсь, что Вы доверчиво отнесётесь к клеветническим словам. Не оживляйте гнева против меня, прежде чем не получите известий от меня. В ожидании получить Вашу милость и Ваше доверие, это письмо Вам отправлено от начала Реби, года 880» (т. е. 5 – 15 июля 1475 г.) (*Kurat*, 1940, p. 87 – 90; *Базилевич*, 1952, с. 111; *Sazasi, Kevonian*, 1976, p. 511 – 512; *Некрасов*, 1990, с. 53).

Основным оппонентом Менги Гирея в Крыму в это время был Эминек, оказавший Гедык-Ахмед-паше помощь при осаде Каффы. Вина Менгли I Гирея состояла якобы в том, что он искал защиты во время мятежа не у

⁴⁷⁵Например, генуэзец Христофоро Мортара, бывший свидетелем захвата Каффы, в своих мемуарах рассказывает о том, что Оберто Скварчафико, как основной виновник потери города, был казнён турками в Константинополе посредством подвешивания на железном крюке за подбородок, «как крысу». В то же время Сейтак, также считавшийся современниками причастным к захвату Каффы османами, смог через три года (1478 г.) вернуться в свои владения, располагавшиеся в Татарии (*Atti*, 1879, VII, doc. MCXLVIII, p. 256). В.Гейд ошибался, когда писал: «Несколько дней спустя после прибытия его (Скварчафико – В.М.) в турецкую столицу, султан, вероятно, по указанию Эминика, приказал отрубить ему голову» (*Heyd*, 1886, II, p. 404; *Гейд*, 1915, с. 115).

турок, а у генуэзцев. Чаша весов судьбы молодого хана склонилась в пользу его старшего брата – Нур-Девлета, когда того освободили из заточения в Солдае. Менгли I Гирей был отправлен ко двору Мехмеда II и находился, если не в тюрьме, то под арестом. Вернуться в Крым он смог только в начале 1478 г., о чём более подробно будет сказано ниже.

Что же касается сведений письменных источников, привлекавшихся М. де Канале для обоснования своего предположения о пребывании на Мангупе в 1475 г. генуэзцев, то они нуждаются в полном критическом издании и переводе (*Vasiliev*, 1936, p. 264). А эта работа до сих пор, насколько мне известно, не осуществлена.

В освещении затронутой темы важные материалы получены в ходе археологических исследований, проводившихся на территории Мангупа. В 1913 г. при раскопках Большой базилики Р.Х.Лепером найден массивный золотой перстень с родовым гербом семьи Спинола (*Крамаровский*, 2000, с. 245 – 251, рис. 1, а, б). На печатающей верхней площадке перстня, помещён норманский щит, разделённый на три части. Центральное поле занято шахматной клеткой, а верхнее – трехлепестковым цветком шиповника. На внешней стороне обода читается сильно потёртая от длительного ношения перстня, надпись, восстанавливаемая Л.Г.Климановым как евангельская фраза: *Iesus au tem tra nsiens pe rmedium ill orum ibbat iesus nomine tuos* (Но он, пройдя посреди них, удалился – Лука IV:30) (*Крамаровский*, 2000, с. 245). Перстень происходит из одиночного захоронения (№3), открытого под верхним полом Большой базилики Мангупа в северном нефе. Уже само место погребения должно указывать на особый социальный статус усопшего (*Крамаровский*, 2000, с. 245). К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют его персонифицировать: в XV в. в Каффе отмечена деловая активность более двух десятков представителей семьи Спинола (*Крамаровский*, 2000, с. 248).

Стоит обратить внимание, что к моменту начала Каффинской войны 1475 г. в Газарии могли находиться несколько представителей семейства

Спинола. Например, протекторами Банка 22 апреля 1474 г. выдан патент сроком на два года, отправляющемуся в Каффу Джованни Спинола де Казано (Johanni Spinule de Cassano). Патент давал ему право сбора налогов (officij jhagatarie) за покос травы (jhagatariam erbarum), заготовку леса (legname) и продажу угля (carbone) (*Atti*, 1879, VII, p. 100, doc. MLXXXV, MLXXXVI). Остаётся не выясненным, смог ли Джованни добраться до Газарии к моменту начала войны или нет? Ещё один Джованни Спинола, сын покойного Джероламо (Giovanni Spinola q. Gerolamo), 13 августа 1472 г. получил патент кастеллана двух замков крепости Чембало (S. Georgio и S. Nicolo) сроком на 26 месяцев (в 1474 г. он сменил на этой должности Джованни Джиамбоне (Giovanni Giambone) (*Atti*, 1874, VI, p. 881, doc. MXXXVII, fol. 210). Более вероятным будет предположение, что именно последний кастеллан Чембало – Джованни Спинола – после капитуляции Каффы и появления у берегов Готии турецкого флота, бежал в Феодоро, принял участие в сражениях с османами, погиб и был погребён с почестями в Большой базилике до захвата города. Таким образом, хотя и в большой степени гипотетично, можно персонифицировать обнаруженный в одиночном мужском захоронении № 3 перстень с гербом рода Спинола именно с Джованни Спинола, сыном Джероламо⁴⁷⁶.

Массовое истребление и пленение жителей Феодоро в 1475 г. (*Vasiliev*, 1936, p. 257; *Герцен*, 1990, с. 154; 2001, с. 385) привело к резкому сокращению христианской общины города. Эти деструктивные изменения и привели к тому, что, не ранее 1476 г., оставшиеся здесь немногочисленные христиане вынуждены были заложить основной вход в храм и производить

⁴⁷⁶ Несколько странным выглядит предположение М.Г.Крамаровского о том, что ко времени падения города храм функционировал не в полном объёме, о чём якобы свидетельствует надгробие клирика Стефана, датированное 9 ноября 1453 г. (*Крамаровский*, 2000, с.248). В действительности, следов обстрела турками базилики, что могло послужить поводом для её закрытия во время осады, в ходе раскопок не выявлено. Храм функционировал в полном объёме до самого последнего момента.

богослужение в его южном нефе, используя прилегающую территорию в качестве некрополя⁴⁷⁷.

После взятия Феодоро всех знатных особ, захваченных в плен, отправили в Константинополь. Некоторое время они находились в тюрьме. Руководивший обороной столицы Александр, не был казнён немедленно после его доставки в столицу османов. Об этом свидетельствует письмо генуэзца Антонио Бонфилио, отправленное из Перы 20 мая 1476 г. (адресовано его соотечественнику Азиусу Джентиле). В нём сообщается, что приехавший из Молдавии в Константинополь посол хлопотал об освобождении господина Феодоро – родственника господаря Валахии и других господ Готии. Но послу отказали в его просьбе, и Александр был казнён (задушен в тюрьме) (*Iorga*, 1897, III, p. 55; *Vasiliev*, 1936, p. 262 – 263). Теодоро Спандугино сообщает, что владетель Готии (Александр – В.М.) сдался Гедык-Ахмед-паше добровольно, при условии, что ему и его близким будет сохранена жизнь и имущество. Но перевезя его в Константинополь, Мехмед приказал обезглавить его, говоря ему: «Обещания, которые мой капитан давал тебе, он и должен выполнять!» И сделал турком «одного его малолетнего сына, которого я видел в последний раз, когда был в Константинополе, ещё живым» (*Theodoro Spandugino*, 1890, p. 155; *Байер*, 2001, с. 228).

Трагической оказалась судьба сестры Исаака и Александра – Марии. В июне 1473 г. у неё от Стефана III родились два сына-близнеца – Богдан и Ильяш⁴⁷⁸. Ильяш скончался в младенчестве в том же году (*Gorovei*, 1991, p. 63). Неудачи в борьбе за Валахию, захват Феодоро и Готии османами, гибель Александра и тяжёлая война с Мехмедом II в 1476 г. окончательно развеяли иллюзии господаря Молдавии овладеть престолом Константинополя и

⁴⁷⁷ А.Л.Бертье-Делагард был склонен считать, что Большая базилика пострадала во время пожара, охватившего Мангуп в 1493 г. (*Бертье-Делагард*, 1918, с. 38).

⁴⁷⁸ В немецкоязычной хронике, содержащей сведения 1457 – 1499 гг. помещена запись: «В том же [1472] году в месяце сентябре 14 дня прибыла к Стефану воеводе княгиня из Маугопа по имени Мария; она была черкешенкой (*Zerkassin*) и имела с собой двух дочерей (*und hat 2 tochtermyt ug.*)» (*Gorka*, 1931, s. 97). Хронистом явно перепутаны два мальчика-близнеца с девочками, которые якобы прибыли с Марией в Молдавию (*Vasiliev*, 1936, p. 240, N 1; *Байер*, 2001, с. 224).

требовали от Стефана III поиска новых политических союзников. При этом необходимо было учитывать фанатичное стремление султана к физическому устранению реальных претендентов на византийский престол. Брачный союз с Марией Палеологиней Асаниной, служивший основой прежних династических притязаний, становился угрозой личности самого владельца Молдавского княжества. Поэтому, охладев к Марии из Феодоро, Стефан III сходится с пленённой им ранее дочерью господаря Валахии Раду Красивого (1442 – 1474) Марией Войчитой, ставшей его третьей женой в 1478 г. (*Gorovei*, 1991, p. 63). Мангупская княжна некоторое время провела в уединении и скончалась 19 декабря 1477 г. Она была погребена на родовом кладбище господарей Молдавии в монастыре Путны (*Vechile cronice*, 1891, p. 146, 196, 261, n. 35; *Tafrali*, 1925, p. 54, 64). Здесь до настоящего времени хранится шелковая красная (от времени приобрела кирпичный оттенок) пелена, покрывавшая гроб усопшей. По её краю на старословянском вышита надпись: «В год 6985 декабря 19 дня испустила свой последний вздох благочестивая раба божья Мария, супруга благочестивого Стефана Войводы, правящего господаря Молдавии, сына Богдана Воеводы» (*Tafrali*, 1925, p. 53 – 54). По краям покрывала помещены монограммы самой Марии Асанины, двуглавые орлы и монограммы Палеологов (рис.490-494). Центральную часть занимает выполненное в сероголубых тонах изображение увенчанной короной княжны, облачённой в парадное придворное одеяние (рис.490) (*Tafrali*, 1925, p. 53 – 54, рис.)⁴⁷⁹. Сын Стефана III и Марии Палеологины Асанины – Богдан скончался 25 июля 1479 г. шести лет от роду и также был погребён на монастырском некрополе Путны (*Gorovei*, 1991, p. 63).

На этой печальной ноте можно было бы завершить рассказ о завоевании Гедык-Ахмет-пашой Генуэзской Газарии, Феодоро и Готии, получившем, по выражению Бенедетто Деи, название *Каффинской войны* (*guerra di Chaffa*) (*Atti*, 1879, VII, p. 248), если бы политические события 1475 г. не имели

⁴⁷⁹ А.А. Васильев обратил внимание на сходство верхней одежды Марии с платьем жены византийского императора Мануила II (1391 – 1425) – Елены (*Vasiliev*, 1936, p. 241).

своего продолжения в попытке восстановления власти Республики Св. Георгия на полуострове в начале 80-х гг. XV в. (*Heyd*, 1886, II, p. 406 – 407).

7.1.3. О причинах стремительного падения Каффы в войне с турками-османами 1475 г.

Каффинская война (*Guerra di Caffa*) 1475 г., в результате которой в Северном Причерноморье турками-османами были завоёваны генуэзские фактории, а также княжество Феодоро, неоднократно становилась предметом специальных исследований (*Колли*, 1911, с.125-139; 1918, с.145-174; *Pistarino*, 1990, p.477-518; *Мыц*, 2009, с.419-499; *Рувев*, 2013, с.143-151; 2014; *Зайцев*, 2016.с.200-2006; *Гулевич*, 2019, с.568-592 и др.). При этом авторы работ, появившихся во второй половине XIX- начале XX в., прежде всего, касались морально-этической и психологической стороны вопроса, пытались выяснить причины стремительного падения столицы генуэзской Газарии - Каффы. Среди них они называли предательство или трусость, как жителей города, так и генуэзских официалов (*Vigna*, 1879, p.164; *Heyd*, 1885, p.401; *Колли*, 1911, с.3-8; *Бертье-Делагард*, 1918, с.18). Ими также высказывалось мнение о слабости обороны Каффы (*Heyd*, 1885, p.402), ввиду значительного недостатка и даже неумения обращаться с огнестрельным оружием (*Бертье-Делагард*, 1918, с.18).

Следует отметить, что при освещении этой проблемы исследователи в основном обращались к свидетельствам латинских источников (*Колли*, 1911, с. 8-17). Приведём некоторые из них, в которых содержатся наиболее важные и яркие свидетельства происходивших в 1475 гг. событий. Так, 30 июня 1475 г. венецианский посол при дворе венгерского короля Севастин Бадоаро писал дожу Венеции о полученном им известии, что «турецкий флот стоит в настоящее время на рейде Каффы, которую он завладел вместе со всеми крепостями. Все итальянцы и все именитые граждане упомянутого города изрублены. К туркам присоединились высшие татарские военачальники, а также заальпийцы» (*Колли*, 1911, с.8). В этом кратком пассаже допущено сразу три ошибки, выдающие в информаторах

венецианского дипломата людей не осведомлённых и использовавших распространявшиеся летом 1475 г. слухи о захвате османами Каффы. Во-первых, к моменту написания письма дожу Венеции (30 июня 1475 г.) далеко не всеми крепостями генуэзской Газарии туркам удалось овладеть. Ряд из них (Сутдея, Луста, Чембало)⁴⁸⁰ оказали сопротивление и были взяты штурмом. Во-вторых, ни один из имеющихся источников последней трети XV в. не сообщает о казни османами в Каффе кого-либо из итальянцев или знатных людей других народностей. В-третьих, не поддаётся убедительному объяснению присоединение к туркам неких *заальтийцев*.

20 июня 1475 г. Стефан III сообщал из Ясс королю Венгрии Матвею Корвину: «касательно тур[ок] говорили, что подплыл морем Ахмет Басса на кораблях и стремительно [окружил] Каффу, и сражался с Каффой три дня, но на четвёртый турки взяли верх и завладели приступом Каффой, которая находится [теперь] в руках турок [...]» (Колли, 1911, с.14). В данном отрывке господарь Молдавии явно ошибается, когда пишет, что турки завладели приступом Каффой.

В июле (точнее - в воскресенье после праздника Рождества Св.Иоанна Крестителя, т.е. 25 июня)⁴⁸¹ 1475 г. доминиканские монахи д'Альба-Реале и Гаспар, являвшиеся представителями короля Венгрии при воеводе Молдавского княжества Стефане III, сообщали, что турки «с сильной армией, севшей на 400 кораблей, пришли осаждать Каффу, которую со всех сторон обложили и вскоре ею завладели вместе с крепостью и всеми жителями. После взятия города, все живущие в нём итальянцы и с ними все почётные граждане были истреблены. Остальной части населения, присягнувшей на верность султану, разрешено было сохранять прежние законы и обычаи» (Колли 1911:12). И здесь мы встречаем явно искажённое заключение о расправе турок над всеми итальянцами и гражданами Каффы.

⁴⁸⁰ Нам не известна судьба генуэзской крепости Воспоро (Керчь), т.к. в 1829 г. оборонительные сооружения укрепления были разобраны и раскопки на этой территории не проводились (Bocharov, 2021, p.332, fig.1-5).

⁴⁸¹ Л.П.Колли датировал время отправки этого сообщения июлем (Колли, 1911, с.12), а А.А.Васильев – 20 июня 1475 г. (Vasiliev, 1936, p.245, n.1).

Интересные детали происходивших в Крыму событий сообщает в своём послании (составлено на основании двух писем полученных из Перы и Бруссы и отправлено в Геную с Хиоса 10 июля 1475 г.) Джакомо Джустиниани: «Третьего числа прошлого июня месяца армада султана явилась ввиду Каффы и немедленно приступила к высадке войск на берег. Тут же турки вступили в бой с татарами и каффинцами. Татарский хан, увидев, что для него нет спасения, укрылся в Каффу с 1500 солдатами, оставив на поле прочих татар под начальством своего Бассы (Эминекка – В.М.). Этот же со всем татарским народом заключил союз с турецким адмиралом и оказал ему помощь в жизненных припасах и другом необходимом для осады. Тогда, со стороны суши, турки начали проламывать стены в продолжение четырёх суток. На пятый день возмутились городские греки и армяне, заявив латинянам о своём отказе дальше противиться туркам, и требовали сдачи. Тогда латиняне, увидев своё бессилие одним защищаться, сдались на условиях, пока не известных, но велено было отрубить голову консулу и 300 генуэзцам. Приведено было в известность всё имущество Каффы, 8000 домов, семьдесят тысяч душ жителей и т.д.» (*Колли*, 1911, с.16; *Зевакин, Пенчко*, 1940, с.27). В письме Дж. Джустиниани важна констатация возмущения греков и армян Каффы, отказавшихся оказывать сопротивление туркам и потребовавших сдать город османам. Вместе с тем, не выдерживает критики утверждение автора о якобы казнённом при сдаче Каффы консуле (Антониотто ди Кабелла) и 300 генуэзцев. Данное сообщение также послужило источником для утверждения о том, что на момент захвата города турками в нём находилось 8000 домов и проживало 70 тыс. жителей.

К числу относительно поздних (1476 г.) латинских источников относится донесение председателя городского совета Рагузы, адресованное дожу Венеции Пьетро Мочениго. В нём, в частности, сообщается, что «В прошлом году, в Понт Эвксинский... вошли 440 турецких судов. Этот флот... завладел Каффой, вместе с семью другими городами, подвластными Каффе. Жадный дракон велел отправить в Константинополь из Каффы 500 генуэзских и

других латинских семейств. Он захватил ещё два соседних с Таной укрепленных христианских замка» (*Колли*, 1911, с.17). Данное сообщение содержит наиболее взвешенную констатацию произошедших событий, а главное – оно лишено каких-либо панических слухов о массовом уничтожении генуэзской общины (и в первую очередь администрации города) турками-османами. К числу самостоятельной группы исторических источников о завоевании Генуэзской Газарии и Готии турками в 1475 г. относятся сочинения османских авторов. По детальной характеристике событий выделим два из них. Оригинальную версию предлагает османский историограф Ашик-Паша-Заде, о чём уже говорилось выше (*Хайбуллаева*, 2001, с.364).

О том, насколько важным для османов являлось завоевание Каффы, свидетельствует историко-географический трактат 1740 г. В нём анонимный автор даёт одну из лучших ретроспективных характеристик средневековому городу: «Кафа...красиво построенный город и красивая крепость на расстоянии 464,5 мили от Стамбула. Говоря правду – это украшение всего острова. Ранее этот город находился под властью генуэзцев. Он был завоёван Османской Портой во времена султана Мехмеда II одновременно с Азовом и крепостью Менкуб, когда Гедык-Ахмет-паша отправился в поход на Крым с турецким флотом. Он захватил при этом в плен Менгли Гирея – потомка Хаджи Гирея. Пленника паша отправил в Порту, где султан Мехмед продержал его несколько дней запертым, а потом освободил. После того как Менгли Гирей признал турецкое господство, стремясь сохранить свою хотя бы временную власть, он с большим торжеством был назначен [наместником султана]⁴⁸² и отправлен обратно в Крым в сопровождении военного османского отряда. Там его встретил мирза-бей и с соответствующей церемонией водворил в Бахчи-Сарае. В Кафе, где, как уже было отмечено, имеет свою резиденцию турецкий бейлербей, татарское население относительно незначительно, зато неверных, наоборот, очень много. Они

⁴⁸² Такая конъюнктурная реконструкция текста предложена переводчиком – М.Губоглу.

освобождают рабов и гонят их на польскую сторону и в Россию. В Кафе имеется 12 греческих церквей и 32 армянские. Когда город был завоёван Портой, население там исчислялось 6000 семейств и 3000 рабов. И сегодня эта местность преуспевает, имеет красивые мечети, бани, рынки и считается торговым центром, весьма притягательным для купцов из Царьграда и Трапезунда. Много тамошних бань и лавок являются собственностью общины священных городов Мекки и Медины. Там пребывают муфтий, кади и другие улемы» (*Турецкий источник* 1740 г. 1964 (2003)). Анонимный автор излагает сформировавшуюся к тому времени конъюнктурную официальную точку зрения на подчинение Крымской орды (ханства) Османской империи. Для нас особенно интересно замечание относительно численности населения города, которое, судя по всему, к концу XV в. достигало 30-33 тыс. человек.

Особую группу составляют армянские источники, которые не получили такой широкой историографической известности, как, например, отклики армянских авторов на падение Константинополя в 1453 г. (*Анасян*, 1953, с.444-466; *Анасян*, 1957). Отчасти эту лакуну в своё время удалось восполнить известному армянскому историку В.А.Микаэлян в его монографии «История крымских армян», впервые опубликованную в 1974 г. (переиздана в 2004 г.). В главе 3 своего исследования (озаглавлена - «События 1475 года и таврические армяне»), помимо работ Н.Н.Мурзакевича, Ф.К.Бруна, В.Х.Кондараки, А.Винья, В.Гейда, Л.П.Колли, С.А.Секиринского и др., опирающихся в основном на латинские источники, В.А.Микаэлян широко использовал разнохарактерные и разновременные армянские письменные свидетельства. К их числу относятся рукописи №7709 и 7442 Матенадарана, содержащие краткую «Историю крымских армян», сообщения очевидца захвата Каффы турками османами в 1475 г. армянского поэта Нерсеса Каффаэци (Матенадаран, рукопись №7709, л.57-58) и Мартироса Крымеци (также поэта и политического деятеля XVII в.) (*Мартиросян*, 1958, с.140; *Памятные записки*, 1955, с.390). Это позволило

автору создать необычайно яркое и колоритное полотно исторических событий, связанных с завоеванием Каффы турками-османами в 1475 г.

В переводе А.А.Мартиросяна поэт Нерсес Каффаэци полными скорби словами описывает падение города: «Армянского летоисчисления 924 (1475) года. |По наущению злоумышленника|, Когда объединились все турки, |Татары напали на Каффу. |Лишив весь город воды, | Они ударили по нему.| Много крови пролилось,| Потом появились корабли султана| Числом более четырёхсот| И объединившись [с татарми], высадились| Город Каффу окружили,| Всадников очень много, не исчислить.| Имели они много пушек и винтовок.| Когда из пушек ударили,|Земля и небо задрожали,| Большой ущерб причинили,| Дома и церкви разрушили» (Матенадаран, рукопись №7709, л.57-58). Мартирос Крымеци отмечал, что, объединившись, турки и татары, окружив город с моря и суши, вели страшную войну. Дальнейший ход событий им представлен следующим образом: «Тогда сопротивлялись наши князья и дворяне и не хотели сдать крепость». Однако затем «наши князья и дворяне, увидев слабость генуэзского князя и его войск, особенно когда генуэзский князь обратился в бегство, остались беспомощными перед голодом, взяли клятву и город сдали туркам» (Мартиросян, 1958,с.140). В.А.Микаэлян, на основании имевшихся в его распоряжении источников, пришёл к вполне объективному заключению: «трудно вскрыть в деталях причины падения города, но главная причина состоит в том, что оно было обусловлено всем ходом развития международных отношений, и особенно тогдашними турецкими завоеваниями. Успеху турок в Крыму во многом способствовал их союз с татарами. В создавшемся положении, когда продвижение турок вызывало панику государств, ни генуэзцы, ни греки в Каффе не в силах были противостоять мощному союзу турецко-татарских сил. Именно в этом заключена историческая правда» (Микаэлян, 2004,с. 98).

Вместе с тем следует признать, что историку, с одной стороны следующему в русле сложившейся к 70-м гг. XX в. историографической традиции (например, «Защитники города, лишённые артиллерии...»), а с

другой находящемуся под влиянием эмоционально ярких, но субъективных свидетельств армянских письменных источников, не удалось избежать тенденциозности при характеристике событий, как предшествовавших захвату Каффы 6 июня 1475 г., так и после того, как город был сдан на милость победителя. Наверное, поэтому В.А.Микаэлян писал, что не внушала доверия и организация обороны города. Не имелось пушек, хотя из Ахена и Страсбурга были приглашены два специалиста, чтобы руководить артиллерией, которую «собирались организовать на месте, но видимо, ничего не вышло...» (Микаэлян, 2004,с.91). И далее продолжал: «Овладев городом, турки и татары, по своему обыкновению, не сдержали обещаний и устроили в Каффе настоящую бойню. Армянские и итальянские источники свидетельствуют, что население предавалось смерти, а город – разрушению» (Микаэлян, 2004,с.91). При этом он цитирует одну (из 15 известных) памятную запись армянской рукописи: «Армянского летоисчисления 924 г. (=1475), когда было написано сие святое евангелие, турки взяли Каффу и совершили многочисленные пленения и разрушения; и воцарились великая печаль и горе» (Памятные записи, 1958, с.390). Вместе с тем исследователь также вынужден был признать, что «источники не называют число убитых. Но все они сообщают, что было вырезано огромное число христиан – армян, греков, а также генуэзцев» (Микаэлян, 2004,с.99).

На самом деле о якобы произведённой турками в Каффе резне ничего не известно. По свидетельству генуэзца Христофоро ди Мортара (находился в Каффе в момент её захвата турками) в Адрианополе по личному приказу Мехмеда II был казнён только бывший массарий Каффы Оберто Скварчафико – его подвесили на крюк за подбородок, как крысу (Мыц, 2009, с.489, прим.55). Тем не менее, В.А.Микаэлян, ссылаясь на поэтическое произведение (плач) Нерсеса Каффаеци, продолжает рисовать безнадёжно мрачную картину захвата османами города: «Людей отважных вырезали,| Дочерей и сыновей собрали,| Головы отцов отрубили,|А детей в плен взяли| Двух братьев в одно место, |Зятя и невестку – |Новобрачных посадили на

суда» (Матенадаран, рукопись №7709, л.58). К тому же исследователь использует не проверенные, легендарные или полуполюгендарные свидетельства, которыми изобилует работа крымского краеведа второй половины XIX в. В.Х.Кондараки, писавшего, что «по некоторым сведениям, 40 тысяч каффинцев турки перевезли в Константинополь» (*Кондараки*, 1875,с.37). В 1976 г. в журнале «Русский мир и советский народ» (выпуск №4 за октябрь-декабрь)⁴⁸³, в разделе «Оттоманы и Крым» была опубликована статья Матея Казаку и Керама Кевоняна «Завоевание Каффы в 1475 г. в свете новых документов» (*Cazacu, Kevonian*, 1976,с.495-538). Во введении авторы отмечают важность всестороннего изучения вопроса завоевания Мехмедом II генуэзской колонии Каффы в 1475 г. По их мнению, данная тема остаётся слабо исследованной, долгое время оставаясь в тени всестороннего освещения историками и привлечёнными ими документами, повествующими об интеграции полуострова в состав Российской империи в конце XVIII в. Имеющиеся в распоряжении учёных источники в основном отражают историю появления, расцвета и упадка генуэзских колоний Крыма на протяжении двухсот лет (70-е гг. XIII – 70-е гг. XV в.). Поэтому исследователи обратились к публикации собранных ими малоизвестных или никогда не издававшихся документов, относящихся как к падению Каффы в 1475 г. и судьбе населявших её местных народов, так и взаимоотношений, складывавшихся между Крымским ханством и Османской империей в 1475-1478 гг.

Армянские документы о падении Каффы могут быть условно разделены на три основные группы. Первая представлена краткими записями в хрониках или сделанными на полях рукописей XV-XVII вв. в виде колофонов (приписок). Авторам удалось обнаружить 15 таких свидетельств, хотя, по их мнению, данная группа может оказаться значительно

⁴⁸³Издавался в Париже на французском языке Исследовательским центром Истории славян Филологического факультета и Гуманитарных наук (Сорбона) и Центром изучения Международных отношений Национального фонда Политических наук (Центром изучения СССР и Восточной Европы).

дополненной при дальнейшей работе с этой категорией источников. Причём сообщения собранных документов первой группы оказываются малоинформативными и ограничиваются в основном констатацией факта захвата Каффы турками-османами в 1475 г. В качестве таких примеров можно привести две приписки на Евангелие, сделанные их владельцами в Стамбуле и Иерусалиме в 1475 г. и опубликованные относительно недавно на русском языке Т.Э.Саргсян. 1. «В Армянское лето 924 [1475], месяца июня 6, Исмаэляне взяли Кафу, и неволено было святое Евангелие и привезено в Стамбул, а я, Аветик, купил (его) и преподнёс храму Святого Саргиса [в Стамбуле], в воскресенье празднования Воздвижения Креста». 2. «В лето Армянское 924 [1475], в котором писалось святое Евангелие, взяли Кафу Тачики, и совершили множество пленения и разрушения, и была великая грусть и скорбь у христиан; и всё это обрушилось на нас из-за грехов наших» (*Свод армянских памятных записей*, 2008, с.264-265)⁴⁸⁴. Среди 15 заметок, извлечённых из хроник и колофонов на полях рукописей, только 4 относятся непосредственно ко времени падения Каффы в 1475 г. Остальные (XVI-XVII вв.) не только очень кратки, но и содержат ошибки в хронологии событий.

Ко второй группе документов относятся два источника XVII в., один из которых (мемориал) известен под названием «История уроженцев Ани, жителей Каффы», а второй – «История страны Крым». В них прослеживается сложившаяся историческая традиция повествования появления на территории полуострова армянского населения. Однако до сих пор не выявлены свидетельства предшествующего времени – XIV-XVI вв.

Мемориал «История уроженцев Ани, жителей Каффы» впервые был опубликован в 1830 г. в Венеции священником (карапетом) Минасом

⁴⁸⁴К данному колофону Т.Э.Саргсян делает примечание, что в Хронике Григора Даранагци о военных походах султана Мехмеда II сохранились записи, часть которых, несомненно, была взята из крымских источников XV в. Непосредственно к рассматриваемой теме имеет прямое отношение одна запись: «В лето 924 [1475] Аһмат-паша, прозвище которого было Кетук, на семистах катырках [галерах] вышел в Чёрное море, 6-го июня взял Кафу, взял (вместе) со странюю - Сугайсом [Сугта, Судак], Палыхлуем [Балаклава]. Осенью Манкуб также отдали и [турки тамошних] господ вырезали» (*Свод армянских памятных записей*, 2008, с. 266).

Бжкянцем. Автор уведомлял, что он переписал «Историю» из синаксаря, хранящегося в церкви Предтечи в селении, находящемся близ Нахичевани. Синаксарь попал туда около 1799 г. в результате миграции части армян из Крыма. Фрагменты из этой «Истории» опубликовал в 1865 г. Абрахам, а в 1901 г. карапет Л.Алишан. Оба публикатора использовали текст первого издания без какой-либо дополнительной редакторско-критической обработки перевода, предложенного в своё время Минасом Бжкянцем. В настоящее время синаксарь хранится в Матенадаране (Ереван) под №7442. В.А.Микаэлян, при подготовке своей монографии (1964-1970 гг.) не ставил перед собой задачу переиздать мемориал. Он цитировал только отдельные его фрагменты.

«История уроженцев Ани, жителей Каффы» имеет точную дату написания – 1690 г. На это указывает сам автор – Давид Крымеци, подготовивший рукопись по просьбе армянских дворян Тиридата и Анны Пахлавунни для того, чтобы его вставить в синаксарь. Давид также поясняет, что за данную работу он взялся ввиду отсутствия письменных документов, содержащих историю армян Крыма. Но это заявление нельзя воспринимать буквально, так как большая часть представленных им исторических эпизодов известна в более раннем труде карапета Мартироса Крымеци «История страны Крым». Данное сочинение состоит из 77 четверостиший, написанных известным епископом Каффы в 1672 г. и опубликованном в 1958 г. А.А.Мартиросяном по армянской рукописи F.25 из библиотеки Оксфорда.

«Историю страны Крым» можно было бы считать непосредственным источником для написания мемориала «История уроженцев Ани, жителей Каффы» - тем более, что между обоими текстами существует множество параллелей, - если не считать, что они следуют более раннему источнику, на сегодняшний день не выявленному или пропавшему. На это вроде бы указывает Давид Крымеци, специально отмечающий, что говорит о событиях, описание которых он нашёл в письменных рассказах. К третьей отдельной группе исследователями отнесён единственный в своём роде

оригинальный источник конца XV в. художественно-литературного характера, известный как «Погребальный плач на завоевание Каффы». Он интересен тем, что в нём (в поэтической форме) нашли отражение события, связанные с захватом Каффы турками-османами в 1475 г. «Погребальный плач...» известен в 5 версиях, представленных 3 рукописями №№714, 1136, 1455 монастыря Св.Иоанна в Иерусалиме и 2 рукописями №№ 8605 и 7709 Матенадарана. В 1969 г. Хачатурян опубликовал сборник средневековых армянских погребальных плачей. Тогда в него было включено только несколько пассажей извлечённых из предыдущих изданий «Погребального плача». Несмотря на то, что источник дошёл до нас в поздних копиях XVII в. – он является подлинным произведением, написанным очевидцем событий 1475 г. вартапедом Нерсесом, эмигрировавшим из Каффы вскоре (через 40 дней) после её завоевания турками-османами. Данный армянский публицист также известен и как автор «Жалобы богу, отца церкви Нерсеса».

Попытаюсь представить в русском переводе фрагмент из сочинения Давида Крымеци «История уроженцев Ани, жителей Каффы», где рассказывается о завоевании турками-османами генуэзской Каффы: «[...] они осадили Каффу, турок с 300 судами со стороны моря и со стороны земли (суши), тогда наши князья и дворяне противились им и не хотели отдавать крепость. Затем турок, взявший по отношению к армянам обязательство не доставлять боль совсем, но предоставлять свободу, если они подчинятся, наши князья и дворяне, видящие слабость генуэзцев и войск, главным образом от того, что князь убежал, лишённые запасов продовольствия и ввиду голода, принесли клятву и отдали город туркам; это было в году 924 (=1475)». В данном пассаже автор допускает, по крайней мере, две некорректные неточности, когда говорит о якобы надвигавшемся голоде (осада Каффы длилась 4 дня) и о бегстве главы генуэзской администрации – консуле Антониотто ди Кабелла, что не соответствует историческим реалиям. Далее Давид Крымеци на высокой эмоциональной ноте продолжает рассказ: «[...] турки предали скоро свои клятвы...; торопили наших князей и

дворян обращаться к магометанской религии [...]. Адмирал Гедык-Ахмед-паша предпринимал любые меры принуждения и приглашавшихся на пиры спрашивал по поводу отречения их от их веры. И наши князья отвечали: «Если ты должен нас истребить, насилием или мечём, мы готовы остаться в старой вере для вечной жизни и скорее останемся в христианской вере, чем перейдём в магометанство; [...]. После неоднократных вопросов и ответов (турки) стали фальшиво дружелюбными; он (паша) показывал по отношению к нашим князьям и дворянам дружеское отношение и говорил: «Нет необходимости, чтобы вы впредь приходили на мои приёмы и пиры с оружием, вооружившись мечами» [...]. Доверяя словам паши, и ...не имея средств действовать иначе,... наши князья и дворяне отправились на пир без оружия [...]. Так как пир проходил в зале на 4 этаже дворца, после того как они отобедали и спускались вниз по длинным ступеням дворца, палачи, получившие приказ паши, убили их один за другим и их бросили в море [...]. Затем он приказал туркам и татарам истребить всю нашу армянскую нацию, которые сделали за этот же день очень населённый город (Каффу), бедным жителями; так как они погубили мечём стариков и детей, людей и женщин, и их кровь, разлитая на земле реками, стекала по улицам; они послали девушек и подростков и захваченных маленьких мальчишек в Константинополь султану; они сделали также в Казарате и в Сурхате [...]». Здесь Давид Крымеци явно сгущает краски относительно казни всех знатных армян Каффы, отказавшихся принять ислам по требованию Гедык-Ахмед-паши. Дальнейшие его рассуждения о массовых убийствах армян в 1475 г. не только в Каффе, но и в Казарате и Сурхате являются ничем иным, как более поздней мифологемой (XVI-XVII вв.).

Данный отрывок интересен тем, что автор был хорошо знаком с топографией и архитектурой консульского дворца, в котором разместился летом 1475 г. Гедык-Ахмет-паша. Он описывает его как четырёхэтажное здание с широкой парадной лестницей, причём на четвёртом этаже располагался зал для торжественных приёмов. Следует отметить, что это

единственная заметка, уточняющая архитектуру резиденции генуэзских консулов Каффы XIV-XV вв. Вероятно, дворец сохранялся до XVII в., что и позволило Давиду Крымцу дать его общую характеристику с некоторыми деталями внутреннего устройства. Автор также не указывает на численность знатных армян города, которые якобы участвовали в пиршествах турецкого паши, а затем были коварно убиты. Кроме того, следует признать и то, что нам до настоящего времени не известно количество и имена армянских сотников, первоначально принимавших участие в обороне, а затем и в сдаче Каффы османам 6 июня 1475 г. Единственным остаётся документ массарии Каффы 1428 г., в котором сообщаются имена 12 сотников города: 1) Караки Капеллорум (*Carachi Capelorum*); 2) Манноли ди Гваско (*Manoli de Goasho*); 3) Феодор Форнариус (*Teodorus Fornarius*); 4) Георгий ди Кириакси (*Iorghy de Ciriachi*); 5) Какарес Базас (*Cachares Bazas*); 6) Саркис армянин (*Sarchis armenus*); 7) Антоний Кириакос (*Antonius Chiriacos*); 8) Балхи (*Balchi*); 9) Никита Кондастани (*Nichita Condostani*); 10) Колоян Лупера (*Caloian Lupera*); 11) Кристодулос (*Kristodulos*); 12) Стилианус оргузий (*Stilianos orguxius*) (*Origone*, 1983. с.318)⁴⁸⁵. Из представленного перечня сотников Каффы 1428 г. выделяются имена латинян и греков и только один, безусловно, может быть отнесён к армянам – *Саркис армянин*, а выделение других (если они были) требуют специального анализа.

Единственным известным мне армянским источником, оставленным очевидцем взятия Каффы турками-османами 6 июня 1475 г., является «Погребальный плач на завоевание Каффы» Нерсеса Каффаеци. В русском переводе (*Мыц*, 2009, с.256-259)⁴⁸⁶ данное яркое и эмоциональное поэтическое произведение будет звучать примерно так: «В году 924 армянской эры (=1475).| 2. Из-за злых грехов наших| Соединились

⁴⁸⁵ Нам не известно изменилась ли их численность к 1475 г. Например, А.Л.Пономарёв полагает, что в это время в Каффе было 10 сотников, т.к. по его расчётам в фактории проживало 1100 армян и греков, т.е. «в сотне, охватывающей несколько кварталов, как раз и оказывалось порядка сотни мужчин» (*Пономарёв*, 2000, с.434).

⁴⁸⁶ Впервые «Погребальный плач на завоевание Каффы» Нерсеса Каффаеци был представлен мной в специальной работе (*Мыц*, 2009, с.256-259)

магометане. |4.Татары направились на Каффу.| Они порезали все воды,| 6. Они дали бой городу| И укрыли землю кровью.| 8. Затем пришли галеры,| Число которых превышало 400.| 10. Вместе они выстроились| И окружили город Каффу.| 12. У них были бесчисленные всадники,| Они обладали многочисленными| пушками и аркебузами,| 14. Они шли в бой с криками,| Так что страх овладевал городом.|16. Когда стреляли большие орудия,| Сотрясались земля и небо.| 18. Большой ущерб был причинён городу,| Дома и храмы разрушены.| 20. Дети умирали от ужасного грохота,|Женщины [были] охвачены страхом.| 22. Они прижимали детей к груди,| Столь страшен был грохот большого орудия.| 24. За пять дней они взяли город| И дали нам ложные обещания| 26. Затем они сделали перепись населения города,| Включив в опись и всё значимое имущество.| 28. Они захватили в городе все доспехи и вооружение,|Изъяли луки, стрелы, мечи и щиты,| 30. Взяв огромную контрибуцию,|Многим они обрезали бороды.| 32. Избивали палками мужчин (отцов),| Забирали у них дочерей и сыновей,| 34. Отрубили голову отцу,| Связав верёвками захваченных.| 36. Беспощадно похитили и забрали| Двух братьев из одной семьи.| 38. Они погрузили заплаканных молодожёнов,| Отцы и матери, проливая слёзы,| 40. Шли за ними с непокрытыми головами,| Но ничто не могло их [турок] остановить!| 42. У них совсем не было жалости!| И даже слёзы не волновали их совсем!| 44. Их сердца стали сердцами зверей;| Они съедали невинных ягнят.| 46. Тех, кого они схватили, увезли на корабли,| Собрав рыдающих всех вместе| 48. Дети плакали, моля дать им воды и хлеба.|Их родители все собрались, передали им еду 50. И остались сидеть на берегу моря, рыдая;| Жалкие, они смотрят на корабль!|52. Сорок дней в домах [города]| Были слышны стоны и рыдания.| 54. Они взяли 10 000 женщин,| Девушек, служанок и рабынь, 56. Они сосчитали украшавшие их богатства |И грубо всех ограбили.|58. Они установили враждебный порядок,|Они собрали 1000 мешков для сбора денег| 60. И не остановились пока их не наполнили.| Затем отправили награбленное в Стамбул| 62. И представили своему султану.| Они уничтожили алтарь

Святой Марии,| 64. Которую мы почитаем.| Церковь франков они превратили в мечеть.| 66. Они схватили и перевезли в Стамбул |Всех франков, которых нашли в городе,| 68. Чтобы они жили там| Обращёнными в магометан.|70. Однако те [франки] неоднократно отрицали их веру.|Каждому человеку они навязали дань,| 72. Они описали все существующие товары,| Они оценили дом и сад.| 74. Они хотели получить третью часть.| И царило в городе большое бедствие,| 76. Все вздыхали в слезах|И не было дороги, по которой можно было убежать,| 78. Так как можно было попасть в плен.| Они мучили народ, увозили людей на кораблях.|80. Заставляли их делать тяжёлую работу,|Гасить известь, колоть камень, так,| 82. Что кровь стекала по рукам и ногам.| Они перетаскивали камни в слезах,| 84. Подгоняемые ударами палок.| Дьяконы и ученики, достойные духовного сана,| 86. Философы и священники, нотариусы и судьи,|Они всех их схватили и требовали отречься от веры.|88. Когда-нибудь, перед алтарём милосердным,| На миг вспомните обо мне Нерсесе эмигранте,| 90. Говоря от всего сердца: «Нашего отца, который есть на небе».| Пусть грехи наши будут прощены и забыты!| 92. Не упрекайте меня никоим образом;| За сказанное, происходящее из моих мыслей.| 94. Напрасны были эти простые речи!». Представленная в художественно-поэтической форме в «...плаче на завоевание Каффы» информация хорошо согласуется с данными других источников, по которым удаётся реконструировать события, происходившие в Крыму в мае-июле 1475 г. После капитуляции город несколько дней (7-8 июня) жил в неопределённости решения османами своей судьбы. Первоначально турки провели репрессии по отношению к иностранным (полякам, валахам, русским, грузинам, черкессам и др.) купцам, оказавшимся в это время в Каффе. Их имущество, стоимостью около 250 тыс. флоринов, оказалось конфисковано, а они сами проданы в рабство или оказались в тюрьме. 9-10 июня всех жителей Каффы (не мусульман - латинян, греков, армян, евреев, караимов и т.п.) обязали представить точные сведения о себе (имя, род занятий и материальное положение) для установления суммы хараджа.

Харадж был установлен в пределах от 15 до 100 каффинских аспров с головы. Больше всего волнений в городе вызвал проводившийся турками 12-13 июня осмотр и отбор юношей и девушек, которые должны были стать рабами султана. Купец из Флоренции (его имя остаётся не известным), оказавшийся в это время в Каффе, называет цифру в 1500 человек молодёжи отобранных для отправки в Стамбул.⁴⁸⁷ Их погрузили на корабли, стоявшие в порту Каффы. Именно при отборе и отправке молодых людей происходили душераздирающие сцены, столь ярко описанные Нерсесом Каффаеци. 8 июля все латиняне⁴⁸⁸, с оставшимся у них имуществом, должны были собраться и погрузиться на корабли. Они покинули порт Каффы 12 июля и направились в Стамбул (*Roccatagliata*, 1982, с.228-233). Прибывшим колонистам для заселения был предоставлен пустующий квартал города. Как видим, представленные выше разнохарактерные источники о завоевании Каффы османами в 1475 г., наряду с латинянами (в основном лигурийцами) среди основного состава населения города называют греков и армян, сыгравших основную роль в стремительном падении города. Отметим, что с самого начала возникновения (70-е гг. XIII в.) в качестве генуэзской торговой фактории, Каффа выделяется полиэтничностью и поликонфессиональностью своего населения (*Balard*, 1978, р.236-243; *Еманов*, 1991, с.107; *Айбабина*, 2001, с.8-9). При постоянном сохранении административно-руководящей роли латинского (лигурийского) этнического компонента, важной торгово-ремесленной его составляющей являлось греческое и армянское население. Именно греки и армяне многократно упоминаются в ранних нотариальных актах Ломберто ди Самбучето 1289-1290 гг. в качестве наиболее активных торговых агентов генуэзцев (*Balard*, 1973, р.7, 202, 220, 278 etc.).

⁴⁸⁷ В.Гейд указывает, что другие авторы называют число в 3000 или даже в 5000 человек, что, по всей видимости, явно преувеличено (*Гейд*, 1915, с.181).

⁴⁸⁸ Реально их число не известно. Только председатель городского совета Рагузы в своём послании дожу Венеции Пьетро Мочениго указывает, что Мехмед II велел отправить в Константинополь 500 генуэзских и других латинских семейств (*Колли*, 1911, с.17).

Если греческое население средневековой Таврики воспринимается как относительно местный этнический компонент, то массовые переселения на полуостров армян, связывается с сельджукскими завоеваниями 60-х гг. XI в., монгольскими погромами Армении середины XIII в. и в XIV в. (1375 г.) после прекращения существования Армянского Царства Киликии (*Якобсон, 1956, с.166-167*). Принято считать, что ко второй половине XIV-сердине XV в. армянские общины Крыма превратились в многотысячную диаспору. Это якобы даже послужило поводом называть Восточный Крым (экономическим и политическим центром, которого являлась генуэзская Каффа) Приморской Арменией (*Armenia maritima*) (*Saint-Martin, 1823, p.24*). В подтверждение этому приводились палеодемографические расчёты, сделанные на основании сообщений письменных источников. Например, по мнению В.А.Микаэляна в городах и селениях Восточного Крыма во второй половине XV в. проживало около 150 тыс. армян. Вполне естественным выглядит наиболее плотная концентрация армянского населения XV в. в Каффе, где она якобы составляла $\frac{2}{3}$ его численности (70 тыс.) и достигала 46 тыс. (*Микаэлян, 2004, с.20-21*). На самом деле вопрос определения численности населения Каффы в XV в. до сих пор остаётся остро дискуссионным. Исследователи, используя различные методики демографических подсчётов (заселённая площадь города, количество церквей (приходов), протяжённость оборонительных рубежей (куртин, башен и проч.) определяют число жителей города этого времени в широких пределах – от 10 до 70 тыс. (*Heyd, 1885, p.174; Arlandi, 1974, с.12; Balard, 1988, с.68-70; Pistarino, 1990, с.484-485; Якобсон, 1973, с.110-114; Карнов, 2000, с.207; Мыц, 2009а, с.440-441*).

По сведениям турецких дефтеров XVI в., количество «очагов» (т.е. городских домов Кефе), облагаемых налогами, достигало 6 тыс., что из расчёта 5 человек на одно хозяйство даёт численность населения города XVI-XVII вв. не менее 30 тыс. человек (*Balard, 1988, с.68*). Особой позиции по данному вопросу придерживался А.Л. Пономарёв. Выполненные им демографические подсчёты позволили исследователю прийти к заключению,

что население Каффы периода расцвета (80-е гг. XIV в.) не превосходило девяти тысяч человек, а к турецкому завоеванию город не достиг бы и восьми тысяч человек (*Пономарёв, 2000, с. 391,393*). Необходимо также учитывать отсутствие конфессиональной консолидации армянского населения Каффы (*Арутюнян, 2012, с.8-14*). Принято считать, что большая часть армян Крыма придерживалась канонов традиционной Армянской апостольской церкви (*Айбабина, Бочаров, 1997, с.211-233; Айбабина, Бочаров, 2002, с.159*). Другая часть – относилась к католической епархии, а третья – униатам, тяготевшим к уставным порядкам ордена доминиканцев (частично и францисканцев). Отдельную конфессиональную группу составляли цаты – армяне исповадавшие грекоправославие (*Свод армянских памятных записей, 2008, с.9*).

В момент появления османской армии под её стенами, Каффа была внутренне ослабленной длительными распрями в армянской общине, в которой на протяжении нескольких лет шла борьба за пост епископа между Тер-Кабетом и Тер-Ованесом, поддерживаемым не только его родственником банкиром Кутул-беем, но и массариями (*Колли, 1918, с.149,164*). Раздоры и конфликты в полиэтничной и поликонфессиональной среде городской общины, вызванные негативными изменениями в торговой конъюнктуре, а также сложностью политического положения фактории на протяжении последних двух десятилетий, постоянно сотрясали Каффу. И это, как вполне обоснованно считает большинство исследователей, привело к её сдаче без какого-либо серьёзного сопротивления, туркам-османам в 1475 г. (*Pistsrino, 1990, с.479-511; Карпов, 2000, с.206-207*). Протекторы Банка Св.Георгия слишком поздно осознали неспособность Антониотто ди Кабелла управлять факторией, раздираемой внутренними и внешними противоречиями. Пытаясь исправить сложившуюся критическую ситуацию, они выдали одновременно дипломы сразу двум консулам – Джакомо Джустиниани и Галеаццо Леванто. Однако ни один из них не смог вовремя добраться до Газарии, чтобы попытаться спасти положение (*Колли, 1918, с.168-170*). Развязка наступила

слишком быстро, потому что Каффа капитулировала, практически не оказав никакого сопротивления туркам. Поэтому, в условиях, когда точно неизвестна численность населения Каффы (на момент её захвата турками-османами), а также неизвестны размеры армянской общины города, следует признать, что имеющиеся в распоряжении исследователей источники не позволяют достоверно установить роль той или иной (в том числе и армянской) этнической общины города в организации её защиты, а следовательно, и капитуляции 6 июня 1475 г. На сегодняшний день данный вопрос столь же далёк от своего разрешения, как и столетие назад. Одной из причин этого является отсутствие детальных разработок с привлечением анализа комплекса письменных (нарративных и лапидарных), а также материальных (архитектурно-археологических) источников. Без выполнения этой кропотливой работы споры на тему о причинах стремительного падения Каффы в 1475 г. так и будут носить чисто схоластический или конъюнктурный характер.

7.2. Причерноморье во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XV в.

После падения Феодоро, захвата генуэзских факторий и признания сюзеренитета султана ханом Нур-Девлетом, для установления господства в Юго-Восточной Европе, Мехмеду II необходимо было подчинить Молдавское княжество с двумя стратегически важными крепостями – Килией и Белгородом. Контроль над черноморской торговлей и путями, идущими по Дунаю, сулил большие выгоды Османской империи. Установление контроля над Молдавским княжеством открывало путь туркам к завоеванию стран Центральной и Восточной Европы (*Antalffi*, 1934, р. 38 – 48). Именно поэтому в политике европейских государств во второй половине XV в. Молдавии уделялось большое внимание. Её территория даже рассматривалась как плацдарм для отвоевания захваченных османами земель. Для нас особый интерес представляет мнение молдавского посла в Венеции Ивана Цамбалка (1477 г.), убеждённого в том, что при помощи Килии и Белгорода можно будет не только остановить продвижение османов

в Венгрию и Польшу, но и отвоевать у них Каффу и Херсонес (*Rezboieni*, 1977, р. 230; *Гонца*, 1984, с. 33)⁴⁸⁹. Завоевание Генуэзской Газарии, Феодоро и Готии Мехмедом II в 1475 г. не следует представлять, как случайный эпизод, а необходимо рассматривать в русле общей политики османов, проводимой ими на юге Восточной Европы. Война, начавшаяся в Крыму в 1475 г., должна была перерасти в поход на Молдавское княжество. Готовясь к этому наступлению, Мехмед счёл необходимым устранить всяких возможных союзников Стефана III в Причерноморском регионе. Тем более, что ему, по-видимому, было известно содержание переписки господаря с официальными Каффы и его стремление посадить на мангупский престол противника османов – Александра.

Стефан III, в ожидании нападения турок, пытался создать антитурецкую коалицию на Чёрном море. Но до конца верным ему и идее борьбы с турецкой экспансией, оказался только владетель Феодоро Александр. Внезапную смерть Исаака в мае – начале июня (?) 1475 г. можно считать не простым стечением драматических обстоятельств, а результатом заговора, инспирированного не без участия, как самого Александра, так и Стефана III. Исаак, по сведению итальянских источников, проводил взвешенную политику, строившуюся на уступках сильной стороне, что не соответствовало (по мнению его оппонентов) требованию времени. Поэтому на престоле Мангупа в этот критический момент истории Феодоро и Готии появляется молодой и деятельный правитель – Александр.

За время своего пребывания при дворе Стефана III (1472/1474 – 1475) он приобрёл опыт борьбы с турками и использовал его в момент подготовки и осады османами Феодоро (Мангупа). Длительное сопротивление и упорство, с которым Александр и жители Феодоро боролись с войском Гедык-Ахмет-паши, можно ещё объяснить и надеждой на помощь со стороны европейских

⁴⁸⁹Под Херсонесом Иван Цамбалк, вероятно, подразумевал бывшие владения Византии в Таврике, на основе которых образовалось княжество Феодоро.

государств. Одна Молдавия не могла спасти Феодоро, а правители остальных держав остались глухими к призывам Стефана III. Для того, чтобы сковать возможные действия господаря в этом направлении Мехмед II, весной 1475 г. приказал силами пограничных санджабеков напасть на Килию и Белгород (Гонца, 1984, с. 22). Выступление против турок какого-либо из граничивших с Молдавией государств (Венгрии или Польши) в 1475 г. могло спасти Генуэзскую Газарию и Готию от покорения османами, которым пришлось бы снять осаду Феодоро и тем самым свести на-нет все усилия Гедык-Ахмет-паши. Но этого не случилось. Бывшая Генуэзская Газария и Готия (побережье Крыма и горная Юго-Западная часть полуострова) почти на три столетия оказались под верховенством Оттоманской Порты.

К 1476 г. Мехмеду II удалось добиться изменения соотношения сил в северопричерноморском регионе в свою пользу. Только теперь султан начал поход на Молдавию, собрав большое войско (источники определяют его численность в 100 – 200 тыс.). Перед наступлением Мехмед II направил ультиматум Стефану III, в котором требовал: 1) выплатить дань за три года; 2) отдать Килию; 3) отправить в Константинополь в качестве заложника сына господаря; 4) вернуть рабов с турецкого корабля, захваченного пленёнными в Каффе генуэзцами, и нашедших убежище в Белгороде (Гонца, 1984, с. 22). Османский хронист Турсун-бек отмечал, что одним из поводов к походу султана на земли Верхней Валахии в 1476 г. была помощь, которую Стефан III оказал своему родственнику, правителю Мангупа, в предыдущем году (Tursun Beg, 1978, p. 61). Несмотря на грандиозность всех приготовлений, туркам не удалось в 1476 г. достичь своей основной цели – завоевать Молдавию. Некоторые успехи в начале кампании и даже выигранное 26 июля 1476 г. генеральное сражение в Белой долине (при Разбонах), где Стефан III располагал войском в 10 – 12 тысяч человек (Семенова, 1972, с. 216 – 217; 2006, с.88-89), закончились отступлением турок и разгромом части войска Мехмеда II у переправы через Дунай. Имеющиеся источники также позволяют говорить о том, что положение османов в завоёванной ими

Генуэзской Газарии и на Северо-Западном Кавказе во второй половине 70-х гг. XV в. оставалось крайне не прочным. Турецкое вторжение на несколько лет дестабилизировало политическую ситуацию в Крымском ханстве. А это способствовало усилению позиций в Северном Причерноморье хана Большой Орды Ахмата (*Некрасов, 1990, с. 45 – 50*). Повторное воцарение Нур-Девлета, пленение Менгли I Гирея и его отправка в Константинополь, по замыслу Эминека, должны были увеличить его влияние при ханском дворе, как ставленника Мехмеда II. Но эта задача оказалась ему не под силу, ввиду сопротивления не столько самого нового хана, сколько со стороны влиятельных беков и, прежде всего, главы рода Барынов – Абдуллы.

Весной 1476 г. султан отправил Эминеку письмо с предложением принять участие в молдавском походе. В середине мая ширинской бек даёт согласие на совместные действия с турками. При этом он сообщал султану о сложной политической обстановке в Крымском ханстве. Оказывается брат Эминека – Хаджике и глава рода Барын Абдулла создали против него триумvirат, соединившись с Джанибеком. Этот союз привлек на их сторону половину людей ранее подчинённых Эминеку. Создав тысячный корпус всадников, они напали на Солхат и Эминеку пришлось несколько раз с ними сражаться. Не добившись захвата города Хаджике, Абдулла и Джанибек ушли в степь, избрав своей базой город Орду. «Они вновь начали войну и теперь находятся очень близко отсюда» (*Khanat, 1978, p. 62; Некрасов, 1990, с. 46*).

Набег 1476 г. на Молдавию закончился для татар почти полным разгромом, о чём сообщает Эминек Мехмеду II в письме, датированном октябрём того же года. В ходе стычек, произошедших с воинами Стефана III, татары понесли тяжёлые потери из людей, лошадей и оружия. Погибли два брата Эминека, который «сам едва спасся с одним единственным конём» (*Khanat, 1978, p. 65; Некрасов, 1990, с. 46*).

Отсутствием Эминека летом 1476 г. в Крыму воспользовались его противники Хаджике, Абдулла и Джанибек (*Гулевич, 2018, с.305-309*), поддержанные ханом Большой Орды Ахматом, совершившие два рейда на

полуостров в попытке овладеть Солхатом (*Некрасов*, 1990, с. 47). Потерпевший поражение от Стефана III Эминек, после своего возвращения, вынужден был опять сражаться с сепаратистами. Укрывшись в Солхате, старший ширинский бек не имел возможности вести активную оборону города, т.к. для этого не было людей и лошадей. (*Khanat*, 1978, р. 65; *Некрасов*, 1990, с. 46 – 47). В русских летописях (Воскресенской, Типографской и Шумиловском томе) события 1476 г. отражены лаконичной записью: «Посла царь Ахмат ординьский сына своего с татары и взя Крым и всю Ази-Гирееву Орду» (*ПСРЛ*, Т. VIII, с. 183; Т. XII, с. 168; Т. XXIV, с. 195).

Обеспокоенный происходившими в Северном Причерноморье событиями, приведшими к ослаблению позиций Крымского ханства и усилению Большой Орды, Мехмед II в конце 1476 или начале 1477 г. отправляет к Ахмату посла Карач-багатура с письмом, выражающим желание султана установить дружественные отношения с ханом (*Смирнов*, 1887, с. 270 – 272). Со своей стороны Ахмат посылает в Константинополь в начале июня 1477 г. своего племянника Азиз-Ходжу с ответным посланием к «Великому государю, брату моему Султану Мехмеду Блаженному» (*Kurat*, 1940, s. 48 – 51; *Некрасов*, 1990, с. 48 – 49). Несмотря на общий дружественный тон письма, Ахмат называет Мехмеда II «братом», т. е. равным себе (*Султанов*, 1978, с. 243), а не «отцом», как это вынужден был делать Нур-Девлет. Весьма показательным, что на этом обмен дипломатическими миссиями между двумя государствами прекратился. Очевидно, Мехмед II и его окружение берут курс на укрепление Крымского ханства, способного играть роль военно-политической буферной зоны и союзника османов в Северном Причерноморье.

Следует обратить внимание на отсутствие упоминаний об участии Нур-Девлета и Айдера в событиях 1476 г. Только в письме к султану от 15 мая 1477 г. крымский хан, обращаясь к Мехмеду II, просит «не слушать

наполненных ядом слов», имея ввиду настроенного против него Эминика (*Kurtoglu*, 1938, s. 647 – 648; *Khanat*, 1978, p. 67).

Конфликт между Нур-Девлетом, Айдером и главой рода Ширин, очевидно, достиг своего апогея к началу 1478 г., когда Эминек сообщает султану, что Нур-Девлет и Айдер не желают примириться друг с другом и не слушают его советов. Поэтому у нас нет предводителя для того, чтобы идти воевать. В настоящее время беи хотят видеть предводителем Менгли Гирея. Эминек просит Мехмеда II: «Если Вы немедленно пришлёте к нам Менгли Гирея, Вы восстановите порядок в нашей стране и Аллах Вас за это наградит. Народ и беи Крыма не желают Нур-Девлета, он не годится ни на что... Мы хотим, чтобы Вы дали Менгли Гирею такой совет: «Заботься о нуждах страны и не пренебрегай советами Эминика» (*Вельяминов-Зернов*, 1863, Ч.1, с. 102; *Khanat*, 1978, s. 71; *Некрасов*, 1990, с. 50). Сложившееся положение, по-видимому, было настолько серьёзным, что вскоре Менгли I Гирей был отправлен в Кефе, где находился под охраной турок, в качестве почётного пленника.

7. 2.1. Иософат Барбаро о побеге Менгли I Гирея из османского плена в 1478 г.

При всей популярности и кажущейся множественности специальных работ, посвящённых установлению власти Мехмеда II на части территории Таврики (в том числе и турецкого протектората над Крымским ханством в 1475-1478 гг.) исследователи не обратили должного внимание на рассказ Иософата Барбаро (1413-1494) о бегстве Менгли I Гирея (1469-1475; 1478-1515)⁴⁹⁰ из османского плена (*Le Khanat*, 1978, с.322-324; *Некрасов*, 1990, с.51; *Иналджик*, 2013 (2), с.117-127; 2014 (3), с.163-171 и др.). Сравнительно недавно к этой теме обратился В.П.Гулевич (*Гулевич*, 2014, с.172-190), который, в довольно произвольной форме и не приводя доказательств,

⁴⁹⁰В своём историческом сочинении «Розовый куст ханов, или История Крыма» Халим Гирей (1772-1823) приводит хотя и лаконичную, но ёмкую и корректную личностную характеристику Менгли I Гирея I (1469-1475; 1478-1515), объективно отражающую систему управления им Крымского ханства: «Менгли Гирей был человеком умным, осторожным, любящим свой народ. По натуре он был также и героем, и жизнь его прошла в основном в войнах» (*Халим Гирай-султан*, 2008, с.22).

реконструирует события 1475-1478 гг. Оказывается, что попавший в 1475 г. в плен Менгли I Гирей больше года проживал в Кефе под контролем турок. При этом номинально продолжал оставаться ханом. Борьба за власть привела к объединению крымских карачи-беев, объединившихся против Эминека. Это способствовало восшествию на престол в Крымской орде независимого от Большой Орды и Османской империи «казакующего» царевича Джанибека, сына хана Ахмата. В связи с этим в октябре-ноябре 1476 г. Менги I Гирея вывезли в Турцию. К началу осени 1477 г. Джанибек утратил власть и вынужден был выехать в Москву. За власть в Крыму борьбу продолжили Нур-Девлет и Айдар. «Вероятно, это произошло при содействии князя Барынов Абдуллы и Ямгурчи. Потерявший влияние на ханов Эминек довольно быстро сумел дестабилизировать либо использовать нестабильную ситуацию в Крыму и при согласии турецкого падишаха вернул к власти Менгли Гирея в конце 1478 – начале 1479 г.» (Гулевич, 2014, с.172). В вышедшей в 2018 г. монографии В.П.Гулевич пишет, что когда «беспорядок в Крыму достиг апогея, он (Менгли I Гирей – В.М.) с согласия султана вернул себе власть. О времени и обстоятельствах этого момента источники сообщают противоречивые версии, фактически исключаящие друг друга» (Гулевич, 2018, с.314). При этом В.П.Гулевич с явным и не скрываемым недоверием отзывается о сообщении венецианского посла в Тебризе: «Иософат Барбаро, записавший чей-то пересказ событий, сообщает, что удерживаемый в Каффе Менгли Гирей убежал из-под османской опеки во время устроенных под стенами города соревнований конных лучников. Затем он якобы овладел Солхатом и убил Эминека» (Гулевич, 2018, с.314). Далее автором излагается версия, которая ему импонирует: «Согласно второй версии, Менгли Гирей снова стал ханом благодаря Эминеку. Описывая ситуацию в Крыму, бей молил султана: «Если придёт Менгли Гирей, все будут очень ждать того, к кому можно прислушаться и чьи приказания можно исполнять. Ныне, если вы, падишах, окажете помощь, проявив милость, ... и отправите нам Менгли Гирея, тогда, в таком случае край наш!

Если не поспешите - край уйдёт. Я один не смогу удержать. На этом острове все наши бейлики держатся на этом краю..., если срочно отправите Менгли Гирея сразу же станете средством наведения порядка в нашем крае» (Гулевич, 2018, с.314)⁴⁹¹. Мне приходилось касаться данного сюжета в монографии (Мыц, 2009, с.419-509). Однако предлагавшаяся ранее дата побега Менгли Гирея из османского плена (осень или конец 1478 г.) нуждается в существенной корректировке.⁴⁹² Менгли I Гирей, свергнутый Эминеком и оказавшийся в Каффе в момент её капитуляции, попал в сложное положение. Судя по всему, он находился под арестом и терялся в догадках, как Мехмед II распорядится его судьбой. Основным оппонентом Менгли I Гирея в Крыму в это время являлся Эминек, оказавший Гедык-Ахмет-паше помощь при осаде Каффы. Солдаёе⁴⁹³. По-видимому, в том же (1475) году Менгли I Гирей (вместе с незадачливым тудуном Каффы сыном Мамака Сейтаком) был отправлен ко двору Мехмеда II и содержался если не в тюрьме, то под арестом. Вернуться в Крым он смог только в 1478 г. Повторное воцарение Нур-Девлета, пленение Менгли I Гирея и его отправка в Константинополь, по замыслу Эминекка, видимо, должны были увеличить его влияние при ханском дворе, как ставленника Мехмеда II. Но эта задача оказалась ему не под силу,

⁴⁹¹ Представленная В.П.Гулевичем версия близка официальной характеристике событий повторного прихода к власти Менгли I Гирея в 1478 г. благодаря усилиям Эминекка. Она изложена в родословной Ширинов, представленной в 1807 г. в Таврическое дворянское собрание и опубликованное дважды в переводе Ф.Ф.Лашкова (Лашков, 1895, с.123-126). Приведу интересующий нас фрагмент: «Мамак бей Ширинский умер, на место его поступил беем родной сын его Эминек бей, который при всём старании не мог прекратить продолжавшиеся в Крыму междоусобия, принуждён был отправиться сам в Константинополь к султану... Мегмеду, у которого требовал возвращения наследника крымского ... Менгли Гирея хана с тем, что Крым и народ в оном обитающий должен состоять под властью Турецкой Порты, на каковое предложение султан охотно согласился, на таком при том положении, что впредь Крымские ханы были определяемы с утверждения Турецкой Порты. Почему как Менгли Гирей, так равно и Эминек бей приняли на верность подданства султану присягу. Первый из них утверждён крымским ханом, а последний Эминек бей пожалован от султана важными подарками, бунчуком и прочими драгоценностями и знамёнами. Оба они вместе быв великолепно отправлены султаном из Константинополя морем прибыли в город Феодосию, а отголь в Старый-Крым, что было от эгиры в 890, а от Рождества Христова в 1478 году» (Лашков, 1895, с.125; Гёницель, 2017, с.818).

⁴⁹² Этой теме был посвящён мой доклад, прочитанный на III Бахчисарайских научных чтениях памяти Е.В.Веймарна 10 сентября 2015 г. (Мыц, 2015, с.17-18). В 2017 г. опубликована статья, посвящённая данной теме (Мыц, 2017, с.418-427).

⁴⁹³ Современник происходивших в Крыму событий, Йорги (Георгий) из Нюрнберга в написанной им около 1496 г. «Истории Турции» сообщал: «[В 1475 г. после захвата турками Каффы] он (Ахмет-паша – В.М.) пошёл и захватил крепость Солдаёю, где находились [в заточении] три сына царя татар; [турок] освободил их и сделал старшего сына царём в Татарии» (Vasiliev, 1936, p.247, n.1). Очевидно, под старшим сыном автор имел ввиду содержавшегося в тюрьме Солдаёи с 1471 г. Нур-Девлета.

ввиду сопротивления не столько самого нового хана, сколько влиятельных беков и, прежде всего, главы рода Барынов – Абдуллы. Эминек пытался вести с султаном сложную политическую игру, интригуя одновременно против двух возможных претендентов на престол (Аайдера и Менгли I Гирея) и одного законного хана (Нур-Девлета). Вместе с тем, сложившееся к 1478 г. в Крымском ханстве политическое и экономическое положение, очевидно, было настолько серьёзным, что вскоре Менгли I Гирей был отправлен Мехмедом II в Кефе, где находился под охраной турок в качестве почётного пленника. Иную версию причины появления Менгли I Гирея в 1478 г. в Каффе (османы называли город Кефе) со слов Андреоло Гваско излагает Иосафат Барбаро⁴⁹⁴: «Эминакби из-за дурного отношения к себе со стороны турок начал жалеть, что отдал город (Каффу – В.М.) Оттоману, и перестал допускать туда ввоз какого-либо продовольствия. Поэтому там начал [ощущаться] большой недостаток хлеба и мяса так, что город находился как бы в осаде. Тогда Оттоману напомнили, что если бы он послал Менглигирея в Каффу и держал его внутри города под домашней охраной, в городе наступило бы изобилие [питания], потому что этот самый

⁴⁹⁴Будучи в качестве посла Венеции при персидском дворе в Тебризе (1473-1479) Иосафат Барбаро встретил там одного из сыновей генуэзца Антонио да Гваско (вероятнее всего им являлся старший сын Андреоло), которому удалось бежать из Газарии охваченной войной в 1475 г. Сначала Андреоло добрался до Грузии, а оттуда перебрался в Персию. В своём сочинении И.Барбаро писал: «я хотел бы только рассказать о гибели Каффы, именно то, что я узнал от одного генуэзца, Антонио да Гваско (Antonio da Guasco), который там находился, затем бежал по морю в Грузию, а оттуда пришёл в Персию как раз в то время, когда я там был» (Барбаро, 1971, с.129, 155, §47). Е.Ч.Скржинская в примечании к данному пассажиру замечает: «Описание Барбаро «потери» или «гибели» Каффы (*la perdita de Cappha*), взятой турками в июне 1475 г. (*Tana*, §47-48), можно считать достоверным, так как рассказ о падении Каффы был передан ему по самым свежим впечатлениям человеком, спасшимся бегством из Каффы, где **турки перебили всех христиан** (выделено мной – В.М.). Житель Каффы или её окрестностей, из известного среди крымских генуэзцев рода Гваско, морем и через Грузию достиг Персии и там был принят в доме Барабро в Тебризе, о чём Барбаро упомянул в «Путешествии в Персию» (*Persia*, р.63г) (Барбаро, 1971, с.179, прим.117).Однако Барбаро писал буквально следующее: «Что касается плохого обращения с христианами в тех местах, что я видел, расскажу то, что я узнал в декабре 1487 (на самом деле – 1478 – В.М.) года от Пьетро де Гуаско, генуэзца, уроженца Каффы (Pietro de Guascho zenovese, nasciuto in Cappha), который (в то время как я был в Персии) пришёл оттуда и был со мной около трёх месяцев» (Волков, 2015, с.661, прим.356). Таким образом, Барбаро в своих сочинениях говорит о двух представителях семейства Гваско: Антонио (с которым он, якобы, встречался в 1475 г.?), и Пьетро (в 1478 г.). Но в одном из документов из так называемого «Дела Гваско» (датирован 19 августа 1474 г.) экс-консул Каффы Баптиста Джустиниани говорит о *господине Антонио [ди] Гваско* уже как о покойном (*quondam domini Antonij*) (Vigna, 1879, VII, р.411-412). Как в данном случае устранить противоречие двух источников? Либо среди членов семейства Гваско был ещё один по имени Антонио (в изданных генуэзских документах 1474-1475 гг. он не упомянут), либо Иосафат Барбаро встречался с кем-то из сыновей Антонио (например, со старшим его сыном - Андреоло), но запомнил (записал) только имя отца, что и привело к отмеченному выше казусу.

Менглигирей пользовался большой любовью у окрестного населения. Оттоман, рассудив, что такое напоминание полезно, отослал Менглигирея [в Каффу]. Лишь только стало известно, что он вернулся, тотчас же в городе наступило великое изобилие, потому что Менглигирея любило также и городское население. Он содержался под нестрогой охраной и мог ходить повсюду в пределах города» (*Барбаро*, 1971, с.155).

Появление в конце 1477 или начале 1478 г. в Кефе Менгли I Гирея, по замыслу Мехмеда II и Эминека, должно было повлиять на характер отношений ведущих между собой Нур-Девлета и Аайдера и принимавших в этой борьбе участие татарских беков. Ожидаемый результат, по-видимому, был достигнут довольно быстро, потому что сама возможность возведения султаном на ханский престол Менгли I Гирея предвещала для его противников либо изгнание, либо гибель. Так в скором времени и случилось. А доставку Менгли I Гирея в Кефе и его содержание под охраной следует расценивать как откровенный политический шантаж Мехмедом II правящей элиты Крымского ханства.

Произошедшая в начале 1478 г. стабилизация политической обстановки (прекращение междоусобицы и экономической блокады Кефе) в Крымском ханстве вполне отвечала интересам как Мехмеда II, так и Эминека, который, с учётом, что новый претендент на престол содержался турками под охраной, практически самостоятельно управлял государством. Но такое правление не могло продолжаться долго, т.к. не устраивало Менгли I Гирея и его сторонников. При первом же удобном случае, представившемся весной 1478 г., хан бежал из-под стражи во время состязания по стрельбе из лука.

Об этом весьма важном эпизоде в политической карьере Менгли I Гирея подробно (со слов Андреоло (?) Гваско) рассказывает Иософат Барбаро: «Менглигирей, воспользовавшись случаем, когда происходили эти игры, устроил так, что сотня всадников из татар, с которыми он сговорился, спрятались, в одной долинке неподалёку за городом. Он сделал вид, что также хочет состязаться в стрельбе, поскакал во весь опор и скрылся

бегством среди своих сообщников. Немедленно же, лишь только узнали об этом событии, множество людей из населения острова последовало за Менглигиреем. Вместе с ними, в полном порядке, он ушёл к Солхату – этот город отстоит от Каффы на шесть миль – и захватил его. Убив Эминакби, Менглигирей стал правителем тех мест» (*Барбаро*, 1971, с.156).

Данное свидетельство Иософата Барбаро, оставшееся вне внимания исследователей, занимавшихся изучением истории Крымского ханства этого периода (*Некрасов*, 1990, с.51 и др.) позволяет несколько иначе представить политические отношения между Менгли I Гиреем и Мехмедом II в 1478-1481 гг. Бегство Менгли I Гирея из-под стражи и укрепление власти хана на территории всего государства, отнюдь не знаменовало собой завершение «первого этапа османского проникновения в Северное Причерноморье и в целом в Восточную Европу», как это считал А.М.Некрасов (*Некрасов*, 1990, с.52; 1999, с.53). По существу, Менгли I Гирей своими действиями в 1478 г. нарушил дававшиеся им ранее обязательства (следует отметить, что реально, договор или другой документ, подтверждающий это, до сих пор не обнаружен)⁴⁹⁵ и овладел престолом Крымского ханства без благословления на то Мехмеда II.

Известие о побеге Менгли I Гирея из Кефе вызвала панику среди его противников. Нур-Девлет и Аайдер, бежали в Литву (затем они перешли на службу к Великому князю Ивану III). Вскоре, если не раньше, как считают некоторые исследователи, их примеру последовал и Джанибек (*Григорьев*, 1987, с.55-77; *Некрасов*, 1990, с.47-51). Иософат Барбаро не сообщает даты побега Менгли I Гирея из Кефе. Многие исследователи полагают, что повторное восшествие Менгли I Гирея на престол Крымского ханства (уже в качестве ставленника и вассала Мехмеда II) произошло в конце 1478 г. (*Некрасов*, 1990, с. 51). Данное заключение основывается на том, что в

⁴⁹⁵ Илья Зайцев кратко замечает «в 1475 г. османы захватили Южный берег Крымского полуострова и заключили с крымскими Чингизидами некое вассально-протекторатное соглашение (выделено мной – В.М.)» (*Зайцев*, 2014, с.101). Однако автор не приводит каких-либо доказательств существования вассально-протекторатного соглашения.

декабре 1478 г. в Москву к Ивану III (1462-1505) прибыли два посла от Менгли I Гирея, известившие о занятии им престола и желании хана возобновить прежнюю дружбу с Великим князем (*Сборник РИО*, Т.41, с.15). С подобным предложением Менгли I Гирей обращается и к королю Казимиру IV (1447-1492). Переговоры и обмен посольствами проходят успешно и уже летом 1480 г. король получает грамоту о союзе и дружбе (*Литовская Метрика*, 1910, Т.27, с.329-333)⁴⁹⁶. Вместе с тем, имеющиеся монеты Менгли I Гирея с датой 882 г.х. (15.04.1477- 3.04.1478 г.) указывают на то, что повторно Менгли I Гирей стал ханом (и возобновил чеканку монет со своим именем) не позднее начала апреля 1478 г., т.к. с 4 апреля (в воскресенье) начинался 883 г.х. (4.04.1478-24.03.1479 гг.).

Дальнейшие политические события в Северном и Северо-Восточном Причерноморье развивались следующим образом. В начале 1479 г. адыгские князья подняли восстание, в результате которого оказались захваченными крепости Копа и Анапа. Мехмед II весной-летом 1479 г. направляет на Таманский п-ов карательную экспедицию. Османам удалось довольно быстро вернуть под власть султана завоёванные в 1475 г. Гедык-Ахмет-пашой укрепления. Пленённое во время подавления восстания население почти полностью было продано в рабство (*Некрасов*, 1990, с.52-53).

Какие-либо свидетельства о причастности Менгли I Гирея к событиям 1479 г. на Северо-Западном Кавказе не известны. Но весьма показательны то, что письмо Мехмеду II он отправляет 18 сентября 1479 г., когда стало известно о разгроме восстания адыгских князей. Послание хана наполнено ни к чему не обязывающими любезностями и благодарностями за оказанную ему ранее султаном милость (*Kurtoglu*, 1937, s.650-651). Но, как заметил А.М.Некрасов, Менгли I Гирей и в дальнейшем имел возможность неоднократно демонстрировать не только хитрость и изворотливость, но также и свои незаурядные дипломатические способности (*Некрасов*, 1990,

⁴⁹⁶ Однако обязательства хана о приязни и братстве не мешают ему в 1480 г. совершить кратковременный набег на Подолию, а в 1482 г. разорить Киев.

с.51). Истинное отношение к своему покровителю Менгли I Гирей проявил после смерти Мехмеда II (3 мая 1481 г.), когда между его сыновьями разворачивается борьба за султанский престол (*Иналджик*, 1998, с.40-41). В этот момент в Северном Причерноморье складывается благоприятная политическая обстановка для восстановления генуэзского присутствия на полуострове. Через находившегося при дворе польского короля Андреоло ди Гваско, Менгли I Гирей сообщал в Геную об антиосманских настроениях среди мусульманского и христианского населения Крыма. Правительство Генуи намеревалось примкнуть к коалиции европейских государств, собиравшихся объединёнными силами выступить против Османской Порты, направило в бывшую Генуэзскую Газарию двух агентов – Лодизио Фиески и Бартоломео Фрегоза – для агитации и подготовки антитурецкого восстания. Обратившись к Менгли I Гирею с просьбой об аудиенции, чтобы в личной беседе открыть старинному другу Генуи тайные планы своего правительства: послать к берегам Газарии флот и сухопутное войско, они получили от хана положительный ответ (письмо было написано на греческом языке 30 декабря 1481 г.) (*Grasso*, 1879, p.321; *Heyd*, 1885, II, p.406-407; *Гулевич, Джанов*, 2019, с.318-332).

Кроме поддержки христианского населения бывших факторий Лигурийской Республики в Газарии, Фиески и Фрегоза рассчитывали на выступление адыгских князей, среди которых находились и 180 семей их соотечественников, а также некие князья из Готии собранные Захарией Гизольфи (*Зевакин, Пенчко*, 1938, с.128-129). Сигналом к восстанию должно было послужить появление генуэзского флота у побережья Крыма. Но этого так и не произошло и, по образному выражению В.Гейда, «великие планы коалиции христианских держав исчезли в тумане благих пожеланий» (*Heyd*, 1885, II, p.407)⁴⁹⁷. В связи с рассматриваемой темой особый интерес

⁴⁹⁷ На то, что генуэзцы ещё долгое время не оставляли своих планов вернуться в Каффу и Газарию указывает письмо дожа Генуи Антонио II Адорно, написанное в 1527 г. хану Саадету I Гирею (1524-1532). В нём говорится о желании генуэзцев открыть на побережье Крыма торговую факторию (*Musso*, 1981, p.199-204).

представляет рассказ Иософата Барбаро о том, как проводилось крымскими татарами состязание по стрельбе из лука: «В этих местах состязания происходят следующим образом. К деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянных столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечёвке серебряную чашу. Состязающиеся за приз стрелки имеют стрелы с железной частью в виде полумесяца с острыми краями. Всадники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют её, причём лошадь продолжает нестись в том же направлении, - оборачиваются назад и стреляют в бечёвку; тот, кто, срезав её, сбросит чашу, выигрывает приз» (*Барбаро*, 1971, с.155-156)⁴⁹⁸. По всей видимости, состязания по стрельбе из лука, во время которых и удалось Менгли I Гирею бежать из под стражи, были приурочены к празднованию важнейшего календарного праздника – *Наврюза* - Нового года, отмечавшегося крымскими татарами с наступлением весеннего равноденствия (21 марта)⁴⁹⁹.

Представленный материал позволяет следующим образом гипотетически реконструировать события, происходившие в Крыму в середине 1475 – 1478 гг. и сделать следующие выводы. Во время захвата османами Каффы (6 июня 1475 г.) Менгли I Гирей был арестован и находился под стражей. На престол Крымского юрта второй раз взошёл его старший брат Нур-Девлет, который до этого несколько лет содержался генуэзцами в одной из башен Сугдеи. Наиболее доверенным лицом Мехмеда II среди представителей элиты Крымского ханства в 1475 г. становится глава рода Ширин – Эминек, поднявший мятеж против Менгли I Гирея и оказавший помощь Гедык-

⁴⁹⁸ Не вызывает сомнений, что в рассказе Барбаро речь идёт о тренировочно-соревновательной стрельбе из лука, получившей название «Парфянский выстрел». Этот тактический приём применялся многими конными лучниками народов Евразии: скифами, хунну, тюркютами, монголами и др. Археологам также хорошо известны специальные «двурогие» наконечники стрел или наконечники с полукруглой формой лезвия. Они составляют в позднекочевнических захоронениях относительно небольшое количество от общего числа – 1,6-3,2% (*Иванов*, 2020, с.254-255, типы BVІ и BVXVI, рис.1,9-11). Ещё реже в ходе раскопок удаётся найти сосуд из драгоценного металла с весьма специфическими повреждениями, нанесёнными двурогими наконечниками стрел. Их использовали для перерезания бичевы (шнура) с закреплённым на ней сосудом.

⁴⁹⁹ Более подробно о календарных праздниках и обрядах крымских татар (*Рославцева*, 2003, с.307-310).

Ахмед-паше в захвате Каффы. Свергнутый Эминеком Менгли I Гирей и смещённый со своей должности тудун Кампаньи Сейтак из рода Ширин были отправлены в Стамбул, где они находились под арестом до 1478 г. На протяжении 1475–1477 гг. в Крымском ханстве наблюдается дестабилизация политической обстановки, когда у Нур-Девлета престол пытаются отвоевать его брат Айдер, а также представители Большой Орды Джанибек и Ахмад. Занять престол Крымского ханства на короткое время удается Джанибеку в 1476 г., но он вскоре теряет власть и был вынужден бежать в Москву. Эминек, оказавшись неспособным управлять Крымским юртом через Нур-Девлета, просит Мехмеда II прислать в качестве пленника в Кефе Менгли I Гирея. Чтобы сделать османов более сговорчивыми в выполнении его просьбы, Эминек препятствует доставке продовольствия в город. После возвращения Менгли I Гирея в Кефе в конце 1477 г. или начале 1478 г. прекращаются столкновения между Нур-Девлетом и Айдером, в османский город поступает необходимое количество продовольствия. Установившаяся идиллия мнимого политического затишья не устраивает Менгли I Гирея и он совершает побег из под стражи. Это происходит во время состязаний по стрельбе из лука, приуроченных, вероятнее всего, к празднованию мусульманами Крыма *навнуза* – Нового года, отмечавшегося с наступлением весеннего равноденствия – 21 марта. В сопровождении сотни всадников Менгли I Гирей отправляется в Солхат, где якобы по его приказу убивают Эминек. Очевидно, тогда же главы татарских родов провозглашают Менгли I Гирея во второй раз ханом Крымского юрта. Данная версия событий устраивает далеко не всех исследователей. Но стоит ли без детального анализа отвергать версию, изложенную в рассказе Иософата Барбаро, как это делает В.П.Гулевич (*Гулевич*, 2018, с.314) и последовательно придерживаться версии сложившейся в крымской и османской историографии к XVIII в.? Вероятнее всего, реальная история повторного восхождения Менгли I Гирея на ханский престол в 1478 г., может оказаться чем-то средним между двумя версиями. Основные участники событий (Мехмед II, Менгли I Гирей и

Эминек), как в Стамбуле, так и в Крыму, явно преследовали свои цели. В итоге каждый мог считать, что всё случившееся в 1478 г. произошло по его намеченному плану. Третьей версией может оказаться интрига с побегом Менгли I Гирея из Кефе во время соревнований всадников по стрельбе из лука, задуманная и реализованная османами, когда они визуальнo оставались в стороне от произошедшего побега и насильственного захвата власти. Как мне кажется, на это может указывать письмо, написанное Менгли I Гиреем Мехмеду II 5 мая 1478 г.: «Извещаю тебя, мой султан, по прибытию в сию страну по приказу, сия страна не была таковой, как мы её ныне видим. Пребывала она в упадке и разрухе. Но от той разрухи страны и следа не осталось... Ваш слуга, Менгли Гирей» (*Özyetgin, 1996, s.126-127*)⁵⁰⁰. Но могли Мехмед II доверять Менгли I Гирею, если даже побег из Кефе был постановочным и организован османами (в сговоре с Эминеком) по согласованию с Мехмедом II? Конечно, нет и об этом красноречиво свидетельствует активное участие Менгли I Гирея в подготовке антиосманского восстания (мятежа) в 1481 г. (*Гулевич, 2016, с.347-359*). О настроении и желании Менгли I Гирея изгнать из Крыма османов не мог не знать Эминек. В том случае, если он ещё был к этому времени жив⁵⁰¹, Эминек должен был предпринять какие-то контрмеры, но нам об этом ничего не известно. О том, что повторное воцарение Менгли I Гирея произошло с 21 марта до 3 апреля 1478 г. указывают находки его монет с датой 882 г. х., так как с 4 апреля начинался 883 г. х. (4.04.1478–24.03.1479 гг.). При этом монеты были чеканены в городе «Крым». О том, что дата 21 марта занимала особое знаковое место в судьбе Менгли I Гирея может указывать то, что именно к этому времени в 1501 г. ханом было приурочено завершение возведения дюрбе Хаджи Гирея (рис.497-498)⁵⁰². Имеющиеся в

⁵⁰⁰ Х.Иналджик на основании содержания этого письма пришёл к выводу, что Менгли Гирей был выслан из Стамбула в Крым весной (*Иналджик, 2014, с.165-166*).

⁵⁰¹ Предположительно он умер в 1482 г. (*Гёнциль, 2017, с.816*).

⁵⁰² В.Н.Тимченко, на основании уточнённого им перевода посвященной надписи «тач капы» пришёл к заключению, что Менгли Гирей приурочил завершение строительства мавзолея к финалу месяца шевалле 907 г.х. (=20 февраля - 21 марта 1501 г.) и к празднованию Навруза (*Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с.147*).

нашем распоряжении источники пока позволяют исключить бытующее в научной литературе суждение о том, что Менгли I Гирей был повторно возведён на престол в 1478 г. османами и стал вассалом Мехмеда II. На протяжении всего своего долгого повторного правления Крымским ханством (1478-1515) Менгли I Гирей неоднократно демонстрировал гибкую независимость своих внешнеполитических и внутривосточных действий от пожеланий османов.

Остаётся не решённым вопрос о вассальной зависимости Крымского ханства от Османской империи, т.к. до настоящего времени не обнаружены подтверждающие этот статус Крыма документы (*Иналджик*, 2013, с.147-163; 2013а, с.113-127; 2014, с.163-173). Вполне убедительным является заключение И.В.Зайцева, что «с точки зрения исламской теории власти крымские ханы являлись независимыми и суверенными монархами» (*Зайцев*, 2010, с.296). Поэтому более корректным будет считать характер отношений двух держав, как политическое партнёрство, в котором Османская империя играла роль *старшего партнёра*, а Крымское ханство – *младшего*.

Выводы: Письменные свидетельства оставили множество белых пятен и вопросов, касающихся периода 1475-1480-х гг. Заполнить лакуны позволяют археологические исследования, проведённые в Крыму за последние годы. Особенно это касается Мангупа-Феодоро, Сугдеи, Чембало, Каламиты, Фуны, Алушты, средневековых памятников Южного бережья, на которых выявлены следы тотальных пожаров и разрушений вызванных османскими погромами 1475 г. В слоях пожаров обнаружены кладовые комплексы, отдельные раритетные артефакты в виде золотых и серебряных крестов, колец, серёг, перстней с родовыми гербами, разнообразные предметы, указывающие на широкую географию их происхождения – от мастерских Валенсии на западе, до Китая на востоке, а также высокохудожественных керамических изделий из османского Изника на юге. Свидетельства археологических источников позволяют составить объективное

представление о ходе завоевания поселений, городов и замков Генуи, а также Феодоро на протяжении второй половины 1475 г. После этого Крым на три столетия вошёл в орбиту политического, культурного, конфессионального и экономического доминирования Османской империи. 1475 г. стал последней страницей в истории княжества Феодоро. Несмотря на усилия исследователей, финальный этап существования этого государства и правящего в Феодоро рода, представляет собой множество не разрешённых вопросов. В литературе представлено четыре версии развития событий, связанных с судьбой Исаака и его брата Александра. Письменные источники позволяют предполагать, что Исаак в 1474 г., стремясь избежать столкновения с турками, признал Мехмеда II своим сюзереном и обязался выплачивать дань. Против его действий выступил Александр, вынужденный бежать к Стефану III, стремясь в Молдавии найти поддержку в овладении отцовским наследием. Попытка господаря привлечь на свою сторону генуэзцев в решении возникшего в Феодоро семейного конфликта, не увенчалась успехом. Насильственное свержение с престола и убийство в 1475 г. законного правителя, вассала Мехмеда II, дало туркам повод вмешаться в династическую борьбу за власть в Феодоро.

В мае 1475 г. в порту Константинополя был собран флот, состоявший из 300, 370 или даже 500 судов семи типов. Среди них было 208 галер и 4 галеаса. Мехмед II, для завоевания Каффы и Феодоро, направил лучшие войска во главе с великим визирем (1474-1477) Гедык-Ахмет-пашой. Реальная численность турецких войск не установлена. Предполагают, что османов было 20–40 тыс. человек. Турецкий историк XV в. Ашик-Паша-Заде сообщает, что на 300 кораблях, снаряжённых Ахмед-пашой, находилось 70 тысяч воинов. В экспедиционный корпус входили наиболее боеспособные части османской армии: 6 тыс. янычар; 10 тыс. азабов, войнуков и джерихоров (легкая кавалерия, пехота, саперы и артиллеристы); 3 тыс. сипагов. 31 мая флот османов подошёл к Каффе. На следующий день войско приступило к осаде города. Начав обстрел внешней линии обороны 2

июня, туркам к 4 июня удалось разрушить часть передовой стены (протейхизмы). Это вызвало панику среди жителей Каффы: горожане, в основном греки и армяне, восстали против латинян и 6 июня Каффа – сильнейшая крепость Причерноморья – капитулировала. Действия османов активно поддержала часть татар, возглавляемая ширинским беком Эминекком. Менгли I Гирей был вынужден со своими сторонниками (1500 человек) укрыться за стенами Каффы. После сдачи города он оказался в плену и был отправлен в Константинополь. На этом легкие победы великого визиря в Крыму закончились. В течение нескольких месяцев туркам пришлось брать штурмом или осадой города и замки Готии. Об этом свидетельствуют слои тотальных пожаров и разрушений XV в., обнаруженные в ходе археологических раскопок Алушты, Фуны, Гурзуфа, Симеиза, Каламиты, Бойки, Керменчика, Сандык-Кая, Чембало и других укреплений. Первой крепостью феодоритов, захваченной турками, стала Каламита. Особенно трудным делом для Гедык-Ахмет-паши оказалось завоевание Феодоро. Его столицу захватили только после продолжительной осады. Благодаря исследованиям крепостного ансамбля Мангупа, удалось воссоздать не только ход осады, но и направления предпринимавшихся штурмов города. Мангуп постоянно обстреливался турками из осадных орудий большого калибра с диаметром стволов 35 и 40 см и, соответственно, каменными ядрами весом 56 и 86 кг. В течение трёх месяцев Феодоро был полностью блокирован. В это время в нём находилось около 15 тыс. человек. Гедык-Ахмет-паша в июле провёл пять неудачных штурмов крепости и передал командование армией Загараджи (Диагаржу) Якуб-бею, флабуларио (начальнику войск, коменданту) города Галлиполя (в Дарданеллах). Якуб-бею, после долгой осады, удалось захватить город Феодоро, применив тактическую хитрость. Командующий турецкой армией создал видимость поспешного отхода войск и снятия блокады. Когда осаждённые вышли из крепости и напали на арьергард турок, их атаковали из засады янычары и сипаги, оставленные для этой цели. Отрезав защитникам Феодоро путь к отступлению, турки

ворвались в город. Князь Александр, руководивший обороной, попытался применить тактику, неоднократно использованную и приносящую успех Стефану III в войнах с турками. Преследуя отступающего противника, господарь громил его арьергарды, добиваясь побед. Но этот опыт, очевидно, учёл и Загараджи Якуб-бей. Ему удалось выманить защитников Феодоро ложным отступлением за стены города и уничтожить в открытом бою, о чём и повествует турецкий историк XVI в. Саад-эд-дин.

После взятия Феодоро всех знатных особ, захваченных в плен, отправили в Константинополь. Александр, не был казнён после его доставки в столицу османов. Генуэзец Антонио Бонфилио, писал из Перы 20 мая 1476 г., что приехавший из Молдавии в Константинополь посол хлопотал об освобождении господина Феодоро – родственника господаря Валахии и других господ Готии. За освобождение Александра Стефан III готов был выплатить Мехмеду II дань в размере 3 тыс. венецианских дукатов. Но послу отказали, и Александр был казнён. Судьба оставшихся представителей княжеского рода сложилась по-разному: женщины попали в гарем, а юноши, приняв ислам, служили при дворе султана, выполняя различные дипломатические поручения. Деятельность двоих из них (Александра и Мануила) оказалась связанной с историей Московского государства XVI в., куда они приезжали из Константинополя в качестве послов.

Трагически завершилась жизнь сестры Исаака и Александра Марии. Неудачи в борьбе за Валахию, захват Феодоро и Готии османами, гибель Александра и тяжёлая война с Мехмедом II в 1476 г. развеяли иллюзии господаря Молдавии овладеть престолом Константинополя. Брачный союз с Марией Палеологиней Асаниной, служивший основой прежних династических притязаний, утрачивал свою актуальность. Охладев к Марии из Феодоро, Стефан сошёлся с пленённой дочерью господаря Валахии Марией, которая стала в 1478 г. его женой. Мангупская княжна некоторое время провела в уединении и скончалась 19 декабря 1477 г. Мария погребена в наосе храма монастыря Путны. Здесь хранится шёлковая красная пелена,

покрывавшая гроб усопшей. По её краю на старославянском языке вышита надпись: «В год 6985, декабря 19 дня испустила свой последний вздох благочестивая раба божья Мария, супруга благочестивого Стефана Воеводы, правящего господаря Молдавии, сына Богдана Воеводы». По краям покрыва помещены монограммы самой Марии Асанины, двуглавые коронованные орлы и монограммы Палеологов. Центральную часть занимает выполненное в серо-голубых тонах изображение увенчанной короной княжны, облачённой в парадное придворное одеяние.

В историографии продолжает доминировать мнение, что Менгли I Гирей, попав в плен при взятии турками Каффы, был освобождён в 1478 г. и вновь возведён на престол султаном Мехмедом II, но уже в качестве вассала Порты. При исчерпывающей полноте проделанного учёными изучения письменных источников касающихся рассматриваемой темы, вне их внимания оставалось свидетельство Иософата Барбаро. Совершив в 1473-1478 гг. путешествие в Персию он, в качестве посла Венецианской республики, долгое время находился в Тебризе, где встречался с генуэзцами Андреоло и Пьетро ди Гваско. Со слов Андреоло Барбаро рассказывает о перипетиях судьбы Менгли I Гирея, которого по просьбе ширинского бека Эминика турки (после трёхлетнего пребывания в Константинополе) доставили в Кефе. Здесь он находился под стражей и мог передвигаться только во внутренних пределах городских стен. Вскоре Менгли I Гирей смог бежать из-под стражи во время устроенных за пределами городских стен состязаний по стрельбе из лука. После побега со своими сторонниками Менгли I Гирей направляется в Солхат, где они якобы убивают Эминика.

Монеты Менгли I Гирея с датой чекана 882 г.х. (=15.04.1477 – 3.04.1478 гг.) указывают на то, что повторно он стал ханом и возобновил чеканку монет в городе *Крым* не позднее 4 апреля 1478 г., т.к. с этого дня (в воскресенье) начинался 883 г.х. (=4.04.1478 – 24.03.1479 гг.). Состязания по стрельбе из лука, во время которых Менгли I Гирею удалось бежать из-под стражи, вероятно, были приурочены к празднованию *навруза* – нового года,

отмечавшегося татарами с наступлением весеннего равноденствия (21 марта). Если мои расчеты верны, то чеканка монет Менгли I Гирея с датой 882 г.х. могла быть произведена в пределах от 21 марта – до 3 апреля 1478 г. Данную дату – 21 марта – встречаем ещё раз в жизненной истории Менгли I Гирея. В этот день в 1501 г. завершается строительство дюрбе Хаджи Гирея, что, очевидно, не являлось случайностью.

Известие о побеге Менгли I Гирея из Кефе, вызвало панику среди его противников: Нур-Девлет и Айдер бежали в Литву (затем они перешли на службу к Великому князю Ивану III). Следовательно, нет достаточных оснований полагать, что Менгли I Гирей был возведён на престол в качестве вассала Мехмеда II, так как он бежал из под стражи и силой захватил власть в Крымском ханстве. Однако Эминек не был в это время физически устранён, как это сообщает Иософат Барбаро. Эминек до 1481 г. продолжал контролировать политические шаги Менгли I Гирея. Об отстранении Эминека от должности и его побеге из Крыма сообщает в своём письме, адресованном генуэзским эмиссарам Бартоломео Кампофрегозо и Лодизио Фьески 30 декабря 1481 г., сам Менгли I Гирей. После этого, видимо, можно поставить точку в политической карьере Эминека, т.к. упоминания о нём на этом прерываются.

Остаётся не решённым вопрос о вассальной зависимости Крымского ханства от Османской империи, т.к. до настоящего времени не обнаружены подтверждающие этот статус Крыма документы. Поэтому следует признать верным заключение, что с точки зрения исламской теории власти крымские ханы являлись независимыми и суверенными монархами. Более корректным будет считать характер отношений двух держав на протяжении 1475-1774 гг., как *политическое партнёрство*, в котором Османская империя играла роль *старшего партнёра*, а Крымское ханство – *младшего*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении представляются общие выводы, отражённые в основном содержании работы. Историография Крыма XIII-XV вв. формировалась на протяжении XVII-начала XXI в. и может быть условно разделена на пять этапов: 1-й - 1690-е - 1850-е гг.; 2-й – 1850-е - 1880-е гг.; 3-й - 1890-е - 1920-е гг.; 4-й – 1920-1970-е гг.; 5-й – 1980-2020-е гг. Для современного этапа характерно комплексное изучение археологических памятников XIII-XV вв. и оперативное издание полученных результатов. До настоящего времени историография средневекового Крыма не обобщена и не получила статус самостоятельной отрасли исторических знаний. Сейчас она представлена разрозненными разработками разных авторов, посвящёнными отдельным и хронологически обособленным темам, памятникам или группам памятников.

Численность археологических экспедиций, работавших на территории полуострова в 1980-2020-е гг. была непостоянной. Если к 1991 г. она достигла пика и составляла 75 экспедиций разного профиля, то к 2009 г. их численность уменьшилась до 22. После 2014 г. расширение издательских возможностей позволяет археологам вводить в научный оборот новые и переиздавать ранее выявленные артефакты и письменные источники. До настоящего времени осуществляется археологическое изучение Херсонеса, Каламиты, Эски-Кермена, Чембало, Мангупа (Феодоро), Сугдеи, Солхата и др.

Археологические исследования последних десятилетий позволили установить, что события XIII–XV вв. нашли выразительное отражение в культурных напластованиях архитектурно-археологических комплексов крымских городов, крепостей, сельских поселений, монастырей, храмов, некрополей и проч. Обнаруженные в ходе археологических раскопок находки свидетельствуют не только о повседневной жизни полиэтничного и поликонфессионального населения, но и о его обширных торгово-экономических связях. Необычайно широка география найденных в Крыму артефактов: они происходят из Китая на востоке и Пиренейского

полуострова на западе; Великого Новгорода на севере и городов Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта на юге.

Несколькими поколениями учёных 1950-2000-х гг. собран объёмный корпус источников, которые в силу своего разнообразия и размеров, а также сложности входящего в их состав материала (предметов материальной и письменной культуры XIII-XV вв.) потребовал особых усилий по его обработке. Опираясь на данные археологических раскопок, исследователи смогли воссоздать историю средневекового Крыма в её материальном воплощении.

Степную и предгорную часть полуострова в XII–XIII вв. занимали половцы. Археологическими раскопками выявлено 63 половецких некрополя с мужскими воинскими и женскими захоронениями. В музеях хранится более двух десятков половецких изваяний, устанавливавшихся на территории родовых святилищ. Оседлое население торговало с кочевниками, а также платило дань ханам половецких орд. Предметы торговли и часть дани отлагались в кочевнических захоронениях в виде высокохудожественных изделий и золотых византийских монет.

На протяжении XIII в. Крым являлся местом экспансии Трапезунда, сельджукидов Рума, монголов, генуэзцев и венецианцев. После 1204 г. византийские владения Таврики, кроме Сугдеи, переходят под протекторат Трапезундской империи. Торгово-ремесленная Сугдея находится под покровительством половцев. В 1217-1222 гг. сельджуки завоевывают Сугдею, а в 1223-1225 гг. пытаются захватить Херсон, но терпят неудачу. Следы военных акций сельджуков в ходе археологических раскопок Сугдеи не выявлены. Ответной реакцией поздневизантийского населения на нападения сельджуков становится возведение в окрестностях Херсона (*Херсакее*) и Климатах Готии не менее 30 сторожевых укреплений. Большинство этих памятников остаются археологически не изученными.

Благодаря археологическим исследованиям установлено пребывание в Херсоне и Сугдее славянского населения. Оно отмечено находками здесь

специфических типов гончарной посуды, русских киотных крестов и энколпионов начала XIII в. изготовленных в мастерских Поднепровья. Данные артефакты (наряду с бытовой керамикой, шиферными пряслицами и славянскими граффити на амфорах) позволяют исследователям говорить о пребывании в поздневизантийской Таврике русского населения, спасавшегося от монгольских погромов в 1230-1240 гг.

Появление на территории Крыма сельджуков, знаменует проникновение на полуостров ислама и отмечено в письменных источниках возведением первых мечетей, к числу которых предположительно относится купольное здание в Сугдее. Мусульманское население Малой Азии приносит с собой новые художественные традиции в культуре, ремесле и строительстве, получившие название *сельджукского стиля*. Этот стиль глубоко укореняется на полуострове и здания с его декоративными компонентами существуют до наших дней: мечеть Узбека (1314 г.) в Старом Крыму; дюрбе Джаникеханым (1437 г.) в Кырк-Йере, дюрбе Хаджи Гирея (1501 г.) в Салачике и др.

Ранняя стадия формирования сельджукской диаспоры (1220-1250-х гг.) отмечена в ходе археологических раскопок обнаружением в Крыму монет сельджукидов Рума, отдельных артефактов из стекла, металла, керамики и единичной находкой свинцовой печати 1249-1258 гг. с изображением двуглавого орла. Древнейшая мечеть в Солхате возведена в 1262/63 г., на средства Бей-Хаджи Умара эль-Бухари, но её местоположение раскопками не установлено. В ходе археологических исследований не удалось получить материалов для убедительной датировки купольной мечети в Судаке.

На существование в Крыму до 1260-х гг. влиятельной сельджукской мусульманской общины указывают целенаправленные действия принявшего ислам хана Берке: 1) в 1265 г. он посылает в Византию войско; 2) освобождает из византийского плена экс-султана Рума Изз-ад-Дина Кей-Кавуса II; 3) предоставляет для содержания его семьи Судак и Солхат; 4) организовывает женитьбу экс-султана на Урбай-хатуни; 5) позволяет переселиться из Анатолии и Балкан в Крым орде тюрок-сельджуков. Вторая

волна заселения сельджуками Крыма оставила глубокий и выразительный след в материальной культуре обитателей полуострова, особенно в архитектуре и эпиграфике.

Археологические исследования и свидетельства письменных источников позволяют установить, что завоевание и включение Крыма в состав Улуса Джучи проходит в три этапа: 1) в 1223 и 1238 гг. совершаются кратковременные набеги; 2) в 1249 г. *чисельниками* производится перепись податного населения; 3) в 1278 г. Ногаем завоёвывается бывшая византийская территория (в основном Херсон и Готия). Следы катастрофических разрушений 1278 г. и гибели населения выявлены в ходе археологических раскопок десятков памятников: городов, крепостей, поселений, монастырей: Херсона, Эски-Кермена, Сюйрени, Тепе-Кермена, Баклы, Алустана, Аю-Дага и др. Следует отметить обнаружение одного кладового комплекса второй половины XIII в. в Херсоне, состоявшего из шести серебряных гривен новгородского типа.

Продолжительные археологические исследования на территории г. Старый Крым позволили воссоздать детальную историческую топографию Солхата. В 1260-гг. идёт формирование столицы Крымского юрта – города Кырыма: в 1263 г. здесь находится наместник хана Берке кипчак Табук, создаётся региональный монетный двор и начинается выпуск (около 1269 г.) монет Менгу-Тимура (1267-1280). Во второй половине XIII в. Кырым (Солхат) развивается как поликонфессиональный и полиэтничный административный центр региона. В 1287 г. в Солхате происходит первый конфликт между мусульманами и католиками, который прекращается в пользу францисканцев благодаря вмешательству монгольской правящей элиты (Ногай и Туда-Менгу). Во время гражданской войны в Орде (1298-1300 гг.) 2/3 населения полуострова поддерживает хана Токту, а 1/3 - Ногай.

В 1270-е гг. – берёт начало латинская (генуэзская и венецианская) колонизация полуострова, хотя венецианцы с 1206 г. посещали порты Крыма. Генуэзцы приступают к строительству Каффы, а венецианцы

обустроиваются в Сугдее, где с 1287 г. находится их консул. Конкурентная борьба между Венецией и Генуей приводит в 1296 г. к их военному столкновению: венецианская эскадра захватывает Каффу. Конфликт завершается в 1299 г. подписанием мирного договора.

Проблемными для исследователей остаются археологические датировки разрушения памятников Крыма в XIII в., о которых свидетельствуют письменные источники. В современной историографии представлено семь вариантов времени и причин гибели византийского Херсона (от 1223-1225 до 1299 гг.). Однако временной предел, после которого произошло это событие (*terminus post quem*), ограничивается свидетельством 1253 г. Гильома де Рубрука о существовании между Херсоном и Сугдеей 40 крепостей (*castrum*) и находками в слоях пожаров Эски-Кермена, Алустана и Южного пригорода Херсона золотых монет никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца (1222-1254) и Феодора II Ласкариса (1254-1258). На ещё более позднюю дату указывает обнаружение в пожаре XIII в. Портового района Херсона и Баклы пулов 1269 г. Туда-Менгу.

Археологическими раскопками установлено, что в результате катастрофических погромов 1278 г. жизнь в некоторых городах Юго-Западного Крыма замирает. Не возрождается в прежних размерах город на плато Эски-Кермена, вероятно, являвшийся центром митрополии Готии. В 1292 г. епархиальный центр Готии переносится на вершину Сотера (*Спаситель*) горного массива Бойка. Здесь митрополитом Софронием (1292-1319) возводится большой крестовокупольный (?) храм, дважды подвергавшийся археологическим исследованиям 1955-1956 и 2008 гг.

После бурных событий XIII в. на полуострове относительно полно сохранилось только два архитектурно-археологических памятника – это купольная мечеть в Судаке и храм Иоанна Предтечи (Св.Георгия) в Керчи. Осуществлённые в 1960-80-х гг. на объектах археологические раскопки оставили спорными датировки, что требует проведения их повторного исследования.

Первый вооружённый конфликт между монголами и генуэзцами (1307-1308 гг.) происходит по надуманной причине (покупка лигурийцами детей кочевников). Токта изгоняет латинян, которые, после восьми месяцев сопротивления, покидая город, сжигают Каффу (20 мая 1308 г.). Слой пожара этого времени в ходе археологических раскопок Каффы пока не выявлен, также как и следы венецианского погрома 1296 г.

Приход к власти Узбека (1313 г.) стимулирует исламизацию региона, возвращение генуэзцев и восстановление Каффы. Археологические раскопки свидетельствуют о доминировании с начала XIV в. мусульманской общины Солхата. В городе возводятся знаковые архитектурные доминанты: мечеть Узбека - 1314 г., медресе 1332/33 г. Инджи-Бей-Хатун и др. В 20-30-е гг. XIV в. происходят конфликты с православным населением Сугдеи, которому запрещается звонить в колокола. К этому времени относится денежно-вещевой клад 1964 г. из пригорода Сугдеи, в который, помимо 21 золотой монеты византийских императоров Михаила VIII, Андроника II совместно с Михаилом IX - 1261 - 1320-е гг.), входил и ордынский золотой браслет с львиными личинами.

Покушение на Узбека и пожар в дворце Алтун-Таш (1339 г.) указывает на скорую смену хана Орды. Генуэзцы чутко реагируют на это событие и начинают строительство каменной цитадели Каффы (1340 г.), ограждая 11 га приморской территории города. Следует отметить, что и князь Иван Калита, дождавшись возвращения сыновей из Орды, осенью-зимой 1339/40 гг. начинает строительство нового кремля Москвы.

Приход к власти Джанибека (1341/42 г.) вскоре приводит к инциденту между латинянами и ордынцами в Азаке (1343 г.). Кризис Таны 1343 г. является прелюдией второй войны между татарами и генуэзцами (1344-1346 гг.). Джанибек совершает две неудачные попытки овладеть Каффой. Усиление Каффы стимулирует лигурийскую экспансию, что приводит к захвату в 1345 г. Симболона (Чембало) с сельской округой из 10 селений на западной оконечности полуострова. Лигурийцы не успели завершить

создание обоны города и появившиеся татары сжигают Чембало. Следы погрома 1345 г. выявлены и в Портовом районе Херсона. Археологическими раскопками Чембало изучены ров, вал и донжон, сооружённые генуэзцами в 1340-1350-х гг.

В ходе военной кампании 1346 г. в Крыму появляется *Чёрная смерть*. Её рецидивы отмечаются до 50-60-х гг. XIV в. Гибель Джанибека (1357 г.), а затем Бердибека (1359 г.), приводят к гражданской войне в Орде (1359-1380 гг.). В эпиграфическом источнике 1361/62 г., обнаруженном в ходе археологических раскопок Мангупа, впервые упоминается Феодоро и *почтенная Пойка*. На горном массиве Бойка исследованы руины двух крепостей, заградительные стены на перевалах и крестовокупольный (?) храм Христа Спасителя. Мнимые князья Феодоро и Кырк-Йера второй половины XIV в., созданные воображением учёных второй половины XIX в., продолжают фигурировать в современной историографии. Одним из наиболее ярких комплексов 30-50-х гг. XIV в. является обнаруженный в ходе археологических раскопок Большой базилики Мангупа (2005 г.) серебряный с позолотой парадный сельджукский пояс.

В 1360-х гг. в борьбу за власть в Орде вступает бек Мамай, выдвинувший на ханский престол чингизида Абдуллаха. Потеряв Сарай, он в 1363 г. создаёт ставку (город Орду) в среднем течении Днепра. Борьба за Подолию беков Западного улуса Орды (Кутлугбуга, Хаджибек, Демирбей) приводит к сражению на Синей Воде (1363 г.). После поражения татарские орды отходят к своим зимникам в трёх направлениях. Ольгерд преследует Хаджибека и выдвигается к устью Днепра (*Белобержье*). Приближение литовско-русского войска к границам Крымского улуса вынуждает Кутлуг-Тимура спешно сооружать оборонительный ров вокруг Солхата (1363 г.). Археологические раскопки 2011 г. подтверждают время сооружения рва и дают чёткие параметры его конструкции.

Старший бек Западного улуса Кутлугбуга в 1364 г. подписывает мирный договор с Ольгердом и на протяжении 1364-1367 гг. в городе Янги-Шехр

чеканит монеты хана Абдуллаха, признавая его сюзеренитет. Конфликт Каффы и Солхата в 1365 г. приводит к захвату генуэзцами Солдаи, 18 поселений её округа, приморской Готии и Воспоро. Появление 23 августа 1365 г. орды Мамаю в Крыму, вынуждает Кутлуг-Тимура бежать из Солхата. Известия о нём прерываются, что, видимо, свидетельствует о его гибели. Вероятно, к этому времени (1360-1380-м гг.) относятся три значительных кладовых комплекса: Нейзацкого, Симферопольского и Алуштинского. Важным хронологическим репером Симферопольского клада выступает пайцца хана Кильдибека (1361-1362 гг.). Мамай осуществляет набор 2000 жителей Солхата (?) в своё войско. Среди доверенных лиц Мамаю появляется младший брат Кутлуг-Тимура бек Сары-ака, который героически погибает в 1375 г., выполняя дипломатическую миссию.

Голод и болезни в орде Мамаю (1374-1375 гг.) вынуждают его повторно перебраться в Крым. Во время пребывания на территории полуострова, происходит конфликт Мамаю с генуэзцами. Мамай отбирает у генуэзцев и возвращает наместнику Солхата 18 селений Солдаи, а также приморскую Готию. Куликовская битва (1380 г.) завершается разгромом армии Мамаю. После неудачной попытки организовать сопротивление Тохтамышу, Мамай бежит в Крым и погибает в Каффе. Остаётся не решённой проблема идентификации погребения Мамаю, т.к. не представлена убедительная аргументация принадлежности открытого близ Солхата ордынского захоронения этому беку. Нет также археологических доказательств того, что Мамай построил оборонительные стены Солхата. Например, второй периметр обороны Каффы возводится генуэзцами в годы *Солхатской войны* - 1385-1386 гг., т.е. во время правления Тохтамыша.

В 1380 и 1381 гг. генуэзцы подписывают с правителями Солхата два договора о возвращении им сельских территорий Сугдеи и прибрежной Готии. Новые договорённости не способствуют установлению мира и между сторонами начинается борьба, получившая у лигурийцев название *Солхатской войны* (1385-1386 гг.). На берегу р.Байбуга раскопками открыто

золотоордынское поселение погибшее в пожаре 1380-х гг. Локальный пожар этого времени выявлен в Алуште. Победа Каффы вынуждает наместника Солхата Кутлугбугу к подписанию 12 августа 1387 г. мирного договора с гарантией чеканки качественной монеты.

Материалы археологических исследований позволяют высказать предположение, что строительство крепостных стен Феодоро, Кырк-Йера и Солхата, осуществляется в годы правления Тахтамышша. Войны Тохтамышша с Тамерланом имели для Улуса Джучи катастрофические последствия. После поражения на Тереке 15 апреля 1395 г. орды Таш-Тимура и Актау не возвращаются в Крым, а переправляются через Днепр и уходят в Добруджу. Войска Тамерлана не преследовали этих беглецов и не проникали на территорию полуострова. Поэтому в 1395 г. не состоялся т.н. *Крымский поход Тимура*. Об этом свидетельствуют и многолетние археологические раскопки, не подтверждающие разрушения Тимуром городов Крыма: Солхата, Каффы, Солдайи, Феодоро, Херсона, Алушты и др. В 1401/2 г. Тимур подготовил очередной поход на Золотую Орду, намереваясь проникнуть в Крым, захватить Солхат и Каффу. Об этом свидетельствует переписка Тимура с Баязидом I. Войска Тимура были сосредоточены у Дербента. Однако известие о захвате турками-османами Кемахи, вынудило Тимура изменить направление похода и нанести удар по Анатолии.

Начальный этап правления в Феодоро Алексея I (1411-1446) завершается вооружённым конфликтом феодоритов с генуэзцами (1422-1423 гг.). Длительный голод в Газарии (1420-1423 гг.) побуждает администрацию Каффы начать чеканку монет. В 1423 г. происходит кратковременный захват Чембало феодоритами. Но Каффа в то время, видимо, смогла материально заинтересовать Алексея I и купить его «миролюбие», подписав с ним в 1424 г. договор. Князь Феодоро и наместник Солхата возобновили поставки продовольствия в фактории Генуэзской Газарии.

Археологические исследования показали, что в 1424-1433 гг., генуэзцы занимаются усилением оборонительной системы Чембало и Лусты, а

феодориты - Каламиты и Фуны. На фоне не прекращающейся борьбы в Орде, в Крыму появляется *император Солхата* Бек Суфи (1419-1421 гг.). Время его правления служит примером первой попытки создания местной татарской элитой из Крымского юрта самостоятельного государства.

Поставки продовольствия из Феодоро в Каффу дают возможность Алексею I и митрополиту Дамиану накопить средства для осуществления необычайного по масштабам оборонительного, культового и гражданского строительства. Следы строительства 1420-х гг. выявлены археологическими раскопками в Каламите, Феодоро, Партените, Фуне. Кроме того, Алексей I становится членом православного Братства Святого Гроба Господнего, о чём свидетельствует появление монограммы Алексея в сочетании с монограммой *Тафос* и коронованного двуглавого орла на надписях 1425 и 1427 гг.

Вторая война между Каффой и Феодоро 1433-1441 гг. началась с мятежа в Чембало (конец февраля 1433 г.) и захвата Алексеем I приморской Готии. Неудачные попытки генуэзцев вернуть факторию вынудили направить в Крым в 1434 г. экспедицию Карло Ломеллини. Быстрое отвоевание Чембало и покорение приморской Готии закончилось неудачным походом на Солхат (22 июня 1434 г.) и разгром генуэзского воинства у селения Карагоз. Археологическими раскопками установлено, что войско Карло Ломеллини оставило следы пожаров и разрушений 1434 г. в Чембало, Каламите и Готии (крепость Фуна). После выкупа пленных и подписания мирного договора поредевшая армада Карло Ломеллини возвратилась в Геную. Между Каффой и Феодоро мирный договор был подписан осенью 1441 г.

Смерть Алексея I (1446 г.) совпадает по времени с нападением флота Трапезунда на Каффу. Деспот Давид, после погрома в порту Каффы, направляет трапезундский флот в Каламиту. Затем он посещает Феодоро, где встречается с сыновьями покойного Алексея I. Правителем Феодоро с этого времени и до 1458 г. источники называют Олобо - среднего сына Алексея I, ставшего соправителем отца в 1433/34 г.

Завоевание 29 мая 1453 г. Мехмедом II Константинополя создаёт значительные трудности для прохода через Босфор латинских кораблей. Генуя вынуждена продать черноморские фактории Банку Св.Георгия. Протекторы пытаются наладить коммерцию, организывают чеканку монеты с гербом Банка, ремонтируют оборонительные сооружения городов и замков, осуществляют административную реформу. Следы этих работ выявлены в ходе археологических раскопок Чембало, Лусты, Сугдеи, Каффы. Организованные Генуей посольства к Мехмеду II, завершаются договорами о выплате османам дани. Возникший союз Хаджи Гирея с феодоритами, способствует развитию торговли через порт Каламиты. Крымский хан переносит столицу в Кырк-Йер (1449 г.) и в Салачике строит новый дворец. В ходе археологических раскопок на Кырк-Йере найден камень с датой 1454/55 г. и именем Хаджи Гирея, свидетельствующий о перестройке или восстановлении мечети, возведённой здесь в 1346 г.

Нападение османского флота на Каффу в июле 1454 г. приводит к тому, что генуэзцы вынуждены увеличить выплату дани Хаджи Гирею. Администраторы Каффы предпринимают попытки через Олобо наладить отношения с ханом. Хаджи Гирей соглашается уменьшить собираемую с Каффы дань. Однако торговая война между генуэзцами, татарами и феодоритами в 50-е гг. XV в. не ослабевает.

Результаты археологических исследований и письменные источники на рубеже 50-60-х гг. XV в. фиксируют появление частной лигурийской синьории в Северном Причерноморье. Одним из примеров данного явления служат археологические раскопки замка Гваско в селении Тасили (1459/60-1475 гг.). Ещё более значительные результаты археологических работ показывают, что в это же время феодориты основательно реконструируют цитадель Феодоро и замок у селения Фуна (1459 г.).

Смерть Хаджи Гирея 25 августа 1466 г. вызвала длительную борьбу за ханский престол в Крыму (1466-1468 гг.). Победителем в этой борьбе,

благодаря активной протекции генуэзцев, стал Менгли I Гирей (1468-1475, 1478-1515).

Правление князя Исаака (1465-1475 гг.) отмечено сближением политических позиций Каффы и Феодоро. В историографии конца XIX – первой трети XX вв. сложилось мнение, что Исаак поддался уговорам генуэзцев и становится «другом турок». Это приводит к внутрисемейному конфликту, в результате которого младший брат Исаака Александр вынужден бежать к Стефану III. В конечном итоге интриги господаря Молдавии против Исаака приводят к его гибели. Александр весной 1475 г. возвращается в Феодоро с отрядом из 300 *валахов* и занимает престол в Феодоро.

В начале 1475 г. Мехмедом II скрытно готовится завоевание Генуэзской Газарии и Феодоро. Перед появлением турецкого флота Ширин Эминек поднимает мятеж и Менгли I Гирей находит убежище в Каффе. Гедык-Ахмет-паша 6 июня 1475 г. принимает капитуляцию генуэзских официалов Каффы. Менгли I Гирей оказывается в османском плену и его отправляют в Константинополь. Старший сын Хаджи Гирея Нур-Девлет освобождается из заключения в Сугдее и становится ханом.

Археологическое исследование эспланады Мангупа позволило получить детальное представление о ходе осады города турками. Гедык-Ахмет-паша предпринимает пять неудачных штурмов Феодоро (июль 1475 г.). В это время османы также были заняты захватом городов, замков Готии и Генуэзской Газарии. При археологическом исследовании Алушты, Сугдеи, Фуны, Симеиза, Партенита, Чембало, Каламиты, Мангупа и др. выявлены следы пожаров, сопровождаемые артефактами последней трети XV в. Продвижение османов по побережью Готии также отмечено серией кладовых комплексов обнаруженных при археологических раскопках в цитадели Лусты (Алушты), монастыре бухты Панаир, а также в селении Ай-Василь.

Гедык-Ахмет-паша передаёт командование Загараджи Якуб-бею и отправляется в Адрианополь. Якуб-бею удаётся захватить город Феодоро,

применив тактическую хитрость: османы организовали ложное отступление, что побудило феодоритов выйти из крепости и напасть на турецкий арьергад. В это время из засады на них напали османы, отрезав отступающим дорогу в город. Последний князь Феодоро Александр был схвачен турками и со своей семьёй доставлен в Константинополь, где содержался в тюрьме. Молдавский господарь Стефан III предпринимает неудачную попытку выкупить Александра из плена, но князь Феодоро был казнён (1476 г.).

Неурядицы в Крымском ханстве приводят к краткому правлению (1476 г.) очередного чингизида – Джанибека. Нур-Девлет возвращает себе престол, но его борьба с Айдером создаёт условия для длительной политической нестабильности в ханстве. Интриги Ширина Эминек создают трудности с поставками продовольствия в османскую Кефе. Эминек просит Мехмеда II прислать Менгли Гирея в Крым и содержать его в Кефе под стражей. Менгли Гирей, оказавшись в Кефе, во время празднования мусульманами нового года (*навруза*) 21 марта 1478 г., совершает побег и захватывает Солхат. Повторное восхождение Менгли I Гирея (1478-1515) на трон, происходит 21 марта – 3 апреля 1478 г. Об этом свидетельствует наличие монет, чеканенных в городе Крым в 882 г.х. Данную дату – 21 марта – встречаем ещё раз в истории Менгли I Гирея. В этот день в 1501 г. завершается строительство дюрбе Хаджи Гирея, что, очевидно, не являлось случайностью.

В действиях Менгли I Гирея весной 1478 г. отсутствуют признаки реального участия Мехмеда II в его возведении на престол. Об антиосманской политической ориентации Менгли I Гирея свидетельствует его активная деятельность по подготовке в 1481 г. антитурецкого мятежа. В конце 1481 г. Менгли I Гирей окончательно избавляется от опеки Эминек, вынужденного бежать за пределы полуострова, после чего он, по-видимому, погибает, т.к. сведения о нём прерываются.

Остаётся не решённым вопрос о вассальной зависимости Крымского ханства от Османской империи, т.к. до настоящего времени не обнаружены

подтверждающие этот статус Крыма документы. Поэтому следует признать верным заключение, что с точки зрения исламской теории власти крымские ханы являлись независимыми и суверенными монархами. Более корректным будет определять характер отношений двух держав на протяжении 1475-1774 гг., как *политическое партнёрство*, в котором Османская империя играла роль *старшего партнёра*, а Крымское ханство – *младшего*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Архив (чертежный) А.Л.Бертъе-Делагарда // Архив КРКМ. – 1899. - Оп. 5.- д. 68. - 55 л.

Архив (фотоархив) А.Л.Бертъе-Делагарда // Архив КРКМ. - 1889. - Оп. 5. - д. 89.

Архив Института археологии Крыма РАН. Стенограмма объединённой научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма 23-25 мая 1952 г., л.1-346.

Барсамов Н.С. Разведки в Феодосийском районе от Феодосии до Алушинского района в 1926 г. Экспедиция в Оттузы в 1927 - 1928 гг. Разведочные раскопки на Коктебельском городище в 1929 - 1931 гг. /Н.С.Барсамов// Архив ИИМК РАН. - 1938, ф. 35, оп. 1, д. 212. - 33 л.

Борисов В.Н. Средневековое укрепление Чобан-Куле (Материалы натурального исследования памятника 1970 г.)/В.Н.Борисов// Архив инспекции охраны памятников архитектуры Крымоблисполкома. - Симферополь, 1971. - охр. № 283. - 43 л.

Браун Ф.А. Отчёт и другие материалы о раскопках на Мангупе в 1890 г. /Ф.А.Браун// Архив ИИМК РАН. - 1891, ф. 1, № 40. - 23 л.

Веймарн Е.В. Отчёт о полевых разведочных работах 1948 г. Бахчисарайского Горного отряда Тавро-Скифской экспедиции Крымской научно-исследовательской базы АН СССР/Е.В.Веймарн// Архив ИА Кр. РАН. - 1949, инв. № 2г. - 19 с.

Веймарн Е.В. К вопросу о периодизации истории феодальных отношений в Крыму /Е.В.Веймарн //НА ФГБУН «ИАК РАН», 1955, №94.- 89 с.,ил.

Веймарн Е.В., Иванов Л.И. Отчёт о работе Мангупского отряда Крымской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР в 1974 году /Е.В.Веймарн, Л.И.Иванов// Архив ИА Кр.РАН. -П-ка № 72, инв. А-25. - 51 с.

Домбровский О.И. Отчёт об археологической разведке в районах горного Крыма в 1956 г. /О.И.Домбровский// НА ФГБУН «ИАК РАН», инв. №28, п.58. Симферополь, 1956. - 10 с.

[Зуев В.Ф.] «Выписка из путевых заметок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года»// Месяцеслов исторический и географический на 1783 год /Академия наук. – СПб., б/г. – С.122-169.

Иванов Л.И. Полевой дневник раскопок Мангупского дворца в 1974 г./Л.И.Иванов//НА ФГБУН «ИАК РАН». Пап-ка №72, инв.№А-25.

Кирилко В.П. Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна близ с. Лучистое в 1995 г. /В.П.Кирилко// НА ФГБУН «ИАК РАН). №445. П-ка. 795. - 75 с. + 48 рис.

Лепер Р.Хр. О продолжении археологических изысканий в Херсонесе и в Мангуп-Кале в 1913 году Р.Хр.Лепер// Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. - 80 л.

Лопушинская Е.И., Пахомов В.И. Обмерные чертежи цитадели крепости Мангуп (после зачисток 1976 г.) /Е.И.Лопушинская, В.И.Пахомов // Архив Института "Укрпроектреставрация". - Киев, 1977. - 4 л.

[Кеппен П.И.]. *Материалы* для ближайшего познания горной части Крыма: Путевые заметки П.И.Кеппена / П.И.Кеппен //СПБФА РАН. [1834].Ф.30. - Оп.1.Д.344.

Козлов В.Ф., Смирнова А.Г. Документальные материалы по культурному наследию Крыма в ГАРФ 1920-1930-е гг.: аннотированный архивный справочник [электронное издание] /В.Ф.Козлов, А.Г.Смирнова: Российский НИИ культурного наследия им.Д.С.Лихачёва.–М.:Ин-т наследия,2021.-180 с.: ил.

Кулаковский Ю.А. О раскопках в Крыму в 1895 г./Ю.А.Кулаковский//Архив ИИМК, 1895, ф.1.д.90. – 87 с.:ил.

Кулаковский Ю.А. Об археологических разведках в Крыму в 1896 г. /Ю.А.Кулаковский//Архив ИИМК, 1896, ф.1.д.23. – 23 с.:ил.

Мыц В.Л. Отчёт об археологических разведках в Горном Крыму в 1978 г. В.Л.Мыц // НА ФГУБН «ИАК РАН», инв. № 105/1-6. - 19 с.,ил.

Мыц В.Л. Отчёт об археологических раскопках средневекового укрепления Пампук-Кая в долине р. Бельбек в 1980 г. /В.Л.Мыц// НА ФГБУН «ИАК РАН», 1981. - № 9531. - 12 с.,ил.

Мыц В.Л. Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1980 г. /В.Л.Мыц // НА ФГУБН «ИАК РАН». [1981]- № 168. - П-ка 368. - 41 с. + 63 рис.

Мыц В.Л. Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1981 г. /В.Л.Мыц // НА ФГУБН «ИАК РАН». [1982]. - № 168. П-ка 369. - 13 с. + 63 рис.

Мыц В.Л. Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1982 г. /В.Л.Мыц// НА ФГУБН «ИАК РАН». [1983]. - № 169. П-ка 370. - 50 с. + 122 рис.

Мыц В.Л. Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1983 г. /В.Л.Мыц// НА ФГУБН «ИАК РАН». [1984]- № 170. П-ка 371. - 47 с. + 87 рис.

Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневекового укрепления Фуна в 1984 г. /В.Л.Мыц // НА ФГУБН «ИАК РАН». [1985] - № 231. - П-ка 504. - 32 с. + 57 рис.

Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 г. /В.Л.Мыц // НА ФГУБН «ИАК РАН». [1986]- № 235. - П-ка 513. - 54 с. + 99 рис.

Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1986 г. /В.Л.Мыц // НА ФГУБН «ИАК РАН». [1987] - №236. П-ка 517. - 104 с. + 133 рис.

Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1987 г. //НА ИА НАНУ.№1987/27.

Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1988 г. /В.Л.Мыц //НА ФГУБН «ИАК РАН». - Д.1988/30.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Отчёт о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1990 г. /В.Л.Мыц, С.Б.Адаксина //НА ФГУБН «ИАК РАН». - Д.1990/216.

Мыц В.Л., Кирилко В.П. Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна в 1990 г. /В.Л.Мыц, В.П.Кирилко // НА ФГУБН «ИАК РАН».[1991] - № 281.- П-ка 573. - 110 с. + 139 рис.

Мыц В.Л., Кирилко В.П. Отчёт об археологическом исследовании укрепления, поселения и некрополя Фуны в 1991 г. /В.Л.Мыц, В.П.Кирилко // НА ФГУБН «ИАК РАН». [1992] - № 312. -П-ка 603. - 62 с. + 62 рис.

Мыц В.Л., Кирилко В.П. Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна близ с.Лучистого в 1994 г. /В.Л.Мыц, В.П.Кирилко // НА ФГУБН «ИАК РАН». [1995]- № 345. - П-ка 680. - 89 с. + 55 рис.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П. Отчёт о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г. /В.Л.Мыц, С.Б.Адаксина, В.П.Кирилко// НА ФГУБН «ИАК РАН». [1993] - № 246. - П-ка 545. - 106 с. +78 рис.

Мыц В.Л., Кирилко В.П., Татарцев С.В. Отчёт об археологических исследованиях замка и поселения Чобан-Куле в 1992 г. /В.Л.Мыц, В.П.Кирилко, С.В.Татарцев// НА ФГУБН «ИАК РАН». [1993]- № 248. - П-ка 547. - 54 с. + 75 рис.

Паршина Е.А. Отчёт об археологических исследованиях в урочище Учансу-Исар в 1985 г. /Е.А.Паршина. - Киев,1986/ НА ИА НАНУ. № 21676.- 11 с., ил.

Репников Н.И. Археологическая карта Южного берега Крыма /Н.И.Репников // Архив ИИМК РАН, 1933. ф.10, оп. 1, д. 6. - 107 с.

Репников Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма /Н.И.Репников // Архив ИИМК РАН, ф.10, оп.1, д.10, 1939/40. - 387 л.

Струков Д.М. Отчёт о поездке в Крым в 1871 г./Д.М.Струков // Архив ИИМК РАН, 1872. Ф. 1. Д. 35.

Шмитт Ф.И., Репников Н.И. Памятники истории материальной культуры на берегу Крыма от мыса Айя до Алушты включительно /Ф.И.Шмитт, Н.И.Репников // Архив ИИМК РАН, 1933. ф. 2, оп. 1, д. 118. - 94 с.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Абдулгафар Кырыми. Умдет ал-ахбар.Кн. II. Из истории крымских ханов (правление Хаджи Гирея, Менгли-Гирея, Мухаммад Гирея I и Саадет Гирея I)/ Пер. Н.С.Сетягъев// Золотоордынское обозрение. 2015, №4. - С.207-213.

Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга I: Транскрипция факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage. Вып. 1/Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. ред. И.М.Миргалеев. - Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2017. - 420 с.

Адаксина С.Б. Монастырский комплекс X-XVI вв. на г.Аю-Даг /С.Б.Адаксина. - СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2002. - 116 с.,ил.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году /С.Б.Адаксина, В.П.Кирилко, В.Л.Мыц // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. II. - СПб., 2003. - 183 с.,ил.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году/ С.Б.Адаксина, В.П.Кирилко, В.Л.Мыц // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. -Вып. III. - СПб. –Симферополь, 2004.-253 с.,ил.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г.Балаклава) в 2004 году /С.Б.Адаксина, В.П.Кирилко, В.Л.Мыц // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып.IV. - СПб.-Симферополь, 2005.-190 с., ил.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г.Балаклава) в 2005 году /С.Б.Адаксина, В.П.Кирилко, В.Л.Мыц // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып.V. - СПб.-Симферополь: Гос.Эрмитаж, 2006. - 223 с., ил.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г.Балаклава) в 2006 году /С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц// Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа.

Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. VI. - СПб.-Симферополь: Гос. Эрмитаж, 2007. - 277 с.: ил.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году /В.Л.Мыц // Археологические экспедиции государственного Эрмитажа. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. VII. - СПб. - Симферополь: Гос. Эрмитаж, 2008. - 215 с., ил.;

Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008-2009 гг. /С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц, С.В.Ушаков // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. VIII. - СПб.-Симферополь: Гос. Эрмитаж, 2010. - 300 с.: ил.;

Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2010 г /С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц, С.В.Ушаков // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. IX. - СПб.- Симферополь: Гос. Эрмитаж, 2011. - 164 с.: ил.;

Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. /С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц, С.В.Ушаков // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. X. - СПб. Симферополь: Гос. Эрмитаж, 2012. - 205 с.: ил.;

Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012-2013 гг. /С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц, С.В.Ушаков // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. - XI. СПб. - Севастополь: Гос. Эрмитаж, 2014. - 275 с.;

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2014 г. /С.Б.Адаксина,

В.Л.Мыц // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. XII. – СПб. - Севастополь, 2015. - 204 с.; ил.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2015 г. /С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц// Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. XIII. - СПб.- Севастополь, 2016. -165 с.; ил.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г.Балаклава) в 2016 г/С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц// Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа.- Вып. XIV.-СПб.-Севастополь,2017. - 153 с.; ил.

Адаксина С.Б., Алексеенко Н.А., Гинькут Н.В., Мыц В.Л. Отчёт об археогических исследованиях средневековой крепости Чембало (г.Балаклава) в 2017 г. /С.Б.Адаксина, Н.А.Алексеенко, Н.В.Гинькут, В.Л.Мыц // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. - Вып. XV. - СПб.- Севастополь, 2018. - 217 с.; ил.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г.Балаклава) в 2018 году /С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. - Вып. XVI. – СПб.-Севастополь, 2019. - 177 с., ил.

Адыги, балкарцыи карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. /Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К.Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. -635 с.

Акчокраклы О.-Н.А. Старокрымские и отгузские надписи XIII-XV веков/ Н.А.Акчокраклы //ИТОИАЭ. 1927.Т.1(58). – С.5-17.

Акчокраклы О.-Н.А. Старокрымские надписи (по раскопкам 1928 г.)/О.- Н.А.Акчокраклы // ИТОИАЭ. 1929. Т.3.– С.152-159.

Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве /Л.-Б.Альберти /Пер. В.П.Зубова. - М.: Изд-во Всесоюзн. Акад. архитектуры, 1935. - 794 с., ил.

Антонин, архимандрит. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю /Антонин// ЗООИД. - 1867. - Т.VI. - С.445-473.

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Иващута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса. //АДСВ. Вып.7. - Свердловск, 1971. - С.81-101.

Баллетто Л., Бассо Э. Акты, составленные в Каффе нотарием Джованни de Labaupo в 1410-1412 гг. Л.Баллетто, Э.Бассо // Причерноморье в Средние века. Вып. X: Акты генуэзских нотариес, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV-XV вв. /под ред. С.П.Карпова; сост. М.Г.Альваро, А.Ассини, Л.Баллетто, Э.Бассо. - М.; СПб.: Алетейя, 2018. - С.347-466.

Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану /И.Барбаро//Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в./Вступ. ст., подг. Текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скржинской. - Л.:Наука, 1971. - С.113-161.

Березин И.Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея, с введением, переписью, переводом и примечаниями /И.Н.Березин . - Казань, 1851.- С.21-22.

Березин И.Н. Тарханные ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея /И.Н.Березин //ЗООИД. - Т.VIII. - 1872. Прибавление к сборнику материалов. - С.10 - 23.

Браун Ф.А. Рукописный отчёт о раскопках на Мангупе /Ф.А.Браун// ОАК за 1890 год. - СПб., 1891. - 19 с.

Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) / Пер. с лат. И.Г.Шершеневича, прим. Н.Н.Мурзакевича /М.Броневский// ЗООИД. - Т.VI. - 1867. - С.333-367.

Ваксель Л.С. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Чёрного моря , принадлежащих Российской империи. Снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах с приложением географической карты тех

мест, где оные памятники обретыны с древними наименованиями.– СПб.,1801.- 8 с.+44 ил.

Виноградов А.Ю. Надписи княжества Феодоро в фондах Херсонесского музея /А.Ю.Виноградов // Причерноморье в средние века. - Вып. III. - СПб:Изд-во "Алетейя", 2000. - С. 444 - 446.

Виноградов А.Ю., Мыц В.Л. Фунская надпись 1459 г. А.Ю.Виноградов, В.Л.Мыц // АДСВ. - Вып.36.- Екатеринбург, 2005. - С.273-281.

Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-Дере: пятьсот лет спустя /А.Ю.Виноградов //АДСВ. Вып.39, 2009. – 262-271.

Виноградов А.Ю. Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda /А.Ю.Виноградов// Вопросы эпиграфики. - 2011.- №4. - С.217-253.

Виноградов А.Ю. Византийские надписи [Электронный ресурс] /А.Ю.Виноградов // IOSPE³ V.URL: <http://iospe.kel.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html> (дата обращения: 31.05.2019).

Волков М. Сборник Венецианско-Генуэзских грамот (1342-1491 г.)/М.Волков //ЗООИД. Т.IV. 1858. - С.183-236.

Волков И.В. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473-1478 гг. (текст, перевод, комментарии /И.В.Волков // Генуэзская Газария и Золотая Орда /Отв. ред. С.Г.Бочаров; науч. рец.: И.Л.Кызласов [и др.]. - Кишинёв: Stratum plus, 2015. - С.125-166.

Гавриил А. Остатки христианских древностей в Крыму. Феодосийский уезд /А.Гавриил //ЗООИД.Т.I. 1844.-С.320-328.

Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Гирая (по материалам археологических исследований 2003-2008 гг.) / Н.А.Гаврилюк, А.М.Ибрагимова. – Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2010. – 176 с.,ил.

Галонифонтибус, Иоанн де. Сведения о народах Кавказа (1404 г.) (из сочинения «Книга познания мира») /Пер. З.М.Буниятова. - Баку: Изд-во «ЭЛМ», 1980. - 42 с.

Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії /Олександр Гваньїні; упоряд. Та пер. з пол. Юрія Мицика; Нац. Ун-т «Києво-Могилянська академія» [та ін.]. –

2-е вид., доопрац. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. – 1004 с.: іл.

Гийассаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния /А.Гиясаддин. - М., 1958. - 206 с.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны /Г.Рубрук// Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. - С.87-194.

Грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 г./ Под ред. В.Антоновича и К.Козловского. - Киев: В университетской типографии, 1868. -X, II. - 163 с.

Григорьев Г. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая /Г.Григорьев// ЗООИД. - Т.1. - Одесса, 1844. - С.337-346.

Гулевич В.П., Джанов А.В. Письмо Крымского хана Менгли Гирея генуэзским эмиссарам Бартоломео Компофригозо и Лодизио Фьески от 30 декабря 1481 года /В.П.Гулевич, А.В.Джанов //Золотоордынское обозрение. 2019. Т.7, №2. – С.318-332.

Деремедведь-Эрбаи Е.Н. Крым: по следам забытых путешествий. Заметки по литературно-историческому краеведению. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. – 183 с.,ил.

Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России /Г.Диттен//ВВ. - Т.21. 1962. - С.51-94.

[Дортели д'Асколи Э.] Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортели д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. /Пер. Н.Н.Пименова. Издано с прим. почётн.чл. А.Л.Бертье-Делагарда // ЗООИД. 1902. Т. XXIV. - С. 89 - 130.

Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю //ЗООИД. 1867. Т.VI. - С.443-473.

[Дука и Сфрандзи] Византийские историки Дука и Сфрандзи о падении Константинополя (перевод и предисловие А.С.Степанова)//ВВ. Т.7(32). 1953. - С.385-430.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т.5,6. /Пер. с фр., пред. и прим. Т.М.Фадеевой. - Симферополь, 2009. - 328 с.: ил.

Зайончковский А. «Летопись Кипчакской Степи» (Теварух-и Дешти-и Кипчак) как источник по истории Крыма /А.Зайончковский// Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. - М.: Наука, 1969. - Т. II. - С. 10 – 28.

Зайончковский А. О стратагемах и военных уловках по турецким источникам (трактат о военном искусстве *Adabi harb*) /А.Зайончковский// Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. - М.: Наука, 1974. - Т. 3. - С. 9 - 23.

Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. 1. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г.Тизенгаузена / Составление, вводная статья и комментарии Р.П.Храпачевского. - М., 2003. - 448 с.

Из «Сборника летописей» Рашид- ад-Дина // ИКПИ. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. - Алматы: Дайк-Пресс, 2006. - С.68-160.

Карпов С.П. Регесты документов Фонда *Diversorum Filze* Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья /С.П.Карпов// Причерноморье в средние века. - СПб.: Изд-во "Алетейя", 1998. - Вып. III. - С. 9 - 81.

Клавихо Руи Гонсалес, де. Дневник путешествия в самарканд (1403-1406) /Пер. со староиспанского, предисл. и комент. И.С.Мироковой. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. - 211 с.

Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666 - 1667 гг.) / Перевод и комментарий Е.В.Бахревского.- Симферополь: ДАР, 1999. - 144 с.

Книга хождений. Записки русских путешественников XI-XV вв. Серия: Сокровища древнерусской литературы /Сост., подгот. Текста, пер. вступ. ст. и коммент. Н.И.Прокофьева. - М.: Советская Россия, 1984. - 446 с.: ил.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод и комментарий (Под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева) // Древнейшие источники по истории народов СССР. - М.: Наука, 1989. - 496 с.: ил.

Контарини Амброджо. Путешествие в Персию /А.Контарини//Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. /Пер. Е.Ч. Скржинской.- М.:Наука, 1971. - С.188-235.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчёта о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. /К.К.Косцюшко-Валюжинич // ИАК. - 1901. - Т.1. - С.1-55.

Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга I. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы/А.Н.Курат /Перевод с турецкого языка Р.Р.Галеева; редактор текстов на арабице М.Р.Исмагилова; ответственные редакторы Л.И.Шахин, И.М.Миргалеев. - Казань: Институт истории Ш.Марджани АН РТ, 2014. - 256 с.

Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 2. Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном причерноморье IV-XVIII вв./А.Н.Курат /Перевод с турецкого Ю.Н. Киримова, Л.Б.Балтаева, М.Р.Исмагилова; отв. ред.: И.М.Миргалеев, Д.М. Гайнутдинов. - Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 239 с.

[*Ланнуа Г.*]. Путешествия и посольства господина Гильбера де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399 - 1450 годах /Г.Ланнуа// ЗООИД. - 1853. - Т. III. - С. 433 - 445.

Лаоник Халкокондил. История (из книги VIII) // ВВ. - 1953. - Т. VII. - С.436-444.

Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Отдел второй: Документы беев /Ф.Ф.Лашков// ИТУАК. - №23. - 1895. - С.118-129.

[*Линовский В.*]. Библиографический обзор. Podole, Wolyn, Ukraina. Obrazy miejsc i crasow, przez A. Przewdzieckiego. Wilno, naklad I druk Teofila Glucksberga. 2. Tomu. 1841. in 8° (Подолия, Волынь и Украина. Очерки мест и времён, сочинение А.Пржездецкого. Вильно в типографии Т.Глюксберга. 2 части. 1841, VI. 212. 157. в 8° /В.Линовский// ЗООИД. - Т. I. - 1844. - С. 509 – 515.

Литовская Метрика // Русская историческая библиотека. – СПб: ИАК., 1910. - Т. 27. – Отдел 1. Часть 1-я. – 660 с.

Луи де Судак (Луи Алексис Бертрэн). Путешествие по Крыму: Южный берег. Морской порт Феодосии /Л.А.Бертрэн /Вст. Статья, подготовка текстов, комментарии, указатели Э. Петровой. Перевод с франц. Г.Беднарчика. – Феодосия: Изд. Дом «Коктебель»; Симферополь: Изд-во «Н.Орианда», 2021. – 270 с., ил.

Лызлов Андрей. Скифская история /А.Лызлов/ Подг. текста, комментарии, аннотир. указатель имен А.П.Богданов; Отв. ред. Е.В.Чистякова. - М.:Наука, 1990. - 361 с.

Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год. /А.Малиновский// ЗООИД. - Т. V. - 1863. - С. 163 - 417.

[*Милицын С.А.*]. Дело братьев Гуаско /С.А.Милицын// Приложение 2. С.А.Секиринский. Очерки истории Сурожа. - Симферополь: Крым, 1955. - С. 73 - 93.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях /Известия иностранцев о народах России. - М.-Л.:Изд-во АН СССР, 1936. - X. - 288 с.

Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа /А.К.Марков. - СПб., 1896. - 531 с.

Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма как исторический источник /А.И.Маркевич// ИТОИАЭ. - 1928. - Т. 2 (53). - С. 17 - 32.

Мартиросян А.А. Мартирос Крымцы [текст] /Мартиросян: (Исследование и тексты): Автореферат дис., представленный на соискание учёной степени канд. филолог. наук./Акад. наук Арм.ССР. Ин-т литературы им.М.Абегяна.- Ереван. – 1958. – 15 с.

Мартынюк А.В. Восточная Европа середины XV века в сочинении Лаоника Халкокондила //Alba Ruscia: белорусские земли на перекрёстке культур и цивилизаций (X-XVI вв.). - М., 2015. - С.122-143.

[*Минай Медици*]. Армянские древности Таврического полуострова /М.Медици /Перевод Х.Кушнерёва /М.Медици//ЗООИД. - Т.Х -1877. - С.441-451.

Мирас – Наследие. Т.1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах в 3-х т./Сост. и отв. ред. С.Г.Бочаров, А.Г.Ситдигов.-ООО «Астер Плюс». - Казань, 2016. - 580 с., ил.

Мирас – Наследие. Т.2. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах в 3-х т./Сост. и отв. ред. С.Г.Бочаров, А.Г.Ситдигов.-ООО «Астер Плюс». - Казань, 2016. - 572 с., ил.

Мирас – Наследие. Т.3. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах в 3-х тт./Сост. и отв. ред. С.Г.Бочаров, А.Г.Ситдигов.-ООО «Астер Плюс». - Казань, 2017. - 720 с., ил.

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян /М.Литвин /Пер. В.И.Матузовой. Отв.ред. А.Л.Хорошкевич. - М.: Изд. МГУ, 1994. - 151 с.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода» /Ю.М.Могаричев, А.В.Сазанов, А.К.Шапошников. - Симферополь:АнтикВА, 2007. - 348 с.: ил.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени

/Ю.М.Могиричев, А.В.Сазанов, А.К.Шапошников. - Симферополь: АнтикВА, 2009. - 334 с.: ил.

Негри А. Извлечение из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов /А.Негри//ЗООИД. - Т. I. - 1844. - С.379-392.

Недев Ст. Пътищата на Владислав III и Мурад II през 1444 г./Ст.Недев // Варна 1444. - София, 1969. - С. 208 - 234.

Нешири М. Оглядало на света. История на османския двор /М.Нешири /Пер. и ком. М.Калицин. - София. Изд-во на Отечественния фронт, 1984. - 419 с.

Нерсэс. Плач по столице Кафа (XV в.) /Нерсес //Армянские поэты Крыма XV-XX вв. [текст]. Союз армян Украины, Крымское армянское общество; [ред.: Ваган Вермишян, Рушан Пилосян]. - Симферополь; Ереван [ЧП «Предприятие Феникс»], 2008. - 239 с.; 21 см.

Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами /Н.Григора /Под ред. бакалавра Шалфеева П. Т.1. (1204-1341). - СПб.:С-Петербургская Духовная Академия, 1862. - XVI, - 564, [1] с.

Никифор Григора. История Ромеев /пер. с греч. Р.В.Яшунского, вступ. ст. Л.Герд. - СПб.: Своё издательство, 2013.- 438 с.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией за время Великих князей Иоанна III и Василия Ивановича /Сборник ИРИО.- Т.41. - Ч.1. (годы 1474 по 1505)/Напечатано под наблюдением Г.Ф. Карпова.- СПб.: Тип. Ф.Елеонского и К°, 1884. – 10, XXII, 558 с.

[*Паллас П.С.*]. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. /П.С.Паллас// ЗООИД. - 1881. - Т. XII. - С. 62 - 208.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793 - 1794 годах /П.С.Паллас// Научное наследство. - Т. 27. М.: Наука, 1999. - 245 с.

- Панарет М.* О великих Комнинах (Трапезундская хроника)/ М.Панарет/Пер. и коммент. С.П.Карпова, Р.М.Шукурова. – СПб.:Алетейя, 2019. - 200 с.
- Папандопуло-Керамевс А.* Сборник источников по истории Трапезундской империи /А.Папандопуло-Керамевс. - СПб., 1897. Т. 1. С. 117 - 132.
- Пейсонель де Ш.-К.* Записка о Малой Татарии /Ш.-К.Пейсонель де /Пер. с фр. В.Х. Лотошниковой. Вступ. ст. и ком. В.В.Грибовского. Изд. 2-е: испр. И доп. - Киев, 2013. - 110 с.
- Петрова Э.Б., Прохорова Т.А.* Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году» /Под ред. Э.Б.Петровой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 168 с.
- Письмо* настоятеля церкви в Alba-lulia Доминика, с донесением в 1475 году, что Кафа взята турками и воеводы Стефан Молдавский и Божорад Валахский принесли присягу на верность королю венгерскому /Сообщил В.Юргевич //ЗООИД. - Т.ХVII - 1894. - С.1-2.
- ПСРЛ.* Т.2: Прибавление к Ипатьевской летописи (Густынская летопись). - СПб., 1845. - С.233-373.
- ПСРЛ.* Т.5: Псковские и Софийские летописи. - СПб.: В типографии Э.Праца, 1851.- VI. - 283 с.
- ПСРЛ.* Т.6: Софийские летописи. - СПб., 1853. - 360 с.
- ПСРЛ.* Т.8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. - СПб., 1859.- 303 с.
- ПСРЛ.* Т.10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. - СПб., 1885. - 244 с.
- ПСРЛ.* Т.11: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Летописный сборник, именуемый Патриаршею или иконовскою летописью. - СПб.:Типография И.Н.Скороходова, 1897. - 257 с.
- ПСРЛ.* Т.12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. - СПб., 1901. - 266 с.
- ПСРЛ.* Т.15.Тверская летопись. – М., 1863. – 263 с.
- ПСРЛ.* Т.18: Симеоновская летопись. - М.:Знак, 2007. - 328 с.

ПСРЛ. Т.20: Первая половина. Львовская летопись. Ч.1. - СПб.:Типография М.А.Александрова, 1910. - 418 с.

ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века.- М.-Л.:Изд-во АН СССР, 1949. - 470 с.

ПСРЛ. Т.32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. - М.:Наука, 1975. - 235 с.

ПСРЛ. Т.35: Летописи белорусско-литовские. - М.:Наука, 1980. - 306 с.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - 517 с.

Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Аврике, с 1394 года по 1427 год /Пер. с нем. и прим. Ф.Брун //Записки Новороссийского ун-та. Год 1. Т.1. - Одесса, 1867. - 201 с.

Рогожский летописец. Тверской сборник. *ПСРЛ*. Т.XV. М.: Языки русской культуры, 2000.С.75,л.291.

Радлов В.В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга /В.В.Радлов//Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. - Т.III. - СПб., 1889. - С.1-21.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1, кн.2.М.;Л.-1952.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.2. Пер. Ю.П.Верховского. - М.-Л., 1960. - 248 с.

[*Абуль-Гази Бахадур-хан*]. Родословное древо тюрков /Соч. Абуль-Гази, хив. Хана; Пер. и предисл. Г.С. Саблукова, с послеслов. И прим. Н.Ф.Катанова. – Казань: Типо-лит. Ун-та, 1906. – 22 см. – (Изв. Об-ва археологии истории и этнографии при Каз. Ун-те. Т.21, вып.5-6; т.22, вып.6). – [Вып.1-2]. – Пер. также под загл. «История», «Родословная история о татарах». – Книга была закончена сыном Абулгази Ануша-Ханом и доведена до 1665 г. – то же 1906 (обл.1914). – XVI. – 336 с.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург. 1995. – 166 с.: ил.

Рудаков В.Е. Материалы XII-XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.) / В.Е.Рудаков //АДСВ. 1975. Вып.12. - Свердловск, С.20-32.

Панарет М. О Великих Комнилах (Трапезундская хроника)/ М.Панарет/Пер. и коммент. С.П.Карпова, Р.М.Шукурова. СПб.:Алетейя, 2019. 200 с.

Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Н.Н.Мурзакевич, А.Н.Демидов (К 200-летию юбилею Н.В.Гоголя) /Э.Б.Петрова, Т.А.Прохорова. - Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. - 328 с.: ил.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными: Московского государства с крымской и ногайской ордами и с Турцией с 1474 по 1505 годы /Под ред. Г.Е.Карпова.- Том 41. - СПб., 1884. – 638 с.

Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV-XV вв.)/Составление, русский перевод, введение и примечания *Т.Э.Саргсян.* - Симферополь: СОНАТ, 2008. - 312 с.

Сементовский Н. Путешествия по Крыму в 1840-х годах /Н.Сементовский /Подготовка текстов и комментарии Э.Петровой, Т.Прохоровой, О.Широкова. Симферополь: Изд-во «Н.Ориадна». - Феодосия: Изд. Дом «Коктебель», 2019. - 171 с.

Сейтягъев П.С. Абдулгаффар Кырыми. Отрывок из истории Крымских ханов (правления Хаджи Гирая, Менгли Гирая, Мухаммад Гирая II и Саадет Гирая I) /П.С.Сейтягъев//Золотоордынское обозрение. – 2015. №4.- С.207-213.

Синор Денис. Некоторые латинские источники по ханству Узбека /Д.Синор// Золотоордынское обозрение. - №3. - 2015. - С.23-33.

Славяно-молдавские летописи XV - XVI вв. /Сост. Ф.А.Грекул. - М.: Наука, 1976. - 152 с.

[*Скржинская Е. Ч.*] Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. /Е.Ч.Скржинская - Л., 1971. - 276 с.

Смирнов В. Татаро-ханские ярлыки из коллекции Таврической Учёной Архивной Комиссии /В.Смирнов// ИТУАК. - №54. - 1918.- С.1-19.

Сейид Мухаммед Риза. Ассеб о-ссейяр или семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 до 1150/1737 г. /С.М.Риза/Издано Казанским ун-том под наблюдением Мирзы Казембека. - Казань, 1832. - XXX, VII, 359 с.

Сокровенное сказание монголов /Перевод С.А.Козина. - М., 2002. - 156 с.

Спиридонов Д.С. Заметки из истории эллинства в Крыму. I. Из семейной истории Мангупского дома /Д.С.Спиридонов // ИТОИАЭ. Вып. II (53). - Симферополь, 1928. - С. 93 - 102.

Становление и расцвет Золотой орды. Источники по истории улуса Джучи (1266-1359). – Казань: Татар. Книжничго-изд-во, 2011. – 438 с.

Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов /Т.И.Султанов //ТС: 1975. - М.:Наука, 1978. - С.234-251.

Тафур Перо. Странствия и путешествия /П.Тафур/ Перевод, предисловие и комментарии Л.К. Масиеля Санчеса. - М.:Индрик, 2006. – 329 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских /В.Г.Тизенгаузен. - СПб. Издано на иждивение графа С.Г.Строганова, 1884. Т. I. - 566 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений /В.Г.Тизенгаузен. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. - Т. II. - 308 с.

Тунманн [И.М.] Крымское ханство /И.М.Тунманн/ Перевод с немецкого издания 1784 г. Н.Л.Эрнста и С.Л.Белявской. Примечания, предисловие и приложения Н.Л.Эрнста. - Симферополь: Таврия, 1991. - 93 с.

Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине /Пер. М.Губоглу // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т.1. М.: Институт Востоковедения, 1964 [электронный ресурс]: <http://oldvostlit.info/Texts/rus6/Turk1740/text.htm>.

Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. (Латинский текст с пер. и коммент. В.Н.Юргевича) // ЗООИД. - 1863. - Т. V. - С. 623 - 837.

Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV-XV вв./В.А.Уляницкий - М.: В университетской типографии (М.Катков), 1887. - VII, - 244 с.

Утемиш-хаджи. Кара таварих. Чингиз-наме /Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М.Миргалиева, Э.Г.Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М.Миргалеева. - Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2017.-312 с.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV - XV вв./М.А.Усманов - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. - 318 с.; 22 см.

Фонкич Б.Л. Иоанн Евгеник и его «Монодия на падение Константинополя» // Византия между Западом и Востоком. - СПб.:Алетейя, 1999.- С.270-292.

Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. /Ред. сост. Е.И.Щербакова.- М.: Изд-во «Индрик», 2011.- 424 с.,ил.

Фонд П.И.Кеппена. СПб., Филиал Архива РАН. Ф.30. оп.1, д.№343, л.94/об.

Хайбуллаева Ф.Х. Новый турецкий источник по истории Крыма/ Ф.Х.Хайбуллаева // МАИЭТ. Вып. VIII. - Симферополь, 2001. - С. 362 – 365.

Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма (XVII-XVIII вв.) /Транскрипция, перевод переложения А.Ильми, составление приложений и и пояснения Кемаля Усейнова. Под общ. ред. Н.С.Сейтягьева. - Симферополь: РИА «АЯН»; ИД «Стилос», 2008. - 192 с.

Хаутала Р. Два письма францисканцев из Крыма 1323 г.: латинский текст, русский перевод и комментарии //Золотоордынская цивилизация. №7. - Казань, 2014. - С.90-102.

Хаутала Р. Письмо Ладислава, францисканского кустодия Газарии (Каффа, 10 апреля 1287 года)// Золотоордынское обозрение. - 2017.- Т.5.- №1. - С.193-199.

Хаутала Р. Исламизация Джучидского и Хулагуидского улусов в сравнении: точки зрения мусульманских и христианских источников //Золотоордынское обозрение. – 2018а.- Т.6. - №4. - С.676-695.

Хаутала Р. Латинские источники о миссионерской деятельности францисканцев в Золотой Орде в правление хана Узбека (1313-1341)/Р.Хаутала //Исторический Вестник: экспансия монгольской империи /под общей ред. А.А.Горского. Т.25.-М.-С.76-119.

Хаутала Р., Гулевич В.П. Письмо тосканского анонима о взятии Кафы в 1475 году из кодекса *q116sup* Амброзианской библиотеки //Золотоордынское обозрение. - 2018. - Т.6. - №4. - С.829-854.

Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей, содержащих надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из разных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также и образцы шрифтов из рукописей от IX-XV столетия. - СПб., 1884. - IX, 528 стб.: ил.

Хождение за три моря Афанасия Никитина //Библиотека литературы Древней Руси /РАН ИРЛИ / Подготовка текста М.Д.Каган-Тарковский и Я.С.Лурье, перевод Л.С.Семёнова, комментарии Я.С.Лурье и Л.С.Семёнова. - СПб.: Наука, 1999. Т.7. Вторая пол. XV в. - С.348-379 (581 с.)

Черепанова Е.Н. Архив А.Л.Бертье-Делагарда (1842 - 1920) в Крымском областном музее // Археологические исследования средневекового Крыма.- Киев: Наукова думка, 1968. - С. 205 - 212.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)/ Пер. Е.В.Бахревского. - Симферополь: ДОЛЯ, 2008. - 272 с.: ил.

Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667). - Симферополь: Таврия, 1996. - 240 с.

Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша польскому королю Ягайлу 1392-1393 г. /Изд. кн. М.А.Оболенским. - Казань, 1850. - С.38.

Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Volumen tertium: Acta et diplomata graeca res graecas italiasque illustrantia / Col., ed F. Miklosich et Muller. Vindobonae: Carolus Gerold, 1865. - XXI. - 393 p

Acta Ioannis P.P. XXII (1317-1334) e regeſtis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque abornarunt /Naunu A/L/ (ed. // Fontes. Pontificia comiſſio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Series III. Vol.VII/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregoriane, 1966. xix +302 p.

Acte si fragmente cu privire la istoria romanilor adunate din dipozitele de manuscrise ale Apusului / Niculfı Iorga ſi publicate cu sprijinul Ministeriului de instructive publică. Vol. III. Bucureſti: Imprimeria statului, 1897. - 107, V p.

Acta Ioannis XXII (1317-1334) e registris Vaticanis aliisque fontibus collegit A.L.Tautu // Pontificia commission ad redigendum codicem iuris canonici orientalis, Fontes, Series III, VII, 2. Citta del Vaticano, 1952.

Agosto A. Due lettere inedite sugieventi del Cembalo e di Sochati in Crimea nel 1434 // ASLSP. N 5. Genova. 1977. Vol. XVII. Fasc. II. - P. 509 - 517.

Altin Orda Hanligina ait yaziſmalar / A.Melek Özyetgin, Ilias Kemalolu. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017. XV, 171 s. [3] katli sayfa tipkibasim.

Andreescu St. Un act genevez din 1453 sau despre limitele metodei cantitative // SMIM / Academia Romana; Institutul de istorie "Nicolae Iorga"; Muzeul Brailei Vol. XXI. Draila: Editura Istros, 2003. Anexe. №II. - P/146-148.

Andreescu St. Trois actes des Archives de Unes concernant l'histoire de la Mer Noire au XVe siècle//RESEE.T.XXI.№1(Janvler-Mars).-Bucureſti,1983.-P.36- 50.

Antalffi A. Doua documente din Biblioteca Egipteana de la Cairo despre Chilia si Cetatea Alba in 1484 //Revue des etudes Islamique. - Paris,1934.№ 1-3. -P.38 - 40.

Assini A. Una "filza" ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero // Romania Orientale, 12, 1999. - P. 1 – 19.

Baletto L. Liber Officii Provisionis Romaniae (Genova, 1424 – 1428) // Universita degli studi di Genova sede di acqui terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino. № 6. - Genova, 2000. - LXXIX + 515 p.

Banescu N. Archives d'Etat de Genes. Officium provosionis Romaniae. I // RESEE.

T.4. № 3-4. Bucareşti: Edition de l'Academie de la Republique socialiste de Roumanie, 1966. - P.575-591.

Banescu N. Archives d'Etat de Genes. Officium provosionis Romanie. I // RESEE.

T.5. № 1-2. Bucareşti: Edition de l'Academie de la Republique socialiste de Roumanie, 1967. - P.235-263.

Basso E. Il "Bellum de Sorcati" ed i trattati del 1380 -1387 tra Genova e l'Orda d'Oro // Studi Genuensi. Nuove serie. 1990. Vol. VIII. Genova, 1991. P. 11 - 26.

Bogdan D.P. Mangupul in lumina unor noui cercetari. Arhivo romaneasa. Bucuresti, 1940. - P.4-5.

Belgrano L.T. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // ASLI. Genova, 1877 - 1884. Vol. XIII. - P. 97 - 336.

[*Belgrano*] Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Perra / A cura di *L.T.Belgrano* // ASLSP. - Genova, 1877-1884. Vol.XIII. P. - 97-336.

Cazacu M., Kevonian K. La chute de Caffaen 1475 a la lumiere de nouveaux documents // CMRS. - Paris, 1976. An. XVII. № 4. - P. 495 - 538.

Ganchou Th., Minghinis A. Un nouveau document a propos d'Alexios de Theodoro-Mangup // Inchinare lui Petre S.Nasturel la 80 de ani.- Braila, 2003.- P.117-118.

CDCTL (MCCCCLIII-MCCCCLXXV). Tomo primo // Atti. Vol.VI. Fasc.I/ Ordinato et illustrato dal socio P.Amedeo Vigna. - Genova: Tipografia del r.I. De'sordo-muti, 1868.XV, - 402 p.

CDCTL (MCCCCLIII-MCCCCLXXV). Tomo primo // Atti. Vol.VI. Fasc.II / Ordinato et illustrato dal socio P.Amedeo Vigna. - Genova: Tipografia del r.I. De'sordo-muti, 1869. - P.403-673.

CDCTL (MCCCCLIII-MCCCCLXXV). Tomo primo // Atti. Vol.VI. Fasc.III / Ordinato et illustrato dal socio P.Amedeo Vigna. - Genova: Tipografia del r.I. De'sordo-muti, 1870. - P.677-968.

CDCTL (MCCCCLIII-MCCCCLXXV). Tomo II. Parte I // Atti. Vol.VII. Parte I Fasc.II / Ordinato et illustrato dal socio P.Amedeo Vigna.- Genova: Tipografia del r.I. De'sordo-muti, 1872.- P.316-565.

CDCTL (MCCCCLIII-MCCCCLXXV). Tomo II. Parte I // Atti. Vol.VII. Parte I Fasc.III / Ordinato et illustrato dal socio P.Amedeo Vigna.- Genova: Tipografia del r.I. De'sordo-muti, 1874. - P.567-886.

CDCTL (MCCCCLIII-MCCCCLXXV). Tomo II. Parte II // Atti. Vol.VII. Parte II Fasc.I / Ordinato et illustrato dal socio P.Amedeo Vigna.- Genova: Tipografia del r.I. De'sordo-muti, 1879. - P.7-259.

Clarke E.D. Trevels in Various Countries of Europa, Asia, and Africa. Pt.1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4-th ed. Vol.2. London, 1817 /E.D.Clarce. – 148 p.

Codex epistolaris Vitoldi Magni ducis lituaniae 1376-1430 |Coll. Opera Antonii Prochaska. - Krakow, 1882. X. 1413 p.

Coggiola G. Studien und Quellen zur Geschichte des Kozils von Bazel. - Basilea, 1903. Vol. V. - S. 406 - 408.

Colofons of Armenian Manuscripts, 1301-1480. A Source for Middle Eastern History / Selected, translated, and annotated by Avedis K.Sanjian. - Cambridge, Mass., 1969. - XVI, 459 p., map.

Darrouzes J. Les regestes des actes du Patriarcat de Constatsinopole. Les aches de Patriarches. La regestes 1377 a 1410. Paris: Institut francais d'etudes byzantines, 1979. Vol.I. Fasc.VI. - 548 p.

Desimoni C., Belgrano L.T. L'atlante idrografico del medioevo posseduto dal prof. T.Luxoro // ASLSP. Genova, 1867. Vol. V.

Desimoni C. Trattatto dei genovesi col chan dei tartari nel 1380 - 1381 scritto in lingua volgare // ASI. Firenze, 1887. Vol. XX. - P. 161 - 165.

Diario del Consilio di Basilio di Andrea Gatari // Studien und Quellen zur Geschichte des Konzil von Basel. Vol. V.- Basel, 1885. - S.376-423.

Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustranta. Pars I, a 1300-1350 / Ed. by G.M.Thomas. Pars 2, a 1351-1454 / Ed. by R.Predelli. Venetiis, 1880-1899.

Dlugoż J. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Waršaviae, 1985. Lib. X.

Documente privitoare la istoria romanilor culese de Eudoxiu de Hurmuzaki / Publicate sub auspiciile Academiei Romane și ale Ministeriului Cultelor și iustrucțiunii publice. Vol.II. Par.2.- București, 1891. – XLVII. - 729 p.

Documente privitoare la istoria romanilor culese de Eudoxiu de Hurmuzaki / Publicate sub auspiciile și ale Ministeriului Cultelor și iustrucțiunii publice și ale Academiei Romane Vol.VIII.:1376-1650.- București, 1891. - XLVIII, 540 p.

Documente turcești privind istoria Romaniei / Academia de științe sociale și politice a Republicii socialiste Romania. Institutul de studii Sud-Est Europene. "Izvoare orientale privind istoria Romaniei" III. Vol.I: 1455-1774 / Intocmit de Mustafa A. Mehmed. București: Ed. Academiei Republicii socialiste Romania, 1976. - 412 p.

Dubois de Montpereux F. Yoyage autour du Caucase, cher les Tchekesses et les Abkhases, en Colhide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. - Paris, 1843. - T. VI. - 461 p.

Ducas M. Istoria turco-bizantina 1341 – 1462 / edite critica de V. Grecu. - Bucurest, 1958. - 503 p.

Duda H. Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi, Munkgaard. Kopenhagen, 1959.

Folieta U. Historiae Genuensium libri XII. – Genua: Apud H.Bartolum, 1585. – 314 fol.

Elliot C.B. Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C.B.Elliot: in 2 vol. – Vol.1. – London: Richard Bentley, 1838. – 498 p.

Giustiniani A. Castigatissimi annali con la lora copiosa tovola della Ecclesia et Illustrissime Republica di Genova, da bidili ef appronati verittori, per el Renerendo Monsignore Agostino Giustiniano Genoese Vescono di Nebio accuratamente raccolti. - Genova, 1537. - 282 L.

Grasso G. Documenti riguardanti la costituzione di una lega contra il Turco, 1481 // Giornale ligustico di archeologia, storia e belle arti / Fondato e diretto da L.T.Belgrano ed A.Neri. Anno 6. - Genova:Tipografia del R.Istituto Sordo-Muti, 1879. - P.321-494.

Giustiniani A. Annali delle Republica di Genova. Volume secondo. Libro quarto-
sesto.- Genova, 1854. - 767 p.

Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente
francescano, II (Addenda al sec.XIII, e fonti pel sec. XIV). Quaracchi presso
Firenze, 1913.

Gregoras. Necephori Gregorae Byzantina historia, I /Sphopen L. (ed). Bonn, 1829.
[*Hurmuzaci E.*]. Documente privitoare la istiria Romanilor /Culese de
E.Hurmuzaki. - Bucuresti, 1887 - 1912. - Vol. 1-16.

I viaggi in Persia degli ambasciatori veveti *Barbaro* e *Contarini* /A cura di
Lockhart, Mas-Latrie L. Privileges commerciaux accordes a la republique de
Venise par les princes de Crimee et lrs empereurs mongols du Kiptchak //
Bibliotheque de l'ecole des chartes. - Vol.29. - 1868. - P.580-595.

Laonici Chalcocandylae atheniensis. Historiarum libri decim // Corpus
scriptorium historiae Byzantine / de monstrationes / Ex. rec. L.Bekkeri. - Bonne:
Impensis ed. Weberi, 1848. VIII, - 590 p.

Mercati S.G. Δηγησις της πολεως Θεοδωρου. Versi di Matteo ieromonacho.
Studi bizantini.№ 2. 1927. - P.385-396.

Mercator G. Atlas minor. – Amsterdami: In aedibus J.Hondil, 1628. – 684 fol.; pl.
Millet G., Pargoire J., Petit L. Recueildes in scriptions chretiennes de l'Athos, I-
erepartie. Paris, 1904.

Imposicio Officii Gazariae / A cura di *L.Sauli* //MHP. Augustae Taurinorum, 1838.
T.II. - Col.306-430.

Iorga N. Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades au XV siecle //
ROL. Paris, 1896 - 1900. - Vol. IV - VIII.

Iorga N. Acte si fragmente cu privire la istoria Romanilor. Bucuresti, 1897. - Vol.
III. - P.24 - 60.

Iorga N. Le privilege de Mohammed II pour la ville de Pera (1-er juin 1453) //
Bulletin de la section historique. 2. № 1.- Paris, 1914. - P.11 - 32.

Iorga N. Acti lui Mehmed al II-lea pentru negustorii din Cetatea Alba // Revista
istorica. Anul X.Ianuarie-Martie. - 1924.

- Iorga N.* Les aventures "Sarazines" des Francais de Bourgogne au XVe siecle // Melanges d'histoire generale. - Vol. I. Cloj. - 1927. - P.10 - 56.
- Iorga N.* Noi descoperiri privitoare la istoria Rominilor // AAR. MSI Ser. II. T. XIX. - 1937. - P.116 - 117.
- Iorga N.* Intinderea spre rasa rit a Moldovei lui Stefan-Cel Mare (cu prilejul unei inscriptii) // AAR. MSI. Ser. III. T. XX. 1938. - P.315 – 319.
- Kronika Marciana Kromera* / Zbior dziejopisow polskich. T.3. - Warszawa, 1767.12, - 786 s.
- Kronika polska* Marcifna Bielskogo. T.II. Ks.IV-V. - Sanok, 1856. - S.702-1222.
- Kurat A.N.* Topkapi sarayi arsivindeki Altin Ordu, Kirim ve Turkistan hanlarina ait yarlik ve bitikler. - Istanbul, 1940. - S. 87 - 115.
- Kurtoglu F.* İlk Kirim hanlarinin mektuplari // BTTK. 1937. - Cilt 1. - № 3/4. - S. 641 - 655.
- Lampsidis O.* Ο γαμος Δαβιδ του Μεγαλου Κομνινου κατα το Χρονικον του Παναρετου . «Αθηνα». 57. - 1953.
- Le Khanat de Crimee dans les Archives du Musee du Palais de Topkapi* /Ed. A.Bennigsen, P.N.Boratov, D.Desaiive, Ch.Lemercier-Quellejey. Paris: Mouton, 1978. - 458 p.
- Leges genuenses* / Inchoaverunt Desimoni C.,Belgrano L.T.; explevit et edidit Poggi V. // *Historiae Patriae Monumenta*. - Torino, 1901. -T.18. - Col. 369 – 370. Reg.142 - 143.
- Lisciandrelli P.* Tranntti e negoziazionni politiche della republica di Genova (958-1797). Regesti // *Atti della Societa Ligure di Storia Patria*. Nuova Serie. Volume I (LXXV della Raccolta). - Genova, 1960. - 243 p.
- Mehmed M.A.* Doua documente turoesti deapre Neagoe Basarab. - Stanbul, 1968. - P. 921 - 930.
- Malowist M.* Kaffa – kolonia genuenska na Krymie i problem wschodni w latach 1453-1475 /M. Malowist. – Warszawa, 1947. – 367.

Manfroni C. Due nuovi documenti per la storia della marineria genovese // *Giornale storico e letterario della Liguria*. Anno V. Fasc. 1 - 2. Gennaio-Febrario. La Spezia: Societa d'Incoraggiamento editrice, 1904. - P.33 - 44.

Mehmet M.A. Din raporturile Moldovei cu Imperiul Otoman. In a doua jumatate a veacului al XV-lea // *Studi. Revista de istorie*. An.XIII. N5. - București, 1960. - P.165-178.

Miklosich F. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana /F.Miklosch, J.Miller. Vindobonae: Carolus Gerold. - 1860. - T.I. - 543 p.

Musso G.G. Note d'archivio sulle Massaria di Caffa. *StG.* 1464/1465. - T. V. - P. 62 - 98.

Musso G.G. Nuove ricerche d'archivio su Genova e l'Europa centro-orientale nell'ultimo Medioevo // *Rivista Storica Italiana*. LXXXIII/1 (marzo 1971). - P.134 – 136.

Nešri M. Kitab-i Cihan-numa. - Ankara, 1957. Cilt. 2. - S.823 - 827.

Nicephori Gregorae. Byzantina historia / A cura L.Schopeni. Bonnae, 1829 - 1830. - Vol. 1 - 2.

Νυσταζοπουλου Μ. Ηεν τη Ταυρικη Χερσονησω πολις Σουγδαια απο ΙΓ μεχρι του αιωνος. Συμβολι εις την ιστοπιαν του μεσαιωνικου ελλινισμού της Νοτιου Ρωσιας. Αθηνα, 1965. - 132 σ.

[*Morozzo della Rocca*] *Notizie da Caffa* /A cura di R.Morozzo della Rocca // *Studi in onore di A.Fanfani*. - Milano, 1962.Vol.III. - P.265-295.

Oderico G.L. Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memore storiche di Caffa, ed alter luoghi della Crimea posseduti un tempo da Genovesi. – Bassano, 1792. – xxii +216 p.

Özyetgin A.M. Altin Ordu, Kirim ve Kazan sahasina ait yarlik ve bitiklerin die ve uslup incelemesi. – Ankara: Alic Ofset Matbaacilik Sanayi Ticaret, 1996. – 297 s.

Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1799. Bd. 1 516 s.; 1801. - Bd. 2. - 525 s.

- [Παναρέτον Μ.] Μιχαήλ τὸν Παναρέτον περὶ τὸν Μεγάλον Κομνηνον. Εἰσαγωγή — ἔκδοσις — σχολία Ὀδυσ. Λαμφίδου. Ποντικὰ ἱερεῦναι 2. Αφῆναι, 1958.
- Panaitescu P.P.* Cronocile slavo-romine don sec. XV-XVI publicate de Ion Bogdan. București, 1959. - 256 p.
- Pegolotti F.B.* La Pratica della Mercatura / Ed by A.Evans. Cambridge (Mass.), 1936. - 443 p.
- Pistarino G.* Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero // Byzantino-Bulgaca. VII. Bulgaria Pontica Medii Aevi. Premier symposium international. Nessebre, 23 - 26 mai 1979. - Sofia, 1981. - P. 43 – 72.
- [*Belgrano*] Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Perra / A cura di *L.T.Belgrano* // ASLSP. - Genova, 1877-1884. Vol.XIII. - P. - 97-336.
- Ps.-Kodinos.* Traitedes offices / Ed. *J. Verpeaux*. - Paris, 1966. - 360 p.
- [*Dölger F.*] Regesten der Keiserurkunden des Oströmischen Reichs von 565 bis 1453 Jh. / Herausg. von *F.Dölger*- München; B.:V.von C.H.Beck, 1960-1965. T.I-V.
- Regestes des deliberations du senat de Venise concernant la Romanie / Pub. Par *F.Thiriet*. Paris; La Haye: Mouton & C°, 1958-1961. T.I-III.
- Sanuto M.* I diarii. - Venezia, 1879 - 1903. - T. 1 - 58.
- Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquite tardive et du moyen age: continuite ou reprure? Le cas de la mer noire // La ceramique medieval en Mediterranee. Actes du 6-e congres, Aix-en-Provence, 1997. - 87-102.
- Silvestor de Sacy M.* Pieces diplomatiques tirees des archives de la Republique Genes // Notices et extraits des manuscrits de la Biblioque du Roi. XI. - Paris, 1827.- P.51 - 65.
- Spandugino* Theodoro, patricio Constantinopolitano, De la origine deli imperatori Ottomani, ordini de la corte, forma del guerreggiare loro, religione, rito, et costumi de la natione // Sathas, Documents, IX. - 1890.
- Statutum Caphae* / A cura di *A.Vinga* // ASLSP. – Genova, 1879. – Vol.VII. – P.II. – P.567-680.

Stella, Giorgio. Annales Genuenses ab anno 1298 usque ad finem anni 1419 deducti; et per Johannem ejus fratrem continuati usque ad annum 1435/ A cura di L.A. Muratori // Rerum Italicarum Scriptores. - Mtdiolani, 1730. - Vol. XVII. - Col.945-1318.

Studi e documenti si Genova e l'Oltremare / A cura di G.Airaldi. - Genova; Bordighera, 1974. - 364 p.

Tafur, Pero. Andancas e viajes por diversas partes del mundo avidos (1435-1439) // Libros raros. - Madrid, 1874. - T.VIII. - P.I. - 320 p.

Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380-1381 scritto in lingua volgare / A cura di C.Desimoni // ASI. - Firenze, 1887. - Vol. XX. - P.161-165.

Trois actes des Archives de Genes concernant l'histoire de la Mer Noire au XV siècle /Pub. par S.Andreescu //RESEE. - Bucarest, 1983. - An.XXI. - N1. - P.31-50.

Vicina. T.II. Contributions a l'histoire de Cetatea-Alba aux XIII et XIV siècles /Ed. per G.Brătianu // BSHAR. - Bucarest, 1927. - T.XIII. - P.25-31.

Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S.Giorgio (MCCCCLIII - MCCCCLXXV), t.I (1453 - 1459), t. II/1 (1460 - 1472), t. II/2 (1473 - 1475, supplementi, aggiunte, dissertazioni), rispettivamente in ASLi, VI (1868); VII/1 (1871), VII/2 (1879).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абрамова Н.А. Исследования «пещерного города» Эски-Кермен в 20-30-х гг. XX века /Н.А.Абрамова // МАИАСК. 2015. №7. С.106-124.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхея (зотоордынский период) /Е.Н.Абызова, П.П.Бырня, А.А.Нудельман. Кишинёв: Наука, 1981. - 102 с.:ил.

Авдеев А.А. Церковь Св.Иоанна Предтечи в Керчи /А.А.Авдеев // Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884 год /под ред. Н.П.Кондакова. - Одесса: Типография А.Шульце, 1887. Ч.III. - С.382-386.

Агульников С.М. Новые комплексы катакомбной культуры из нижнего Поднестровья /С.М.Агульников// Старожитністі Північного Причорномор'я і Криму. - Вип. VII. - Запоріжжя, 1999. - С.118-132.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Крепость Чембало в историографии последней трети XVIII – первой половины XIX вв. // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). - Киев:Стилос, 2004. - С.82-93.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Средневековая крепость Чембало (Балаклава) // Цивилизации: теория, история, диалог.Т. III: Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций /Б.Н.Кузык, Ю.В.Яковец; Науч. ред., автор предисловия В.И.Гуляев.- М.: Институт экономических стратегий, 2008. - С.408-420.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика в X-XI вв. (первый этап существования памятника) //Христианский Восток. Т.6(XII): Новая серия. - СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2013. - С.401-503.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345-1475 гг.) // Международная научно-практическая конференция «Археология и История Боспора». К 70-летию Боспорской экспедиции (Пантикапей) 13-14 августа 2015 г. (г.Керчь) // Таврические студии. Исторические науки №7. - Симферополь: ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2015. - С.12-18.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Основные этапы формирования оборонительной системы генуэзского города Чембало (1345-1475 гг.)// Труды Государственного Эрмитажа. Т.LXXXVI (86). Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы. - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа,2017а. - С.289-297.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Генуэзская крепость Чембало: основные этапы формирования оборонительной системы и инфраструктуры города в XIV-XV

вв. //Труды Государственнго Эрмитажа. Т.LXXXX (90). - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017б. - С.105-141.

Адаксина С.Б. Мыц В.Л. Оборонительная система генуэзского города Чембало: 1345-1475 гг.//Вопросы истории фортификации. - 2017в. - №6. - С.112-115.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Золотоордынские компоненты в культуре генуэзского города Чембало (Балаклавы) XIV-XV вв.: Средневековая археология. Материалы VIII Международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящённой памяти Г.А.Фёдорова-Давыдова// Археология евразийских степей. - №4. - 2018. - С.206-210.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Храмы крепости Чембало XIV-XV вв./ С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц // Археология Евразийских степей. 2021. №4. - С.214-240.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Храм XIV-XV веков монастыря Успения пресвятой Богородицы в бухте Панаир (гора Аю-Даг)/ С.Б.Адаксина, В.Л.Мыц // ТГЭ. [Т.] СХII (112): Царьградский сборник: К XXIV Международному Конгрессу византинистов: Венеция, Падуя, 22-27 августа 2022 года/ ГЭ. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2022. С.12-40.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен /А.И.Айбабин // МАИЭТ. 1991. Вып. II. - С. 43 – 49.

Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма /А.И.Айбабин, А.Г.Герцен, И.Н.Храпунов// МАИЭТ. Вып. III. 1993. – С.211-222.

Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII – XIV вв. по археологическим свидетельствам /А.И.Айбабин // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003а. - С. 277 – 306.

Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII века /А.И.Айбабин // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века /Отв. ред. Т.И.Макарова, С.А.Плетнёва.- М.:Наука, 2003б.- С.68-145.

Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен /А.И.Айбабин //МАИЭТ.2007. Вып. XIII. - С.129-150.

Айбабин А.И., Хайреддинова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен /А.И.Айбабин, Э.А.Хайреддинова //МАИЭТ.2011. Вып. XVII. - С.422-457.

Айбабин А.И. Раскопки квартала XII-XIII вв. на плато Эски-Кермен /А.И.Айбабин //Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Международная научная конференция к 185-летию начала раскопок в Херсонесе.Севастополь, 2012.- С.8-9.

Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в./А.И.Айбабин //МАИЭТ. 2014а. Вып.XIX. - С.240-277.

Айбабин А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен /А.И.Айбабин //АДСВ. 2014б. Вып.42.- С.215-227.

Айбабин А.И., Хайреддинова Э.А. Византийский сельскохозяйственный инвентарь из раскопок на Эски-Кермене /А.И.Айбабин, Э.А.Хайреддинова //Византия в контексте мировой культуры / ТГЭ. [Т]. LXXIV. СПб., 2015. - С.352-368.

Айбабин А.И., Хайреддинова Э.А. Особенности городской застройки XIII в. на плато Эски-Кермен /А.И.Айбабин, Э.А.Хайреддинова // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В.Веймарна: тез.докладов и сообщений научной конференции.Бахчисарай, 2017. - С.5-6.

Айбабин А.И., Герцен А.Г., Майко В.В. Таврика в X- первой половине XIII в. и Херсон /А.И.Айбабин, А.Г.Герцен, В.В.Майко //История Крыма: в 2-х т. /Отв. ред. А.В.Юрасов. М.:Кучково поле, 2017.Т.1.- С.266-276.

Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале 1 на плато Эски-Кермен А.И.Айбабин // МАИЭТ. Вып. XXIII. 2018, - С.278-305.

Айбабин А.И., Хайреддинова Э.А. Город на плато Эски-Кермен в XIV в. /А.И.Айбабин, Э.А.Хайреддинова // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис / XII Международный Византийский Семинар (Севастополь-Балаклава, 25-29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Н.А.Алексеевко. Симферополь: Колорит, 2020. - С.25-30.

Айбабин А.И. Крымская Готия в первой половине XIII века /А.И.Айбабин //Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т.25. №6. - С.56-68.

Айбабин А.И., Хайреддинова Э.А. Особенности погребального обряда жителей города на плато Эски-Кермен в золотоордынское время/А.И.Айбабин, Э.А.Хайреддинова // Terra tatarika: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 7-8 декабря 2022 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Э.И.Сейдалиев. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. - С.6-12.

Айбабин А.И., Хайреддинова Э.А. Хозяйственная жизнь города на плато Эски-Кермен в XII-XIII вв. /А.И.Айбабин, Хайреддинова // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Всероссийская научная конференция «Херсонес Таврический» (г.Севастополь, 25-29 сентября 2022 г.): материалы под ред.А.В.Зайкова; ГИА МЗ. – Симферополь: Изд-во ООО «Антиква». – С.5-8.

Айбабина Е.А. Двухапсидный храм близ крепости Фуна /Е.А.Айбабина // Византийская Таврика. Киев: Наукова думка, 1991. - С. 194 - 205.

Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Каффы (По материалам археологических раскопок) /Е.А.Айбабина // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. - Киев: Наукова думка, 1988. - С. 67 - 80.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы /Е.А.Айбабина //ВВ. Т.57 (82). М.: «Индрик», 1997. - С.211-233.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Греческие церкви средневековой Каффы /Е.А.Айбабина, С.Г.Бочаров // Церковные древности Таврики: Сб. мат. По церковной археологии. - Киев, 2002. - С.159-169.

Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV-XVIII вв. /Е.А.Айбабина. – Симферополь: Изд-во «Сонат», 2001. - 280 с., ил.

Айбабина Е.А. Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии /Е.А.Айбабина // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Т.1. /Ред.С.Г.Бочаров, В.Л.Мыц. – Киев: Стилос, 2005. – С.229-247.

Айбабина Е.А. Мусульманская каменная резьба Крыма /Е.А.Айбабина// Мирас-Наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3-х т. /Сост. И отв. ред. С.П.Бочаров, А.Г.Ситдигов. – Казань: Астер Плюс, 2016. Т.1. – С.510-543.

Айбабина Е.А. Средневековые надгробные памятники степного Крыма /Е.А.Айбабина// МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. – С.362-373.

Айналов Д.В. Развалины храмов /Д.В.Айналов //Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1. - М.: Тов-во типографии А.И.Мамонтова, 1905. – 153 с.,ил.

Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале /О.Акчокраклы // ИТОИАЭ. Т. II (53). Симферополь, 1928. - С. 158 – 172.

Алексеенко Н.А. Печать римского папы Александра IV из окрестностей Балаклавы /Н.А.Алексеенко // МАИЭТ. 1993. Вып. III. - С.267-269.

Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII столетии /Н.А.Алексеенко// ХСб., 1996. Вып. VII. - С.187-192.

Алексеенко Н.А. Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало /Н.А.Алексеенко // Херсонесский сборник. - Севастополь, 1999. Вып. X. - С. 371 - 378.

Алексеенко Н.А. Готия в титулатуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века /Н.А.Алексеенко //ХСб. Вып. IX. - Севастополь, 1998. - С.230-235.

- Алексеевко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В., Столяренко Е.Н.* Археологической экспедиции Чембало 15 лет /Н.А.Алексеевко, Н.В.Гинькут, С.В.Дьячков, Е.Н.Столяренко// Посоков С.И., Сорочан С.Б. (ред). *Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы.* Харьков, 2015: ООО «НТМТ», -С.150-162.
- Андриевский И.С.* Развалины Мангупа /И.С.Андриевский // *Одесский альманах на 1840 год.* - Одесса, 1839. - С. 538 – 552.
- Андросов С.А.* Охрана памятников истории и культуры Крыма в конце 1920-х – 1930-е годы /С.А.Андросов // VI Таврические научные чтения [Текст]: сб. материалов /М-во культуры АРК, Крым. Респ. Краев. Музей; [гл. ред. Е.Б.Вишневская; ред.:И.Ф.Стельмах, А.В.Зубарев].-Симферополь: Еврострой, 2006.- С.8-26.
- Андросов С.А.* Основные тенденции музейного строительства в Крыму в 1930-е годы /С.А.Андросов // XI Таврические научные чтения [Текст]: сб.материалов.Ч.1 /М-во культуры АРК, КРУ «Центральный музей Тавриды»; [отв. за вып. Е.Б.Вишневская]. - Симферополь, 2011. - С.14-37.
- Анасян А.С.* Армянские хронисты о падении Константинополя /А.С.Анасян // ВВ. Т.7 (32). 1953. – С.
- Анасян А.С.* Армянские источники о падении Византии /А.С.Анасян. - АН Армянской ССР. Институт истории. Изд-во АН АрмССР.- Ереван,1957. – С.
- Анохин В.В., Приднев С.В.* Грунтовый могильник поздних кочевников под Евпаторией /В.В.Анохин, С.В.Приднев// *История и археология Крыма. Вып. I.* 2014.- С.435-453.
- Антипина Е.Е.* Антропологический материал грунтового могильника поздних кочевников под Евпаторией (предварительный результат)/Е.Е.Антипина //История и археология Крыма. Вып. I. 2014. – С.454-457.
- Антонова И.А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта /И.А.Антонова //АДСВ. Вып.7. - Свердловск, 1971. - С.102-118;

Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе /И.А.Антонова//АДСВ. Вып.11. – Свердловск, 1976. - С.3-8.

Антонова И.А. Раскопки в цитадели Херсонеса /И.А.Антонова // Археологические исследования в Крыму: 1994 год. - Симферополь: Сонат, 1997а. - С. 19 - 24.

Антонова И.А. Основатель Херсонесского музея /И.А.Антонова //Крымский архив. 1997б. №3.- С.57-67.

Арадждиони М.А. К вопросу об этнокультурных особенностях позднесредневекового христианского населения горного Крыма /М.А. Арадждиони // МАИЭТ. Вып.Ш. 1993. – С.184-193.

Арадждиони М.А. Греки Алушты и окрестных сёл в последней четверти XVIII в. /М.А.Арадждиони //«О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена) /Гл. ред. В.Л.Мыщ. - Киев: ИД «Стилос», 2004. - С.307-313.

Артёменко Е.Д. Амфоры из купола церкви Иоанна Предтечи в Керчи /Е.Д.Артёменко //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы. - Керчь, 2010. - С.8-12.

Артёмов А.А. Крымская область /А.А.Артёмов // Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. - Киев: Будівельник, 1985. Т. 2. - С. 262 - 333.

Арутюнян Л.В. Католики-армяне в Крыму и их вклад в мировую культуру /Л.В.Арутюнян //Причерноморье. История, политика, культура. Вып. IX (IV). Серия Б. – 2012. – С.8-14.

Асеев Ю.С., Лебедев Г.А. Архитектура Крыма /Ю.С.Асеев, Г.А.Лебедев.- Киев, 1961. - 238 с.,ил.

Асеев Ю.С. Архитектура Северного Причерноморья /Ю.С.Асеев // ВИА. 1966. Т. 3. - С. 502- 515.

Атанасов Г. Христианският Дуросторум-Дръстр /Г.Атанасов. Печат. «Абагар» АД. –Велико Търново, 2005.- 416 с.

Атанасов Г.Г., Павлов П.Хр. Tataro-Bulgarica – Три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII-XIV вв. /Г.Г.Атанасов, П.Хр.Павлов // Форум «Идель – Алтай». - Казань, 2011.- С.3-32.

Бабенчиков В.П. Балаклавский и Куйбышевский район //Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. /Под ред. В.В.Гольмстена. М.-Л.:Изд-во АН СССР, 1941. С.283-287.

Байер Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов /Х.-Ф.Байер // АДСВ. - Симферополь: Таврия, 1995. Вып. 27. - С. 65 - 76.

Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро /Х.-Ф.Байер. - Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2001. XX. - 500 с. + 1 табл.

Байер Х.-Ф. Была ли династия Алексея, господствовавшая над Готией в XV в., таврического происхождения?/Х.-Ф.Байер // Россия – Крым – Балканы: диалог культур: Научные доклады международной конференции (Севастополь, 6 – 10 сентября 2004 г.).- Екатеринбург: НПМП «Волот», 2004. - С. 152 – 153.

Байер Х.-Ф. Этнический состав Сугдеи и её хинтерланда в 1253 г. по данным Виллельма ван Рюбрука /Х.-Ф.Байер // АДСВ. 2005. Вып.36. - С.194-228.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. /К.В.Базилевич. - М.: Изд-во МГУ, 1952. - 542 с.

Бандиленко М.М. Византийский писатель XV века Иоанн Евгеник и его творческое наследие/М.М.Бандиленко//Автореф.канд.ист.наук.-М.,2000.-23 с.

Бандиленко М.М. Иоанн Евгеник и представители семьи Асанов /М.М.Бандиленко // ВВ. Т. 60 (85). 2001. - С. 75 - 82.

Банк А.В. Византийское искусство в СССР/А.В.Банк. - М.-Л., 1966. - С.377 ил. 265-269.

Барабанов О.Н. Судебное дело Бруноро Сальсаиго (Каффа, 1454 г.). Опыт историко-юридического исследования /О.Н.Барабанов // Причерноморье в средние века. Вып. II. М.: Изд-во МГУ, 1995. - С. 20 - 36.

Бармина Н.И. К изучению Мангупской базилики (история исследования) /Н.И.Бармина // АДСВ. Вып. 11. - Свердловск, 1975. - С. 30 – 40.

Бармина Н.И. Место и значение Мангупской базилики в истории Дороса-Мангупа-Феодоро /Н.И.Бармина // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения проф.М.Я.Сюзюмова, 21 – 23 сентября 1993 г. / Тез. докл. Екатеринбург, 1993.- С. 3 - 4.

Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья /Н.И.Бармина // АДСВ: Византия и средневековый Крым. Вып. 27. - Симферополь: Таврия, 1995. - С. 77 - 90.

Бармина Н.И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения /Н.И.Бармина // Россия-Крым-Балканы: диалог культур: Науч. докл. Международной конференции (Севастополь, 6-10 сентября 2004 г.). - Екатеринбург: НПМП «Волот», 2004. - С.260-265.

Бармина Н.И. Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) /Н.И.Бармина //АДСВ. - Екатеринбург, 2005.Вып.36. - С.307-318.

Бармина Н.И. Этапы жизни Мангупской базилики /Н.И.Бармина // ТГЭ. Византия в контексте мировой культуры: К 100-летию со дня рождения А.В.Банк. Материалы конференции.- СПб.,2008а.Т. XLII.- С.305-313.

Бармина Н.И. Раскопки Мангупской базилики в 2005 году /Н.И.Бармина// АДСВ. Вып.38. – С.267-277.

Бармина Н.И. Археологическое изучение Мангупской базилики в 1850-1930 гг. (источниковедческий аспект)/Н.И.Бармина//АДСВ. – Екатеринбург, 2009. Вып.39.- С.409-422.

Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. Вып. III.- Симферополь: Таврия, 1993. - С. 320 - 339.

Баранов И.А. Главные ворота средневековой Солдайи /И.А.Баранов // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. - Киев: Наукова думка, 1988. - С.81- 96.

Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости /И.А.Баранов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII - XVI веках. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989.- С. 46 - 61.

Баранов И.А., Данилова Е.В. Генуэзский нагорбок 1384 р. з Судака /И.А.Баранов, Е.В.Данилова // Археолгія. № 2. 1991. - С. 145 - 148.

Баранов И.А., Климанов Л.Г. Новые латинские надписи генуэзской Солдайи /И.А.Баранов, Л.Г.Климанов // Археология Крыма. № 1. - Симферополь, 1997. - С. 99 - 108.

Баранов И.А., Тур В.Г. Средневековый монастырь на г.Перчем /И.А.Баранов, В.Г.Тур //Археологические исследования в Крыму. – Симферополь:Сонат, 1997. – С.61-64.

Баранов И.А. Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. /И.А.Баранов // Сугдейский сборник. Вып.IV. Киев-Судак: «Горобец», 2010.- С.601-617.

Барбаро и Контарини о России // К истории итало-русских связей в XV в. /Вступ. статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скржинской. - Л.: Наука, 1971. - 274 с.

Барсамов Н.С. Археологические раскопки в Отгузах 1927 и 1928 гг./Н.С.Барсамов // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60-й). С.- 165 - 169.

Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас (Гаураc — Гаβραc) /Р.М.Бартикян // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. 1987. № 3. Ч. 1.- С. 190–200; 1987. № 4, Ч. 2. - С. 181–193; Ч. 3. 1988. № 1 - С. 163–178.

Бартикян Р.М. О византийской аристократической семье Гаврас (Гаураc — Гаβραc) /Р.М.Бартикян // Studia Armeno-byantina. Vol. 2.- Erevan, 2002. - С. 389–428.

- Башкиров А.С., Боданинский У.А.* Памятники крымско-татарской старины: Эски-Юрт / А.С. Башкиров, У.А.Боданинский // Новый восток. 1925. №8/9. – С.295-311.
- Башкиров А.С.* Сельджукизм в древнем татарском искусстве /А.С.Башкиров //Крым. 1926. №2. – С.109-125.
- Башкиров А.С.* Художественные памятники Солхата /А.С.Башкиров //Крым. 1927. №1 (3). – С.122-144.
- Бемянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Крым. Географические названия /И.Л.Бемянский, И.Н.Лезина, А.В.Суперанская. - Симферополь: Таврия Плюс, 1998. - 160 с.
- Беляев С.А.* Послесловие к статье Е.Н. Жеребцова /С.А.Беляев // Очерки по истории христианского Херсонеса /отв. ред. С.А. Беляев. СПб.:Алетейя, 2009. - С.150.
- Белов Г.Д.* Херсонес Таврический: историко-археологический очерк / Г.Д.Белов. - Л.: Государственный Эрмитаж, 1948. -147 с.,ил.
- Белов Г.Д., Якобсон А.Л.* Квартал XVII (раскопки 1940 г.)/Г.Д.Белов, А.Л.Якобсон //МИА. №34. -1953. – С.109-159.
- Беляев Л.А.* Христианские древности: введение в сравнительное изучение /Л.А.Беляев. – СПб.:Алетейя, 2020. – 575 с. (Серия «Новая Византийская библиотека. Исследования»).
- Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя /А.Л.Бертье-Делагард // ЗООИД. 1888. Т. XIV. - С. 166 - 279.
- Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России. Раскопки Херсонеса /А.Л.Бертье-Делагард//Материалы по археологии России.№12.1893.- С.1-114.
- Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе /А.Л.Бертье-Делагард // ИАК. Вып.21, 1907. - С.1-207.
- Бертье-Делагард А.Л.* Керменчик (Крымская глушь) /А.Л.Бертье-Делагард.- Одесса, 1899. - 41 с.,ил.

- Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие /А.Л.Бертье-Делагард // Избранные труды по истории христианства в Крыму. II. - Симферополь: Изд-во «Доля», 2011. - С.139-252.
- Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро /А.Л.Бертье-Делагард // ИТУАК. 1918. № 55. - С. 1 - 44.
- Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде /А.Л.Бертье-Делагард //ИТУАК.1920.№ 57.- С. 1 - 134.
- Бертье-Делагард А.Л.* Избранные труды по истории средневекового Крыма /А.Л.Бертье-Делагард. III. Симферополь: Изд-во «Доля», 2012.- 322 с., ил.
- Беспалов Р.А.* Литовско-ордынские отношения 1419-1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства /Р.А.Беспалов//МАИАСК. Вып.5.- Севастополь-Тюмень, 2013. - С.30-52.
- Бибиков С.Н.* Средневековое укрепление Исар близ села Чоргунь / С.Н.Бибиков // КСИИМК. 1939. Вып. II. - С.30-32.
- Бобринский А.* Несколько слов о местности, прилегающей к развалинам замка в Гурзуфе /А.Бобринский// ИТУАК. 1894. №21. - С.56-58, рис.1-7.
- Бобринский А.А.* Херсонес Тарихический. Исторический очерк /А.А. Бобринский. Тип. И.Н. Скороходова. VIII. - СПб.,1905. - 196 с.
- Богданова Н.М.* К вопросу о городском управлении в Херсонесе в начале XIII века /Н.М.Богданова //Социальные группы традиционных обществ Востока.- М., 1985. Ч.1.- С.42-63.
- Богданова Н.М.* Херсон в X - XV вв. Проблемы истории византийского города /Н.М.Богданова // Причерноморье в средние века. - М.: Изд-во МГУ, 1991а. Вып. I. - С. 8 - 164.
- Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X-XV вв. /Н.М.Богданова // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов. - М., 1991б.- С.23-32.

Богданова Н.М. О методике использования археологических источников по истории византийского города /Н.М.Богданова // Причерноморье в средние века. - М.: Изд-во МГУ, 1995. Вып. II. - С. 104 - 116.

Богуш-Сестренцевич Ст. История о Таврии [История царства Херсонеса Таврийского]: в 2 т./Ст.Богуш-Сестренцевич. - СПб.: Типография Шнора, 1806. - 884 с.

Боданинский У.А. Крым много веков назад: работа этнографической группы научной экспедиции Крм ЦИК и СНК /У.А.Боданинский //Красный Крым. 1925. 23 августа.

Боданинский У.А. Этнографическая экспедиция /У.А.Боданинский //Красный Крым. 1926. 16 февраля.

[*Боданинский У.А.*] Карасубазарская старина / У.А.Боданинский// Красный Крым, 1926, 3 сентября. Издано под псевдонимом: Усейн Адель-Рефи.

Боданинский У.А. Татарские мавзолеи «дубре» в Крыму /У.А.Боданинский // ИТОИАЭ. Т.1 (58). – Симферополь, 1927. – С.195-201.

Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму /У.А.Боданинский // Реконструкция народного хозяйства в Крыму. – Симферополь, 1930. Вып.2.-31 с.

Боданинский У.А. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Куле по разведкам 1933 г. /У.А.Боданинский // ИГАИМК. 1935. № 117. - С. 81 - 87.

Боданинский Усеин. Собрание сочинений /У.Боданинский.- Т.II. Дневники: 1923-1926 гг.- Казань,Симферополь: Ин-т им.Ш.Марджани АН РТ, 2018. – 264 с.,ил.

Боданинский Усеин. Собрание сочинений /У.Боданинский.- Т.III. Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчёты и др. Бахчисарайского дворца-музея 1920-1934 гг.- Казань, Симферополь: Ин-т им.Ш.Марджани АН РТ, 2020. – 544 с.

Божилев И. Фамилията на Асеновци (1186 – 1460). Генеалогия и просопография /И.Божилев. - София, 1994. - 506 с.,ил.

- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы /Е.П.Борисенков, В.М.Пасецкий. - М.: Мысль, 1988. - 522 с.
- Бороздин И.Н.* Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму /И.Н.Бороздин //Педагогическая жизнь Крыма. 1925. №9/10. – С.17-20.
- Бороздин И.Н.* Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока: сб. статей /И.Н.Бороздин/ Под ред. И.Н.Бороздина. - М.; Л.: АCADEMIA, 1931. – С.3-18.
- Бороздин И.Н.* Новейшие открытия в области татарской культуры /И.Н. Бороздин //Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 25 февраля – 5 марта 1926: стенографический отчёт. Баку, 1926а. – С.33-38.
- Бороздин И.Н.* Солхат. Предварительный отчёт о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза СССР в 1925 году /И.Н.Бороздин /Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР.-М.:Искра революции,1926.-32 с.
- Бороздин И.Н.* Археологические памятники юга СССР /И.Н.Бороздин // Новый Восток. 1926б. №15.-С.197-201.
- Бороздин И.Н.* Археология и социология: К изучению древних культур Юга СССР /И.Н.Бороздин //Новый Восток. 1926в. №12. – С.202-213.
- Бороздин И.Н.* Солхат. Предварительный отчёт о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году /И.Н.Бороздин. – М.: Искра революции. – 1926г. – 32 с.
- Бороздин И.Н.* Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму /И.Н.Бороздин // Бюллетень конференции археологов СССР в Керчи. Керчь: 4-я гостипография, 1926. №2. 6 сентября. – 4 с.
- Бороздин И.Н.* Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: Работы археологической экспедиции 1926 года /И.Н.Бороздин//Научная ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР.М.:Искра революции,1927.-21 с.
- Бороздин И.Н.* Из Оттузской старины (надгробие шейха Якуба из Коньи 729 г. хиджры)/И.Н.Бороздин //ИТОИАЭ. 1927. Вып. I (58). – С.24-26.

Бороздин И.Н. Некоторые очередные задачи изучения татарской культуры в Крыму /И.Н.Бороздин //Крым. 1927. №2. –С.108-112.

Бороздин И.Н. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925-1926 гг. /И.Н.Бороздин/Музей восточных культур. –М.,1927. – 7 с.

Бороздин И.Н. Два мусульманских памятника в Отузах /И.Н.Бороздин // Труды секции археологии /Институт археологии и искусствознания. – М., 1928. Т.4.-С.90-93.

Бороздин И.Н. Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока: сб. статей /И.Н.Бороздин/ Под ред. И.Н.Бороздина. -М.; Л.: АCADEMIA, 1931. – С.3-18.

Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII - вторая половина XV вв.)/С.Г.Бочаров // Причерноморье в средние века. - СПб.: Изд-во "Алетейя", 1998а. Вып. III. - С. 82 - 116.

Бочаров С.Г., Джанов А.В. Предметы вооружения XIV - XV веков из генуэзских городов Восточного Крыма /С.Г.Бочаров, А.В.Джанов// Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV - XV в. - Варна, 2000.- С. 19 - 20.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV – XV вв. Южный берег Крыма /С.Г.Бочаров // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). - Киев: Издательский дом «Стилос», 2004. - С. 186 – 204.

Бочаров С.Г. Описание средневековых храмов региона Алушты в архивных материалах П.И.Кеппена /С.Г.Бочаров // «О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена)/Гл. ред. В.Л.Мыц. - Киев: ИД «Стилос», 2004а. - С.43-57.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV-XV веков. Консульство Солдайское /С.Г.Бочаров //АДСВ. Вып.36.- Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. - С.282-293.

Бочаров С.Г. Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар /С.Г.Бочаров // Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху и средневековье: Материалы 11-го заседания совместных комиссий по истории, археологии, этнографии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии Румынии /Ред. С.Г.Бочаров и В.Кожукару.- Симферополь: Таврия, 2009.- С.108-114.

Бочаров С.Г., Новиченкова Н.Г., Горбунов В.И. Исследования Восточно-Крымской (феодосийской) экспедиции в 2009 г. /С.Г.Бочаров, Н.Г.Новиченкова, В.И.Горбунов // Археологічні дослідження в Україні у 2009 р. (АДУ). - Волинь: Волинські старожитності, 2010. - С.41.

Бочаров С.Г. Археологические исследования средневекового селения Джалита (Ялта) в 2010 году/С.Г.Бочаров //Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного болгарского форума /отв. ред. Ф.Ш.Хузин. - Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. - С.30-43.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV-XV веков (Кампанья Каффы)/С.Г.Бочаров // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения Г.А.Фёдорова-Давыдова /Ред. Совет: Васильев Д.В., Зеленева Ю.А., Ситдинов А.Г. - Казань, 2011.- С.137-145.

Бочаров С.Г. Археологические исследования средневекового замка Гелин-Кая в 2006 году/С.Г.Бочаров // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого археологического кружка Казанского ун-та /Отв. ред. Д.А.Сташенков. - Казань: ИИ АН РТ, 2012.- С.109-121.

Бочаров С.Г. Новые материалы по изучению средневековых крепостей (исаров) Южного берега Крыма (замок на скале Гелин-Кая)/С.Г.Бочаров

//Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. IV Международная научная конференция (г.Ялта, 25-26 апреля 2013 г.) /Ред. А.В.Глузман, Е.В.Пономарёва. - Ялта: РИО КГУ, 2013.- С.9-10.

Бочаров С.Г. Генуэзский замок Калиера /С.Г.Бочаров// Генуэзская Газария и Золотая Орда /Отв. ред. С.Г.Бочаров; науч. рец.: И.Л.Кызласов [и др.].- Кишинёв: Stratum plus, 2015а.- С.47-98.

Бочаров С.Г. Спор между иерархами Херсонской, Сугдо-Фульской и Готской митрополий о приходах Южного берега Крыма (вторая половина XIV в.). Возможные причины конфликта /С.Г.Бочаров // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византистов /Ред. М.В.Грацианский, П.В.Кузенков. М. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2016в. - С.35-37.

Бочаров С.Г., Неделькин Е.В. Селения Чембальского консульства в XIV-XV вв.: материалы к археологической карте /С.Г.Бочаров, Е.В.Неделькин // Учёные записки Крымского федерального ун-та им.В.И.Вернадского. Исторические науки. - Симферополь, 2017. Т.3. №1. - С.16-41

Бочаров С.Г. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание /С.Г.Бочаров// Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» /Отв. ред. Н.Н.Крадин, А.Г.Ситдииков. - Владивосток: Дальнаука, 2017а. - С.57-63.

Бочаров С.Г. О причинах конфликта между иерархами Херсонской, Сугдейско-Фульской и Готской митрополиями за приходы Южного берега Крыма (вторая половина XIV в.)/С.Г.Бочаров //Вестник Волгоградского гос. ун-та: Серия 4. История. Религиоведение. Международные отношения. 2017б. Т.22. №5. - С.46-55.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV вв. Консульство Чембальское /С.Г.Бочаров // Поволжская археология. 2017в. №2. - С.204-223.

Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте)/С.Г.Бочаров, В.П.Кирилко // Dobrudja, 32. 2017г. - С.279-304.

Бочаров С.Г., Неделькин Е.В. К вопросу о восточной и южной границах княжества Феодоро в XV в./С.Г.Бочаров, Е.В.Неделькин // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай. 7-8 сентября 2017 г. Тезисы докл. и сообщ. /Ред.-сост. О.М.Стойкова.-Бахчисарай, 2017д.-С.11-12.

Бочаров С.Г. Поселение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII – XIV вв.) /С.Г.Бочаров // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. /Институт истории им. А.Х.Халикова, Акад. наук Респ.Татарстан, Ун-т высшей антропол. шк.; под ред. С.Г.Бочарова [и др.]; обл. Д.А.Топал. - Казань: Б.и.; Кишинёв: Stratum plus: Ун-т «Высшая антропологическая шк.», 2019а.- С.409-446.

Бочаров С.Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275-1475 гг.)/С.Г.Бочаров // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т.2. /Ин-т археологии им. А.Х.Халикова Акад. Наук Респ. Татарстан, Ун-т высшая антропологическая школа; под ред.: С.Г.Бочарова, А.Г.Ситдикова; науч. рецензенты: И.К.Зигидуллин [и др.]; обл.: Д.А.Топал. - Кишинеу; Stratum Plus; Казань: Б.и., 2019б. - С.741-770.

Бочаров С.Г. Балаклава: введение в историческую топографию османского города 1475-1774 годов на Крымском полуострове /С.Г.Бочаров // Лики войны: Stratum plus. №6. 2019в. - С.321-330.

Бочаров С.Г. Селение Кубатуба XIII-XV вв. на побережье Керченского полуострова. Новый пункт генуэзской Газарии /С.Г.Бочаров // Уваровские чтения IV «Древности Юга России»: Материалы Международной конф. Государственный историко-археологический музей заповедник «Херсонес Таврический» 12-15 сентября 2019 г./Ред. сост. А.В.Сазанов, Н.В.Гинькут. - Севастополь: ООО «Колорит», 2019г. - С.32-37.

Бочаров С.Г. Эски-Крым: введение в историческую топографию города Крымского ханства /С.Г.Бочаров //Поволжская археология. 2021. №2. – С.121-135.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Некоторые соображения об эволюции городов Золотой Орды /С.Г.Бочаров, А.Н.Масловский //Stratum plus.№6. – 2022. – С.319-329.

Бочаров С.Г. Кастропуло. Исар, которого не было? /С.Г.Бочаров //XVI Дмитровские чтения (7-8 октября 2021 года): история Южного берега Крыма /Сборник научных статей. – Ялта: «Визави» ИП Чахирев А.А., 2022. – С.27-29.

Бочаров С.Г., Яворская Л.В. Севльские поселения Крыма золотоордынского времени: современное состояние изучения /С.Г.Бочаров, Л.В.Яворская // Археология Евразийских степей. №4. 2022. – С.228-235.

Броневский В. Обзорение южного берега Тавриды. В 1815 году /В.Броневский. Тула: Типография губернского правления. 1822. - 192 с.

Брун Ф.К. Берег Чёрного моря между Днепром и Днестром, по морским картам XIV и XV столетий /Ф.К.Брун //ЗООИД. Т.IV. 1860.- С.244-260.

Брун Ф.К. О дипломатических сношениях египетского султана Бибарса с золотоордынским ханом Берке /Ф.К.Фрун //ЗООИД. – 1867. –Т.6.С.612-622.

Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии /Ф.К.Брун// Труды первого археологического съезда в Москве 1869 г. М., 1871. Т. II. - С. 365 - 403.

Брун Ф.К. О монетах генуэзских, находимых в России /Ф.К.Брун // ЗООИД. 1872. Т. VIII. - С. 141 - 167.

Брун Ф.К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России /Ф.К.Брун // Записки Императорской Академии наук. - СПб., 1874. Т. XXIV. - С. 1 - 60.

Брун Ф.К. О поселениях итальянцев в Газарии. Топографические и исторические заметки /Ф.К.Брун // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. - Одесса, 1879 -1880. Ч. II. - С.187 - 240.

Брунов Н.И. Памятники ранневизантийской архитектуры в Керчи /Н.И.Брунов // ВВ. Т.25. 1928. - С.87-105.

Бубенок О.Б. К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым /О.Б.Бубенок// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Боспорские чтения. Вып. V. - Керчь, 2004. - С. 30 – 35.

Бубенок О.Б. Аланы-Асы в Золотой Орде (XIII-XV вв.) /О.Б.Бубенок. - Киев, 2004. - 506 с.,ил.

Бубенок О.Б. Адыги в Северном Причерноморье /О.Б.Бубенок. – Киев: Наукова думка, 2019. – 418 с.,ил.

Буйских С.Б., Ієвлєв М.М. Про осіле населення понізь Дніпра та Південного Бугу у X-XIII ст. /С.Б.Буйских, М.М.Ієвлєв // Археологія. №4. 1991. - С.89-104.

Булгаков В.В. Византийские конически-вытянутые амфоры X в. / В.В.Булгаков//Сугдейский сборник. Вып. I. – Киев-Судак: Академперіодика, 2004. –С.5-12.

Булгаков В.В. Византийские желобчатогорлые амфоры X-XI вв. / В.В.Булгаков// Сугдейский сборник. Вып. II. – Киев-Судак: Академперіодика, 2005. –С.25-37.

Бураков А.В. Полів'яний посуд з городища Дрніпровське – 2 /А.В.Бураков //Археологія. №4. 1991. - С.105-109.

Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму /В.А.Бушаков.- К., 2003. - 226 с.

Бухарев Иоанн. Жития всех святых, празднуемых православною греко-российскою церковью /И.Бухарев. - СПб., 1996. - 767 с.

Бырня П.П. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV- начало XVI в.)/П.П.Бырня. - Кишинёв, 1981. - 205 с.

Вальков Д.В. “Non absque cordis amaritudine...”: Казус в генуэзско-турецких отношениях первой половины XV века /Д.В.Вальков// Вопросы эпиграфики.

Вып.4 [Сб. ст.] /Университет Дмитрия Пожарского /Отв. ред. А.Г.Авдеев. – М.: Русский фонд содействия Образованию и Науке. 2010. – С.259-274.

Вальков Д.В. Генуэзская эпиграфика Крыма /Д.В.Вальков. - М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2015. - 368 с, ил.

Варваровский Ю.Е. «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики) /Ю.Е.Варваровский //Время денег. Stratum plus. - СПб.-Кишинёв-Одесса. №6. 1999. - С.276-287.

Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60-70-е гг. XIV века / Ю.Е. Варваровский. - Казань: Инст-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2008.-128 с.

Варнеке Б.В. Императорское Одесское общество истории и древностей (1839-1914) /Б.В.Варнеке // ЖМНП. 1914.Ч.54 (декабрь). - С.47-61.

Васильева Р.В. Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия, 1859-1917: Заметки архивиста /Р.В.Васильева // Культурное наследие Российского государства. Вып.2: Прошлое и современность: Учёные и политики об историческом и культурном достоянии. - СПб.: Вести, 2000. - С.177-187.

Васильев А.А. Готы в Крыму /А.А.Васильев // ИГАИМК. - М. - Л., 1927. Т. V. - С. 179 - 282.

Васильев А.А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя /А.А.Васильев // Византийская библиотека (Вст. статья, примечания, научная редакция, перевод с английского языка и именной указатель А.Г.Грушевого). – Изд. второе, исправленное: Изд-во «Алетейя». - СПб., 2000. - 581 с.

Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования. Жития Св.Георгия Амастридского и Стефана Сурожского /В.Г.Васильевский // Труды В.Г.Васильевского. - Пг.,1915. Т.3. – 424 с.

Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии (Труды В.Г. Васильевского). В 2-х книгах (4-х томах). Кн.1 (тт.1-2). /Ред.-сост. М.В.Грацианский, В.П.Кузенков. М.:ДАР. 2010. 928 с.; Кн.2 (тт.3-4).-848 с.

[В.Г.]. Рецензия на книгу Н.Мурзакевича «История генуэзских поселений в Крыму //ЖМНП. 1838. Ч.18.№6.С.613-616.

Ведров В.М. Об итальянских колониях в XIII в. в Хазарии (Заметка на доклад г.Бруна)/ В.М.Ведров // Труды первого археологического съезда в Москве 1869 г. М., 1871. Т. II.- С. 404 - 407.

Веймарн Е.В., Репников Н.И. Сюйреньская крепость: Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг./Е.В.Веймарн, Н.И.Репников // ИГАИМКю – 1935, №117. – С.115-125.

Веймарн Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму /Е.В.Веймарн // КСИА АН УССР. 1960. Вып.10. - С.109-117.

Веймарн Е.В. Во владениях "господ Феодоро" /Е.В.Веймарн // Дорогой тысячелетий. Симферополь, 1966. - С. 119 - 132.

Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма /Е.В.Веймарн// Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. - С. 45 - 82.

Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро /Е.В.Веймарн, И.И.Лобода, И.С.Пиоро, М.Я.Чореф // Феодалная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. - С. 123 – 139.

Веймарн Е.В., Иванов Л.И. Раскопки на Мангупе /Е.В.Веймарн, Л.И.Иванов // АО за 1974 год. М.: Наука, 1975а. - С. 263 - 264.

Веймарн Е.В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища /Е.В.Веймарн// АДСВ: Византия и её провинции. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1980. - С. 19 - 33.

Веселовский Н.И. Рец. на кн.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. –СПб.,1887 //ЖМНП. – 1889. №1, отд.2. – С.168-178.

Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время /Н.И.Веселовский. Пг.: Изд-во: Российская Государственная Типография, 1922. - 64 с.

Вернадский В.Г. Монголы и Русь /Перевод с англ. Е.П.Беренштейна Б.Л. Губмана, О.В.Строгановой. Тверь. - М.,1997. – 480 с.

Византийский Херсон. Каталог выставки /Ред. И.С.Чичуров: К XVIII Международному конгрессу византинистов. - М.:Наука, 1991. 256 с.,ил.

Вилинбахов Г.В. Легенда о «знамени Константину» в символике русских знамён XVII-XVIII веков // Из истории русской культуры /Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXIII. Л.1983.

Вилинбахов Г.В. Крест царя Константина в средневековой воинской геральдике Европы // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С.188-196.

Виноградов А.В. Крымские ханы в XVI веке //Отечественная история. 1999. №2. – С.58-69.

Виноградов А.Ю. Надписи княжества Феодоро в фондах Херсонесского музея /А.Ю.Виноградов // Причерноморье в Средние века /Под ред. С.П.Карпова. – СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 4. – С.444-446.

Виноградов А.Ю. Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи /А.Ю.Виноградов //Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб.: Филологический факультет. СПбГУ, 2004.- С.123-130.

Виноградов А.Ю., Луковникова Е.А. К вопросу о датировке росписей пещерных храмов «Успения» и «Донаторов» в Крыму /А.Ю.Виноградов, Е.А.Луковникова // ВЭ. – Вып.2 /Под ред. А.Г.Авдеева. – М., 2005. - С.124-133.

Виноградов А.Ю. «Разряд» и «Часть». Как нам обустроить Феодоро? /А.Ю.Виноградов //Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.- С.431-437.

Виноградов А.Ю., Мыц В.Л. Фунская надпись 1459 г. /А.Ю.Виноградов, В.Л.Мыц // АДСВ. Вып.36. Екатеринбург, 2005. - С.273-281.

Виноградов А.Ю. Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda /А.Ю.Виноградов // Вопросы эпиграфики. - 2010. Вып. IV. - С.217-253.

Виноградов А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа /А.Ю.Виноградов // МАИЭТ. Вып. XXII. 2017. - С.278-297.

Виноградов А.Ю. «Геральдические» надписи византийского Крыма /А.Ю.Виноградов // ТГЭ: [Т.] 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма»/ Государственный Эрмитаж. - СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2018. - С.223-232.

Виноградов А.Ю. Средневизантийские традиции церковного зодчества на южном, восточном и северном берегах Чёрного моря /А.Ю.Виноградов //АДСВ. 2018. Вып.46. –С.73-89.

Виноградов А.Ю. Τορονιμίσα Ροντίσα. I. Καλαμίτα /А.Ю.Виноградов // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ/ XI Международный Византийский Семинар (Севастополь-Балаклава, 3-7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Н.А.Алексеев. - Симферополь, 2019а. - С.75-78.

Владимиров Г.В. Материальные следы куманов в болгарских землях (конец XI – середина XIII в.): проблемы изучения /Г.В.Владимиров// Поволжская археология. №3 (9). 2014.- С.242-253.

Военный энциклопедический лексикон /Под ред. Л.И.Зеедлера: В 14-ти томах. - СПб., 1838. Т. 2. - 640 с., ил.

Волков М. О соперничестве Венеции с Генуей в XIV веке /М.Волков // ЗООИД. 1860. Т. IV. - С. 151 – 182.

Волков М. Четыре года города Каффы: 1453, 1454, 1455, 1456 /М.Волков // ЗООИД. 1872. Т. VIII. - С. 109 - 144.

Волконская И.Г. Фрески пещерных храмов Эски-Кермена и его округи (Юго-Западный Крым)/И.Г.Волконская//Русская культура XVI века – эпоха

митрополита Макария. Материалы X российской научной конференции, посвящённой Памяти Святителя Макария. Вып.Х. Можайск-Терра, 2003.- С.284-311.

Волконская И.Г. Эски-Керменские фрески. Новые исследования/
И.Г.Волконская //Церковные древности. Сборник материалов III
Международной конференции «Церковная археология: литургическое
устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения». –
Симферополь, 2005. - С.217-239.

*Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Резниченко И.А., Юнкин Ж.А., Брызгалов
В.В.* Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2008 г. / А.А.
Волошинов, М.Ю.Мельников, И.А.Резниченко, Ж.А.Юнкин, В.В.Брызгалов//
Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Т.2/
Отв. ред. С.Ю.Внуков, О.В.Шаров. – М.: ИА РАН, 2019. – С.211-237.

Воронин Ю.С., Даниленко В.Н., Кутайсов В.А. и др. Работы в Бахчисарайском
р-не /Ю.С.Воронин, В.Н.Даниленко, В.А.Кутайсов // АО за 1978 г. М.:
Наука, 1979. - С. 313 - 315.

Воронин Ю.С., Майко В.В., Кутайсов В.В. Археологические раскопки
Сюйренского укрепления 1978-1979 гг. Раскоп I /Ю.С.Воронин, В.В.Майко,
В.А.Кутайсов // История и археология Крыма. Вып. I. Сборник статей,
посвящённый 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского.
Симферополь, 2014. - С.464-479.

[Габлиц К.И.] Физическое описание Таврической области, по её
местоположению, и по всем трём царствам природы /К.И.Габлиц. СПб.:
Императорская типография у Ивана Вейтбрехта, 1785. - 198 с.

Габлиц К.[И.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего
состояния нынешней Таврической Губернии собранные из разных древних и
средних времён писателей с тремя картами /К.И.Габлиц. СПб.: [без места],
1803. - 52 с., ил.

[Габлиц К.] Изъяснение плана развалин древнего Херсона / К.Габлиц
//Отечественные записки. 1822. №22: февраль. - С.158-163.

Гавриил А.,Х.иТ. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский /А.Гавриил //ЗООИД. Т.І.1844. - С.320-328.

Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003-2008 гг.). – Киев; Запорожье: «Дикое поле», 2010. – 176 с., 346 ил.

Галенко А.И. Виноделие в османском Крыму /А.И.Галенко//Дионис-Вахх-Бахус в культуре народов мира. - Симферополь: Крымский архив, 2002, Вып.1. - С.49-70.

Ганцев В.К. Виноградные ножи в средневековом Крыму: опыт классификации /В.К.Ганцев // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис / XII Международный Византийский Семинар (Севастополь-Балаклава, 25-29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Н.А.Алексеевко. Симферополь: Колорит, 2020. - С.77-84.

Ганцев В.К. Средневековые скальные виноградодавильни Юго-Западного Крыма: топография и проблемы датировки /В.К.Ганцев //Новые исследования молодых археологов в Крыму. Материалы научной конф., 6-7 октября 2020 г., г.Симферополь /Науч. рец. И.Н.Храпунов. Симферополь: ХХХ. 2020.- С.18-24.

Ганцев В.К. Средневековые скальные винодавильни Юго-Западного Крыма: источниковая база и основные направления современных исследований /В.К.Ганцев//Боспорские исследования. Вып. XLIII. 2021. –С.133-153.

Гейд В. Итальянские колонии на побережьях Черного и Азовского морей /В.Гейд/ Извлечение из сочинения В.Гейда: "История торговли Востока в средние века" / Перевод Л.П.Колли // ИТУАК. 1915. № 52. - С. 68 - 185.

Генуэзский меч, найденный в Крыму // ЗООИД. 1844. Т. І. - С. 624.

Герцен А.Г. «О двух рукописях сочинения А.А.Васильева в архиве ЛОИА АН СССР /А.Г.Герцен // ВВ.1979.Т.40. - С.191-192.

Герцен А.Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа /А.Г.Герцен // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. - Свердловск, 1983. - С. 88 - 104.

Герцен А.Г. Оборонительная система столицы княжества Феодоро /А.Г.Герцен // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII - XVI веках. - Ростов-на-Дону, 1989. - С. 38 - 45.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа /А.Г.Герцен// МАИЭТ. Вып. I. - Симферополь, 1990. - С. 88 – 165.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале /А.Г.Герцен, Ю.М.Могаричев // Археологические памятники Крыма. - Симферополь: Таврия, 1993. - 119 с., ил.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа /А.Г.Герцен, Ю.М.Могаричев. - Симферополь: Таврия, 1996. - 128 с., ил.

Герцен А.Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея /А.Г.Герцен // АДСВ. Вып. 32.- Екатеринбург, 2001. - С. 257 – 282.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Восточная оборонительная стена Чуфут-Кале /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. - Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. - С. 279 - 319.

Герцен А.Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма /А.Г.Герцен // МАИЭТ. Вып. VIII. - Симферополь, 2001. - С. 366 – 387.

Герцен А.Г. Дорос – Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу /А.Г.Герцен // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. - С. 17 – 19.

Герцен А.Г. Описание Мангупа – Феодоро в поэме иеромонаха Матфея /А.Г.Герцен // МАИЭТ. Вып. X. - Симферополь, 2003. - С. 562 – 589.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко //Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Том.1 /Отв. ред. С.Г.Бочаров, В.Л.Мыц. - Киев: Стилос, 2005. - С.257-287.

- Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В.* Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) /А.Г.Герцен, А.Ю.Землякова, В.Е.Науменко, А.В.Смокотина //МАИЭТ. Вып.ХІІ. - Симферполь, 2006. - С.371-494.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко // АДСВ. - Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. Вып.37. - С.384-432.
- Герцен А.Г.* Археологические исследования Мангупа в 1967-1977 гг. /А.Г.Герцен // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвящённый 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.Н.Даниленко. - Симферополь: СОНАТ, 2008. - С.305-326.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Археологические исследования в районе церкви Св.Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.)/ А.Г.Герцен. В.Е.Науменко //МАИЭТ. Вып. XV. – 2009а. – С.389-431.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997-1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко //АДСВ. - Екатеринбург, 2009б. Вып.39. - С.423-466.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко // ТГЭ. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв. Материалы международного семинара. - СПб., 2010.- С.227-253.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко // ТГЭ. Византия в контексте мировой культуры. Материалы международной конференции, посвящённой памяти А.В.Банк. - СПб., 2010а. Т.LI. - С.387-419.
- Герцен А.Г.* О первоначальном местоположении надписи с упоминанием храма свв.Константина и Елены: Каламита или Феодоро /А.Г.Герцен //

Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / отв. ред. Т.Ю.Яшаева. - Севастополь:Телескоп, 2013. - С.118-128.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. К исторической топографии Мангупского городища: церковь Святого Константина /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко// Международные научные «II Свято-Владимирские чтения», посвящённые 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира. Сборник тезисов докладов и сообщений конференции. Севастополь, 2015. - С.16-18.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. «Между Золотой Ордой и Романией...» великокняжеский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников)/А.Г.Герцен, В.Е.Науменко //Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки /Министерство культуры РК. – Симферополь, 2016. - С.36-49.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко // Золотоордынская цивилизация. Вып.9, - Казань, 2016а. - С.247-258.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом /А.Г.Герцен, Ю.М.Могаричев. - Симферополь: ООО «Антиква», 2016в. - 312 с.,ил.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища: по материалам раскопок 2015-2016 гг. /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К.Косцюшко-Валюжинича. Сборник материалов конференции. - Севастополь, 2017. - С.9-13.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения Мангупа /А.Г.Герцен, Ю.М.Могаричев //Учёные записки Крымского федерального университета

им.В.И.Вернадского. Серия «Исторические науки».Том 3 (69).-Симферополь, 2017а.- С.102-129.

Герцен А.Г. Княжество Феодоро /А.Г.Герцен // История Крыма: в 2 т. /отв. ред. А.В.Юрасов. – М.: Кучково поле, 2018а. Т.1. – С.306-313.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Чуфут-Кале в описании А.С.Уварова /А.Г.Герцен, Ю.М.Могаричев //Поволжская археология. 2018б. №4. - С.264-283.

Герцен А.Г.,Зайцев И.В. Эпоха смут, междоусобиц и временных взлётов (1359-1441 гг.) /А.Г.Герцен, И.В.Зайцев // История Крыма в 2т. /отв. ред. А.В.Юрасов. – М.: Кучково поле, 2018. Т.1. – С.303-306.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища/ А.Г.Герцен, В.Е.Науменко // Миры Византии: ΧΕΠΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып.2. Сб. научных трудов/отв. ред. Н.А.Алексеев. - Симферополь, 2019. - С.115-176.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Иожица Д.В. Княжеский дворец Мангупского городища. Проблемы архитектурно-археологической реконструкции памятника /А.Г.Герцен, В.Е.Науменко, А.А.Душенко, Д.В.Иожица // Актуальные вопросы использования культурного наследия Крыма: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Евпатория, 30-31 мая 2019 г. /Глав. Ред. В.Е.Науменко. – Симферополь: ИТ «Ареал», 2019. – С.60-70.

Гёнцель Ч. Филологические заметки к двум генеалогиям крымско-татарского рода Ширин /Чаба Гёнцель//Золоордынское обозрение. 2017. Т.5, №4. – С.811-824.

Гнутова С.В. «Константинов крест» - древнейший памятник раннехристианского искусства на территории России /С.В.Гнутова // http://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=68 (последнее посещение 19.01.2015).

Голандский П.И. Медресе и мечеть Абдуль Азиза в Солхате /П.И.Голландский //Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи.- Керчь: 4-я гостипография, 1926, №2. 6 сентября. – 4 с.

Голден П.Б. Формирование куман-кыпчаков и их мира /П.Б.Голден //МАИЭТ. Вып.Х. – Симферополь, 2003. – С.458-480.

Головин Н. Несколько слов о роде князей Комниных /Н.Головин. - М., 1854. - 14 с.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Глазурованная посуда из раскопок квартала Х /Л.А.Голофаст, С.Г.Рыжов // Античная древность и средние века. Вып.31. 2000. - С.251-265.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала Х в Северном районе Херсонеса. МАИЭТ. Х. 2003. – Симферополь. - С.182-261.

Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке /Л.А.Голофаст //МАИЭТ. Вып. XV. 2009. – С.275-377.

Голофаст Л.А. Несколько групп стеклянных сосудов из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе /Л.А.Голофаст //МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. – С.107-142.

Гонца Г.В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV - первой трети XVI в./Г.В.Гонца. - Кишинев, 1984. - 149 с.

Гончаров Е.Ю. Восточная нумизматика Херсонеса (вторая половина XII-первая половина XV вв.) /Е.В.Гончаров //Причерноморье в Средние века /под ред. С.П.Карпова. Вып. VII. - М.:СПб.: Алетейя, 2009. - С.118-132.

Гончаров Е.Ю. Двуглавый орёл на монетах Золотой Орды и Малой Азии. Вторая половина XIII-XIV вв./Е.Ю.Гончаров //Нумизматика Золотой Орды. №5. 2015. - С.5-15.

Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н. Монеты их раскопок 1971 г. у храма Иоанна Предтечи в Керчи /Е.Ю.Гончаров, В.Н.Чхаидзе // V Международный нумизматический симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка». Материалы научной конференции: Симферополь.- М., 2018.- С.37-38.

Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии /В.Гордлевский /Отв.ред. И.Ю.Крачковский. - М.- Л.,1941.- 200 с.

Горев С.В., Шабанов С.Б. Три позднесредневековых шлема из собрания центрального музея Тавриды /С.В.Горев, С.Б.Шабанов // История и археология Крыма. Вып. VI. Сборник статей /Отв. ред. В.В.Майко. - Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. - С.137-144.

Грабарь И.Э. Вместо предисловия /И.Э.Грабарь //Вопросы реставрации: сб. /ЦГРМ; под ред. И.Э.Грабаря. – М.,1928. Вып.2.-С.5-6.

Греков И.Б. Османская империя и страны Центральной и Восточной Европы в 50 - 70-е гг. XV в. /И.Б.Греков // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV - XVI вв.- М.: Наука, 1984. - С. 59 – 83.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение /Б.Д.Греков, А.Ю.Якубовский//Памятники русской исторической мысли.-М.: Богородский Печатник, 1998. - 364 с.

Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок: 1827-1927 /К.Э.Гриневич. - Севастополь, 1927. - С.18-23.

Григорьев В. Монеты джучидов, генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове /В.Григорьев // ЗООИД. 1844. Т. I. - С. 301 - 314.

Григорьев В. Ярлыки Тохтамыша и Саадет-Гирея /В.Григорьев //ЗООИД. 1844 Т. I.- С.337-345.

Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV: хронология правлений /А.П.Григорьев //Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып.VII.Ленинград, 1983. - С.9-54.

Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – Л., 1987. – Вып.10. – С.28-89.

Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр /А.П.Григорьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2(9). 1994.- С. 28 – 38.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции /А.П.Григорьев, В.П.Григорьев. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. - 274 с.

Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма /А.П.Григорьев //Вестник СПбГУ. Серия 2, 2003. Вып.4 (№26). – С.22-29.

Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма /А.П.Григорьев// Мамай. Опыт историографической антологии. - Казань, 2010. - С.107-118.

Гринберг М. Последняя осада Каффы (1346-1347 гг.) ханом Джанибеком и Чёрная смерть: к вопросу о достоверности источников и о хронологии /М.Гринберг // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII-XVI вв.). Сборник научных статей. - Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. - С.75-89.

Гриненко Л.О. Предтеча археологического музея в Херсонесе: музей архимандрита Евгения /Л.О.Гриненко // Восток – Запад: Межконфессиональный диалог. Сборник науч. трудов /Под ред. Ю.А.Бабинова, Х.Хоффманна.- Севастополь, 2003. - С.97-101.

Громенко С.В. Тимур, Токтамыш и Идегей в Крыму: историографическая традиция и историческая реальность /С.В.Громенко //Золотоордынское обозрение. №3.2015. – С.43-53.

Гросс Ф. Живописная коллекция видов Крыма Фридриха Гросса: альбом-каталог /Ф.Гросс; [автор-составитель М.Р.Мальгина].- Симферополь: Н.Орианда, 2015.-152 с.:ил.

Грушевський М.С. Історія України-Русі: в 11 т.,12 кн./Редкол: П.С.Сохань (голова) та ін. Київ: Наукова думка. Т.4.-1993.-544 с.

Гудаков В.В. Северное Причерноморье и Поволжье XII-XVI вв. (по материалам некоторых исторических журналов, издающихся на Западе) /В.В.Гудаков //Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. - Ростов-на-Дону, 1989. - С.5-9.

Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400-1442 гг. и возникновение Крымского ханства /В.П.Гулевич//Золотоордынское обозрение. 2013. №1.- С.110-146.

Гулевич В.П. Крым и «императоры Солхата» в 1400-1430 гг.: хронология правления и статус правителей /В.П.Гулевич//Золотоордынское обозрение. 2014. №4 (6).- С.166-197.

Гулевич В.П. О хронологии правлений и личностях правителей Крымского ханства в 1475-1478 гг. /В.П.Гулевич// Золотоордынское обозрение. 2014. №2 (4).- С.172-190

Гулевич В.П. Малоизвестный крымский хан Джанибек (1476-1477 гг.)/Гулевич // Золотоордынская цивилизация. 2017. №10. - С.315-320.

Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым 1399-1502 гг. /В.П.Гулевич /Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ. - Казань, 2018. - 492 с.

Гулевич В.П., Джанов А.В. Письмо Крымского хана Менгли Гирея генуэзским эмиссарам Бартоломео Компофрегозо и Лодизио Фьески от 30 декабря 1481 года /В.П.Гулевич, А.В.Джанов//Золотоордынское обозрение. 2019. Т.7. №2. – С.318-332.

Гурулёва В.В. Клад золотых монет раннепалеологовского времени, найденный в Судак в 1964 году /В.В.Гурулёва // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы II Судакской международной конференции (12-16 сентября 2004 г.). Ч.2. - Киев; Судак, 2004. - С.64-67.

Гюзелев В. Очерци върху историята на българския североизток и черноморието (край на XII – началото на XV век) /В.Гюзелев. - София: Борина, 1995. - 143 с.,ил.

Давидова М.Г., Лепяхин В.В. Введение во храм Пресвятой Богородицы /М.Г.Давидова, В.В.Лепяхин. - СПб.: Метропресс: ООО «Метропресс», 2013.

Данилевич В. Заметка о древностях в окрестностях д.Кекенеиз, Ялтинского уезда /В.Данилевич// ИТУАК. 1907. №40. С.56-60.

Даниленко В.Н. Жилые дома Херсонеса XIII-XIV вв. /В.Н.Даниленко // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. –С.60-72.

Даниленко В.Н. Археологические исследования Сюйреньского укрепления в горном Крыму (раскоп II) /В.Н.Даниленко// Учёные записки Крымского федерального ун-та им. В.И.Вернадского. Серия: История. Исторические науки. 2016. Т.2 (68). №1. - С.39-48.

Данилова Э.В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам "Codice") /Э.В.Данилова // Феодальная Таврика. - Киев: Наукова думка, 1974. - С. 189 – 214.

Дероко А. Средновековни градови у Србиј и Црној Гориј и Македониј /А.Дероко.- Београд, 1950. - 214 с., ил.

Джанов А.В. Гончарные печи XIV - XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи /А.В.Джанов //Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X - XVIII вв. по материалам поливной керамики / Тез.докл.науч.конф. Ялта 25 - 29 мая 1998 г.- Симферополь,1998. - С. 82 - 89.

Джанов А.В. Походы сельджукских войск на Судак и в Киликию в правление Ала ал-Дина Кайкубада I /А.В.Джанов// Сугдейский сборник. Вып. III. 2008.- С.46-78.

Джанов А.В. Монастырь на мысе Димитраки /А.В.Джанов //Сугдейский сборник. Вып.IV. –Киев-Судак, 2010. - С.569-573.

Джанов А.В. Казалии Солдайи и Готии по данным книг массарии Каффы /А.В.Джанов // История и археология Крыма. Вып.V / Отв. ред.В.В.Майко. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. - С. 286-340.

Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов /А.В.Джанов // Золотоордынское обозрение. 2020. Т.8 №4. – С.675-713.

Дмитриев С.В. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общеазиатский контекст) /С.В.Дмитриев // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. - СПб., 1997. - С. 212 - 219.

Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья /А.И.Добролюбский /Отв. ред. П.О.Карышковский. - Киев, 1986. – 142 с., ил.

Доде З.В. Бестиарий на «монгольских» шелках. Стиль и семантика дизайна /З.В.Доде// Археология, этнография и антропология Евразии. Вып.2 (30), 2007. - С.100-113.

Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма /О.И.Домбровский. - Киев: Наукова думка, 1966а. - 107 с., ил.

Домбровский О.И. Средневековая Таврика - крымская "Готия" /О.И.Домбровский // Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму /Сост. В.П.Бабенчиков, Е.В.Веймарн, Т.Н.Высотская и др. - Симферополь: Крым, 1966б. - С. 41 - 75.

Домбровский О.И. Средневековые памятники Бойки /О.И.Домбровский // Археологические исследования средневекового Крыма. - Киев: Наукова думка, 1968. - С. 83 - 96.

Домбровский О.И. Крепость в Горзувитах /О.И.Домбровский. –Симферополь: Таврия, 1972. – 112 с.,ил. (серия Археологические памятники Крыма).

Домбровский О.И., Махнева О.А. Столица Феодоритов /О.И.Домбровский, О.А.Махнёва. - Симферополь: Таврия, 1973. - 104 с., ил. (серия Археологические памятники Крыма).

Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" Крымского Южного бережья /О.И.Домбровский // Феодальная Таврика /Отв. ред С.Н.Бибиков. - Киев: Наукова думка, 1974. - С. 3 - 56.

Домбровський О.І. Пам'ятки південнобережної та гірної частини Криму /О.І.Домбровський // Археологія УРСР. – Т.3. - Київ: Наукова думка, 1975. - С. 467 - 476.

Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Сурб-Хач и Солхат /О.И.Домбровский, В.А.Сидоренко. – Симферополь: Таврия, 1978. – 128 с.,ил. (серия Археологические памятники Крыма).

Домбровский О.И. Средневековый Крым X - XV вв. / О.И.Домбровский // Археология Украинской ССР. - Т.3: Раннеславянский и древнерусский периоды [В.Д.Баран, Р.С.Орлов, П.П.Толочко и др.]; редкол. Тома: В.Д. Баран (отв.ред. [и др.]). - Киев: Наукова думка, 1986. - С. 518 - 535.

Домбровский О.И. Херсонес /О.И.Домбровский // Археология Украинской ССР. Т.3. Раннеславянский и древнерусский периоды. - Киев: Наукова думка, 1986. Т. 3. - С.535-548.

Дончека-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средновековие /Л.Дончека-Петкова. - София, 1977. 223 с., ил.

Дончека-Петкова Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX-XIV вв.)/Л.Дончека-Петкова. -София: Проф. Марин Дринов, 2011.- 735 с.,ил.

Дорогой тысячелетий: Экскурсии по средневековому Крыму /Ред.-сост. О.И.Домбровский. - Симферополь: Крым, 1966. - 192 с., ил.

[*Дортелли д'Асколи Э.*] Описание Чёрного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г./Пер. Н.Н.Пименова. Издано с прим. почётн. чл. А.Л.Бертъе-Делагарда //ЗООИД. Одесса, 1902. Т.ХХIV, Отд.1.С.89-180.

Дрбоглав Д.А. Загадки латинских клейм на мечех IX-XIV веков: (Классификация, датировка и чтение надписей) /Д.А.Дрбоглав. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 137 с.,ил.

Дьячков С.В. Раскопки «консульской церкви» в Чембало в 1999-2000 гг. /С.В.Дьячков// Проблемы истории и археологии Украины: Материалы международной науч.конф. (Харьков, 16-18 мая 2001 г.). - Харьков, 2001. С.93-94.

Дьячков С.В., Алексеенко Н.А. Начало археологических исследований генуэзской крепости Чембало/С.В.Дьячков,Н.А.Алексеенко // Universitates (научно-популярный ежеквартальный журнал) №4.-Харьков, 2002, - С.28-37.

Дьячков С.В. «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV-XV вв.)/С.В.Дьячков // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сб. научных трудов (по материалам конференции в честь 210-

летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена).- Киев: ИД «Стилос», 2004,- С.246-255.

Дьячков С.В. Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV-XV вв./С.В.Дьячков // Генуэзская Газария и Золотая Орда /Ин-т археологии им. А.Х.Халикова Акад. Наук Респ. Татарстан, Ун-т высшая антропологическая школа; под ред.: С.Г.Бочарова, А.Г.Ситдикова; науч. рецензенты: И.К.Зигидуллин [и др.]; обл.: Д.А.Топал. Кишинеу; Stratum Plus; Казань: Б.и., 2019. С.771-790.

Егоров В.Л., Фёдоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище /В.Л.Егоров, Г.А.Фёдоров-Давыдов //Средневековые памятники Поволжья. – М.:Наука, 1976. – С.108-166.

Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой /В.Л.Егоров //Куликовская битва /Сб. статей. - М., 1980. - С.174-213.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII - XIV вв. /В.Л.Егоров. - М.:Наука, 1985. - 236 с.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII - XIV вв. /В.Л.Егоров. /Отв. редактор В.И.Буданов. 2-е издание - М.: Книжный дом «Либроком», 2009. - 248 с.

Ельников М.В. Образ дракона – змия на серьгах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект /М.В.Ельников// Stratum plus. Культурная антропология и археология. №6. 2005-2009. Причерноморские этюды. 2010. - С.410-420.

Ельников М.В. Резиденція беклярбека Мамає і місто Орду (до 60-річчя дослідження Кучугурського городища/М.В.Ельников //Давня та нова історія України: Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Вып. XXXVI. 2013. - С.28-32.

Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII - XV вв. /А.Г.Еманов. - Тюмень, 1995. - 225 с., ил.

Еманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным солнцем. Кафа в мировой торговле XIII-XV веков /А.Г.Еманов. - СПб.:Алетейя, 2018. - 368 с.

Жаворонков П.И. Никейско-Трапезундские отношения в 1213-1216 гг./П.И.Жаворонков // Византийские очерки. Труды советских учёных к XVI Междунар. Конг. Византинистов /Отв. ред.: З.В.Удальцова.- М.,1982.-С.183-190.

Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV - XV вв. /К.А.Жуков. - М.: Наука, 1988. - 191 с.

Забелин И.Е. История города Москвы. От Юрия Долгорукого до Петра I /И.Е.Забелин. - М.: Вече, 2006. - 688 с.

Завадская И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг./И.А.Завадская //МАИЭТ. Вып.XIV. 2008. – С.291-315.

Завадская И.А. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма /И.А.Завадская // ТГЭ. [Т.].LIII. (53). Архитектура Византии и древней Руси IX-XII веков: Материалы международного семинара: 17-21 ноября 2009 г. – СПб.: Гос.Эрмитаж, 2010.- С.254-268.

Завадская И.А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма /И.А.Завадская //МАИЭТ. Вып.ХХ. 2015. - С.213-232.

Завадская И.А. О торговых связях города на плато Эски-Кермен с Херсоном (по материалам строительной керамики) // МАИСК. Вып.9. 2017. - С.145-164.

Завадская И.А. Черепица группы 1а на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства /И.А.Завадская //МАИЭТ. Вып. ХХII. 2017а. – С.160-186.

Зайбт В. Иаков, митрополит Готии и его печать (XIV в.) /В.Зайбт //МАИЭТ.- Вып. ХХII.- Симферополь, 2017. - С.299-305.

Зайцев И.В. Семья Хаджи-Гирея // Altaica XII. Сборник статей и материалов. - М.: Институт Востоковедения РАН, 2007. – С.64-71.

Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV-XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники /И.В.Зайцев; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит-ра, 2009. – 304 с.,ил.

Зайцев И.В. Крымское ханство: вассалитет или независимость? //Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С.Тверитиновой (1910-1973). – М.,2010. – С.288-298.

Зайцев И.В. Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства/ И.В.Зайцев //Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как фактор политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. – Москва, 18-20 апреля 2012 г. Материалы конференции. – М.,2012. – С.97-102.

Зайцев И.В. Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства /И.В.Зайцев// От Онона к Темзе. Чингисиды и их соседи. - М., 2013. - С.494-505.

Зайцев И. Образование Крымского ханства /И.В.Зайцев// История татар с древнейших времён. - Т. IV: Татарские государства XV-XVIII вв. - Казань, 2014. - С.130-146.

Зайцев И.В. Ислам в Крыму в XIV-XVIII веках /И.В.Зайцев // Золотоордынское обозрение. - №2. - 2015. - С.103-128.

Зайцев И.В. Рецензия на: В.Л.Руев. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году /Под научной редакцией А.Г.Герцена. – Симферополь: Антиква, 2014. – 308 с.,ил.//Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. №2.- С.200-206.

Зайцев И.В. Крымское ханство. 1441-1783 гг. /И.В.Зайцев //История Крыма: в 2 т. /отв. ред. А.В.Юрасов. – М.:Кучково поле, 2018. Т.,гл.14. – С.365-438.

Залеская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X - XII веках /В.Н.Залеская // Восточное средиземноморье и Кавказ IV - XVI вв. - Л.: Искусство, 1988. - С. 93 - 104.

Залеская В.Н., Пятницкий Ю.А. Сирия и Палестина // Византия и византийские традиции (Памятники из фондов Эрмитажа и Русского музея). Путеводитель по выставке. Л., 1991. - С.21-22

Залеська В.М., Калашник Ю.П. XX квартал Херсонеса у XIII ст. (за даними археології та матеріальних пам'яток) /В.М.Залеська, Ю.П.Калашник // Археологія, 1992.- №3. - С.69-82.

Залеская В.Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье /В.Н.Залеская // Преслав. - № 4. - София: Св. Георгий Победоносец, 1993. - С. 368 - 376.

Залеская В.Н. Клад из Ай-Василя: об историко-культурных связях средневековой Ялты // Византия и средневековый Крым /В.Н.Залеская // АДСВ. - Вып. 27. -Симферополь: Таврия, 1995. - С. 98 - 101.

Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV веков. Каталог коллекции /В.Н.Залеская. - СПб.:Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. - 254 с.,ил.

*Засыпкин Б.Н.*Обследование памятников архитектуры Крыма /Б.Н.Засыпкин //Новый Восток. 1927, №18. – С.277-278.

Засыпкин Б.Н. Памятники монументального искусства Советского Востока /Б.Н.Засыпкин //Художественная культура советского Востока: сб.статей /под ред. И.Н.Бороздина. – М.;Л.: АCADEMIA. 1931. –С.18-49.

Засыпкин Б.Н. Состояние татарских памятников Крыма /Б.Н.Засыпкин //Бюллетень конференции археологов СССР в Керчи. Керчь. 4-я типография, 1926. №3. 3 сентября. – 7 с.

Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар /Б.Н.Засыпкин// Крым. – М.,1927, №2 (4). – С.113-168.

Захаров В.А. О фрагменте хачкара из Кизил-Таша и времени образования одноимённого монастыря /В.А.Захаров // Судакский сборник. Вып. III. 2008. – С.440-442.

Захаров В.А. История археологических исследований судакской крепости //Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая, г.Евпатория. – Симферополь: Изд-во Типография Ариал, 2019. – С.106 -114.

Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII - XV вв. /Е.С.Зевакин, Н.А.Пенчко // Исторические записки. - М., 1938. - Т. III. - С. 72 - 129.

Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV веке /Е.С.Зевакин, Н.А.Пенчко // Исторические записки. - М., 1940. - Т. VII. - С. 3 - 33.

Зиливинская Э.Д. Мавзолеи западных районов Золотой Орды /Э.Д.Зиливинская // Крымское историческое обозрение. 2014. №1.–С.256-281.

Зиливинская Э.Д. Христианские церкви золотоордынского времени в Крыму /Э.Д.Зиливинская //Крымское историческое обозрение. 2016. №2. - С.167-199.

Зильманович И.Д., Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: ремесленная мастерская на объекте XII / И.Д.Зильманович, М.Г.Крамаровский // Отчётная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1992 год. – СПб.: Гос.Эрмитаж, 1992. – С.5-9.

Золотая Орда: библиографический указатель /Авт.сост. И.М.Миргалиев. Казань, 2013. – 412 с.

Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. - Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2016. - 968 с.

Івакін Г.Ю. Історичний розвиток Києва XIII - середини XVI ст. (історико-топографічні нариси) /Г.Ю.Івакін. - Київ, 1996. - 271 с.

Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк с рисунками и планом раскопок /Е.Э.Иванов //ИТУАК. 1912. Вып. 46. - 400 с.

Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта /А.А.Иванов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. - Ростов-на-Дону. 1989. - С.24-31.

Иванов А.В. Крепости и замки Южного берега Крыма. Мир крымского средневековья/ А.В.Иванов. - Севастополь: Библекс, 2010. - 288 с.

Иванов Б.Н., Дублянский В.Н., Домбровский О.И. Басманские пещеры в горном Крыму // Крымское заповедно-охотничье хозяйство (50 лет)

/Б.Н.Иванов, В.Н.Дублянский, О.И.Домбровский / Отв. ред. А.П. Доценко. Симферополь: Крымиздат, 1963. - С. 28–30.

Иванов В.А. Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) /В.А.Иванов //Археология Евразийских степей. №6. 2020. – С.253-278.

Ивашута Л.П. Неполивная керамика поздневизантийского Херсона (по материалам раскопок портового квартала)/Л.П.Ивашута//АДСВ. - Вып.11. - 1975. - С.15-21.

Измайлов И., Исхаков Д. Хан и аристократия: структура власти и управления /И.Измайлов, Д.Исхаков // История татар с древнейших времён. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009. - С.310-320.

Измайлов И.Л. Становление средневекового татарского этноса // История татар с древнейших времён /И.Л.Измайлов. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в.–Казань: ИИ АН РТ, 2009а. – С.349-365.

Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Организация войска. Военное искусство /И.Л.Измайлов// История татар с древнейших времён. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009б. – С.409-431.

Измайлов И.Л., Усманов М.А. Ислам в Улусе Джучи /И.Л.Измайлов, М.А.Усманов// История татар с древнейших времён. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009в. – С.599-617.

Измайлов И.Л. Татарское военное искусство /И.Л.Измайлов // История татар с древнейших времён. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009г. – С.686-690.

Измайлов И.Л. «Великая замятня» /И.Л.Измайлов // История татар с древнейших времён. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009д. – С.695-705.

Измайлов И.Л. Войско Улуса Джучи во второй половине XIII-XV вв.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск /И.Л.Измайлов //Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. - Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С.23-35.

Измайлов И.Л., Ситдилов А.Г. Мусульманская археология: объём и содержание понятия /И.Л.Измайлов, А.Г.Ситдилов // Поволжская археология. - 2016. - №2 .- С.8-17.

Измайлов И.Л. «Чёрная смерть» и кризис в Улусе Джучи: идеальный шторм /И.Л.Измайлов // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII-XVI вв.). Сборник научных статей. Казань: Ин-т истории им. - Ш.Марджани АН РТ, 2018. - С.23-46.

Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи (Золотой Орды): теория и практика военной археологии /И.Л.Измайлов //Археология Евразийских степей. - №6. – 2020. – С.279-300.

Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (1) /Х.Иналджик // Золотоордынское обозрение. - 2013. - №1. - С.147-163.

Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (2) /Х.Иналджик // Золотоордынское обозрение. – 2013а. - №2. - С.117-127.

Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (3) /Х.Иналджик // Золотоордынское обозрение. - 2014. - №1 (№3). - С.163-173.

Иналджик Г. Османська імперія. Класична доба 1300 – 1600 /Г.Иналджик/ Переклав з англ. О.Галенко. - Київ: Критика, 1998. - 284 с.

Иоаннисян О.М. Храмы-ротонды в древней Руси // Иерусалим в русской культуре. - М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С.100-147.

История татар с древнейших времён: в 7 т. Казань, 2009. Т. III : Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. С. 695-712.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI-первой четверти XV в. /Д.М.Исхаков, И.Л.Измайлов - Казань: Иман, 2000. – 136 с.

Исхаков Д.М. В поисках истоков и смысла изображения двуглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах /Д.М.Исхаков // Нумизматика Золотой Орды. - №3.- 2013. - С.120-127.

Исхаков Д.М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа /Д.М.Исхаков //Золотоордынское обозрение.2016.Т.4.№2.–С.420-442.

Исхаков Д.М. Роль тюрко-татарского составляющего в становлении государствообразующего «народа» Улуса Джучи XIII-XIV вв. /Д.М.Исхаков // Золотоордынское обозрение. - 2017. - Т.5. - №2. - С.290-324.

История татар с древнейших времён. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII-XV вв. - Казань, 2009. - 1051 с.

Иогансон Л.И. К анализу исторических источников о землетрясениях в Крыму /Л.И.Иогансон // Вопросы инженерной сейсмологии. - Т.44. - №3. - 2017. - С.25-40.

Иречек К. История на Българети (с поправки и добавки от самия автор)/К.Иречек / под ред. на проф. П.Хр.Петров. - София: Изд-во Наука и Изкуство, 1978. - 671 с.

Казагежев Ж.В. Войны черкесских княжеств с Крымским ханством и западно-грузинскими владениями в 20-30-х гг. XVI в. /Ж.В.Казагежев // Вестник Владикавказского научного центра. Т. II. №2. – 2011. –С. 12-14.

Казарян А.Ю. Армянская архитектура Крыма в XIII-XV вв. К вопросу о границах между национальными/конфессиональными традициями на полуострове /А.Ю.Казарян //

Калашник Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982-1988 гг.). /Ю.П.Калашник// Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. - Ленинград, 1989. - С.165-187.

Карамзин Н.М. История государства Российского /Н.М.Карамзин. - М.: Изд-во Эксмо, 2002. -1024 с., илл.

Караулов Г.Э. Древнее Суюренское укрепление и башня на Бельбеке /Г.Э.Караулов // Новороссийский календарь. - Одесса, 1861. - С. 1 - 24.

Караулов Г.Э. Крымские пещерные города и крипты /Г.Э.Караулов// ЗООИД. - 1872. - Т. VIII. - С. 39 – 108.

Караулов Г.Э. Недавняя археологическая находка в Крыму (Древний христианский храм, открытый художником Струковым в д. Партенит в октябре 1871 г.) /Г.Э.Караулов// ЗООИД. - 1872. - Т. VIII. - С. 314 - 317.

Карлов С.В. Средневековая метательная артиллерия на Мангуп-Кале /С.В.Карлов // БИАС. - 1997. - Вып. 1. - С. 341 - 359.

Карлов С.В. О ранней огнестрельной артиллерии на Мангуп-Кале /С.В.Карлов // Культура народов Причерноморья. - Симферополь, 1998. - №3. - С. 339 - 340.

Карлов С.В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае /С.В.Карлов // Откровения древнего Солхата /Под ред. А.Г.Герцена. – Керчь, 2012. – 35-77.

Карпов С.П. Трапезундская империя и русские земли /С.П.Карпов// ВВ. - Т. 38. - 1977. - С. 38 - 47.

Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII - XV вв./С.П.Карпов. - М., 1981. - 232 с.

Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII - XV вв.: проблемы торговли /С.П.Карпов. -М.: Изд-во МГУ, 1990.-335 с.

Карпов С.П. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII - XV в. /С.П.Карпов. - М.: Восточная литература, 1994. - 158 с.,ил.

Карпов С.П. Причерноморье в XV веке по материалам собрания *Diversorum, Filze* Секретного Архива Генуи /С.П.Карпов // Причерноморье в средние века. - М., 1995. - Вып. II. - С. 9 - 19.

Карпов С.П. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? Византия между Западом и Востоком /С.П.Карпов// ВВ. - СПб.: Изд-во «Алтейя», 1999. - С. 220 - 237 .

Карпов С.П. Латинская Романия /С.П.Карпов. -СПб.:«Алтейя», 2000. - 256 с.

Карпов С.П. Образование Трапезундской империи (1204–1215 гг.) /С.П.Карпов // ВВ. Т.60 (85). 2001. - С. 5–29.

Карпов С.П. История Трапезундской империи /С.П.Карпов.- СПб.: Алтейя, 2007. - 624 с.

Карпов С.П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343-1349 гг. /С.П.Карпов // Причерноморье в Средние века /Отв.ред.С.П.Карпов. Вып.9. - СПб.: Алтейя, 2015. - С.8-43.

Карпов С.П. Тана – колыбель Кризиса середины XIV века / С.П.Карпов// Stratum plus. - №6. - 2016. - С.203-212.

Карпов С.П. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму /С.П.Карпов // История Крыма: в 2 т.: гл.13 /отв. ред. А.В.Юрасов. - М.:Кучково поле, 2018. - С.314-362.

Карпов С.П. О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия /С.П.Карпов //Поволжская археология. №2 (32). 2020. – С.38-47.

Карпов С.П. История Таны (Азов) в XIII-XV вв.: в 2-х т./С.П.Карпов. – СПб.:Алтейя, 2021. – Т.1: Тана в XIII-XIV вв. – 378 с.: ил. (Новая Византийская библиотека. Исследования).

Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области / Авторы-составители: Колесник А.В., Полидович Ю.Б., Дегерменджи С.М., Дубовская О.Р. // Археологический альманах. - № 1. - Донецк, 1993. - 72 с.

Кац В.И. Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом / В.И.Кац // Stratum plus. 2014. №3. - С.353-364.

Кашовская Н.В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангуца /Н.В.Кашовская // МАИЭТ. Симферополь: ООО «Керченская городская типография», 2003. - Вып.Х. - С.556-561.

Каушлиев Г.С. Путешествие в Крым академика В.Ф.Зуева в контекст деятельности Академии наук по изучению новых территорий /Г.С.Каушлиев //Учёные записки Таврического национального ун-та им.В.И.Вернадского. Серия «История». Т.21 (60). 2008. №1. - С.16-20.

Квилидзе Н.В. Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» и её литературные параллели /Н.В.Квилидзе // Искусство христианского мира. - М., 1998. - Вып.2. - С.49-56.

Кемаль Я. Надпись на портале «мечети Узбека» в г.Старый Крым /Я.Кемаль// ИТОИАЭ. – 1927. – Т.1(58). – С.202-204.

Кёппен П.И. Археографическая и топографическая поездка по южному берегу Крыма П.И.Кеппен //Одесский вестник. 17 января 1834. - №5. - С.17-18.

Кёппен П.И. Указатель к карте Южного берега Крыма, принадлежащий к «Крымскому сборнику» Петра Кеппена /П.И.Кеппен.- СПб., 1836. -70 с.

Кёппен П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник /П.И.Кеппен. - СПб., 1837. - 409 с.

[*Кёллер К.Э.*]. Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г. /К.Э.Кёллер // ЗООИД. - 1872. - Т. VIII. - С. 372 - 396.

Кизилов М.Б. Крымская Готия: История и судьба /М.Б.Кизилов. - Симферополь: БФ «Наследие тысячелетий», 2015. - 352 с.: илл.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие (мечи и сабли IX - XIII вв.) /А.Н.Кирпичников // САИ. - Вып. I. - М. - Л.: Наука, 1966. - 175 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие (доспех, комплекс боевых средств IX - XIII вв.)/А.Н.Кирпичников // САИ. - 1971. - Е1-36. - 89 с.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII - XV вв /А.Н.Кирпичников. - Л.: Наука, 1976. - 104 с.

Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли /А.Н.Кирпичников. - М., 1984. - 274 с.

Кирилко В.П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция /В.П.Кирилко// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII - XVI веках. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. - С. 62 - 73.

Кирилко В.П., Мыц В.Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро /В.П.Кирилко, В.Л.Мыц// Византийская Таврика. - Киев: Наукова думка, 1991. - С. 147 - 171.

Кирилко В.П. Надвратные башни укреплений Таврики /В.П.Кирилко// Фортификация в древности и средневековье: Материалы методологического семинара ИИМК. - СПб., 1995. - С. 74 - 76.

Кирилко В.П. Византийская архитектура Мангупа /В.П.Кирилко // Археология Крыма. - N 1. -1997а. - С. 89 - 98.

Кирилко В.П. К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий /В.П.Кирилко // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X - XVIII вв. по материалам поливной керамики / Тез. докл. науч. конф. Ялта, 25 - 29 мая 1998 г. - Симферополь, 1998. - С. 120 - 124.

Кирилко В.П. Аспры с большим "Т" на лицевой стороне: опыт интерпретации /В.П.Кирилко // Время денег / Stratum-plus. - СПб. – Кишенев - Одесса, 1999а. -№6. - С. 137 - 141.

Кирилко В.П., Мыц В.Л. Фрагменты мечей из раскопок средневековой Фуны /В.П.Кирилко // Международна конференция "Оръжието и снаряжението през късна античност и средновековието IV - XV в.": Резюмета. - Варна, 2000. - С. 18 - 19.

Кирилко В.П., Мыц В.Л. Октагональный храм Мангупа /В.П.Кирилко, В.Л.Мыц// АДСВ. - Вып. 32. - Екатеринбург, 2001. - С. 354 – 375.

Кирилко В.П. Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV – XV вв.) /В.П.Кирилко // АДСВ. - Вып. 32. - Екатеринбург, 2001б. - С. 283 – 307.

Кирилко В.П., Мыц В.Л. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992 – 1993 гг.) /В.П.Кирилко, В.Л.Мыц// «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). - Киев: Издательский дом «Стилос», 2004. - С. 205 – 245.

Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны (1423-1475 гг.) /В.П.Кирилко. - Киев: ИД «Стилос», 2005. - 269 с.,ил.

Кирилко В.П. Памятники армянской архитектуры Солхата / В.П.Кирилко //Исследования по арменистике в Украине. - Вып.1. - Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. - С.37-43.

Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая /В.П.Кирилко //Stratum plus. №6. – Кишинёв – СПб., 2005-2009. – С.439-466.

Кирилко В.П. О времени строительства мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источников) /В.П.Кирилко //Stratum plus. №6. 2010. – С.103-120.

Кирилко В.П. Солхатское медресе /В.П.Кирилко//Stratum plus. 2011. - №6. – С.125-210.

Кирилко В.П. Рецензия на: Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Гирая (по материалам археологических исследований 2003-2008 гг.). – Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2010. – 176 с., 346 ил. /В.П.Кирилко //РА. №3. 2012а.-С.180-183.

Кирилко В.П. Двухапсидные храмы Таврики /В.П.Кирилко // Древняя и средневековая Таврика: Археологический альманах №28. Сборник статей, посвящённый 1800-летию города Судак. Донецк: Донбасс, 2012б. - С.189-224.

Кирилко В.П. Золотоордынская архитектура Крыма (общее и особенное) /В.П.Кирилко//Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума/ Археология Евразийских степей. Вып.17 /Отв. ред.Ф.Ш.Хузин. – Казань: Отечество, 2013. – С.84-99.

Кирилко В.П., Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г. Исследования Архитектурно-археологической экспедиции Крымского филиала ИА НАНУ в 2012 г./В.П. Кирилко, С.Г.Бочаров, А.Г.Ситдигов //Археологічні дослідження в Україні у 2012 р./Ред.Н.О.Гаврілюк. – Київ-Луцк: Доля, 2013. – С.53-54.

Кирилко В.П. Крепостные сооружения средневековой Алушты /В.П.Кирилко // Stratum plus. - 2014. - №.6. - С.177-234.

Кирилко В.П. Строительная периодизация т.н. мечети Узбека в Старом Крыму /В.П.Кирилко // Генуэзская Газария и Золотая Орда. - Кишинёв: Stratum plus, 2015а. - С.509-558.

Кирилко В.П. Портал крымской мечети Узбека /В.П.Кирилко//Stratum plus. – 2015. №6. – С.253-276.

Кирилко В.П. Архитектура Золотоордынского Крыма /В.П.Кирилко // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. - Том 1 /Сост. И отв. ред. С.Г.Бочаров, А.Г.Ситдигов. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016. - С.420-496.

Кирилко В.П. Главный храм Средневековой Алушты /В.П.Кирилко // Великотърновският университет «Св.Св.Кирил и Методий» и Българската археология. - Т.2. - Велико Търново: Изд-во «ИВИС», 2016. - С.751-766.

Кирилко В.П. Донжон генуэзского замка Гуаско в Тассили /В.П.Кирилко // Stratum plus. №6. - 2018. - С.255-274.

Кирилко В.П. Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э.Д.Зливинской /В.П.Кирилко // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т.2. /Ин-т археологии им. А.Х.Халикова Акад. Наук Респ. Татарстан, Ун-т высшая антропологическая школа; под ред.: С.Г.Бочарова, А.Г.Ситдикова; науч. рецензенты: И.К.Зигидуллин [и др.]; обл.: Д.А.Топал.-Кишинеу; Stratum Plus; Казань: Б.и., 2019. - С.691-740.

Келли Дж. Чёная смерть. История самой разрушительной чумы Средневековья /Джон Келли; [перевод с английского Л.В.Калининой]. – М.:

Эксмо, 2021. – 352 с. – (Хардкорная история. Исторические события в современном прочтении).

Климанов Л.Г. Казус Франческо де Камилла: новооткрытый памятник крымско-генуэзской эпиграфики в свете общественной и политической жизни Генуи первой трети XV в. (Лапидарная надпись 1426 г. с родовым именем Камилла, неизвестного консула Солдайи) /Л.Г.Климанов // Вспомогательные исторические дисциплины. - СПб., 2000. - Вып. XXVII. - С. 303 - 330.

Климанов Л.Г. Крымские памятники средневековой генуэзской лапидарной эпиграфики: возможности источника /Л.Г.Климанов// Сугдейский сборник. - Вып. II. - Киев-Судак, 2005. - С.454-484.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX-XVII вв. /В.Ю.Коваль- М.:Наука, 2010. - 270 с.

Коваль В.Ю. Византийские амфоры в Переяславле Рязанском /В.Ю.Коваль // КСИА. Вып.245-2. 2016. - С.117-130.

Коваль В.Ю. Археологические раскопки поселения Чокрак-Нойман I /В.Ю. Коваль// Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Т.2 /Отв. ред. С.В.Внуков, О.В.Шаров. – М.: ИА РАН, 2019. – С.87-96.

Когонашвили К.К., Махнева О.А. Алустон и Фуна/ К.К.Когонашвили, О.А.Махнёва. - Симферополь: Таврия, 1971. - 93 с.

Когонашвили К.К., Махнева О.А. Средневековая Фуна /К.К.Когонашвили, О.А.Махнёва//Феодальная Таврика. - Киев:Наукова думка,1974. -С. 111 - 123.

Козир І. Синьоводська битва 1362 року у світлі археологічних джерел // Науковий збірник «Воєнна історія Північного Причорномор'я та Таврії» (м.Севастополь, 6-7 жовтня 2011 р.). – Севастополь, 2011. - С.54-59.

Козир І.А., Чорний О.В. Локалізація битви на Синіх Водах 1362 р. у світлі нових джерел / І.А.Козир, О.В.Чорний // Український історичний журнал. Вип.2. – 2012. – С.11-27.

- Козырь И.А.* Город Синяя вода на реке Синяя вода: в поисках доказательств /И.А.Козырь // Золотоордынская цивилизация. - №7. - 2014. - С.189-198.
- Козир І. Панченко К.* У пошуках «Синьої Води»/І,Козир, Панченко О.// Археологія України за роки незалежності. Наукове видання. Київ, 2022. – С.402-408.
- Колесникова Л.Г.* Связи Херсонеса-Корсуня с племенами Восточной Европы в домонгольский период /Л.Г.Колесникова// ХСб., 2006. - Вып.15. - С.129-150.
- Колли Л.П.* Христофоро Ди-Негро, последний консул Солдайи. Последние годы генуэзской Солдайи. 1469 - 1475 гг. /Л.П.Колли// ИТУАК. - №38. - 1905. - С. 1 - 28.
- Колли Л.П.* Исторические документы о падении Каффы /Л.П.Колли // ИТУАК. 1911. №45. С. 125 - 139.
- Колли Л.П.* Каффа в период владения ею банком Св. Георгия (1454 - 1475) /Л.П.Колли // ИТУАК. 1912. №47. С. 75 - 112.
- Колли Л.П.* Хаджи-Гирей-хан и его политика /Л.П.Колли// ИТУАК. - 1913. - №50. - С. 99 - 139.
- Колли Л.П.* Падение Каффы /Л.П.Колли// ИТУАК. - №55. - 1918. - С. 145 - 174.
- Комеч А.И.* Церковь усекновения главы Иоанна Предтечи в Керчи /А.И.Комеч // Зограф.- Београд, 1992.№22. С.28-40.
- Комеч А.И.* Церковь усекновения главы Иоанна Предтечи в Керчи/А.И.Комеч //Мир искусств: альманах. М.: РИК «Культура», 1995. №2. С.359-377.
- Комеч А.И.* Церковь Иоанна Предтечи в Керчи // Проблемы изучения древнерусского зодчества (По материалам архитектурно-археологических чтений, посвящённых памяти П.А.Раппопорта, 15-19 января 1990 г.). - СПб.: Дмитрий Булавин, 1996. - С.128-129.
- Кондаков Н.П.* Мраморный рельеф из Пантикапея /П.Н.Кондаков// ЗООИД. - Одесса, 1877. Т.Х. Отд.1. - С.16-25.

Кондараки В.Х. Исарчик или Биюк-Мускомское древнее укрепление в Крыму /В.Х.Кондараки // ЗООИД. - 1867. Т. VI. - С.519-523.

Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма./В.Х.Кондараки - СПб., 1875. - Ч. 15. - 88 с.

Кондараки В.Х. В память столетия Крыма /В.Х.Кондараки// История и археология Тавриды. - М., 1883. - 571 с.

Кондараки В.Х. Князь Исай. Последний владетель Мангупа в Крыму (исторический факт в народном предании)/В.Х.Кондараки //В память столетия Крыма. М.: тип.В.В.Чичерина, 1883. –Ч.2.С.1-75.

Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. Золотая Орда в жизни городов Днестровско-Дунайского региона (По сведениям письменных источников) /И.Г.Коновалова, Н.Д.Руссев// Evul mediu timpuriu in Molljva (Probleme de istoriografie și istorie urbană) / Dragnev D. (ed.). - Chișiău, 1994. - P.70-107.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв. /И.Г.Коновалова. - М., 2018. – 217 с.

Контарини Амброджо. Путешествие в Персию //Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. /Пер. Е.Ч. Скржинской. - М.: Наука, 1971. - С.188-235.

Королёва Л. Александр Львович Бертъе-Делагард – картограф /Л.Королёва// Крымское историческое обозрение. 2019. №1. – С.8-17.

Коциевский А.С. Надчеканка татарских монет в средневековом Белгороде /А.С.Коциевский // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. - Кишинев, 1990. - С. 156 - 165.

Коробейников Д.А. Пафлагония и Крым в XIII в./Д.А.Коробейников// Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Тезисы докладов. - М., 1994. - С.62-63.

Кочубинский А. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман /А.Кочубинский // ЗООИД. - Т. XV. - 1889. - С. 506 - 547.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII - XIV в.)/А.А.Кравченко. - Киев: Наукова думка, 1986. - 125 с.

Кравченко А.А. Импортная поливная керамика XIII - XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея) /А.А.Кравченко // Северо-Западное Причерноморье - контактная зона древних культур. - Киев: Наукова думка, 1991. - С. 111 - 120.

Кузнецов В.А. Забытый Кремух /В.А.Кузнецов// Историко-археологический альманах. - Армавир - Москва, 2000. - № 6. - С. 29 - 36.

Куник А.А. О связи трапезундско-сельджукской войны 1223 г. с первым нашествием татар на Северное Причерноморье/А.А.Куник //Учёные записки Академии наук. - 1854. - Т.2. - Вып.5. - С.734-746.

Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (материалы и вопросы) /Б.А.Куфтин. - М.,1925. - 78 с.,ил.

Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские сумы /М.Г.Крамаровский // Сообщения Государственного Эрмитажа. - Л., 1980. - Т. XLV. - С. 68 - 72.

Крамаровский М.Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII - XV вв. /М.Г.Крамаровский // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. - Л., 1985. - С. 152 - 180.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII - XIV вв. /М.Г.Крамаровский // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989. С. 141 - 157.

Крамаровский М.Г. Крымский перстень с родовым гербом генуэзской семьи Спинола (Spinola) из собрания Эрмитажа /М.Г.Крамаровский// Российское византиноведение. Итоги и перспективы: Тез. докл. и сообщений на Междун. конф., посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского археологического Института в Константинополе (Санкт-Петербург, 24 – 26 мая 1994 г.). - М., 1994. - С. 63 – 65.

Крамаровский М.Г. Нейзацкий клад. Крым и Малая Азия в XIV в. // Византия и Ближний Восток. СПб.,1994. С.126-142.

Крамаровский М.Г. Клад из Ай-Василь: Крым, капитанство Готии, вторая четверть XV в. /М.Г.Крамаровский // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского / Тез. докл. - СПб., 1995а. - С. 26 - 29.

Крамаровский М.Г. Погребение беклярибека Мамаю (?): археологические наблюдения и исторический контекст /М.Г.Крамаровский // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского / Тез. докл. - СПб., 1996. - С. 38 - 41.

Крамаровский М.Г. Латинская Романия и золотоордынский Крым. Латинские перстневые находки и печати в Северном Причерноморье. Клад из Ай-Василь /М.Г.Крамаровский// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1 /гл. ред. А.В.Евглевский. Донецк: ДонГУ, 2000.-С.245-263.

Крамаровский М.Г. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. 1997. №1. – С.101-106.

Крамаровский М.Г. Латинская Романия и золотоордынский Крым. Латинские перстневые находки и печати в Северном Причерноморье. Клад из Ай-Василь /М.Г.Крамаровский // Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья. - Т. 1. -Донецк, 2000. - С. 245 - 263.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: Культурное наследие Золотой Орды /М.Г.Крамаровский. - СПб., 2001б. - 363 с.

Крамаровский М.Г. Перстень с родовым гербом семьи Спинола, найденный на Мангупе /М.Г.Крамаровский// АДСВ. Вып. 32. - Екатеринбург, 2001в. - С. 376 – 296.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (результаты полевых исследований). – СПб.: Гос.Эрмитаж, 2002.- 183 с.:ил.

Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII-XV вв. /М.Г.Крамаровский// МАИЭТ. Вып.Х. - Симферополь, 2003. - С.506-532.

Крамаровский М.Г. Средневековая базилика на городище Солхата /М.Г.Крамаровский // Византия в контексте мировой истории. - СПб.:Государственный Эрмитаж, 2004. - С.68-76.

Крамаровский М.Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIV в. (предварительное сообщение) /М.Г.Крамаровский//АДСВ. - 2008. - Вып.38. - Екатеринбург, - С.278-296.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия /М.Г.Крамаровский.- СПб.: «Евразия», 2012. - 496 с., 6 цв.вкл.

Крамаровский М.Г. Альбрехт Дюрер: браслет с китайским драконом (заметки о ювелирном прототипе) /М.Г.Крамаровский // АДСВ.- Екатеринбург, 2013, вып.41. - С.324-331.

Крамаровский М.Г. Крым и Румский султанат во 2-й половине XIII-XIV вв./М.Г.Крамаровский //Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 700-летию мечети хана Узбека. Симферополь, 14-18 октября 2014 г. - Симферополь, 2014а. - С.5-17.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Крепостные стены Солхата-Крыма (опыт археологического исследования)/М.Г.Крамаровский, Э.И.Сейдалиев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014б. Т.2.- С.384-387.

Крамаровский М.Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция /М.Г.Крамаровский //Экспедиции. Археология в Эрмитаже /Государственный Эрмитаж. - СПб.:АО «Славия», 2014. - С.138-152.

Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII-XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) /М.Г.Крамаровский // Золотоордынское обозрение. - №1. - 2016. - С.55-88.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Золотоордынский город в юго-восточном Крыму и его округа: постановка проблемы /М.Г.Крамаровский, Э.И.Сейдалиев // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ / XI Международный Византийский Семинар (Севастополь-Балаклава, 3-7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Н.А.Алексеев. - Симферополь, 2019. - С.137-140.

Крамаровский М.Г. Рах Mongolia и чингисидская глобализация /М.Г.Крамаровский //Золотая Орда и Причерноморье. Уроки чингисидской империи. Каталог выставки. Фонд Марджани. – М., 2019. – С.15-57.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Оборонительные сооружения средневекового Солхата (историко-археологический анализ) / М.Г. Крамаровский, Э.И.Сейдалиев//Археология Евразийских степей. - №6. – 2020а. – С.316-336.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Дюрбе конца XIV- начала XV вв. в Солхате (новые материалы) /М.Г.Крамаровский, Э.И.Сейдалиев // Золотоордынское обозрение. 2020. Т.8, №4. – С.714-736.

Крамаровский М.Г. Крым и тюрко-монгольский мир в эпоху средневековья /М.Г.Крамаровский // Terra tatarika: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 7-8 декабря 2022 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Э.И.Сейдалиев. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. - С.43-54.

Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей /Ю.А.Кулаковский// Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1899. Кн. XIII. Отд. 2. - С. 94 - 168.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк /Ю.А.Кулаковский. Киев, 1906 (1914). - 154 с.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды /Ю.А.Кулаковский/ Вступительная статья д.и.н. Леси Матвеевой. Киев: Стилос, 2002, - 225 с.; 3 карты; 8 ил.

Кулатова И.Н. Золотоордынские украшения из Зенькова // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2002. №1 (2). С.115; ил.

Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев /Л.И.Лавров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. - С. 188 - 204.

Лазаров Л.Ц. Джучидские монеты, чеканенные в Сакчи на территории современной Болгарии /Л.Ц.Лазаров// Нумизматика Золотой Орды. №2. 2012. - С.25-37.

- Латышев В.В.* Новая надпись из Партенита /В.В.Латышев // ЗООИД. 1886. Т. XIII. - С. 58 – 65.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России /В.В.Латышев. СПб., 1896. - 143 с.
- Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям из Крыма /В.В.Латышев// ЗООИД. 1897. Т. XX. - С. 149 - 162.
- Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. 2. Мангупская надпись /В.В.Латышев// ИАК. 1902. Вып. 3.-С. 21 - 57.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России/В.В.Латышев // ИАК. 1918. Вып. 65. - С. 9 - 21.
- Лашков Ф.Ф.* Статистические сведения, сообщенные каймаканами в 1783 г. /Ф.Ф.Лашков// ЗООИД. 1886. Т. XIV. - С. 91 - 156.
- Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения /Ф.Ф.Лашков. - Симферополь, 1897. - 310 с.
- Лебедев Г.С.* История Отечественной археологии 1700-1917 гг. /Г.С.Лебедев. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. – 464 с.
- Лебедев В.П.* Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV в.) / В.П.Лебедев // Вестники Одесского музея нумизматики, вып. 1-19. Одесса, 2004. - С.12-34.
- Лепер Р.Х.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. /Р.Х.Лепер// ИАК. 1913. Вып. 47. - С. 73 - 79.
- Лепер Р.Х.* Сведения о раскопках на Мангупе в 1913 г. /Р.Х.Лепер // ИТУАК. 1914. № 51. - С. 298 - 299.
- [*Лепер Р.Х.*]. Раскопки в Мангупе /Р.Х.Лепер// ОАК за 1913 - 1915 годы. СПб., 1918. - С. 72 - 84.
- Лидов А.М.* Небесный Иерусалим в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М.:Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994.-С.15-33.

Литаврин Г.Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII - XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака)/Г.Г.Литаврин // ВВ. №37. 1976. - С. 17 - 29.

Ломакин Д.А. Крымская научная сессия АН СССР 1952 года и развитие крымоведения в середине XX века /Д.А.Ломакин//Питання історії науки і техніки. – 2009. №2 –С.10-17.

Ломакин Д.А. Источники по истории изучения комплекса золотоордынских памятников г.Старый Крым (последняя четверть XVIII – начало XXI в.)/Д.А.Ломакин//МАИЭТ. Вып. XX. 2015. – С.509-566.

Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII-XV вв.: история изучения, современное состояние /Д.А.Ломакин/ Под ред. А.А.Непомнящего. Симферополь: Соло-Рич, 2015. – 240 с. – (Серия: Библиография крымоведения; вып. 24).

Ломакин Д.А. «Свинцовая мечеть» в г.Старый Крым: история исследования, современное состояние /Д.А.Ломакин // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. –С.359-374.

Ломакин Д.А. «Обширная мечеть, развалины коей заметны донныне»: отечественная историография последней четверти XVIII – начале XXI вв. о мечети средневековой крепости Кырк-Ер (Чуфут-Кале)//МАИЭТ. Вып. XXII. 2017. –С.535-551.

Ломакин Д.А. «Старая ставка» крымских ханов: отечественная историография об Эски-Юрте /Д.А.Ломакин //Золотоордынское обозрение. 2018. Т.6, №4. - С.741-765.

Ломакин Д.А. О купольном здании на территории Судакской крепости (20-е гг. XX – начало XXI вв.)/Д.А.Ломакин//МАИЭТ. Вып. XXIV. 2019. –С.566-586.

Ломакин Д.А. К ранней истории Бахчисарая: Эски-Юрт /Д.А.Ломакин// МАИЭТ. Вып. XXVI. 2021. – С.540-570.

Лопушинская Е.И. Крепость в Судакe /Е.И.Лопушинская. - Киев: Будивельник, 1991. - 104 с.,ил.

Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика /Ю.Г.Лосицкий, Е.А.Паршина //Православные древности Таврики: Сб. материалов по церковной археологии.- Киев:Стилос, 2002. - С.99-113.

Лосицкий Ю.Г. Храмы средневекового Крыма IV-XIV вв. (соображения по реконструкции и реставрации) /Ю.Г.Лосицкий // Древняя и средневековая Таврика /Сб. статей, посвящённый юбилею Е.А.Паршиной: Археологический альманах №33. – Киев: Видавец Олег Финюк, 2015. – С.179-200.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг //Алушта и Алуштинский регион с древнейших времён до наших дней. - Киев: Стилос, 2002. - С.59-88.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б., Мусин А.Е. Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму /А.В.Лысенко, И.Б.Тесленко, А.Е.Мусин // В камне и бронзе: Сборник статей в честь Анны Песковой /Ред. А.Е.Мусин. - СПб., 2017. - С.291-310,641.

Майко В.В., Куликов А.В., Бейлин Д.В. Земляные фортификационные сооружения средневекового Солхата /В.В.Майко, А.В.Куликов, А.В.Бейлин //Таврійські студії Історичні науки. 2013. №4. - С.110-116.

Макарова Т.И. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) /Т.И.Макарова // КСИА. 1965. №104. С.70-76.

Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи /Т.И.Макарова//СА. 1982. №4. - С.91-100.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи /Т.И.Макарова// МАИЭТ. 1998. Вып.6.С.345-362.

Макарова Т.И. Крым в X – первой половине XIII вв. Боспор-Корчев /Т.И.Макарова //Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. - М.,2003. - С.68-73.

Максуди С.А. Тюркская история и право/ С.А.Максуди. - Казань, 2002. - 411 с.

Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа /Н.В.Малицкий // ИГАИМК. Л., 1933. Вып. 71. - С. 3 - 45.

Мальгин А.В., Мальгина М.Р. К вопросу об интерпретации фрески "храма трех всадников" в Эски-Кермене (по материалам фонда А.Л.Бертье-Делагарда архива Крымского республиканского Краеведческого музея /А.В.Мальгин, М.Р.Мальгина// Известия КРКМ. - Симферополь, 1993. № 2.- С.4-7.

Мальгина М.Р. Виды Крыма первой половины XIX века: Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея /М.Р.Мальгина. - Симферополь: Сонат, 2006. – 259 с.:ил.

Мальшев А.Б. Начало католического миссионерства в Золотой Орде/к А.Б. Мальшев // Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Сборник научных трудов. – Саратов, 2012. – С.143-144.

Маркевич А.И. Старокрымские древности /А.И.Маркевич//ИТУАК. №17. 1892. –С.124-129.

Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма как исторический источник /А.И.Маркевич //ИТОИАЭ.-1928. Т.2 (53). -С.17-32.

Марков Е. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы/Е.Марков. - Симферополь: Таврия, 1995. - 540 с.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика /А.Н.Масловский // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. 2006. Вып.21.- С.308-472.

Масловский А.Н. Начало производства поливной керамики в Юго-Восточном Крыму в последней четверти XIII – первой половине XIV в./А.Н.Масловский //Филология и культура. 2012. №1(27). - С.192-196.

Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии /А.Н.Масловский // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. /Институт истории им. А.Х.Халикова, Акад. наук Респ.Татарстан, Ун-т высшей антропол. шк.; под ред. С.Г.Бочарова [и др.]; обл. Д.А.Топал. Казань: Б.и.; Кишинёв: Stratum plus; Ун-т «Высшая антропологическая шк.», 2019. - С.455-490.

Мастыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А. Исследования средневекового поселения и могильника Су-Баш-I в Юго-Восточном Крыму / А.В.Мастыкова, И.К.Решетова, С.Н.Чаукин, К.А.Ганичев // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. /Отв. ред. С.В. Внуков, О.В.Шаров. – М.: ИА РАН, 2019. – С.97-116.

Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма /О.А.Махнёва // Археологические исследования средневекового Крыма. - Киев: Наукова думка, 1968. - С. 155 - 168.

Махов И.И. К.К.Косцюшко-Валюжинич (к годовщине его смерти)// Крымский Вестник. №290. - 14 декабря 1908 г.

Медведев И.П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. /И.П.Медведев// Византия Между Западом и Востоком // ВВ. - СПб.: Изд-во "Алатейя". - 1999. - С. 293 - 332.

Мейендорф И. (прот.). Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке /И.Мейендорф. Paris: YMCA-PRESS, 1990. - 227 с.

Микаэлян В.А. На крымской земле /В.А.Микаэлян.-Ереван: Айястан, 1974. – 224 с.,ил.

Миллер В..Ф. Археологические разведки в Алуште и её окрестностях в 1886 г. (с 2 табл. и 18 рис. в тексте) // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества.- М.,1888.Т.ХII. Вып.1. - С.118-138.

Миллер В.Ф. Археологические разведки в Алуште и её окрестностях в 1886 г. [Соч.] В.Ф.Миллера: Из XII тома «Древностей».–М.: типография А.Н. Мамонтова и К°, Леонтьевский переулок, д.5, 1889. -23 с.,ил.

Миргаев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана /И.М.Миргалиев. - Казань: Алма-Лит, 2003. - 164 с.

Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения Абдулгафара Кырыми /И.М. Миргагиев, Д.Д.Пашацглу //Золотоордынское обозрение. №2 (4). 2014. - С.35-60.

Миргалеев И.М. Татары Дешт-и Кыпчака в переписке Аксак Тимура с Баязидом /И.М.Миргалиев //Золотоордынская цивилизация. №8. 2015. - С.299-303.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики /Ю.М.Могаричев. - Симферополь: Таврия, 1997. - 384 с.,ил.

Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму /Ю.М.Могаричев. - Симферополь: «Сонат», 2005. - 192 с.,ил.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени /Ю.М.Могаричев, А.В.Сазанов, Е.В.Степанова, А.К.Шапашников. Симферополь: Антива, 2009. – 334 с.,ил.

Могаричев Ю.М. Средневековый Крым (VI-XIII вв.): история, религия, культура /Ю.М.Могаричев. - Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. - 240 с.

Могаричев Ю.М. Крым: от Золотой Орды к Османской империи (40-е гг. XIII – 1475 г.) /Ю.М.Могаричев// Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. [электронный ресурс].

Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Фресковые росписи пещерной церкви Южного монастыря Мангупа: специфика иконографии и особенности композиционного решения /Ю.М.Могаричев, А.С.Ергина //Поволжская археология. №2 (28). 2019а. – С.210-222.

Могаричев Ю.М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С.Уварова /Ю.М.Могаричев. - Симферополь: Бизнес-Информ, 2019б.- 344 с., ил.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви как источник по истории Таврики XIII-XIV вв. /Ю.М.Могаричев // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Всероссийская научная конференция «Херсонес Таврический» (г.Севастополь, 25-29 сентября 2022 г.): материалы под ред.А.В.Зайкова; ГИА МЗ. – Симферополь: Изд-во ООО «Антиква». – С.121-125.

Молодин В.И. Европейские кресты-тельники /В.И.Молодин // Ставрографический сборник. Книга III. Крест как личная святыня. Сб. статей /Состав., науч. ред. и вступ. ст. С.В.Гнутовой. - М.: Изд-во Московской Патриархии; Изд-во «Древнехранилище», 2005. - С.83-133.

Молчанов А.А. Медные монеты Трапезундской империи с Херсонесского городища /А.А.Молчанов //Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докладов и сообщений. - СПб., 2007. - С.48-50.

Мохов Н.А. Укрепление феодальной монархии в Молдавии /Н.А.Мохов // История Молдавии /Под ред. А.Д.Удальцовой и Л.В.Черепнина. Кишинев, 1951.Т. 1.- С.121 - 150.

Мохов Н.А. Молдавский торговый путь в XIV - XV вв. /Н.А.Мохов // Польша и Русь. - М., 1974. - С.298 - 307.

*Мустакимов И.А.*Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов /И.А.Мустакимов //Тюркологический сборник 2009-2010 гг.: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье /ред. кол. С.Г.Кляшторный (пред.), Т.И.Султанов, В.В.Трепавлов. – 2011. –М.: Институт восточных рукописей РАН. –С.228-248.

Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. /А.Г.Мухамадиев // Города Поволжья в средние века. – М.:Наука, 1974. – С.80-89.

Мухлинский А. Исследования о происхождении и состоянии литовских татар /А.Мухлинский. СПб., 1857.- С. 10 – 16.

Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая В.Л.Мыц // СА. № 2. 1987. - С.228 - 245.

Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна /В.Л.Мыц // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. - Киев: Наукова думка, 1988. - С.97 - 115.

Мыц В.Л. Крымская Кабарда /В.Л.Мыц // Проблемы контактов и взаимодействия населения гор и равнин / Тез. науч. конф. в г.Душети. - Тбилиси, 1989. - С.69 - 70.

Мыц В.Л. Укрепления Таврики X - XV вв. /В.Л.Мыц.- Киев: Наукова думка, 1991. - 164 с.

Мыц В.Л. О пребывании "черкесов" в Крыму /В.Л.Мыц// Проблемы истории Крыма: Тез. докл. конф.- Симферополь, 1991б. - С.81 - 82.

Мыц В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV - XV вв./В.Л.Мыц//Византийская Таврика. -Киев: Наукова думка,1991в.-С.179 - 193.

Мыц В.Л. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. /В.Л.Мыц// Византия и Крым. - Симферополь, 1997а. - С.65 - 67.

Мыц В.Л. Ранний этап строительства крепости Алустон /В.Л.Мыц// ВВ. Т. 57 (82). 1997в. - С.187 - 203.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Клад серебряных платежных слитков XV в. из Алустона /В.Л.Мыц, С.Б.Адаксина // Stratum-plus. № 6. СПб. – Кишинев - Одесса, 1999. - С.159 - 169.

Мыц В.Л. Sommo в денежном обращении Генуэзской Газарии (по материалам алуштинского клада 1990 г.)/В.Л.Мыц // Херсонесский сборник. Вып. X. 1999. - С.379- 398.

Мыц В.Л. К датировке похода эмира Хусам-ад-дина Чобана на Судак /В.Л.Мыц // АДСВ. 1999. Вып. 30. - С.176 - 186.

Мыц В.Л. Война 1433 - 1441 гг. между Кафрой и Феодоро /Мыц В.Л.// АДСВ. Вып. 31. Екатеринбург, 2000. - С.330 - 359.

Мыц В.Л. Битва на Синей Воде в 1363 г.: турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Димитрий /В.Л.Мыц// АДСВ. Вып.32. Екатеринбург, 2001. - С.245 – 256.

Мыц В.Л. Сельджукско-трапезундские отношения в первой трети XIII в. и поход эмира Хусам ад дина Чобана на Судак в 1217 г. /В.Л.Мыц // Проблемы

истории, филологии, культуры. Вып. XI. Москва-Магнитогорск. 2001.- С.193-204.

Мыц В.Л. Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма /В.Л.Мыц // Археологічний літопис Лівобережної України (до 600-річчя битви на Ворсклі 1399 року). № 1. Полтава, 2002. - С.107 – 112.

Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-х гг. XV в. /В.Л.Мыц //Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.- Киев: Стилос, 2002.- С.139-189.

Мыц В.Л. В плену историографических иллюзий /В.Л.Мыц// Stratum plus. № 6. 2001 – 2002. - Кишинев, 2004. - С. 307 – 331.

Мыц В.Л. Крымский контекст восточной политики Стефана Великого в 70-х гг. XV в. /В.Л.Мыц // Stratum plus.- №6. 2003-2004. СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2005а. - С.96-130.

Мыц В.Л. Частная итальянская сеньория XV в. в Северном Причерноморье (по материалам исследования замка Тасили 1459/60-1475 гг.) /В.Л.Мыц // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conques, Iasi, 2005б.- P.513-542.

Мыц В.Л. Начальный этап правления господина Готии Алексея и первый вооруженный конфликт между Кафзой и Феодоро в 1422-1423 гг. /В.Л.Мыц// ХСБ. Вып. XIV. - Севастополь, 2005в. - С.257-268.

Мыц В.Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV-XV вв. /В.Л.Мыц// Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Т.1./отв. ред. С.Г.Бочаров, В.Л.Мыц.- Киев: Стилос, 2005г. - С.288-305.

Мыц В.Л. Крым и Золотая Орда в 60-80-х гг. XIV в. /В.Л.Мыц // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса.Т.2.-Казань: Институт истории АН РТ, 2007. - С.96-101.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке: Контакты и конфликты /В.Л.Мыц. - Симферополь: Универсум, 2009а. - 528 с.:ил.

Мыц В.Л. Армянские источники о завоевании Каффы турками-османами в 1475 г. /В.Л.Мыц // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье: Материалы 11-го заседания Совместных комиссий по истории, археологии, этнологии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии наук Румынии /Под редакцией С.Г.Бочарова, В.Кожукару. - Симферополь: Таврия, 2009б. - С.247-261.

Мыц В.Л., Юрочкин В.Ю. Исследования храма Христа Спасителя на г.Бойка в Крыму в 2008 г. /В.Л.Мыц, В.Ю.Юрочкин // Археологічні долідження в Україні 2008 р. - Київ, 2009в. - С.210-213.

Мыц В.Л. Ранневизантийская крепость Алустон в VI-VII вв. История, археология и происхождение топонимики памятника /В.Л.Мыц // *Studia Antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh.Teodor oblate.* Edidit Dan Aparaschivei. Iasi, 2009г. - P.347-367.

Мыц В.Л. Феномен двух крымских топонимов: Фуна и Демерджи /В.Л.Мыц //Топонимика Крыма 2010: Сб. статей памяти И.Л.Белянского.- Симферополь: Универсум, 2010. - С.303-324.

Мыц В.Л. Художественный образ хана Узбека на фреске Амброджо Лоренцетти «Мученичество францисканцев» /В.Л.Мыц// Золотоордынская цивилизация / *Golden Horde Civilization.* №6. 2013. - С.129-185.

Мыц В.Л. Армянская община Каффы в войне с турками-османами 1475 г. /В.Л.Мыц// Время войны. Победители и побеждённые/ *Stratum plus.* №6. СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2014.- С.149-162.

Мыц В.Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции /В.Л.Мыц// Генуэзская Газария и Золотая Орда /Отв. ред. С.Г.Бочаров; науч. рецензенты: И.Л.Кызласов [и др]. - Кишинёв: *Stratum plus*, 2015а. - С.93-117.

Мыц В.Л. Побег Менгли Гирея I из османского плена в 1478 г. /В.Л.Мыц // III Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В.Веймарна. Бахчисарай, 9-11 сентября 2015 г. Тезисы докладов и сообщений /Ред.-сост. Д.А.Моисеев,

О.М.Стойкова – Бахчисарай: МУП «Бахчисарайская районная типография», 2015б. - С.17-18.

Мыц В.Л. Время и причины гибели в XIII веке городов византийской Таврики (историографический аспект проблемы) /В.Л.Мыц // Труды Государственного Эрмитажа (Т.) LXXIV: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвящённой памяти А.В.Банк (1906-1984) / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015в.- С.389-400.

Мыц В.Л. Современные интерпретации семантики топонимов средневекового города VI-XVIII вв.: Симболон-Чембало-Балаклава /В.Л.Мыц //Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. №15 (236), Вып.39, сентябрь 2016а. - С.63-68.

Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века /В.Л.Мыц // Рах Mongolica и Евразийские потрясения XIII-XIV веков /Stratum plus. №6. 2016б. - С.69-106.

Мыц В.Л. Храм Христа Спасителя XIII-XV вв. на г.Бойка в Юго-Западном Крыму: базилика или крестово-купольное здание? /В.Л.Мыц // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов / Под ред. М.В.Грацианского, П.В.Кузенкова. М.; Белгород: ООО «Эпицентр», 2016в. - С.154-157.

Мыц В.Л. Храм Христа Спасителя на горе Бойке /В.Л.Мыц //Труды Государственного Эрмитажа (Т. LXXX): Белградский сборник. К XXIII Международному конгрессу византинистов. Белград, Сербия, 22-27 августа 2016 года. - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2016г. - С.112-143.

Мыц В.Л. Иософат Барбаро о побеге Менгли Гирея I из османского плена в 1478 г. /В.Л.Мыц// Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXX (90). - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. - С.418-427.

Мыц В.Л. Сарымамбаш-Кермен – укрепленная резиденция XIV-XVIII вв. беков Яшлавских-Сулешевых /В.Л.Мыц // Поволжская археология. №2 (24). 2018а. - С.190-203.

Мыц В.Л. Эмблема двуглавого орла в «геральдике» государств византийского содружества XIV-XV вв. /В.Л.Мыц // *Studia Mediaevalia Europaea et Orientalia / Miscellanea in honorem professoris emeriti Victor Spinei Oblata*. Ed. George Bilavschi, Dan Aparaschivei. - Bucuresti, 2018б. - P.489-512.

Мыц В.Л. Двуглавый орёл в «геральдике» князей Феодоро XV в. /В.Л.Мыц // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма» /Государственный Эрмитаж. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018в. - С.162-222.

Мыц В.Л. Алушта в золотоордынский период: Средневековая археология /В.Л.Мыц //Материалы VIII Международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящённой памяти Г.А.Фёдорова-Давыдова// Археология евразийских степей. №4. 2018. - С.271-274.

Мыц В.Л., Соловьёв С.Л. Население Таманского полуострова в средние века (по материалам раскопок 2016 г.)/В.Л.Мыц, С.Л.Соловьёв // Бюллетень ИИМК РАН. №8. 2018. - С.97-122.

Мыц В.Л. Мнимое княжество Киркельское /В.Л.Мыц //В поисках сущности: Сборник статей в честь 60-летия Н.Д.Руссева /Под ред. Е.М.Ткачука и Г.Г.Атанасова. Кишинёв: Библиотека Stratum, 2019. - С.467-474.

Мыц В.Л. Сторожевые укрепления XIII века «Херсакеи» и Крымской Готии /В.Л.Мыц// Поволжская археология. №2 (32). 2020.- С.48-63.

Мыц В.Л. Юго-Западный Крым в XIII-XV вв. /В.Л.Мыц //История Севастополя в трёх томах. Том I. Юго-Западный Крым с древнейших времён до 1774 года. Глава 8 /Под общей ред. Ю.А.Петрова. Москва – Севастополь: Изд-во «Историческая литература», 2021.- С.493-540.

Мыц В.Л. Основные этапы завоевания Таврики монголами: 1223-1278 гг. /В.Л.Мыц //Вестник Владимирского Государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. №1 (29). 2021.- С.26-37.

Мыц В.Л. Правитель княжества Феодоро Исаак (1465-1475 гг.): штрихи к историческому портрету /В.Л.Мыц // Via in tempore. История. Политология, 2021, Т.48 (3). –С.614-626.

Мыц В.Л. Титулы владетелей Феодоро в XV веке. /В.Л.Мыц //Византийский Временник =BYZANTINA XRONIKA /Институт всеобщей истории РАН, исторический факультет МГУ им.М.В.Ломоносова; Национальный комитет византистов Российской Федерации /Отв. ред. С.П.Карпов. – М.: Изд-во МГУ, 2021. Т.105: 2022 – С.98-108.

Мыц В.Л. Амфоры-голосники церкви Иоанна Предтечи в Керчи: проблема датировки /В.Л.Мыц//Археология Евразийских степей. 2022. №4. - С.206-227.

Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236-1313 гг.) /Е.П.Мыськов. - Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2003. - 178 с.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году /И.М.Муравьев-Апостол. - СПб.: Печатано в типографии, состоящей при особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. [4], XII, 337 с., 6 л. карт., пл.,23.

Мурзакевич Н.Н. Краткая история древнего Херсона /Н.Н.Мурзакевич // Одесские вести. 1836. 8 января, 11 января [14 с.].

Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму /Н.Н.Мурзакевич. Одесса, 1837. - 91 с.,ил.

Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г./Н.Н.Мурзакевич // ЖМНП. - СПб. 1837а.- С.635-691.

Мурзакевич Н.Н. Эски-Крымская арабская надпись /Н.Н.Мурзакевич // ЗООИД.- 1850. – Т.2. – С.529-532.

Мурзакевич Н.Н. Генуэзские консулы города Кафы /Н.Н.Мурзакевич // ЗООИД. 1853.Т.3.- С.552-553.

Мурзакевич Н.Н. Медные монеты города Кафы /Н.Н.Мурзакевич//ЗООИД. 1860.Т.4. - С.387-388.

Мурзакевич Н.Н. Донесение об осмотре архива Банка Св.Георгия / Н.Н.Мурзакевич //ЗООИД. 1863.Т.5. - С.982-985.

Набиев Р.Ф. О дате и месте выдачи Тохтамыш-ханом тарханного ярлыка Бек-Хаджи /Р.Ф.Набиев //Золотоордынская цивилизация. 2008. №1. - С.101-108.

Надеждин Н.И. О происхождении, существовании и падении итальянских торговых поселений в Таврике /Н.И.Надеждин// Вестник Европы. М., 1828. №15 (С.161-83); №16 (С.241-371); № 17 (С.3-39); №18 (С.81-107); №19 (С.161-190).

Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма в 2 т., т.1. – Симферополь: Крымиздат, 1951. – 234 с.

Нарожный Е.Н. Русско-ордынский поход против «Славного ясского города Деякова» в контексте политической обстановки на Северном Кавказе /Е.Н.Нарожный // Золотоордынская цивилизация. 2009. Вып.2.- С.154-161.

Нарожный Е.И. «Нашествие и пределы катастрофы XIII века» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей /Е.Н.Нарожный // Золотоордынское обозрение. 2017. Т.5. №4. - С.825-836.

Нарожный Е.И. «Рах Mongolia и евразийские потрясения XIII-XIV веков» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей /Е.И.Нарожный //Золотоордынское обозрение. 2018. Т.6. №2. - С.393-408.

Нарожный Е.И. Из истории изучения средневекового вооружения XIII-XV вв. (юбилейная и полемические заметки) /Е.Н.Нарожный // Археология Евразийских степей. №6. 2020. – С.301-315.

Нарушевич А. Таврикия или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времён /А.Нарушевич.- Киев: Типография Академии Киевской, 1788. -172 с.

Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х.Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований)/В.Е.Науменко, А.А.Душенко //МАИЭТ. Вып. XXII. 2017.- С.187-238.

Науменко В.Е. Христианская топография Мангупского городища периода княжества Феодоро (по материалам новых археологических исследований // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ /В.Е.Науменко / IX Международный Византийский Семинар (Севастополь-Херсонес, 29.05-03.06. 2017 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Н.А.Алексеев. - Севастополь, 2017. - С.83-90.

Науменко В.Е. «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца мангупского городища: проблемы атрибуции и датировки /В.Е.Науменко // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Религиоведение. Международные отношения. 2020.Т.25.№6. - С.100-115.

Науменко В.Е. Введение в османскую археологию Крыма. О предмете научной дисциплины и основных направлениях современных исследований /В.Е.Науменко //Археология Евразийских степей. - №6. – 2020. – С.418-461.

Науменко В.Е., Герцен А.Г., Иожица Д.В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории /В.Е.Науменко, А.Г.Герцен, Д.В.Иожица //МАИЭТ. Вып. XXVI. 2021. - С.255-281.

Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс /В.Е.,Науменко, Л.Ю.Пономарёв // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Материалы международной научной конференции /Ред.-сост. В.Н.Зинько, Е.А.Зинько. Керчь, 2016. С.325-331.

Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. К исторической топографии Боспора X-XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «церкви

Шевелева» («церкви 1833 г.») /В.Е.Науменко, Л.Ю.Пономарёв// *Рωμαιοϋ*; сборник статей к 60-летию профессора С.Б.Сорочана. Нартекс. *Byzantine Ukrainensis*. - Харьков, 2013. Т.2. С.295-309.

Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. Христианские памятники и топография Боспора X-XII вв. /В.Е.Науменко, Л.Ю.Пономарёв// Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.)/ под ред. Т.Ю.Яшаевой. - Севастополь: Телескоп, 2013. С.244-263.

Недашковский Л.Ф. Замледеие и сельские промыслы /Л.Ф.Недашковский / История татар с древнейших времён. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009а. С.268-277.

Недашковский Л.Ф. Международная и внутренняя торговля /Л.Ф.Недашковский // История татар с древнейших времён. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009б. - С.277-287.

Неделькин Е.В. К вопросу о границе княжества Феодоро и владений Генуэзской республики в Юго-западной Таврике /Е.В.Неделькин//Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. - №5. - 2013. - С.53-81.

Неделькин Е.В. Границы княжества Феодоро и Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике /Е.В.Неделькин // Причерноморье: История, Политика, Культура. Избранные материалы XIII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения». Серия А. Античность и средневековье. Т.19. - Севастополь, 2016. - С.81-106.

Неделькин Е.В. Средневековые замки на территории Севастополя (на примере Чоргунского (Бибиковского исара)/ Е.В.Неделькин //Потёмкинские чтения. Сборник материалов II Международной научной конференции /Отв. ред. О.В.Ярмак. - Севастополь, 2017. - С.57-58.

Неделькин Е.В. К вопросу о системе пограничных крепостей княжества Феодоро в XV в. /Е.В.Неделькин // История и археология Крыма. Вып. VI.

Сборник статей /Отв. ред. В.В.Майко. - Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. - С.208-215.

Неделькин Е.В. Чоргунская башня: к вопросу о дате сооружения /Е.В.Неделькин // Историческое наследие Крыма /Гл. ред. С.А.Ефимов. - Симферополь: Антиква, 2017. - С.38-47.

Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV - первая половина XVI в.)/А.М.Некрасов. - М.: Наука, 1990. - 125 с.

Некрасов А.М. Возникновение и эволюция крымского государства в XV - XVI веках /А.М.Некрасов // Отечественная история. 1999. N 2. - С. 48 - 58.

Непомнящий А.А. К вопросу о начале научного изучения Крыма: экспедиция В.Ф.Зуева /А.А.Непомнящий // Пилигримы Крыма-98: Путешествия по Крыму, путешественники о крыме: Международная научная конференция: Материалы. – Симферополь: Крымский архив, 1998. – С.91-96.

Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века). Библиографическое исследование /А.А.Непомнящий. - Симферополь, 2000. - 360 с.

Непомнящий А.А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века /А.А.Непомнящий; Институт украинской историографии и источниковедения им.М.С.Грушевского НАН Украины. – Киев,1999.–212 с.

Непомнящий А.А. Крымоведческие исследования на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) /А.А.Непомнящий // МАИЭТ. Вып. IX. 2002. - С.579-590.

Непомнящий А.А. Александр Львович Бертье-Делагард: библиографические штудии /А.А.Непомнящий // Боспорские исследования. Вып.V. - Симферополь-Керчь, 2004.- С.476-494.

Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст, страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стилос, 2012. – 464 с.

Непомнящий А.А. Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В.Д.Смирнов / А.А.Непомнящий // Золотоордынское обозрение. - №3. – 2015а. - С.113-142.

Непомнящий А.А. Крымоведение в научном наследии Н.Н.Мурзакевича: библиографический аспект /А.А.Непомнящий // Культура народов Причерноморья. - №9. - 1999. -С. 82-87.

Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921-1945)/ А.А.Непомнящий. – Симферополь: Антиква, 2015б. – 936 с. (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Библиография Крымоведения; вып.25).

Непомнящий А.А. Становление и развитие историографии истории Крыма: основные вехи (вторая половина XVIII – первая половина XX века) /А.А.Непомнящий // Учёные записки Крымского федерального ун-та им.В.И.Вернадского. Серия «Исторические науки».Т.5 (71).№2.2019.-С.21-55.

Нечепорук Е. «Благословенная страна Таврида»: Дебют Николая Надеждина как историка России и Крыма /Е.Нечепорук // Журнальный мир / «Брега Тавриды 2016» /Избранное. - Симферополь, 2016. - С.312-319.

Никитенко М.М. Амфоры-голосники из церкви Иоанна Предтечи в Керчи /М.М.Никитенко //Археологические открытия 1969 года /под ред. Б.А.Рыбакова.- М.:Наука, 1970. - С.276-278.

Никитенко М.М. К проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи //Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины. Материалы научной конференции. Киев-Судак: Академперееодика, 2002. С.209-211.

Николов А. Татары в византийских хрониках «Chronica breviora»: реальность и стереотипы /А.Николов // Золотоордынское обозрение. - 2019. - Т.7. - №1. - С.22-36.

Николь Д.,Хелдон Дж.,Тернбулл С. Падение Константинополя: Последние дни Византии. Полумесяц над Босфором [пер. с англ. А.Колина] /Д.Николь, Дж.Хелдон, С.Тернбулл. - М.:Эксмо, 2008. - 256 с.

- Никонов А.А.* Землетрясения в сказаниях и легендах /А.А.Никонов// Природа. - 1983. - №11. - С. 66 - 75.
- Никонов А.А.* Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области /А.А.Никонов // Физика Земли. 1994. №11. - С. 20 - 31.
- Новичев А.Д.* История Турции. Т. 1. Эпоха феодализма (XV - XVIII вв) /А.Д.Новичев. - Л.: Изд-во Ленигр. ун-та, 1963. - 314 с.
- Оберлендер-Тырновеану Э.* Byzantino-Tartarica – Монетная чаканка в зоне устьев Дуная в конце XIII – начале XIV века / Э.Оберлендер-Тырновеану// Нумизматика Золотой Орды. 2012. №2. - С.38-53.
- Опочинская А.И.* Судакская крепость /А.И.Опочинская// Архитектурное наследие. 1986. № 34. - С. 253 - 265.
- Орлов Р.С.* Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII-XIV вв. /Р.С.Орлов //Памятники древних культур Северного Причерноморья /Отв. ред. В.Д.Баран. Киев: Наукова думка, 1979. - С.114-129.
- Орешкова С.Ф.* «Турецкое озеро»: Чёрное море в XV-XVII вв./С.Ф.Орешкова // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2005, №3. – С.18-35.
- Орешкова С.Ф.* Крымское ханство в XV-XVI вв.: роль османского вассала в политическом становлении постордынской Восточной Европы: монография /С.Ф.Орешкова; Ин-т востоковедения Рос. Акад. Наук, Центр изучения стран Ближ. И Сред. Востока; [отв. ред. М.С.Мейер].-2-е изд., испр. – М.:ИВ РАН. 2022. – 622 с.
- Осипян А.Л.* Монгольские завоевания и формирование армянской торговой диаспоры на юге Восточной Европы во 2-й пол. XIII – XIV вв. /А.Л.Осипян // Золотоордынская цивилизация. Вып.4. 2011. - С.128-148.
- Павлов П.* Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270-1302 г.) /П.Павлов // Българите в Северното Причерноморие. Вып.4. Велико Тырново; Университетско издателство «Св.Св. Кирил и Методий», 1995.- С.121-130.

Павлов П., Владимиров Г. Златна Орда и българите /П.Павлов, Г.Владимиров. - София: Военно издателство, 2009. - 178 с.

Панарет М. О Великих Комнитах (Трапезундская хроника)/Пер. и коммент. С.П.Карпова, Р.М.Шукурова. - СПб.:Алетейя, 2019. - 200 с.

Папандопуло-Керамевс А.И. Сборник источников по истории Трапезундской империи / А.И.Папандопуло-Керамевс// Записки Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского ун-та. [2] XVI. - СПб.: тип. В. Кирштбаума, 1897. - 177 с.

Параска П.Ф. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства / П.В.Параска//Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинёв. Т.1 [Б.и.]. 1972. - С.175-190.

Параска П.Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства /П.Ф.Параска.- Кишинёв: «Штиинца», 1981.- 178 с.

Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики /Е.А.Паршина// Феодальная Таврика. - Киев: Наукова думка, 1974. - С. 56 - 94.

Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика /Е.А.Паршина //Архитектурно-археологические исследования в Крыму.-Киев:Наукова думка, 1988.- С.36-59.

Паршина Е.А. Торжище в Партенитах /Е.А.Паршина //Византийская Таврика/ Ред. П.П.Толочко. - Киев.:Наукова думка, 1991.- С.64-100.

Паршина Е.А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985-1988 гг.)/Е.А.Паршина // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времён до наших дней /Ред.-сост. В.Г.Рудницкая, И.Б.Тесленко. - Киев: Стилос, 2002.- С.89-109.

Паршина Е.А., Лосицкий Ю.Г. Участок античного театра в Херсонесе /Е.А.Паршина, Ю.Г.Лосицкий// История и археология Крыма. Вып.І /Сб. статей посвящённый 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. - Симферополь, 2014. - С.565-574.

Паршина Е.А. «Дом священника» на театральной улице Херсонеса //Древняя и средневековая Таврика: Сборник статей, посвящённый юбилею

Е.А.Паршиной /Е.А.Паршина //Археологический альманах.№33.- Киев, 2015.- С.17-38.

Парунин А.В. Политическая история Золотой Орды в 1419-1427 гг. / А.В.Парунин //Золотоордынское обозрение. 2019. Т.7, №3. - С.434-460.

Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. 13 книг. Т.1.Царствование Михаила Палеолога (1255-1282).- Рязань: «Александрия», 2004. - С.5-354.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси /В.Т.Пашуто. - М.:Наука, 1968. - 474 с.

Пескова А.А. Древнерусские энколпионы XI-XIII веков в русле византийской традиции / А.А.Пескова// Ставрографический сборник. Книга III. Крест как личная святыня. Сб. статей /Состав., науч. ред.. и вступ. ст. С.В.Гнутовой. - М.: Изд-во Московской Патриархии; Изд-во «Древнехранилище», 2005. - С. 134-183.

Петров Н.И. Греческое рукописное евангелие XI века /Н.И.Петров//Записки Императорского русского археологического общества. I. – СПб., 1886. – С.169-198.

Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в./Н.В.Пигулевская, А.Ю.Якубовский, И.П.Петрушевский. - Л., 1958. - 486 с.

Пилипчук Я.В. Эмир Дмитрий. Улус Джучи и Центрально-Восточная Европа в XIV веке /Я.В.Пилипчук // Золотоордынская цивилизация. №7. Казань, 2014. - С.294-306.

Пилипчук Я.В. Плавающие идентичности: от касогов и зихов к черкесам и кабардинцам /Я.В.Пилипчук // Историческая этнология. Т.1.№2. - Казань, 2016.- С.253-275.

Печенюк І, Соколюк С. Синьоводська битва та її місце у військовій історії України // Наукові записки. Серія: історичні науки. Вып. 20. 2014. С.107-114.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX /Н.И.Платонова // ИИМК РАН. СПб.: Нестор-История, 2010. - 310 с.

Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния /С.А.Плетнёва//Археология СССР. Свод археологических источников.–Вып.Е4-2.–М.:Наука,1974.-200 с.,ил.

Полумб А. Очерк крымских землетрясений /А.Полумб. - Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1933. - 70 с.

Пономарёва Л. Перлина візантійського зодчества в Керчі //Пам'ятки України. Київ, 1997. №1.С.86-90.

Пономарёв А.Л. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги-массарии казначейства за 1381 - 1382 гг. /А.Л.Пономарёв // Причерноморье в средние века. Вып. IV. СПб.: Изд-во "Алетейя". 2000. - С. 317 - 443.

Пономарёв А.Л. Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г. (Liber massariae Caffae tempore regiminis egregi viri domini Iulliani de Castro consulis Caffae MCCCLXXIV nunc indicatus et a prulibus mendis purgatus) /А.Л.Пономарёв // Причерноморье в Средние века. Вып. VI. М.:СПб.: Алетейя, 2005. - С.43-138.

Пономарёв А.Л. Крамольное золото генуэзской Каффы /А.Л.Пономарёв // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. - М., 2013. - С.70-71.

Пономарёв А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х гг. в счетах генуэзского казначейства Каффы /А.Л.Пономарёв //Золотоордынское обозрение. №2.Казань, 2013б. - С.158-190.

Пономарёв А.Л. Хан Крыма Бек Суфи, его законные данги и лже-Едигей / А.Л.Пономарёв //Нумизматические чтения 2013 года. Материалы докладов и сообщений.- М., 2013в.- С.76-84.

Пономарёв А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) / А.Л.Пономарёв // Золотоордынское обозрение. 2014. №1 (3).- С.128-162.

Пономарёв А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (2) /А.Л.Пономарёв // Золотоордынское обозрение. 2014. №2 (4).- С.191-225.

Пономарёв А.Л. Монета генуэзской Каффы, 1420-1475 гг./А.Л.Пономарёв //Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма» /Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2018. - С.123-134.

Пономарёв Л.Ю., Бейлин Д.В., Бейлина С.А. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (в источниках и историографии XIV-XX вв.)/Л.Ю.Пономарёв, Д.В.Бейлин, С.А.Бейлина// Sacrum et Profanum. Религия в жизни человека и общества. - Севастополь, 2009. Вып.IV. - С.132-138.

Пономарёв Л.Ю., Бейлин Д.В., Бейлина С.А. Греческая церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII – начало XX вв.) /Л.Ю.Пономарёв, Д.В.Бейлин, С.А.Бейлин // Древняя и средневековая Таврика: Археологический альманах №28. Сборник статей, посвящённый 1800-летию города Судак. - Донецк: Донбасс. 2012. - С.123-140.

Пономарёв Л.Ю., Бейлин Д.В., Бейлина С.А. Керченская церковь Иоанна Предтечи (историографический обзор) /Л.Ю.Пономарёв, Д.В.Бейлин, С.А.Бейлин //Научный сборник Керченского заповедника. - Симферополь, 2014. Вып.IV.- С.272-306.

Пономарёв Л.Ю. Христианские храмы Керченского полуострова VIII-X и XIV-XVIII вв.: археологические реалии /Л.Ю.Пономарёв //Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова /Отв. ред. В.В.Майко, ред. Т.Ю.Яшаева. - Севастополь-Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2018. - С.170-183.

Пономарёв Л.Ю. Керченская церковь Иоанна Предтечи в генуэзский и османский периоды (обзор источников и дискуссионные вопросы) /Л.Ю.Пономарёв // Боспорские исследования. Вып.XXXIX /Отв. ред. В.Н.Зинько.-Керчь: Керченская городская типография, 2019. - С.275-309.

Попруженко М.Г. Императорское Одесское общество истории и древностей (по поводу 75-летия его существования) /М.Г.Попруженко //ИВ. 1914.№11. - С.544-555.

Порсин А.А. Ногай и его роль в политической жизни Золотой Орды в 90-е гг. XIII в. /А.А.Порсин // Золотоордынская цивилизация. №7. 2014.- С.29-40.

Поркшеян Х.А. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья /Х.А.Поркшеян // УЗ КБ НИИ. – Т. 13. - Нальчик, 1957. - С. 363 – 364.

Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды /Р.Ю.Почекаев. - СПб.: Евразия, 2012.- 464 с.

Почекаев Р.Ю. Гирей и Кафа: правовые аспекты отношений /Р.Ю.Почекаев// Terra tatarika: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 7-8 декабря 2022 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Э.И.Сейдалиев. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. - С.59-64.

Прокопенко Д.Л. Полевая методика отечественной археологии во второй половине XIX – начале XX в./Д.Л.Прокопенко // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных: тезисы международной научной конференции молодых учёных. - СПб.:ИИМК РАН,2016.- С.349-351.

Прохорова Т.А. Крымские путешествия: древности Балаклавы, Херсонеса, Инкермана в описании Чарльза Элиота /Т.А.Прохорова // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Исторические науки». Т.25(64), 31. 2012. – С.144-160.

Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В. Землетрясения Крымско-Черноморского региона (Инструментальный период наблюдений 1927 - 1986 гг.) /Б.Г.Пустовитенко, В.Е.Кульчицкий, А.В.Горячун. - Киев: Наукова думка, 1989. - 192 с.

Пучков А.А. Юлиан Кулаковский и его время: из истории антиковедения и византистики в России. Изд-е 2-е, переработ. и доп /А.А.Пучков.- СПб.:Алетейя, 2004. - 477 с.

- Пятницкий Ю.А.* Мелькитские иконы в собрании Эрмитажа /Ю.А.Пятницкий // Эрмитажные чтения памяти В.Ф.Левинсона-Лессинга.- СПб., 1996.- С.44-46;
- Пятницкий Ю.А.* Иконы на рыбьих костях из Святой Земли /Ю.А.Пятницкий. - СПб., 1997. - С.38-41.
- Пятницкий Ю.А.* Живопись сиро-палестинского региона / Ю.А.Пятницкий // Христиане на Востоке. - СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 1998. – С.108-135.
- Пятышева Н.В.* Железная маска из Херсонеса (к вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками) /Н.В.Пятышева. - М., 1964. - 24 с.,ил.
- Рабиновиц А, Седикова Л.В., Хеннеберг Р.* 2009. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып.XV. 2009. Симферополь.- С.196-274.
- Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. /С.Рансимен.- М., 1983.- 200 с.
- Ратушняк В.Н.* Борьба за присоединение Крымского ханства к России на рубеже 1770-х-1780-х гг. /В.Н.Ратушняк// Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. №3 (19). – С.39-42.
- Репников Н.И.* Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине /Н.И.Репников // ИАК. 1909. Вып. 30. - С. 99 - 155.
- Репников Н.И.* Партентская базилика /Н.И.Репников//ИАК. Вып. – 1909а. – С.91-140.
- Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928 - 1929 гг. /Н.И.Репников // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1-8. - С. 107-152.
- Репников Н.И.* О характере римской оккупации Южного берега Крыма /Н.И.Репников // СА . 1941. N 7. - С. 121 - 128.
- Романчук А.И., Быков М.Я.* Рисунки средневековых кораблей из крепости Каламита /А.И.Романчук, М.Я.Быков // ВВ. N 43. 1981. - С. 143 - 146.

Романчук А.И. Материалы к истории Херсона XIV - XV вв. /А.И.Романчук // Византия и её провинции. - Свердловск, 1982. - С. 83 - 114.

Романчук А.И. Херсонес XII - XIV вв.: историческая топография /А.И.Романчук. - Красноярск, 1986. - 192 с.,ил.

Романчук А.И. Херсон XIV в. – город или полудеревенской поселение (к вопросу о датировке верхних слоёв разрушения херсонесского городища) / А.И.Романчук //Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь: Таврия, 1995. – С.152-158.

Романчук А.И. Херсон XIV в.: каким могли видеть свой город херсонеситы /А.И.Романчук // Античный мир. Византия: к 70-летию профессора В.И. Кадеева (Сб. научных трудов). - Харьков, 1997. - С.272-289.

Романчук А.И. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: к вопросу о гибели города в XIII или XIV в. /А.И.Романчук // АДСВ. - Вып.30. - Екатеринбург, 1999. - С.187-202.

Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона /А.И.Романчук.-Екатеринбург:Из-во Уральского ун-та,2000.- 366 с. + 120 рис.

Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район /А.И.Романчук. - Екатеринбург: Уральский гос.ун-т, 2003. - 224 с., 228 табл.

Романчук А.И. Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве) /А.И.Поманчук // МАИЭТ. - Вып. X. - Симферополь, 2003. - С.261-276.

Романчук А.И. Возвращение к старой теме или начальный период исследования Херсонеса /А.И.Романчук//АДСВ. - Вып.35.- Екатеринбург, 2004. - С.241-254.

Романчук А.И. Находки глазурованной керамики поздневизантийского времени в Херсонеса: местное производство или импорт /А.И.Романчук// Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X-XVIII вв.: Сборник трудов. Том.I /Под ред. С.Г.Бочарова, В.Л.Мыца. – Киев: ИД «Стилос», 2005. – С.93-110.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т.2: Византийский город. Тюмень: изд-во Тюменского гос. Ун-та, 2008.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона/ А.И.Романчук, А.В.Сазанов, Л.В.Седикова. - Екатеринбург: Типолаборатория УрГУ, 1995.- 169 с.,ил.

Рудаков В.Е. Материалы XII-XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.) // АДСВ. Вып.12. - Свердловск, 1975. - С.20-32.

Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X-XIII вв. //АДСВ. Свердловск, 1984.С.35-57.

Руденко К. Казанский дракон: образ и символ /К.Руденко//Татарская археология. 2005. 1-2 (14-15). - С.92-110.

Руев В.Л. Захват Солдайи турками в 1475 г. /В.Л.Руев //Учёные записки Таврического национального университета им.В.И.Вернадского. Серия «Исторические науки». - Т.26 (65), №2, 2013. - С.143-151.

Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году /В.Л.Руев. - Симферополь: ЧП «Антиква», 2014. - 308 с., ил.

Руев В.Л. К.С.Мережковский – исследователь археологических памятников в Крыму /В.Л.Руев//Поволжская археология. №4 (26). – 2018. – С.248-263.

Русина О. Синьоводська «Задонщина»: історична першість чи історіографічний гібрид? /О.Русина // Український гуманітарний огляд. Вип. 1. - Київ: Критика, 1999. - С.178-189.

Руссев Н.Д. "Безноса́я привратница эпох": Черная смерть на Западе и Востоке Европы /Н.Д.Руссев// Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. - СПб., 1997. - С. 220 - 239.

Руссев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII - XIV вв./Н.Д.Руссев. - Кишинеv: Высшая Антропологическая школа, 1999. - 240 с.

- Руссев Н.Д., Мельников О.Н.* Тайна «каратов замка Иliche» /Н.Д.Руссев, О.Н.Мельников // *Stratum plus*. №6 за 2003-2004 гг. - СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2005. - С.479-494.
- Руссев Н.Д.* Золотая Орда на Нижнем Дунае /Н.Д.Руссев //Золотоордынская цивилизация. Вып.2. - Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. - С.90-103.
- Рухлов Н.В.* Обзор речных долин горной части Крыма /Н.В.Рухлов. - Петроград. 1915.- 491 с.,ил.
- Рыжов С.Г.* Средневековая усадьба XIII в. в северном районе Херсонеса (Постояльный двор) /С.Г.Рыжов// *Древности*. - Харьков, 1998.- С.168-180.
- Рыжов С.Г.* Средневековые жилые кварталы X-XIII вв. в Северном районе Херсонеса /С.Г.Рыжов //МАИЭТ. 2001. Вып.8. – С.290-311.
- Сабитов Ж.М.* Военное противостояние Ногая и Тохта-Хана /Ж.М.Сабитов //Военное дело Улуса Джучи и его наследников. - Астана, 2012. - С.246-253.
- Сабитов Ж.М.* Эмиры Узбек-Хана и Джанибек-хана /Ж.М.Сабитов // Золотоордынское обозрение. №2(4). – 2014. – С.120-134.
- Сабитов Ж. Якушечкин А.* Кто был ханом в Крыму в 1456 г.?! /Ж.Сабитов А.Якушечкин // КИО. №2. Казань-Бахчисарай, 2015. - С.175-185.
- Сазанов А.В., Ченцова В.Г.* Дискуссионные вопросы истории Херсона в XIII в. /А.В.Сазанов, В.Г.Ченцова // Научные чтения, посвящённые столетию со дня рождения М.Я.Сюзюмова, 21-23 сентября 1993 г. Тез. докл. Екатеринбург, 1993. - С.47-49.
- Сазанов А.В., Ченцова В.Г.* Материалы к истории Херсона в средние века /А.В.Сазанов, В.Г.Ченцова//МАИЭТ. Т.V.Симферополь, 1996. - С.171-183.
- Сазанов А.В.* К вопросу о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса /А.В.Сазанов // Причерноморье в Средние века /под ред. С.П.Карпова. Вып.6. М.-СПб., 2005. - С.195-213.
- Сазанов А.В.* Византийские амфоры: проблемы типологии, хронологии, локализации мест производства /А.В.Сазанов // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Всероссийская научная конференция «Херсонес Таврический»

(г.Севастополь, 25-29 сентября 2022 г.): материалы под ред.А.В.Зайкова; ГИА МЗ. – Симферополь: Изд-во ООО «Антиква». – С.154-162.

[Саргисян Т.Э.] Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV-XV вв.) /Т.Э.Саргисян /Сост., русск. Перевод и примеч. Т.Э. Саргисян. - Симферополь: Сонат, 2010. - 312 с.

Саргсян Т.Э., Петросян М. Крым. Монастырь /Т.Э.Саргисян, М.Петросян - Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им.И.Гаспринского», 2017. - 304 с.:фото 32.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды /М.Г.Сафаргалиев// На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X - XVI вв.). - М., 1996. - С. 277 - 526.

Северова М.Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 г.х.(1419,1420 гг.н.э.)/М.Б.Северова//Вторая Всероссийская Нумизматическая конференция 6-8 апреля 1994 г.,тез. докл. – СПб.,1994. –С.98-100.

[Сегюр Л.-Ф.] Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. - СПб., 1865. -386 с.

Седикова Л.В. Поливная керамика из усадьбы 1 Южного района Херсонеса /Л.В.Седикова // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации: Тез. докл. Международного научного семинара. Севастополь, Россия, 5-8 сентября 2014 г. Севастополь, 2014. - С.107.

Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища /Л.В.Седикова //МАИЭТ. Вып. XXIII. - Симферополь, 2018. - С.402-458.

Седикова Л.В. Херсонес. Археологические исследования и исследователи /Л.В.Седикова// История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Всероссийская научная конференция «Херсонес Таврический» (г.Севастополь, 25-29 сентября 2022 г.): материалы под ред.А.В.Зайкова; ГИА МЗ. – Симферополь: Изд-во ООО «Антиква». – С.162-167.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XIV вв.) /М.В.Седова. -М.: Наука, 1981. - 198 с.,ил.

Сейдалиев Э.И. Средневековое погребение из Тавельского кургана №5 у с.Краснолесье /Э.И.Сейдалиев//МАИЭТ. Вып.XV.2009.- С.378-388.

Сейдалиев Э.И., Халилова Д.Э. Сельджукские мотивы в орнаменте Бахчисарайских дурбе /Э.И.Сейдалиев, Д.Э.Халилова // Крымское историческое обозрение. №1. 2014. – С.231-242.

Сейдалиев Э.И. «Гекатонтархи» мангупских строительных надписей XIV в.: золотоордынский экскурс //МАИЭТ. – Вып. XXII. – 2017. – С.378-387.

Сейдалиев Э.И. Сельские памятники округа Золотоордынского Солхата: материалы к археологической карте Юго-Восточного Крыма Э.И.Сейдалиев // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис / XII Международный Византийский Семинар (Севастополь-Балаклава, 25-29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Н.А.Алексеев. - Симферополь: Колорит, 2020. - С.219-226.

Сейдалиев Э.И. Мавзолей-дюрбе городища Солхат (XIII-XVIII вв.) по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа /Э.И.Сейдалиев // Археология Евразийских степей. №4. 2022. – С.250-258.

Секиринский С.А. Очерки истории Сурожа IX - XV вв./С.А.Секиринский. - Симферополь, 1955. - 104 с.

Секиринский С.А. Каффа, Солдайя, Чембало /С.А.Секиринский // Дорогой тысячелетий. - Симферополь, 1966. - С. 149 - 169.

Секиринский С.А., Секиринский Д.С. Феодалные владения генуэзцев в Восточном Крыму во второй половине XV в./С.А.Секиринский, Д.С.Секиринский //Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII - XVI вв. - Ростов-на-Дону, 1989. - С. 9 - 16.

Селизнёв Ю.В. Элита Золотой Орды /Ю.В.Селезнёв. - Казань: Изд-во «ФЭН»АН РТ, 2009. -232 с.

Селезнёв Ю.В. Сколько всадников мог собрать Мамай? (к вопросу о системе в комплектовании ордынских войск)/Ю.В.Селезнёв // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С.162-166.

Селиванов В.И. Археологические работы Государственной академии истории материальной культуры им.Н.Я.Марра в 1935 г. /В.И.Селиванов// СА. - 1937. - № 2. - С.221-226.

Селиверстов Д.А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года /Д.А.Селиверстов//Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. - Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2011. - С.183-198.

Селиверстова К.Н. Обстоятельства возникновения Музея Пещерных городов в Бахчисарае /К.Н.Селиверстова //Учёные записки Крымского федерального ун-та им. В.И.Вернадского. Исторические науки. 2017. Т.3 (63). №3. С.147-159.

Семёнова Л.Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавии во второй половине XV в./Л.Е.Семёнова // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца,1972. Вып. 1. - С. 207 - 234.

Семёнова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV- начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории) /Л.Е.Семёнова. - М.: Индрик, 2006. - 400 с.; ил.

Сейтягьев Н.С. Крымско-татарская историческая проза XV-XVIII вв./Науч. наследие. Центр крымскотат. яз. и лит. - Симферополь: Крымучпедгиз, 2009. - 204 с.

Сенотрусова П.О. Серьги из средневекового могильника Проспихинская Шивера - IV на Ангаре /П.О.Сенотрусова// Вестник Томского государственного ун-та. История. Вып.№3. (23)/2013. - С.285-288.

Седов Вл.В. Церковь Николая в Куршумлии и вопрос о центрическом освещении византийских и древнерусских храмов /Вл.В.Седов //Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: Материалы научной конференции 2009 г. в Москве. М., 2009. С.36-61.

Сидоренко В.А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма /В.А.Сидоренко //Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С.115-128.

Сидоренко В.А. Памятники каменной пластики средневековой Таврики /В.А.Сидоренко // МАИЭТ -. Вып. III. - Симферополь, 1993. - С. 145 - 161.

Сидоренко В.А. Монетная чеканка Кырк-йера и Каффы в истории Крымского ханства (1442-1475 гг.) /В.А.Сидоренко //МАИЭТ. - Вып. XX. - Симферополь, 2015. - С.263-302.

Сидоренко В.А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442-1475) /В.А.Сидоренко. - Симферополь: Бизнес Информ, 2016б. - 383 с., ил.

Сидоренко В.А. Мангупская строительная надпись гекатонтарха Τζιτ[ζικίου] и хан Тохтамыш /В.А.Сидоренко// ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис / XII Международный Византийский Семинар (Севастополь-Балаклава, 25-29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Н.А.Алексеев. - Симферополь: Колорит, 2020. - С.227-244.

Скржинская Е.Ч. Рец. на А.Л.Якобсон. Средневековый Херсонес (XII - XIV вв.) /Е.Ч.Скржинская. М.-Л., 1950 // ВВ. - Т.VI. - 1953. - С. 252 - 269.

Скржинская Е.Ч. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма /Е.Ч.Скржинская// История и археология средневекового Крыма. - М.: Изд-во АН СССР. 1958.- С. 155 - 175.

Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. /Е.Ч.Скржинская. - Л., 1971. - 276 с.

Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика /Е.Ч.Скржинская /ред. Л.Г.Климанов. – Киев - Судак - Санкт-Петербург: «Академперіодика», 2006. - 380 с., ил.

Слепова Т.И. Из истории монетного дела Генуи в XII-XV вв. / Т.И.Слепова // *Материалы и исследования Отдела нумизматики.* - ТГЭ. [Т.] 31. - СПб., 2006. - С.11-21.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под главенством Османской Порты до начала XVIII в. /В.Д.Смирнов - СПб.: В университетской типографии в Казани, 1887. V., XXXV. - 772 с.

Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической архивной Комиссии /В.Д.Смирнов //ИТУАК. 1018. №54. – С.1-19.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в 2-х томах. Том.1. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века /В.Д.Смирнов /Отв. ред.: С.Ф.Орешкова. - М.: Изд. Дом «Рубежи XXI века», 2005. - 541 с.

Соколов Ю.Г. Роль фем в государственном устройстве Никейской империи // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2009. № 1. С. 80–85.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона /И.В.Соколова. - Л.: Искусство. - 1983. - 224 с.

Соловьёв В.А. «Спорные вопросы Готского княжества в Крыму. По поводу книги: Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea» /В.А.Соловьёв // *Annales de L'Institut Kondacow.* №9. - 1937. - С.93-104.

Соловьёв А.В. Геральдические эмблемы Византии и славяне // *Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований; Институт всеобщей истории РАН.* Отв. ред. А.П.Черных. Вып.4.М.: ИВИ РАН, 2009. - С.109-197.

Соловьёв С.Л., Мыц В.Л. Население Таманского полуострова в средние века (по материалам раскопок 2016 г.)/С.Л.Соловьёв, В.Л.Мыц //Древности Тамани: фотокнига /А.М.Новичихин [и др.]: под ред. В.Д.Кузнецова; фото Е.Харламова, И.Платонова [и др.] – Тамань: Платонов И., 2022. – С.450-457.

Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма /Э.И.Соломоник //ВВ. - 1986. - Т.47. - С.210-218..

Соломоник Э.И. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма /Э.И.Соломоник// Византийская Таврика. - Киев: Наукова думка, 1991.- С. 172 - 178.

Сорокатый В.М. Икона «Благословенно воинство Небесного царя»: некоторые аспекты содержания / В.М.Сорокатый // Византия и Древняя Русь: К 100-летию А.Н.Грабара (1896-1990). - СПб., 1999. - С.399-417.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса /С.Б.Сорочан, В.М.Зубарь, Л.В.Марченко. - Харьков: Майдан, 2000. - 827 с., ил.

Сорочан С.Б. К вопросу об облике городищ-полисов и «кастра племён» в окрестностях византийского Херсона во второй половине VII- первой половине IX в. /С.Б.Сорочан //Учёные записки Крымского федерального университета им.В.И.Вернадского.Серия «Исторические науки». Том 2 (68), №2. 2016. - С.91-100.

Сосногорова М. Мегалитические памятники в Крыму /М.Сосногорова //Русский вестник. -1875. - Вып.7. - С.266-287.

Спасский Г. Старый Крым (из путевых заметок о Крыме) /Г.Спасский // ЗООИД. Т.4. Одесса, 1858. - С.85-102.

Спинеи В. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии /В.Спинеи // Золотоордынское обозрение. 2016. Т.4, №4. - С.734-766.

Спиридонов Д.С. Заметки из истории эллинизма в Крыму. 1. Из семейной истории Мангупского дома /Д.С.Спиридонов //ИТОИАЭ. Вып.II (53). Симферополь, 1928. - С.93-102.

Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в XIII-XIV вв. /М.К.Старокадомская // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. - Киев: Наукова думка, 1974. - С.162-173.

Стивен А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии /А.Х.Стивен //ИТУАК.- №13.- 1891. - С.33-54.

Степанов А.Ю., Степанова Е.П. Фреска XIV века из Чембало /А.Ю.Степанов, Е.П.Степанова //Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов /Сб. статей. СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2006.- С.162-168.

Степаненко В.П. Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии /В.П.Степаненко // Историография балканского средневековья. - Тверь, 1990. - С. 87 - 95.

Степаненко В.П. Князя Феодоро и византийская аристократия XV в. /В.П.Степаненко // Византия и Крым: Тез. докл. Международной конф. - Севастополь, 1997а. - С. 76 - 77.

Степаненко В.П. К истории княжества Феодоро в XV в. /В.П.Степаненко // Византия: кумуляция и трансляция культур: Тез. докл. IX научных Сюзюмовских чтений 24 - 27 августа 1997 г.-Екатеринбург,1997б. - С. 48 - 51.

Степаненко В.П. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. В.П.Степаненко // АДСВ. – Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 353 – 375.

Степаненко В.П. К интерпретации мангупской надписи ГЕКАТОНТАРХА (?) ТЦИТС.../В.П.Степаненко //МАИЭТ. Симферополь, 2008. Вып.XIV. С.485-490.

Степаненко В.П. Современные проблемы изучения истории княжества Феодоро: полемические заметки /В.П.Степаненко //МАИЭТ. Вып. XXII. – 2017. – С.369-377.

Стерлигова И.А. Малый Сион из Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой пол. XIII в. М., 1988.С.272-273.

Стоянов Р.В. Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического /Р.В.Стоянов //Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. - С.522-555.

- Струков Д.М.* Древние памятники христианства в Тавриде /Д.М.Струков. - М., 1876. - 51 с.
- Страбон.* География / Пер. Г.А. Стратановского, под ред. С.Л. Утченко, О.О. Крюгера. М.: Наука, 1964. - 943 с.
- Строкова Л.* Золотоординський скарб з Василиців /Л.Строкова// Пам'ятки України: історія та культура. Річник XXXVIII. 2006. - С.34-43.
- Сумароков П.[И.].* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году /П.И.Сумароков. - М.: Университетская типография, 1800. - 238 с.
- Сумароков П.[И.].* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду /П.И.Сумароков. Ч.І.-СПб.:Императорская типография, 1803.-225 с.;
- Сумароков П.[И.].* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду /П.И.Сумароков. Ч.ІІ.-СПб.: Императорская типография, 1805.-244 с.
- Суперанская А.А., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф.* Топонимия Крыма /А.А.Суперанская, З.Г.Исаева, Х.Ф.Исхакова. Ч. І. Введение в топонимию Крыма. - М., 1995. - 215 с.
- Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М.* Археологічні пам'ятки золотоординського часу Дніпровського лісостепоного лівобережжя /О.Б.Супруненко,В.В.Приймак,К.М.Мироненко.-Київ;Полтава,2004.- 82 с.,ил.
- Суров Е.Г.* Раскопки дворца на плато Мангупа в Крыму /Е.Г.Суров// КСИА АН СССР. 1972. - Вып. 129. - С. 96 - 99.
- Талис Д.Л.* 1971. Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена /Д.Л.Талис// История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.- С.250-262.
- Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник /Д.Л.Талис//Археологические исследования на юге Восточной Европы. - М., 1974. - С. 89 - 113.
- Талис Д.Л.* Поливная керамика Баклинского городища /Д.Л.Талис // СА. 1976. №4. - С. 63-86.

Таллис Д.Л. Кочевнические компоненты в населении средневековых городищ горного Крыма /Д.Л.Таллис //История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. Вып.51. 1983. - С.101-106.

Татищев В.Н. История Российская /В.Н.Татищев. Т.1-5. - М.-Л.: Наука, 1965. (Т.5 -342 с.).

Татищев В.Н. От скифов до славян. История Российская во всей её полноте / Василий Татищев. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. - 544 с.

Тасин Джемил. Татары Добруджи и Буджака /Т.Джамил// Золотоордынское обозрение. - №1. 2013. - С.164-176.

Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. Мифологические животные Древнего Китая /А.П.Терентьев-Катанский. - СПб.: «Форма Т». 2004.

Тесленко И.Б. К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом сграффито в крепости Алустон в XIV в. /И.Б.Тесленко // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X - XVIII вв. по материалам поливной керамики / Тез. докл. науч. конф. Ялта 25 - 29 мая 1998 г. - Симферополь, 1998. - С. 182 - 184.

Тесленко И.Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму /И.Б.Тесленко //Сугдейский сборник /Ред. Н.М.Куковальская. - Киев; Судак: Академперіодика, 2004. - С.467-494.

Тесленко И.Б. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) /И.Б.Тесленко // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Том.1/Под ред. С.Г.Бочарова, В.Л.Мыца. - К.: ИД «Стилос», 2005. - С.324-348.

Тесленко И.Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) /И.Б.Тесленко //Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Том 1 /Под ред.С.Г.Бочаров, В.Л.Мыца. - Киев: ИД «Стилос», 2005. - С.385-410.

Тесленко И.Б. Керамика Фуны «золотоордынского времени» (анализ материалов из комплексов, предшествовавших строительству феодоритской

крепости) /И.Б.Тесленко //История и археология Крыма. Вып. IV. Сборник статей. - Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016б. - С.132-150.

Тесленко И.Б. Комплекс керамики из раскопок усадьбы золотоордынского периода на территории средневекового городища в Алуште (Крым) /И.Б.Тесленко // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X-XVIII вв. Т.2. /Под ред. С.Г.Бочарова, В.Франсуа, А.Г.Ситдикова. Stratum plus. Археологические источники Восточной Европы. - Казань-Кишинёв, 2017. - С. 387-407.

Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма /М.А.Тиханова // МИА. 1953. № 34. - С. 319 - 333.

Тиханова М.А. Базилика /М.А.Тиханова // МИА. 1953. №34. - С. 334 - 389.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки /И.Л.Тихонов. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского уни-та, 2003. - 332 с.

Тихонов И.Л. К вопросу о начале университетской археологии в России /И.Л. Тихонов // Вестник СПбГУ. 2004. Серия 2. История. Вып.1-2. – С.93-101.

Тихонов И.Л. Последний представитель Императорской археологической комиссии граф А.А.Бобринский /И.Л.Тихонов // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию к.и.н. А.А.Формозова. - СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского ун-та, 2004. - С.95-117.

Тихонов И.Л. Археологические исследования Ф.А.Брауна в Северном Причерноморье /И.Л.Тихонов//Боспорские чтения. Вып.XVII. 2016.- С.486-493.

Тоган З.В. Военная кампания Тимура 1395 года на Украине и Северном Кавказе /З.В.Тоган //Золотоордынская цивилизация. 2009. Вып.2. - С.222-228.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. /В.В.Трепавлов // Проблема исторической преемственности. - М.,1993.- 168 с.

Трепавлов В.В. Беклярибек в структуре монгольской и тюркской государственности /В.В.Трепавлов // Золотоордынское обозрение. №2 (4). 2014. - С.21-34.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье /О.Н.Трубачёв. - М.: Наука, 1999. - 320 с.

Тункина И.В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX в. /И.В.Тункина // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: 1888-1988 гг. /Тез. докл. - Севастополь, 1988. - С.119-121.

Тункина И.В. А.С.Уваров и древности Южной России (конец 1840-х – начало 1850-х гг./И.В.Тункина// Погибшие святыни. Охраняется государством: Четвёртая Российская научно-практическая конференция. - СПб.: [б.и.], 1996. - С.163-181.

Тункина И.В. К истории изучения Херсонеса – Корсуня в конце XVIII – середине XIX вв./И.В.Тункина //Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. Вып.3. М., 2001. - С.96-120.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX в.) /И.В.Тункина. - СПб.: Изд-во «Наука», 2002.- 676 с.; 156 ил.

Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771-1971 гг. /И.В.Тункина. - Киев: Балеро, 2011.- 240 с.; ил.

Тункина И.В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссиский край 1821 г. под руководством академика Е.Е. Келера (новые архивные материалы) /И.В.Тункина // ВДИ. 2013. №1. - С.197-214.

Тунманн [И.М.] Крымское ханство /И.М.Тунманн /Перевод с немецкого издания 1784 г. Н.Л.Эрнста и С.Л.Белявской. Примечания, предисловие и приложения Н.Л.Эрнста/. Симферополь: Таврия, 1991. - 93 с.

Тур В.Г. Монастырь на г. Перчем /В.Г.Тур //Южногородские ведомости. 1997. №1. – С.117-125.

Турова Н.П. Средневековые храмы Главной гряды Крымских гор (материалы к археологической карте муниципальных округов Ялты и Алушты) /Н.П.Турова // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ / ΧΙ Международный Византийский Семинар (Севастополь-Балаклава, 3-7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Н.А.Алексеев.- Симферополь, 2019. - С.215-220.

Турова Н.П. Византийские храмы Южного берега Крыма в границах муниципального образования городской округ Ялта РК. Каталог-справочник /Н.П.Турова. – Симферополь: Н.Оріанда, 2023. – 264 с., ил.

Уваров А.С. Рапорт министру уделов //Материалы для биографии и статьи по теории археологии. - СПб., 1910. Т.3. - 386 с.

Уваров А.С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя /А.С.Уваров //Пропилеи. Сборник статей по классической древности. Кн.IV. М.,1854. - С.525-537.

[*Уваров А.С.*] Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях южной России и берегов Чёрного моря графа Алексея Уварова /А.С.Уваров. - СПб.: хромолит Ю.Боатузе, 1851. - 71 л.

Уваров А.С. Исследования о древностях южной России и берегов Чёрного моря: В 2-х выпусках /А.С.Уваров. - СПб., 1851-1856. Вып.1-VI, с.138 с.; Вып.2. - С.139-184.

Уварова П.С. Обзор деятельности первых двенадцати [Археологических] съездов с 1869 по 1902 годы /П.С.Уварова //Труды XII-го Археологического съезда в Харькове. 1902-1905. Т.3. - С.409-427.

Усеинов М.А. Мусульманская община г.Солхат/Кырым во второй пол. XIII века на основе эпиграфического материала /М.А.Усеинов//Terra tatarika: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 7-8 декабря 2022 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Э.И.Сейдалиев. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. - С.94-98.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. /М.А.Усманов. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. – 320 с.

- Усманов М.* Административно-управленческий аппарат /М.А.Усманов // История татар с древнейших времён. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII - середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009. - С.320-326.
- Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе /Б.Ц.Урланис. - М., 1941. - 448 с.
- Успенский Ф.И.* Очерки из истории Трапезундской империи /Ф.И.Успенский. - Л., 1929. - 160 с.
- Ушаков С.В., Байбурский А.М.* О финальной истории византийского Херсона и его взаимоотношениях с Золотой Ордой (на примере археологических комплексов второй половины XIII в. в северо-восточном районе города)/ С.В.Ушаков, А.М.Байбурский//Археология Евразийских степей. №4. 2018.- С.309-313.
- Фабр А.* О древних нагорных укреплениях в Крыму /А.Фабр// ЗООИД. 1844. Т. I. - С. 239 - 242.
- Фадеева Т.М., Шапошников А.К.* Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник / Т.М.Фадеева, А.К.Шапашникова.- Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. - 280 с., ил.
- Фадеева Т.М.* Сакральная география Крыма. Очерки /Т.М.Фадеева. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. - 224 с., цв. илл.
- Фадеева Т.М.* Правящий дом Феодоро в свете новых исследований. Генеалогия и геральдика» /Т.М.Фадеева //Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. VII Чтения памяти академика О.Н.Трубачева. Материалы: Феодосия, 10-15 сентября 2012 г. Киев – Москва – Феодосия, 2012. - С.73-75.
- Фадеева Т.М.* Павел Иванович Сумароков и его путешествия по Крыму /Т.М.Фадеева // Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. - С.3-40.
- Фарафонова О.А.* Ориентальный тревелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду»/О.А.Фарафонова //Научный диалог. 2017. №7.- С.70-82.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет /Г.А.Фёдоров-Давыдов // НЭ. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. - С. 94 - 192.

Фёдоров-Давыдов А.Г. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники /А.Г.Фёдоров-Давыдов. - М.: Изд-во МГУ, 1966. - 275 с.

Фёдоров-Давыдов А.Г. Общественный строй Золотой Орды /А.Г.Фёдоров-Давыдов. - М., МГУ, 1973. - 180 с.

Фёдоров-Давыдов А.Г., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трёх усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) //Города Поволжья в средние века. – М.:Наука, 1974. – С.89-131.

Фёдоров-Давыдов А.Г. Золотоордынские города Поволжья /А.Г.Фёдоров-Давыдов. - М.:Изд-во Моск. Ун-та, 1994. - 228 с.; ил.

Федосеев Н.Ф., Пономарёв Л.Ю. Античные древности церкви Иоанна Предтечи в Керчи (историографический обзор) /Н.Ф.Федосеев, Л.Ю.Пonomарёв //Учёные записки Крымского федерального университета им.М.В.Вернадского. Серия «Исторические науки».Том 2 (68), №2, 2016.- С.124-136.

Фелицин Е.Д. Сборник тамг или фамильных знаков западнокавказских горцев и племени Кабертай Адыгского народа /Е.Д.Фелицин// ЗООИД. XV. 1889. С. - 503 - 514.

Фелицин Е.Д. Некоторые сведения о средневековых Генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области /Е.Д.Фелицин // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. V. - С.1-29 (с описанием 33 карт).

Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма. О наследии Таврической учёной архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887-1931 гг.). Изд-е 2-е. Симферополь: ЧерноморПРЕС, 2004. – 316 с.

Филиппенко В.Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты-Инкермана /В.Ф.Филиппенко//Херсонесский сборник. Вып. VII.1996.-С.143-152.

- Филлипенко В.Ф.* Каламита - Инкерман: крепость и монастырь /В.Ф. Филлипенко. - Севастополь, 1997. - 108 с.; ил.
- Фирсов Л.В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического /Л.В.Фирсов. - Новосибирск: Наука, 1976. - 224 с.; ил.
- Фирсов Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма /Л.В.Фирсов. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. - 472 с.; ил.
- Фишер А.* Крымские татары /А.Фишер /Пер. с англ. Л.Сейтхалиловой, А.Алиевой //Крымское историческое обозрение. Т.9.2022. №1. – С.58-114.
- Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430-1460) /Б.Н.Флоря// Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып.10. М., 2001.- С.172-196.
- Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. /И.К.Фоменко /Ред. сост. Е.И.Щербакова. М.: Изд-во «Индрик», 2011.- 424 с.;ил.
- Фонкич Б.Л.* Иоанн Евгеник и его "Монодия на падение Константинополя" /Б.Л.Фонкич // Византия между Западом и Востоком / ВБ. СПб., 1999. С. 270 - 292.
- Формозов А.А.* А.С.Уваров и его место в истории русской археологии /А.А.Формозов //Российская археология /РАН Ин-т археологии. 1993.№3. - С.228-246.
- Френ М.Х.* Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами иных мухаммеданских династий /М.Х.Френ. - СПб., 1832. XVI, 80, XVII tab. (113 с.).
- Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке /М.А.Фронджуло //Феодальная Таврика. – Киев: Наукова думка, 1974. – С.139-150.
- Фронджуло М.А.* Пам'тки південно-східного Криму /М.А.Фронджуло // Археологія УРСР. 1975. Т. 3. - С. 476 - 484.

Фронджуро М.А. Раскопки «храма с аркадой» в Судакской крепости (1969-1975) /Фронджуро М.А. // Судакский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005. – С.531-621.

Хайдаров Т.Ф. Эпидемия чумы в Крыму (вторая половина XIV – первая половина XV вв.// КИО. 2016. №2.- С.87-98.

Хайдаров Т.Ф. Историография эпидемии «Чёрной смерти» на территории Улуса Джучи (1814-2016) /Т.Ф.Хайдаров // Золотоордынское обозрение. 2017. Т.5. №1. - С.164-192.

Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Чёрной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII - первая половина XV вв.)/ Т.Ф.Хайдаров. - Казань: Изд-во Института истории им.Марджани АН РТ, 2018. - 303 с.

Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма (XVII-XVIII вв.) /Транскрипция, перевод переложения А.Ильми, составление приложений и пояснения Кемаля Усейнова. Под общ. ред. Н.С.Сейтягьева. - Симферополь: РИА «АЯН»; ИД «Стилос», 2008. - 192 с.

Халит Н. Архитектура Крымского ханства /Н.Халит // КИО. №2. Казань-Бахчисарай, 2014. - С.243-281.

Халпахчян О.Х. Этапы планировки и застройки Феодосии (с древнейших времен до конца XVIII в.) /О.Х.Халпахчан // АН. 1976. № 25. - С.35-49.

Халпахчян О.Х. Архитектура родников крымских армян / О.Х.Халпахчан // АН. 1990. N 37. - С. 234 - 248.

Халпахчян О.Х. Архитектура крымских армян /О.Х.Халпахчан. - Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И.Гаспринского», 2019. - 380 с.: ил.

Хапаев В.В. «Заведывающий открытиями»: первые сообщения о раскопках Херсонеса /В.В.Хапаев //Причерноморье, История, политика, культура. 2016. №19. - С.6-46.

Хапаев В.В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X-первая половина XI века) /В.В.Хапаев. - Симферополь: Н.Орианда, 2016а. - 652 с., илл.

Хапаев В.В. Санкт-Петербургская пресса об изучении древностей юга России в 1825-1827 годах / В.В.Хапаев // Причерноморье, История, политика, культура. 2017. №22. - С.23-35.

Хартахай Ф. Исторические судьбы крымских татар /Ф.Хартахай // Вестник Европы. 1867. №2. - С.182-236.

Хаутала Р. Исламизация татар, согласно латинским источникам конца XIII – первой половины XIV вв./Р.Хаутала//Ислам и власть в Золотой Орде. – Казань, 2012. - С.18-72.

Хаутала Р. Два письма францисканцев из Крыма 1323 года: латинский текст, русский перевод и комментарии /Р.Хаутала // Золотоордынская цивилизация. №7. 2014. - С.87-110.

Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки /К.Хейвуд // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223-1556 / Усманов М.А. (отв. ред.). - Казань, 2002. - С.129-145.

Хотко С.Х. Очерки истории черкесов /С.Х.Хотко. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001.- 432 с., ил.

Хотко С.Х. Черкесские княжества в XIV-XV веках: вопросы формирования и взаимосвязи с субэтническими группами /С.Х.Хотко// Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. Т.8. №2/1. - С.46-58.

Хохлов А.Н., Мелькова В.Р. Исследования золотоордынского поселения Жемчужина в Юго-Восточном Крыму /А.Н.Хохлов, В.Р.Мелькова // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Т.2 /Отв. ред. С.В.Внуков, О.В.Шаров. – М.: ИА РАН, 2019. – С.71-86.

Храпунов Н.И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII - начала XIX вв. /Н.И.Храпунов //МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. - С.595-630.

*Храпунов Н.И.*Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым /Н.И.Храпунов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014а. №4. - С.141-153.

Храпунов Н.И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий /Н.И.Храпунов // Французский ежегодник. 2014. Т.2: Франция и Восток. - С.63-101.

Храпунов Н.И. Алушта и окрестности в описаниях иностранных путешественников конца XVIII - начала XIX века /Н.И.Храпунов // Terra Alustiana MMXI: сб. науч. трудов по материалам 10-й науч. конф. «Terra Alustiniana» (Алушта, 7-8 октября 2011 г.) /Ред.-сост. В.Г.Рудницкая, И.Б.Тесленко. - Симферополь: Антиква, 2015б. - С.300-310.

Храпунов Н.И. Как Херсонес стал центром русского православия /Н.И.Храпунов // МАИЭТ. Вып. XXI. 2016а. - С.317-358.

Храпунов Н.И. Византийский Херсон и Екатерина Великая /Н.И.Храпунов //АДСВ. Вып.44: Изд-во Уральского ун-та, 2016б. - С.236-251.

Храпунов Н.И. Крымские древности глазами Эдварда-Денъела Кларка: от археологии к идеологии /Н.И.Храпунов //Известия Ур.ФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016в. Т.18. №3 (154). - С.116-132.

Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII - начала XIX: исследования и иллюзии /Н.И.Храпунов //МАИЭТ. Вып. XXII. - 2017. - С.412-432.

Храпунов Н.И. Археологические памятники Крыма в описаниях и на рисунках Реджинальда Хебера и Роберта-Уильяма Хейя /Н.И.Храпунов // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ / XI Международный Византийский Семинар (Севастополь-Балаклава, 3-7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции /Отв. ред. Н.А.Алексеев. - Симферополь, 2019. - С.233-237.

Хромов К.К. Новый именной пул из Крыма середины XIV века. О датировке анонимного крымского пула с изображением стилизованного двуглавого орла /К.К.Хромов // Восточная нумизматика в Украине. I. - Киев, 2004. - С.15-33.

- Хромов К.К.* Монеты западной части Улуса Джучи. Часть I. Йармаки Крыма. Раздел I. Серебряные монеты, чеканенные до правления хана Токты /К.К.Хромов // Восточная нумизматика в Украине. Ч.2. - Киев, 2007. - С.4-54.
- Хромов К.К.* О хронологии правления Давлат Берди хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма) К.К.Хромов // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. - М.: Издательский дом Марджани, 2013. - С.378-416.
- Хромов К.К.* Сельджукидская вислая печать из Крыма /К.К.Хромов //Восточная нумизматика в Украине. Часть III. Улус Джучи, крымское ханство и сопредельные государства в XIII-XVIII вв. – Киев, 2013. – С.123-124.
- Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) /Л.Г.Хрушкова //ВВ.т.63 (88). 2004. – С.167-193.
- Цанкова-Петкова Г.* Феодалная рента в болгарских землях под византийским владычеством /Г.Цанкова-Петкова// ВВ. 1961. Т. 19. - С. 3 - 25.
- Чангова Й.* Търговски помещения край южната крепостна стена в Преслав /Й.Чангова// ИАИ. Кн.ХХI. София, 1957. С. 251-282.
- Чангова Й.* Средновековни амфори в България /Й.Чангова// ИАИ. Кн.ХХII.- София, 1959. -С.243-260.
- Ченцова В.Г.* Материалы к истории Херсона в средние века /В.Г.Ченцова // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996. - С. 171 – 186.
- Черепанова Е.Н., Щепинский А.А.* Погребения поздних кочевников в степном Крыму /Е.Н.Черепанова, А.А.Щепинский // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев: Наукова думка, 1968. - С.181-201.
- Чёрный А.В.* Географические ориентиры битвы на Синей Воде /А.В.Чёрный // Золотоордынская цивилизация. №8. 2015. - С.211-221.
- Черных А.П.* Геральдика в научном наследии А.В.Соловьёва // Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований; Институт всеобщей истории РАН. Отв. ред. А.П.Черных. Вып.4.М.: ИВИ РАН, 2009. - С.96-108.

Чиперис А.М. К истории Чембальского восстания /А.М.Чиперис // УЗ Туркменского гос. ун-та. 1961. Вып. XIX. - С. 291 - 307.

Чиперис А.М. Внутреннее положение и классовая борьба в Каффе в 50 - 70 гг. XV в. /А.М.Чиперис//УЗ Туркменского гос. ун-та.1962.Вып. XXI.-С.245 - 266.

Чорев М.Я. Адыгские тамги средневекового укрепления Кыз-Кулле в Крыму /М.Я.Чорев //Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Выпуск 1. - Нальчик, 1980 - С.112-120.

Чорев М.М. Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «Рω»/М.М.Чорев// Вестник ТГУ.Тюмень, 2009. Вып.VII.- С.35-51.

Чорев М.М. «Lapis offensioinis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро /М.М.Чорев //Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. №13. Вып.19.- С.46-57.

Чорев М.М. К вопросу о возможности денежной эмиссии в государстве феодоритов /М.М.Чорев // Ρωμαιο: сборник статей к 60-летию проф. С.Б.Сорочана // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т.2. Харьков: Майдан, 2013.- С.368-380.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии /В.Н.Чхаидзе, И.А.Дружинина //Поволжская археология. 4 (2). – Казань, 2013. – С.171-178.

Чхаидзе В.Н. Военная организация кочевников Крыма в XII-XIV веках /В.Н.Чхаидзе // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Исотрическая география Золотой Орды: Материалы седьмой международной конференции, посвящённой памяти Г.А.Фёдорова-Давыдова /под ред. С.Г.Бочарова и А.Г.Ситдикова. – Казань-Ялта-Кишинёв, 2016. – С.302-303.

Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Ёлшин Д.Д. Средневековый храм на Таманском городище и его архитектурный контекст /В.Н.Чхаидзе, А.Ю.Виноградов, Д.Д.Ёлшин // Труды Государственного Эрмитажа. Т.86.

Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. С.257-287.

Чхаидзе В.Н. Матрега – генуэзский город XIV-XV вв. на Таманском полуострове /В.Н.Чхаидзе// Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы III Международной конференции. Отв. ред. А.Д.Васильев. 2019а. - С. 290-293.

Чхаидзе В.Н. Византийская власть на Тамани и в Крыму в конце XI – начале XIII вв. /В.Н.Чхаидзе // «Византийское содружество»: традиции и смена парадигм, тез. докл. XXII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ, Национальный комитет византинистов РФ., Уральский федеральный университет первого президента России Б.Н.Ельцина, Уральский гуманитарный институт, кафедра истории Древнего мира и Средних веков. Екатеринбург, 2019. - С.175-177.

Чхаидзе В.Н. Византия в Крыму и на Тамани (конец XI – начало XIII в.) по данным нарративных источников и памятников византийской сфрагистики /В.Н.Чхаидзе //Восточная Европа в древности и средневековье. Т.32. 2020. - С.247-251.

Чхаидзе В.Н. Половецкие каменные изваяния из «Склада местных древностей» в Херсонесе /В.Н.Чхаидзе//История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Всероссийская научная конференция «Херсонес Таврический» (г.Севастополь, 25-29 сентября 2022 г.): материалы под ред.А.В.Зайкова; ГИА МЗ. – Симферополь: Изд-во ООО «Антиква». – С.235-240.

Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского /Ф.М.Шабульдо. - Киев: Наукова думка, 1987. - 183 с.

Шабульдо Ф.М. Чого не схотіла або не змогла помітити моя рецензентка (відповідь на рецензію Олени Русиної) /Ф.М.Шабульдо // Український гуманітарний огляд. Вип.2. Київ: Критика, 1999.- С.198-217.

Шабульдо Ф.М. Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науко́ї інтерпретації

/Ф.М.Шабульдо // Центральна Україна за доби класичного середньвіччя: студії з історії XIV ст. / НАН України. Інститут історії України. Наук. Ред. Ф.М.Шабульдо. Упор. Щ.Д.Брайченко. Київ, 2003.

Шабульдо Ф.М. К итогам изучения синеводской проблемы /Ф.М.Шабульдо // История и современность. №1, март 2013. - С.69-89.

Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е. Раскопки курганов у с.Дмухайловка /В.Н.Шалобудов, В.А.Андросов, С.Е.Мухопад// Древности степного Поднепровья III-II тыс. до н.э.- Днепропетровск, 1983.- С.19-27.

Шаманаев А.В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса /А.В.Шаманаев //АДСВ. 2003. Вып.34.- С.413-425.

Шаманаев А.В. Памятники Крыма и Одесское общество истории и древностей /А.В.Шаманаев // Россия-Крым-Балканы: Диалог культур /Научные доклады на Международной конференции (Севастополь, 6-10 сентября 2004). - Екатеринбург, 2004. - С.311-318.

Шаманаев А.В. О некоторых вопросах изучения Херсонеса /А.В.Шаманаев //АДСВ. 2006. Вып.37.- С.363-376.

Шаманаев А.В., Мусин А.Е. Исследования Херсонеса и Императорская археологическая комиссия в 1860 г. /А.В.Шаманаев, А.Е.Мусин // Археологические вести. СПб., 2010. №6. - С.267-282.

Шаманаев А.В. Вклад В.Н.Юргевича в изучение и сохранение памятников Крыма /А.В.Шаманаев //АДСВ. 2011. Вып.40. - С.409-421.

Шамильоглу Ю. Чёрная смерть и её последствия /Ю.Шамильоглу // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009а. С.686-690.

Шамильоглу Ю. Торговля Улуса Джучи со странами Средиземноморья /Ю.Шамильоглу// История татар с древнейших времён. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII - середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009. - С.287-294.

Шамильоглу Ю. Влияние Чёрной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество, цивилизация /Ю.Шамильоглу //ЗОМИ. Коллективная

монография. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2016. - С.679-694.

Шапцев М.С. История исследования памятников средневекового времени в Северо-Западном Крыму /М.С.Шапцев//КИО. №3. – 2015. – С.165-179.

Шереметьев А.Г. Религиозный фактор во внешней политике Золотой Орды при хане Берке /А.Г.Шереметьев // Отечественная история: Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2013. Т.13, вып.3. – С.3-8.

Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223-1502 гг./Б.Шпулер /Перевод с немец. яз. и комментарии М.С.Гатина. СПб.: Евразия, 2018.-560 с.

Штерн Э.Р. Феодосия и её керамика /Э.Р.Штерн // Музей императорского одесского общества истории и древностей. III.-Одесса, 1906. -91 с., VIII табл.

Шуази Огюст. История архитектуры [В 2 т.]/Огюст Шуази. – 3 изд.-М.: Шевчук,2002 (ОАО Можайский полиграф.комб.).Т.1 – 575 с.:ил; Т.2.-694 с.:ил.

Шукуров Р.М., Коробейников Д.А. Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223-1230 гг. (Загадка текста Лазаропула) /Р.М.Шукуров, Д.А.Коробейников // Причерноморье в средние века. Вып.III. 1998. - С.178-200.

Шукуров Р.М. Великие Комнины и «синопский вопрос» в 1254-1277 гг. /Р.М.Шукуров //Причерноморье в средние века /под ред. С.П.Карпова. Вып.4. СПб.:Алетейя, 2000б. - С.177-208.

Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204-1461) /Р.М.Шукуров. -СПб.: «Алетейя», 2001.- 488 с.,ил.

Шукуров Р.М. Семейство Изз ал-Дина Кай-Кавуса II в Византии /Р.М.Шукуров // ВВ. 2008. Т.67 (92). - С.89-116.

Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории тавров (терминология, хронология, взаимоотношения с античными городами /П.Н.Шульц // ПИСПАЭ. –М., 1959, - С.235-272.

Шумкин А.В. Захария де Гризольфи – князь Таманский, вождь «франков», Сююрташ-бей /А.В.Шумкин// Тюркологический сборник 2015-2016:

Тюркологический мир Евразии. - М.: Наука – Восточная литература, 2018. – С.150-178.

Щедрина К.А. «Крест императора Константина Великого»: к вопросу иконографии /К.А.Щедрина // Ставрографический сборник. Кн.П: Крест в православии. - М.,2003. С.55-66.

Эрнст Н.Л. Историко-археологические памятники Южного берега Крыма /Н.Л.Эрнст // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Симферополь, 1935. - С.425-443.

Эрнст Н.Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г. /Э.Н.Эрнст // СА. 1937. №3. - С.244.

Юргевич В.Н. Генуэзские надписи в Крыму /В.Н.Юргевич// ЗООИД. 1863. Т. V. - С.157-177.

Юргевич В.Н. Новые надписи генуэзские /В.Н.Юргевич// ЗООИД. 1868. Т. VII. - С. 274 -282.

Юргевич В.Н. О монетах генуэзских находимых в России /В.Н.Юргевич // ЗООИД. Т. VIII. 1872. - С. 147-166.

Юргевич В.Н. Замечания на статью о генуэзских монетах, помещенную в 8-м томе Записок Общества, сделанные итальянским ученым К.Десимони /В.Н.Юргевич // ЗООИД. Т. VIII. 1872а. - С.465-471.

Юргевич В.Н. Донесение о поездке в Крым [в 1873 г.] /В.Н.Юргевич// ЗООИД. 1875. Т. IX. - С. 397-402.

Юргевич В.Н. Две генуэзские надписи из Балаклавы /В.Н.Юргевич // ЗООИД. 1878. Т. XI. - С. 319 - 320.

Юргевич В.Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей /В.Н.Юргевич //ЗООИД. 1886. Т.XIV. - С.52-58.

Юргевич В.Н. Об археологических розысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей /В.Н.Юргевич // ЗООИД. 1888. Т.XIV. - С.27-51.

- Яворская Л.В.* Археологические исследования поселения Жемчужина – I и вопросы экономики Юго-Восточного Крыма в золотоордынский период / Л.В. Яворская // Поволжская археология. – 2020. №2 (32). – 171-181.
- Якобсон А.Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму (церковь близ сел. Лака) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №11-12. С.97-110.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII - XIV) /А.Л.Якобсон // МИА. 1950. № 17. - 256 с.,ил.
- Якобсон А.Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья /А.Л.Якобсон // СА. XV. 1951. - С.325-344.
- Якобсон А.Л.* Дворец /А.Л.Якобсон // МИА. 1953. № 34. - С.390 - 418.
- Якобсон А.Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму /А.Л.Якобсон // ВВ. 1956. Т. VIII. - С.166 - 191.
- Якобсон А.Л.* К истории русско-корсунских связей (X-XIV вв.)/ А.Л.Якобсон // ВВ. 1958. Т.14. - С.116-128.
- Якобсон А.Л.* К изучению позднесредневекового Херсонеса /А.Л.Якобсон // Херсонесский сборник. Вып. V. 1959. - С.229-244.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсон. Очерки истории материальной культуры /А. //МИА. №63. 1959.- М.-Л.: Академия наук СССР. - 364 с., ил.
- Якобсон А.Л.* О численности населения средневекового Херсонеса /А.Л.Якобсон // ВВ. 1961. Т. XIX. - С.154 -165.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории материальной культуры /А.Л.Якобсон. - М.-Л.: Наука, 1964.- 183 с., ил.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики /А.Л.Якобсон // МИА. 1970. № 168. - 224 с.,ил.
- Якобсон А.Л.* Крым в средние века А.Л.Якобсон. - М.: Наука, 1973. -172 с.,ил.
- Якобсон А.Л.* Модель храма из раскопок Эски-Кермена в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии /А.Л.Якобсон //Краткие тезисы докладов научной конференции «Культура и искусство Византии», 6-10 октября, 1975 г., [Эрмитаж], [Текст].- Ленинград: [б.и.], 1975. - С.45-46.

Якобсон А.Л. Рецензия на: Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. – Киев, 1974 /А.Л.Якобсон //ВВ. Т.38 (63). 1977. – С.116-128.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики /А.Л.Якобсон. Л.: Наука, 1979. - 164 с.,ил.

Якобсон А.Л., Тамонян Ю.А. Армянская архитектура в Крыму /А.Л.Якобсон, Ю.А.Тамонян. –Ереван: Айастан,1992. – 63 с.,ил.

Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей)/А.Ю.Якубовский //ВВ.1928.Т.ХХV.-С.59.

Янина С.А. «Новый город» (=Янги-Шехр – Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение /С.А.Янина //Труды Государственного Ордена Ленина Исторического музея. Вып. 49. Нумизматический сборник. Ч.V. Вып.1 /Давидович Е.А. (под ред.). М., 1977. - С.193-213.

Яровая Е.А. Генеология и геральдика генуэзских официалов Крыма (по материалам лапидарного наследия Каффы, Солдаи и Чембало XIV-XV вв.)/Е.А.Яровая //Причерноморье в Средние века /под ред. С.П.Карпова. Вып. VI. М.:СПб.: Алетейя, 2005.- С.139-169.

Яровая Е.А. Фрагмент стеклянного сосуда 1322 г. с гербом из Херсонеса: к вопросу о геральдике /Е.А.Яровая //АДСВ. 2005а. Вып. 36. – С.244-249.

Яровая Е.А. Геральдика генуэзского Крыма /Е.А.Яровая: Государственный Эрмитаж.-СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010.- 208 с.,ил.

Яровая Е.А. «Геральдика генуэзского Крыма»: подводя итоги /Е.А.Яровая // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма» /Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2018. - С.135-138.

Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей)/Якубовский А.Ю.// ВВ. 1928. Т.25. - С.58-61.

Якушечкин А.В. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи Гирея /А.В.Якушечкин // Золотоордынское обозрение. 2016. Т.4. №3.- С.580-601.

Якушечкин А.В. К вопросу о возможности участия Хаджи-Гирея в событиях, произошедших в Крыму в 1433-1434 гг. /А.В.Якушечкин // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XVI (V). Античность и средневековье. Избранные материалы XI и XII научных конференций «Лазаревские чтения» /Под общей редакцией С.Ю.Сапрыкина. Севастополь: Филиал МГУ в г.Севастополе, 2015. - С.136-144.

Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залесская В., Журавлёв Д. 2011. Наследие византийского Херсона. Севастополь-Остин: Телескоп, Институт классической археологии. 2011.

Яшаева Т.Ю. Византийская археология Херсонеса Таврического /Т.Ю.Яшаева // История и археология Крыма. Вып. VI. Сборник статей /Отв. ред. В.В.Майко. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. - С.101-132.

Ящуржицкий Х. Очерк археологических разведок и исследований в области Херсонеса Таврического /Х.Ящуржицкий //ИТУАК. Вып.5. 1888.- С.107-114.

Agosto A. Due lettere inedite sugitventi del Cembalo e di Solchati in Crimea nel 1434 /A.Agosto // ASLSP. NS. N5. Genova. 1977. Vol. XVII. Fasc.II. P.509-517.

Agosto A. Nuovi reperti archivistici genovesi dell' "Officium provisionis Romaniae" sulla guerra di Cembalo (1434) /A.Agosto // ВВ. Т. VII. Sofia, 1981. P. 103 - 108.

Agosto G. Orientamento sulle fonti documentare dell' Archivio di Stato di Genova per la storia dei Genovesi nella Russia meridionale / A.Agosto // Cinquant' anni di storiografia mediavistica italiana e sovetica: Gli inse dianenti genovesi nel Mar Nero: Atti del Convegno storico italo-sovético e della Tavola Rotonda, Genova 11-13 nov. 1976. - Genova, 1982.- P.352-379.

Airaldi G. Colonie genovesi nel Mar Nero, Studi Storici in Romania, Polonia e Bulgaria / G.Airaldi // Liguria. T. XXXVII, 5. 1970. - P. 9 – 12.

- Airaldi G.* Studi e documentis Genova e l'Oltremare / G.Airaldi. - Genova, 1974. (Collana storica di fonti e studi;19). - P. 292.
- Alef G.* The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View /G.Alef // *Speculum*. XLI. 1966, 1. - P.1-21
- Aleksova B.* Gdejesahranjena Marija Paleologova? /B.Aleksova // *Anali Hist. Inst. u Dubrovniku*. № 4-5, 1956. - P.213-229.
- Aleksova B.* Ouestenterre Marie Paleologue? A propos de la decouverte faitedans une tombe /B.Aleksova // *Archeologia Iugoslavica*. T.III. 1959- P.123-127, Pl.XLIV, XLV;
- Andreescu S.* Moldavia's pontific policy: Stephen the Great and "Illice" castle /S.Andreescu // *Il Mar Nero*. III. 1997/98. - P. 179 - 187.
- Androudīs P.* Origines et symbolique de l'aigle bicephale des Turcs Seldjoukides et Artuqides de l'Asie Mineure (Anatolie) /P. Androudīs // *Βυζαντιακά*. 19, 1999. - Σ.311-345.
- Asdracha C., Bakirtzis Ch.* Inscriptions byzantines de Thrace /C. Asdracha, Ch.Bakirtzis // *Αρχαιολογικόν Δελτίον*. 35. 1980. - P.266-268.
- Aslanapa O.* Türkische fliesen und keramikin /O.Anatolien.- Istanbul, 1965. - 93 s.
- Assini A.* Una "filza" ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero/ A.Assini// *Romania Orientale*, T.12, 1999. - P.13-36.
- Babinger G.F.* Mahomed II le Conquerant et son temps (1432 - 1481) / G.F.Babinger. - Paris, 1954. - P. 377 - 387.
- Balard M.* La Romanie genoise (XII - debut du XV siecle)/M. Balard: Roma. Genova: Erole Francaise de Rome. In 2 Vol, 1978. - 1008 p.
- Balard M.* Les genoīs en Crimée aux XIII - XIV siècles/M.Balard // *Αρχεϊον Ποντου*. Αθηναί, 1979. Vol. XXXV. -P. 200 - 217.
- Balard M., Veinstein G.* Continuite ou changement d'un paysage urbain? Caffa Genoise et Ottomane /M.Balard, G.Veinstein // *Le paysage urbain au Mogen Age*.- Lion, 1981. - P. 79 - 131.
- Balard M.* Les orientaux a Caffa au XV siecle /B.Balard//BF. 1987a. T. XI.- P. 223 - 238.

Balard M. "Infideles" ou comans? A propos des "sarraceni" de Caffa/M.Balard // SG. 19876. -Vol. 8. - P. 9 - 16.

Balard M. Les formes militaires de la colonisation genoise (XIII – XV siecles)/ M.Balard // Castrum 3: Guerre, fortification et habitat dans le monde Meditteraneen au moyen age. - Rome, 1988. - P. 67 – 78.

Balard M. Byzance et les regions Septentrionales de la Mer Noire (XIII - XV siecle)/ M.Balard // XVIII-e Congres International des etudes byzantines: Rapp.- Moscou, 1991. - P. 227 - 245.

Balbi G. Caffa e Pera a meta del Trecento/ G.Balbi // RESEE. - Bucarest, 1978. An. XVI. №2. -P.217 - 228.

Baletto L. Genova, Mediterraneo, Mar Nero (sec. XIII - XV)/L.Baletto. - Genova, 1976 (Civico istituto Colombiano. Studi e testi: Serie storica: 1). - 264 p.

Baletto L. Caffa genovese nell'odierna storiografia sovietica/ L.Baletto // Archivio stori Sardo di Sassari, 1985. - T. XI. - P. 269 - 280.

Baletto L. La civiltà mestieri nella Crimea genovese: la pasca (1449)/ L.Baletto // България Понтика. II. - София, 1988. - С. 280 - 297.

Baletto L. Momenti di vita genovese nella Caffa del Banco di San Giorgio/L. Baletto // Bulgaria Pontia Medii Aevi III.Nessebre, 27–31 mai 1985.- Sofia,1992.- P.105– 114.

Baletto L. Liber Officii Provisionis Romanie (Genova, 1424-1428)/L.Baletto // Universita degli studi di Genova sede di acque terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino. №6.- Genova, 2000. -PP.LXXIX+515.

Banescu N. Peuton identifier ei Zamblacus des documents ragussins?/N.Banescu // Melanges Charles Diehe. I. - Paris, 1930.- P. 30 - 36.

Banescu N. Vechi legaturi ale tarilor noastre cu Genovezii // Inchinare lui N.Jorga eu prilejul implinarii rarstei de 60 de ani. Cluj, 1931. P. 158 - 164.

Banescu N. Le conflict autre Genes et l'empire de Trebizonde a la veille de la conquete turque (1418 - 1448) // SBN. Vol. V. 1939.

Banescu N. Contributiona l'histoire de la Seigneurie de Theodoro-Mangupen Crimee // Byzantinische Zeitschrift. 1935. Bd.35. - P.20-37.

- Barker J.* Manuel II Palaeologus (1391-1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969.
- Barnea I.* Amforele feudale de la Dinigetia // SCIV, 1954, V, 3-4.
- Barnea I.* Ceramica de import //Dinogetia Asezarea feudala timpurie de la Disericuta-Garvan, I. - Bucuresti, 1967. - P.262-270.
- Barnea I.* La ceramique byzantine de Dobroudja X-XII siècles // RCB. 1989. P.131-142.
- Brusić Z.* Byzantine Amphorae (9th – 12th century) from Eastern Adriatic Undervaten Sites // Archaeologia Jugoslavica. XVII. 1976. P.37-49.
- Bartold W.* Sudak // Encyclopedie de l'Islam. Leide, Paris, 1927. T.4/1.- S.526.
- Basso E.* Il "Bellum de Sorcati" ed i trattati del 1380 -1387 tra Genova e l'Orda d'Oro // Studi Genuensi. Nuove serie. 1990. Vol. VIII. Genova, 1991. - P. 11 - 26.
- Basso E.* Aspetti della societa di Caffa nel XV secolo nella testimonianza di atti noterili enediti // XVIII-th International Congress of Byzantine Studies. Moscow, 1991a. Vol. I. - P. 114 - 115.
- Basso E.* Genova: un impero sul mare Cagliari, 1994.- 343 p.
- Basso E.* "De rebus castri Ilicis et alia": Genova, la Moldavia e la Valacchia fra cooperazione e contrasto nel secondo Quattrocento // Italia e Romania. Due popoli e due storie a confronto (sec. XIV - XVIII), a cura di S.Graciotti, Firenze, Olschki, 1998. - P. 83 - 96.
- Batariuč P.-V.* Necropola medievala de la Sucedava-Campul Santurilor // Arheologia Moldovei. XVI. Bucuresti, 1993. - P. 229 - 249.
- Batariuč P.-V.* Din nou despre ceramic "Hoardei de Aur" din teritoriul dinte Carpati și Prut // Arheologia Moldovei. 2010. №XXXIII.- P.243-253.
- Belo P.* Hrady a Kastiele na vychodnom Slovensku. - Kosice, 1980. - 190 s.
- Bendall S., Donald P.J.* The Later Palaeologan Coinage 1282-1453. - Bristol, 1979. P.186 - 206, Abb.9,4
- Bees N.* Zum Thema der Darstellung des zweikopfigen Adlers bei den Byzantinern // Repertorium fur Kunstwissenschaft. 35, 1. 1912. - S.321-330.

- Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq, de la presence italienne a l'emprise ottoman (fin XIIIe – milieu XVIe siècle). *Turcica*. Vol. 8/2, 1976. - P.110-201.
- Biernacha-Lubanska M.* The Roman and early-Byzantine fortifications of lower Moesia and Northern Thrace. Wroclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk, Lodz. 1982. - 285 p.
- Bleisteiner C.D.* Der Doppeladler von Kaiser und Reich im Mittelalter // *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. T.109. 2001.- S.4-52.
- Bogdan D.P.* Paleografia româno-slava. - Bucuresti, 1978.
- Bocharov S., Maslovsky A.* The Eastern Crimean centers of glaze Pottery production in 13th and 14th centuries // *Actas do X Congresso International a ceramic medieval no mediterraneo*. Silves-Mertola, 22 a 27 de outubro de 2012.- P.604-607.
- Bocharov S.* Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of XIVth-XVth centuries // *Classica et Christiana*. 10, 2015a.- P.443-458.
- Bocharov S., Maslovsky A., Sitdikov A.* The beginning of the glazed ceramics production in the Southeast Crimea: during the last quarter of the 13th century – the first quarter of the 14th century// *Dacia*.LIX, 2015b.- C.329-336.
- Bocharov S.* Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans – The studies of the history of Crimea in the 13th-18th centuries /Sergei G.Bocharov; edited by Ludmila Bacumenco-Piunau.-Bucutesti: Editura Academiei Romane; Braila: Editura Istros a Muzeului Brailei “Carol I”, 2021.- 433 p.,il.
- Böhlendorf-Arslan B.* Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei. Vol.3. - Istanbul: Yayinlari. 2004. - 326 p.
- Bogdan D.P.:* Mangupul in lumina unor noi cercetari// *Arhiv romana*. - Bucuresti, 1940.- P.4-5.
- Bogdan D.P.* Paleografia romanoslava. - Bucuresti, 1978. - P.110-204.
- Boureau A.* L'aigle Chronique politique d'un embleme.- Paris, 1985
- Borgia L.* L'Aquila dell' Impero Romano d'Oriente concessioni araldiche durante il concilio di Firenze // *Firenze e il Concilio del 1439/ Convegno di Studi Firenze*

- 29/11-2/12/1989 a curadi P.Viti (Biblioteca Storia Toscana. T.XXIX). Firenze, 1994.- P.457-489.
- Bratianu G.I.* Contribution a histoire de Cetatea Alba aux XIII - XIV siecles // Bull. section hist. Acad. - Roum. 1927. № 3. - P. 19 - 36.
- Braun F.* Die Letzten Schicksale der Krimgoten. - St.-Petersburg, 1890. - 90 s.
- Brayer A.* The Faitkless Kbazitai and Scholarioi // Maistor, 1984. - 320 p.
- Brun Ph.* Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Cazarie//Memoires de L'Academie de St.-Petersburg. 1866. VII serie. T. X. № 9.- P.61 - 98.
- Breyer A. A.* Byzantyne famili: the Gabrades // University of Birmingham Historical Journal. 1970. № 12. - P. 979–1653.
- Breyer A., Fassoulakis St., Nicol D. M.* A Byzantine Famili. The Gabrades. An Additional Notes // Byzantinoslavica. 1975. T. 36. Fasc 1.- P. 38–45;
- Buchtal H.A.* Greek New Testament Manuscript in the Escorial Library // Byzanz und der Westen. - Wien, 1984. - P.96-98, ill.18.
- Ciociltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Leiden/Boston, Brill, 2012. - 321 p.
- Costin M.* Opere complete.T.II /editie de V.A. Urechia.Bucuresti, 1905.
- Caciagli G.* Il castello in Italia. Firenze. 1979. - 333 p.
- Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History, N.Y., 1968.- P.1071-1330.
- Canale M.C.* Commentari storici della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri.-Genova, 1855 - 1856, Vol. I - III.
- Čangova-Petkova G.* La population agraire dans les terres bulgares sous la domination byzantine au Xie - XIIe siecle // BBg. 1. 1962. - P.299 - 311.
- Catalogue* of the exhibition of Chi'ng dynasty costume accessories: the National Palace Museum / textby Cheng Chia-hua.Taipei, 1986.
- Cazacu M., Kevonian K.* La chube de Caffa en 1475 a la lumiere de nouveaux documents. CMRS. XVII (4). Paris, 1976. - P. 496-538.
- Chatzidakis M.* Μυσπιας. - Athen, 1956.

Chotzakoglou Ch. Die Palaiologen und das früheste Auftreten des byzantinischen Doppeladlers // *Byzantinoslavica*. Vol.57. - 1996. S.

Chotzakoglu Ch. Untersuchungen zur Geschichte. Architektur und Wandmalerei der Klosterkirche Mega-Spelaion auf der Peloponnes (Dissertation Univ. Wien). Wien, 1997. - P.105-123.

Čiobanu R. Genovezii și rolul lor în Dobrogea în sec. XIV // *Pontica*. № 2. 1969.- P.401 - 412.

Cimpina B. Scrieri istorice. - București, 1973. Vol. 1.

Constantinescu N. Contribuție la cunoașterea ceramicii bizantine de la Cetatea Alba // *SCIV*. X/2. 1959. - P. 441 - 452.

Constantinescu N. Observații asupra Satului fortificat din țara românească în secole XIV – XV // *SCIV*. XIII. 1962. - P. 59 - 79.

Constantinescu N. Coconi: Un sat din cimpia Română în epoca lui mercea cel bătrân // *Stuiu arheologic și istoric*. - București, 1972.- 312 p.

Corovič-Ljubinkovič M. Средњовековни дуборез у источним областима Југославије. - Belgrad, 1965.

Crowley R. The Last Great Siege 1453.- London: Faber and Faber, 2005. XV, -304 p.

Cronicile slavo-române din. sec.XV-XVI publicate. de Ion Bogdan / Editare revizuită completată de P.P.Panaiteșcu.- București, 1959 (Cronicele medievale Române II).

Dan D. Manastirea și comuna Poutna.- București, 1905.

Delehaye H. Deux Typica byzantins de l'époque des Paleologues.- Brüssel, 1921.

Deletant D. Genoese, Tatars and Rumanians at the Mouth of the Danube in the Fourteenth Century // *The Slavonic and East European Review*. 1989. V.62. N4 (October).- P.511-530.

Djurič V. Српска династија в Византја на фрескама у манастиру Милешеви // *Зб. рађ.* 22. 1992. - С.14-19.

Dölger F. Regestender Kaiserurkunden des ostromischen Reiches.- München-Berlin, 1932. Teil 4, 19 no 2939.

Dölger D. Rezension zu *G.Gerola*. L'aquila byzantine e l'aquila imperial a due teste // *BZ*. 34. 1934.- S.470-472.

Dölger F. Rezension zu *Soloviev A.V.* Les emblems heraldiques de Byzance et les Slaves // *Seminarium Kondakovianum* 7 (1935) // *BZ*. 35. 1935.-S.505-506.

Donald P.J., Bendall S. The Later Palaeologan Coins // *Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection* / Edited by Alfred R. Bellinger and Philip Grierson. Vol.V. Michael VIII to Constantine XI, 1258-1453, by Philip Grierson. Part I. Introduction, Appendices and Bibliography. Washington, D.C., 1999.

Dujcev I. L'heritage byzantin chez les slaves // *Etudes historiques*. T.II. 1965.- P.142-143.

Dupuigrenet Desroussilles F. Venitiens et Genoïs a Constantinople et en Mer Noir en 1431 // *Cahiers du Monde russe et sovietique*. 1979. T. XX(1). - P. 111 - 122.

Fallmerayer J. Ph. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827. Bd. I. (repr.: Hildensheim, 1964). - S. 110 - 145.

Felloni G. I Primi banchi pubblici della Casa di San Giorgio (1408 - 1445): L'archivio della Casa di San Giorgio ed il suo valore per le ricerche storiche // *ASLSP*. 1991. N.s. Vol. 31 (105): Fasc. 1. - P.225 - 246.

Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford: Hoover Institution Press, 1978.

Fisher A. The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III – IV / 1979 – 1980.

Fisher A. The Ottoman Crimea in Sixteen the century // *Harvard Ukrainian Studies*. 1981. Vol.V. N2. - P.135-170.

First Preliminary Report on the Restoration of the frescoes in the Kariye Camii at Istanbul. *Dumbarton Oaks Papers*, IX-X (1956). P.253-288, XI (1957), P.173-220, XII (1958), P.253-256, XIII (1959).- P.187-212.

Folietta U. *Patricii Genuensis. Historiae Genuensium libri 12* // *Io. Georgii. Thesaurus antiquitatum et historiarum Haliae*. Lugd. Batav, 1704, fol. T. I.- P. 1 – 743.

Formaleoni V. Storia filosofica e politica della navigazione, del commercio e della colonie nel Mar Nero. Venezia, 1788 - 1789. Vol. I - II.

Francois V. Ceramique fine de L'Anatolie Seldjoukide: une production de tradicion Irano-Caucasienne //VIIe Congres International sur la Ceramique Medievale en Mediterranee, Thessaloniki, 1999; actes / Ed.Ch.Bakirtzis, Athens, 2003. - P.313-324.

Frederick, H. van Doorninck, Jr. The Amphoras: Old jars from the North // Institute of Nautical Archeology. 1988. №15 (3). p.22-23.

Frederick, H. van Doorninck, Jr. The Serçe Liman Shipwreck: An 11th Century cargo of Fatimid Glassware cullet. For Byzantine Glassmakers // Ist International Anatolian Glass Symposium, April 26th-27th 1988 (Istanbul), 1990, p.58-63.

Frederick, H. van Doorninck, Jr. The Piriform Amphoras from the 11th – Century Shipwreck at Serçe Liman: Sophisticated Containers for Byzantine Commerce //Wine. Graeco – Arabica. 2016. №6. P.181-189.

Furlas A. Adler und Doppeladler // Φιλοξενια. Prof. Dr.B.Köttinggewidment von seinengriechischen Schülern (hrsg. An.Kallis), Münster, 1980. - S.97-120.

Economidis N. Greek Documents // Treasures of Mount Athos, editiaa II-a, Salonic, 1997.

Elian A. Moldova si Bizantul in secolul al XV-lea // Cultura moldoveneas caintimpulul lui Stefan cel Mare. Bucuresti, 1964. - P.160-164.

Etzeoglou R. Mistra, a byzantine town. Athen (o.d.).- P.52;

Gabelič S. Прилог познавања живописа цркве Св. Николае код Станиченња // Зограф, 18. 1987. - P.22-36, fig.4.

Ganchju T., Mingiras A. Un nouveau document a propos d'Alexios de Theodoro-Mangoup// Inchinare lui Petre S.Nasturel la 80 de ani. Braila, 2003.- P.111-118.

*Gazavat-i Sultan Murad b. Mehhemed Han.*Izladi ve Varna Savaslari (1443 – 1444) uzerinde Anonim Gazavatname / Campaniile sultanului Murad fiul lui Mehmed han./Ed. H.Inalcik et M.Oguz. Ancara, 1978. X. - P.120 - 129.

Gerasimov T. Monnaies des Palaeologan avec des representations d'etoiles // Byzantinobulgarica. 3. 1969.

- Gerola G.* L'aquilabizantina e l'aquilaimperiale a due teste // Felix Ravenna. 43. 1934. - P.7-36.
- Giannopulos N.J.* Les constructions byzantines de la region de Demetrias // Bulletin de Correspondance Hellenique. T.XLIV, 1920.- P.187-191.
- Gorovei Š.Š.* Mušatini. Chisinau Basarabia, 1997. - 165 p.
- Gorovei Š.Š., Šzekely M.M.* Les emblems impiriaux de la princesse Maria Asanina Paleologina // Stefan cel Mare si Sfant. Atletal credintei crestine: simpozion: Putna, 2004. Suceava: Musatini, 2004.- P.81-112.
- Gorovei Š.Š., Šzekely M.M.* Les emlemes imperiaux de la princesse Marie Assanine Paleologuie // Etudes byzantines et post-byzantines. 2006. T.V. -P.49-87.
- Gorovei Š.Š.* «Maria Asanina Paleologina, doamna Moldavlahiei» (I) // Studi si Materiale de Istorie Medie. XXII, 2004.
- Grabar A.* Martirium. Recherchessur le culte des reliquesetl'artchretien antique. - Paris, 1946. – 360 p.
- GrabarA.* Les revetements en or et en argent des icons byzantines du Mouen Age. Venetia, 1975.
- Grabar A.* Une source d'inspiration de l'iconographie byzantine tardive: les ceremonies du culte de la Vierge // Cahiers Archeologiques. 25. 1976.
- Grasso G.* Documenti riguardanti la costituzione di una lega contral il Turco, 1481./G. Grasso // Giornal ligustico di archeologia, storing e belle arti. Tondato e direttoda L.T.Belgrano ed A.Neri. Anno 6. – Genova, Tipografia del R.Istituto Sardo-Muti, 1879. – p.321-494.
- Grozdanov C.* Охридското сидно сликарство од XIV век. Ohrida. 1980.
- Grozdanov C., Cornacov D.* Историјски портрети у Полошком I // Зограф. 14, 1983. P.60-67; II.Зограф. 15. 1984. P.85-93; III. Зограф, 18, 1987. - P.37-43.
- Günsenin N.* Les amphores byzantines (Xe-XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'apres les collections Turques. These the doctorat. Universite de Paris I (Pantheon-Sorbonne). Vol. II. Paris, 1990.

- Günsenin N.* La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // *Anatolia Antiqua. Revue internationale d'archéologie anatolienne.* T.XXVI. 2018. P.89-124.
- Guruleva V.* Trebizond coins in Crimea // *Melanges Cecile Morrisson / Travaux et Memoires .* 16. Paris, 2010. - P.401-412.
- Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Hordein Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. L. - 683 s.
- Hutter I.* Corpus der byzantinischen Miniaturen handschriften. I. Oxford Bodleian Library, Stuttgart, 1977.
- Heisenberg A.* Der Zweiköpfige Adler der byzantinischen Kaiser // *Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit // Sitzungsberichte der bayerischen Akademie der Wissenschaften (Philos.-philol. Klasse).* Jahrgang, 1920.- S.13-29.
- Hayes J.W.* Excavation at Sarachene in Istanbul. – Princeton: The Princeton University Press & DOP Library & Collection, 1992 - Vol.2. 1992. The Pottery. – 1992.- 464 p.
- Heers J.* Genes au XV e siecle: Activite economique et problemes sociaux. Paris: S.E.V.P.E.N., 1961. - 741 p.
- Hellmann M.* Moskau und Byzant // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 17, 1969.- S.321-344
- Hemmerding B.* Deux notes d'heraldique // *Byzantinische Zeitschrift.* 61, 1968. - P.305-309.
- Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au Mogen-Age par. Leipzig, 1886. T. II. - 799 p.
- Heath J.* Armies of the Dark Ages, 600-1066. Worthing, 1980.
- Houtsma M.Th.* Über eine türkische Chronik zur Geschichte der Selguken Klein-Asiens // *Actes du VI-e Congres international des Orientalistes tenue en 1883 a Leide.* Leide. 1885. Pt.2.- S.381.
- Hutter I.* Corpus der byzantinischen Miniaturen hand schriften. Band 5.1. Oxford College Libraries, Text, Stuttgart, 1997.
- Hutter I.* Band 5.2. Oxford College Libraries, Tafeln, Stuttgart, 1997.

- Episcop Melchisedec.* O vizita la cateva manastiri sibisericianticedin Bucovina // Revista pentru Istorie, Archeologie si Filologie. An.1, vol.I, fasc.II, 1883.
- Ibn Kemal.* Tevarih-i al-i Osman. Ankara, 1957. - S.384 - 389.
- Inalčik H.* Yeni vesikalara gore Kirim hanliginin Osmanli tabiligine girmesi ve ahidname meselesi // Belleten. Turk tarih kurumu. 1944. Cilt.8. №30.-S.185 - 229.
- Inalčik H.* Mehmed the Conqueror (1432 – 1481) and his Time. Speculum. №35. 1960. - P. 408 – 427.
- Iorga N.* Intinderea spre răsărit a Moldovei lui Stefan-Cel-Mare (cu prilejul unef inscripti // Memoriile Istorice. Seria III.T.XX.1938. – P.315-319.
- Korn J.E.* Adler und Doppeladler. EinZeichenim Wandel der Geschichte. Göttingen. 1969.
- Λαμβρος Σπ.* ‘Ο δικιφαλος αετος του Βυζαντιου // Νεος ‘Ελληνομνημ ων. T.VI. - Athenai, 1909.- P.433-473.
- Lasareff V.* Byzantine Ikonsof the Fourteenth and Fifteenth Centuries // Burlington Magazine. LXXI. 1937 (December). - P.255-256
- Mark P.* Rezensionzu *N.Bees.* ZumThema der Darstellung des zweikopfigen Adlers bei den Byzantinern (wie Anm.9). Byz. Zeitschr. (imfolgenden BZ). 22. 1913. - S.287-289.
- Marinov G.* ‘Αγιος Δημητριος. Η.Μητροπολητου Μυστρα. Athen, 1990 (Diss.). - Σ.111-112;
- Mattern G.* Der Doppel adler alsstaatsrechtliches Symbol in der Schweizer Geschichte // Staaten, Wappen, Dynastien: XVIII Internationaler Kongreß für Genealogie und Heraldik in Innsbruck vom 5. Bis 9. September 1988. Innsbruk, 1988.- P.399-416;
- Miholjek I., Zmaic V., Ferri M.* The Byzantine Shipwreck Of Cape Stoba (Mljet, Croatia)// Adriatico altomedievale (VI-XI secolo): Scambi, porti, produzioni/ a cura di Sauro Gelichi e Claudio Negrelli. Studi e Ricerche 4. 2017. P.227-245.
- Millet G.* Dedicacaed icone // BZ. XV. 1906. - P.618-619.
- Millet G., Ylouses H.* Broderies religious es desty le byzantin. Paris, 1947.

- Mimaroglu S.* Kadikalesi/Anaia Bizans dönemi amphoralari // Sanat Tarihi Dergisi Sayi. XX (1), 2011. P.63-92.
- Mimaroglu S.* Late Byzantine Commerical Amphore in Kadikalesi/Anaia // Byzantine craftsmen – Latin Patrons /Ed. Prof. Dr.Zeynep Merangöz: Ege Yayinlari, 2013. P.174-227.
- Mercati S.G.* Δηγησις της πολεως Θεοδωρου. Versi di Matteo ieromonacho. Studi bizantini.№ 2. 1927. P.385-396.
- Morozzo della R.Rocca, M.F.Tiepolo.* Roma, 1973 Il Compasso da navigare/A cura di B.R.Moltzo. Cagliari, 1947.
- Jacoby D.* Phenomenes de demograhie rurale a Byzance aux XIII-e et XV-e siecle // Etudes rurales. 1962. № 5 6. - P.161 - 186.
- Junkelmann M.* Reiterwir statue aus Herz. Berlin, 1996. - P.115-124.
- Jaszai G.* Jerusalem, himmlisches // Lexikon der christichen Ikonographie. 1970, Bd. 6.- S.399.
- Johnstone P.* The Byzantine Tradition in Church Embroidery. Londra, 1967. P.100;
- Theocharis M.* Church Gold Embroideries // Patmos. Treasures of the Monastery /General Editor Athanasios D. Kominis. Atena, 1988.
- Kazdan A.* Coats of Arms si Anthony Cutler. Eagles // Oxford Dictionary of Byzantium. T.I. New York-Oxford, 1991. - P.472-473, 669.
- Karlsson G.H.* Goten, die im Osten blieben //Studia Gotica. Die eisenzeitlichen Verbindungen zwischen Schweden u. Südosteuropa. Vorträge beim Gotensymposion im Statens Historiska Museum (Antikvariska serien 25). Stockholm, 1970.- P.165-174.
- Karpov S.P.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204 - 1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. - Roma, 1986.
- Kalligas H.* The Miniaturesinthe Chrysobullsof Andronikos II for Monemvasia // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников /Отв. редактор Р.М.Шукуров. М.: «Индрик», 2009.

- Koder J.* Der Adlerschatten // Hellenika. Jahrbuch für die Freunde Griechenlands, 1990.-S.27-41.
- Kolias T.G.* Byzantinische Waffen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. - S.92-109.
- Kondov N.* Demographische Notizen über die Landbevölkerung aus dem Gebiet des Unteren Strymon in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts // Etudes Balkaniques. 1965. №2-3. - S.261 - 277.
- Kondov N.K.* Über den wahrscheinlichen Weizenanbau der Balkanhalbinsel im Mittelalter // Etudes Balkaniques. 1974. № 1. - S.87 - 104.
- Kozak E.* Die Inschriften aus der Bukowina. Epigraphische Beiträge zur Quellenkunde der Ländes – und Kirchengeschichte. I. Theil. Wien: In Selbstverlage, 1903.- 214 s.
- Kressel R.* The Administration of Kaffa under the Ufficio di San Giorgio. The Univ of Wisconsin PhD. Ann Arbor. Michigan, 1966.
- Kursanskis M.* L'Empire de Trebizonde et les Turcs au 13-e siècle // REB. 1988. T.46. - P.117-118.
- Kornemann E.* Adler und Doppeladler im Wappens des alten Reiches. Zur Vorgeschichte des Doppeladlers // Das Reich. Idee und Gestalt. Festschrift für Johannes Haller zu seinem 75.Geburtstag, Stuttgart, 1940. - S.45-69;
- Korn J.E.* Adler und Doppeladler. Ein Zeichen im Wandel der Geschichte // Der Herold. Bande 5/6, 1963-1968.- S.113-495
- Korn J.E.* Adler // Lexikon des Mittelalters. I. München, 1980. - Col.153-154;
- Kornemann E.* Zur Geschichte des Doppeladlers // Byzantinische Zeitschrift. 40. 1940, - S.446-448.
- Jacopi G.* L'aquila bicefal dei Paleologi nella tradizione artistica e poeticoellenica // Studi Bizantini e Neoellenici. Vol.VIII. 1953. P.151-161.
- Lambers E.* The Library of Vatopaidi and Its Manuscripts // The Holy and Great Monastery of Vatopaidi. Tradition, History, Art. T.II. Muntele Athos, 1998.
- Lemercier-Qulquejay Ch.* Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. – Paris, 1978.- P.322-324.

- Lunardi G.* Le monete della repubblica di Genova. - Genova, 1975. - 320 p.
- Lunardi G.* Le monete delle colonie genovesi // Atti della Societa ligure di storia patria, n/s/ IX (XCIV), fasc. II.- Genova, 1980. - P.5 -125.
- Maggiorotti L.A.* Architetti e architetture militari // L'opera del genio Italiano all'estero. Gli architetti militari. Vol. 1. Medio Evo. [Rome], 1933. - 635 p.
- Makridis Th.* Ανεκδοτα βυζαντινα αναγλυφα του Μουσείου Κωνσταντινοπολεως // 'Επετηρις 'Εταιρειας Βυζαντινων Σπουδων. 8. 1931.- P.333-337.
- Malowist M.* Kaffa-kolonia genuenska na Krymie i problem wschodni w latach 1453 - 1475. - Warszawa, 1947. - 367 s.
- Malowist M.* Tamerlan i jego czacy. - Warszawa, 1985. - 195 p.
- Mandic S.* Les portraits sur les fresques.- Belgrad, 1966.
- Mango C.* The Monument and Its History // Hans Belting, Ciril Mango, Doula Mouriki / The Mosaics and Frescoes of St.Mary Pammakaristos (Fethiye Camii) at Istanbul/ Edited by Ciril Mango, - Washington, D.C., 1978.
- Mango C.* Sepultures et epitaphs aristocratiques a Byzance // Atti del Seminario di Erice (12-18 settembre 1991), Centro Italiano di Studisull'alto Medioevo, Epigrafiamedievalegreca e latinaIdeologia e funzione, a cura di GuglielmoCavallo e Cyril Mango, Spoleto, 1995.- P100, tab.III, pl.3.
- Manz B.F.* The Rise and Rule of Tamerlane. Cambrydge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, Cambrydge univ. press, 1989. - 240 p.
- Mehmed M.A.* La politique ottomane a l'egard de la Moldavie et du khanat de Crimée vers la fin du regne du sultan Mehmed II "Le conquerant" // Rev. Roum. hist. 1974. T. 13. № 3. - P.509 - 533.
- Mehmed M.A.* Istoria turcilor. - Bucuresti, 1976.
- Minea I.* Letoposetele moldovenesti scrise slavonesta // CI. 1925. № 1.-P.190 - 368.
- Miller W.* Trebizond, the last Greek Empire. - Landon, 1926.
- Millet G., Pargoire J., Petit L.* Recueil des inscriptions chretiennes de l'Athos, I-erepartie.- Paris, 1904.- P.171, n.511.

- Millet G.* Monuments byzantins de Mistra. Matériaux pour l'étude de l'architecture et de la peinture en Grèce aux XIVe et XVe siècles. Paris, 1910.
- Millet G.* L'ancien art serbe. Les églises. - Paris, 1919.
- Millet G., Ylouses H.* Broderies religieuses de style byzantin. - Paris, 1947. - P.79.
- Miklosich F.- Müller I.* Acta et Diplomata Monasteriorum et Ecclesiarum Orientis. Vindobonae. - 1887, T.V. - P.101-193.
- Miljković-Pepel P.* La peinture en Macédoine // L'Art byzantin du XIIIe siècle / Symposium de Sopocani 1965, ed. V.J.Djuric, Beograd, 1967.
- Mouchmov N.* Une monnaie byzantine en argent avec l'aigle bicephale // Actes du IVe Congrès International des Etudes Byzantines, Sofia, Septembre 1934. Sofia, 1936. - S.298-301.
- Munkuev N.Ts.* A New Mongolian P'ai-tzu From Simferopol / N.Ts.Munkuev // Acta Orientalia Hungaricae. - Budapest, 1977/ Vol. 31. N2. - P.185-215.
- Musso G.* Note d'archivio sulla "Massaria" di Caffa // Studi Genuensi. Vol.V: 1964-65. 1968. - P.62-98.
- Musso G.G.* I Genovesi e il Levante tra Medioevo ed Eta moderna. Ricerche d'archivio // Genova, la Liguria e l'Oltremare tra Medioevo ed Eta moderna. Studi e ricerche d'archivio. II. Genova, Bozzi (Pubblicazioni dell'Istituto di Scienze Storiche dell'Universita di Genova), 1976. - P.65 - 183.
- Musso G.G.* Russia e Genovesi del Levante nel Quattrocento // La cultura genovese nell'eta dell'umanesimo. - Genova, 1985. - P.198 - 229.
- Naruszewicz A.* Taurika czyli Wiadomosci starozitne I poznieysze o stanie i mieszkancach Krymu do naszyh czasow. Warszawa: Edycja T.Mostowskiego, 1805. - S.7-139.
- Nasturel P.S.* Din legaturile dintre Moldova si Crimea in secolul al XV -lea. Pe marginea unei inscriptii grecesti // Omsgiu lui P.Constantinescu-Iasi cu prilejul implinirii a 70 de ani. Bucuresti, 1965. - P. 261 - 266.
- Nastase D.* L'idée imperial dans les pays Romains et "le crypto-empire chrétien" sous la domination ottoman. Etat et importance du problème // Συμμεικτα. 4. 1981. - Σ.220-221.

- Nastase D.* Stefan cel Mare imparat // Portret in istorie: Stefan cel Mare si Sfant (1504-2004). Suceava: Musatinii, 2003. - P. 567-590.
- Năsturel P.Ș.* Dui legaturile dintre Moldova și Crimeea în secolul al XV-lea. Pe marginea unei inscripții grecești// Omagiu lui P.Constantinescu-Jasi cu prilejul împlinirii cu a 70 de ani. Editura Academiei Republicii Populare Romane. București, 1965. - P. 261-266.
- Neagoe M.* Stefan cel Mare. - Bucuresti, 1970. -P.106 – 120.
- Neumann G., Duwel K.* Alust - ein krimgotischer Ortsname? // KZ 98. № 2. 1985.- S.280 - 282.
- Nicol D.*The Byzantine Family of Kontakouzenos (Contacouzenos) ca. 1100-1460. - Washington D.C., 1968, fig.2.
- Nicol D.* The Byzantine Lady. Cambridge-Mass.- 1994.
- Ευγγουπουλος Α.* Παρτηρης εις τας τοιχογραφιας του Αγιου Νικολαου Μελνικου // Επιστημονικη Επετηρις (Φιλοσοφικις σχολης). Φεσσαλονικη. 1950. v. 10, Σ.115.
- Oberländer-Târnoveanu E.* Bizantino-Tartarica – le monnayage dans la zone des Bousnes du Danube a la fin du XIIIe et au commencement du XIVE siècle // Il Mar Nero. II.- Roma-Paris, 1995/96.- P.192-214.
- Origone S.* L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV // Saggi e documenti. Genova, 1983. T. 3.- P.229 - 318. (Civico istituto Colombiano. Studi e testi. Serie storica / A cura di Geo Pistorino; 4).
- Orlandos A.K.* Νεωτερα ευπηματα εις την μονην Δαφνιου. 'Αρχειον Βυζαντινων Μνημειων 'Ελλαδος 8 (1955-56).
- Orlandos A.K.* 'Η Παρηγοσητισσα της 'Αρτης. Athen, 1968.- P.99-100, Abb.108.
- Oswald G.* Lexikon der Heraldik. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1984.- 478 s.
- Omont H.* Portraits de different membres dela famille des Comnenes // Rev. desEt. Grecq. 17. 1904.
- Ousterhout R.* Byzantium between East and Westand the Origins of Heraldry // Byzantine Art: Recent Studies. Ed.: C.Hourihane. Tempe, 2009. - P.153-170.

Μιχαήλ τὸν Παναρέτον περὶ τὸν Μεγάλον Κομνηνον. Εἰσαγωγή — ἔκδοσις — σχολία Ὀδυσ. Λαμφίδου. Ποντικὰ ἱερεῦναι 2. Αθήναι, 1958.

Papacostea S. Une epizode de la rivalite polono-hungroise au XV-e siecle, la compagne de Mathias Corvin au Moldavie a la lumiere d' une scuroe inedite (1467) // RRH. 1969. № 6. - P.967 - 979.

Papacostea S. Kilia et la politique orientale de Sigismond de Luxembourg // Revue roumaine d'Histoire. T. 15/3. 1976.- P.421 – 436.

Papacostea S. De Vicina a Kilia. Byzantius et Genoio aux bouches du Danube au XIVE siecle // RESEE. 16. 1978. № 1. - P.45 - 55.

Papacostea S. Une revolte antigenoise en Mer Noire et la riposte de Genes (1433 - 1434) // Etat et colonisation au mogen age et a la Renaissance, sous la direction de M.Balard. Lion, 1989. - P.441 - 442.

Papacostea S. Une revolte antigenoise eu mer Noire et la riposte de Genes (1433 – 1434) // Il Mar Nero. Annuario di archeologia e storia. - Genova, 1994. - P.270 – 290.

Papacostea S. Un tournaut de la politique génoise en Mer Noire au XVe siecle // Oriente e Occidente tra medioevo ed età moderna. Studi in onore di Geo Pistarino, a cura di L.Balletto. - Genova, 1997.

Peacock A.C.S. The Saljuq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the ealy Reign of ‘Ala’ al-Din Kayqubad/A.C.S.Peacock//Tarih Arastirmalari Dergise, 47.- Ankara, 2010. – P.243-265.

Piguet-Panayotova D. Recherchessur la peinture en Bulgare du Bas Moyen Age. Paris, 1987.

Pistarino G. Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero // Byzantino-Bulgaca. VII. Bulgaria Pontica Medii Aevi. Premier symposium international. Nessebre, 23 - 26 mai 1979. - Sofia, 1981. - P.43 -72.

Pistarino G. La caduta di Caffa: diaspora in Oriente // Civico istituto Colombiano. Studi e testi. Serie storiea a cura di Geo Pistarino. № 14. Genova, 1990. - P.477 - 518.

Pistarino G. Due secoli ra Pera e Caffa // Bulgaria Pontica Medii Aevi III, Nessebre, 27 – 31 vai 1985. Sofia, 1992.-P. 51 – 64.

Podhorodecki L. Chanat krymski i jego stosunki z Polska. Warszawa: Ksiazka i Wiedze, 1987.

Primodaie. Etudes sur le commerce du Mouen Age. Paris, 1848. - 242 p.

Pringle D. La ceramica dell'area Sud del Convento di San Silvestro a Genova // Archeologia medievale. Edizioni Clusf. 1977.

Piltz E. Le costume of ficiel des dignitaires byzantins a l'epoque Paleologue // Acta Universitatis Upsaliensis Figura // NS. 26, 1994. 18, Abb.60.

Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit / Erstellt von E. Trapp unter Mitarbeit von H.-V. Beyer: Abkürzungsverzeichnis und Gesamtregister. Wien, 1996. Bd. 1 / Reg. - S.247 - 370.

*Quirini-Poplawska D.*Z powiazart Polski z Kaffa, colonia genueztska na Krymie w drugiej polowie XV wieku // Cracovia-Polonia-Europa. Krakow, 1995.

Radojčić S. Lesnovo. Belgrad, 1971.

Razboeni. Cinoi sute de ani de la compania din 1476 // Monografie si culegere de texte. Bucuresti, 1977. - 324 p.

Retowsri O. Die Münzen der Komnenen von Trapezunt /Editiaa II-a, Braunschweig, 1974. - p.177-178, nr.29;

Rice D.T. Byzantine Glazed Potteri. Oxford, 1930. XII. 120 p. XXI tabl.

R[ice] D.T. The Byzantine Pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperos. II Report. Edinbourg, 1947. - P.110 - 113.

Rice T.T. The Seljuks in Asia Minor. - London, 1961.

Rice T.D. Religious Buildingsof Trebizont // Byzantion. 5. 1930.

Rice D.T. The Pottery of Byzantium and the Islamic Word.Stuies in Islamic Art and Architecture // In honour of Professor K.A.C.Creswell. Caire, 1965. - P.194 - 236.

*Risso A.*Aqui e l'aquese nel secolo XV // Saggi e documenti. Genova, 1986. T. 7. P. 194 (Civico istituto Colombiano.Studi e testi. Serie storica / A cura di Geo Pistarino; 9).

- Roccatagliata A.* Notai genovesi in Oltremare // Atti rogati a Pera e Mitilene. - Genova, 1982. T. 1. - P.228 - 233.
- Rocolle, Pierre P., Francois M.* 2000 ans fortification Francaice. Limoges -Paris, Charles-Lavauzelle, 1973. T. 1. - 365 p.; T. 2. - 262 p.
- Rogers J.M.* Islamic Art end Design 1500 - 1700 // Publishe for the Trustees of the British Muzeum by Britich Muzeum Publications Limited [London], 1983. 167 p.
- Rossi G.* Storia di Ventimiglia. - Oneglia, 1886. - P.137 - 140.
- Rostovtzeff S.* Excavations at Dura Europos// Premilitary report of the seventh and eight season of Work (1933-34 and 1934-1935). New Haven, 1939.
- Saint-Martin J.* Analise d'une tragedie armenienne // Journal Asiatique.II.Paris. – 1823.
- Saraceno P.* L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del mar Nero dal 1261 al 1453 // Rivista di storia dal diritto italiano. T. 42 – 43. 1969 – 1970.- P. 177 – 266.
- Sarre F.* Die keramik der islamischen seit von Milet // Milet. Bd. III, Hf. 4. Berlin und Leipzig. 1935. - 114 s.
- Sazanov A.* Les amphores de l'antiquite tardive et du moen age: continuite ou rupture? Le cas de la Mer Noire / A.Sazanov // La ceramique 931edieval en Mediterranee. Actes du 6e cnygres. Aix-en-Provence. 1997. P.87-102.
- Savvides A.G.C.* Byzantium in the Near East Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenias of Cilicia and the Mongols, A.D., c.1192-1237. Thessaloniki, 1981. - P.175-176.
- Scorza A.M.G.* Le famiglie nobili genovesi.- Genova, 1924.
- Schreiner P.*Bisanzio e la Liguria // Oriente e Occidentetra Medioevo ed Eta Moderna. Studi in onore di Geo Pistarino, a cura di Laura Balletto.Vol.II. Genova, 1997. - P.1102-1103, fig.1,2.
- Szekely M.M.* Unmanifest deputere la manastirea Probota? // Omagiu Virgil Candea 75 deani /Coordonator Paul H.Stahl. II.- Bucuresti, 2002.- P.297-312.
- Sideras A.* Zum Verfasser und Adressaten einer anonymen Monodie // Byzantion. № 54/1. 1984. -S.300 - 314.

- Sieveking H.* Studio sulle finanze genovesi nel medioevo e in particolare sulla Casa di S.Giorgio // ASLSP. 1906. Vol. XXXV. - 393 p. .
- Skrzinska E.* Inscriptions latines des colonies genoises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava) // ASLSP. - Genova, 1928. Vol. 56. - 140 p.
- Solovjev A.* Les emblems heraldiques de Byzance et leur influence sur les Slaves // Actes du IVe Congrès International des Etudes Byzantines. Sofia, septembre 1934. Sofia, 1935. - P.343-345.
- Soloviev A.* Les emblems heraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. VII. Praga: Kondakov Institut, 1935. - P.119-164.
- Soloviev A.* Byzance et la formation de l'Etat russe.- London: Variorum, 1979.- P.119-164.
- Soteriou G.* Περὶ τῆς μονῆς τοῦ Μεγάλου Σπηλαίου καὶ τῶν ἐν αὐτῇ κειμηλίων. 'Αρχαιολογικὸν Δελτικὸν 4. 1918. - Σ.58-60.
- Soteriou G.* Χριστιανικὰ Μνημεία τῆς Μικρᾶς Ἀσίας. Athen, 1920.
- Spandugino Theodoro,* Patricio Constantinopolitano, de la origine deli imperatori Ottomani, ordini de la coro, forma del guerreggiare, loro, religion, rito, et costume de la notione // Sathas, Documents, IX, 1890. – 228 p.
- Spinei V.* Moldova in secolele XI - XIV. Chisinau, Universitas, 1992. - 495 p.
- Spinei V.* The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute. Istros Publishing House, 2003. - 546 p.
- Spyridakis G.K.* Ο δικεφαλος αετος ἰδια ὡς συμβολον η ὡς θεμα κοσμησεως κατα την βυζαντινην και μεταβυζαντινην μεχρι των νεωτερων χρονων περιοδον // 'Επετηρις Ἑταιρειας Βυζαντινων Σπουδων. 39-40, 1972-1973. - Σ.162-174
- Spuler B.* Die goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1233 - 1502. Wiesbaden, 1965. - 554 s.
- Svoronos J.N.* Πρωσεγεννηθη και τισημειν ει ο δικεφαλος αετος του Βυζαντιου. Athenes, 1914.- P.35-40.
- Tafrafi O.* Le tresor byzantin et roumain du monastere de Poutna. V.-Draps mortuaires XVe siecle (90). - Paris, 1925. - P.51 - 65.

- Taeschner F.* The Turks and the Byzantine Empire to the End of the Thirteenth Century // Cambridge Medieval History. Cambridge. 1966. Vol.4/1. P.747.
- Theis L.* Die Architektur der Kircher der Panagia Paregoretissa in Arta /Epirus. Amsterdam, 1991. - P.154-155;
- Thuasne L.* Djem sultan fils de Mahomed II, frere de Bayezid II (1459 - 1495). Paris, 1892. - P.5 - 6.
- Tivcev P. et Čancova-Petkova G.* Ausujet des relations feodales dans les territoires bulgares sous la domination byzantine a la fin du XIe et pendant la premiere moitie du XIIe siecle // BBg. - 2. 1966. - P.107 - 125.
- Todič B.* Монастир Ресава. Belgrad, 1995.
- Todorova E.P.* Byzantine Amphorae from Presentday Bulgaria (7th-14th century AD). Summary of a PhD thesis // Sofia: Universiti "St.Kliment ohridski" Faculty of History Department of Archaeology. Sofia, 2012. 42 p.
- Todorovič D.* Полијелеј у Марковом манастиру // Зограф. 9. 1978. - С.28-36,
- Tomaschek W.* Die Goten in Taurien//Etnologische forschungen uber Ost-Europa und Nord-Asien. Wien, 1881. I.- 77 s.
- Traquair R.* The Churches of Western Mani // The Annual of the British School of Athens. XV, 1908-1909.
- Turan O.* Anatolia in the Period of the Seljuks and the Beyliks // Cambridge History of Islam.- Cambridge. 1970.Vol.I. - P.246.
- [*Tursun Beg*]. The history of Mehmed the Conqueror by Tursun Beg. Minnaeapolis; Chicago, 1978. - P.61- 86.
- Uzelac A.* Latin Empire of Constantinople, the Jochids and Crimea in the mid-thirteenth century //Золотоордынское обозрение №3. 2015.- С.62-76.
- Undervood P.A.* Notes on the Work of the Byzantine Institute in Istanbul: 1957 // Dumbarton Oaks Papers. 13, 1959. - P.223-225, fig.5,6;
- Undervood P.A.* The Kariye Djami. I. Historical Introduction and Description of the Mosaics and Frescoes. - New York, 1966. - P.288-292, 546-547.
- Χρισοβεργος Γ.* 'Οεντη μεγαλη εκκλησια δεσποτικος θρονος μετα του αμβωνος. - Athenai, 1861.- Σ.43-50.

- Vasary I.* A contract of Crimean Khan Mängli Girây and the Inhabitants of Qırqyer from 1478/79 // *Central Asiatic Journal*. Vol.26.N3-4.- Wiesbaden, 1982. - P.289-301.
- Vasary I.* Cumans and Tatars. *Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185-1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XVI. - 230 p.
- Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea // *Monographs of the Mediaeval Academy of America*. №11. ++ Cembridge, Massachusetts, 1936. -293 p.
- Vasiliev A.A.* The Historical Significance of the Mosaic of Saint Demetrios at Sassoferato // *Dumbarton Oaks Papers*. T.V.1950.
- Vasiliu V.* Sur la seigneurie de "Teodoro" en Crimée au XV-e siècle a l'occasion d'un nouveau document // *Melanges de l'Ecole Roumaine en France*. Première partie.- Paris, 1929. - P.229 - 336.
- Valentin R.* Batalia de la Podul Inalt. 10 ianuarie, 1475.- Bucuresti, 1976.
- Vaslui, Stefan cel Mare.* - Vaslui, 1975.
- Vechile* cronice moldovensci până la Urechia, Texte Slave cu studiu, traduceri și note de Bogdan, 1891.
- Velmans T.* Le portrait dans l'art des Paleologues // *Art et société a Byzance sous les Paleologues*. Actes du colloque organisé par l'Association Internationale des Etudes Byzantines a Venise en septembre 1968, Venetia, 1971. Pl.LXIII, fig.62.
- Velmans T.* Une illustration inédite de l'Acathiste et l'iconographie des hymnes liturgiques a Byzance // *Cahiers Archeologiques*. 22. 1972.
- Velmans T.* Le portrait dans l'art des Paleologues // *Art et société a Byzance sous les Paleologues*. Actes du colloque organisé par l'Association Internationale des Etudes Byzantines a Venise en septembre 1968. Venetia, 1971.
- Vinstein G.* La population du Sud de la Crimée au debut de la domination Ottomane // *Bulletin de l'Institut français d'etudes anatoliennes*. Memorial Omer Lutfi Barkan. 1980. Fis XXVIII.- P.227-249.
- Vojvodič D.* Портрети владара, црквених достојанственика и племића у наосу и припрати // *Зидносликарство манастира Дечана*. Грађаистудије / уредник Vojislav J.Djuric. Belgrad, 1995.

Volbach W.F. Jacqueline Lafontaine-Dosogne // *Byzanz und der christliche Osten.* Berlin, 1968.

Wackernagel. Studien und Quellen zur Geschichte des Konzil von Basel. Basel, 1885. - S.31 - 33.

Wittek P. Das Fürstentum Mentese. Studie zur Geschichte Westkleinasiens in 13 - 15 Jahrhundert. - Istanbul Mitteilungen. H.2. Istanbul, 1934.

Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dorujia / *Wittek P.* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.* Vol. XIV. Part.3, 1952. – P.639-667.

Zmaie V.Kralj, C.Beltrame, I.Miholjek, M.Ferri. A Byzantine Shipwreck from Cape Stoba Mljet, Croatia: an interim report // *The International Journal of Nautical Archaeology.* 2016.45.1. p.42-58.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века

АИК – Археологические исследования в Крыму

АДУ – Археологічні дослідження в Україні

АО – Археологические открытия

АПУ – Археологічні пам'ятки УРСР

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВВ - Византийский временник

ВИА – Всемирная история архитектуры

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры

ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и древностей

ИАК – Известия Археологической комиссии

ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

ИФЖ – Историко-филологический журнал

- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской АН
 ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
 КРКМ – Крымский Республиканский краеведческий музей
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КФ ИА НАН Украины – Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины
 МАИЭТ – Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 ОАК – Отчеты Императорской Археологической Комиссии
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей⁴
 Сб.РИО – Сборник Русского исторического общества
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 ХСб. – Херсонесский сборник
 УЗМГПИ – Ученые записки Московского Государственного педагогического Института
 AAR MSI – *Analele Academiei Romane. Memoriile sectiunii istorice*
 АП – *Археιον Ποντου*
 AP – *Archeion Pontou*
 ASI – *Arhivio Storico Italiano*
 ASLSP – *Atti della Societa Ligure di Storia Patria*
 BBulg – *Bizantino-Bulgarica*
 BZ – *Byzantinische Zeitschrift*
 BF - *Byzantinische forschungen*
 CI – *Cercetari Istorice*
 KZ – *Zeitschrift fur vergleichende Sprachforschung*
 REB - *Revue des Etudes Byzantines*
 RESEE – *Revue des etudes sud-est europeennes*

RRH - Revue roumaine d'histoire

ROL – Revue de l' Orient Latin

SBAW - Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften

SCIV – Studii si Cercetari de Istorie Veche

SBN – Studi Bizantini e neoellenici

SG – La Storia dei Genovesi

StG – Studi Genuesi

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»
ОБОСОБЛЕННОЕ СТРУКТУРНОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ
«ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А.Х.ХАЛИКОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»**

На правах рукописи

Мыц Виктор Леонидович

**КРЫМ В XIII-XV ВЕКАХ:
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Специальность 5.6.3. Археология (исторические науки)

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Том 2.

Казань - 2023

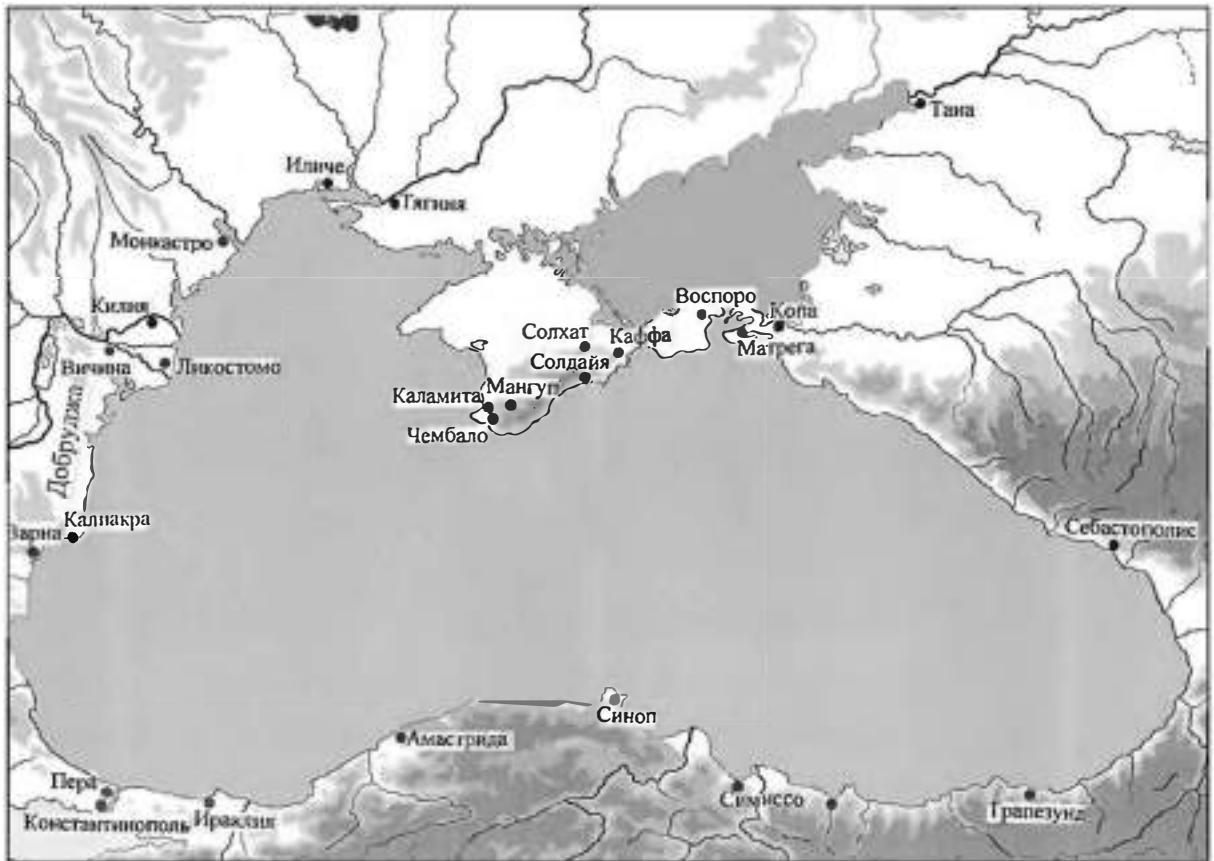

Рис. 1. Черноморское побережье в XIII-XV вв. Основные пункты торговли

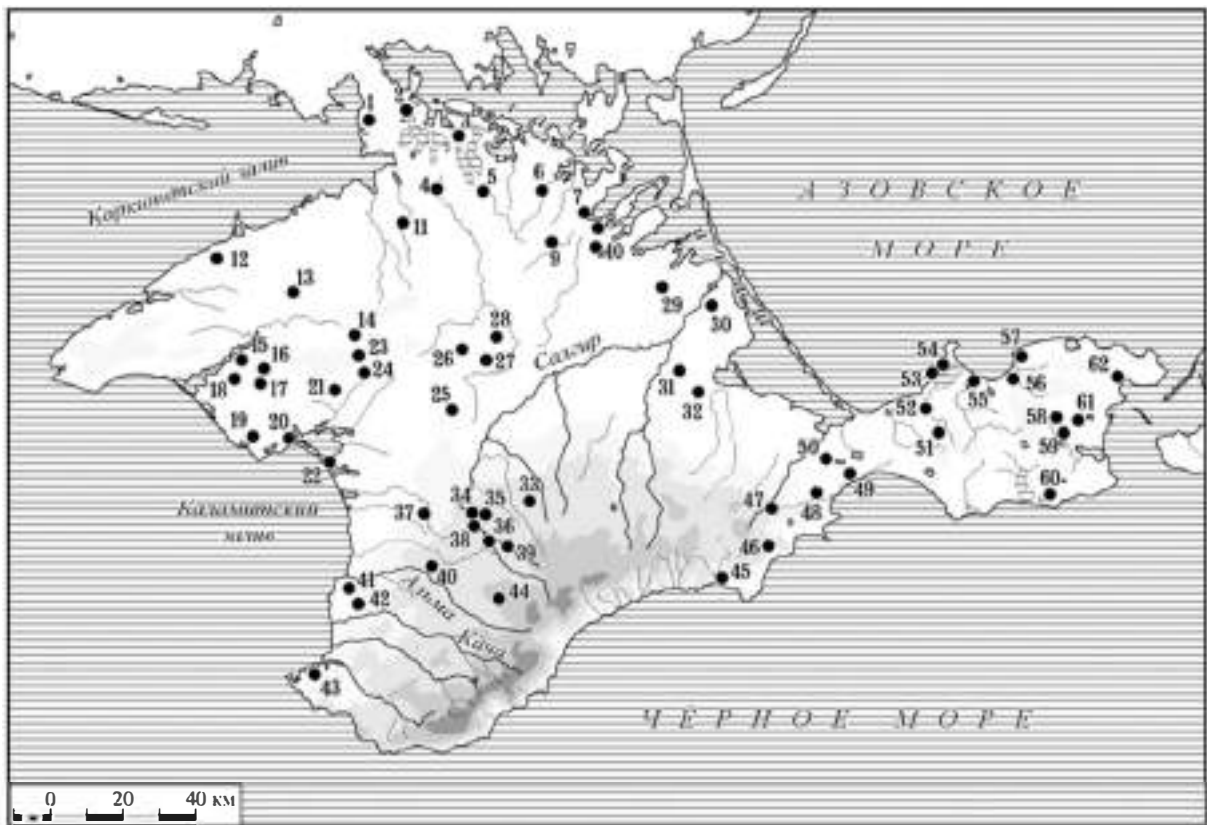

Рис. 2. Погребальные памятники средневековых кочевников XII - XIV вв. в Крыму: 1 - Рисовое; 2 - Филатовка; 3 - Танковое; 4 - Чагарлык; 5 - Богачевка; 6 - Мартыновка; 7 - Столбовое; 8 - Раздольное (Шалфейное); 9 - Джанкой; 10 - Перепёлкино; 11 - Матвеевка; 12 - Далекое; 13 - Березовка; 14 - Сусанина; 15 - Веселовка; 16 - Солдатово; 17 - Наташино; 18 - Наумовка; 19 - Ромашкино; 20 - Евпатория; 21 - Мамай; 22 - Кара-Тобе; 23 - Луговое; 24 - Журавлёвка; 25 - Краснознаменка; 26 - Дальнее; 27 - Котельникова; 28 - Григорьевка; 29 - Нежинское; 30 - Заливное; 31 - Чернозёмное; 32 - Раздольное; 33 - Белое; 34 - Красный; 35 - Битумное; 36 - Бахчи-Эли; 37 - Булганак; 38 - Симферополь; 39 - Луговое (Чокурча); 40 - Казанки; 41 - Вилино; 42 - Альма-Кача; 43 - Херсонес; 44 - Тавельский; 45 - Сугдея; 46 - Артматлук; 47 - Коклюк; 48 - Ближнее-Боевое; 49 - Приморский; 50 - Владиславовка; 51 - Луговое (Керчь); 52 - Ильичёво; 53 - Семёновка; 54 - Ак-Таш; 55 - Останино; 56 - Белинское; 57 - Золотое; 58 - Михайловка; 59 - Илурат; 60 - Элькен; 61 - Васильевка; 62 - Боспор (по В.Н. Чхаидзе, 2016, рис. 1)

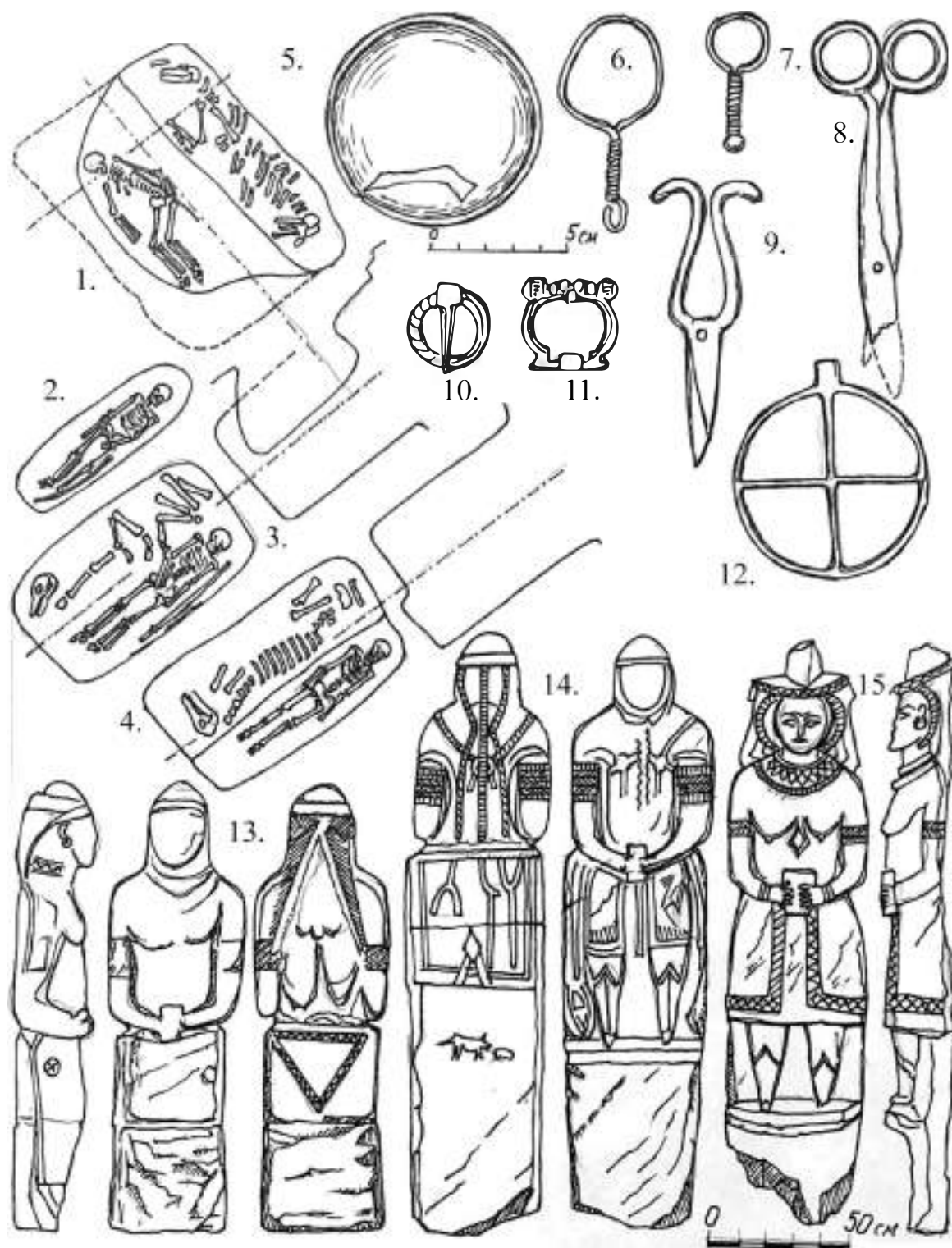

Рис. 3. Типы позднекочевнических погребений, вещи из них и половецкие изваяния XII - XIII вв.: 1 - Мартыновка, курган 3, погребение 3; 2 - г.Коклюк, курган 6; 3 - Бахчи-Эли; 4 - Чокурчинский курган; 5, 6, 8 - Приморский, курган 2, погребение 12; 7, 13 - Феодосийский музей; 9, 12 - Херсон, 1908 г., погребение 2529; 10 - раскопки Н.И. Веселовского в 1890 г.; 11 - Ближнее Боевое, курган 1, погребение 6; 6 - золото; 1, 5, 7, 10 - 12 - бронза; 8 - 9 - железо; 13 - 14 - белый известняк; 15 - желтый ракушечник (1 - 13 - по А.И. Айбабину, 2003, табл. 1 - 2; 14, 15 - по С.А. Плетнёвой, 1974, табл. 64, 65, Симферопольский музей)

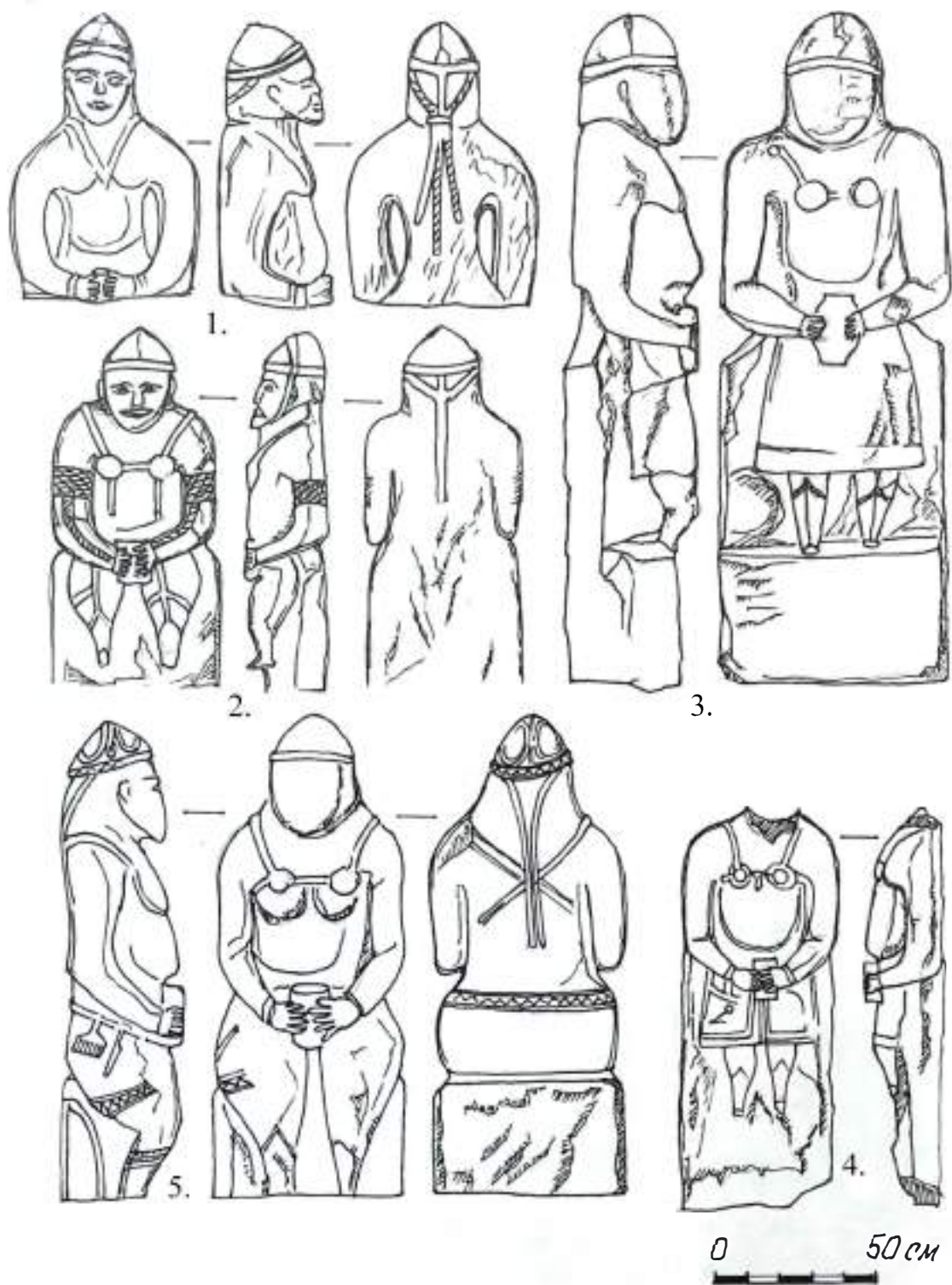

Рис. 4. Половецкие изваяния XII - XIII вв.: - Евпаторийский музей; 2, 3, 4, - Симферопольский музей; 5 - Ялтинский музей (по С.А. Плетнёвой, 1974, табл. 64, 65; по А.И. Айбабину, 2003, табл. 3)

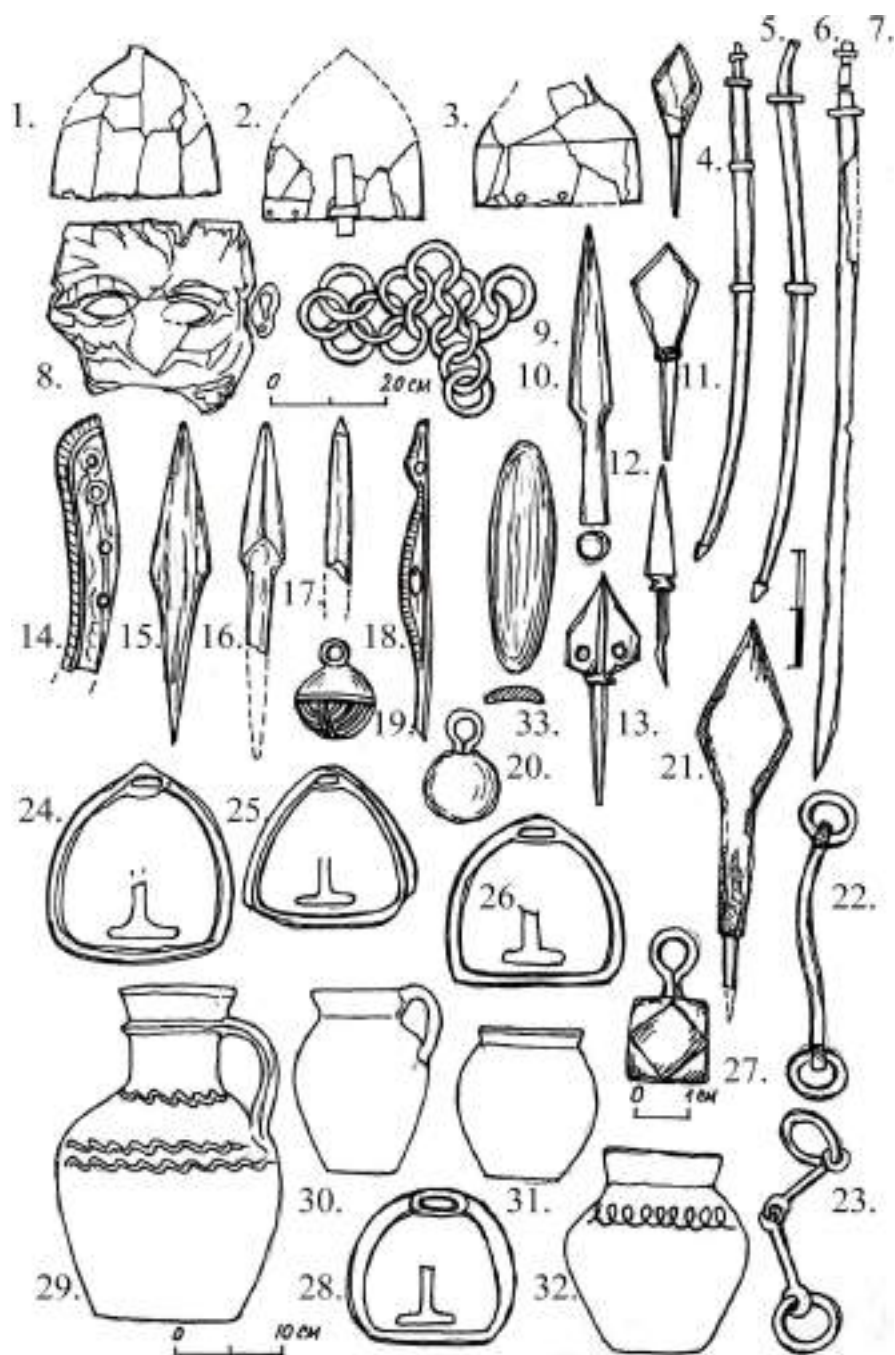
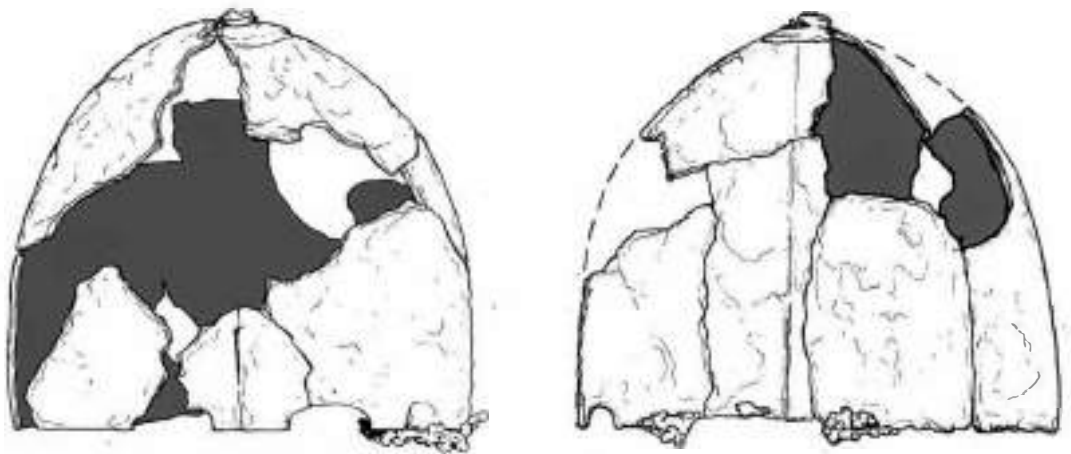
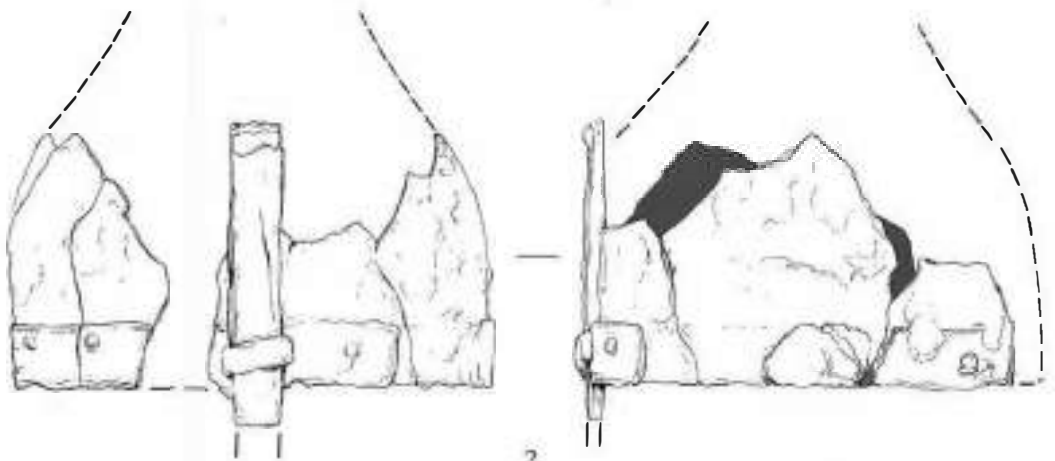

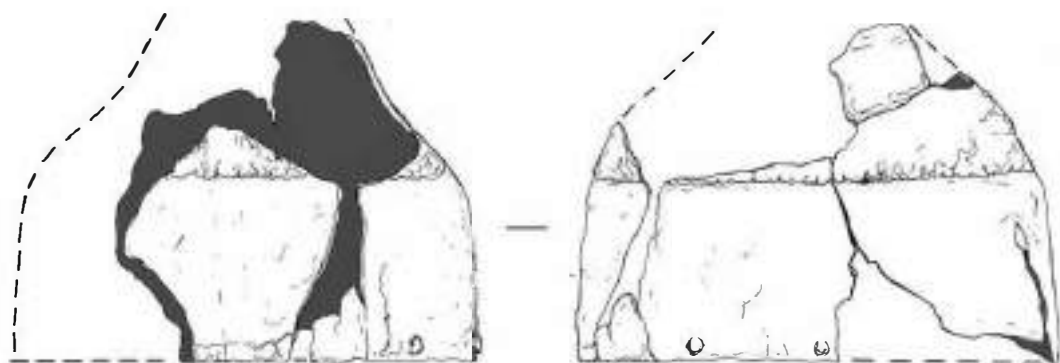
Рисунок 5. Позднекочевнические древности Крыма XII - XIII вв.: 1 - 3 - шлемы из собрания Центрального музея Тавриды; 4, 5, 13, 17, 29, 30 - г. Коклюк, курган 6; 6, 15 - Мамай, погребение в скифском склепе; 7, 14, 28 - Чокурчинский курган; 8, 31 - Херсон, слой пожара XIII в. в Северном районе города; 9, 20, 24 - Приморский курган 9, погребение 1; 10, 11, 33 -Рисовое, курган 6, погребение 12; 16 - Мамай, курган 1; 18 - Ближнее Боевое, курган 1, погребение 1; 19 - Херсон, слой XIII в.; 21 - Мартыновка, курган 3, погребение 3; 22 - курган, распаханый под Симферополем; 23 -Симферопольский курган 1949 г.; 25 - Феодосийский краеведческий музей; 26 - Центральный музей Тавриды; 32 - Мартыновка, курган 3 (1 - 3 по С.В. Горев, С.Б. Шабанов, 2017, рис. 1, с. 142; 4 - 32 - по А.И. Айбабину, 2003, табл. 1, 2); 4 - 13, 20 - 28 - железо; 14 - 18, 33 - кость; 29 - 32 - керамика

1

2

3

Рис. 6. Железные шлемы из собрания Центрального музея Тавриды (по С.В. Горев, С.Б.Шабанов, 2017, рис. 1)

Рис. 7. Схема расположения памятников Таврики XIII в.: а - города; б - монастыри; с - крупные церковные комплексы; д - малые городские центры; е - византийские крепости. 1 - Качи-Кальон; 2 - Ай-Тодор 1; 3 - монастыри в устье р. Чёрной; 4 - монастырский комплекс в Сарандинакиной балке; 5 - Чоргунский Исар; 6 - Сарджик; 7 -Камара (Аю-Кая Западная); 8 - Кала-Фатлар; 9 - Кокия-Исар; 10 - Ильяс-Кая; 11 - Исар-Кая; 12 - Кастропуло; 13 - Кучук-Исар; 14 - Бюк-Исар; 15 - Лимена-Кале; 16 - Панеа; 17 - Гаспра-Исар; 18 - Алупка-Исар; 19 -Ай-Тодор 2; 20 - Хачла-Каясы; 21 - Учансу-Исар; 22 - Палеокастрон; 23 - Рускофиль-Кале; 24 - Аю-Даг; 25 - Плака; 26 - Кафель; 27 - Ай-Тодор 3; 28 - Сераус; 29 - Фуна; 30 - Пахкал-Кая; 31 - Басман; 32 - Кермен-Кая; 33 -Яманташ; 34 - Кипиа; 35 - Керменчик; 36 - Бойка; 37 - Панагия; 38 - Сююрю-Кая; 39 - Седам-Кая; 40 - Пампук-Кая; 41 - Сандык-Кая

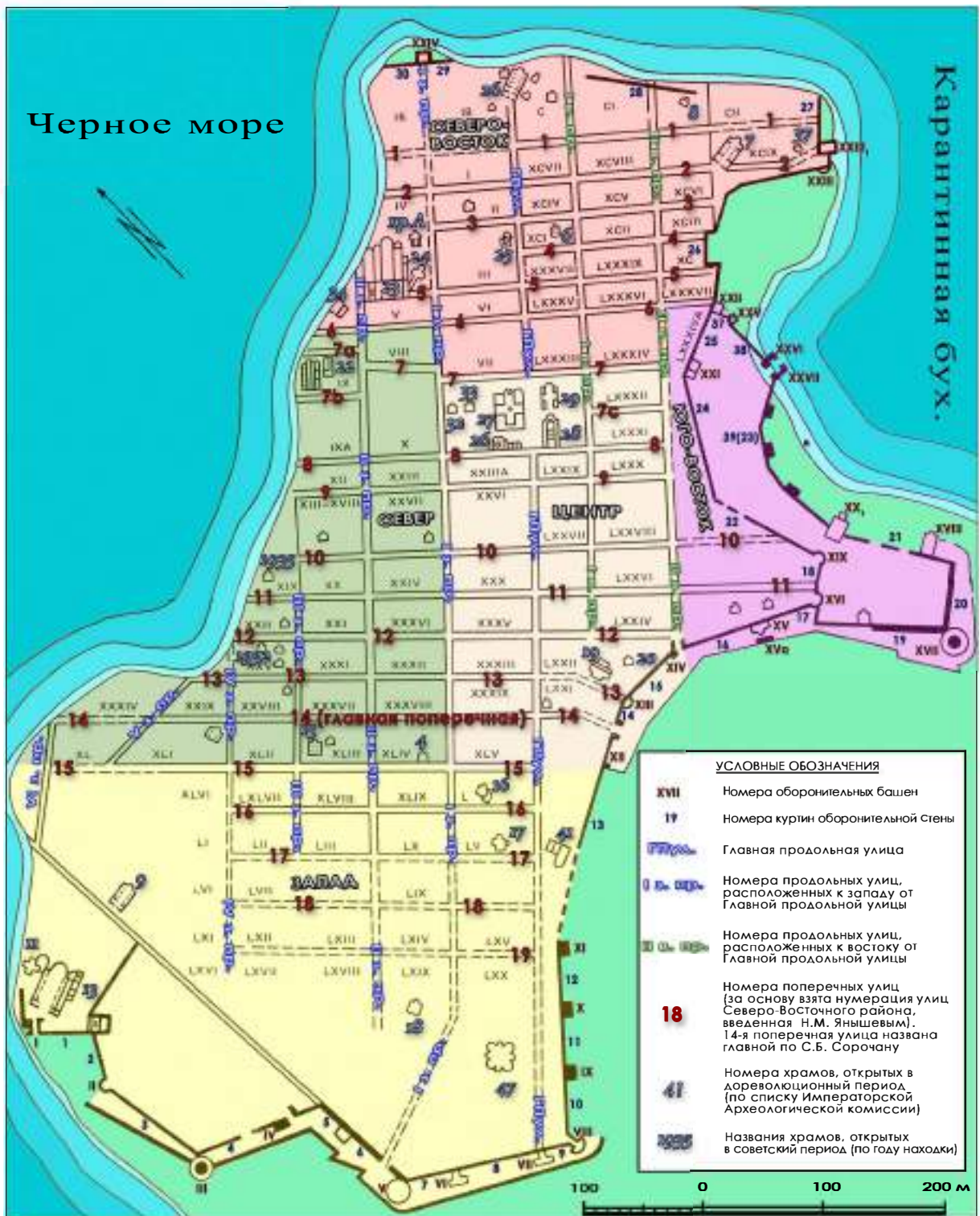

Рис. 8. План средневекового Херсона (по В.В. Хапаев, 2016, рис. цв.вкл. 1)

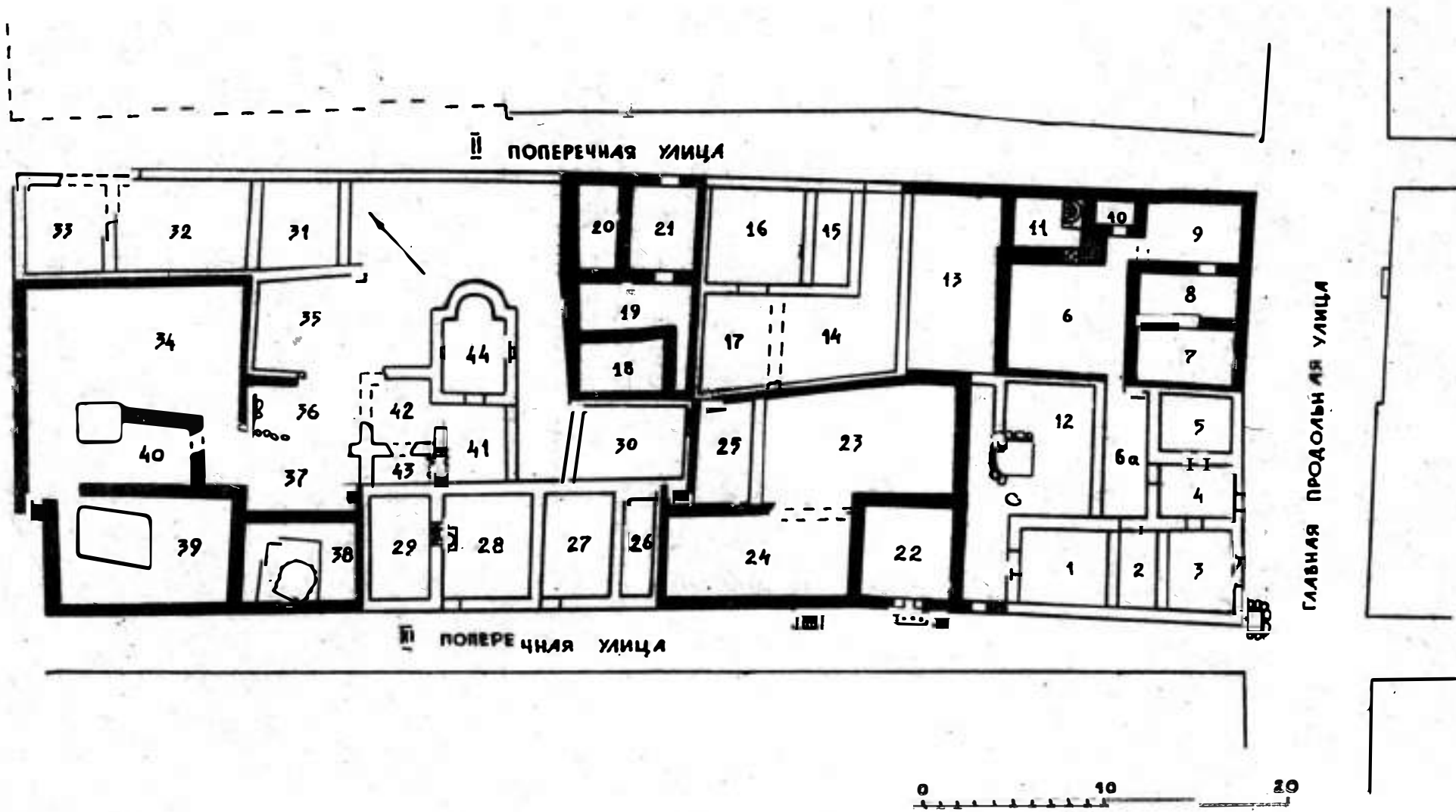

Рис. 9. План квартала II портового района Херсонеса XIII в. (по А.И. Романчук, 1986, рис. 24)

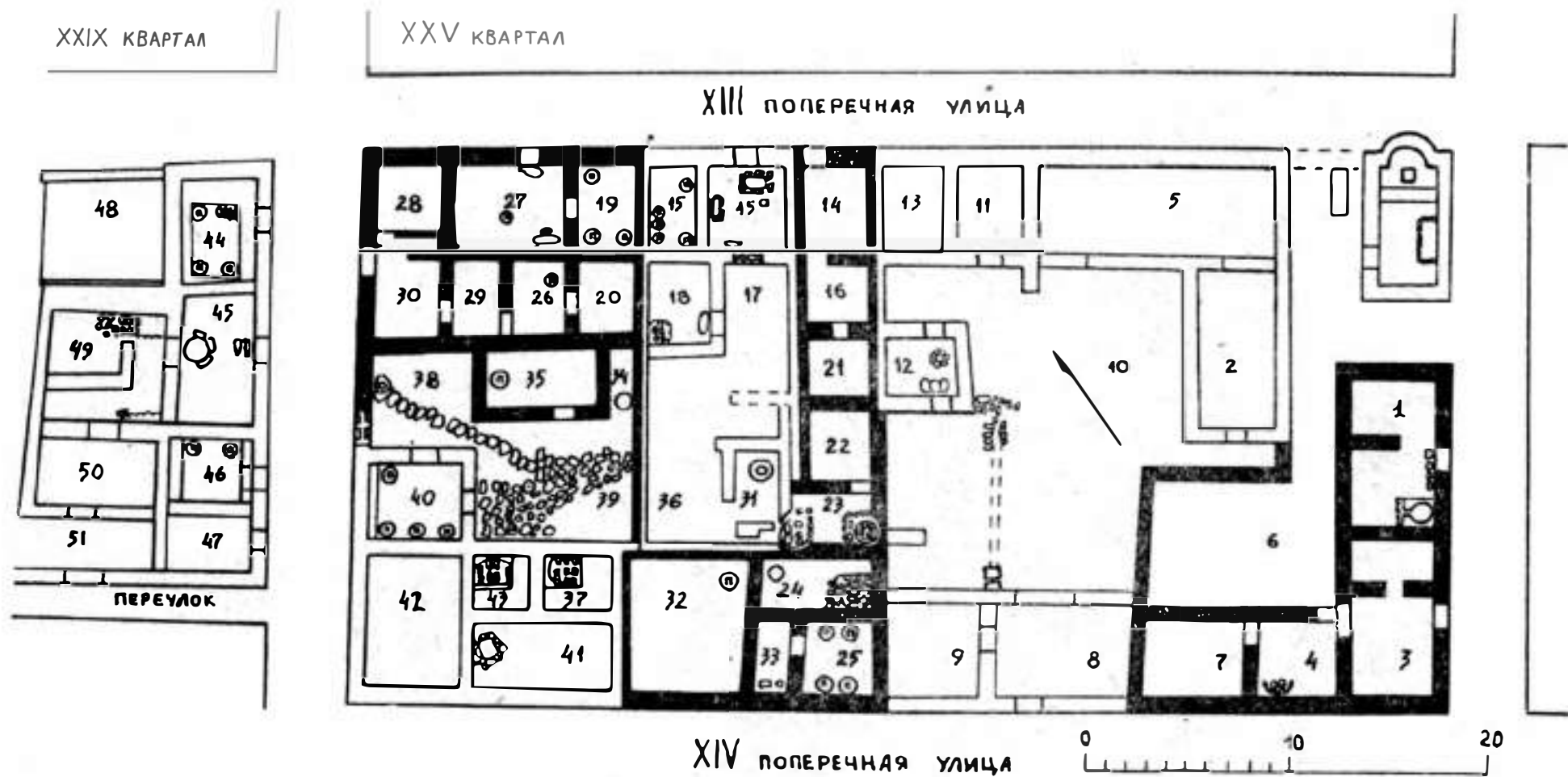

Рис. 10. План квартала XXVIII Херсонеса XIII в. (по А.И. Романчук, 1986, рис. 10)

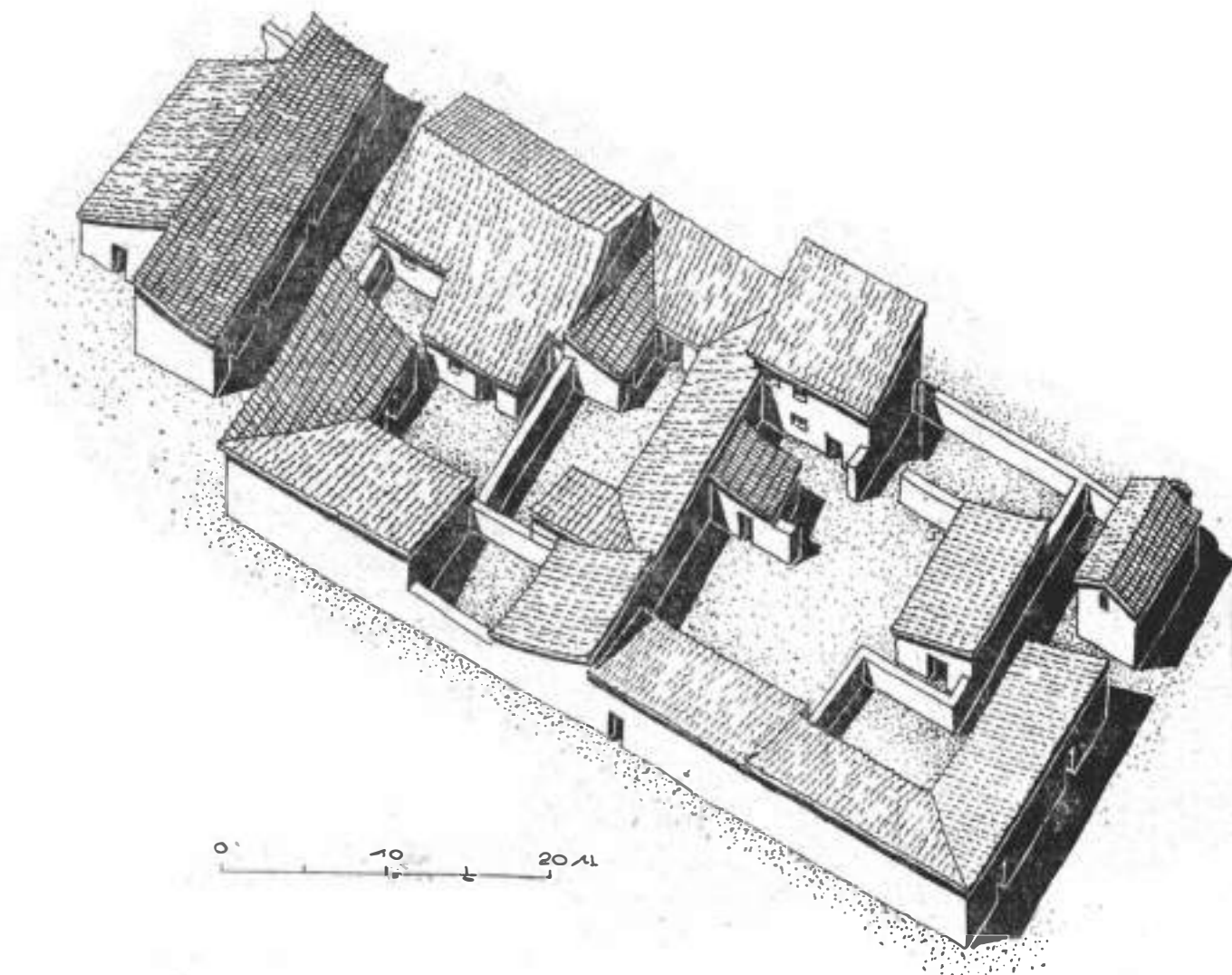

Рис. 11. Аксонометрическая реконструкция квартала XXVIII Ю .Г. Лосицкого (по А.И. Романчук, 1986, рис. 11)

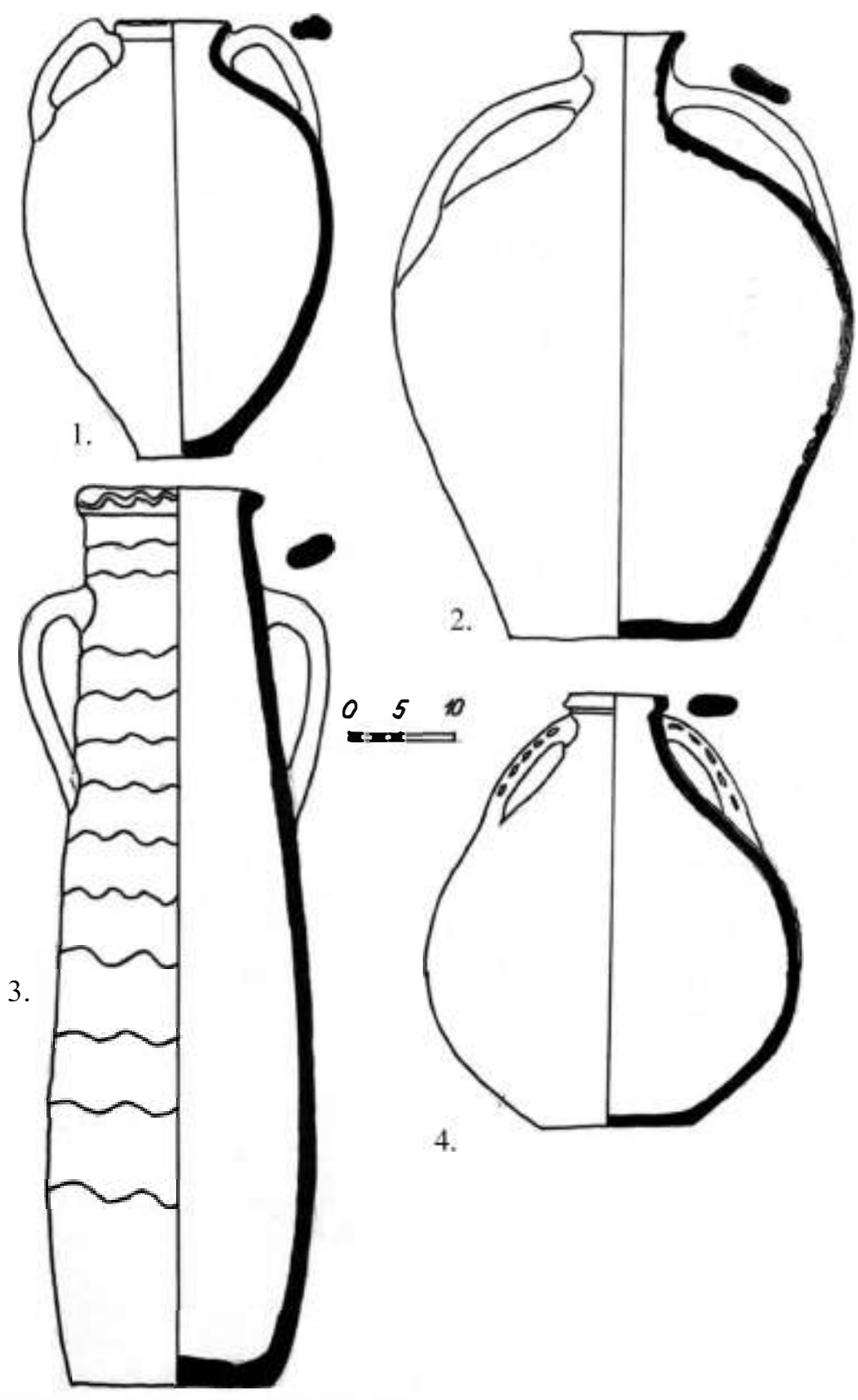

Рис. 12. Византийский Херсон. Красноглиняные сосуды из слоя пожара XIII в.: 1. - класс 47; 2. - класс 52; 4. - класс 50; 3. - маслбойка (по А.И. Романчук и др., 1995, табл. 46; 49)

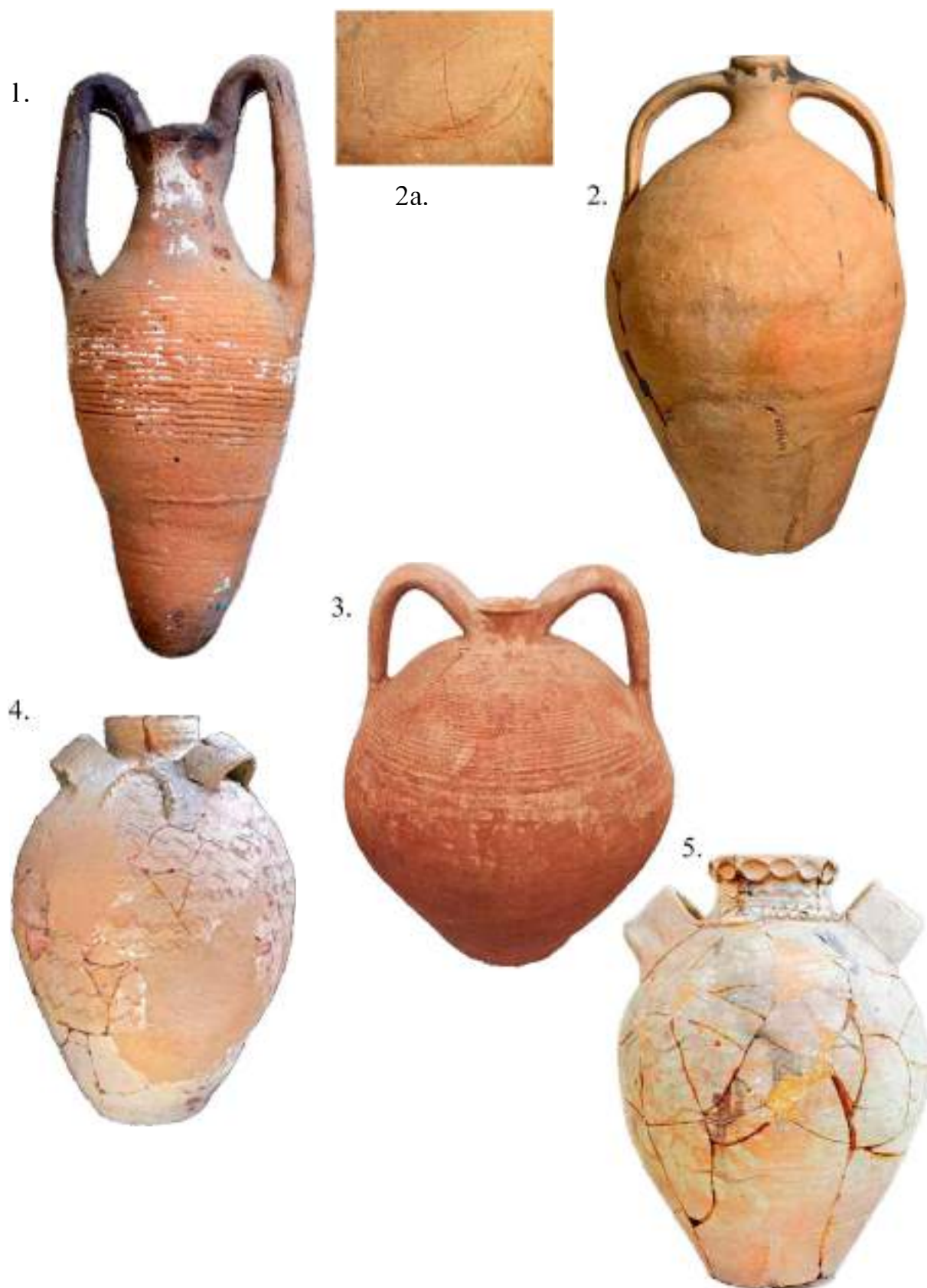

Рис. 13. Херсон. Красноглиняные византийские амфоры из слоя пожара XIII в.: 2, 4, 5 - херсонесского производства (по Т.Ю. Яшаевой и др., 2011, 1 - № 381; 2 - №382; 3 - №383; 4 - №385; 5 - №384)

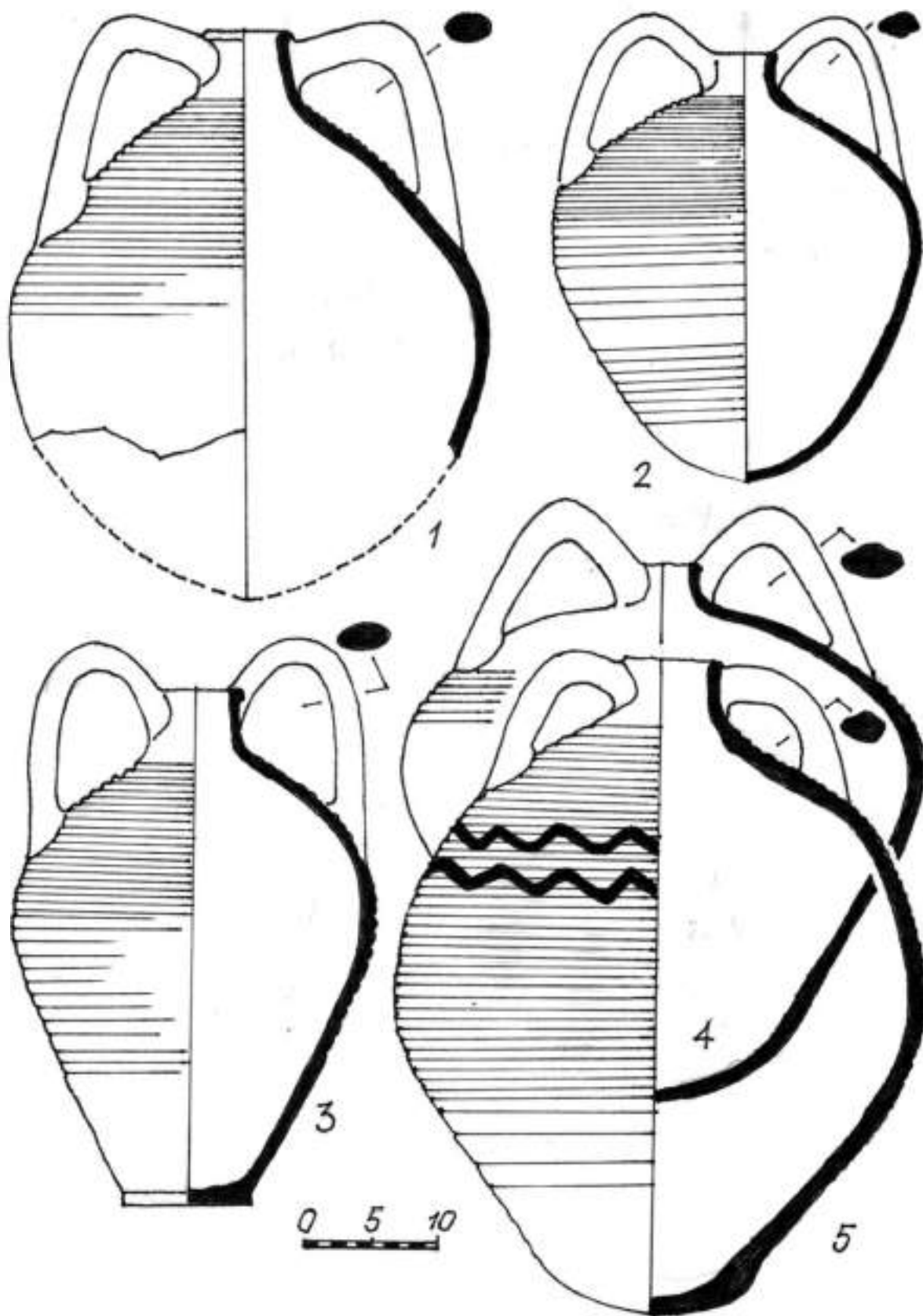

Рис. 14. Византийский Херсон. Амфоры с дуговидными ручками (1, 2, 4, 5 - класс 45; 3 - класс 46) из слоя пожара XIII в. (по А.И. Романчук и др., 1995, табл.35,37,38)

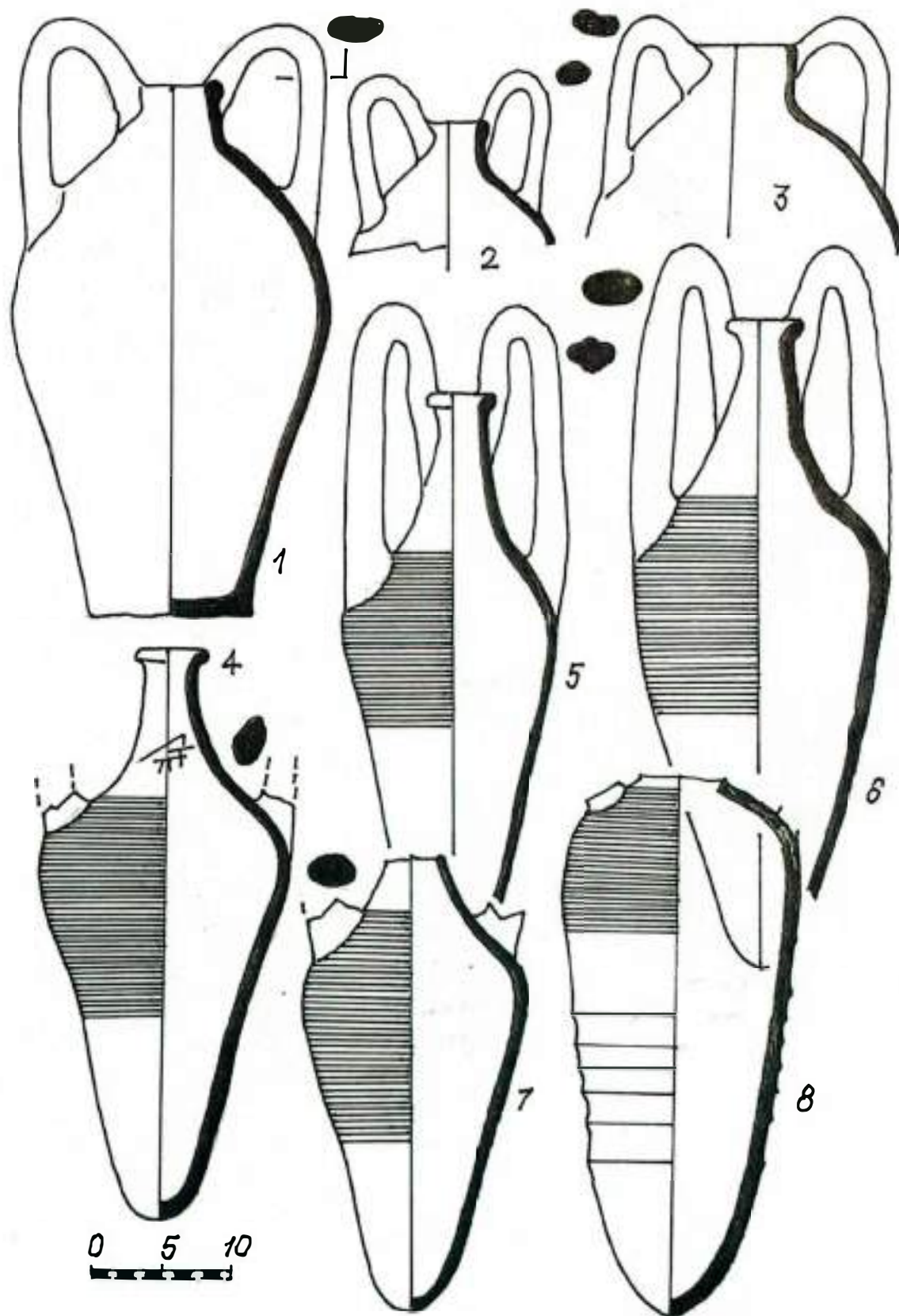

Рис. 15. Херсон. Красноглиняные амфоры с дуговидными ручками с плоским дном (1, 2, 3 - класс 47) и с веретенообразным туловом (5, 6, 7, 8 - класс 48) из слоя разрушения города XIII в. (по А.И. Романчук и др., 1995, табл. 42, 43)

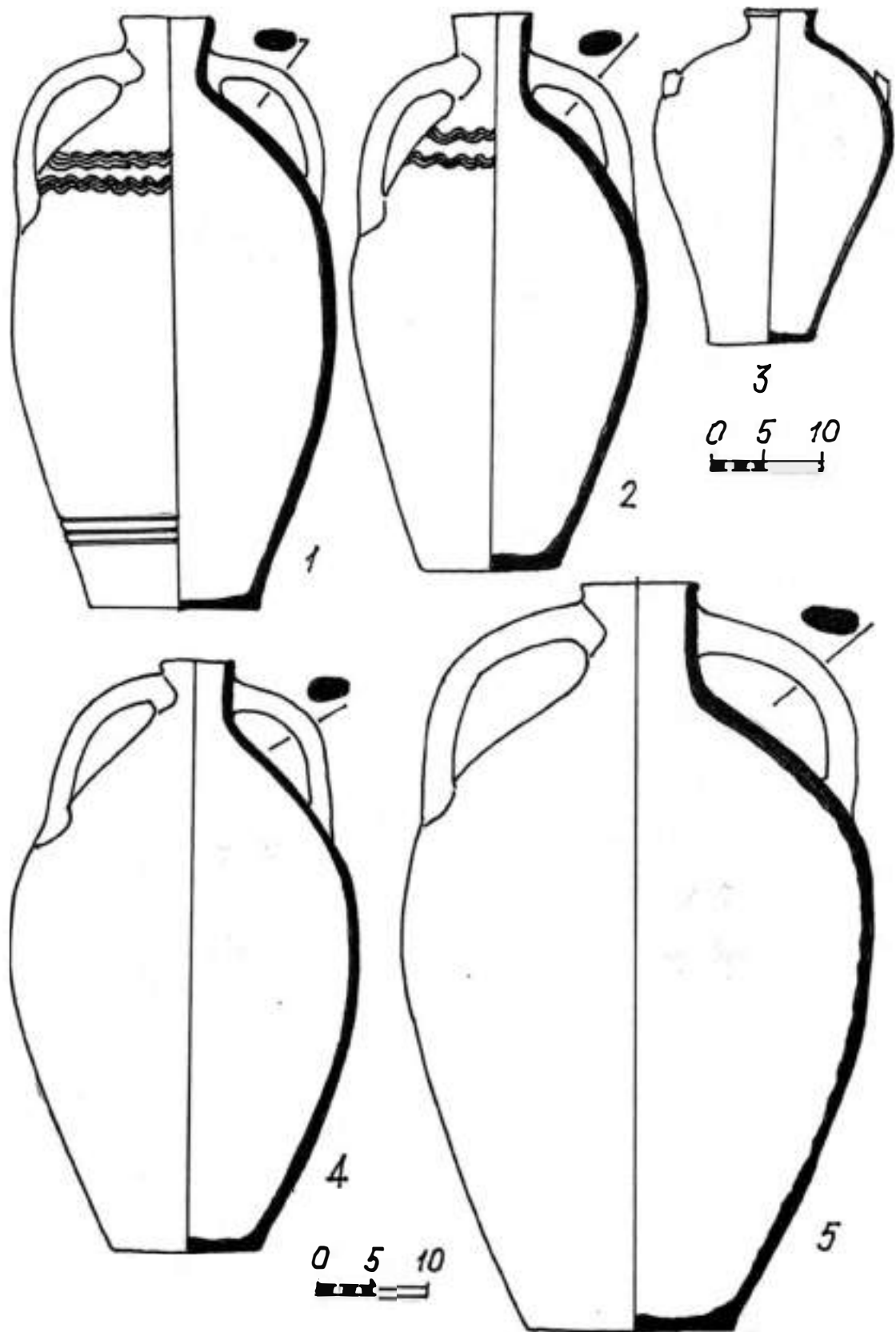

Рис. 16. Херсон. Красноглиняные амфоры из слоя разрушения города XIII в.: 1, 2, 3 - класс 46; 4, 5 - класс 52 (по А.И. Романчук и др., 1995, табл. 28, 47, 49)

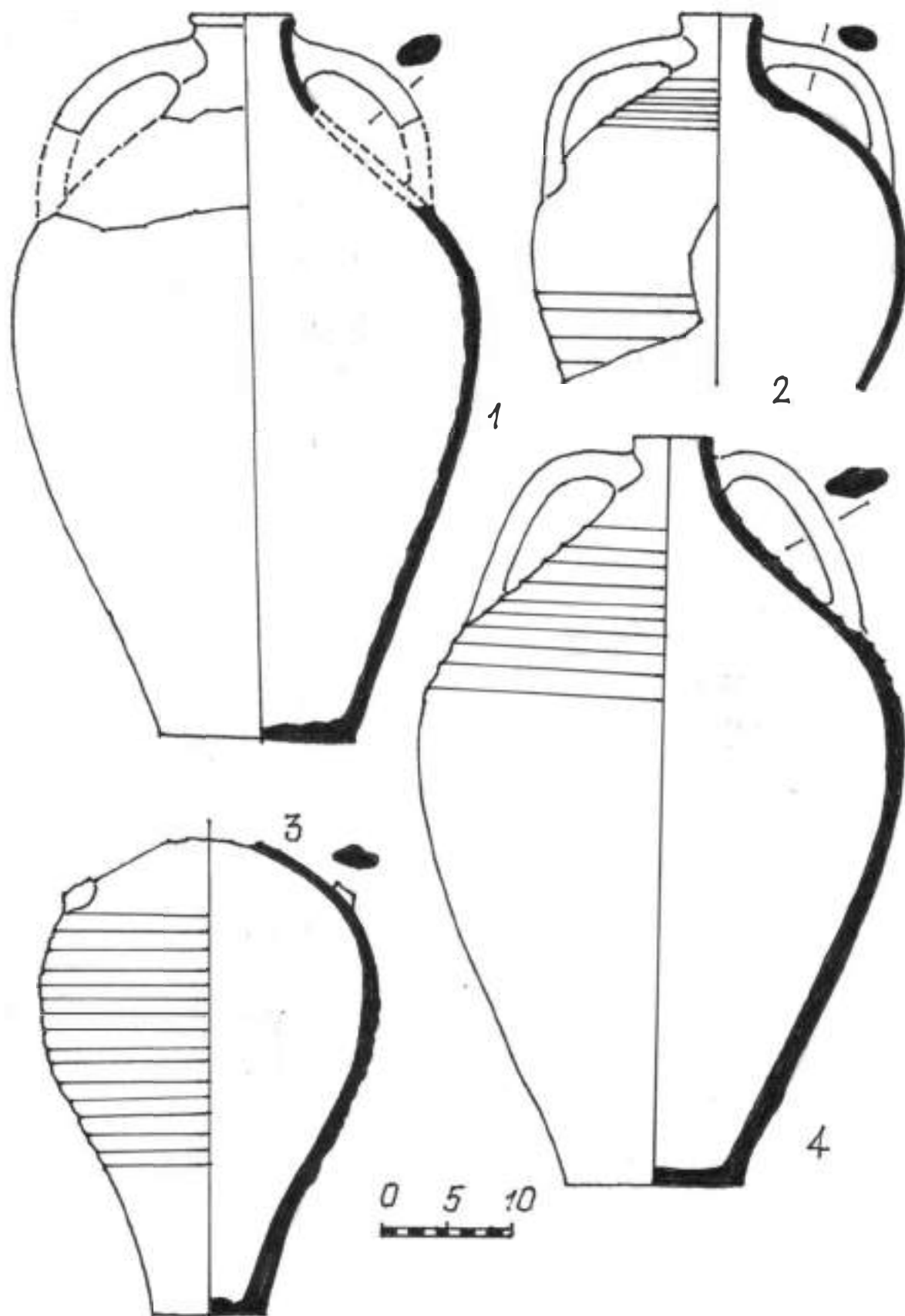

Рис. 17. Херсон. Красноглиняные амфоры херсонесского производства из слоя пожара XIII в.: 1, 2, 4 - класс 52; 3 - класс 46 (по А.И. Романчук и др., 1995,табл.48,50)

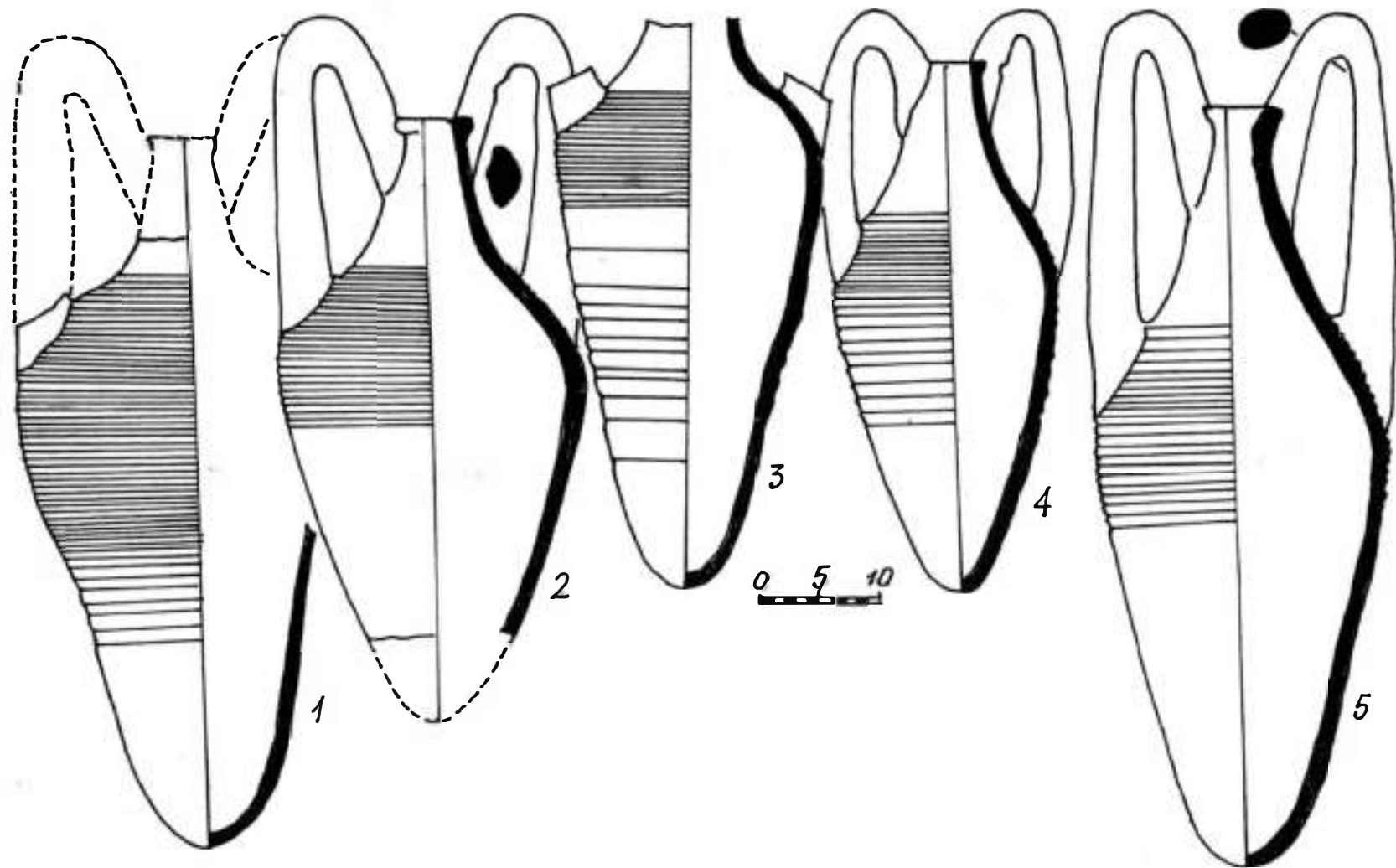

Рис. 18. Херсон. Красноглиняные амфоры с высокоподнятыми дуговидными ручками и веретенообразным туловом (класс 48)
(по А.И. Романчук и др., 1995, табл. 34, 36, 44)

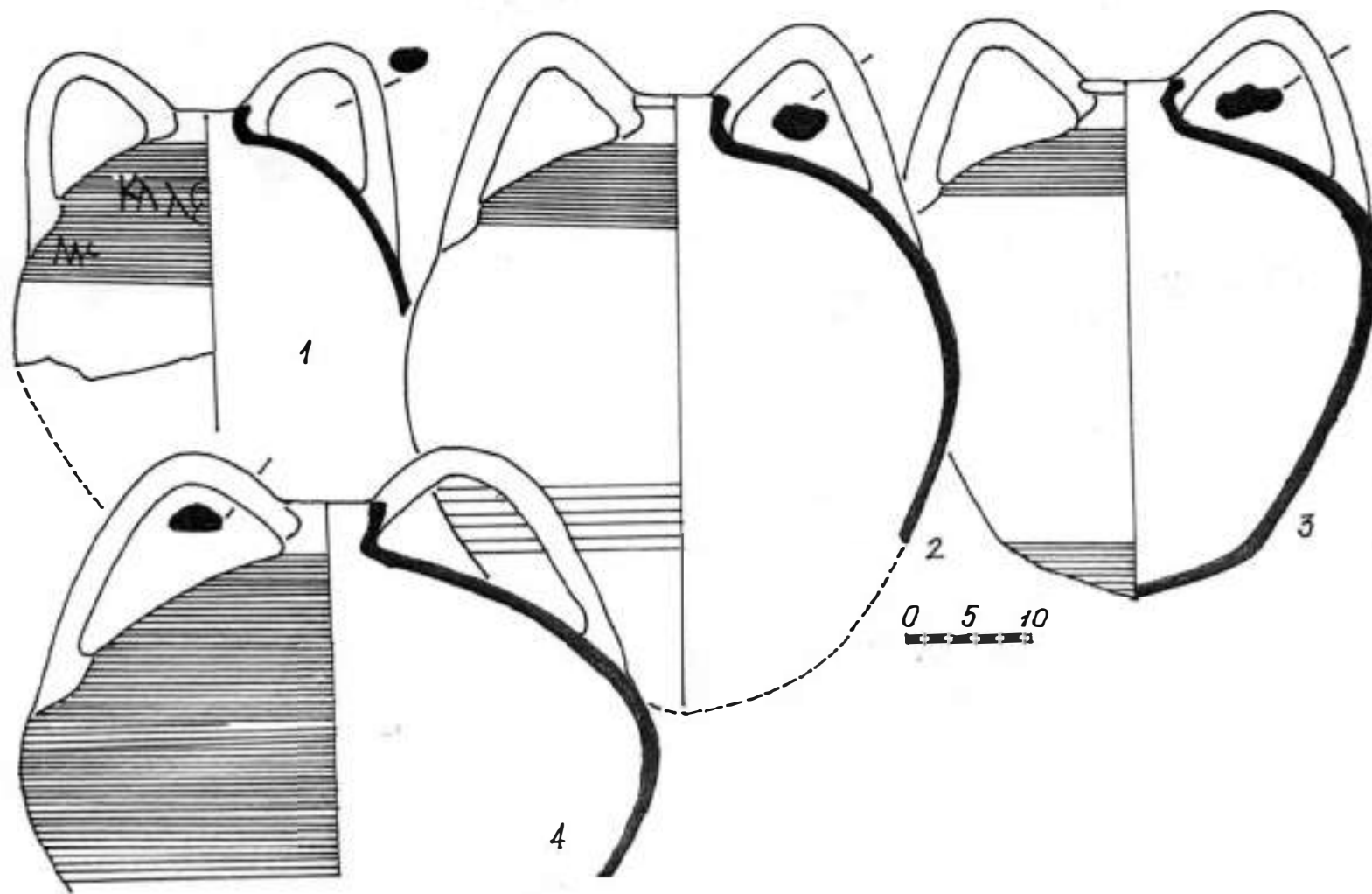

Рис. 19. Херсон. Красноглиняные амфоры с дуговидными ручками и грушевидным туловом (класс 45) из слоя пожара XIII в. (по А.И. Романчук и др., 1995, табл. 39 и 41)

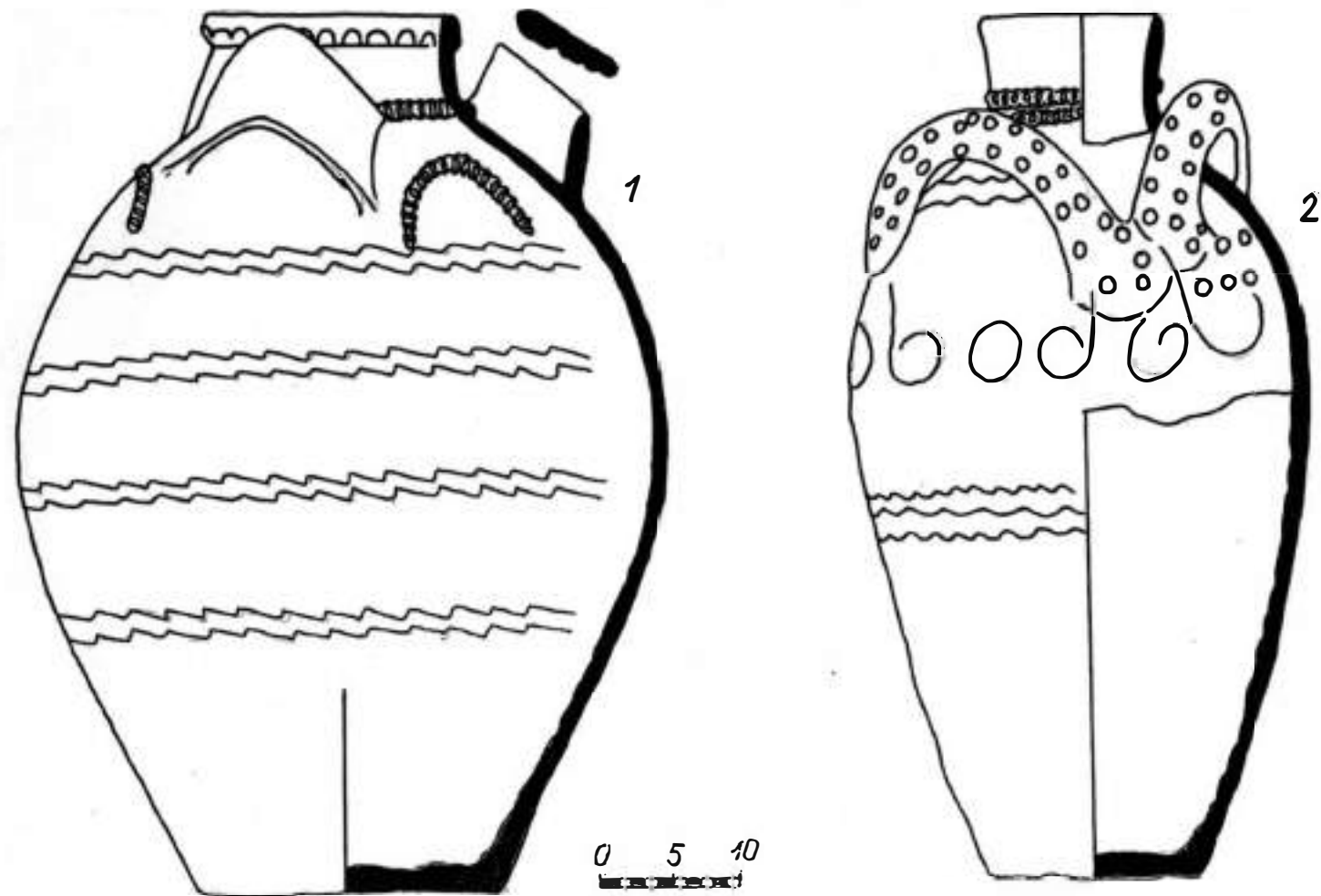

Рис. 20. Плоскодонные трехручные сосуды (класс 51) покрытые белым ангобом херсонесского производства из слоя пожара XIII в. (по А.И. Романчук и др., 1995, табл. 179, 180)

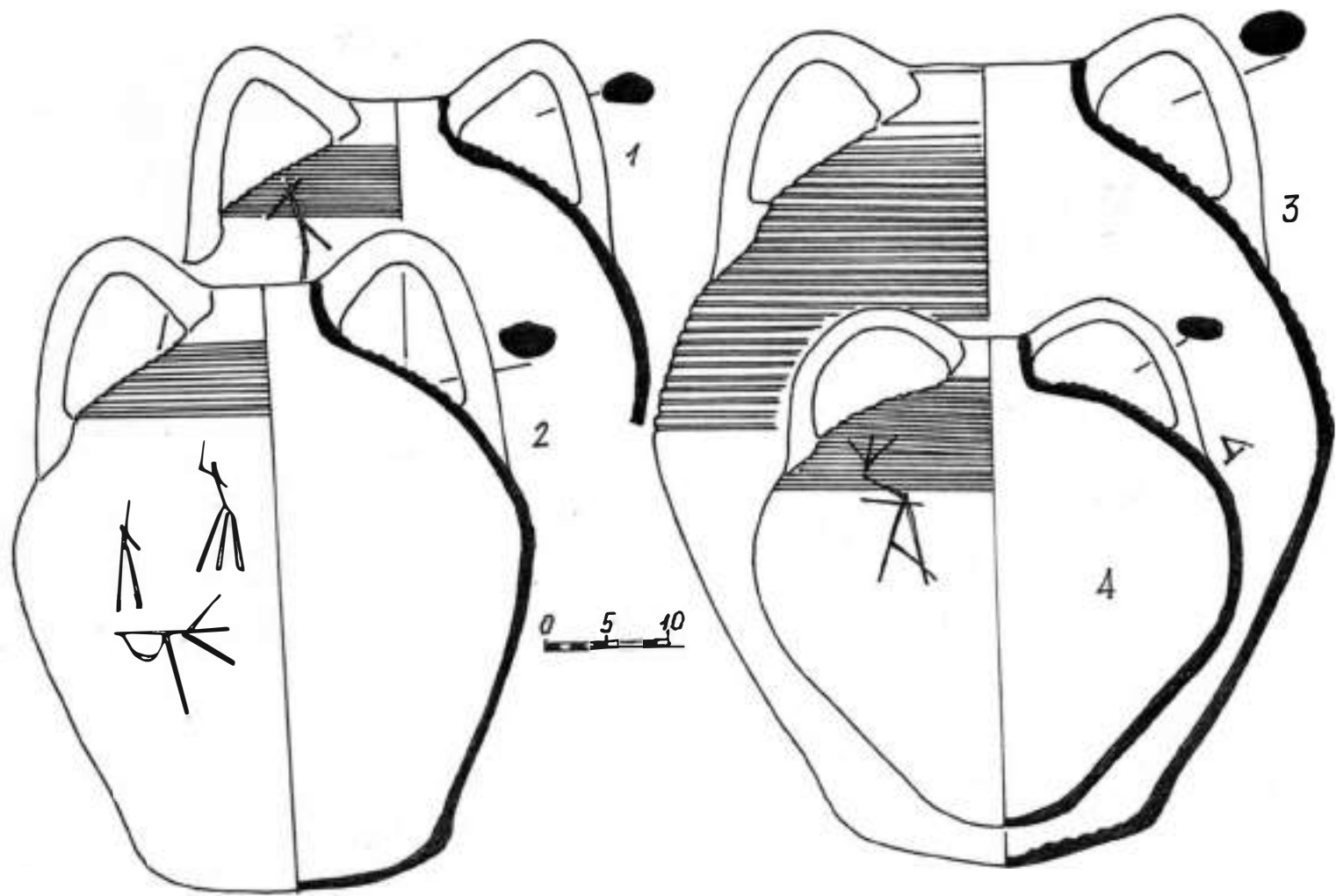

Рис.21. Византийские амфоры из слоя пожара XIII в. в Херсонесе, класс 45 (по А.И. Романчук и др., 1995, табл. (36, 40, 41))

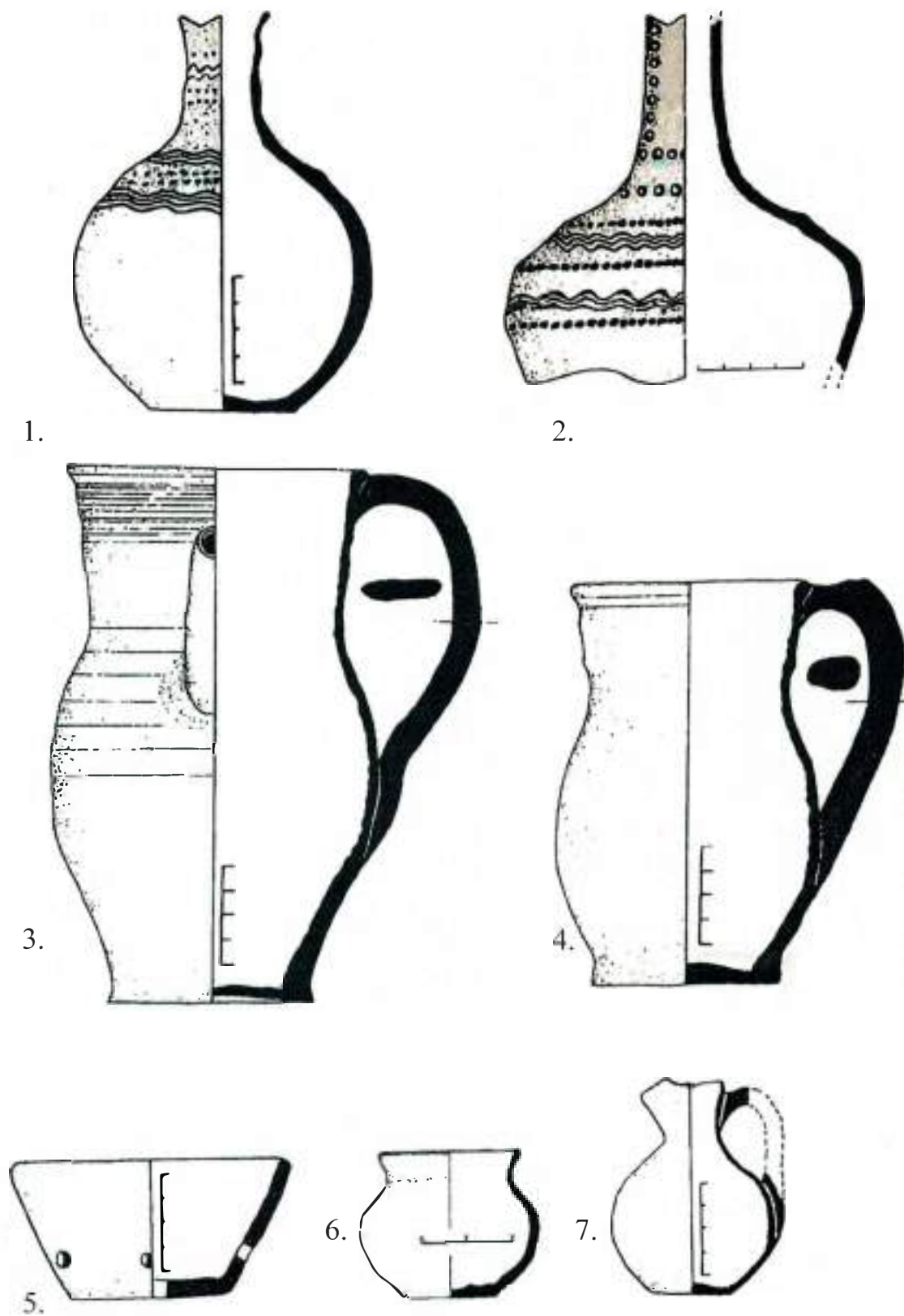

Рис. 22. Херсон. Красноглиняные неполивные сосуды из слоя пожара XIII в. (по А.И. Романчук, 2003, табл. 221)

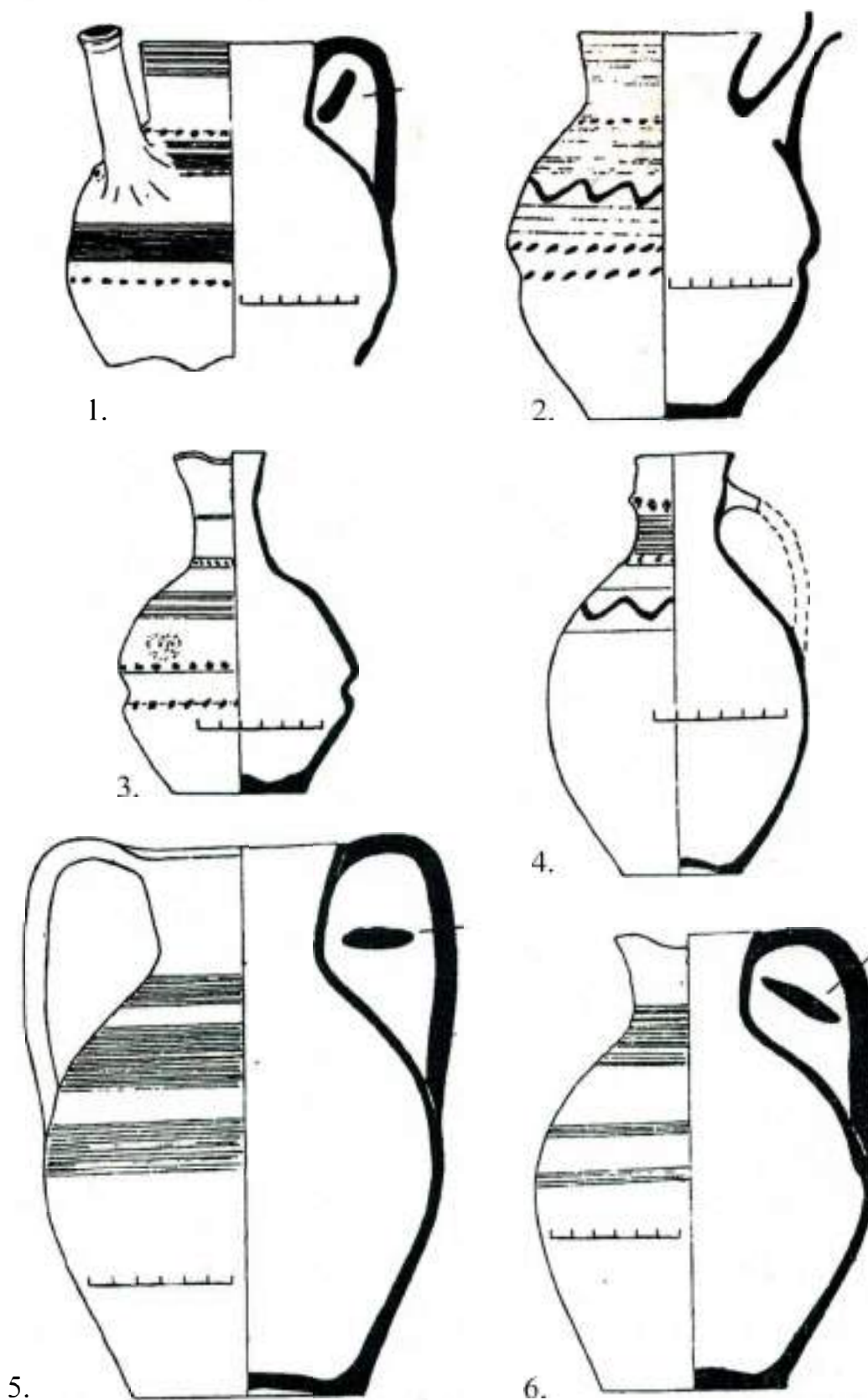

Рис. 23. Херсон. Красноглиняные неполивные сосуды из слоя пожара XIII в. (по А.И. Романчук, 2003, табл. 219)

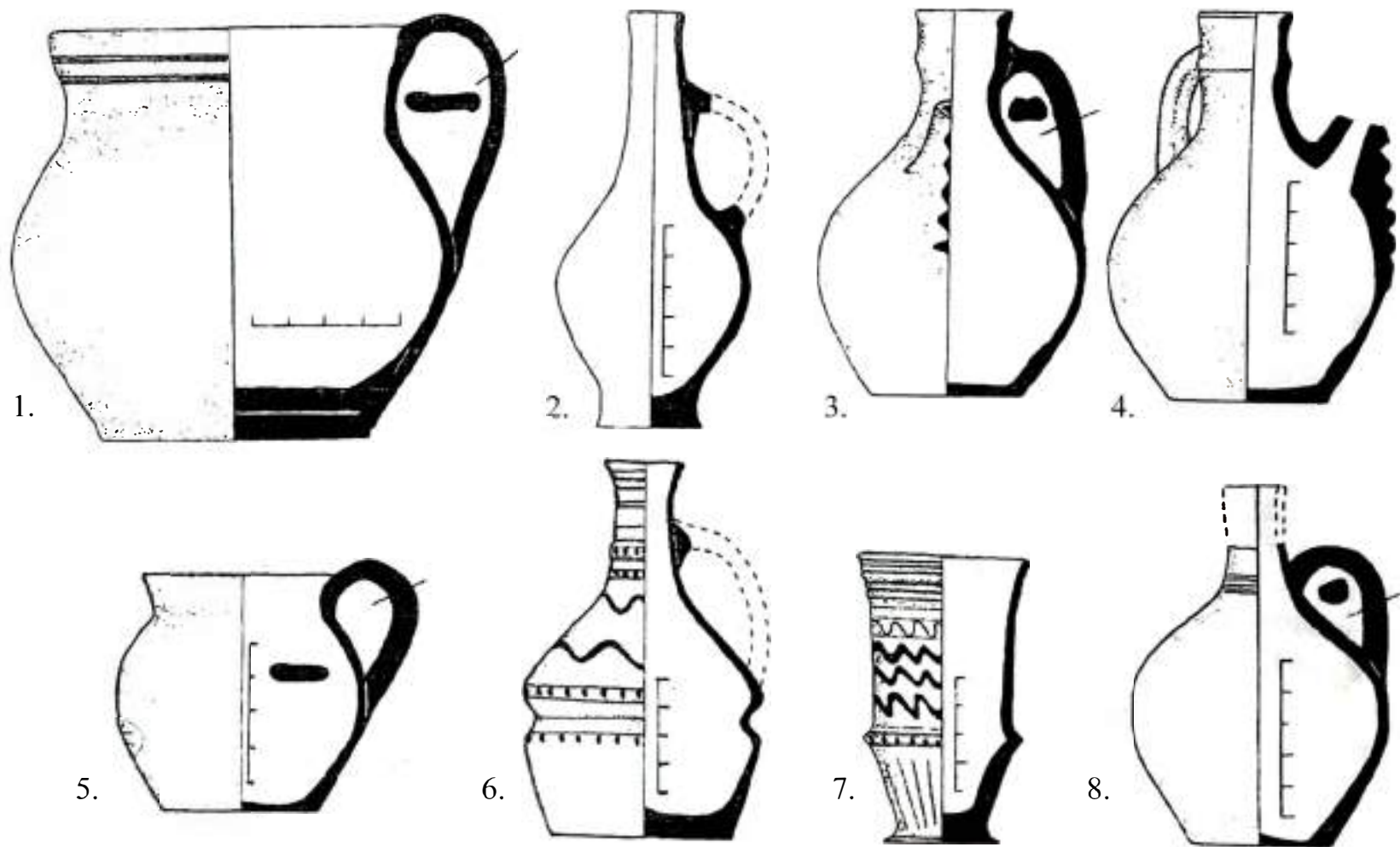

Рис. 24. Херсон. Красноглиняные горшки, кувшины и кубок (без глазурованного покрытия) из слоя пожара XIII в. (по А.И. Романчук, 2003, табл. 217)

1.

2.

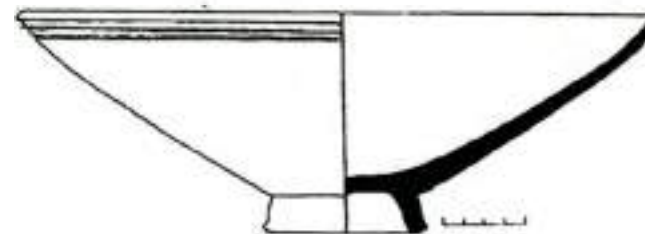

Рис. 25. Херсон. Красноглиняные поливные полихромные блюда из раскопок северо-восточного района города, слой пожара XIII в. (по А.И. Романчук, 2003, табл. 133)

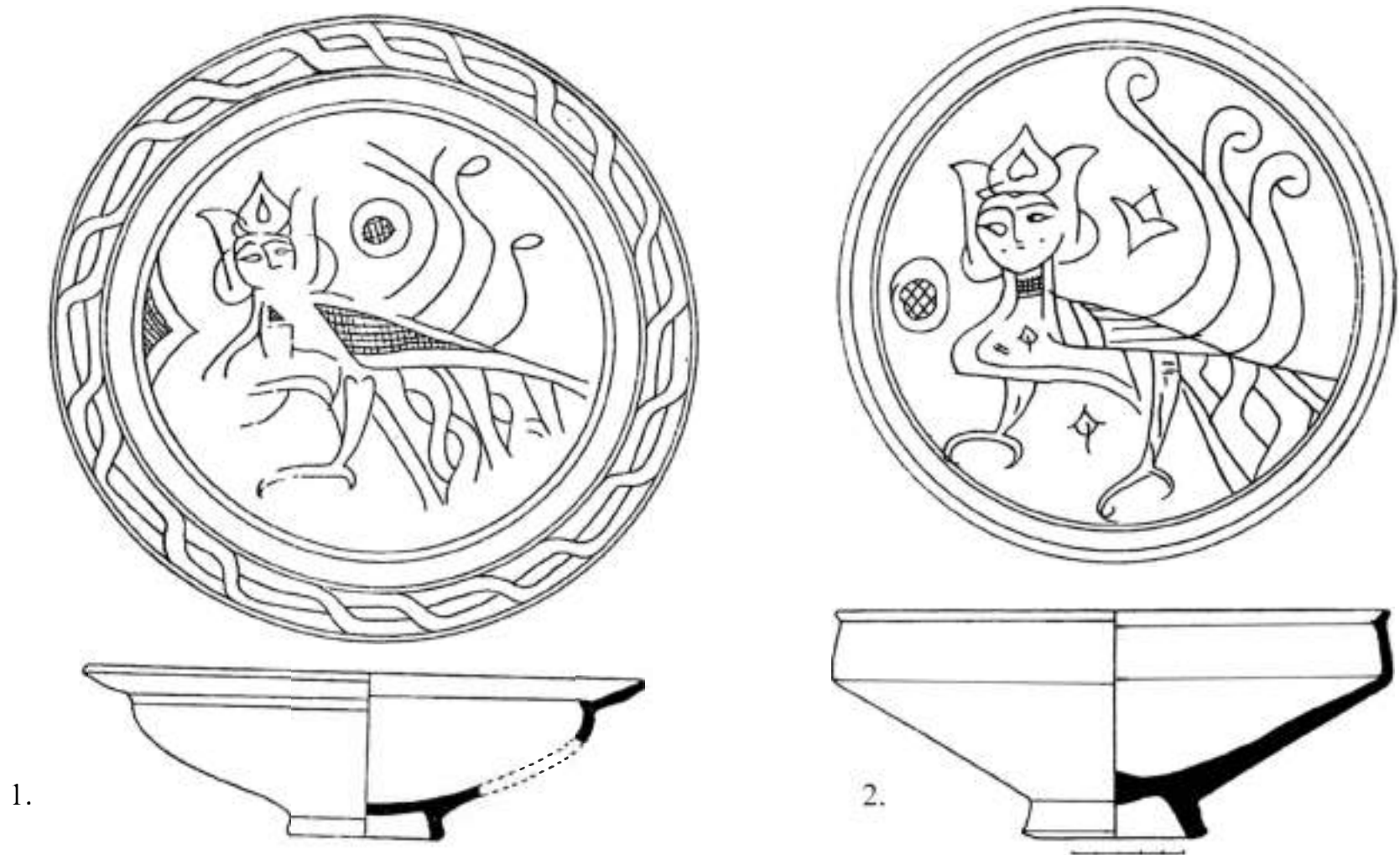

Рис. 26. Херсон, слой пожара XIII в .. Красноглиняные полихромные сосуды с изображением птицы-девы (по А.И. Романчук, 2003, табл. 125)

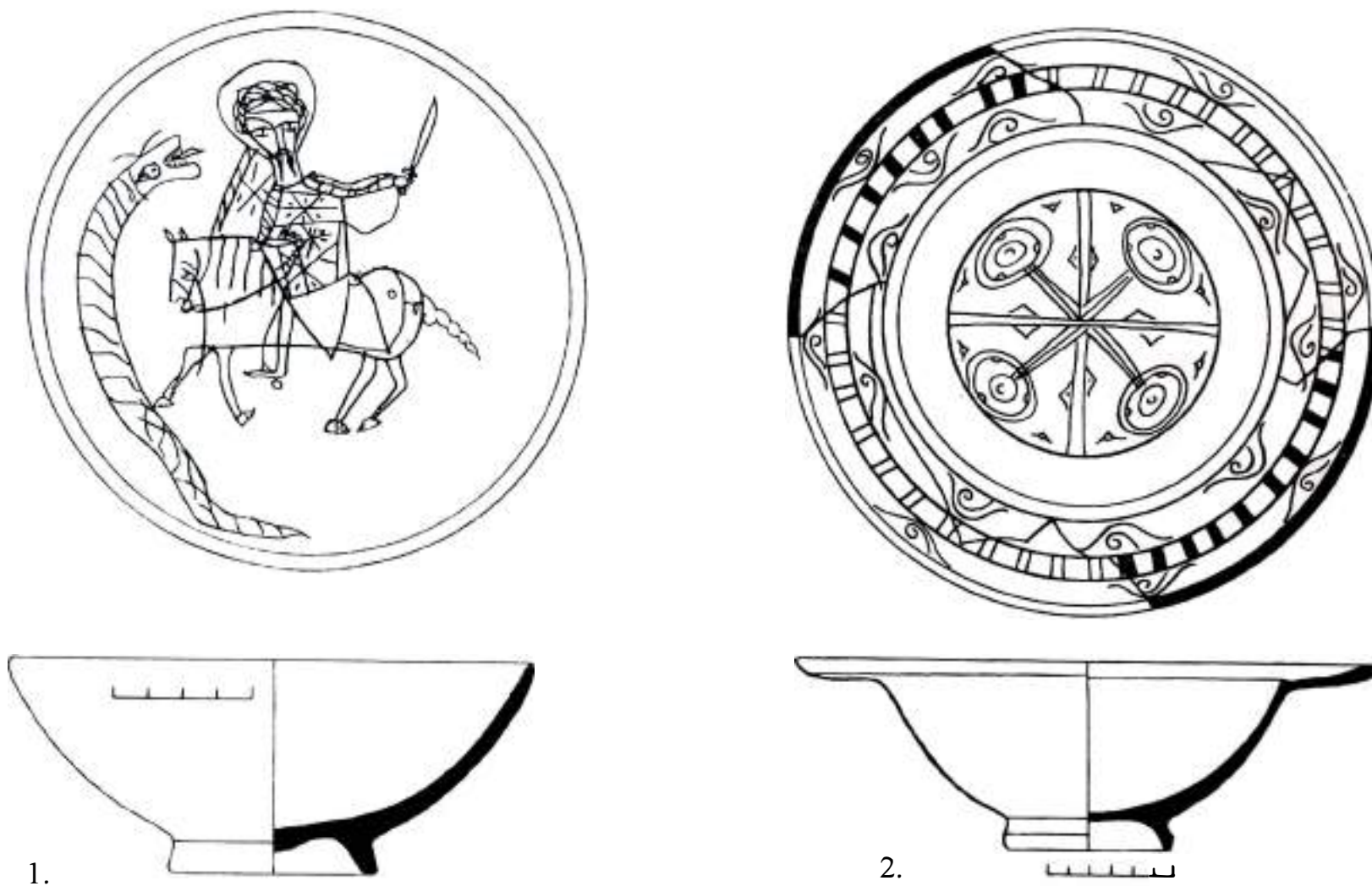

Рис. 27. Херсон. Красноглиняные поливные миски из слоя пожара XIII в. (по А.И. Романчук, 2003, табл. 163)

1.

2.

Рис. 28. Херсон. Красноглиняные поливные блюда из слоя пожара XIII в. (по А.И. Романчук, 2003, табл. 157)

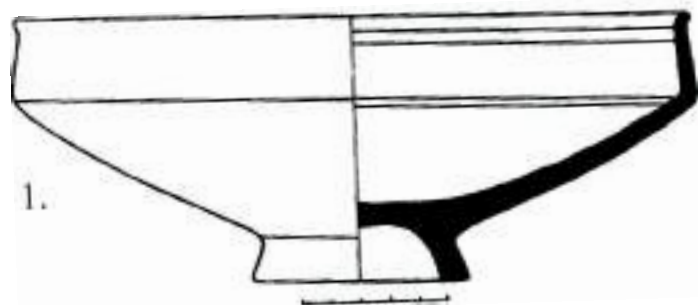

Рис. 29. Херсон. 1 - красноглиняная поливная тарелка из слоя пожара XIII в.; 2 - белоглиняная поливная тарелка из слоя пожара XIII в. (по А.И. Романчук, 2003: 1 - табл. 126; 2 - табл. 194)

1.

2.

Рис. 30. Херсон. Красноглиняное поливное блюдо с изображением рыб из слоя разрушения XIII в. (по: 1 - Т.Ю. Яшаева и др., 2011, №441; 2 - А.И. Романчук, 2003, табл. 134)

Рис. 31. Херсон. Чаши (1, 2, 4) и тарелка (3) из слоя разрушения города XIII в. (по Т.Ю. Яшаева и др., 2011: 1 - №450; 3 - №428; 4 - №429; 2 - А.И. Романчук, 2003, табл. 9)

1.

2.

Рис. 32. Херсон. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара XIII в. (по: 1 - Т.Ю. Яшаева и др., 2011, №430; 2 - А.И. Романчук, 2003, табл. 84)

1.

2.

Рис. 33. Херсон. Красноглиняное поливное блюдо с изображением святого воина из слоя пожара XIII в. (по: 1 - Т.Ю. Яшаева и др., 2011, №432; 2 - А.И. Романчук, 2003, табл. 158)

1.

2.

Рис. 34. Херсон. Красноглиняное поливное блюдо с изображением льва и змеи из слоя пожара XIII в. (по: 1 - Т.Ю. Яшаева и др., 2011, №436; 2 - А.И. Романчук, 2003, табл. 147)

1.

2.

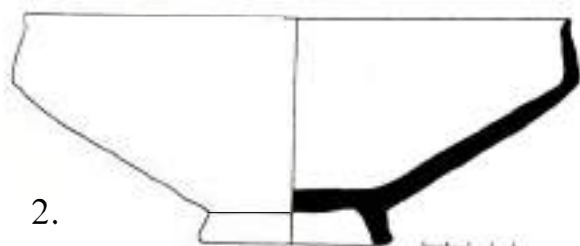

Рис. 35. Херсон. Красноглиняная поливная чаша с изображением "солнечного лица" из слоя пожара XIII в. (по: 1 - Т. Ю. Яшаева и др., 2011, №442; 2 - А.И. Романчук, 2003, табл. 135)

1.

2.

3.

4.

5.

6.

Рис. 36. Херсон. Красноглиняные поливные кувшины из слоя пожара XIII в. (по Т.Ю. Яшаева и др., 2011: 1 - №453; 2 - №456; 3 - №454; 4 - №455; 5 - №458; 6 - №457)

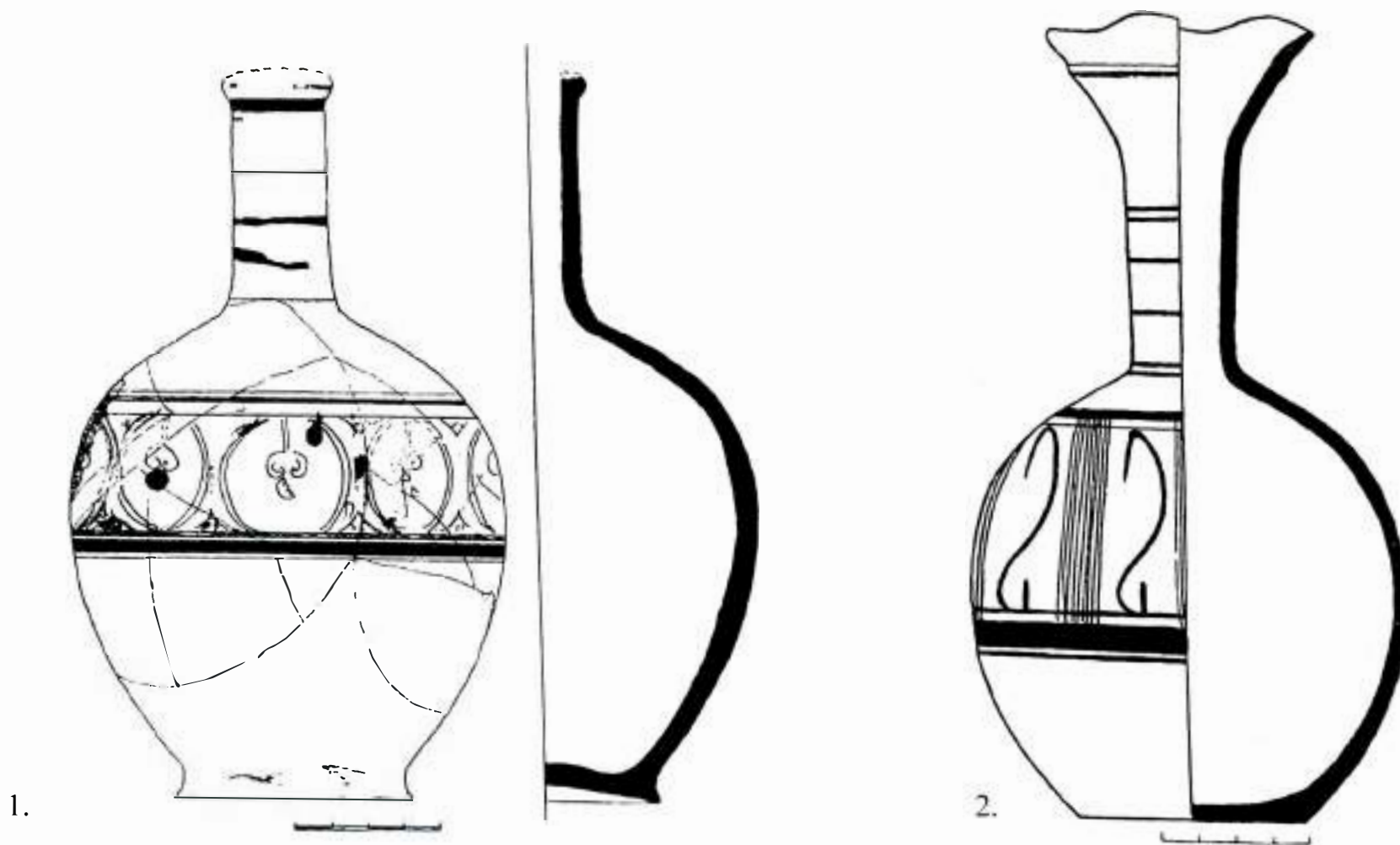

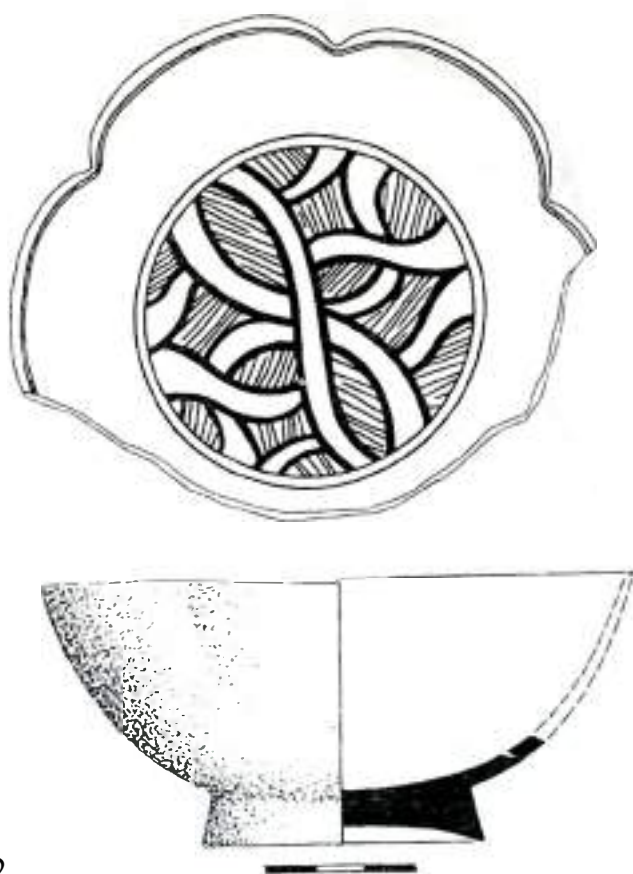
Рис. 37. Херсон. Красноглиняные поливные кувшины из слоя пожара XIII в. (по Романчук, 2003, табл. 180)

Рис. 38. Херсон. Красноглиняные неполивные сосуды из слоя пожара XIII в. (по Т.Ю. Яшаева и др., 2011: 1 - №388; 2 - №389; 3 - №390)

1.

2.

Рис. 39. Херсон. Красноглиняная поливная чаша из слоя пожара XIII в. с изображением плетёнки (по: 1 - Т.Ю. Яшаева и др., 2011, №445; 2 - А.И. Романчук, 2003, табл. 62)

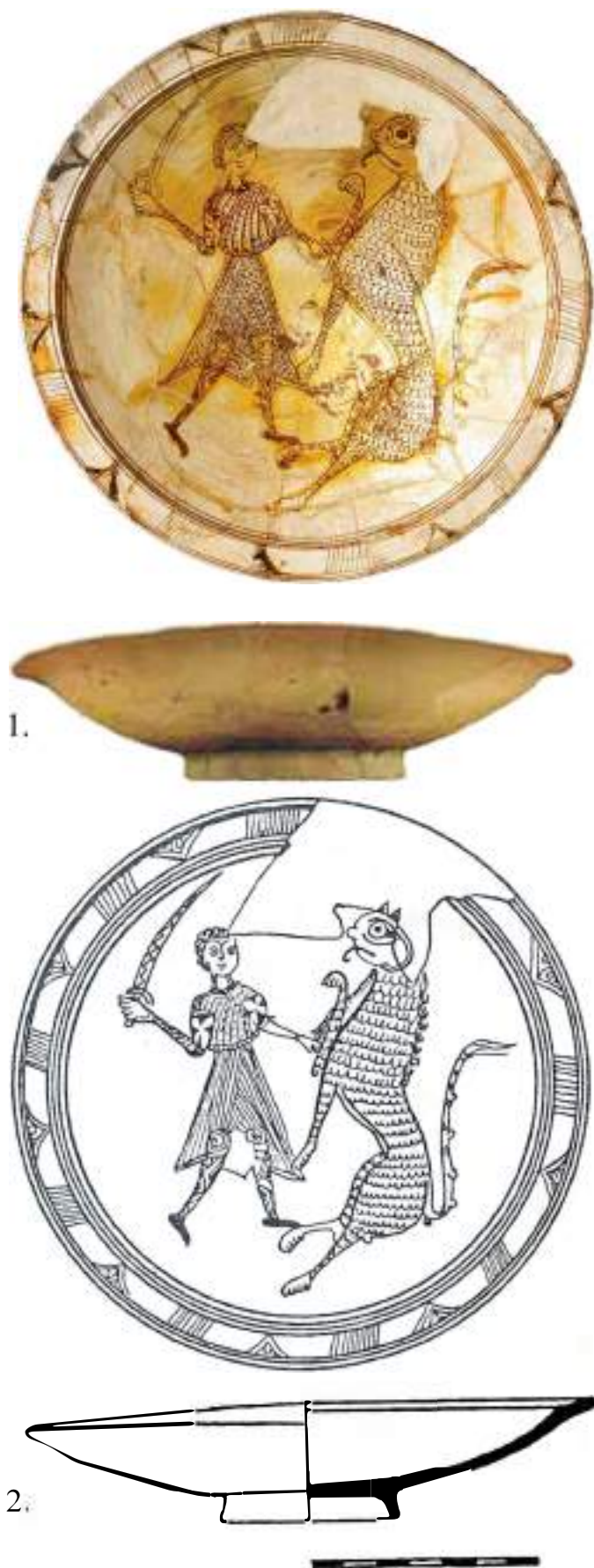

Рис. 40. Херсон. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара XIII в. с изображением воина, сражающегося со "львом" (по: 1 - Т.Ю. Яшаева и др., 2011, №435; 2 -А.И. Романчук, 2003, табл. 161)

1.

2.

Рис. 41. Херсон. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара XIII в. с изображением всадника, убивающего змия (по: 1 - Т.Ю. Яшаева и др., 2011, №433; 2 - А.И. Романчук, 2003, табл. 155)

1.

2.

3.

Рис. 42. Херсон. Керамические изделия XIII в.: 1 - красноглиняная декоративная плитка с изображением "льва" и "орла"; 2 - фигурный водолей; 3 - архитектурные декоративные украшения (по Т.Ю. Яшаева и др., 2011: 1 -№400; 2 -№392; 3 - №401-403)

Рис. 43. Херсон. Белоглиняные поливные сосуды из слоя пожара XIII в.: 1, 3, 4, 5 - по Т.Ю. Яшаева и др., 2011: 1 - № 427; 3 - № 422; 4 - № 423; 5 - 421; 2 - по А.И. Романчук, 2003, табл. 195

Рис. 44. Херсон. Навершие крышки красноглиняного поливного сосуда в виде фигурки "монгола" в шляпе с коническим верхом из слоя пожара XIII в. (по Т.Ю. Яшаева и др., 2011, №475)

1.

2.

Рис. 45. Херсон. 1 - крест-энколпион: Распятие / Богоматерь с Младенцем; 2 - киотный крест. Киевская Русь, 20 - 40-х гг. XIII в. (по Т.Ю. Яшаева и др. 2011: 1 - №198; 2 - №185)

Рис. 46. Херсон. Предметы вооружения из слоя пожара XIII в.: 1, 2 - бронзовые навершия булав; 3 - железная маска с бронзовым ухом (4) (по Т.Ю. Яшаева, 2011: 1, 2 - №232, 233; 3, 4 - №312)

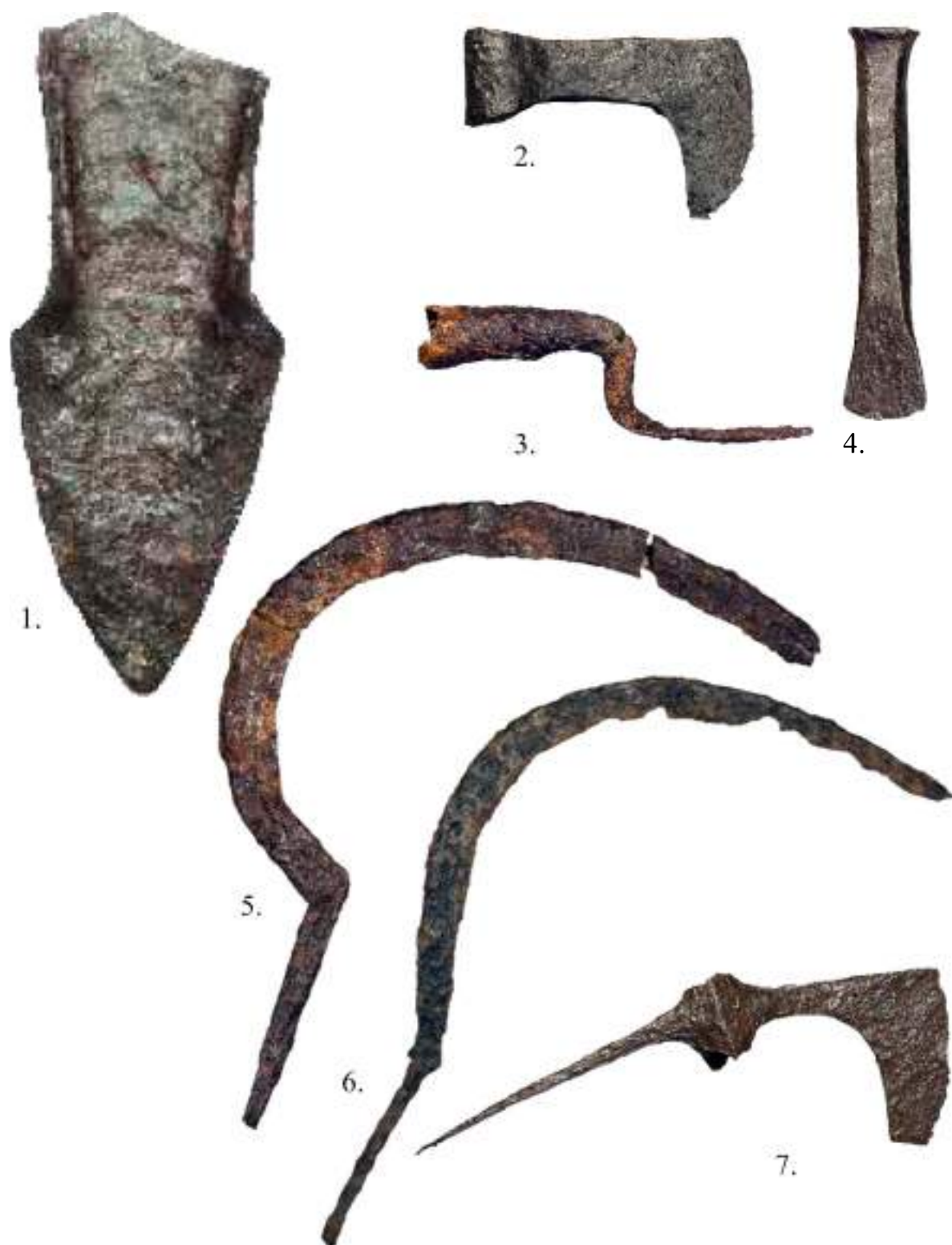

Рис. 47. Херсон. Орудия труда из слоя пожара XIII в.: 1 - лемех; 2 - топор; 3 - мастерок (VI - VII в.?); 4 - долото; 5 - серп; 6 - серп; 7 - кирка-топор (по Т.Ю. Яшаева и др., 2011: 1 - №311; 2 - №300; 3 - №299; 4 - №302; 5 - №309; 6 - №310; 7 - №301)

1.

2.

Рис. 48. Херсон. Иконы XI - XII вв. из слоя разрушения XIII в.: 1 - Три святых воина; 2 - святые Георгий и Димитрий (по Т.Ю. Яшаева и др., 2011: 1 - №39; 2 - №38)

Рис. 49. Херсон. Портовый район города, стеатитовая икона Богоматерь с Младенцем из слоя пожара XIII в. (по Т.Ю. Яшаева и др., 2011, №41)

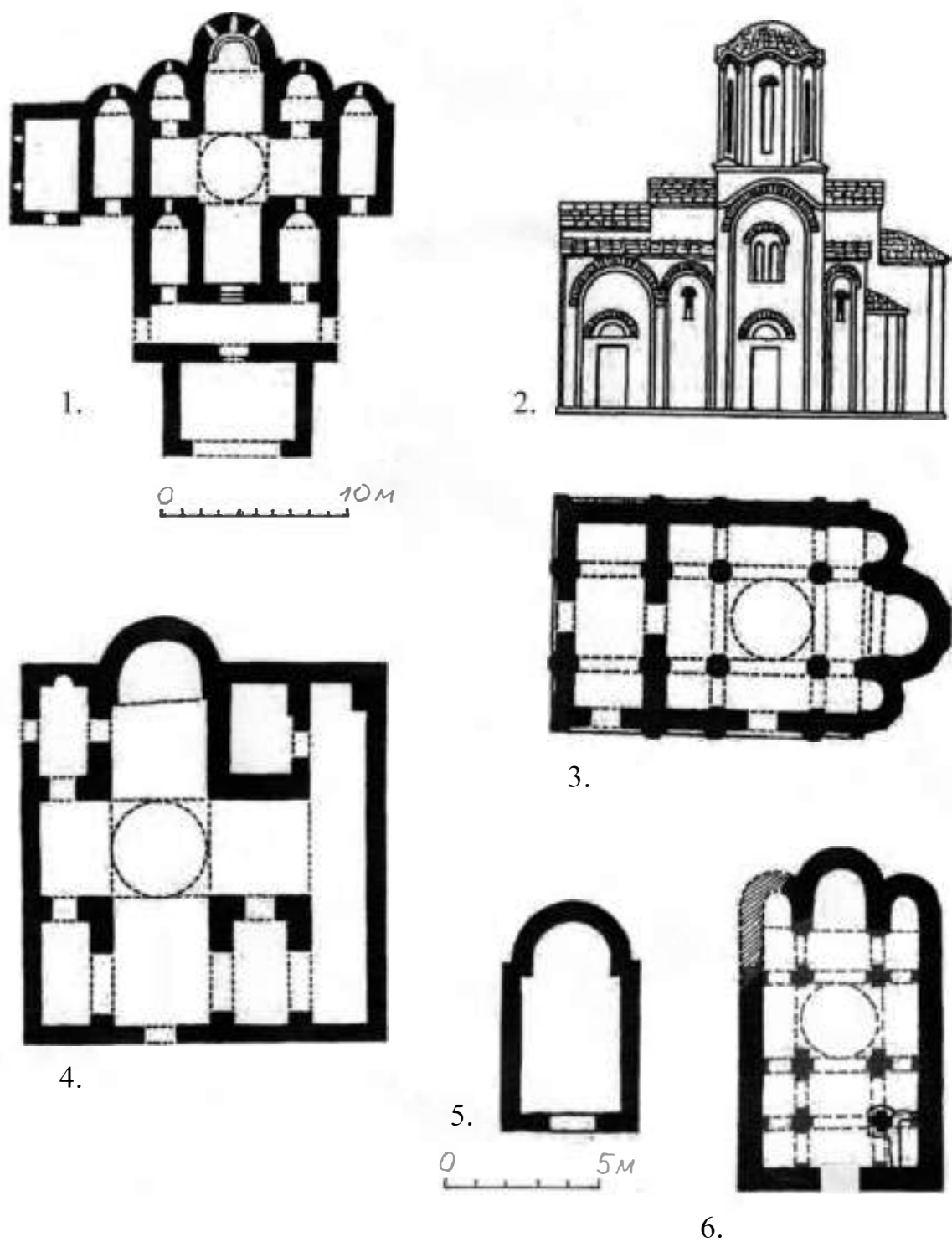

Рис. 50. Херсон XIII - XIV вв. Храмы поздневизантийского города: 1 - пятиапсидный крестовокупольный храм; 2, 3 - храм 21 (по Ю.Г. Лесицкому, 2015, с. 189, рис. 2); 4 - крестовокупольный храм на городском акрополе; 5 -однефная церковь в квартале XXV (1, 4, 5 - по А.И. Айбабину, 2003, табл. 5); 6 - шестистолпный храм (рисунок автора)

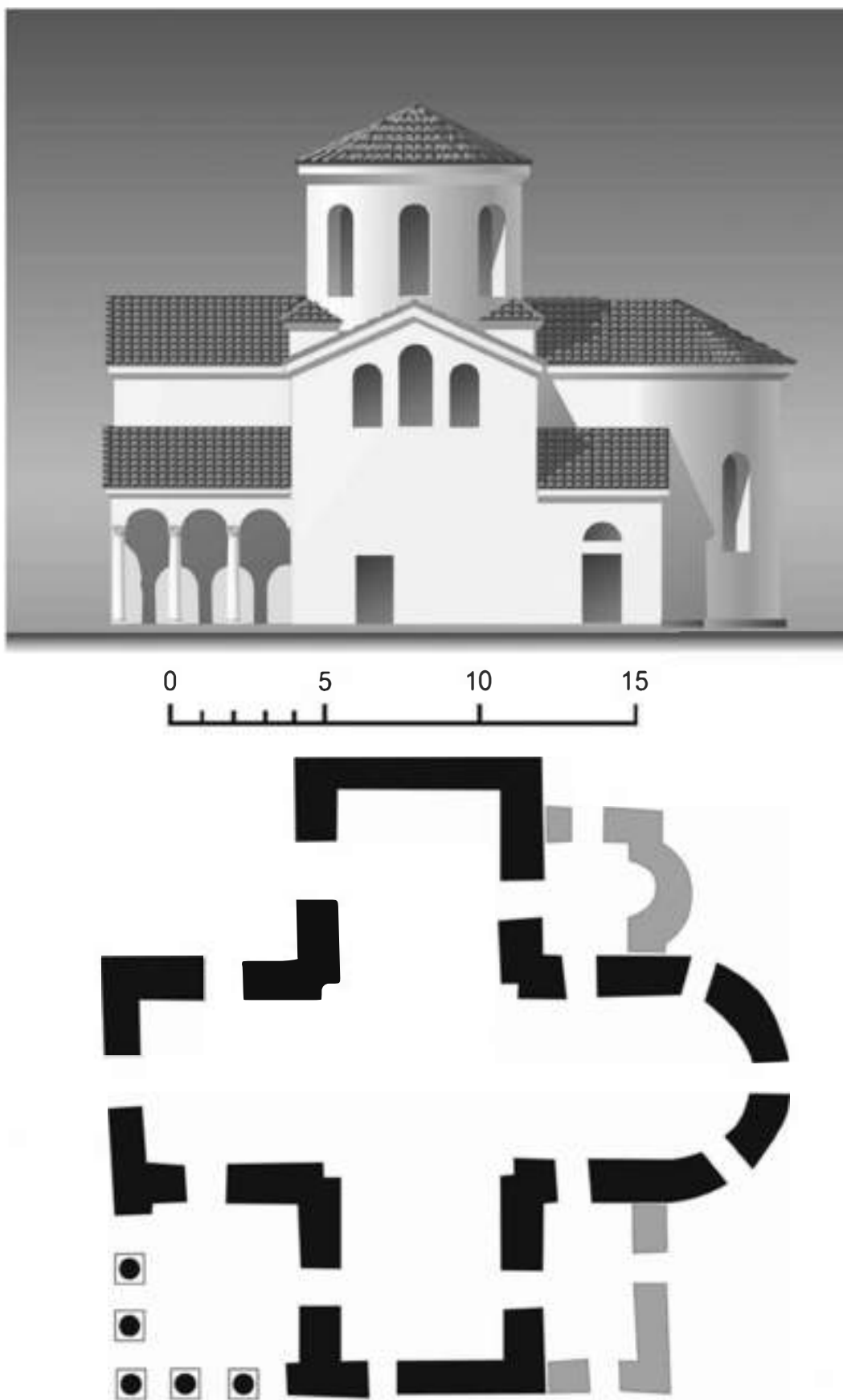

Рис. 51. Херсон XIII - XIV вв. "Храм с ковчегом" (№19). Реконструкция. Фасад и план (по Ю.Г. Лосицкому, 2015, с. 191, рис. 4)

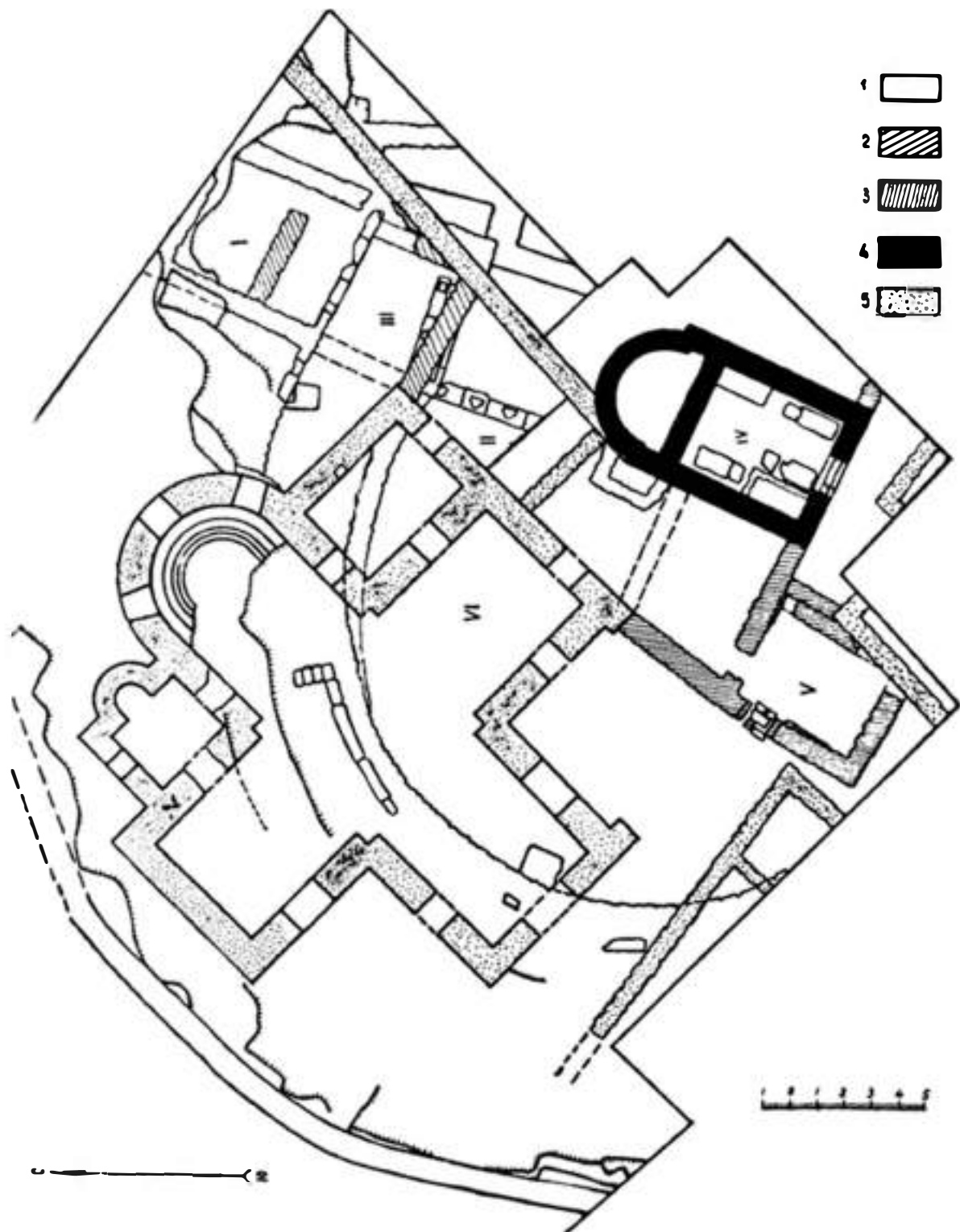

Рис. 52. Херсон XIII - XIV вв. План застройки на "театральном участке" (А.И. Романчук, 2008, с. 328, рис. 12). Храм №19 и часовня (1 - руины античного храма; 2 - остатки зданий V - VIII вв.; 3 - сооружения X - XII вв.; 4 - церковь, открытая в 1958 г.; 5 - храм №19)

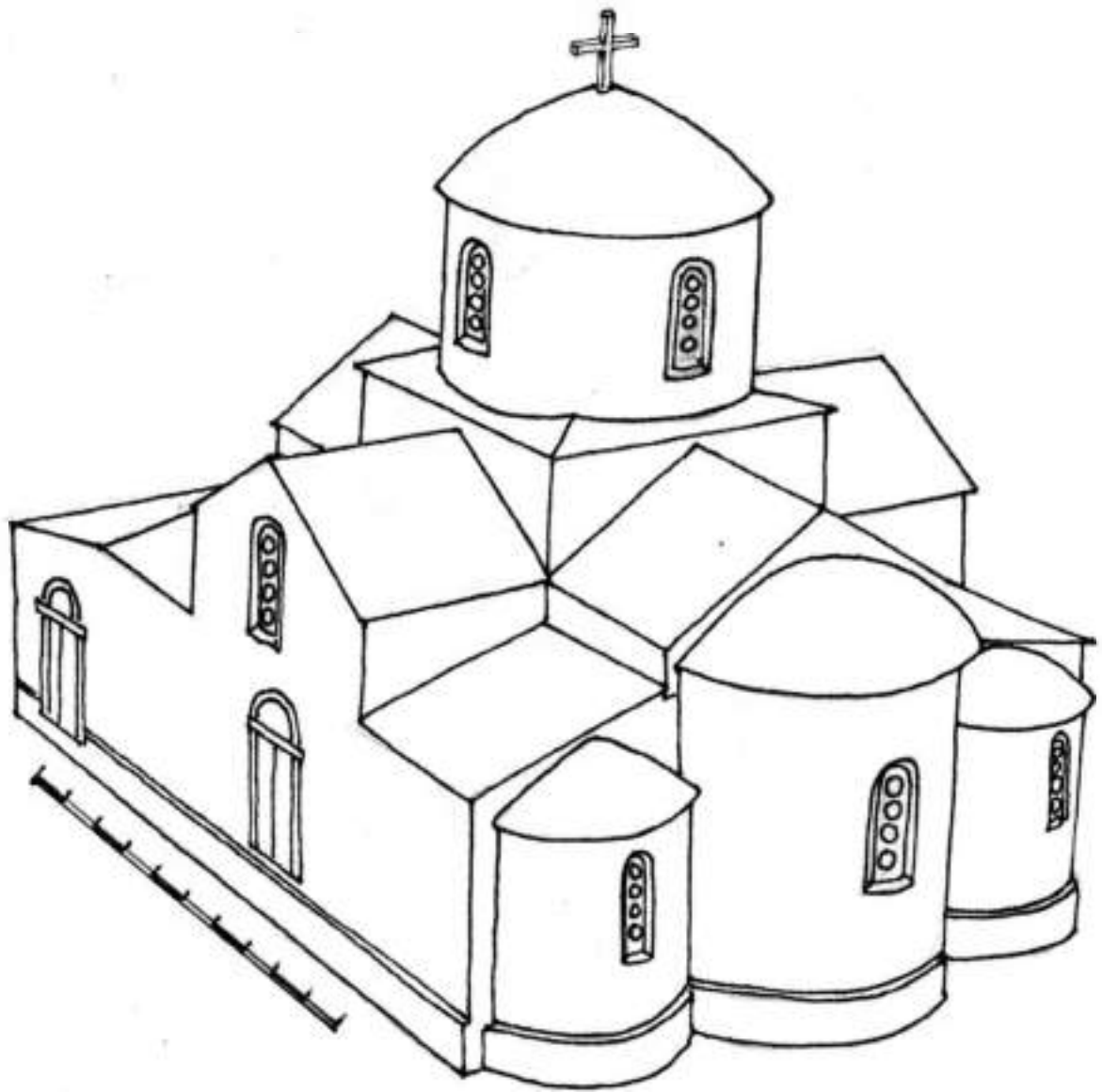

Рис. 53. Херсон XIII в. Крестовокупольный храм XII - XIII вв. №21. Эскизный вариант реконструкции. Рисунок автора

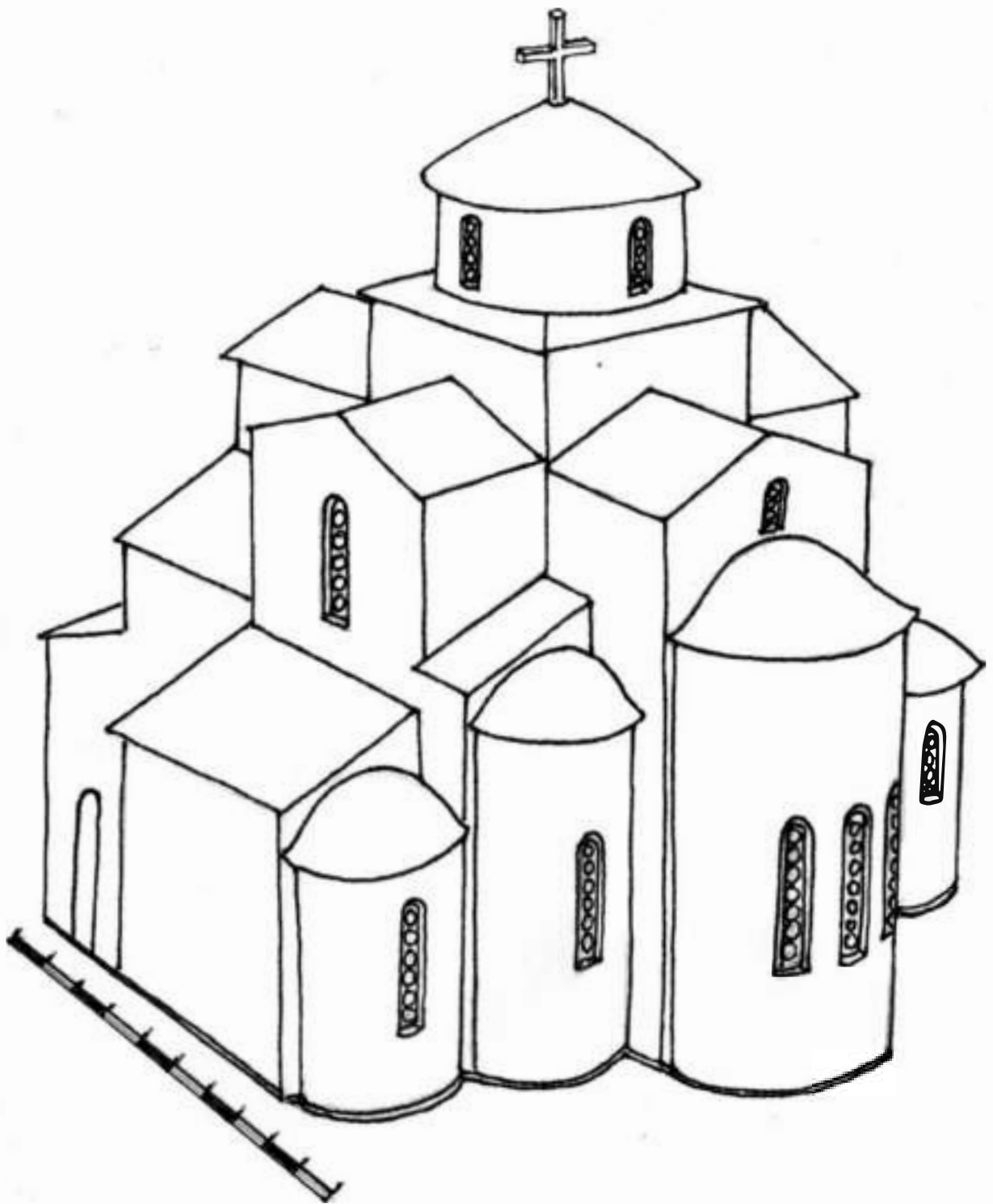

Рис. 54. Херсон XIII в. Пятиапсидный крестовокупольный храм. Эскизный вариант реконструкции. Рисунок автора

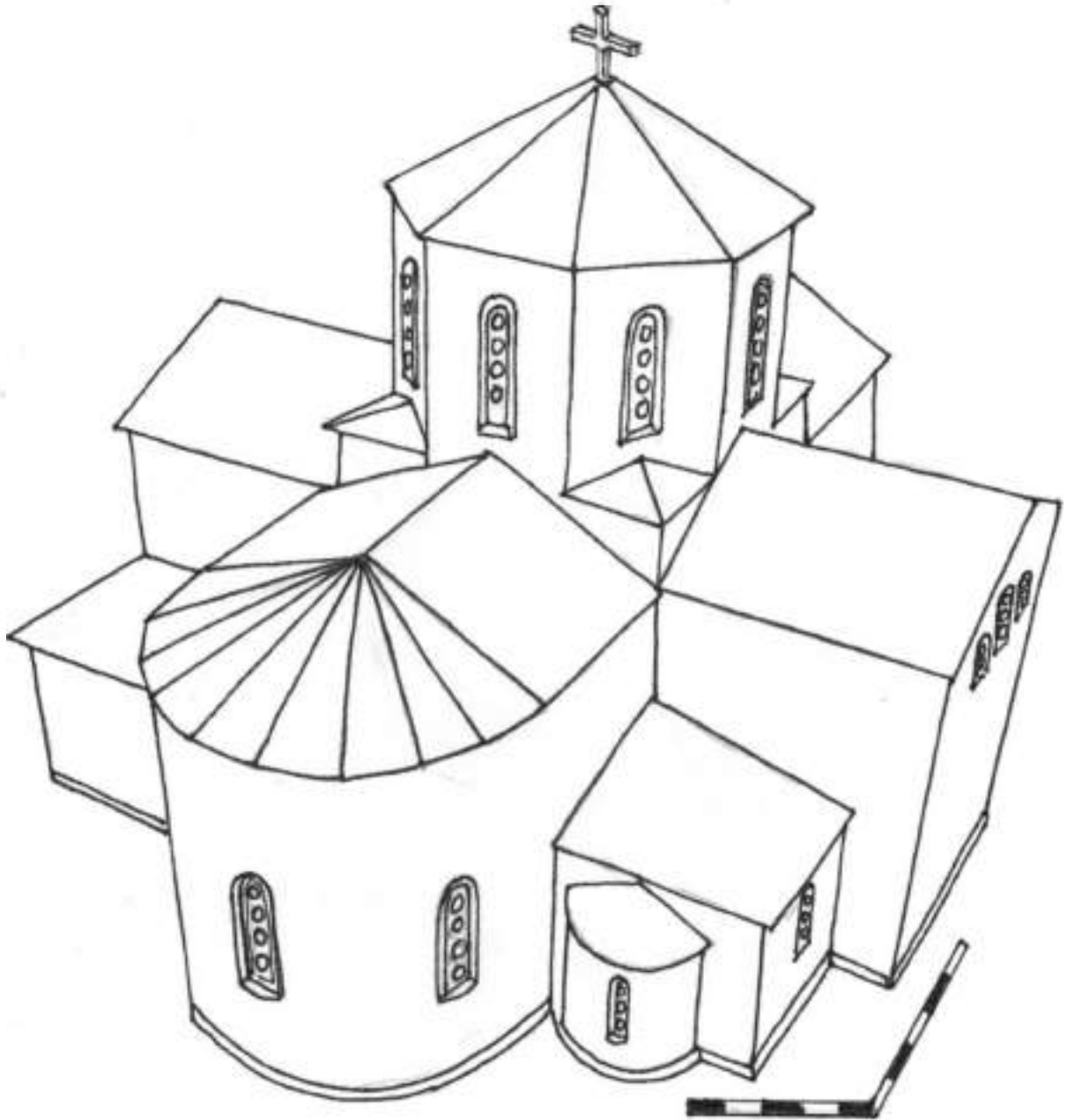
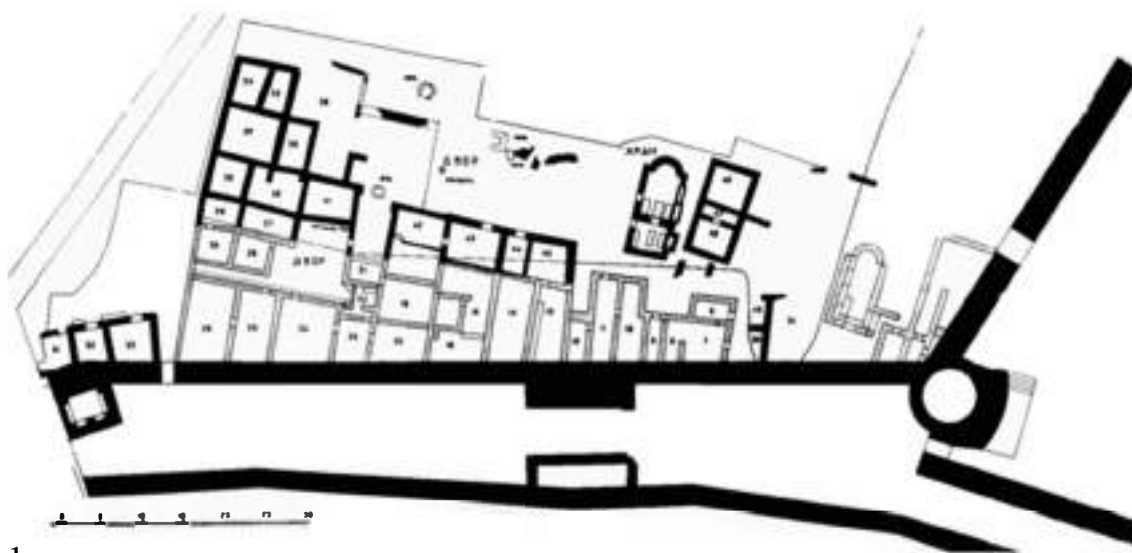
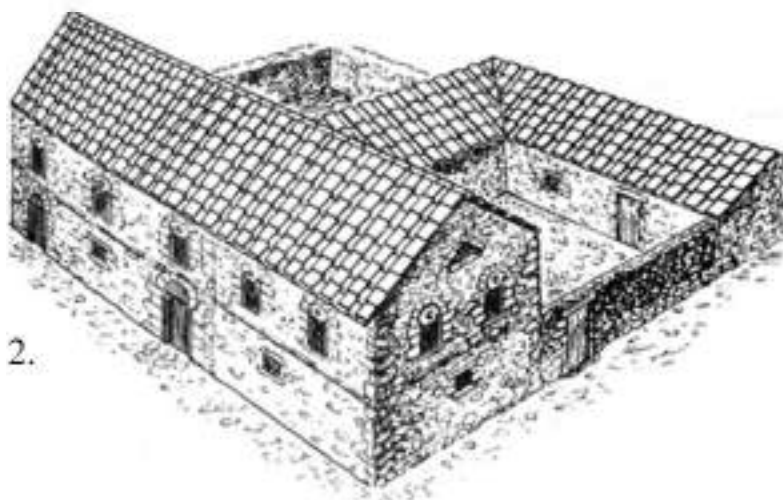

Рис. 55. Херсон XIII - XIV вв. "Храм с ковчегом" (№ 19). Эскизный вариант реконструкции. Рисунок автора

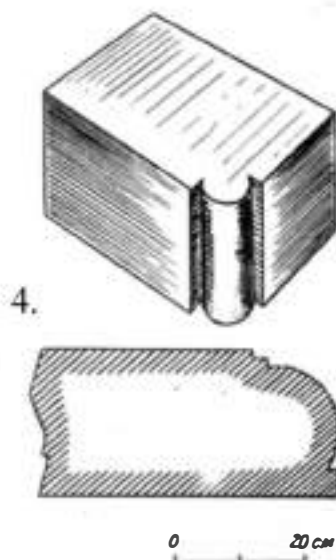
1.

2.

3.

4.

Рис. 56. Херсон XIII в. 1 - план застройки Портового квартала 1 (по А.И. Романчук, 2008, с. 451, рис. 13); 2 - городской дом XIII - XIV вв. в Портовом квартале 1; 3 - окно городского дома; 4 - архитектурные детали окон (2 - 4 - по В.Н. Даниленко, 1988, рис. 1)

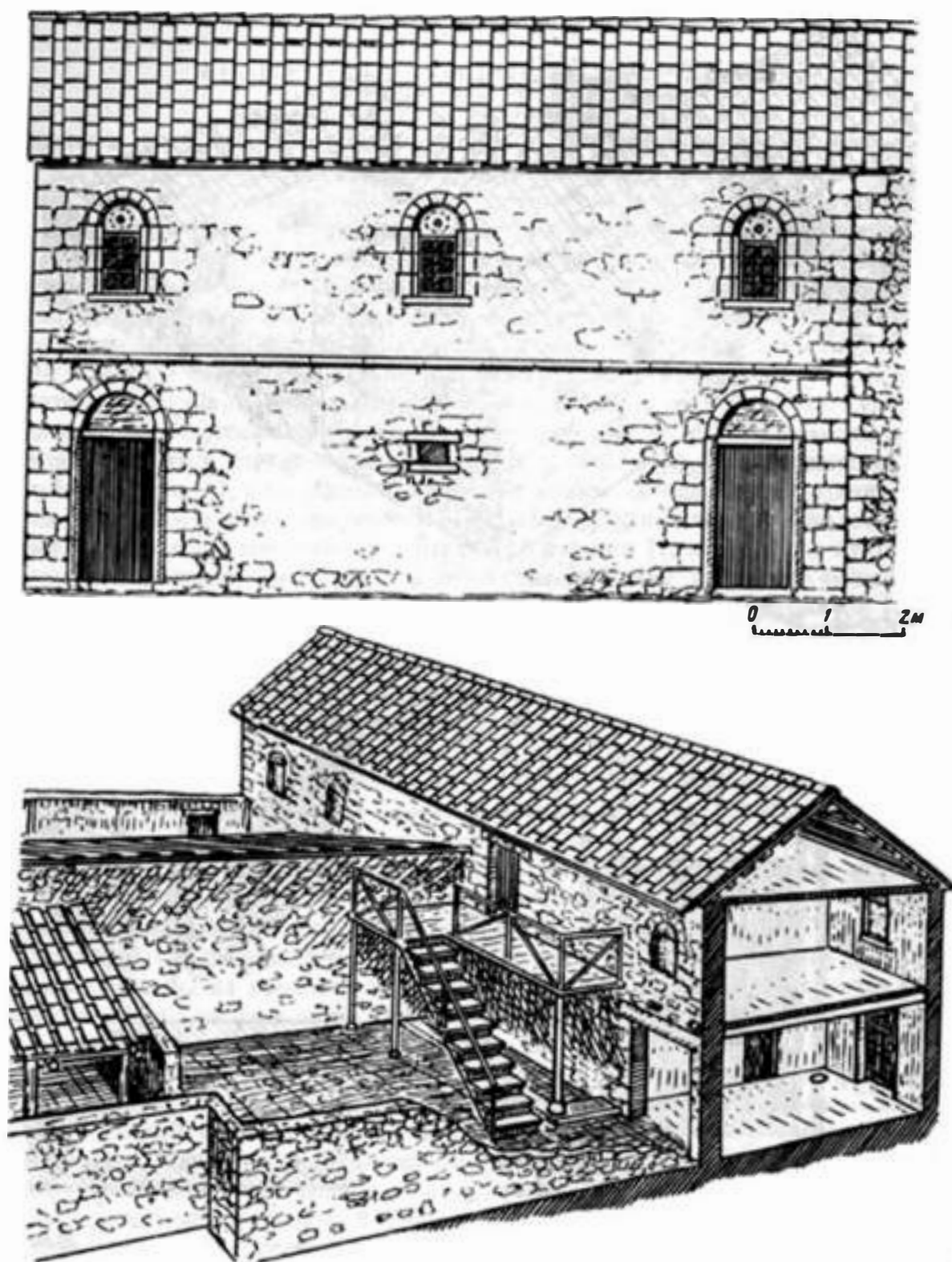

Рис. 57. Херсон XIII в. Реконструкция домов портового квартала 1 (по В.Н. Даниленко, 1988, рис. 2)

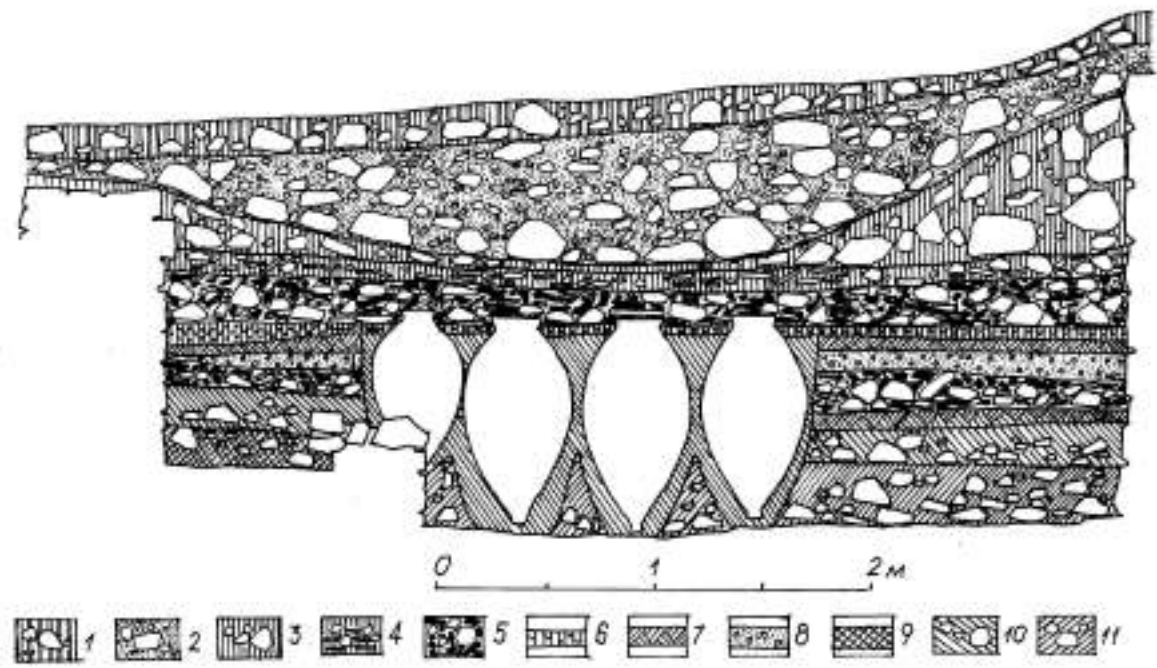

Рис. 58. Крепость Алустон. Стратиграфия в цитадели города, продольный разрез через помещение 46: 1- жёлто-серый рыхлый грунт с бутовым камнем, щебнем и штукатуркой; 2- светло-серый рыхлый грунт с бутом, щебнем и разрушенным известковым раствором; 3-светло-коричневый рыхлый грунт с бутом, щебнем, комками жёлтой глины; 4-плотный жёлто-коричневый грунт с плитками песчаника и кусками сгоревшего дерева; 5- рыхлый коричневый грунт с бутом, углями и крупными обломками деревянных конструкций (слой пожара с керамикой XIII в.); 6- плотный серо-коричневый глинистый слой (уровень пола помещения 46); 7- серый рыхлый золистый грунт; 8-песок с галькой; 9-рыхлый тёмно-коричневый грунт со следами горения; 10- коричневый плотный грунт с известковой крошкой; 11-рыхлый светло-коричневый грунт с разрушенным известковым раствором.

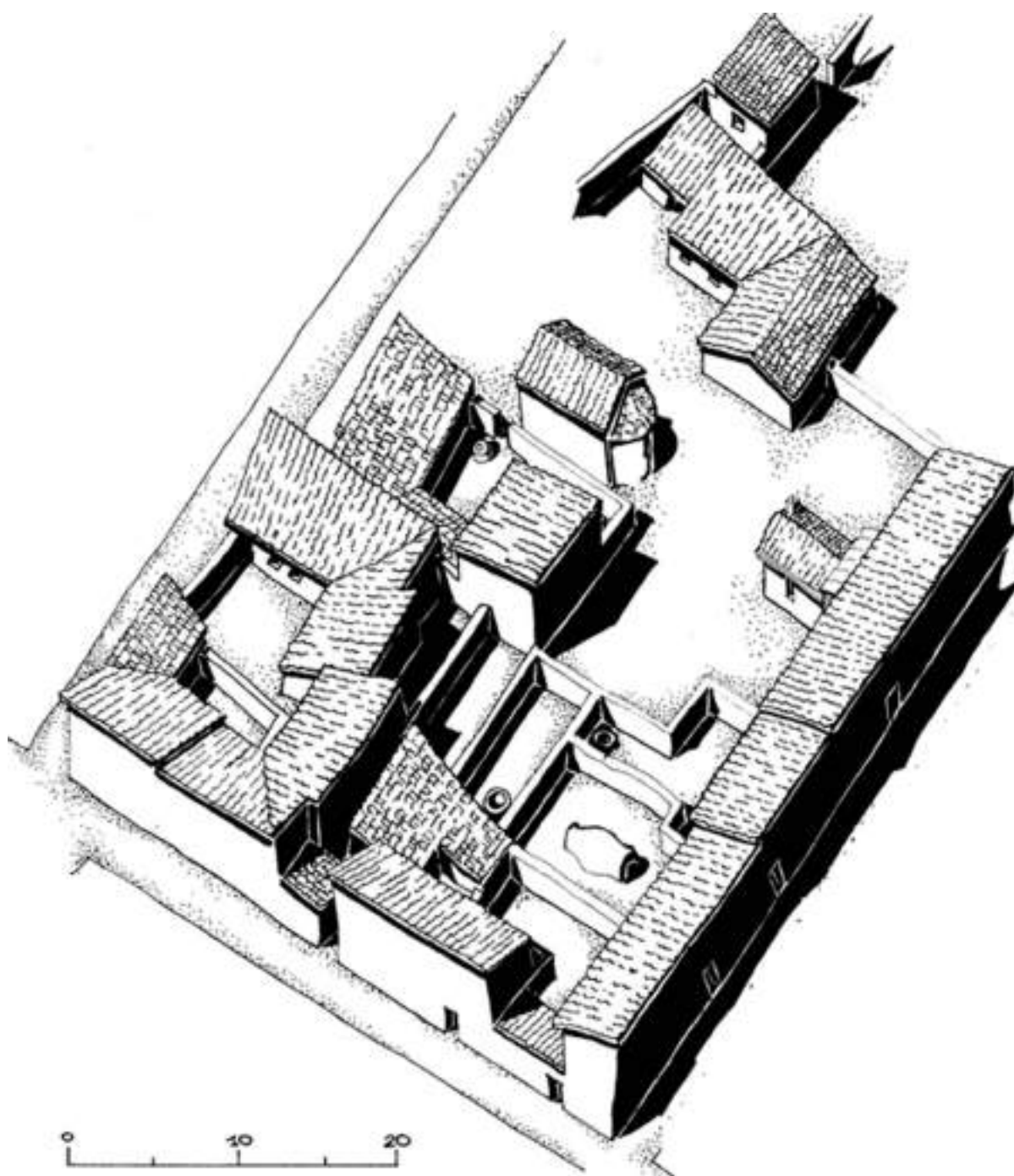

Рис. 59. Северный район Херсона XIII в. Реконструкция квартала XIII -XVIII (по А.И. Романчук, 2008, рис. 16)

Рис. 60. План памятников окрестностей Эски-Кермена. Отметки высот указаны в саженьях (по Н.И. Репникову (Репников, 1932, рис. 42)): 1 - город Эски-Кермен (VI-XIII вв.); 2 - замок Черкес-Кермен (XV в.); 3 - селение Черкес-Кермен (XIV - XV(?) -XX вв.); 4 - храм "Донаторов" (80-е гг. XV в.)

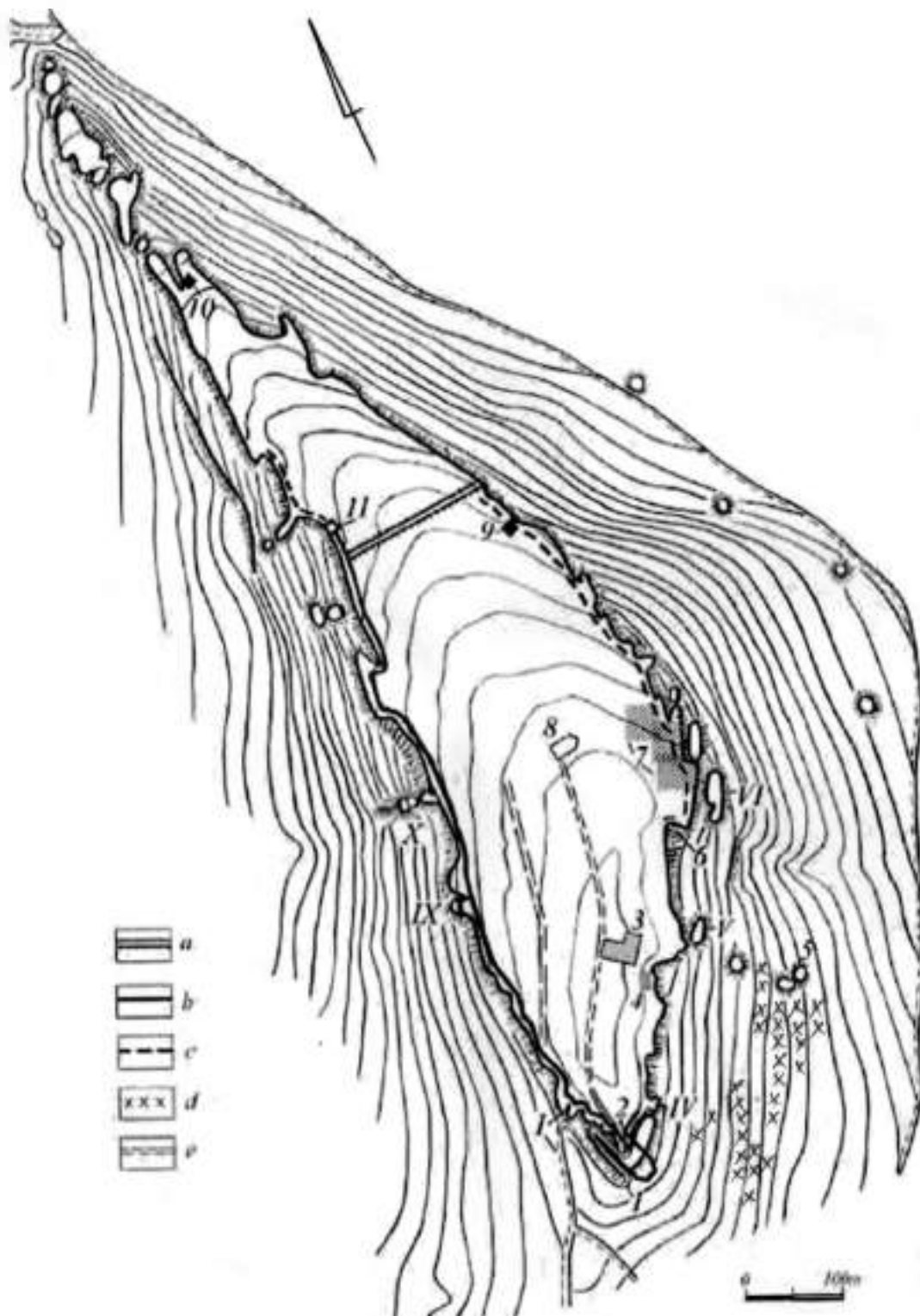

Рис. 61. Византийский город VI - XIII вв. на плато Эски-Кермен. План: а - стена, отгораживающая незастороенную территорию; б, с - остатки оборонительных сооружений; d - некрополь VI - IX вв.; е - следы дорог и городских улиц; 1- комплекс укреплений главных ворот; 2 - главные ворота; 3 - квартал 1; 4 - усадьба у восточной оборонительной стены (раскопки 2006 г.); 5 - храм "Трех всадников"; 6 - восточная потерна; 7 - кварталы, раскопанные в 1936 - 1937 гг.; 8 - базилика; 9 - "Осадный колодец"; 10 - северная потерна; 11 - западная потерна (по А.И. Айбабину, 2014, рис. 1)

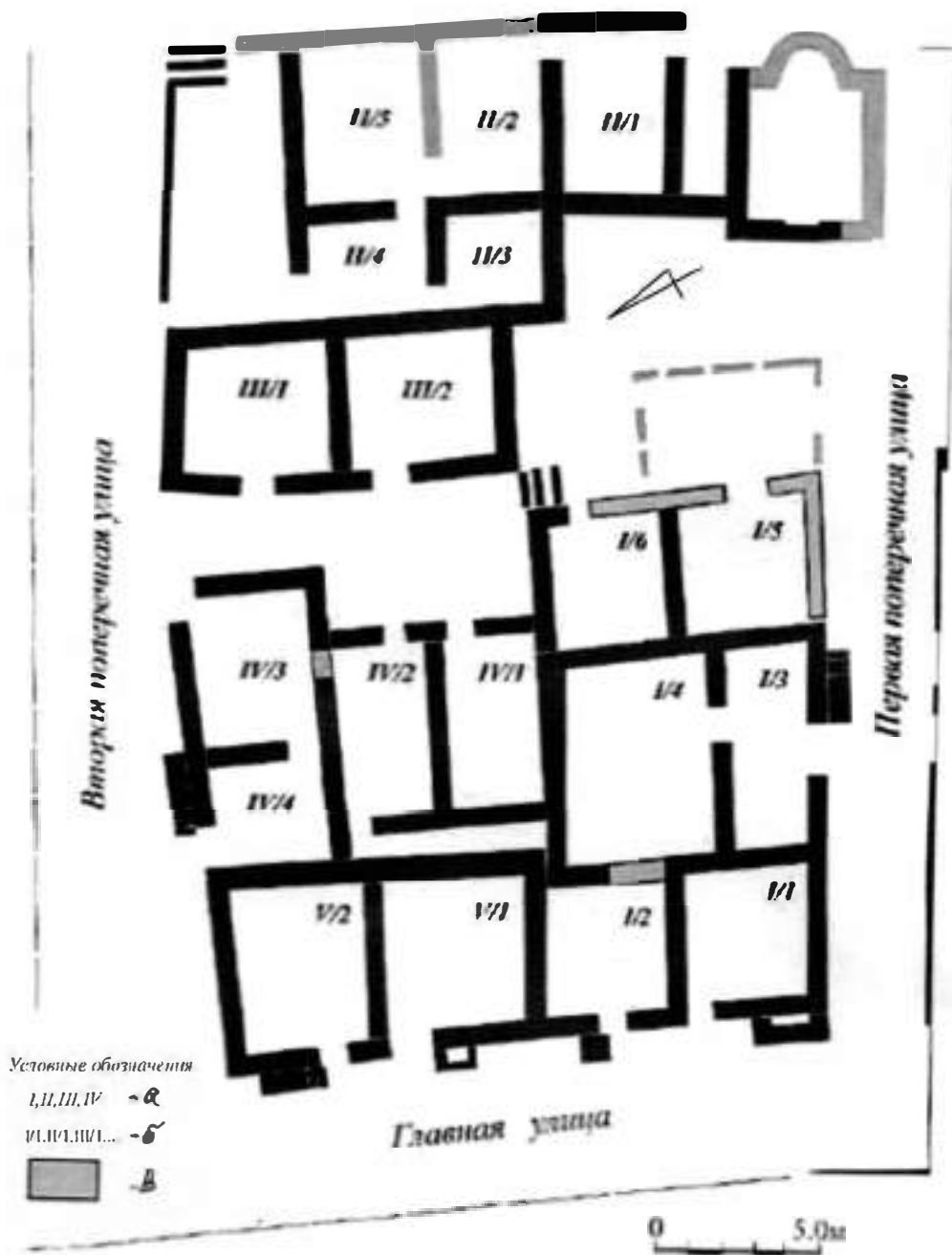
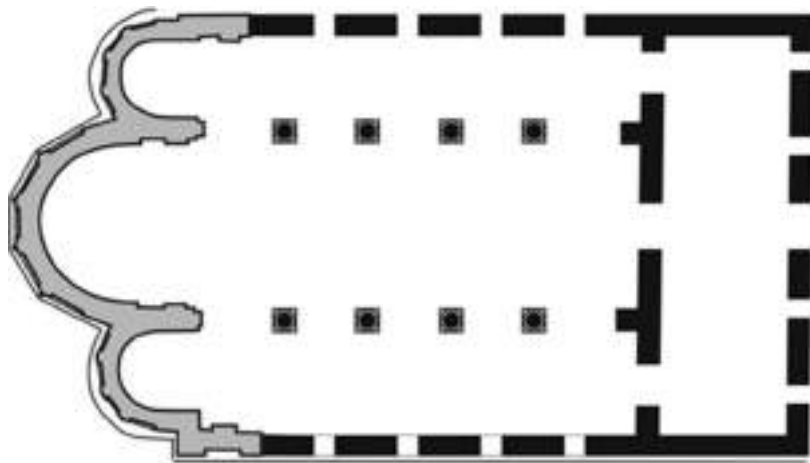
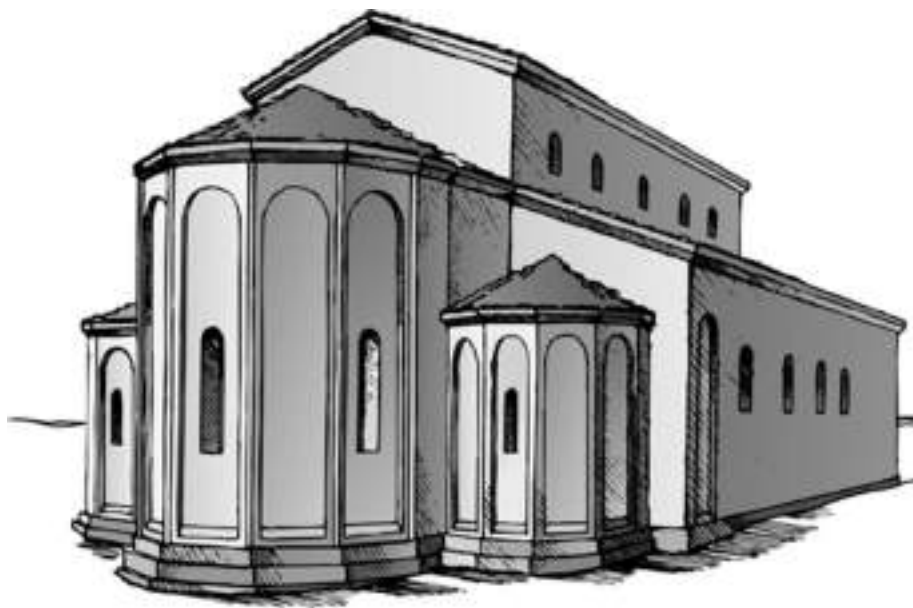

Рис. 62. Византийский город VI - XIII вв. на плато Эски-Кермен. План квартала 1: а - номера усадеб; б - номера помещений; в - постели несохранившихся стен (по А.И. Айбабину, 2018, рис. 2)

0 5 10m

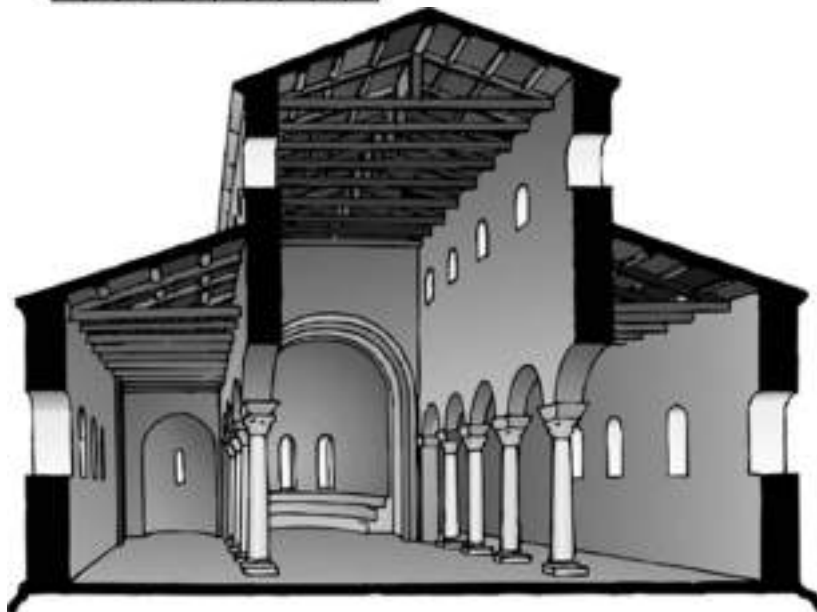

Рис. 63. Реконструкция Эски-Керменской базилики: перспектива, план, перспективный разрез (по Ю.Г. Лосицкому, 2015, с. 198, рис. 11)

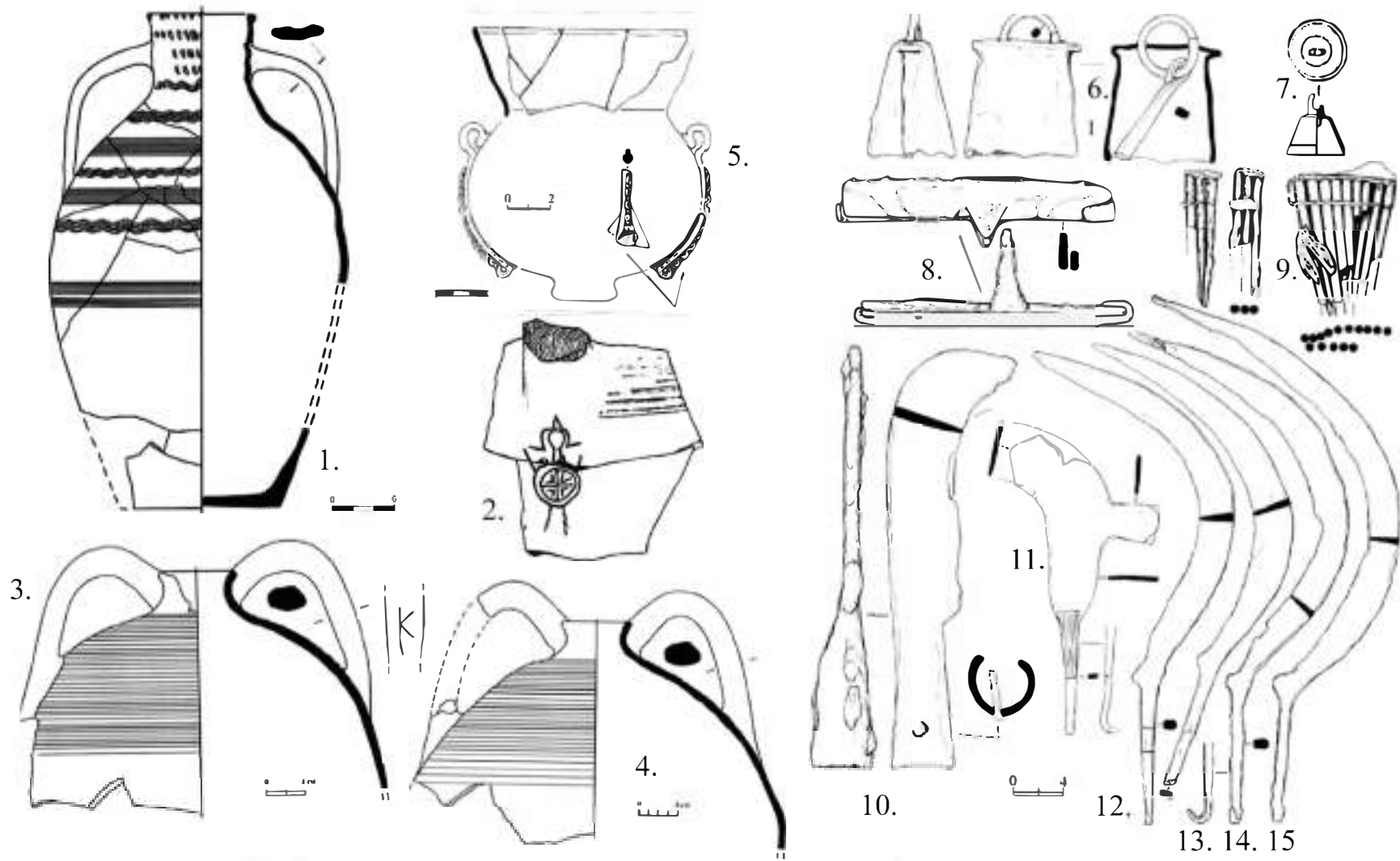

Рис. 64. Византийский город на плато Эски-Кермен. Изделия из керамики (1 - 4), стекла (5), металла (8 - 15), обнаруженные в слое пожара XIII в. (по А.И. Айбабину, 2014, рис. 14, 15, 16, 17)

1.

2.

Рис. 65. Эски-Кермен в XIII в. Фреска храма "Трех всадников": 1 - цветное изображение (суперобложка монографии О.И. Домбровского "Фрески средневекового Крыма"); 2 - прорись фрески (по О.И. Домбровскому, 1966, рис. 19, с. 40, 41)

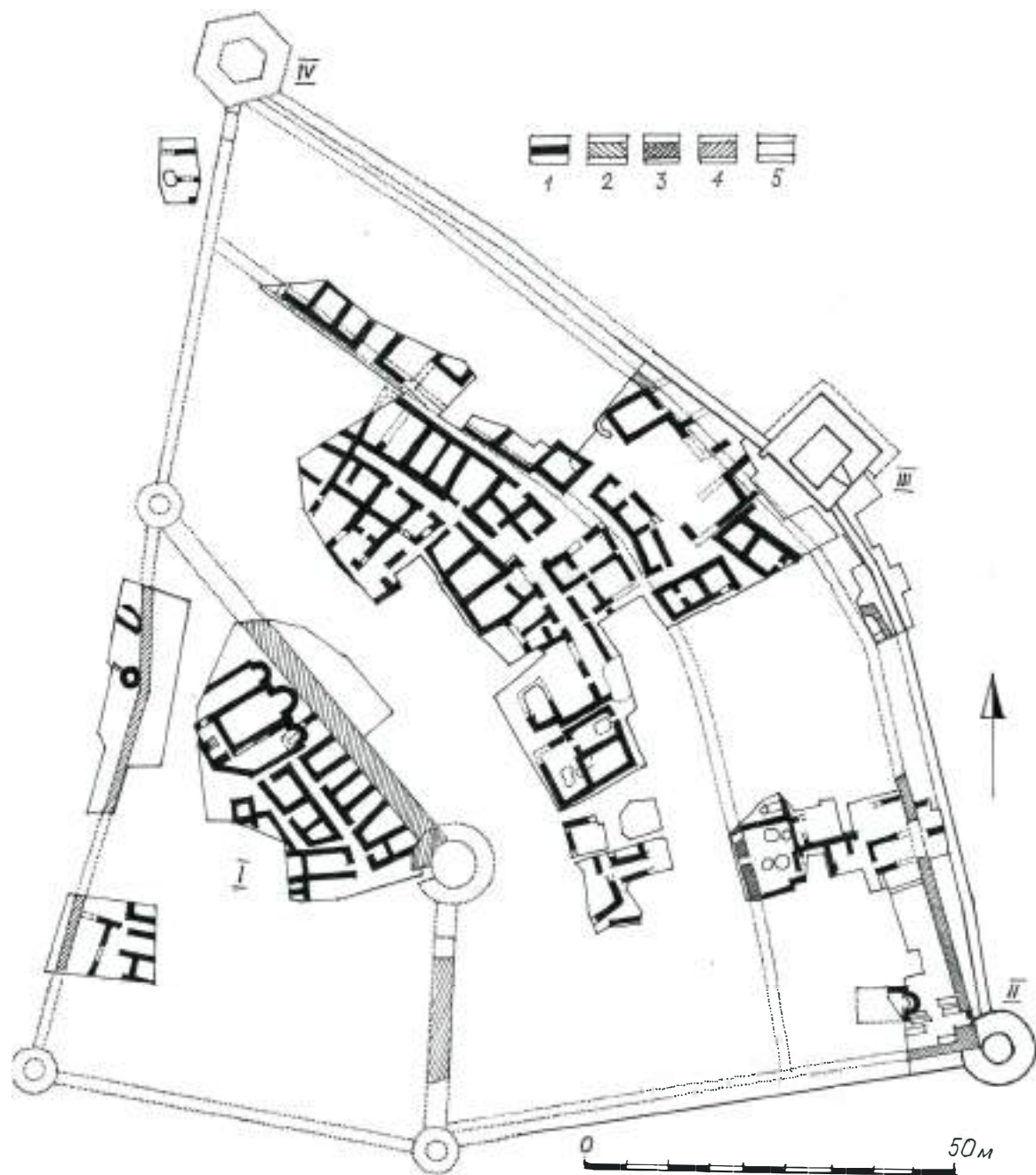

Рис. 66. План крепости Алустон VI - XV вв.: 1 - внутрикрепостная застройка; 2 - оборонительные сооружения VI в.; 3 - следы оборонительной стены IX - X вв.; 4 - фрагменты оборонительной линии 20 - 30-х гг. XV в.; 5 - оборонительные сооружения 60-х гг. XV в. I - цитадель; II - башня Ашага-Куле; III - башня Орта-Куле; IV - башня Чатал-Куле

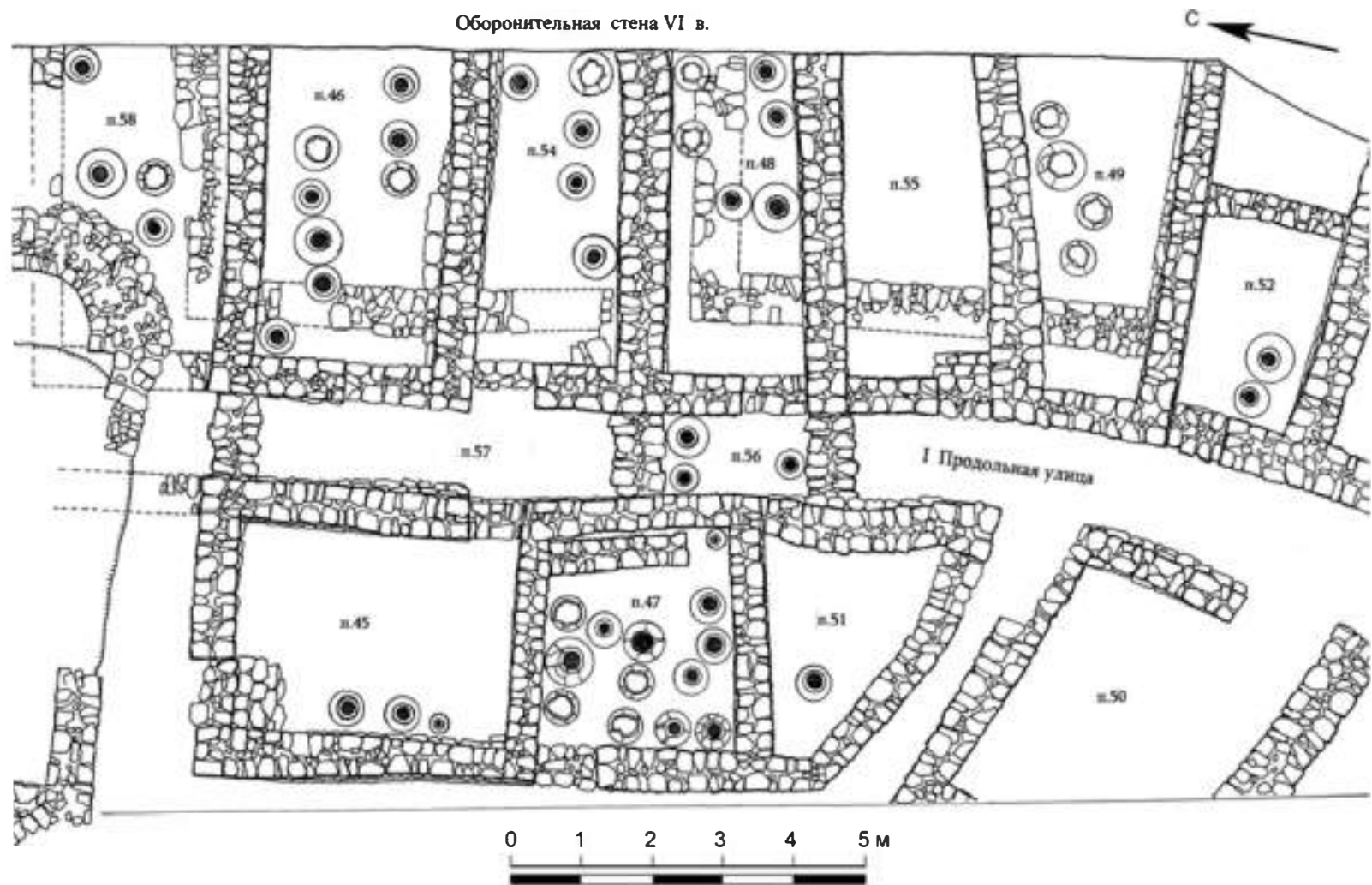

Рис. 67. Цитадель крепости Алустон. Фрагмент плана раскопа №9 с руинами строений XII-XIII вв., погибших в пожаре XIII в. (чертеж автора)

Рис. 68. Цитадель крепости Алустон. Фото раскопа №9 в ходе работ 1987 г. Вид с севера и сверху (фото автора)

Рис. 69. Раскоп №9, помещения №45 и №47 в ходе раскопок 1987 г. Вид с юга и сверху (фото автора)

Рис. 70. Помещение №45, тонкостенный коричневоглиняный пифос XIII в. in situ. Вид с севера (фото автора)

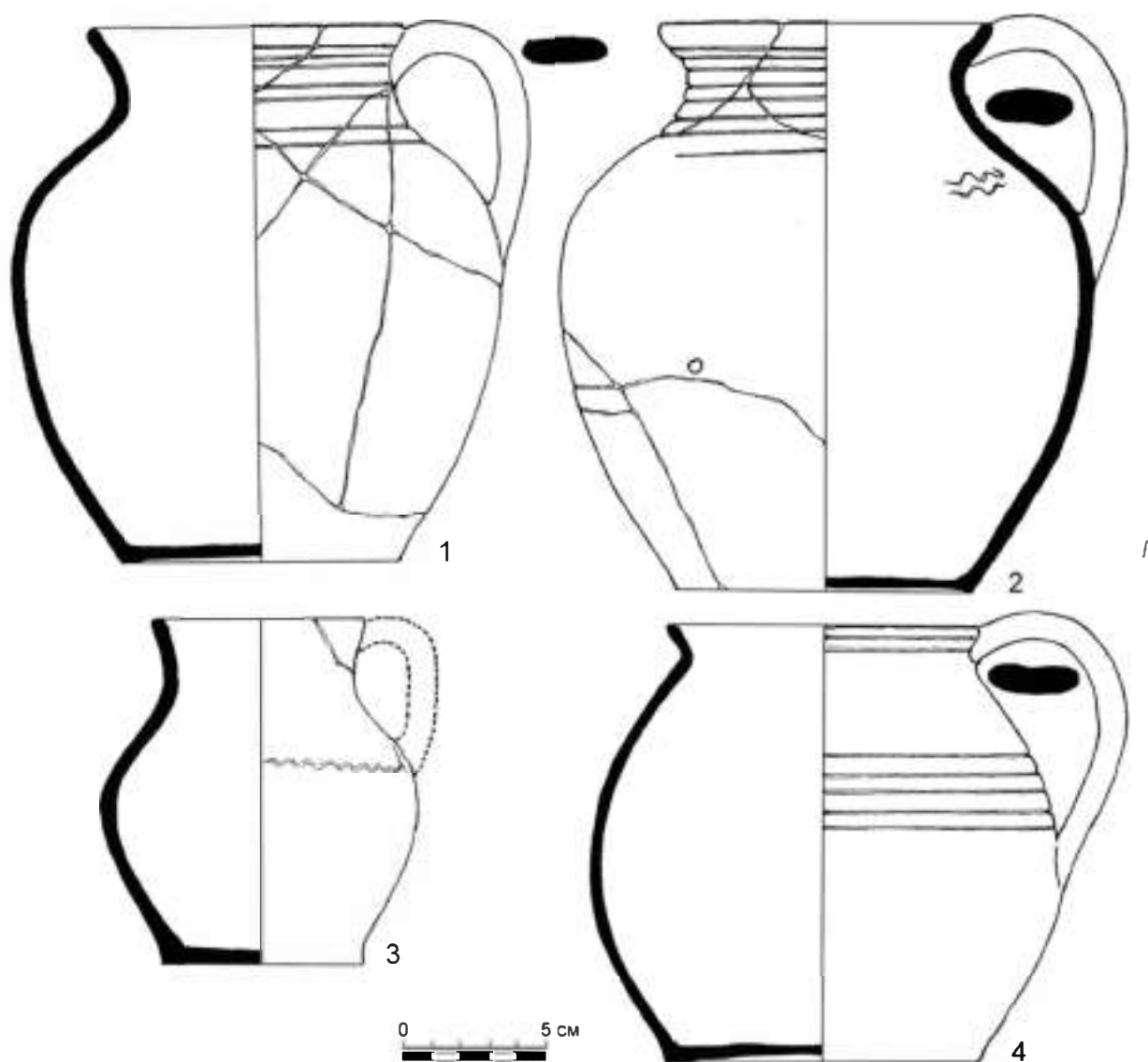

Рис. 71. Горшки из слоя пожара XIII в. (1, 2 - помещение №46; 3 - помещение №45) и сосуд XIV-XV вв. (4 - из помещения №52) (рисунок автора)

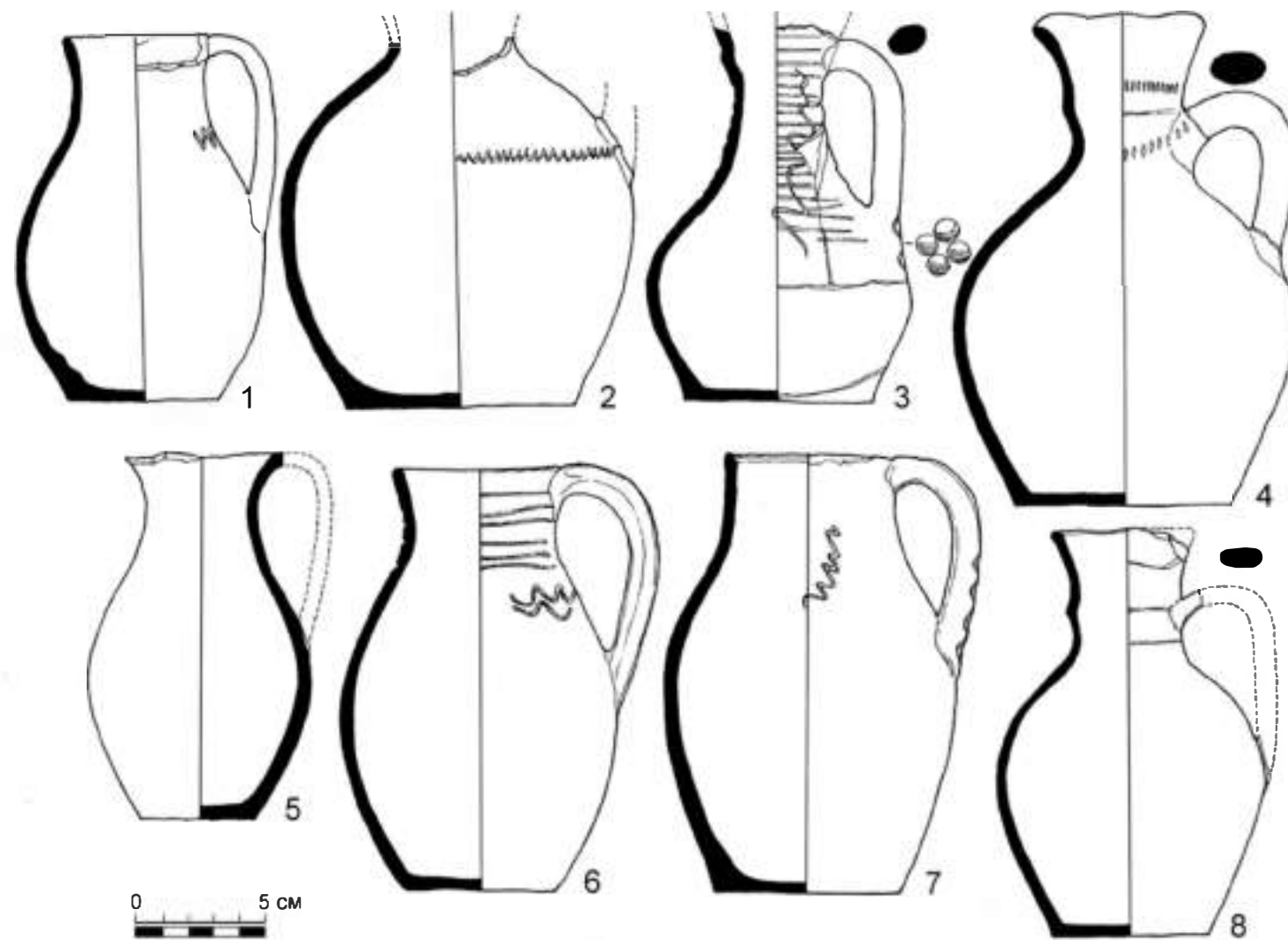

Рис. 72. Кувшины из слоя пожара XIII в. в крепости Алустон (рисунок автора)

Рис. 73. Фрагмент слоя пожара XIII в. в помещении №46: амфоры и венчик пифоса, накрытый каменной крышкой. Вид с северо-востока (фото автора)

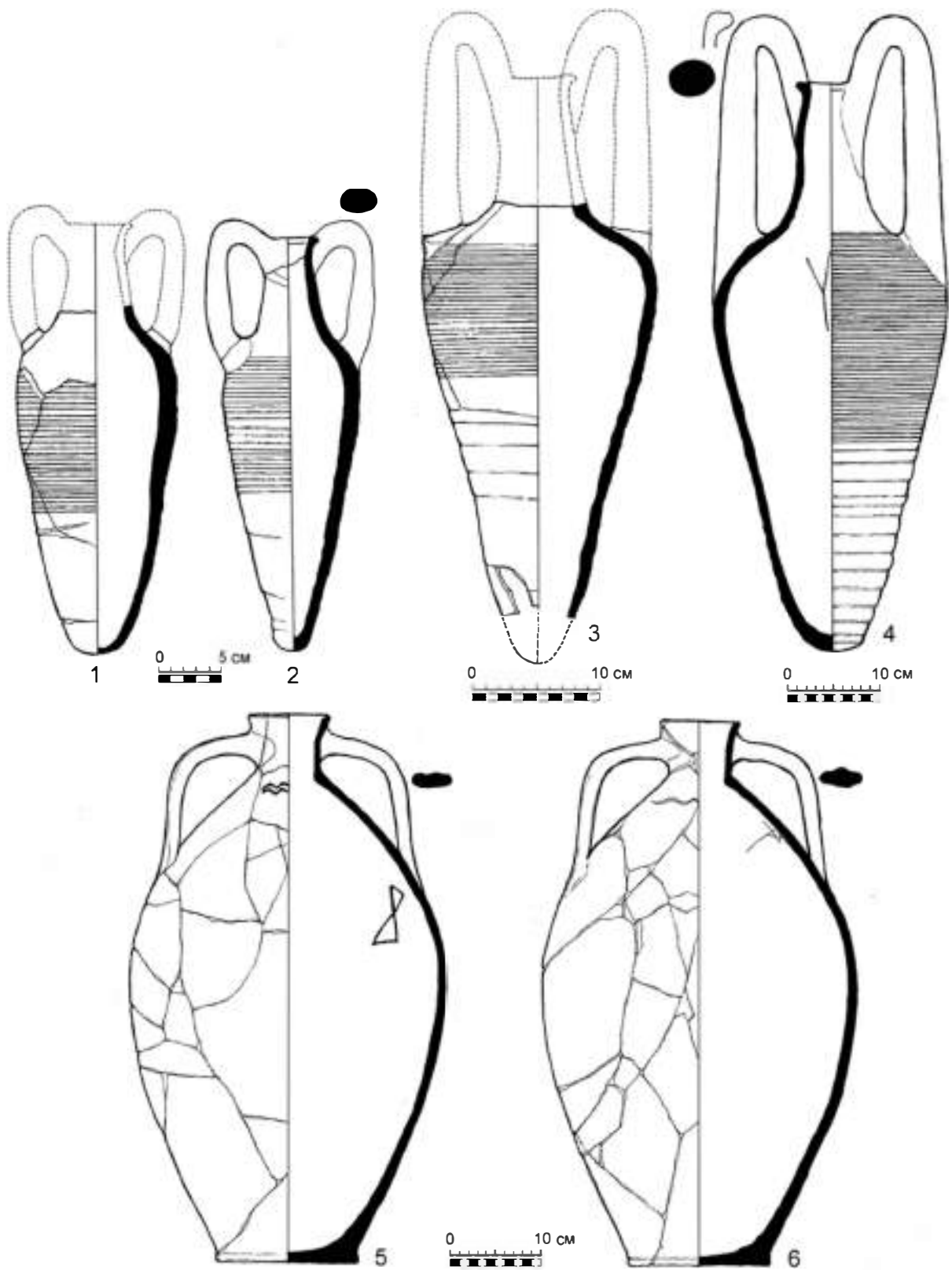

Рис. 74. Амфоры XIII в. из слоя пожара в крепости Алустан

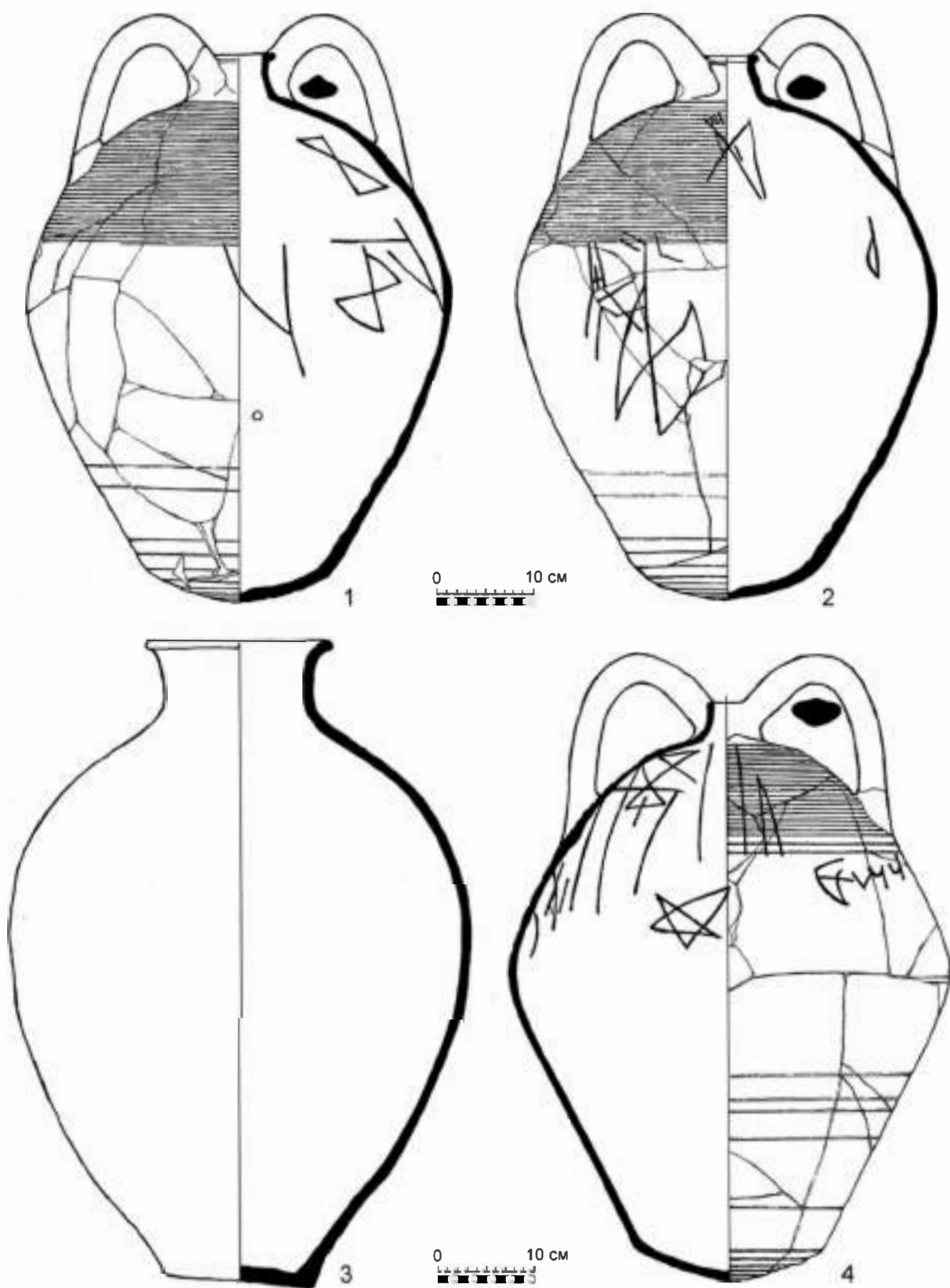

Рис. 75. Амфоры (1, 2, 4) и пифос (3) из слоя пожара XIII в. в цитадели крепости Алустан

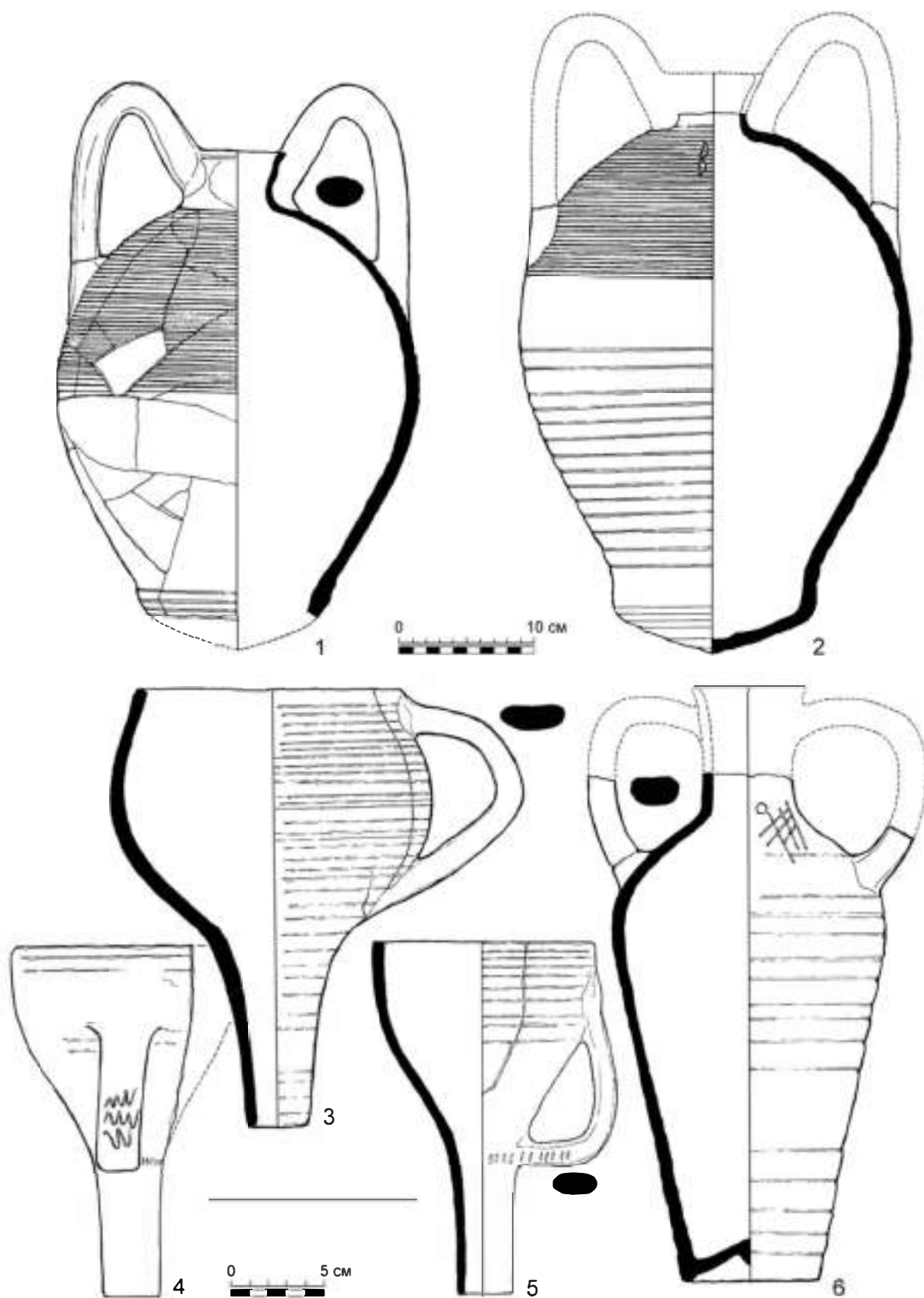

Рис. 76. Амфоры (1, 2, 6) и воронки (3, 4, 5) из слоя пожара XIII в. в цитадели крепости Алустон

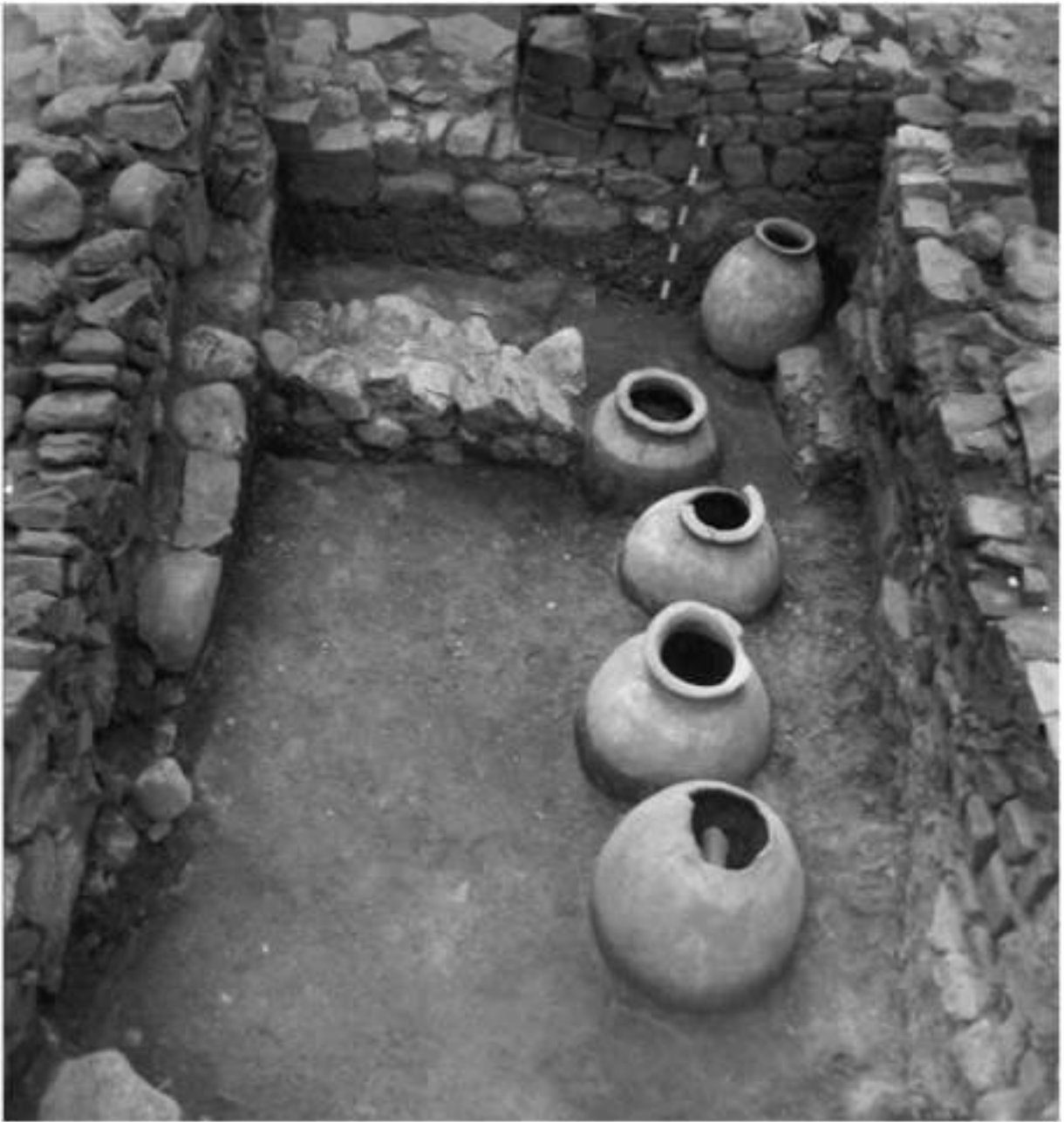

Рис. 77. Помещение №46, пифосы XII-XIII вв. открытые под полом. Вид с северо-востока и сверху

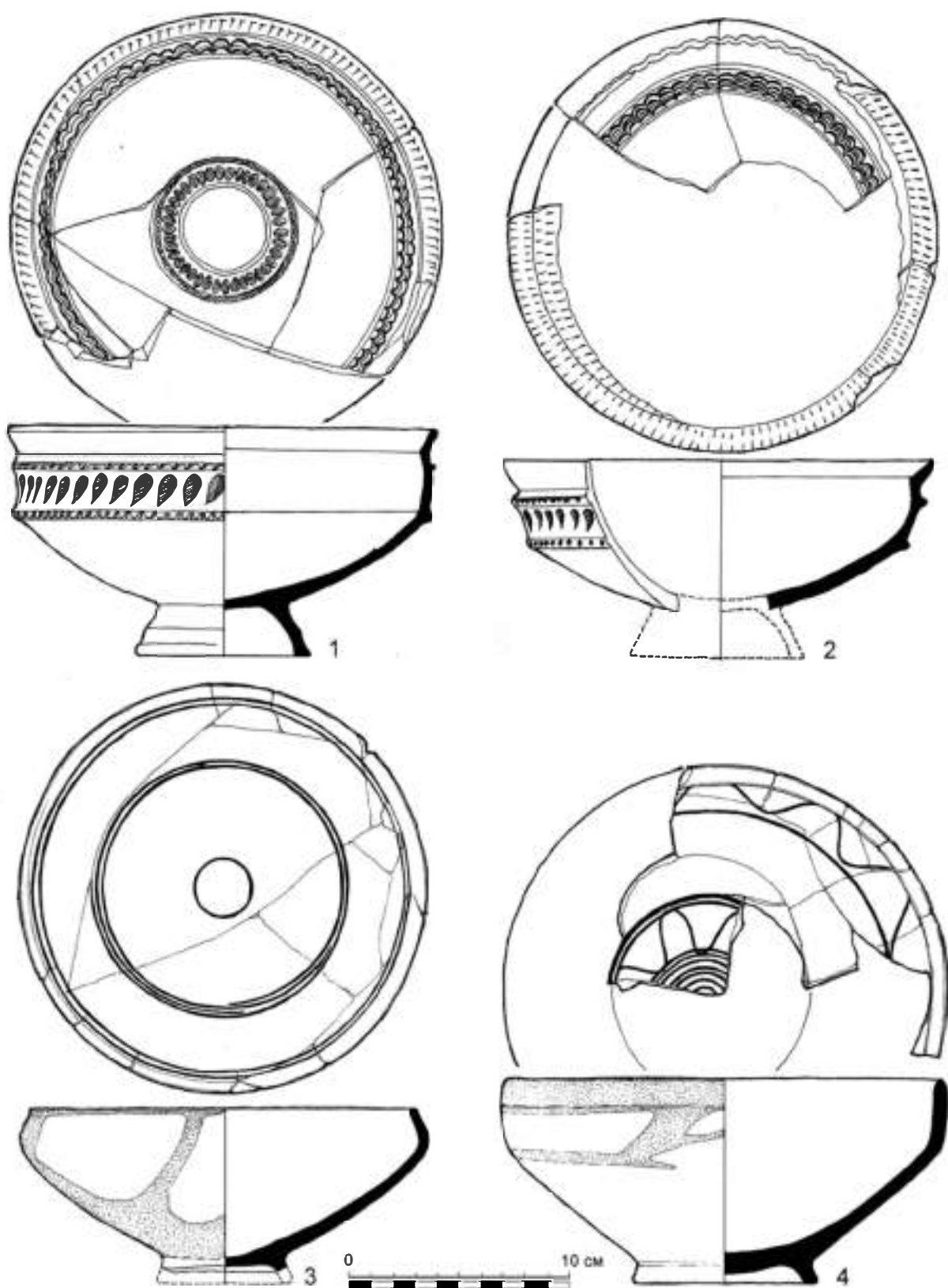

Рис. 78. Красноглиняные поливные чаши из слоя пожара XIII в. в цитадели крепости Алустан (1, 2, 4 - помещение №4 7; 3 - помещение №51)

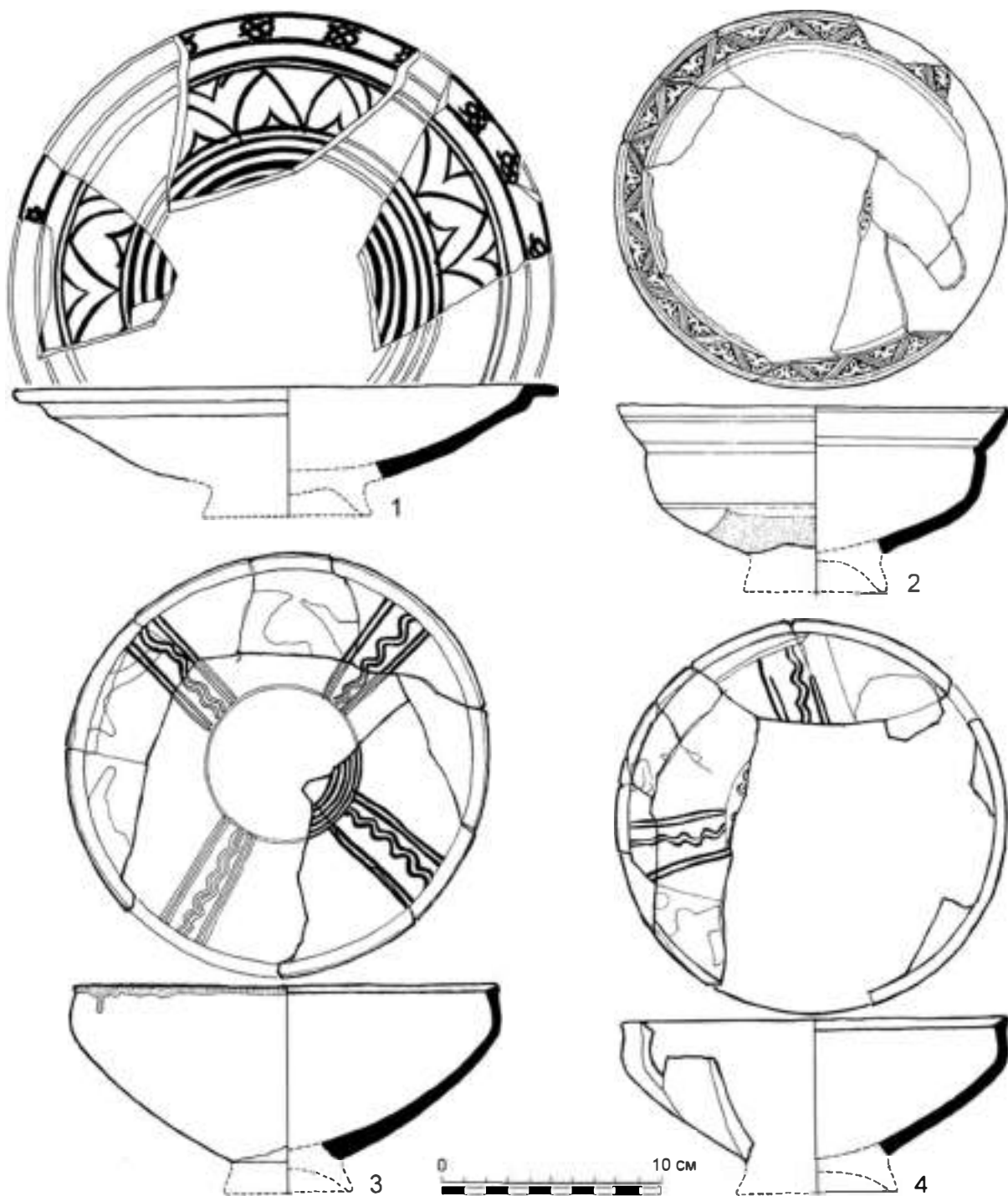

Рис. 79. Красноглиняная поливная тарелка (1) и чаши (2 - 4) из слоя пожара XIII в. в крепости Алустон (1 - раскоп №10; 2 - 4 - раскоп №9, помещение №47)

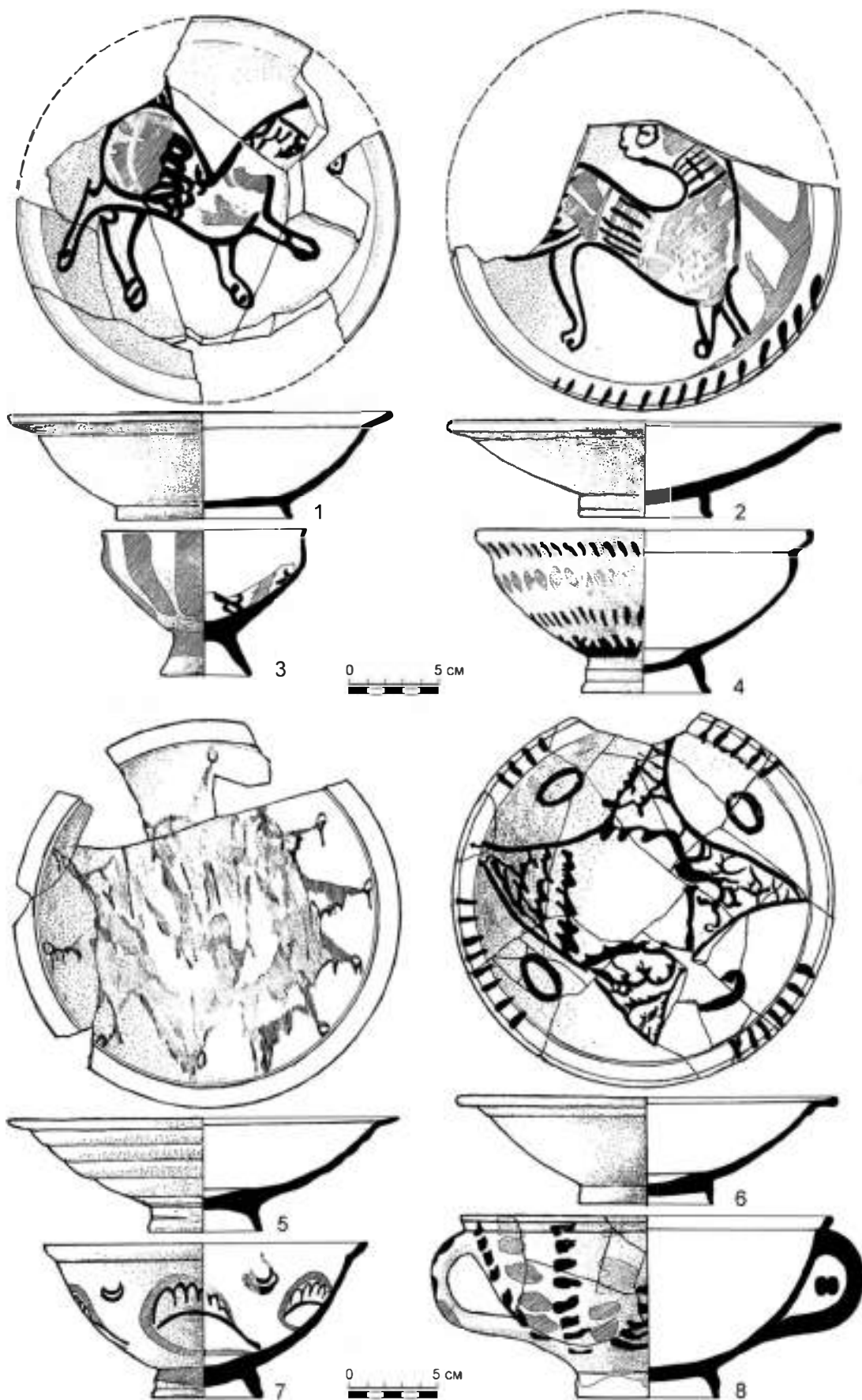

Рис. 80. Белоглиняные поливные сосуды, обнаруженные в слое пожара XIII в. помещения №47

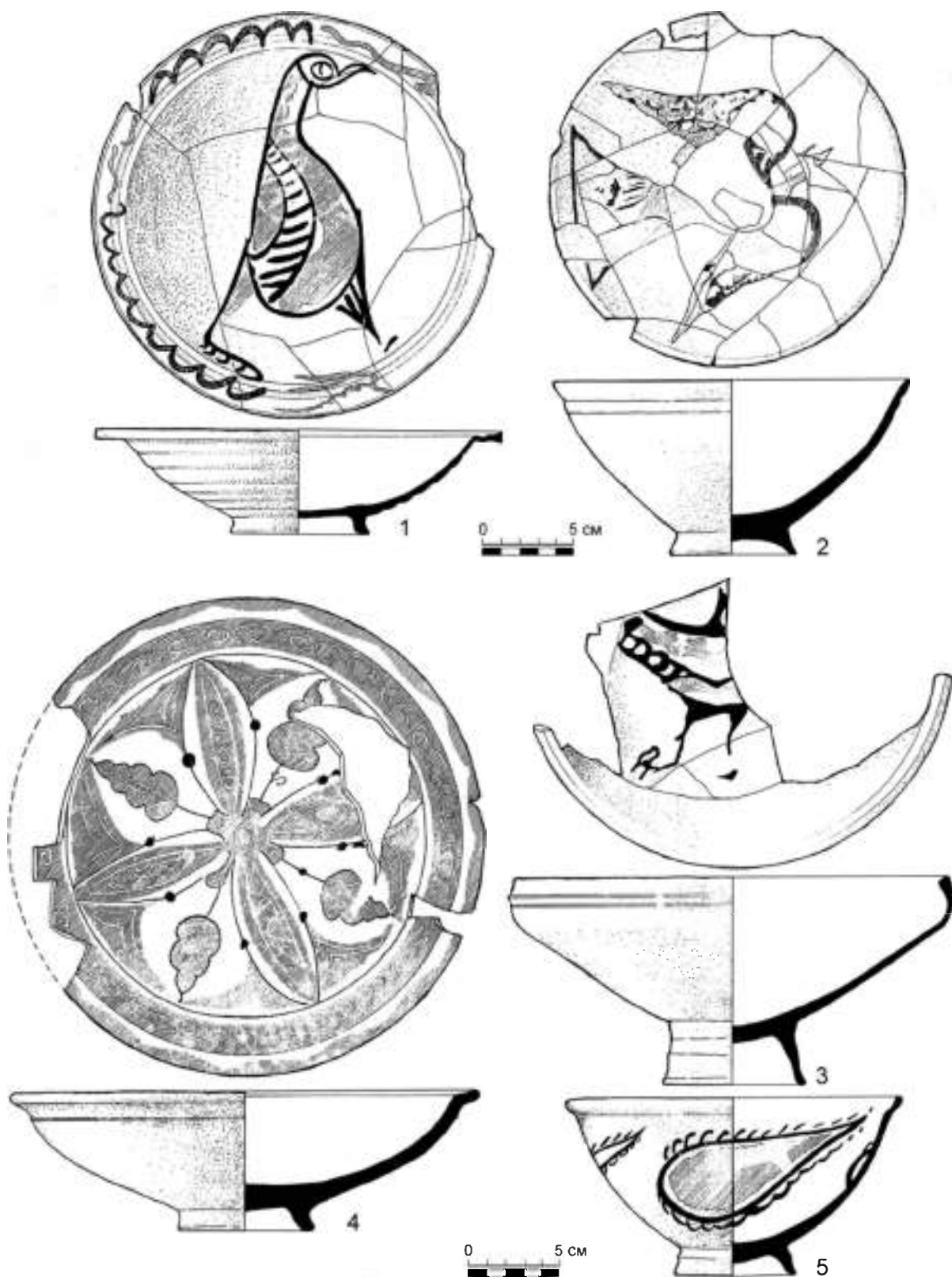

Рис. 81. Белоглиняные поливные изделия (1, 2, 3, 5) и люстровая тарелка (4) из слоя пожара XIII в. в помещении №47

Рис. 82. Амфора XII-XIII вв. с веретенообразным туловом и дуговидными ручками в помещении №56

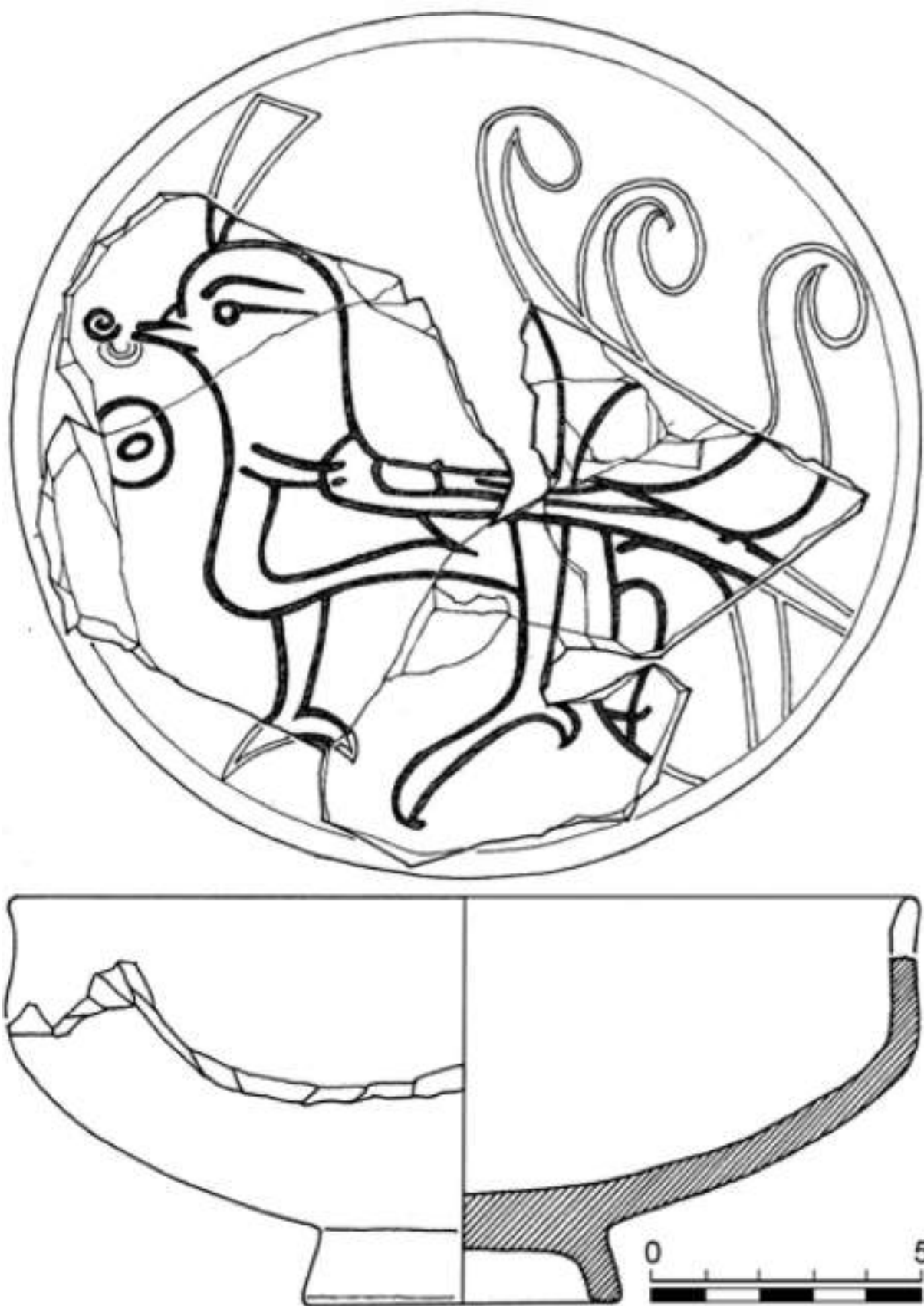

Рис. 83. Красноглиняная поливная чаша XIII в. с полихромной росписью и изображением павлина (Алустон, 1984 г., раскоп № 5, слой 1, к.о. 516) (рисунок автора)

Рис. 84. Красноглиняная полевая тарелка XIII в. с сюжетной росписью (Алустон, 1988 г., помещение №67, к.о. 720, верхний слой)

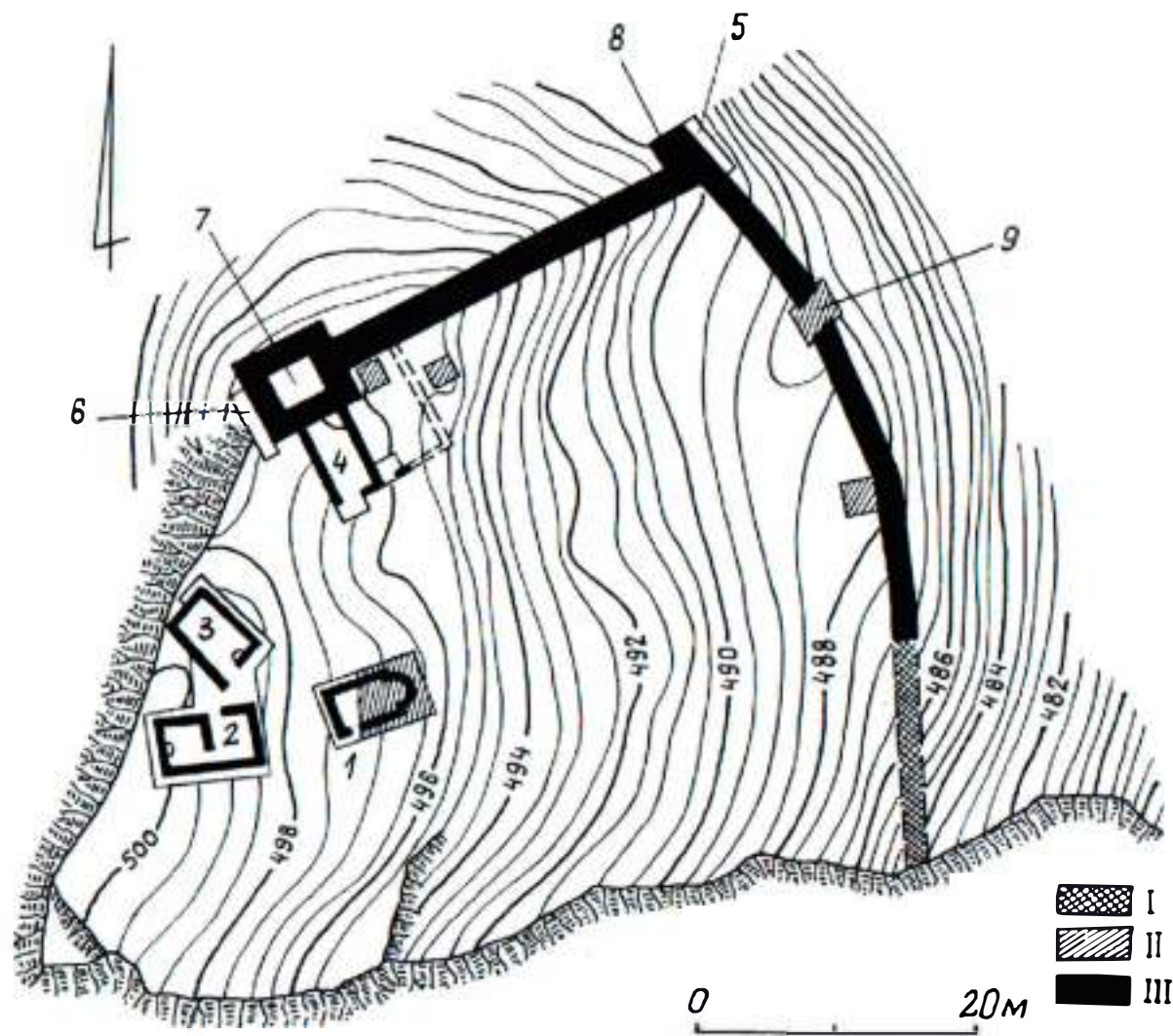

Рис. 85. План укрепления Исар-Кая XIII в.: 1 - церковь; 2 - 3 - жилые постройки 4 - кузница; 5 - 6 - траншеи; 7 - башня; 8 - башенный выступ; 9 - вход в укрепления

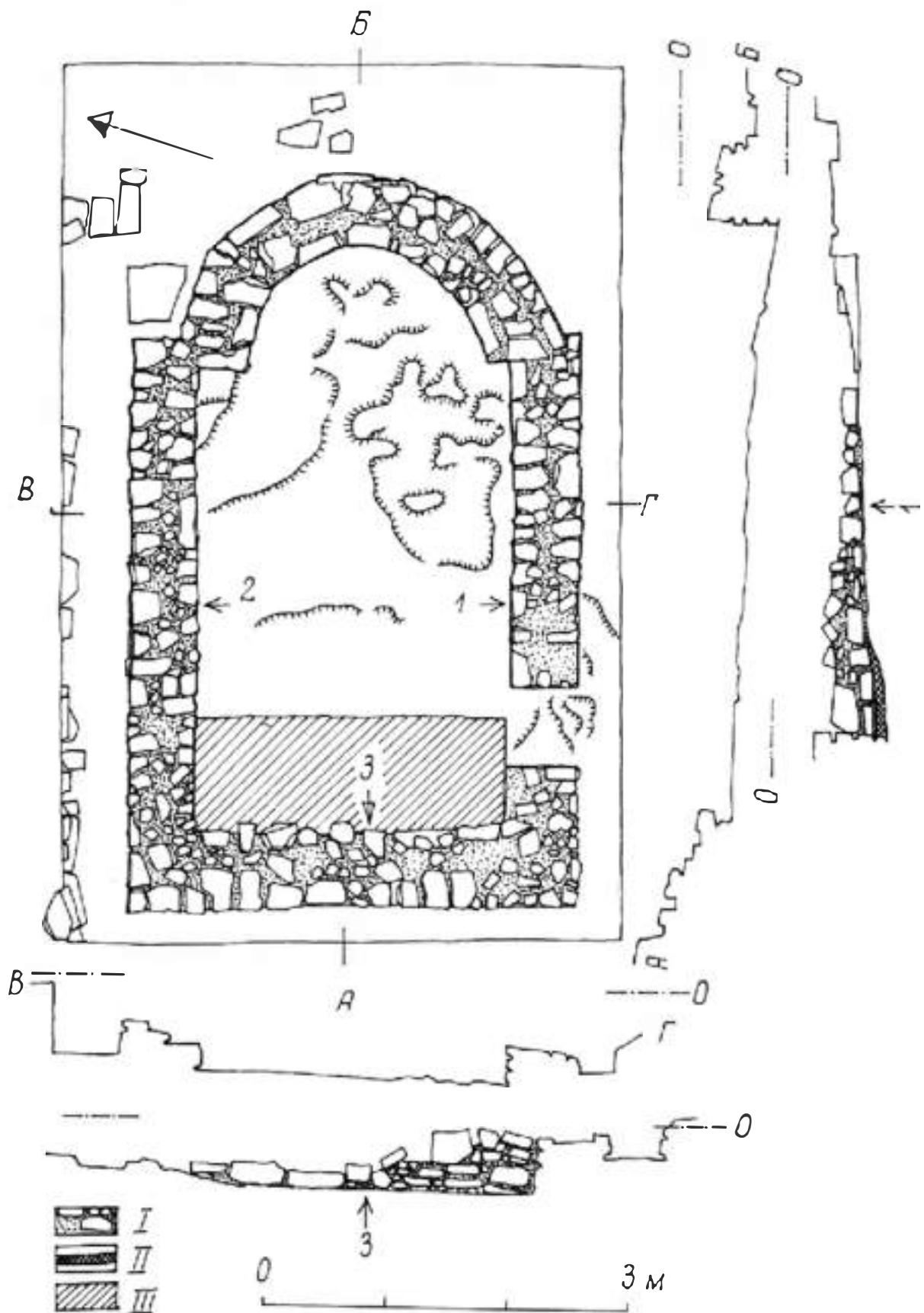

Рис. 86. Храм XIII в. в укреплении Исар-Кая: I - кладка на известковом растворе; II - оранжевая глина; III - глина с комками извести (пол храма)

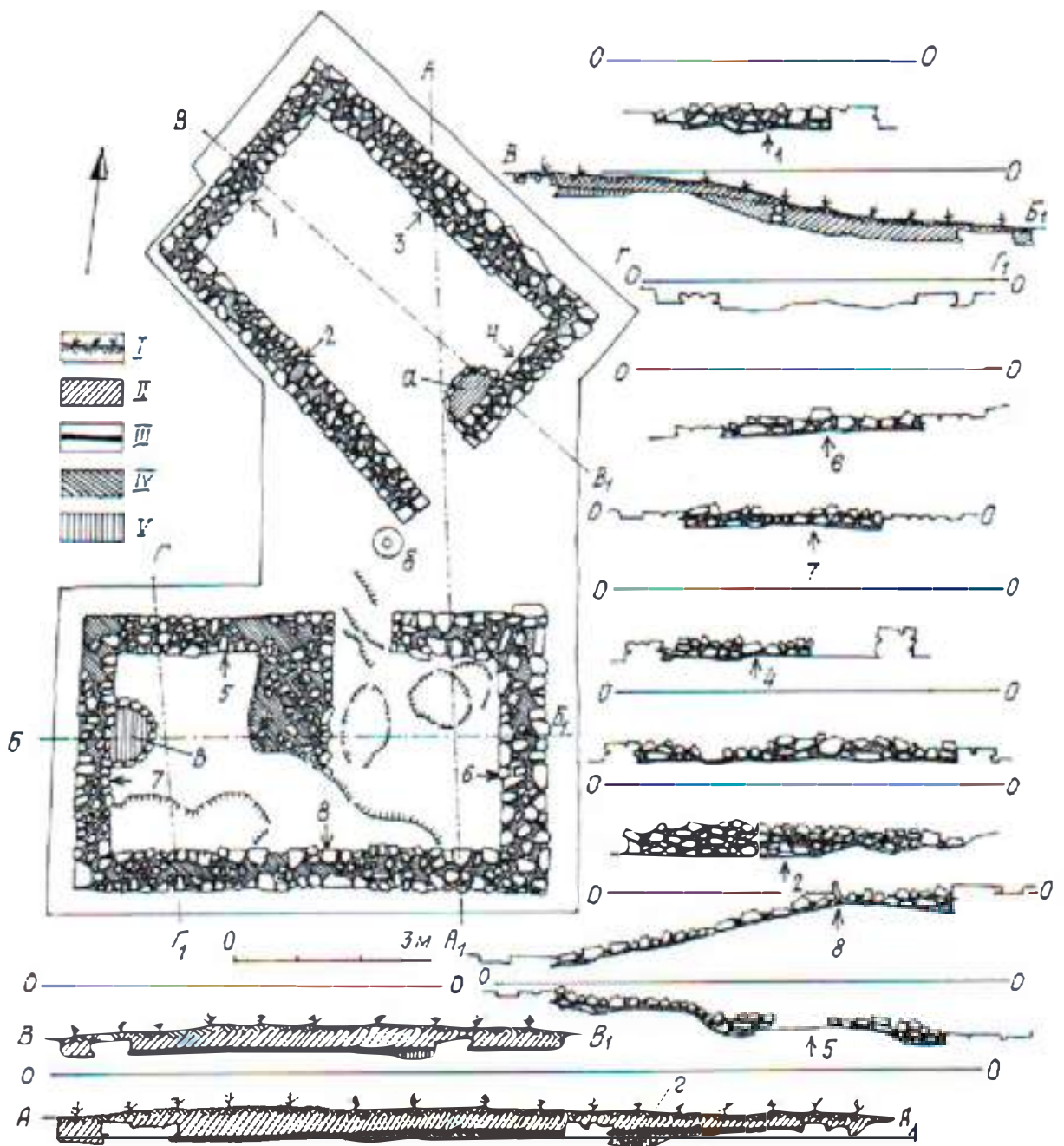

Рис. 87. Жилые постройки XIII в. в укреплении Исар-Кая: I - дерновой слой; II - слой завала внутри помещений; III - слой пожара; IV - глиняный кладочный раствор; V - зола в очагах

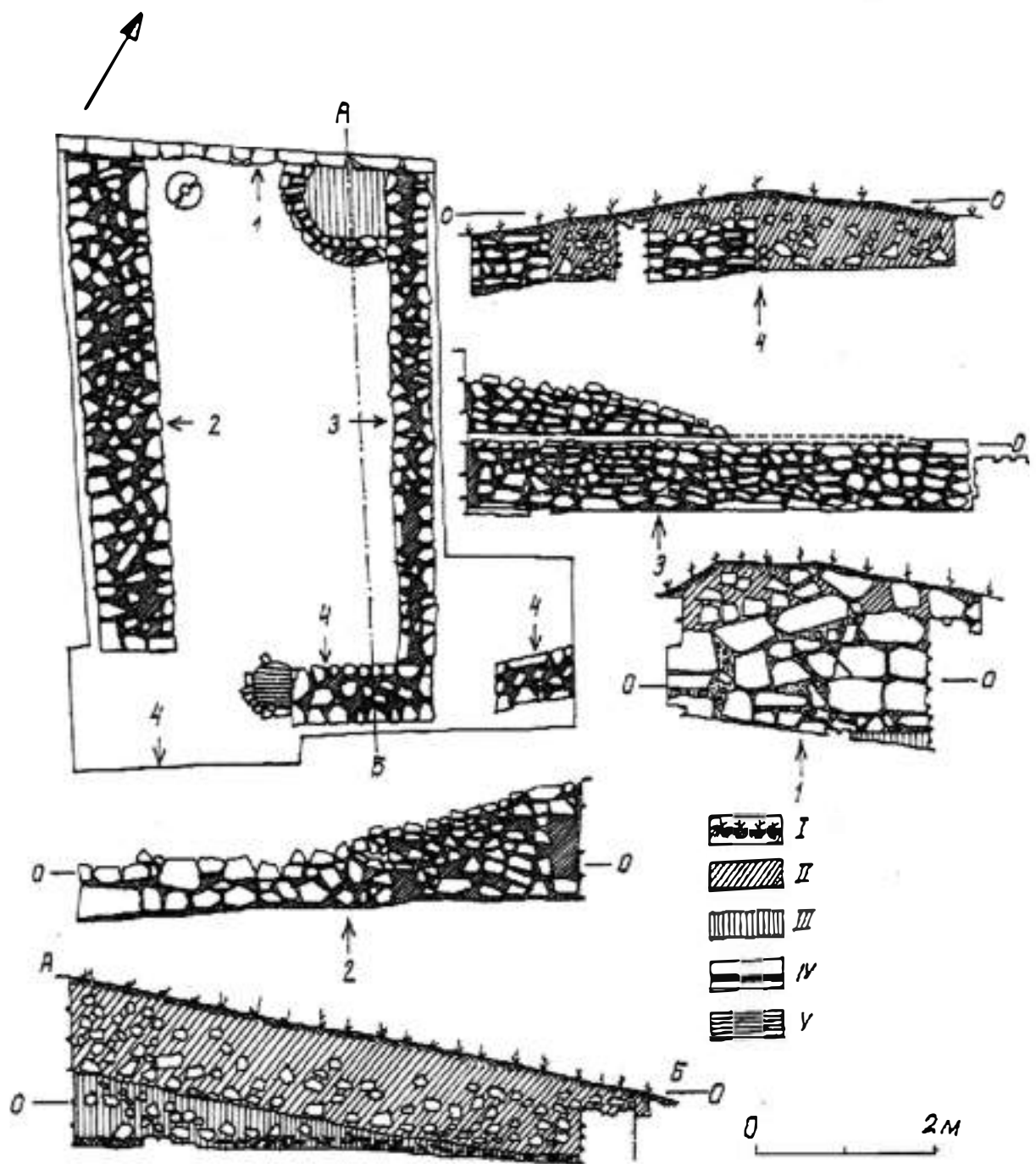

Рис. 88. Кузница XIII в. в укреплении Исар-Кая: I - дерновый слой; II - слой завала внутри помещения; III - слой разрушения со следами пожара; IV - слой горения с фрагментами дерева; V - зола

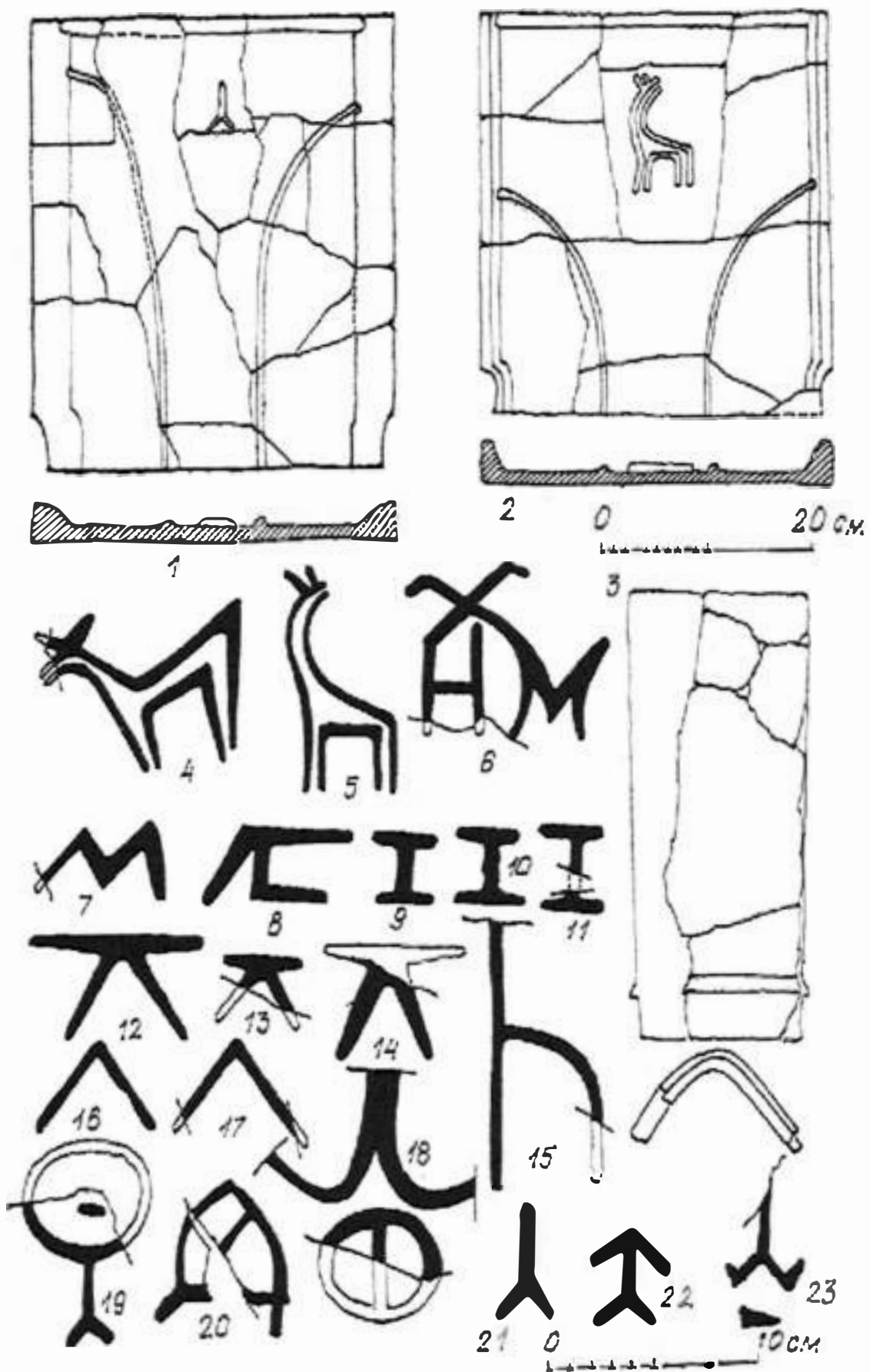

Рис. 89. Черепицы (керамиды и калиптеры) XIII в. и метки из укрепления Исар-Кая

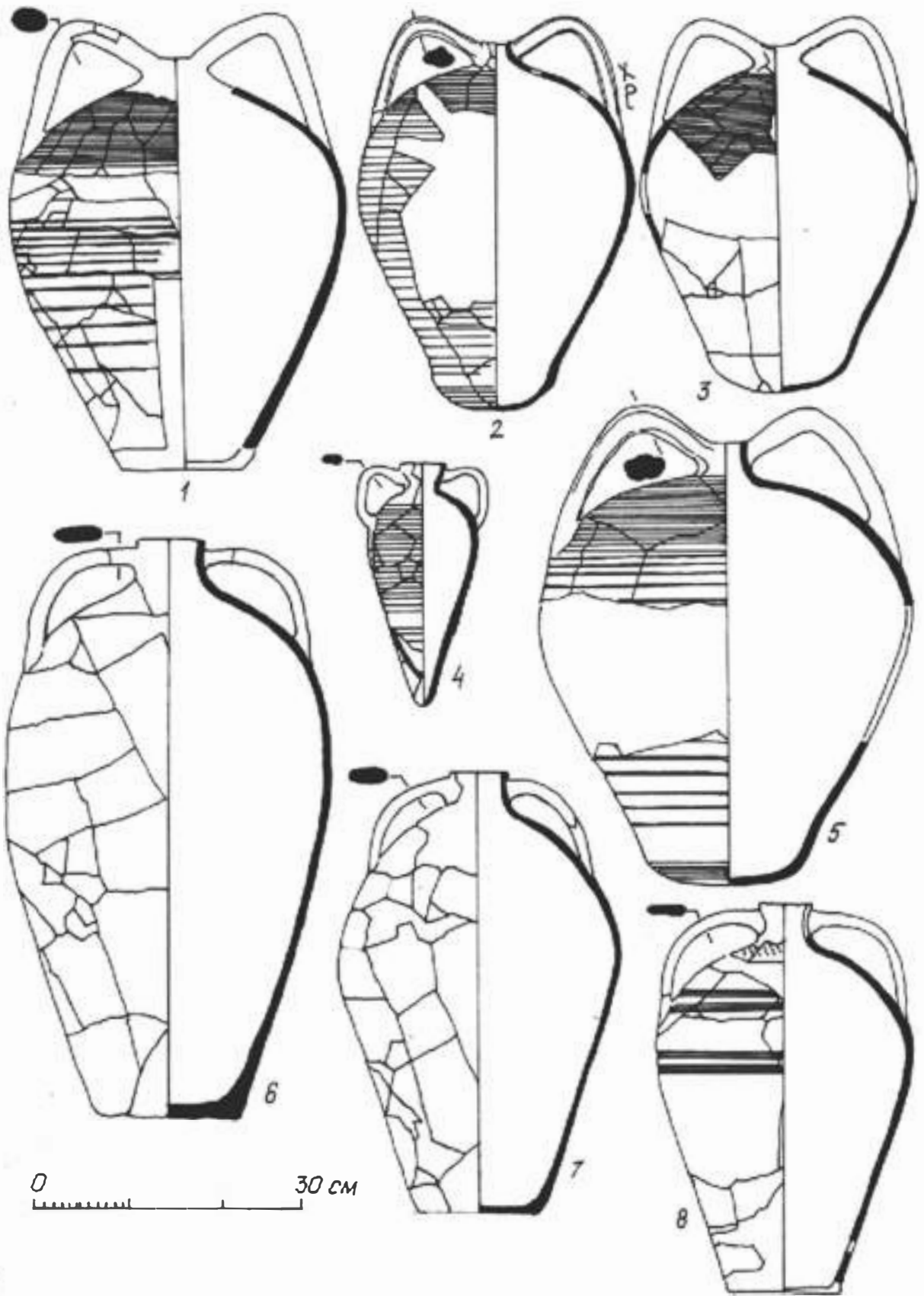

Рис. 90. Амфоры XIII в. из строений Исар-Кая

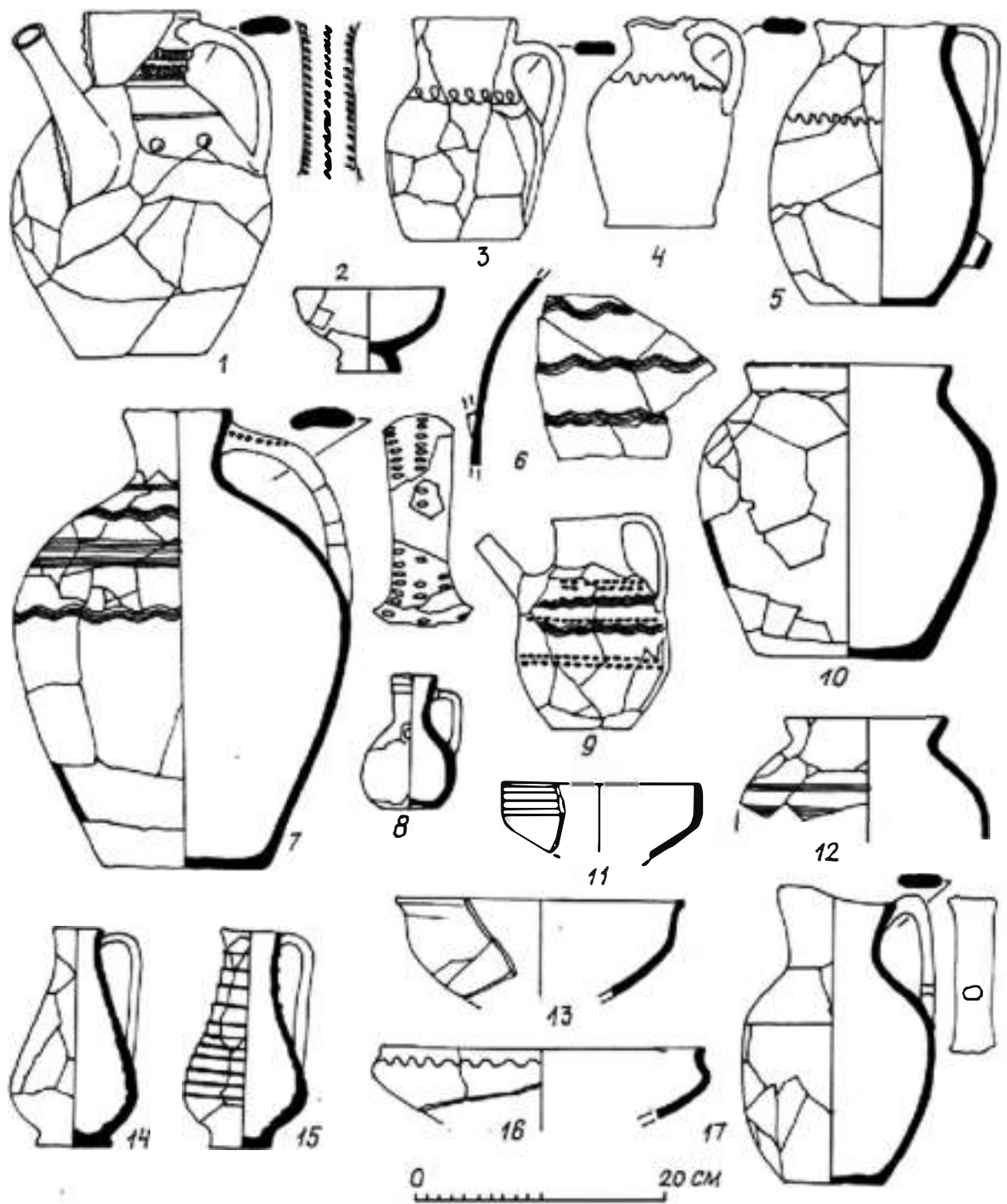

Рис. 91. Сосуды XIII в. из помещений укрепления Исар-Кая

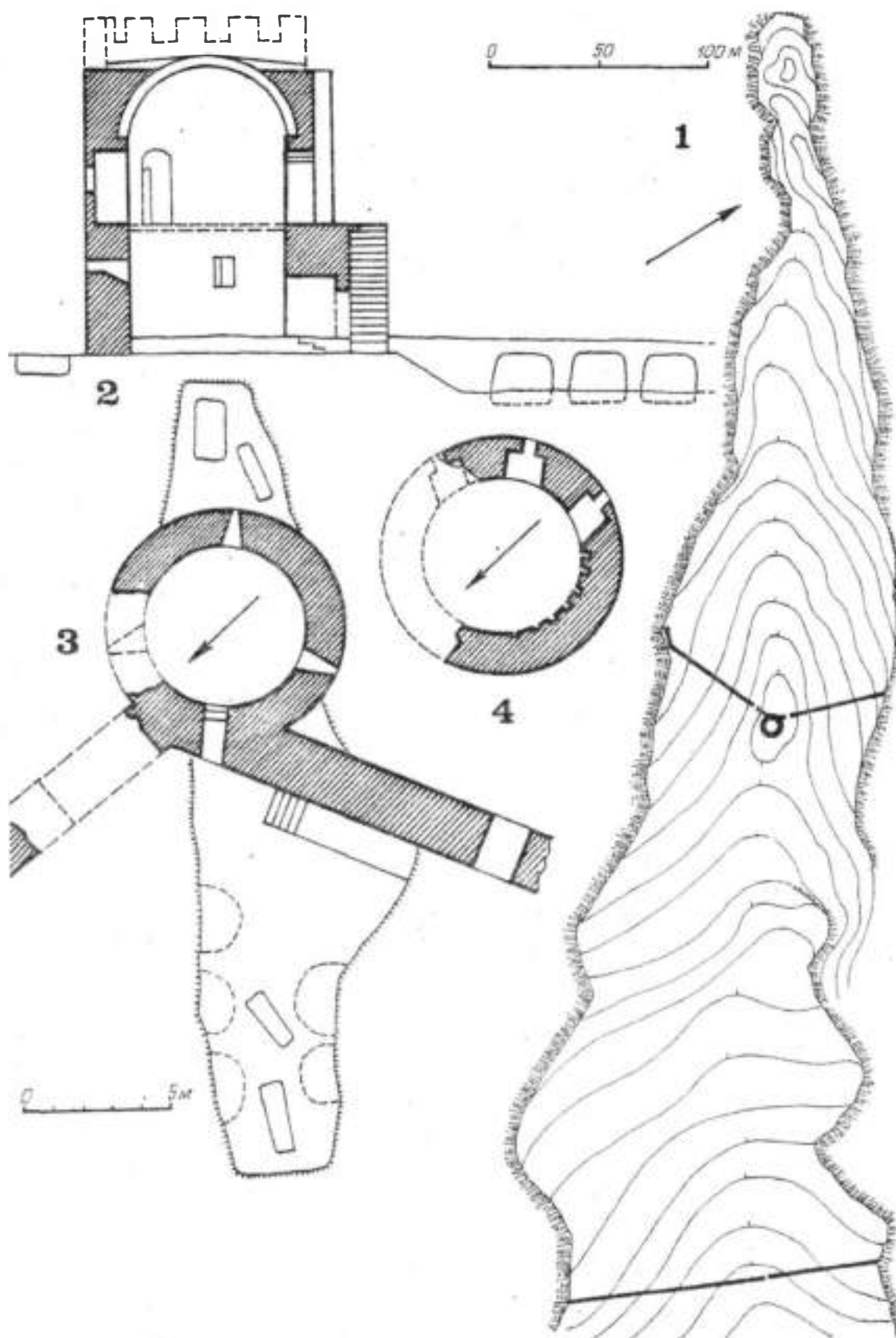

Рис. 92. Сьюренская крепость: 1 - план укрепления (по Е.В.Веймарну, Н.И.Репникову, 1935, с.115-125); 2 - продольный разрез башни; 3 - план нижнего этажа и примыкающих куртин; 4 - план второго этажа башни (по А.Л.Бертъе-Делагарду, 1889 г.)

Рис. 93. Башня Сюйреньской крепости: 1 - 2 - вид с юга. Фото автора

1.

2.

Рис. 94. Суйренская крепость: 1 - внешняя сторона оборонительной стены (вид с юга); 2 - внутренняя сторона крепости (вид с запада). Фото автора

1.

2.

3.

Рис. 95. Сюйреньская крепость: 1 - вид с юго-запада; 2 - вид внутренней стороны с северо-востока; 3 - следы фресковой росписи на куполе башни (второй этаж, вид с северо-востока). Фото автора

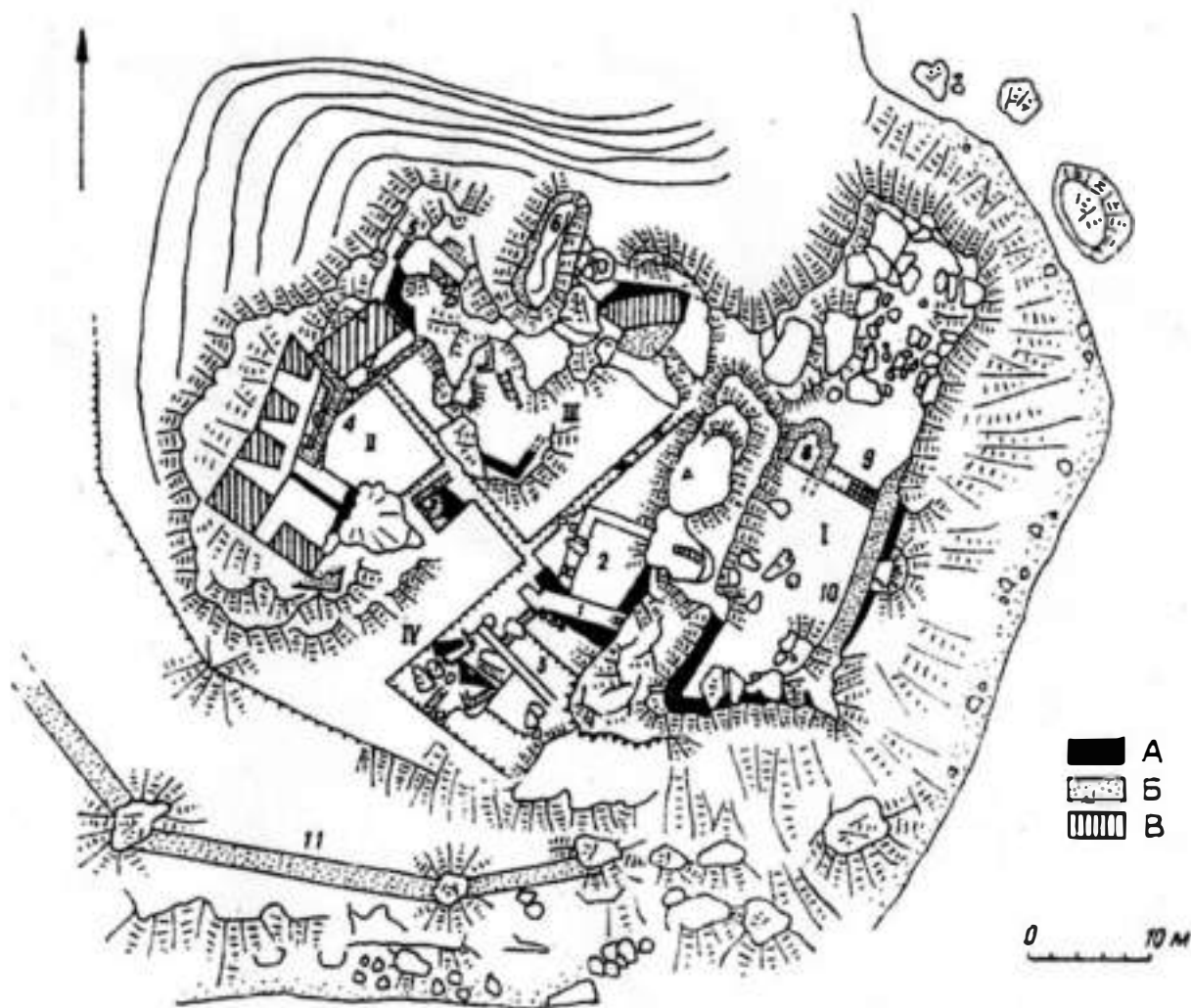

Рис. 96. Гурзуфская крепость. План цитадели: I - верхняя площадка; II - северная площадка; III - средняя площадка; IV - нижняя площадка. 1 - оборонительная стена; 2 - жилая башня; 3 - остатки домов за воротами цитадели; 4 - наблюдательный пункт на скале; 5 - дозорная башня; 6 - скала-башня; 7 - генуэзский бастион; 8 - часовня; 9 - цистерна; 10 - оборонительные стены X - XII вв.; 11 - оборонительные стены XII в. .. А - VI - XIII вв.; Б - XIV - XV вв.; В - XVI - XVIII вв. (по О.И. Домбровскому, 1974, рис. 4 с изменениями и дополнениями автора)

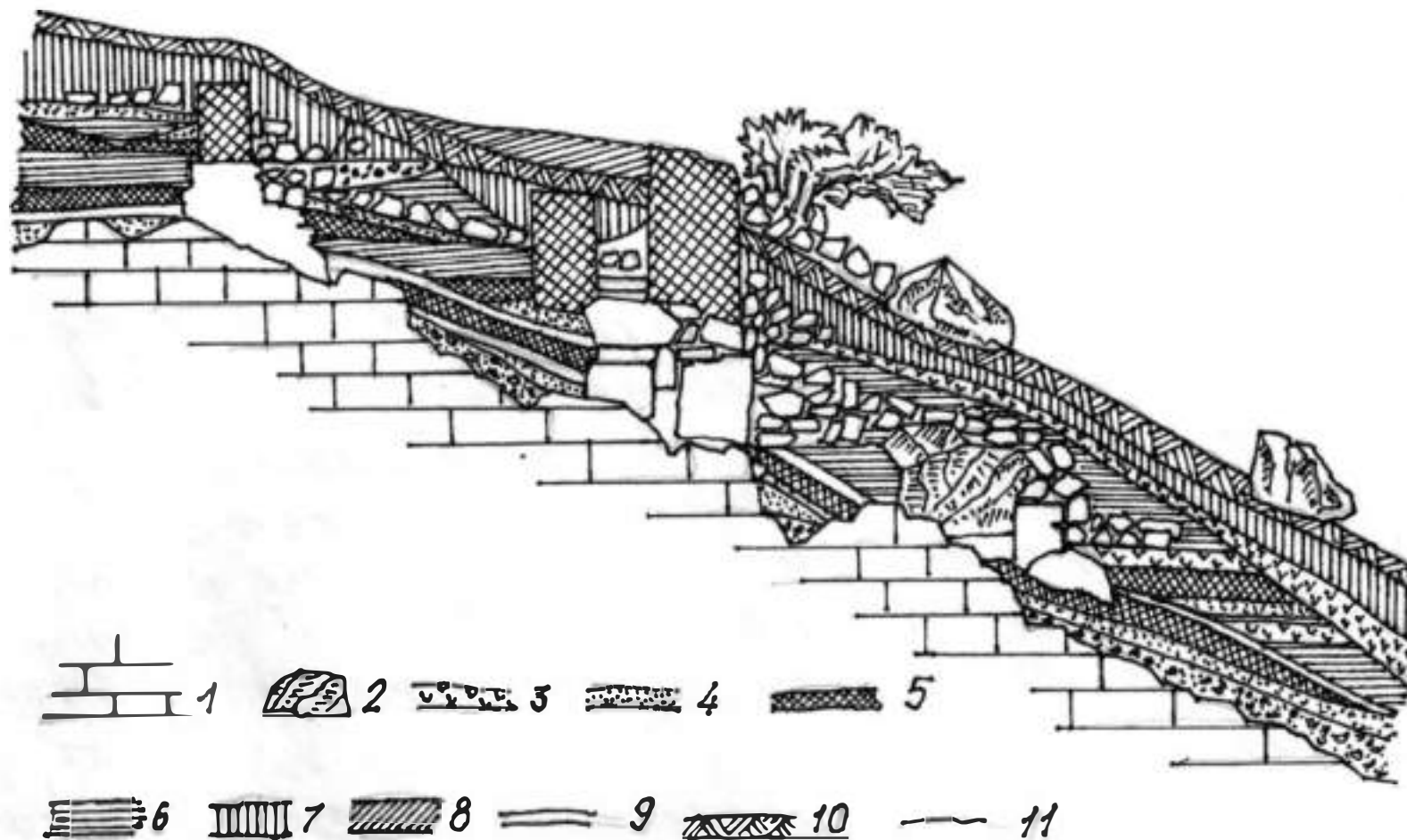

Рис. 97. Гурзуфская крепость. Схема стратиграфии культурных отложений и строительных остатков на средней и нижней площадках: 1 - коренная порода (известняк); 2 - отдельные скальные глыбы; 3 - делювий; 4 - энеолитические отложения (середина III тыс. до н.э.); 5 - таврский культурный слой (VII - VI вв. до н.э.); 6 -наслоения VI - XIII вв.; 7 - слои генуэзского и османского периодов; 8 - современные отложения; 9 - "стерильные" прослойки грунта; 10 - растительный покров; 11 - "дневные" поверхности (по О.И. Домбровскому, 1974, рис. 4 с изменениями и дополнениями автора)

Рис. 98. Укрепление Исар-Кая XIII в. над Гаспррой: 1 - кузница; 2 - жилая постройка; 3 - кладовая в пещере; 4 - руины башни; 5 - постройки в расселине; 6 - цистерна; 7 - кладка оборонительной стены; 8 - внутренний двор крепости (по О.И. Домбровскому, 1974, рис. 19)

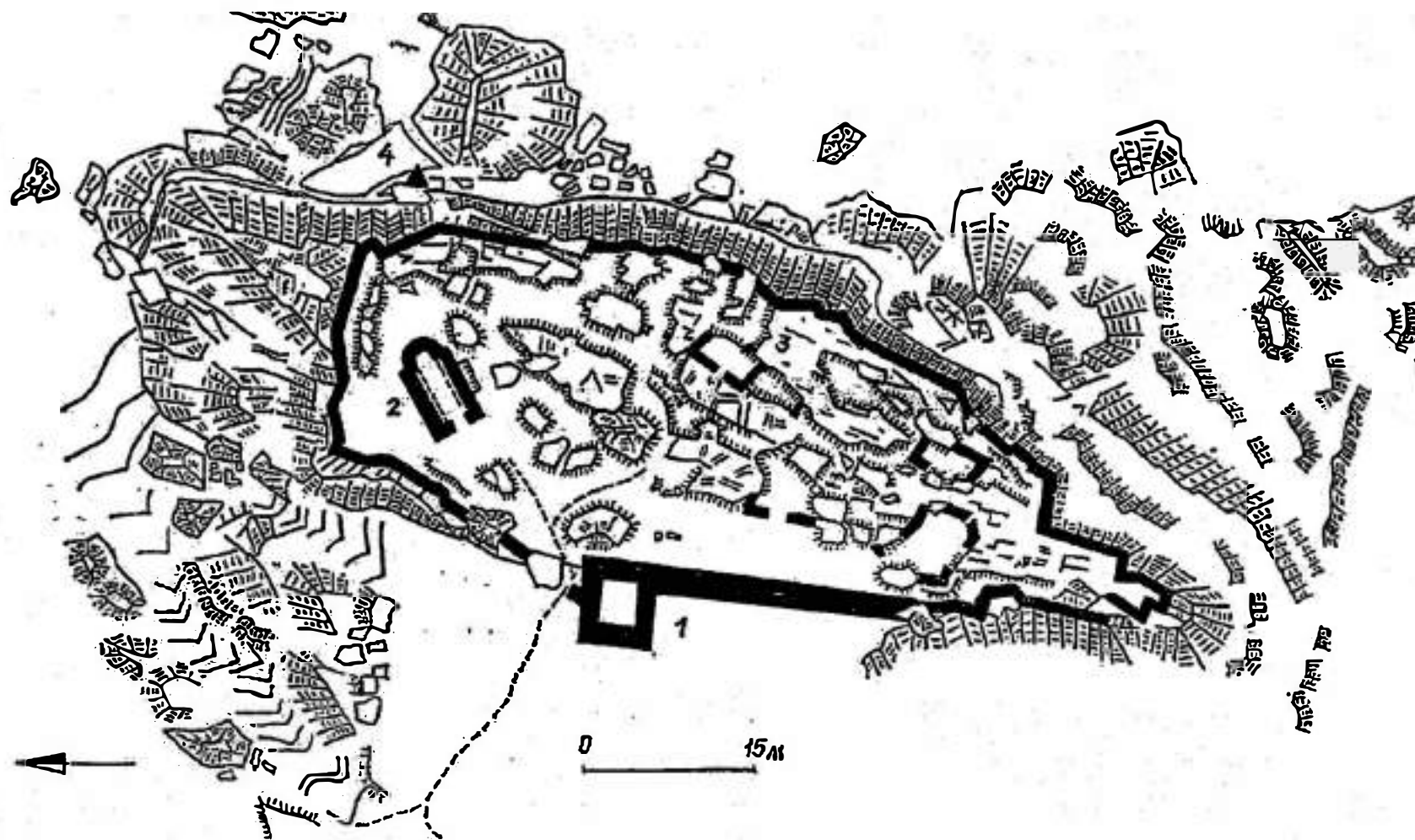

Рис. 99. Укрепление XIII в. наг. Хачла-Каясы: 1 - башня, оборонительная стена и вход в крепость; 2 - церковь; 3 - жилые постройки; 4 - пещера с погребениями (по О.И. Домбровскому, 1974, рис. 20)

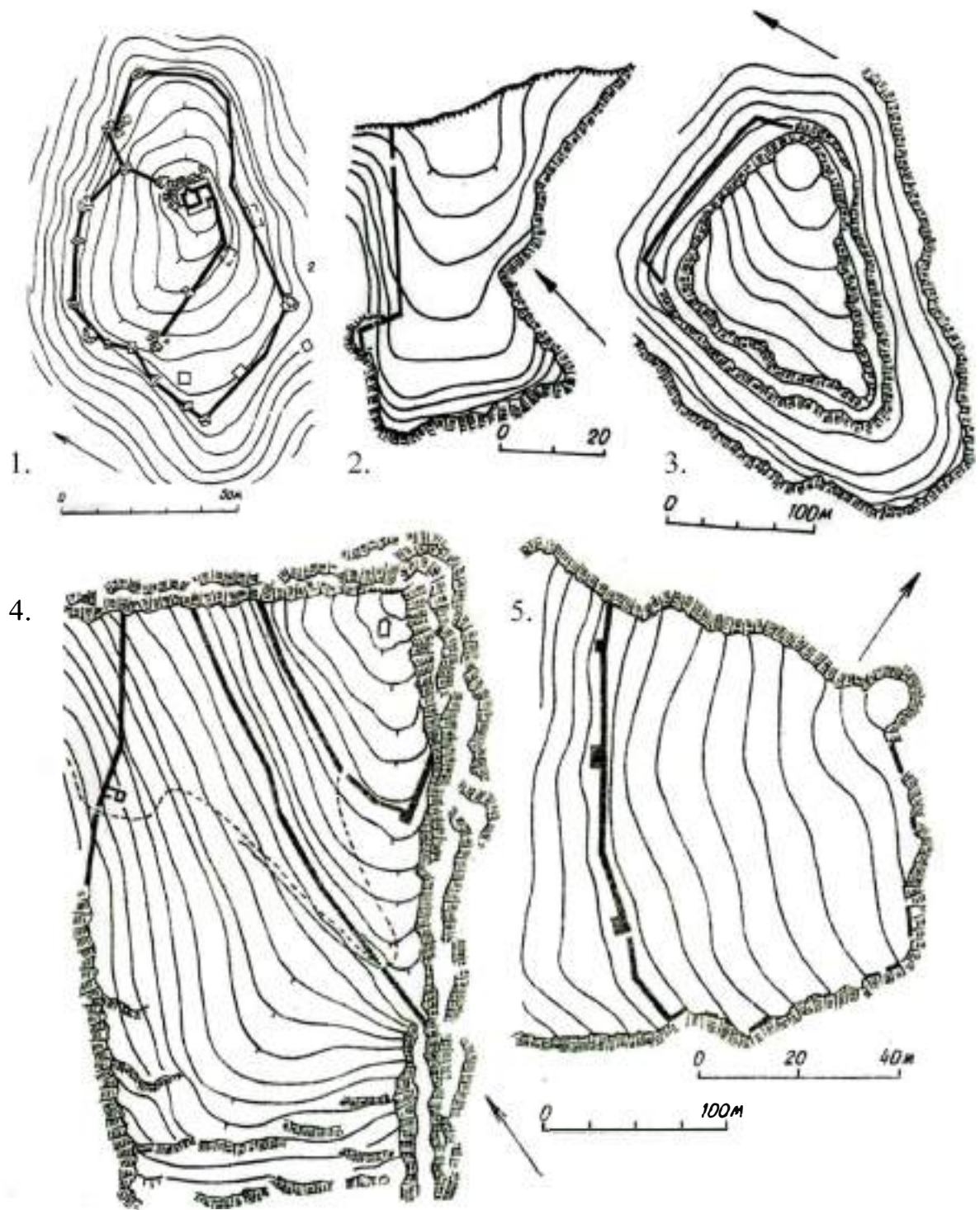

Рис. 100. Укрепления Крымской Готии XIII в.: 1 - Ай-Тодор I; 2 - Качи-Кальон; 3 - Тепе-Кермен; 4 - Сююрю-Кая; 5 - Сарджик (по Е.В. Веймарну, 1955, д.№94)

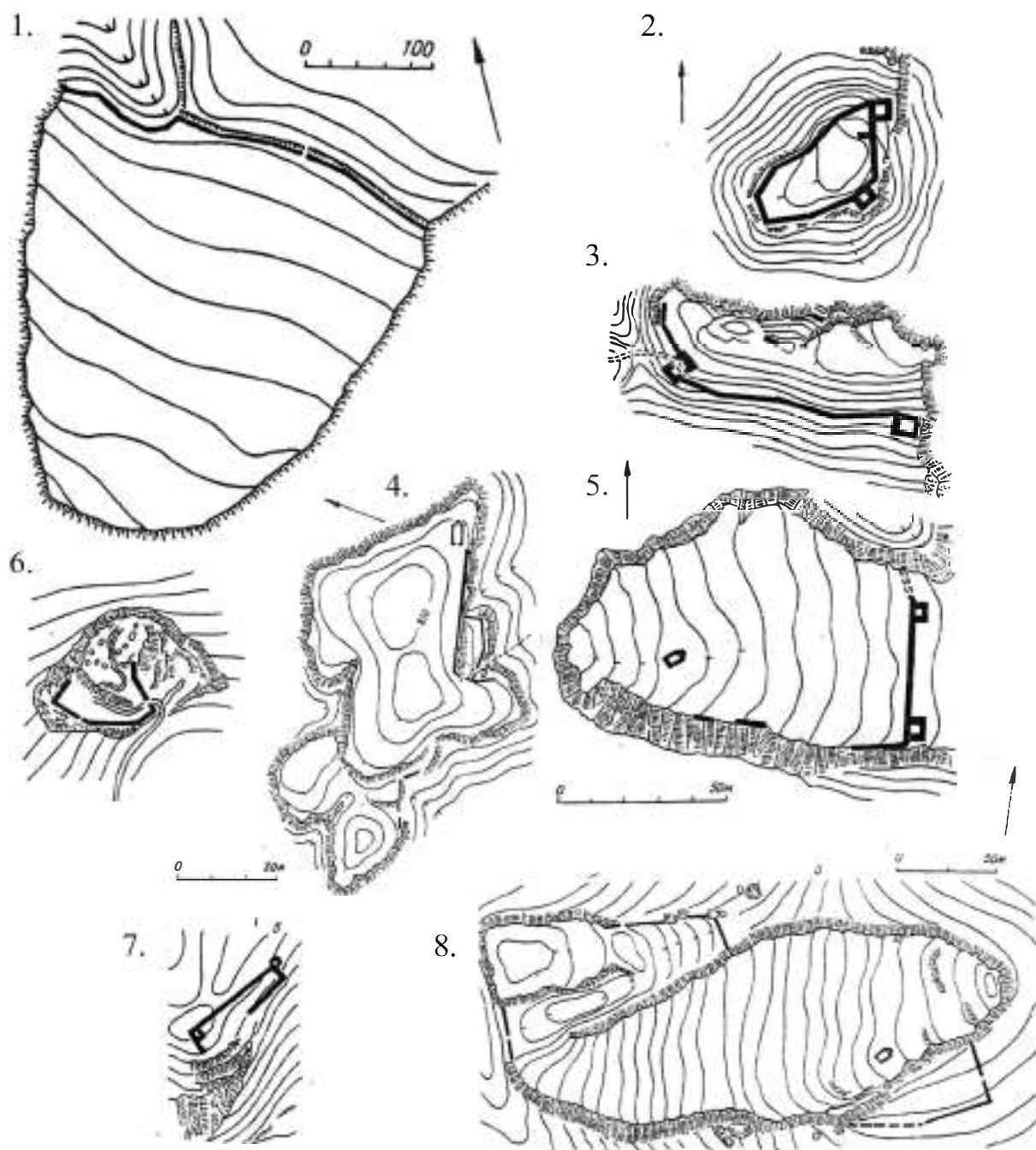

Рис. 101. Укрепления Юго-Западного и Южнобережного Крыма: 1 -Сарымамбаш-Кермен (60-е гг. XIV в.); 2 - Кале-Поти; 3 - Кермен-Кая (Басман); 4 - Яманташ; 5 - Кокья-Исар (Айя); 6 - Учансу-Исар; 7 -Рускофиль-Кая (по А.Л. Бертве-Делагарду, 1920); 8 - Кипия

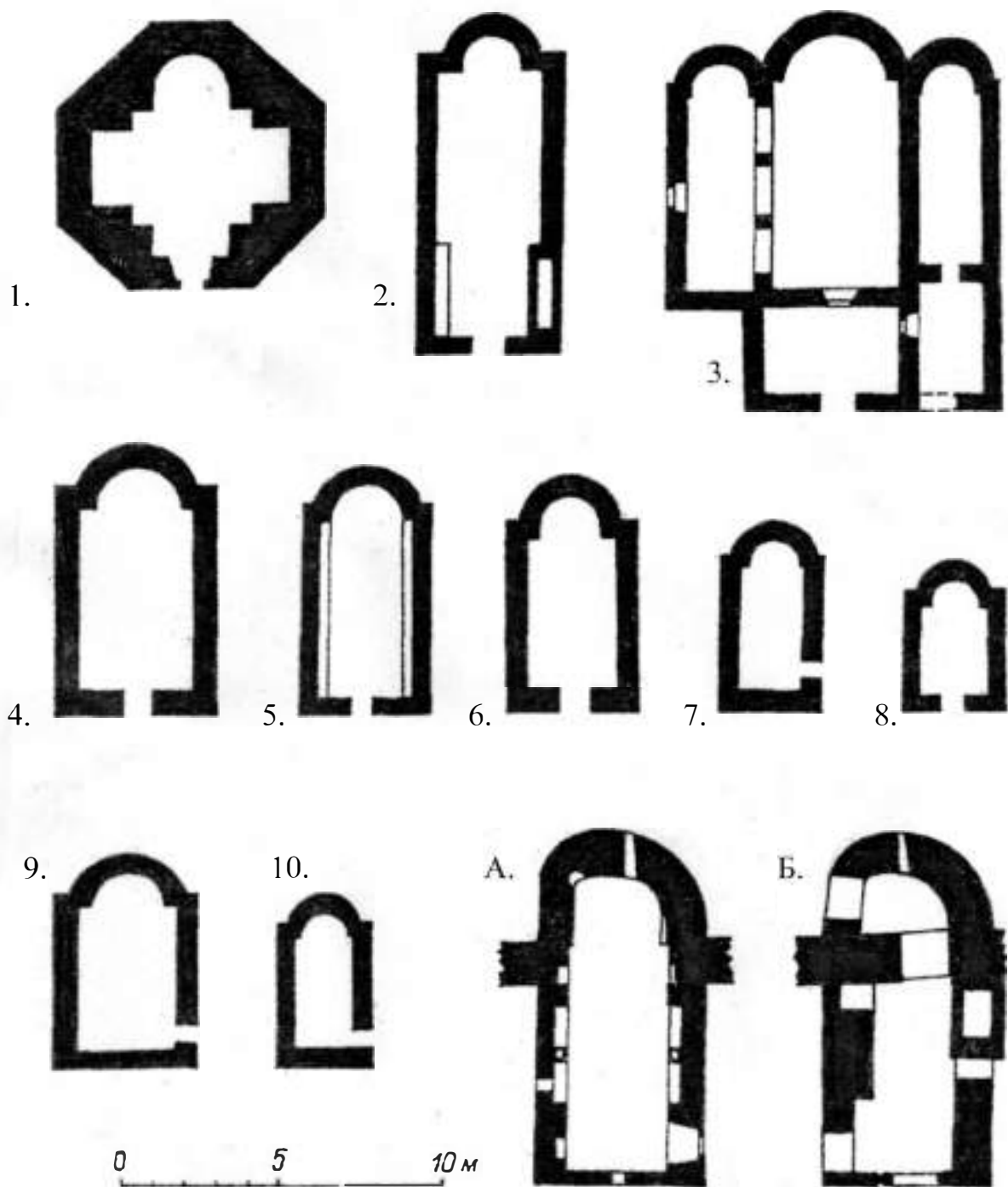

Рис. 102. Планы церквей X - XV вв. из укреплений Таврики: 1- октагональный храм Мангупа (на мысе Тешкли-Бурун); 2 - Ильяс-Кая; 3 - Пампук-Кая; 4 - Кордон-Оба; 5 - Хачла-Каясы; 6 - Кыз-куле; 7 - Исар-Кая; 8 - Чембало; 9 -Ай-Тодор II; 10 -Аю-Даг (св. Константина?); 11 - Фуна (Федора Стратилата): А - второй этаж; Б - нижний этаж

А

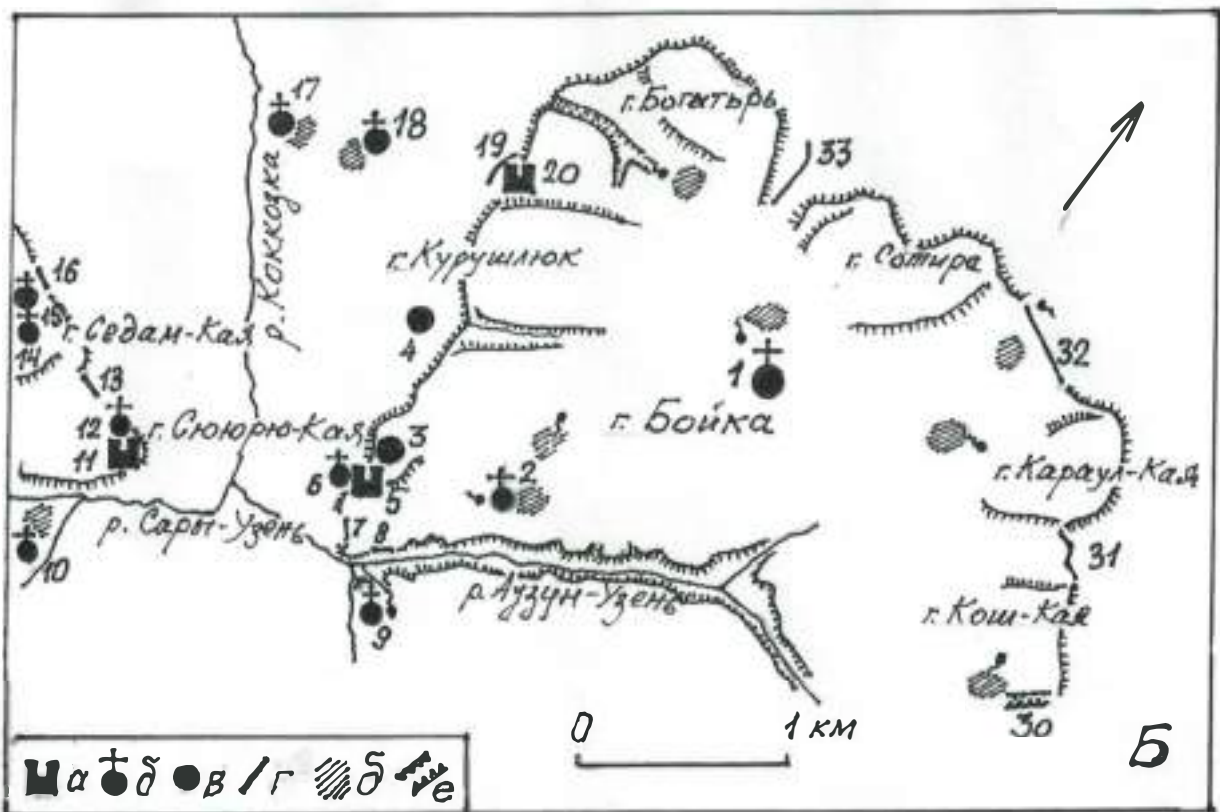

Рис. 103. Средневековые памятники XIII - XV вв. Коккозской долины и горного массива Бойки: А - вид на Бойку с запада; Б - археологическая карта Бойки и Коккозской долины: а - сторожевые укрепления XIII в.; б - храмовые комплексы; в - загоны для скота; г - заградительные стены; д - следы средневековых поселений; е - ров на склоне г. Кош-Кая

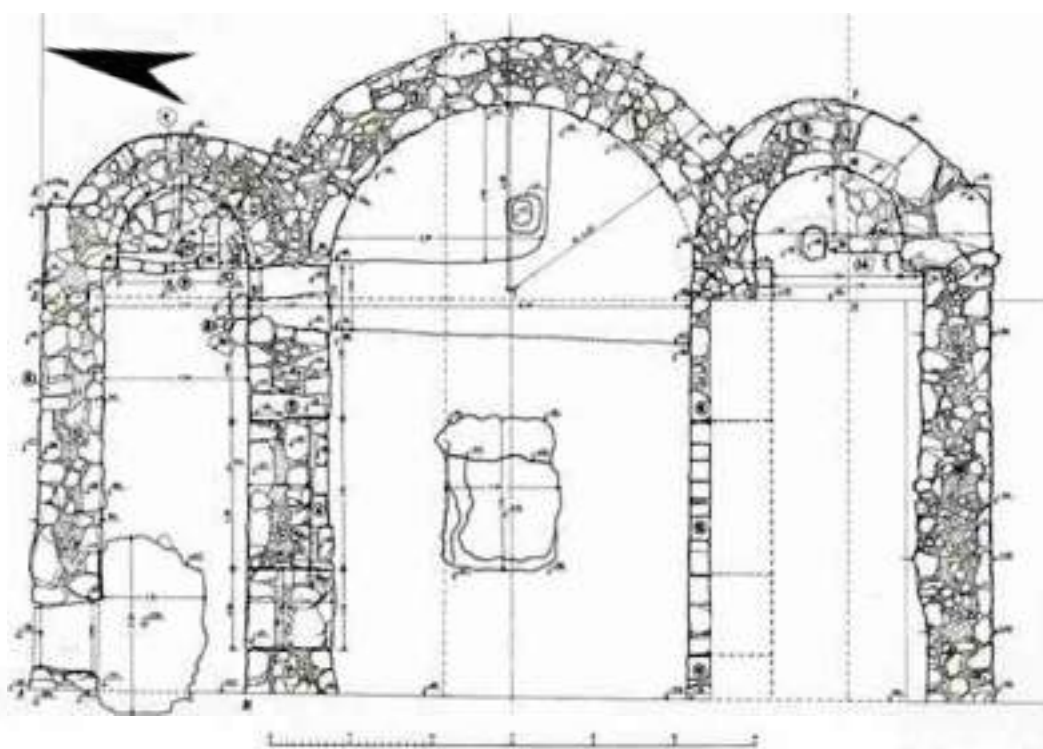
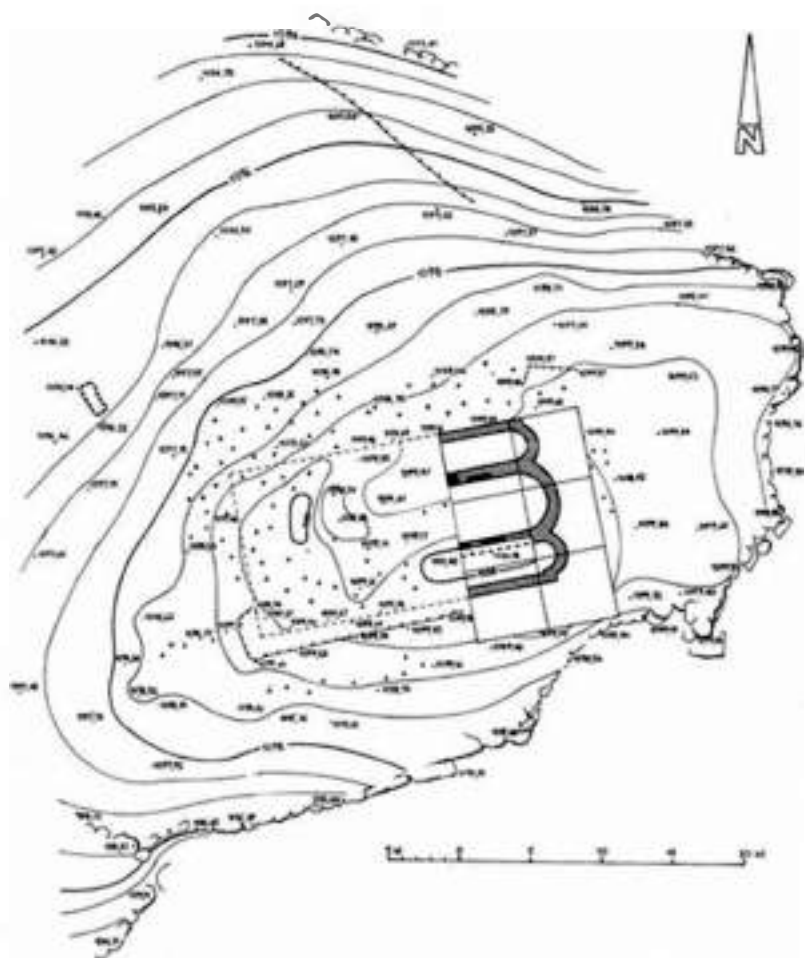
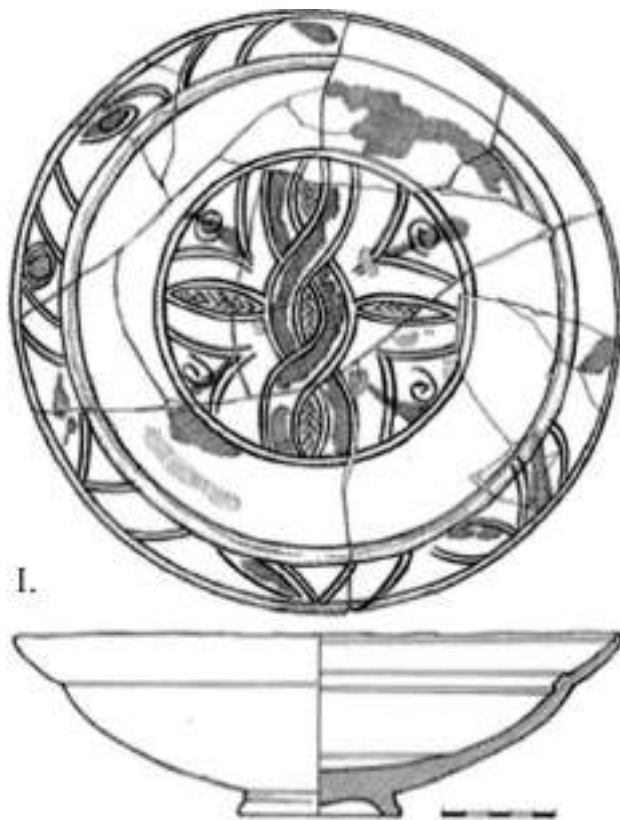

Рис. 104. Горный массив Бойка. Руины храма Христа Спасителя на горе Сотера: 1 - съемка В.В. Семенова 2008 г.; 2 - план открытой раскопками 2008 г. восточной части храма

II.

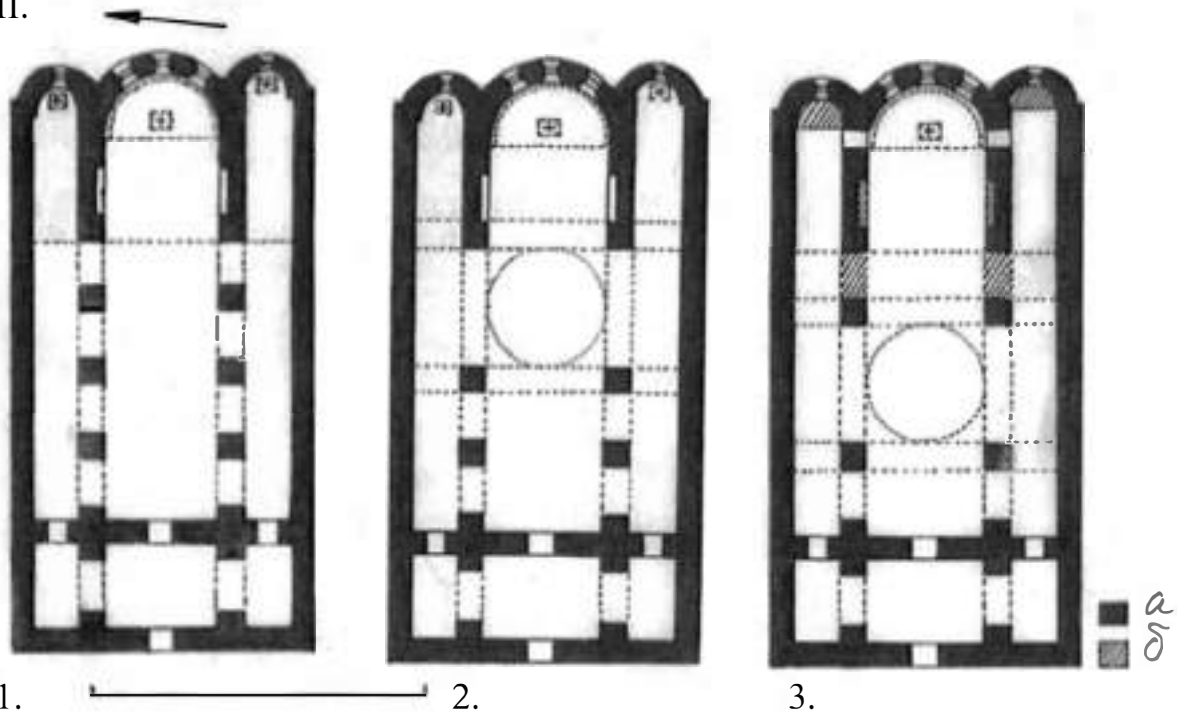

Рис. 105. Храм Христа Спасителя горного массива Бойка: 1 - красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г.(?) (прорисовка автора по О.И. Домбровский, 1968 г., с. 91, рис. 8); II - гипотетическая реконструкция плана храма Христа Спасителя в виде базилики (1) или крестовокупольного строения (2, 3): а - строительные остатки первого строительного периода (XIII в.); б - выявленные в ходе раскопок 2008 г. следы перестройки (60-е гг. XIV в.?)

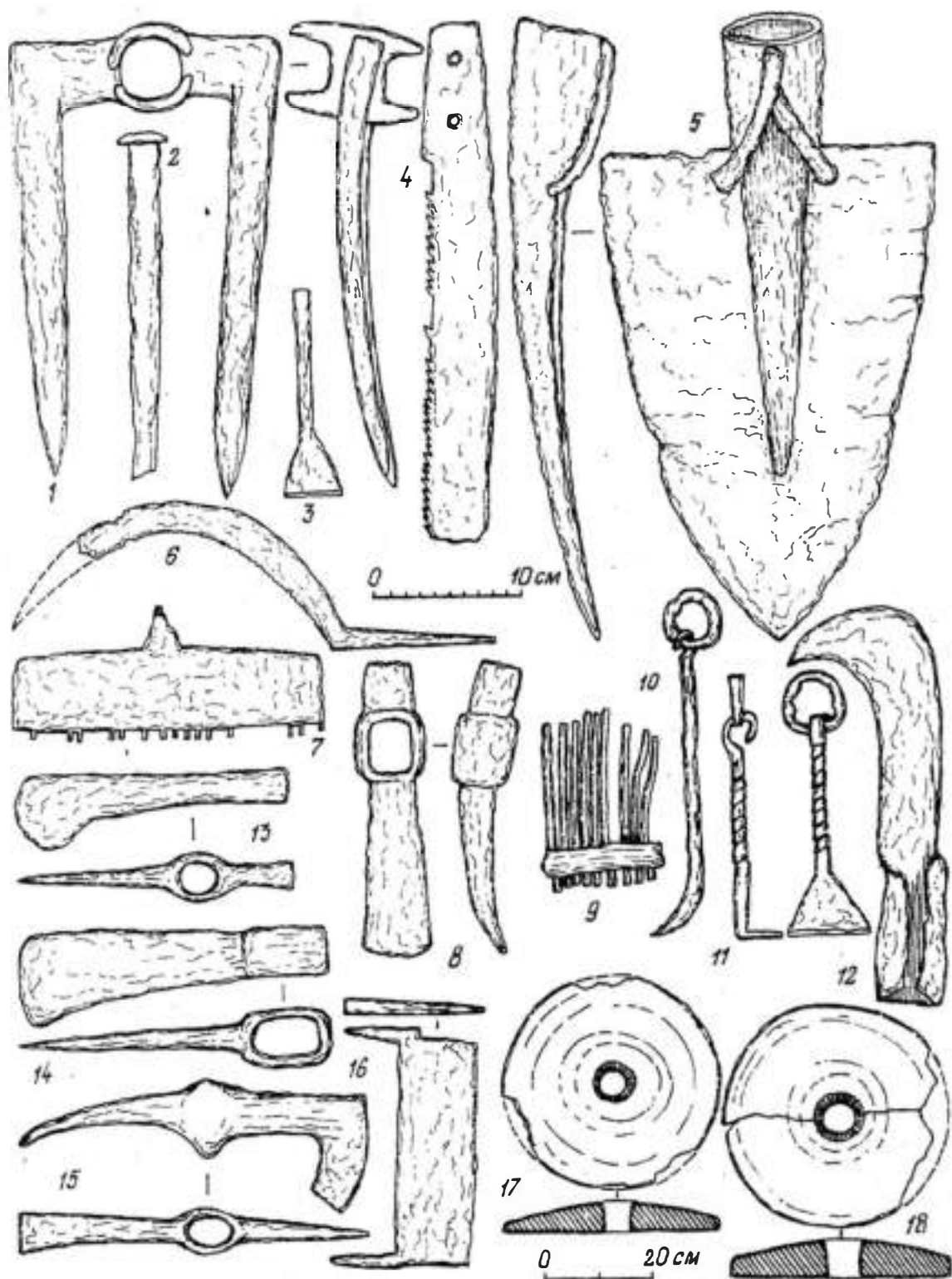

Рис 106. Орудия труда из раскопок укреплений XIII - XV вв.: 1 - 4, 6, 7, 9 - 12, 16 - 18 - Исар-Кая; 5 - 8, 13 - 15 - Алустон (1 - двузубая мотыга; 2 - долото; 3, 10, 11, 12, 16 - скребки; 4 - пила; 5 - лопата для окапывания винограда; 6 - серп; 7 - 9 - гребни; 8 - тесло; 12 - виноградный нож; 13 - 15 - топоры; 17, 18 - жернова от ручных мельниц)

Рис. 107. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи. Вид с юго-востока

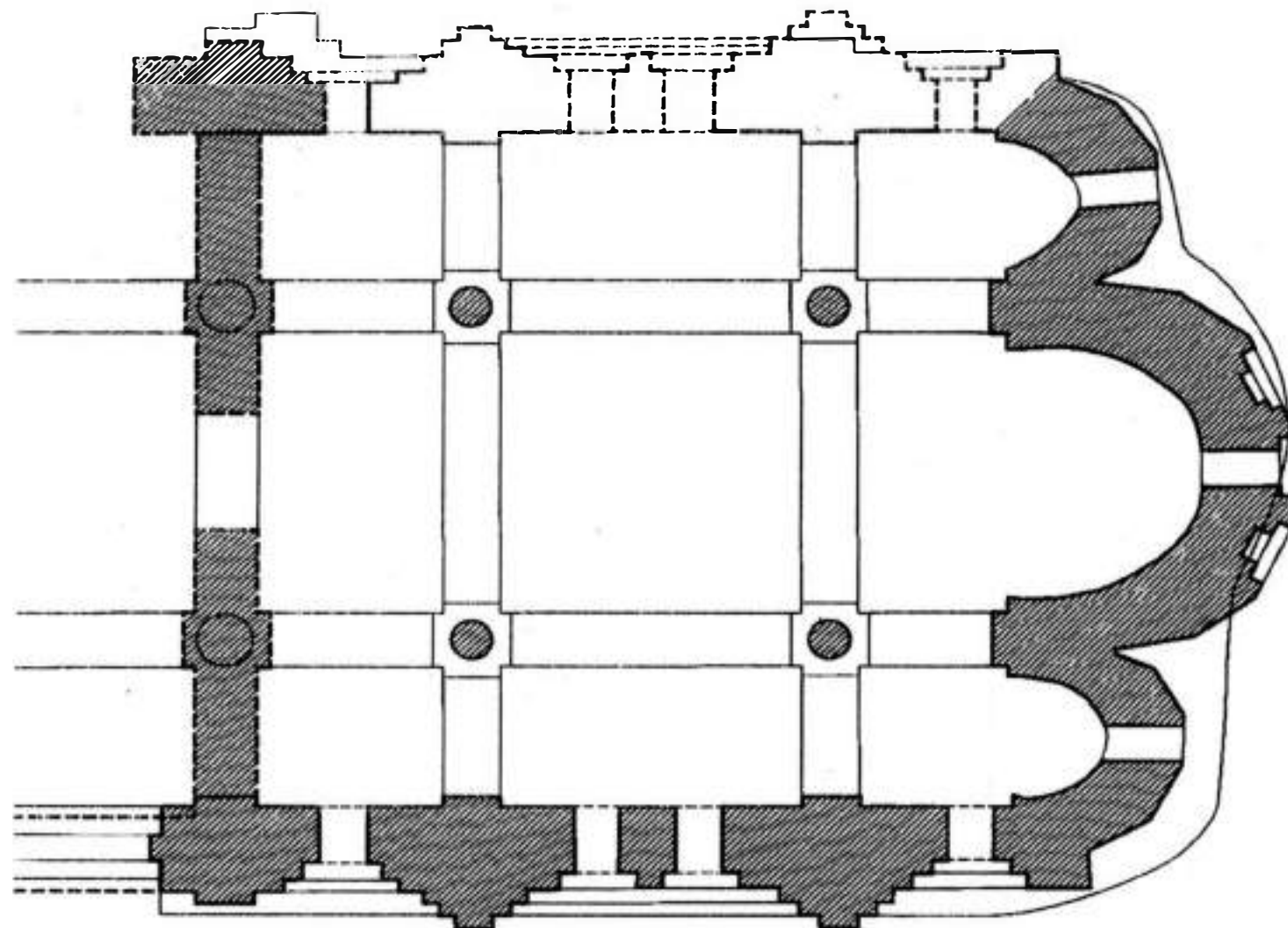

Рис. 108. План церкви Иоанна Предтечи в Керчи (по А.И. Комечу, 1980, с. 32)

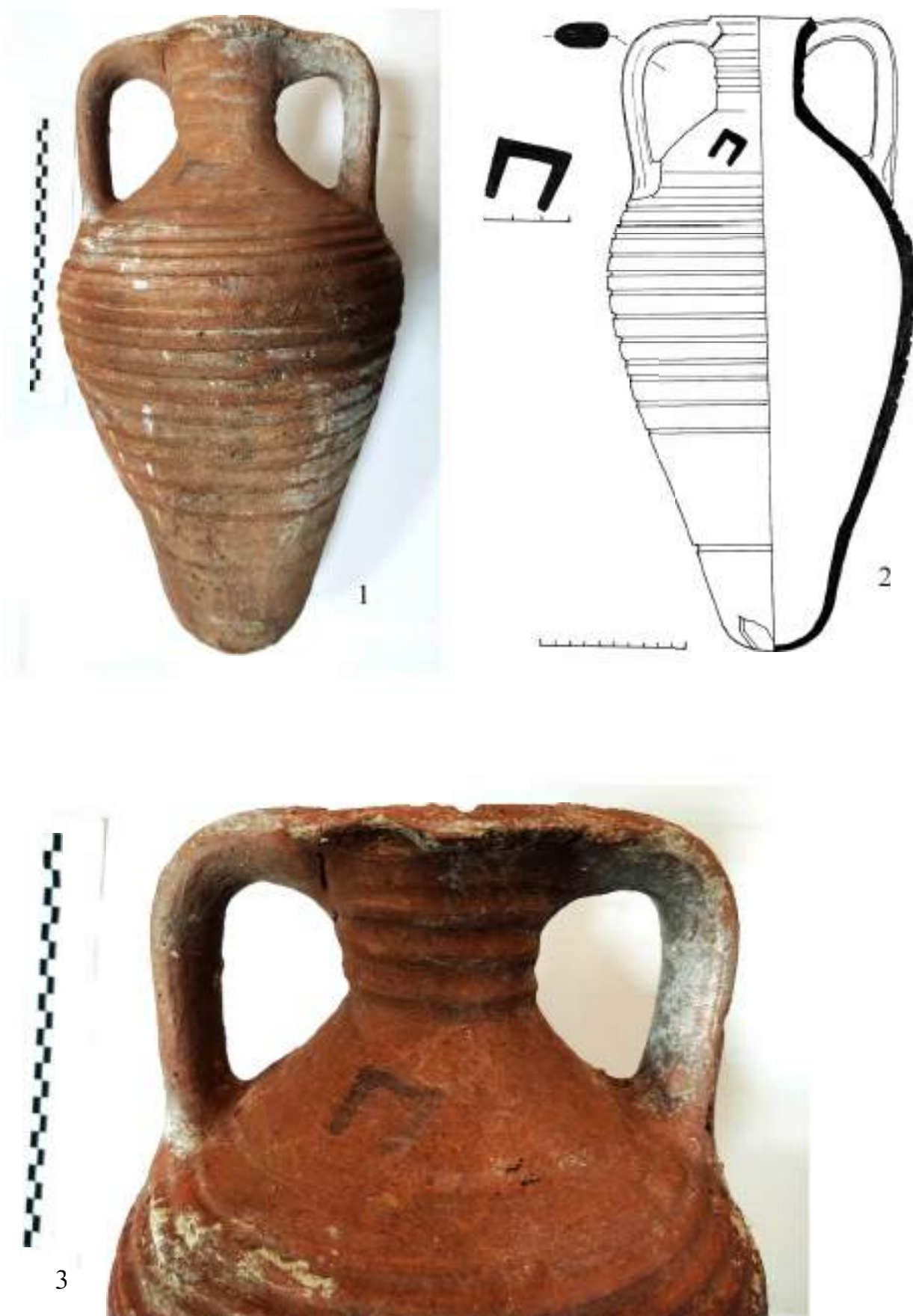

Рис. 109. Амфора-голосник из паруса церкви Иоанна Предтечи: 1 - фото; 2 - рисунок; 3 - деталь с дипинти в виде буквы "П"

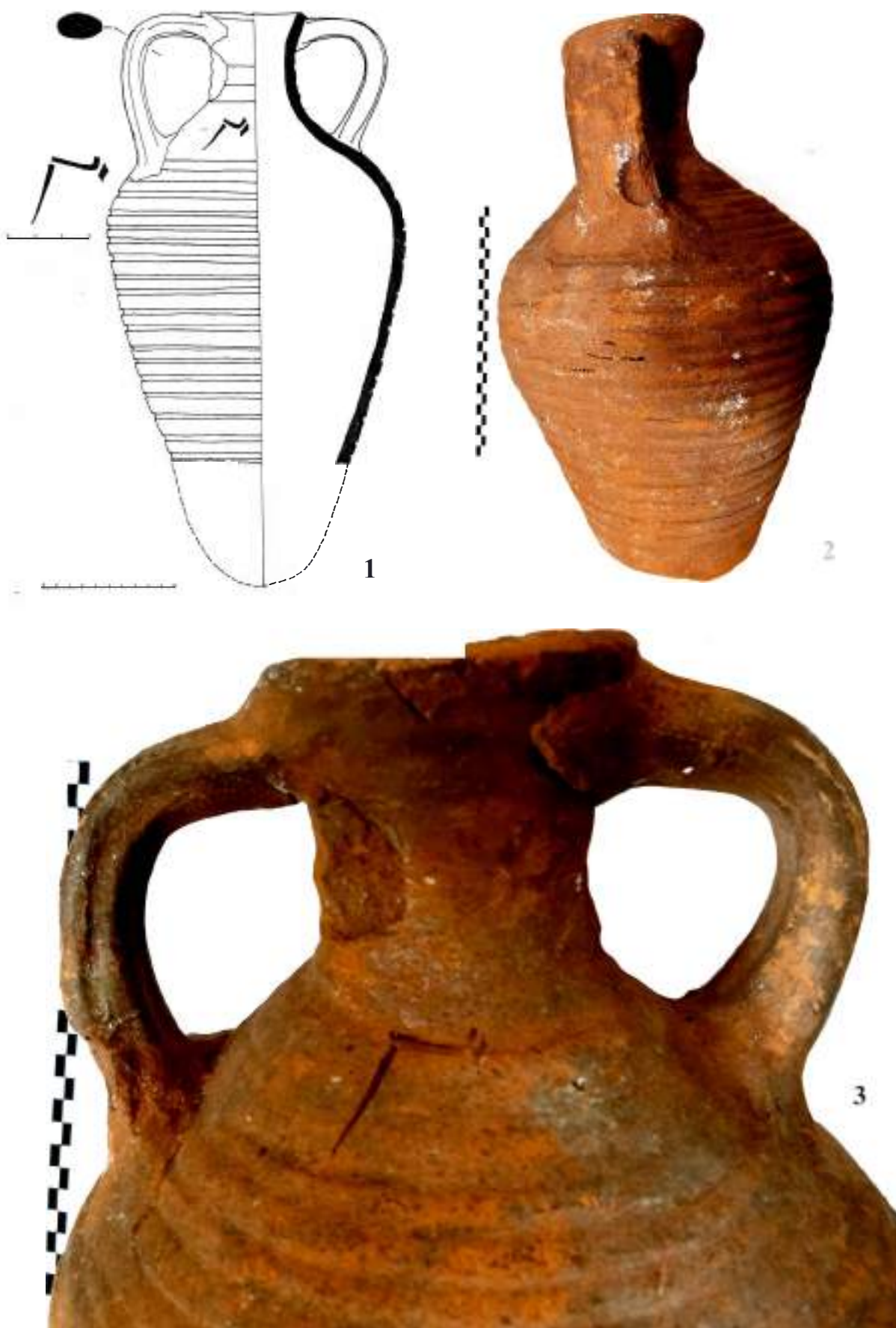

Рис. 110. Амфора-голосник из купола церкви Иоанна Предтечи: 1 - рисунок; 2 - фото; 3 - верхняя часть амфоры-голосника с граффити в виде арабской цифры "20"

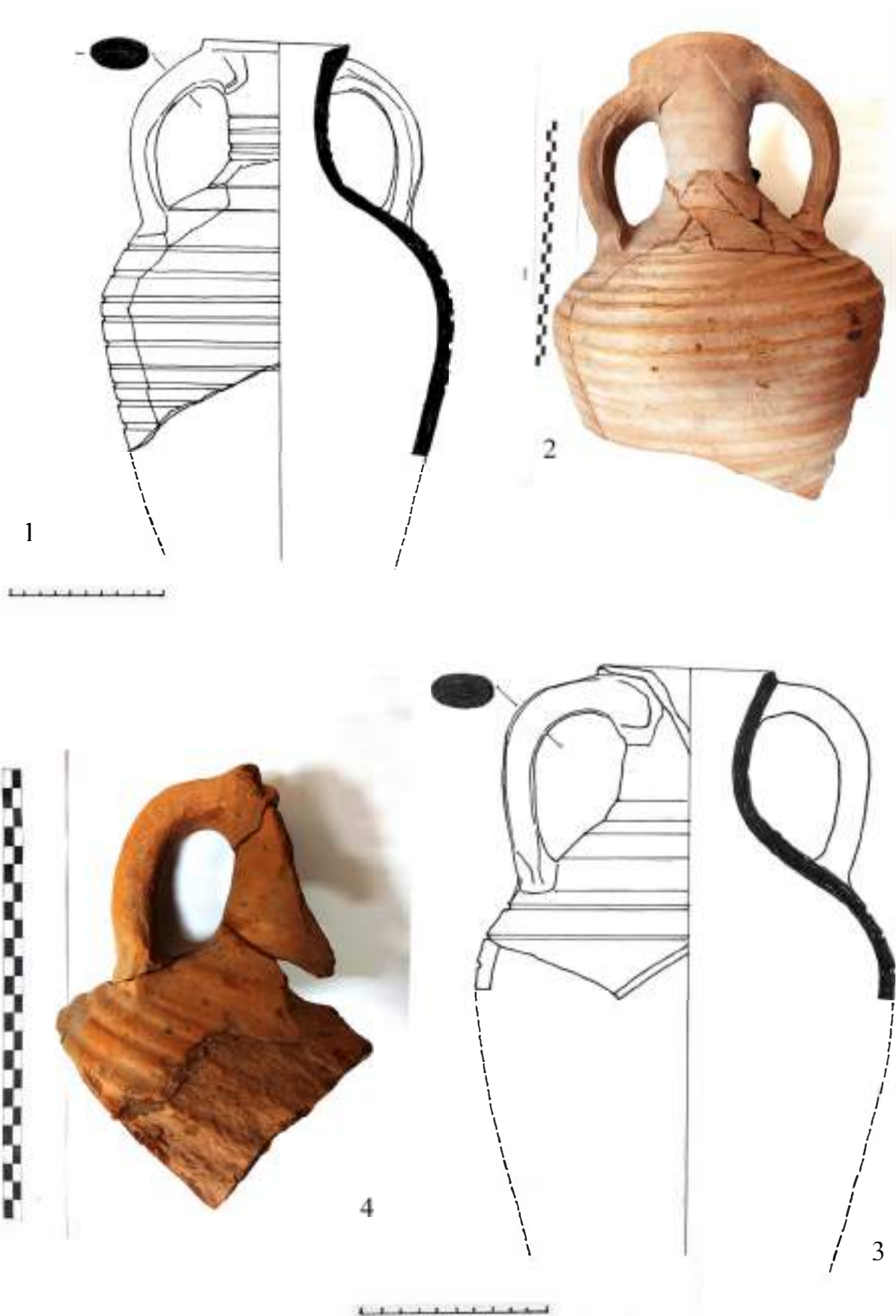

Рис. 111. Фрагменты амфор-голосников из паруса церкви Иоанна Предтечи

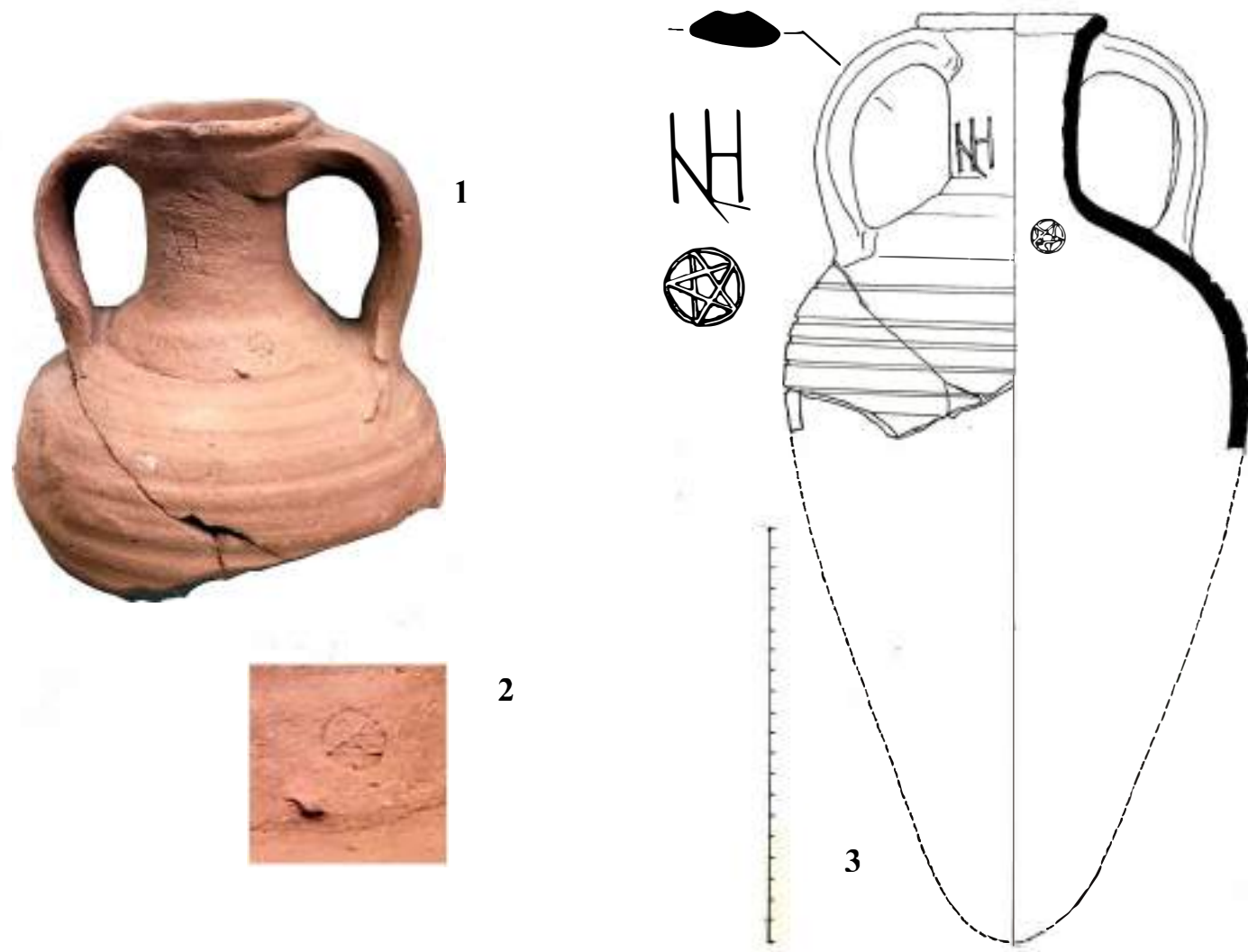
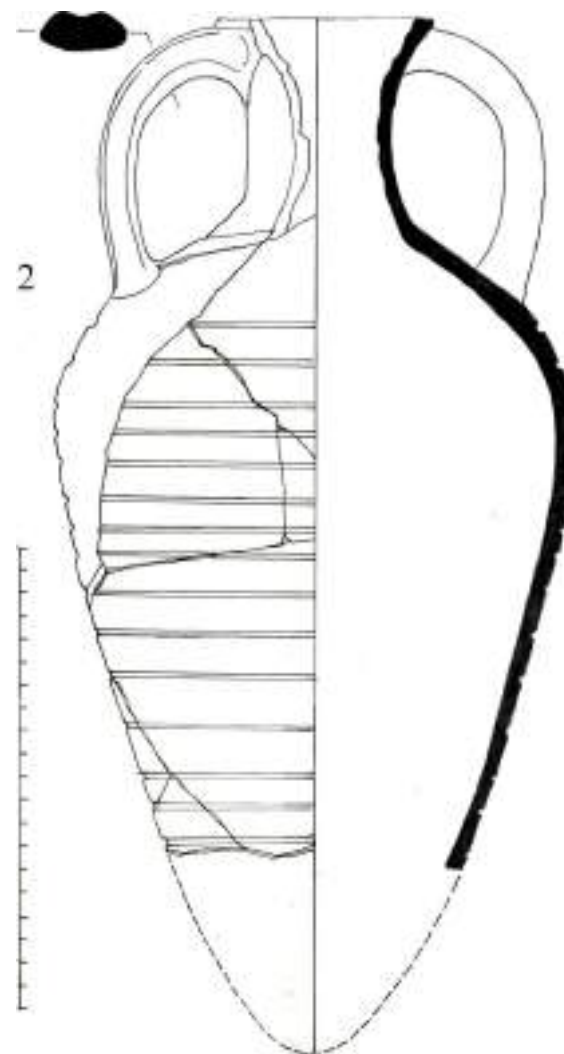

Рис. 112. Верхняя часть амфоры из раскопок Херсонеса в 1928 г. (участок куртины 1 стен римского времени): 1 - фото; 2 - клеймо; 3 - рисунок

1

2

Рис. 113. Амфора из раскопок приморской оборонительной стены Херсонеса 1965 г. : 1 - фото; 2 - рисунок

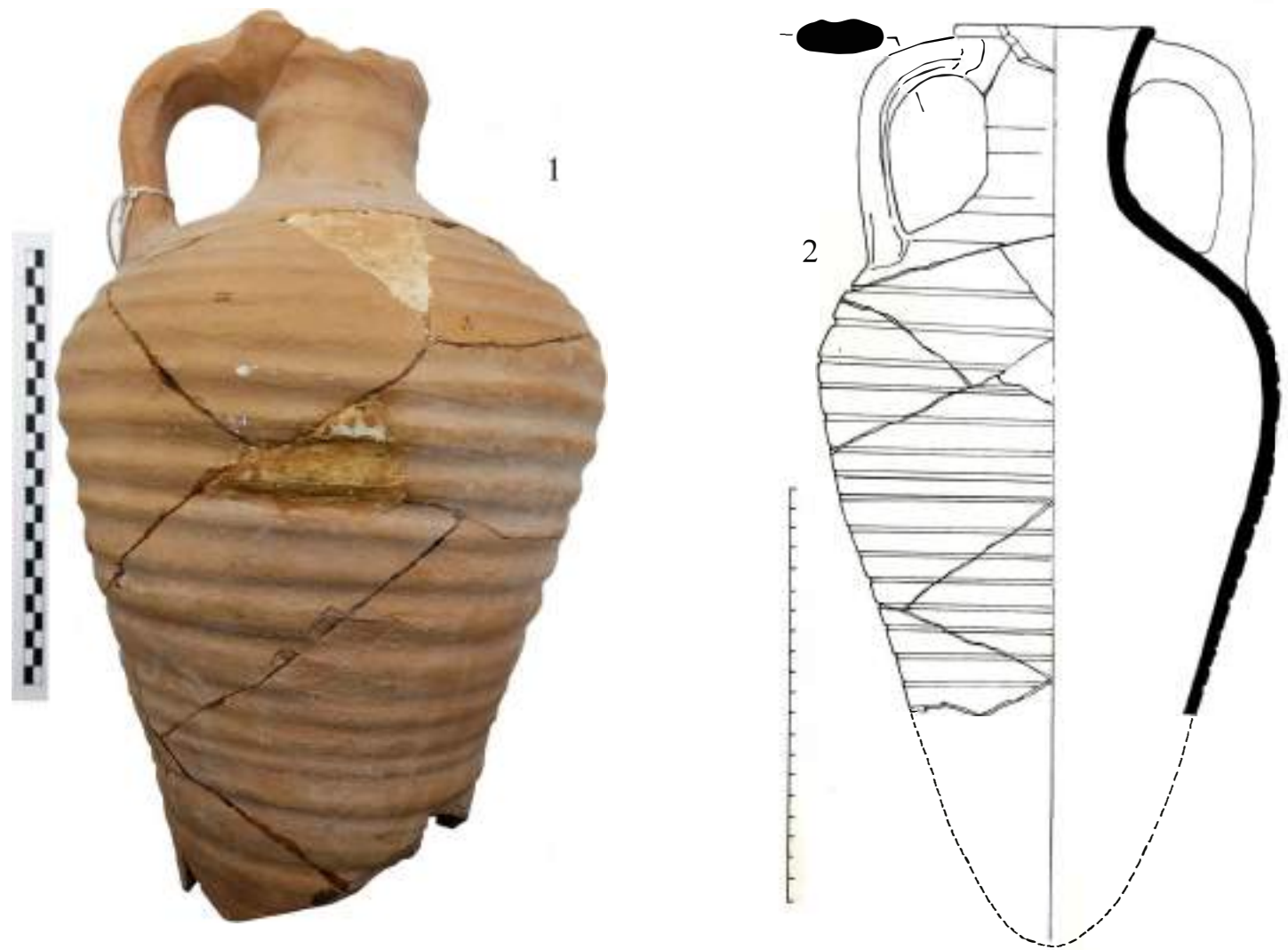

Рис. 114. Амфора из раскопок приморской оборонительной стены Херсонеса 1965 г. : 1 - фото; 2 - рисунок

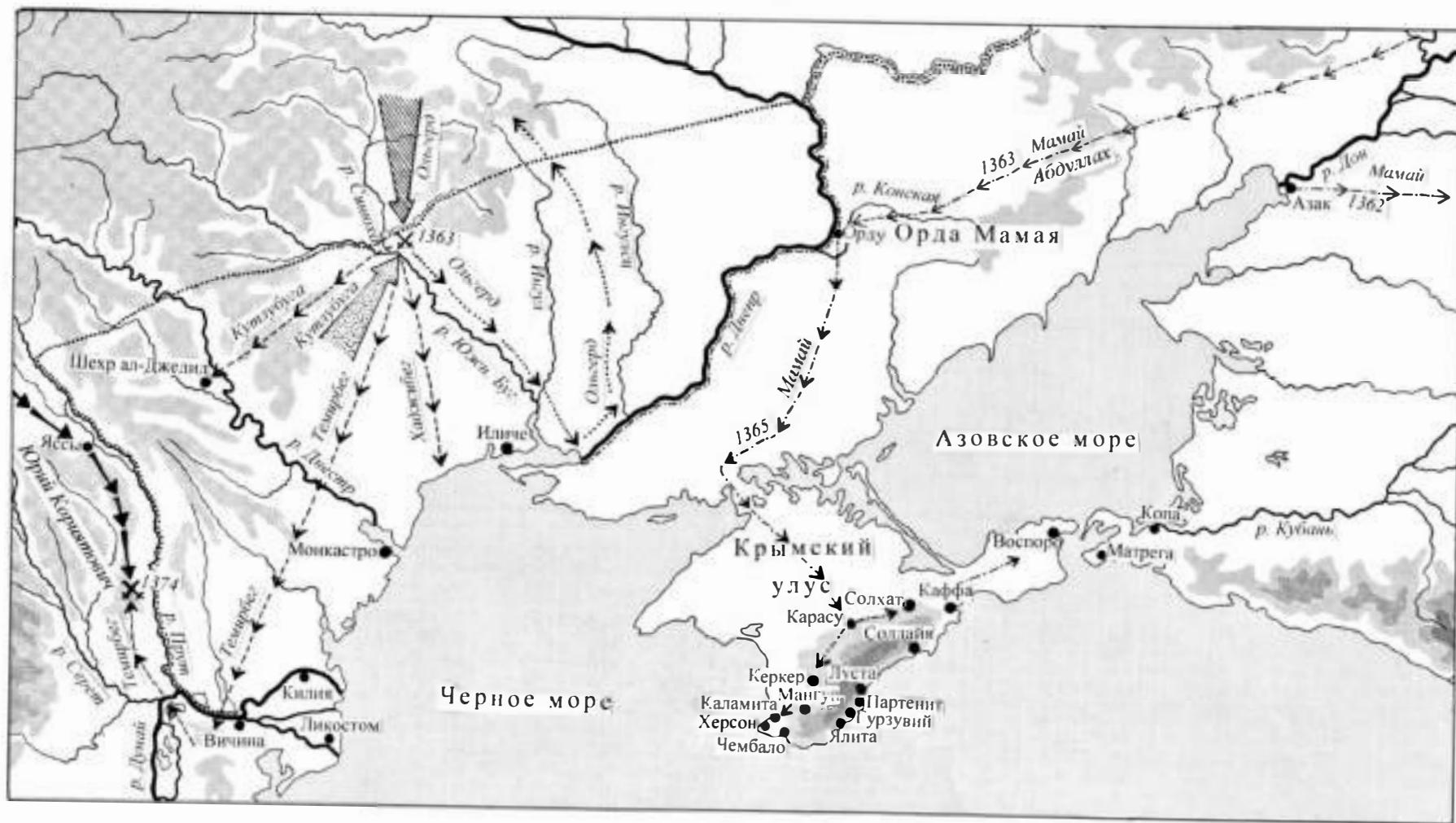

Рис. 115. Крым в 1362-1365 гг.

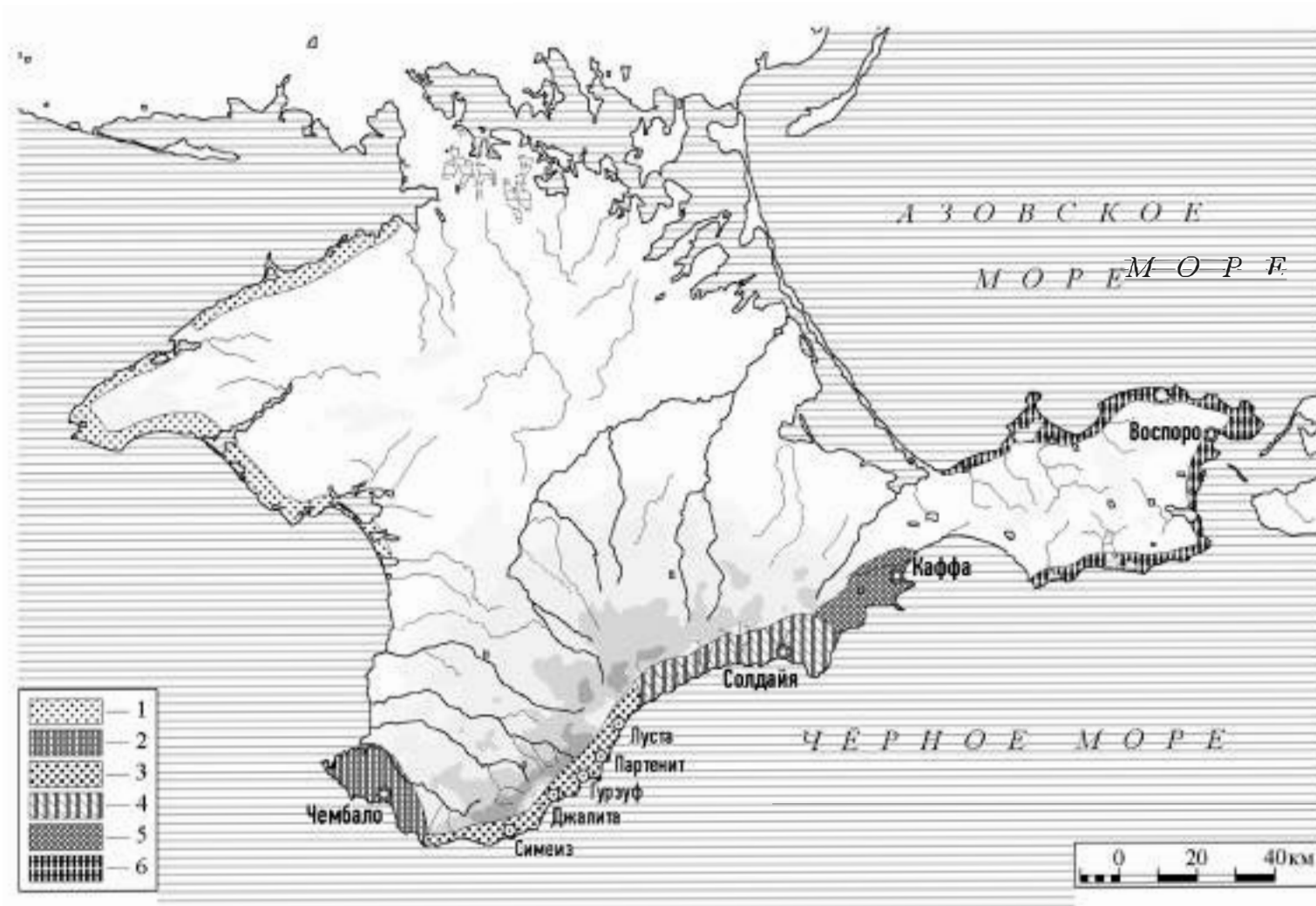

Рис. 116. Карта генуэзских владений на Крымском полуострове в последней четверти XIV в.: 1 - территория Тарханкутского полуострова; 2 - консульство Чембальское; 3 - территории Южного берега Крыма; 4 - консульство Солдайское; 5 - кампания Каффы; 6 - консульство Воспорское (по С.Г. Бочарову, 2017в, рис. 1)

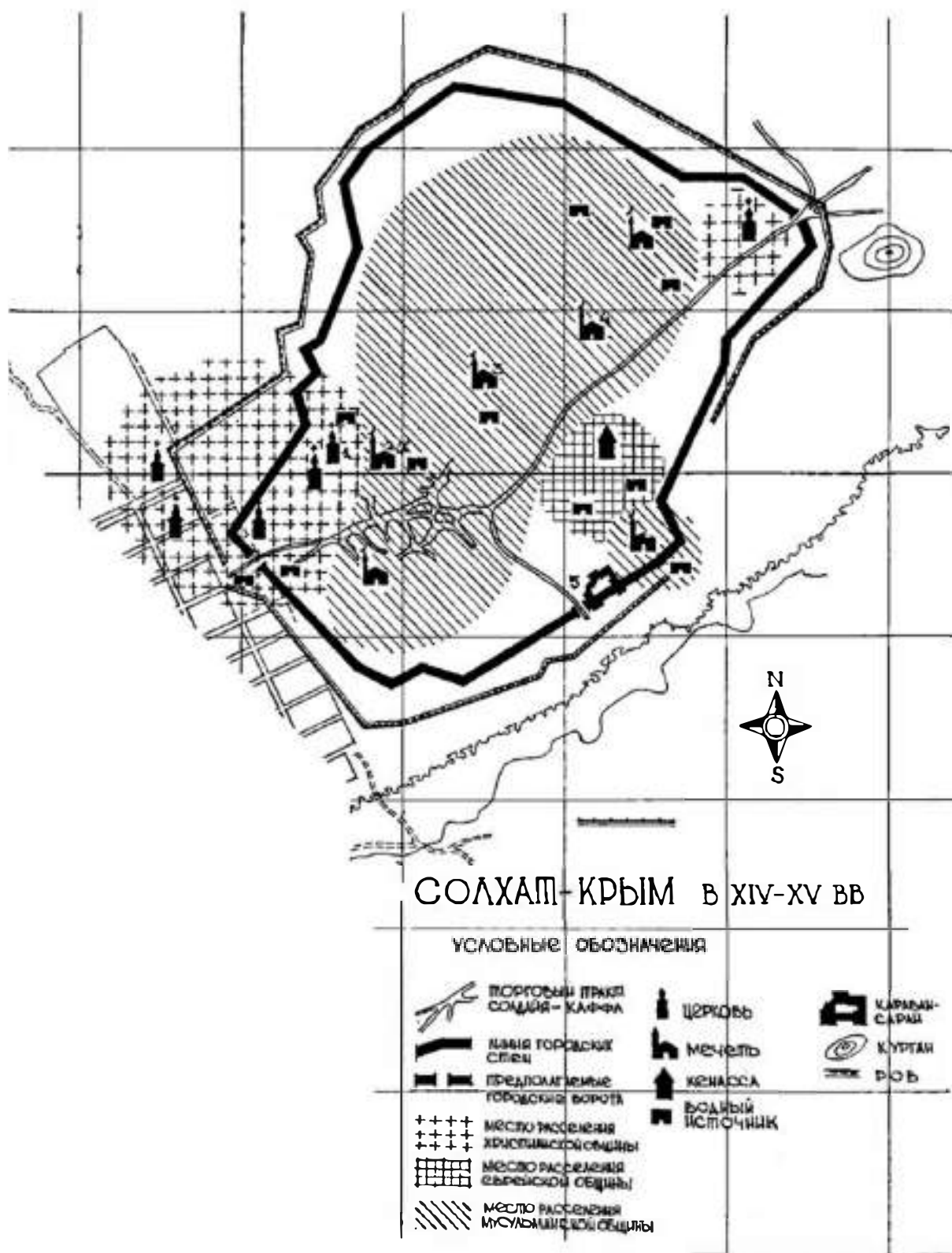
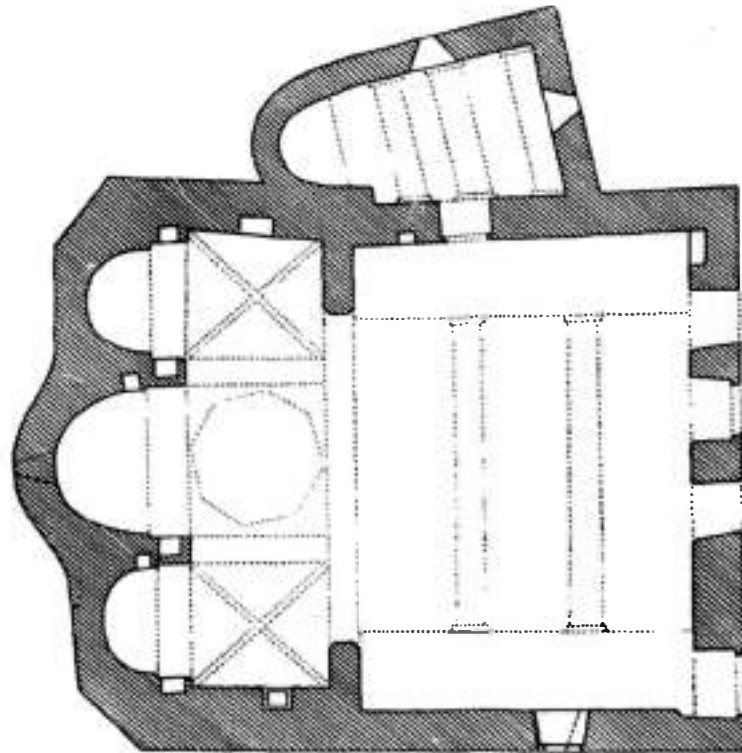
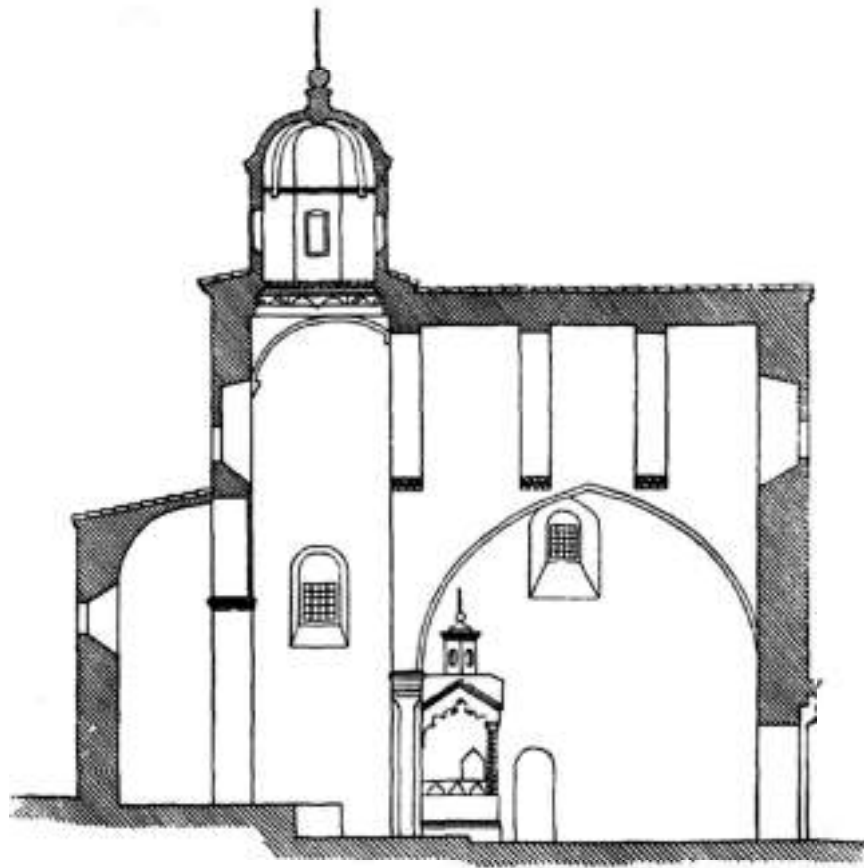
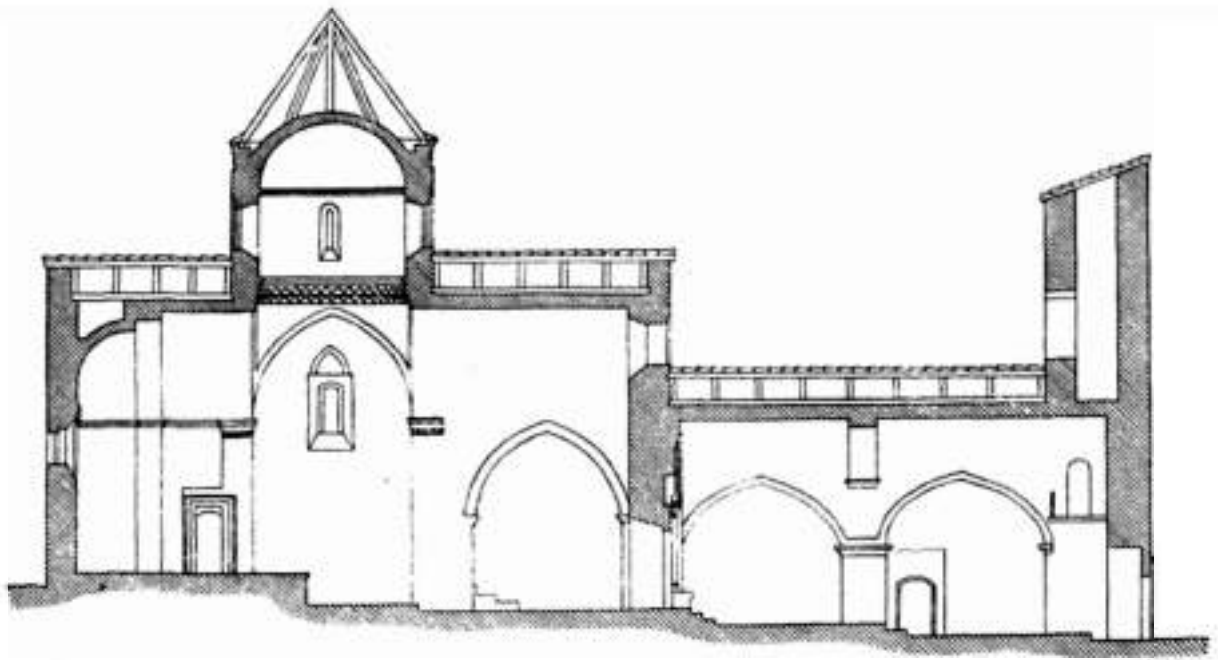

Рис. 117. План-схема Солхата-Крыма (по М.Г. Крамаровскому (1989, рис. 2))

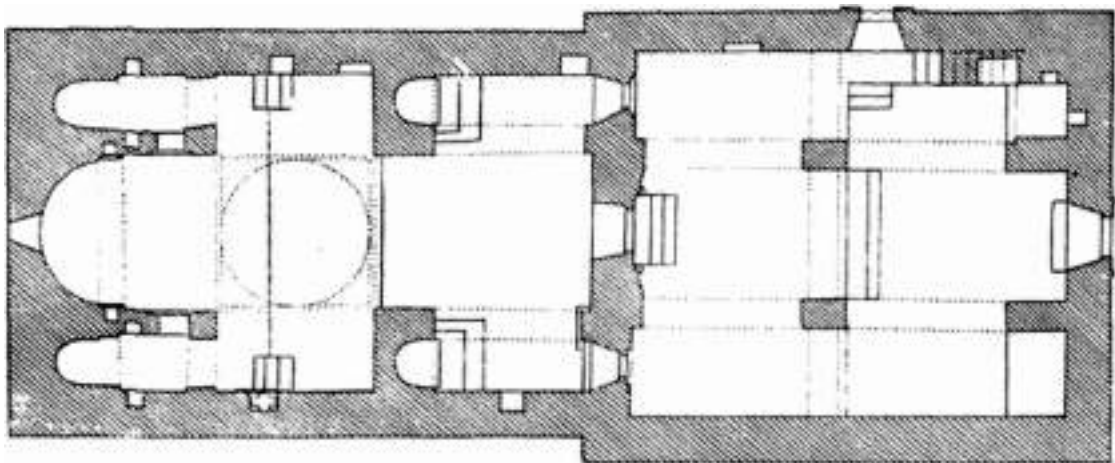

1 0 1 2 3 4 5м

Рис. 118. Армянская церковь Михаила и Гавриила в городе Каффа. План и разрез (по А.Л. Якобсону, 1956, рис. 12)

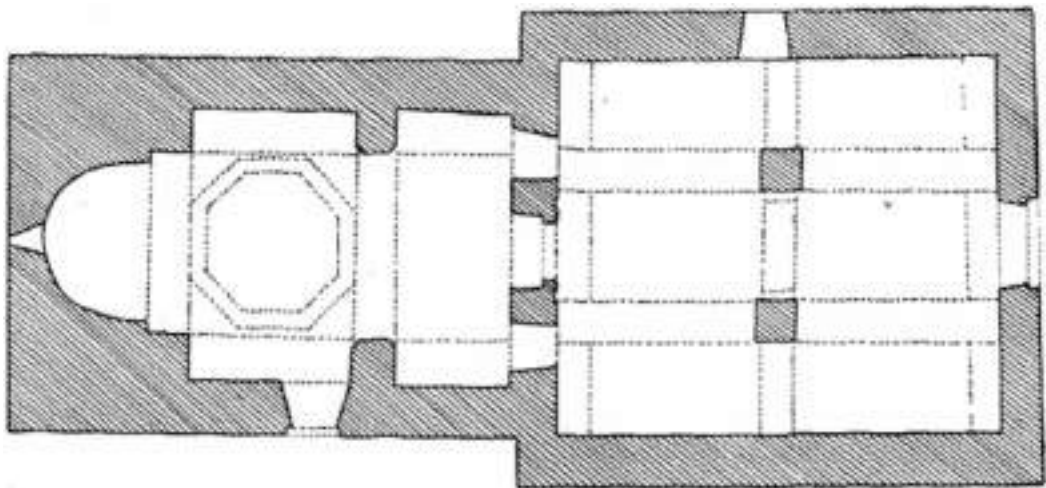
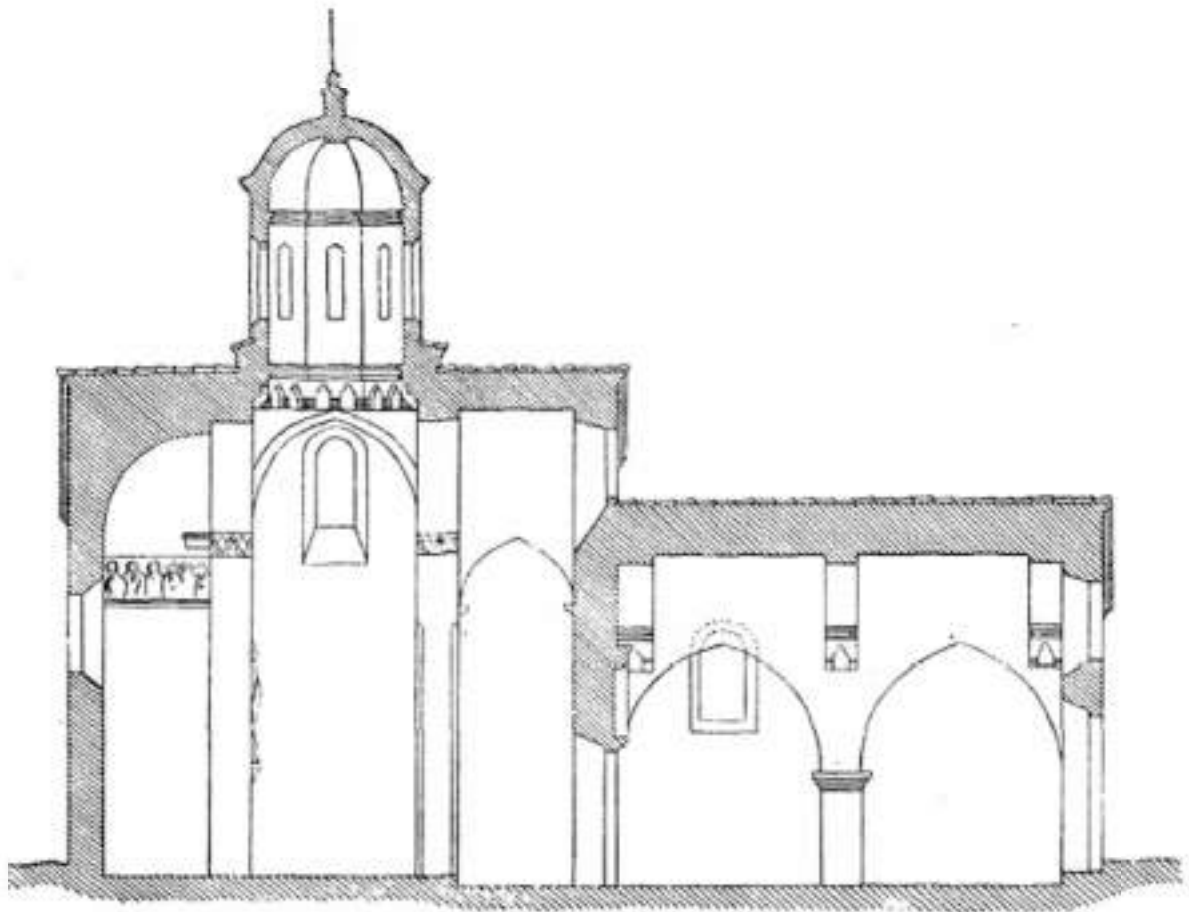
1.

2.

1 0 1 2 3 4 5м

Рис. 119. Монастырь Сурб-Хач XIV в.: 1 - разрез церкви и гавита; 2 - план церкви с гавитом (по А.Л. Якобсону, 1956, рис. 2)

1 0 1 2 3 4 5м

Рис. 120. Армянская церковь Иоанна Предтечи в генуэзской Каффе. План и разрез (по А.Л. Якобсону, 1956, рис. 7)

Рис. 121. Поливная чаша со сценой пира из Солхата:~ 1 - общий вид; 2 - 4 - сохранившиеся фрагменты росписи наружной стороны (по М.Г. Крамаровскому, 2018, рис. 1)

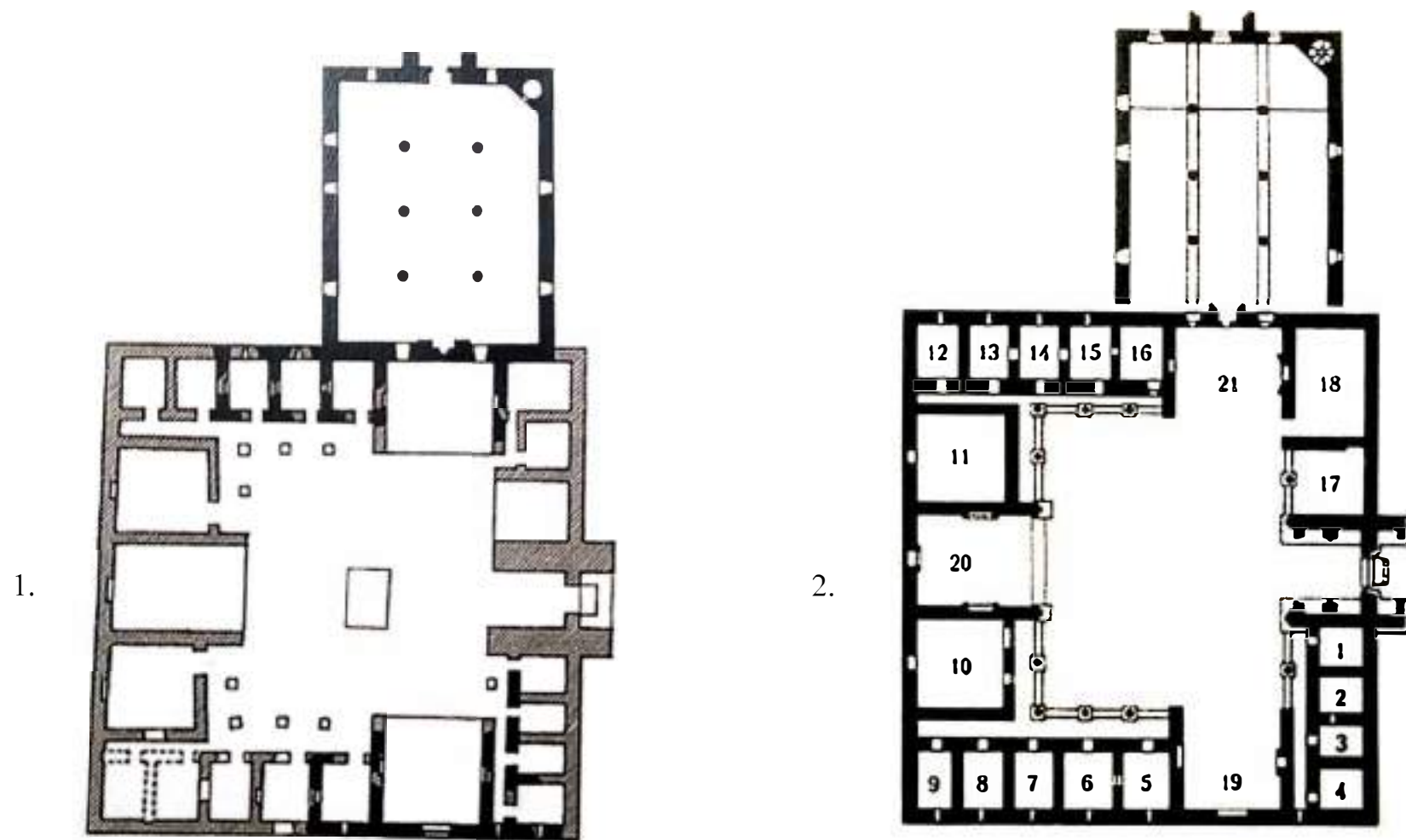

Рис. 122. План солхатского медресе и мечети Узбека в научных трудах исследователей памятника (1 - по В.П. Кирилко 2011, рис. 50; 2 - по М.Г. Краморовский 2012, рис. 53)

Рис. 123. Мечеть Узбека. Вид с северо-востока. Фото автора.

1.

2.

3.

4.

Рис. 124. Мечеть Узбека: 1, 2 - портал, вид с севера; 3 - декоративный элемент портала; 4 - сталактитовый свод портала с фрагментом надписи. Фото автора

1.

2.

Рис. 125. Мечеть Узбека: 1 - деталь портала и надписи, вид с северо-запада; 2 - деталь портала и надписи, вид с северо-востока. Фото автора

1.

2.

3.

4.

Рис. 126. Мечеть Узбека: 1 - михраб мечети, вид с севера; 2 - вид внутри; 3 - колонна и капитель; 4 - база. Фото автора

- 1 – Чуфут-Кале (Старый город)
- II – Чуфут-Кале (Новый город)
- 1 – Дюрбе (мавзолей) Хаджи-Гирея,
Менгли-Гирея, Зинджерлы-медресе
- 2 – Успенский монастырь
- 3 – Стена Кичик-Исар
- 4 – Стена Биюк-Исар
- 5 – Стена Пенджере-Исар
- 6 – Раннесредневековый некрополь
- 7 – Мусульманский некрополь Газы-Мансур
- 8 – Кладбище в Иосафатовой долине

Рис. 127. План-схема Чуфут-Кале и его округи (по А.Г. Герцен, Ю.М. Могаричев, 2016, с. 8)

1.

2.

3.

4.

Рис. 128. Крепость и пещерный город Кырк-Йер - Чуфут-Кале: 1 - 4 - южная линия обороны (вид с юго-запада). Фото автора

1.

2.

3.

4.

Рис. 129. Кырк-Йер. Средняя крепостная стена VI - XIV вв.: 1 - ворота в Средней крепостной стене (вид с запада); 2 - вид на ворота с юго-востока; 3, 4 - северный фланг Средней стены (вид с северо-востока). Фото автора

1.

2.

3.

4.

Рис. 130. Кырк-Йер - Чуфут-Кале. Малые крепостные ворота: 1 - вид на ворота с юго-запада; 2 - дорога к малым крепостным воротам; 3 - обшивка полотна ворот кованными железными листами; 4 - вид на малые ворота с внутренней стороны (с востока). Фото автора

1.

3.

2.

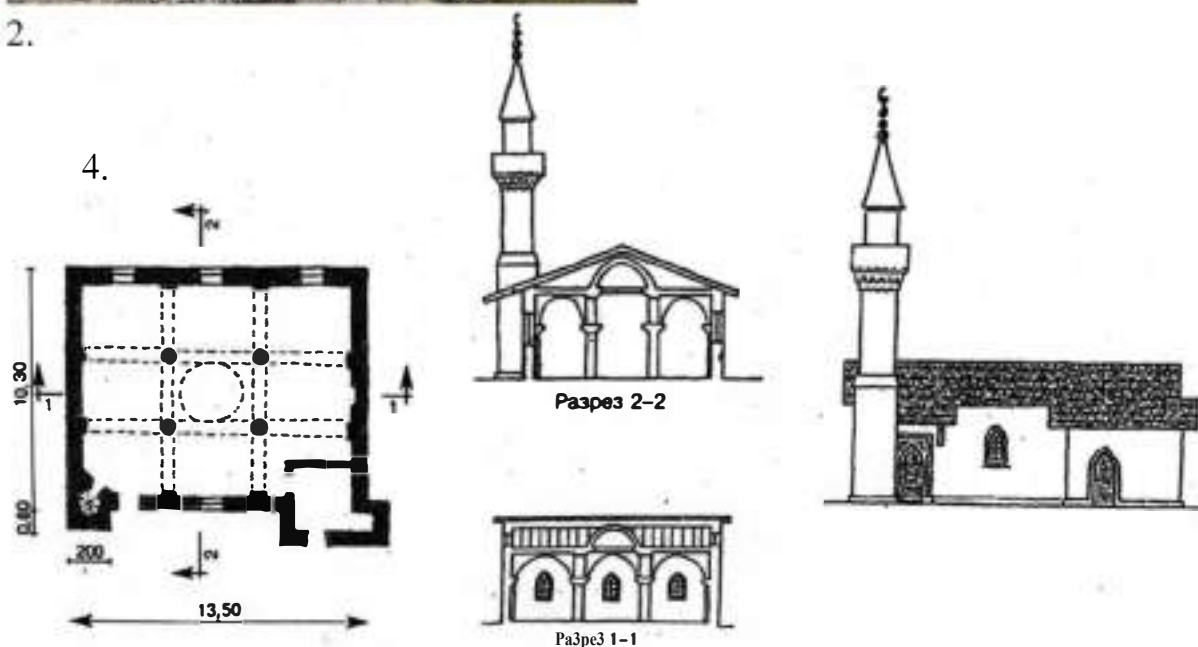

Рис. 131. Кырк-Ер. Мечеть XIV в. (1346 г.): 1- общий вид на руины с юга; 2 - северная стена мечети (вид с юга); 3 - южная стена с михрабом (вид с севера) (1, 2, 3 - фото автора); 4 - реконструкция мечети (по Е.В. Крикун, В.Н. Даниленко, 2005, рис. 21, 22)

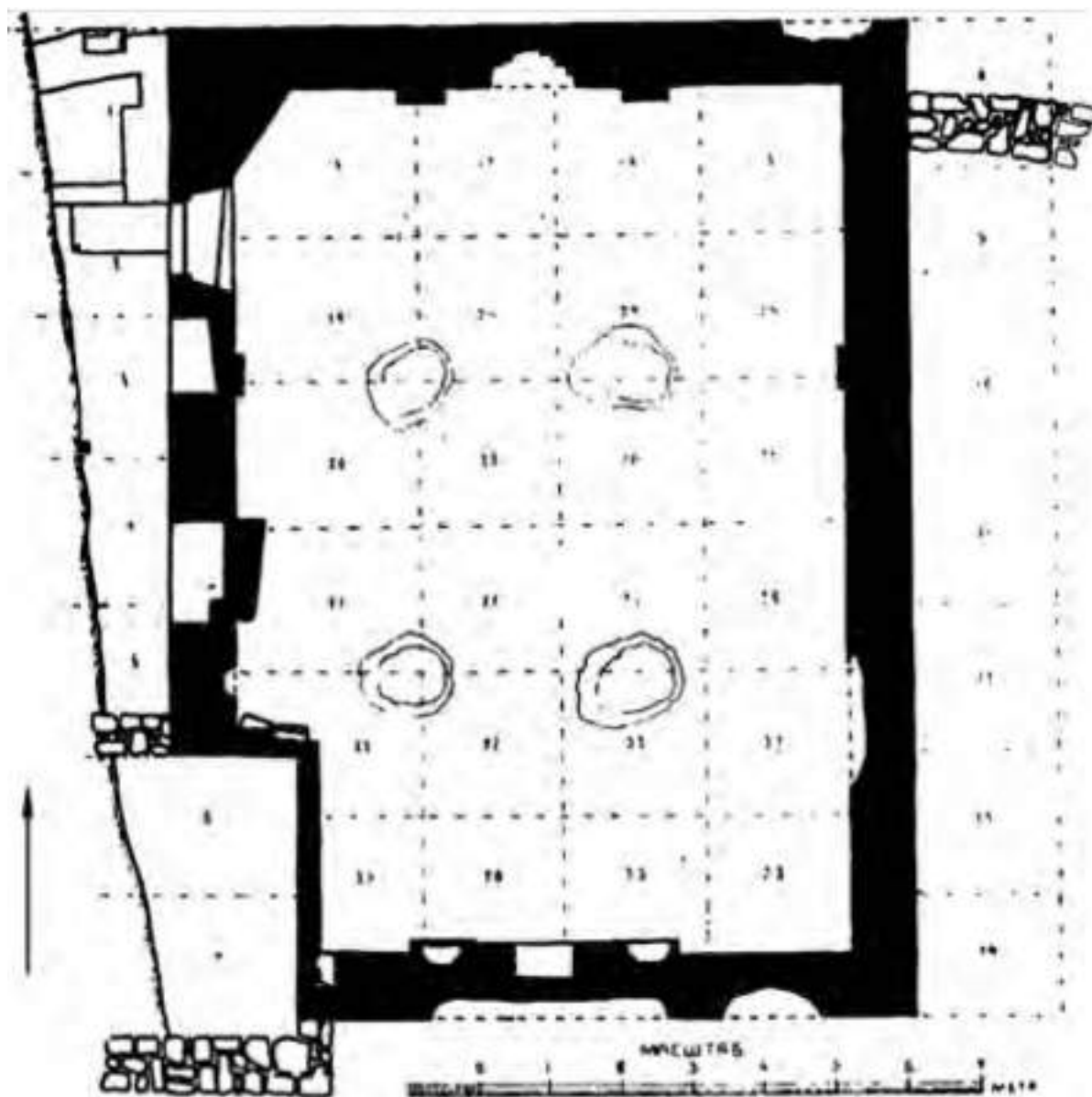

Рис. 132. План мечети на городище Чуфут-Кале, составленный У.А. Боданинским по результатам археологических работ 1928-1929 гг. (по Д.А. Ломакину, 2017, рис. 4)

Рис. 133. Фрагмент с датой 746 г. х. (1346 г.). Фото и прорисовка О.-Н. А. Акчокраклы. 1927 г. (по Д.А. Ломакину, 2017, рис. 12)

Рис. 134. Фрагмент надписи с именем Хаджи-Гирея (по Д.А. Ломакину, 2017, рис. 17)

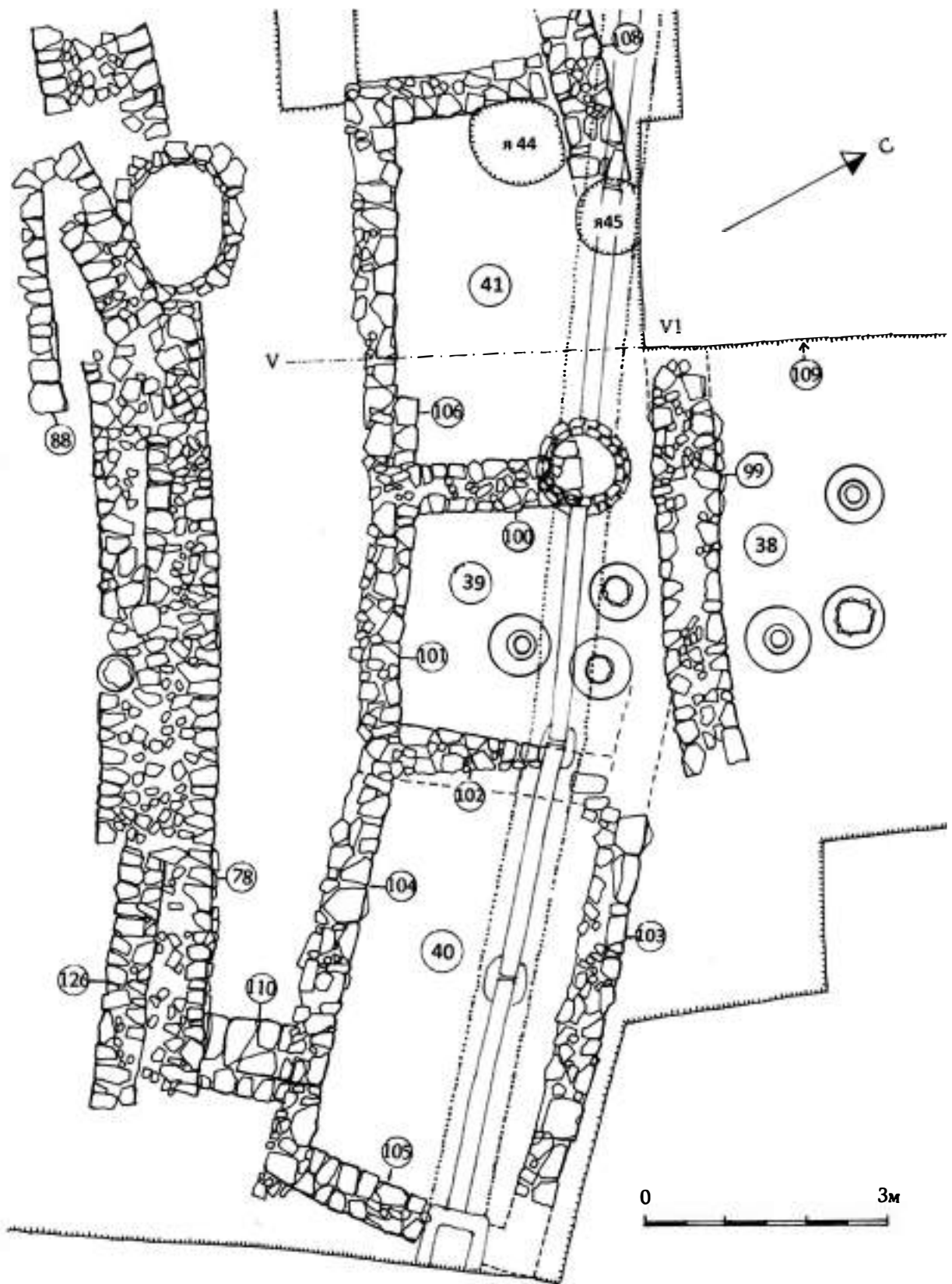

Рис. 135. План дома средневековой Алушты, погибшего в пожаре 60-80-х гг. XIVв.

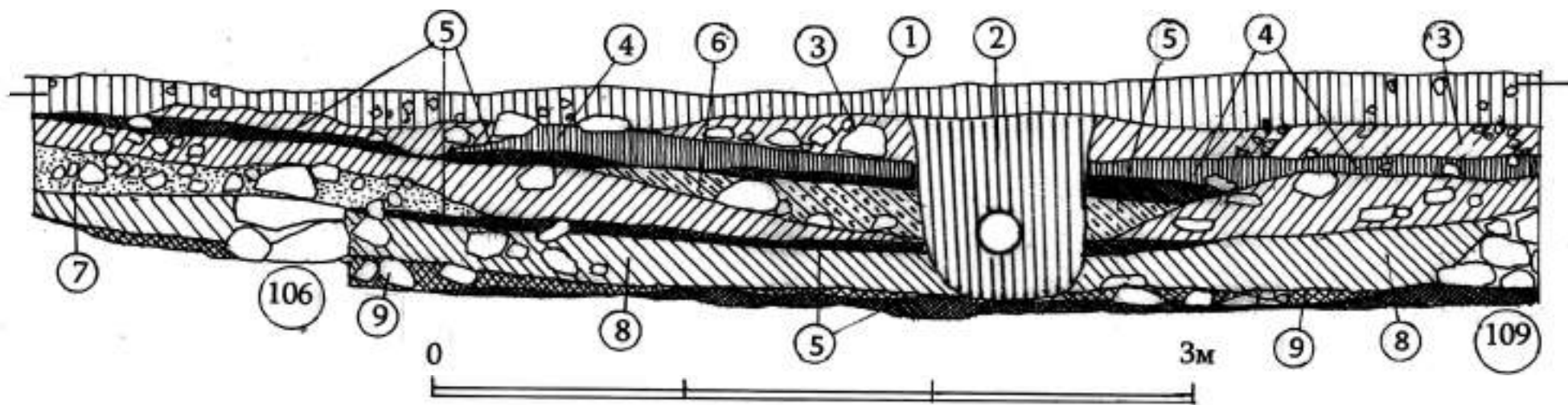

Рис. 136. Стратиграфия дома, погибшего в пожаре 60-80-х гг. XIV в. Разрез V-VI: 1 - слой строительного мусора XX в.; 2 -траншея канализации XX в.; 3 - слой разрушения строений; 4 - суглинок; 5 - следы горения; 6 - рыхлый серый грунт; 7 - слой с бутом и деструктурированным известковым раствором; 8 - слой разрушения здания XIV в.; 9 - уровень пола здания XIV в.

Рис. 137. Руины помещения 40 после раскопок. Вид с северо-запада.

Рис. 138. Помещение 39 с пифосами в доме, погибшем в пожаре 60-80-х гг. XIV в.

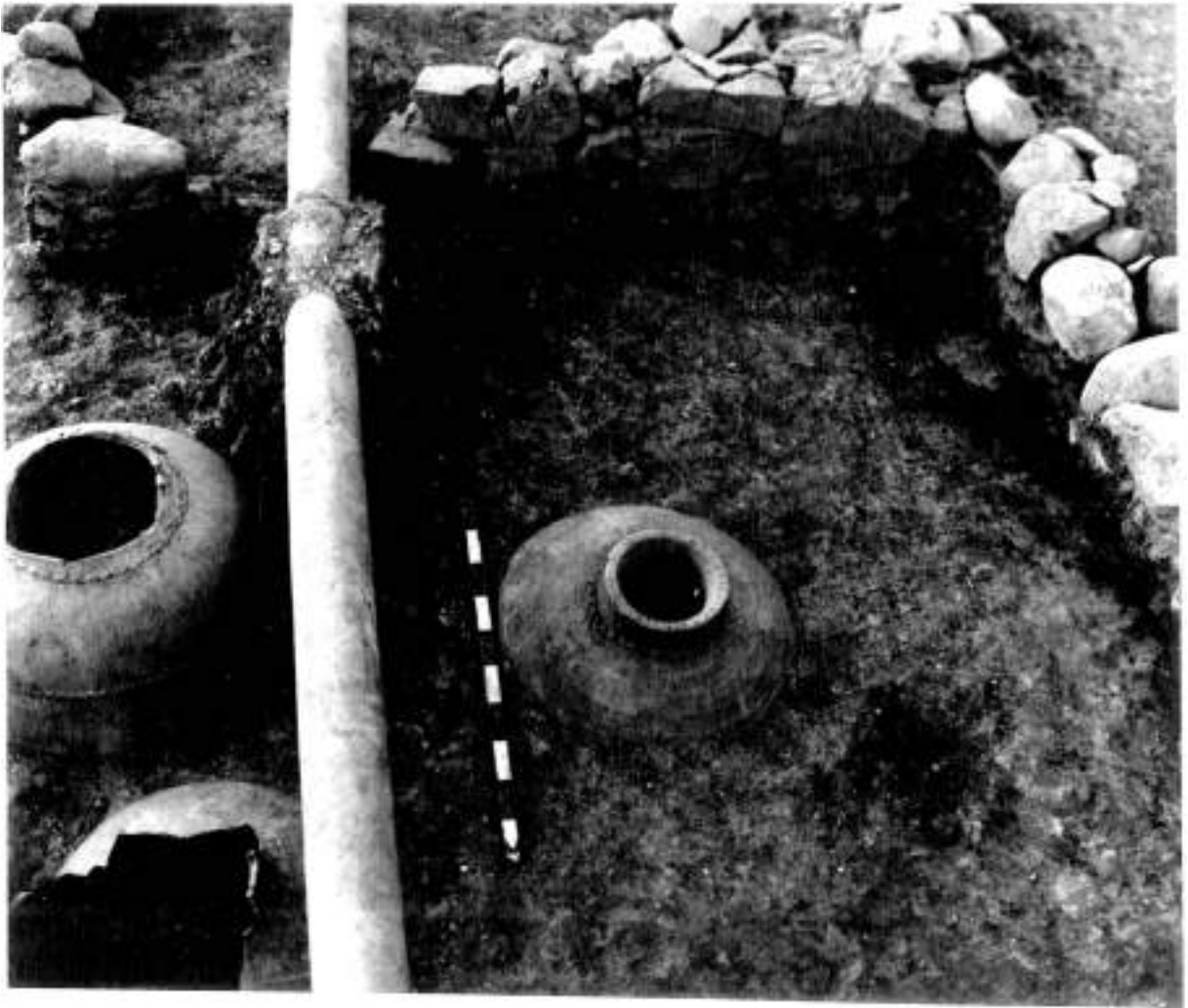

Рис. 139. Помещение 39 с пифосами и после выборки слоя пожара XIV в.

Рис. 140. Крепость Алустон. Красноглиняные поливные чаши из слоя пожара 60-80-х гг. XIV в.

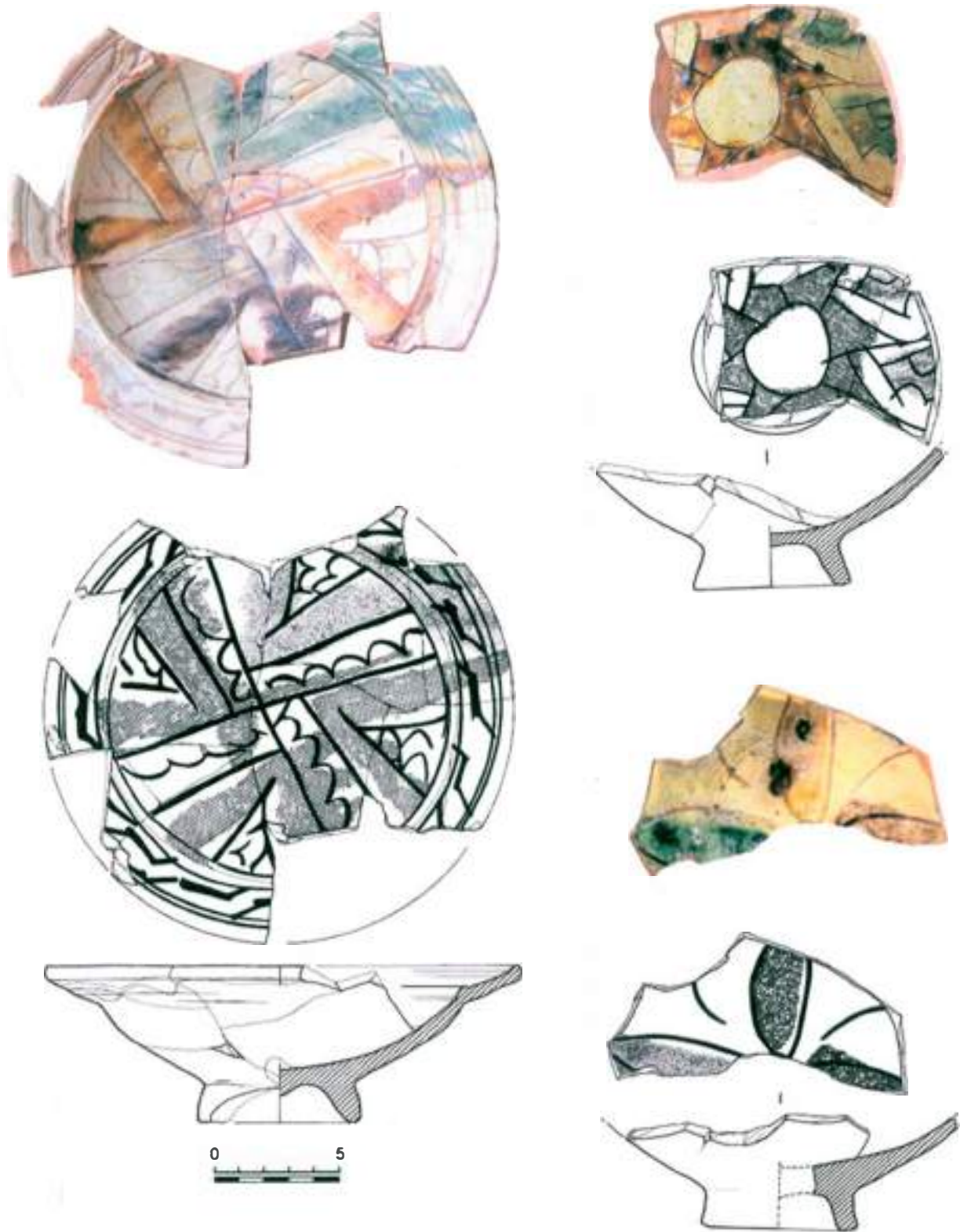

Рис. 141. Крепость Алустон. Фрагменты красноглиняных поливных чаш и тарелок из слоя пожара 60-80-х гг. XIV в.

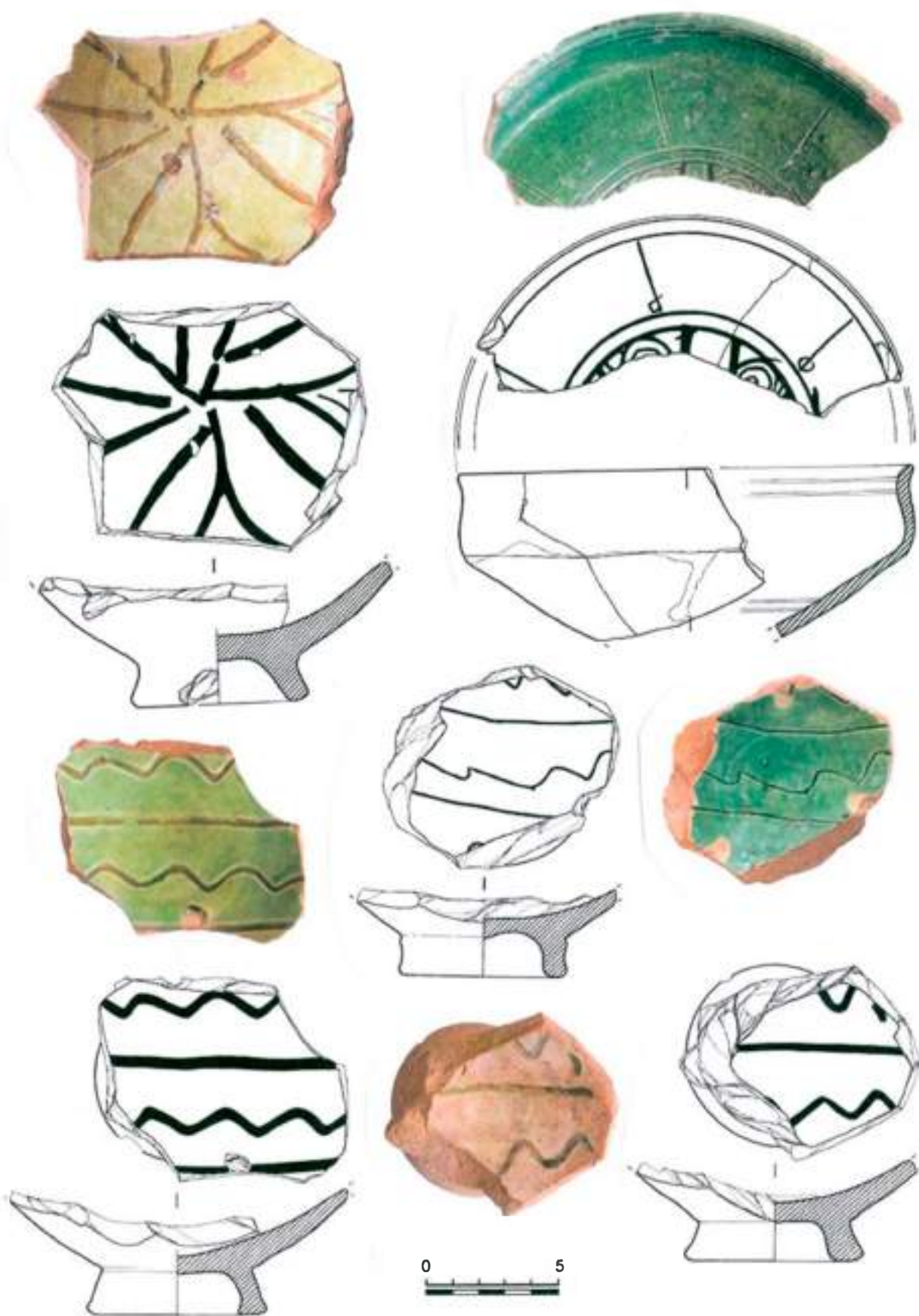

Рис. 142. Крепость Алустон. Золотоордынская поливная керамика из слоя пожара XIV в.

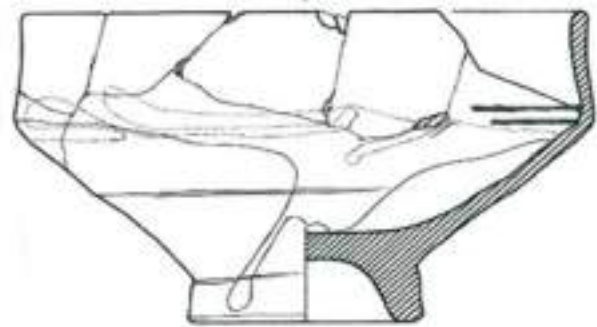
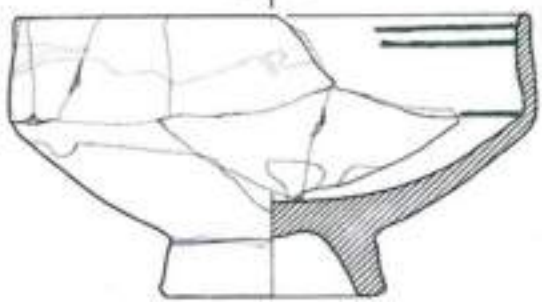

Рис. 143. Крепость Алустон. Золотоордынская поливная керамика из слоя пожара XIV в.

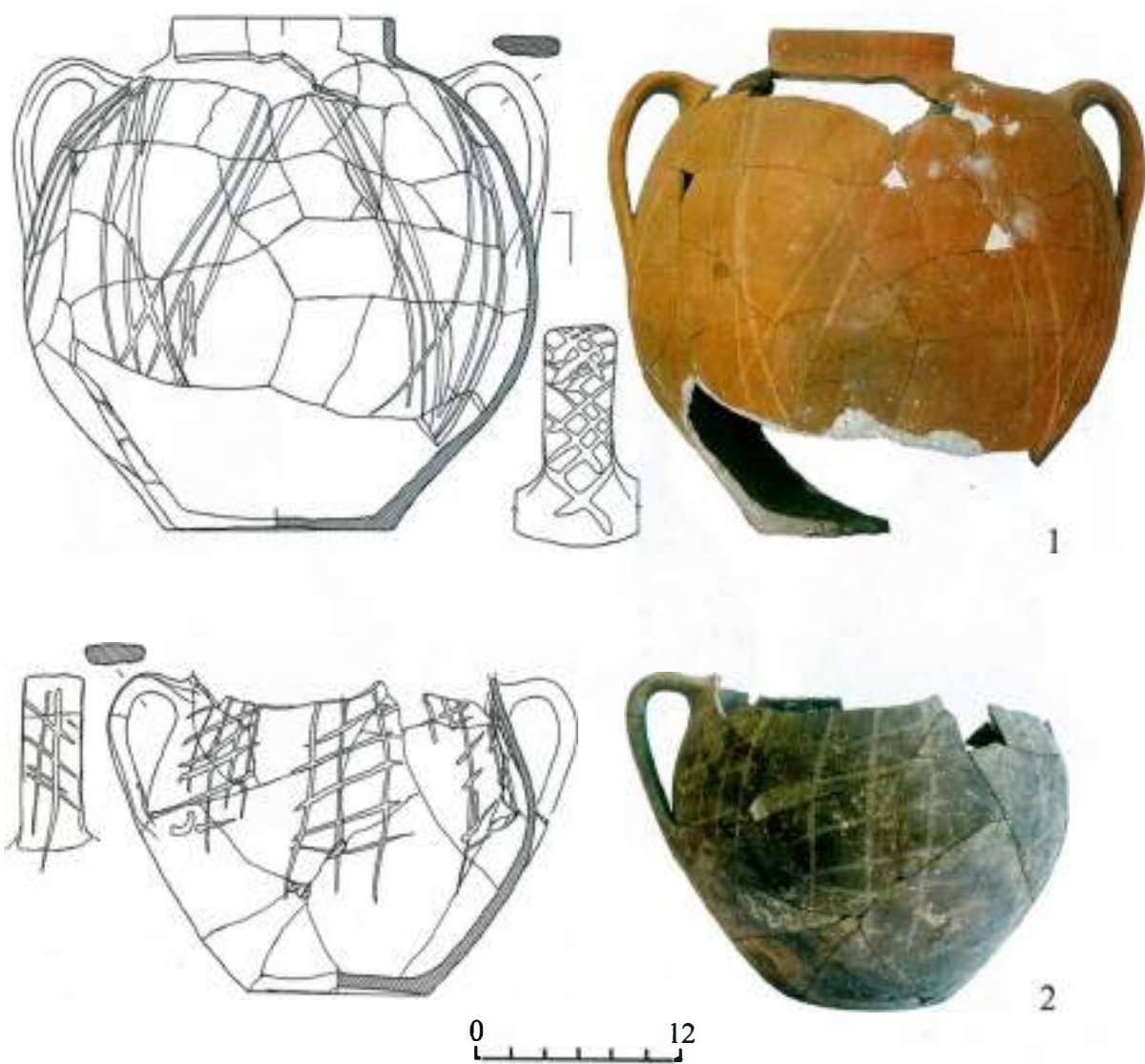

Рис. 144. Крепость Алустан. Коричневоглиняные двуручные сосуды из слоя XIV в.

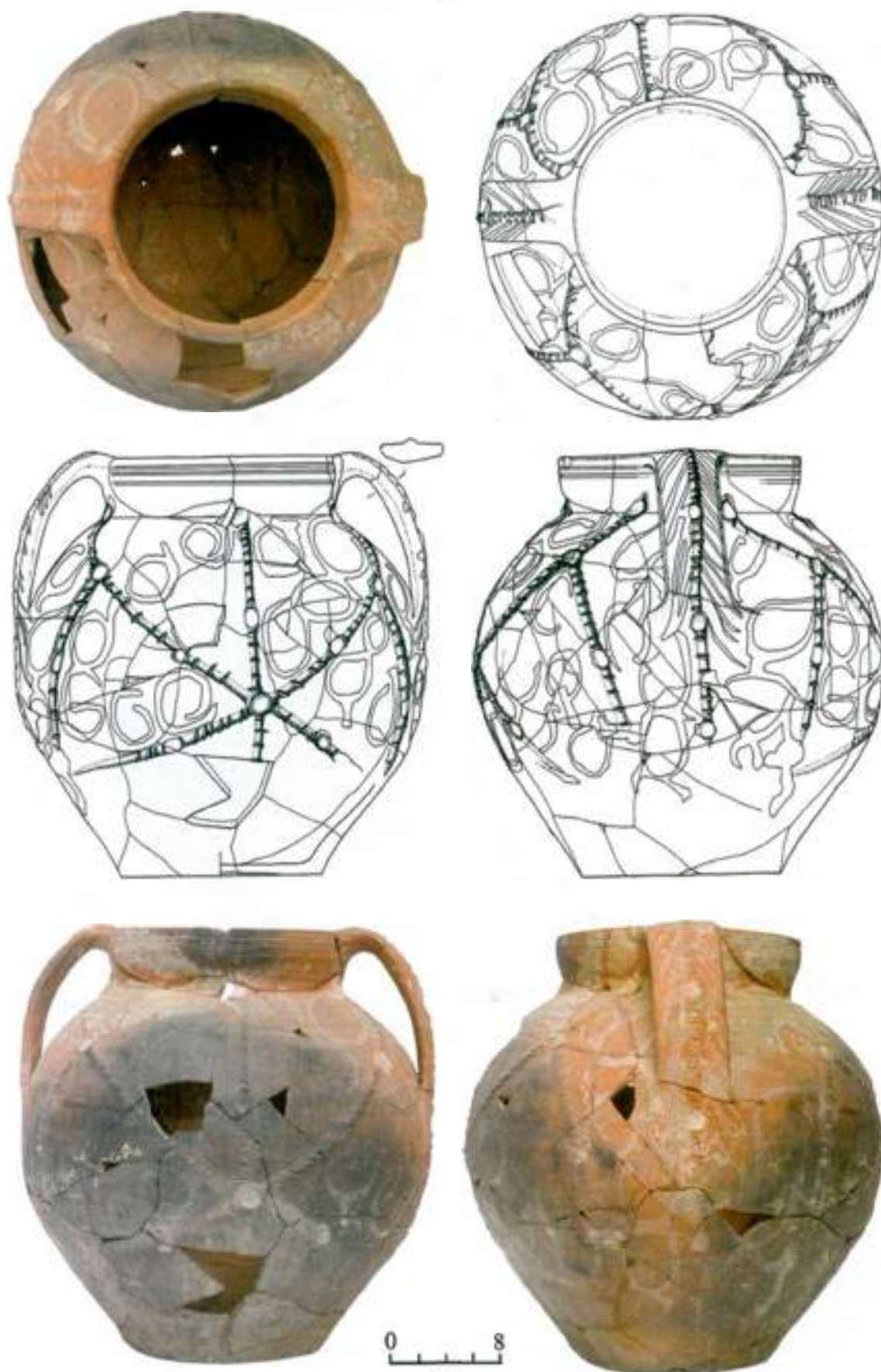

Рис. 145. Крепость Алустан. Коричневоглиняные горшки XIV в. украшенные налепами и белым ангобом

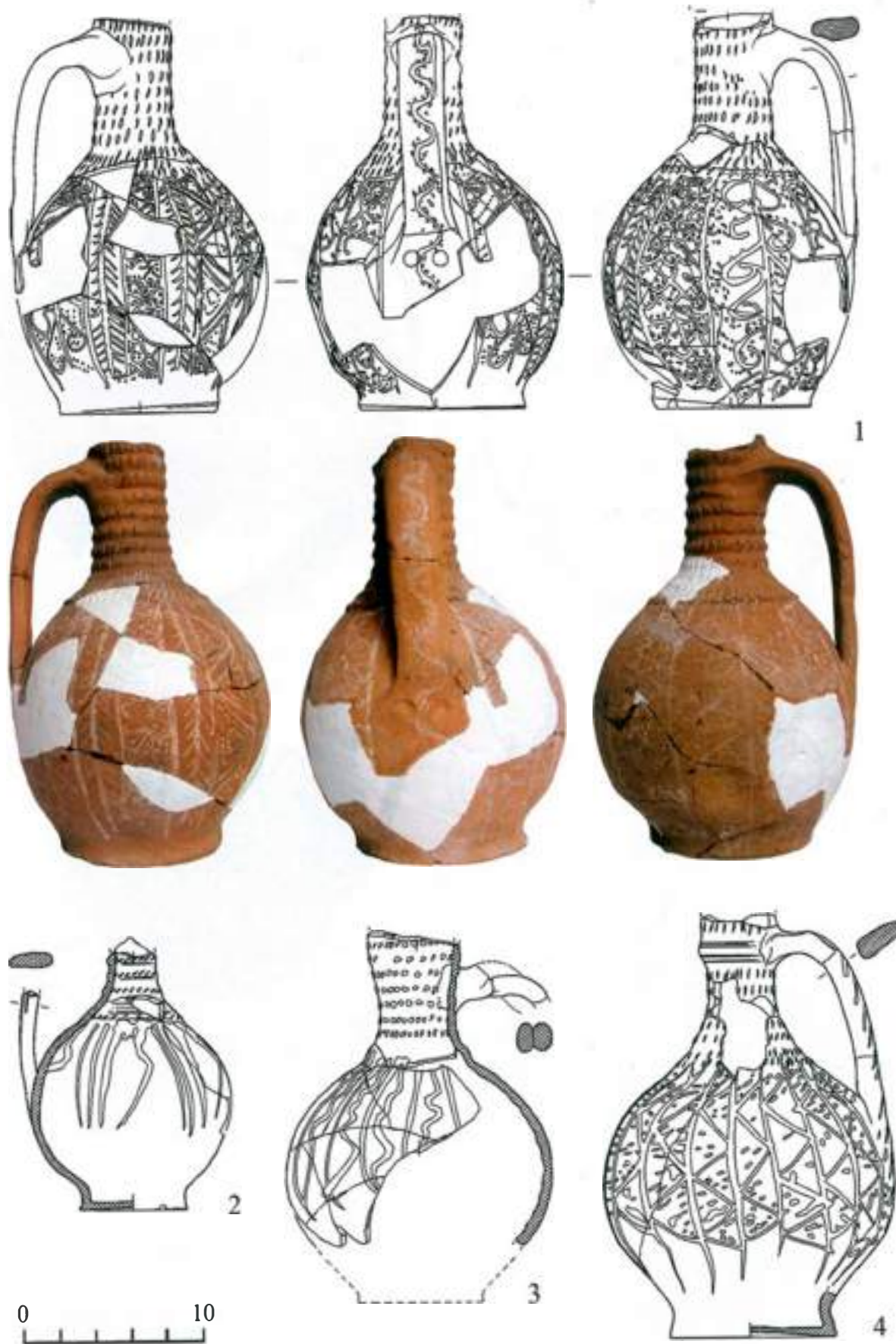

Рис. 146. Крепость Алустон. Коричневоглиняные кувшины с орнаментом выполненным белым ангобом (XIV в.)

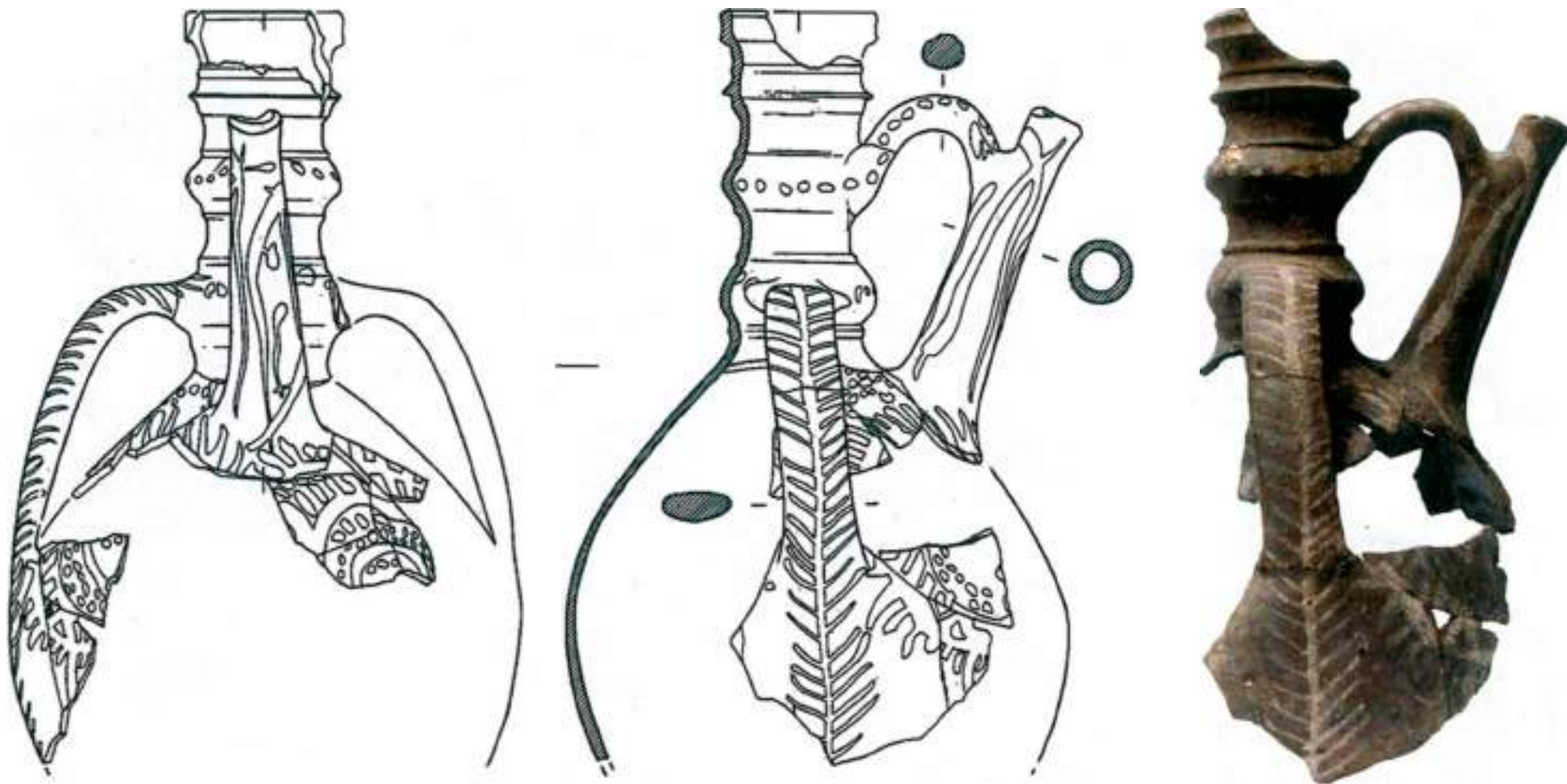

Рис. 147. Крепость Алустан. Коричневоглиняный кувшин XIV в. с росписью белым ангобом

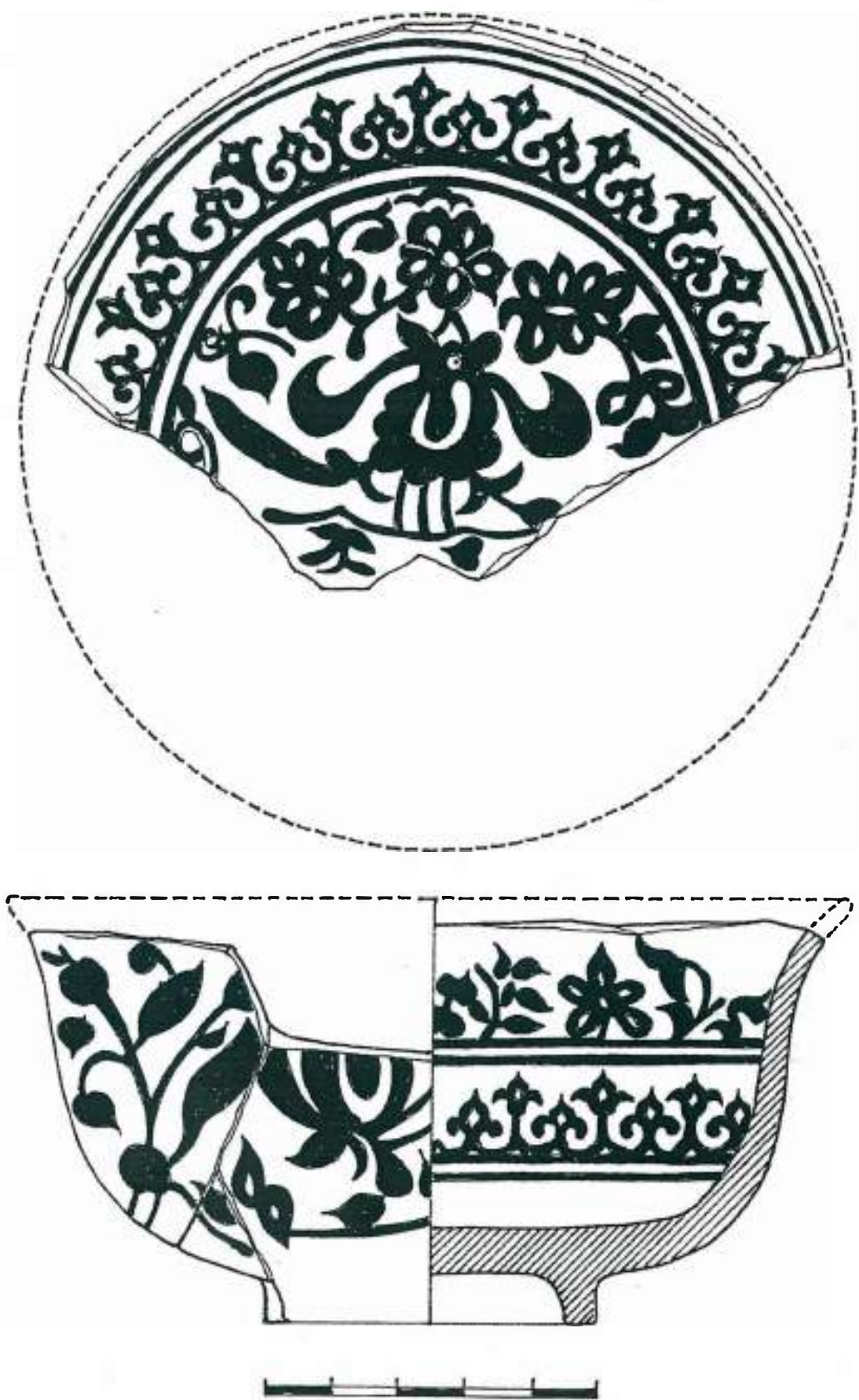

Рис. 148. Бухта Панаир, монастырь Успения Пресвятой Богородицы, кашинная чаша 80-90-х гг. XIV в.

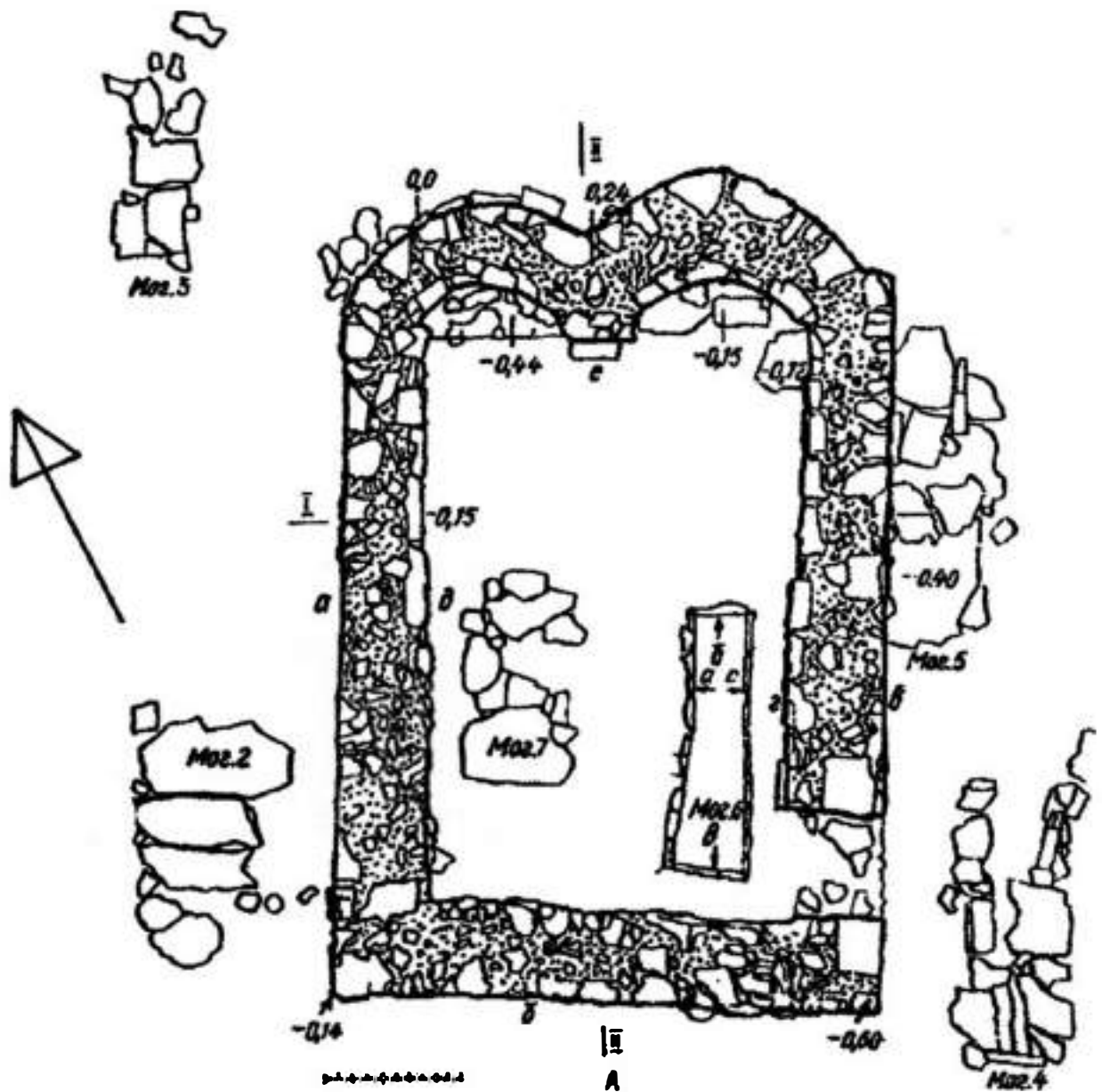

Рис. 149. Двухапсидный храм второй половины XIV - XV вв. некрополя Фуны. План (по Е.А. Айбабиной, 1991, рис. 3)

Рис. 150. Двухапсидный храм XIV-XV вв. некрополя Фуны: 1 - вид с востока; 2 - вид с запада (по Е.А. Айбабиной, 1991, рис. 1, 2)

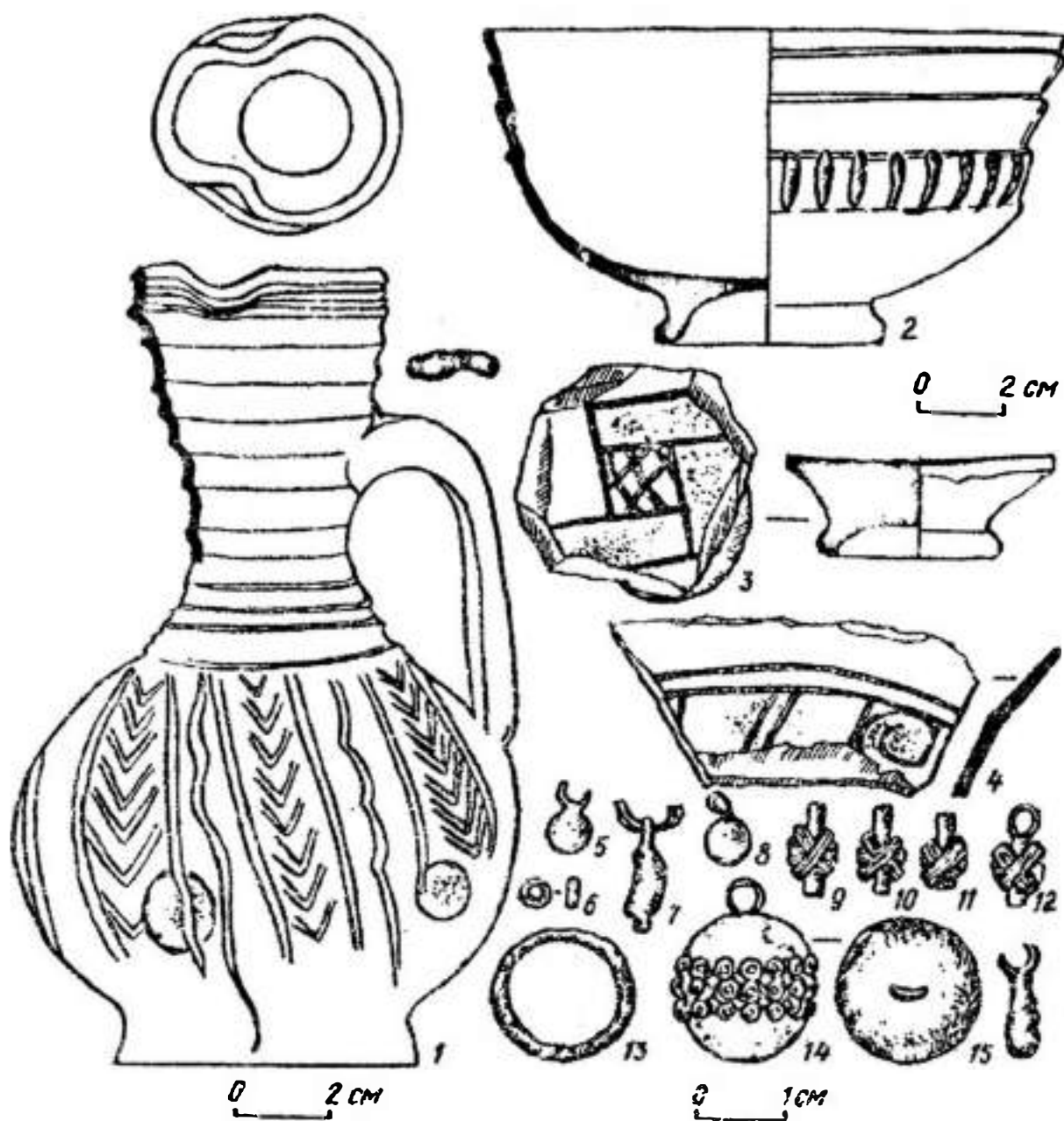

Рис. 151. Находки из раскопок двухапсидного храма некрополя Фуны и могил: 1, 5 - 12, 14, 15 - могила №7; 2 - могила №4; 3, 4 - из слоя разрушения храма; 13 - могила №2; погребение 2 (по Е.А. Айбабиной, 1991, рис. 8)

Рис. 152. Керамические изделия из погребений при двухапсидном храме некрополя Фуны: 1 - поливная чаша XV в. из могилы №4; 2 - коричнево-глиняный кувшин с росписью белым ангобом (конец XIV - XV в.) из могилы No7 (по Е.А. Айбабиной, 1991, рис. 9 - 10)

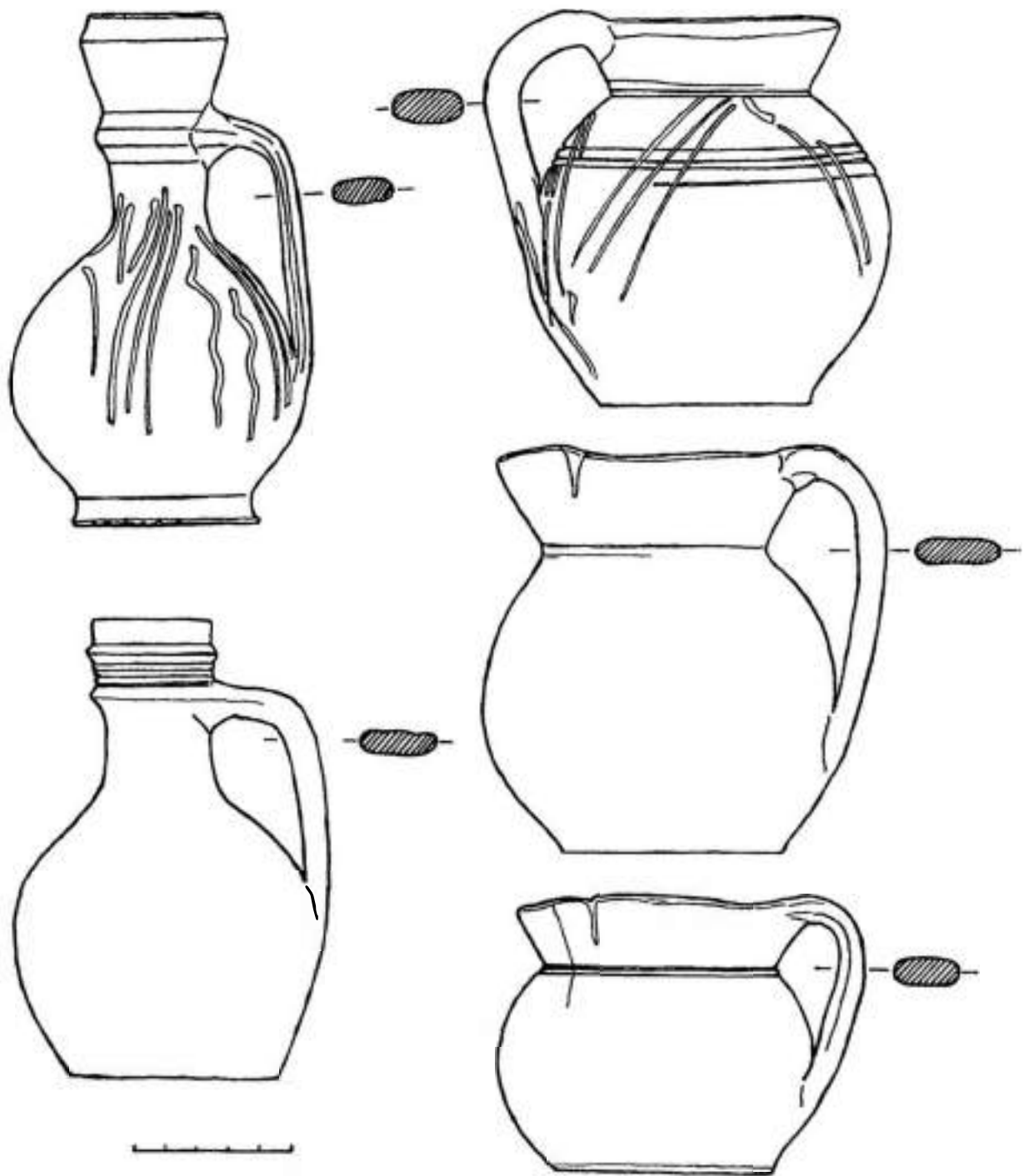

Рис. 153. Коричневоглиняные сосуды XIV - XV вв. из погребений некрополя Фуны (из раскопок О.А. Махнеевой 1966 г.)

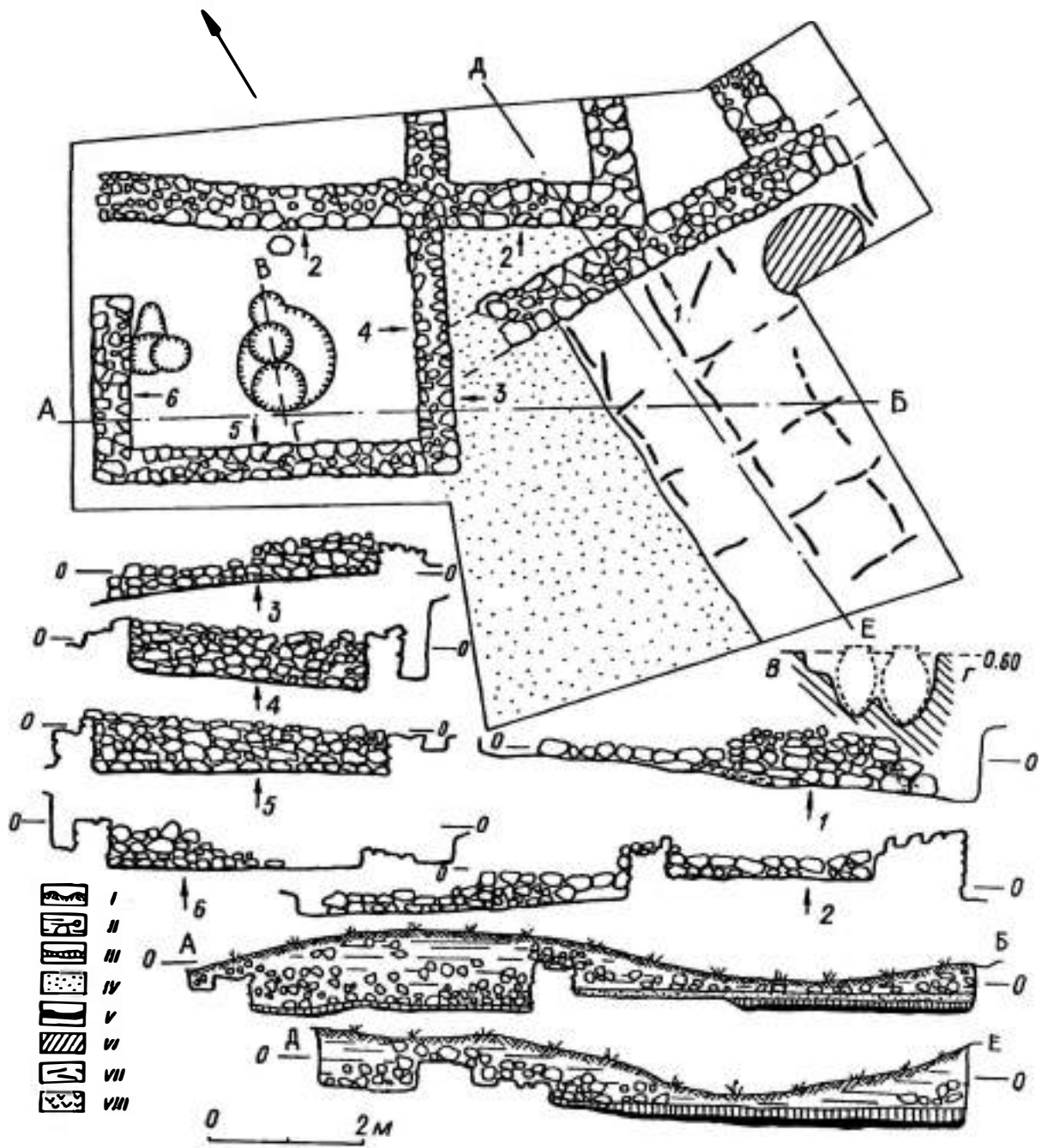

Рис. 154. Пампук-Кая. Дом XIV в., из которого происходит комплекс сосудов "западно-кавказского" типа

Рис. 155. Керамика и бытовые предметы конца XIII - XIV вв. из раскопок на г. Пампук-Кая

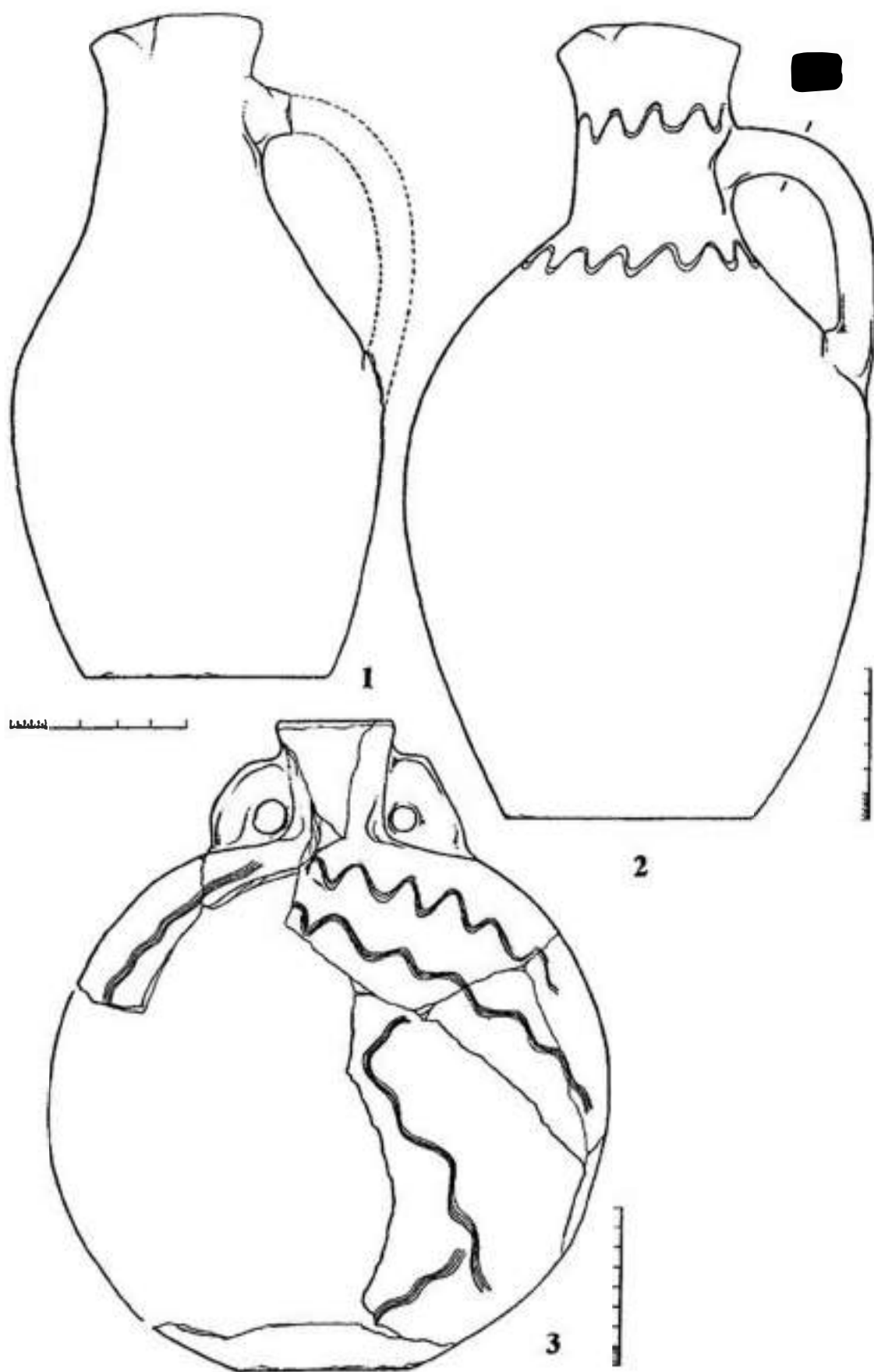

Рис. 156. Лепные кувшины (1 - 2) и фляга (3) рубежа XIII - XIV вв. из раскопок Лусты (Алушты) золотоордынского периода

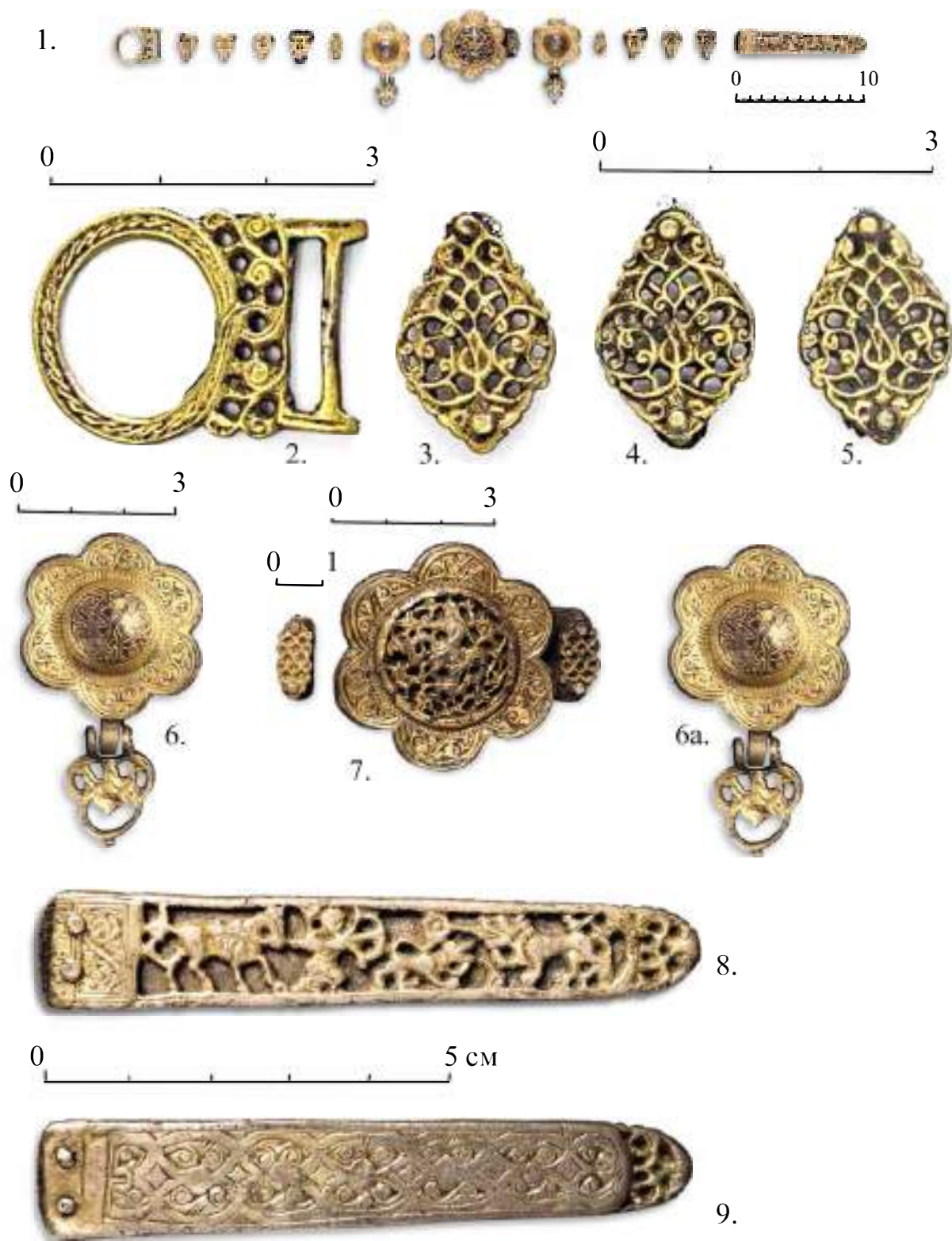

Рис. 157. Серебряный пояс с позолотой 30 - 50-х гг. XIV в. из погребения №481 в центральном нефе Мангупской базилики (2005 г.): 1 - детали пояса в полном наборе (16 шт.); 2 - пряжка с прорезью; 3 - 5 накладки с цветочным узором (7шт); 6, ба - обоймица с подвеской для крепления ножен; 7 - центральная обоймица с изображением всадника; 8 - наконечник пояса с изображением сцены охоты (лицевая сторона); 9 - оборотная сторона наконечника пояса с растительным орнаментом (по М.Г. Крамаровский, 2008: рис. 1а; 2; 3а, в)

Рис. 158. Крепость Воспоро в XIV -XV вв. Реконструкция (по С.Г. Бочарову, 2015, рис. 8)

Рис. 159. Реконструкция крепости Востропо в XIV - XV вв. (по С.Г. Бочарову, 2015, рис. 9)

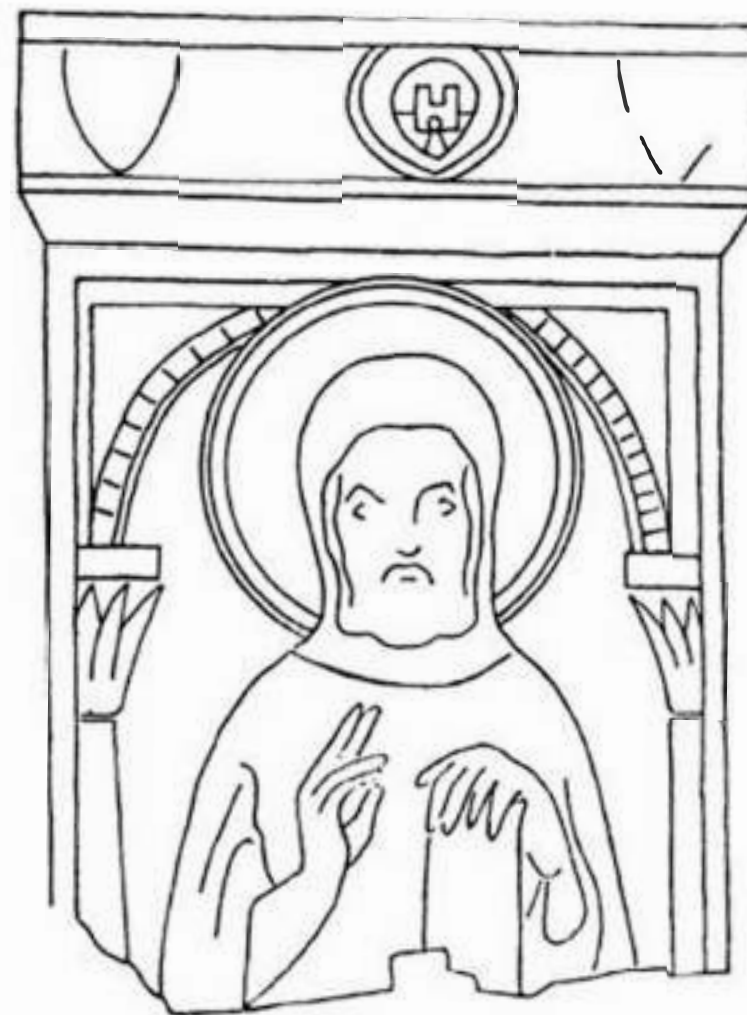

Рис. 160. Фреска на западной пилястре купольного здания Судакской крепости (по Д.А. Ломакину, 2019, рис. 4)

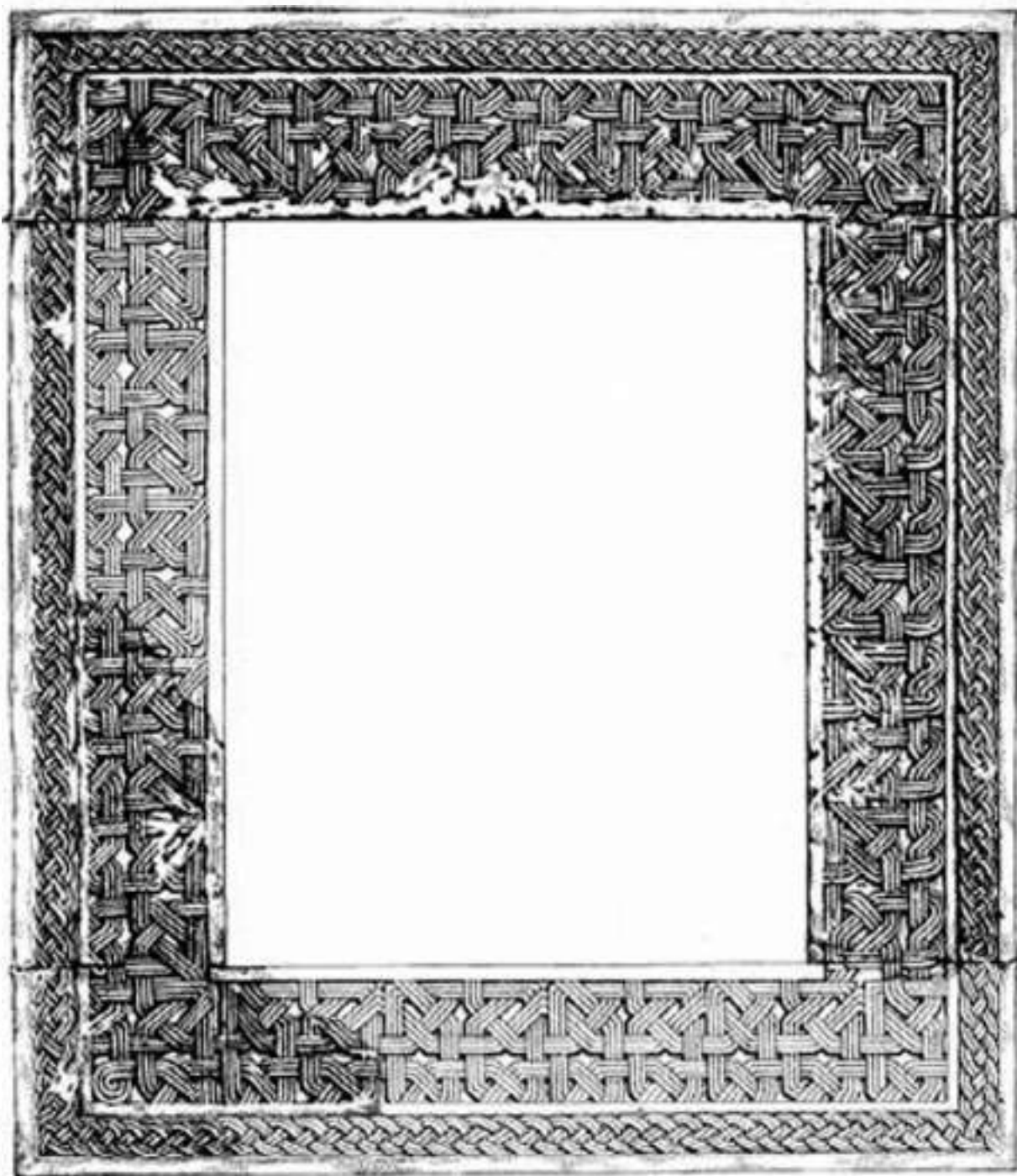

Рис. 161. Прорисовка наличника северного окна галереи купольного здания в Судаче (по Д.А. Ломакину, 2019, рис. 6)

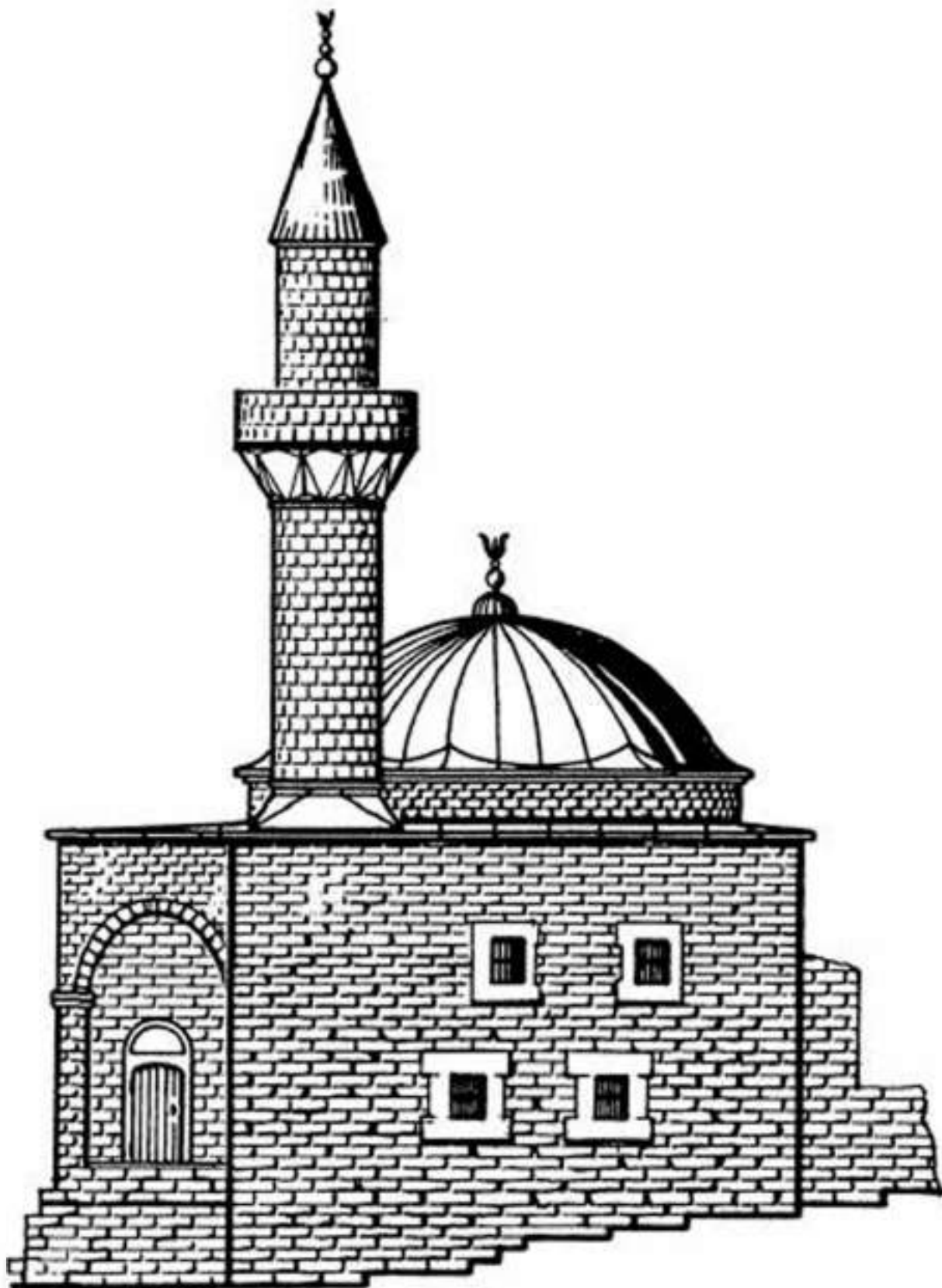

Рис. 162. Проект реставрации мечети с восстановлением минарета (по Д.А. Ломакину, 2019, рис. 7)

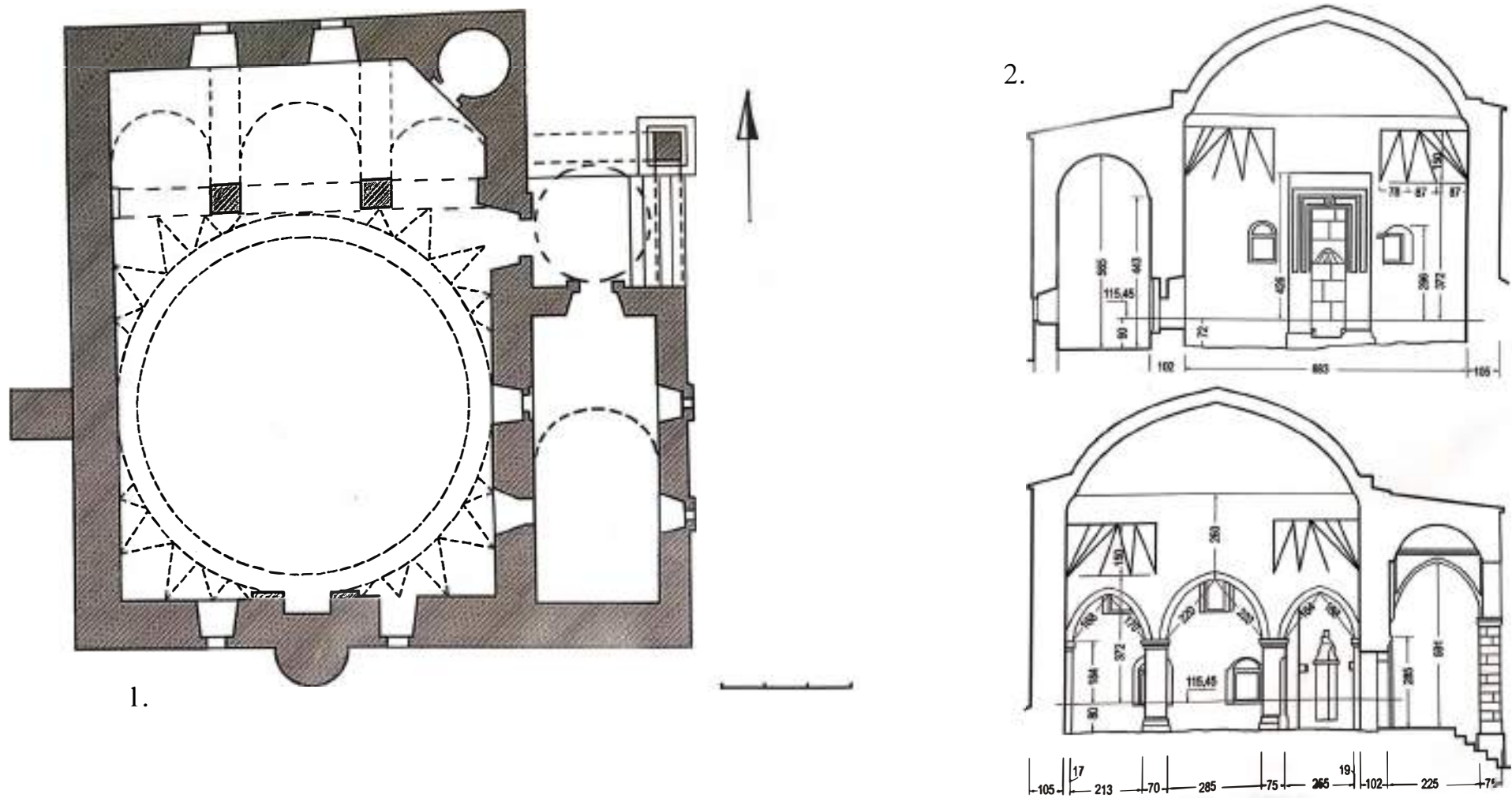

Рис. 163. Купольное здание в Судакской крепости: 1. План (по И.А. Баранову, 2005, рис.1); 2 - Разрез с видом на юг, 3 -разрез с видом на север (2, 3 - по М.А. Фронджуло, 2005, рис. 3)

1.

2.

3.

Рис. 164. Сугдея XIII - XV вв. Купольное здание с аркадой, современное состояние: 1 - вид с юго-запада; 2 - вид с юга; 3 - вид с северо-востока. Фото автора

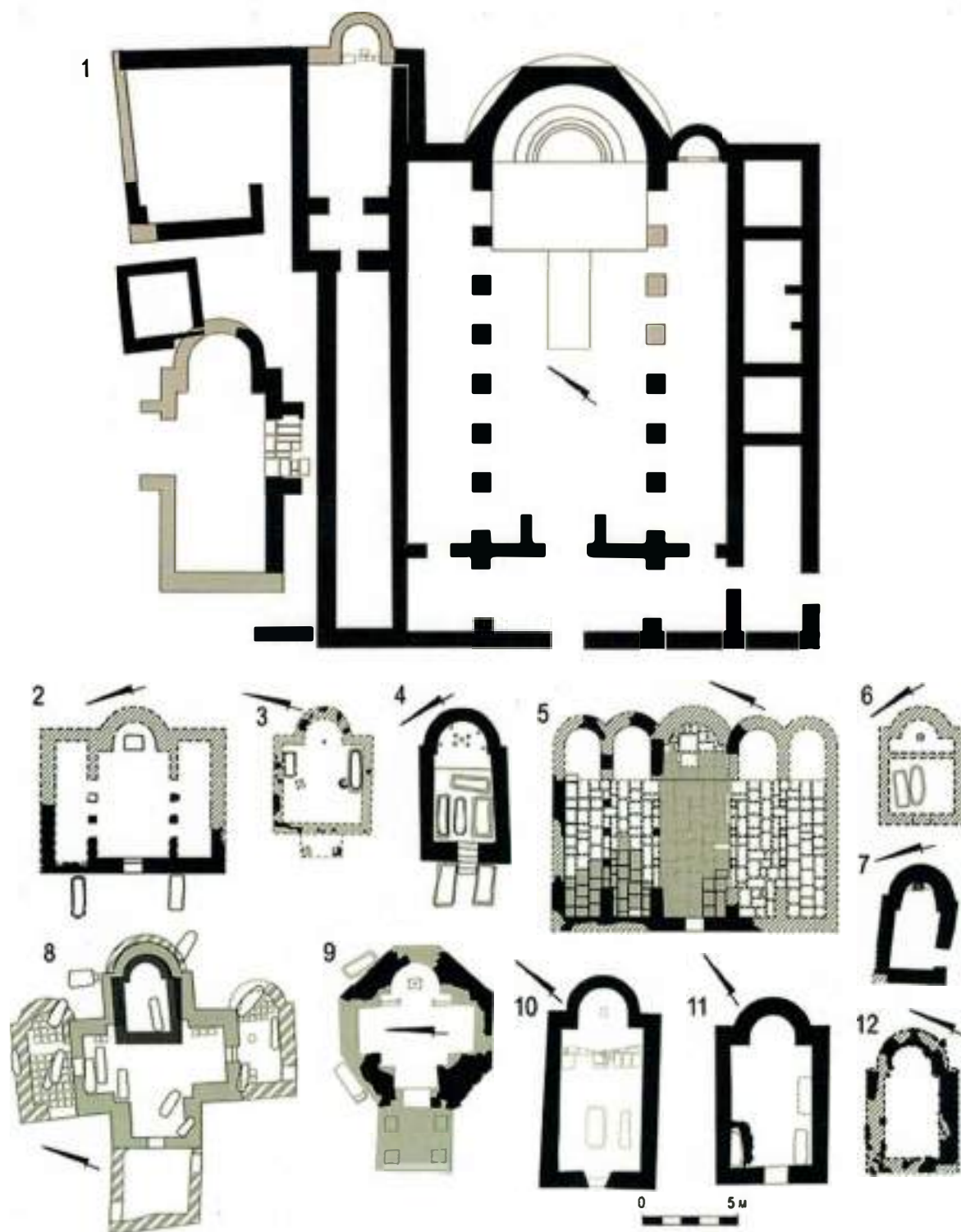

Рис. 165. Планы-реконструкции христианских храмов Мангупского городища, изученных археологически: 1 - Большая трехнефная базилика; 2 - "малая южная базилика"; 3 - "церковь 2015 г."; 4 - "церковь 1967 г."; 5 - "базилика Маркевича"; 6 - "церковь 1968 г."; 7 - храм наг. Илька; 8 - крестообразный храм; 9 - октагональный храм; 10 - церковь св. Константина; 11 - церковь св. Георгия; 12 - "церковь 1969 г.". Реконструкция выполнена: 1 - по: Н.И. Бармина, 2008, с.307, ил.3; 8 - по: В.Л. Мыц, 1990, с. 227, рис. 3; 2 - 7, 9 - 12 - по В.Е. Науменко, А.Г. Герцен, Д.В. Иожица, 2021, с. 270, рис. 2

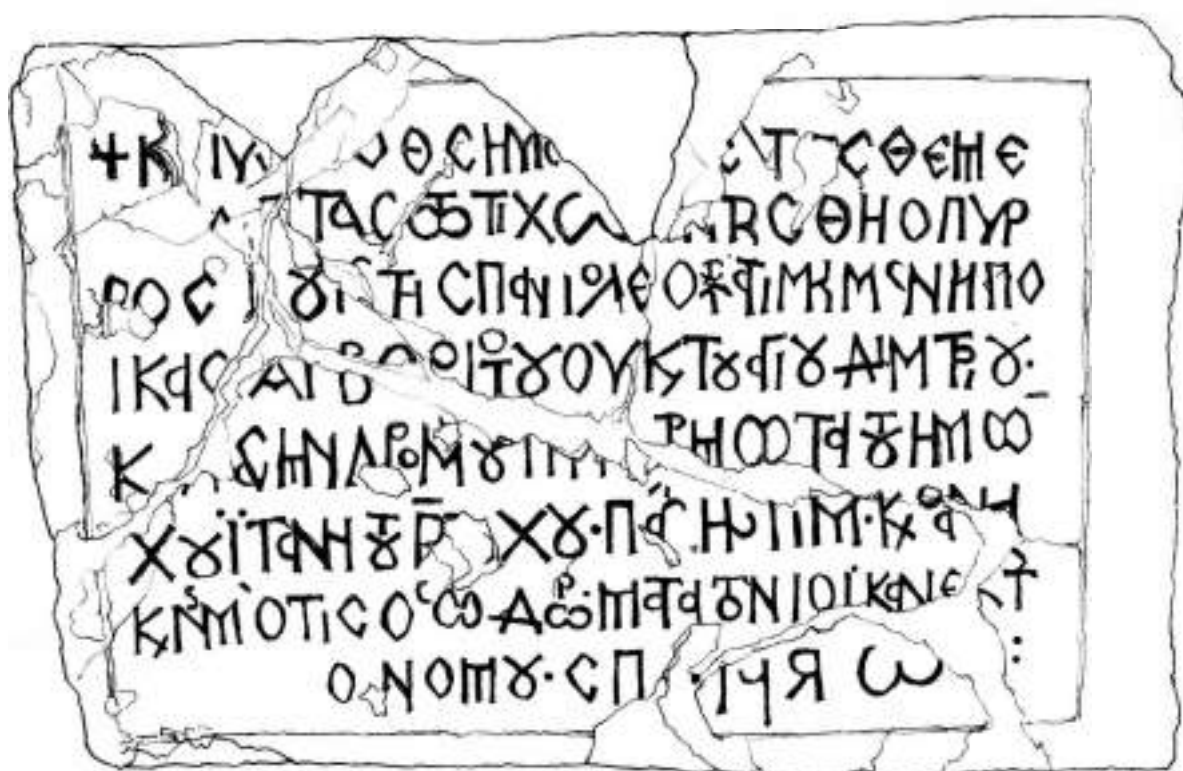

Рис. 166. Строительная надпись 1361/62 г. из раскопок мангупской базилики. Фото и прорисовка (современное состояние памятника)

Рис. 167. Надгробие с надписью 28 июня 1364 г. из некрополя селения Лаки (современное состояние памятника)

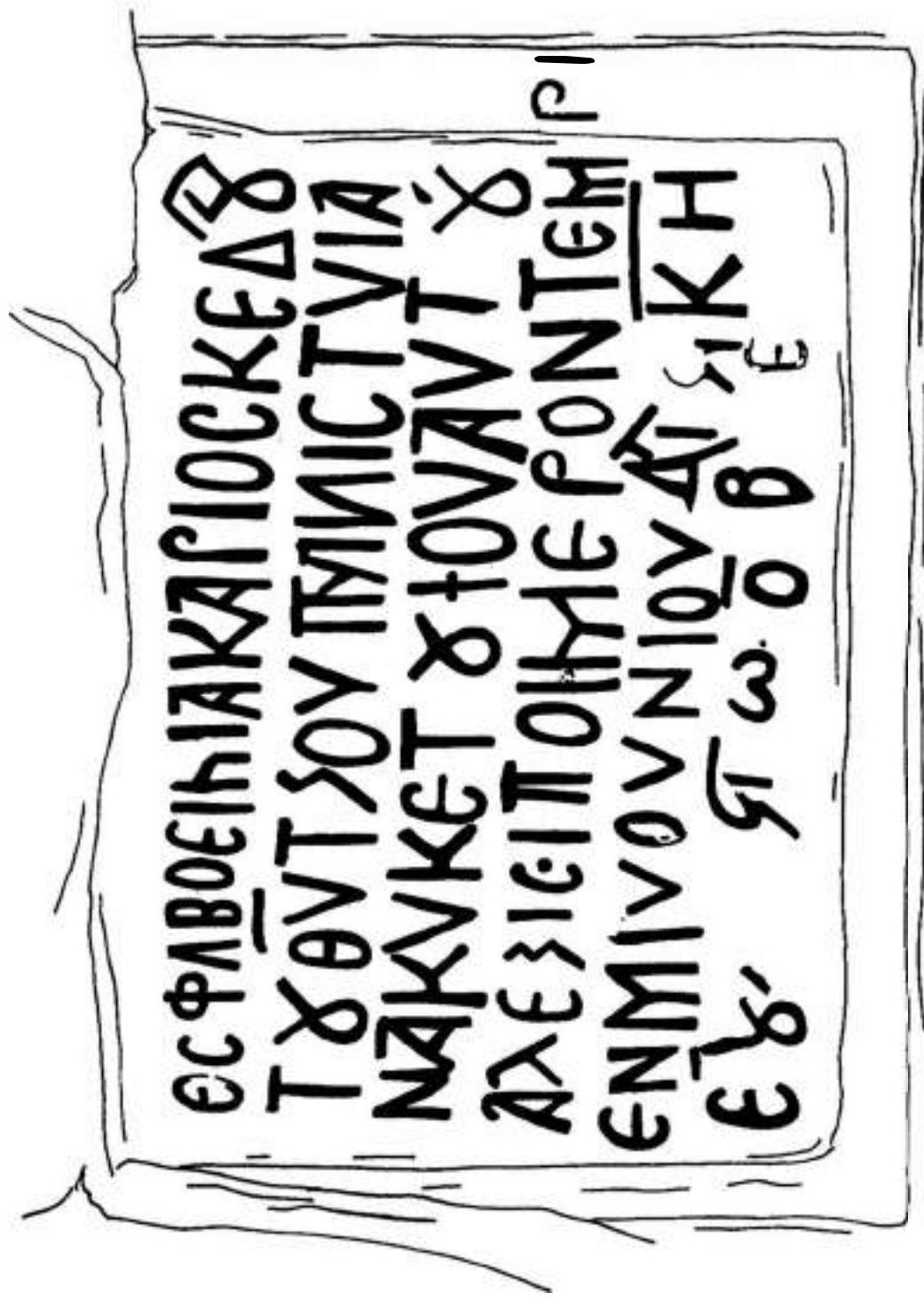

Рис. 168. Прорисовка надписи 28 июня 1364 г.

1.

2.

Рис. 169. Надписи XIV в. из Юго-Западного Крыма: 1 - надпись с датой 28 июня 1364 г. (известняк); 2 - фрагмент надписи с именем Тахтамышша (белый мрамор)

Рис. 170. Главные ворота Мангуша-Феодоро (рисунок середины XIX в. М. Бебеля, по Мальгина, 2006, №248)

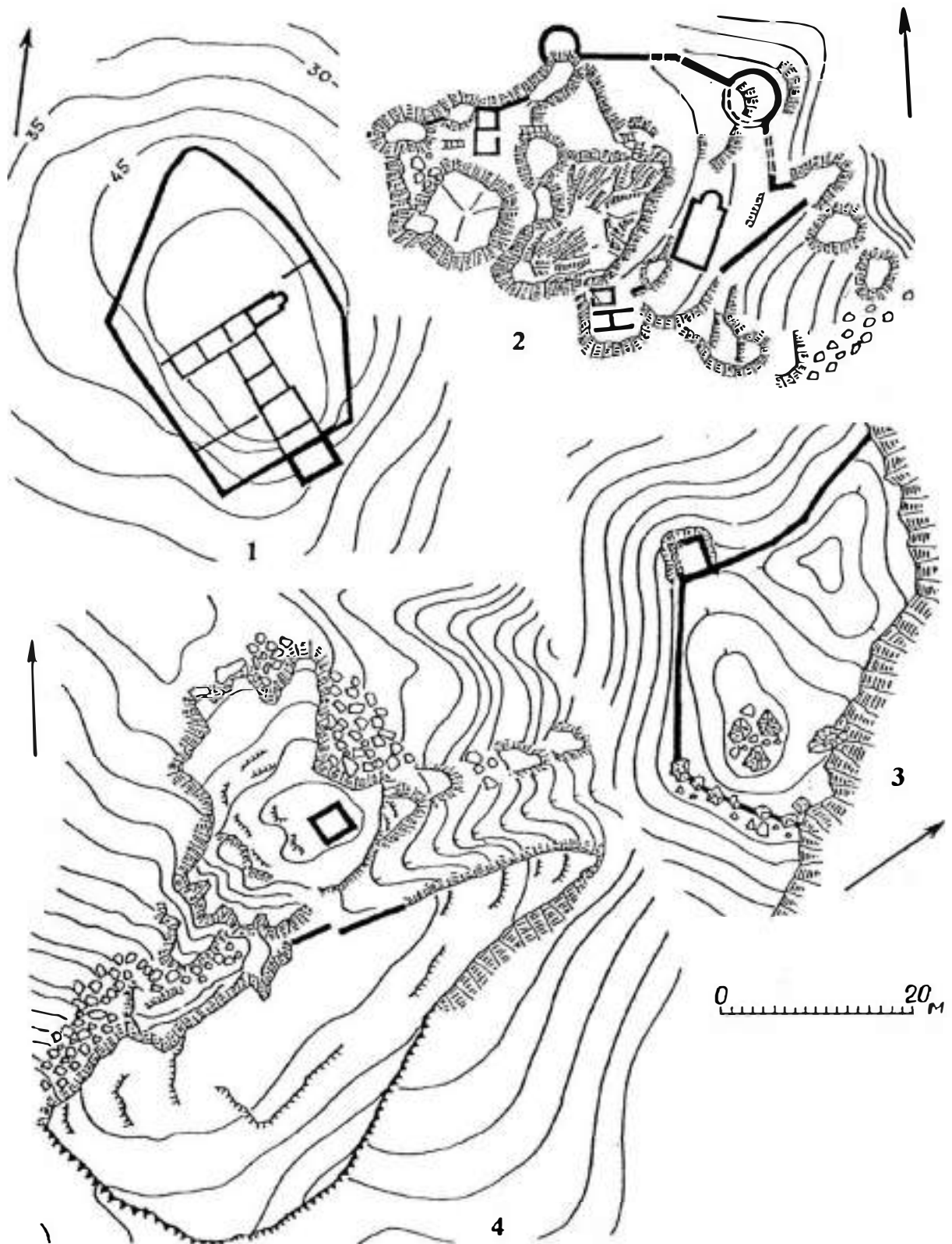

Рис. 171. Укрепления XV в. приморской Готии и консульства Каффы: 1 - Кордон-Оба (Calliera); 2 - Симеиз; 3 - Дегерменкой; 4 - Гелин-Кая

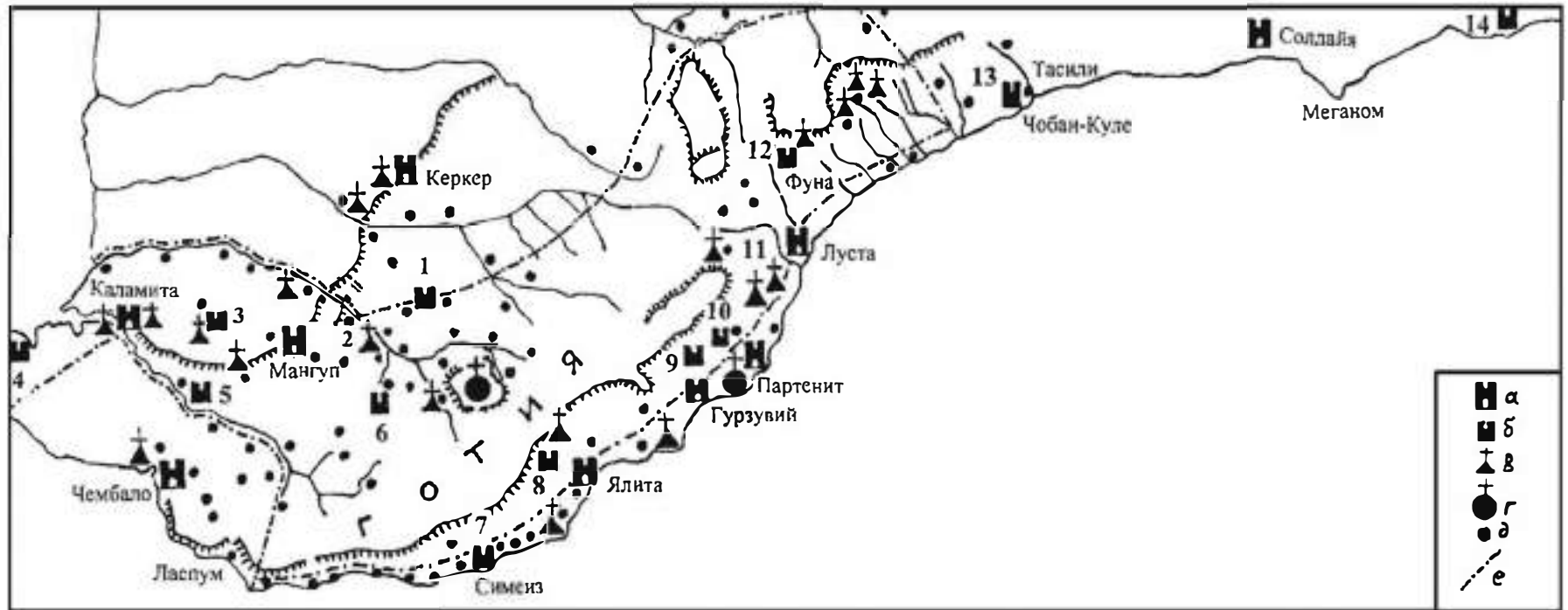

Рис. 172. Схема расположения укреплений на территории Готии, дистрики Солдайи и консульства Каффы: а - города; б - замки (каструмы); в - монастыри; г - крупные церковные владения; д - поселения; е - примерная граница владений Феодоро. 1 - Керменчик; 2 - Пампук-Кая; 3 - Черкес-Кермен; 4 - Херсон; 5 - Чоргунская башня; 6 - Сандык-Кая; 7 - Панеа; 8 - Учансу-Исар; 9 - Гелин-Кая; 10 - Дегерменкой; 11 - Ай-Тодор; 12 - Фуна; 13 - Чобан-Куле; 14 - Кордон-Оба

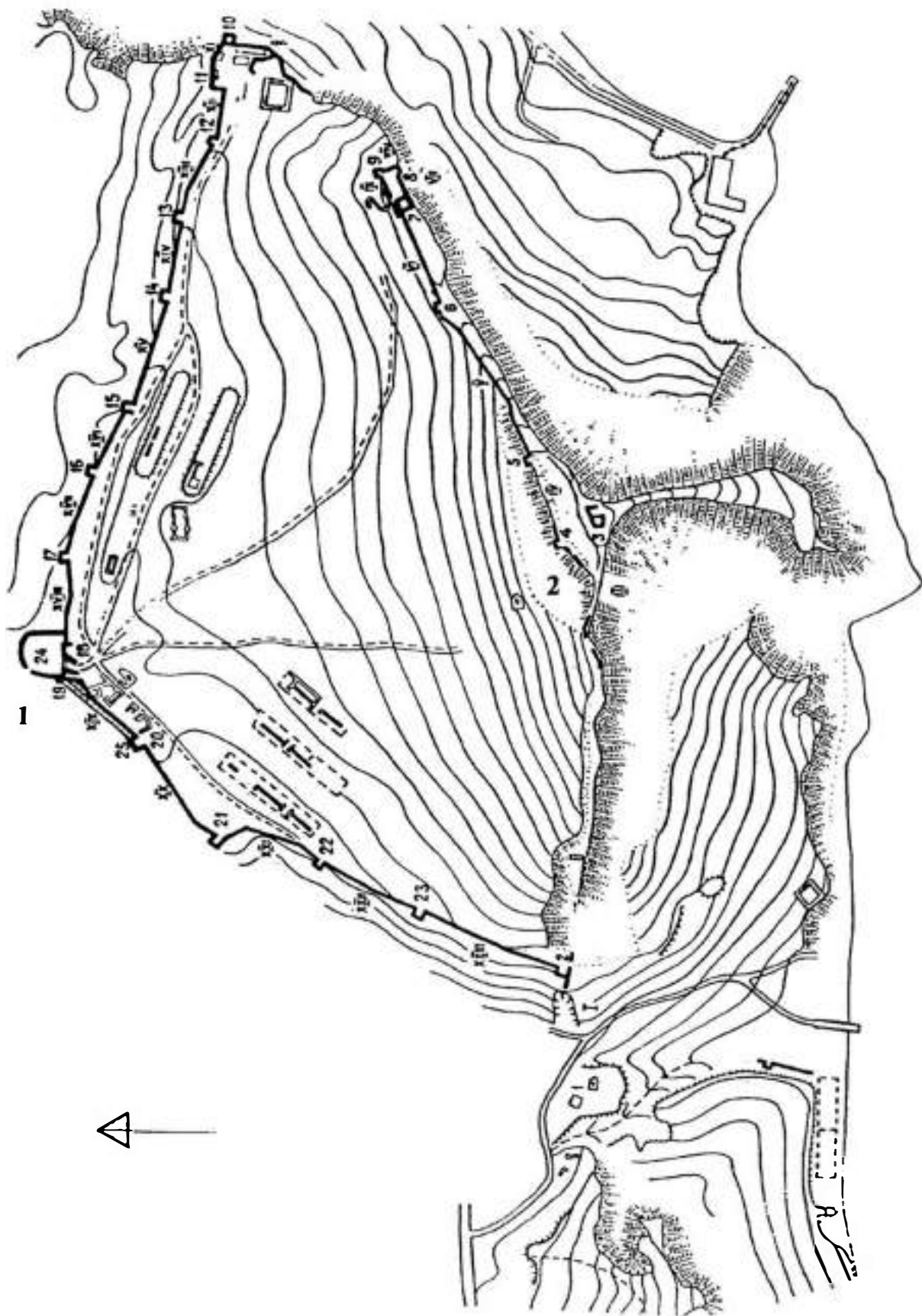

Рис. 173. Крепость Солдайя XIV - XV вв.: 1 - Нижний город (каструм Санта Кроче); 2 - Верхний город (каструм Санта Элиа)

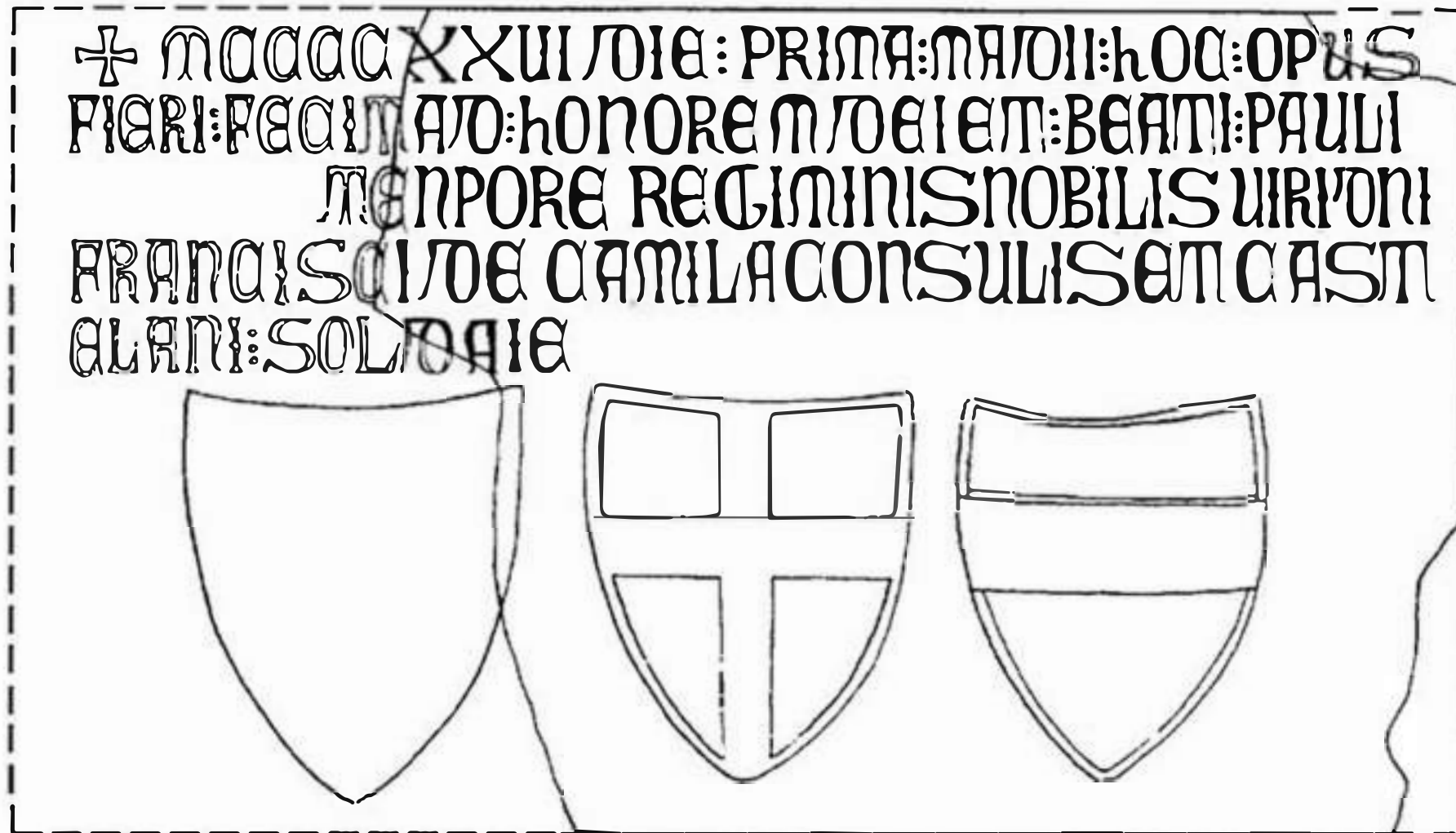

Рис. 174. Строительная плита 1426 г. консула и кастеллана Солдайи Франческа де Камилла (по И.А. Баранову, Л.Г. Климанову, 1997, рис. 1)

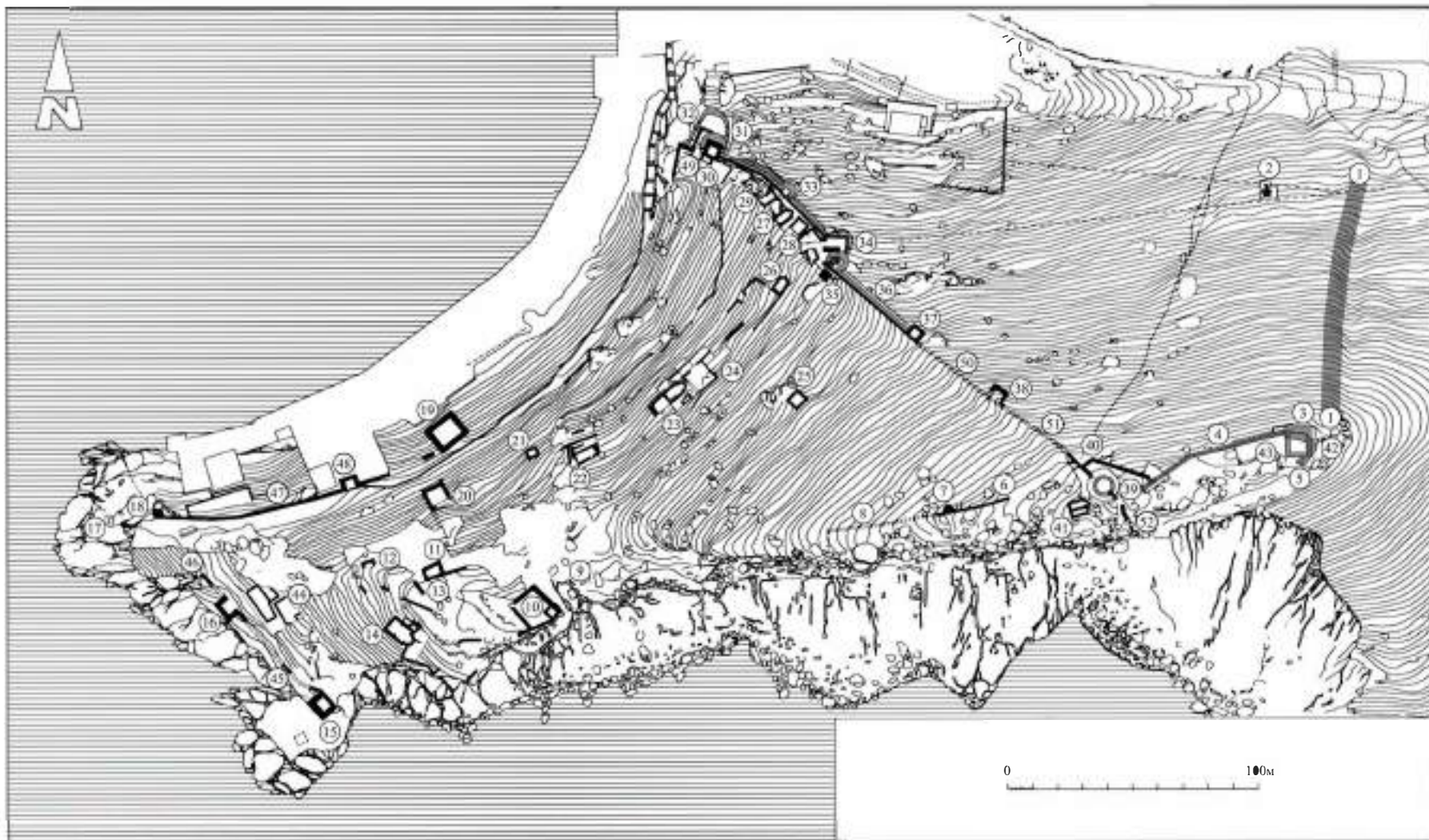

Рис. 175. Крепость Чембало (1345 - 1475 гг.). План 2019 г.

Рис. 176. Цитадель Чембало на вершине г. Кастрон (фото К.Вильямса и Г. Мака)

Рис. 177. Следы рвов и валов на северном склоне г. Кастрон. Вид с севера.

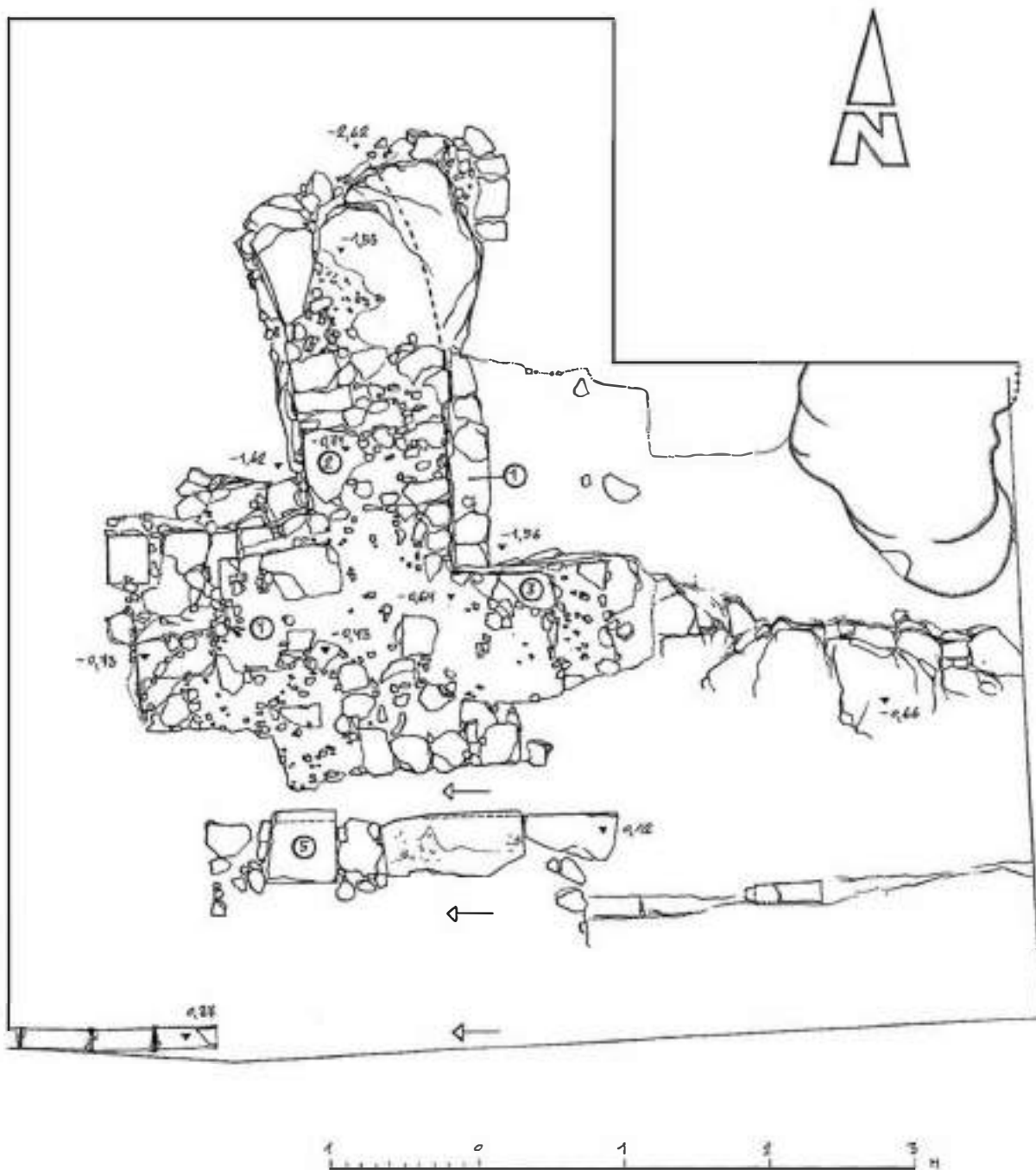

Рис. 178. План северной части башни середины XIV в.(?), открытой с внутренней стороны вала

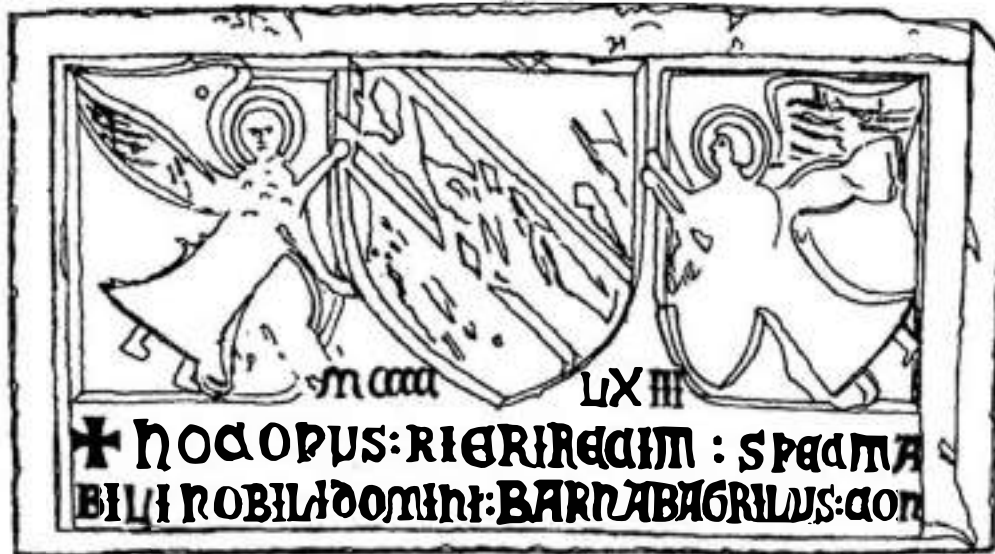

Рис. 179. Латинские надписи из Чембало: 1 - Симоне дель Орто (1357 г.); 2 - Барнабо Грилло (1463 г.); 3 - Баптиста ди Олива (1467 г.) (по Skryzinska, 1928, No 53; 54; 55)

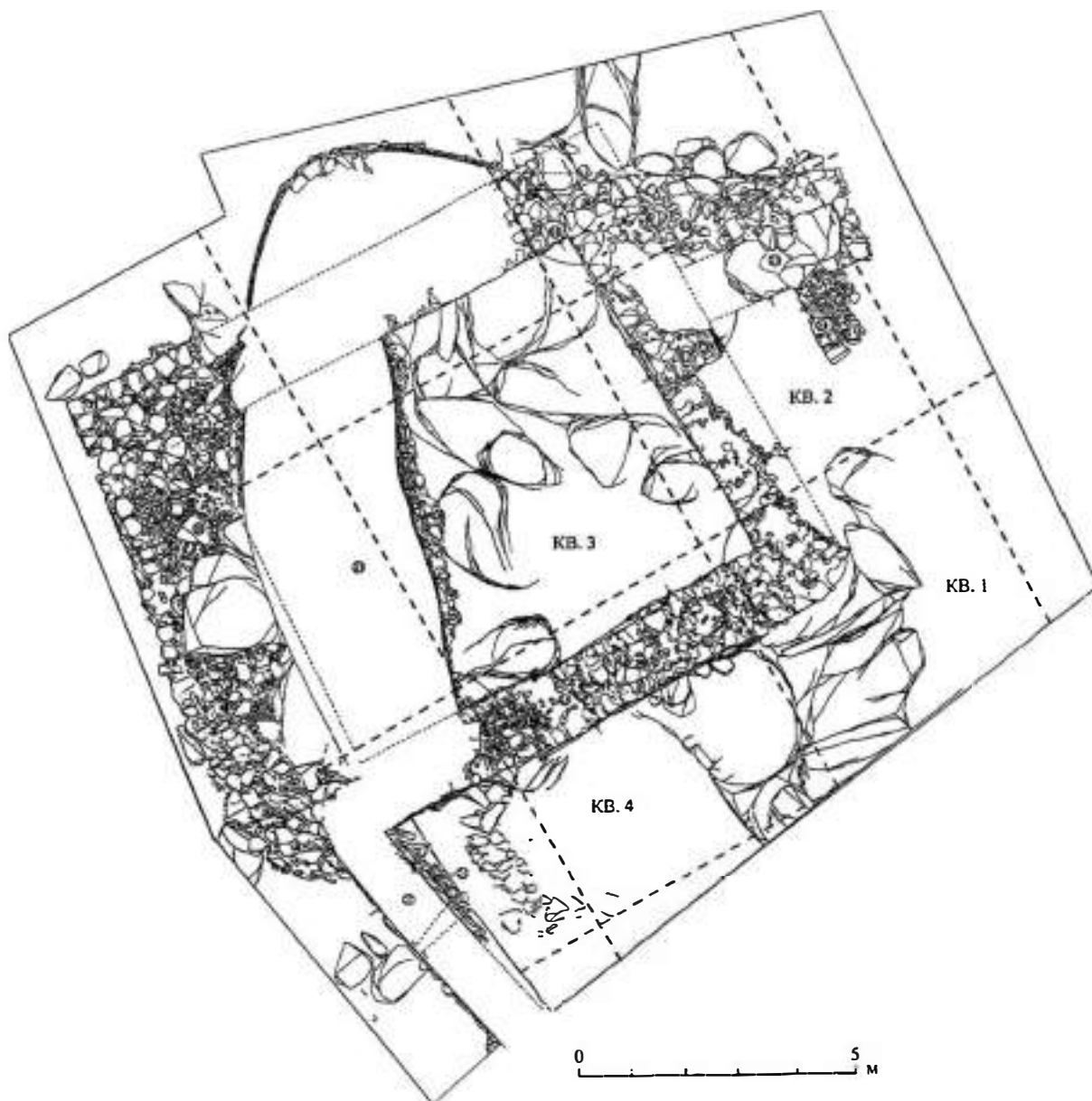

Рис. 180. Обмерный план крепостных сооружений Чембало второй половины XIV в.(?), перекрытых башней 1467 г. Баптиста де Олива

Рис. 181. Чембало, участок раскопок у главных крепостных ворот. Вид сверху

Рис. 182. Обмерный план оборонительных сооружений у главных крепостных ворот Чембало: 1 - строения 20-60-х гг. XV в.; 3 - стена османского периода

Рис. 183. Фреска Богоматери Одигитрии 30 - 40 - х гг. XIV в.

Рис. 184. Чембало. Фреска Богоматери Одигитрии 30 - 40 - х гг. XIV в. после реставрации

Рис. 185. Кресты из храма №4: 1 - бронзовый литой крест XII - XIII вв. из могилы №2; 2 - створка бронзового энколпиона X - XI вв. с изображением Богоматери Оранты и ликов, использовавшийся в качестве закладного в апсиде церкви

Рис. 186. 1 - серебряный латинский крест XV в. с изображением Распятия из раскопок (2005 г.) башни №2 у главных городских ворот Чембало. Фото; 2 - створка бронзового энколпиона XIII в. с изображением Богоматери Ассунта и четырех евангелистов. Фото. Раскопки 2010 г., дом №2 у главных городских ворот Чембало

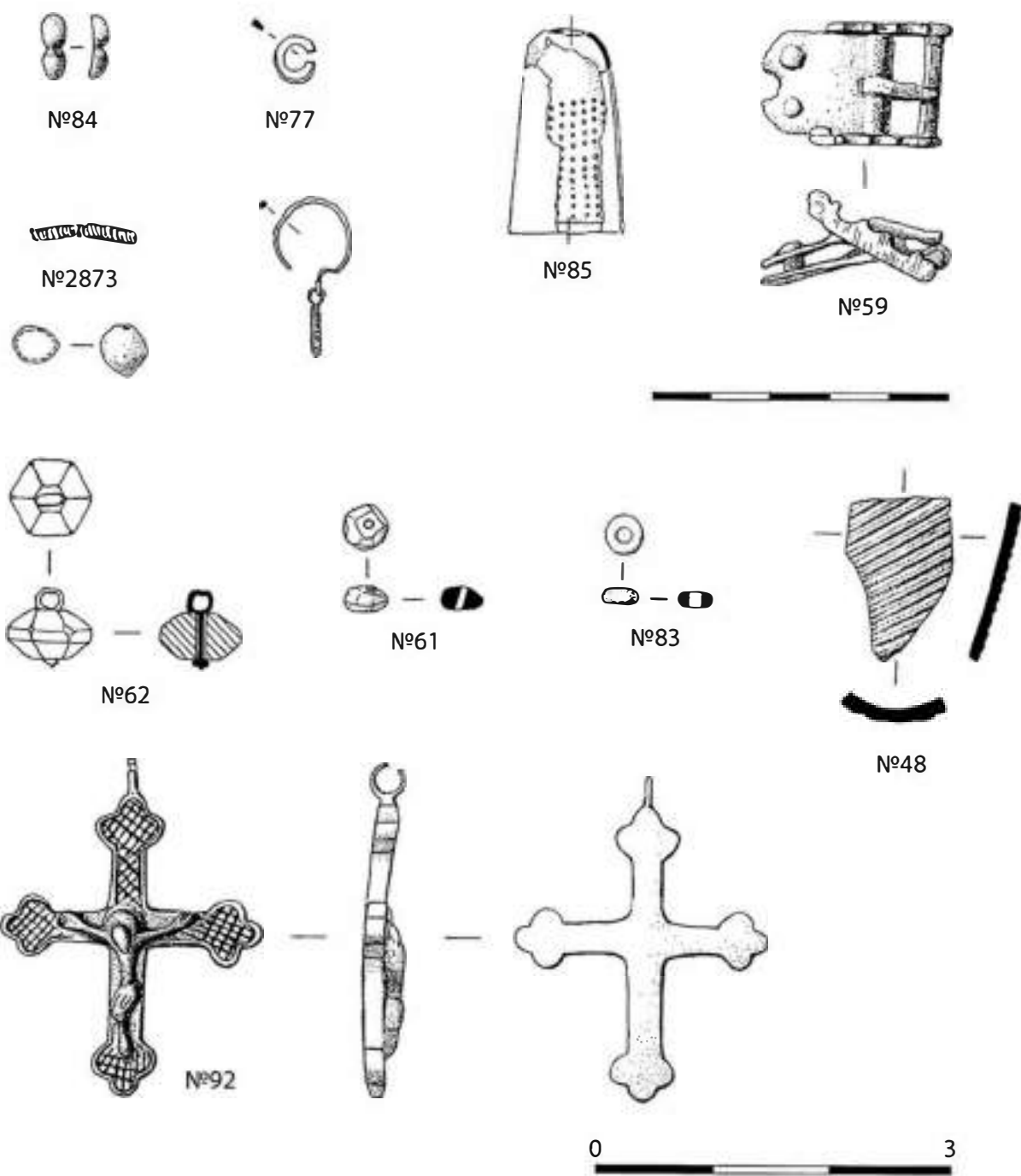

Рис. 187. Крепость Чембало, находки XIV - XV вв. из заполнения башни №2

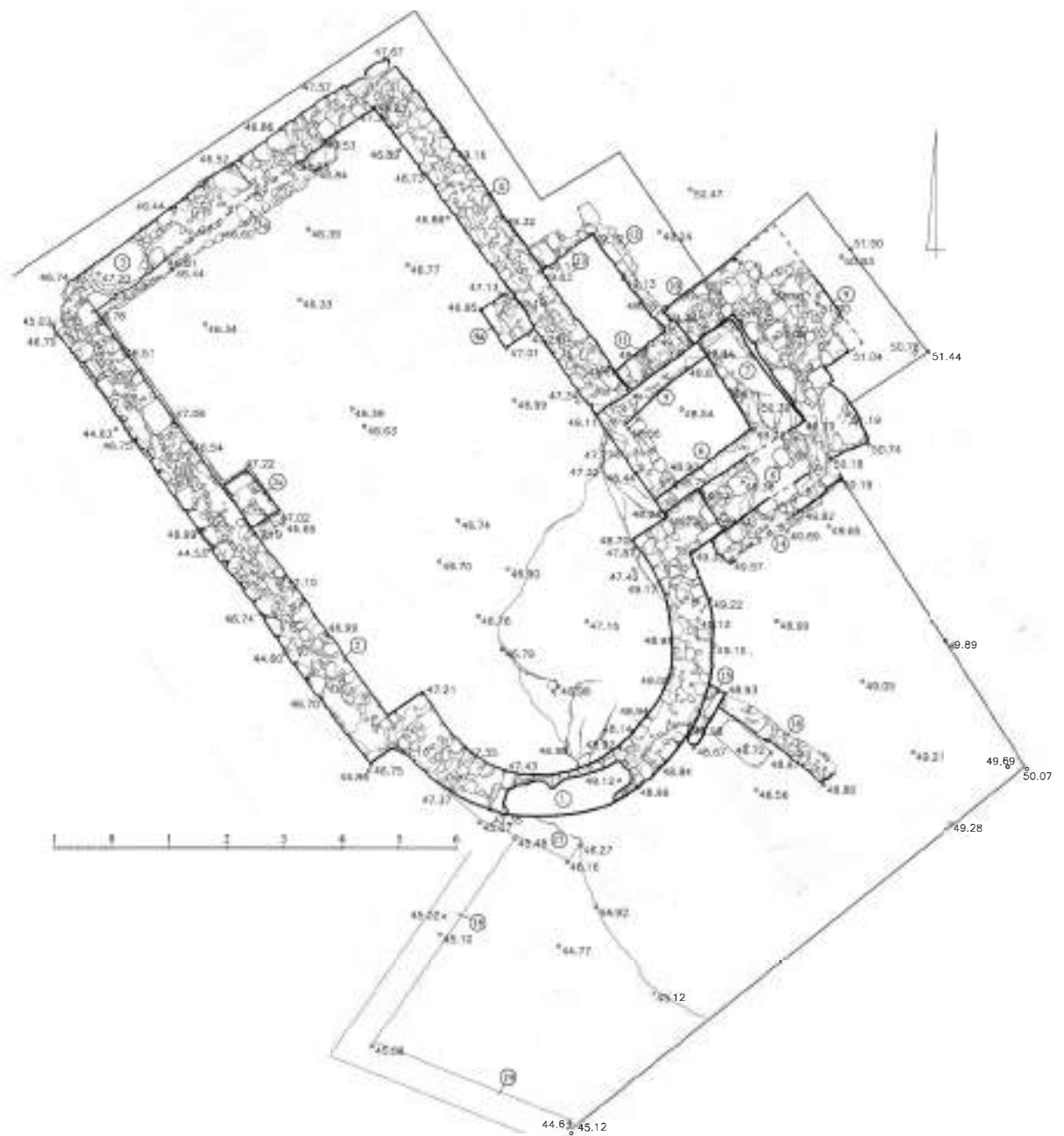

Рис. 188. Крепость Чембало, храм № 1, обмерный план 2018 г.

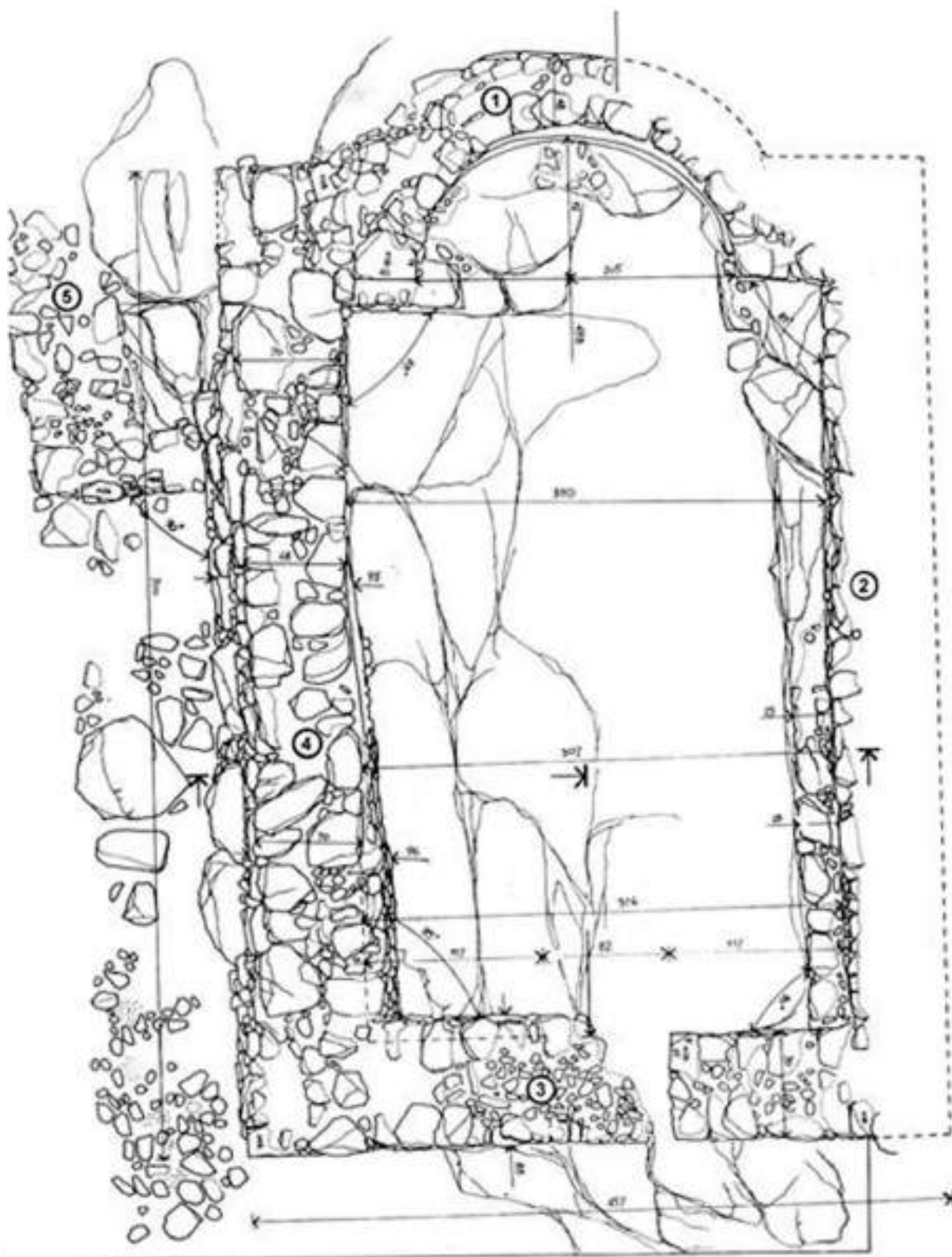

Рис. 189. Обмерный план храма №3 к юго-западу от главных крепостных ворот Чембало.

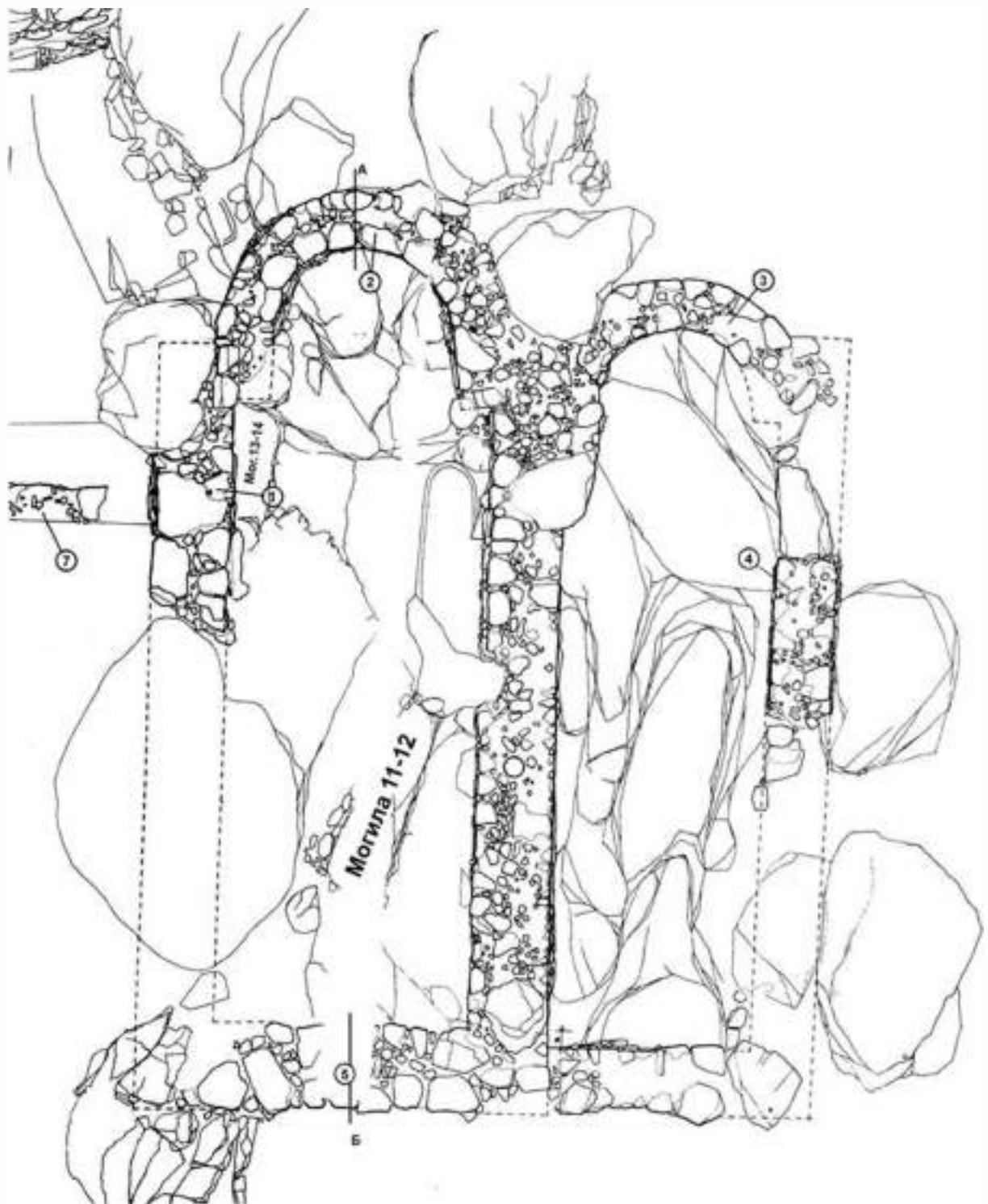

Рис. 190. Обмерный план двухапсидного храма на вершине горы Кастрон (2007 г.)

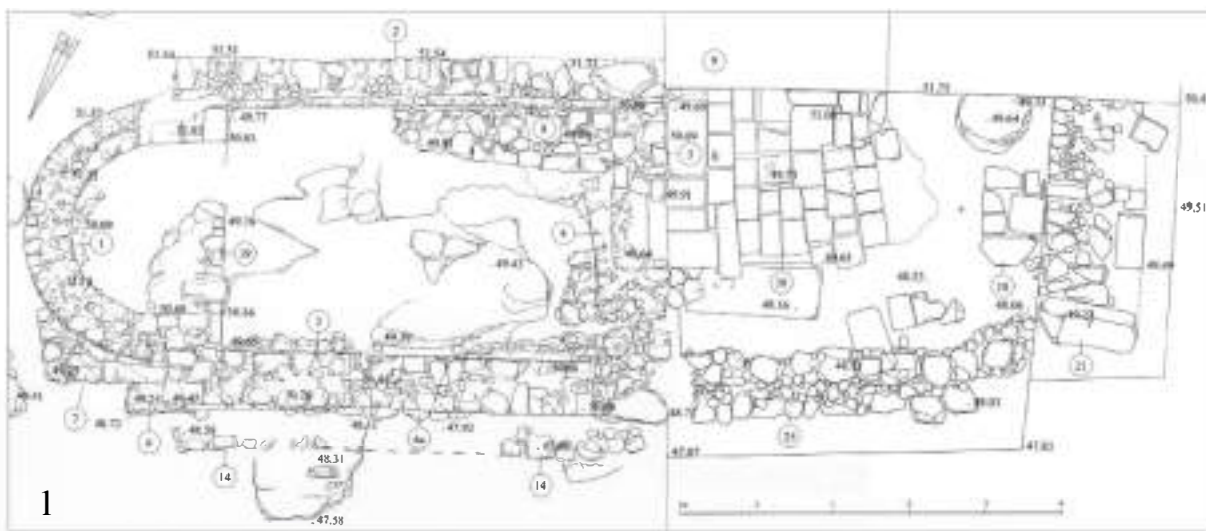

Рис. 191. 1 - обмерный план храма №5 (раскопки 2014-2015 гг.); 2 - храм №5, раскопки 2015 г., вид сверху

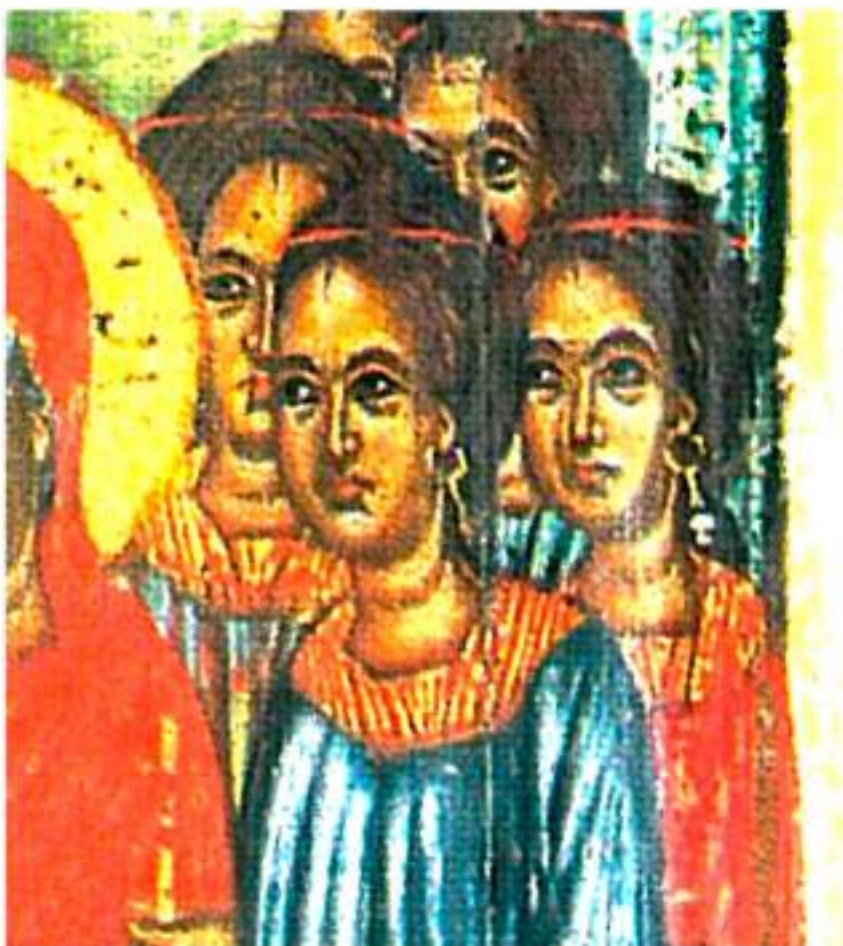

Рис. 192. Великий Новгород. Фрагмент иконы "Введение во Храм Пресвятой Богородицы" XIV в.

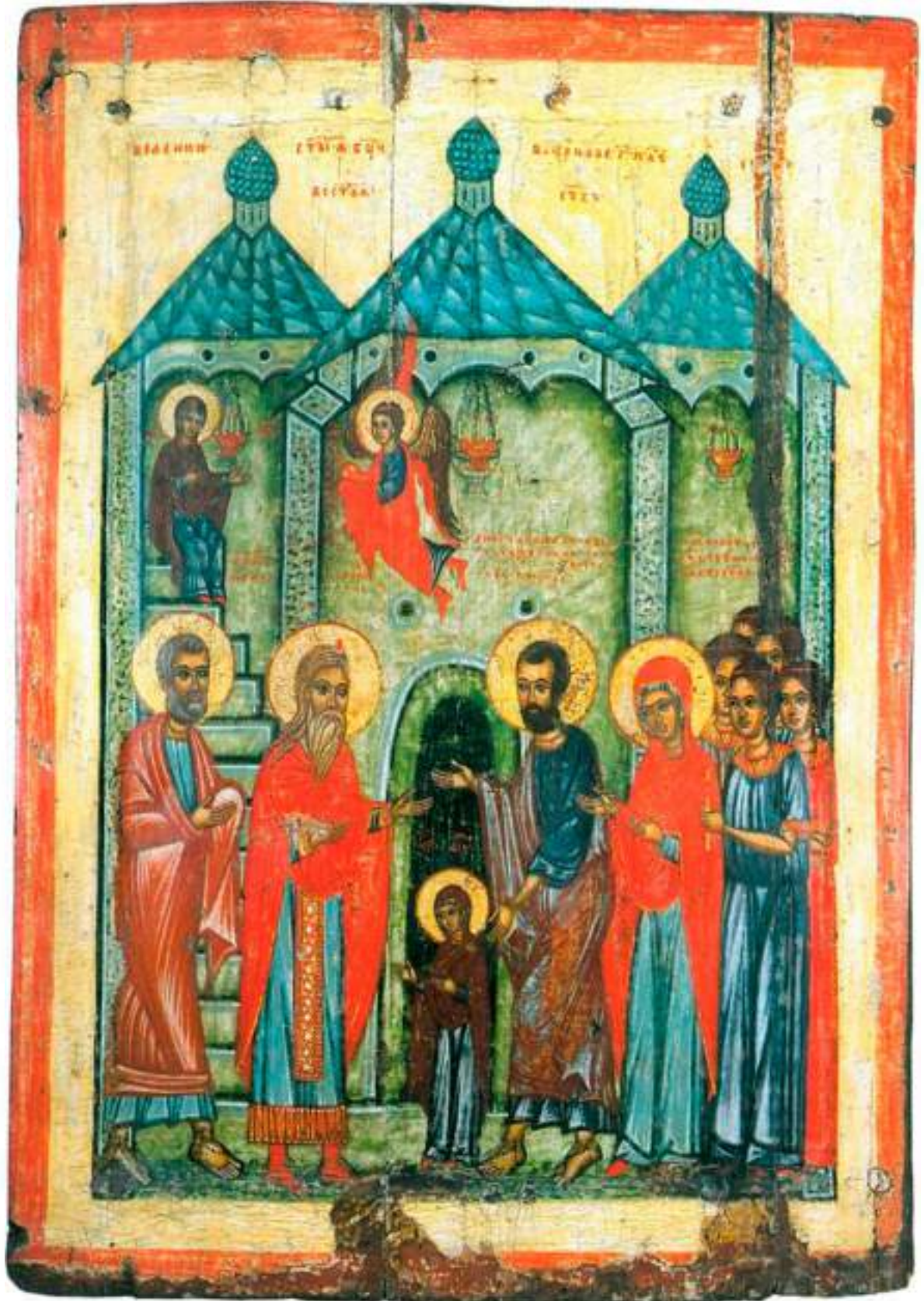

Рис. 193. Великий Новгород. Икона "Введение во Храм Пресвятой Богородицы" XIV в. (по М.Г. Давидова, В.В. Лепехин, 2013)

Рис. 194. Крепость Чембало, храм №5, кольцо с изображением головы дракона и жемчужиной

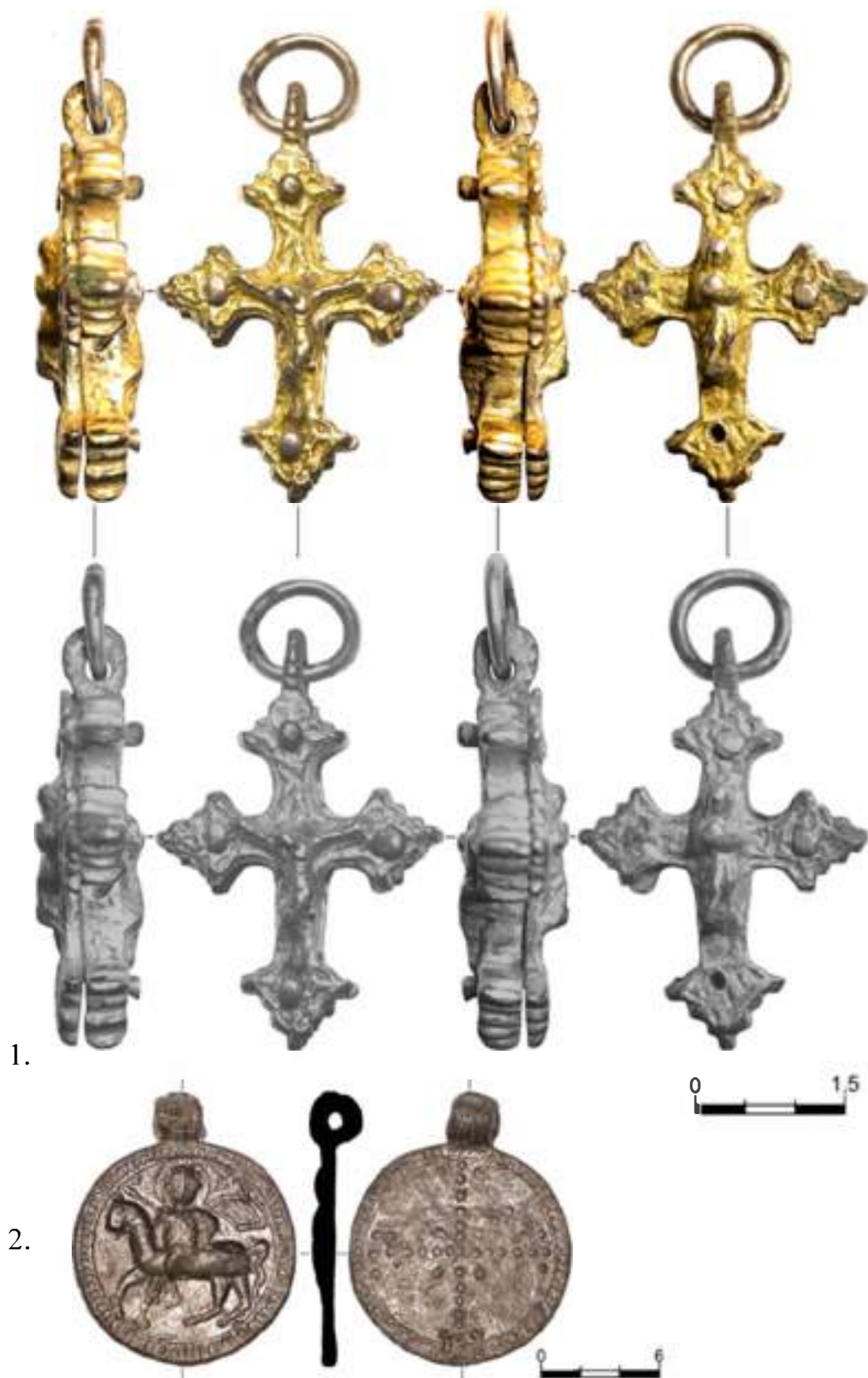

Рис. 195. Предметы личного благочестия XIII и XV вв. из раскопок Мангупа: 1 - "латинский" крест-энколпион третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца (2019 г., квадрат №46, дерновой слой - по В.Е. Науменко, 2020, с. 108, рис. 2); 2 - бронзовая иконка с изображением конного св. Георгия конца XIII - XIV вв. (2020 г., западный участок раскопок, квадрат №46, слой №7 - по В.Е. Науменко, 2021, с. 85)

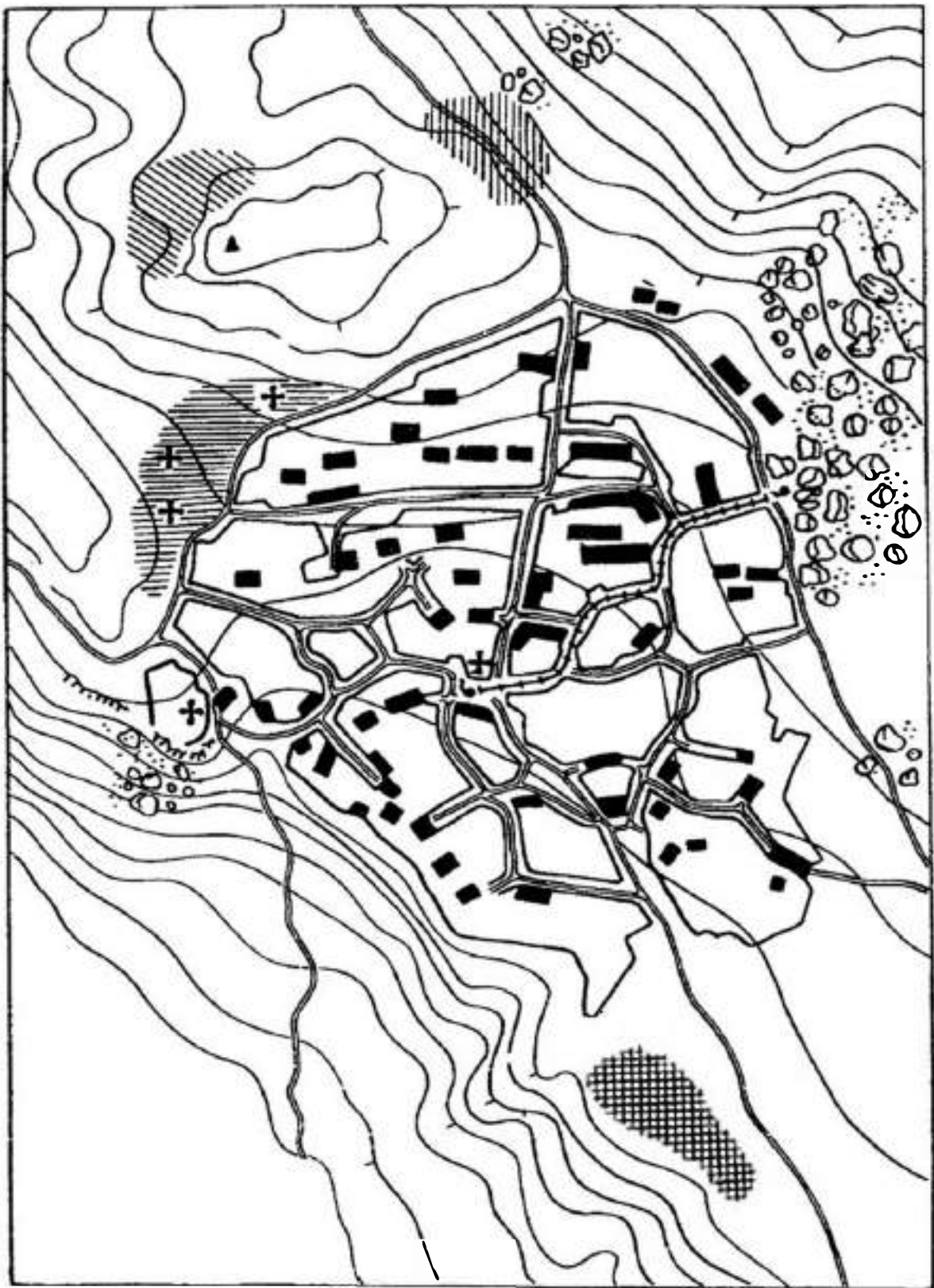

Рис. 196. Ситуационный план расположения памятников у г. Южная Демерджи: 1 - крепость Фуна; 2 - некрополь IV-VIII вв.; 3 - некрополь VIII-XII вв.; 4 - некрополь XIII-XVII вв.; 5 - мусульманский некрополь конца XVIII-XIX вв.; 6 - руины церквей; 7 - руины построек поселения XIV-XIX вв.; 8 - линия водопровода от источника Парткун

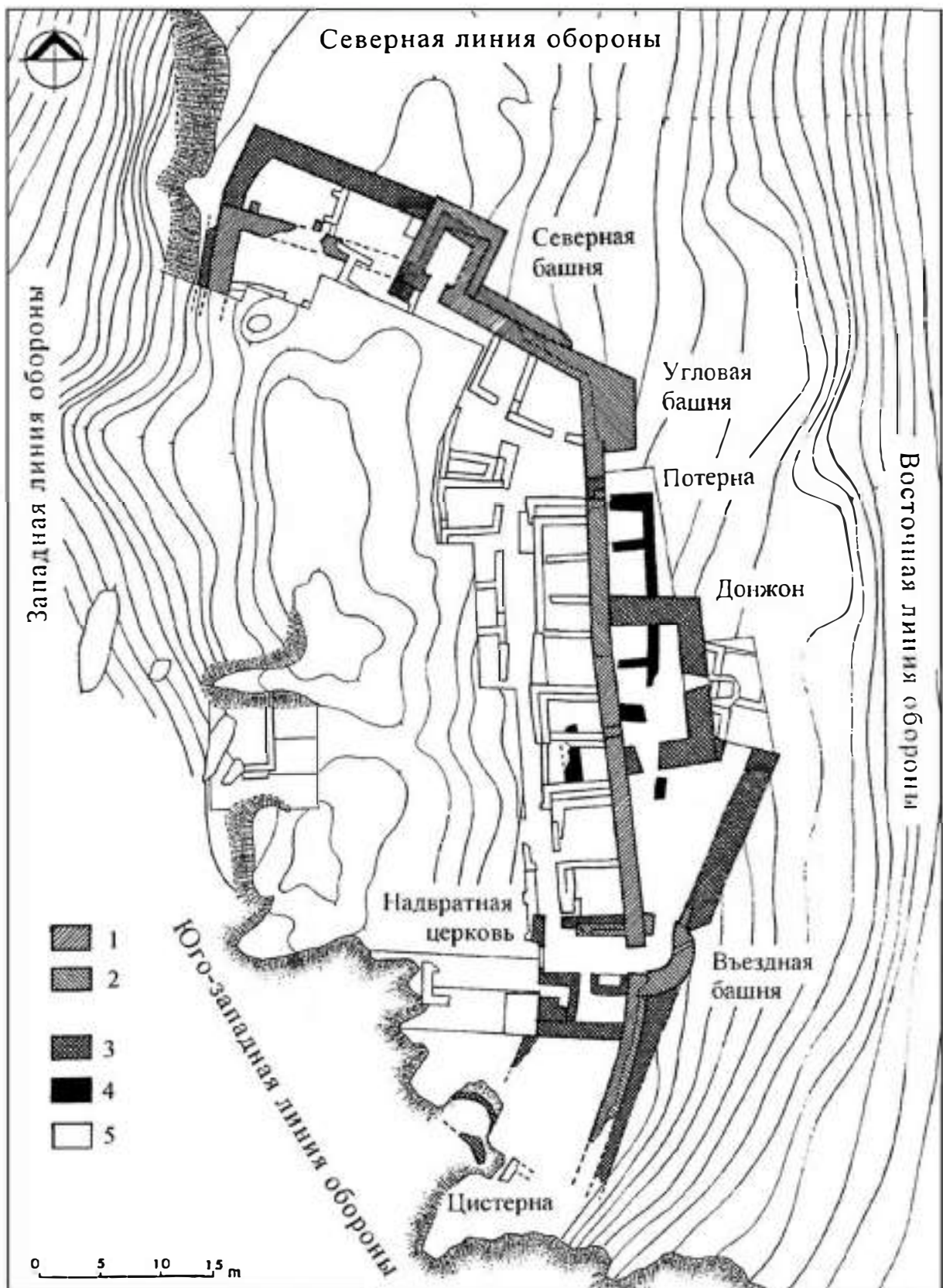

Рис. 197. Картосхема строительных периодов крепости Фуна (по В.П. Кирилко, 2005, рис. 38): 1 - 1422/23 г.; 2 - 1425 - 1459 г.; 4 - строения XIII - XIV вв.; 5 - жилые и хозяйственные постройки 20-70-х гг. XV в.

1

2

3

Рис. 198. 1 - руины замка Фуна. Вид с юго-востока (фото 1983 г.); 2 - замок Фуна в ходе археологических работ. Вид с востока (фото 1983 г.); 3 - средневековое укрепление Фуна. Вид с востока (до начала раскопок в 1980 г.)

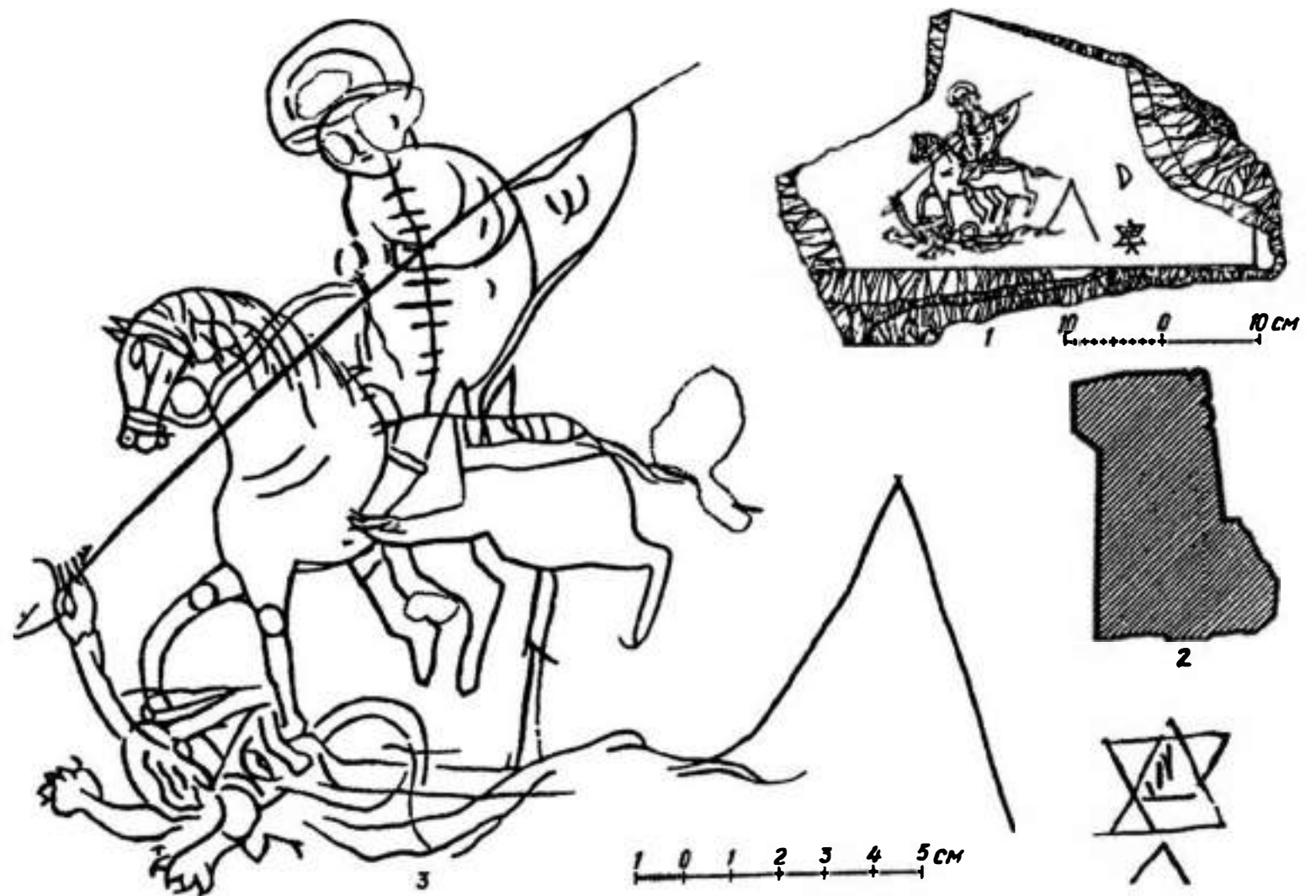

Рис. 199. Фрагмент плиты с изображением Георгия Победоносца: 1 - общий вид; 2 - сечение; 3 - прорисовка граффити (по В.П. Кирилко, В.Л. Мыц, 1991, рис. 5)

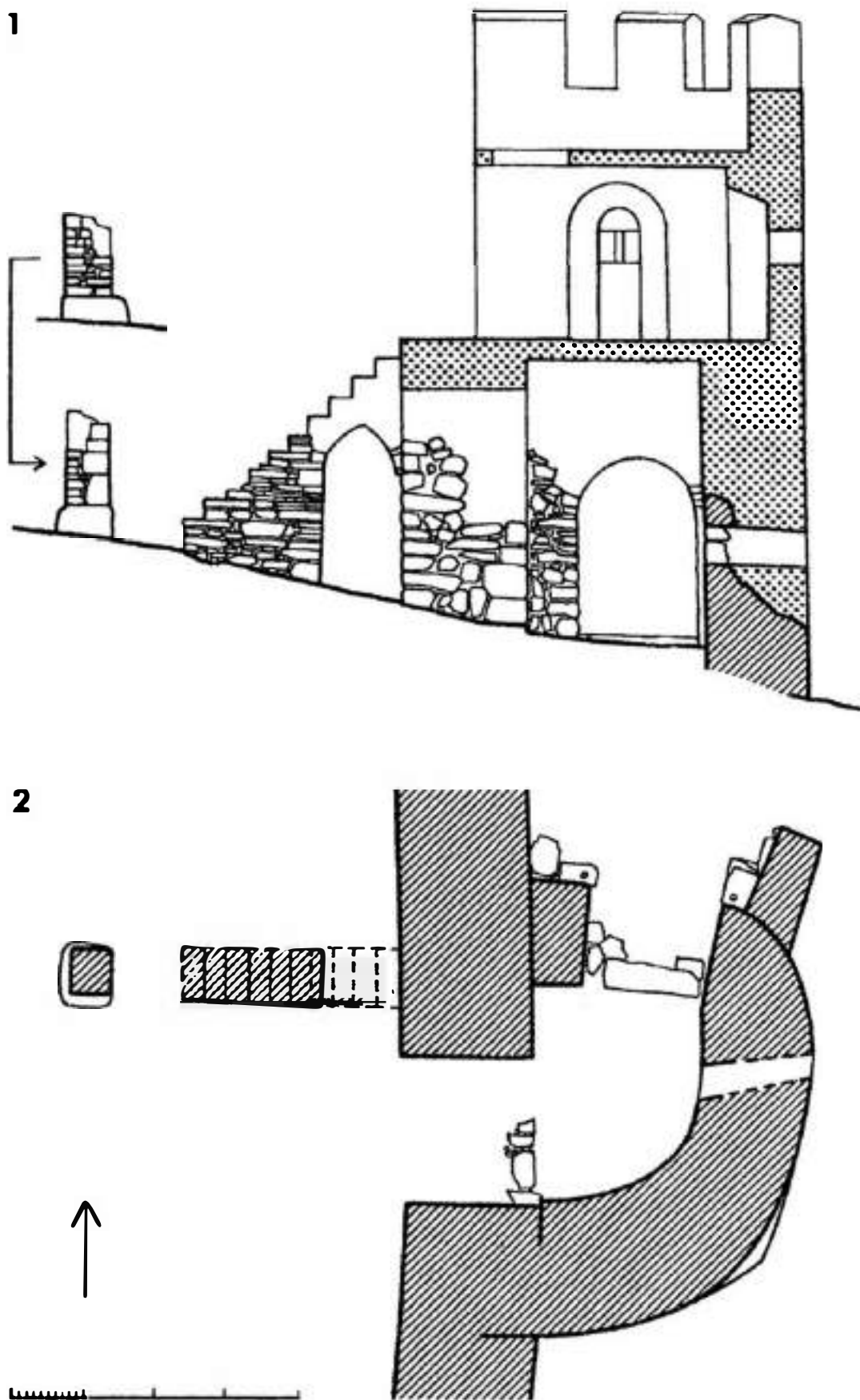

Рис. 200. Въездная башня крепости Фуна второй четверти XV в. (1425 - 1434 гг.) (по В.П. Кирилко, 2005, рис. 106): 1 - продольный разрез с реконструкцией утраченных частей, вид с юга; 2 - план

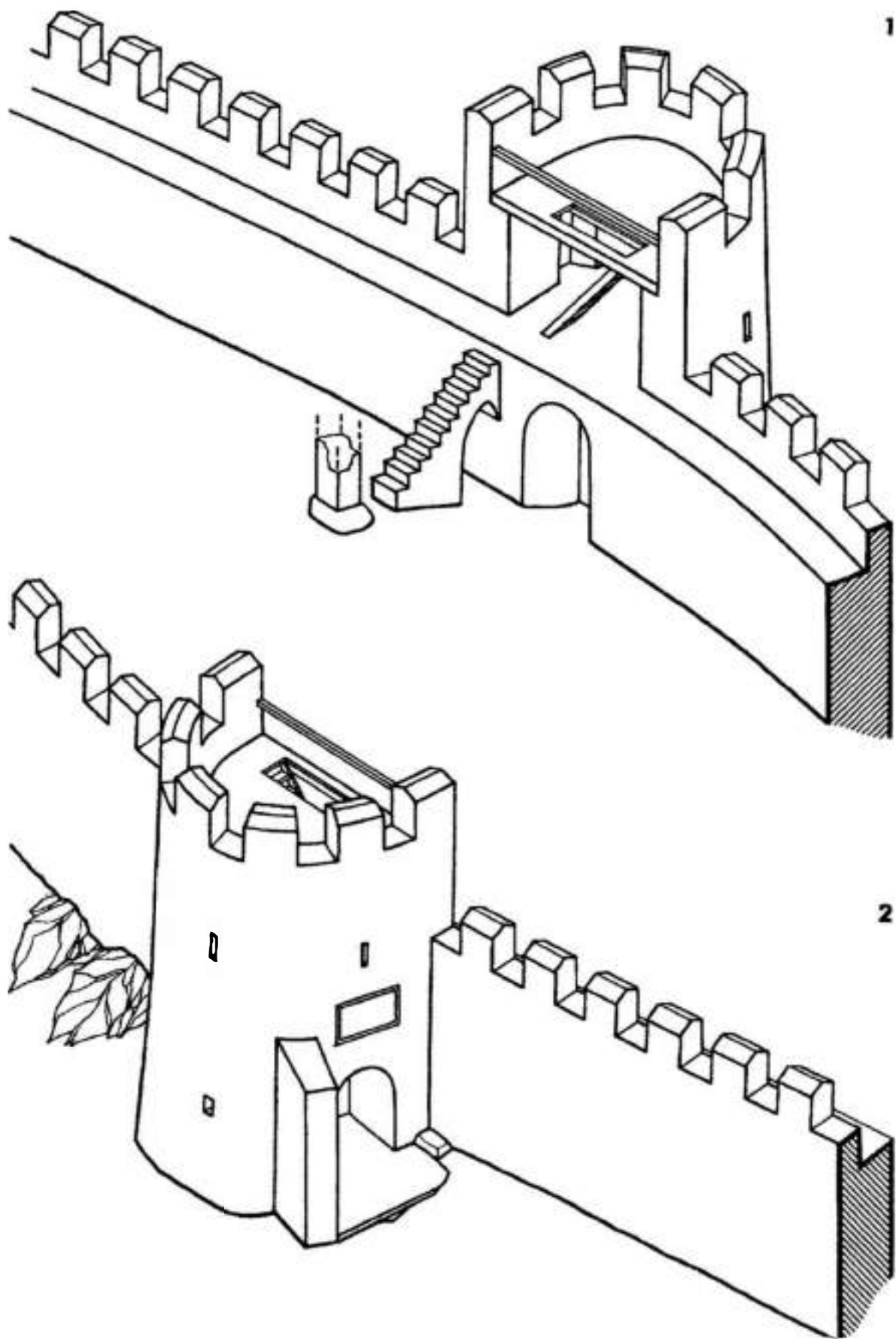

Рис. 201. Въездная башня крепости Фуна второй четверти XV в. (1425 - 1434 гг.): 1 - вид с юго-запада; 2 - вид с северо-востока (по В.П. Кирилко, В.Л. Мыц, 1991, рис. 4)

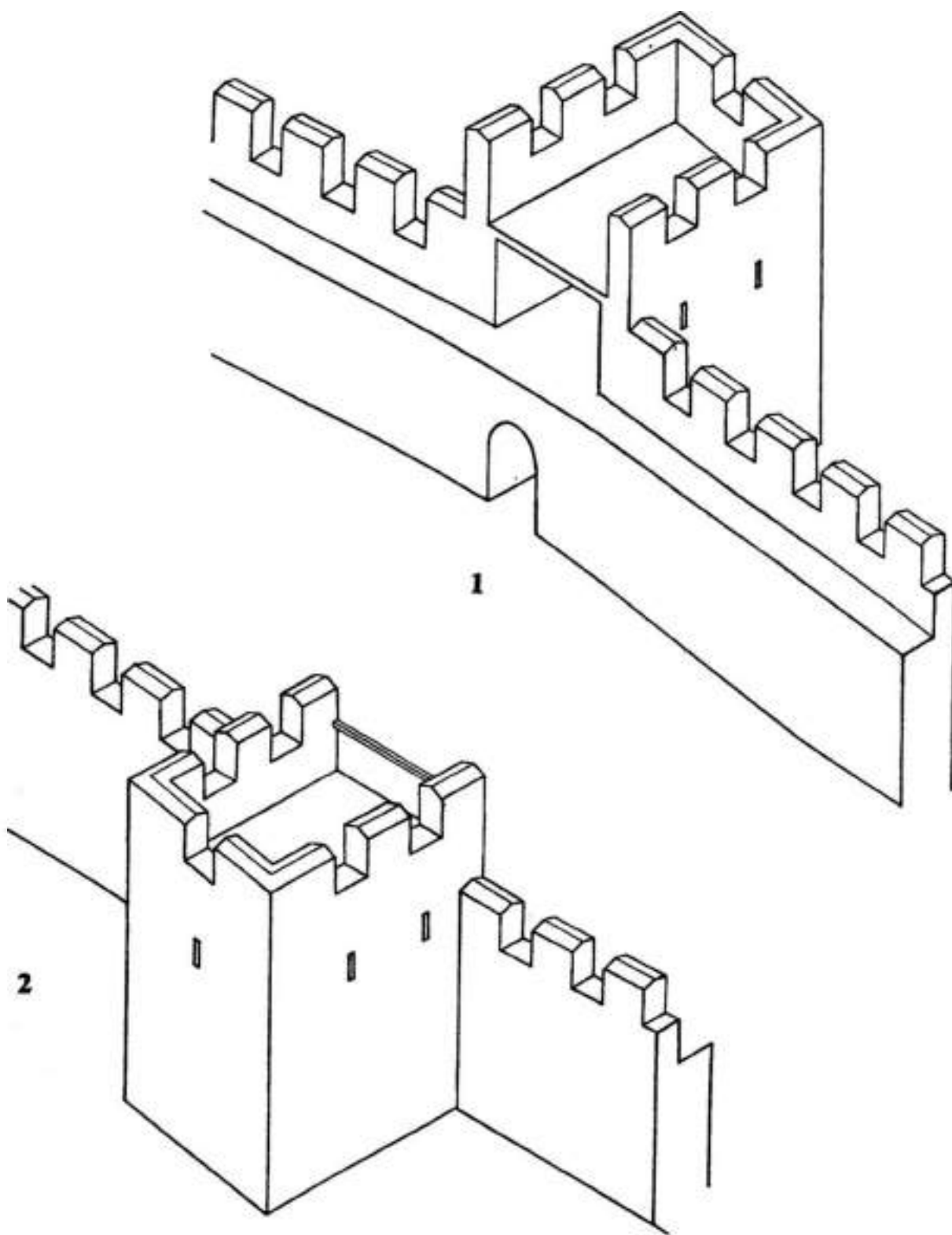

Рис. 202. Башня северной линии обороны крепости Фуна (реконструкция её первоначального облика в 1422/23 гг.) (В.П. Кирилко, 2005, рис 93): 1 - вид с юга (тыльная сторона); 2 - вид с северо-запада (с напольной стороны)

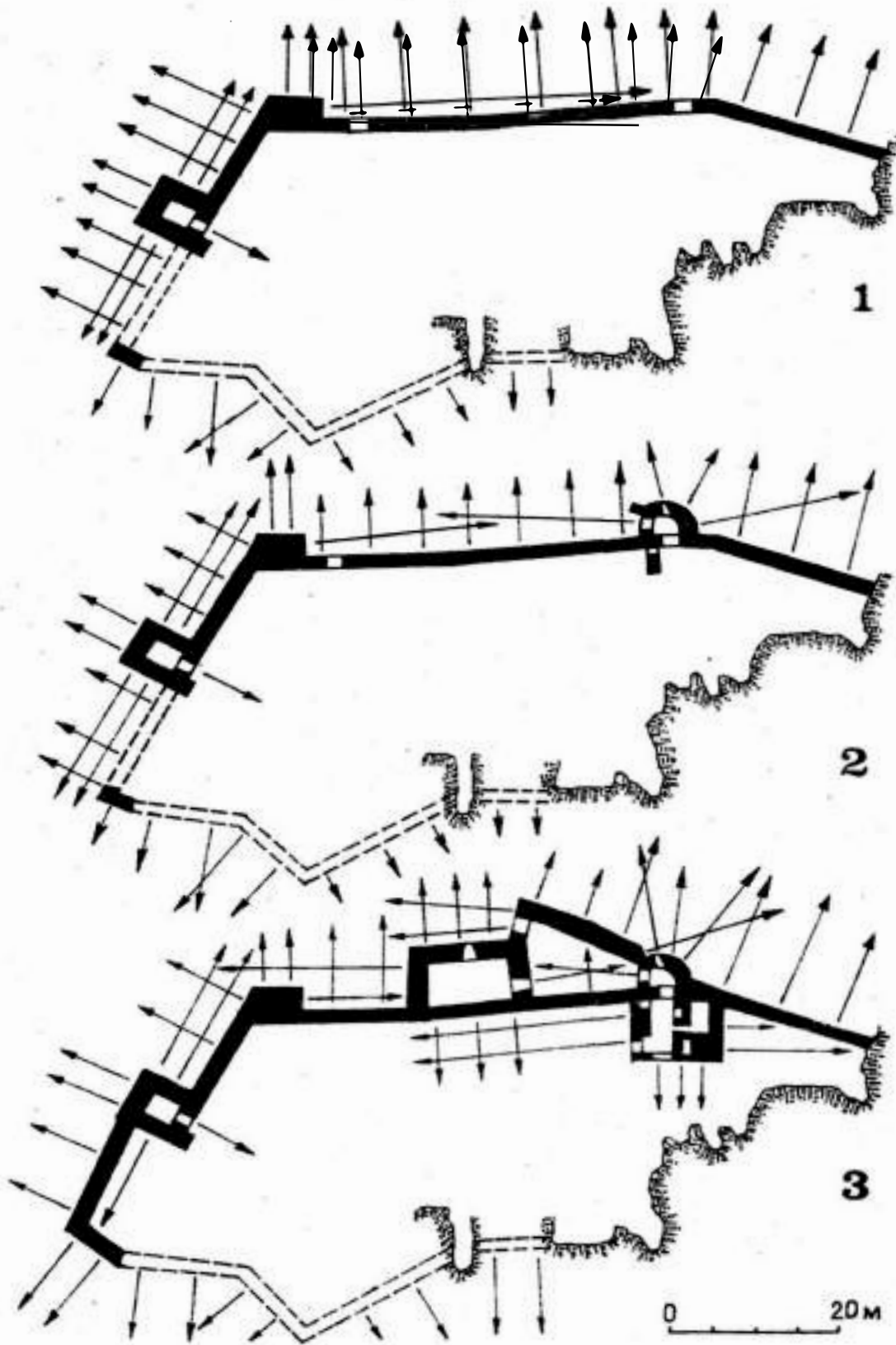

Рис. 203. Схема развития системы обороны замка Фуна: 1 - первая четверть XV в.; 2 - 30 - 40 - е гг. XV в.; 3 - 1459 - 1475 гг.

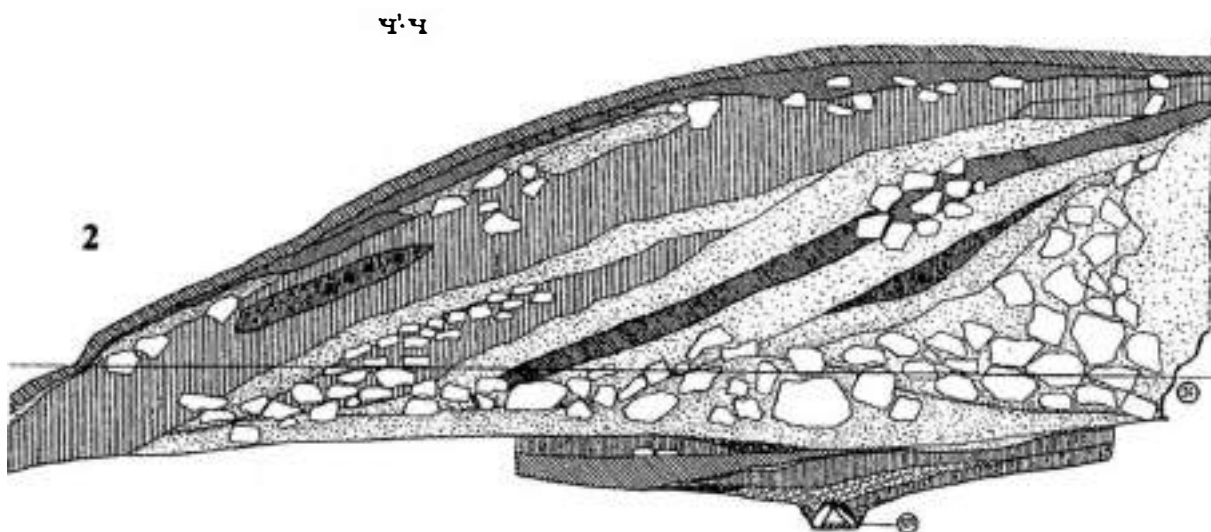
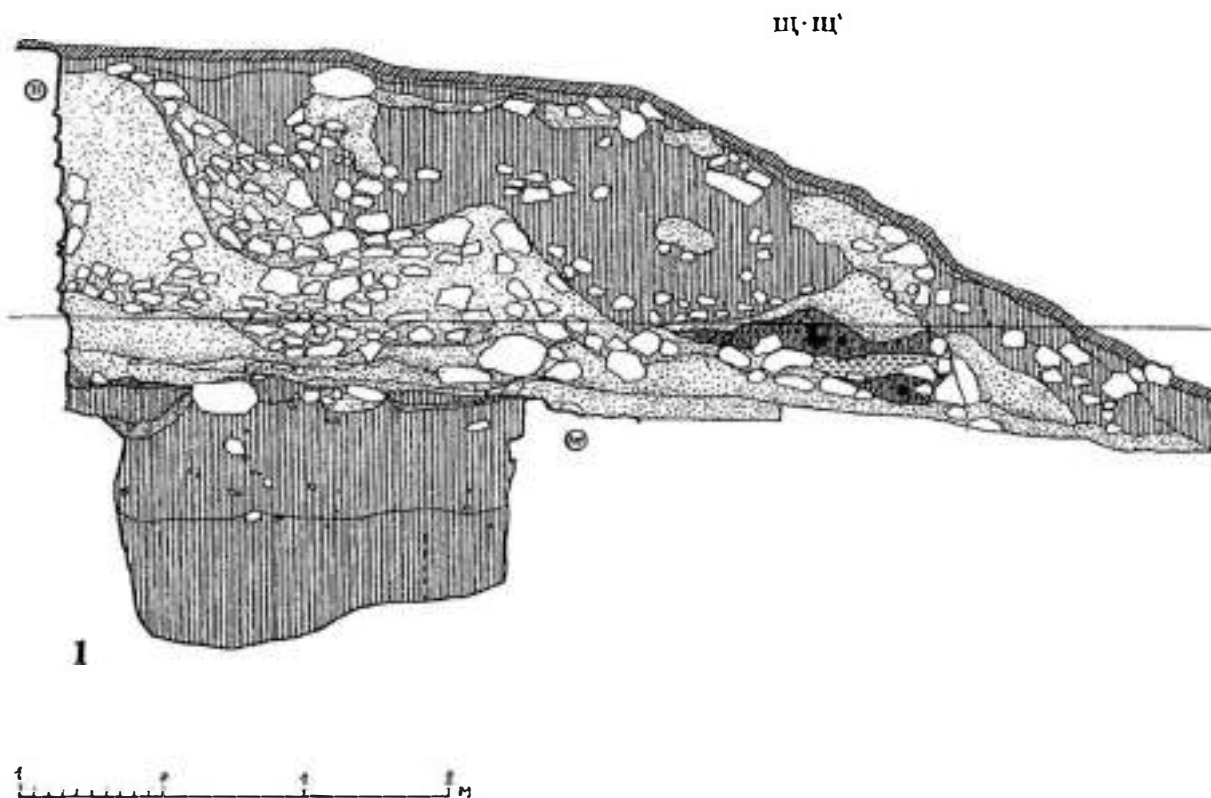

Рис. 204. Стратиграфические разрезы napольной стороны восточной оборонительной стены крепости Фуна: 1, 2 - участок крепостной ограды 1422/23 гг. у потерины

Рис. 205. Первоначальные ворота крепости Фуна после реставрации (вид с юго-запада). Фото автора

Рис. 206. Цилиндрическая арка ворот крепости Фуна второго строительного периода после реставрации (вид с севера). Фото автора

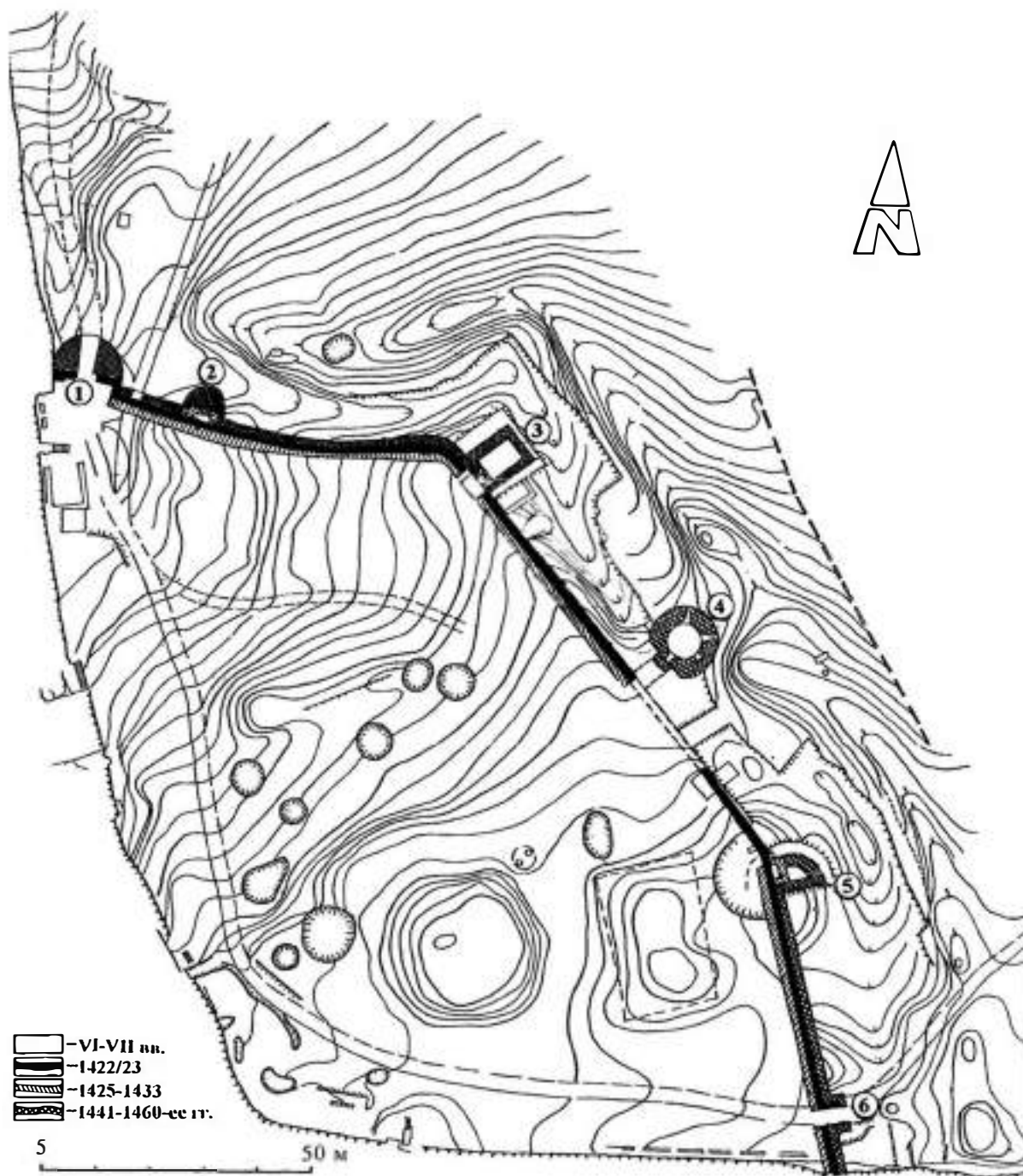

Рис. 207. План крепости Каламита VI - XV вв. с выделением основных строительных периодов

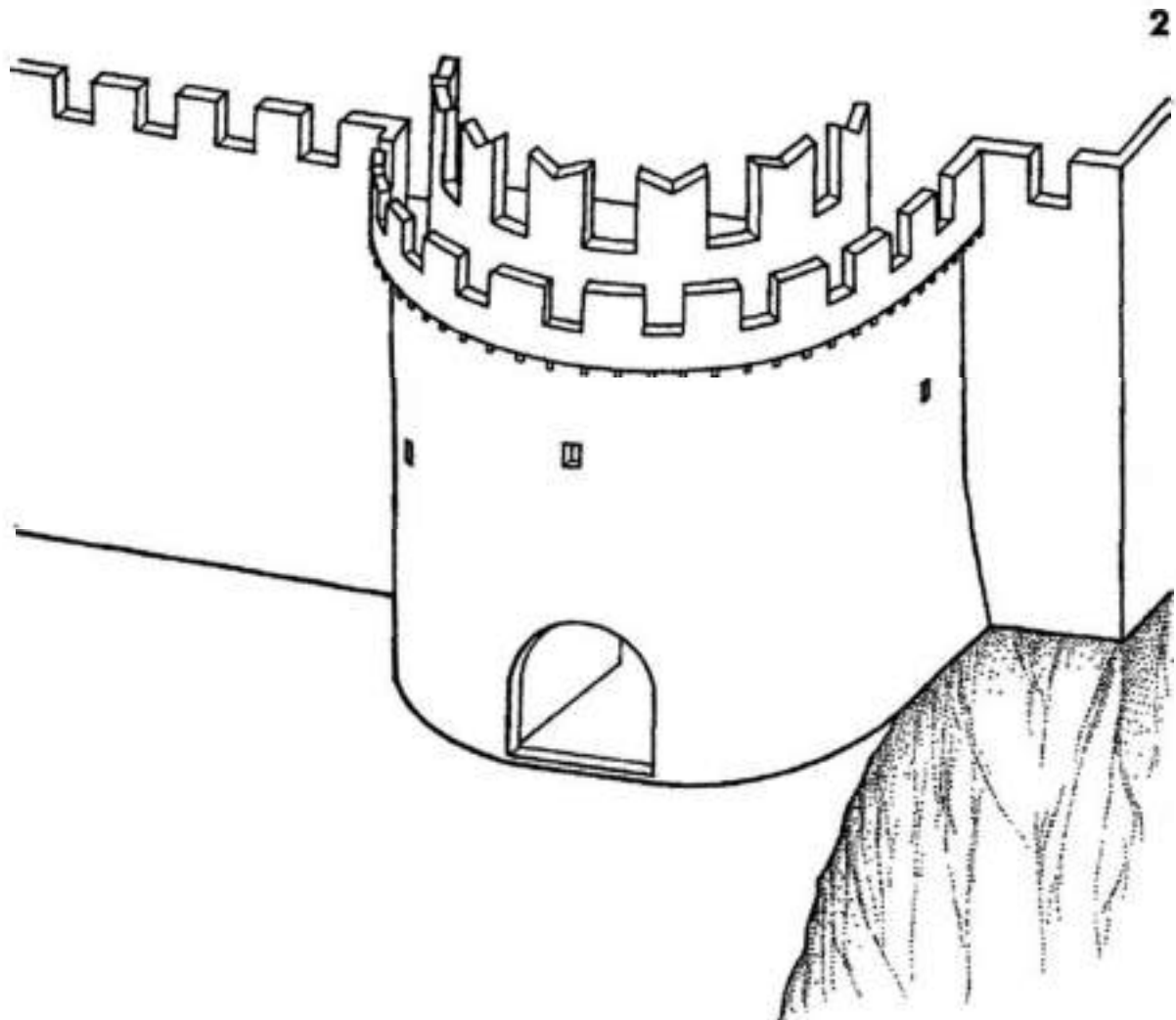
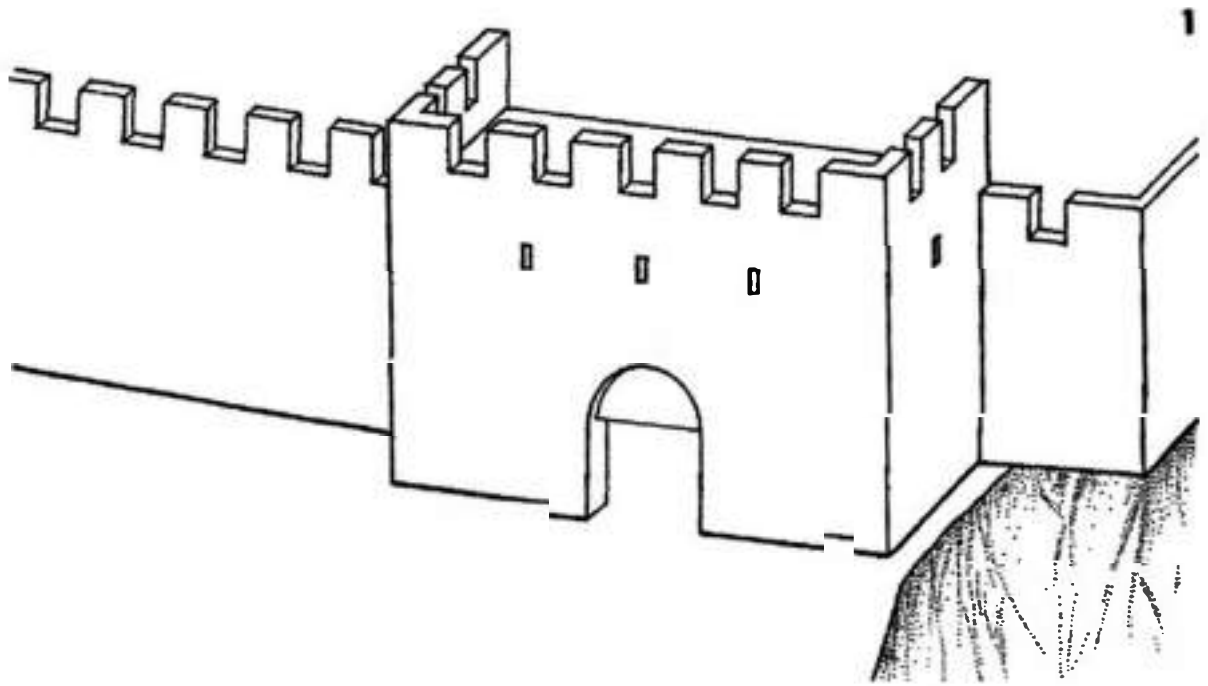

Рис. 208. Въездная башня Каламиты в 20 - 40 - е гг. XV в.: 1 - "феодоритского" периода (1423 - 1434 гг.); 2 - "генуэзского" периода (1434 - 1441 гг.) (реконструкция В.П. Кирилко, 2001, рис. 8)

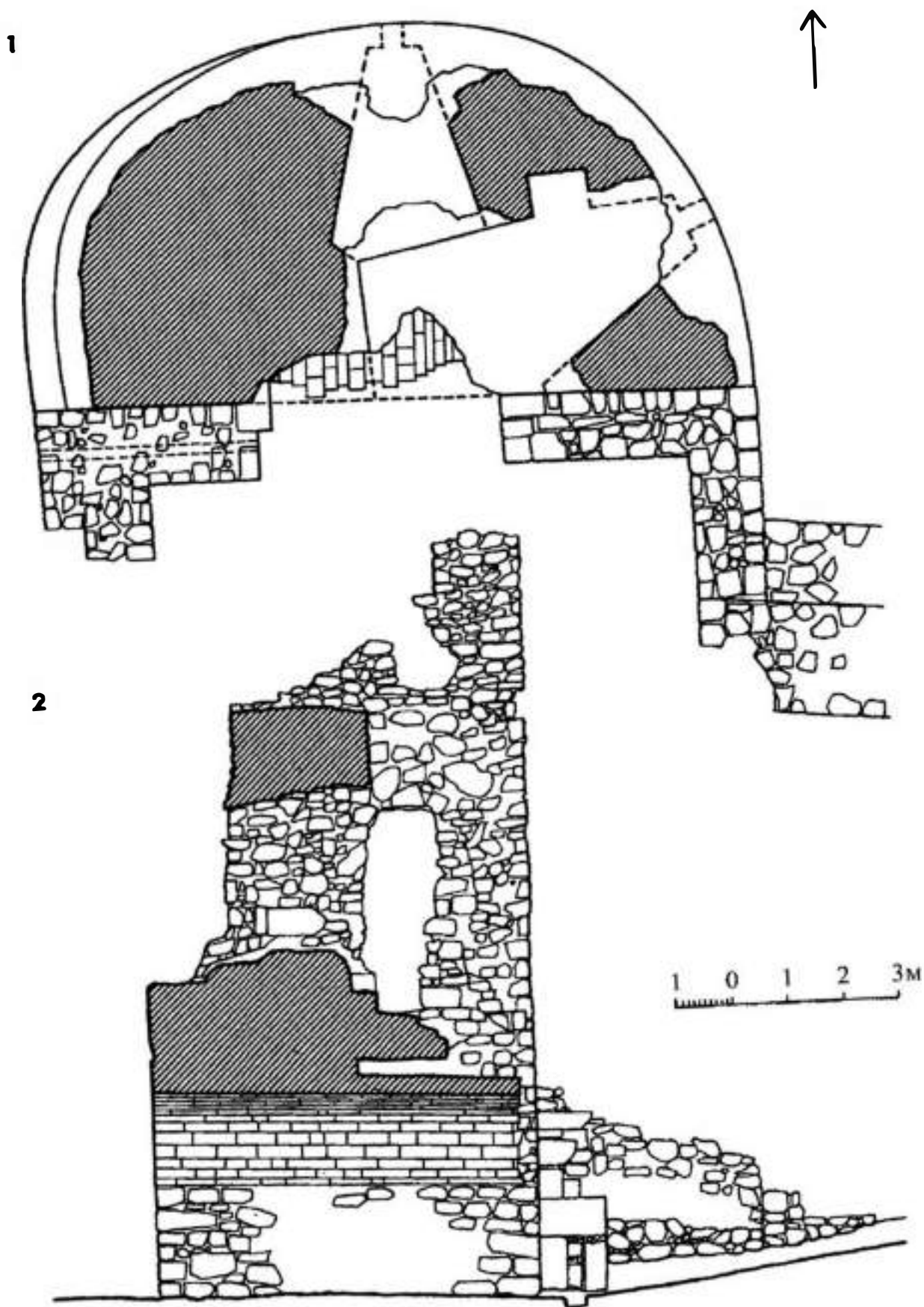

Рис. 209. Въездная башня Каламиты XV в.: 1 - план; 2 - продольный разрез по оси воротного проёма (по В.П.Кирилко, 2001, рис.7)

1.

2.

Рис. 210. Северный участок обороны крепости Каламита (вид с юго-востока): 1 - современное состояние башни №1 (вид изнутри укрепления); 2 - башни №1 и №2

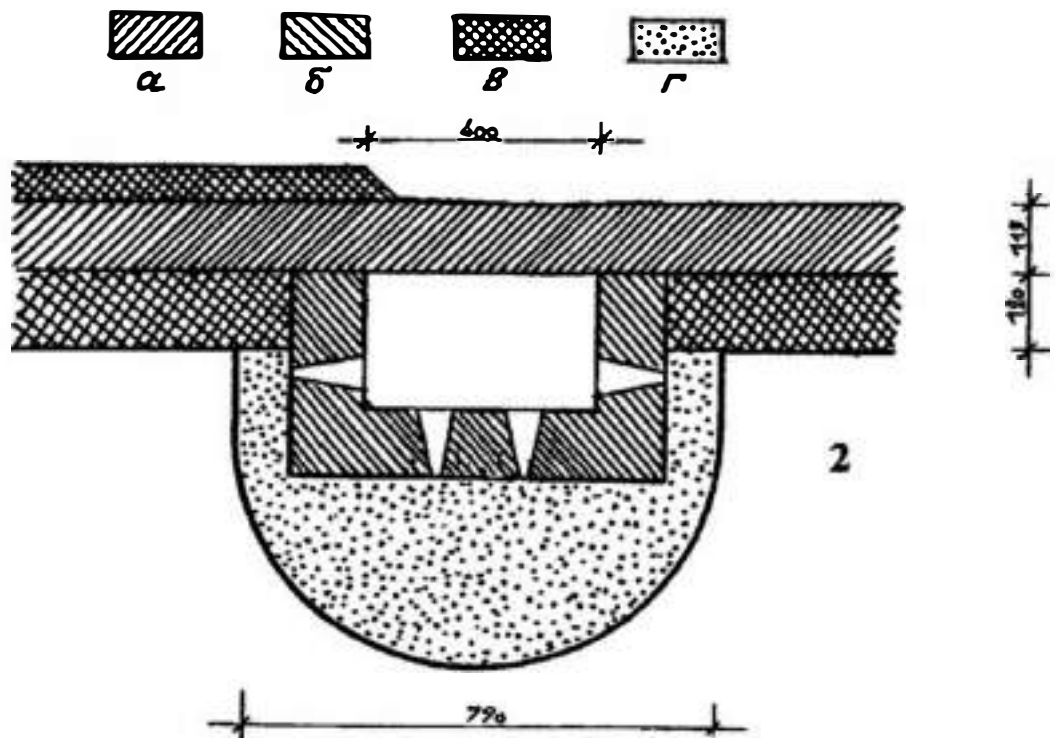
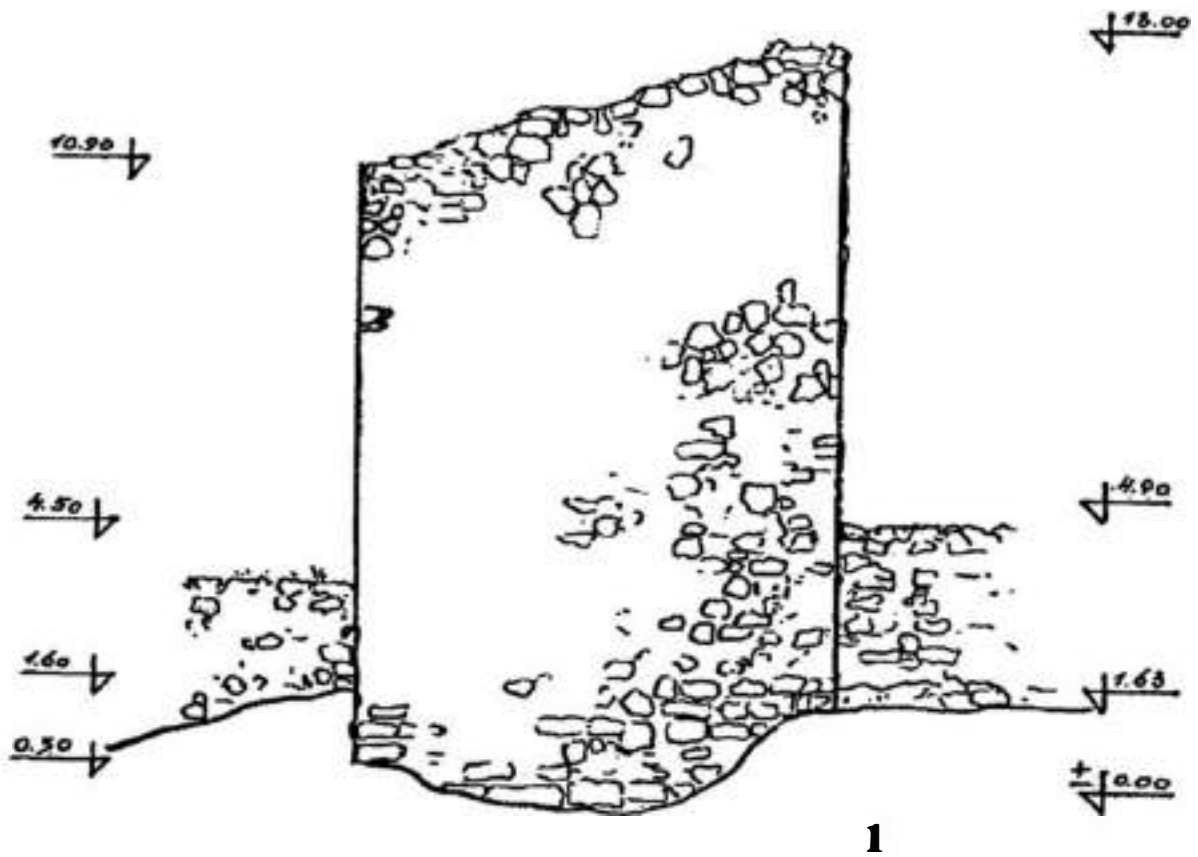

Рис. 211. Башня №2 крепости Каламита: 1 - внешний фасад башни (вид с севера) после реконструкции 1434 - 1441 гг.; 2 - картограмма строительных периодов на этом участке обороны Каламиты в 20 - 40 - х гг. XV в.: а - 1422/23 гг.; б, в - первая треть XV в. (до 1434 г.); г - 1434 - 1441 гг.

1

2

Рис. 212. Башня №2 крепости Каламита: 1 - вид изнутри (с юга); 2 - вид с юго-запада на внутреннюю часть башни со следами перестройки 30 - 40 - х гг.(?) XV в.

1

2

Рис. 213. Щелевидные амбразуры башни №2 крепости Каламита второго строительного периода (1425 - 1433? г.), перекрытые полукруглой башней (четвертый строительный период): 1 - вид на "восточную" амбразуру; 2 - вид изнутри на "западную" амбразуру

Рис. 214. Блок нуммулитового известняка из башни №5 крепости Каламита с изображением парусных кораблей XV в. (по Романчук, Быков, 1981, рис. 1 - 8)

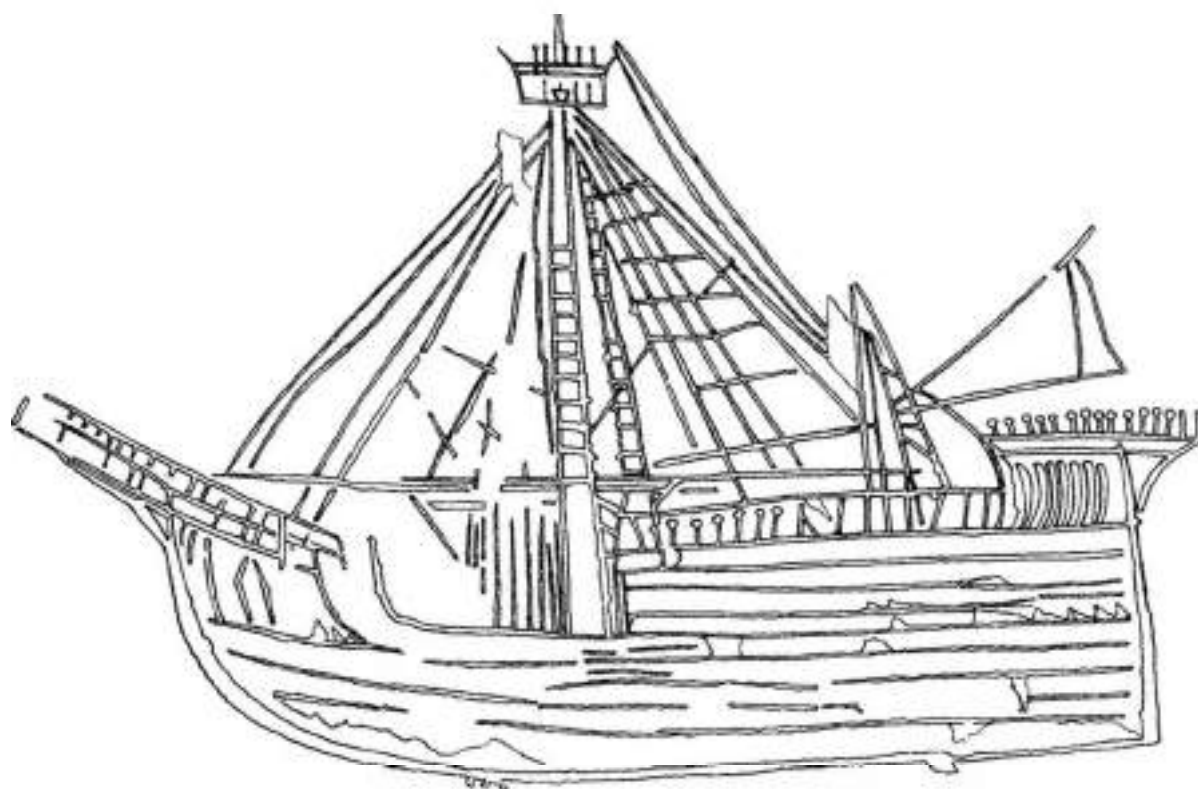

Рис. 215. Изображение №1 латинского парусного корабля XV в. на каменном блоке из башни №5 крепости Каламита

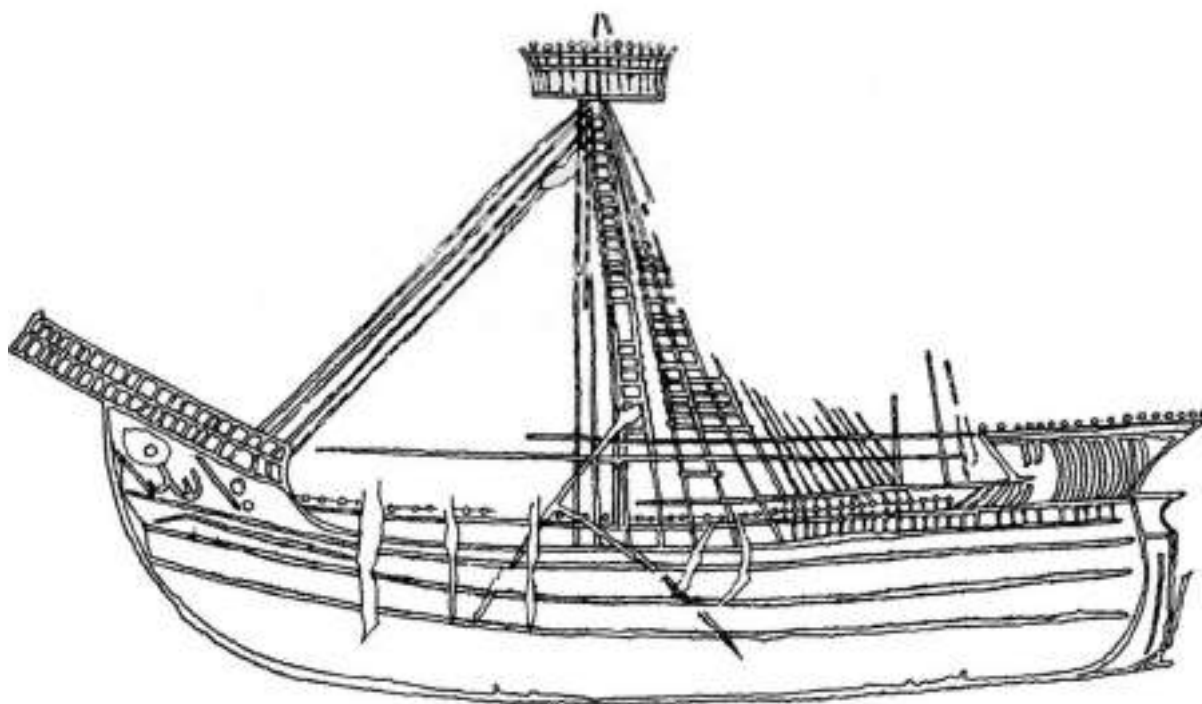

Рис. 216. Изображение №2 латинского парусного корабля XV в. на каменном блоке из башни №5 крепости Каламита

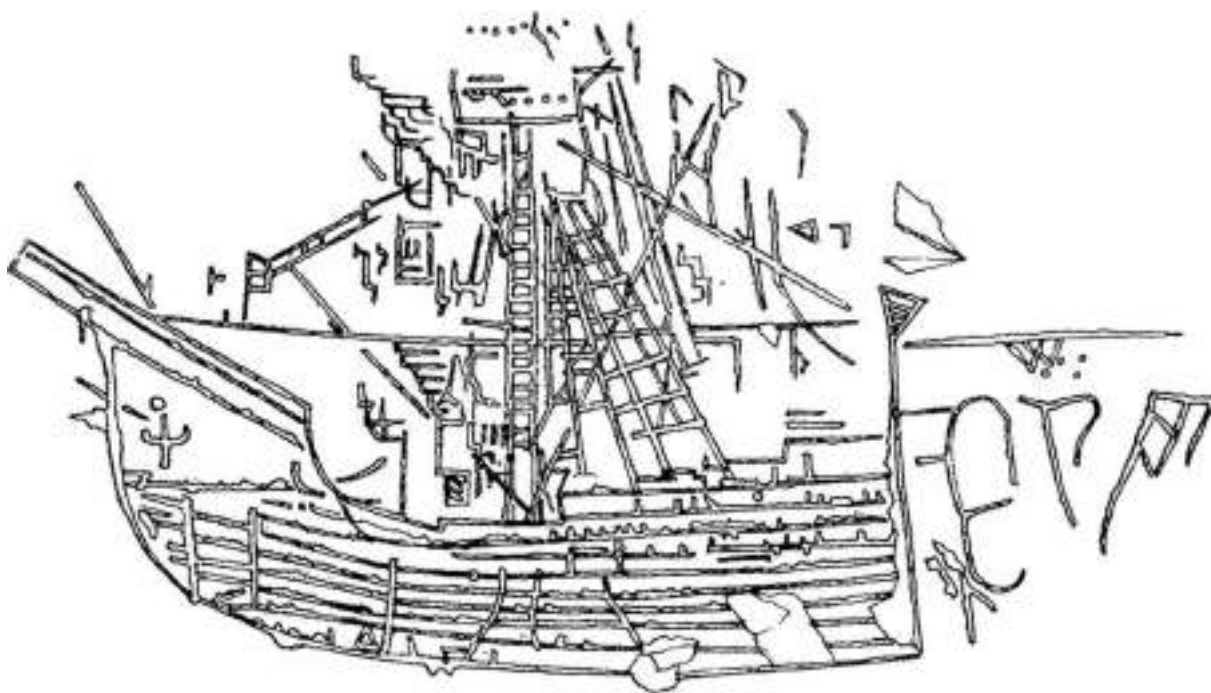

Рис. 217. Изображение №3 латинского парусного корабля XV в. на каменном блоке из башни №5 крепости Каламита

Рис. 218. Изображение галеры и барки на каменном блоке из башни №5 крепости Каламита

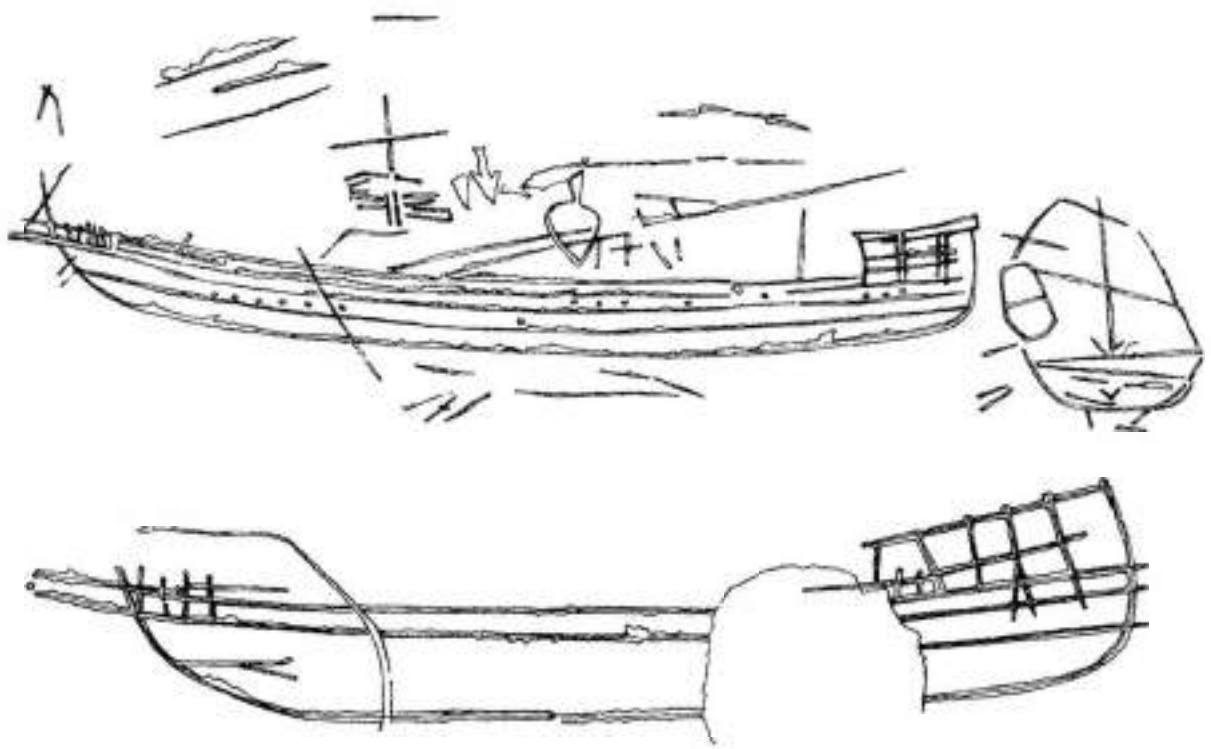
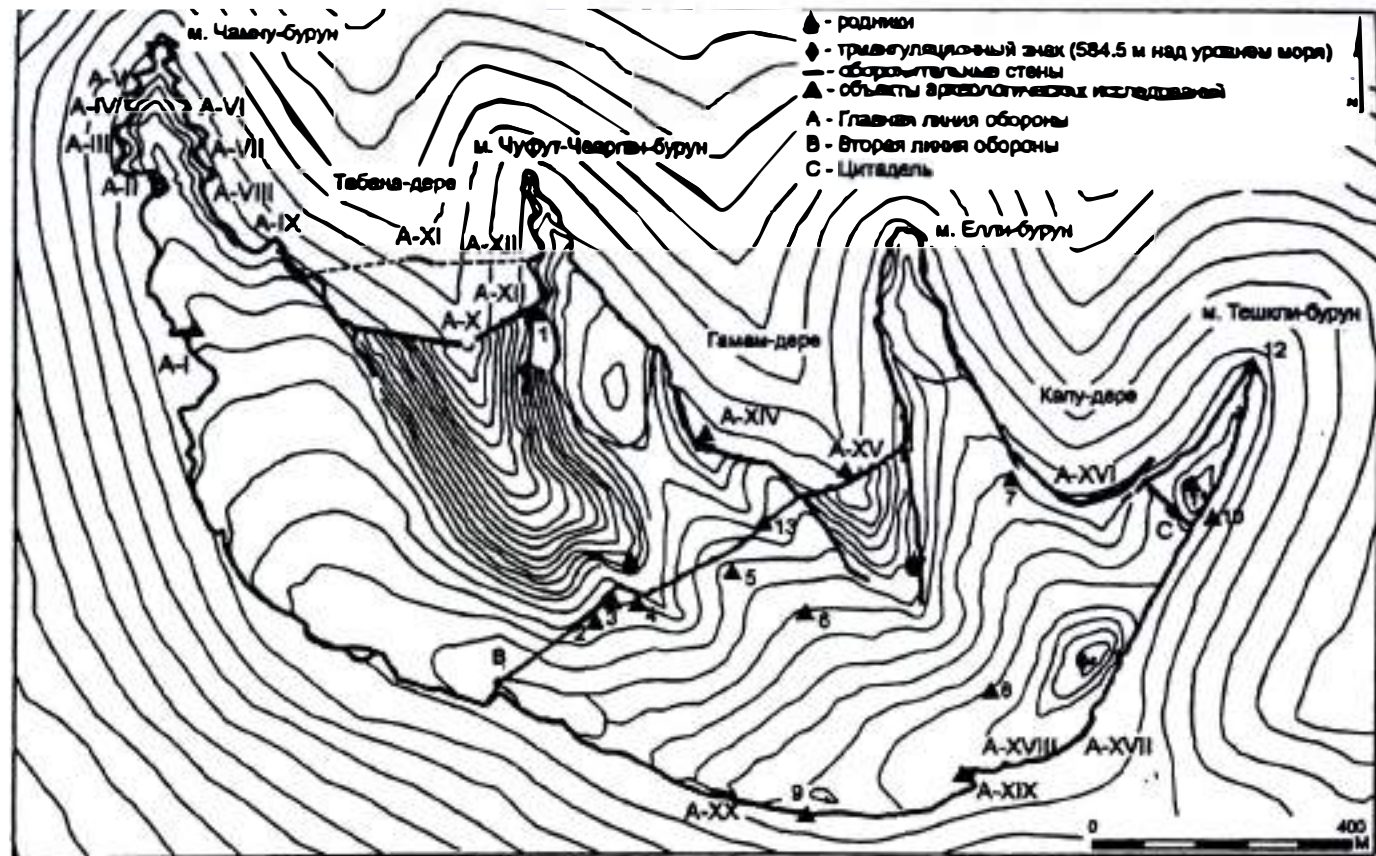

Рис. 219. Прорисовка изображений галер и барки на каменных блоках из башни №5 крепости Каламита

1 - Северный монастырь	8 - Церковь Св. Константина
2 - Стратиграфический раскол в верховьях Табана-дере	9 - Южный монастырь
3 - Минарет	10 - Стратиграфический раскол на склоне м. Тешкли-бурун
4 - Синагога	11 - Октагональная церковь
5 - Базилика	12 - Северо-восточный монастырь
6 - Дворец	13 - Лагерная Балка
7 - Церковь Св. Георгия	

Рис. 220. Мангуп. Общий план с указанием основных объектов археологических исследований (по А.Г. Герцен, В.Е. Науменко, 2010, рис. 1)

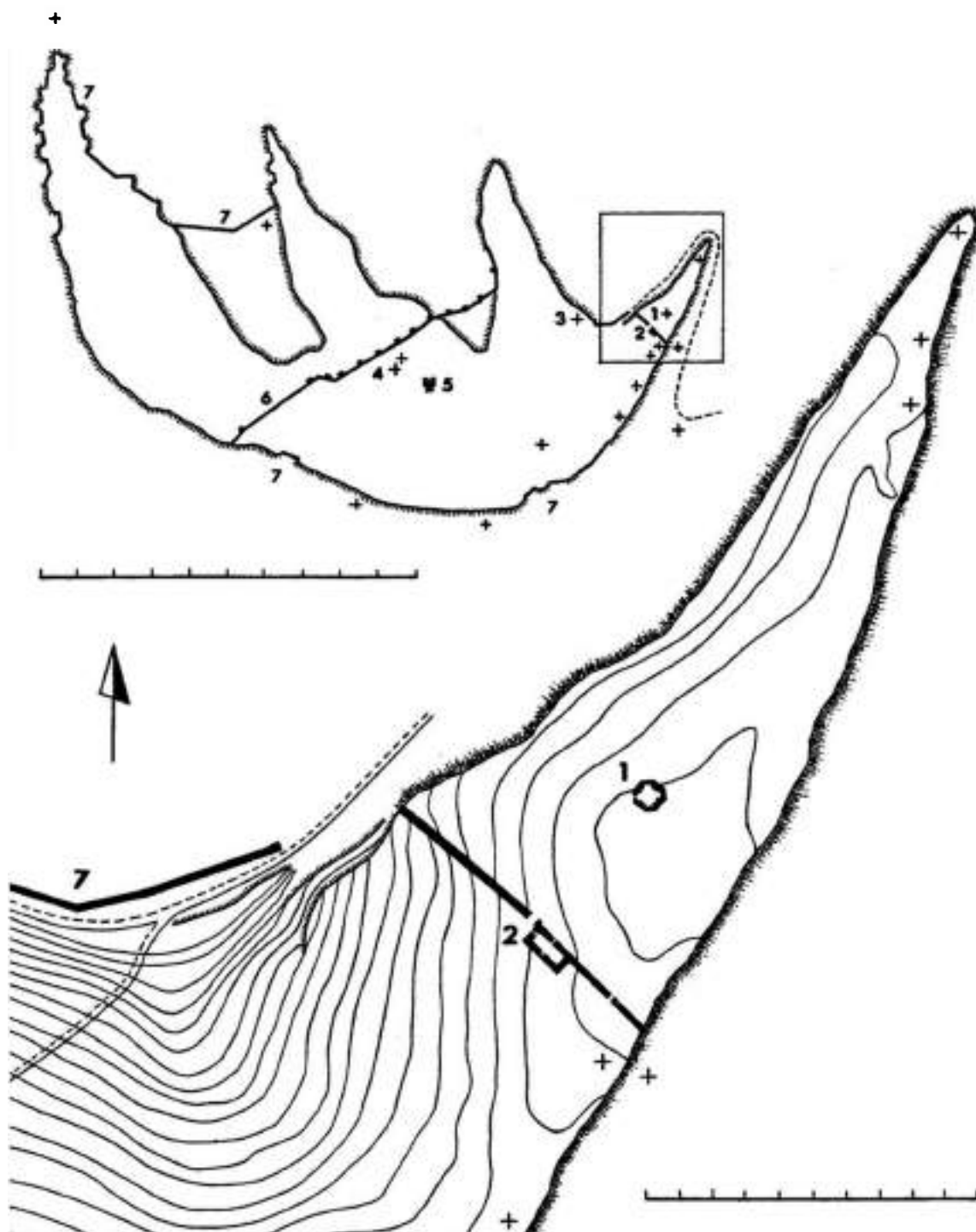

Рис. 221. План крепости Феодоро (Мангупа) XV в. Условные обозначения: 1 - октагональный храм; 2 - линия обороны цитадели на мысе Тешкли-Бурун; 3 - церковь св. Георгия; 4 - Большая базилика; 5 - дворец Алексея; 6 - вторая линия обороны; 7 - главная линия обороны

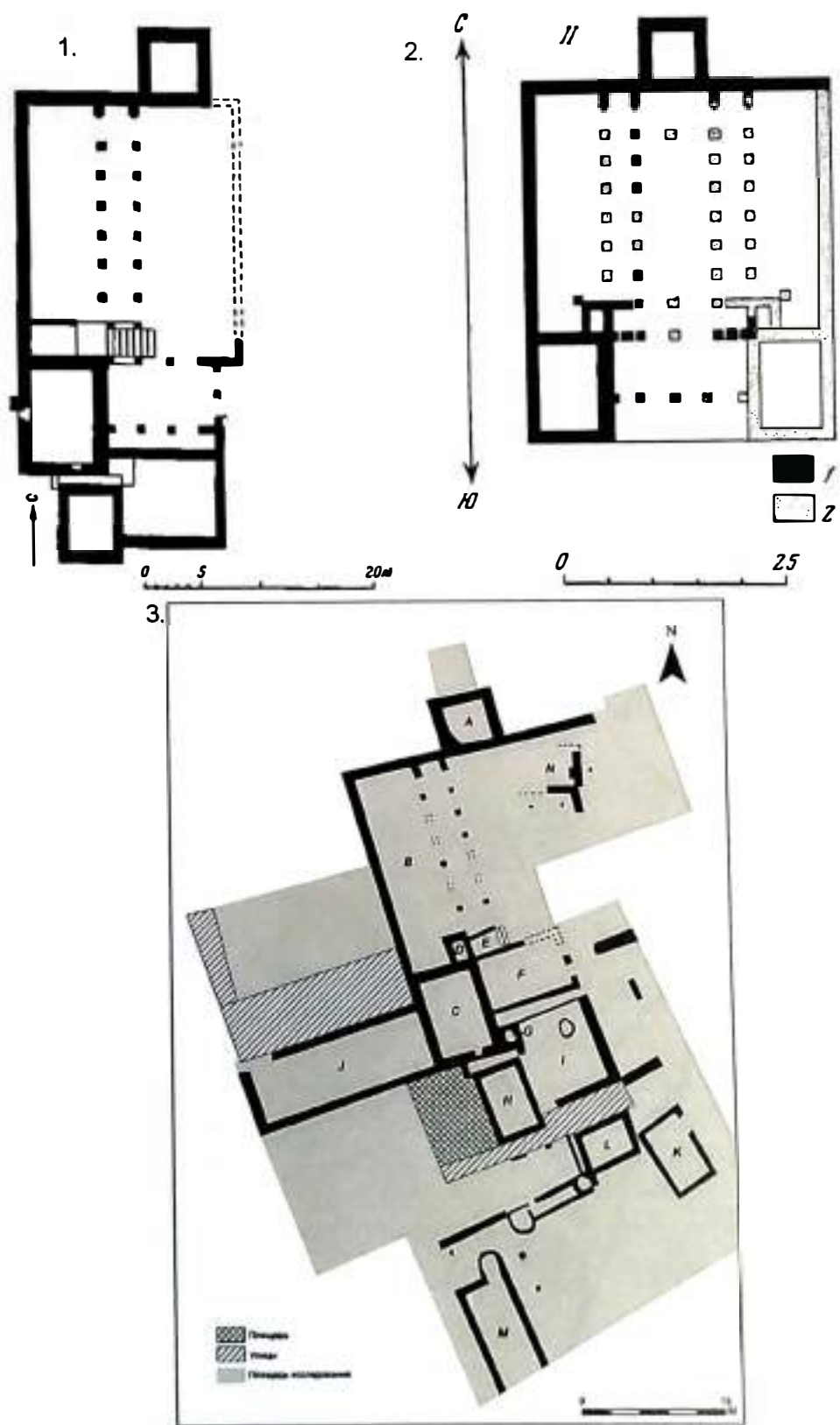

Рис. 222. Мангупское городище. Дворцовый комплекс 1425 - 1475 гг.: 1 - план дворца по А.Л. Якобсону (1953, рис. 45); 2 - план дворца по Е.Г. Сузову (1972, рис. 34); 3 - план дворца по результатам исследований 2006 - 2018 гг. (по А.Г. Герцен. В.Е. Науменко, А.А. Душенко, Д.В. Иожица, 2019, рис. 1)

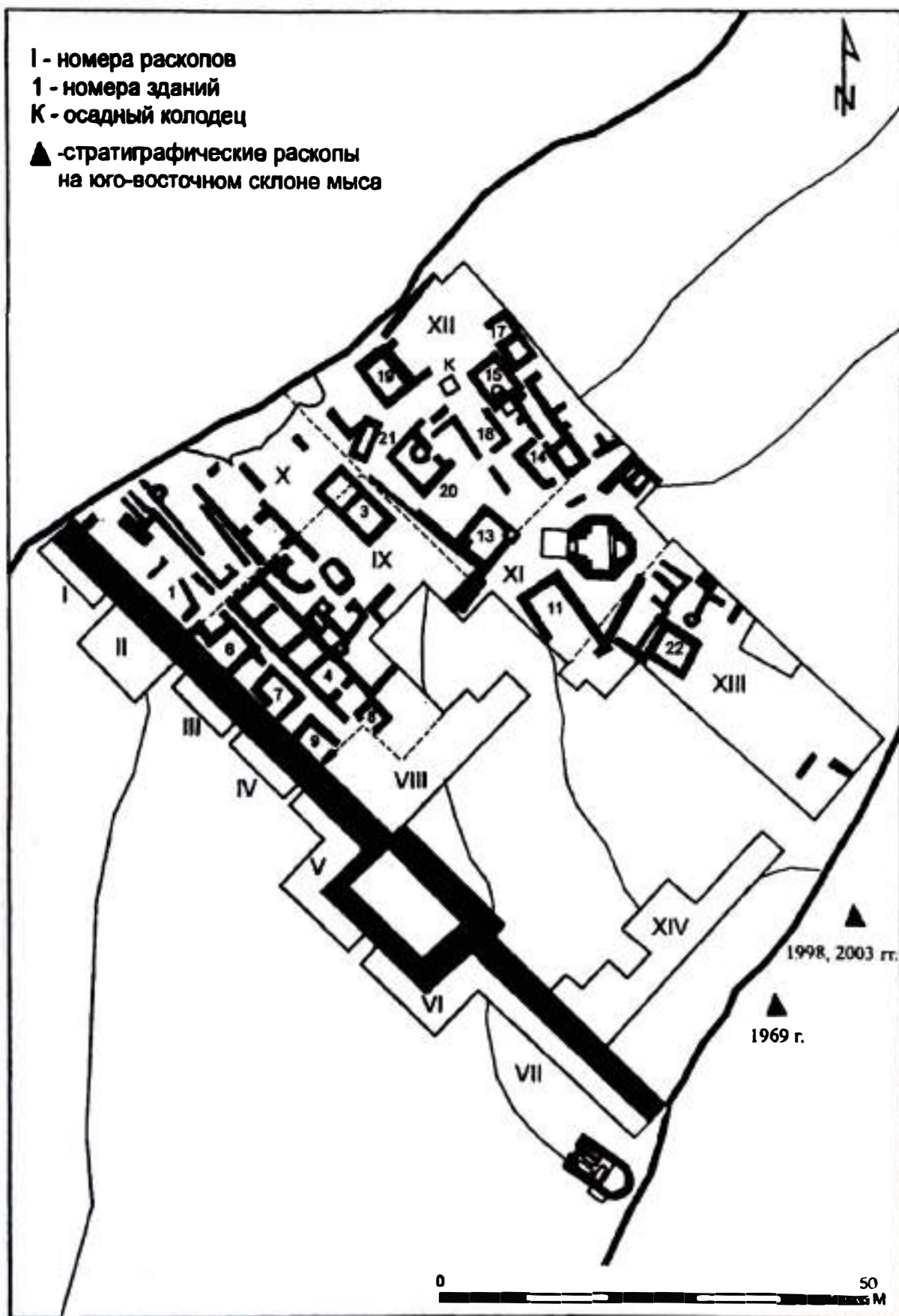

Рис. 223. Мангуп. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. Сводный план строительных остатков нижнего строительного яруса (по данным археологических исследований 1967, 1969 - 1971, 1975 - 1981, 1990 - 2005 гг.) (по А.Г. Герцен, В.Е. Науменко (2010, рис. 2)

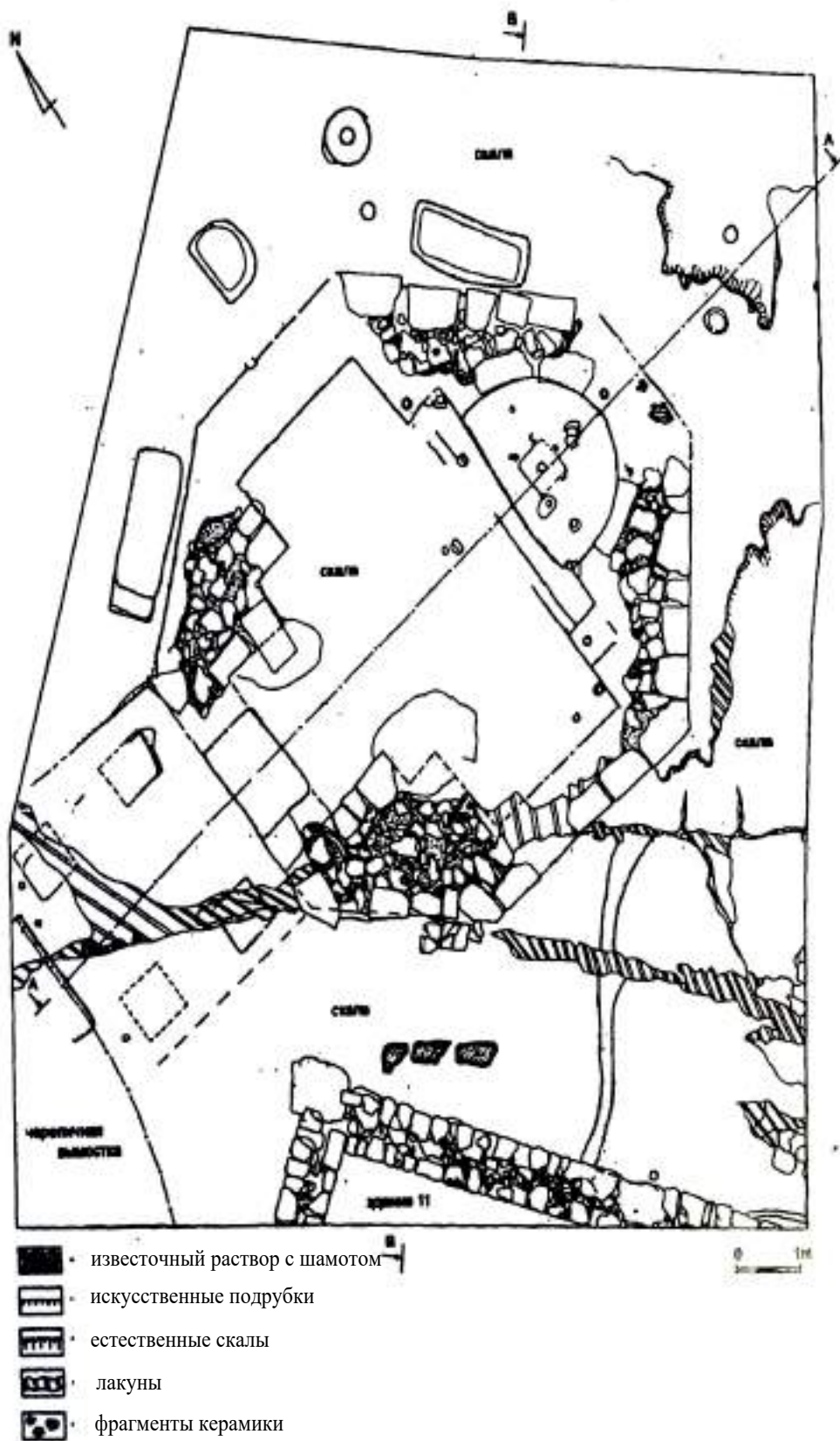

Рис. 224. Мангуп. Октагональная церковь. Общий план комплекса по данным исследований 1997 - 1998 гг. (по А.Г. Герцен, В.А. Науменко, 2010, рис. 6)

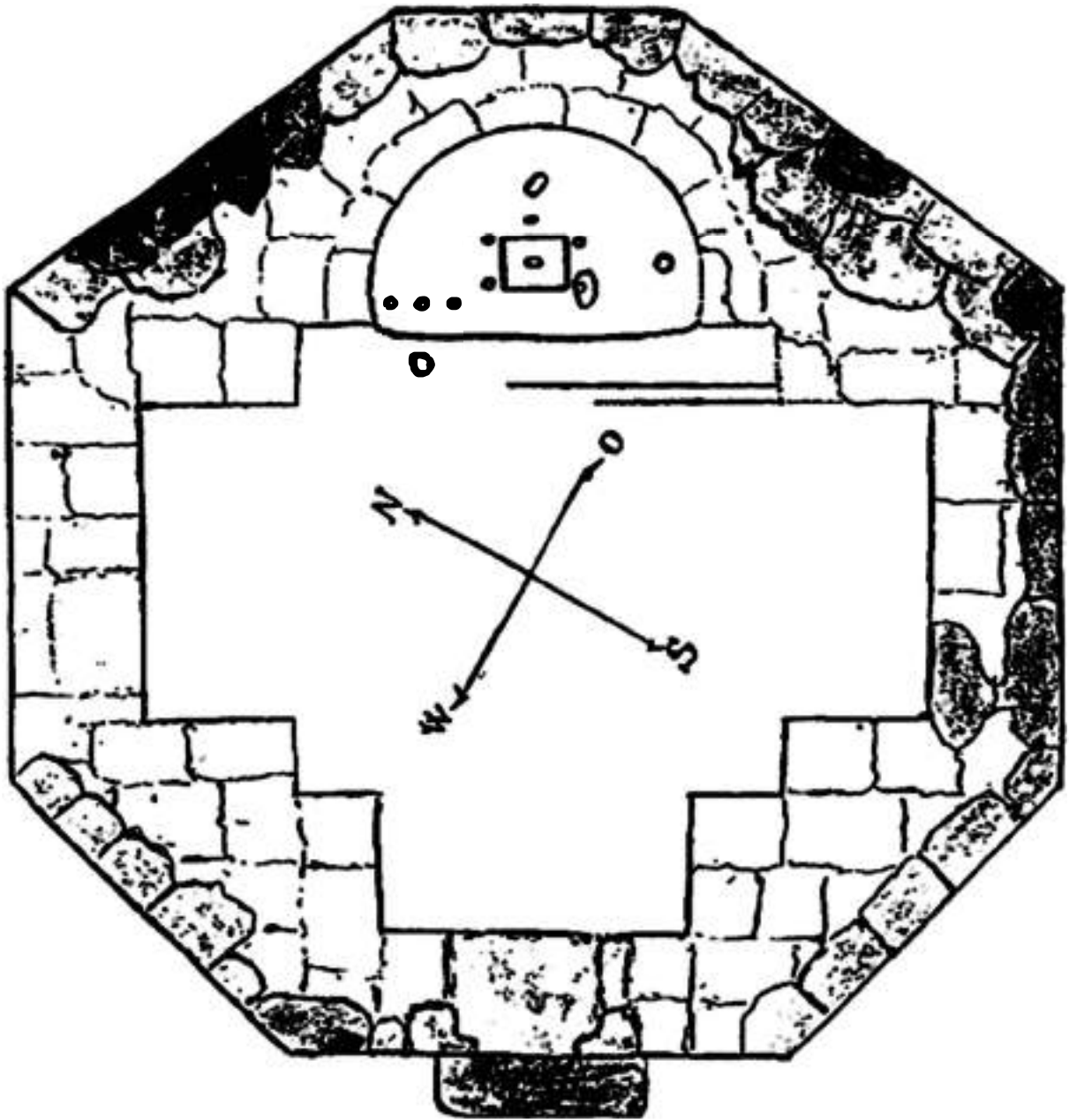

Рис. 225. План октагонального храма Мангуа (по Ф.А. Брауну, с дополнениями В.П. Кирилко, В.Л. Мыца, 2001, рис. 2)

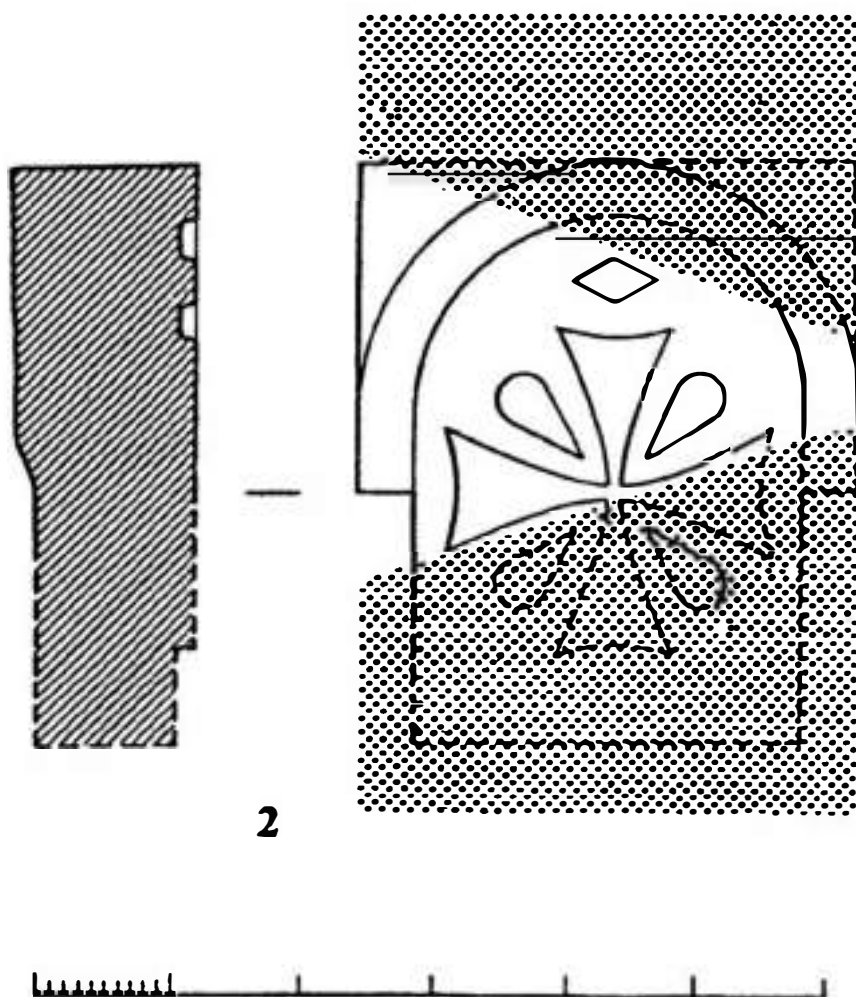
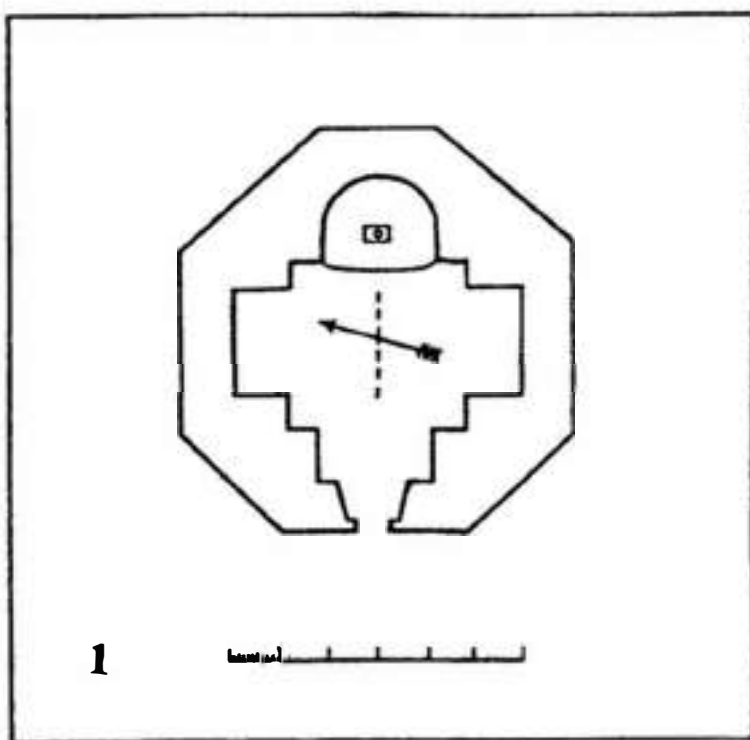

Рис. 226. 1 - план октагонального храма, выполненный в 1890 г. А.Л. Бертье-Делагардом (1918, с. 44, рис. 10); 2 - лицевая перемычка оконного проема церкви (по В.П. Кирилко, В.Л. Мыц, 2001, рис. 8)

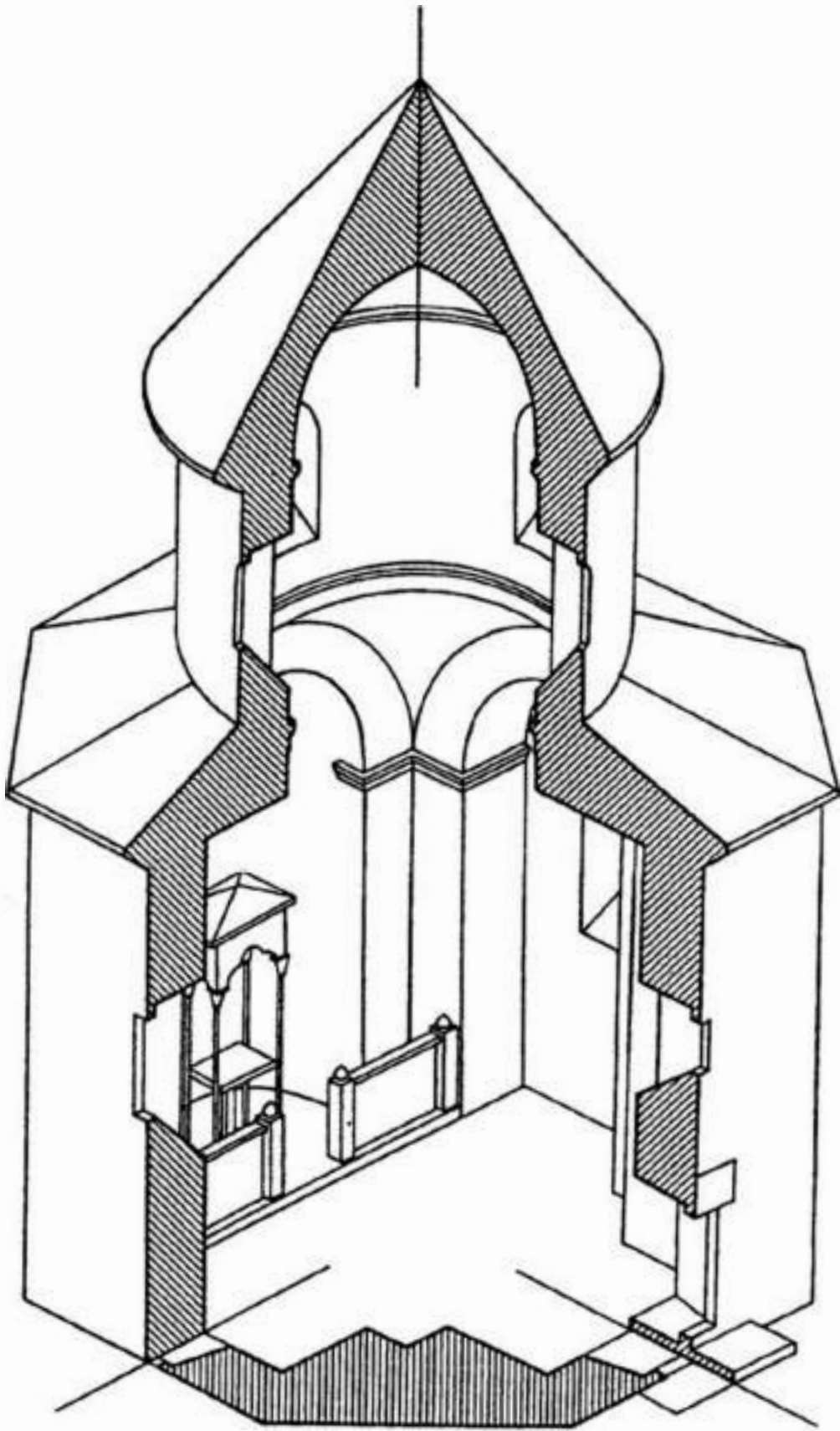

Рис. 227. Октагональный храм Мангуца 1427 г. Реконструкция В.П. Кирилко (по В.П. Кирилко, В.Л. Мыц, 2001, рис. 4)

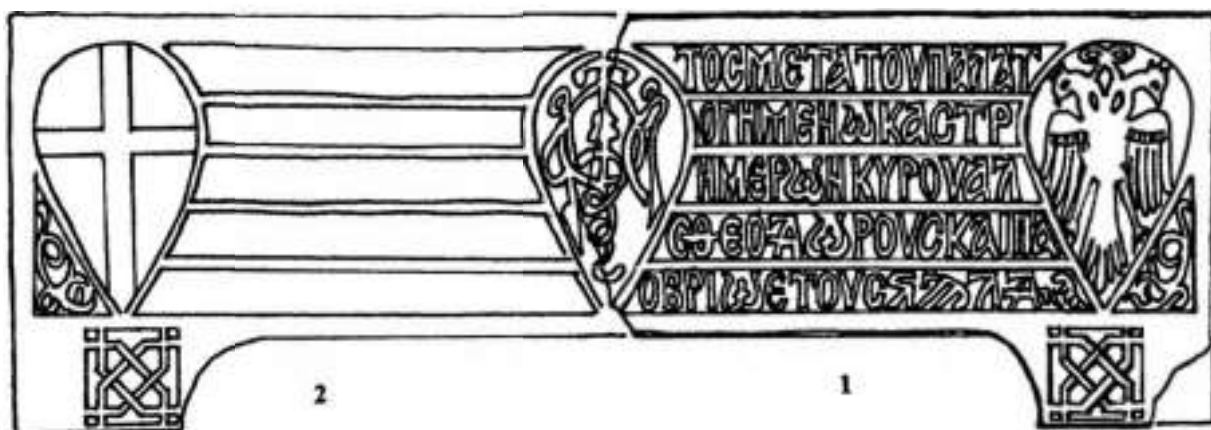

Рис. 228. Архитравная плита входа в донжон дворцового комплекса с надписью "владельца Феодоро и Поморья" Алексея (октябрь 1425 г.): 1- сохранившаяся часть надписи; 2 - реконструкция утраченного фрагмента

Рис. 229. Фрагменты архитравной плиты донжона дворцового комплекса с надписью 1425 г.

1.

2.

3.

Рис. 230. Феодоро, дворец, фрагмент архитравной плиты с надписью 1425 г. (современное состояние): 1 - общий вид; 2 - левая часть с фрагментом монограммы Алексея I; 3 - правая часть плиты с изображением двуглавого орла

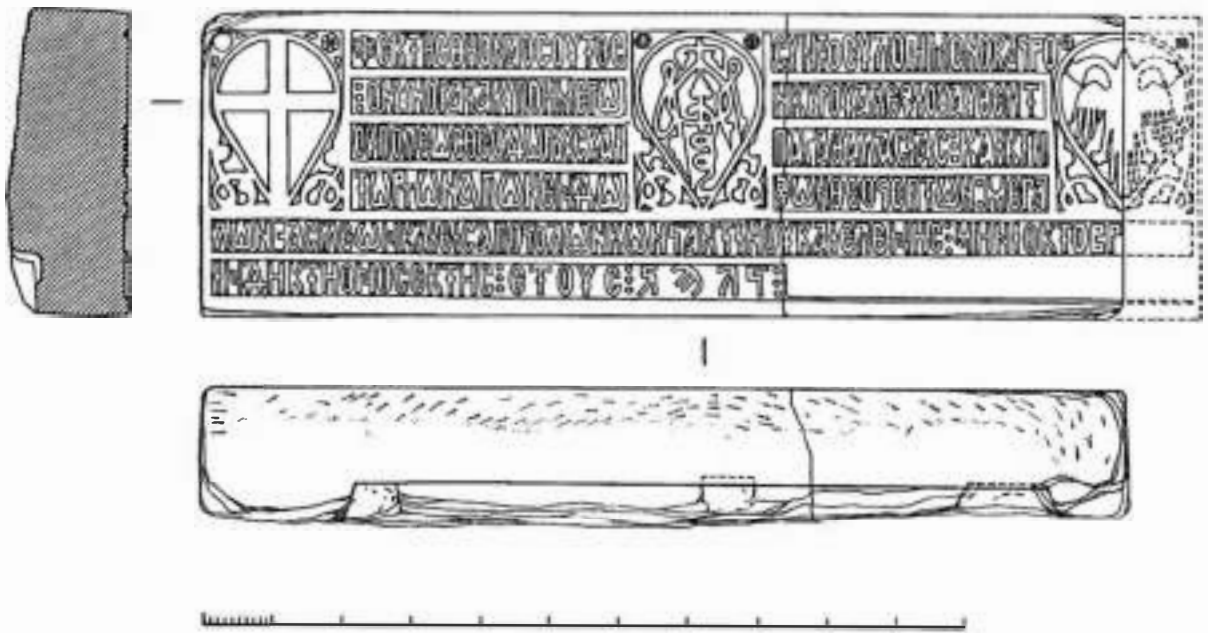

Рис. 231. Архитравная плита октагонального храма с ктиторской надписью "владельца Феодора и Поморья" Алексея (октябрь 1427 г.). Прорисовка, обмеры и реконструкция утраченного фрагмента В.П. Кирилко (по В.П. Кирилко, В.Л. Мыц, 2001, рис. 7)

Рис. 232. Плита с ктиторской надписью 1427 г. "владельца Феодора и Поморья" Алексея

1.

2.

3.

4.

Рис. 233. Строительная надпись 1427 г., современное состояние: 1. - общий вид; 2 - левая сторона с крестом и началом надписи; 3 - центральная часть с монограммой Алексея I; 4 - правая часть с фрагментом двуглавого орла

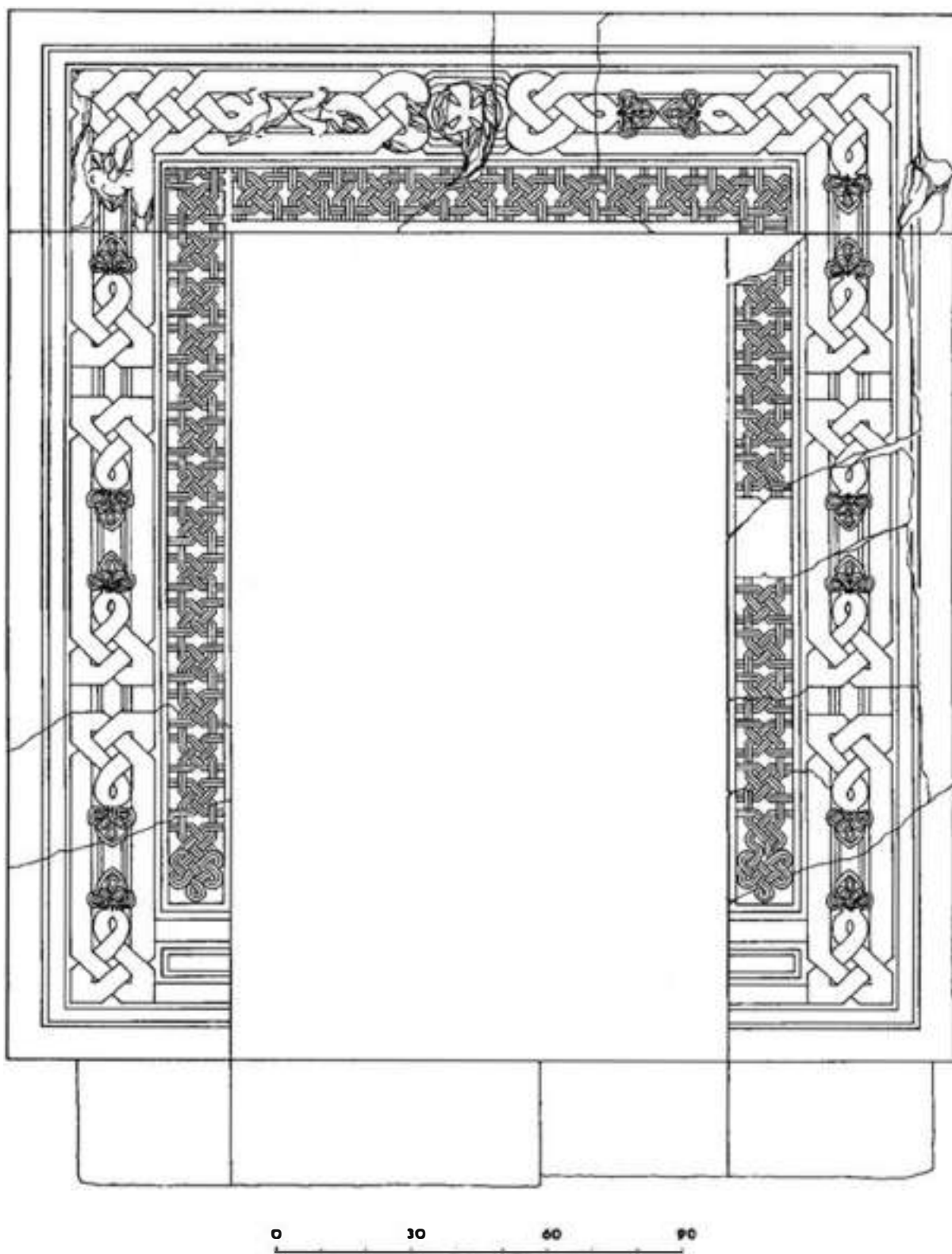

Рис. 234. Облицовка наличника южного входа мангупской базилики первой половины XV в. (по В.П. Кирилко, 2005, рис. 1)

Рис. 235. Восстановительная плита 10 сентября 1427 г. митрополита Готии Дамиана (по В.В. Латышеву, 1896, №70)

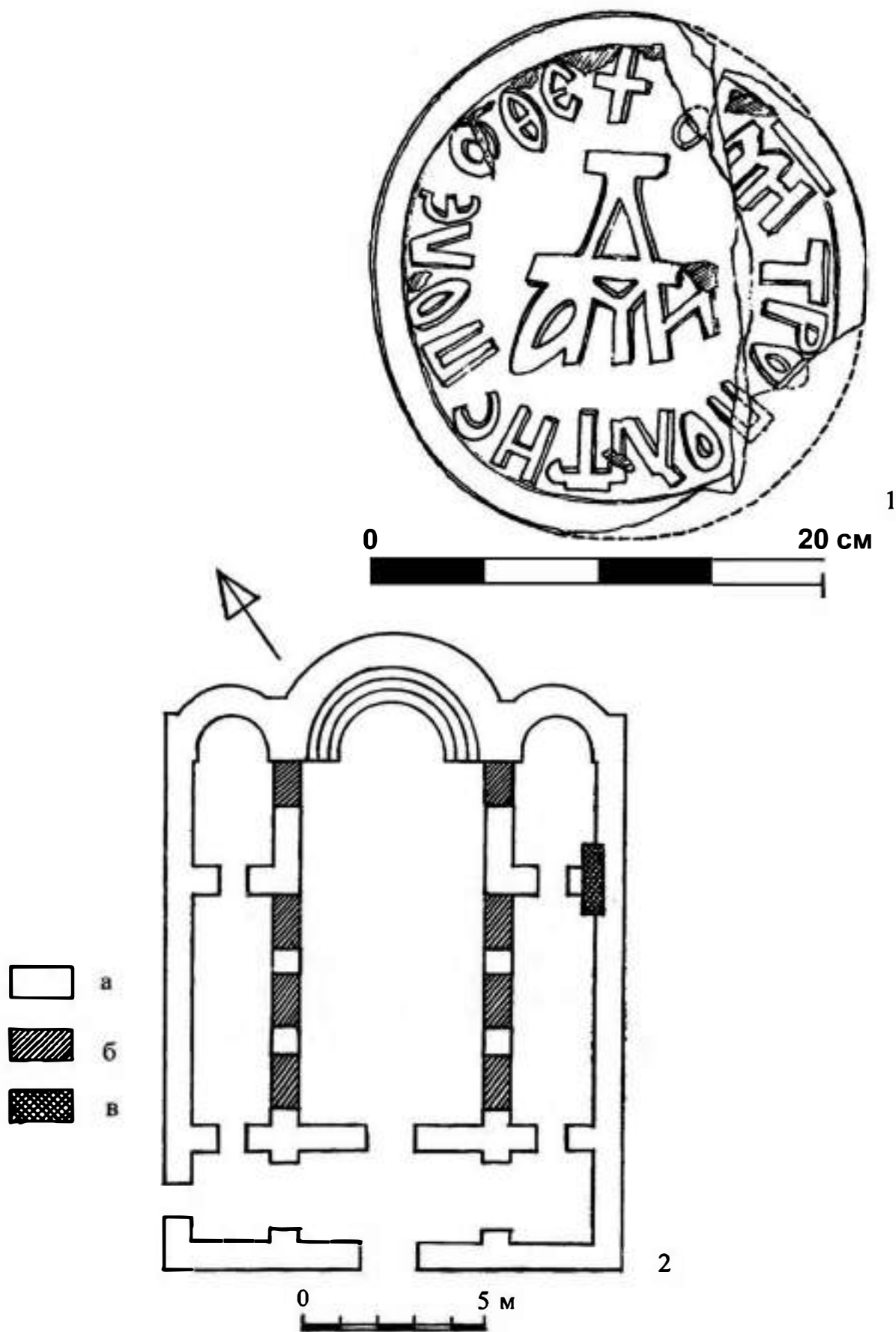

Рис. 236. Ставропегия митрополита Дамиана (1) и план храма, восстановленного Дамианом в 1427 г. (2): а - храм X в.; б - заклады проемов 1427 г.; в - могила №18 (кенотаф Иоанна Готского). Реконструкция плана храма выполнена по материалам раскопок С.Б. Адаксиной (1998 - 2001 гг.)

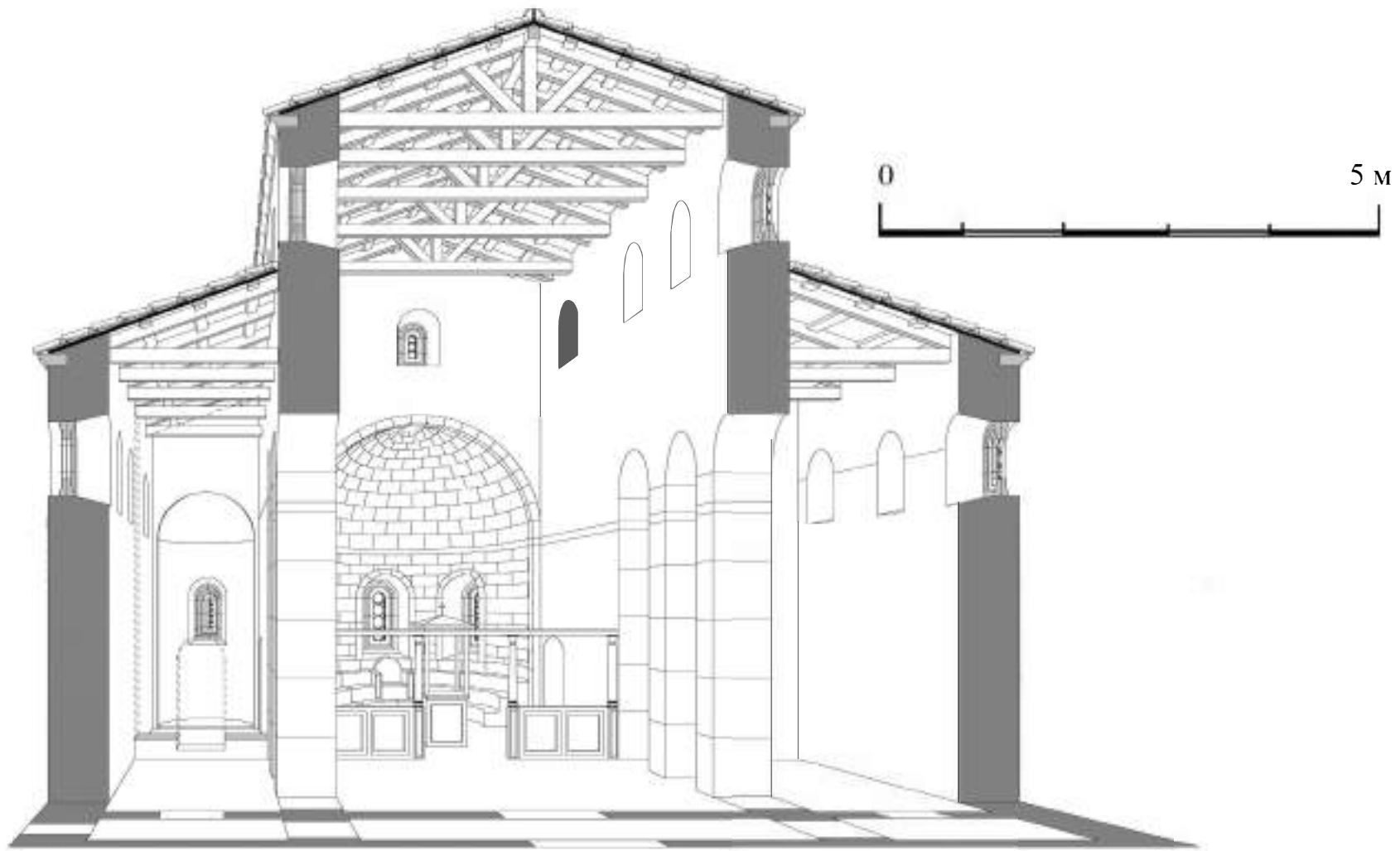

Рис. 237. Парthenитская базилика после восстановления митрополитом Дамианом в 1427 г. (реконструкция А.В. Мыца)

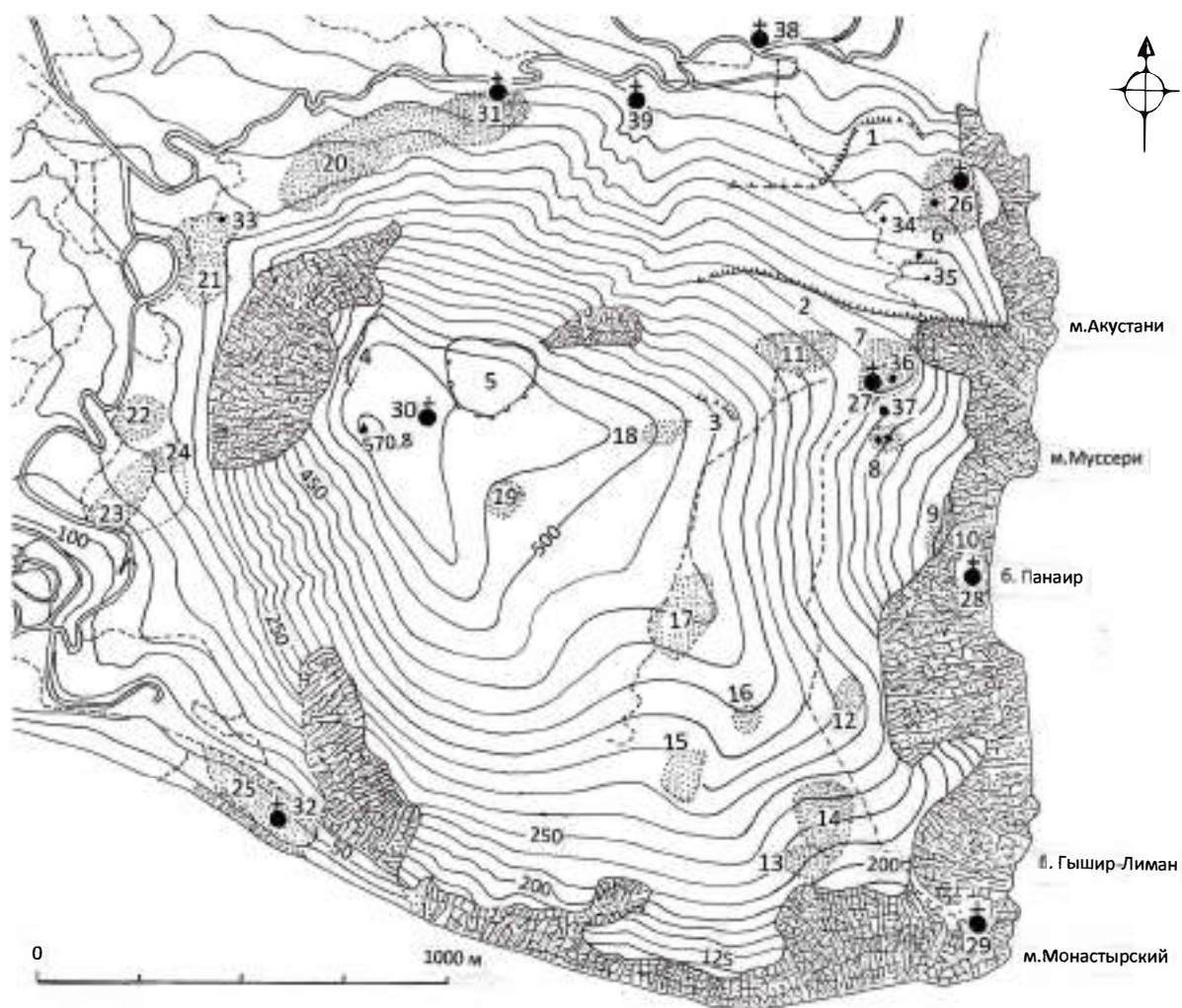

Рис. 238. Археологическая карта Аю-Дага: 1 - 4 - развалины оборонительных стен; 5 - крепость на вершине Аю-Дага; 6 - 25 - следы поселений; 26 - 32, 38, 39 - руины храмовых комплексов (по А.В. Лысенко, И.Б. Тесленко, 2002; с дополнениями и изменениями С.Б. Адаксиной, В.Л. Мыца)

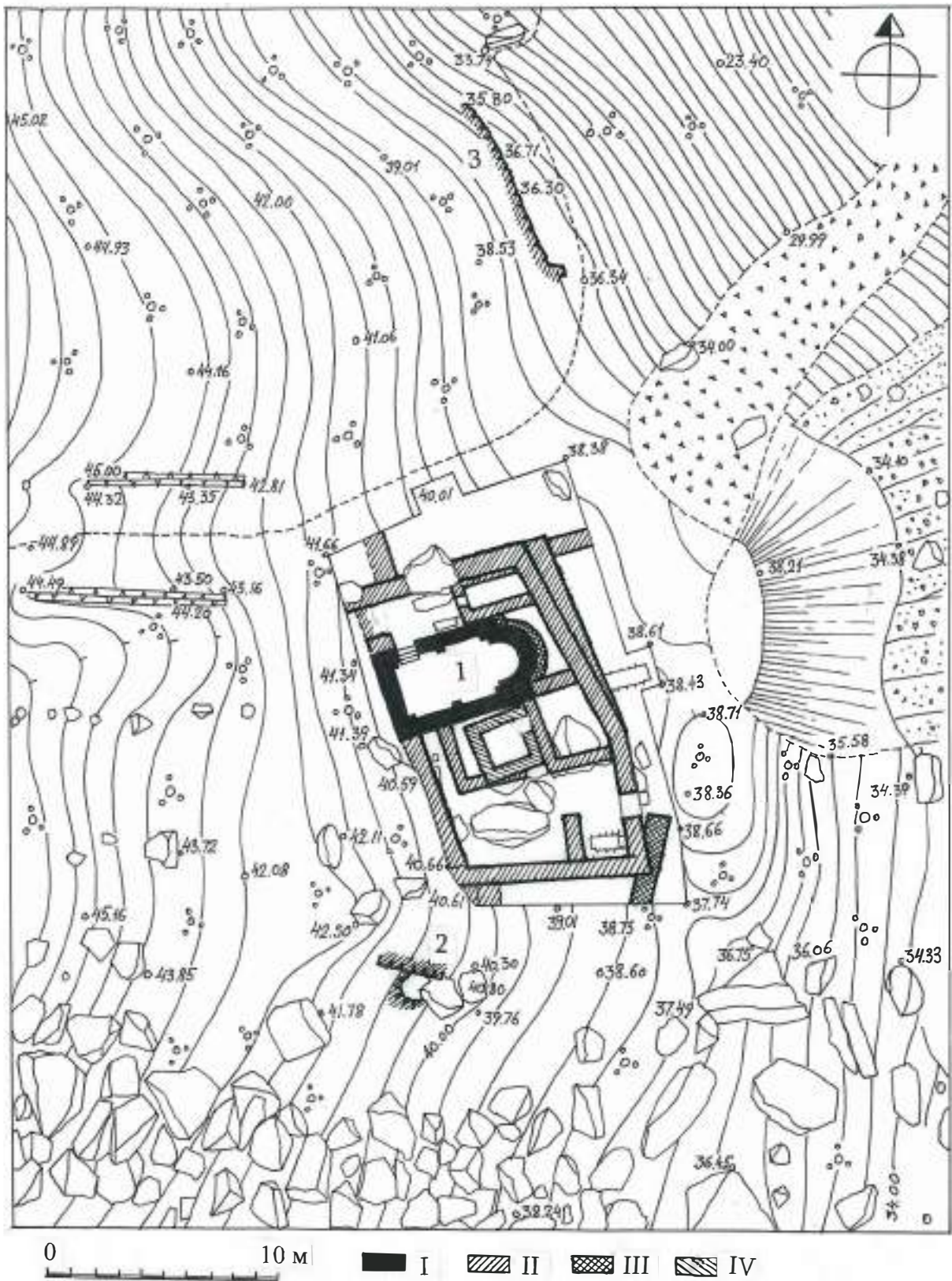

Рис. 239. Топографический план монастырского комплекса в бухте Панаир: I - монастырский храм XIV -XV вв.; II - монастырская ограда и другие строения XIV -XV вв.; III - остатки стен монастыря X - XIII вв.; IV - фундамент здания береговой стражи конца XVIII - середины XIX вв.

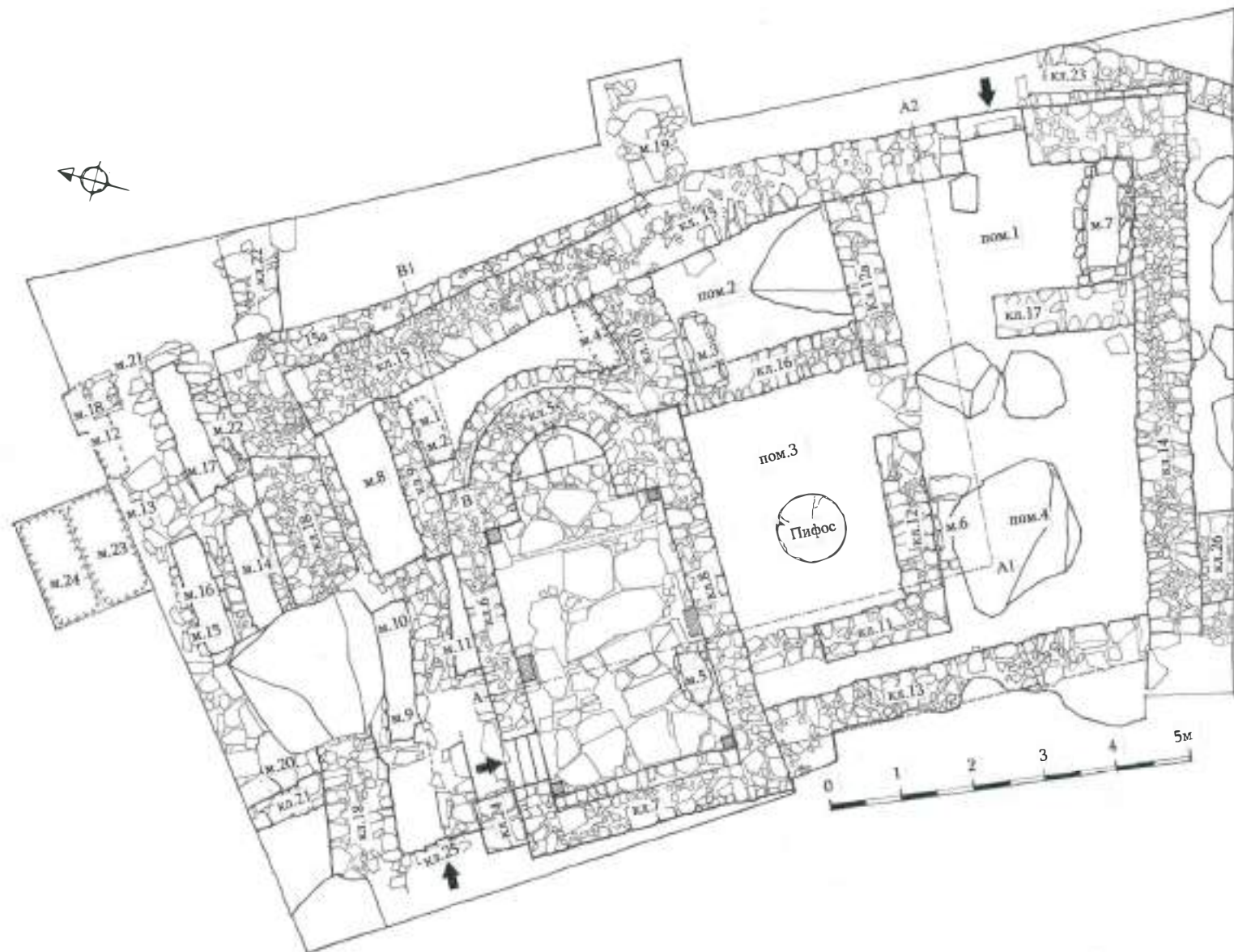

Рис. 240. Общий план раскопа монастыря X - XVI вв. в бухте Панаир

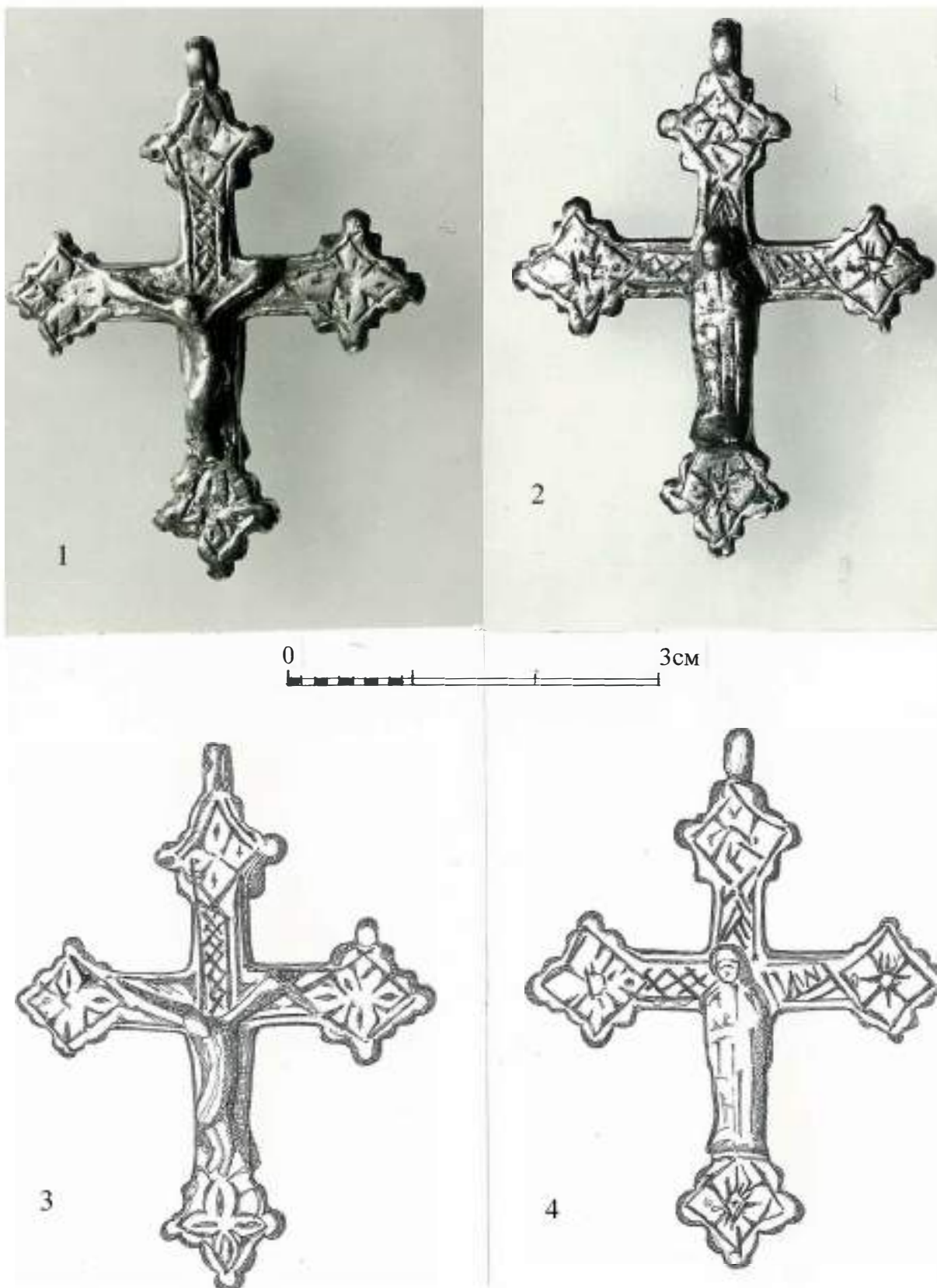

Рис. 241. Серебряный крест второй половины XV в.: 1, 2 - фотографии; 3, 4 - прорисовки. 1, 3 - лицевая сторона; 2, 4 - обратная сторона

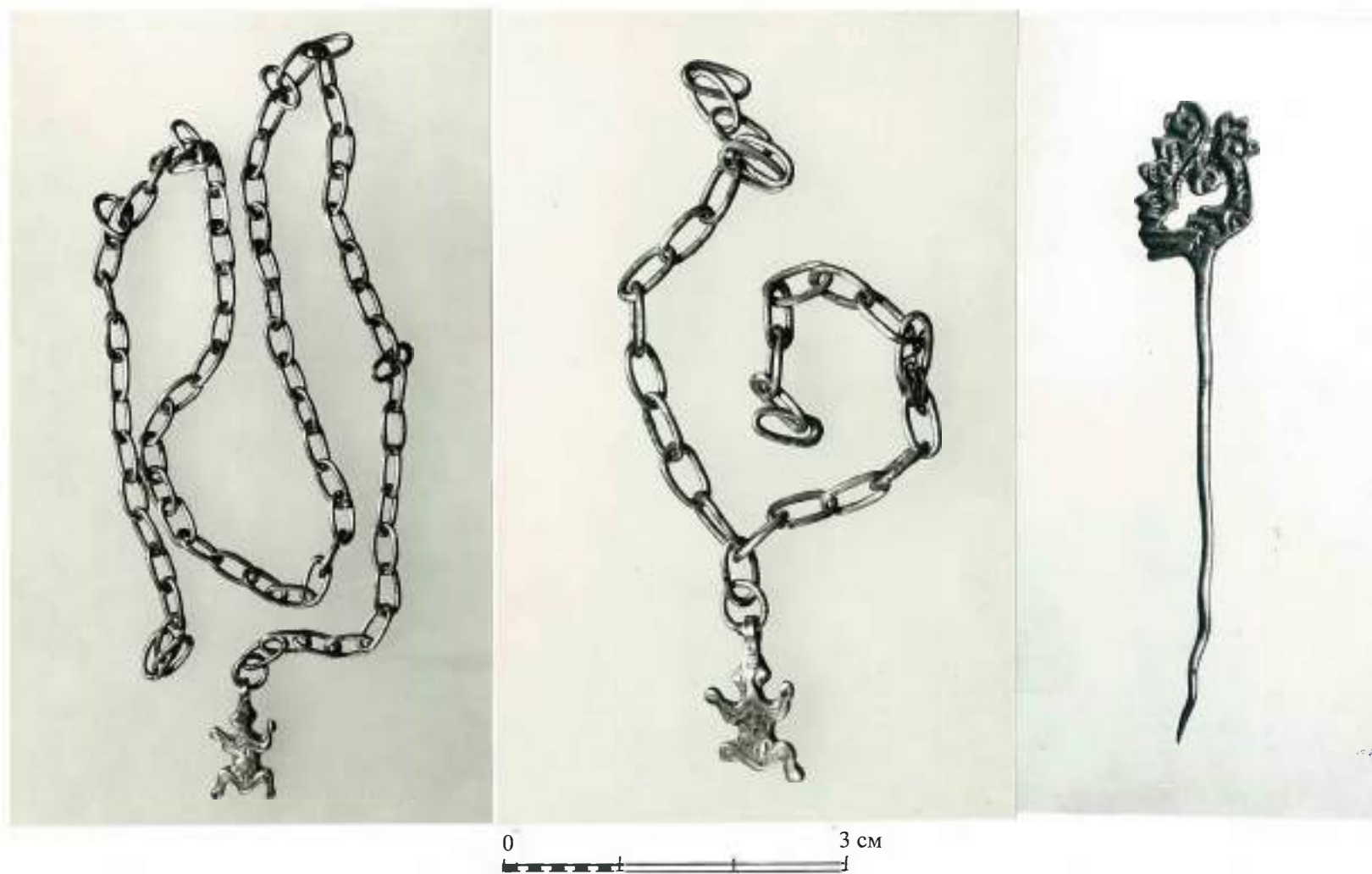

Рис. 242. Серебряная цепь (1, 2) и заковка (3) из раскопок на территории монастырского некрополя в бухте Панаир

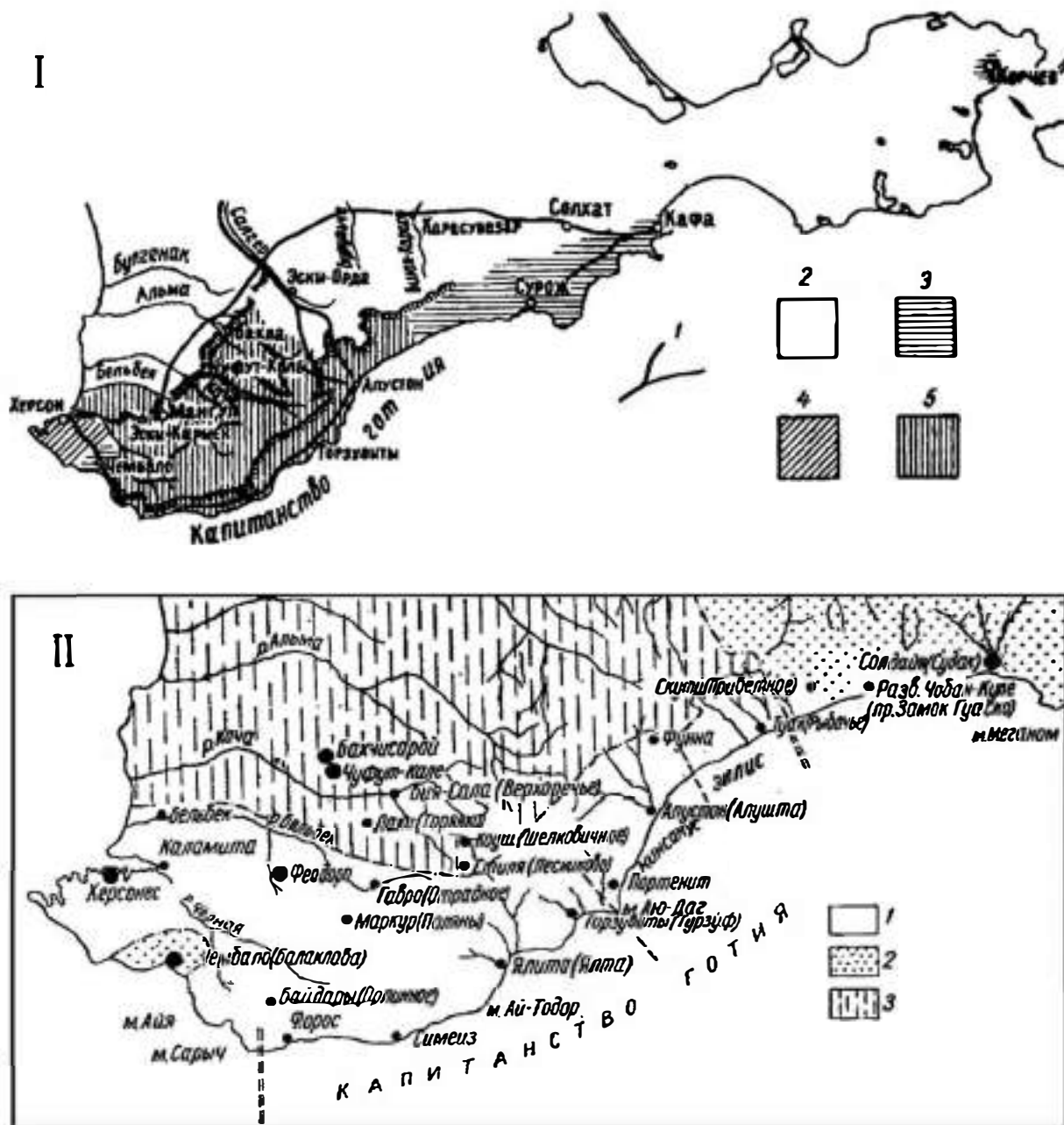

Рис. 243. Предполагаемые границы территорий, входивших в митрополию Готии и княжество Феодора: I - средневековый Крым XIV - начала XV вв.: 1 - основные сухопутные транспортные магистрали; 2 - территория Крымского улуса Золотой орды; 3 - земли, принадлежавшие генуэзцам; 4 - митрополия Херсона; 5 - митрополия Готии (по Домбровский, 1966, рис. 2); II - карта (схема) владений Мангупского княжества накануне турецкого нашествия: 1 - предполагаемые владения Мангупского княжества; 2 - владения генуэзцев; 3 - территория Крымского ханства (по Веймарн, 1968, рис. 30)

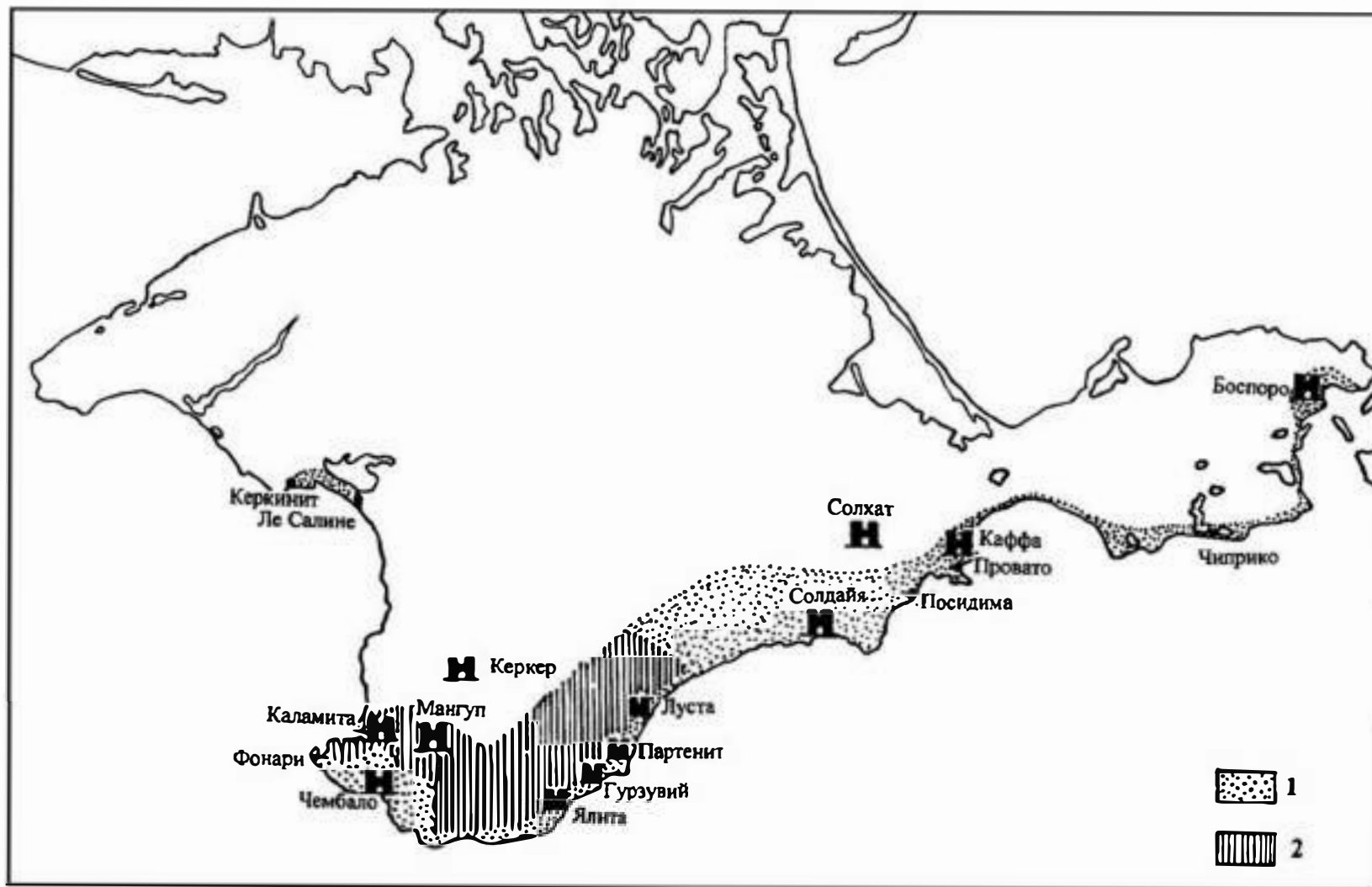

Рис. 244. Таврика в первой четверти XV в.: 1 - территории, принадлежавшие коммуне Генуи; 2 - владения Феодоро

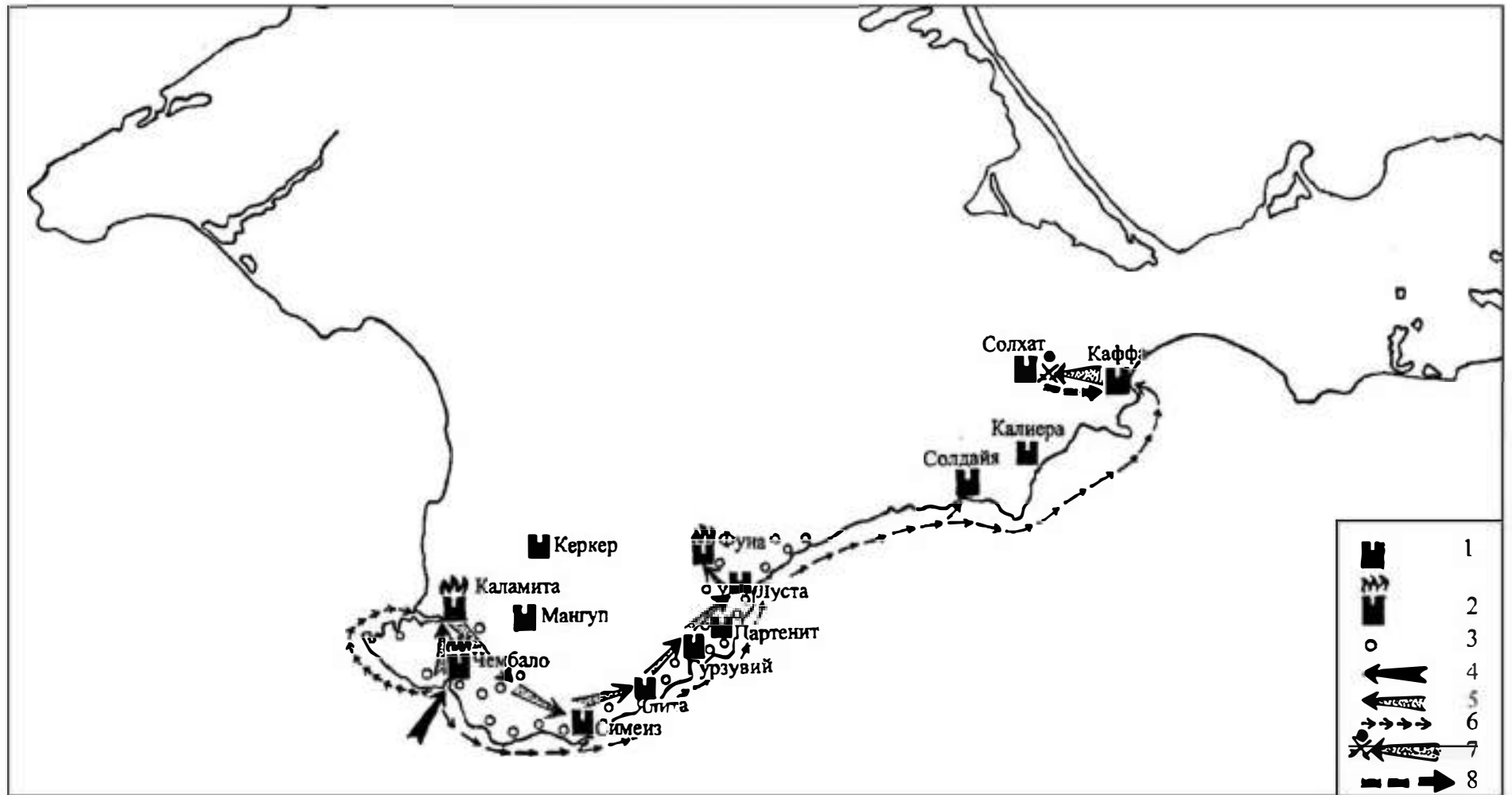

Рис. 245. Карта военных действий на территории Крыма в 1434 г.: 1 - города и замки; 2 - города и замки, подвергшиеся разрушению летом 1434 г.; 3 - сельские поселения Готии; 4 - движение генуэзского флота на начальном этапе кампании; 5 - направления сухопутного генуэзского корпуса; 6 - перемещение генуэзского флота вдоль берегов Крыма; 7 - сражение 22 июня 1434 г. у с. Карагоз; 8 - отступление корпуса Ломеллини к Каффе после поражения

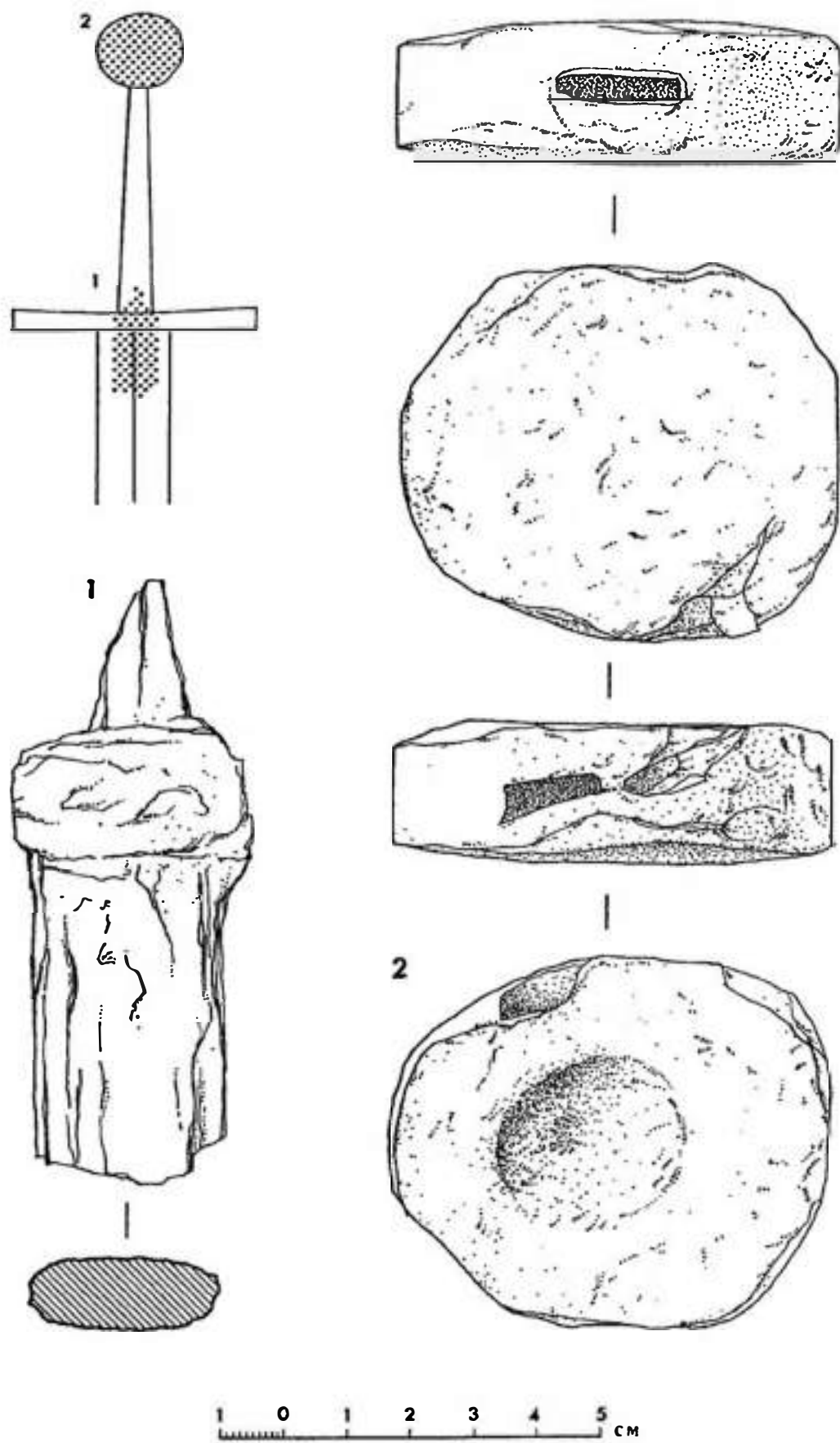

Рис. 246. Фрагменты "латинских" мечей первой трети XV в. из раскопок крепости Фуна: 1 - обломок клинка, перекрестия и черенка рукояти; 2 - набалдашник

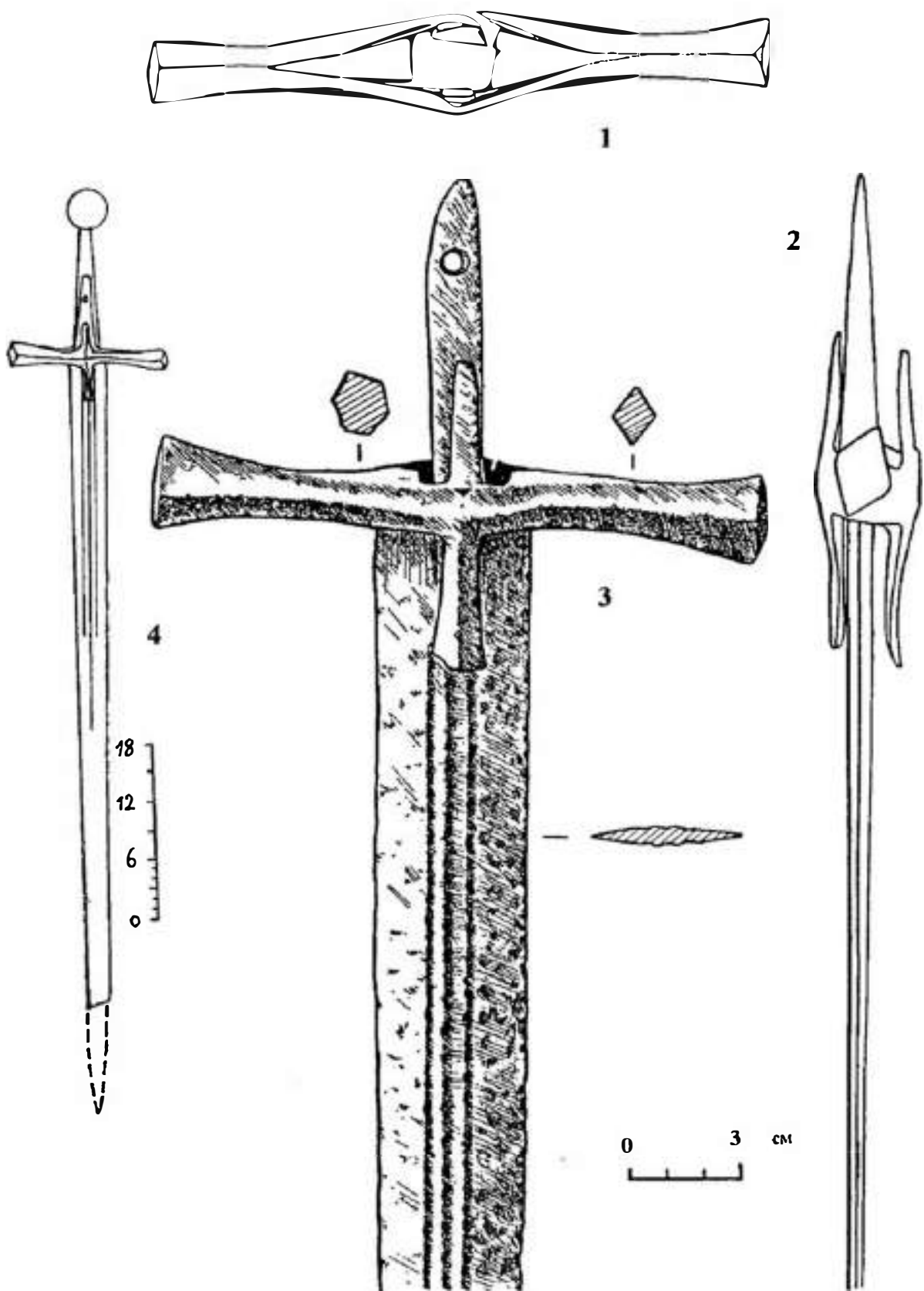

Рис. 247. "Латинский" меч XIV - начала XV в. из экспозиции Донецкого краеведческого музея (по О.Я. Приваловой, М.Л. Шевцову, 1993, с. 60, № 390, рис. 75)

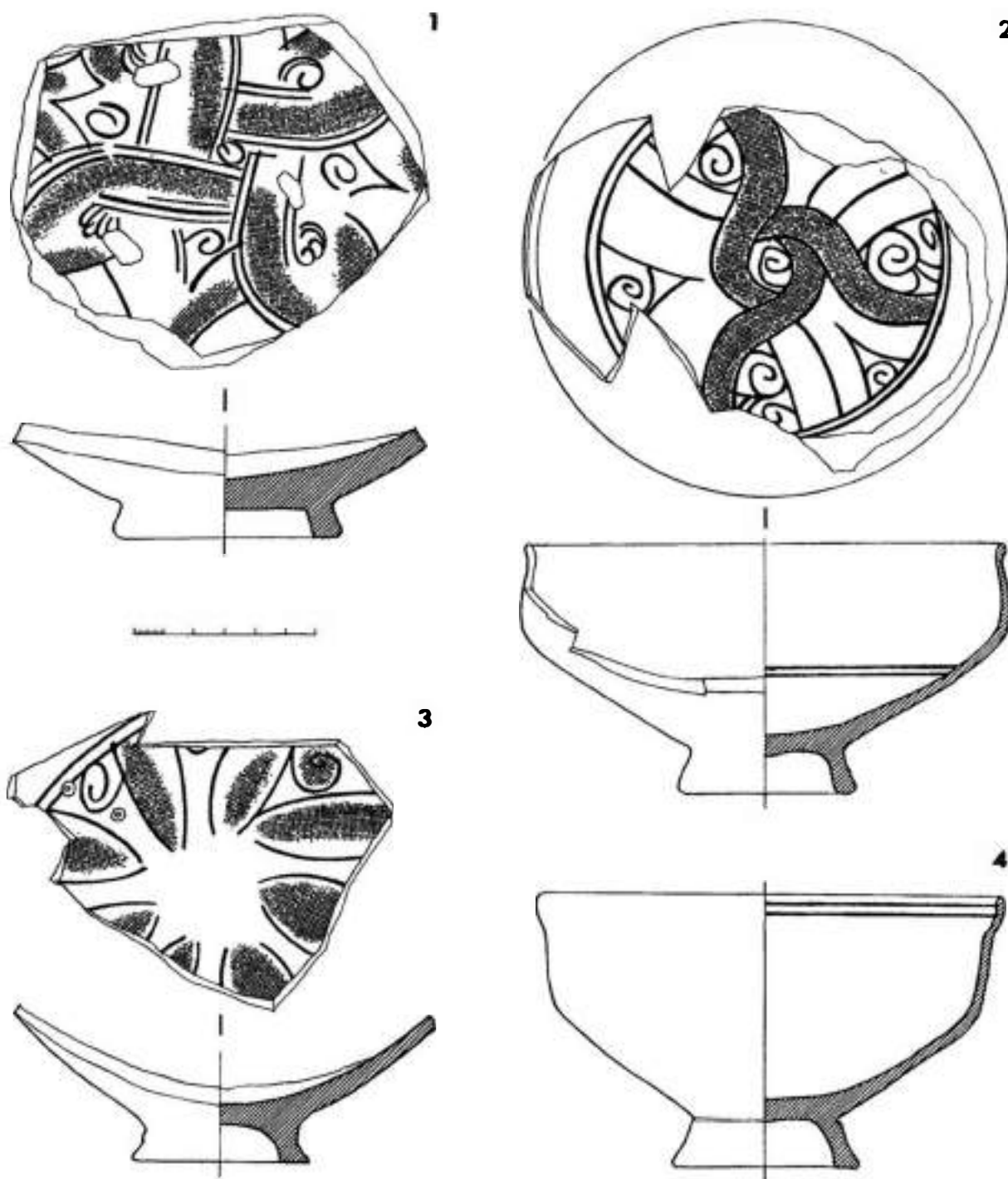

Рис. 248. Поливные сосуды из слоя пожара 1434 (?) г. в помещении IX крепости Фуна

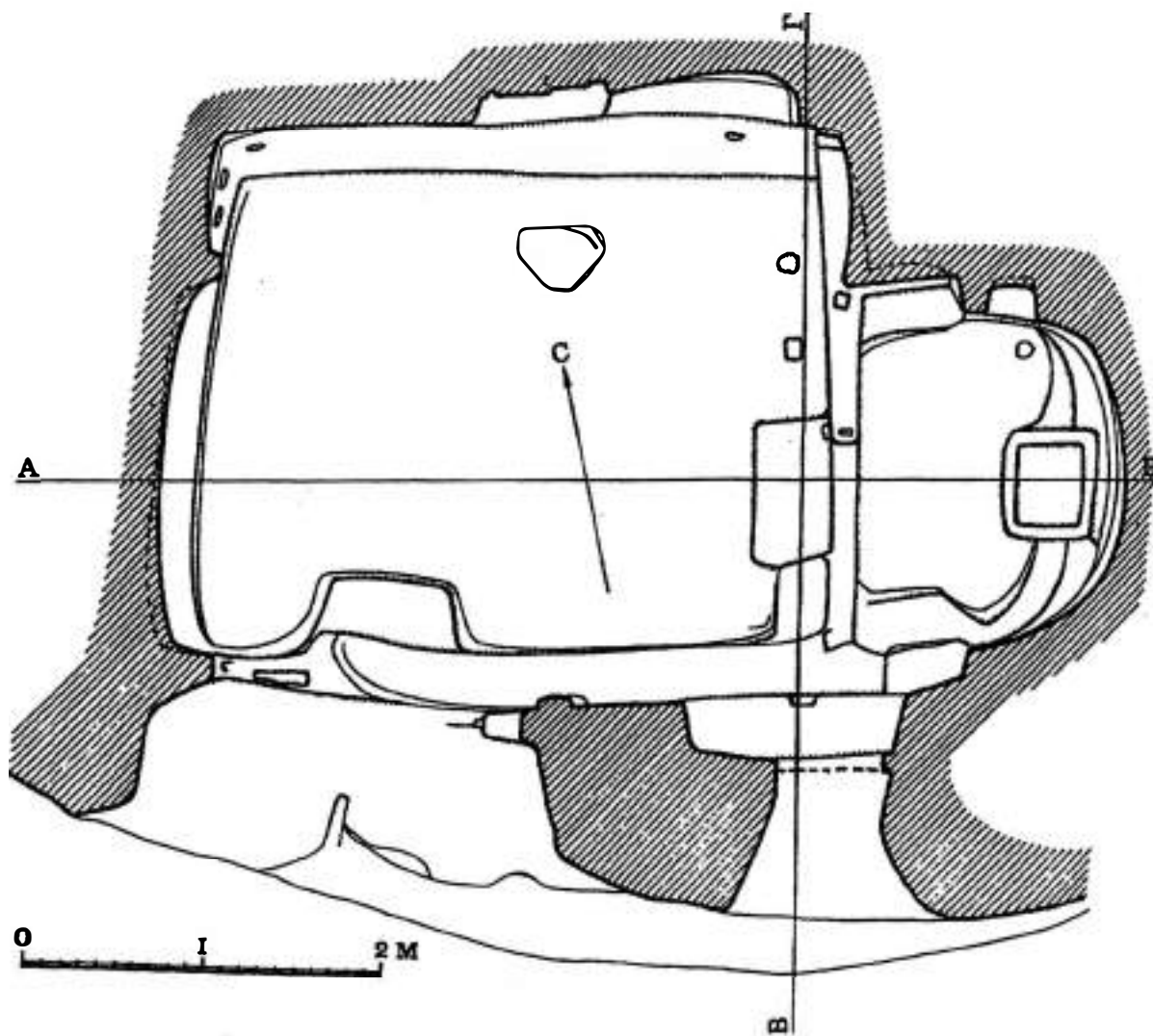

Рис. 249. Эски-Кермен. Храм "Донаторов" План (по Ю.М. Могаричёву (Могаричёв, 1997, рис. 198))

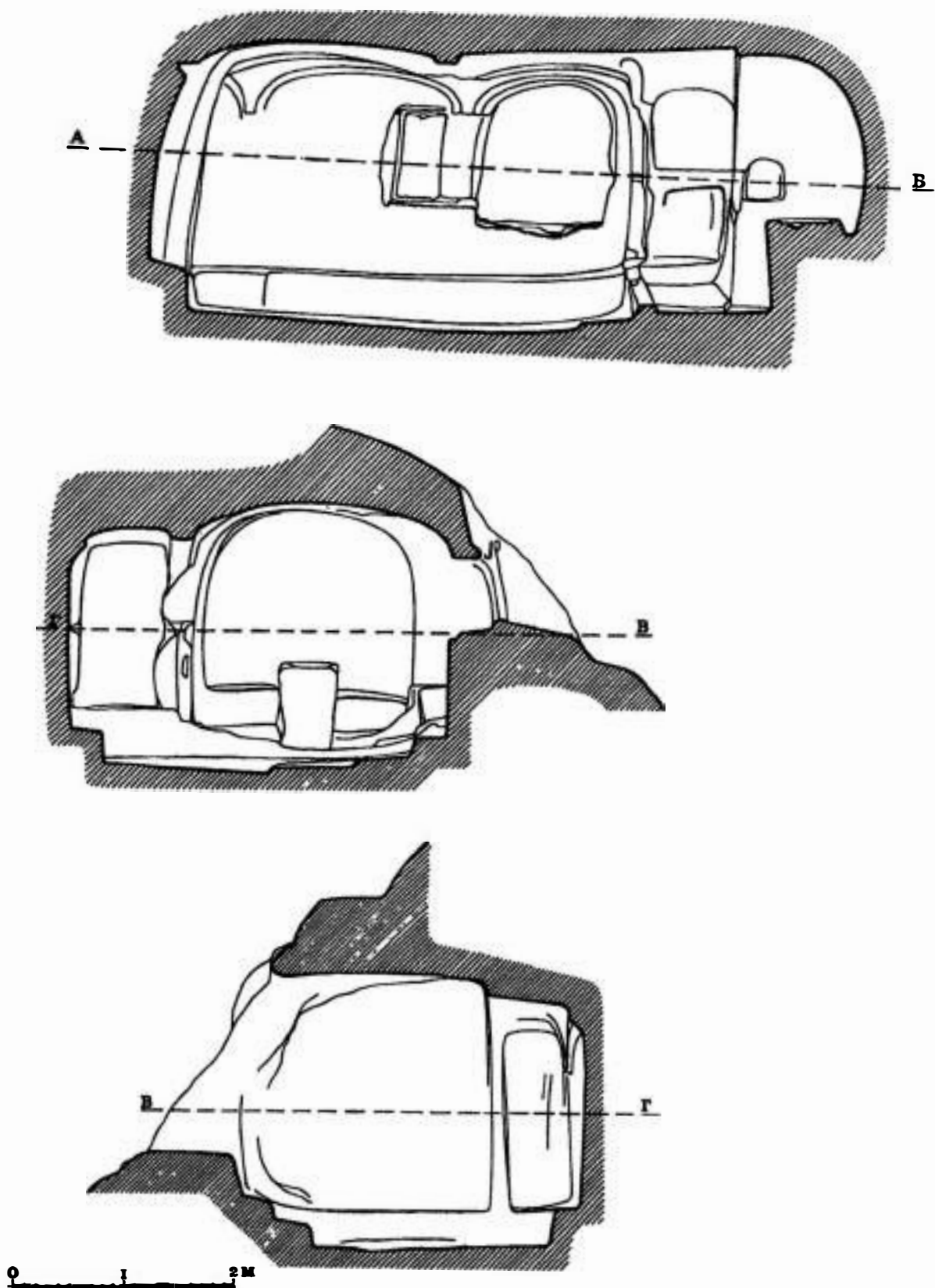

Рис. 250. Эски-Кермен. Храм "Донаторов". Разрезы А-Г (по Ю.М. Могаричёву (Могаричёв, 1997, рис. 199 -201))

Рис. 251. Схема росписи алтарной части храма "Донаторов". Реконструкция И.Г. Волконской (Волконская, 2004, рис. 69)

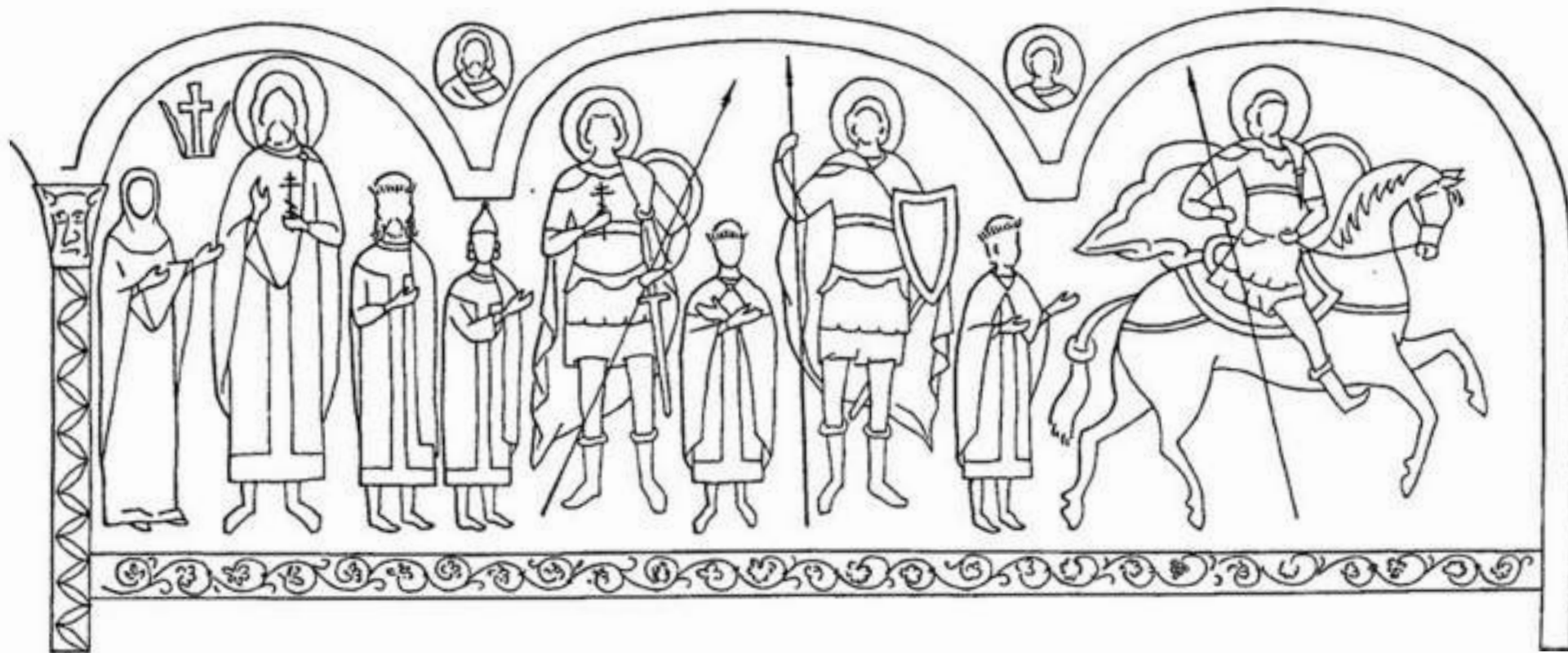

Рис. 252. Схема росписи западной и северной стен храма "Донаторов" реконструкция И.Г. Волконской (Волконская, 2004, рис. 64)

1.

2.

Рис. 253. Юго-западная башня второй линии обороны Феодоро, отсекающая от плато Мангупа мыс Чамну-Бурун: 1 - вид с запада; 2 - вид с юго-востока

Рис. 254. Юго-западная башня второй линии обороны Феодоро (вид с юго-запада)

Рис. 255. Руины крепостной стены второй линии обороны, отсекающей от плато Мангупа мыс Чамну-Бурун (вид с юго-запада)

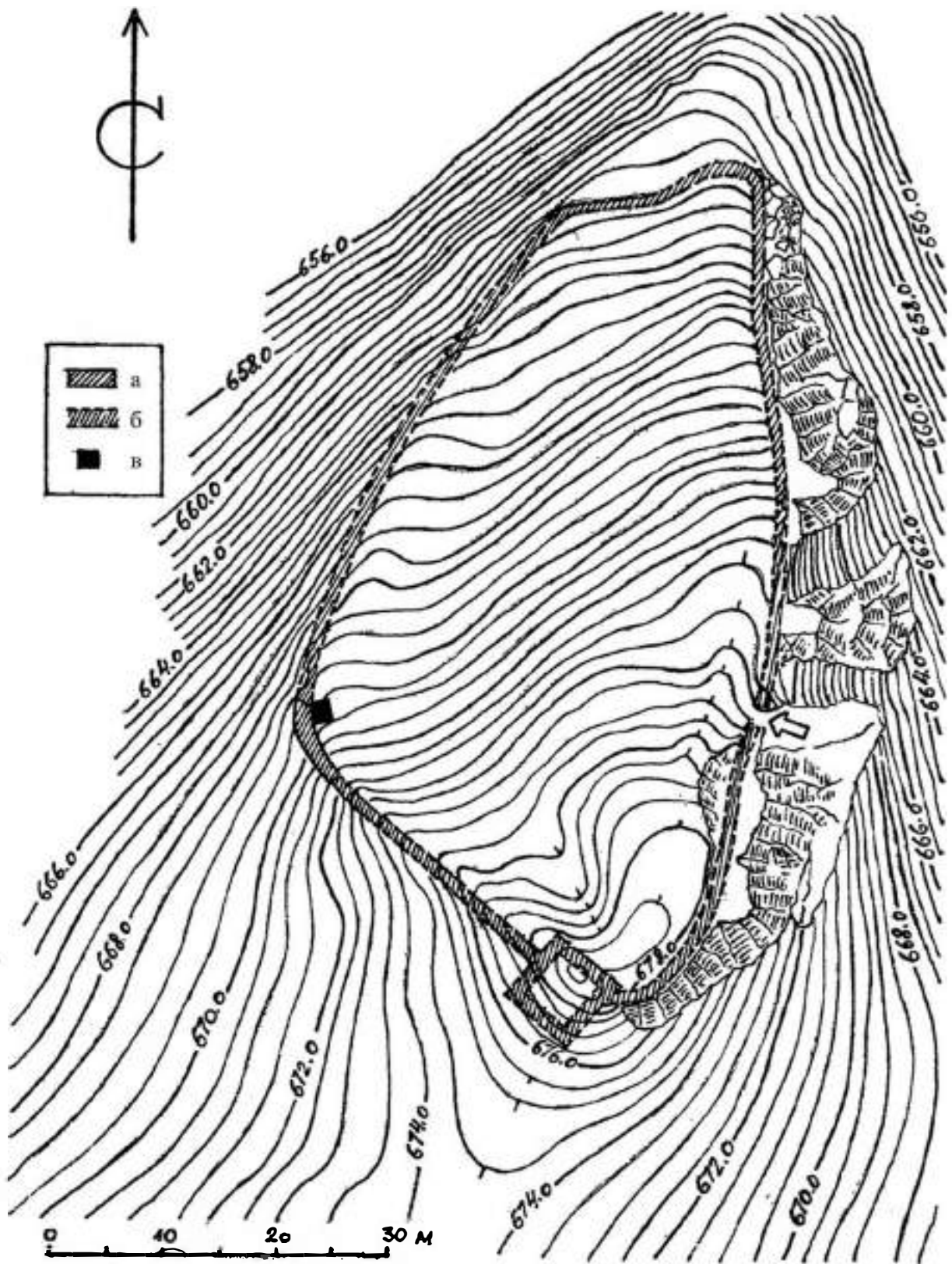

Рис. 256. План Керменчика XV в.: а - хорошо сохранившийся участок оборонительной стены; б - место разведывательного шурфа 2006 г.

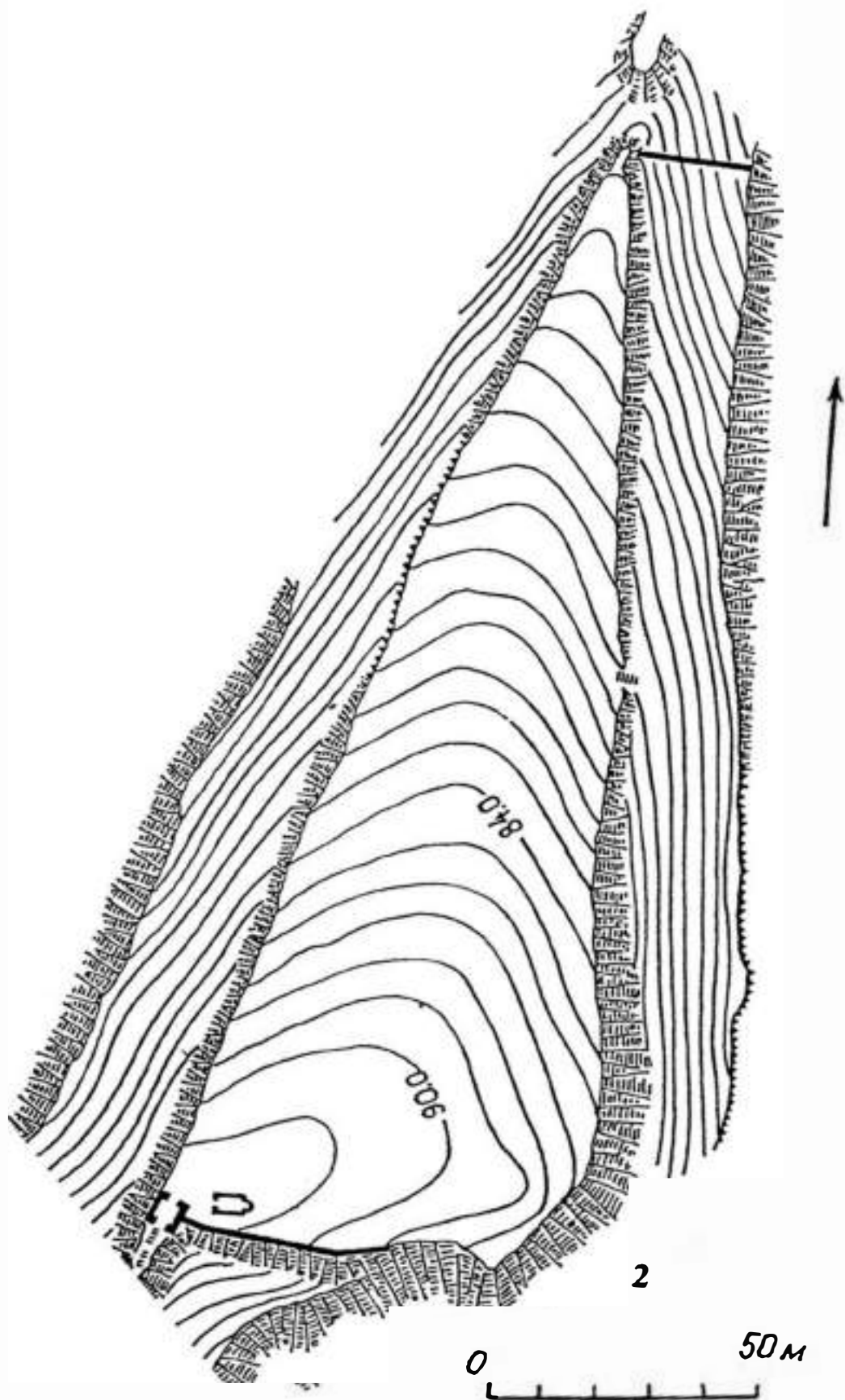

Рис. 257. План феодоритского замка XV в. Черкес-Кермен

Рис. 258. Руины башни Черкес-Кермен. Ф.И. Гросс, 1846 г. (по М. Мальгиной, 2006, № 172)

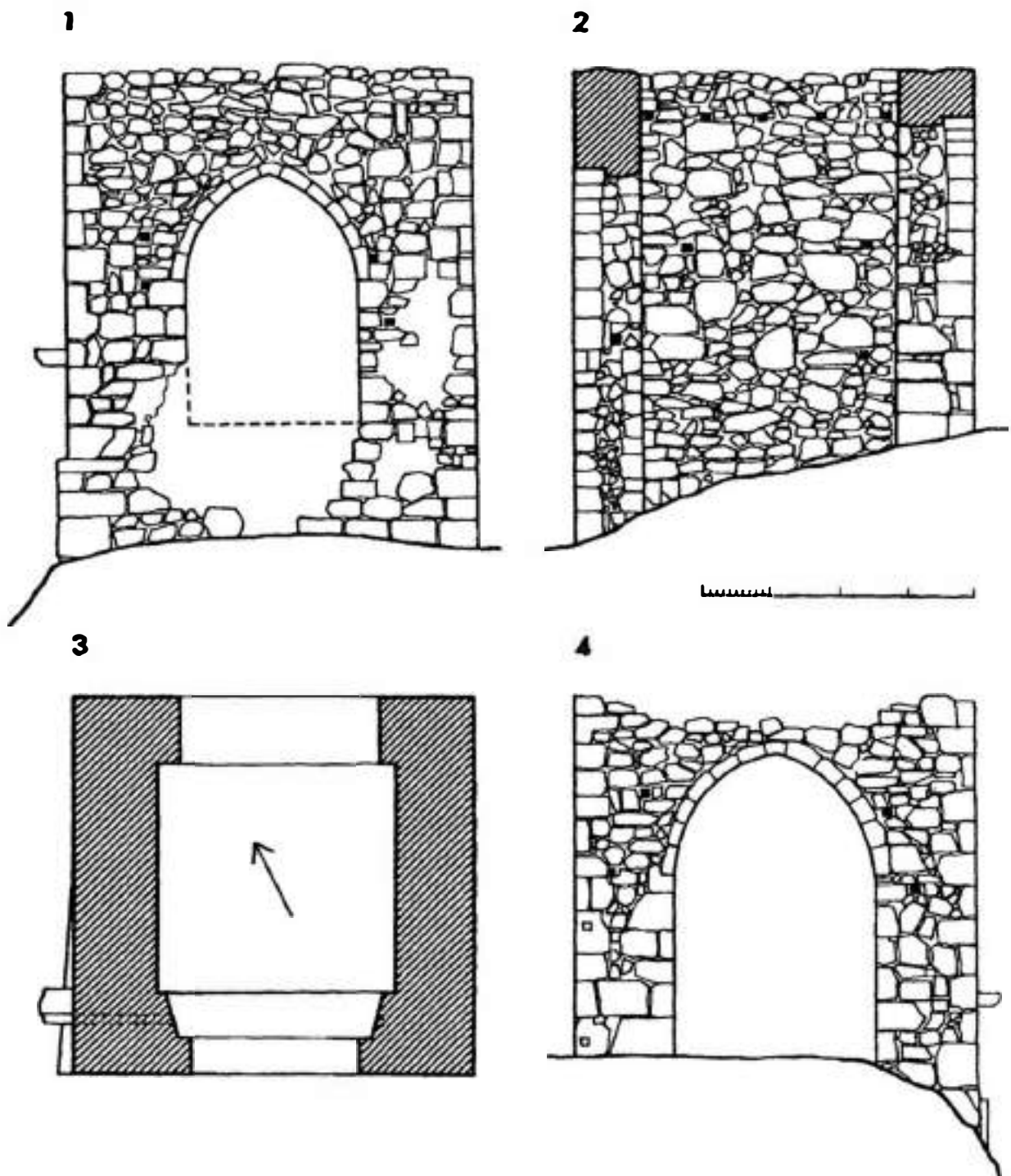

Рис. 259. Воротная башня XV в. замка Черкес-Кермен (Кыз-Куле): 1 - южный (внешний) фасад с арочным проемом ворот; 2 - поперечное сечение башни по оси проезда; 3 - план башни; 4 - северный (внутренний) фасад башни с арочным проёмом (по У.А. Боданинскому, с дополнениями В.П. Кирилко, 2001, рис. 5)

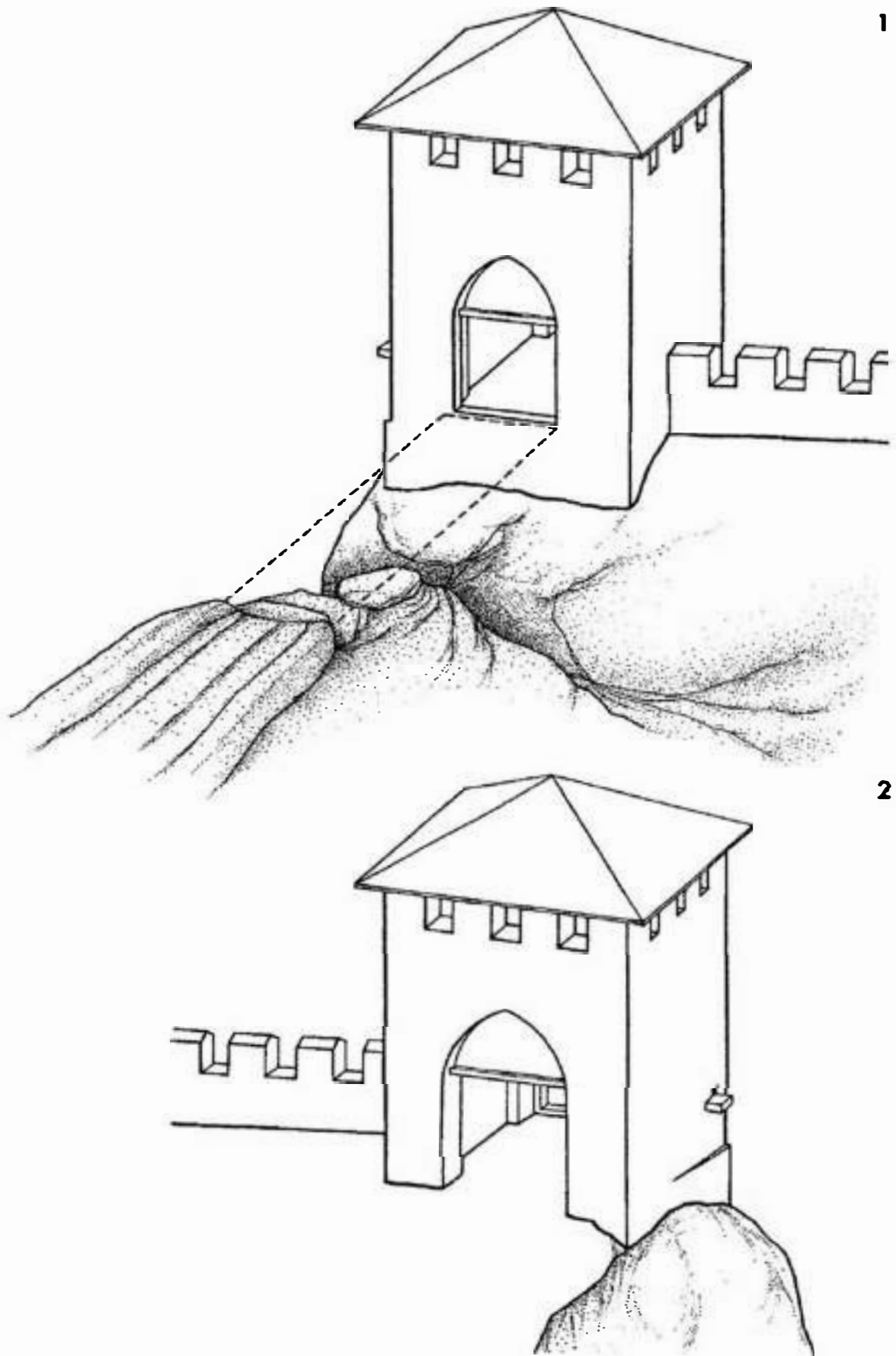

Рис. 260. Воротная башня замка Черкес-Кермен: 1 - вид с юго-востока; 2 - вид с северо-запада (по В.П. Кирилко, 2001, рис. 6)

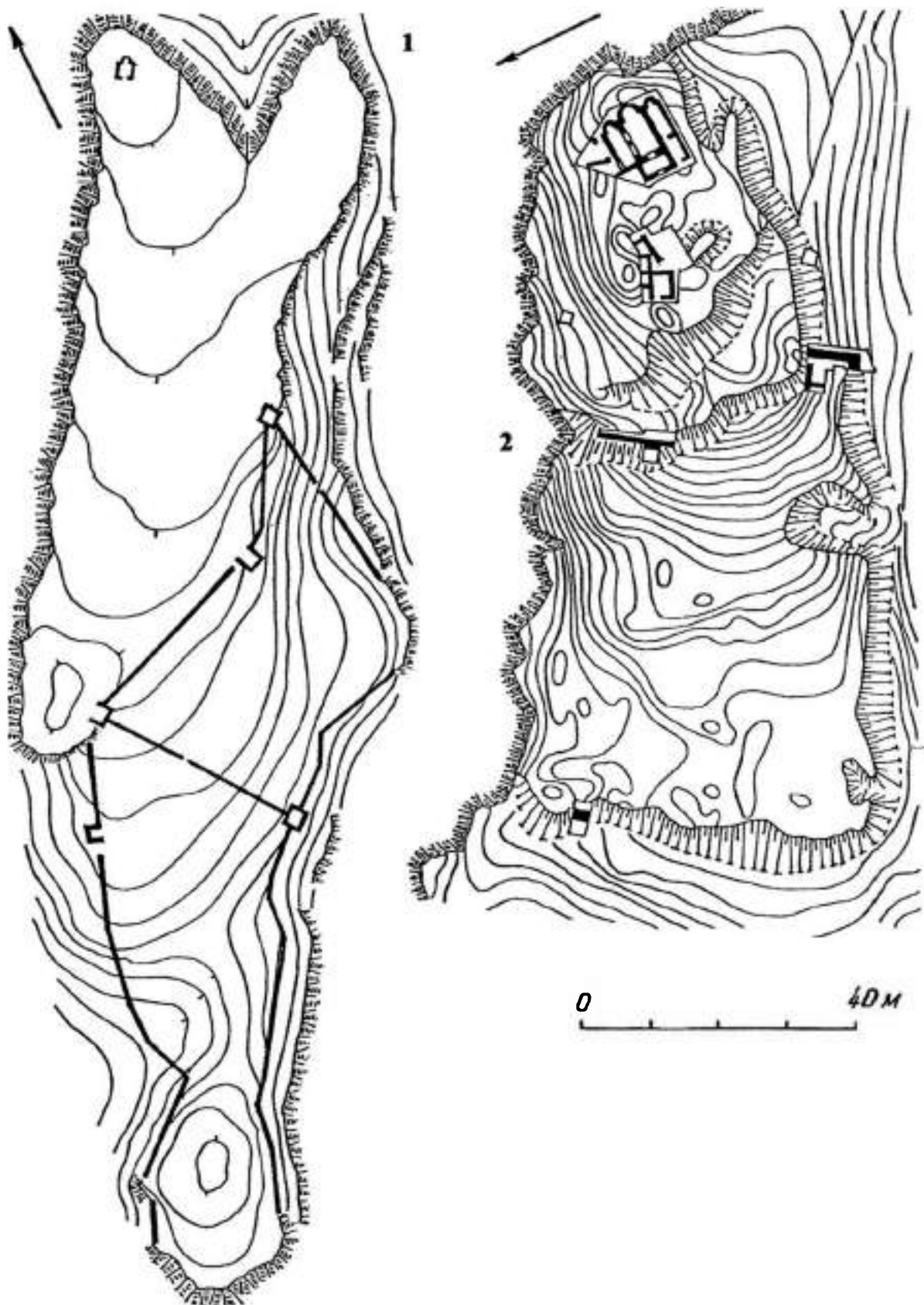

Рис. 261. Замок XV в. наг. Сандык-Кая (1) и монастырь X - XV вв. наг. Пахкал-Кая (2)

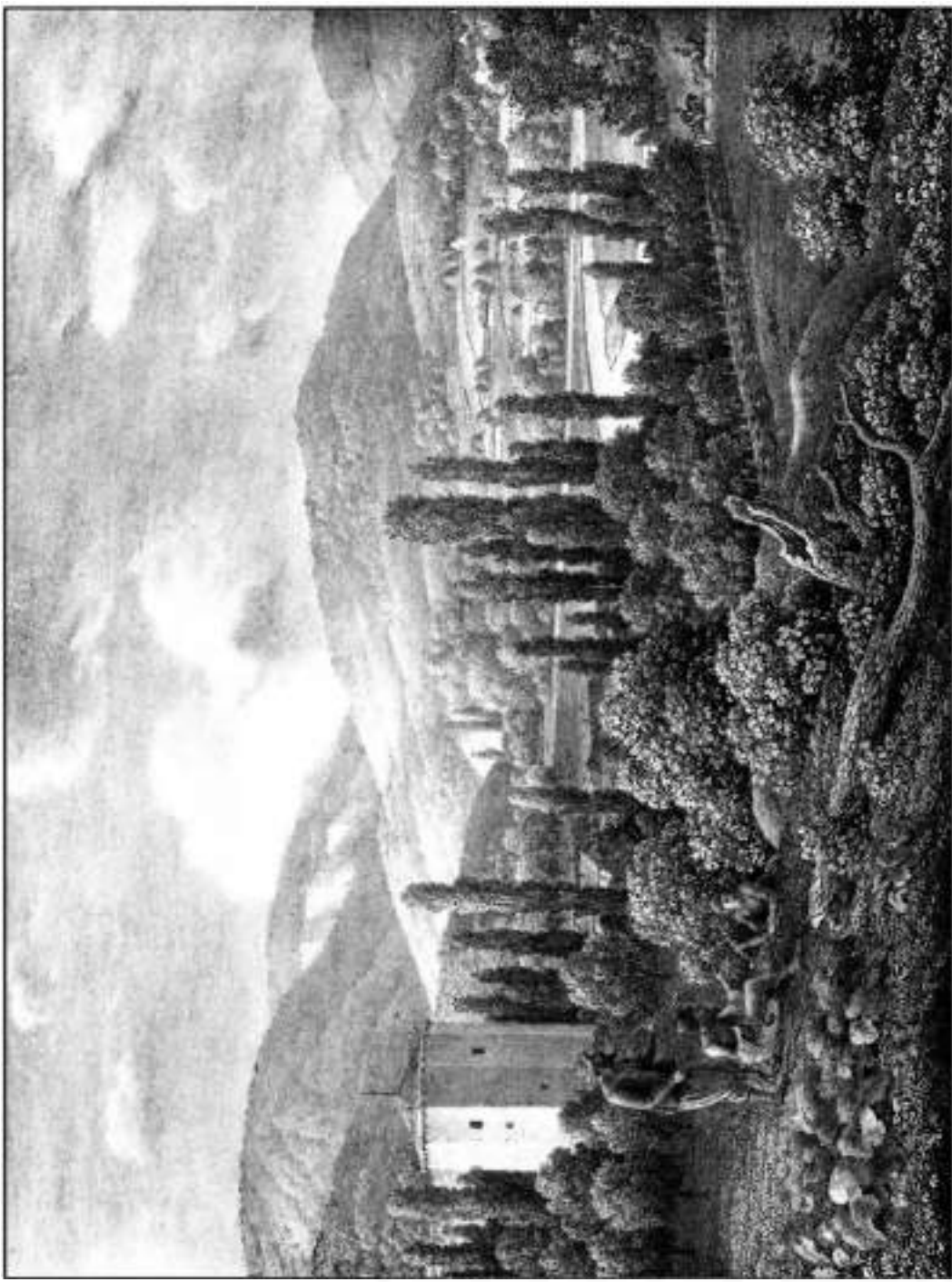

Рис. 262. К. Кюгельхен. Чоргунь. С литографии 20-х гг. XIX в. (по М. Мальгиной, 2006, №15)

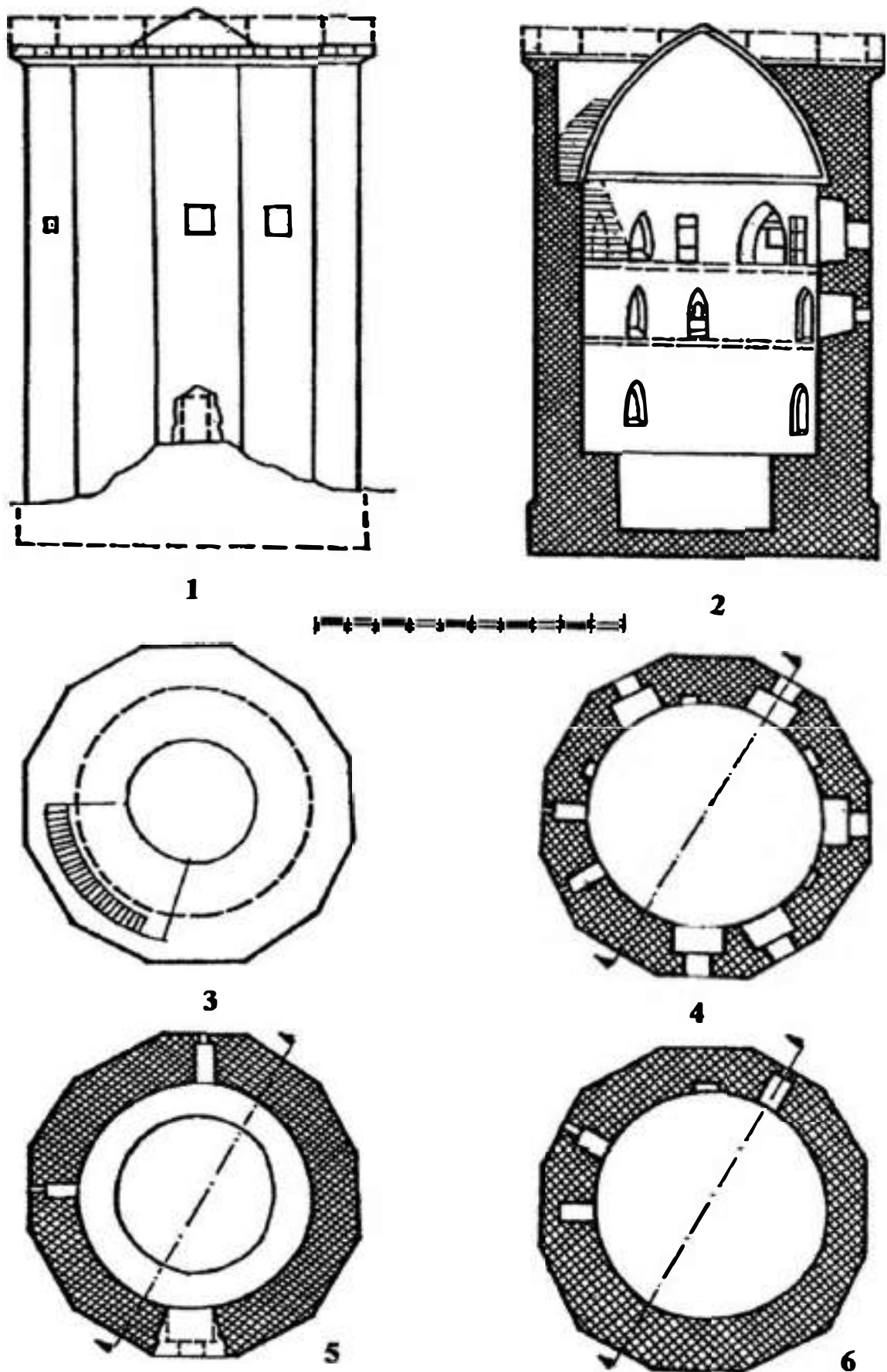

Рис. 263. Чоргунская башня XV в.: 1 - вид с северо-запада; 2 - продольный разрез; 3 - план верхней боевой площадки; 4 - план третьего этажа башни; 5 - план нижнего этажа; 6 - план второго этажа (по А.Л. Бертье-Делегарду, 1886, с. 250)

2

Рис. 264. Чоргунская башня (современное состояние памятника): 1 - вид с северо-запада; 2 - вид с северо-востока

2

Рис. 265. Окно-бойница Чоргунской башни: 1 - верхняя часть башни с окном и кронштейнами; 2 - юго-восточные грани башни (вид с юго-востока)

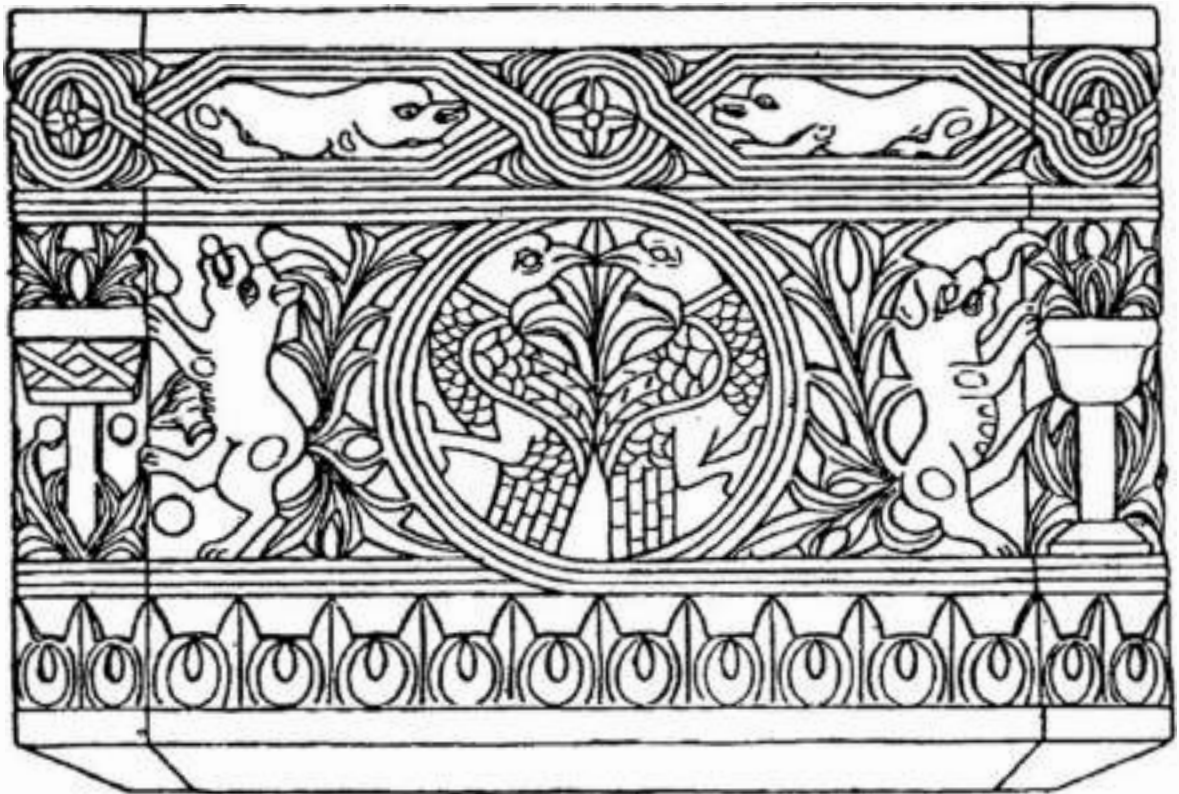

1

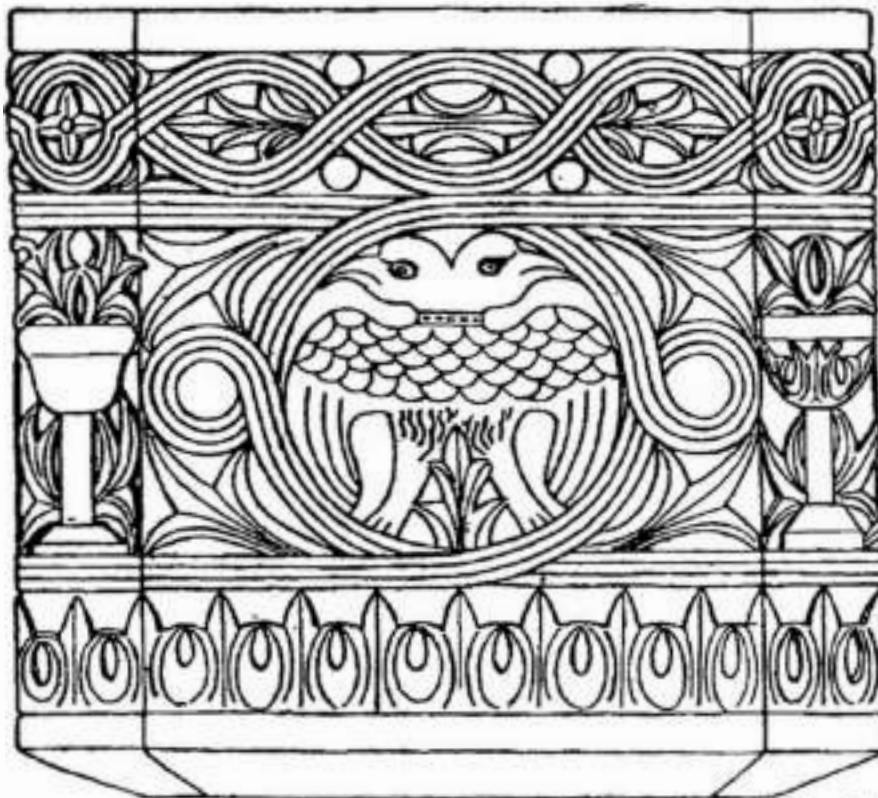

2

Рис. 266. Кронштейны от машикули на верхней боевой площадке Чоргунской башни: 1 - западная часть башни; 2 - северная сторона башни

1

2

3

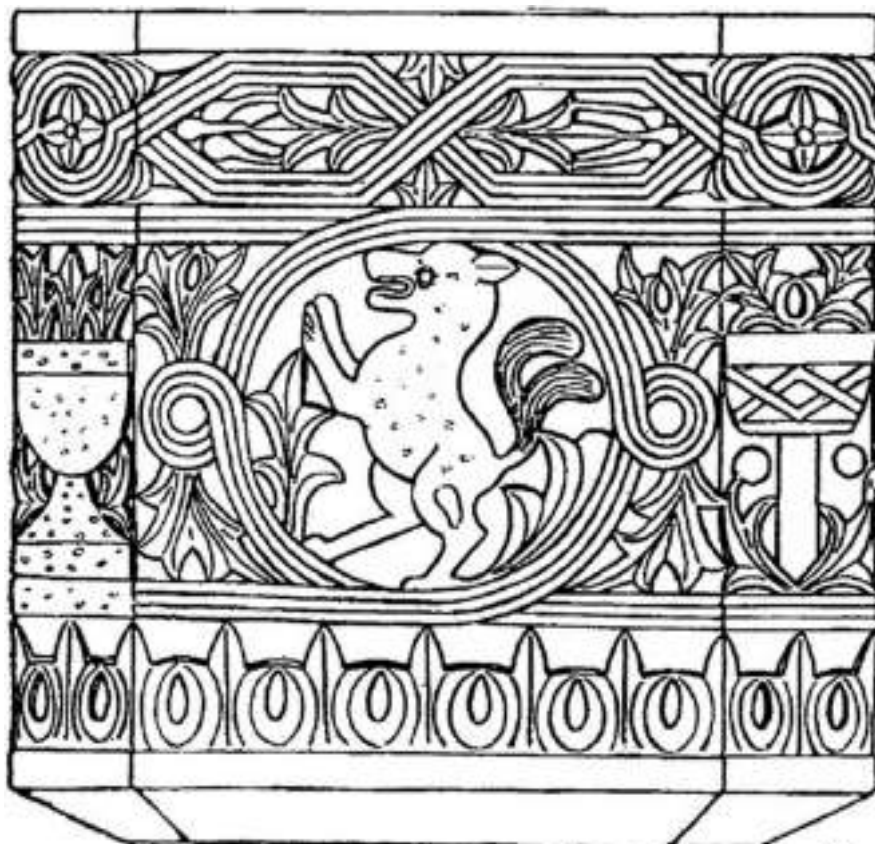

4

Рис. 267. Купель XV в. из Кучук-Ламбата: 1 - 2 проекции 3, 4; 3 - 4 - изображения чаш на узких гранях купели (по В.А. Сидоренко, 1993, рис. 9)

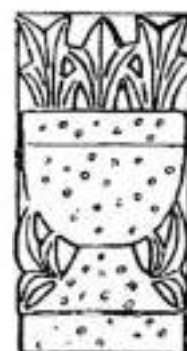
1

2

3

4

Рис. 268. Купель XV в. из Кучук-Ламбата (мыс Плака): 1 - 2 проекции 1, 2; 3 - 4 - изображения чаш на узких гранях купели (по В.А. Сидоренко, 1993, рис. 8)

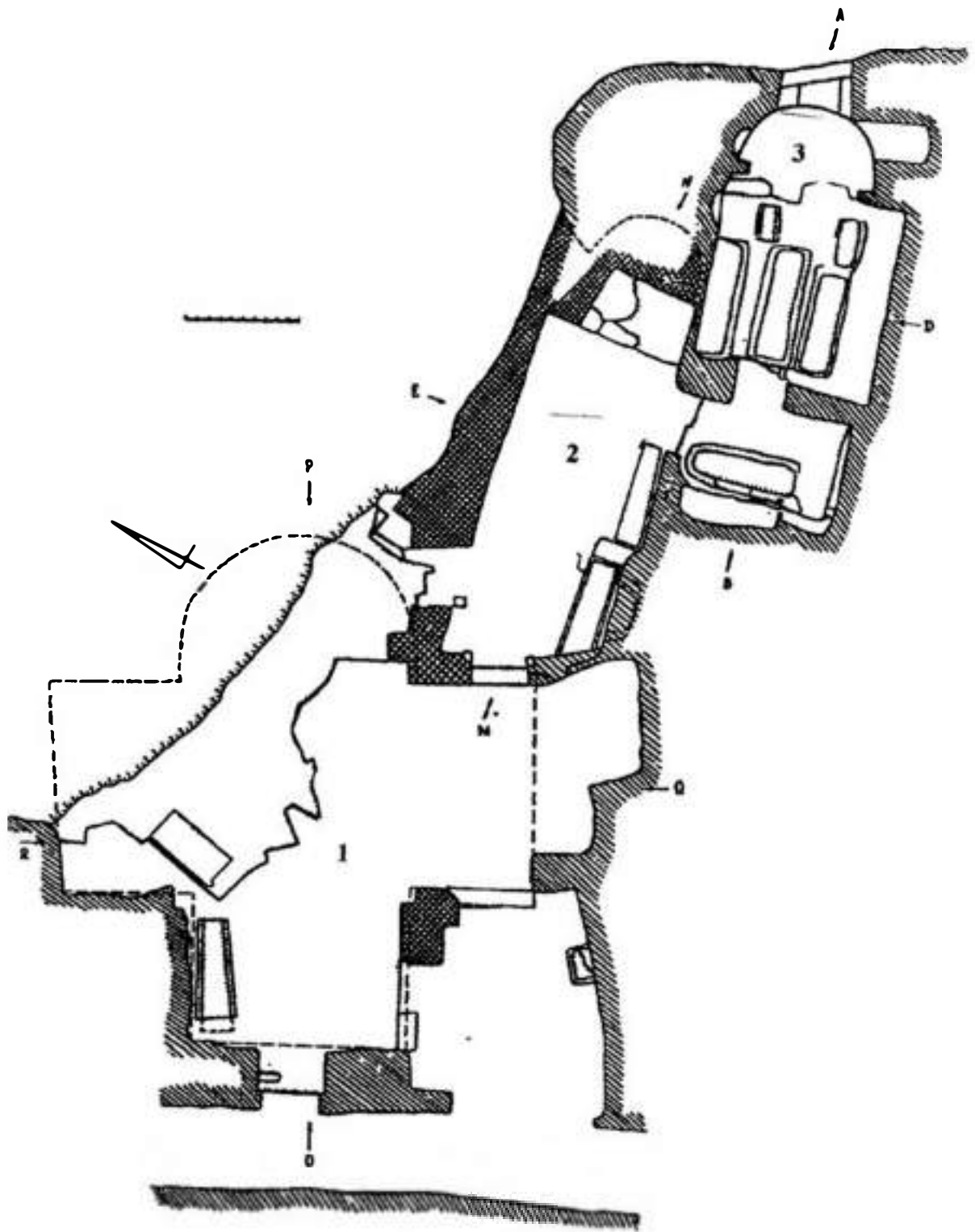

Рис. 269. Монастырь св. Софии. План церквей №1 - 3 (по Ю.М. Могаричёву, 1997, рис. 96)

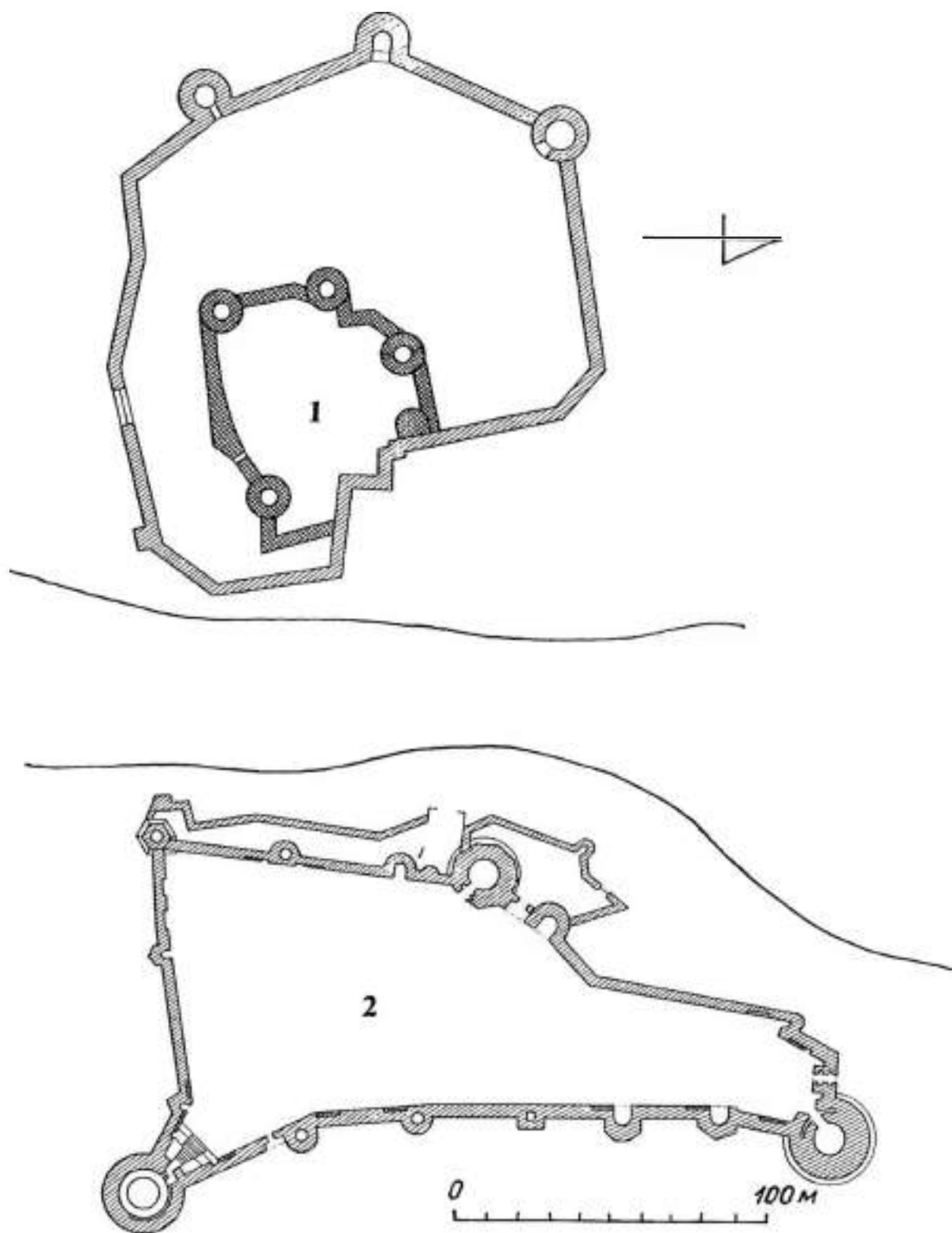

Рис. 270. Крепости Anadolu-Хисар (1) и Румели-Хисар (2) в проливе Босфор (по Zigulski, 1988, rys. 69 - 70)

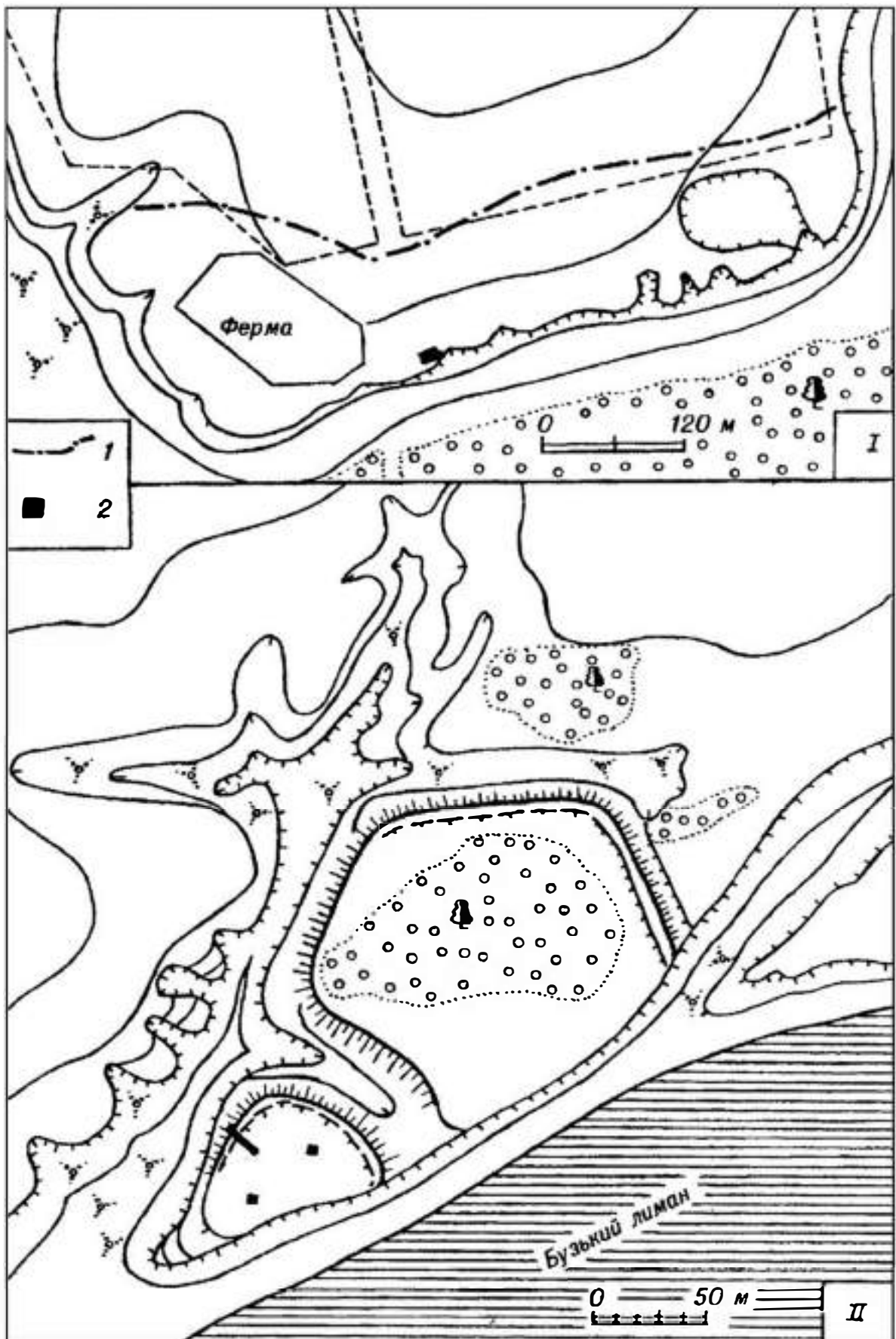

Рис. 271. Планы поселений на берегу Бугского лимана: I - Аджиголь-1; II - Днепровское-2 (Иличе). условные обозначения: 1 - границы поселения; 2 - раскопки, при которых получен средневековый материал (по С.Б. Буйских, М.М. Иевлев, 1991, рис. 1)

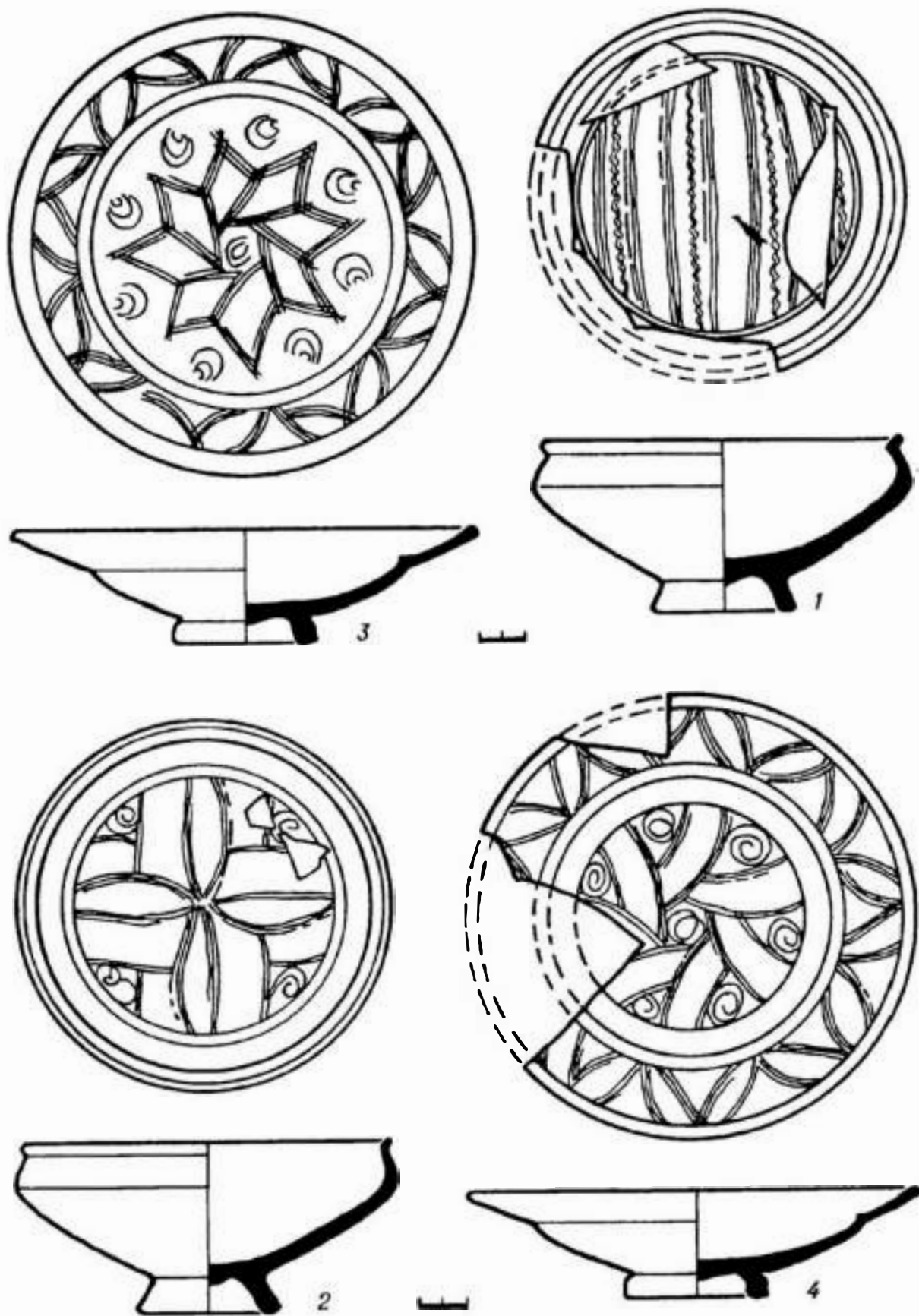

Рис. 272. Красноглиняные поливные изделия третьей четверти XV в. из раскопок замка Иличе (Днепровское-2") (по А.В. Буракову, 1991, рис. на с. 106)

Рис. 273. Ф.И. Гросс. Чобан-Куле, литография (до 1846 г.) (по М. Мальгиной, 2006, № 207)

Рис. 274. Замок 1459/60 - 1475 гг. Гваско в Тасили. План укрепления: а - участки раскопок 1992 - 1993 гг.; б - современные лесотехнические террасы; в - ограда "двора" из бутового камня на глине; г - сохранившиеся участки стен замка; д - гипотетично реконструируемый план замка

Рис. 275. Донжон замка Тасили (вид с севера)

Рис. 276. Донжон замка Тасили (вид с юго-востока)

Рис. 277. Руины замка Тасили (вид с востока)

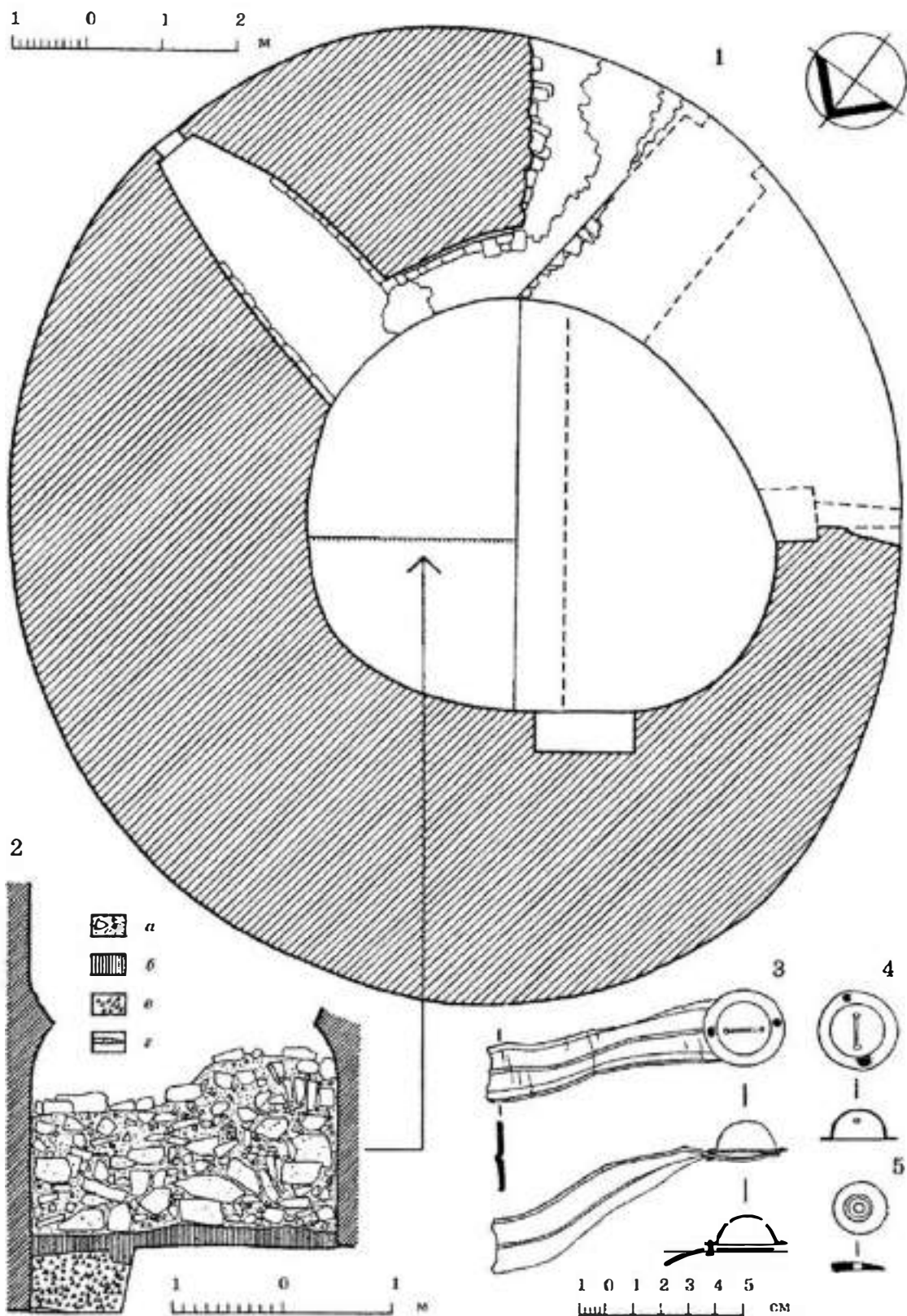

Рис. 278. Раскоп в северо-восточном помещении цокольного этажа донжона. Отдельные находки. 1 - план донжона с указанием исследованного участка; 2 - стратиграфический разрез: а - разрушенный известковый раствор; б - рыхлый коричневый грунт; в - щебень глинистых сланцев; г - натек известкового раствора; 3, 4 - фрагменты кожаного ремня с серебряными накладками из засыпи фундаментной траншеи донжона; 5 - костяная пуговица из слоя разрушения

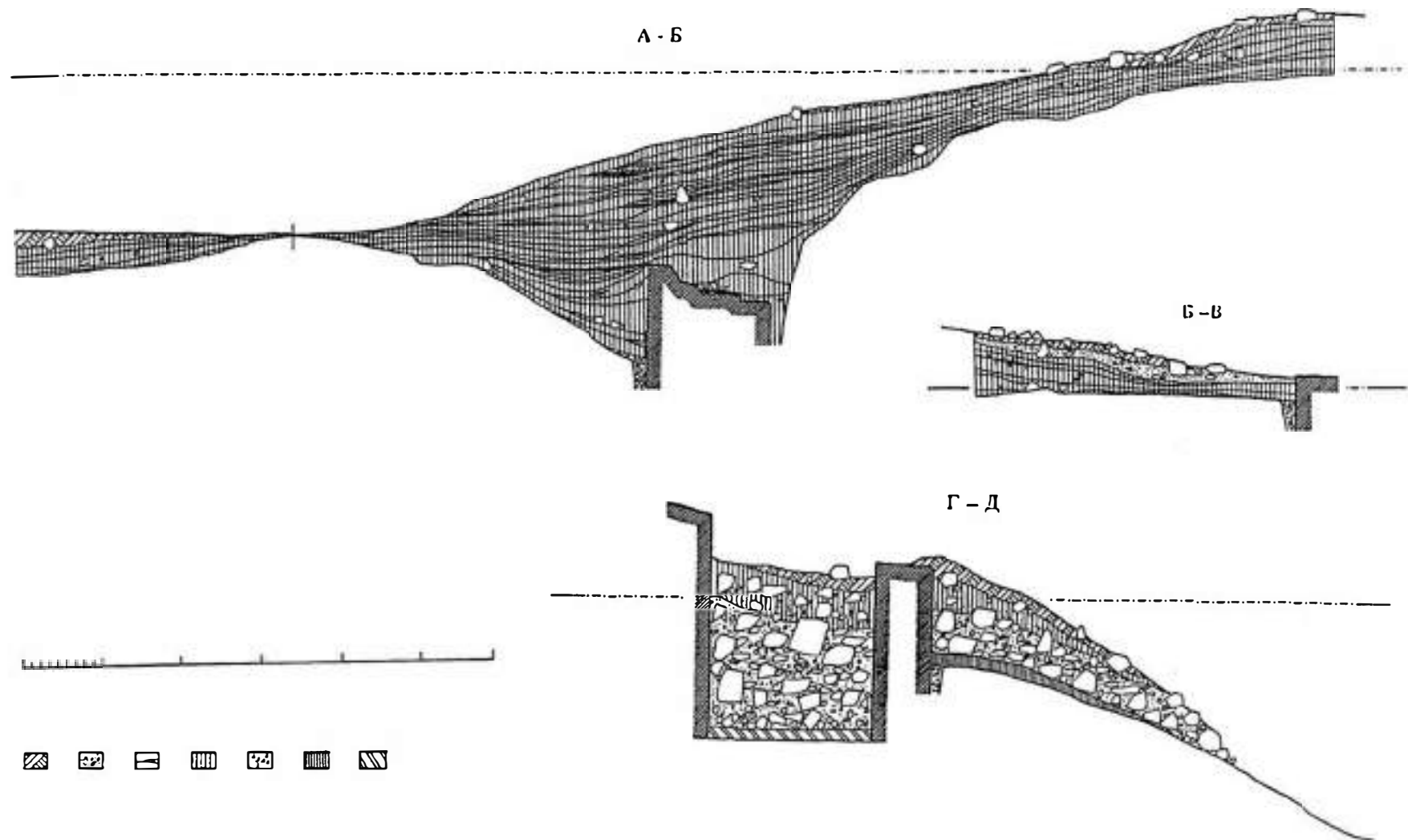

Рис. 280. Стратиграфия южного участка раскопа у башни №1

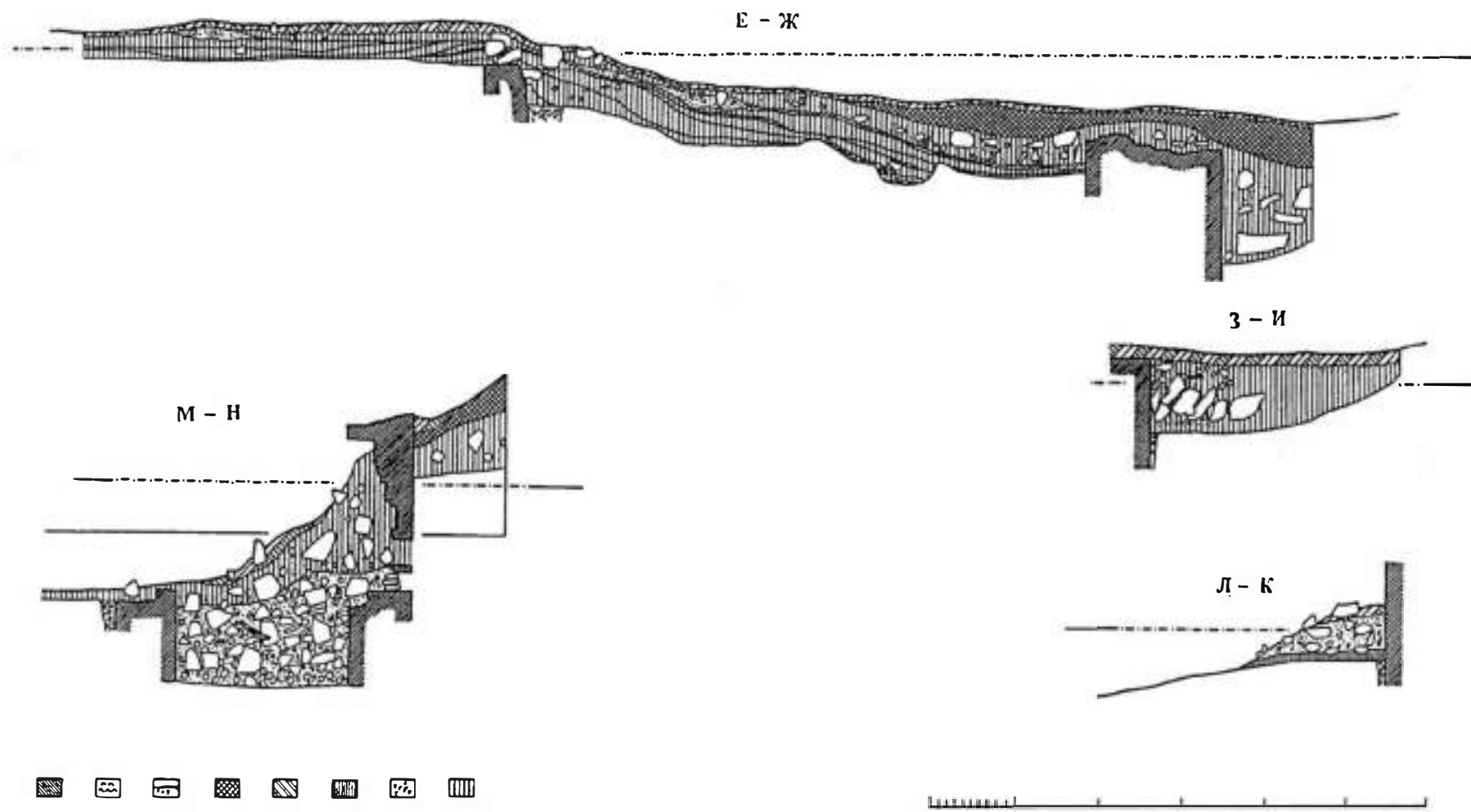

Рис. 281. Стратиграфия северного участка раскопа у башни №2

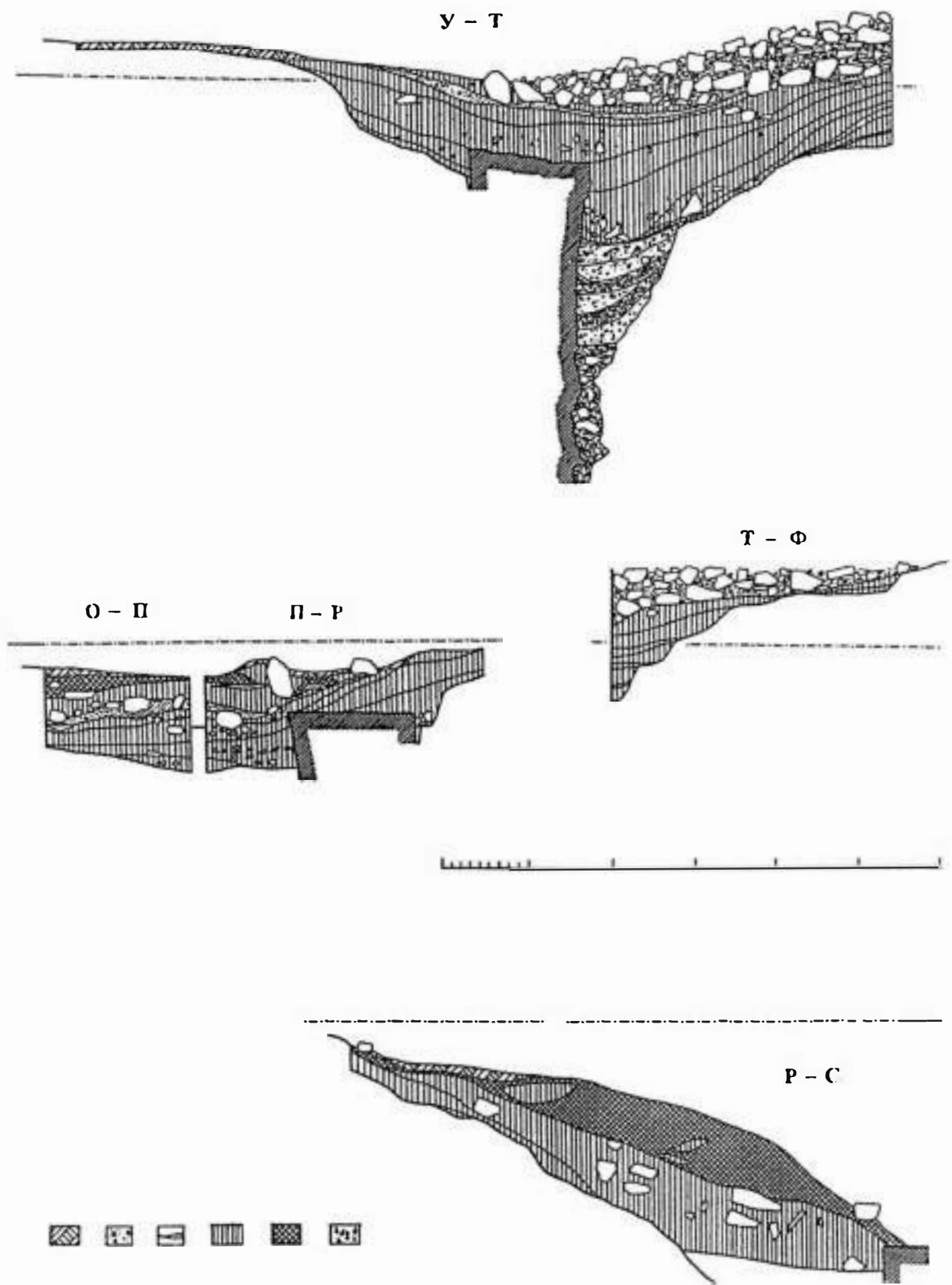

Рис. 282. Стратиграфия северо-западного участка раскопа у башни №2

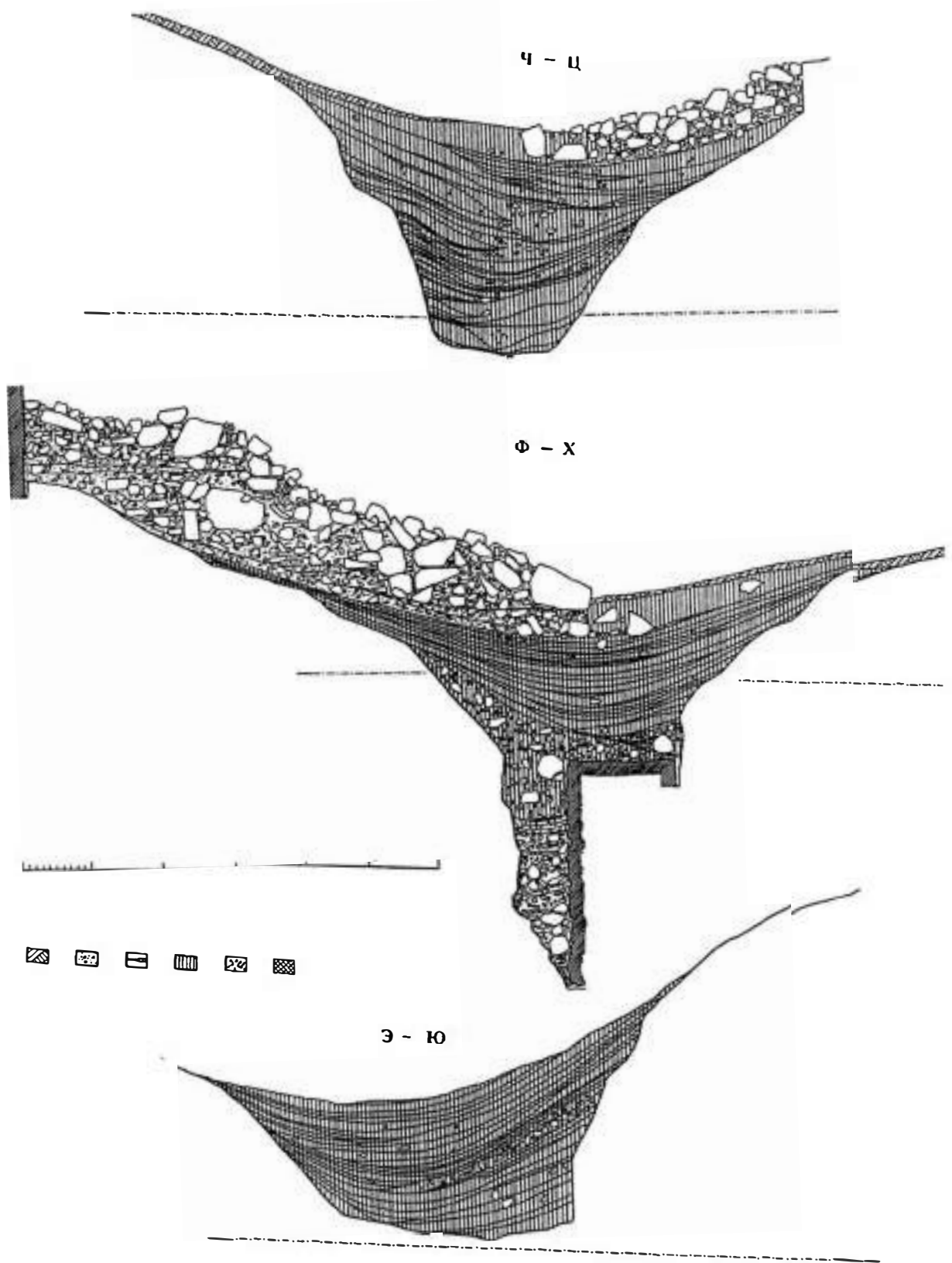

Рис. 283. Стратиграфия западного участка раскопок замка Тассили

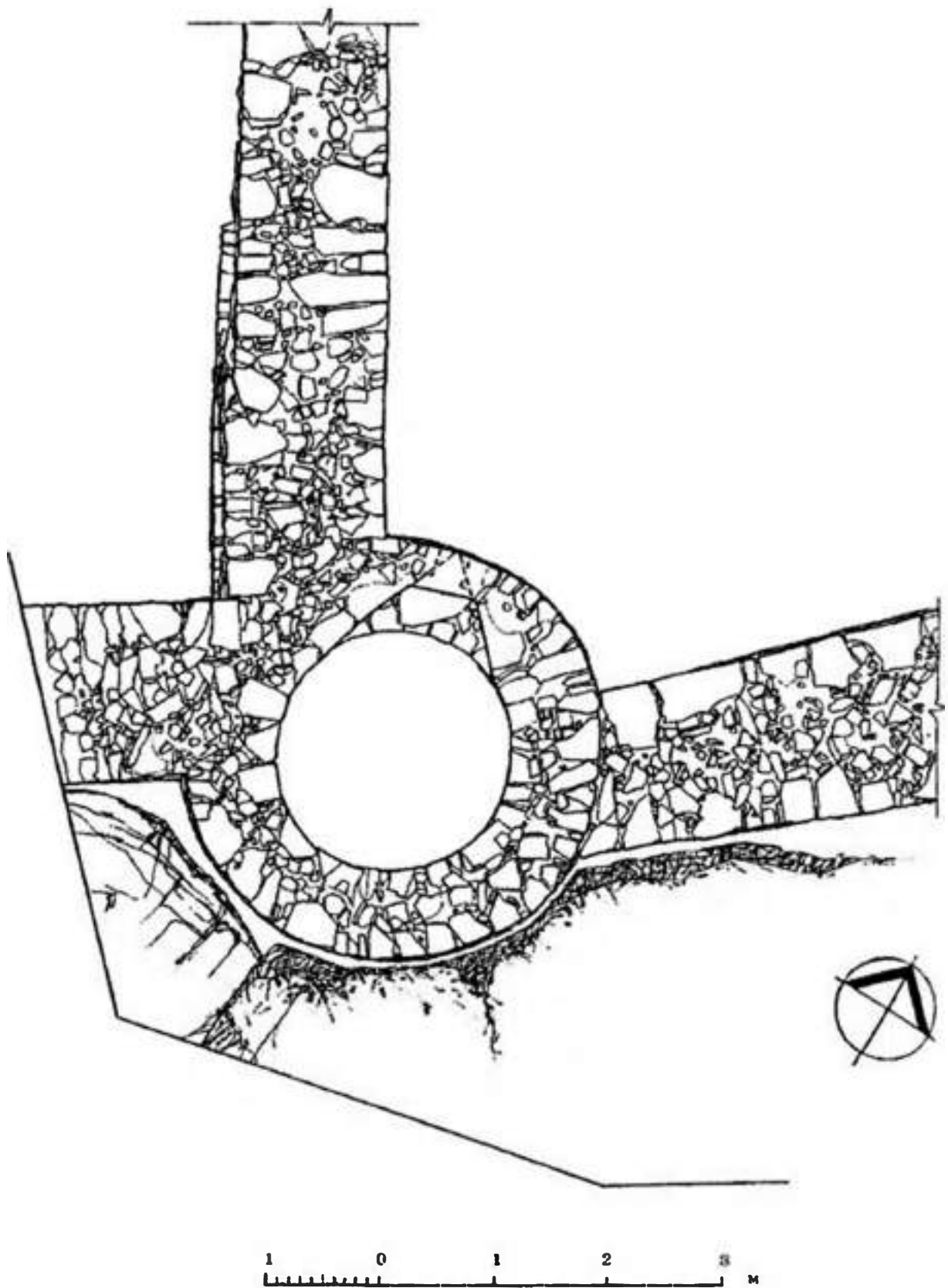

Рис. 284. План восточной башни (№ 1)

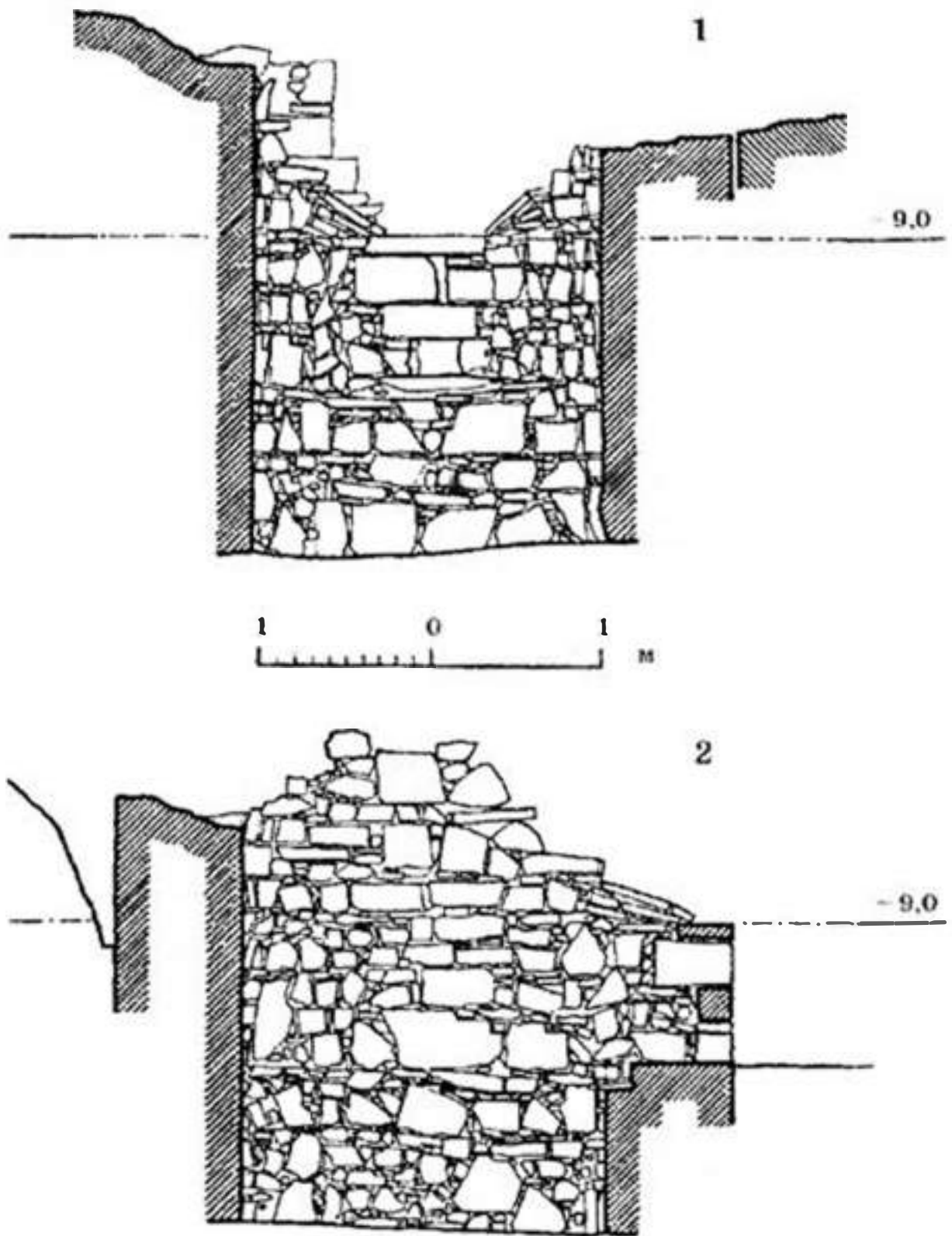

Рис. 285. Разрезы восточной башни (№1): 1 - разрез 3-В; 2 - разрез Ю-С по оси бойницы

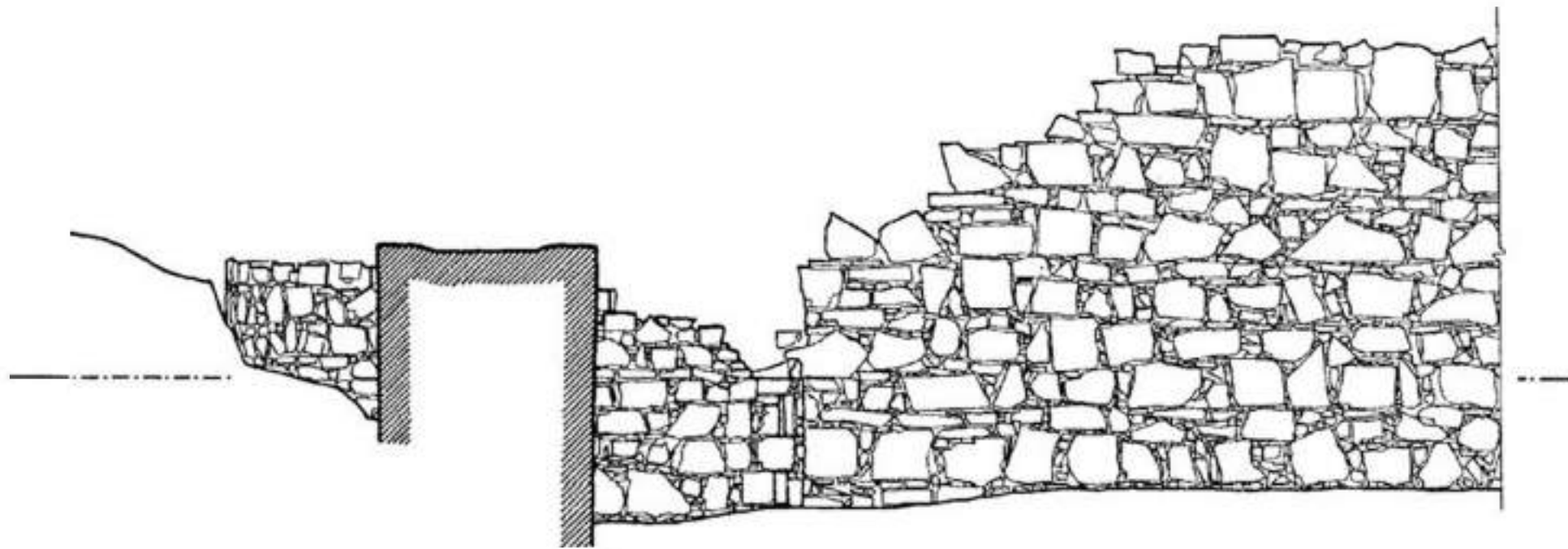

Рис. 286. Бойница восточной башни (No1). Вид с napольной стороны, с севера

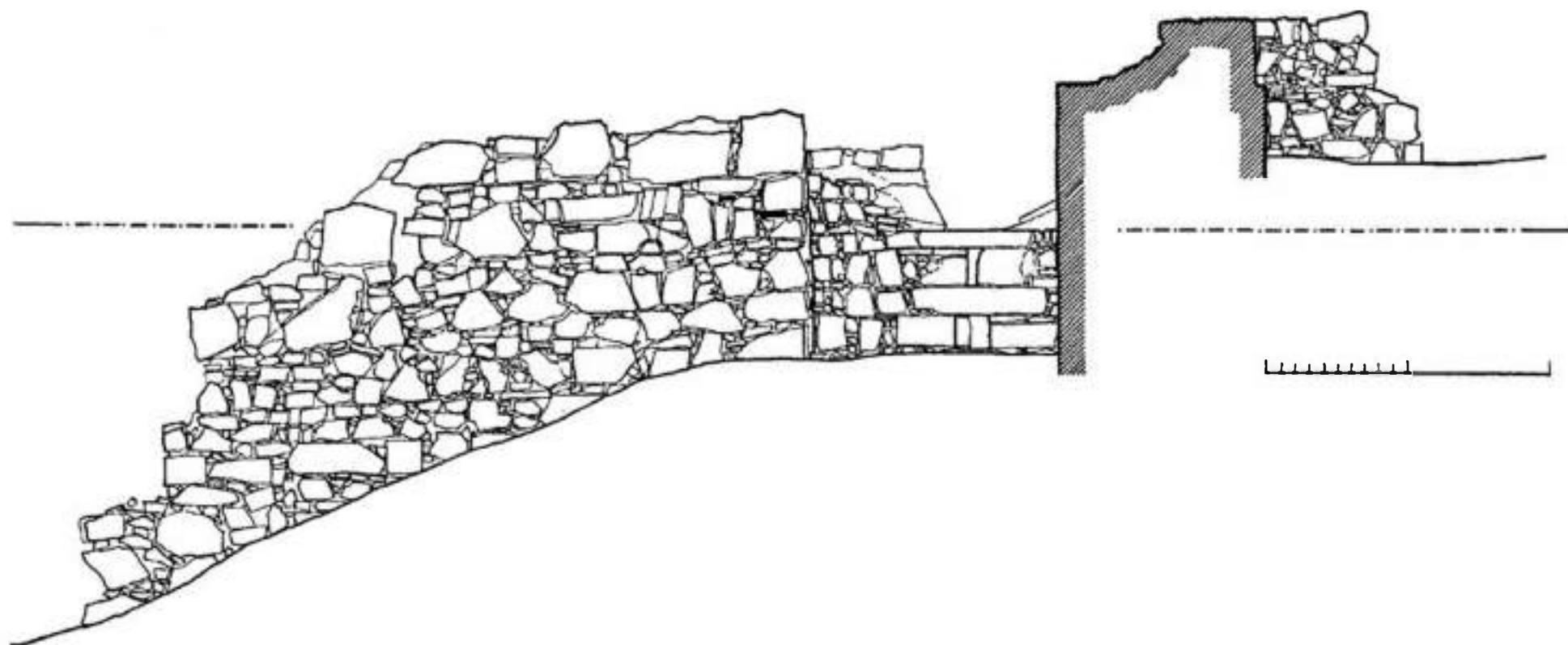

Рис. 287. Восточная башня (№1) и оборонительные стены укрепления: 1 - вид с северо-запада; 2 - вид с северо-востока

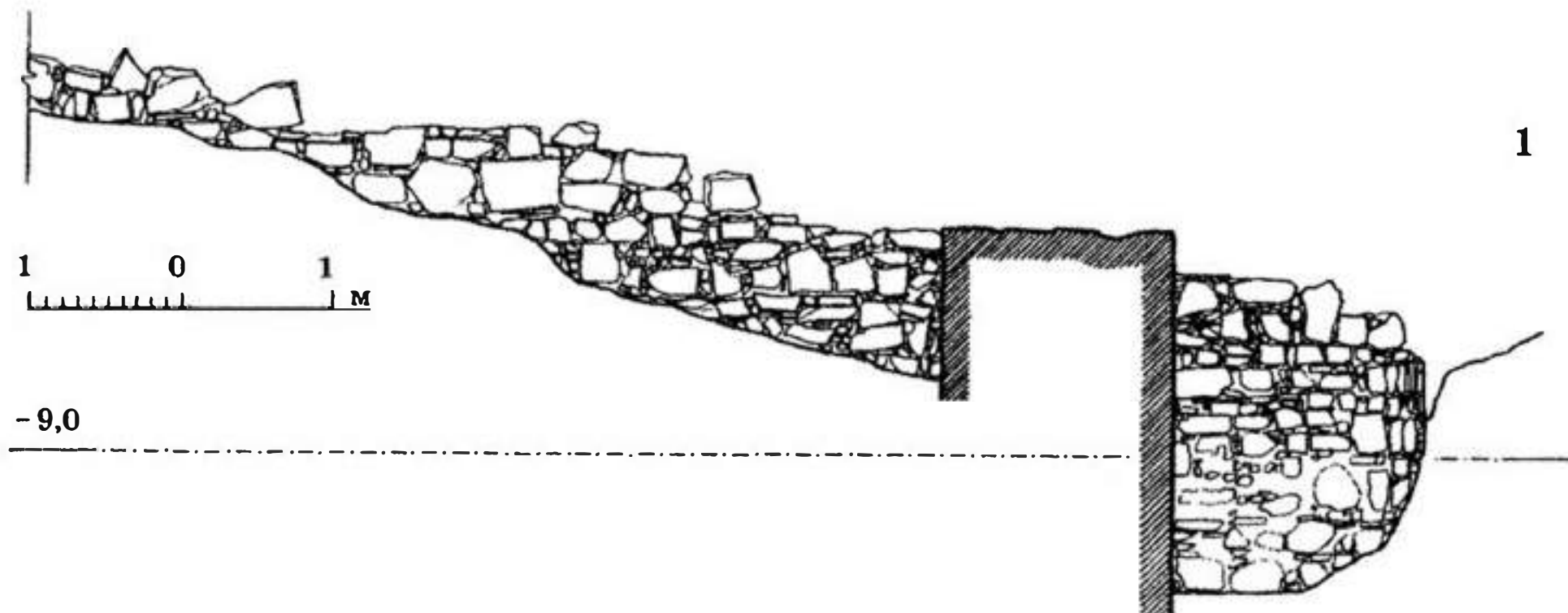

Рис. 288. Восточная башня (№1) и оборонительные стены укрепления: 1 - вид с юго-запада; 2 - вид с юго-востока

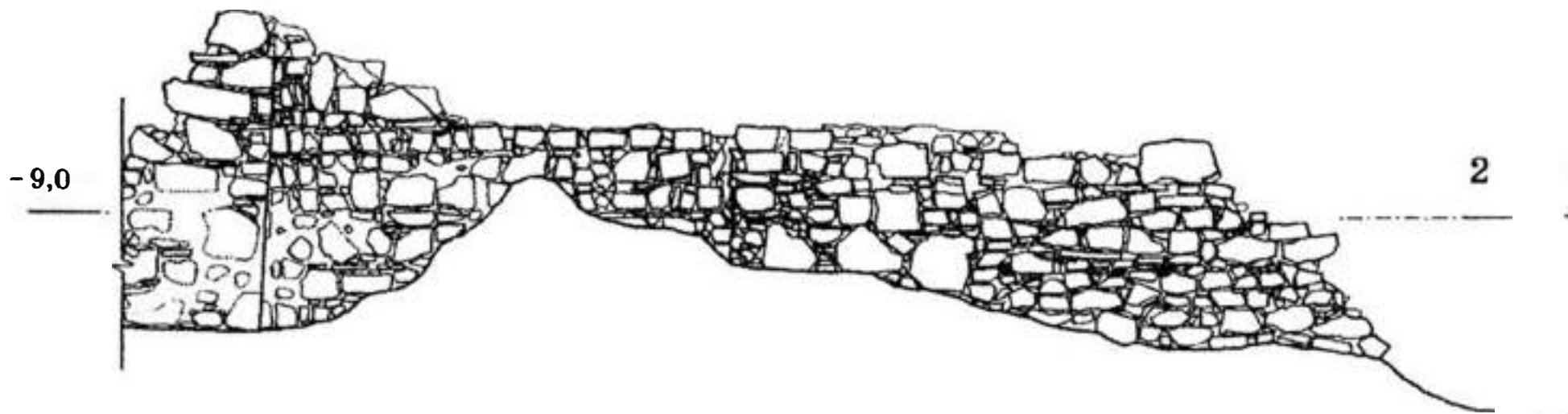

Рис. 289. Восточная башня (№1) и оборонительные стены укрепления: 1 - вид с юго-запада; 2 - вид с юго-востока

Рис. 290. Примыкание куртин к восточной башне (№ 1). Вид с юго-востока

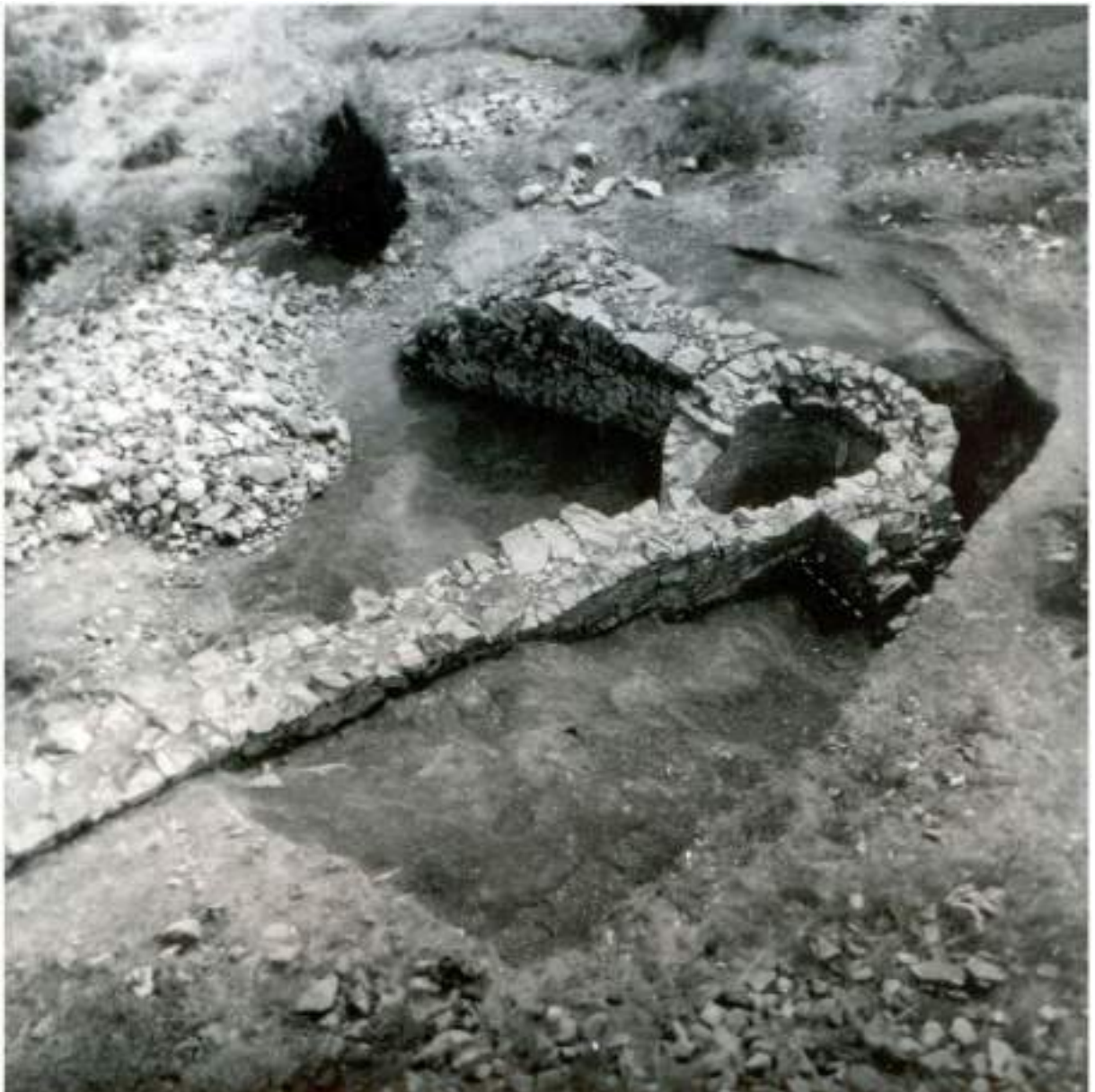

Рис. 291. Восточная башня замка (No1) и оборонительные стены укрепления. На заднем плане - остатки ограды нижнего двора. Общий вид с запада

Рис. 292. Башня №1 замка Тасили и примыкающие к ней куртины. Вид с запада

Рис. 293. Башня №1 замка Тасили. Вид с юга

Рис. 294. Угловая башня №1 внешней линии обороны замка Тасили (1474 г.).
Вид с юго-запада

Рис. 295. Угловая башня №1 и примыкающая к ней стена двора. Вид с севера

Рис. 296. Башня №1 с амбразурами подножного боя. Вид с севера

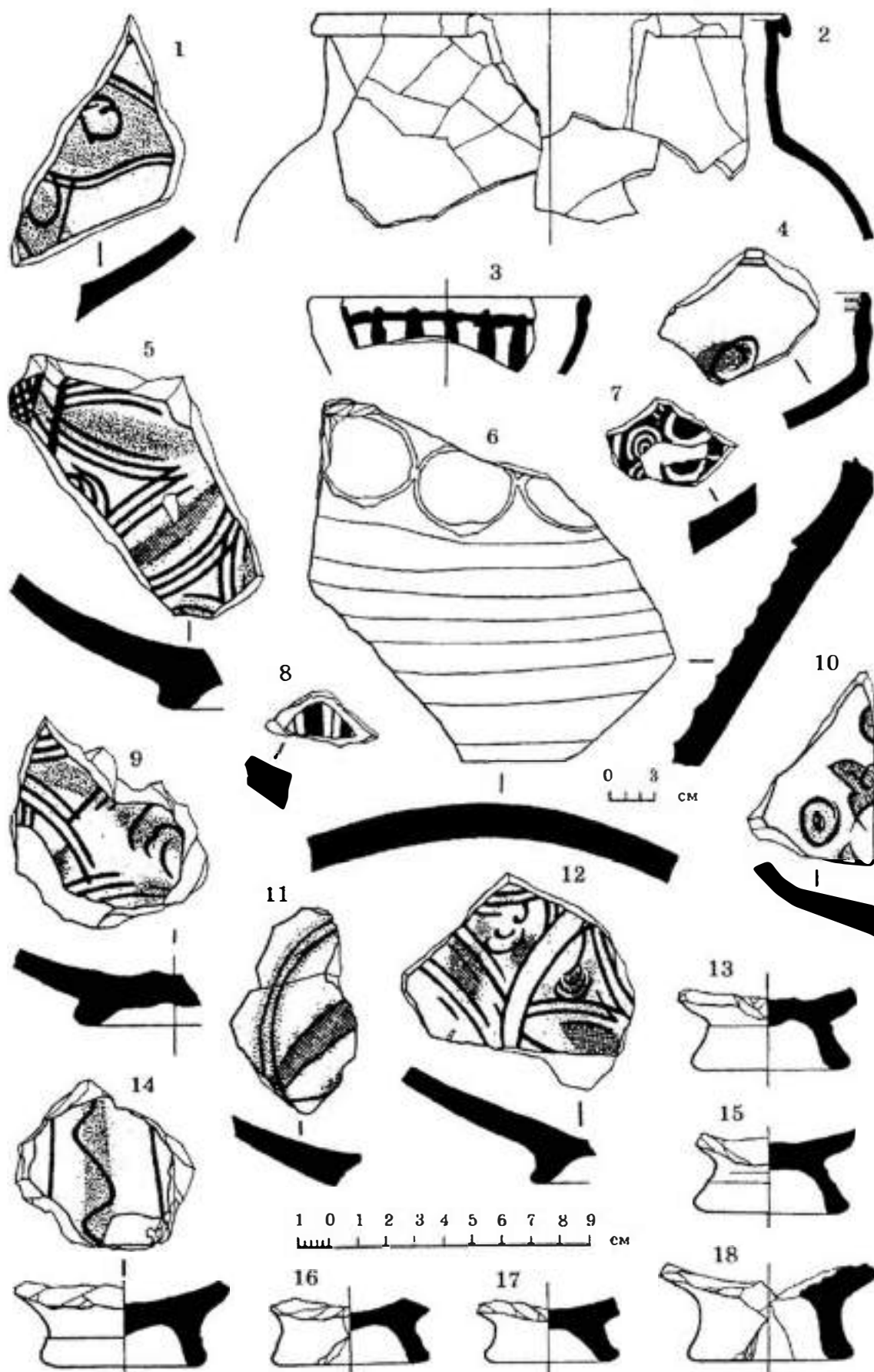

Рис. 297. Фрагменты керамических сосудов из раскопок укрепления

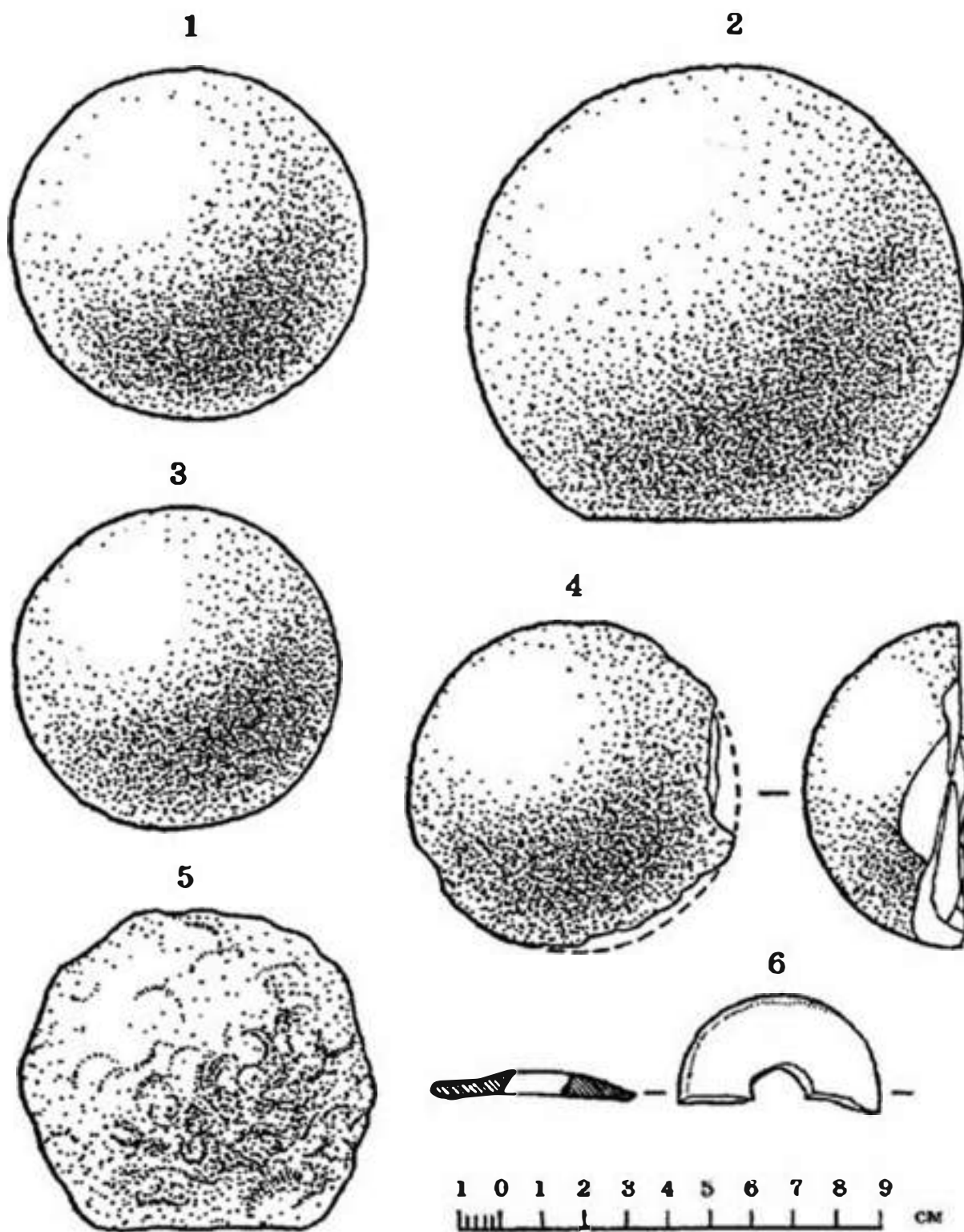

Рис. 298. Каменные ядра и пряслице из раскопок укрепления: 1, 6 - песчаник; 2, 3, 4, 5 - известняк

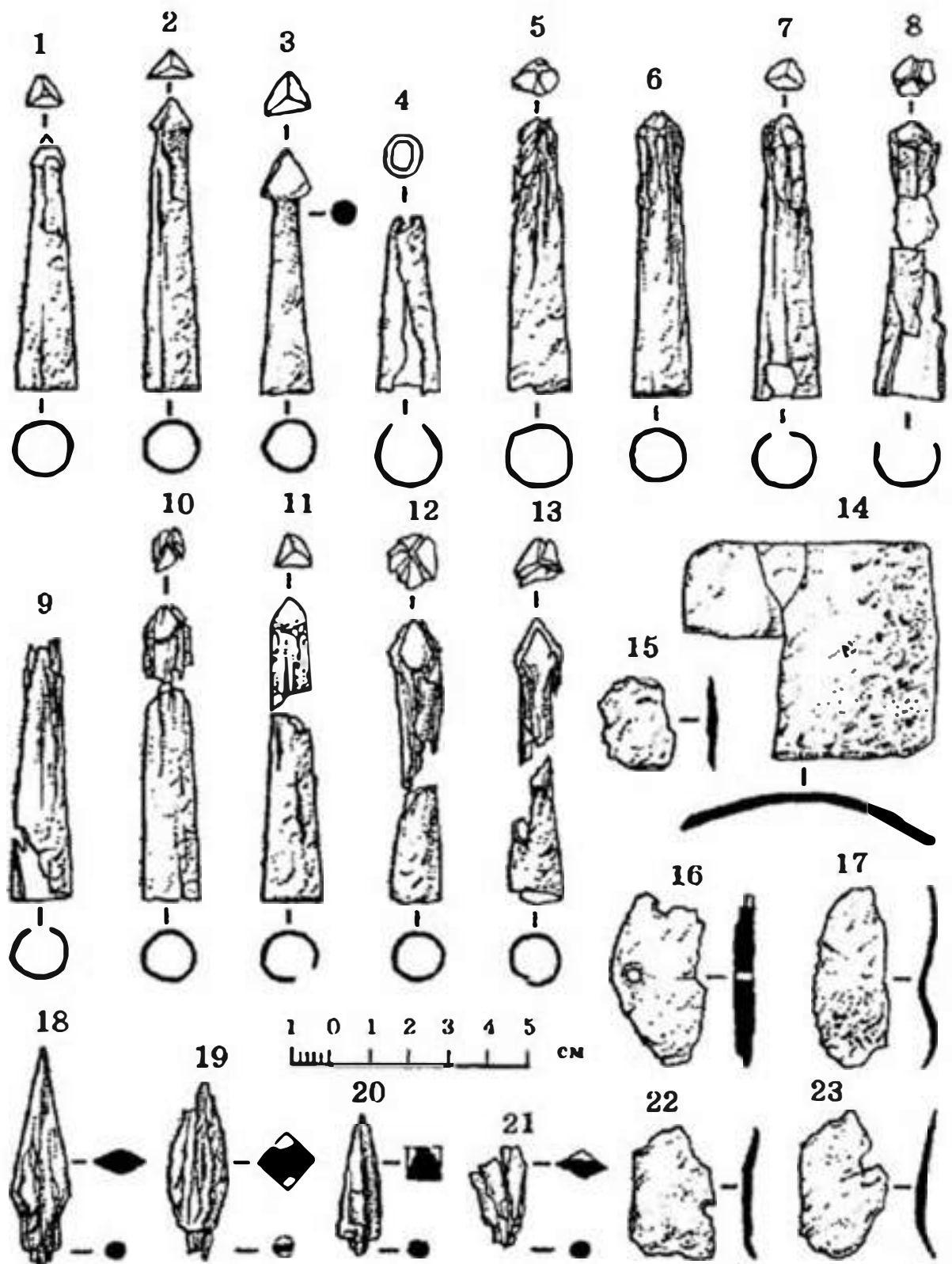

Рис. 299. Предметы вооружения из раскопок замка Тасили: 1 - 13 - арбалетные болты; 14 - 17, 22, 23 - пластины доспеха; 18 - 21 - наконечники стрел

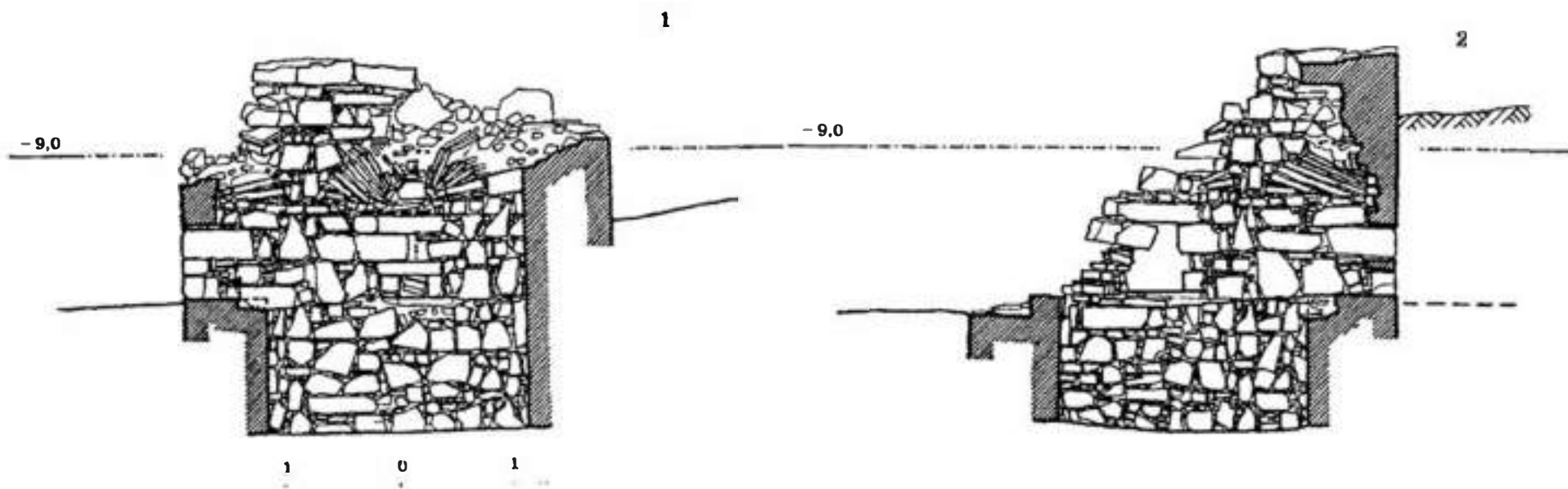

Рис. 300. Разрезы северной башни (№2): 1 - разрез ЮВ-СЗ по оси юго-восточной бойницы; 2 - разрез СВ-ЮЗ по оси юго-западной бойницы

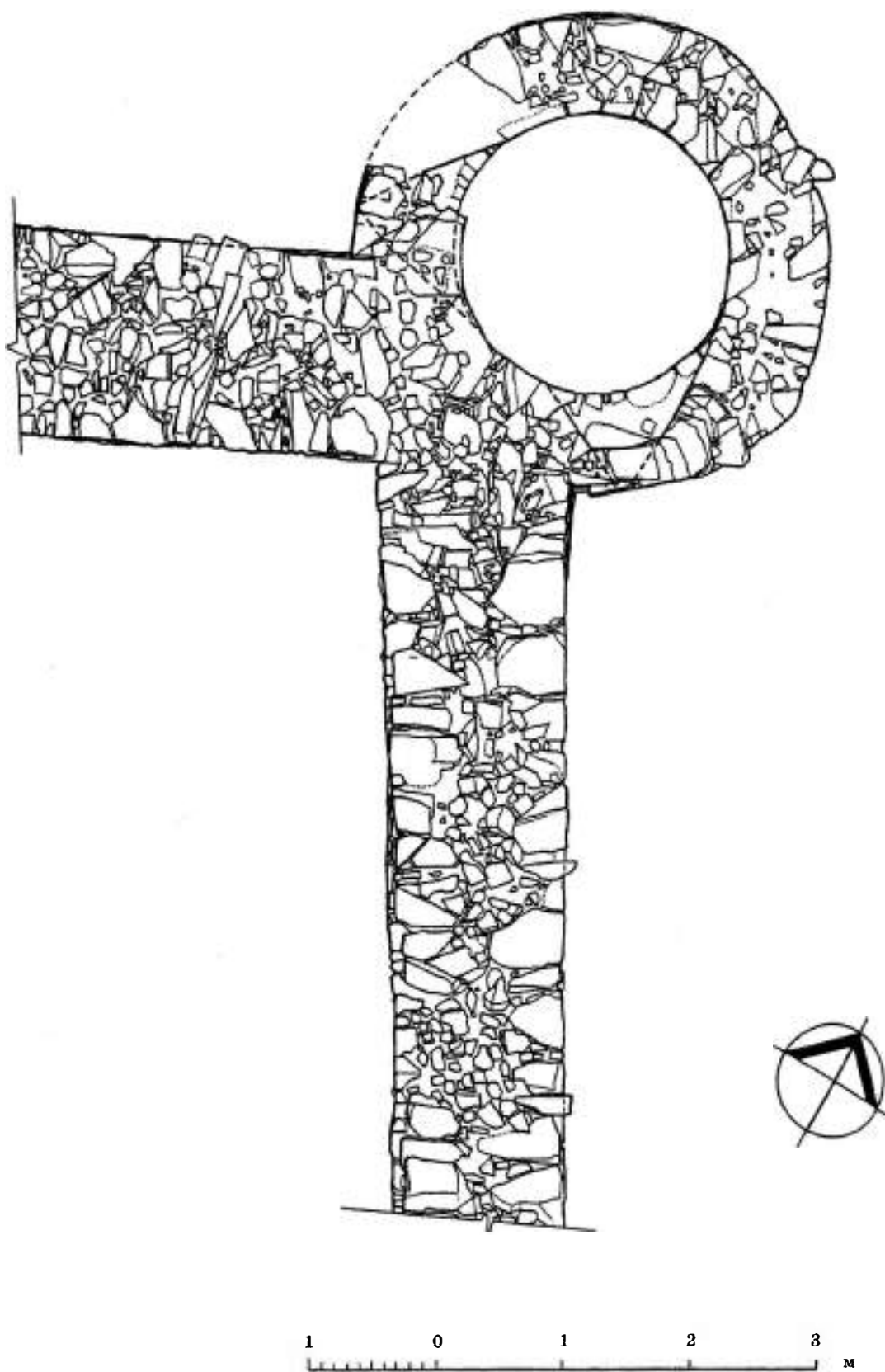

Рис. 301. План северной башни (№2): 1- разрез ЮВ-СЗ по оси юго-восточной бойницы; 2 - разрез СВ-ЮЗ по оси юго-западной бойницы

Рис. 302. Угловая башня №2 замка Тасили. Вид с севера

Рис. 303. Руины угловой башни №2 замка Тасили. Вид с северо-востока

Рис. 304. Угловая башня №2. Вид сверху

Рис. 305. Юго-западная амбразура в башне №2. Вид изнутри, с северо-востока

Рис. 306. Юго-восточная амбразура в башне №2. Вид с востока

Рис. 307. Юго-восточная бойница северной башни №2. Вид изнутри и с севера

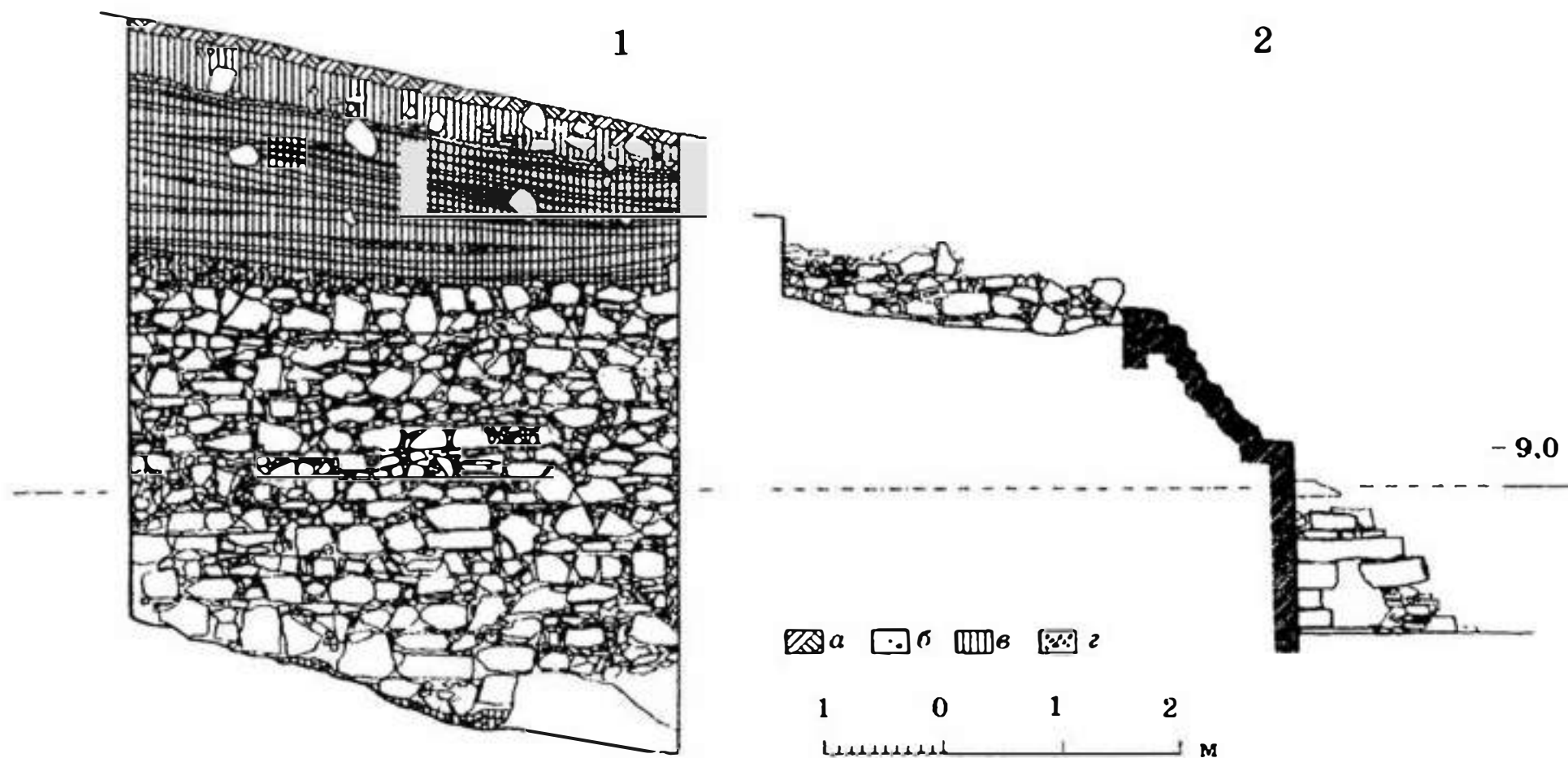

Рис. 308. Северная башня (№2) и оборонительные стены укрепления: 1 - фундаменты северо-западной куртины в кв. 7 - 8 раскопа №4. Вид с юго-востока, совмещенный со стратиграфией. Условные обозначения: а - дёрн; б - разрушенный известковый раствор; в - делювий глинистых сланцев. 2 - наземная часть северо-западной куртины и башни в раскопе №2. Вид с юго-востока

Рис. 309. Фундаменты северо-западной куртины в кв. 7 - 8 раскопа №4. Вид с юго-востока

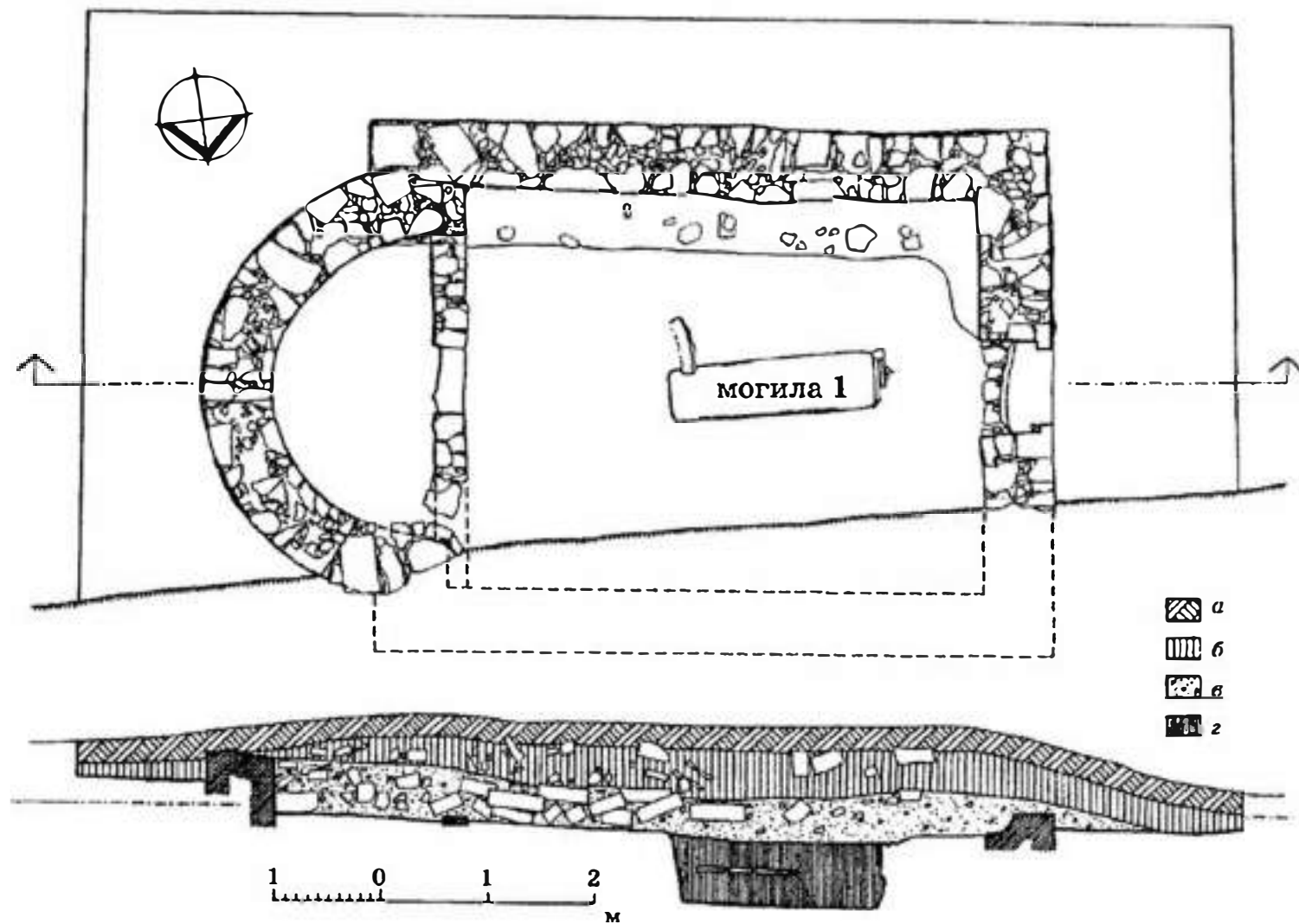

Рис. 310. План и стратиграфический разрез церкви поселения. Условные обозначения: а - дёрн; б - серый натечный грунт; в - разрушенный известковый раствор; г - серо-коричневый глинистый грунт

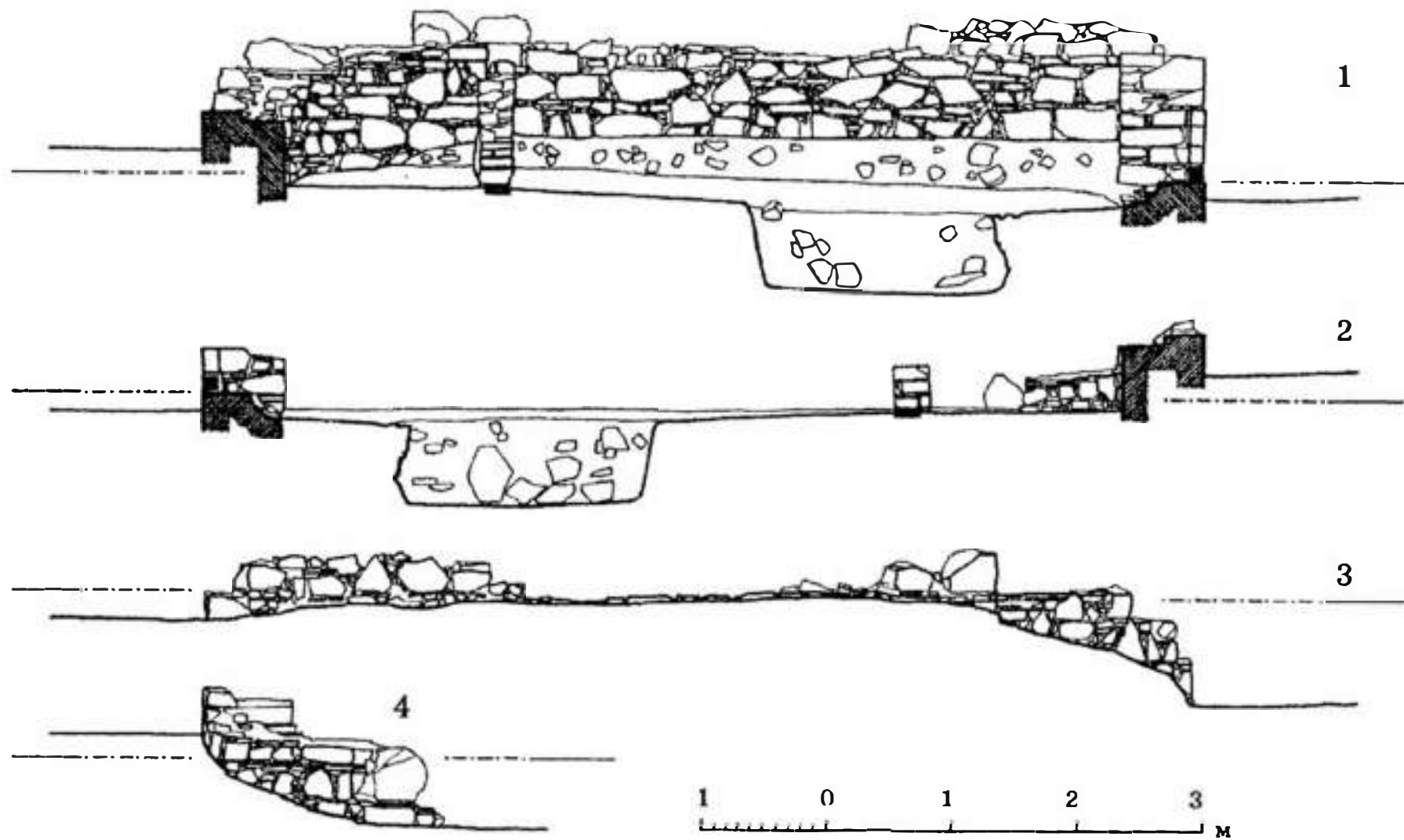

Рис. 311. Виды и разрезы церкви поселения: 1 - продольный разрез по оси В-3; 2 - продольный разрез по оси 3-В; 3 - южный фасад; 4 - северный фасад

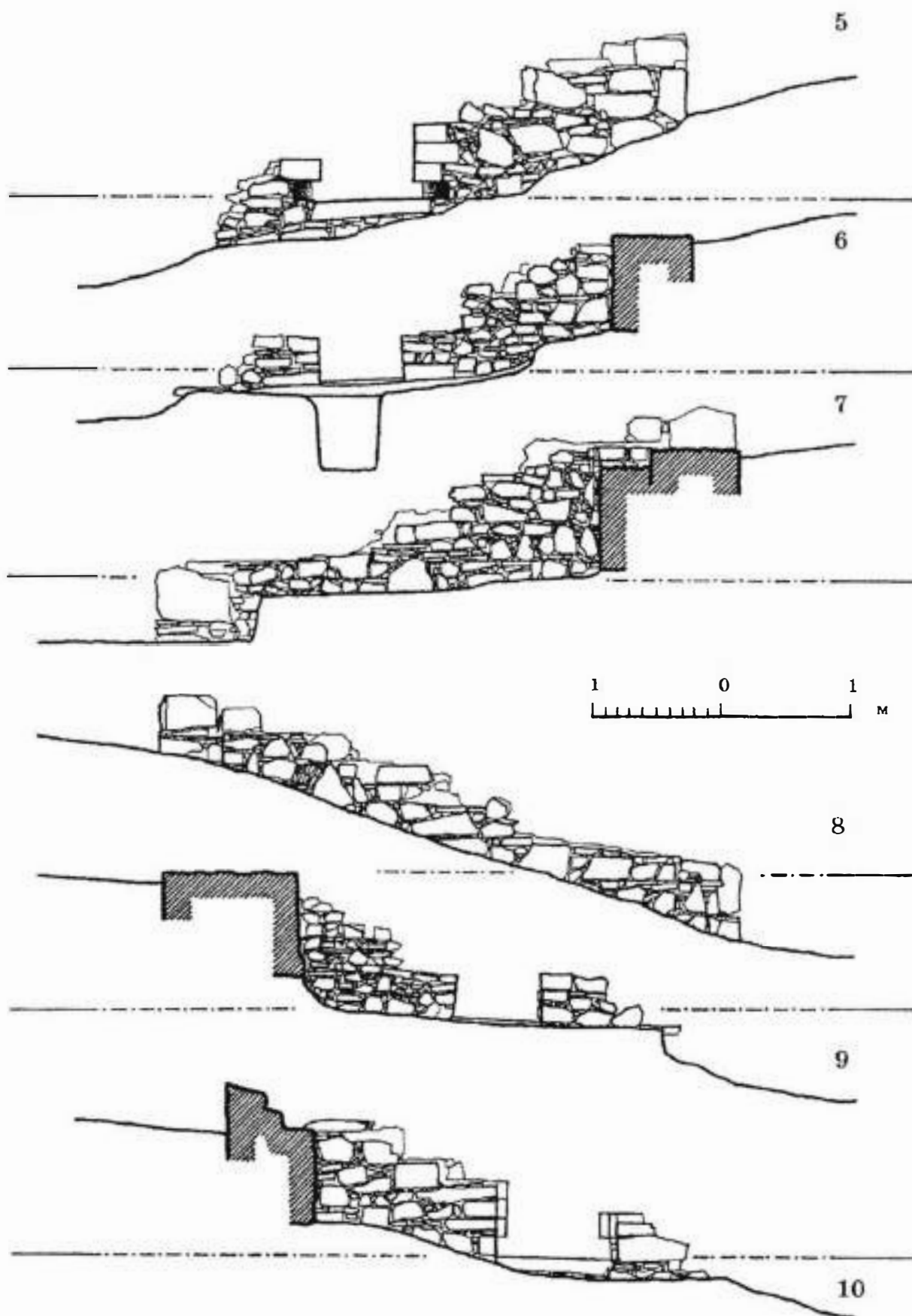

Рис. 312. Виды и разрезы церкви поселения (продолжение): 5 - западный фасад; 6 - вид алтарной преграды с запада; 7 - вид алтарного полукружия с запада; 8 - восточный фасад; 9 - вид алтарной преграды с востока; 10 - поперечный разрез по линии Ю-С

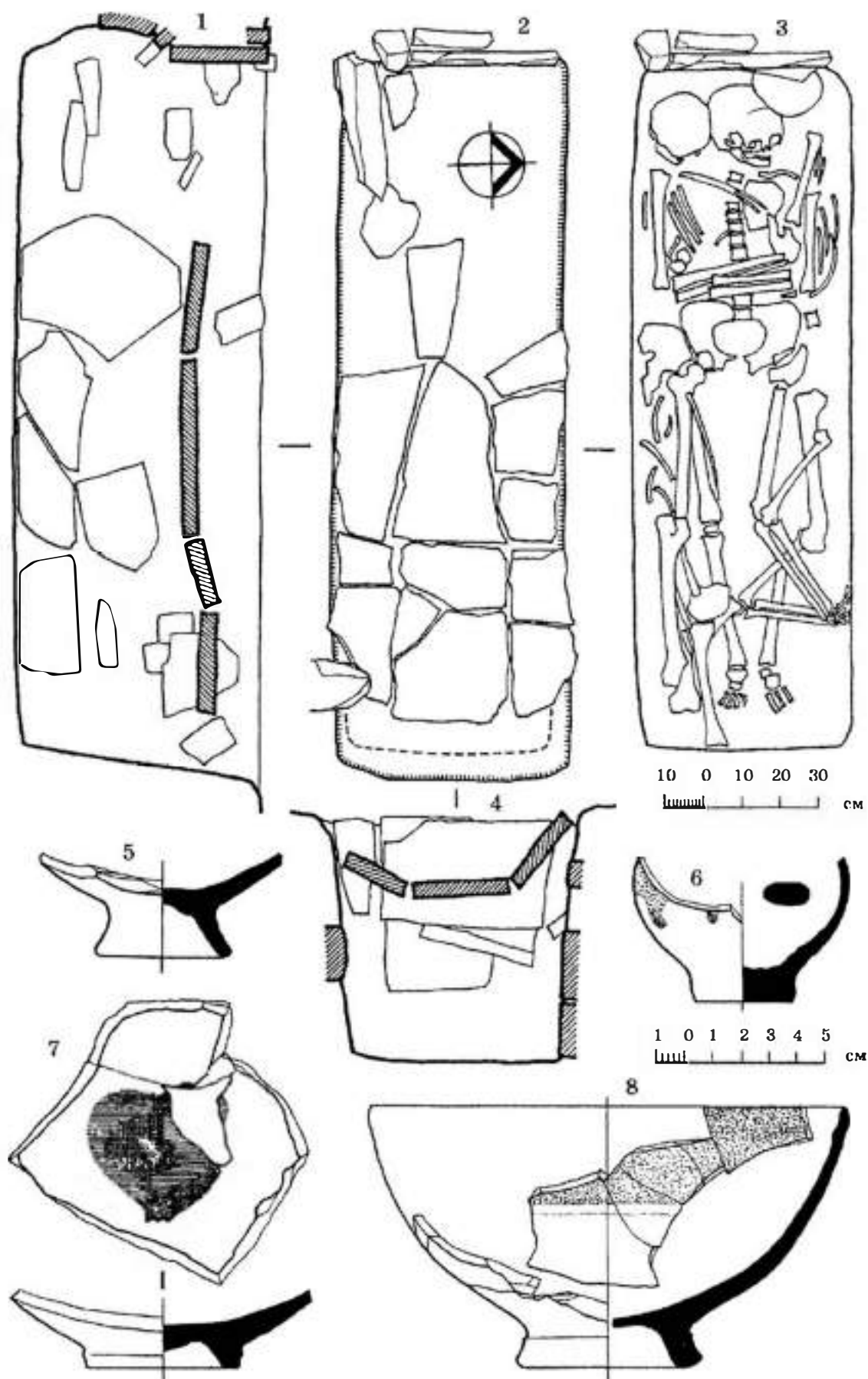

Рис. 313. Планы и разрезы могилы № 1. Отдельные находки из раскопок церкви поселения

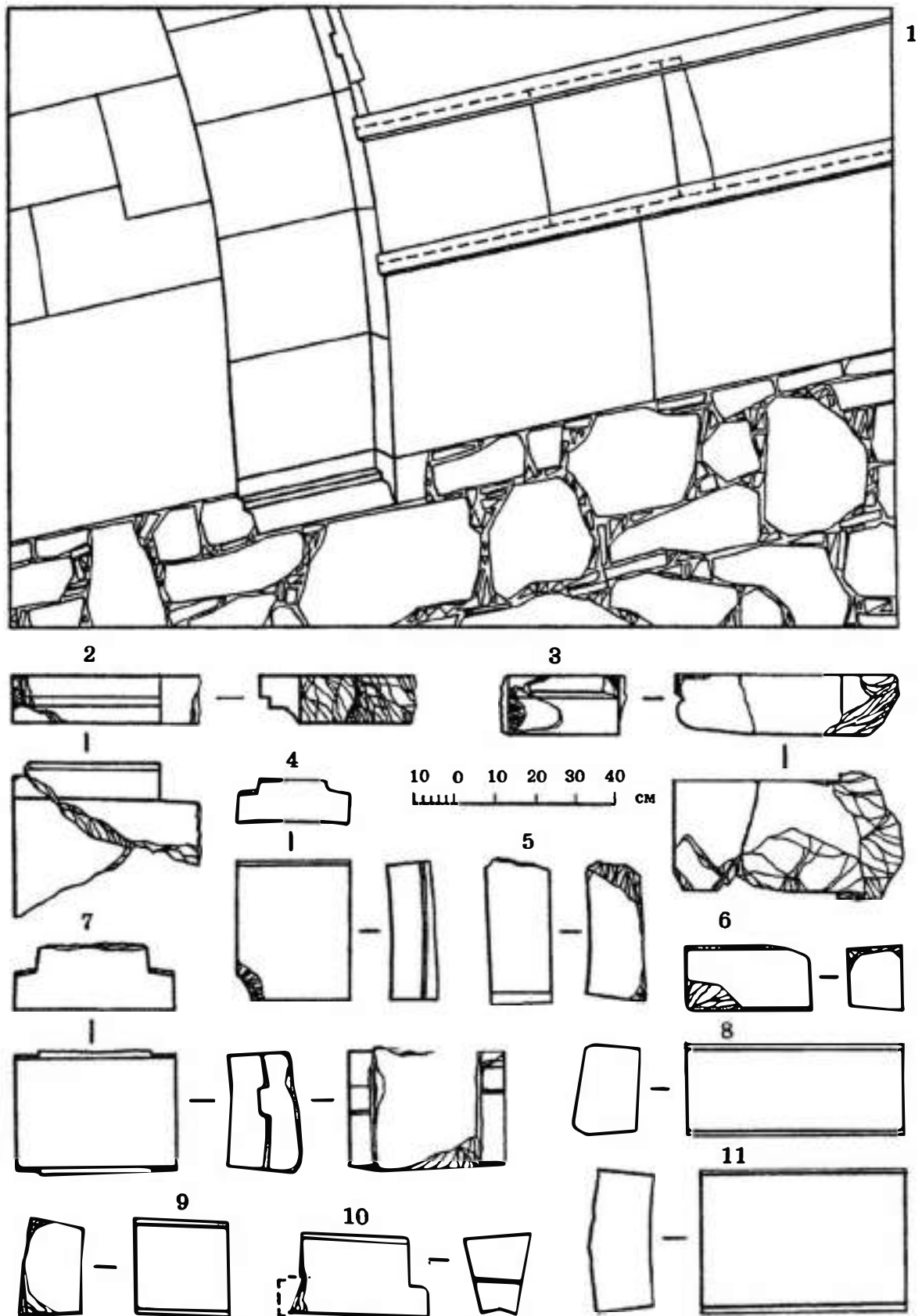

Рис. 314. Архитектурно-конструктивные детали из раскопок укрепления (3) и церкви (2, 4 - 11): 1 - реконструкция технологической схемы возведения свода; 2 - кронштейн подпружной арки; 3 - брусок наборного кронштейна машиули донжона; 4, 7, 10 - детали подпружных арок храма 5,6, 8, 9, 11 - детали свода; 2, 4 - 11 - капсельский ракушечник; 3 - известняк

Рис. 315. Церковь поселения XV в. у замка Тасили. Вид с востока

Рис. 316. Апсидная часть с алтарной преградой церкви XV в. у замка Тасили.
Вид с севера

Рис. 317. В. Руссен. Замок Алустон (Алушта). Литография 1843 - 1849 гг. (?) (по М. Мальгиной, 2006, №302)

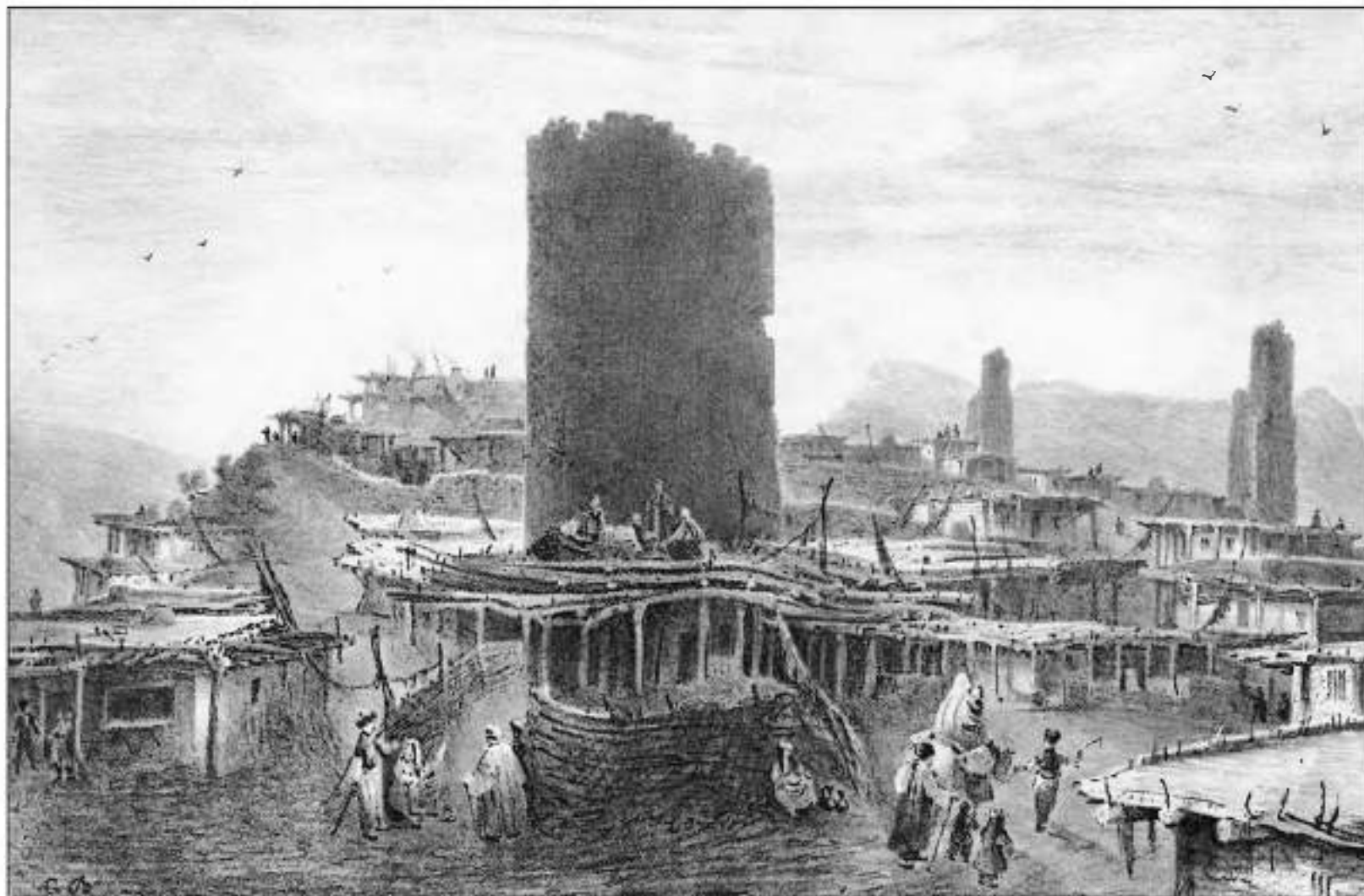

Рис. 318. К. Боссоли. Алушта. Литография 1842 г. (по М. Мальгиной, 2006, №302)

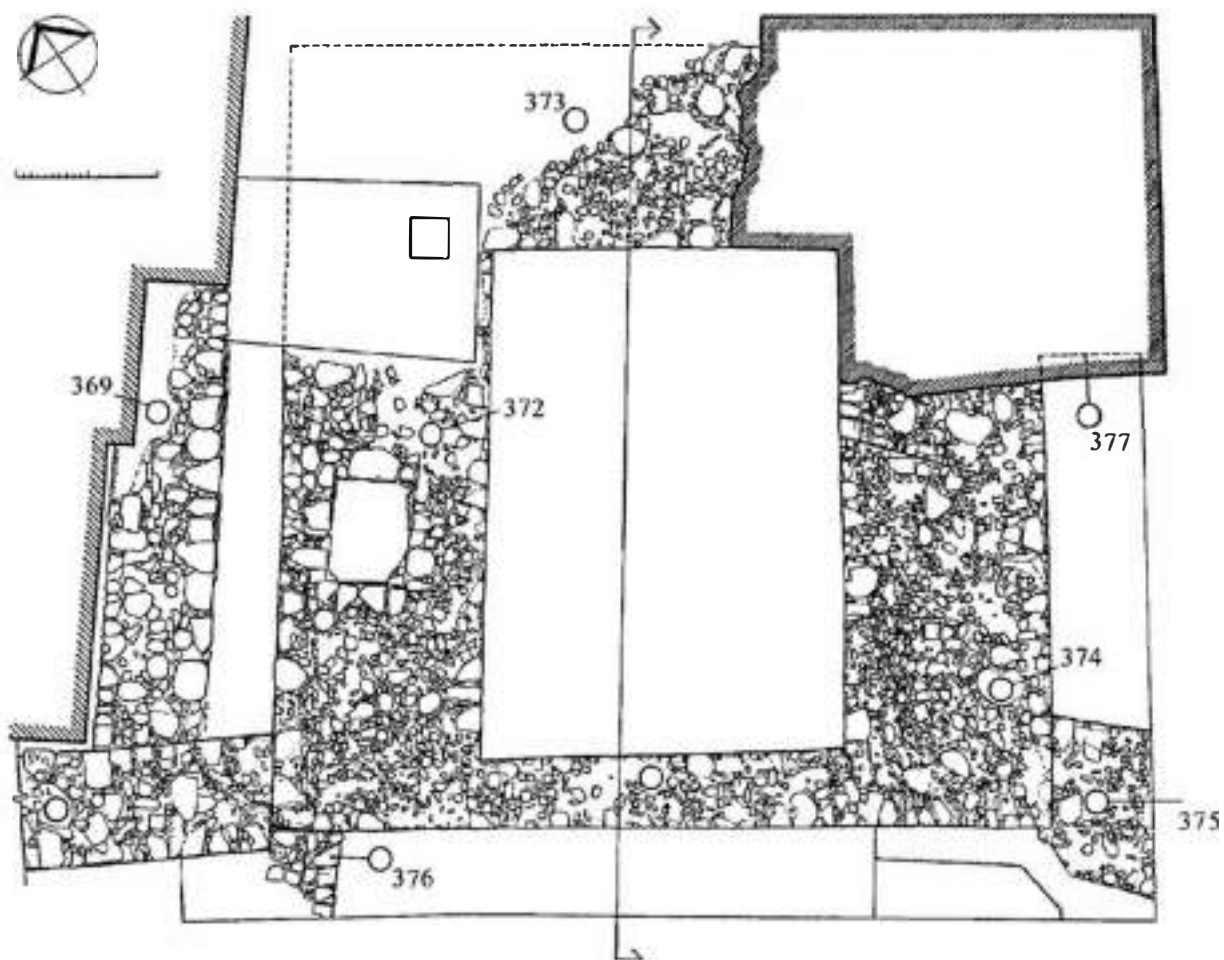

Рис. 319. Башня Орта-Куле генуэзской Лусты (60-е гг. XV в.) План

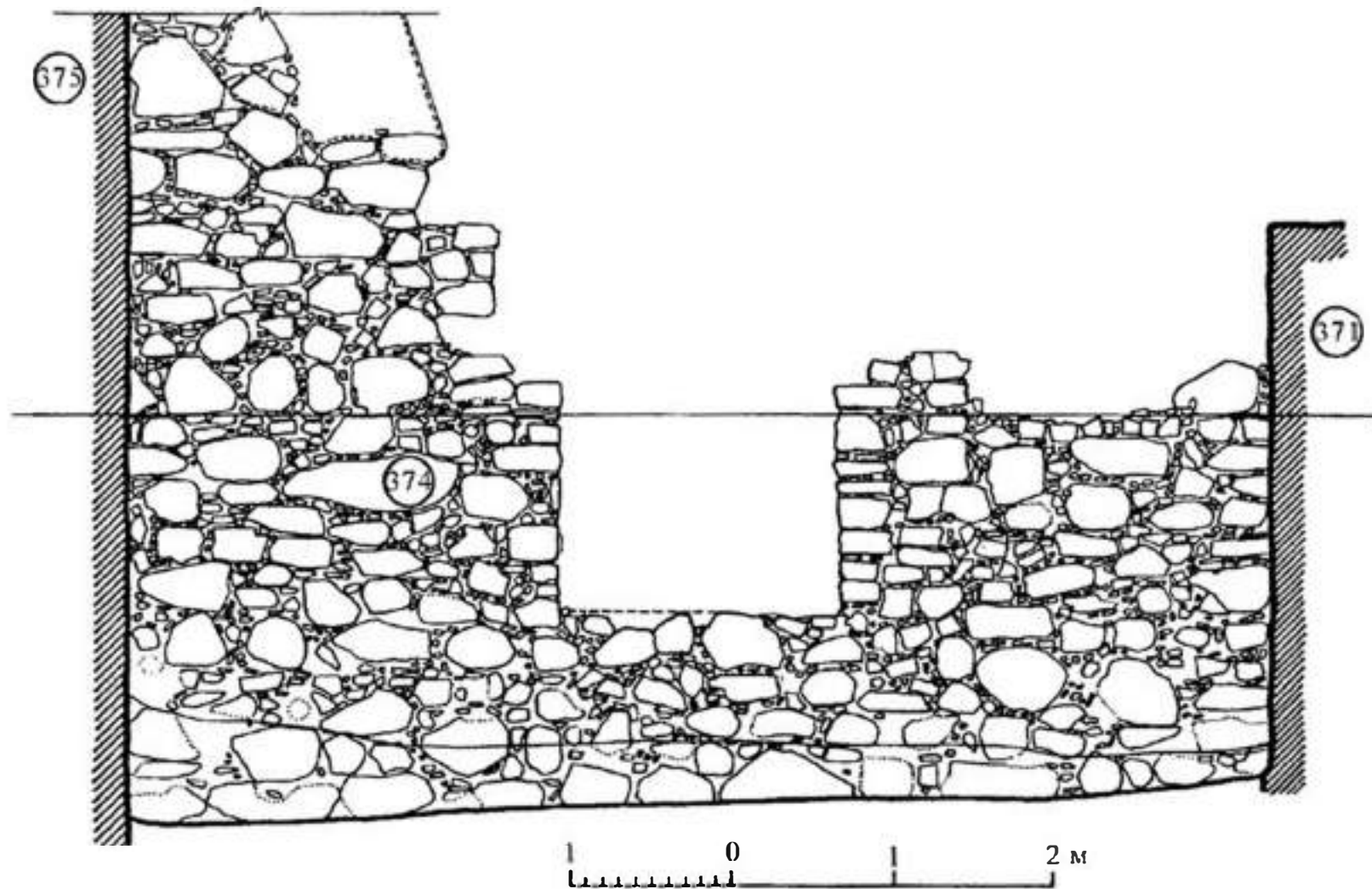

Рис. 320. Юго-восточная стена башни Орта-Куле с амбразурой подножного боя. Вид изнутри и северо-запада

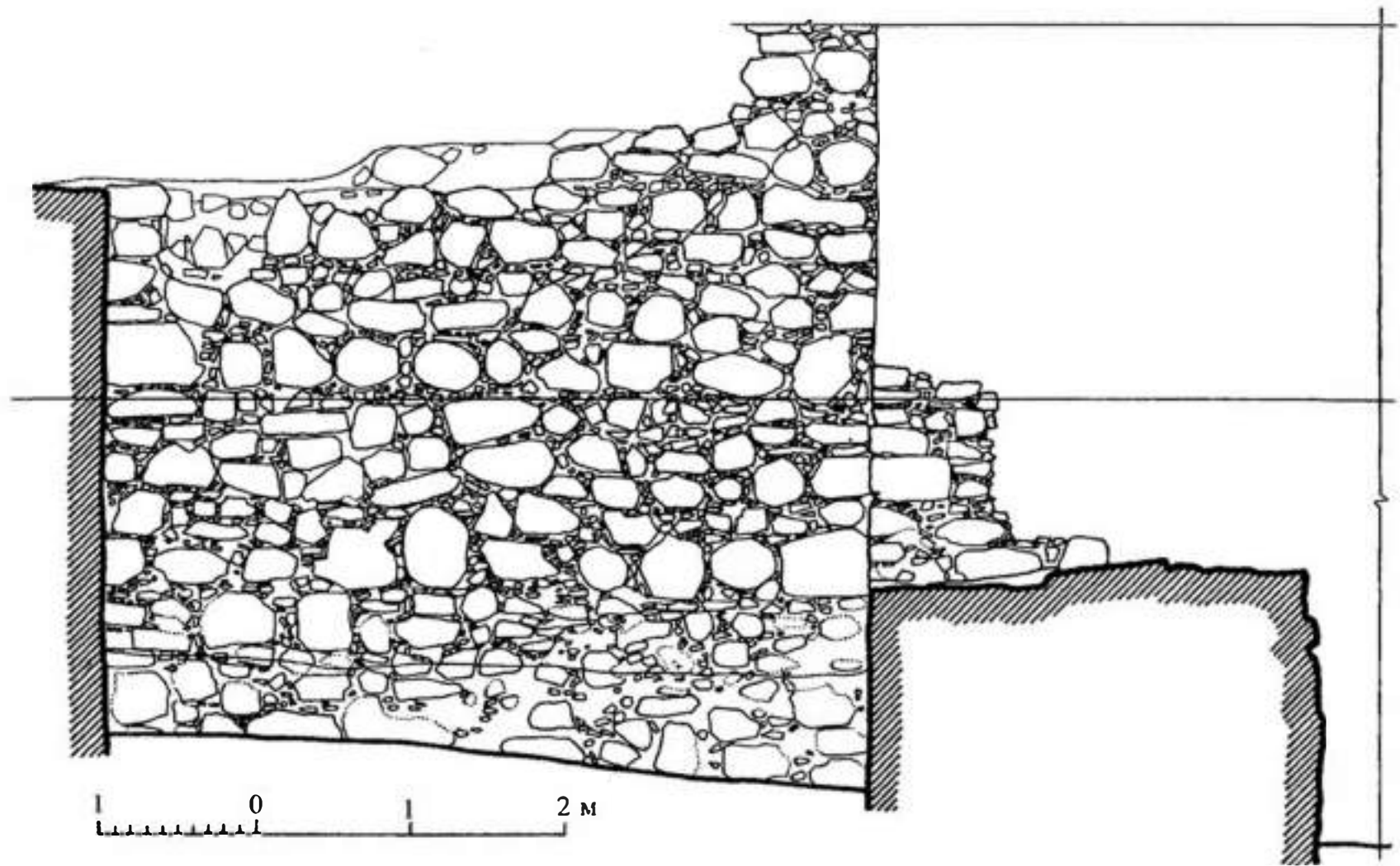

Рис. 321. Северо-восточная стена башни Орта-Куле. Вид изнутри и юго-запада

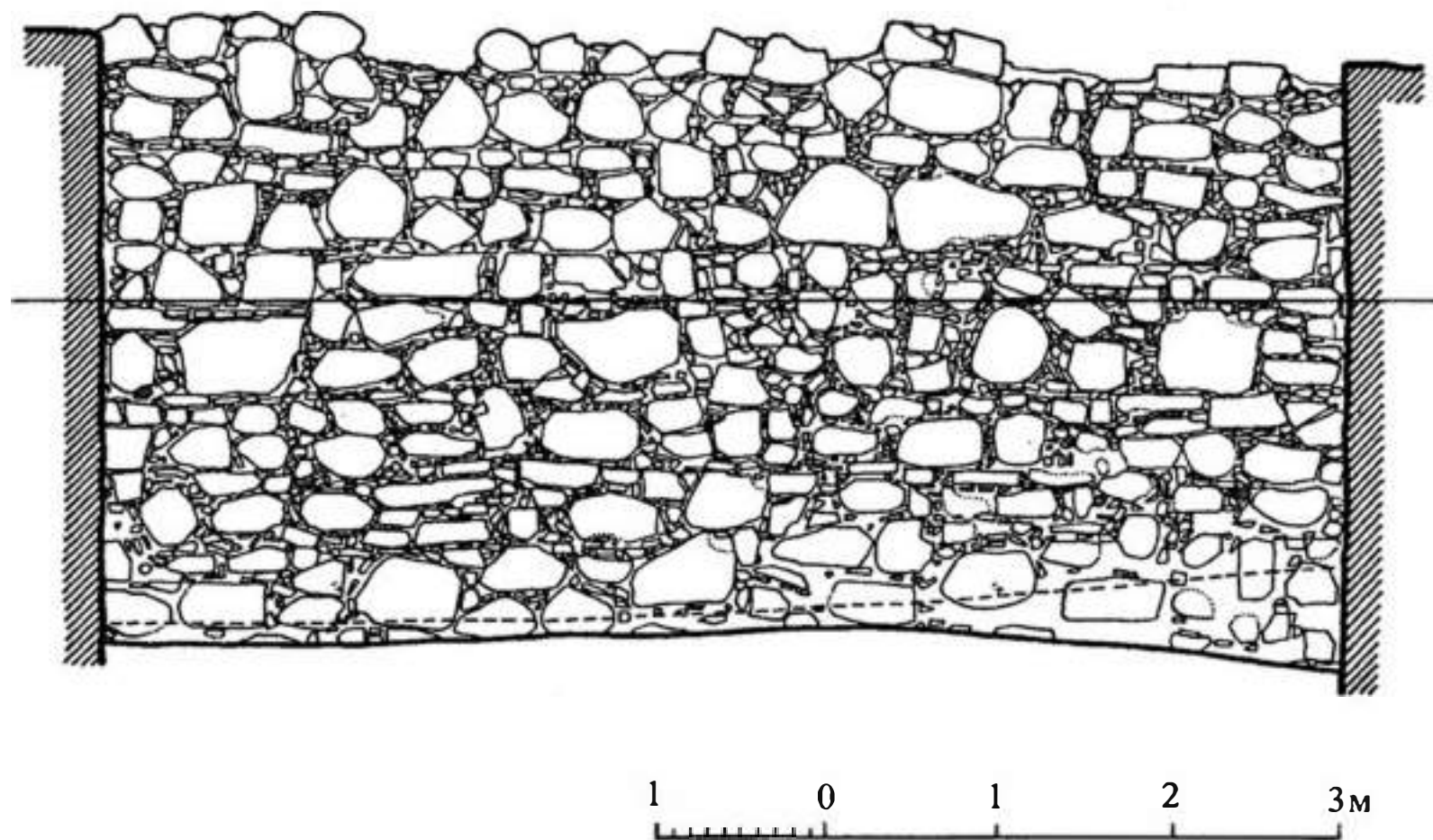

Рис. 322. Северо-западная стена башни Орта-Куле. Вид изнутри и юго-востока

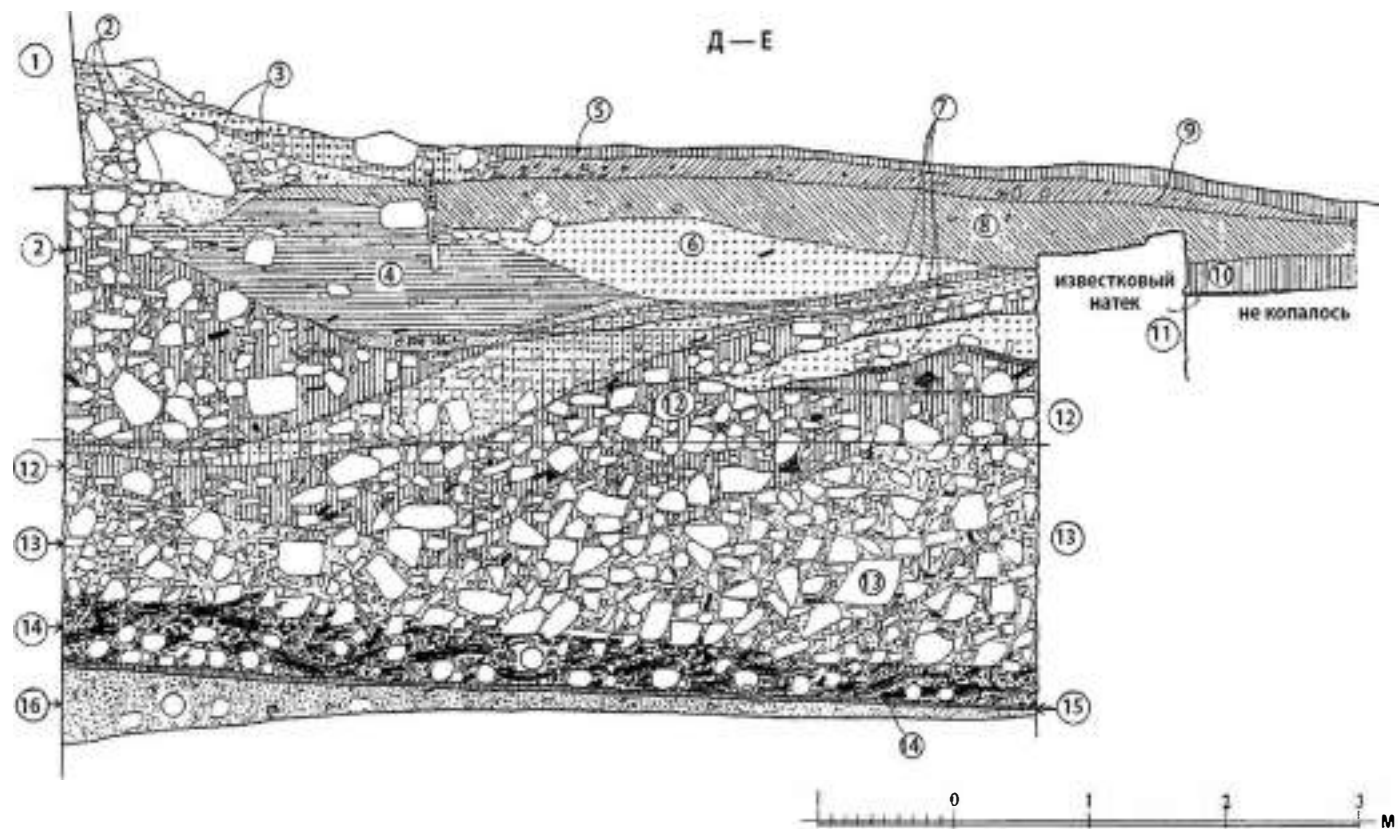

Рис. 323. Стратиграфия заполнения башни Орта-Куле: 1 - консервационная докладка стен башни; 2 - слой разрушения кладок; 3 - серый рыхлый грунт; 4 - серо-желтый со следами прокала грунт с углем; 5 - светло-серый рыхлый грунт; 6 - зола с редкими включениями угольков; 7 - светло-серый золистый грунт с прослойками золы; 8 - темно-серый рыхлый грунт с бытовым мусором; 9 - уплотненная жёлтая глина с комками известкового раствора; 10 - светло-серый уплотненный грунт с угольками; 11 - известковый натек с внешней стороны кл. 371; 12 - светло-серый рыхлый грунт с большим количеством бута и деструктированного известкового раствора; 13 - слой разрушения кладок башни (бут, деструктированный известковый раствор); 14 - слой пожара; 15 - прокаленный грунт коричневого цвета (пол башни 60 -70-х гг. XV в.); 16 - натёки известкового раствора, деструктированный известковый раствор

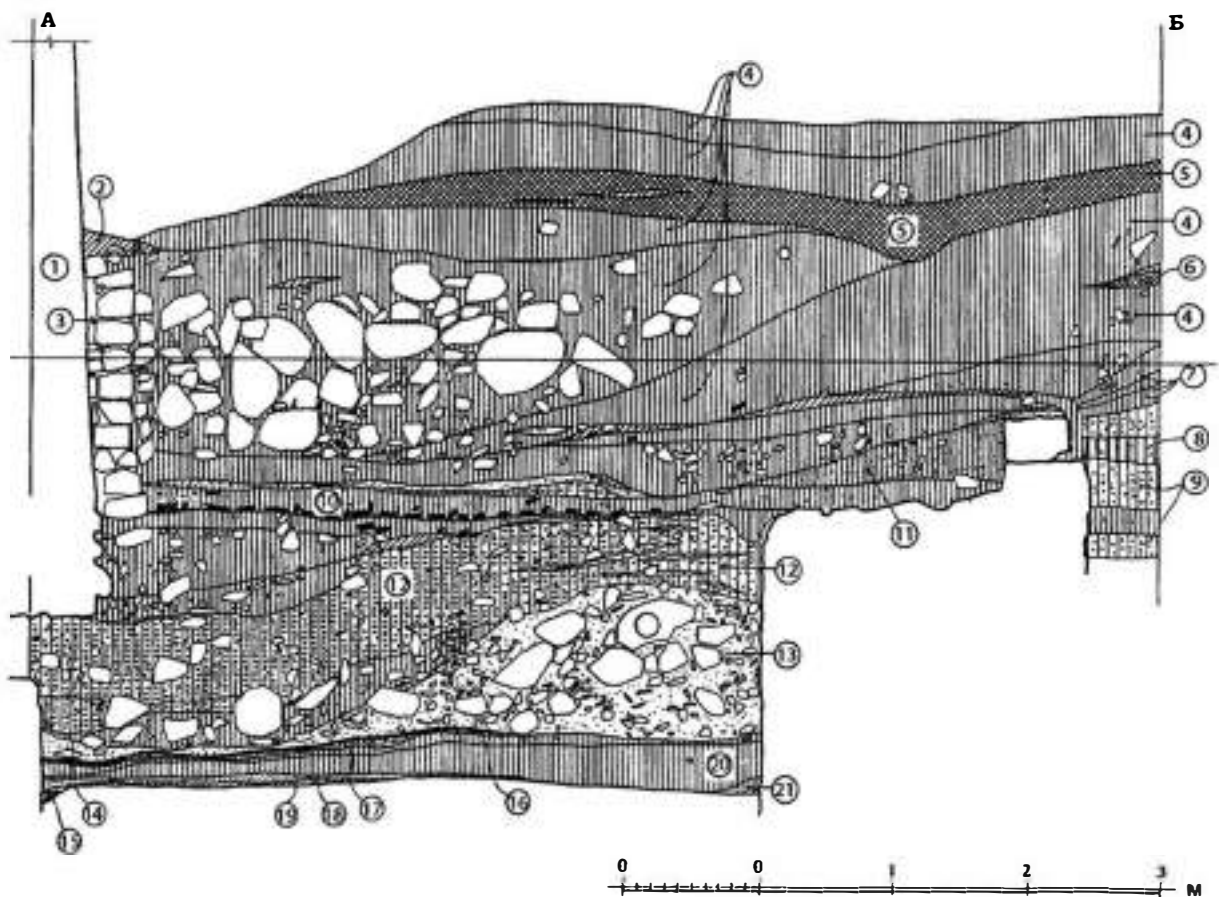

Рис. 324. Стратиграфия юго-восточного борта (А-Б) раскопа у башни Орта-Куле генуэзской Лусты: 1 - современная консервационная докладка стен башни (контрфорс); 2 - желтая глина; 3 - угол современного строения; 4 -серый рыхлый грунт, содержащий деструктурированный известковый раствор, бутовый камень, современный мусор; 5 - серый рыхлый грунт с большим наполнением делювия глинистых сланцев, щебня, современного бытового мусора; 6 - прокалённая желтая глина с углём, золой, известковой крошкой; 7 - светло-серый рыхлый грунт с небольшой примесью угля и известковой крошки; 8 - светло-серый зеленоватый рыхлый грунт; 9 - светло-серый грунт со следами прокала и повышенным содержанием продук-тов горения; 10 - слой черепицы марсельского типа и современный мусор; 11 - слой разрушения современного туалета (серый грунт с деструктурированным известковым раствором); 12 - светло-серый золотистый грунт с прослойками золы; 13 - слой разрушения крепостных сооружений XV в (содержал разномерный бут и деструктурированный раствор); 14 - светло-серый рыхлый грунт с известковой крошкой и бутом; 15 - коричневый грунт с известковой крошкой; 16 - слой пожара; 17 - прокаленный грунт; 18 - известковый натек; 19 - жёлтая глина; 20 - серо-желтый уплотненный грунт; 21 - известковый натек

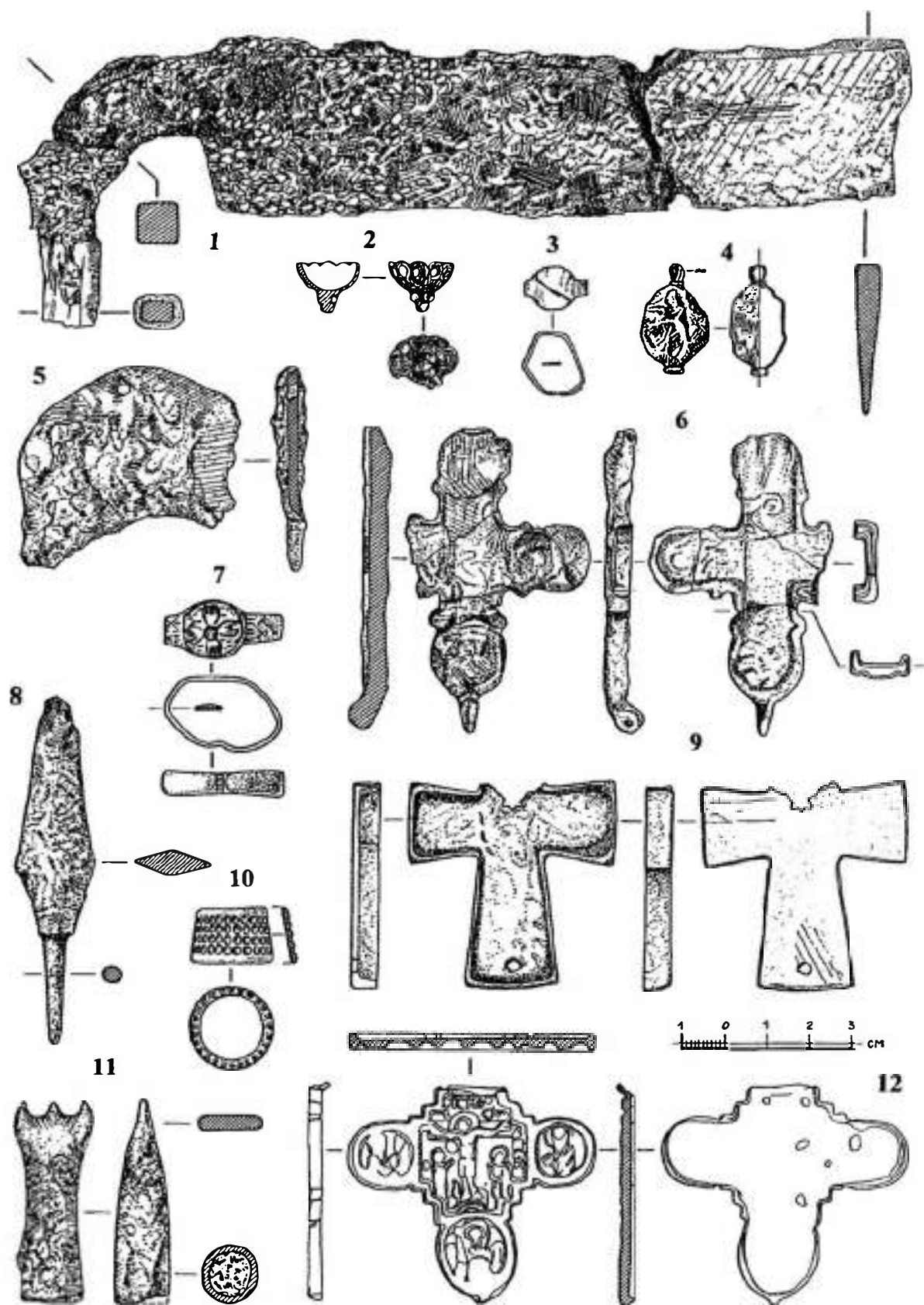

Рис. 325. Индивидуальные находки из раскопок башни Орта-Куле. Местонахождение: 1, 5, 6, 9 - слой пожара; 2, 11 - слой серого золистого грунта; 3 - глубина 1,5 м; 4 - глубина 1,8 м; 8 - глубина - 3 - 3,5 м; 10 - глубина 3 м; 12 - забутовка кладки 369. Материал: 1, 5, 8, 11 - железо; 2, 3, 7 - серебро; 4, 6, 9, 10, 12 - бронза

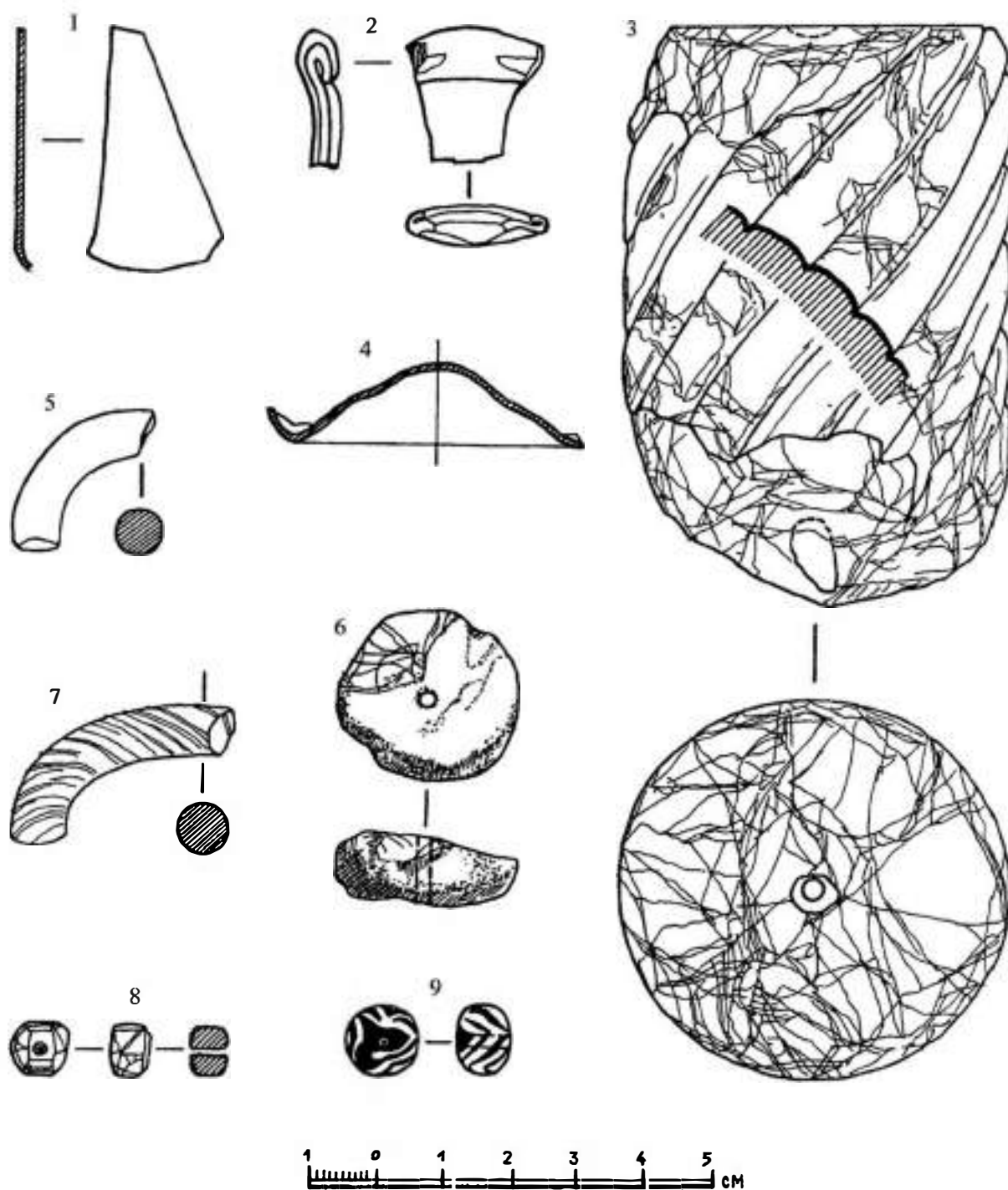

Рис. 326. Фрагменты каменных и стеклянных изделий из раскопа башни Орта-Куле. Местонахождение: 6 - слой современной застройки; 7, 8 - слой серого золистого грунта; 1, 4 - слой пожара; 2, 3 - заполнение башни, глубина 2 - 2,5 м; 5 - слой серо-зелёного грунта у кл. 371 и 375. Материал: 6 - янтарь; 3 - известняк; 8 - сердолик; 9 - паста

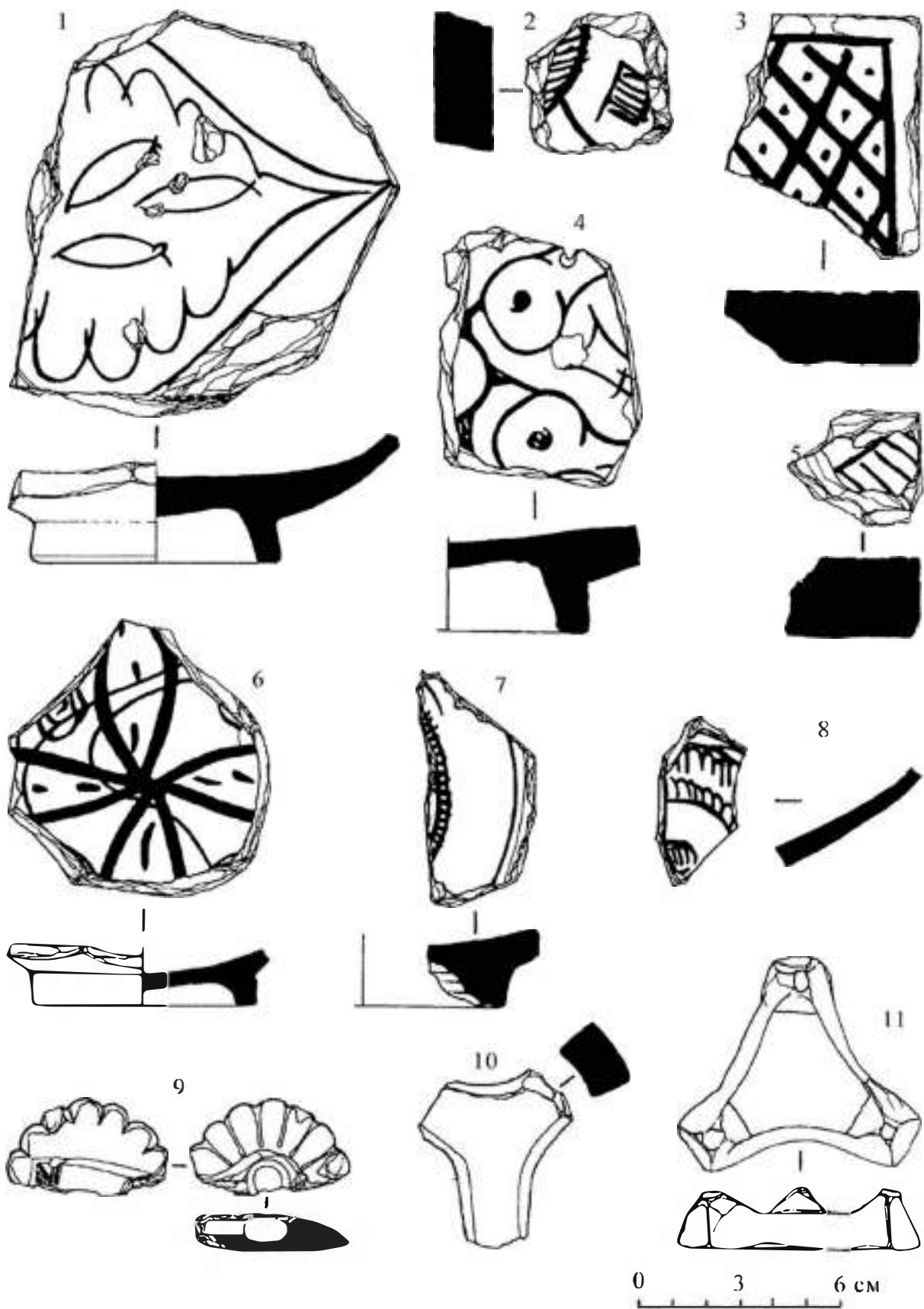

Рис. 327. Фрагменты керамических изделий из раскопа башни Орта-Куле. Местонахождение: 2, 3, 5, 7, 9 - слой современной застройки территории башни; 1, 4, 6, 11 - слой серого золистого грунта; 10 - слой известкового натека пола башни; 8 - надматериковый слой серого грунта у кл. 374 с внешней стороны строения

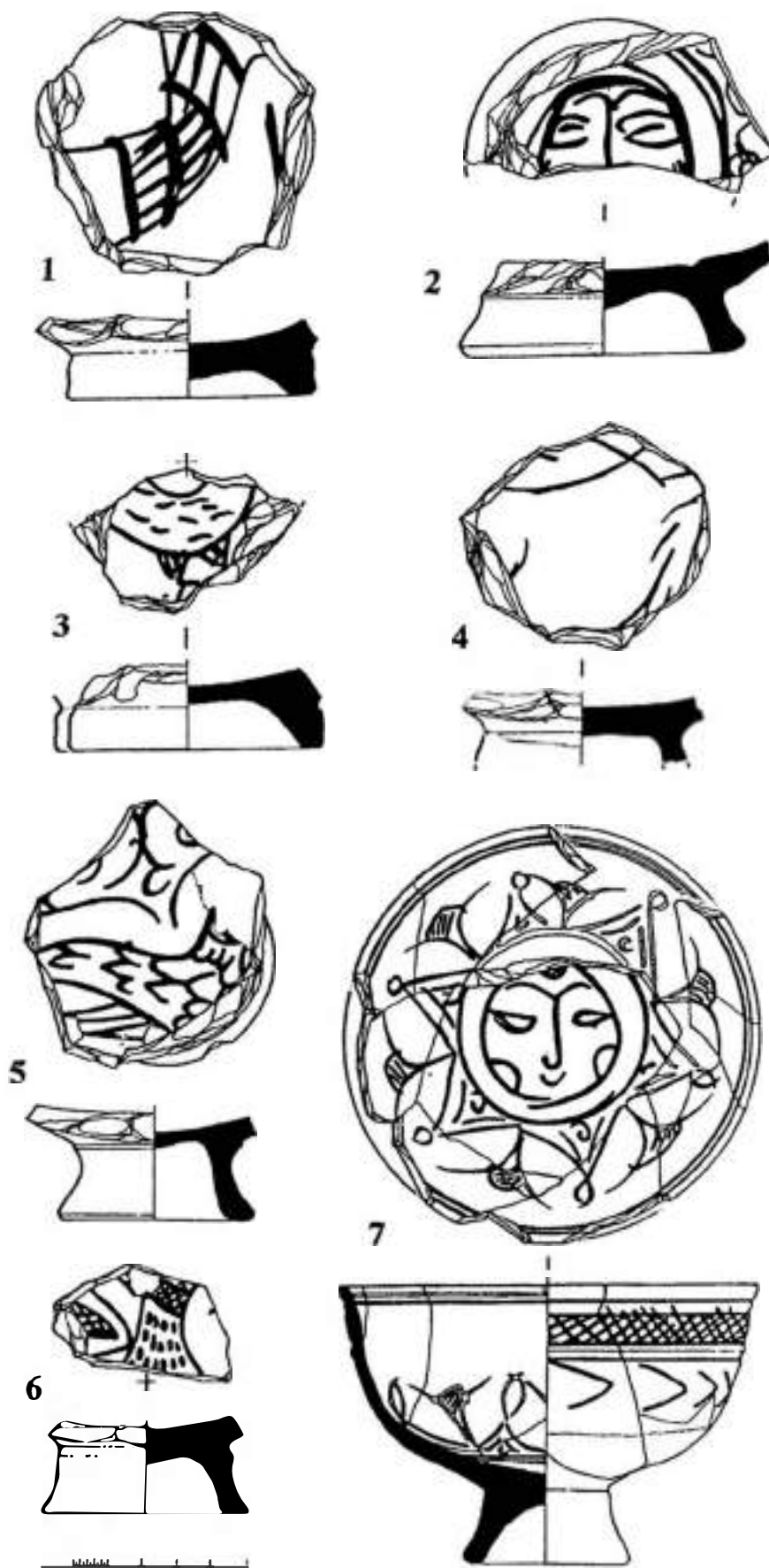

Рис. 328. Поливная красноглиняная керамика из башни Орта-Куле с сюжетными рисунками: 1, 3 - 6 - фрагментированные сосуды с изображениями птиц; 2, 7 - "солнечные лики"

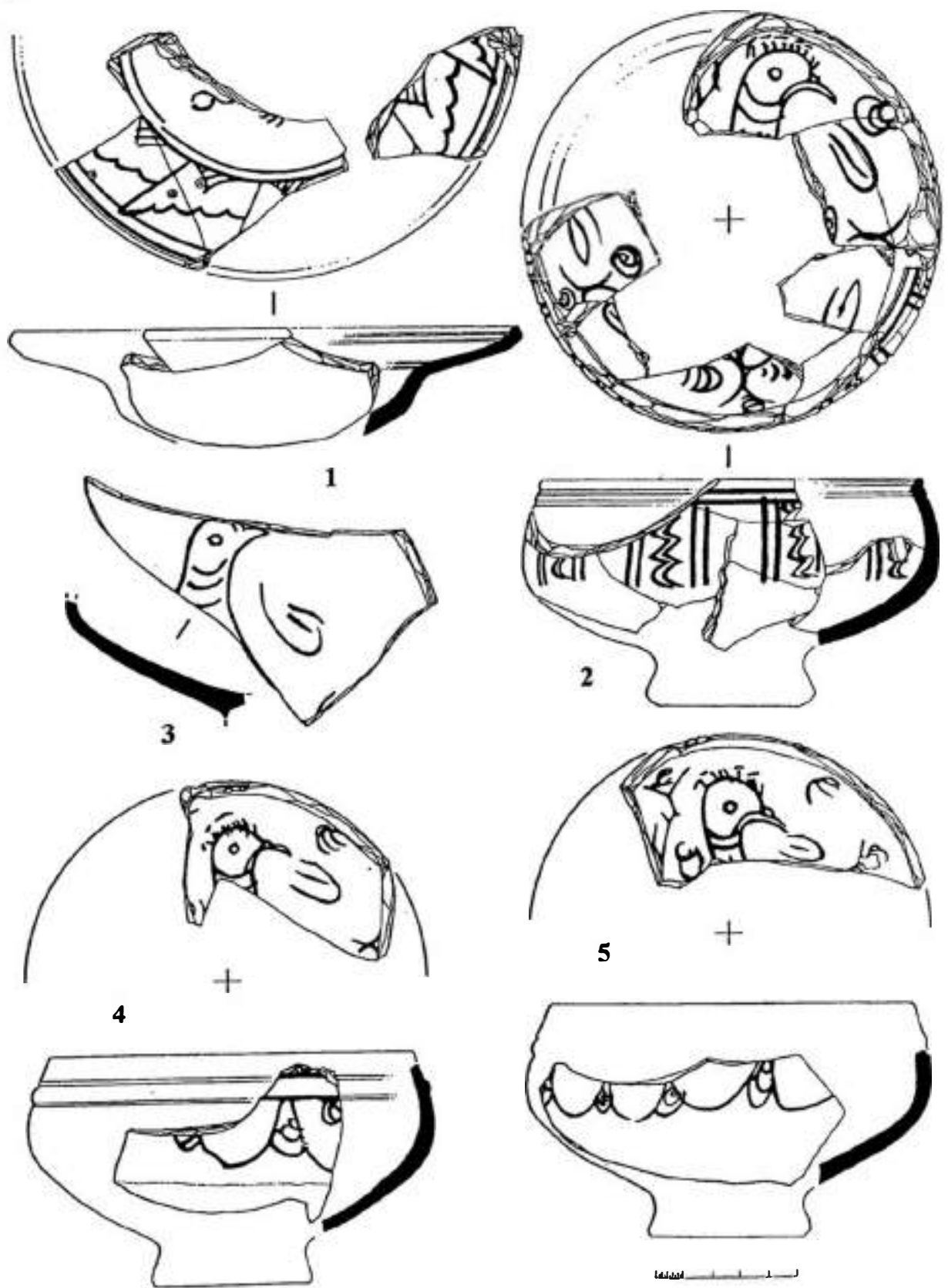

Рис. 329. Фрагменты красноглиняных поливных чаш и тарелок XV в. с изображениями птиц с "хохолками" (раскопки генуэзской Лусты)

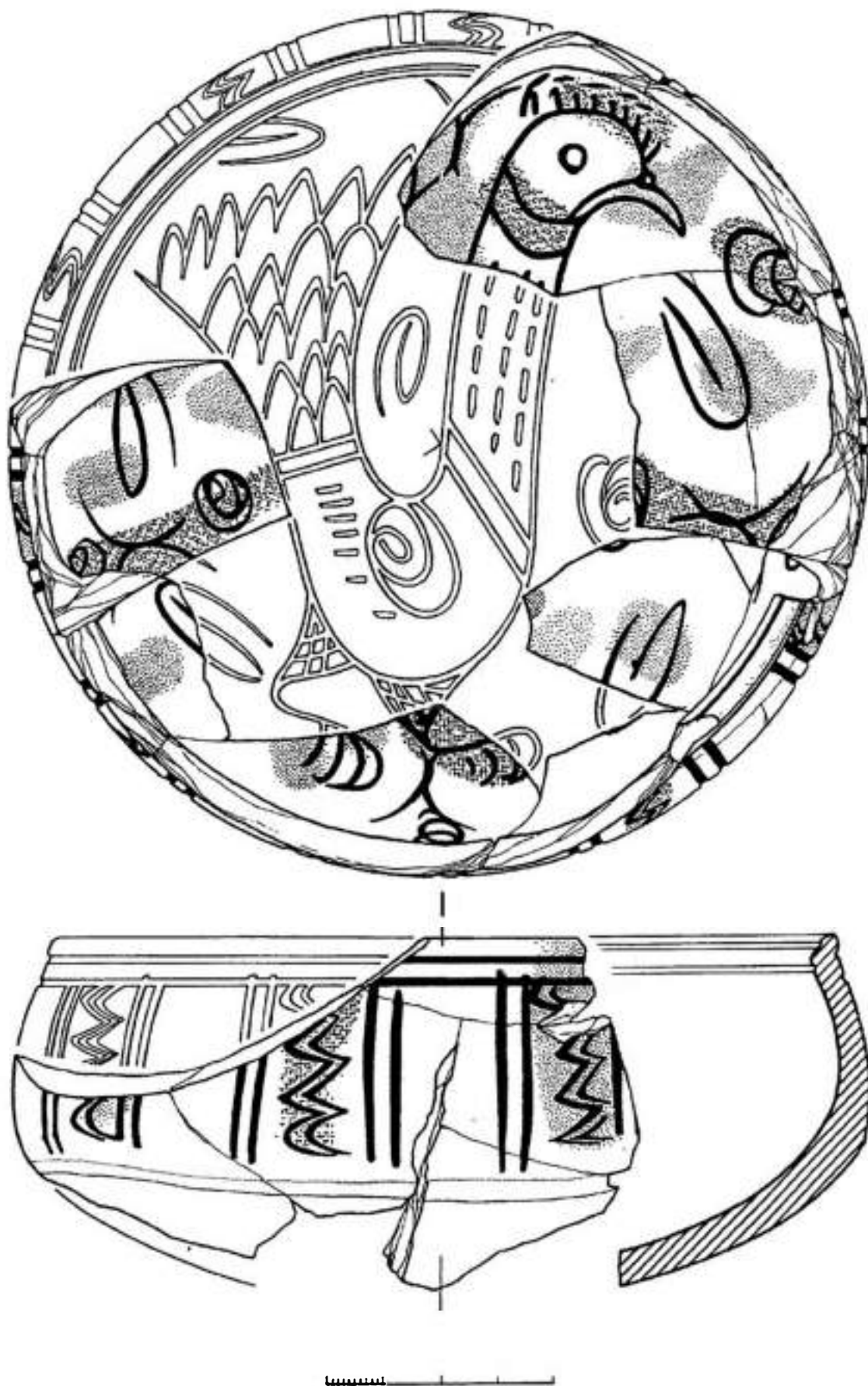

Рис. 330. Реконструкция изображения птицы на поливной чаше из башни (по В.П. Кирилко, 1998, рис. 1; 2005, рис. 1)

Рис. 331. Красноглиняная поливная тарелка XV в. из Каффы с изображением птицы с "хохолком" (по Е.А. Айбабиной, С.Г. Бочарову, 1997, рис. 11, 1)

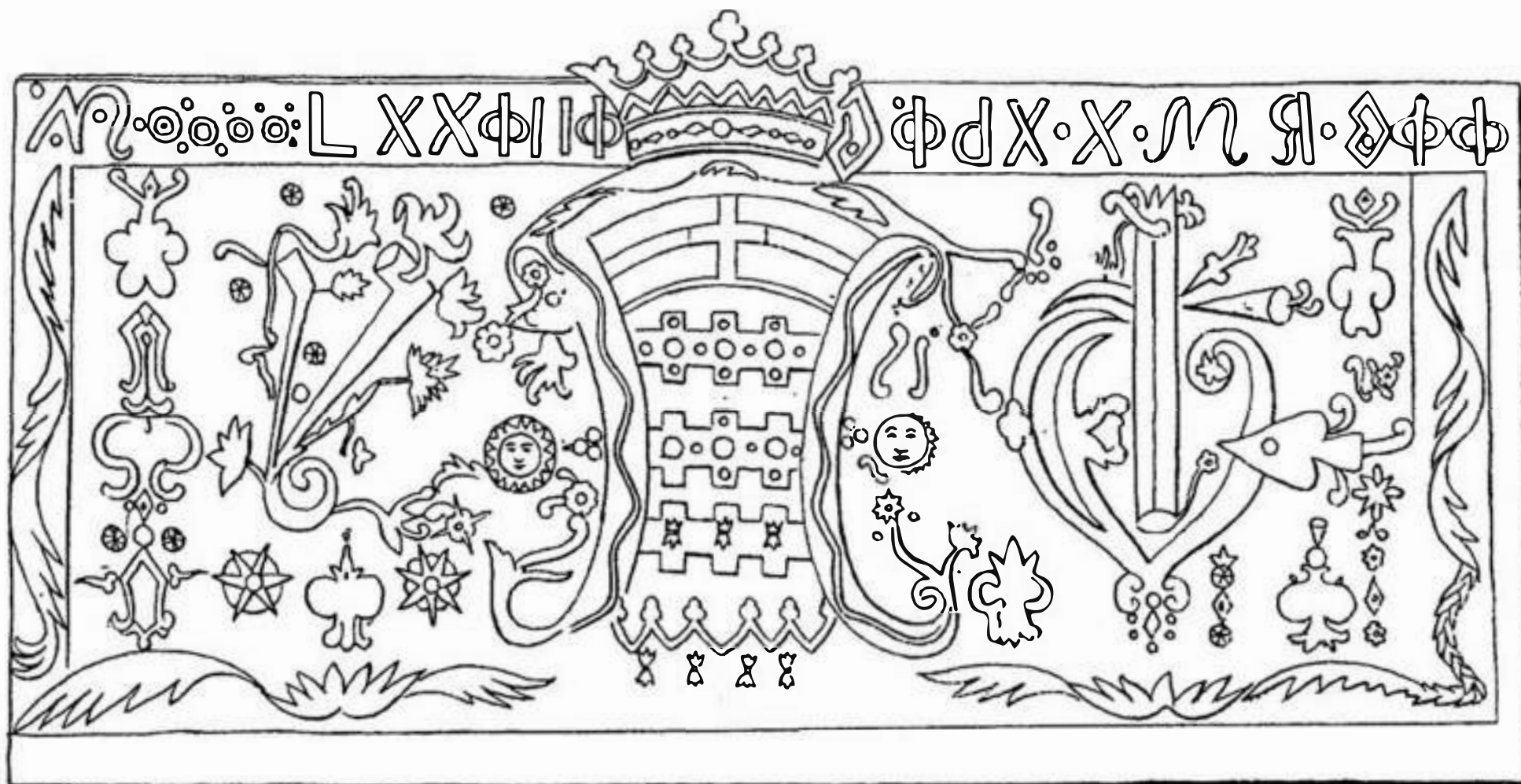

Рис. 332. Мраморная геральдическая плита 22 мая 1474 г. из замка в Мартеге Заккария Гвизольфи (по В.Н. Юргевичу, 1863, табл. II, №39)

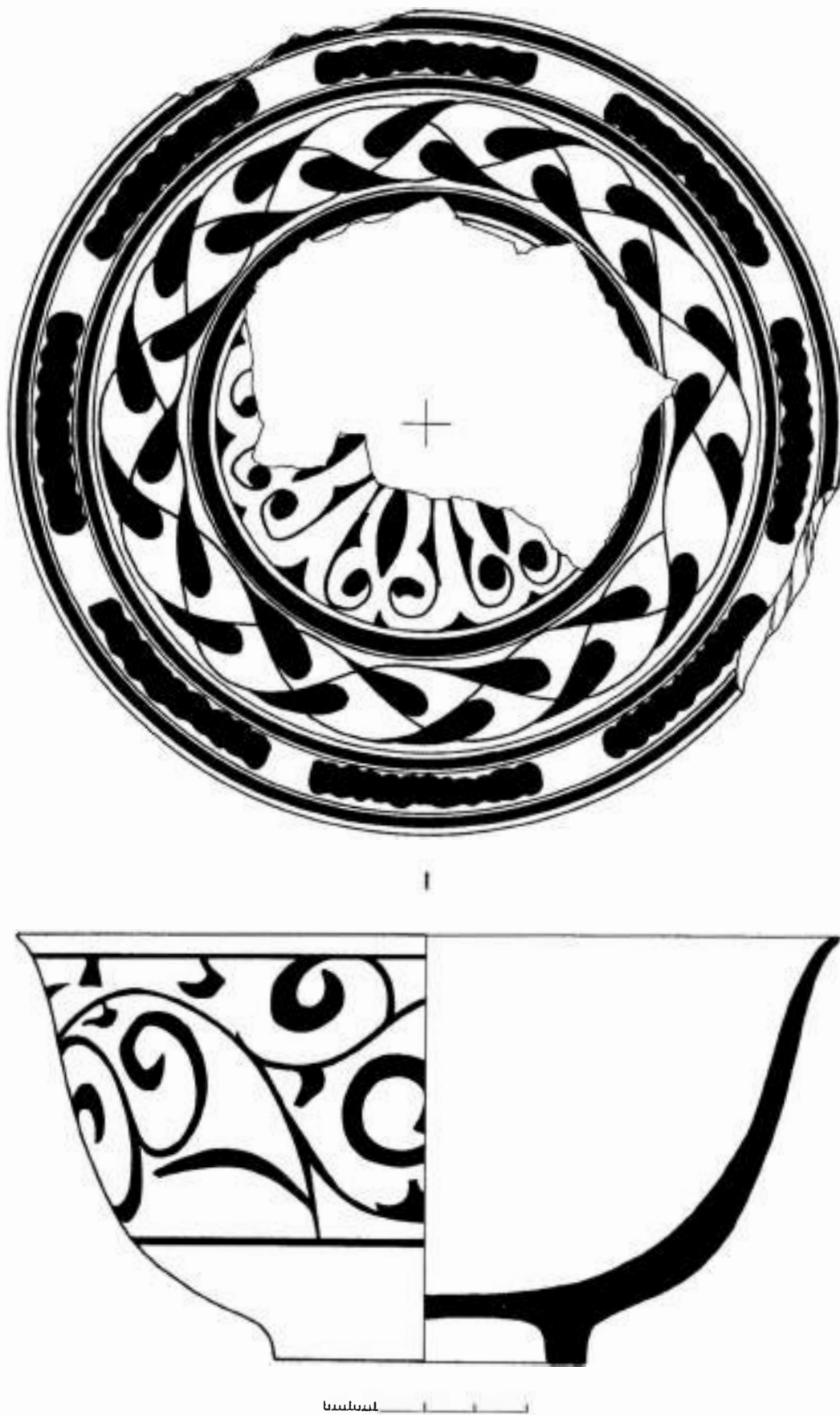

Рис. 333. Красноглиняная поливная пиалобразная чаша XV в. с подглазурной росписью кобальтом из раскопок цитадели генуэзской Лусты

Рис. 334. Красноглиняное поливное блюдо XV в. с подглазурной росписью кобальтом из слоя серого золотистого грунта башни Орта-Куле

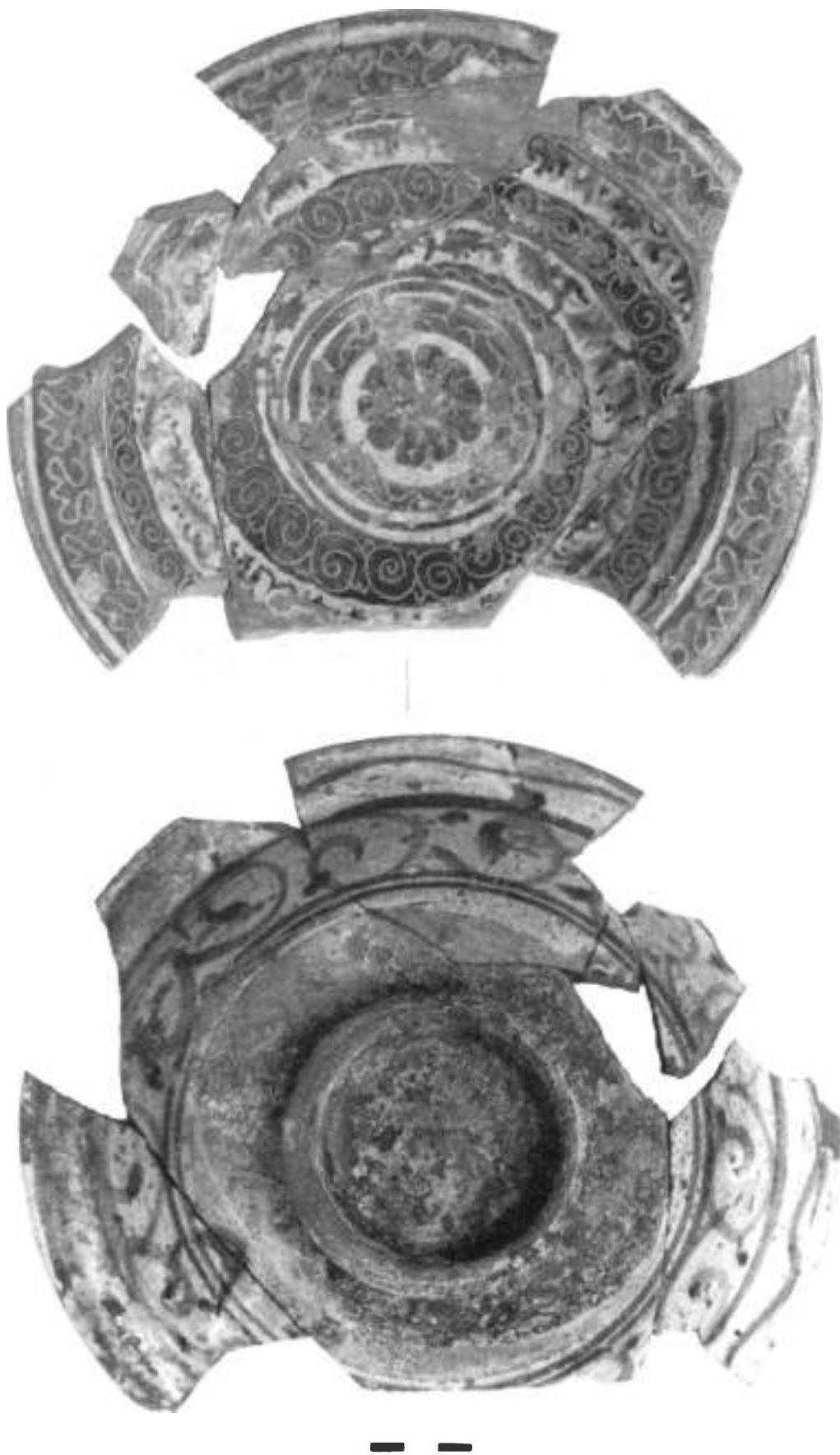

Рис. 335. Блюдо из раскопок башни Орта-Куле крепости Алустон (фото А. Чекановского)

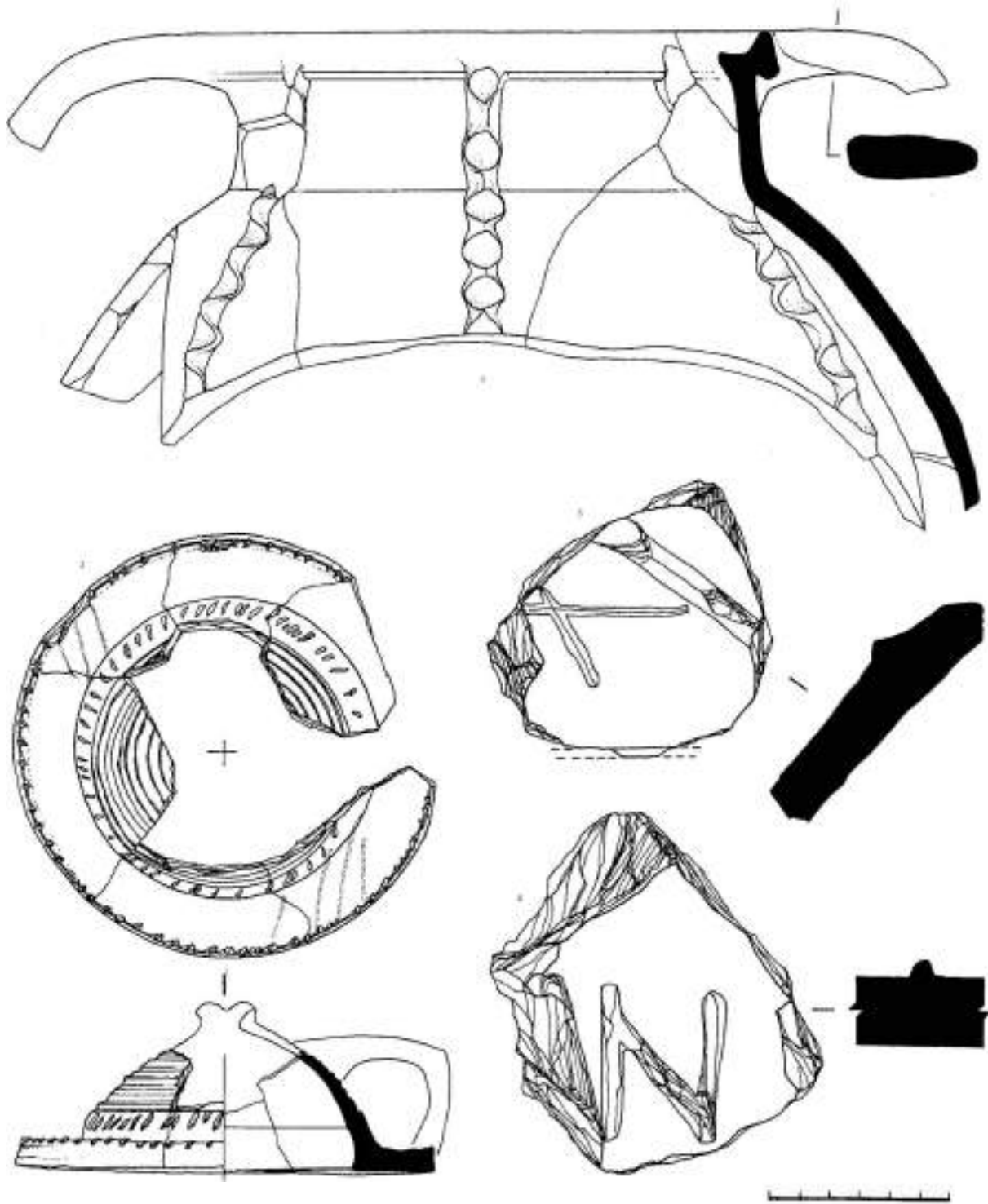

Рис. 336. Фрагменты красноглиняных изделий из заполнения башни Орта-Куле: 1 - двуручный горшок; 2 - крышка; 3, 4 - обломки черепиц-керамид с метками (X - XI в.?)

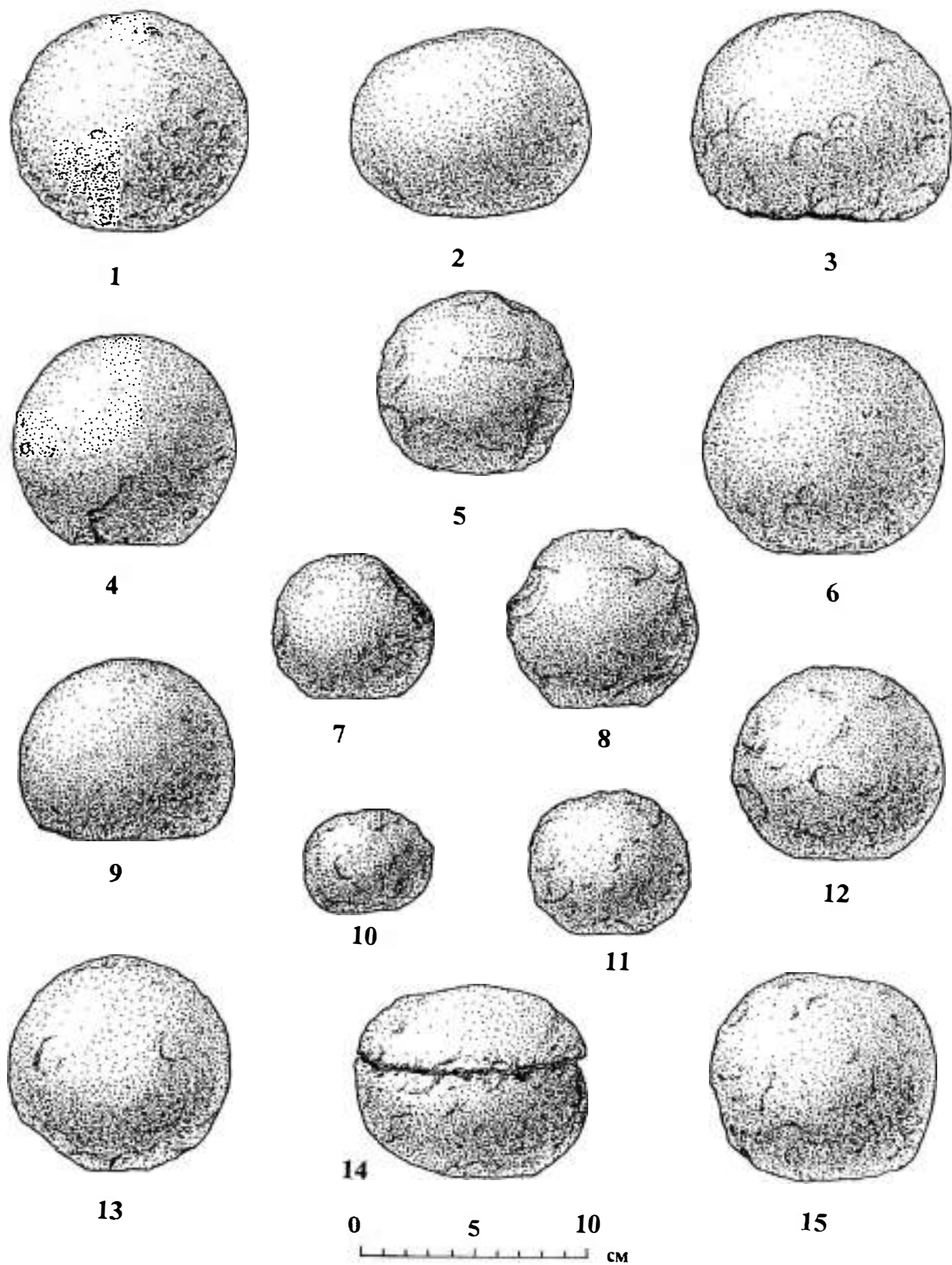

Рис. 337. Каменные ядра от баллист из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

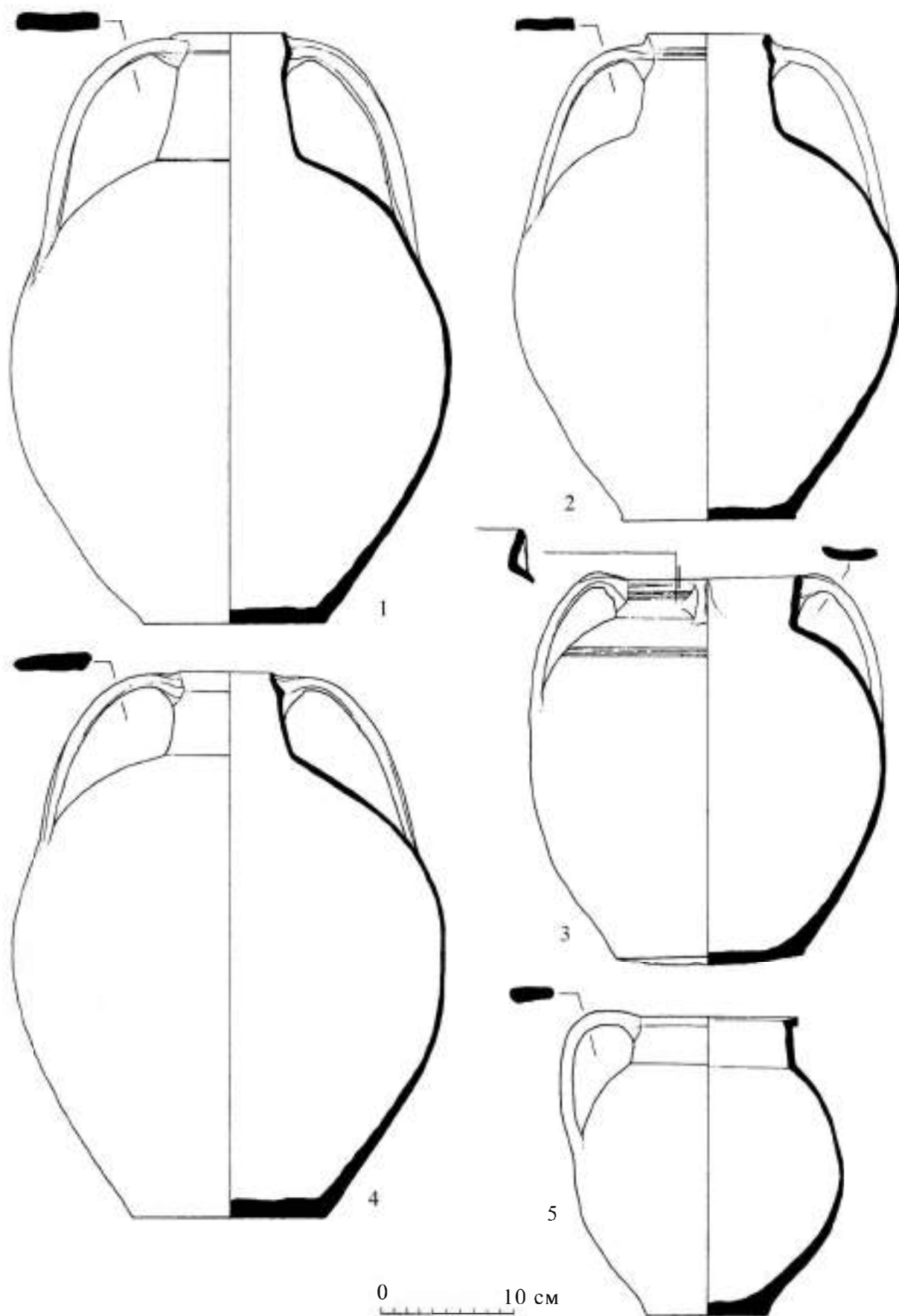

Рис. 338. Коричневоглиняные кухонные сосуды XV в. из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

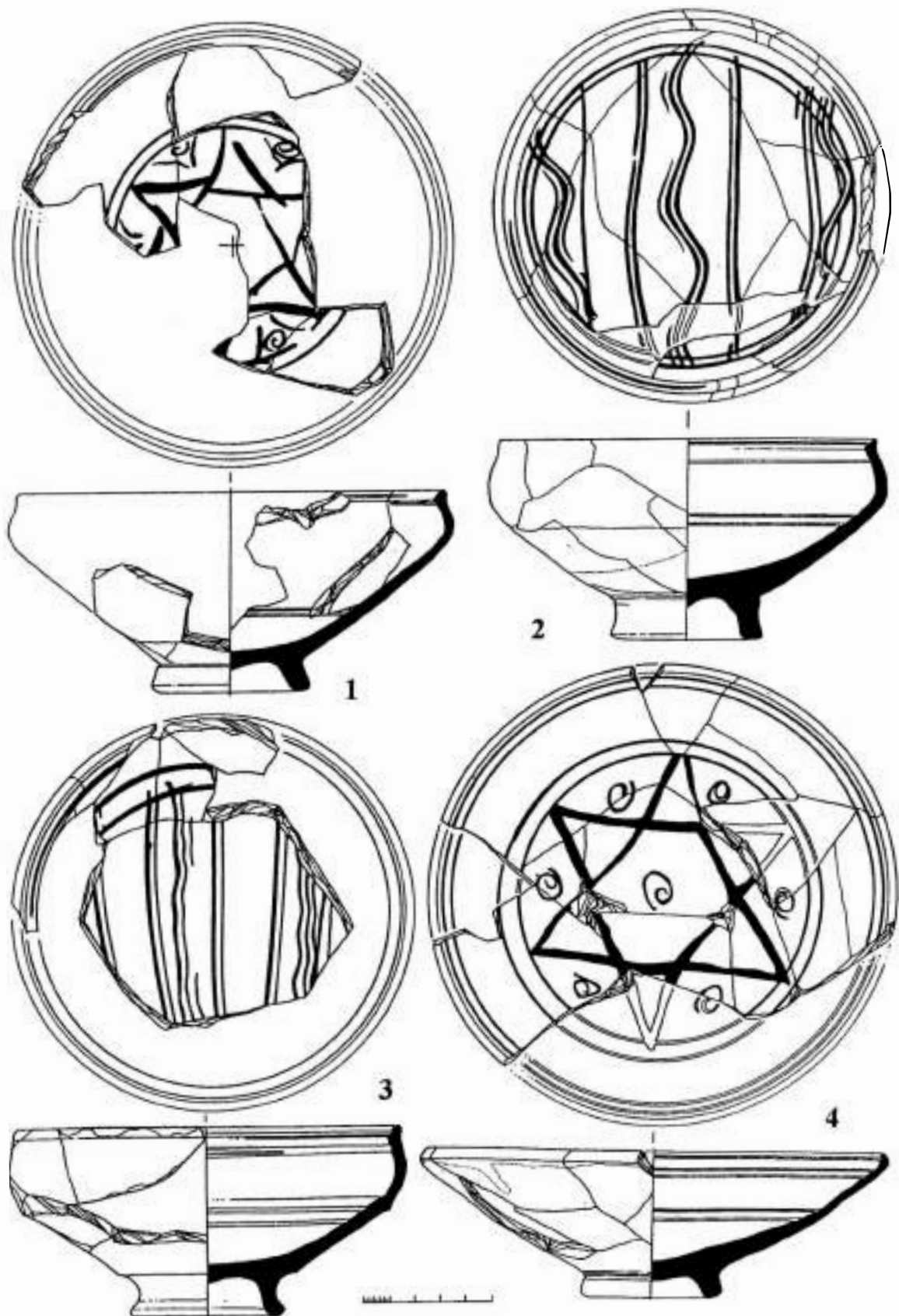

Рис. 339. Монохромные красноглиняные поливные чаши (1 - 3) и миска (4), украшенная врезным орнаментом "граффито", из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

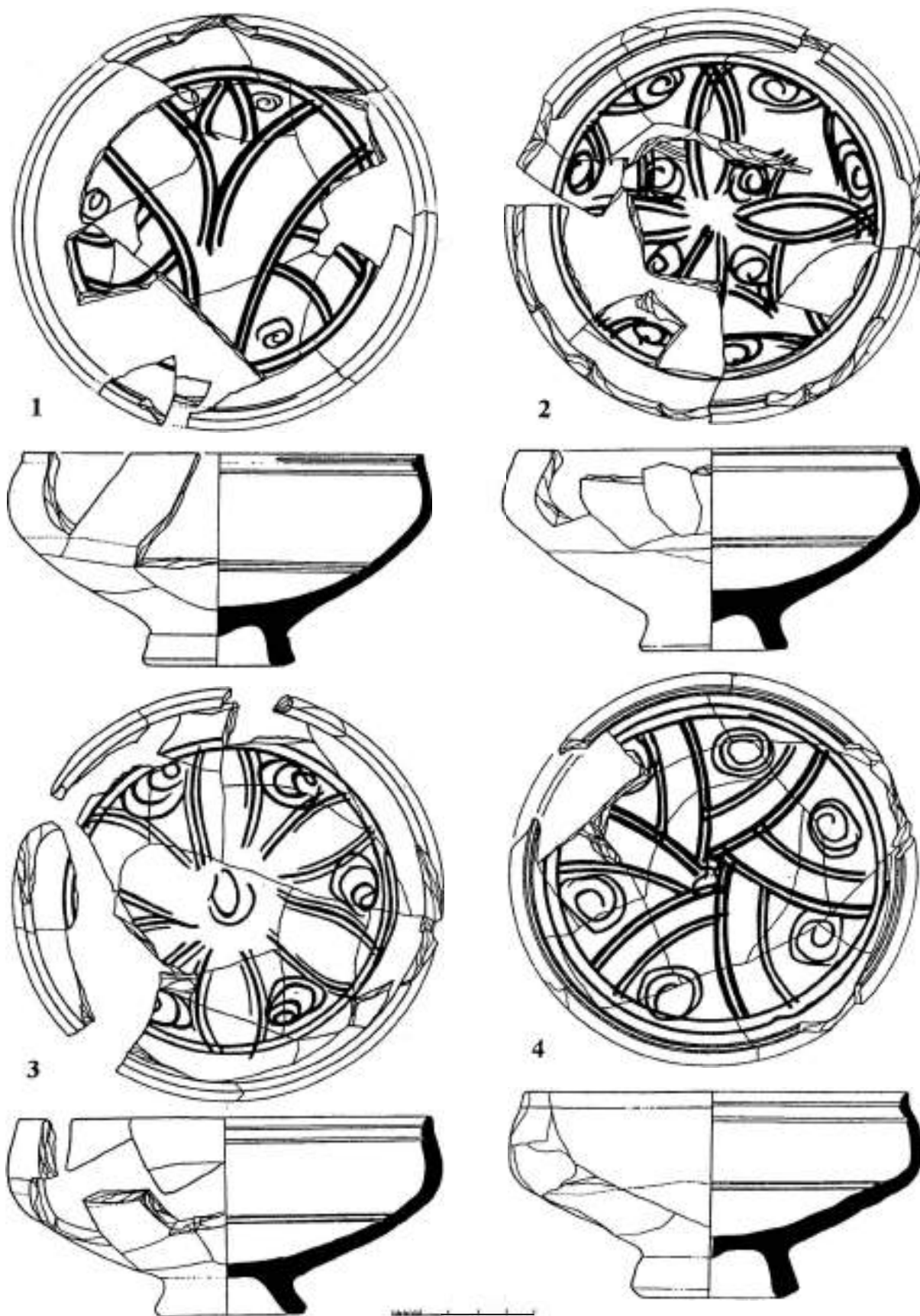

Рис. 340. Монохромные красноглиняные поливные чаши с орнаментом, выполненным в технике "сграффито", из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле: 1 - "лотос"; 2 - четырехлепестковая розетка; 4 - "сегнерово колесо"

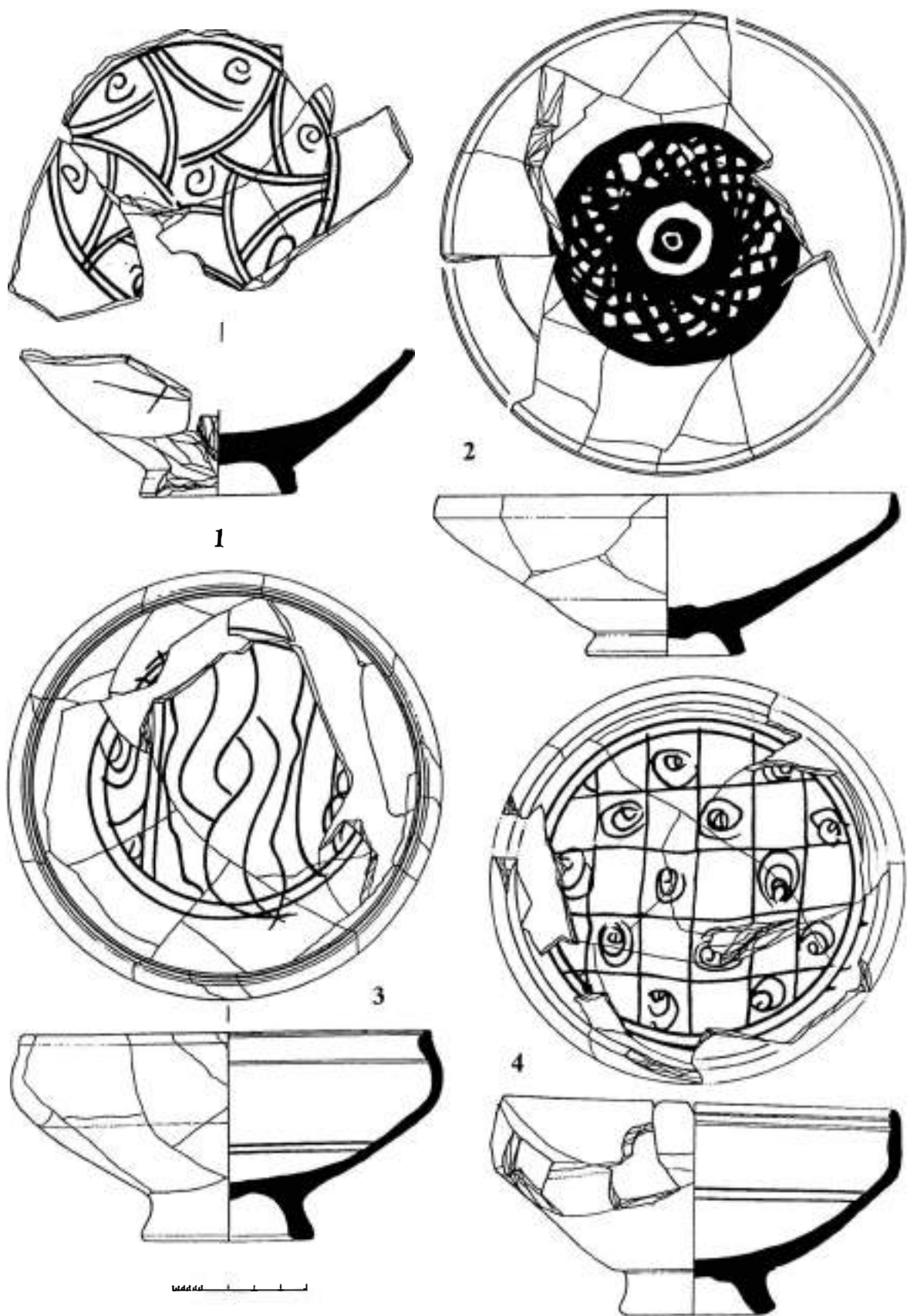

Рис. 341. Монохромные красноглиняные поливные чаши (1, 3, 4) и миска (2) с орнаментом, выполненным в технике "сграффито" и "резерва", из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле: 1 - "сегнерово колесо"; 3 - "сельджукская плетенка"; 2 - круг, заштрихованный косыми линиями; 4 - "шахматная доска"

Рис. 342. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

Рис. 343. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

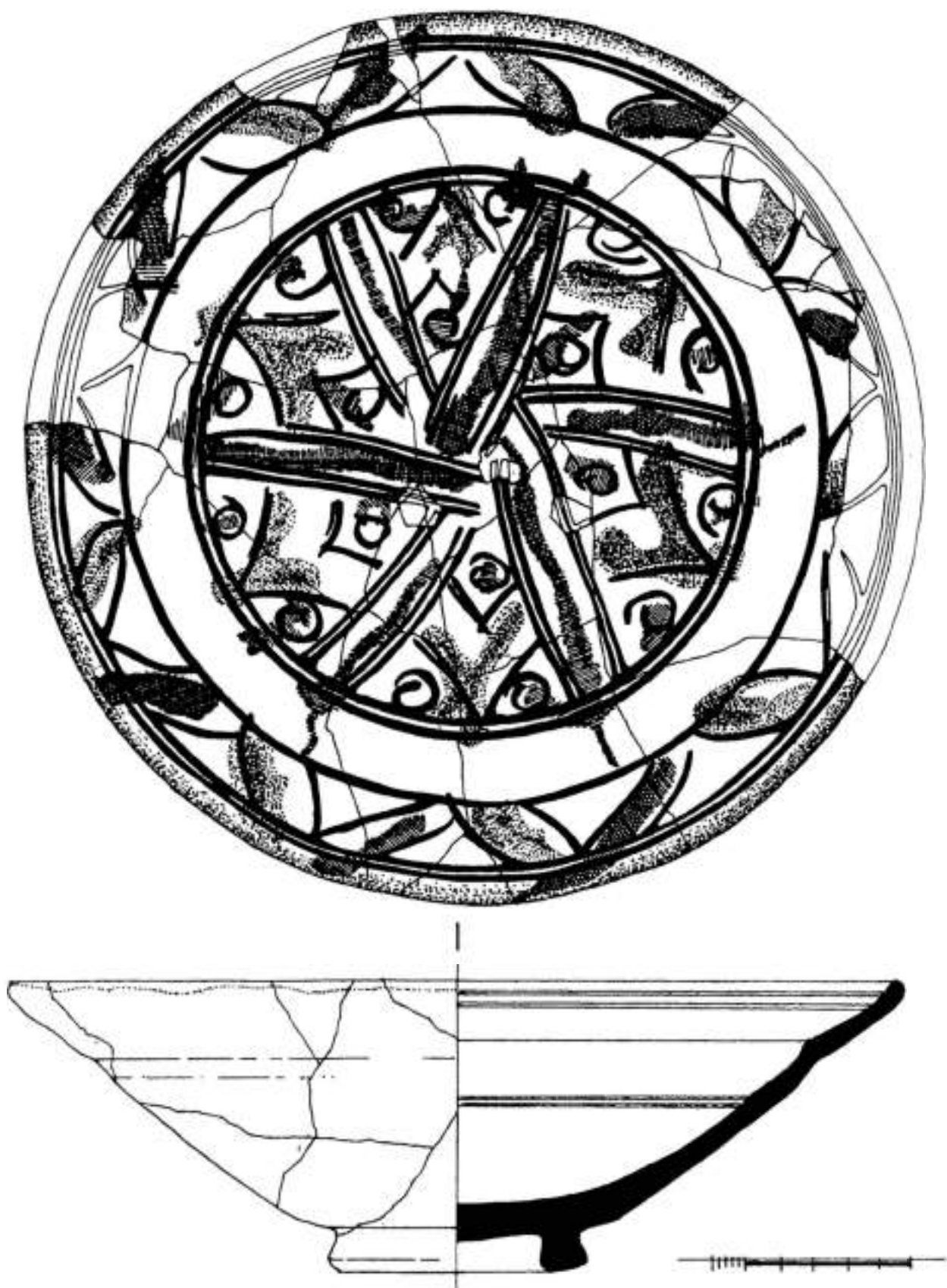

Рис. 344. Полихромное красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

Рис. 345. Полихромное поливное красноглиняное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

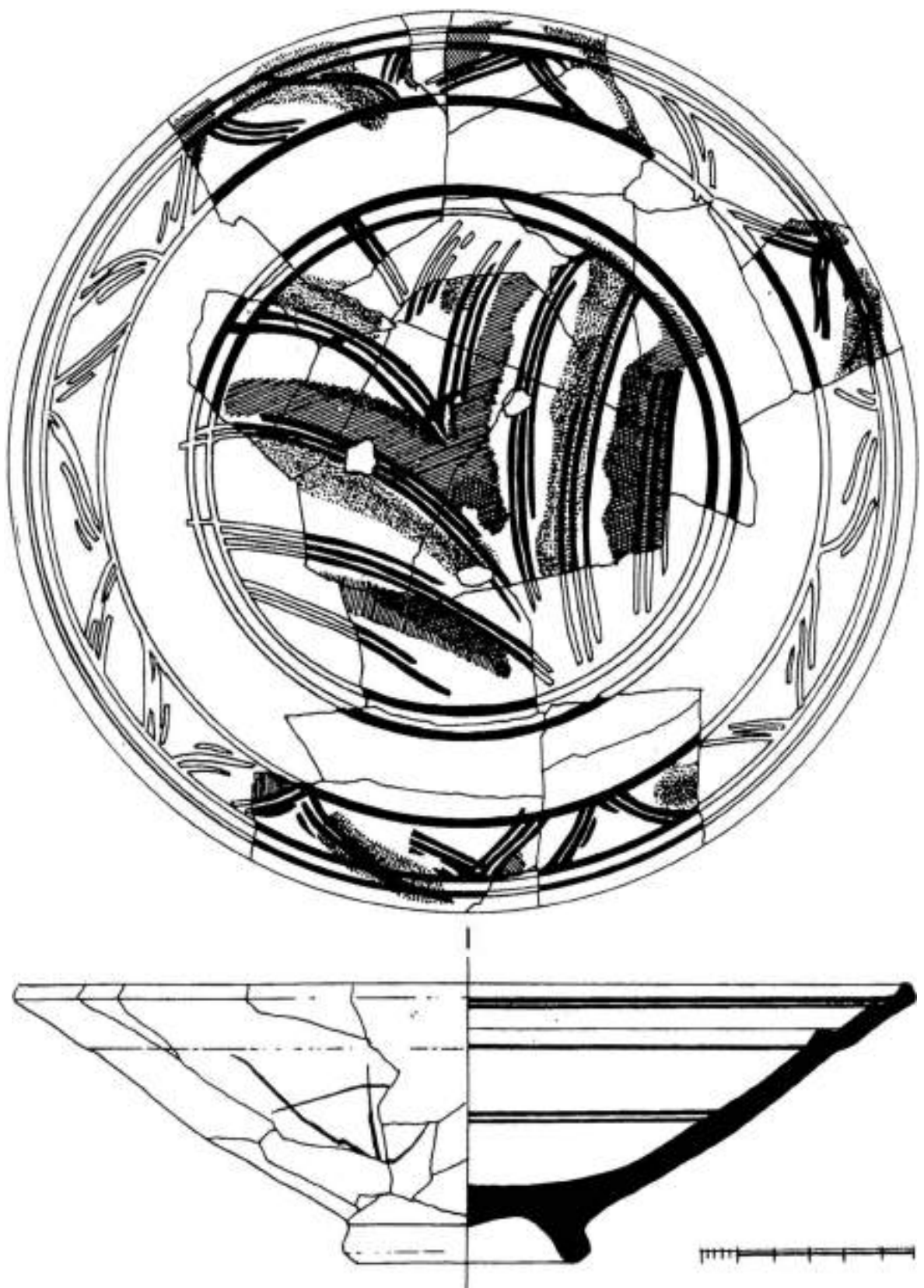

Рис. 346. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г. в башне Орта-Куле

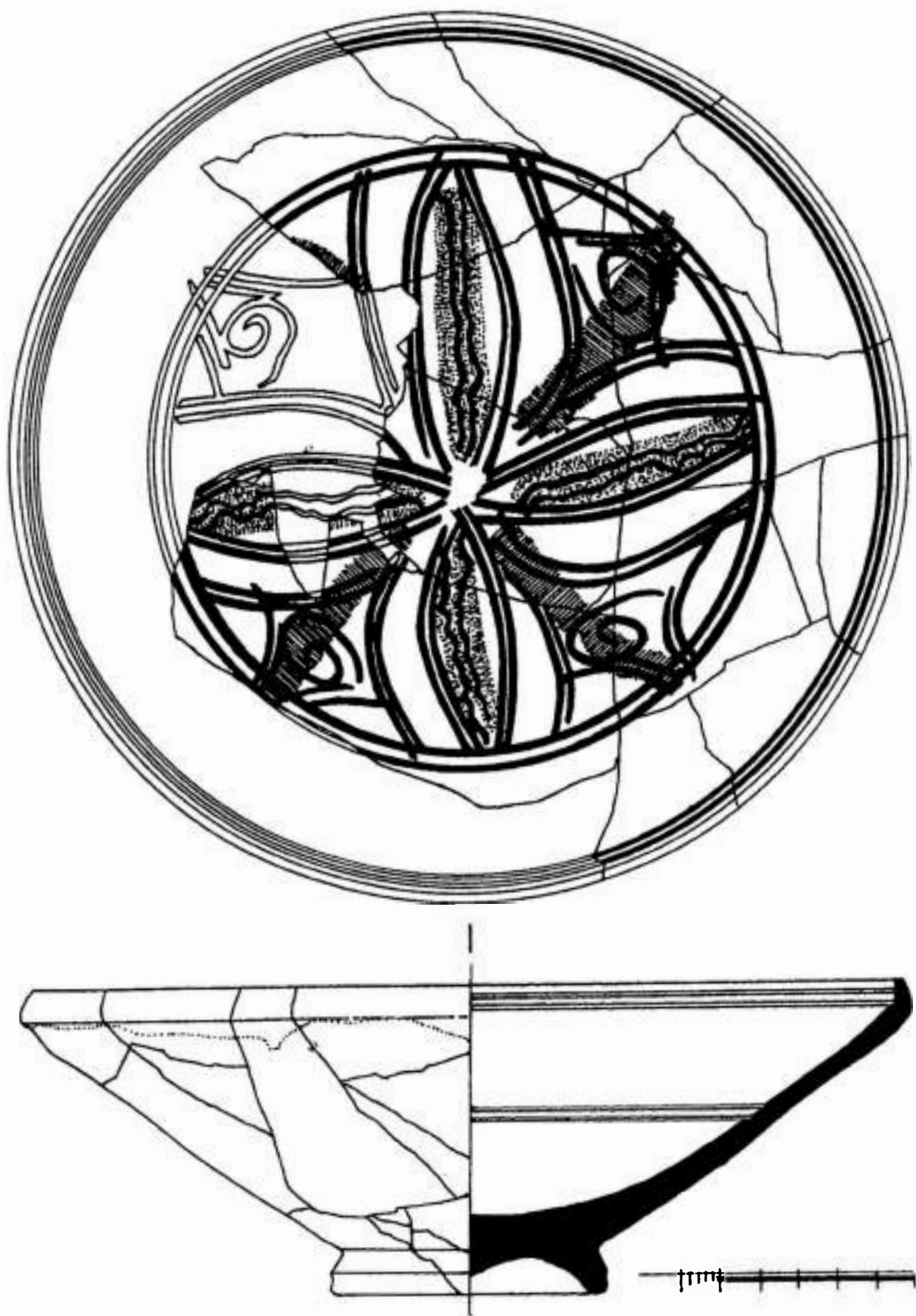

Рис. 347. Полихромная красноглиняная поливная тарелка XV в. из светло-серого рыхлого грунта (гл. 2,20 м) заполнения башни Орта-Куле

Рис. 348. Красноглиняное поливное блюдо с изображением голубя из слоя пожара 1475 г. в башне Орта-Куле

Рис. 349. Красноглиняное поливное полихромное блюдо с изображением голубя, клюющего "звезду", из слоя пожара 1475 г. в башне Орта-Куле

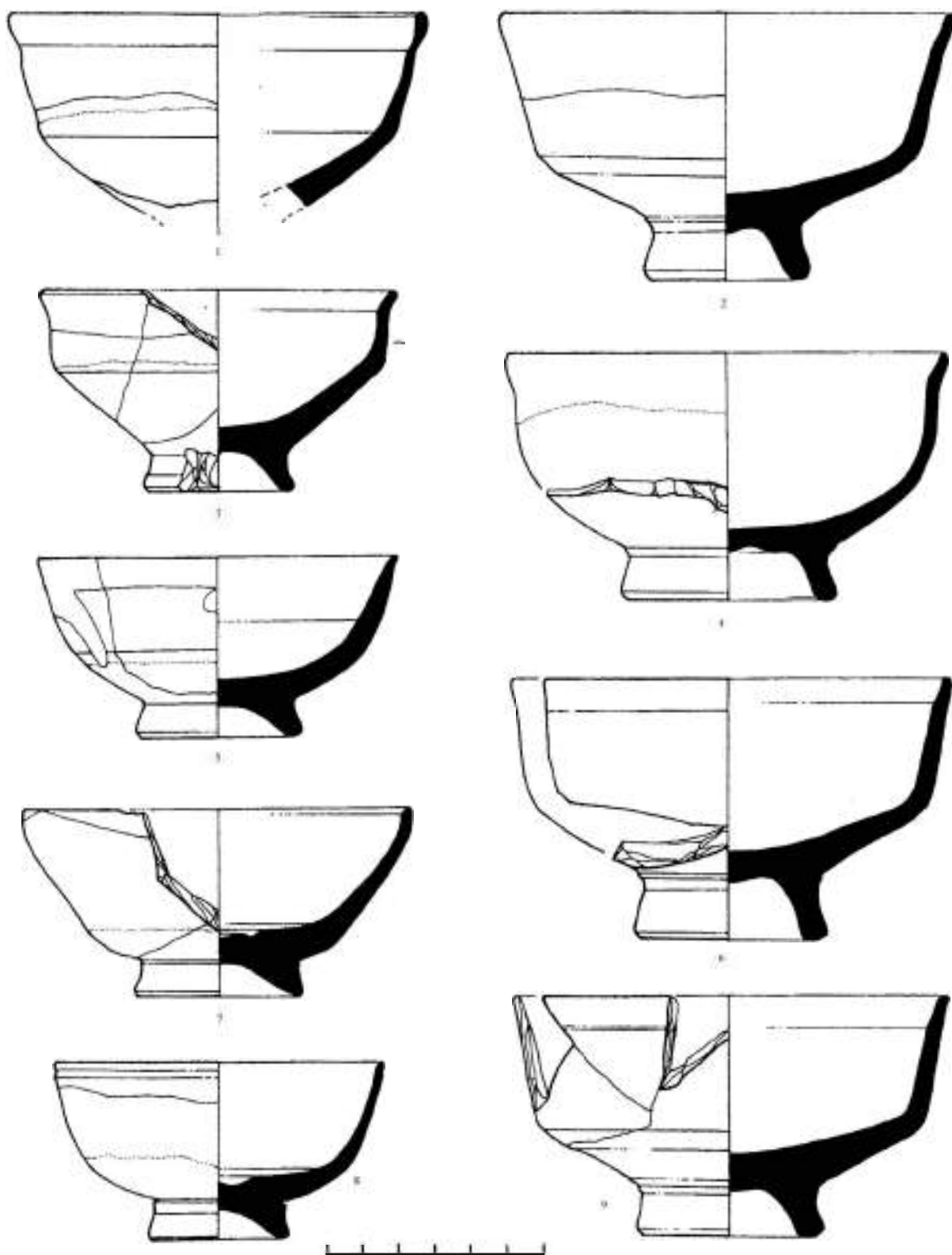

Рис. 350. Красноглиняные чаши с монохромной (светло-зелёной) поливой из заполнения башни Орта-Куле (60 - 70-е гг. XV в.)

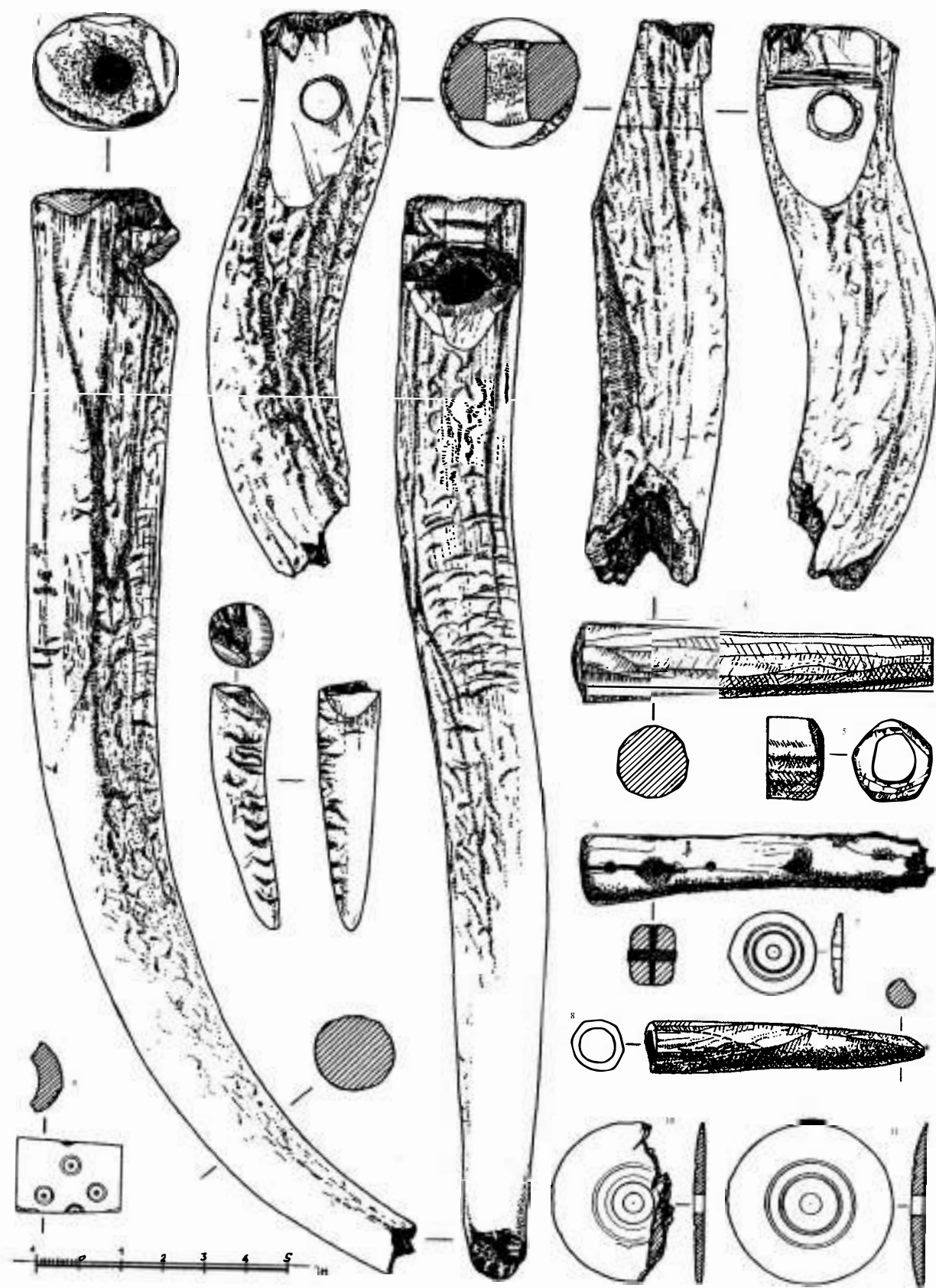

Рис. 351. Изделия из кости, обнаруженные в башне Орга-Куле

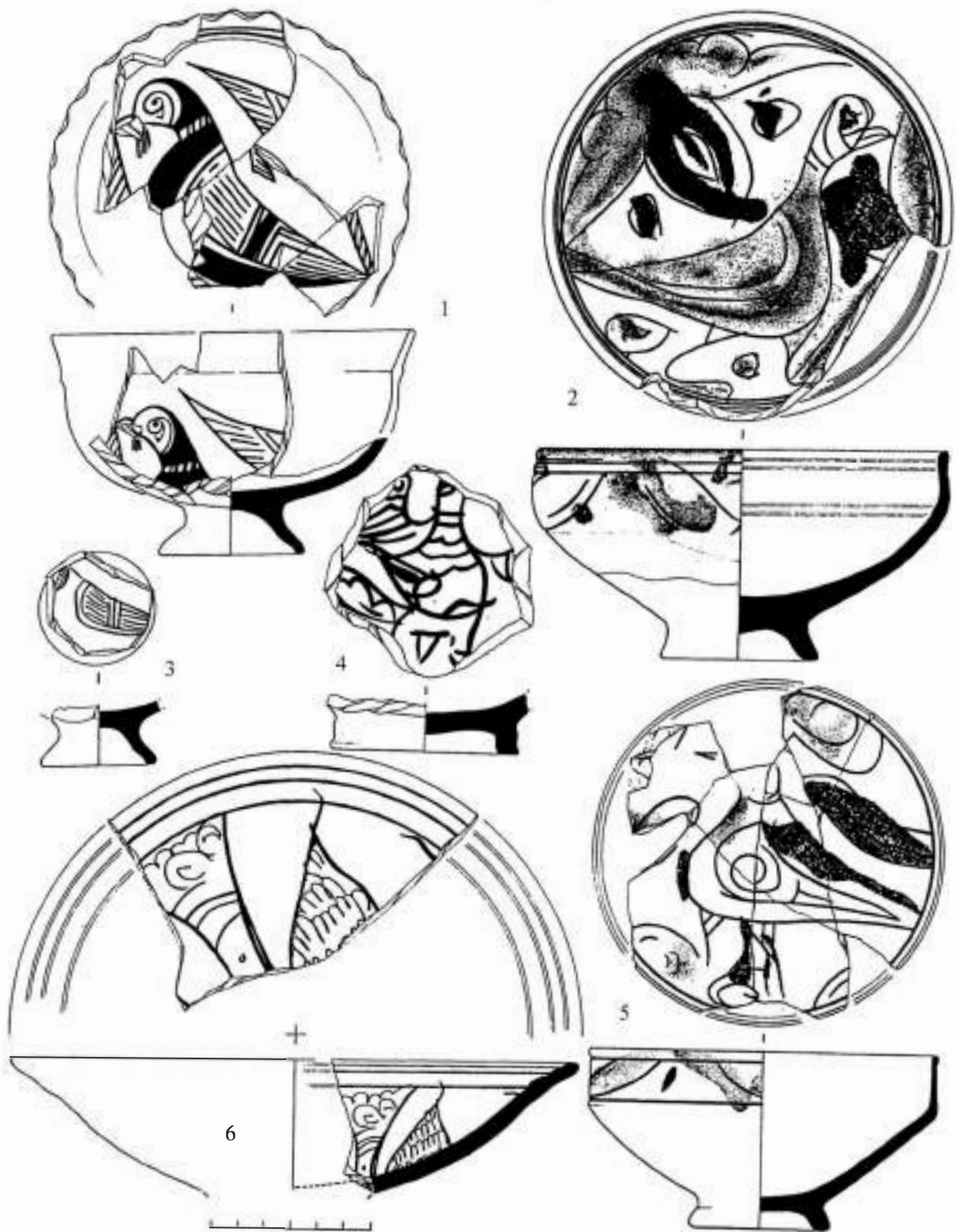

Рис. 352. Красноглиняные поливные сосуды второй половины XIV - XV в. с изображением голубя из раскопок генуэзской Лусты (1 -5) и Фуны (6)

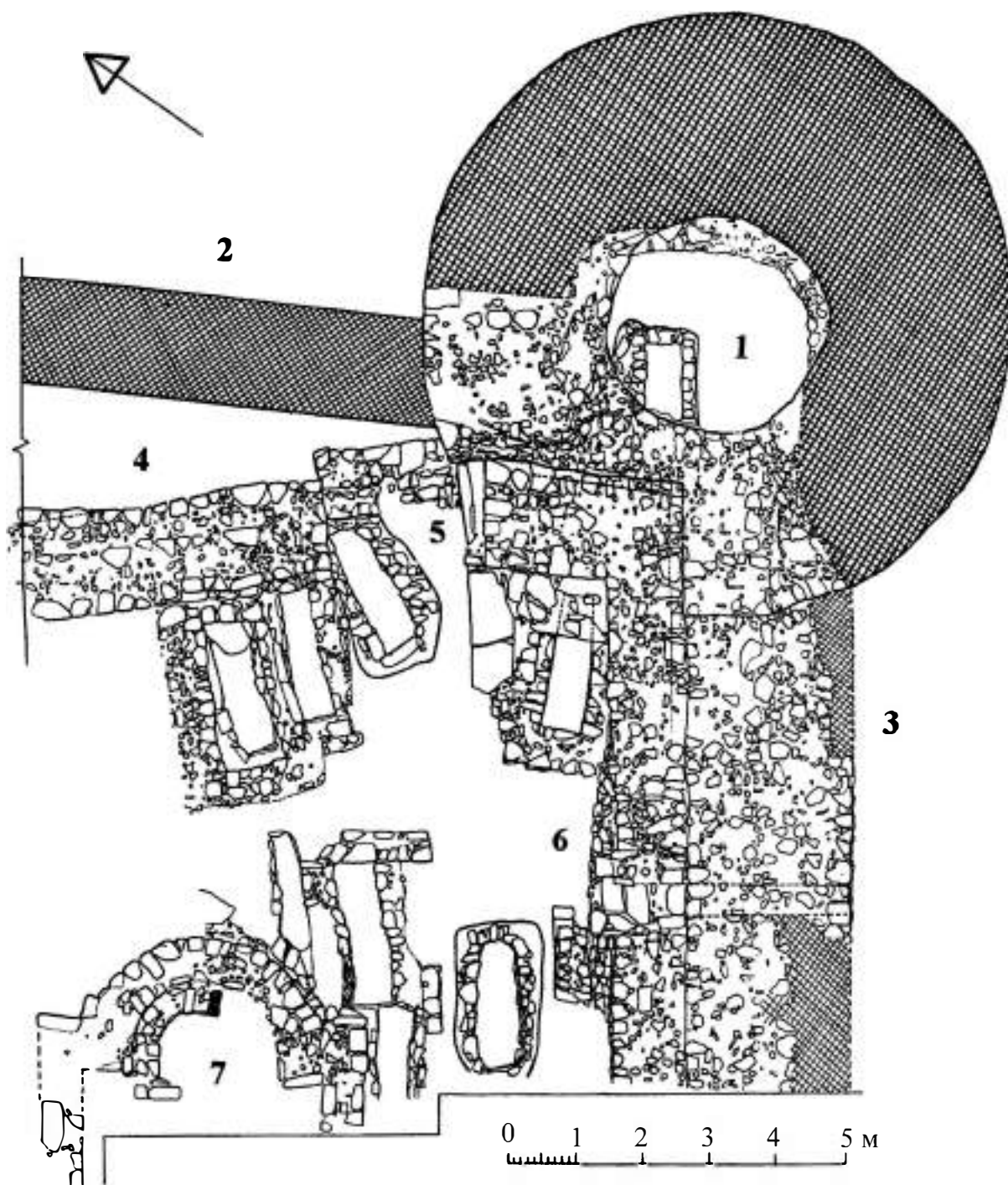

Рис. 353. Башня Ашага-Куле генуэзской Лусты (60-е гг. XV в.) с примыкающим к ней городским некрополем. План: 1 - башня; 2 - 3 - куртины (60-е гг. XV в.); 4, 6 - оборонительные стены первой половины XV в.; 5 - заклад входа в крепость; 7 - часовня

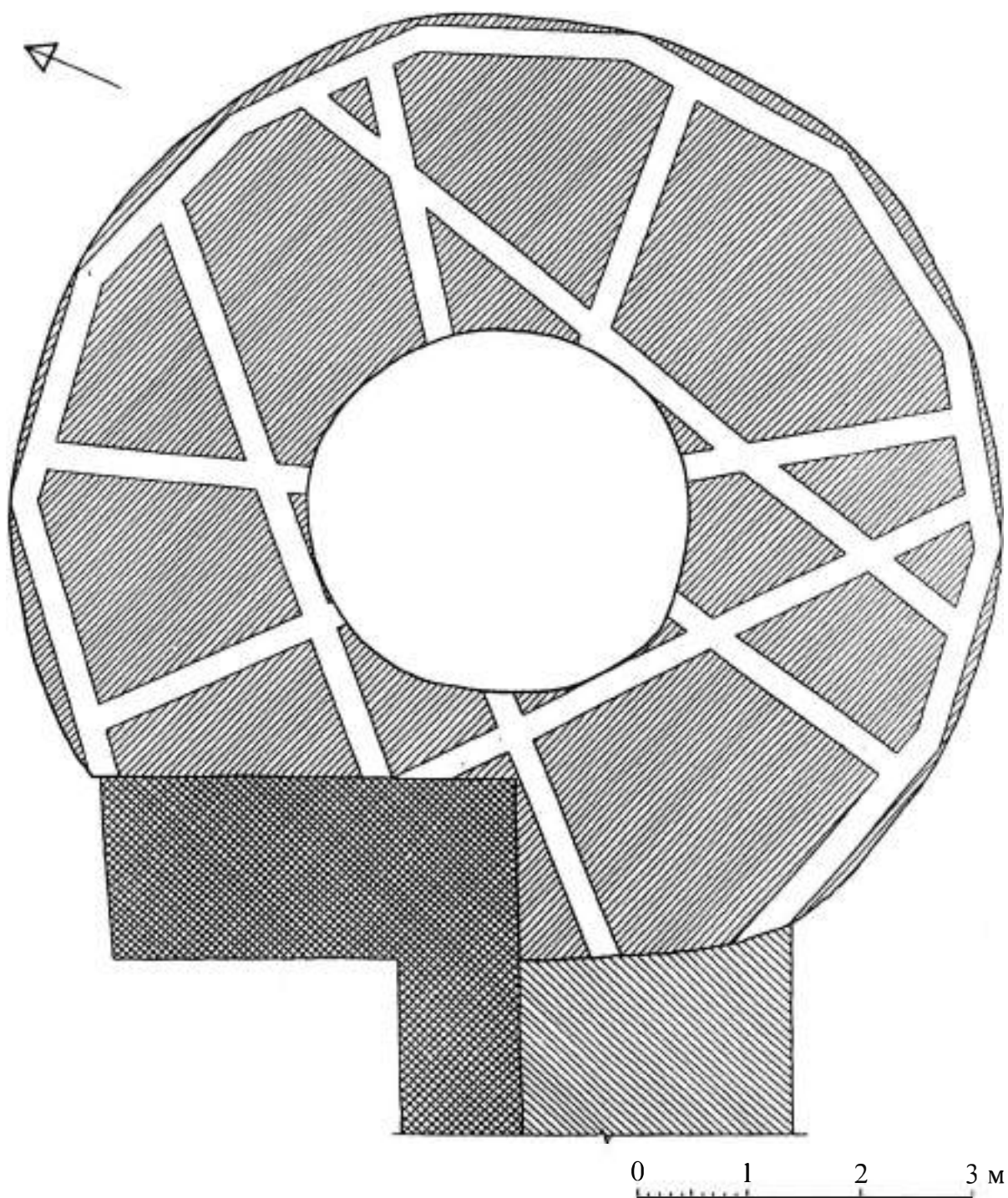

Рис. 354. План-схема расположения сантрачной системы в башне Ашага-Куле

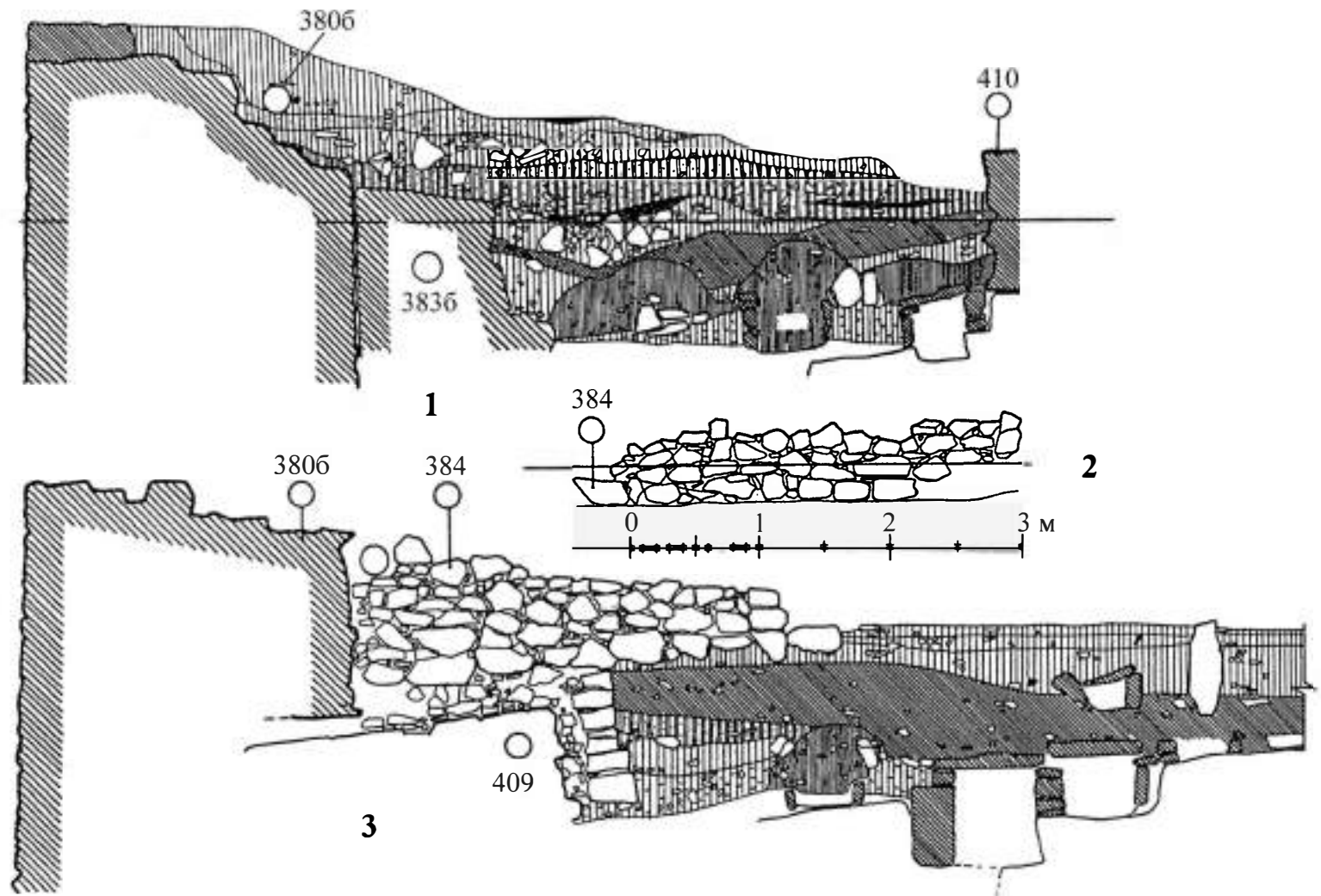

Рис. 355. Стратиграфия культурных напластований у башни Ашага-Куле

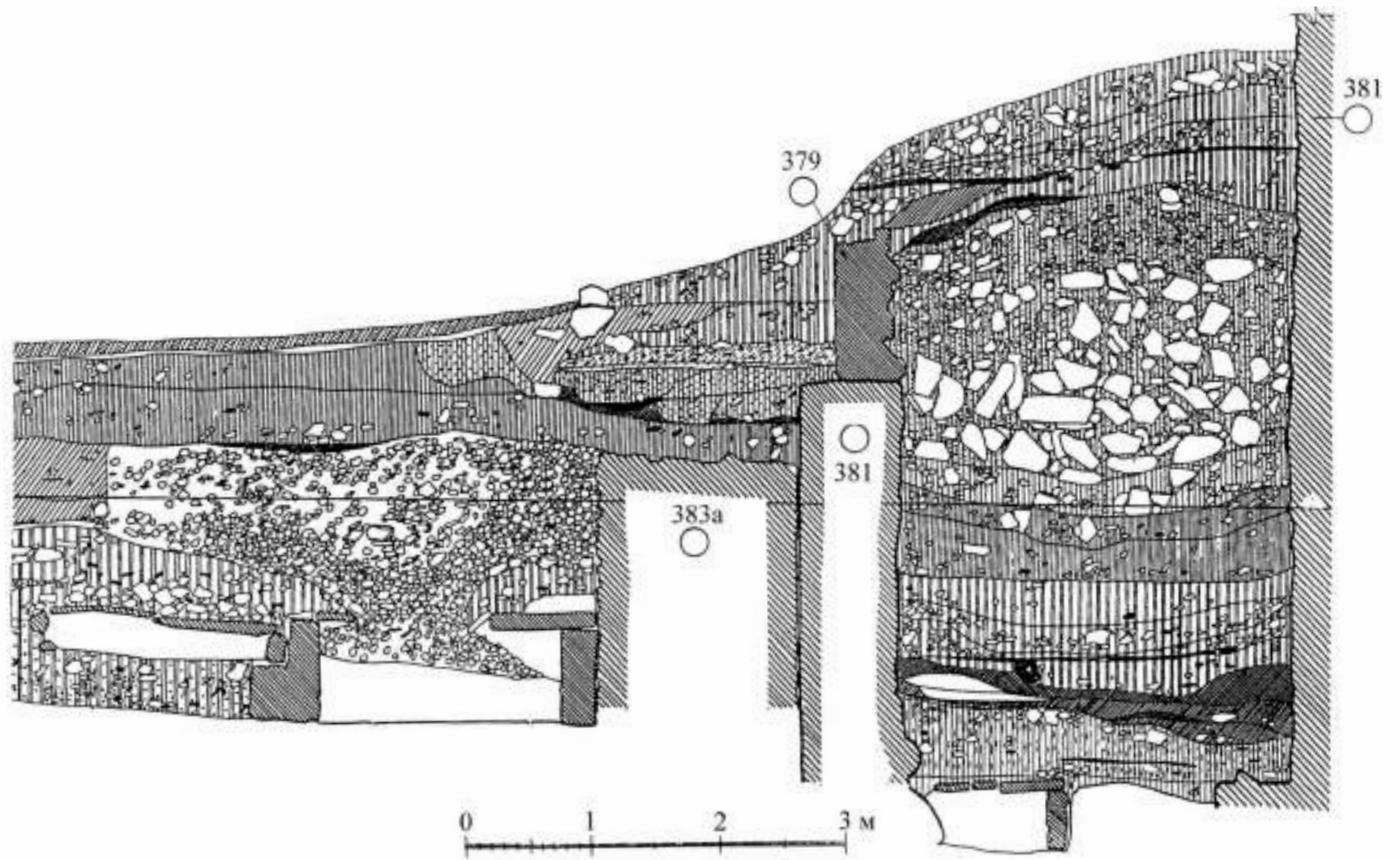

Рис. 356. Стратиграфия культурных напластований в башне Ашага-Куле и на примыкающем к ней с юго-запада участке

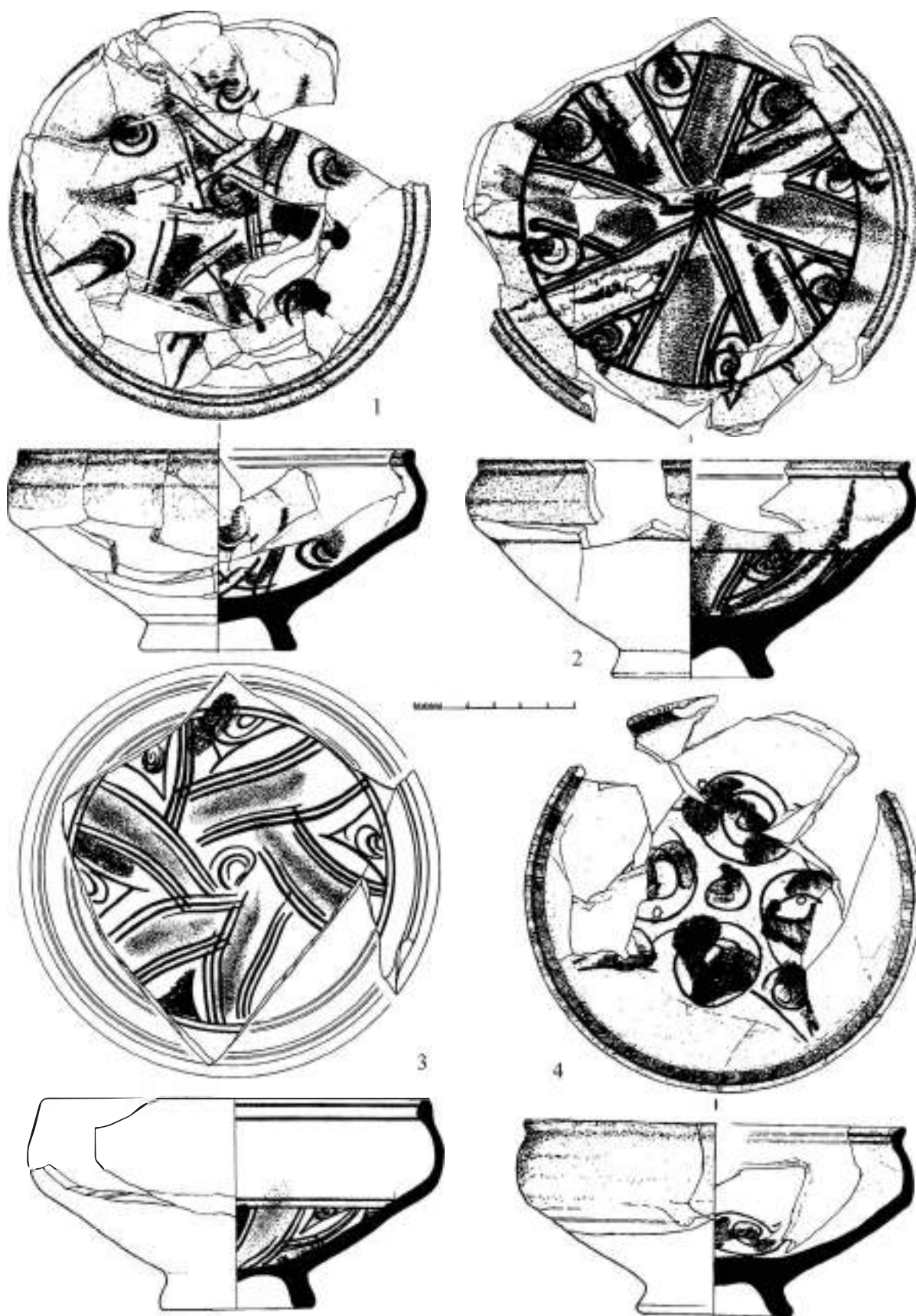

Рис. 357. Красноглиняные поливные чаши из слоя пожара 1475 г. в башне Ашага-Куле генуэзской Лусты

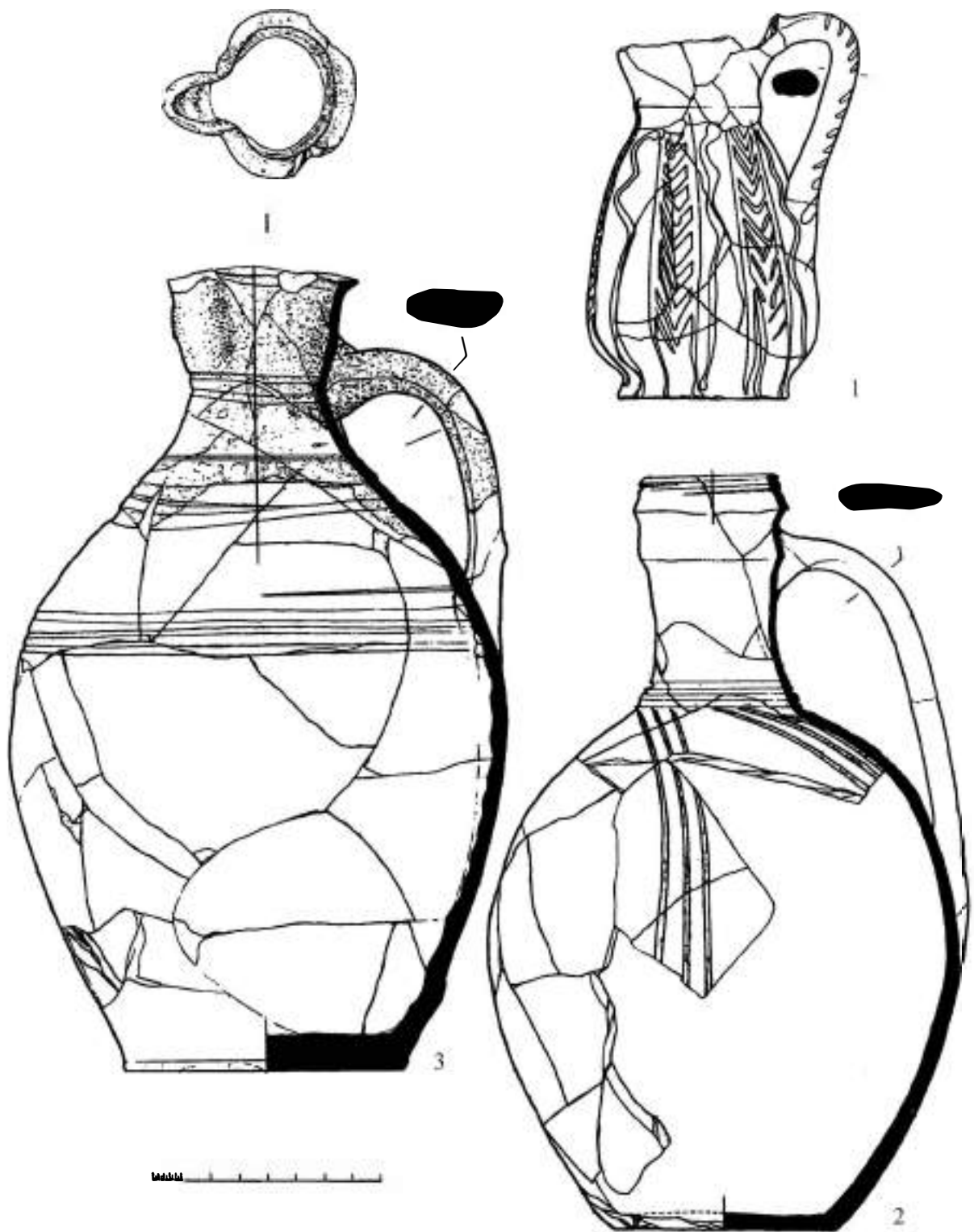

Рис. 358. Коричневоглиняные тонкостенные кувшины, украшенные белым ангобом (1, 2) и красноглиняный поливной кувшин из слоя пожара 1475 г. в башне Ашага-Куле

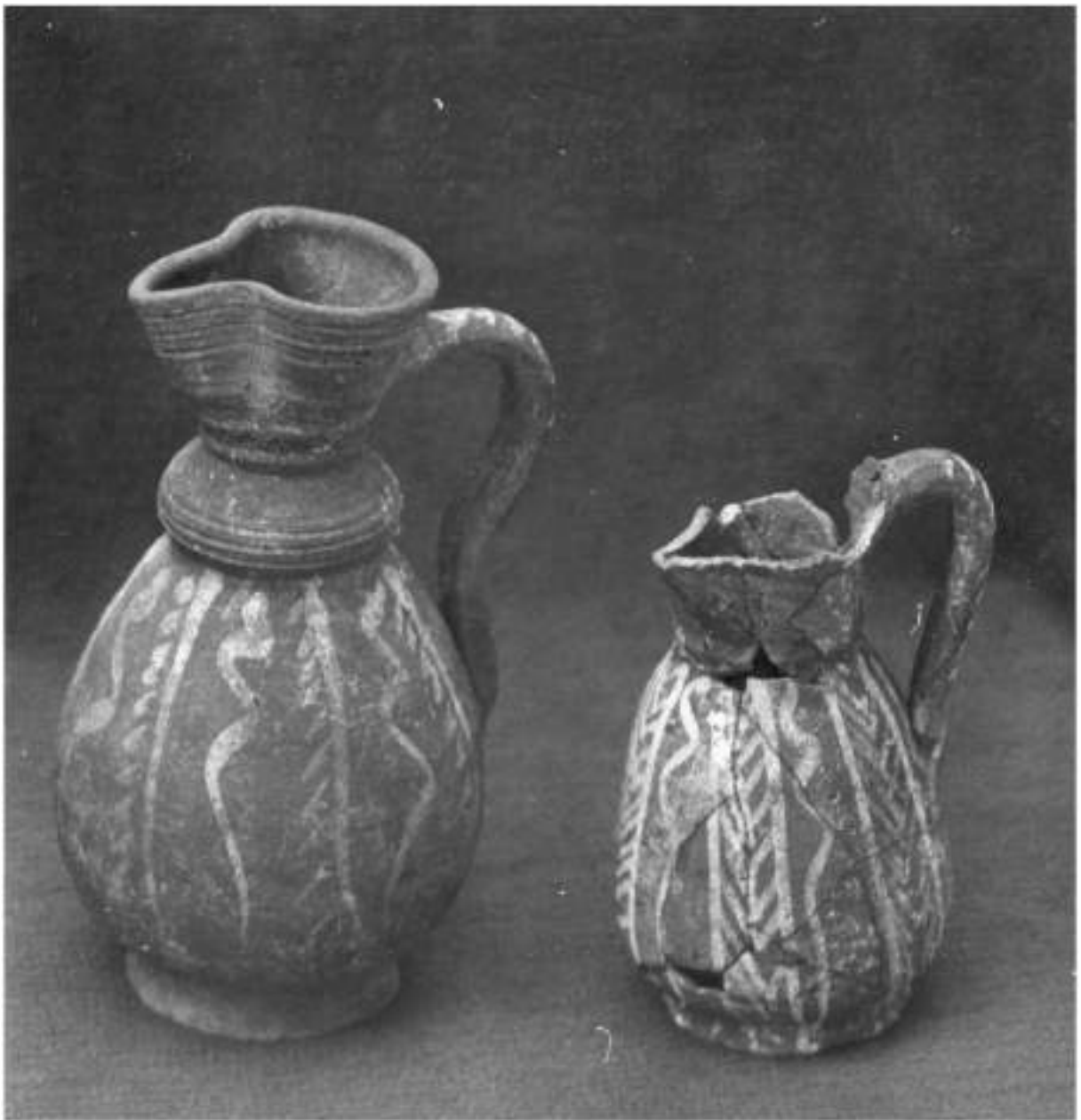

Рис. 359. Коричневоглиняные кувшины XV в. с ойнохоевидным горлом и росписью белым ангобом

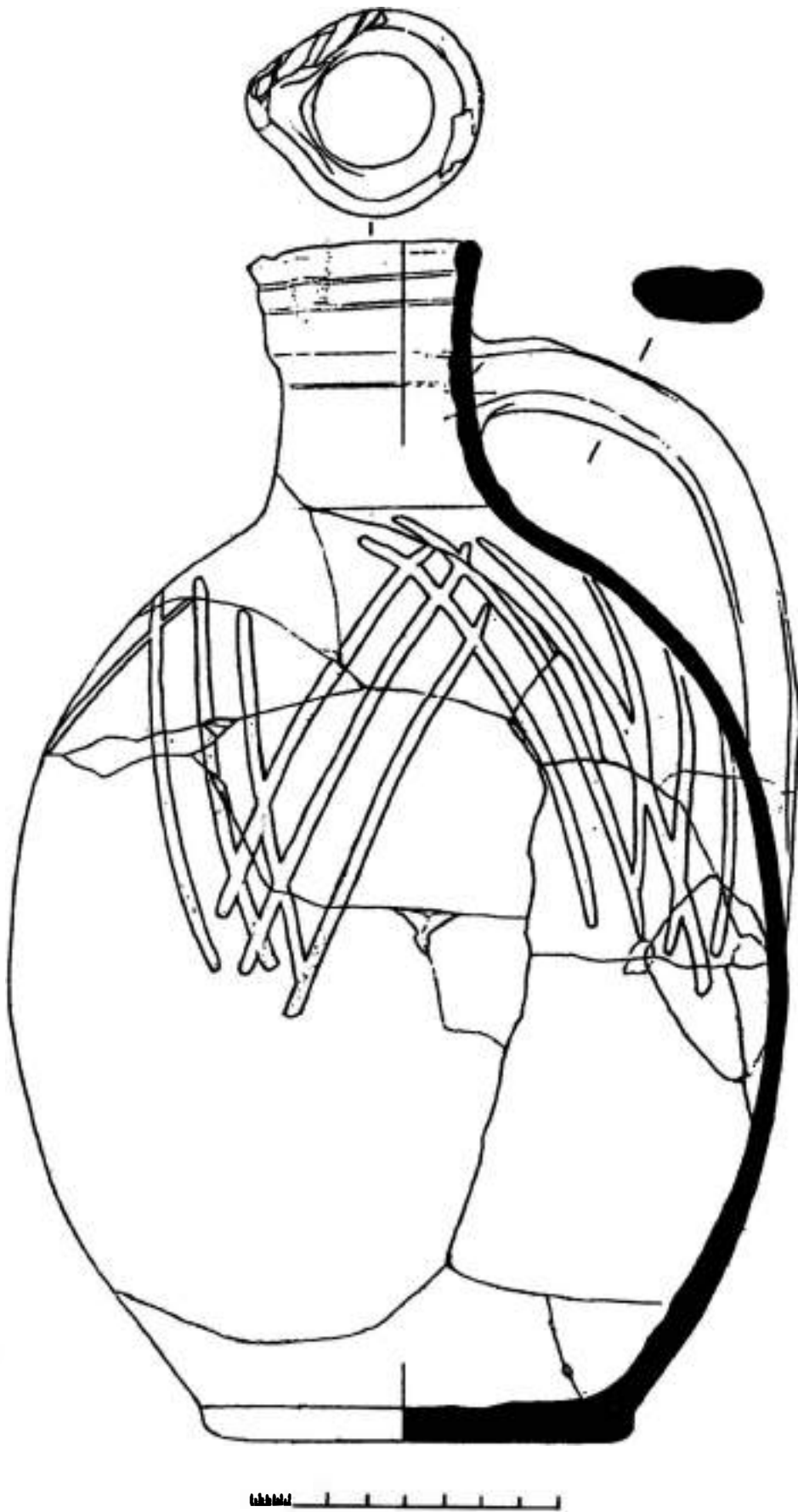

Рис. 360. Красноглиняный кувшин XV в. (?) с росписью белым ангобом

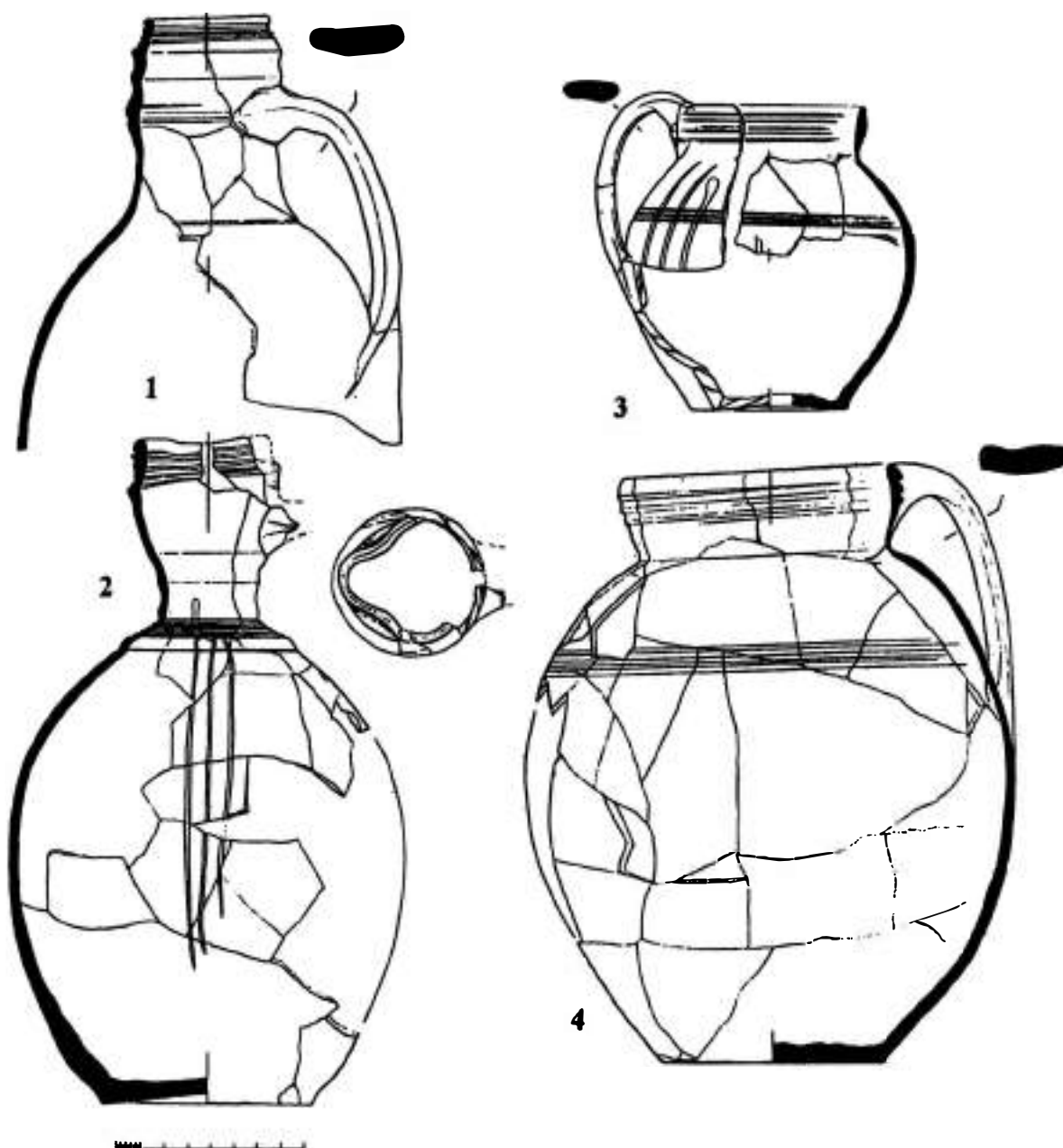

Рис. 361. Коричневоглиняные кувшины (1, 2) и горшки (3, 4) из слоя пожара 1475 г. в башне Ашага-Куле

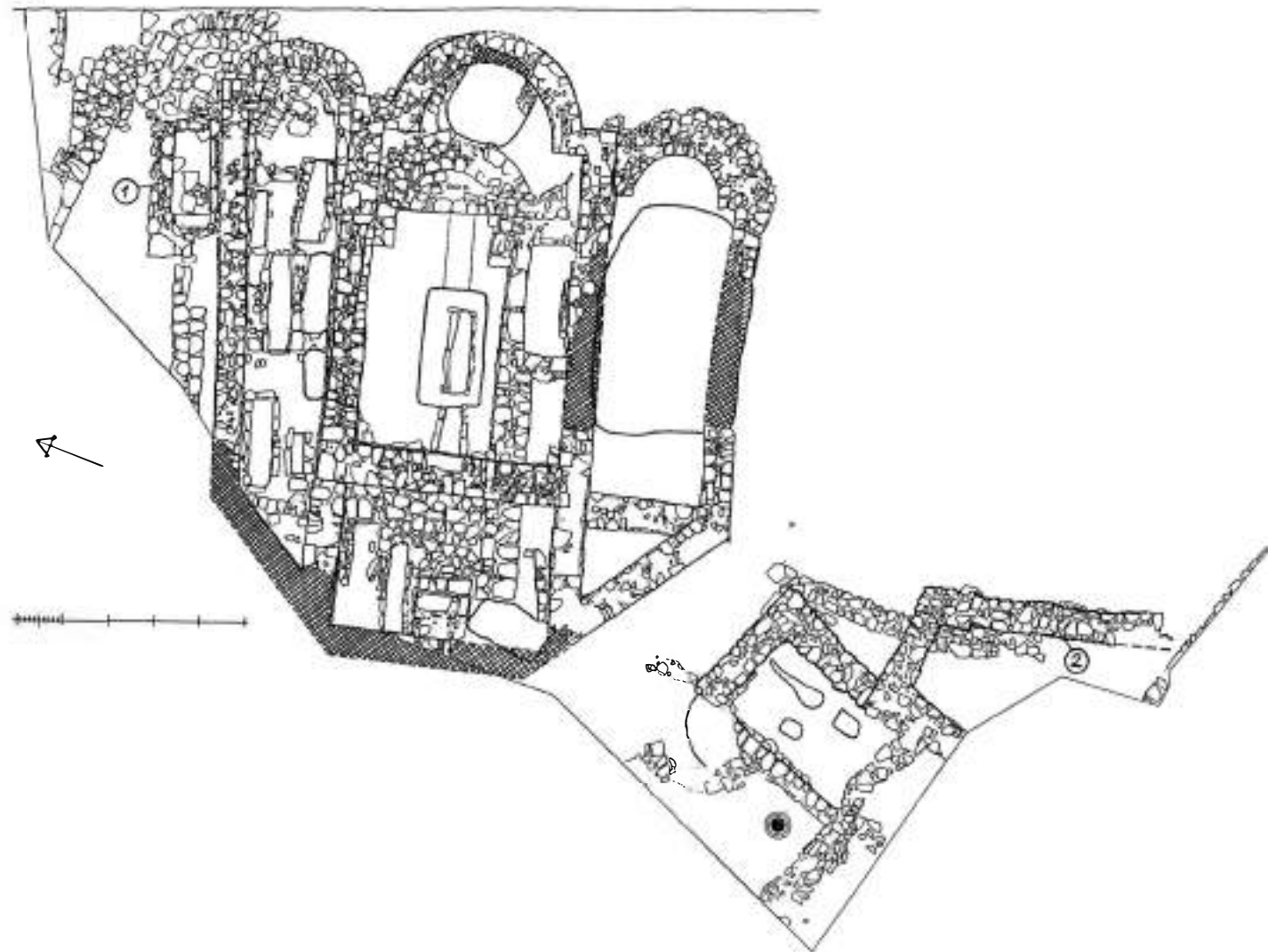

Рис. 362. Храм в цитадели крепости Алустон с примыкающим участком застройки XV в. План: 1 - место находки плиты с надписью 1404 г.; 2 - место находки кувшина с серебряными слитками

Рис. 363. Плита с надписью 1404 г. из раскопок (1987 г.) храма в цитадели генуэзской Лусты: 1 - фото; 2 - прорисовка

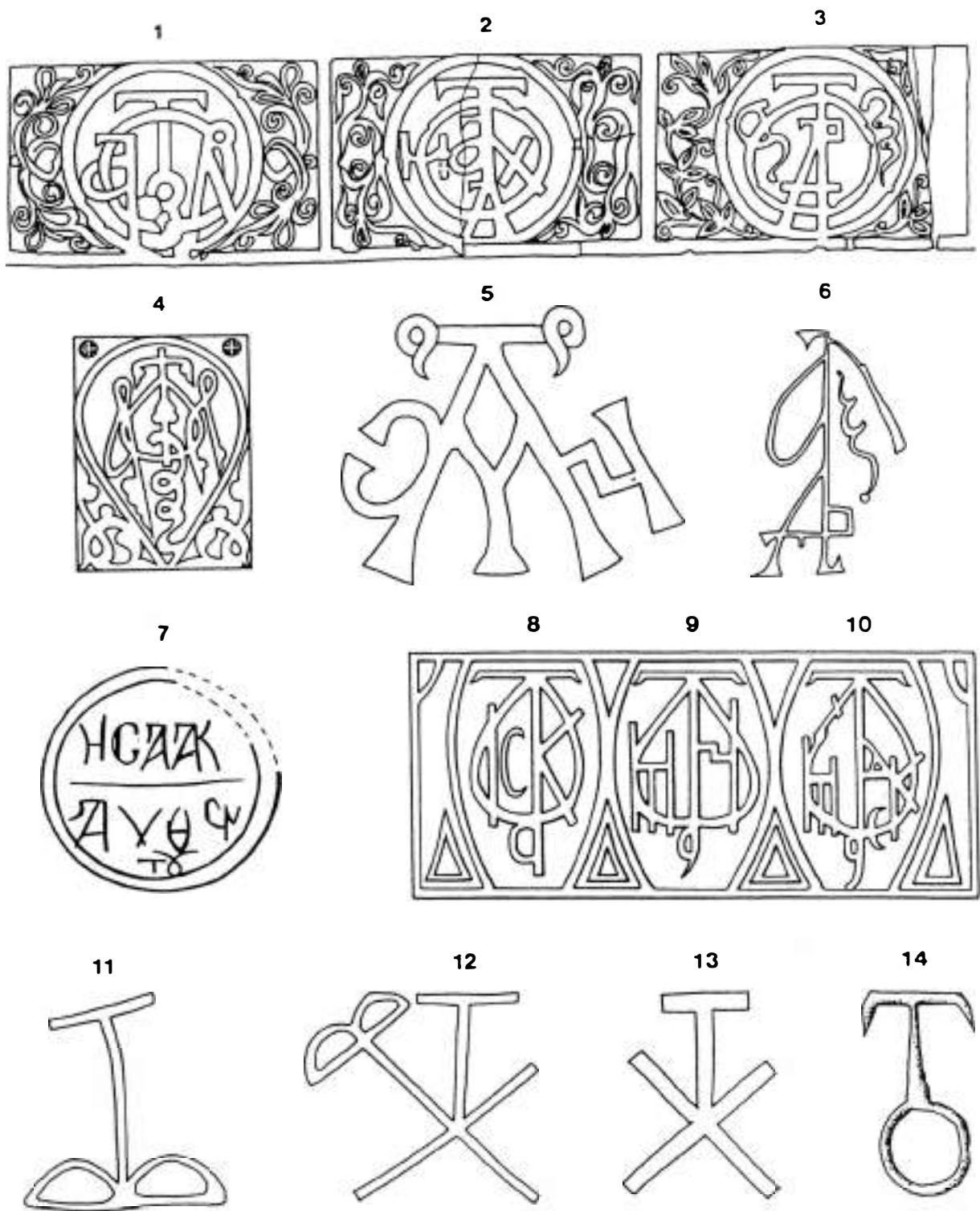

Рис. 364. Монограммы правителей Феодоро и Готии 20 - 70-х гг. XV в. (по В.П. Кирилко, 1999, с. 140, рис. 2)

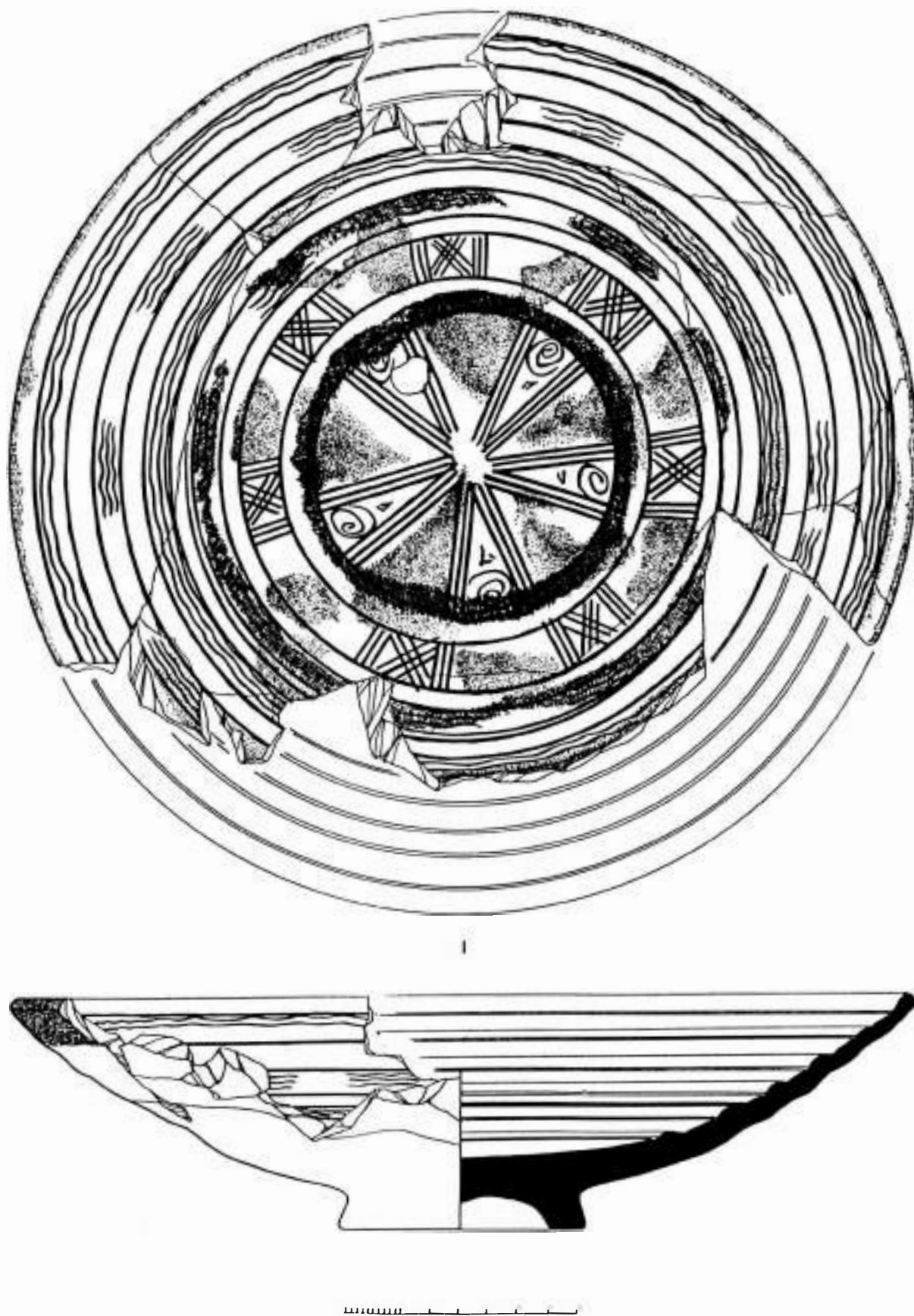

Рис. 365. Красноглиняное поливное блюдо второй половины XV в. из раскопок генуэзской Лусты

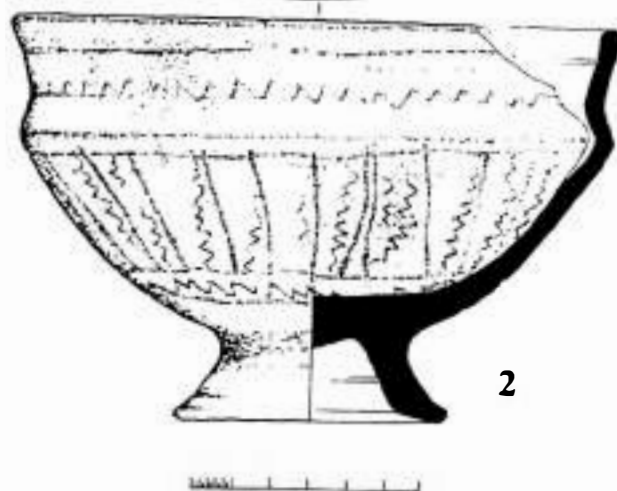
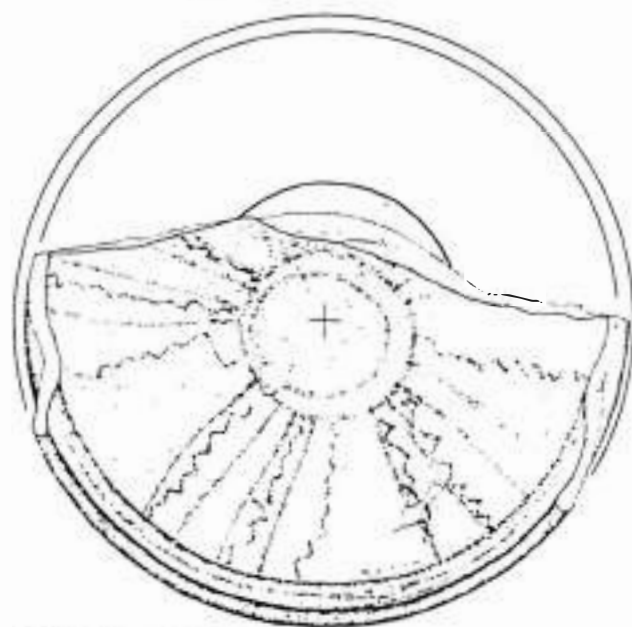
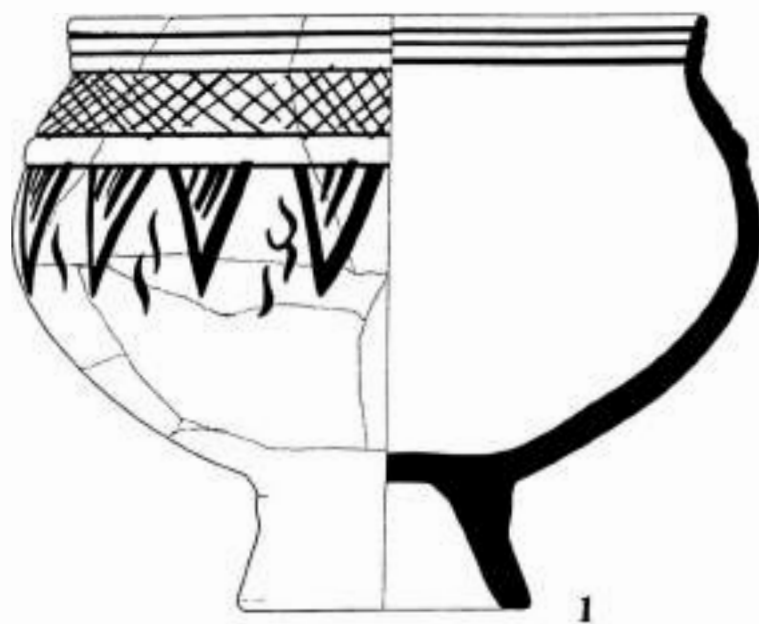

Рис. 366. Красноглиняные поливные чаши XV в. на высоких кольцевых поддонах из раскопок генуэзской Лусты

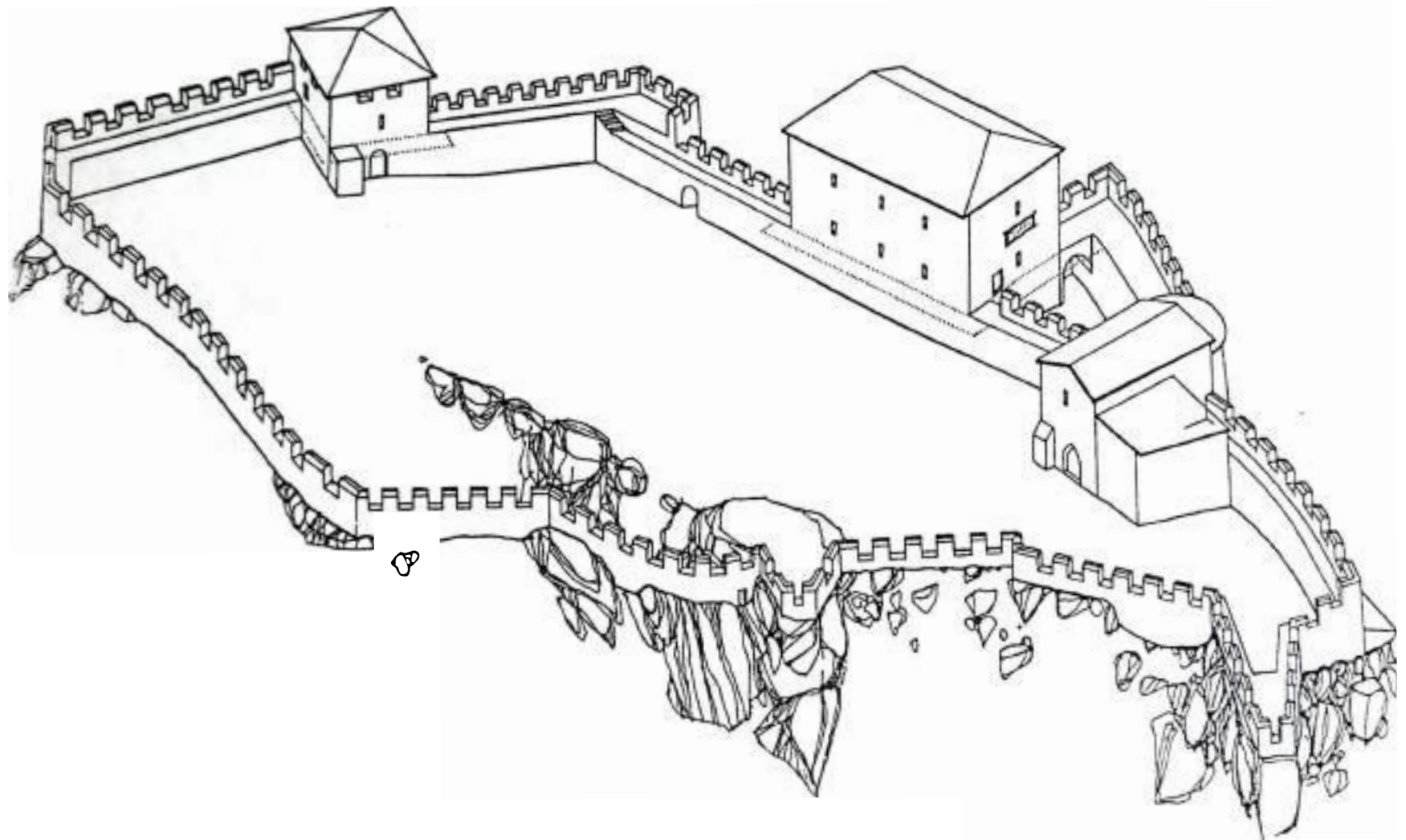

Рис. 367. Замок у селения Фуна в 1459 - 1475 гг. Вид с юго-запада (реконструкция В.П. Кирилко)

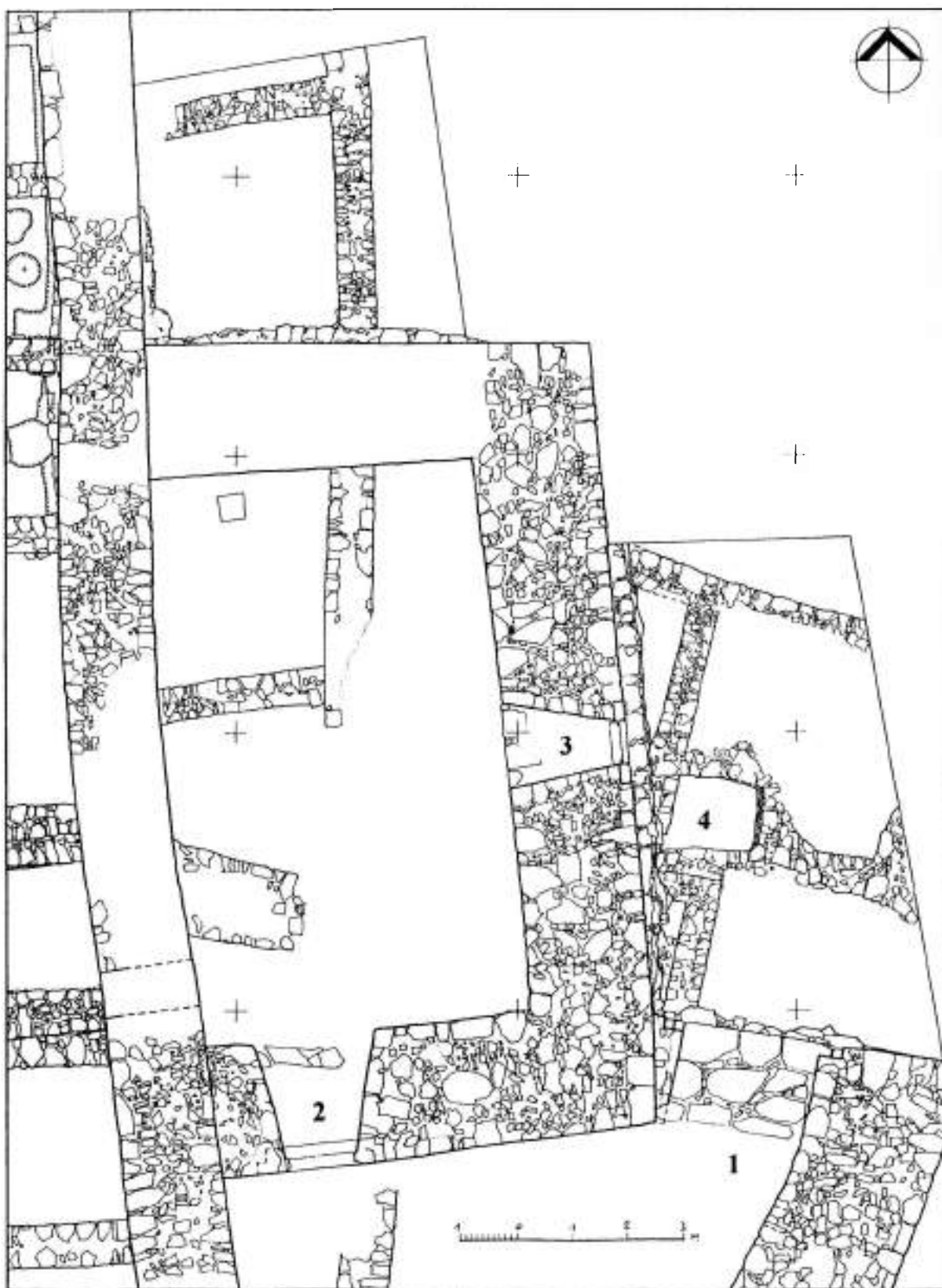

Рис. 368. Донжон замка у селения Фуна 1459 г. План: 1 - новый вход в замок; 2 - вход в донжон; 3 - амбразура подножного боя; 4 - выгребная яма

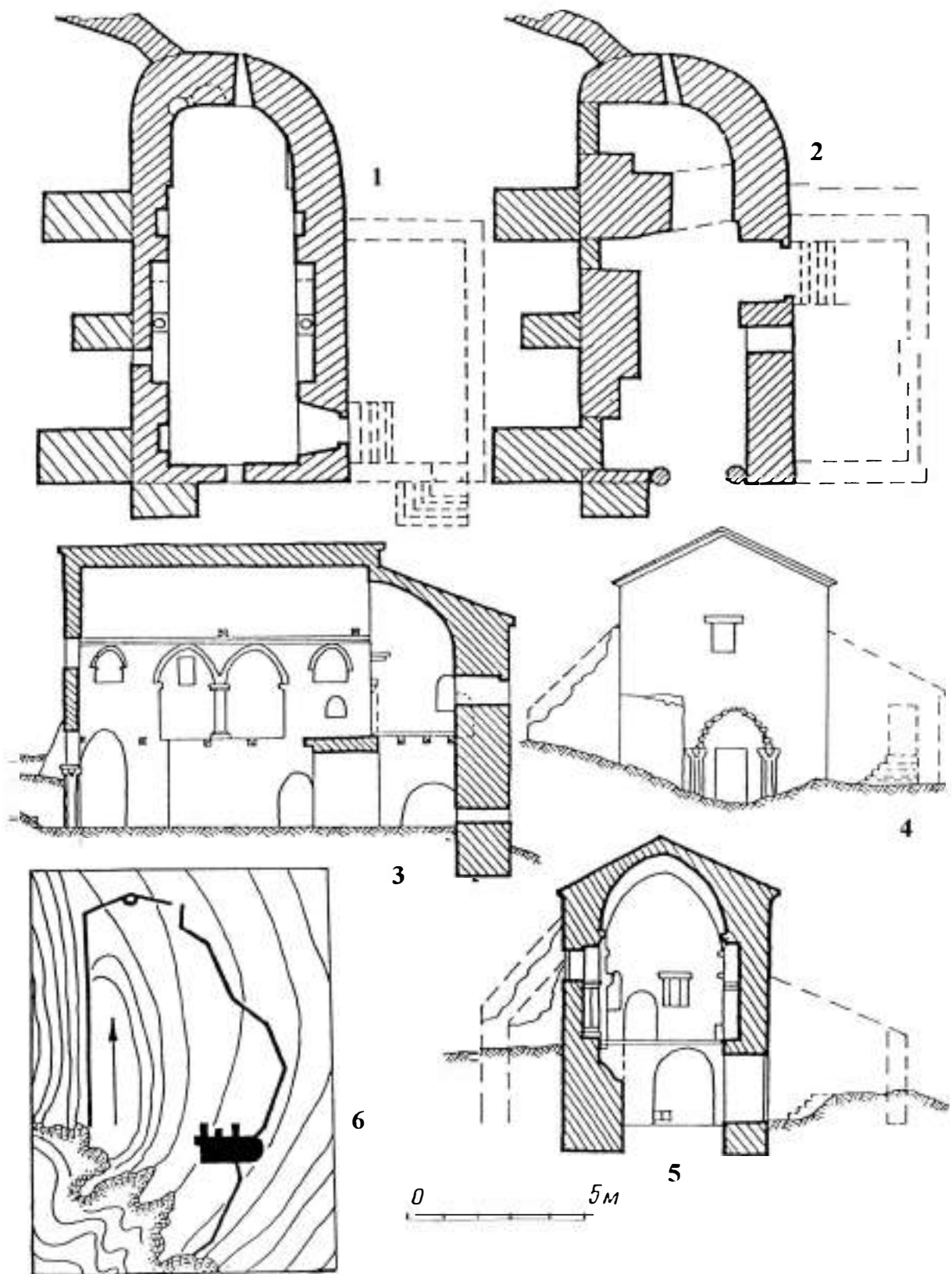

Рис. 369. Двухэтажный храм замка у селения Фуна 1459 г.: 1 - план второго этажа; 2 - план нижнего этажа; 3 - продольный разрез здания; 4 - западный фасад церкви; 5 - поперечный разрез; 6 - место находки плиты с надписью (по А.Л. Бертъе-Делагарду, 1889, л. 31, 32)

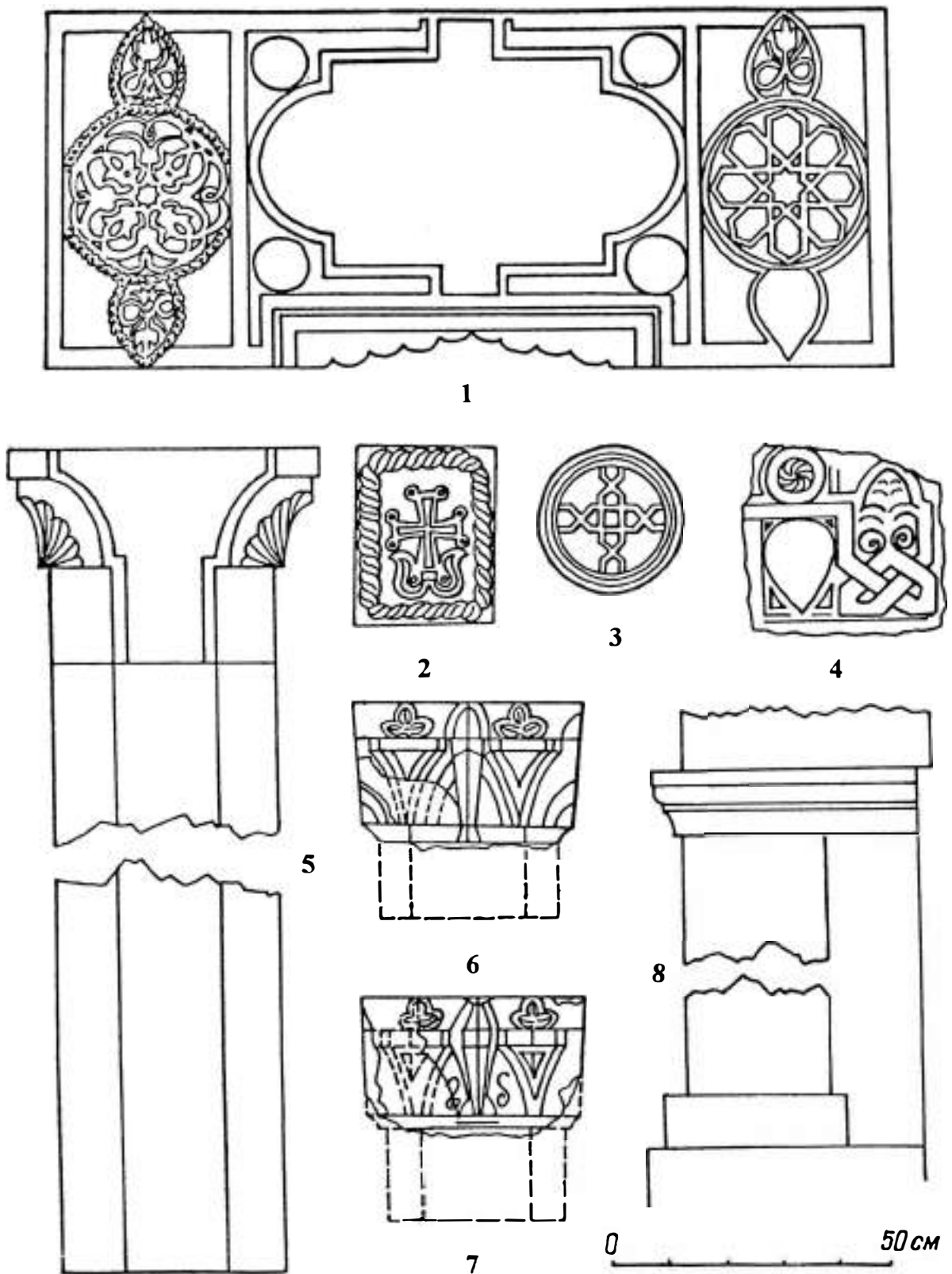

Рис. 370. Архитектурные детали храма: 1 - архитравная плита южного входа; 2 - процветший крест; 3 - розетка; 4 - фрагмент архитравной плиты 1459 г. (изготовлена из надгробной стелы); 5 - капитель и колонна; 6, 7 -капители; 8 - колонна внутри храма

Рис. 371. Руины крепостных ворот 1423 г. и въездной башни второй четверти XV в. (вид с юго-запада). Современное состояние

Рис. 372. Руины храма замка Фуны (1459 г.). Вид с северо-запада: 1 - северная стена нижнего этажа храма; 2 - проход в северо-западном углу нижнего этажа храма

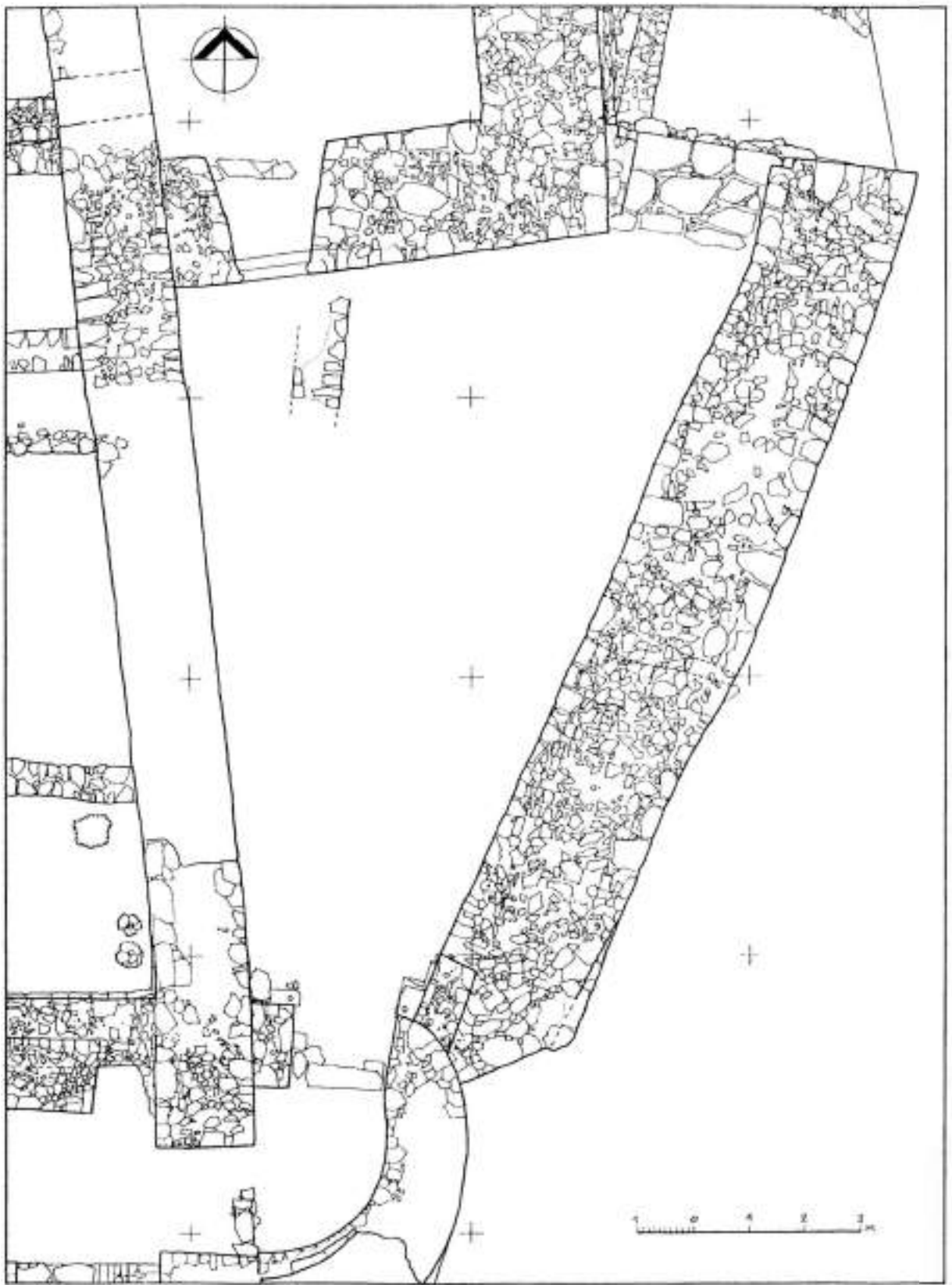

Рис. 373. Крепостные ворота и дворик ("захаб") между донжоном и церковью 1459 г.

Рис. 374. Внутренний дворик ("захаб") между донжоном и церковью 1459 г.
Вид с севера

Рис. 375. Крепостная стена, прикрывающая с юго-востока крепостной дворик.
Вид с юга

Рис. 376. Туалет в крепостной стене 1459 г. Вид с запада

Рис. 377. Ниша для светильника(?) в крепостной стене 1459 г.

Рис. 378. Дворик между донжоном и церковью. Вид с северо-востока и со стороны входа

Рис. 379. Внешняя (носочная) стена донжона 1459 г. Вид с юго-востока

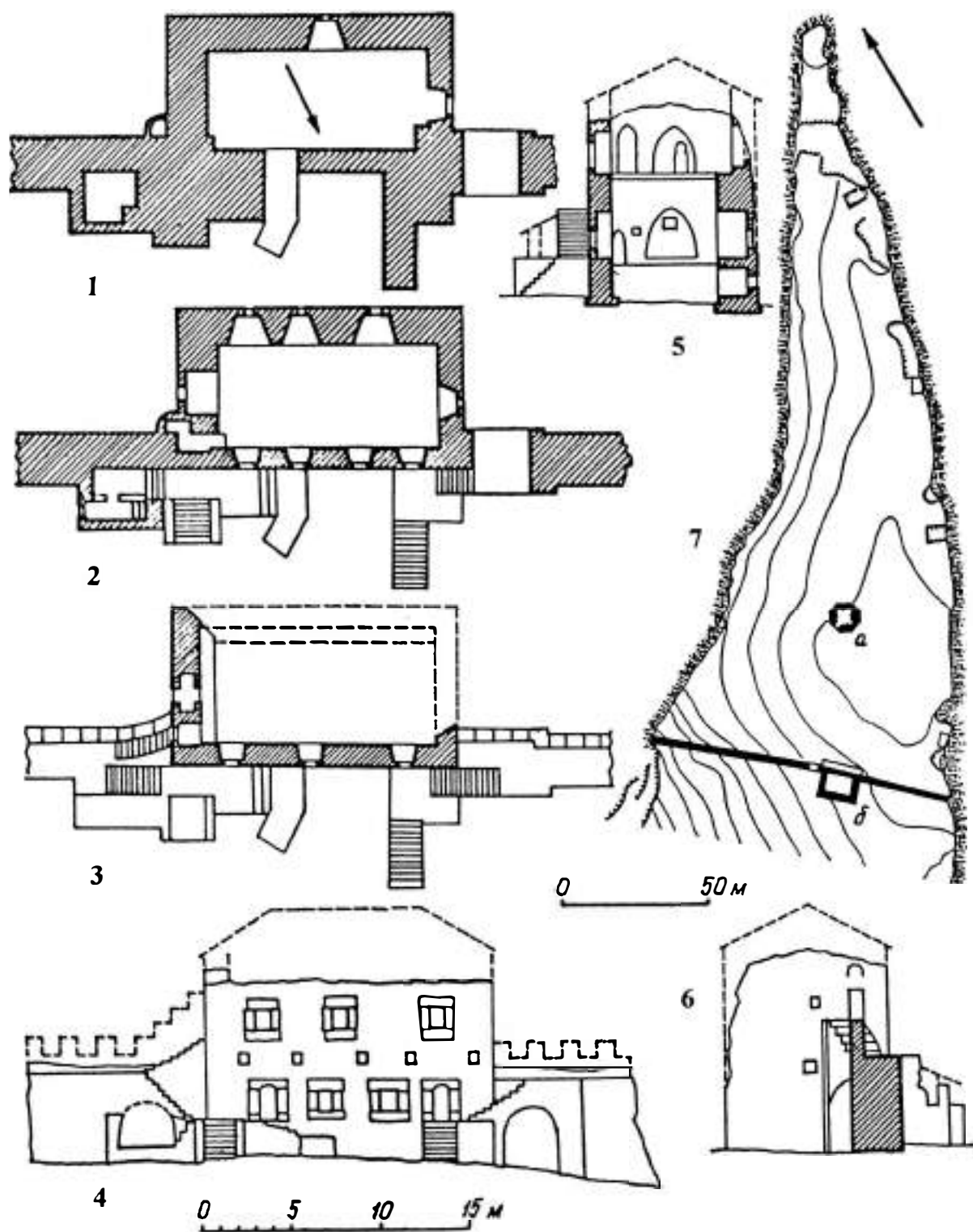

Рис. 380. Цитадель Мангупа на мысе Тешкли-Бурун (1459/60 г.): 1- план первого этажа донжона; 2 - план второго этажа донжона; 3 - план третьего этажа; 4 - восточный фасад башни; 5 - поперечный разрез; 6 - южный фасад (по А.Л. Бертье-Делагарду, 1889, д.68); 7 - мыс Тешкли-Бурун: а - октагональный храм 1427 г.; б - донжон 1459/60 г. (?)

Рис. 381. Руины цитадели Мангупа на мысе Тешкли-Бурун (1459/60 г. ?). Вид с юга

Рис. 382. Северо-западная стена мангупского донжона. Вид с юго-востока

Рис. 383. Вход в донжон, расположенный в северо-западной стене. Вид с юго-востока

Рис. 384. Ворота цитадели Мангупа на мысе Тешкли-Бурун. Вид с юго-запада

Рис. 385. Оформление входа в донжон цитадели Мангупа на мысе Тешкли-Бурун (после реставрации). Вид с северо-запада

1

2

Рис. 386. Северо-восточная стена донжона с окнами на уровне третьего этажа: 1 - общий вид с юго-запада; 2 - центральное окно

Рис. 387. Окно в северо-восточной стене донжона на уровне третьего этажа, превращенное в амбразуру (вид с юго-запада)

Рис. 388. Парадный вход на второй этаж донжона. Вид изнутри и юго-запада

1

2

Рис. 389. Окна третьего этажа донжона цитадели Мангула, обращенные на северо-восток: 1 - оконный проём, превращенный в бойницу над парадным входом; 2 - центрально окно здания (вид с северо-востока)

Рис. 390. Внутренняя сторона северо-восточной стены донжона: 1 - дверной проём второго этажа; 2 - оконный проём, превращенный в бойницу (вид с юго-запада)

1

2

Рис. 391. Юго-восточная (внешняя) сторона стены донжона с туалетными комнатами: 1 - общий вид; 2 - деталь (вид с юго-востока)

Рис. 392. Юго-восточная стена донжона цитадели Мангупа с туалетной комнатой, дверными проёмами, окнами и нишами (вид изнутри и северо-запада)

Рис. 393. Главный северо-восточный вход в донжон цитадели Мангупа (вид с северо-востока)

Рис. 394. Юго-восточный вход (слева) в донжон цитадели Мангула (вид с севера)

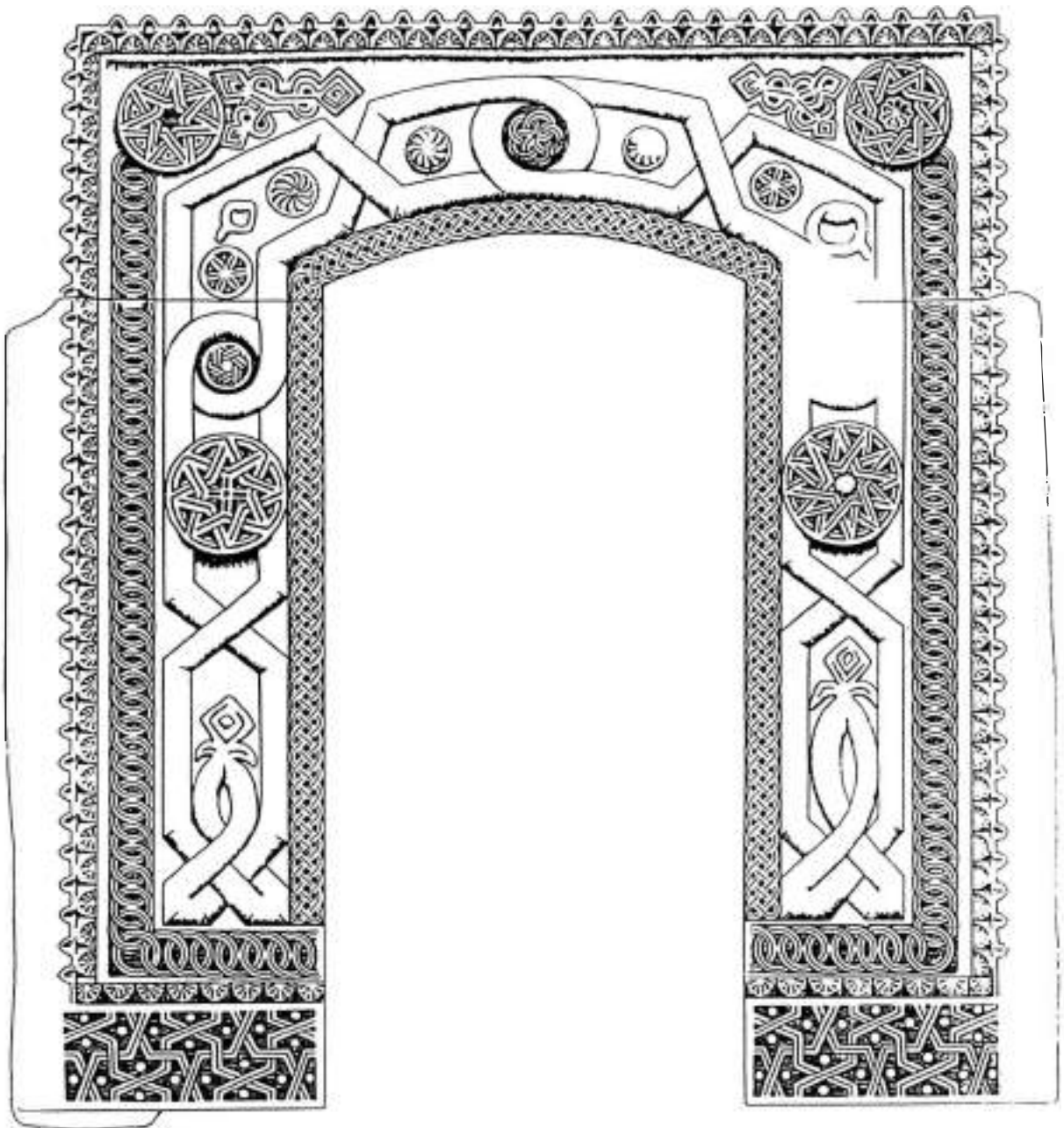

Рис. 395. Наличник портала главного входа в донжон Мангупа (рубеж 50 - 60-х гг. XV в.) (по Е.А.Айбабина, 2001,рис.7)

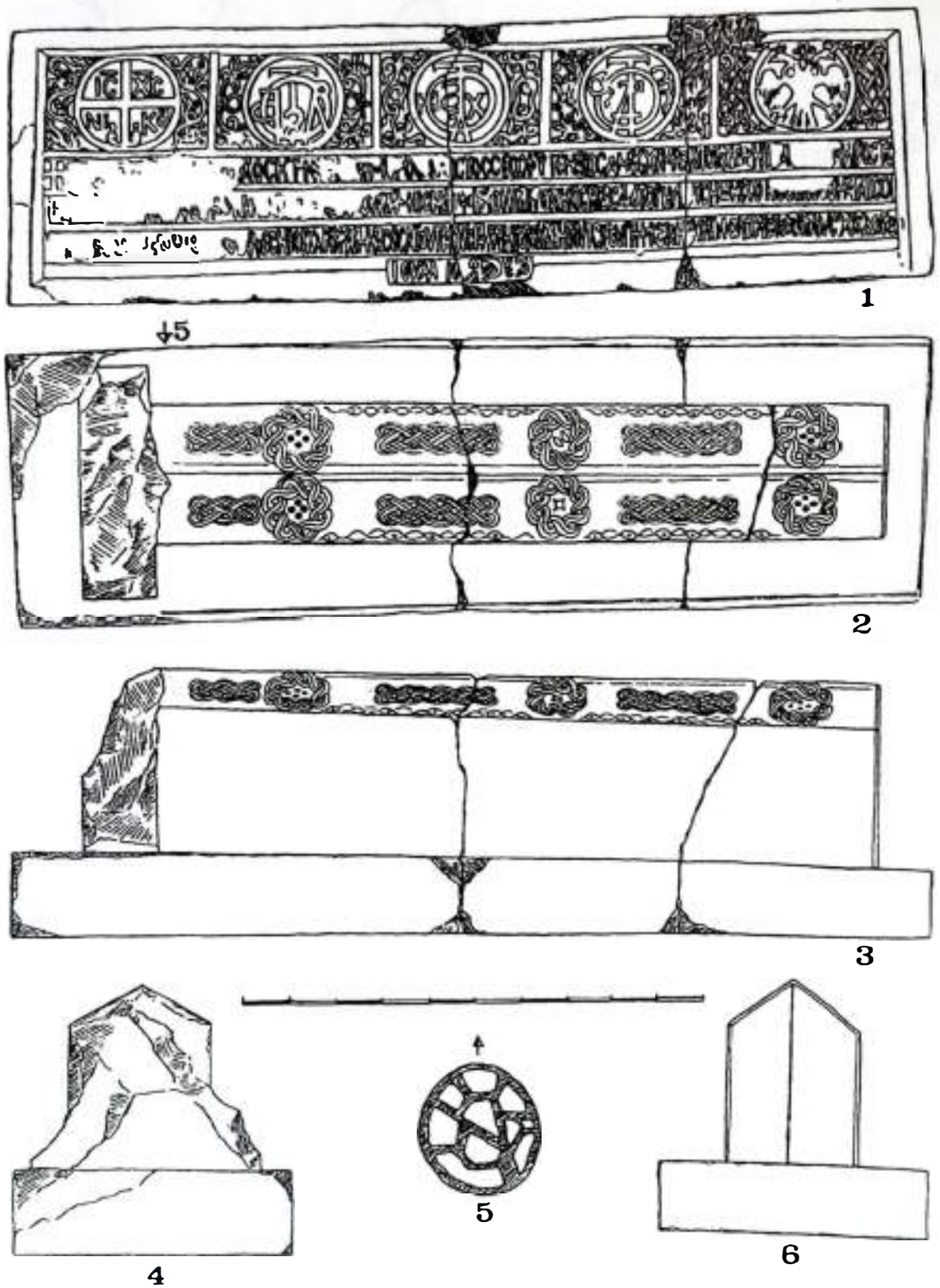

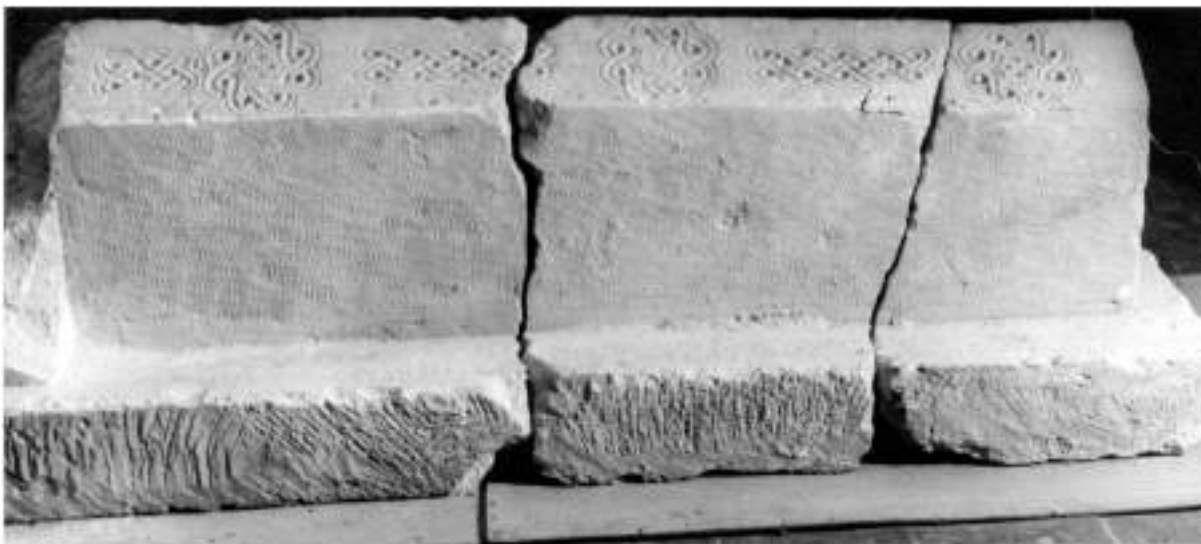
Рис. 396. Надпись 1459 г. из раскопок замка у селения Фуна: 1 - прорисовка надписи; 2 - вид сверху на надгробие, основание которого использовалось для надписи; 3 - вид сбоку; 4 - проекция (торец) с отбитым "рогом" и нишей; 5 - метка мастера, изготовившего надгробие (?); 6 - торец

Рис. 397. Посвятительная надпись 19 июля 1459 г. донжона замка у селения Фуны

Рис. 398. Верхняя часть надгробия, украшенная врезным орнаментом: 1 - двускатные грани с орнаментом; 2 - следы отбивки вершины надгробия

1

2

Рис. 399. Надгробие, основание которого использовалось для надписи 19 июля 1459 г.: 1 - вид сбоку; 2 - детали орнамента

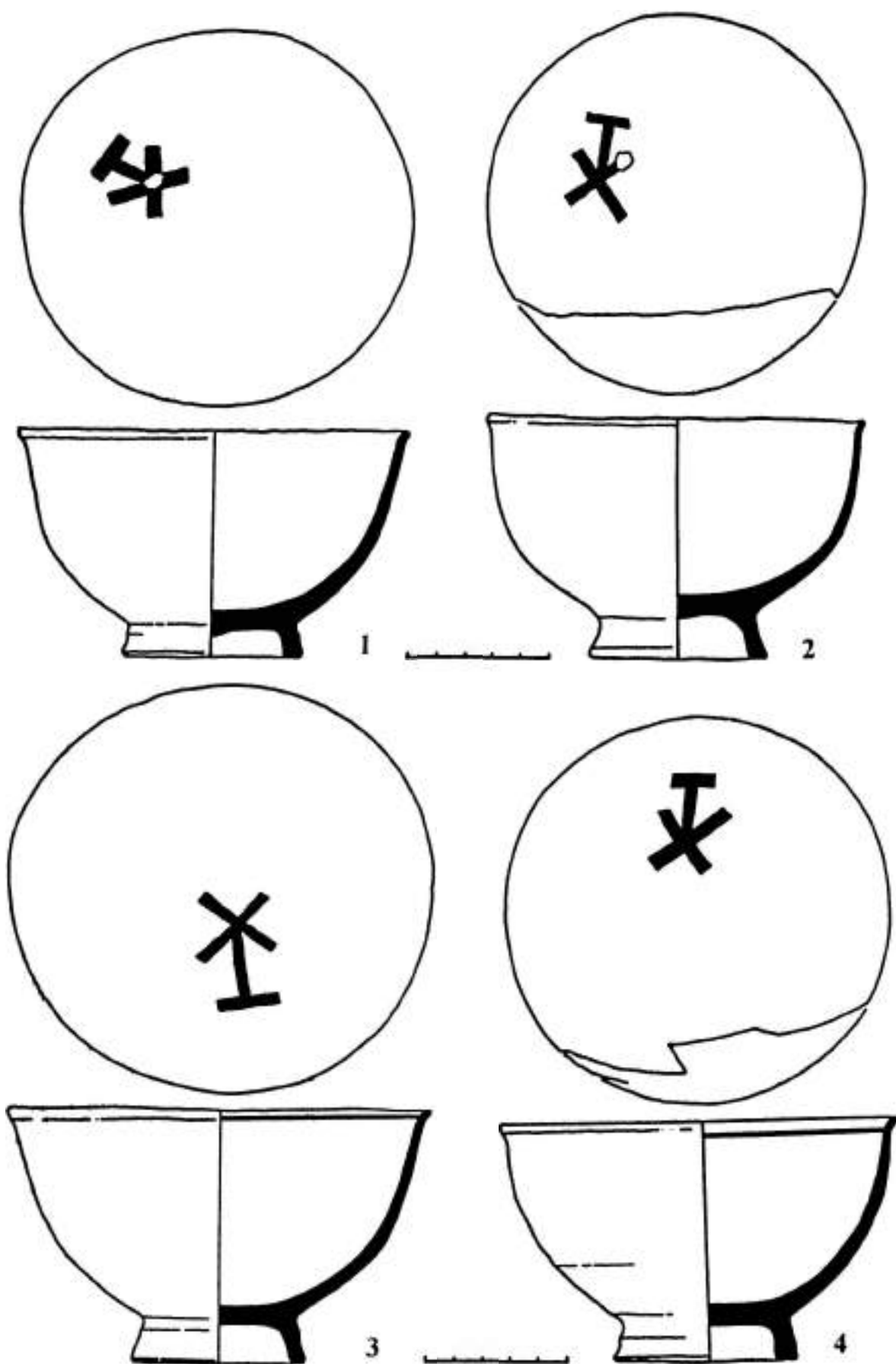

Рис. 400. Монохромные красноглиняные чаши с монограммами ТХ из слоя пожара 1475 г. мангупского дворца

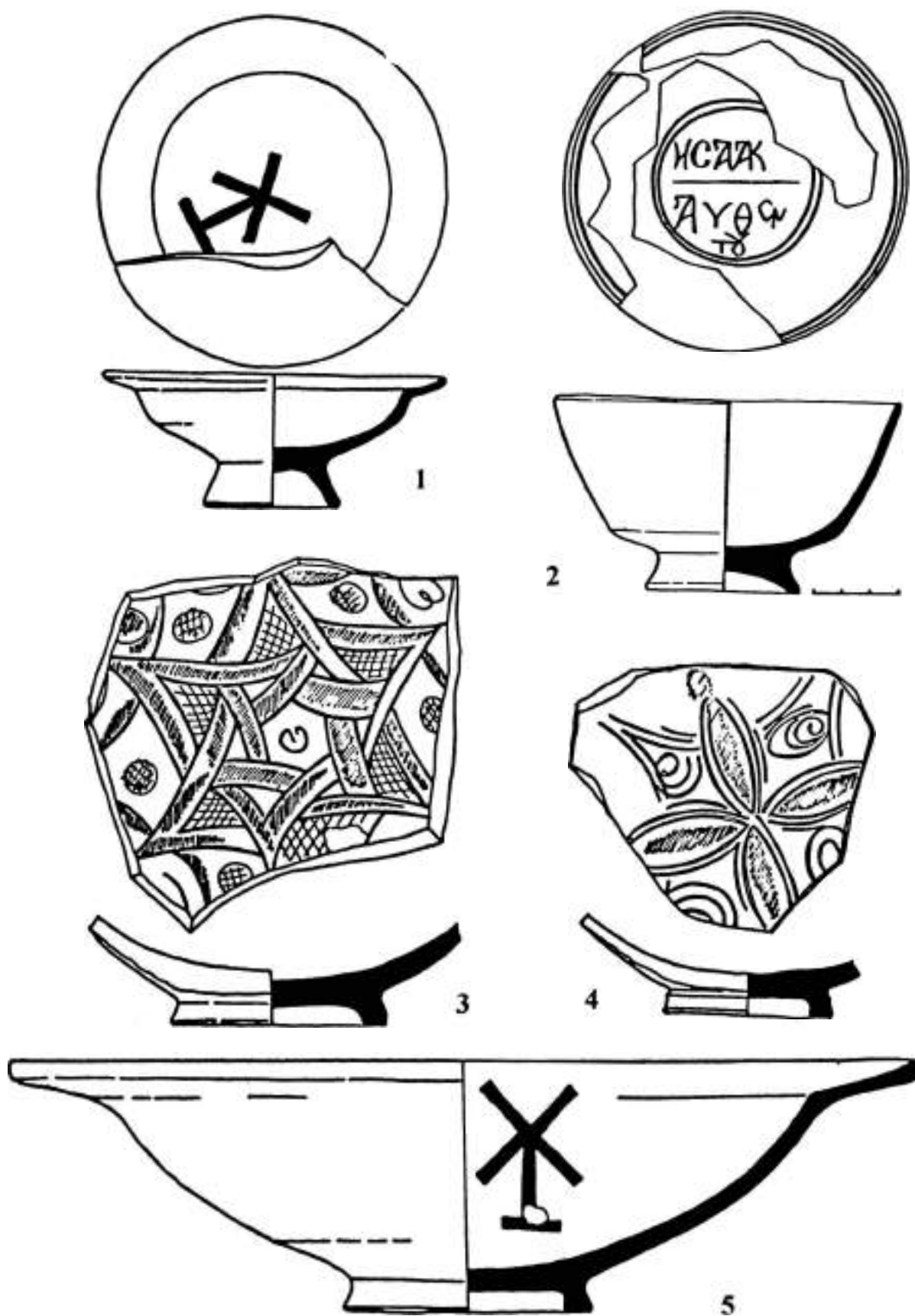

Рис. 401. Красноглиняные поливные сосуды из слоя пожара 1475 г. мангупского дворца с монограммами ТХ

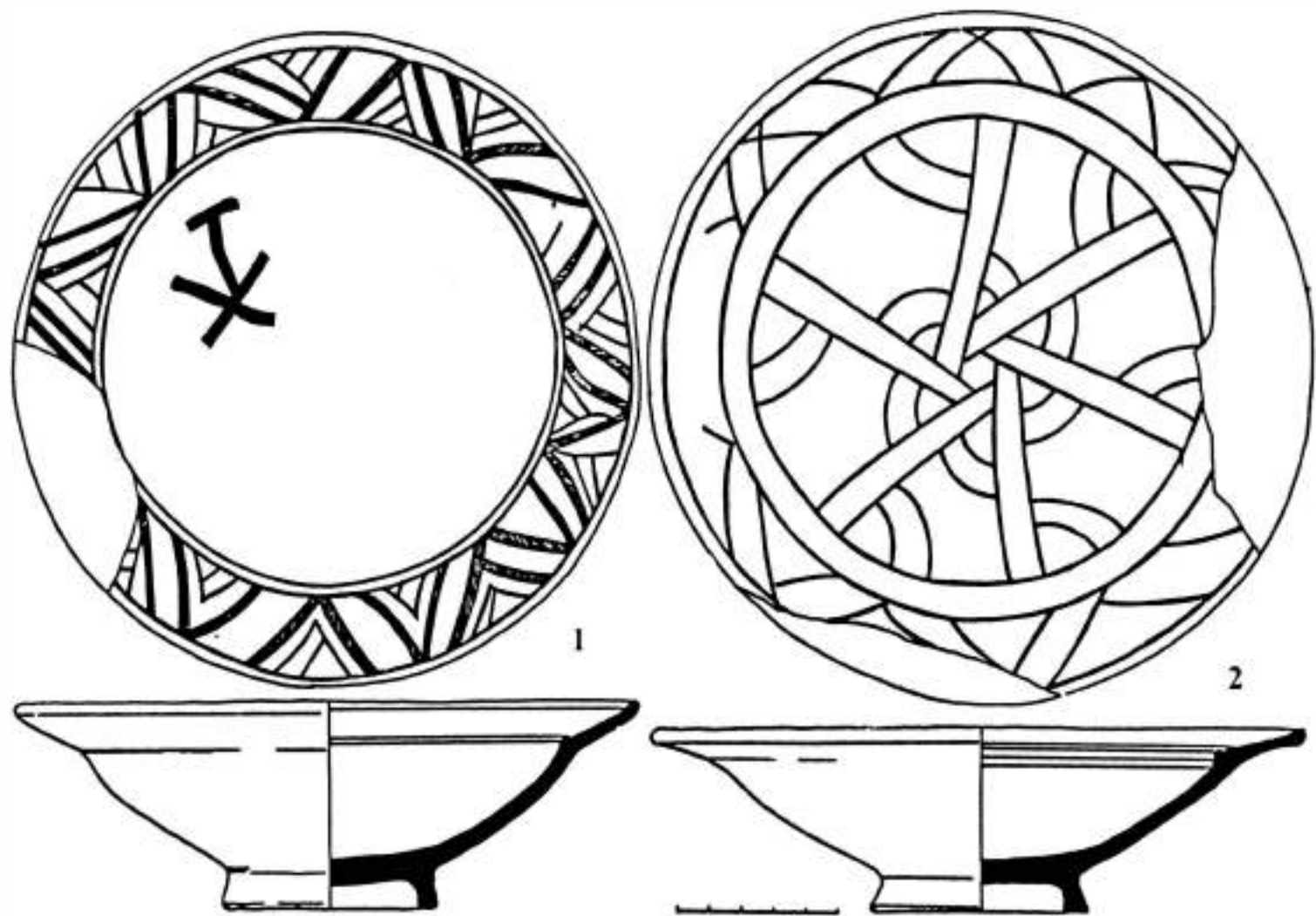

Рис. 402. Монохромные красноглиняные поливные тарелки из слоя пожара мангупского дворца (из раскоп Р.Х. Лепера 1912 - 1913 гг.)

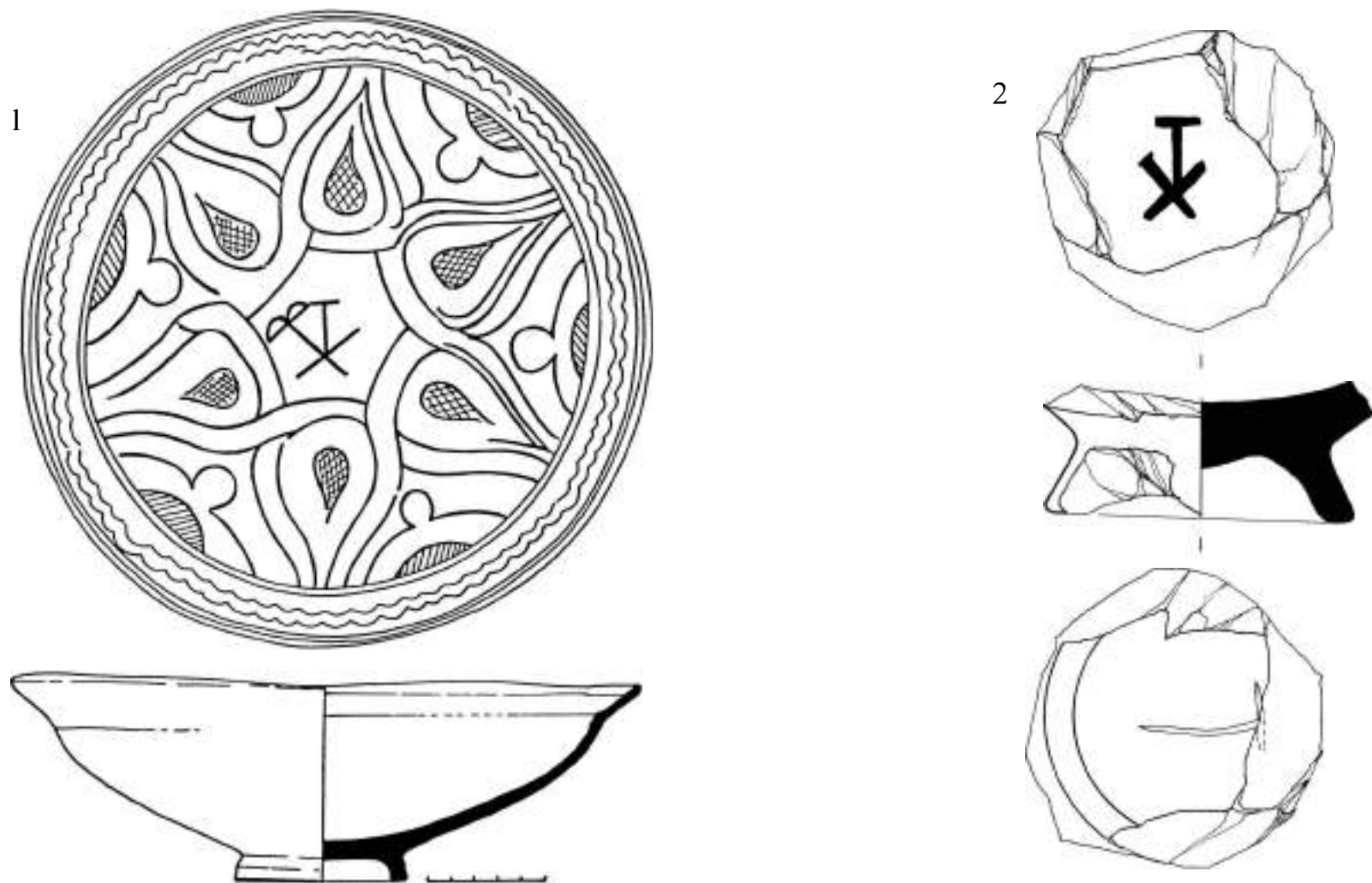

Рис. 403. 1 - монохромное красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара мангупского дворца с монограммой ТХВ; 2 - фрагмент донной части красноглиняного поливного блюда с монограммой ТХ и граффити в виде Г из слоя пожара 1475 г. Алустана

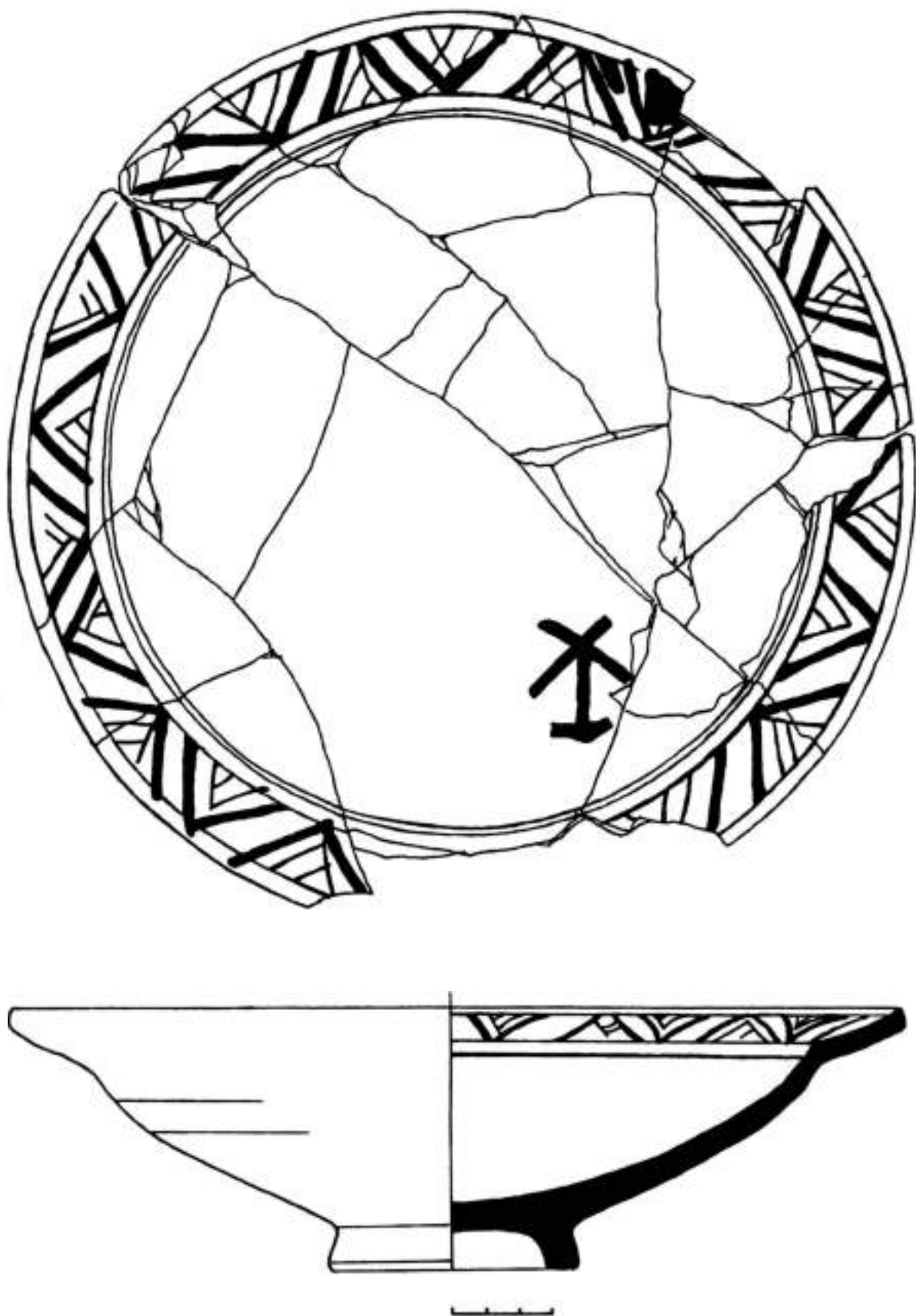

Рис. 404. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1434 г. башни Барнабо Грилло геновской крепости Чембало

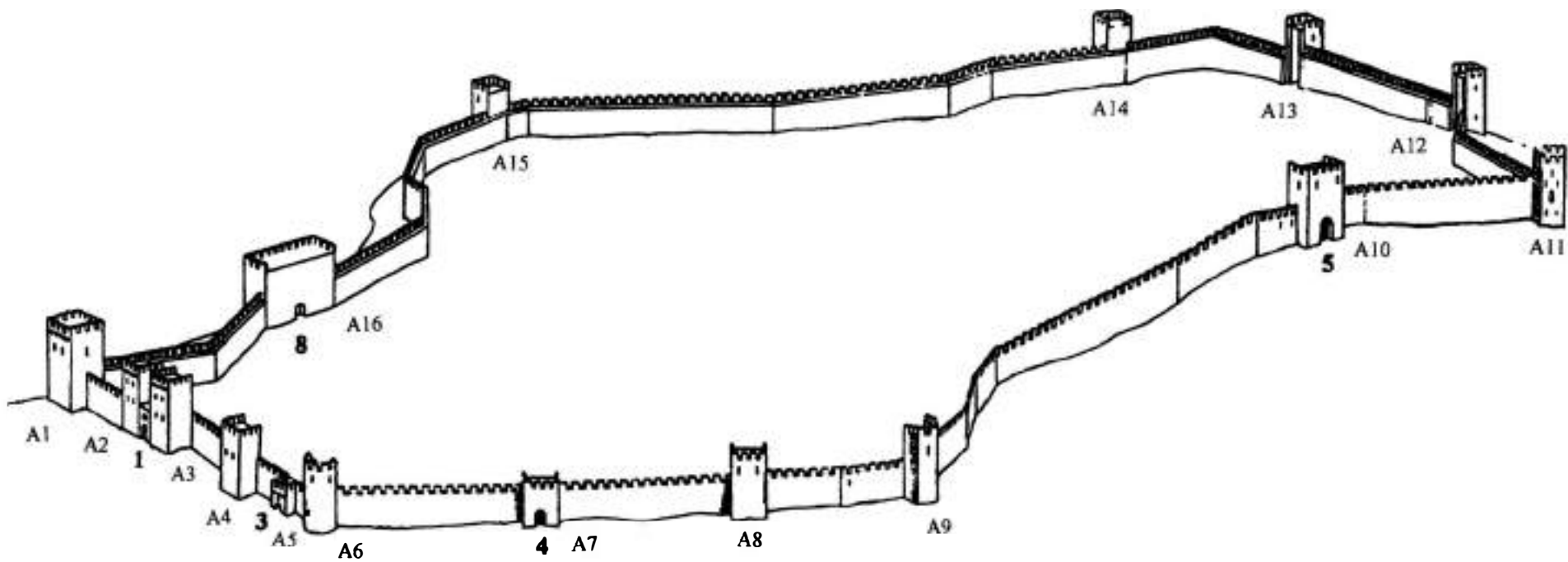

Рис. 405. Цитадель (castrum) Каффы. Реконструкция (по С.Г. Бочарову, 1998, рис. 6)

Рис. 406. Цитадель Каффы. Башня св. Антония. Вид с юго-востока. Фото автора

Рис. 407. Башня св. Антония и примыкающая к ней куртина. Вид с северо-запада. Фото автора

Рис. 408. Верхние ярусы обороны башни св. Антония. Вид с северо-запада.
Фото автора

Рис. 409. Цитадель Каффы. Башня св. Антония. Вид с востока. Фото автора

Рис. 410. Цитадель Каффы. Башня св. Антония. Вид с юго-востока. Фото автора

Рис. 411. Цитадель Каффы. Башни св. Антония и Криско. Вид с востока. Фото автора

Рис. 412. Башня Криско цитадели Каффы и примыкающая к ней куртина. Вид с юго-востока. Фото автора

Рис. 413. Башня Криско цитадели Каффы. Вид с юга. Фото автора

Рис. 414. Башня консула Криско цитадели Каффы. Вид с запада. Фото автора

Рис. 415. Руины Часовой башни - ворот Христа цитадели Каффы. Вид с юго-запада. Фото автора

Рис. 416. Руины ворот Христа. Северная часть. Вид с юга

Рис. 417. Руины ворот Христа цитадели Каффы. Вид изнутри и с востока. Фото автора

Рис. 418. Доковая башня. Вид с северо-запада. Фото автора

Рис. 419. Ворота Доковой башни. Вид с северо-запада. Фото автора

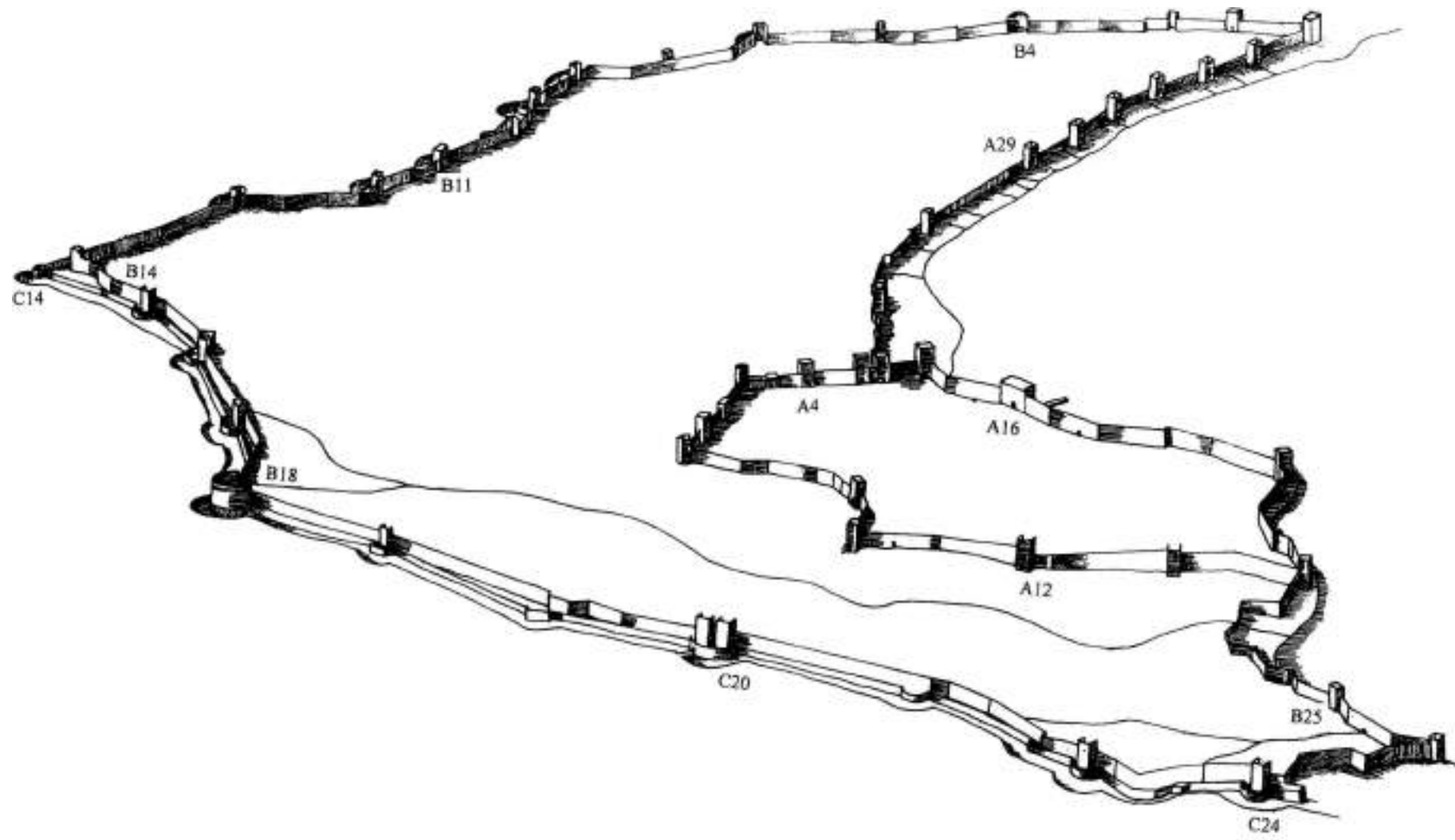

Рис. 420. Оборонительные сооружения Каффы 40-х гг. XV в. Реконструкция (по С.Г. Бочарову, 1998. рис. 20)

Рис. 421. Башня св. Константина. Вид с севера. Фото автора

Рис. 422. Башня св. Константина. Вид изнутри и с юга. Фото автора

Рис. 423. Башня св. Константина. Вид с востока. Фото автора

Рис. 424. Западный фасад башни св. Константина. Фото автора

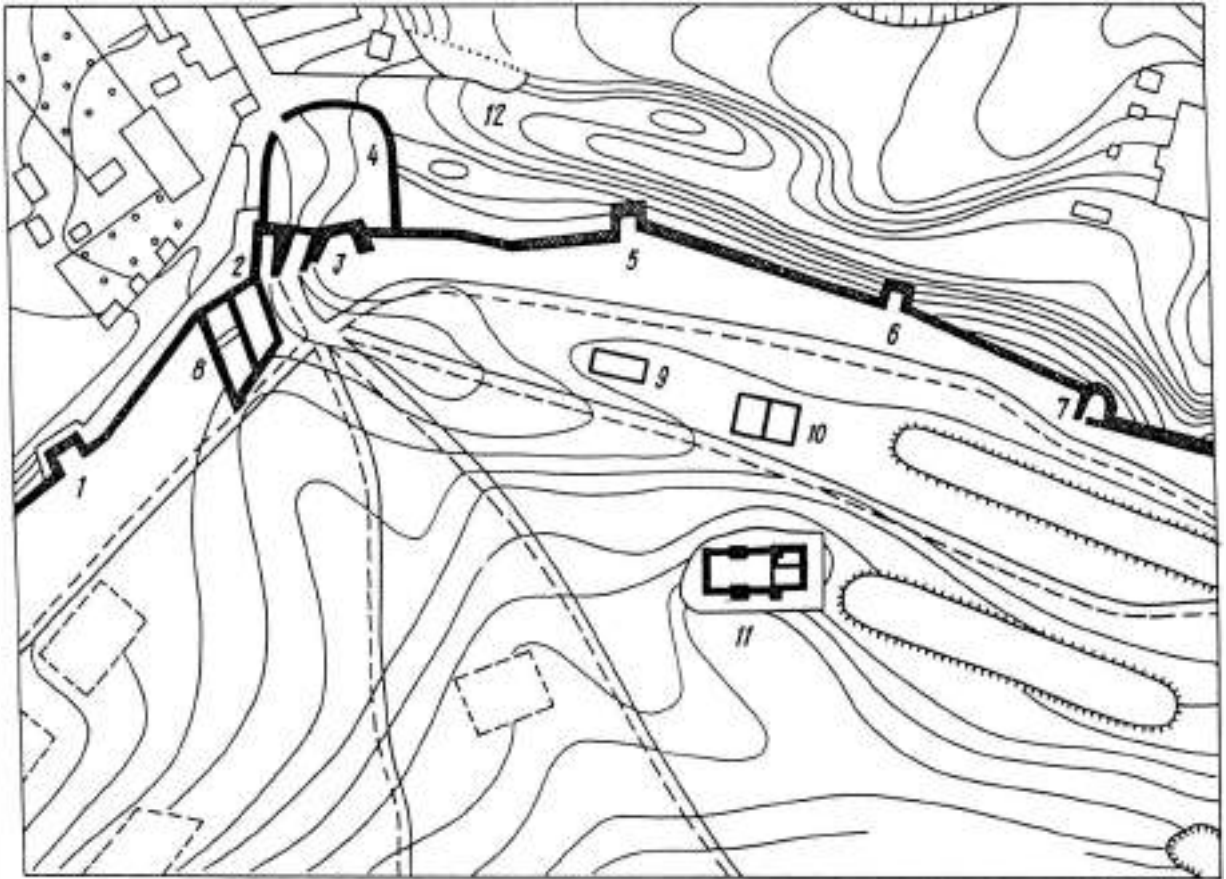

Рис. 425. Фрагмент северного участка обороны генуэзской Солдайи XIV - XV вв.: 1 - 7 - оборонительные сооружения; 8 - кардегардия; 9 - 10 - цистерны для воды; 11 - храм "Девы Марии"; 12 - ров

I.

II.

Рис. 426. Комплекс крепостных ворот Солдайи XIV - XV вв.: 1 - башня Якопо Торселло 1365 г.; 2 - ворота Батисто ди Дзоальо 1389 г.; 3 - башня Бернабо ди Франки ди Пагано 1414 г.; I - вид с юга; II - вид с юго-запада. Фото автора

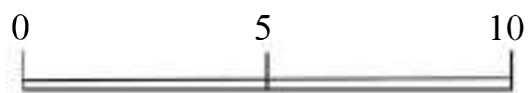

Рис. 427. Солдайя-Сугдея. Рельеф с изображением св. Георгия из заполнения башни №9 Лукини ди Франки ди Лаванья, 1409 г. (по А.Ю. Виноградов, А.В. Джанов, 2003, №4, с. 422)

Рис. 428. Сугдея XIV - XV вв. Припортовая часть города. Башня Фредерико Астагуэрро 18 мая 1386 г. и "Храм 12 апостолов" (вид с востока). Фото автора

1.

2.

3.

Рис. 429. Консульский замок Солдайи: 1 - донжон; 2 - вид на консульский замок с запада; 3 - вид на консульский замок с северо-востока. Фото автора

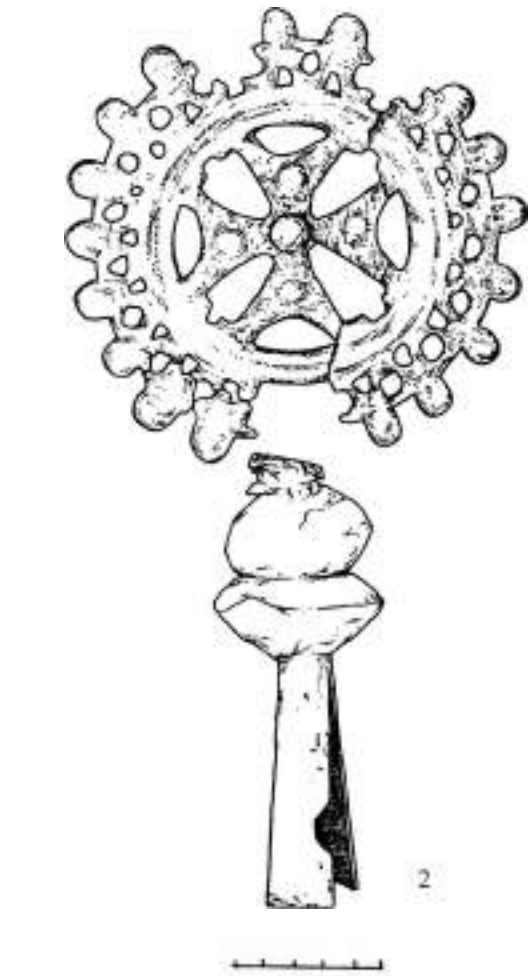

Рис. 430. Бронзовое литое навершие, найденное в слое пожара 1475 г.
Солдай: 1 - фото; 2 - прорисовка

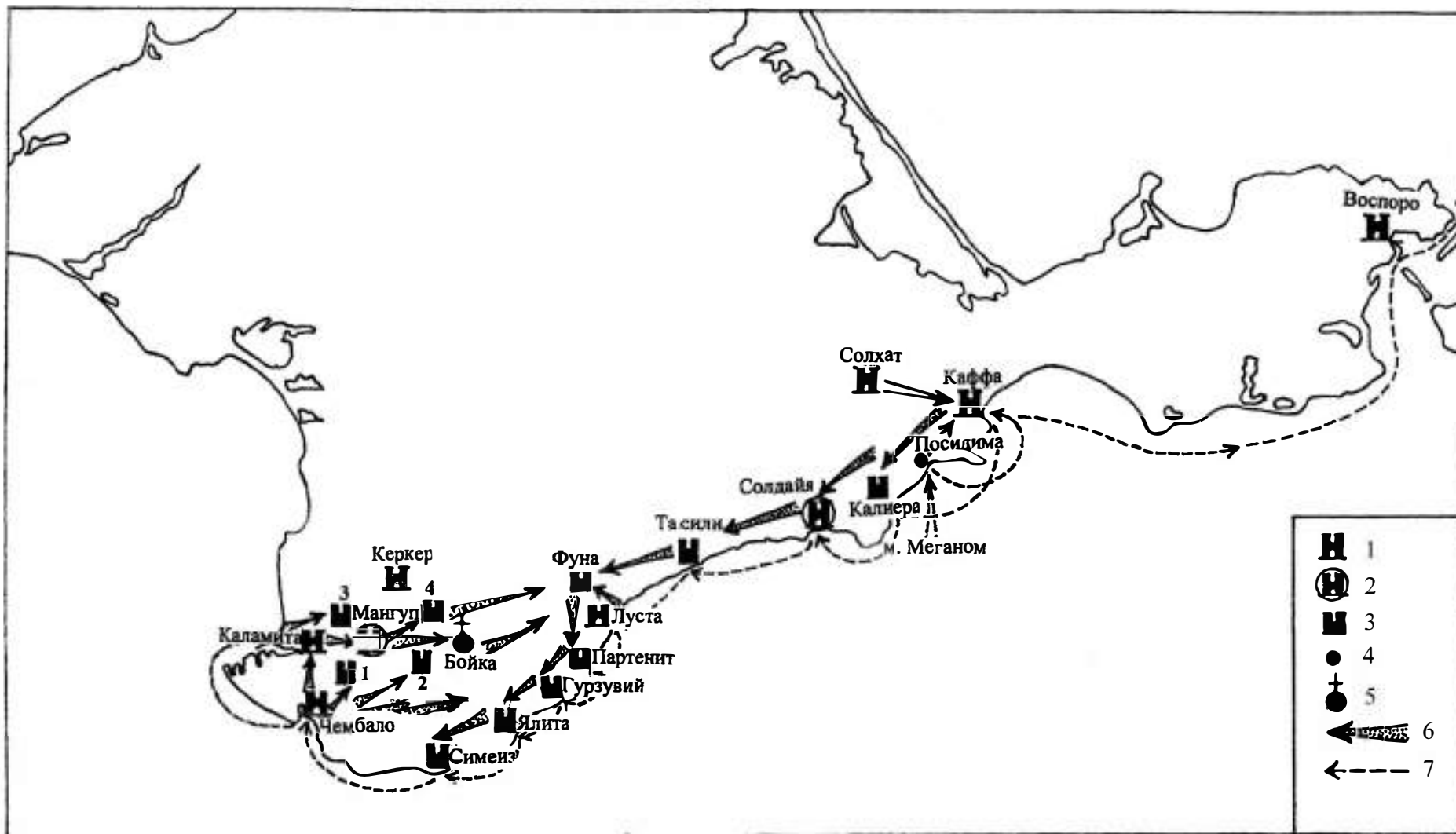

Рис. 431. Карта-схема завоевания турками-османами в 1475 г. генуэзских владений и княжества Феодора: 1 - города; 2 - крепости, подвергшиеся длительной осаде и захваченные штурмом; 3 - замки; 4 - поселения; 5 - монастыри; 6 - направления движения сухопутных войск Гедык-Ахмет-Паши; 7 - направление движения флота

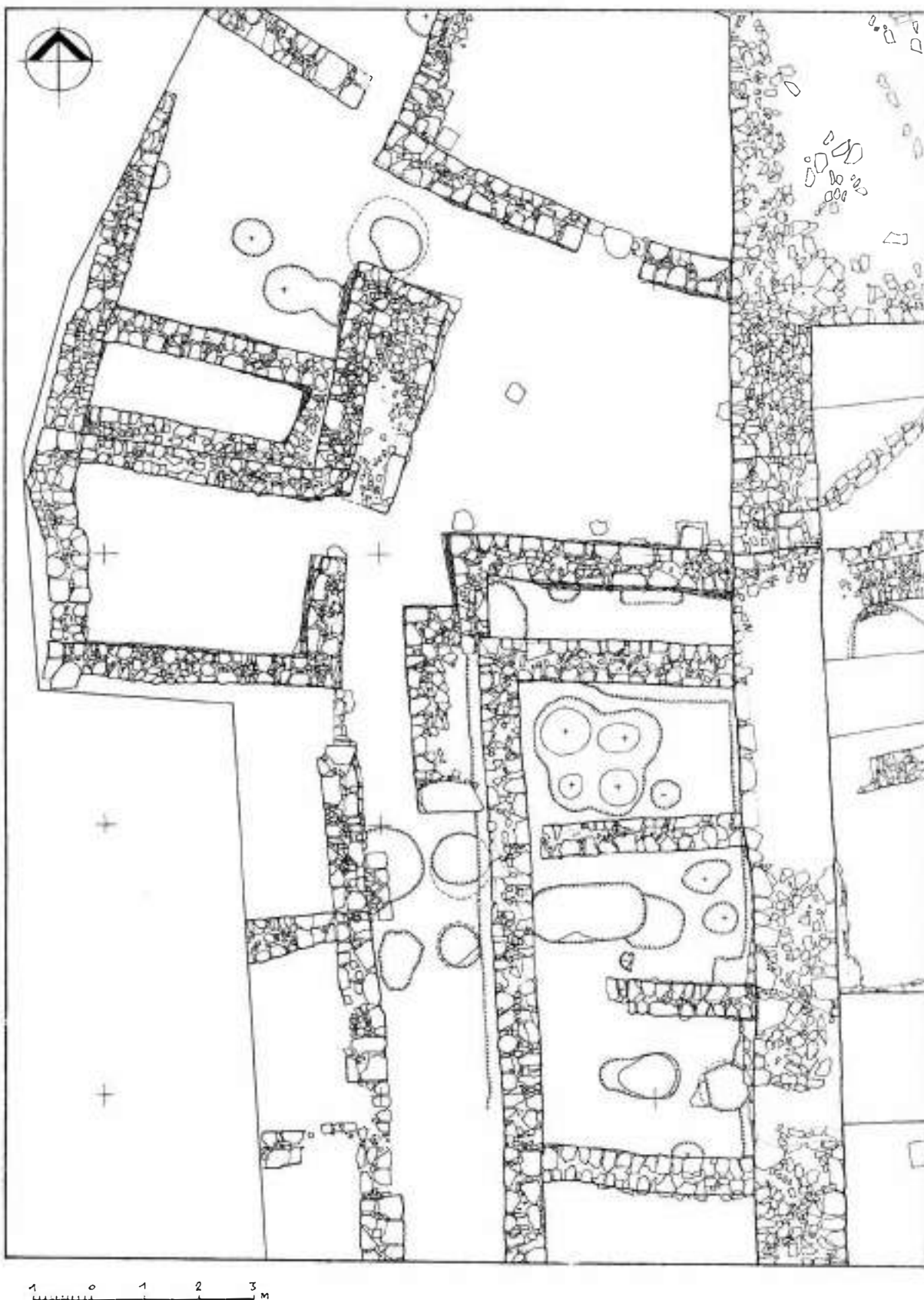

Рис. 432. Внутрикрепостная застройка замка Фуна. Фрагмент с обозначением помещений, в которых выявлен слой пожара 1475 г.

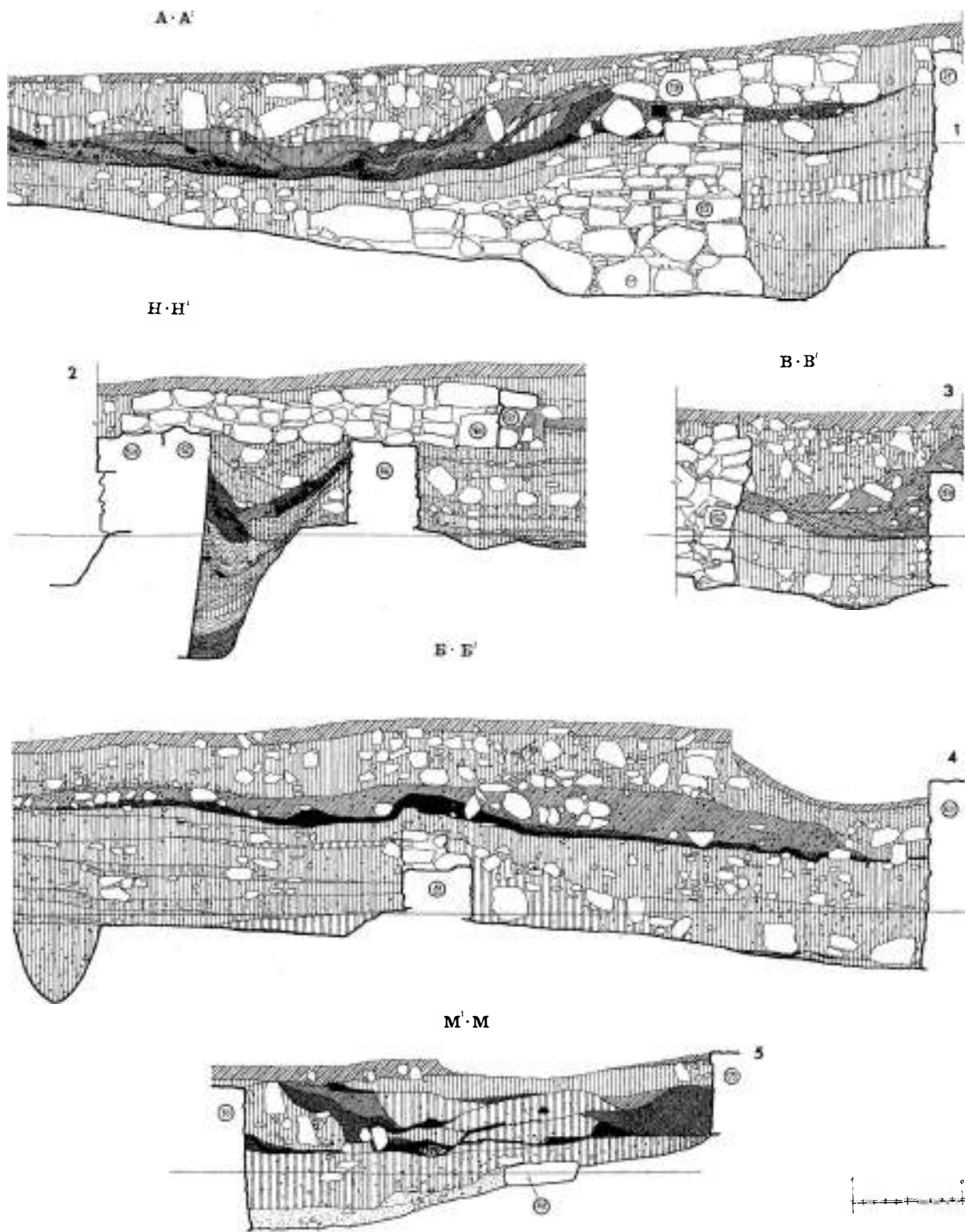

Рис. 433. Стратиграфические разрезы строений укрепления Фуна со следами пожара 1475 г. (по В.Л. Мыцу, В.П. Кирилко, 1990, рис. 5, 6)

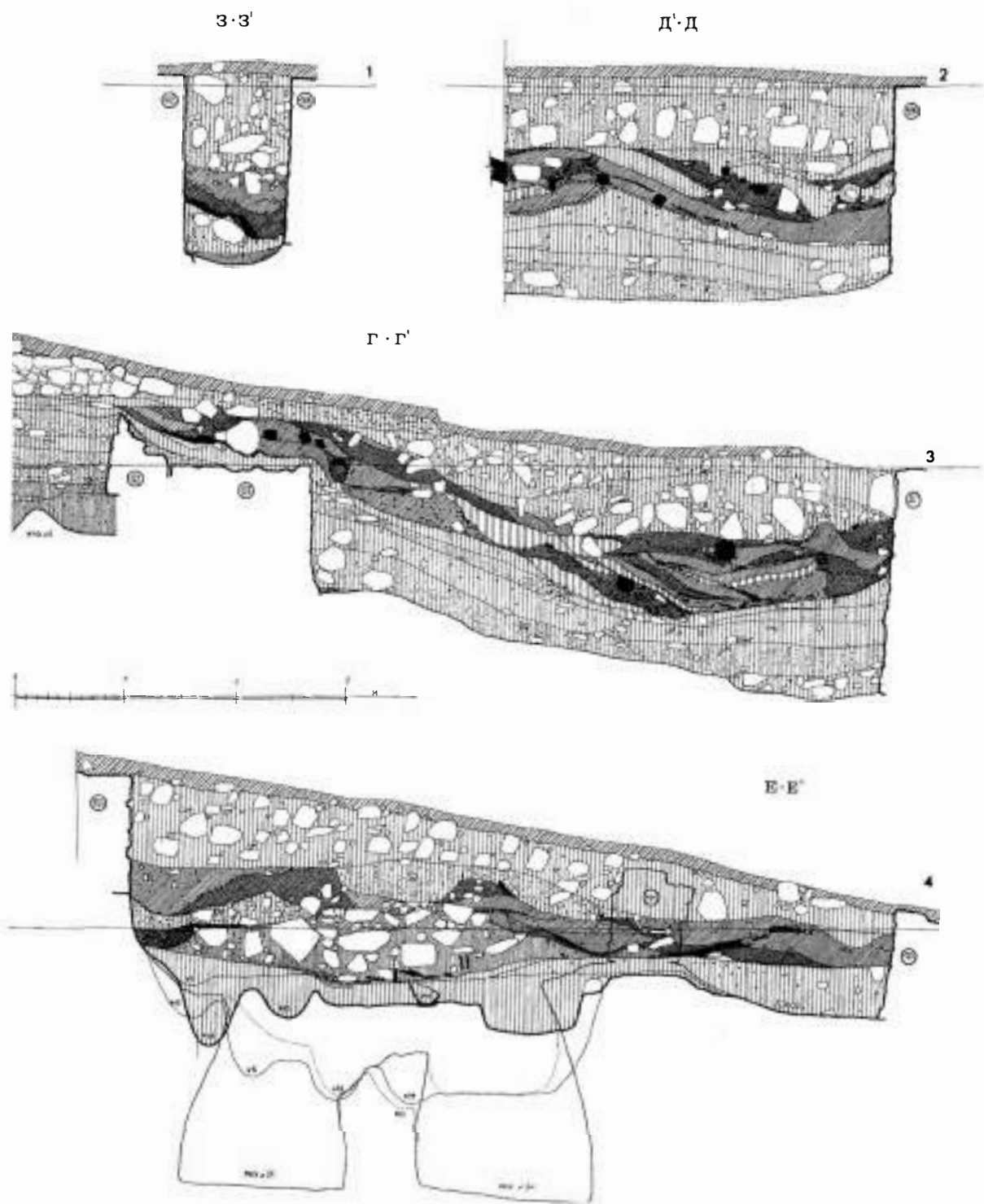

Рис. 434. Стратиграфия внутрикрепостной Фуны со следами пожара и разрушений 1475 г. (по В.Л. Мыцу, В.П. Кирилко, 1990, рис. 5, 6)

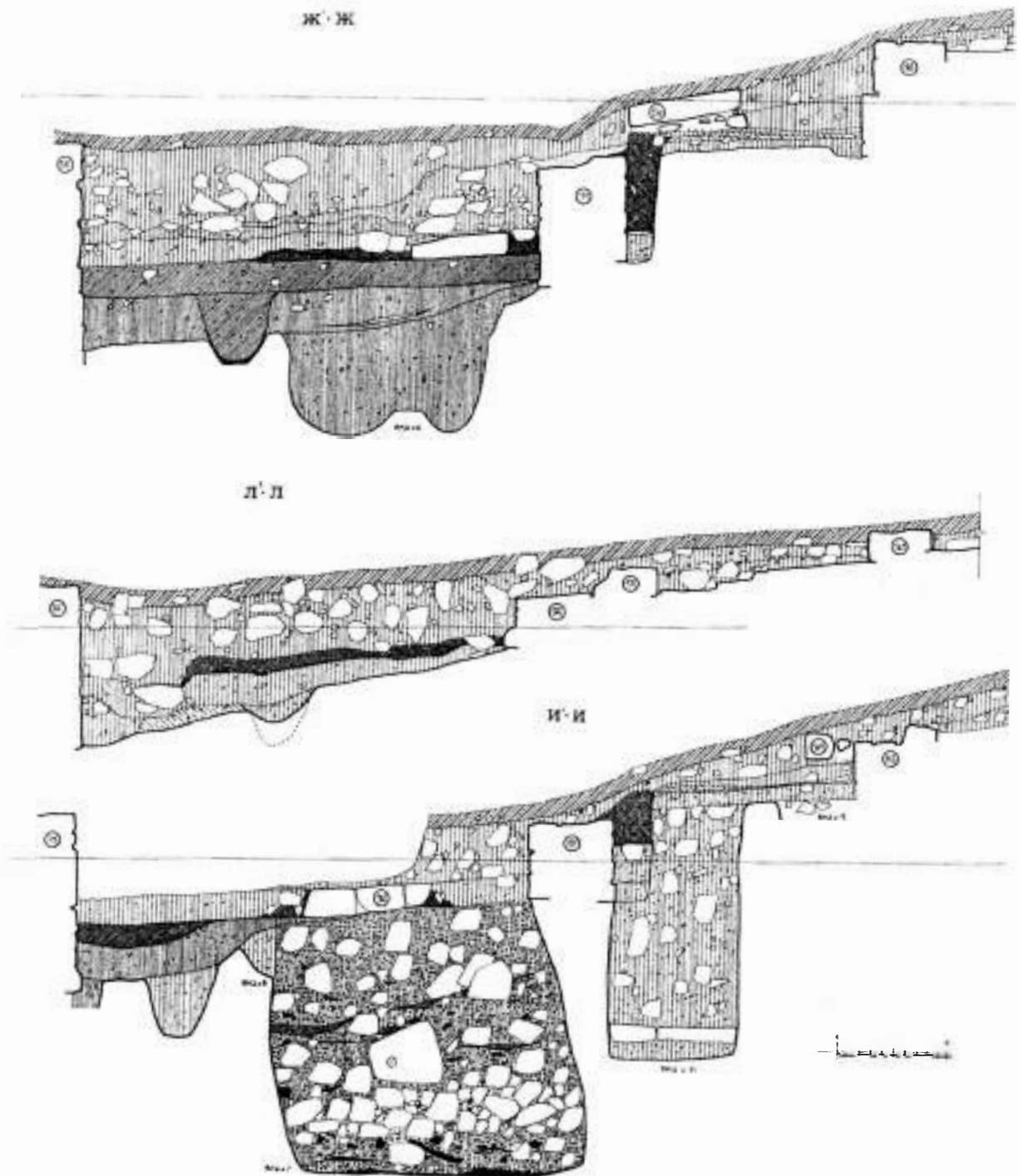

Рис. 435. Стратиграфия участка раскопок "казармы" 1459 г. и восточной улицы замка у селения Фуна со следами пожара и разрушений 1475 г. (по В.Л. Мыцу, В.П. Кирилко, 1990,рис. 7, 8)

Рис. 436. Керамические изделия из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна

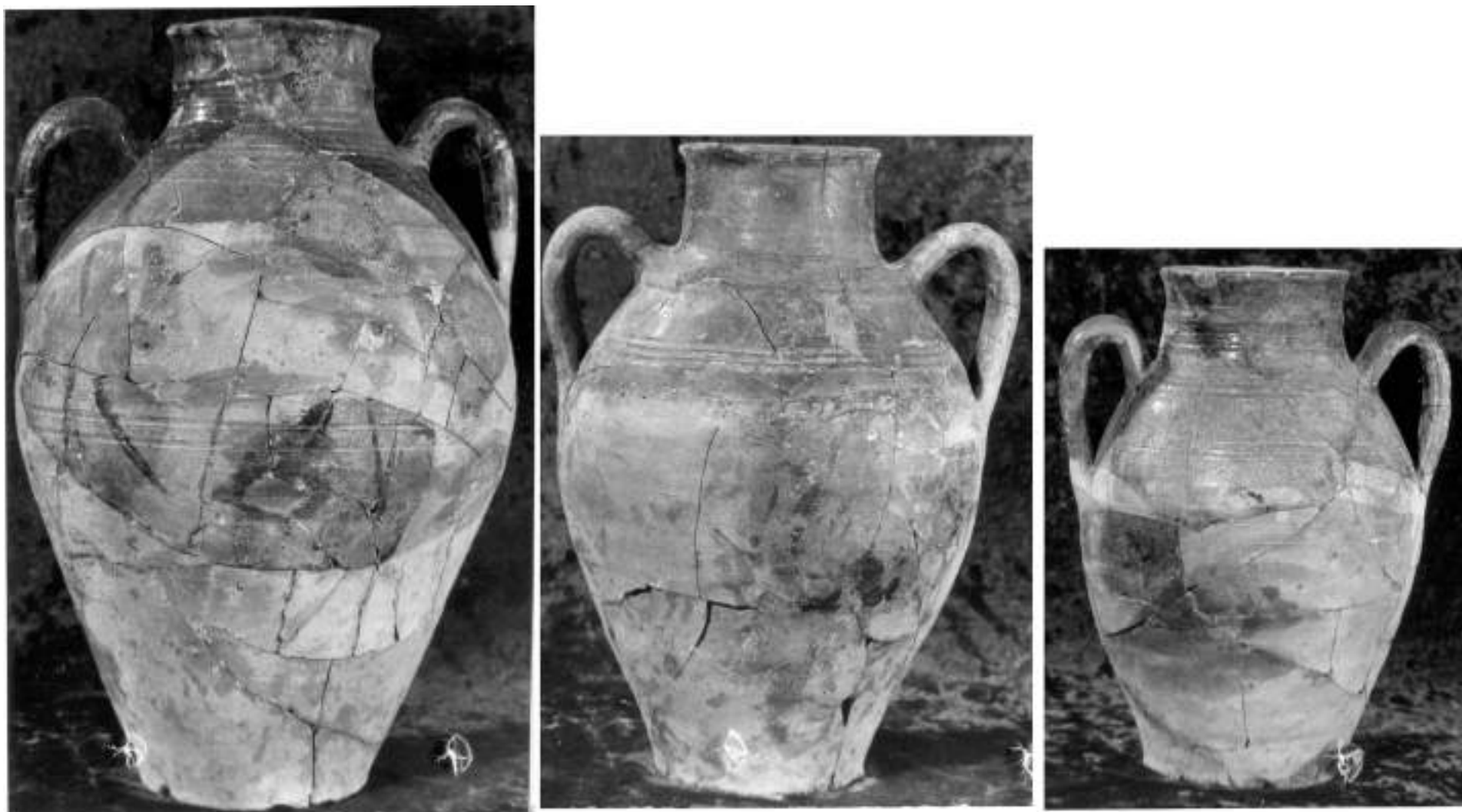

Рис. 437. Двуручные красноглиняные поливные кувшины из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна

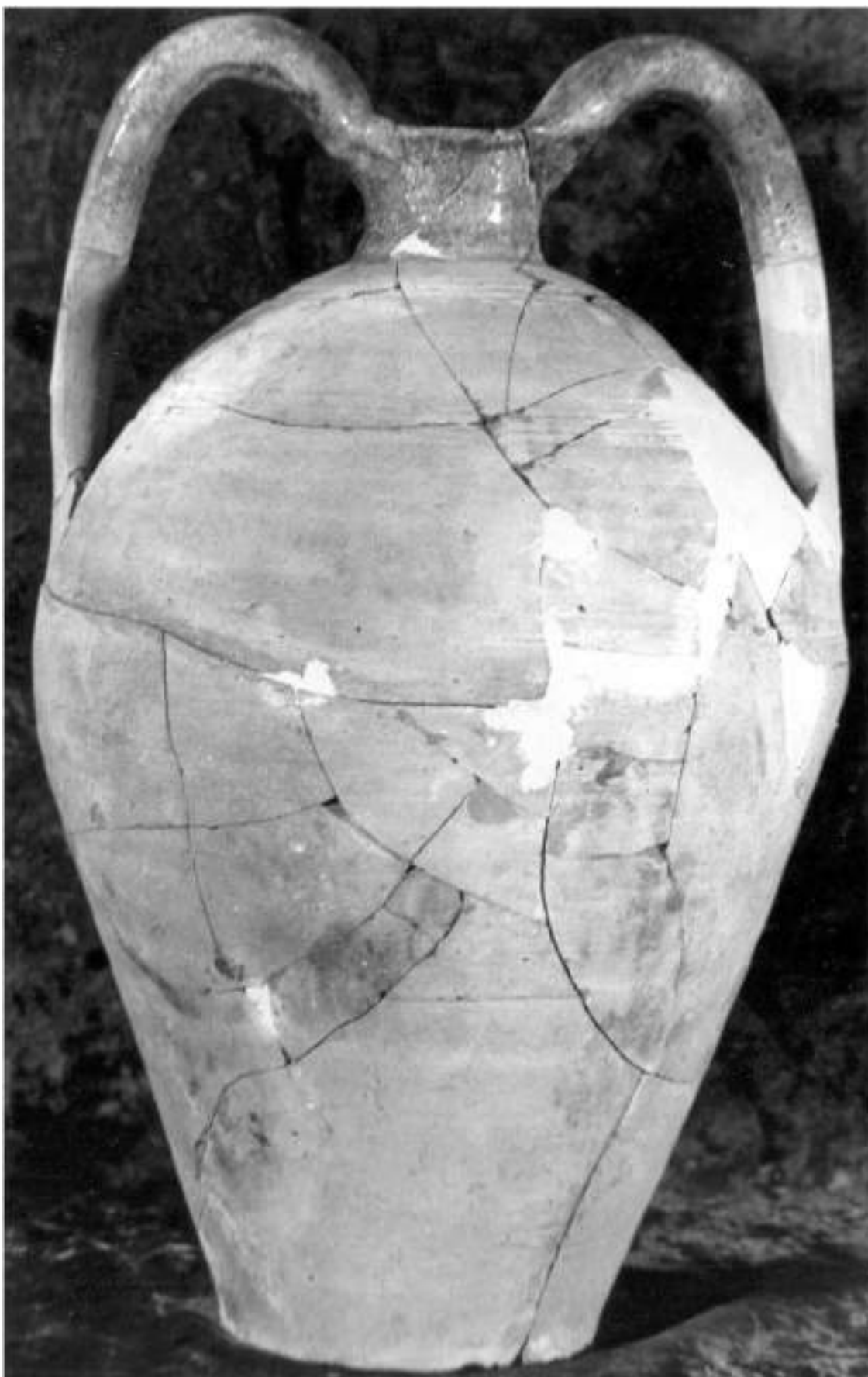

Рис. 438. Красноглиняный поливной кувшин с дуговидными ручками из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна

Рис. 439. Красноглиняные поливные чаши с монограммами "Александр" из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна

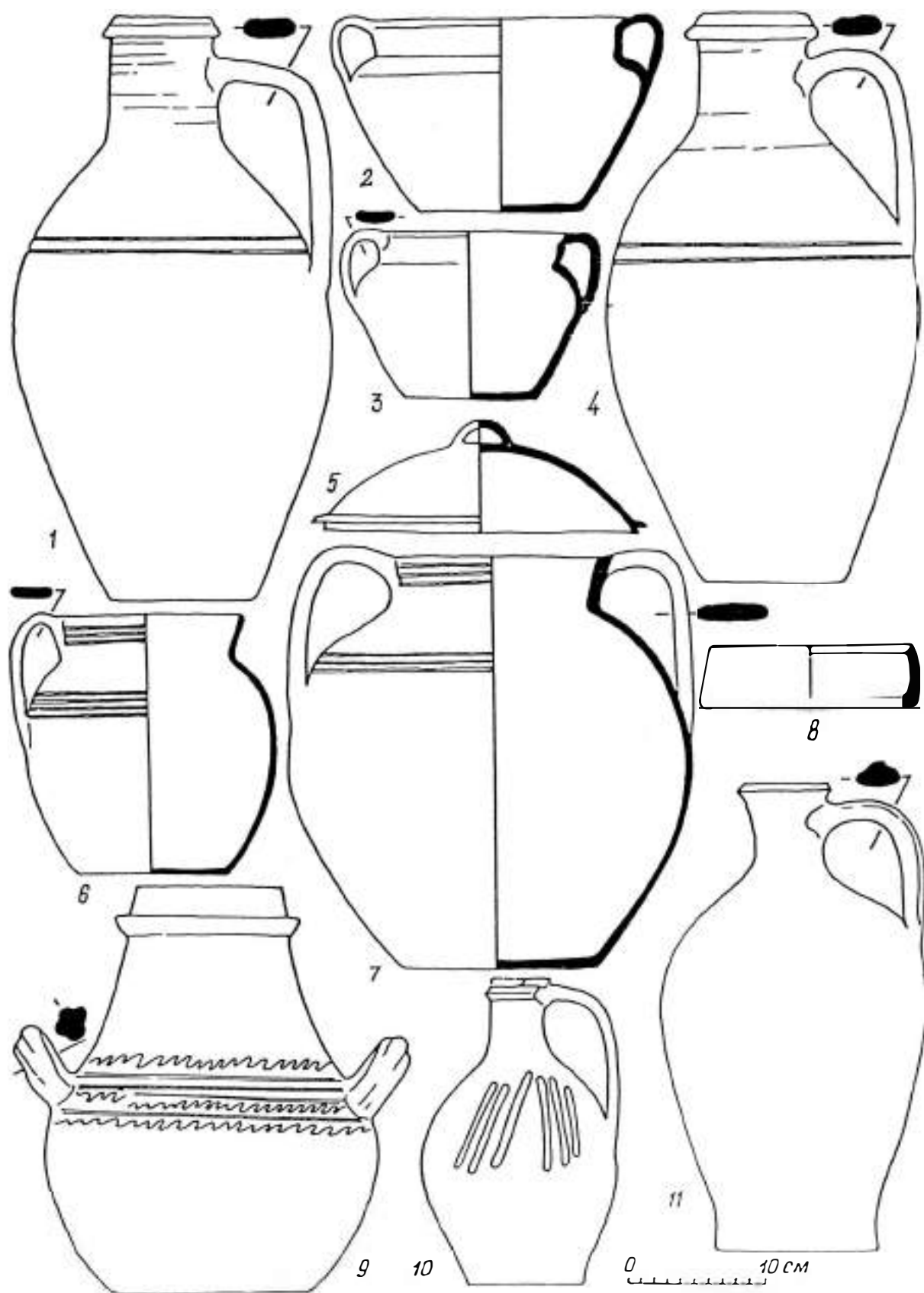

Рис. 440. Кухонная неполивная керамика из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка у селения Фуна

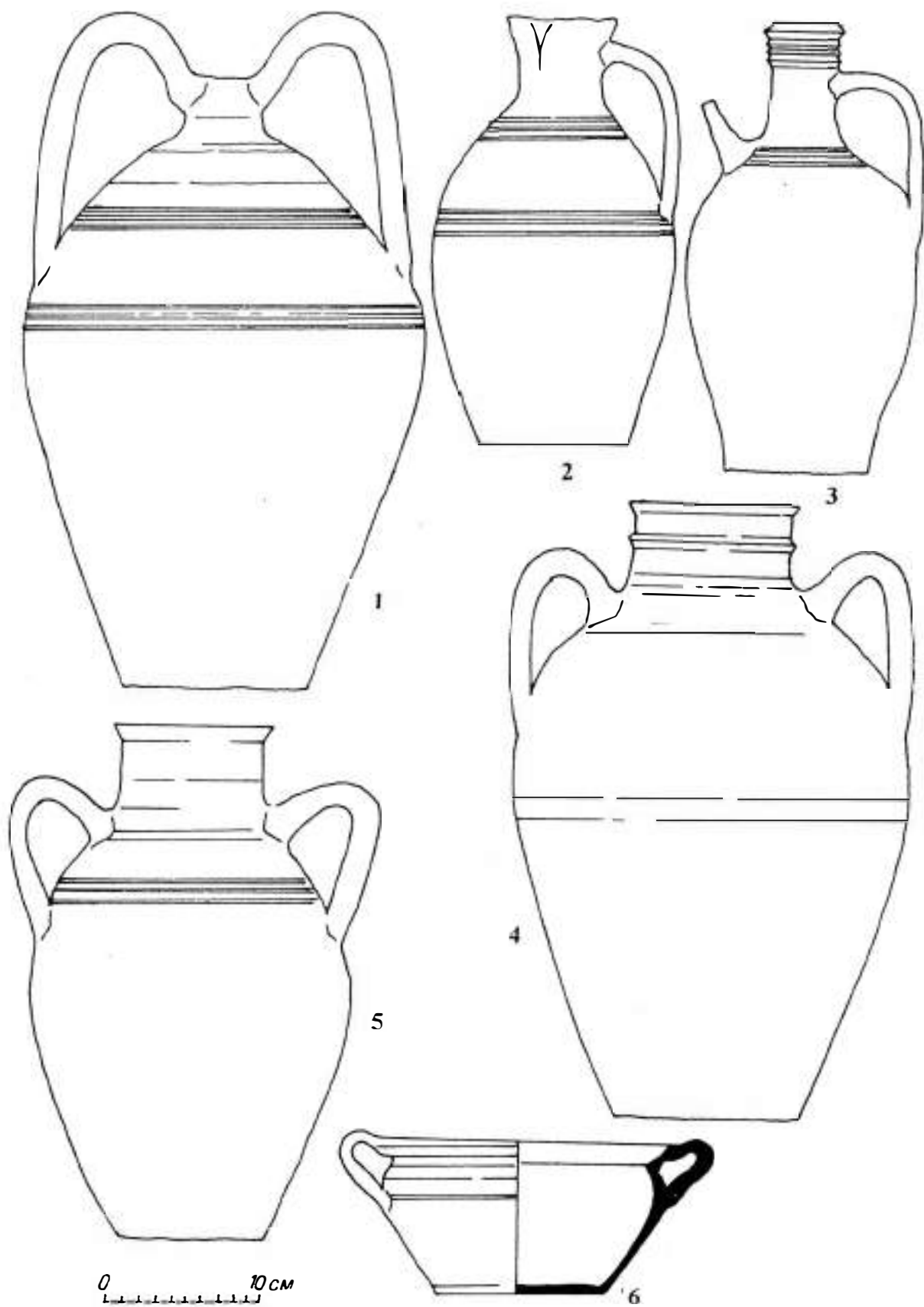

Рис. 441. Красноглиняные столовые поливные сосуды из слоя пожара 1475 г. донжона замка у селения Фуна

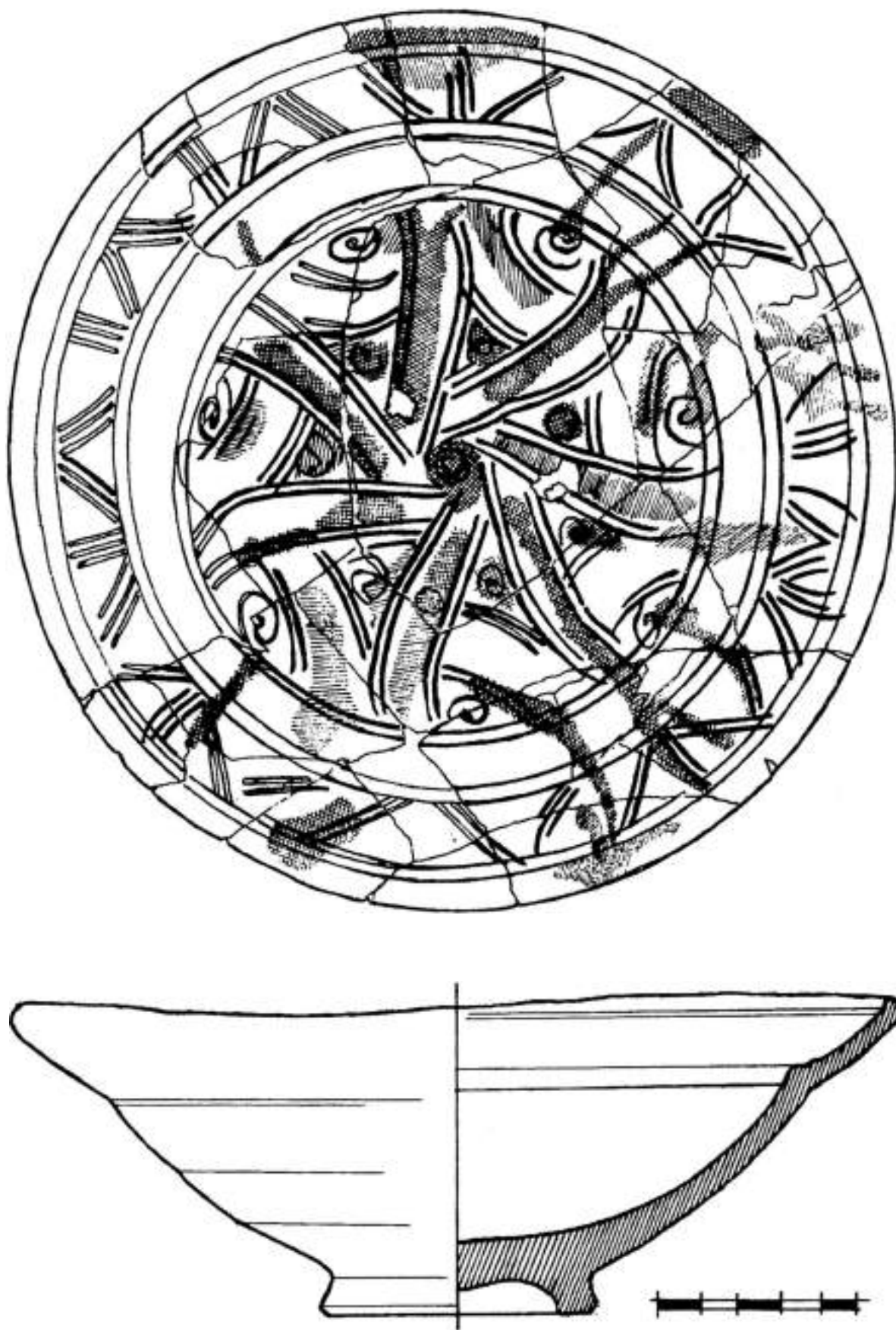

Рис. 442. Красноглиняная поливная тарелка из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна

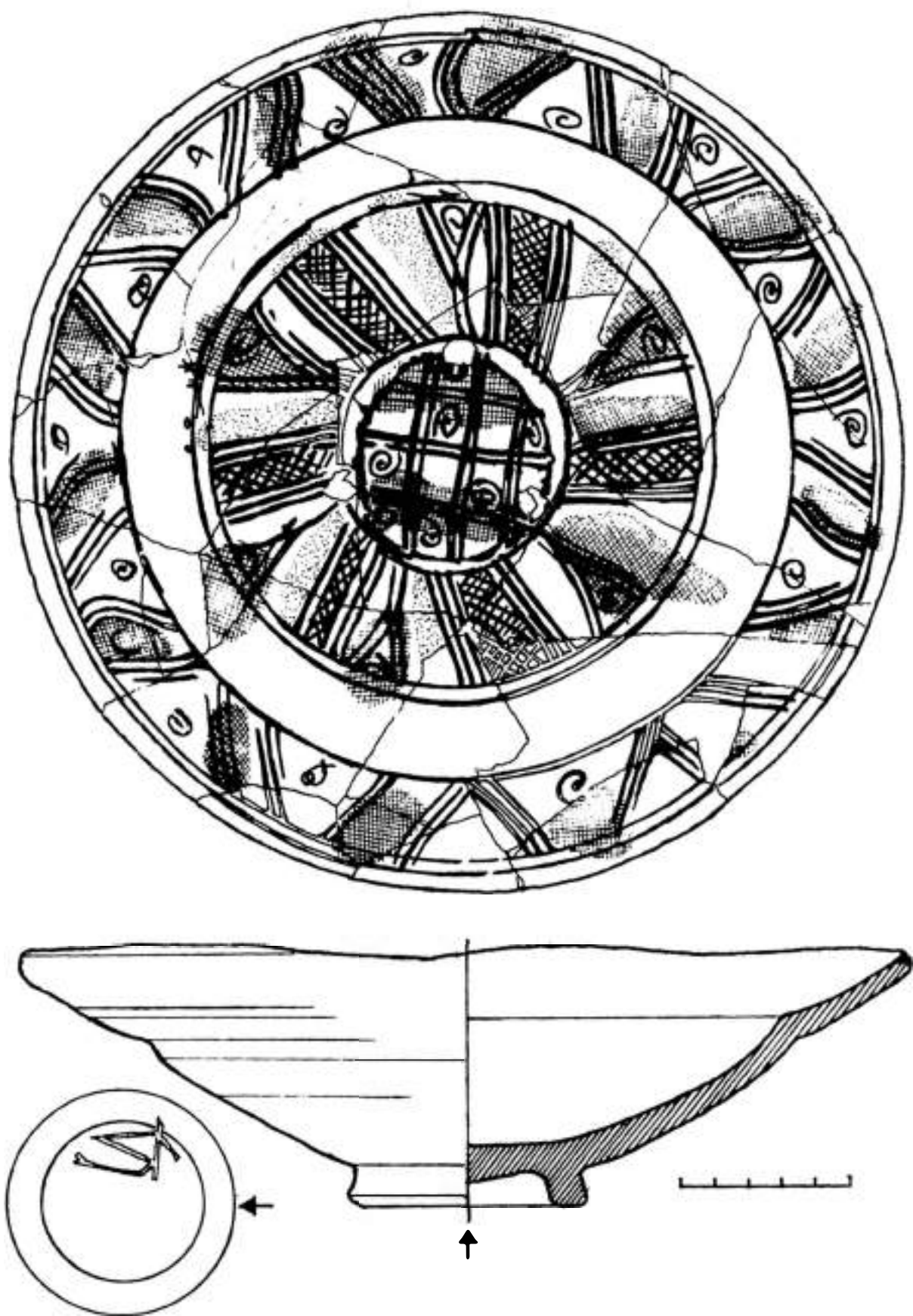

Рис. 443. Красноглиняная поливная тарелка из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка у селения Фуна

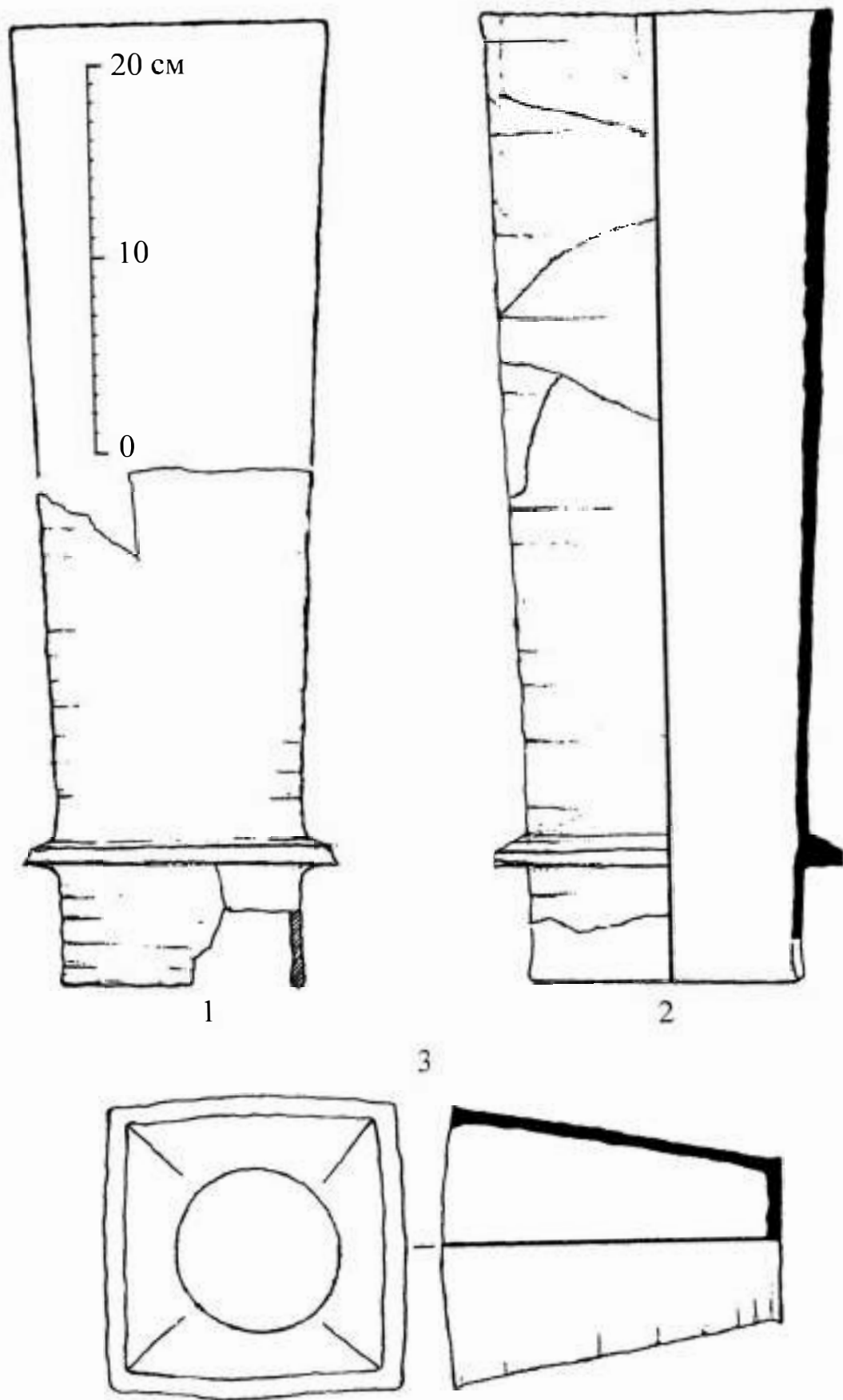

Рис. 444. Керамические трубы (1, 2) и изразец (3) из раскопок донжона 1459 - 1475 гг.: 1, 3 - из слоя пожара 1475 г.; 2 - из слоя разрушения XVII в.

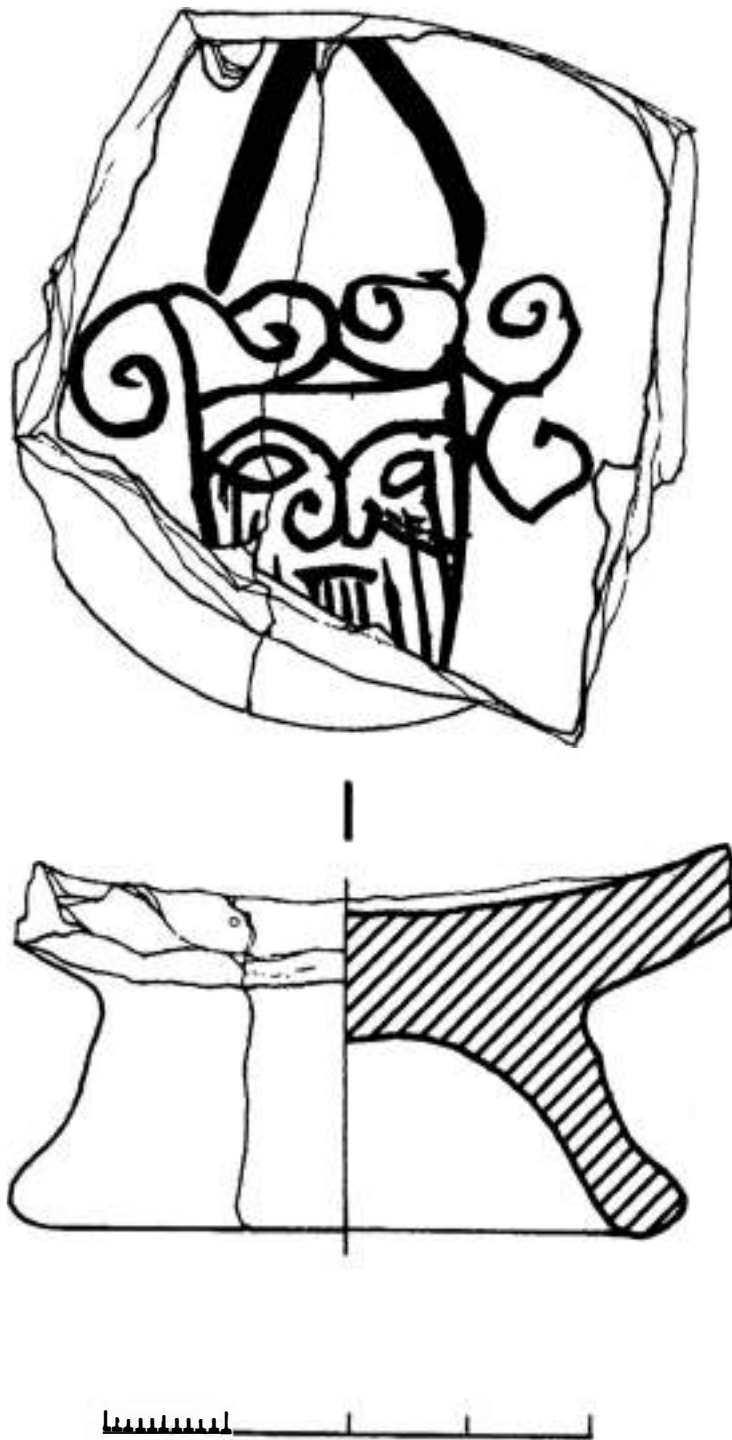

Рис. 445. Фрагмент дна поливной чаши с изображением мужского лица из слоя пожара 1475 г. крепостного двора No 1

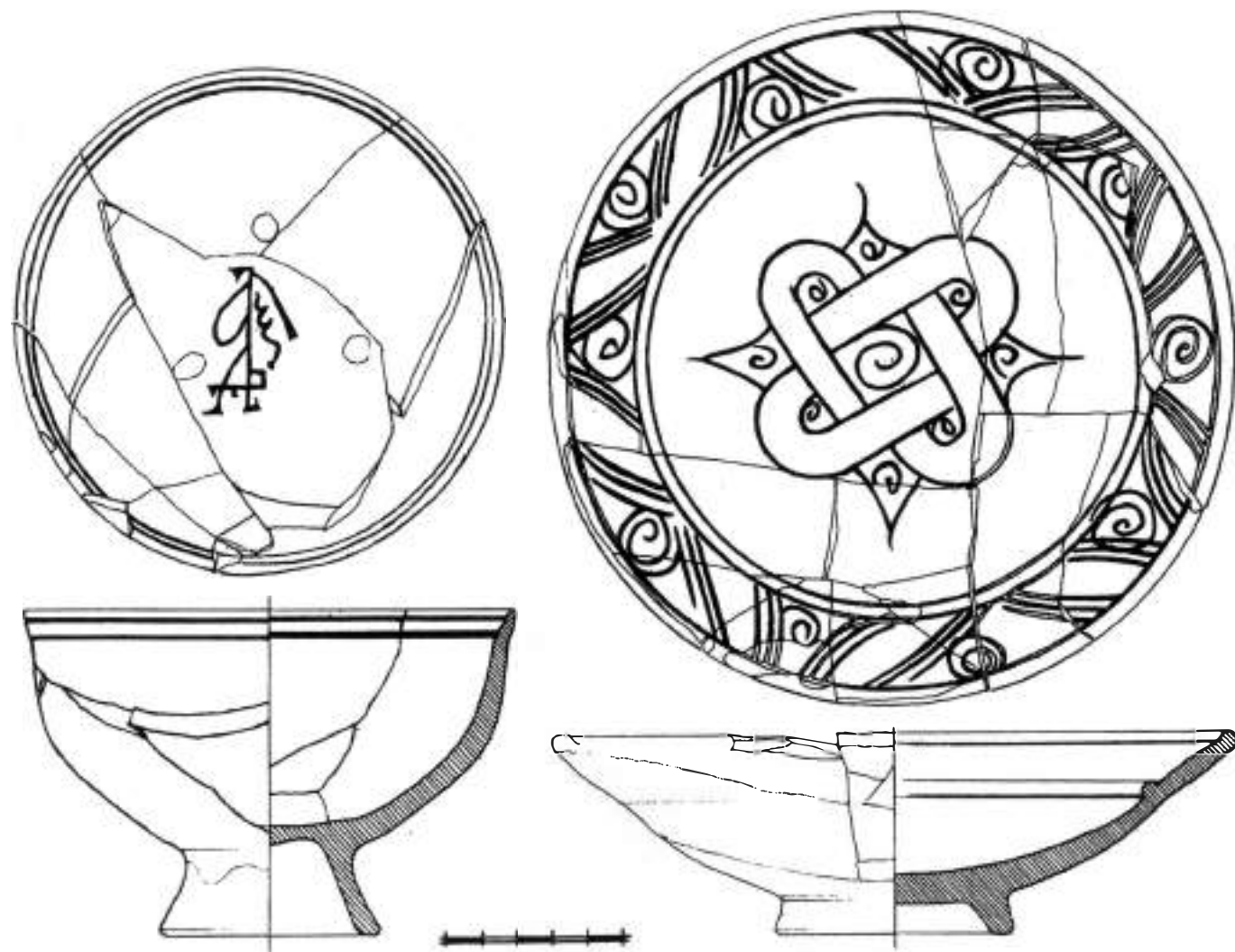

Рис. 446. Красноглиняные поливные чаши из слоя пожара 1475 г. внутри крепости Фуна

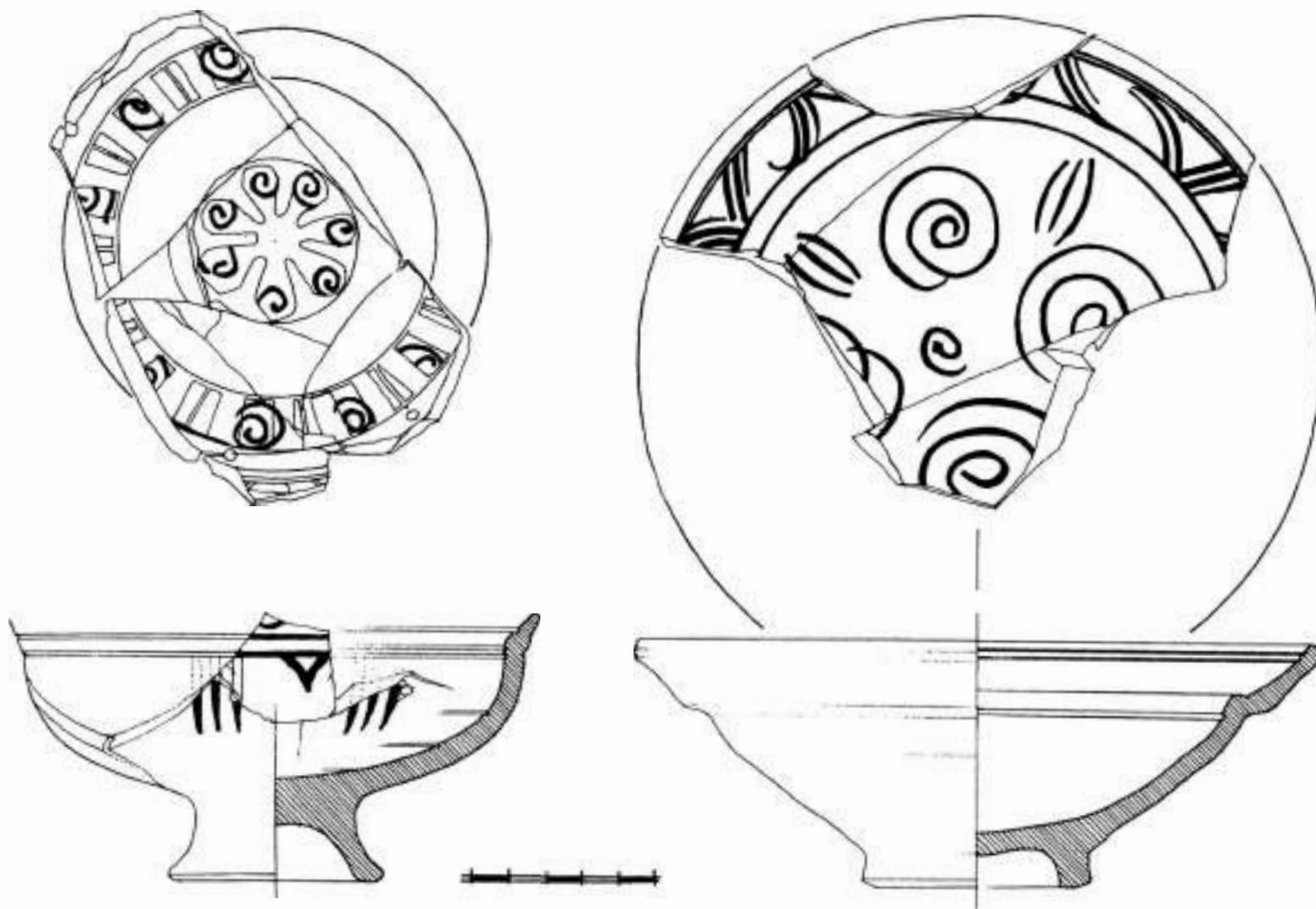

Рис. 447. Красноглиняные поливные изделия из слоя пожара 14 7 5 г. в замке у селения Фуна

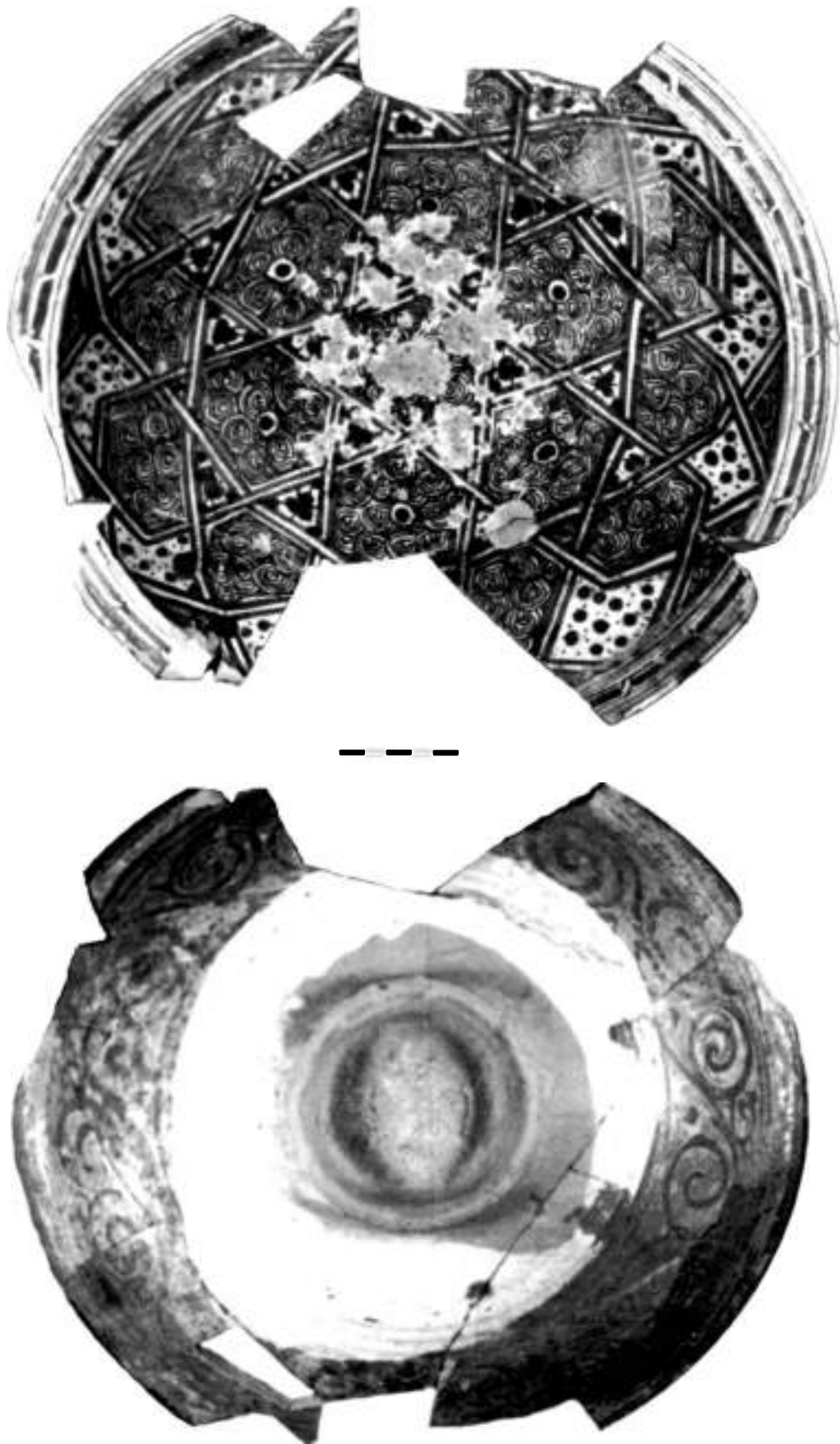

Рис. 448. Красноглиняное блюдо с росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна

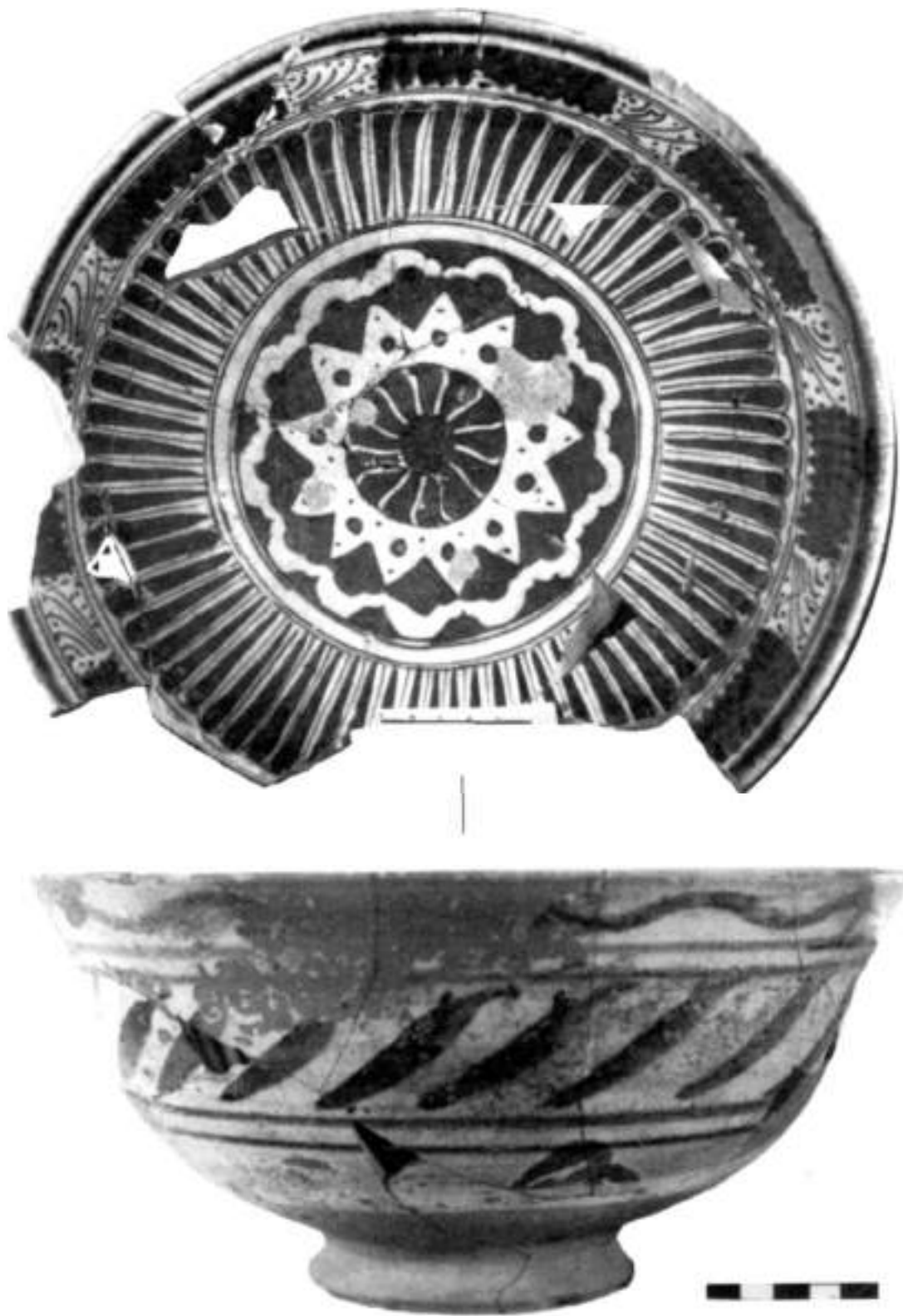

Рис. 449. Чаша с росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна (фото)

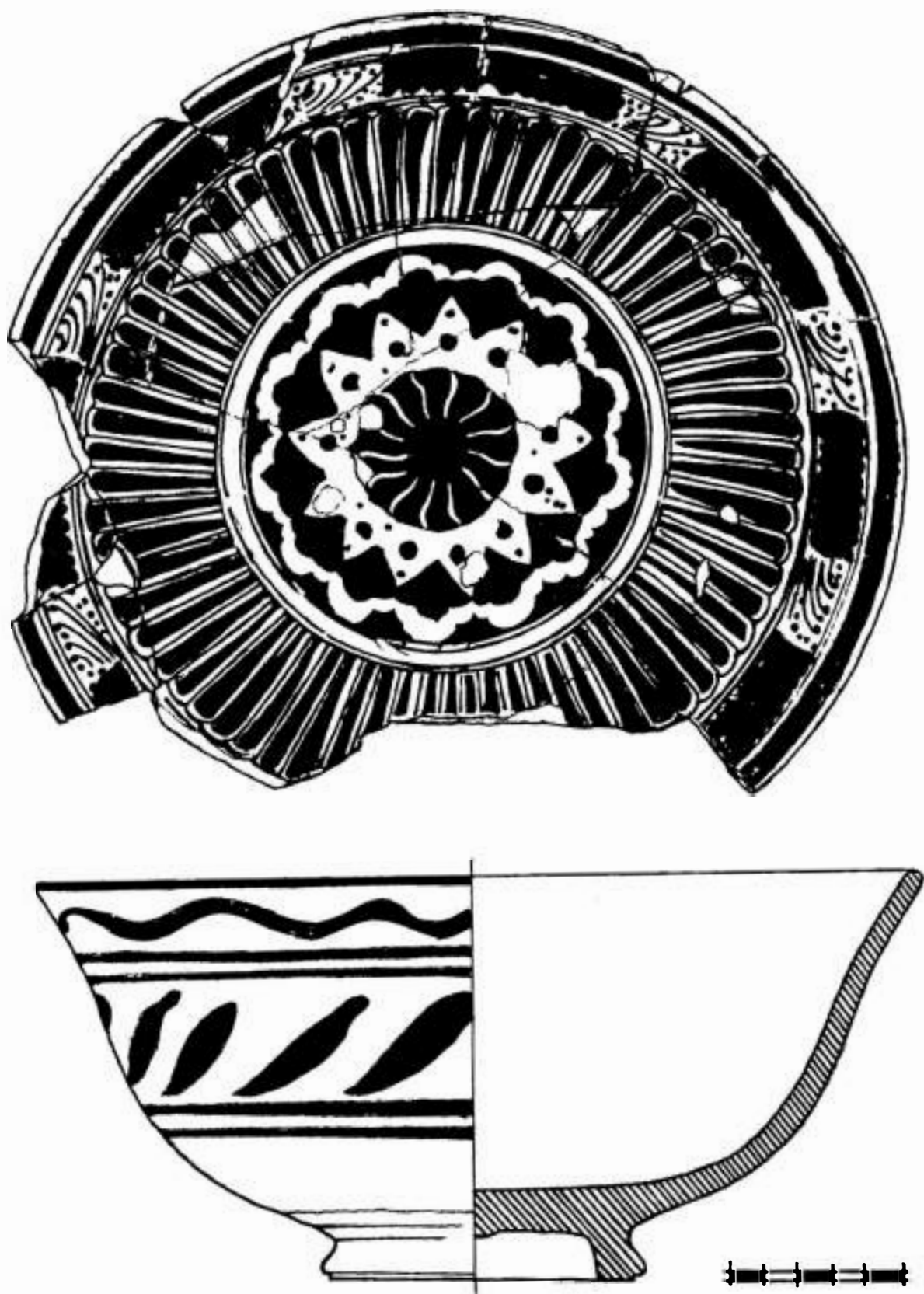

Рис. 450. Красноглиняная чаша с росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г.

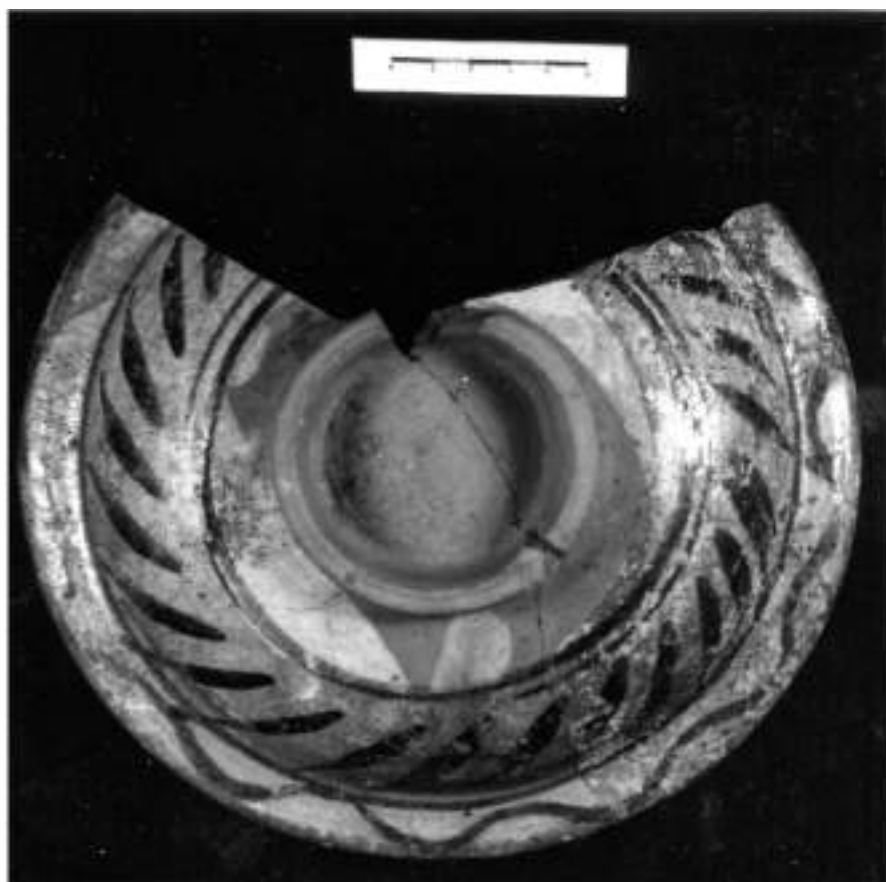

Рис. 451. Красноглиняная поливная тарелка с подглазурной росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г.

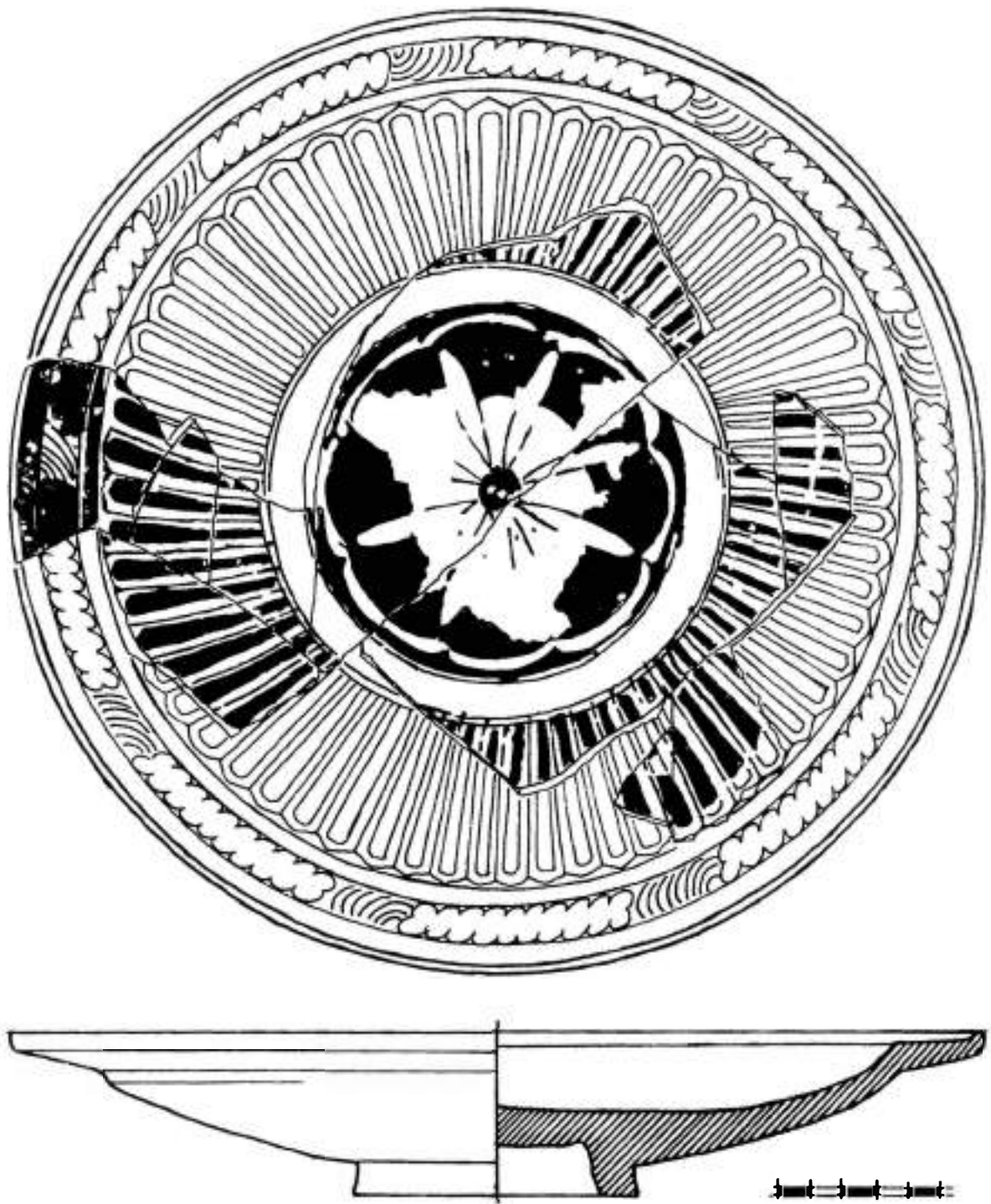

Рис. 452. Красноглиняное поливное блюдо с подглазурной росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна

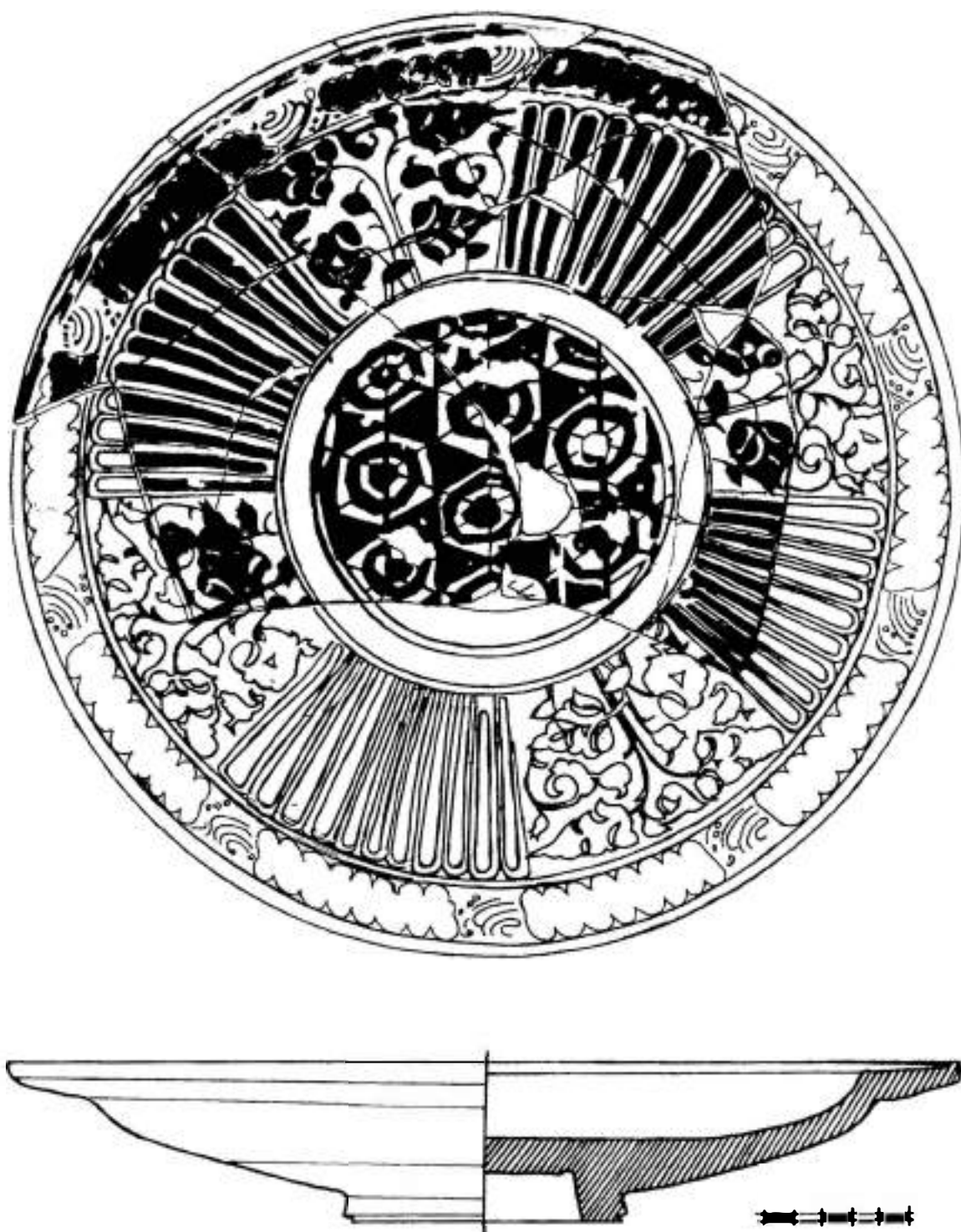

Рис. 453. Блюдо с подглазурной росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г.

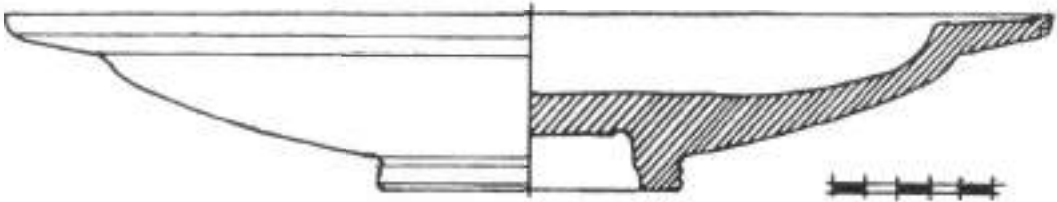

Рис. 454. Блюдо с подглазурной росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна

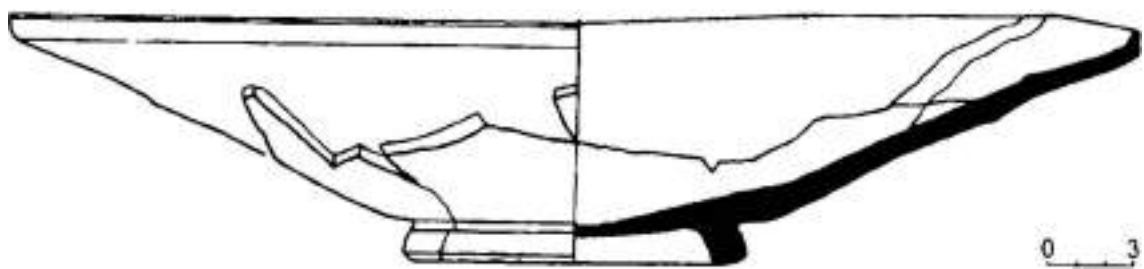

Рис. 455. Розовоглиняное блюдо с люстровым покрытием и кобальтовой росписью из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна

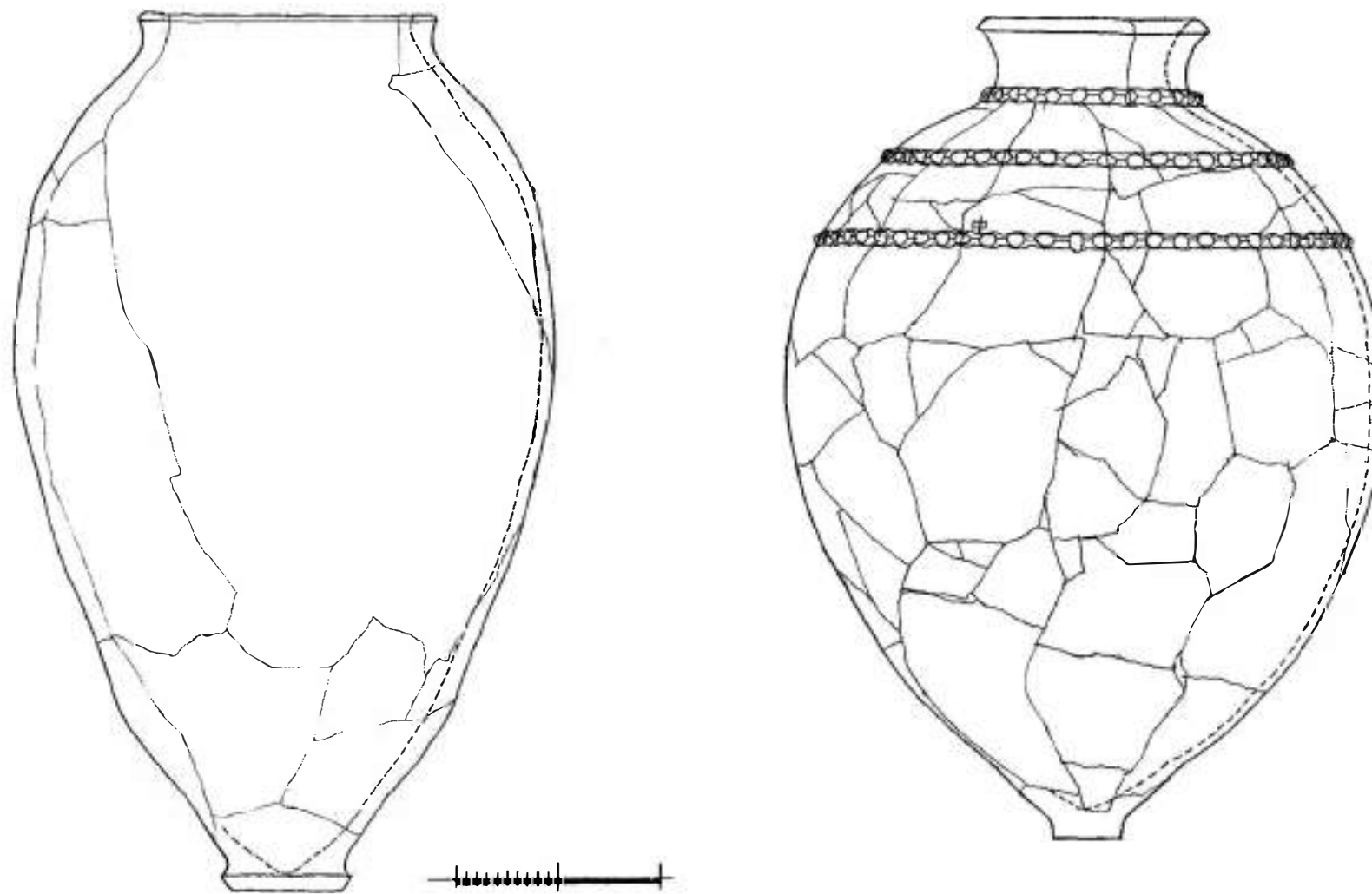

Рис. 456. Пифосы из слоя пожара 1475 г. в помещении XXXII замка у селения Фуна

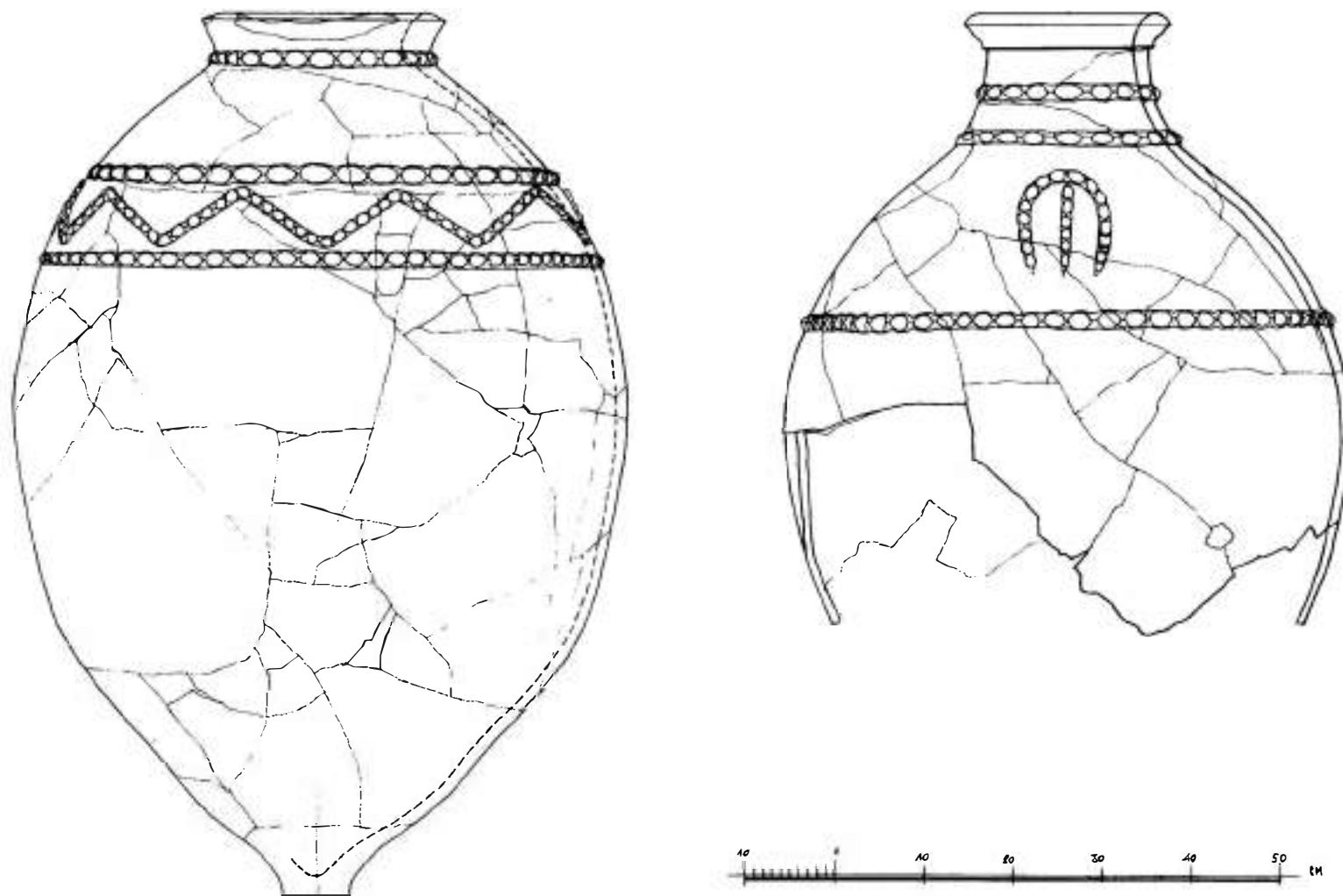

Рис. 457. Пифосы из слоя пожара 1475 г, в помещении XXXII замка у селения Фуна

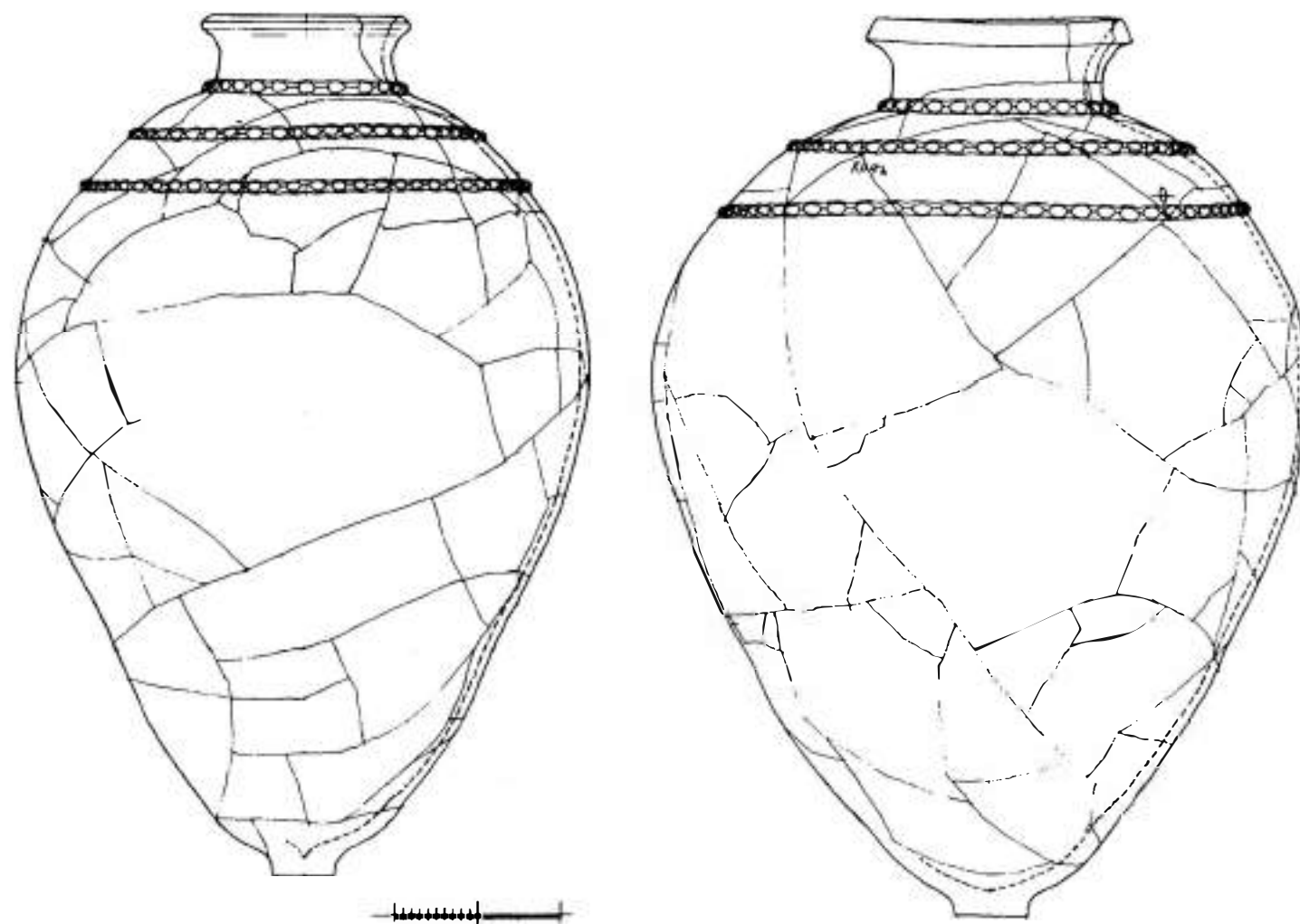

Рис. 458. Пифосы из слоя пожара 1475 г. в помещении XXXII

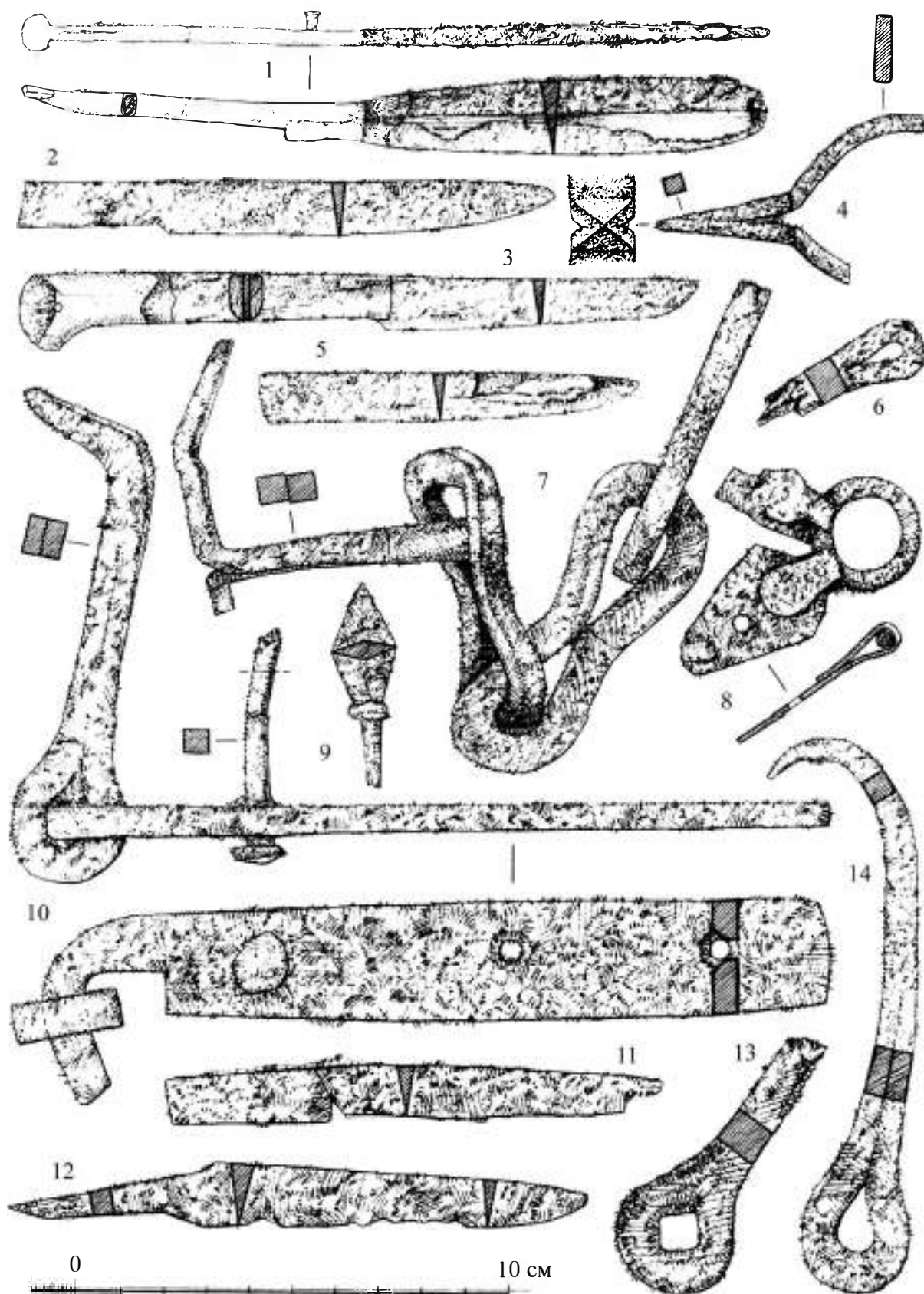

Рис. 459. Находки из железа в замке Фуна: 1, 2, 6, 12, 13 - двор №2; нивелировочная подсыпка; 3 - 5, 7, 8, 10 - 14 - двор №1, слой пожара 1475 г.; 11 - двор №1, подсыпка; 9 - помещение XXXII, заполнение выгребной ямы

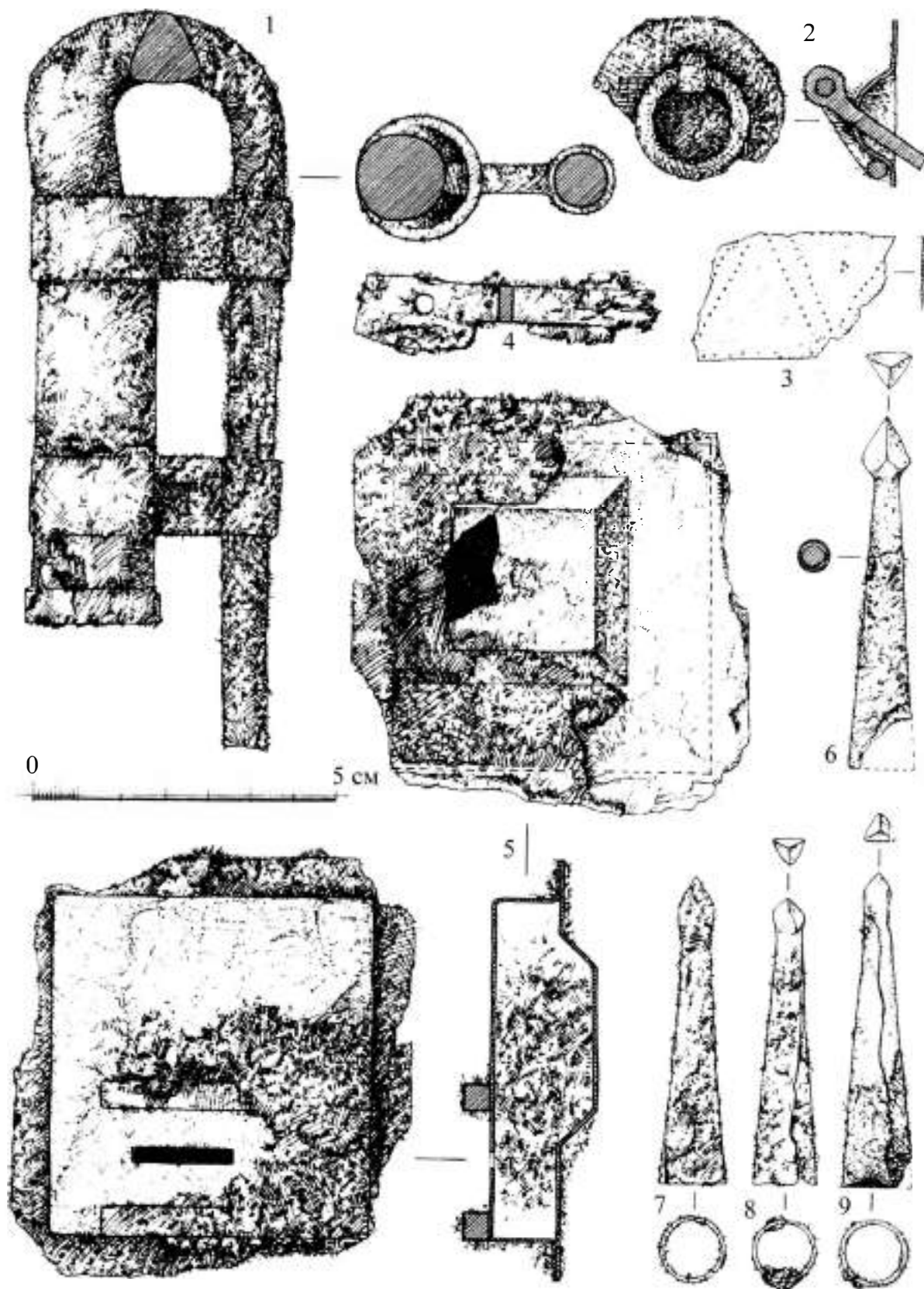

Рис. 460. Изделия из железа и меди, найденные в замке Фуна: 1 - помещение XXXII, слой пожара 1475 г.; 2 - 9 - помещение X, яма №7, заполнение ямы

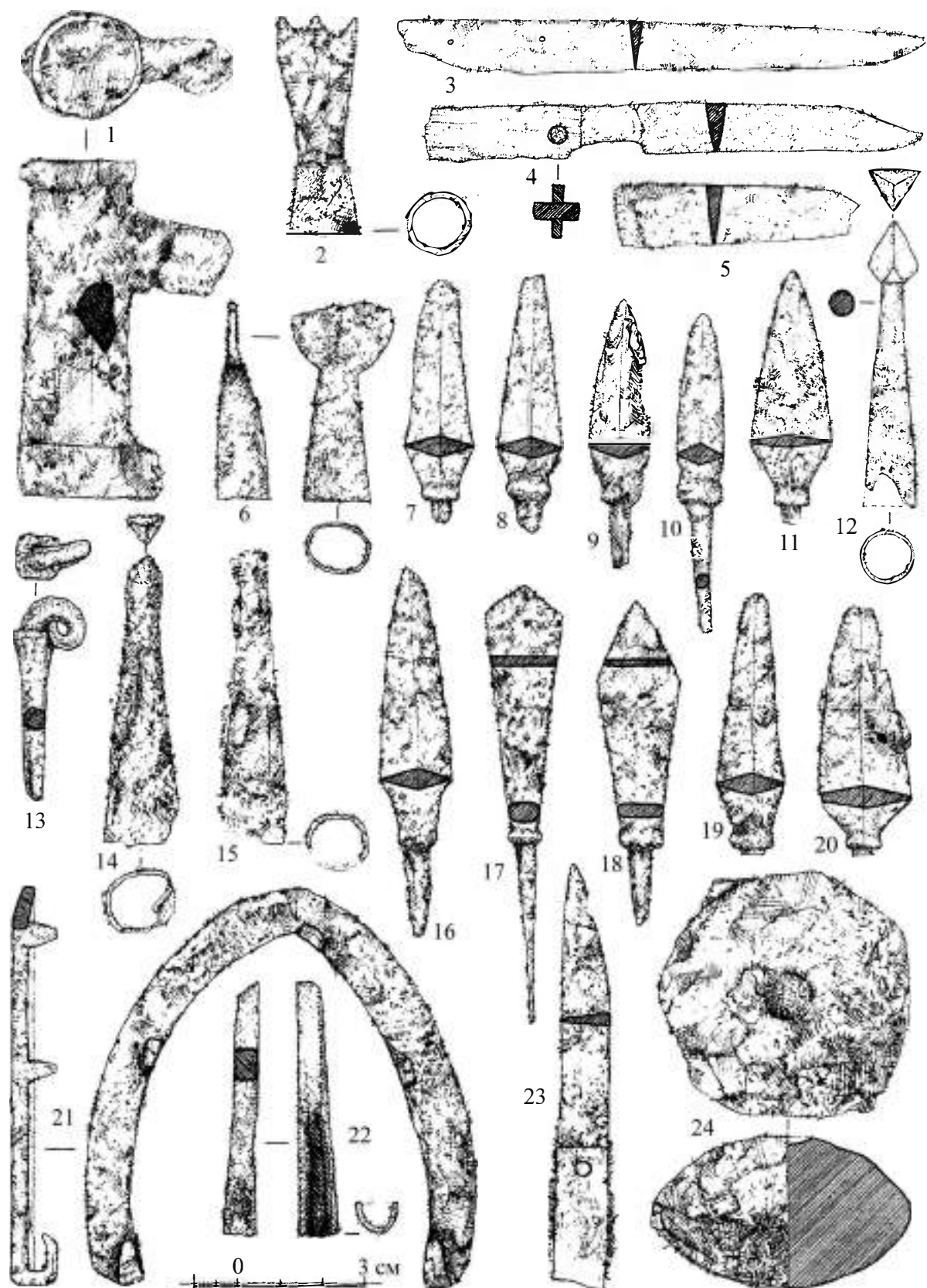

Рис. 461. Находки из железа в замке у селения Фуна: 1, 3 - 6, 7, 10, 13, 21 - из слоя подсыпки во дворе №2; 14 - помещение XXXII, слой пожара 1475 г.; 20 - раскоп №3, слой завала; 9, 16, 18, 22, 23, 24 - слой подсыпки во дворе №1; 2, 20 - слой пожара во дворе №2; 15, 17, 19 - слой пожара во дворе №1

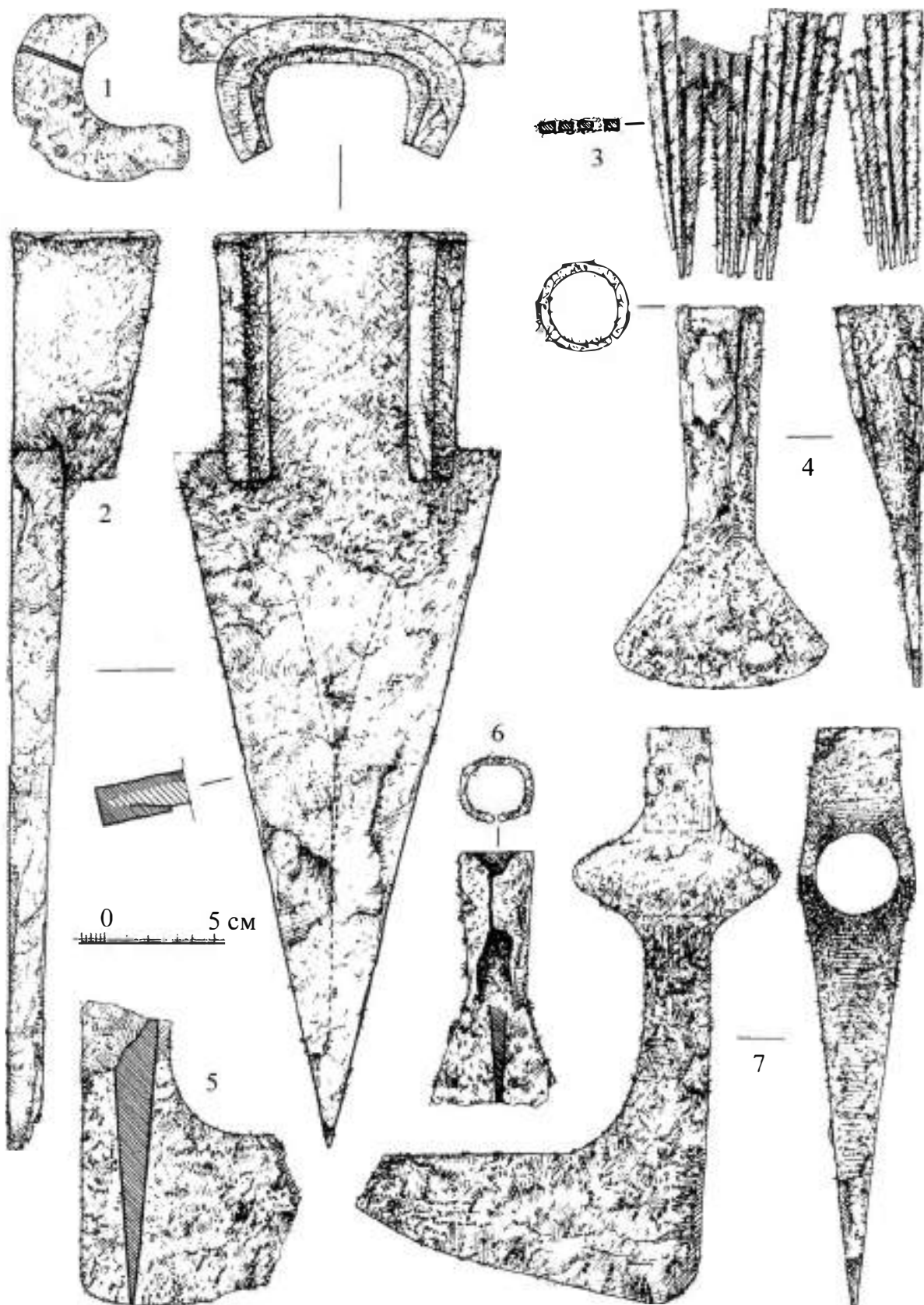

Рис. 462. Находки орудий труда из раскопок замка Фуна: 1, 2, 4, 5 - из слоя пожара во дворе №1; 3, 6 - из слоя пожара в помещении XXVIII; 7 - из слоя пожара в помещении XXIX

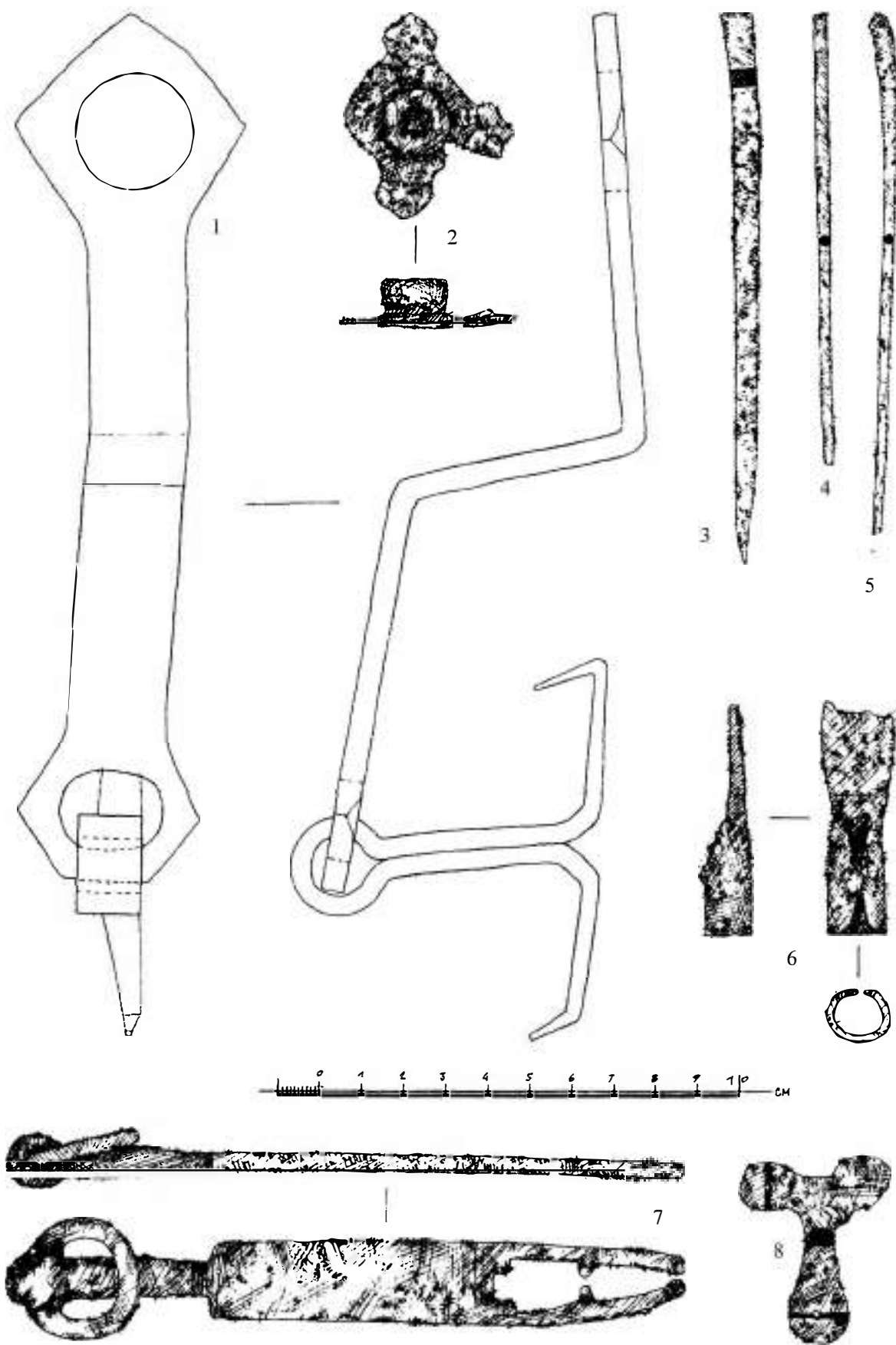

Рис. 463. Железные предметы из раскопок замка Фуна: 1 - из слоя пожара 1475 г. во дворе №2; 2 - из слоя подсыпки во дворе №1; 3 - 7 - из слоя подсыпки во дворе №2

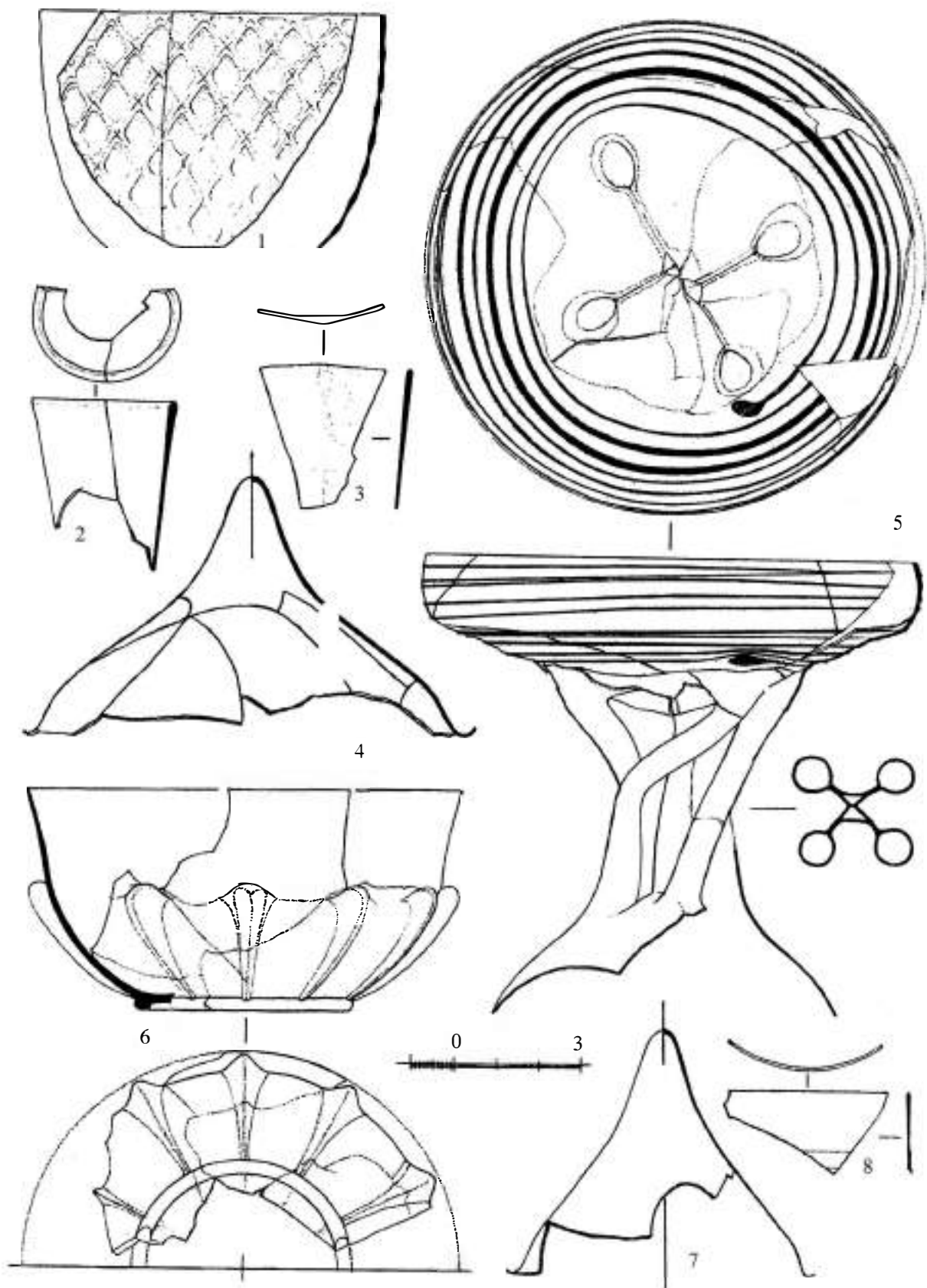

Рис. 464. Находки из стекла: 1, 5 - 7 - помещение XXXIII, заполнение выгребной ямы; 2 - 4, 8 - двор №1, слой пожара 1475 г.

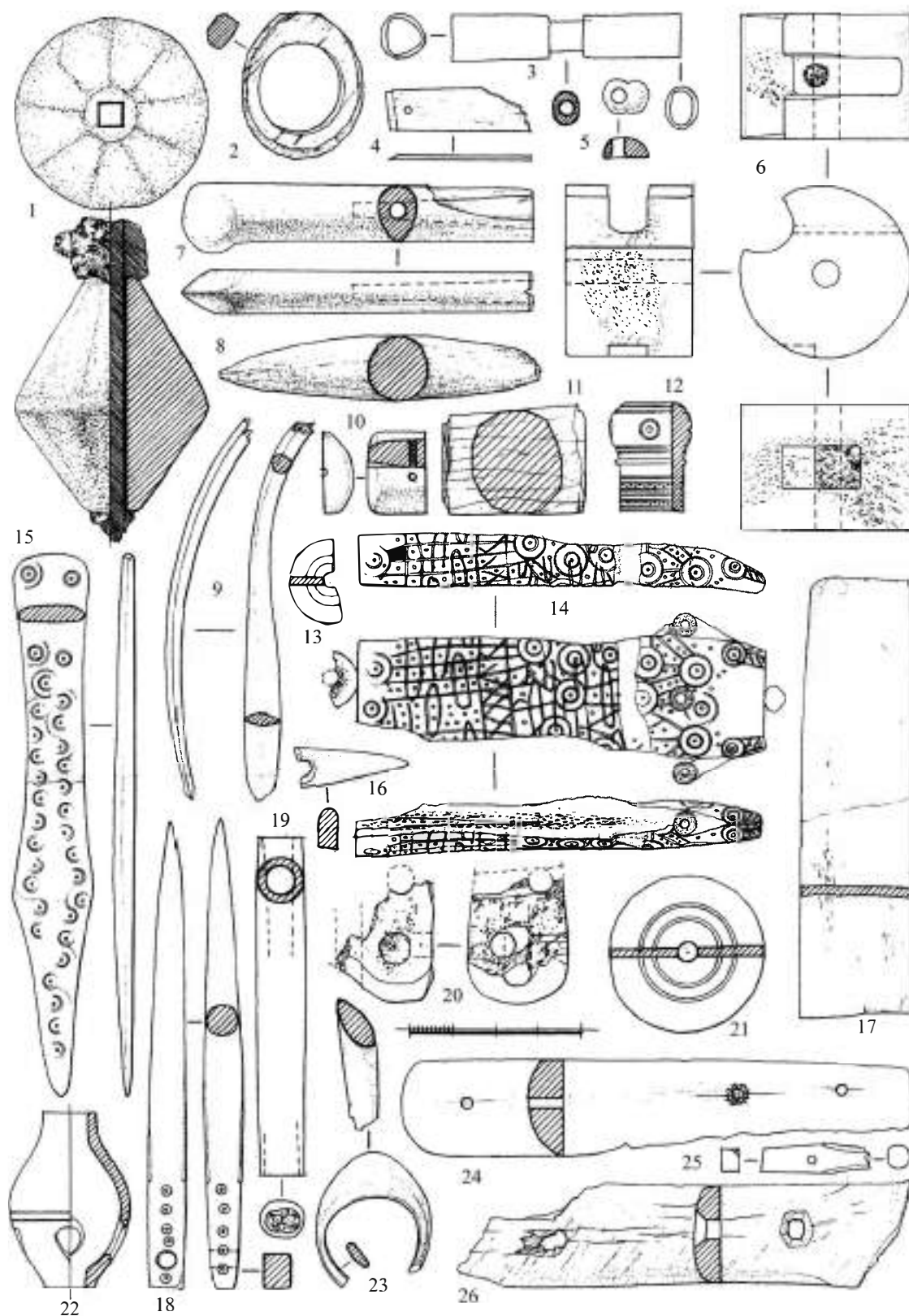

Рис. 465. Изделия из кости: 1 - 4, 12 - из слоя подсыпки во дворе №2; 5, 6, 8, 23, 26 - из подсыпки во дворе №1; 15, 17 - из слоя пожара 1475 г. в помещении V; 21 - из слоя подсыпки в помещении VI; 24 - из слоя пожара в помещении XXIX; 25 - из слоя завала в помещении XXII; 13 - из ямы №7, в помещении X; 16 - из ямы № 1 во дворе № 1; 14 - из ямы №5 в помещении XXIX; 7 - из слоя пожара во дворе №2; 11 - из ямы № 11; 20, 22 - из слоя подсыпки пола в помещении XXX; 9, 10, 19 - слой пожара во дворе №1

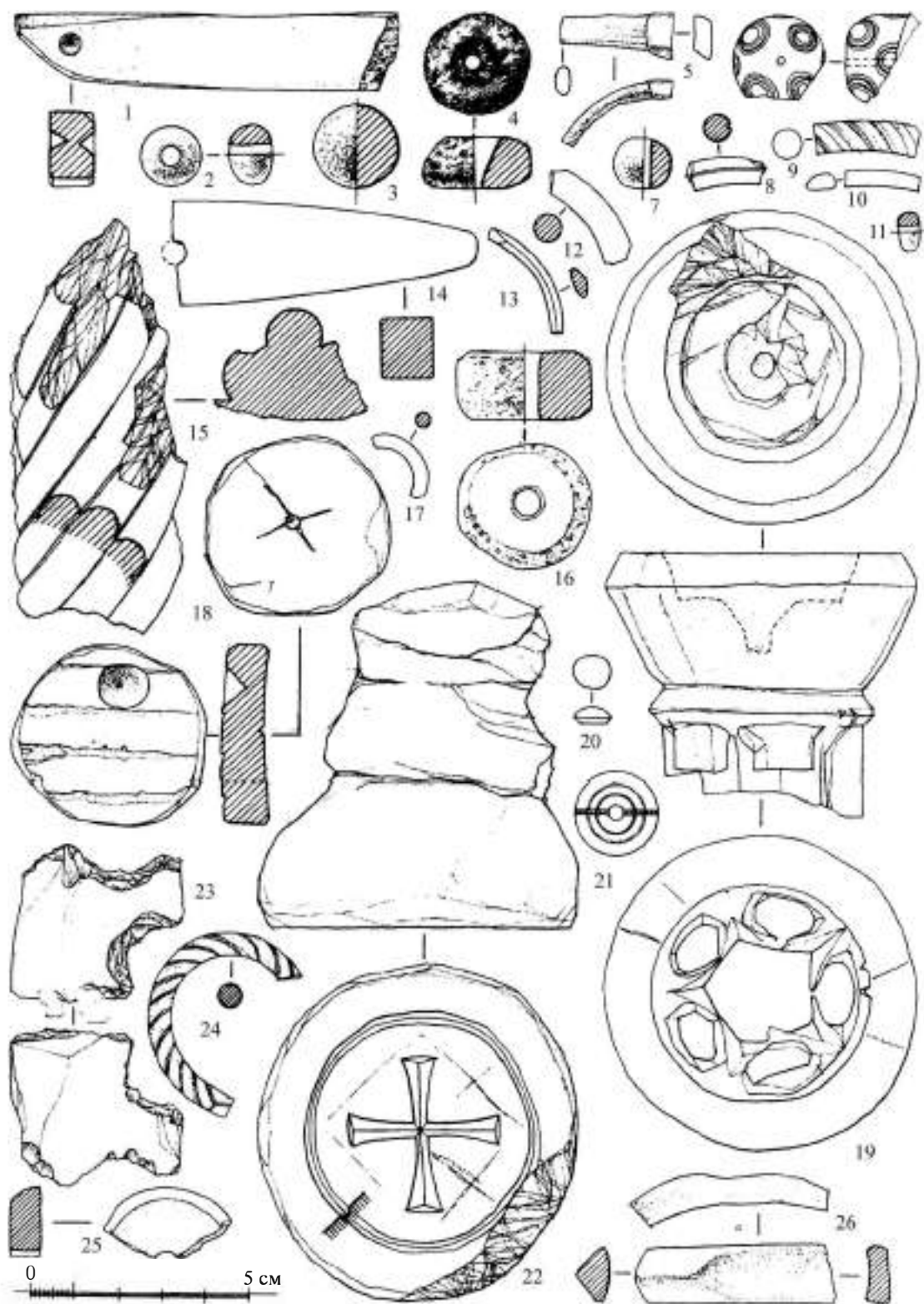

Рис. 466. Изделия из камня, стекла, керамики, кости: 1, 2, 4 - из слоя подсыпки во дворе №2; 3, 5, 7 - из слоя пожара во дворе №2; 6 - из ямы № 1; 9, 10 - из слоя пожара в помещении V; 14 - из слоя пожара в помещении XXXII; 11 - 13, 8 - из нивелировочной подсыпки в помещении VI; 16 - из слоя разрушения в помещении XXXI; 17 - из ямы №7; 22 - из заполнения между кладками 66 и 67 (в пожаре); 26 - из подсыпки в помещении XXXIV; 20 - из подсыпки во дворе №1; 15, 18, 21 - из слоя пожара во дворе №1; 24 - из завала в помещении XXIX; 25 - случайная находка

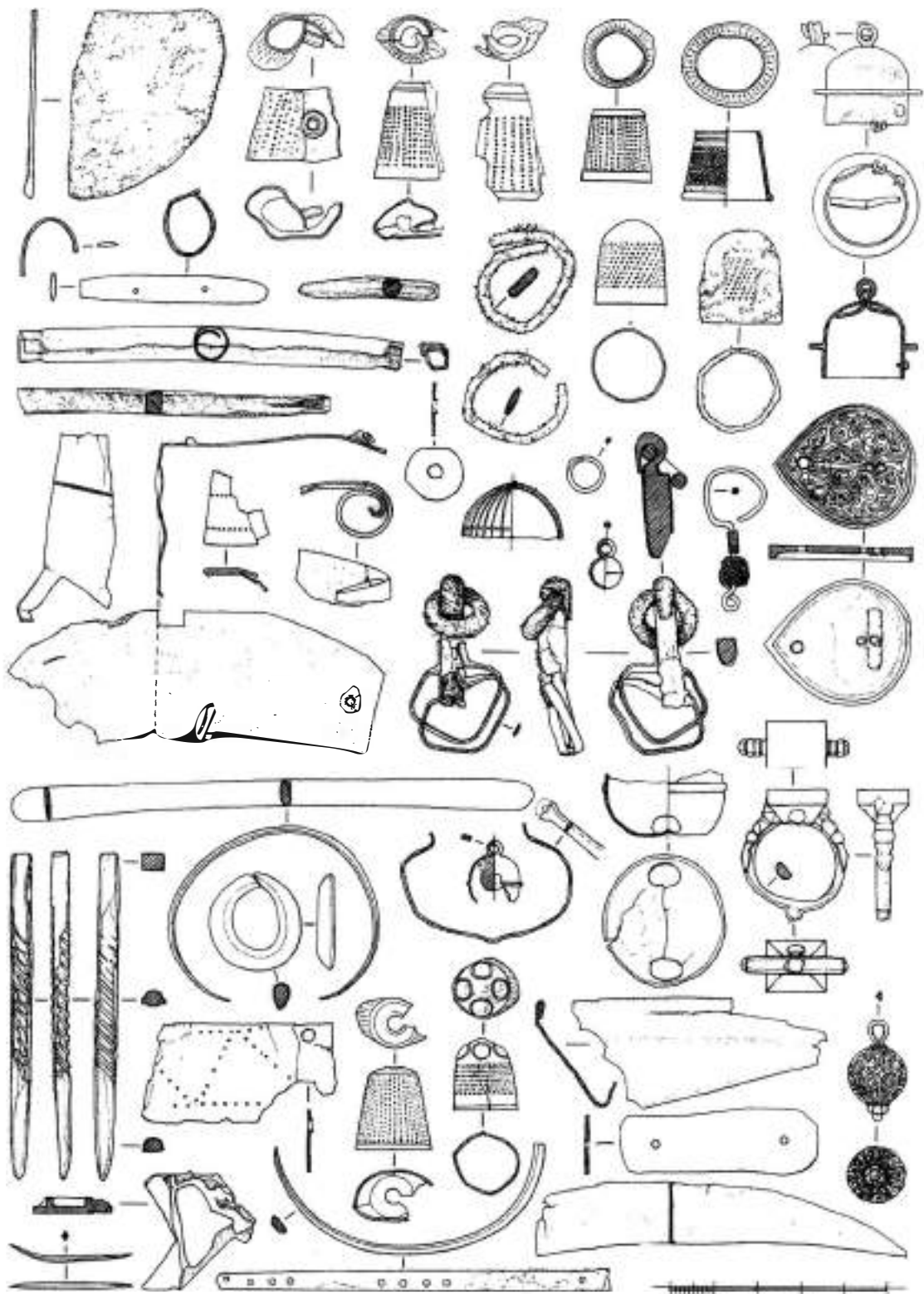

Рис. 467. Изделия из цветных металлов: 1, 3, 4, 9, 10, 14, 15 - из слоя нивелировочной подсыпки во дворе №1; 13, 25, 32, 34 - из слоя пожара во дворе №1; 16 - из ямы №1; 31 - из слоя подсыпки пола помещения X; 33, 36 - из заполнения пифосной ямы в помещении XXX; 27, 44 - из ямы №11; 12, 42 - из слоя пожара в помещении XXXII; 24, 38 - из нивелирующей подсыпки помещения XXX; 17 - 20, 39, 41 - из слоя пожара в помещении XXVIII; 28 - из слоя пожара в помещении V; 23, 29, 30 - из слоя пожара в помещении XXIX; 35, 37, 43 - из ямы №7; 40 - из слоя завала в раскопе №3

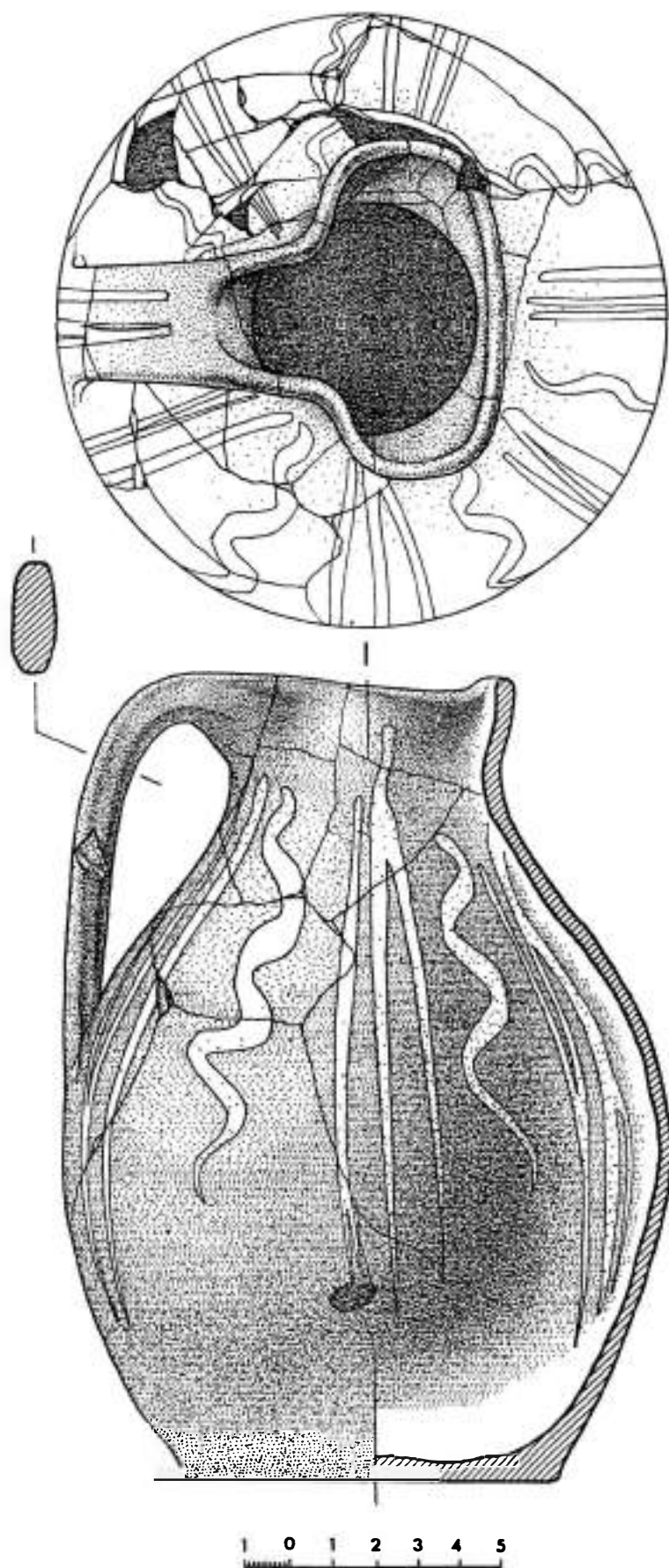

Рис. 468. Кувшин, в котором находился клад из 17 серебряных слитков XV в. (1475 г.), найденный в цитадели генуэзской Лусты

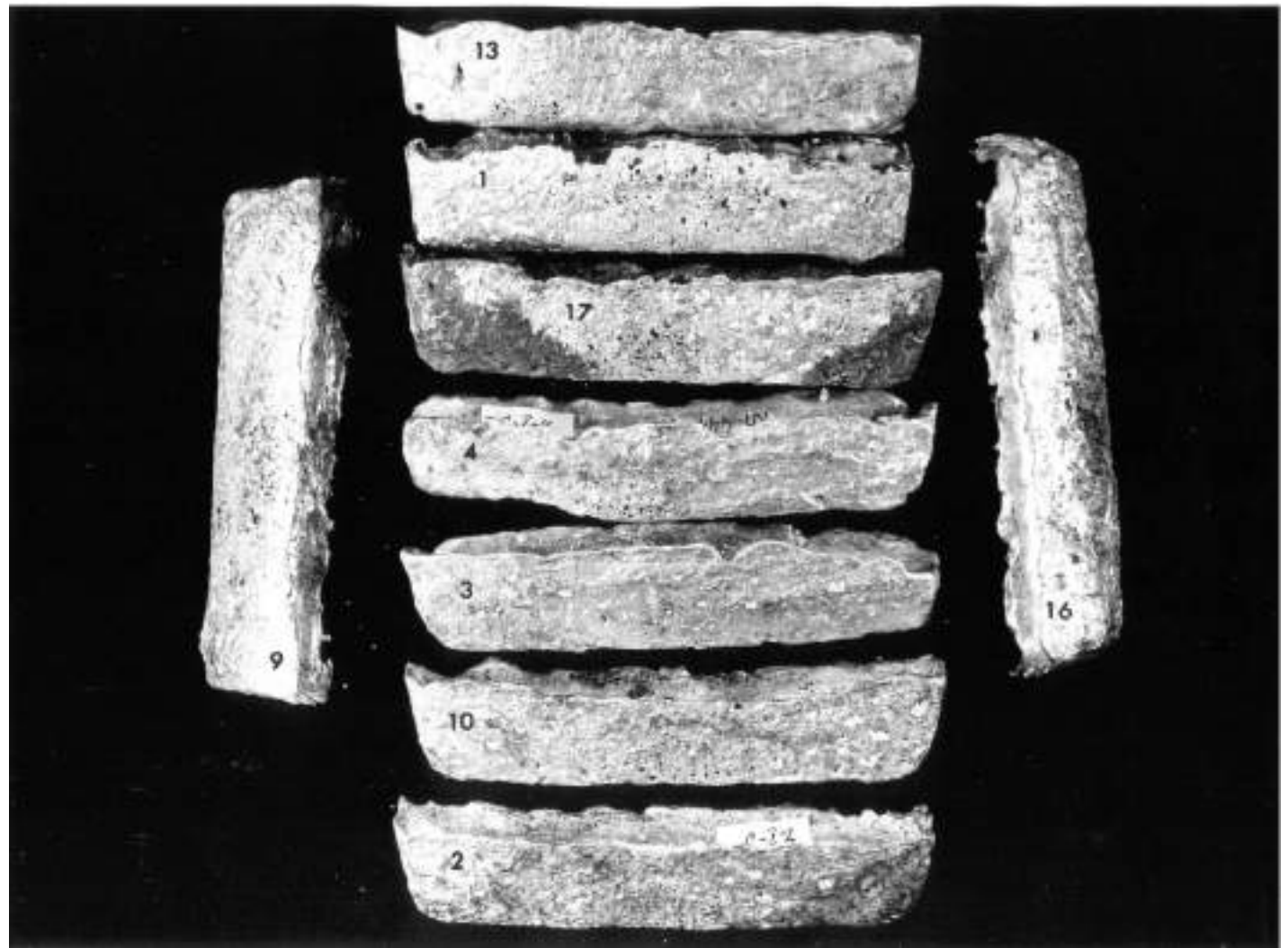

Рис. 469. Серебряные слитки (9) второй половины XV в. (1475 г.?) из клада, обнаруженного в цитадели генуэзской Лусты

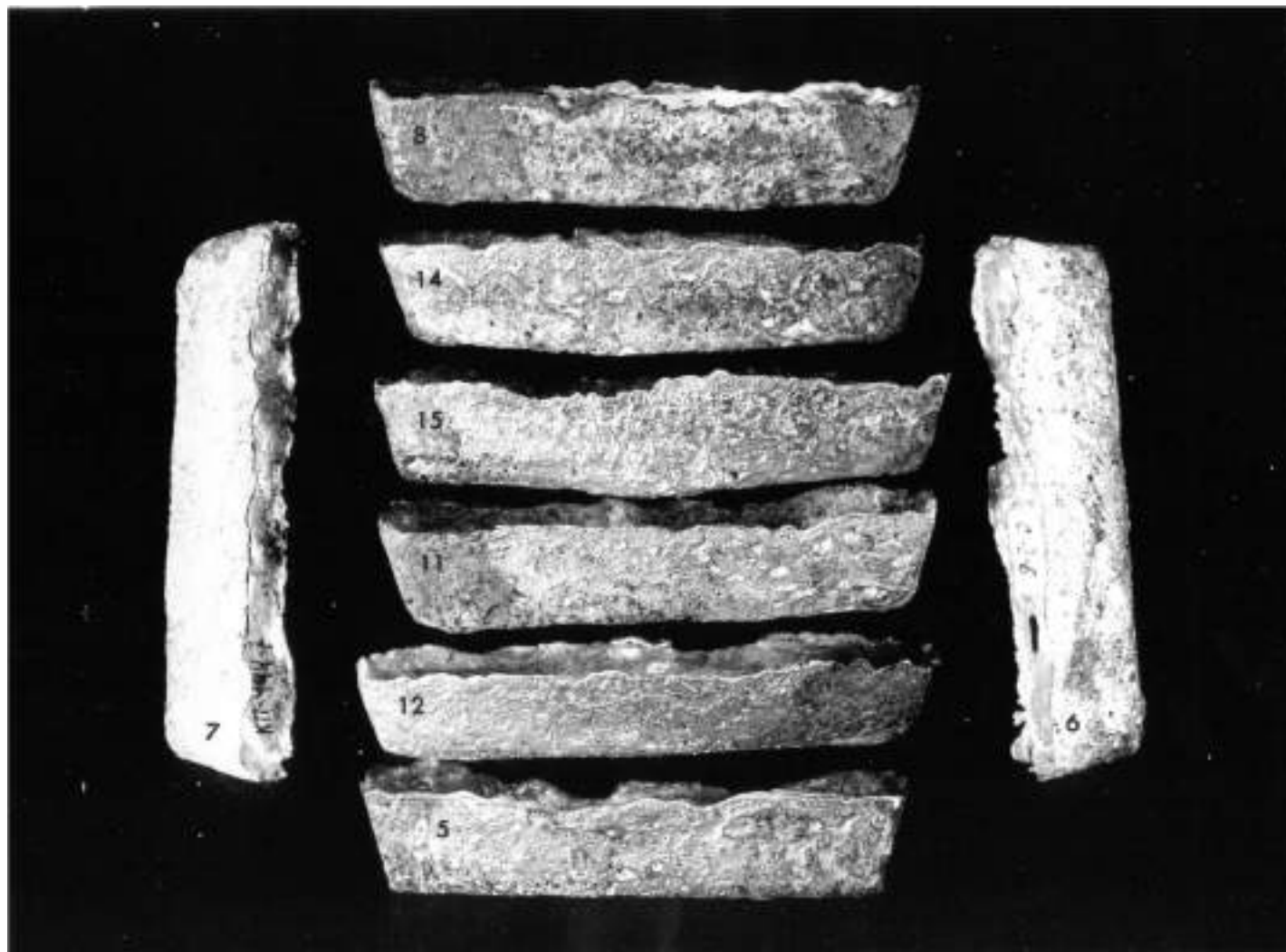

Рис. 470. Серебряные слитки (8) второй половины XV в. (1475 г.?) из клада, обнаруженного в цитадели генуэзской Лусты

Рис. 471. Обмерный план башни Барнабо Грилло 1463 г. с перестройкой внутри барбакана османского (XVII в.) периода

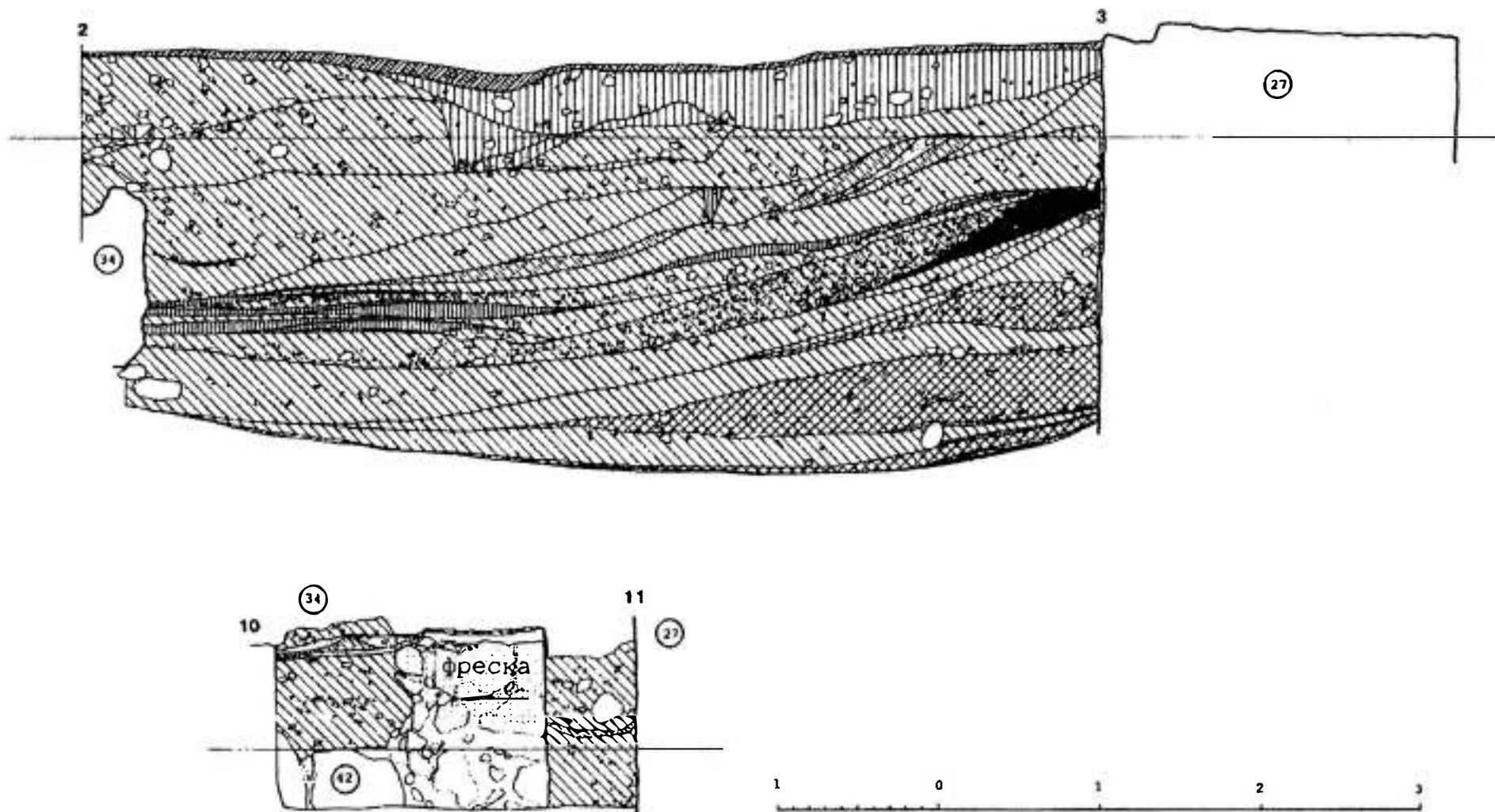

Рис. 472. Стратиграфические разрезы 2 - 3, 10 - II - валганга османского времени внутри барбакана

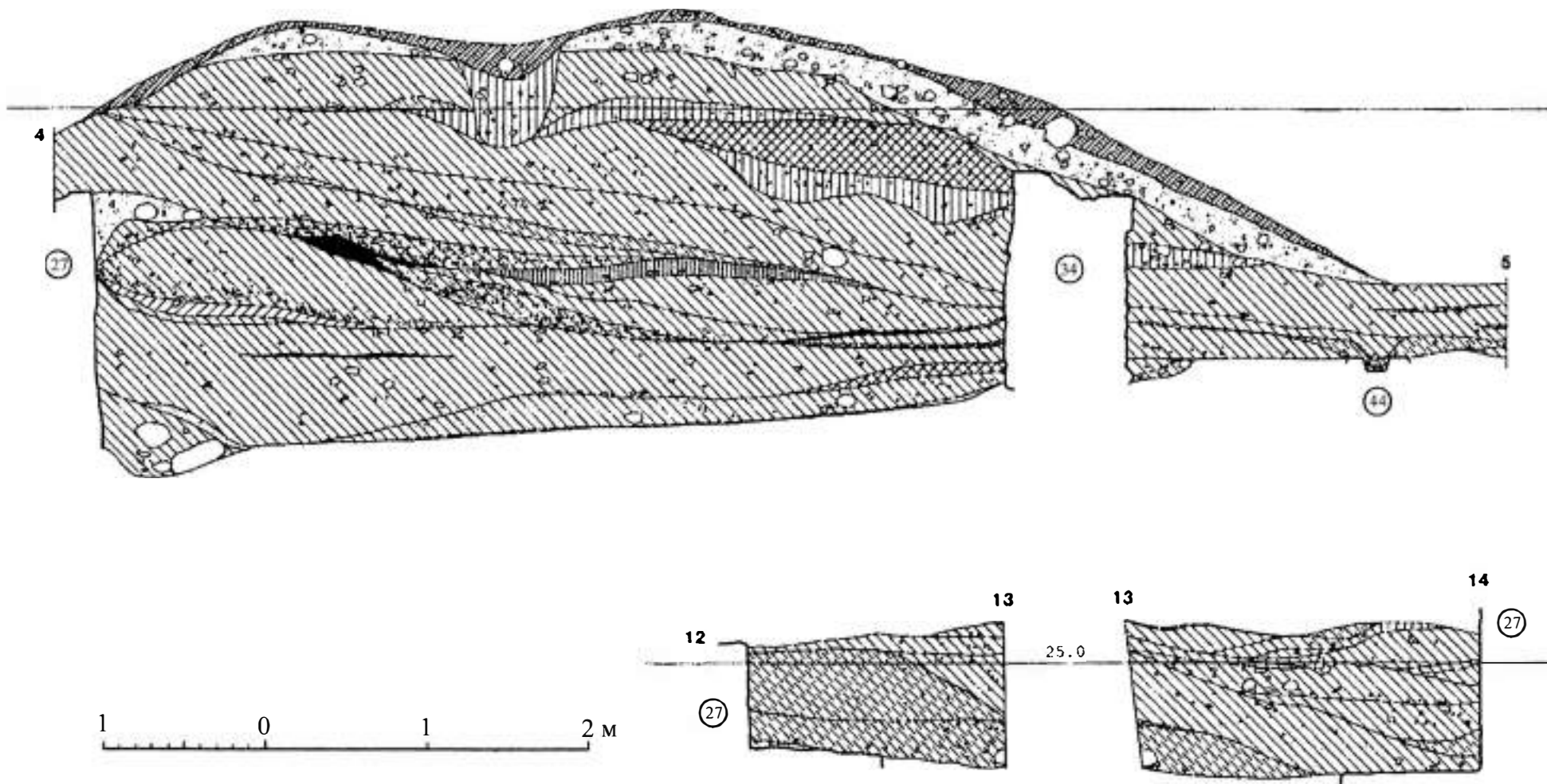

Рис. 473. Стратиграфические разрезы 4 - 5, 12,- 13, 13 - 14 валганга XVII в. внутри барбакана башни Барнабо Грилло

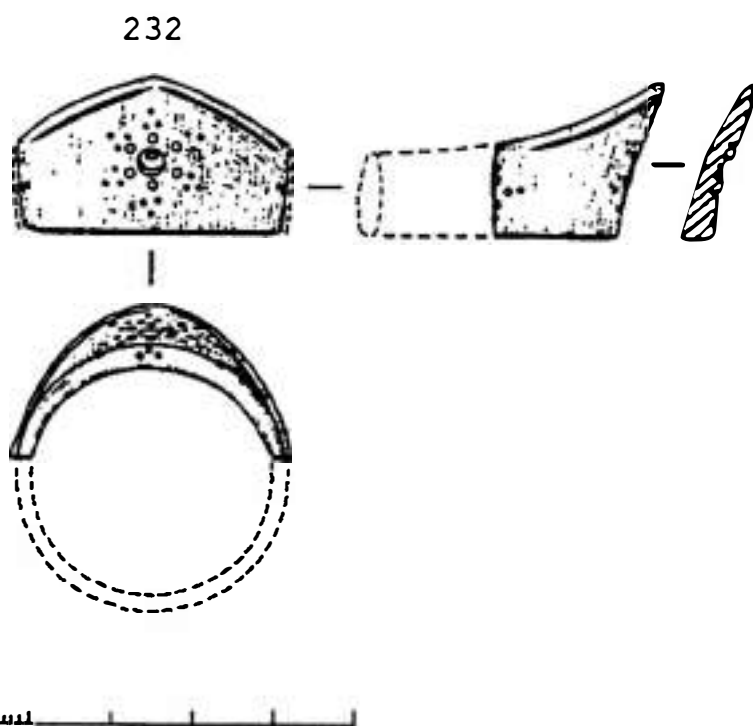
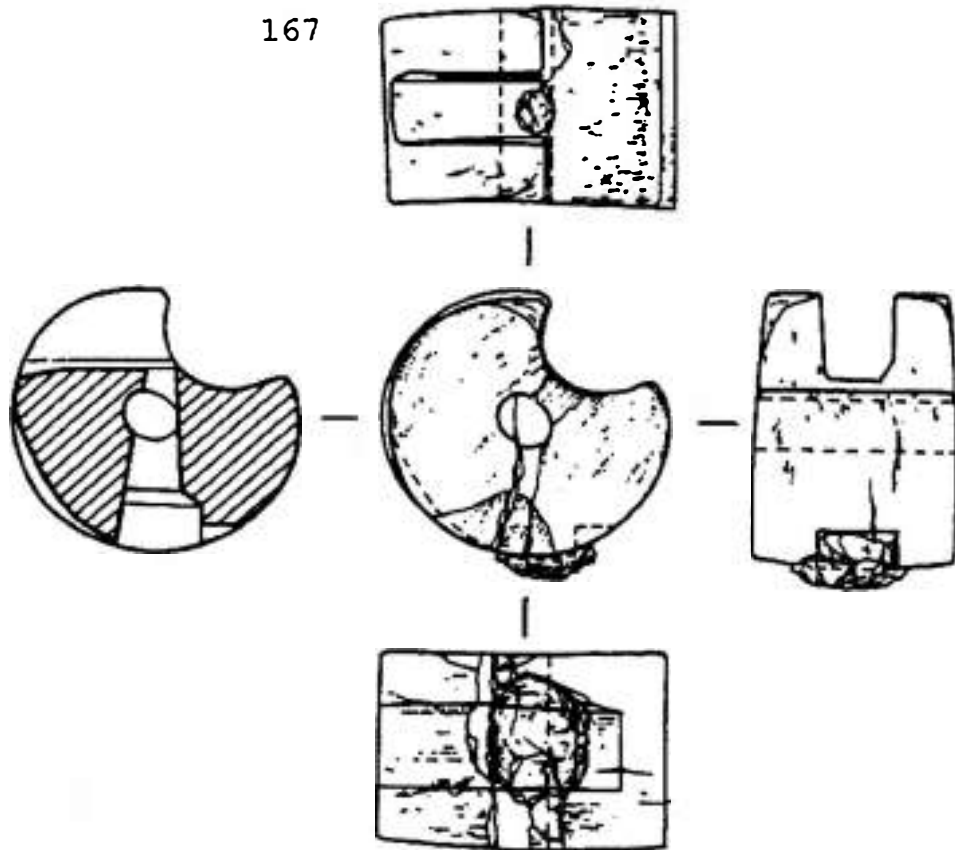

Рис. 474. Изделия из кости, найденные в слое засыпи валганга со следами пожара 1475 г.: деталь спускового механизма арбалета и кольцо для натягивания тетивы лука

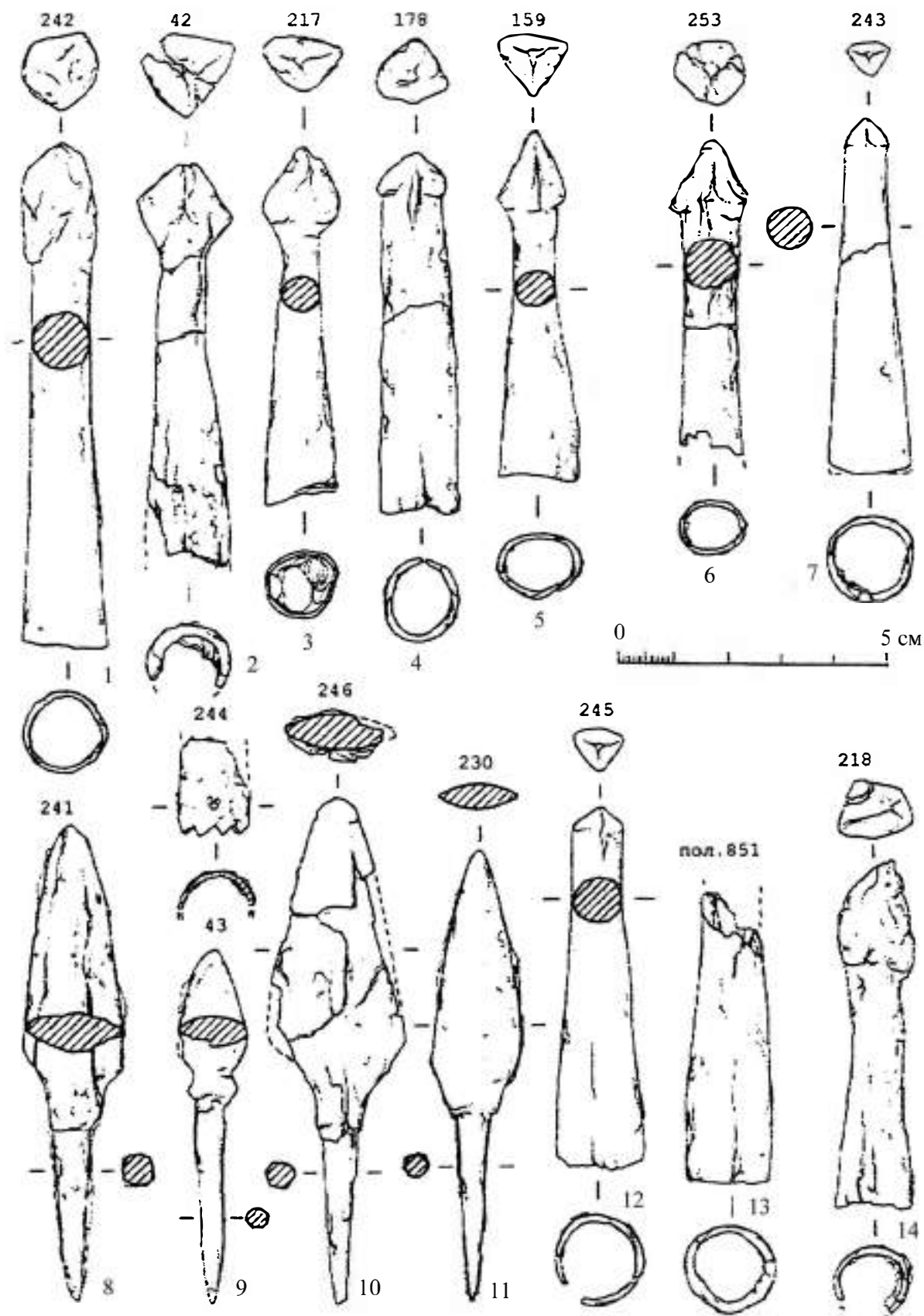

Рис. 475. Арбалетные болты (1 - 7, 12 - 14) и наконечники стрел из перемещенного слоя пожара 1475 г. в засыпи валганга барбакана

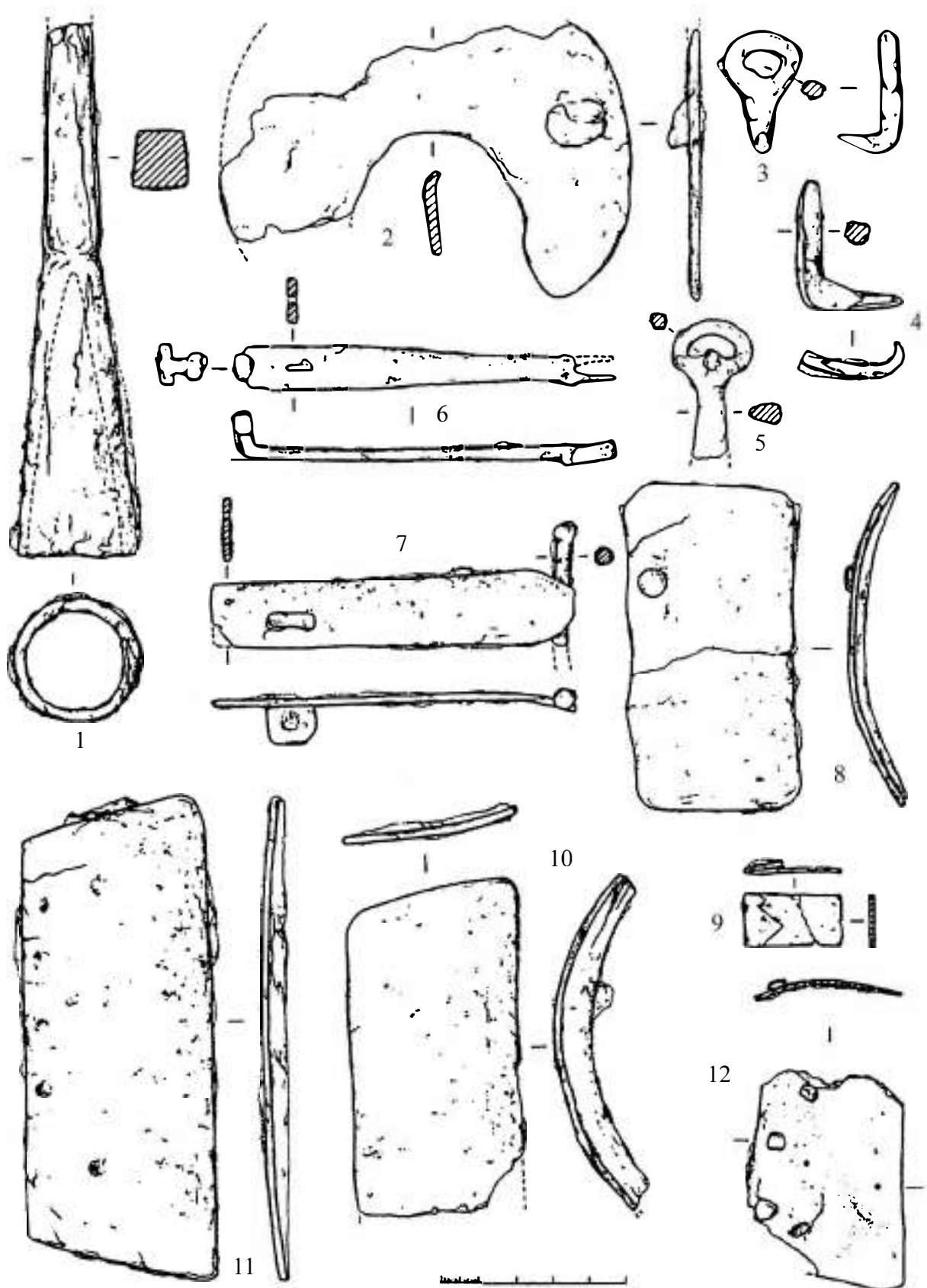

Рис. 476. Железные изделия второй половины XV в. из засыпи валганга: пластины доспехов, наконечник дротика, подкова, ключ

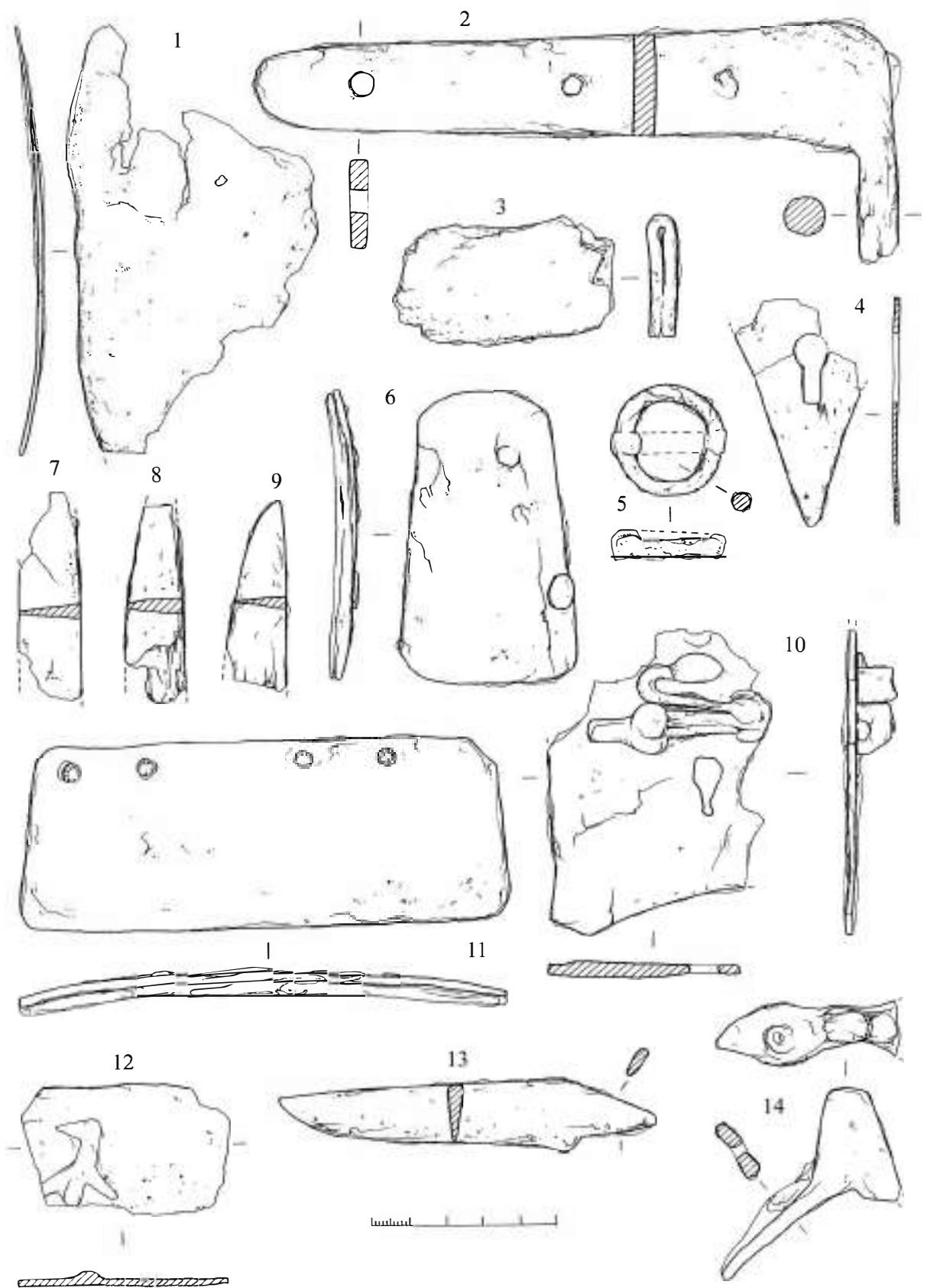

Рис. 477. Железные изделия из засыпи валганга: пластины доспехов, детали замков, фрагменты ножей, пряжка, навес

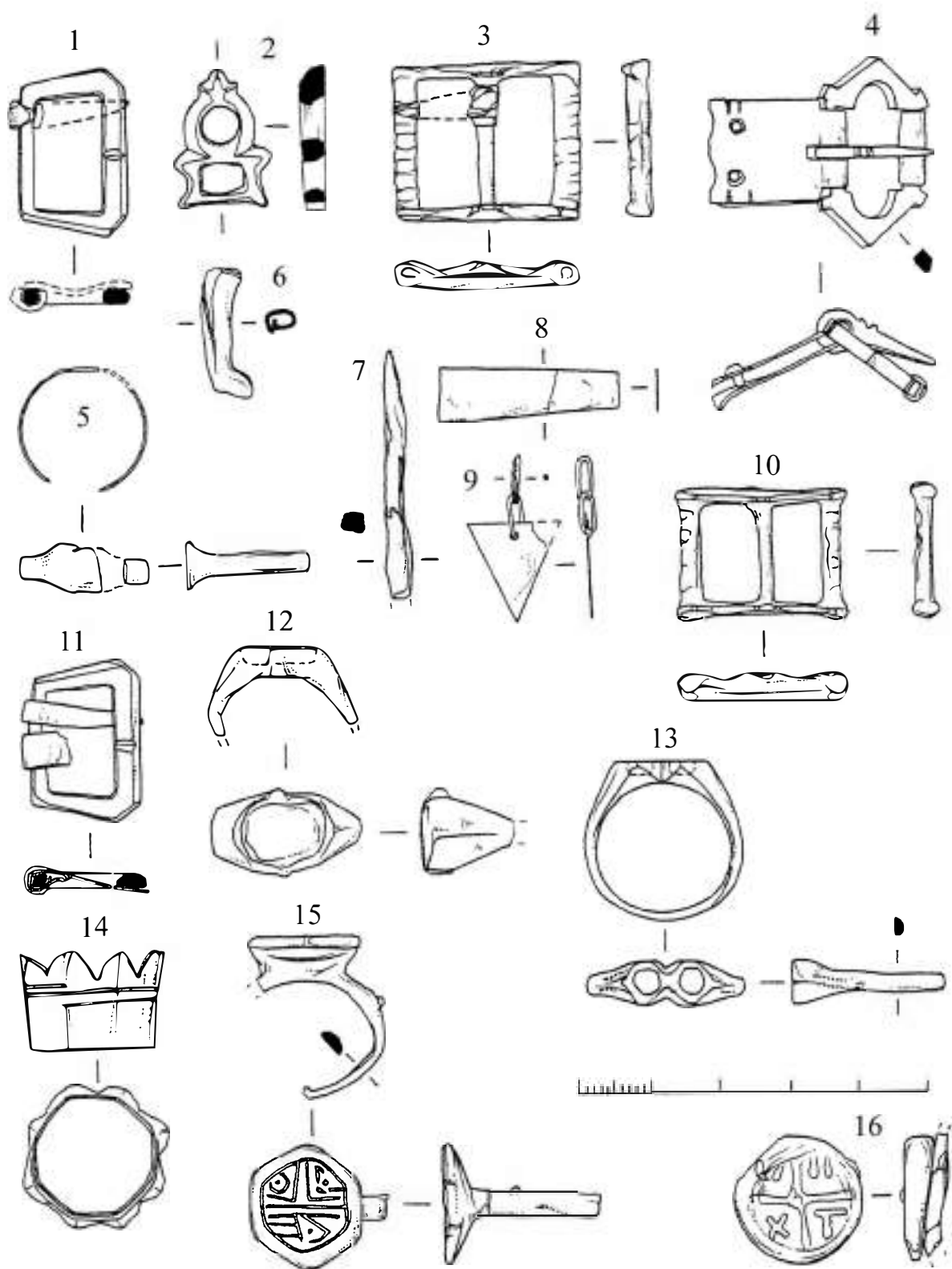

Рис. 478. Изделия из цветных металлов и налуп стеклянного сосуда из слоя со следами пожара в насыпи валганга

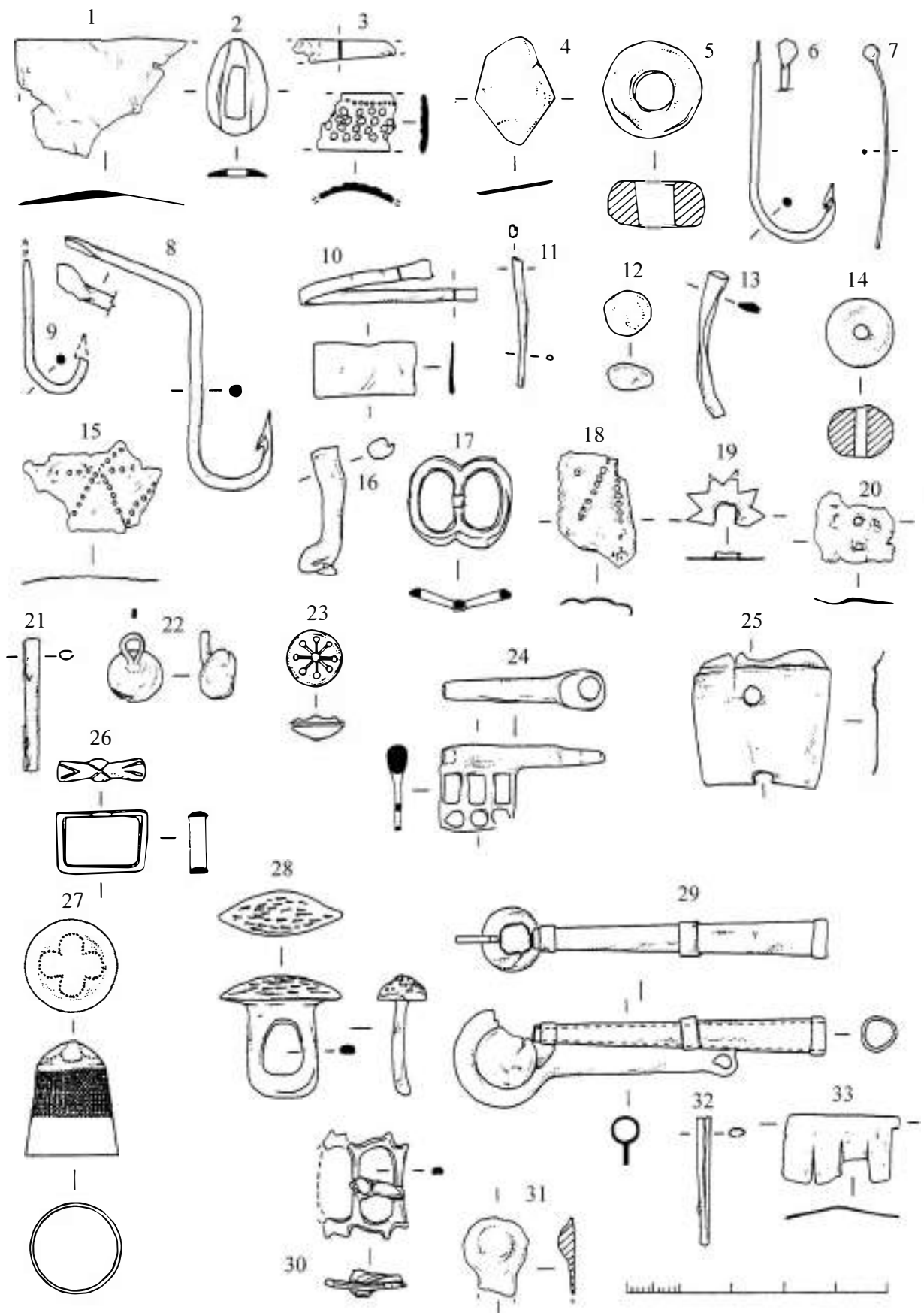

Рис. 479. Изделия из цветных металлов из слоя со следами пожара в насыпи валганга

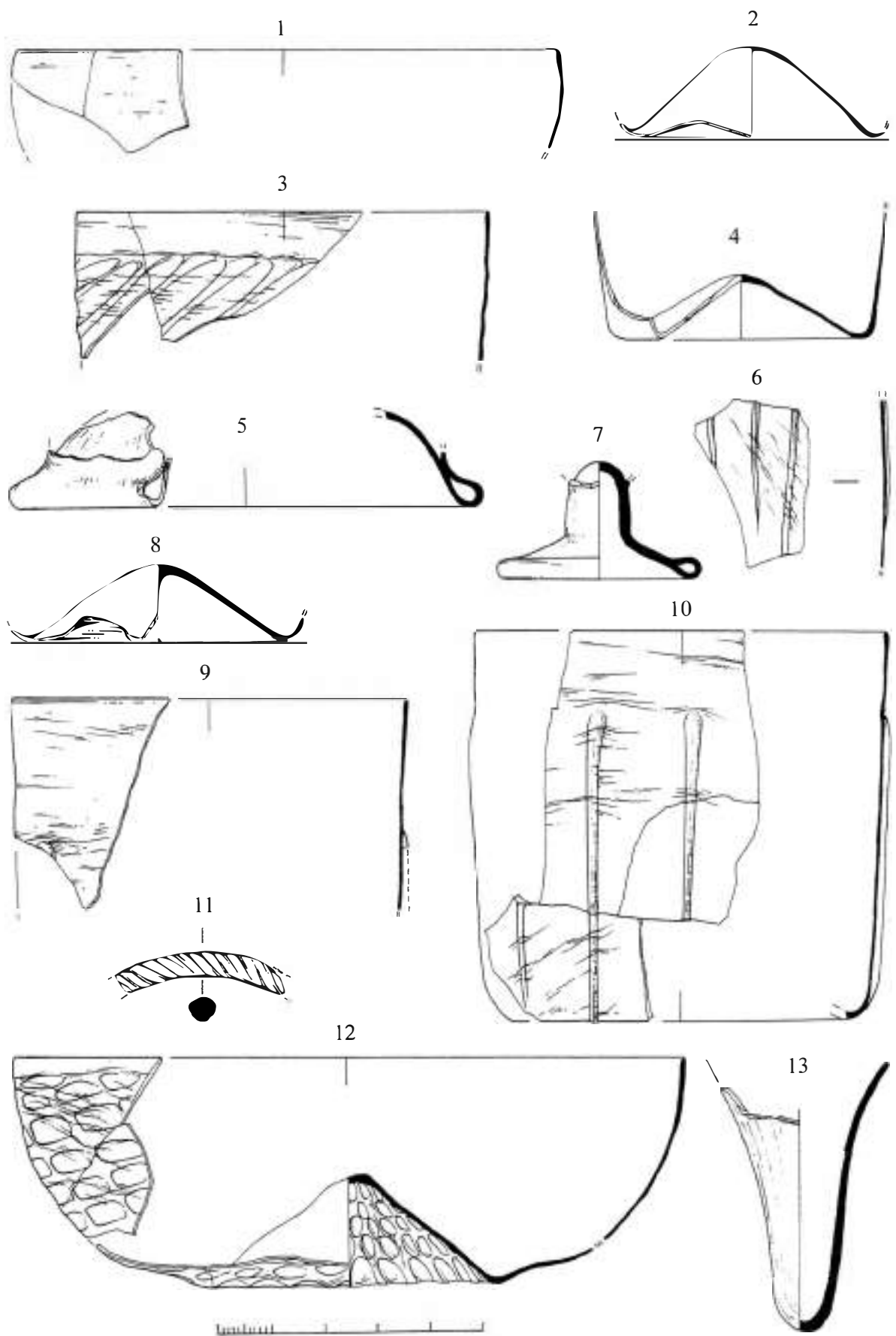

Рис. 480. Фрагменты стеклянных сосудов и браслета из слоя со следами пожара в насыпи валганга

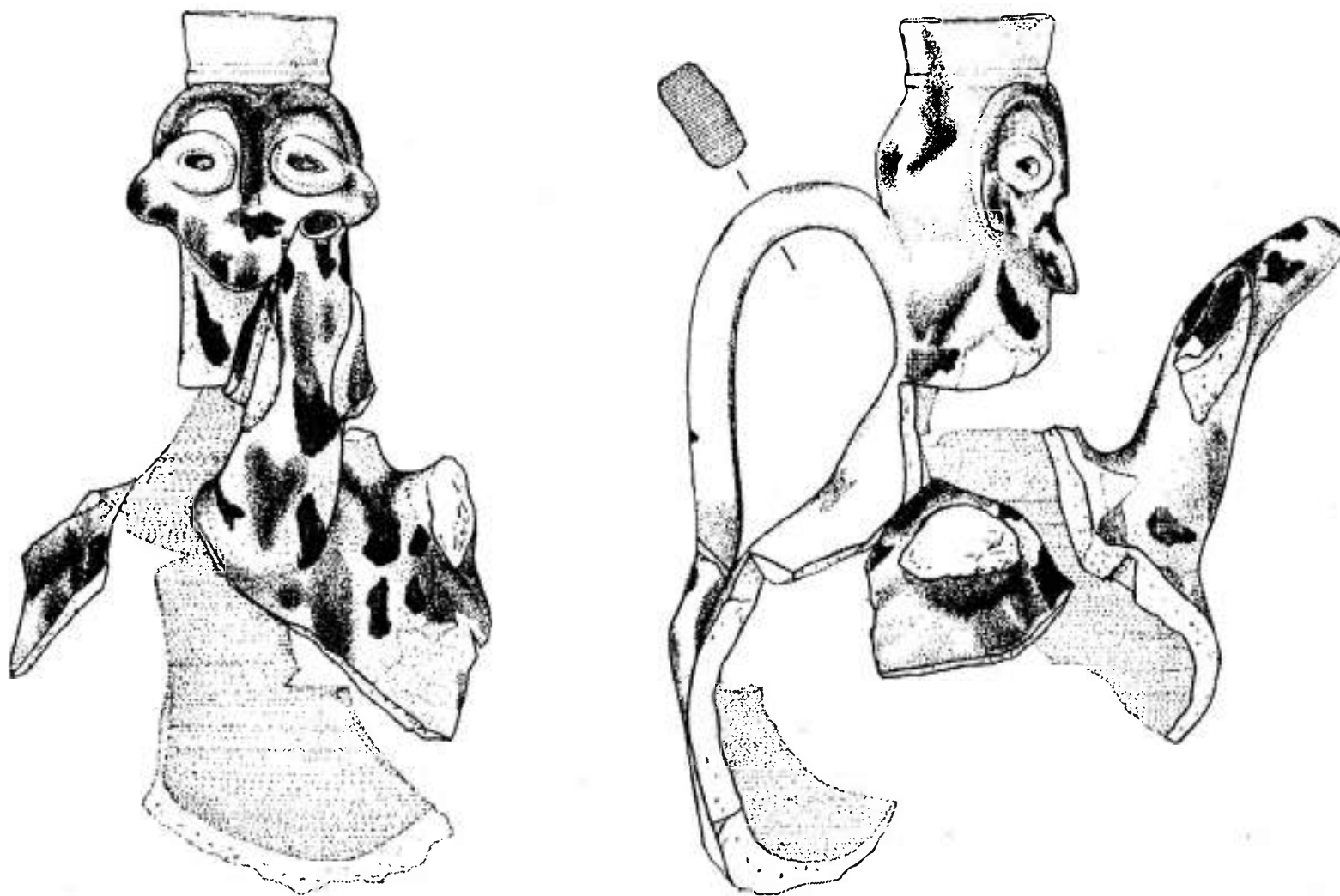

Рис. 481. Красноглиняный поливной антропоморфный сосуд из - слоя со следами пожара в насыпи валганга

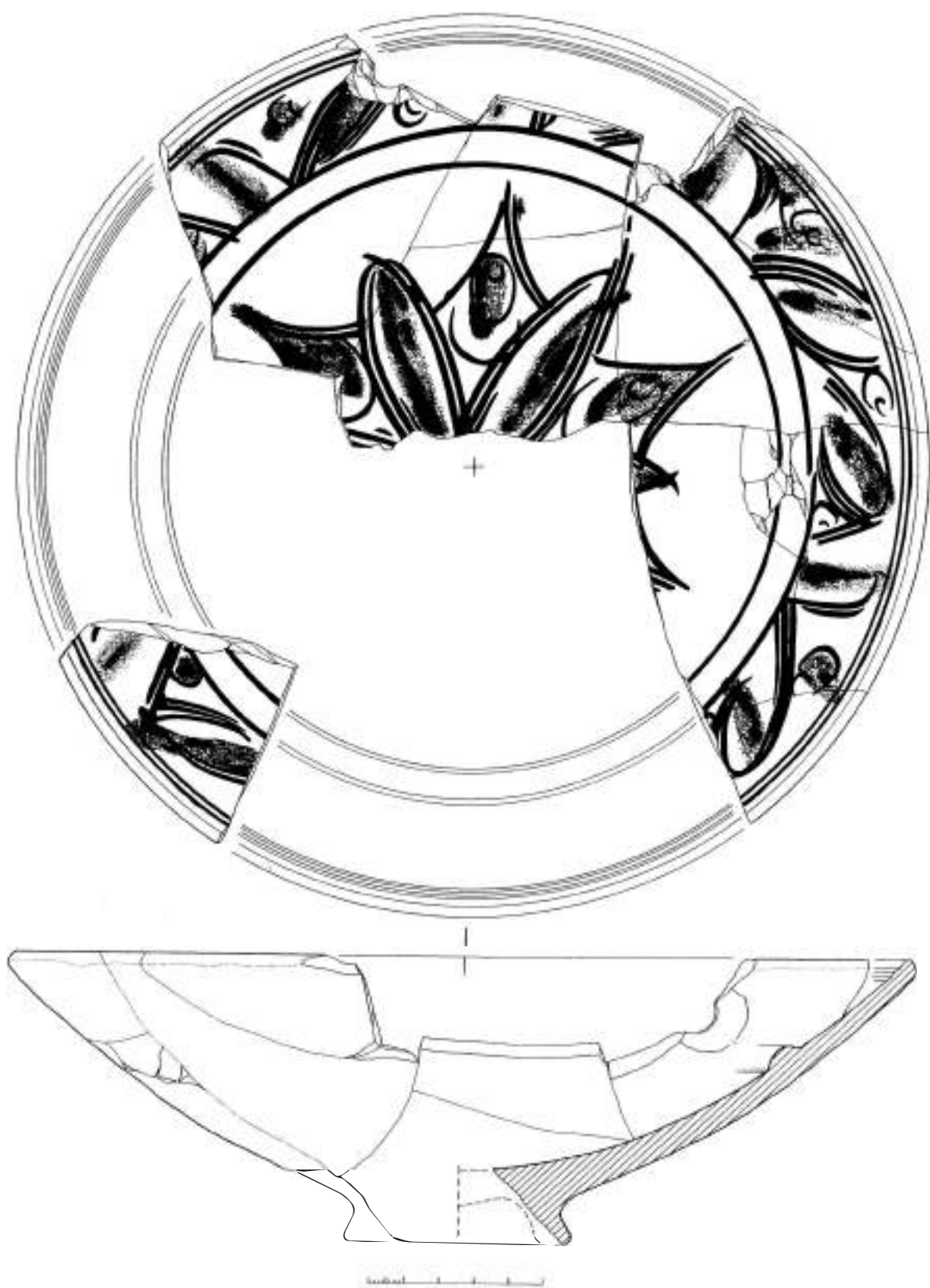

Рис. 482. Фрагменты красноглиняного поливного блюда третьей четверти XV в. из слоя засыпи валганга

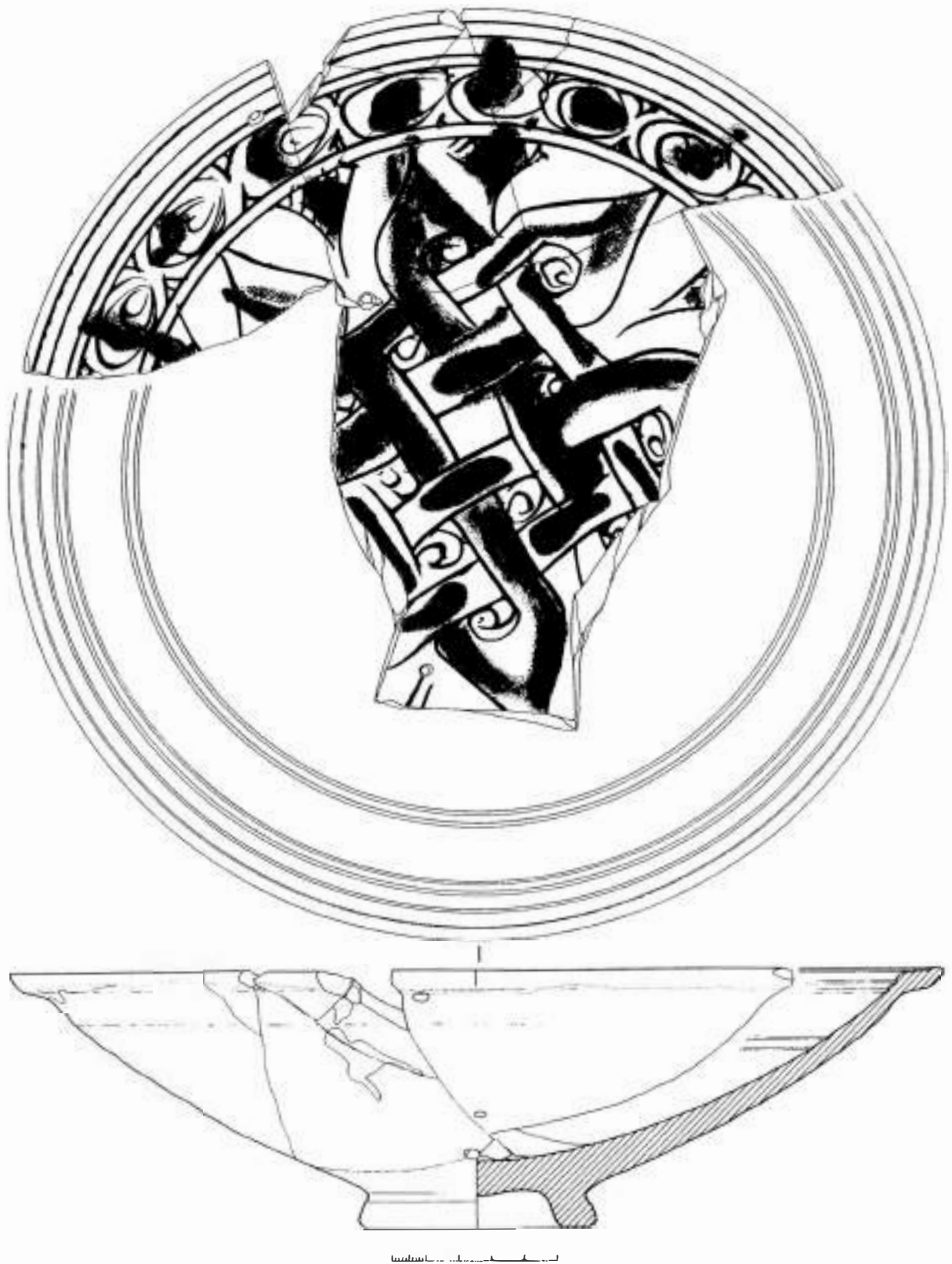

Рис. 483. Красноглиняное поливное блюдо третьей четверти XV в. из слоя засыпи валганга

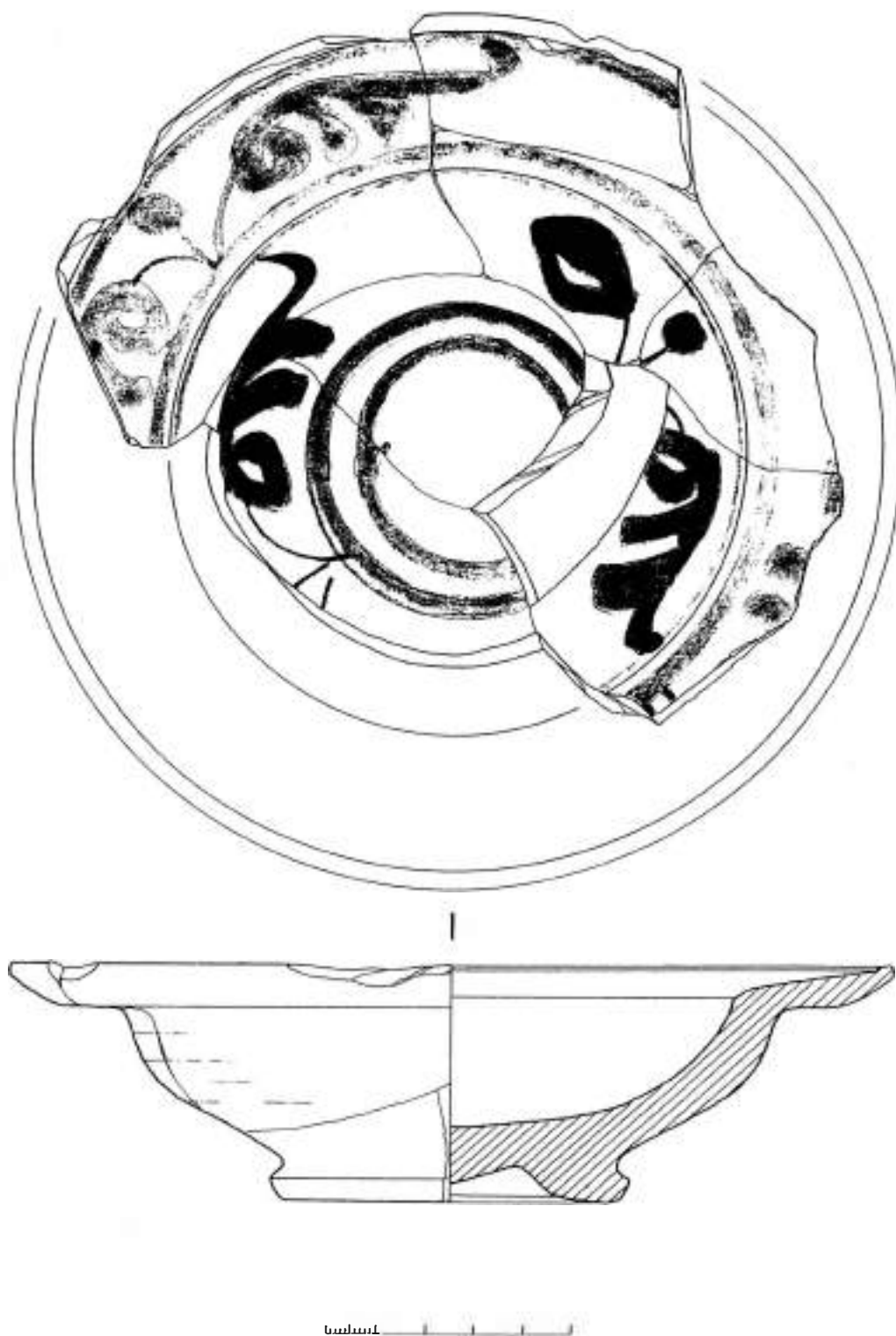

Рис. 484. Светлоглиняная поливная чаша второй половины XV в. из слоя со следами пожара в насыпи валганга

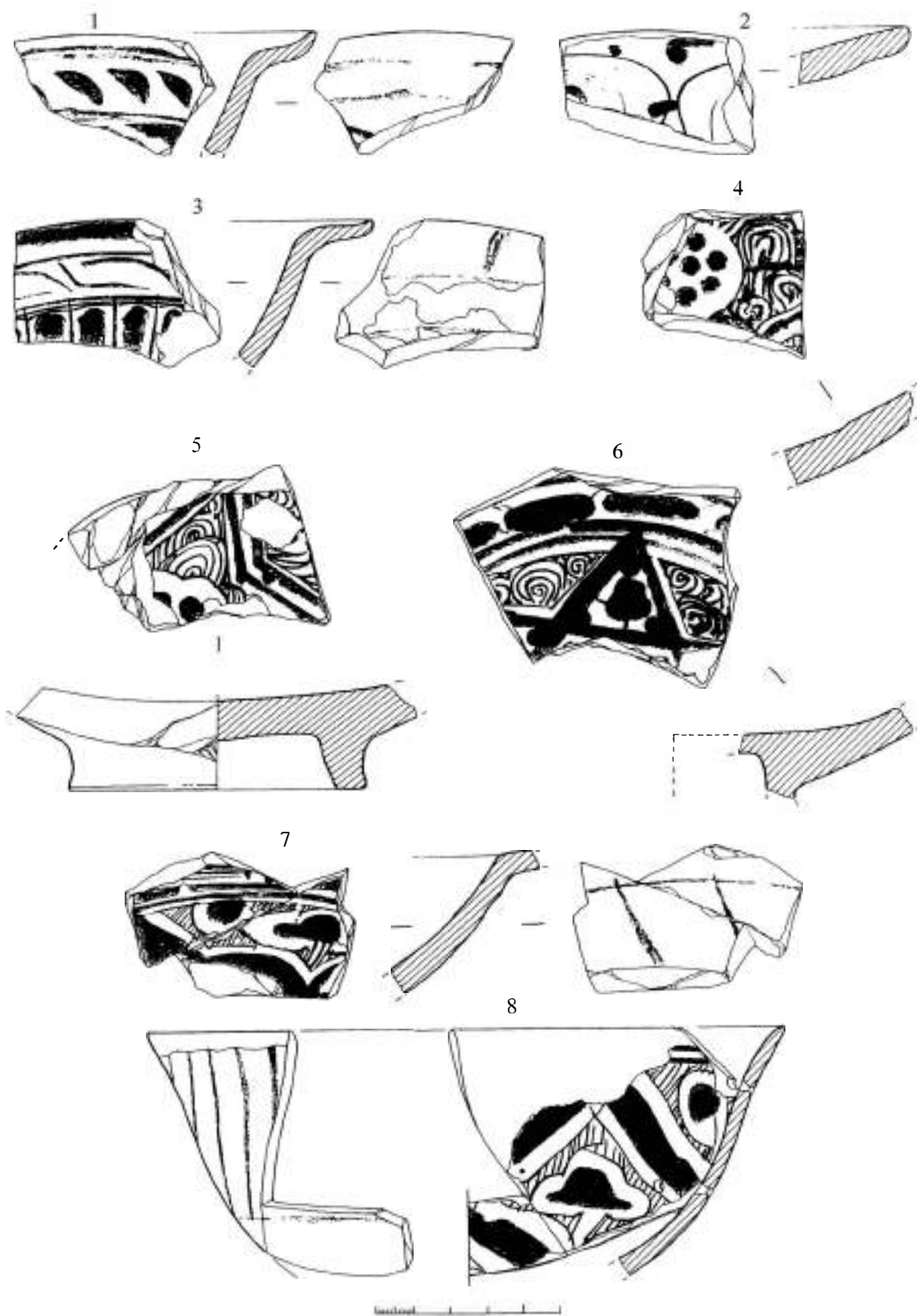

Рис. 485. Фрагменты красноглиняных поливных сосудов XV в. с росписью кобальтом из слоя со следами пожара в насыпи валганга

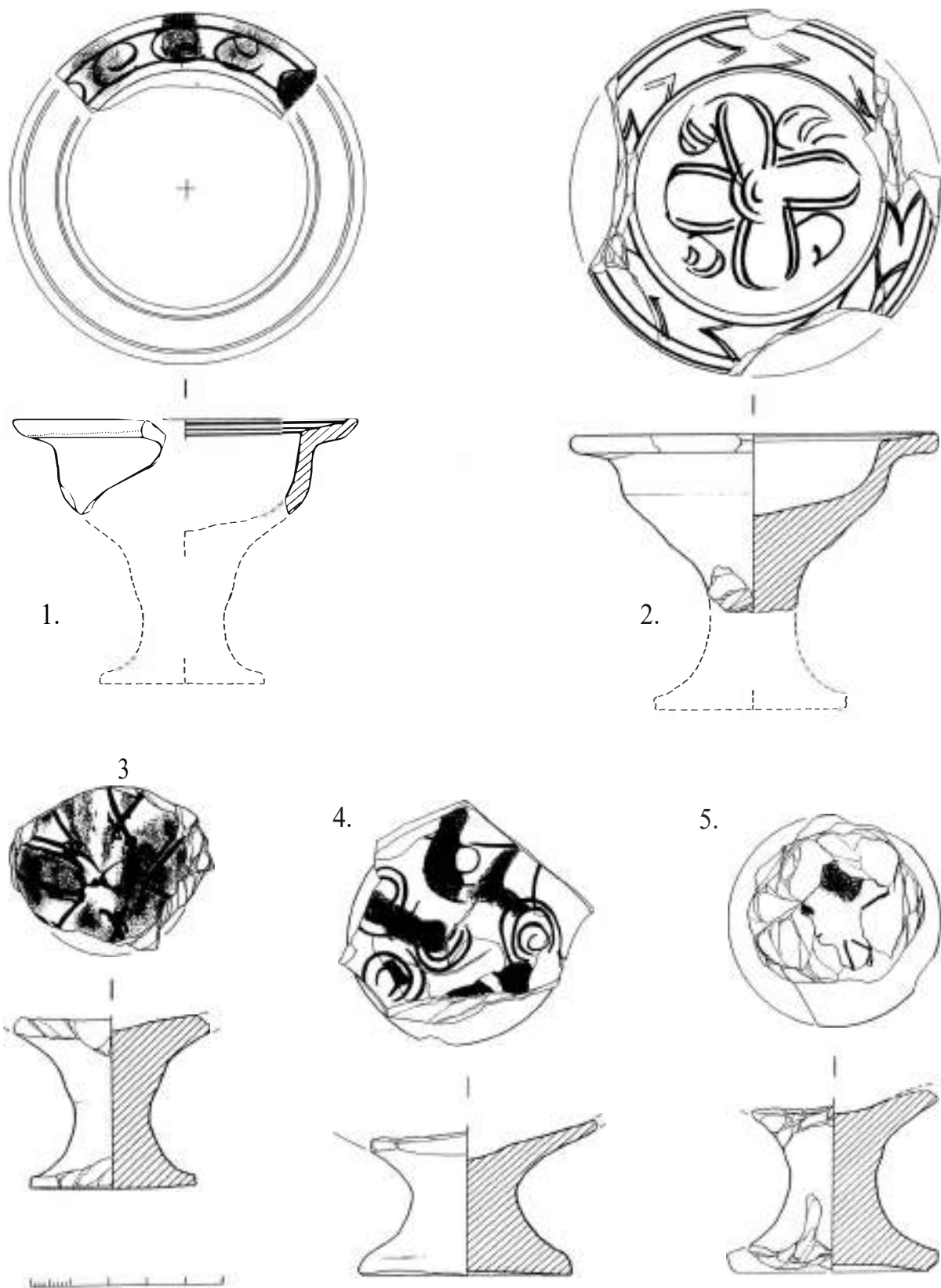

Рис. 486. Фрагменты красноглиняных поливных декоративных изделий XV в. из насыпи валганга со следами пожара

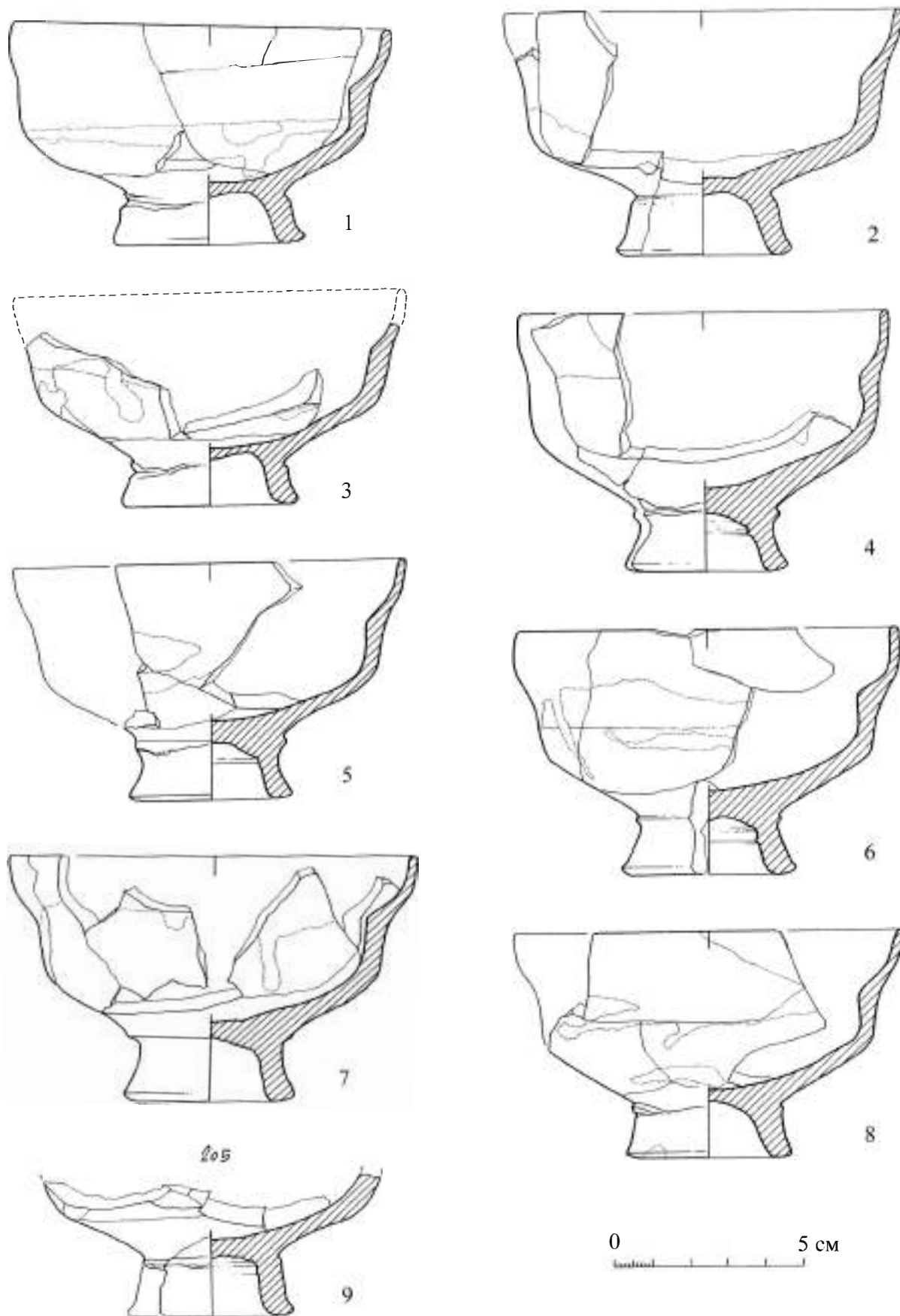

Рис. 487. Фрагменты красноглиняных поливных чаш XV в. из насыпи валганга со следами пожара

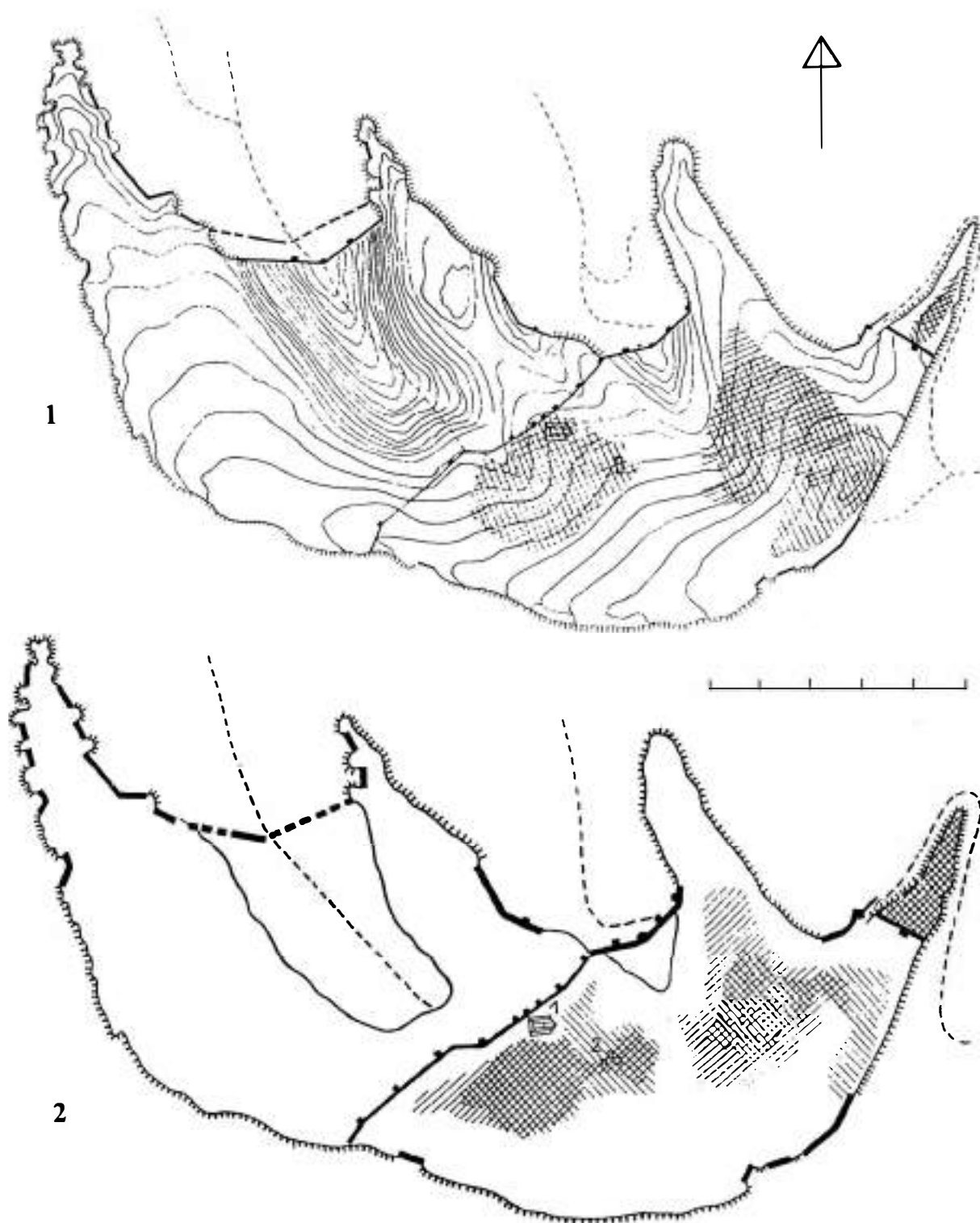

Рис. 488. Мангуп: 1 - общий план-схема крепостного ансамбля (по А.Г. Герцену, 1990, рис. 2); 2 - оборонительная система города Феодора в XIV -XV вв. (по А.Г. Герцену, 1990, рис. 30)

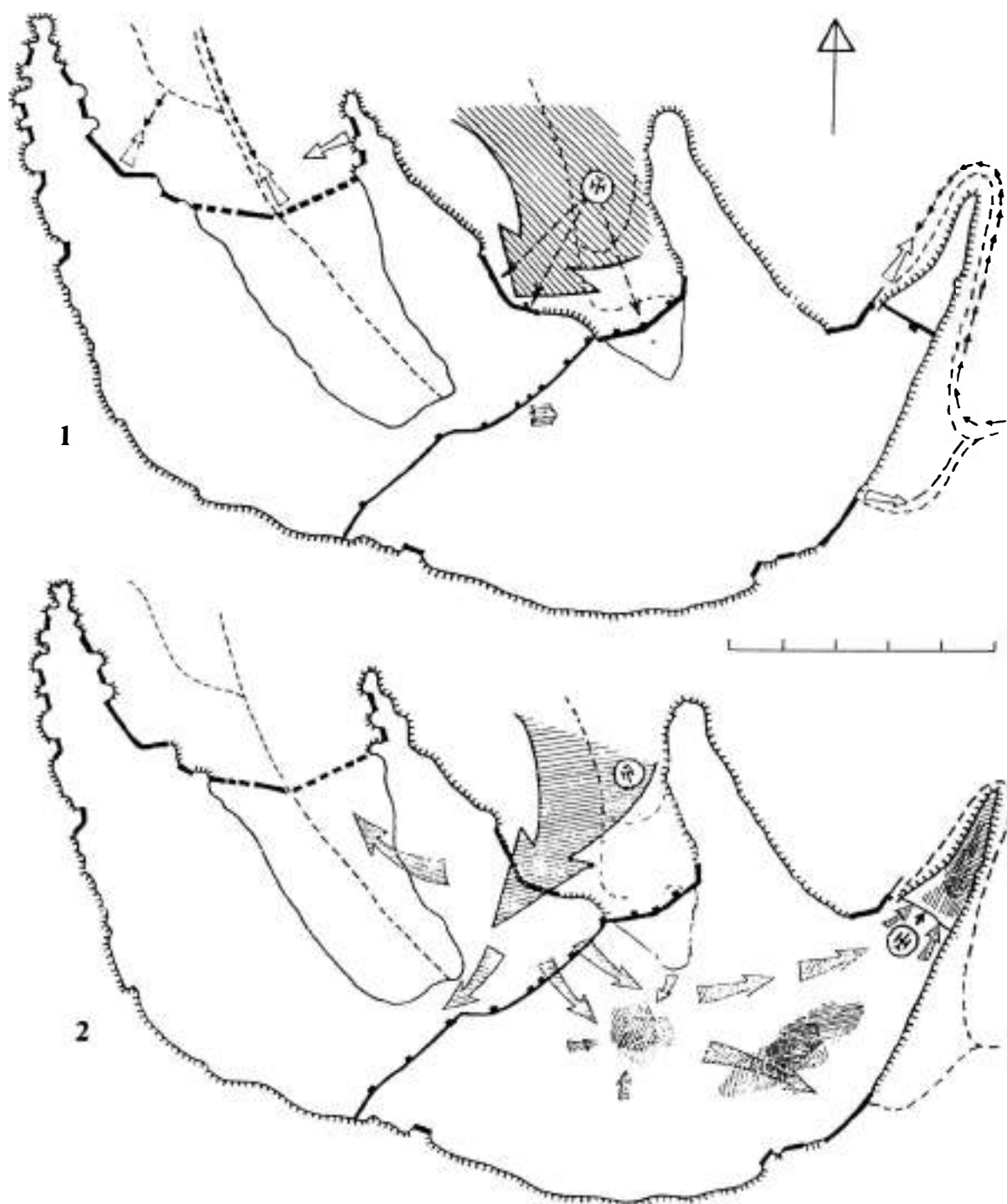

Рис. 489. План-схема осады Мангупа османами в 1475 г.: 1 - начало турецкой осады (по А.Г. Герцену, 1990, рис. 37); 2 - финал осады и захват турками Феодоро (по А.Г. Герцену, 1990, рис. 40)

Рис. 490. Погребальная пелена мангупской княжны Марии Асанины Палеологины из монастыря в Путне (фото Виктора Борташа по Gorovei, Szekely, 2004, fig. 2)

Рис. 491. Медальон в левом нижнем углу с монограммой Палеологов погребальной пелены мангупской княжны Марии (фото Виктора Борташа по Gorovei, Szekely, 2004, fig. 3)

Рис. 492. Медальон в правом верхнем углу с монограммой Марии Асанины на погребальной пелене из монастыря в Путне (фото Виктора Борташа по Gorovei, Szekely, 2004, fig. 4)

Рис. 493. Деталь верхней части погребальной пелены мангупской княжны Марии (фото Виктора Борташа по Gorovei, Szekely, 2004, fig. 18

Рис. 494. Медальон с изображением двуглавого орла на погребальной пелене мангупской княжны Марии (фото Виктора Борташа по Gorovei, Szekely, 2004, fig. 2)

1.

2.

3.

4.

Рис. 495. Кырк-Йер: "Дюрбе Джанике-Ханым": 1 - северная стена портала с нишей и лестницей (вид с юго-запада); 2 - дюрбе среди руин города; 3 - "сельджукский" орнамент западной стены портала (вид с запада); 4 - вход в дюрбе (вид с запада). Фото автора

1.

2.

3.

4.

Рис. 496. Дюрбе Джанике-Ханым: 1 - южная стена портала (вид с запада); 2 - вход в верхний ярус дюрбе; 3 - ниша в южной стене портала; 4 - элемент декорации места стыка стен дюрбе. Фото автора

1.

2.

Рис. 497. Салачик (предместье Бахчисарая). Дюрбе Хаджи Гирея (1501 г.): 1 - вид с юга; 2 - вид с запада. Фото автора

1.

2.

3.

4.

Рис. 498. Портал дюрбе Хаджи Гирея (1501 г.): 1 - перекрытие внутреннего пространства портала; 2 - вход в дюрбе; 3 - восточная стена портала; 4 - западная стена портала. Фото автора